

Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения»

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

**VI-я международная социологическая
Грушинская конференция**

**«Жизнь исследования
после исследования:
как сделать результаты
понятными и полезными»**

16—17 марта 2016 г.

Материалы конференции

Москва
2016

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

М34

М34 Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. — М.: АО «ВЦИОМ», 2016. — 1710 с.

ISBN 978-5-9905-9707-5

В сборнике представлены материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными»

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

ISBN 978-5-9905-9707-5

© РАНХиГС, 2016

© ВЦИОМ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

01. Свободный микрофон. Как реально потребляются, усваиваются и используются наши исследования. Исполнители о заказчиках, заказчики об исполнителях

Социология: наука или сфера обслуживания? <i>О. Б. Божков</i>	38
Социологический мониторинг кадровой коррупции в системе государственного и муниципального управления <i>К. О. Магомедов</i>	40
Социологические опросы как инструмент развития института профсоюзов (на примере деятельности общероссийского профсоюза работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства россии и международного объединения профсоюзных организаций ПАО «Лукойл») <i>Е. И. Пахомова</i>	44
Заказчики и исследователи: попытка оценок и интерпретации <i>С. Н. Першуткин</i>	47
Как социологические исследования байконур спасли <i>Т. В. Черняк</i>	51
Чего хочет «Юность»? <i>Т. Б. Щеглова</i>	54
02. Shaken not stirred — комбинируем методы для повышения точности. Битва телефонников с квартирниками	
Анализ невербальных реакций респондентов в прикладных социологических исследованиях: технологизация процесса <i>Т. И. Ларина</i>	57
Параданные как инструмент повышения результативности телефонных опросов (Республика Беларусь) <i>В. М. Литвинович, И. В. Пинчук, Д. В. Савотеев</i>	61
Комбинирование опросных технологий в лонгитюдном исследовании как условие достижимости респондентов: методический опыт ФОМа <i>М. В. Озерова</i>	66

Комбинирование методов сбора данных: фокус на онлайн <i>М. В. Пикулева</i>	73
Комбинация методов: как изучить ядро социальных представлений, не упустив периферию <i>А. Г. Тертышникова</i>	79
03. Социология и власть. СЕССИЯ 1.	
Социология и власть — движение к продуктивному партнерству	
Управление процессами формирования культуры поведения в рос- сийском обществе (на примере информационных кампаний по фор- мированию культуры поведения на дорогах) <i>Н. В. Агре</i>	83
Как продолжить то, что начинал Б. А. Грушин? <i>Т. З. Адамьянц</i>	91
Социологические опросы и IT-технологии в практике региональной власти <i>Н. М. Байков</i>	95
Социальное восприятие и самочувствие: влияние уровня жизни (на материалах Вологодской области) <i>Г. В. Белехова</i>	99
Пилотный мониторинг профессионального самочувствия граж- данских служащих Сибирского Федерального округа: от замысла к реализации <i>Е. А. Бойко, В. Н. Меньшова</i>	103
Применение прикладных социологических исследований правосо- знания в законодательном процессе <i>В. В. Бурдюг</i>	110
взаимодействие власти и общества — партнерство или иерархиче- ская подчиненность? <i>Л. А. Василенко</i>	112
Социальные качества личности офицера современных Вооруженных сил: исследования военных социологов <i>В. И. Веремчук</i>	116
Удовлетворенность населения состоянием чистоты и благоустрой- ства в муниципальных образованиях <i>М. Н. Гадлевская</i>	120

Роль социологии в присоединении Крыма к Российской Федерации <i>Д. А. Гугуева</i>	124
Мониторинг общественного мнения как инструмент оценки эффективности государственного управления <i>И. Н. Дементьева</i>	127
Как сделать полезными результаты исследований? Начать использовать упущенные социологами возможности <i>А. М. Долгоруков</i>	131
Маркетинговые технологии продвижения имиджа региона (на примере Волгоградской области) <i>Ю. А. Дроздова</i>	135
Разглядывая спираль молчания <i>М. Н. Дымшиц, Л. Д. Лифиц</i>	139
Бифуркационный метод исследования динамики имиджа политического деятеля на основе опросов общественного мнения <i>В. А. Жебит</i>	141
Применение результатов социологических мониторингов в системах анализа социально-политической обстановки <i>О. А. Жирков</i>	145
Понятие и роль коммуникативных стратегий в формировании имиджа власти и повышении ее открытости и публичности <i>В. Г. Завалин</i>	152
Методология системного подхода при анализе результатов социологического исследования <i>А. А. Зенько, Т. С. Сорокина-Зенько</i>	156
Оценка качества предоставления государственных и муниципальных услуг глазами чиновников и специалистов многофункциональных центров (по материалам Санкт-Петербурга) <i>М. А. Кашина</i>	159
Компетентностная модель инженера в оценках региональных работодателей <i>Е. В. Кеммет</i>	164
Управление персоналом государственной службы: гендерный аспект <i>Н. Н. Коростылева</i>	168
Роль социальных сетей в формировании и исследовании политических взглядов: методология анализа <i>Е. С. Котырло</i>	173

Научная информация в коридорах российской власти: судьба неза- видная, перспективы неясные <i>В. Я. Красниковский</i>	179
Демократия, президент, политические партии: политические пред- ставления российских студентов <i>А. А. Левашкина</i>	183
Государство как регулятор отношений между работодателем и трудо- вым мигрантом <i>П. П. Лисицын</i>	186
Гетерархия: экспликация понятия, методологические основания в оценке государственной публичной политики РФ <i>В. А. Осипов</i>	190
Особенности публичного обсуждения проекта строительства целлю- лозно-бумажного комбината в Череповце <i>К. А. Платонов, В. Г. Овсянников</i>	194
Динамика вертикального доверия в региональном социуме: тенден- ции и противоречия <i>М. Н. Реутова</i>	198
Концепция демографической политики дальнего востока до 2030 г.: социология, прогнозы и управленческие решения <i>С. И. Рыбальченко</i>	203
Социологический анализ удовлетворенности населения ин- тернет-коммуникациями органа государственного управления с гражданами <i>И. А. Савченко</i>	208
Информационная открытость органов власти как одна из состав- ляющих современного механизма партнерства власти и социологии в процессе реализации государственной молодежной политики в России <i>Н. А. Самохвалов</i>	214
Мониторинг общественного мнения при определении эффектив- ности деятельности органов местного самоуправления на примере Сургута, ХМАО — Югры <i>Д. В. Сердюков, О. С. Афанасьева, Р. Р. Валиева</i>	218
Интернет как пространство взаимодействия власти и общества <i>Е. Г. Смолина</i>	223

Разработка и принятие государственных управленческих решений с учетом социального фактора <i>Н. Н. Соколов</i>	226
Факторы легитимации российской политики в республике Крым <i>О. В. Сюмо</i>	230
Социальная политика и качество жизни в современной России <i>Е. П. Тавокин</i>	234
Институт лоббизма в России как субъект гражданского общества. Состояние и перспективы: результаты исследования <i>И. В. Толмачева</i>	239
Механизмы обеспечения устойчивого развития муниципальных образований в условиях кризиса <i>А. В. Федорова</i>	242
Взаимообмен информацией между обществом и полицией и пути его оптимизации <i>О. В. Филимонов</i>	249
Формирование антикоррупционной компетентности государственных служащих как фактор противодействия коррупции <i>Т. В. Черняк</i>	254
04. Социология и власть. СЕССИЯ 2.	
Социологическое сопровождение стратегического государственного планирования. Стратегия 2030	
Концепция управления будущим и возможность ее применения в государственном управлении: взгляд социолога <i>Д. К. Абакаров</i>	259
Модель диагностики скрытой повестки дня <i>Н. С. Бабич</i>	263
Социологическое сопровождение разработки стратегии-2030 в части совершенствования государственной службы <i>Г. А. Борщевский</i>	267
Исследование проблем реализации стратегий экономической и инновационной активности населения <i>Е. Н. Васильева</i>	272
Стратегическое государственное управление в сфере занятости <i>Е. А. Иглицкая</i>	276

Стратегическое планирование развития арктической зоны РФ: к вопросу о прогностическом потенциале социологического сопровождения <i>Э. С. Клюкина</i>	279
Социально-экономические последствия сельско-городских мигра- ций в алтайском крае <i>Т. К. Констанц</i>	283
Информационная доступность развития рыночной конкуренции в оценках горожан <i>Т. Н. Кошелева</i>	287
Социологическое сопровождение реформ системы государственной службы <i>А. Л. Кузванова</i>	289
Информационно-аналитическое обеспечение реализации государ- ственной миграционной и демографической политики российской федерации <i>В. Ю. Леденева</i>	293
Социологическое сопровождение совершенствования управленче- ской деятельности социальной защиты населения в регионах ЦФО <i>В. Н. Орлова</i>	296
Социологический мониторинг кадровой коррупции в системе госу- дарственного и муниципального управления <i>Б. Т. Пономаренко</i>	300
Проблемные аспекты социологических исследований управ- ления кадровыми процессами и отношениями в медицинских организациях <i>И. А. Ревская</i>	305
Проблемы теоретического обоснования пенсионной реформы <i>А. К. Соловьев</i>	309
О компенсаторном подходе к государственным социальным гаранти- ям на военной и правоохранительной службе <i>А. А. Сысоев</i>	311
Социально-экономическое развитие регионов России в контексте инверсионной концепции <i>М. С. Халиков</i>	318

05. Эффективная упаковка и продвижение исследовательского продукта. Работа исследователей со смежниками. PR-щики, дизайнеры, политтехнологи, бизнес-консультанты

Разработка онлайн-платформы презентации результатов социологического исследования: на примере проекта «Russian computer scientists at home and abroad»

А. И. Габдуллин..... **323**

Визуальные коммуникации между исследователем и заказчиком исследования

А. Э. Гегер..... **326**

Визуализация исследования: не упрощение, а дополнение. Опыт взаимодействия социологов и дизайнеров

Л. В. Жвирблис, М. С. Черных, Д. В. Пономарев..... **328**

Проблематика эффективности консалтинговых услуг в России: региональный аспект

А. А. Кошелев..... **329**

«Публикационная вакханалия»: о структуре журналов, входящих в перечень ВАК

Д. В. Мальцева, С. Г. Ушкин..... **333**

Инструментарий конструирования брендов: партнерство исследователей с маркетологами, PR-щиками, гуру музыки, искусства, культуры и моды

М. В. Овчинникова, М. С. Дрозд..... **339**

Возможности использования картирования для визуализации результатов кластерного анализа в социологических исследованиях

Ш. Ф. Фарахутдинов..... **341**

06. Общественное сознание как инструмент преодоления кризиса

Кризис и национальное самосознание россиян

В. А. Аникин..... **345**

Нравственные ценности как основа общественного сознания в современной России

С. А. Барсукова..... **352**

Общественное сознание как инструмент преодоления кризиса

Д. Ф. Дараган..... **356**

Социальное самочувствие россиян в условиях антироссийских экономических санкций <i>О. М. Дудина, Н. И. Киселева</i>	359
Приоритеты человека в индивидуализируемом обществе: анализ жизненных гайдов <i>О. В. Захарова, А. А. Маракасова</i>	364
Приоритетные жизненные установки современной российской молодежи <i>А. А. Захарченко</i>	367
Управление общественным мнением для целей преодоления кризиса <i>А. Н. Зубец, А. С. Сазанаква</i>	371
Медиация в социальной сфере: от исследования к внедрению в учебный процесс <i>И. А. Исакова, А. В. Мигунова, И. Э. Петрова</i>	376
Социальное самочувствие населения как определяющий фактор легитимации политической власти (на примере исследования социального самочувствия жителей московской области с декабря 2012 по апрель 2015 гг.) <i>Е. М. Какоткина</i>	381
Мониторинг некоторых аспектов социального настроения населения (по материалам регионального исследования)* <i>М. А. Ласточкина</i>	385
Общественное сознание и эффекты кризиса <i>В. К. Левашов</i>	390
Восприятие населением республики Мордовия социально-экономического кризиса <i>И. И. Липайкина</i>	394
Ролевое поведение в миграционной среде: ожидания системы и требования времени <i>В. И. Михалюк</i>	398
Индикаторы социального самочувствия в социологических исследованиях <i>Н. А. Овчар</i>	400
Психологическая структура катастрофического сознания <i>М. А. Одинцова</i>	403

Демократические ценности как объект социологического исследования	11
<i>В. А. Пилягина</i>	408
Историческая память и гражданская идентичность как факторы консолидации населения в кризисных условиях: опыт Севастополя (по материалам качественного исследования)	
<i>К. В. Подъячев</i>	413
Протестный потенциал населения российского мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга)	
<i>О. В. Попова</i>	417
Периодизация кризиса по материалам исследования динамики поисковых запросов Yandex	
<i>А. С. Садчикова</i>	420
Внедрение результатов исследования в учебном процессе: опыт ННГУ им. Н. И. Лобачевского	
<i>З. Х. Саралиева, И. Э. Петрова</i>	427
Жизнь и выживание в условиях кризисов: социальные риски, жизненные модели	
<i>Г. Г. Силласте</i>	431
Оценка бедными ущерба, принесенного кризисом 2014—2015 гг.: каковы общественные настроения и насколько велик запас терпения?	
<i>Е. Д. Слободенюк</i>	436
Социальное настроение как фактор восприятия социально-экономической ситуации в условиях кризиса	
<i>Е. В. Тихонова</i>	440
Формирование общественного мнения о политических лидерах	
<i>Н. А. Хвыля-Олинтер</i>	443
Роль ценности образования в общественном сознании сегодня	
<i>Д. В. Шлыкова</i>	448
Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности врачебной профессии (на примере пилотного исследования феномена жертвенности врачей в первом МГМУ имени И. М. Сеченова)	
<i>Р. В. Шурупова</i>	452

07. Социологический мониторинг

Формирование общероссийской гражданской идентичности на северо-кавказе: региональный аспект <i>Ж. Н. Тория (Агрба)</i>	457
Этнические риски поликультурных социумов: российский опыт <i>А. В. Бедрик</i>	464
Опыт и проблемы применения данных социологических опросов в процессе мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в республике Мордовия <i>О. А. Богатова</i>	467
К вопросам методологии мониторинга межнациональных отношений <i>Л. М. Дробижева</i>	471
Социальные сети как интернет-площадка применения технологии управления этническими конфликтами (на примере социологического мониторинга этнолингвистического конфликта в республике Татарстан) <i>М. А. Жаркова, И. А. Метелькова</i>	474
Казахстанская модель межрелигиозного согласия как форма политической культуры <i>М. Е. Кайнар</i>	478
Социологический мониторинг состояния межнациональных отношений длиной в 23 года: опыт украинской социологии <i>А. А. Кислая</i>	485
Социологические индикаторы мониторинга межэтнических отношений <i>Н. Р. Маликова</i>	488
Индекс этноконфессиональной напряженности как эмпирический показатель состояния этноконфессиональных отношений <i>Г. В. Маткаримова</i>	492
Проведение социальных исследований в условиях, когда препятствия исходят от государства, природы и исследуемого населения <i>А. Мирзоянц-Мак-Найт</i>	496
Минимизация рисков при работе по правилам. Поведение исследователя в опасной среде <i>Р. С. Могилевский</i>	500

Подходы к измерению интеграции мигрантов в ОЭСР и ЕС <i>В. И. Мукомель</i>	506
Результаты кросс-регионального исследования образов этнического «другого» в контексте изучения гражданской и этнической идентичности жителей России <i>Д. А. Омельченко</i>	511
«Я не желаю говорить об этом с не-евреем»: биографический нарратив в труднодоступных религиозных группах <i>Е. А. Островская</i>	515
Украинско-российские отношения после Евромайдана: социологический аспект <i>Л. И. Ромашенко</i>	518
Социологический анализ партийно-политического дискурса в контексте государственной национальной политики <i>Г. В. Рябцовский, Т. С. Болховитина</i>	522
Основные принципы и критерии организации социологического мониторинга качества образования <i>А. И. Стеценко</i>	532
Биографический поворот в миграционных исследованиях: новые возможности и ограничения <i>П. Е. Сушко</i>	536
Этническая идентичность русских и представителей иных этносов алтайского края <i>Д. К. Щеглова</i>	540
08. Формы взаимодействия социологии и медиа от Грушина до конвергентных исследований	
Интернет-СМИ в фокусе социологического анализа: метод структурной интерпретации <i>Е. Г. Васильева</i>	543
Политико-психологический подход к исследованию новых медиа (на примере процесса формирования повестки дня в современных СМИ) <i>В. А. Губченко</i>	547
Смещение акцентов освещения социальных проблем в СМИ как коммуникативный барьер <i>И. Н. Дрючина</i>	551

Социологические методы изучения современных практик медиапотребления <i>В. Н. Ильмухин</i>	556
О чем мы думаем? Влияние СМИ на внимание россиян к событиям 2015 г. <i>А. Д. Казун</i>	560
Результаты «конвергентных исследований» в проекте «индекс цифро- вой грамотности» <i>О. С. Логунова</i>	566
Исследовательское агентство на службе медиарынка: практики взаимодействия <i>М. В. Пикулева</i>	568
Конвергенция академических медиаисследований <i>И. Н. Чудновская</i>	574
09. Справедливость: как она понимается и как реализуется в современной России	
Сравнительные исследования социальной справедливости в России и Европе <i>А. В. Андрееenkova</i>	577
Участие женщин и мужчин в домашнем труде: несправедливая справедливость? <i>Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева</i>	583
Роль понимания «справедливости» в мобилизации права в уголов- ных процессах: на примере частного обвинения <i>А. Д. Бекреев</i>	588
«Не быть обманутым»: справедливость рыночной цены в контексте ее восприятия российскими потребителями (по данным пилотного исследования по г. Москве) <i>Е. С. Бердышева</i>	593
Представления россиян о социальной справедливости и оценки ка- чества жизни: желаемое и действительное <i>Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая, Е. В. Богомолова</i>	597
Представления российской молодежи о социальной несправедливости <i>Л. В. Волкова</i>	602

Социальная справедливость в зеркале общественного мнения <i>И. А. Грошева, И. Л. Грошев</i>	606
Уровень неравенства как показатель справедливости в обществе <i>Н. Г. Деханова</i>	610
Современные римско-католическая и русская православная церкви о справедливости: компаративный анализ ценностных ориентаций <i>Д. В. Журавлев</i>	613
Восприятие справедливости судов и правоохранительных органов в современной России <i>А. Н. Зубец, А. С. Сазанакова</i>	617
Особенности восприятия справедливости и коррупции в постсоветском обществе <i>Е. В. Карчагин, А. В. Одинцов</i>	621
Презумпция несправедливости российского общества: социокультурные предпосылки и следствия <i>Г. Л. Кертман</i>	625
Представления молодежи о межнациональных отношениях в современном обществе <i>Г. Б. Кошарная, Г. П. Редя</i>	629
Социальная защищенность и справедливость в представлениях населения республики Мордовия <i>М. И. Липайкина</i>	633
Утопия социальной справедливости — российский вариант <i>С. А. Магарил</i>	637
Последствия миграции населения Сибири и дальнего востока, неотредационализм и социальная справедливость <i>Г. В. Манзанова</i>	641
Справедливость и неравенства в общественном сознании <i>С. В. Мареева</i>	645
Риски этнологической экспертизы <i>Н. И. Новикова</i>	648
Справедливость и массовая политика в России <i>С. В. Патрушев</i>	651
Специфика представлений о справедливости низших социальных групп в современной России <i>Н. А. Пономарев</i>	654

Как понимают и как оценивают реальные практики справедливости российские граждане <i>В. Л. Римский</i>	657
Закон и справедливая власть: дихотомия понятий в общественном сознании <i>Н. А. Романович</i>	661
Специфика представлений россиян о справедливом распределении социальной поддержки государства <i>Д. В. Руденкин</i>	665
Институциональная структура и система ценностей <i>С. С. Седелников</i>	670
Справедливость в системе политических ценностей современных россиян: политико-психологический анализ <i>А. В. Селезнева</i>	673
Отношение к бедным в современной России как маркер изменяю- щегося понимания справедливости <i>Е. Д. Слободенюк</i>	677
Государство справедливости как желаемый облик страны <i>С. С. Сулакшин</i>	681
Патерналистская и либеральная модели справедливости в оплате труда <i>А. Л. Темницкий</i>	685
Модель социальной справедливости для России: выбор за нами? <i>Л. Н. Тимофеева</i>	689
По закону: как судьи и следователи работают с понятием «справед- ливость». На материалах эмпирического исследования <i>К. Д. Титаев</i>	693
Справедливость и равенство перед законом как одно из условий консолидации различных социальных слоев и групп населения По- волжья (по результатам исследований)* <i>Л. Т. Толубаева</i>	697
Эмпирические типы справедливости <i>В. В. Фатеев</i>	702
Справедливость как обоснованная здравоохранительная политика государства при оценке факторов риска ВИЧ-СПИД инфекции <i>В. М. Хабибулина</i>	705

Представления о социальной справедливости в российском обществе <i>М. Ф. Черныш</i>	710
Условия баланса социальной справедливости и эффективной экономики в общественном воспроизводстве современной России <i>В. А. Шведовский</i>	712
Социальная справедливость в представлениях пожилых людей <i>Е. В. Щанина</i>	718
Справедливое государство в представлениях россиян <i>М. Н. Яковлева</i>	722
10. Исследования с использованием мобильных устройств: методологические вызовы и возможности	
Оперативная безбумажная обратная связь: некоторые технологические решения (на примере использования в Астраханской области) <i>Ю. К. Кормушина</i>	726
К вопросу об инициировании предпринимательской активности в стенах вуза посредством бизнес-инкубатора <i>М. Е. Родионова, Д. В. Шумихин</i>	730
Возможности изучения маятниковой миграции по данным сотовых операторов (на примере г. Уфы) <i>В. В. Юмагузин</i>	732
11. Исследования рынка исследований. Сапожники с сапогами	
Отраслевая премия «Кубок 7/89» <i>А. В. Благодарова</i>	738
Социальная укорененность технологий: перспективные направления исследований <i>М. С. Добрякова, З. В. Котельникова</i>	741
Индустрия маркетинговых исследований-2025: результаты форсайт-сессии <i>Е. Г. Климанова</i>	743
Рынок социологических и маркетинговых исследований Астраханской области: некоторые результаты инициативного исследования <i>Ю. К. Кормушина</i>	749

Возможности социального контроля в образовании (на примере г. Пскова с использованием качественных методов исследования) <i>Е. А. Мануйлова</i>	754
Социология в регионе: спрос и предложение <i>М. В. Морев</i>	758
Проект «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» — новое в методике и результатах исследования <i>В. В. Токарев</i>	762
Исследователи в соцсетях: развлечение или продвижение? <i>А. В. Шульгина</i>	768
12. Социология Интернета	
Социальные сети как средство распространения информационных угроз <i>Д. М. Байков</i>	771
Политические установки россиян в сфере использования интернета как инструмента политической активности: результаты мирового интернет проекта в России-2015 <i>Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов</i>	776
Концепт «Сети» в исследовании интернета <i>Д. Е. Добринская</i>	781
Общение в социальных сетях <i>Г. Т. Журавлев</i>	785
Реальный и виртуальный социальный капитал молодежи в информационном обществе <i>С. А. Зверькова</i>	787
Исследования детской интернет-аудитории: методологические проблемы и этические ограничения <i>Е. В. Князева</i>	792
Социальные сети в современном обществе и студенты в социальных сетях (результаты опроса) <i>Е. В. Ковалевская</i>	795
Социологическое исследование формирования трудовой активности молодежи с помощью интернета <i>Е. Н. Лузгина</i>	799

Лайфлоггинг (lifelogging) как метод сбора социологической информации	
<i>А. В. Маркеева</i>	803
Исследование оценки готовности граждан к возникновению социального института ювенальной юстиции в России	
<i>А. В. Мильникова</i>	807
Интернет как канал коммуникации и инструмент социологического исследования	
<i>Г. А. Новикова</i>	811
Обзор онлайн-активности молодежи в группах и на публичных страницах социальной сети «вконтакте»	
<i>А. Ш. Суханова</i>	816
Выявление мнения молодежи России о влиянии компьютерных технологий на их социальное поведение	
<i>О. А. Титовская</i>	821
13. Независимая оценка качества госуслуг: методические подходы и организационные решения	
Независимая оценка качества оказания государственных и муниципальных услуг организациями социального обслуживания (на примере центров социальной помощи семье и детям в Санкт-Петербурге)	
<i>Т. Е. Батырев</i>	825
Опыт двумерной оценки работы органов местного самоуправления	
<i>В. А. Бурко</i>	831
Методические проблемы разработки инструмента исследования качества социальных услуг (образовательных, культурных, медицинских)	
<i>М. Г. Бурлуцкая, Л. Е. Петрова</i>	835
Опыт проведения оценки организаций, предоставляющих социальные услуги: методологический аспект (на примере Москвы)	
<i>О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль, О. Б. Савинская</i>	840
Независимая оценка качества оказания услуг организациями социальной сферы: проблемы реализации	
<i>Е. А. Михайлова</i>	844

Значение квалификации членов общественных советов при учреждении социальной поддержки населения для реализации независимой публичной оценки социальных услуг <i>Б. А. Никитина</i>	848
Методика оценки государственных услуг в сфере здравоохранения (по материалам социологического исследования) <i>И. А. Огородникова, К. О. Пранкевич</i>	853
Независимая оценка качества работы социальной защиты Брянской области <i>А. С. Попова</i>	857
Эффективность государственного управления в контексте оценки населением качества предоставления государственных услуг <i>Н. Г. Поршнева</i>	861
Ценностные основания формирования независимой оценки качества государственных услуг <i>Н. П. Щукина</i>	865
14. Методический аудит полевых работ	
Построение методики эффективного контроля и математической модели проверки полевых данных на основе материалов компании «Дискавери» (Екатеринбург) <i>А. Я. Ананьев</i>	870
Как интервьюеры воспринимают результаты методического аудита <i>Н. Б. Галашова</i>	880
Как улучшить качество опроса с помощью параданных <i>А. А. Ипатова</i>	884
Проблемы контроля качества рандомизации при составлении выборок (анализ двух телефонных опросов) <i>А. В. Куприянов</i>	885
Рецепт приготовления идеальной базы данных для анализа событий жизненного пути: опыт ЧСО И РидМиЖ <i>Е. С. Митрофанова, А. В. Артамонова</i>	888
Опросы «под давлением»: как проверить качество данных, когда они собираются в закрытой для исследователя институции <i>К. Д. Титаев</i>	892

15. Социология международных отношений

Беларусь—Россия: как строятся отношения (по материалам опросов населения Беларуси) <i>Н. Л. Балич</i>	896
Русская культура в глобальном мире <i>А. М. Волошенюк</i>	900
Факторы повышения толерантности к мигрантам: общее и особенное в различных странах европы <i>М. О. Вольская</i>	903
Иерархия потребностей, или прощание с Абрахамом Маслоу <i>В. А. Жебит</i>	907
Гуманитарная близость стран постсоветского мира. Подходы к измерению на основе опросных данных (по материалам проекта «интеграционного барометра ЕАБР») <i>И. В. Задорин</i>	909
Экономические санкции как консолидирующий фактор: rally-around-the-flag в современной России <i>А. Д. Казун</i>	910
Структура религиозности россиян и ее взаимосвязь с их отношением к другим странам <i>Е. Н. Кофанова</i>	914
Некоторые особенности использования метода опроса в исследовании многосторонних международных структур <i>А. Е. Кутейников, А. С. Бояшов</i>	918
Роль ценностей универсализма в смягчении негативных последствий социального неравенства <i>Л. А. Мальсагова</i>	920
Образ России в глазах населения других стран: исторический контекст (на материалах международных опросов) <i>М. Г. Мацкевич</i>	926
Российская молодежь Баренц-региона об отношениях России и Европейского союза <i>И. А. Милюкова</i>	934
Образ страны и образ народа: россияне о Беларуси и белорусах <i>В. Н. Муха</i>	939

Чужой среди своих, чужой среди чужих. К вопросу социальной интеграции и социальной адаптации украинских беженцев в России (по материалам прикладного социологического исследования в г. Москве) <i>Н. В. Немирова</i>	943
Использование культурно-ценностных сходств и различий при формировании общественного мнения по вопросам отношения к другому несоюзному государству на примере российско-польских отношений <i>А. В. Рудковская</i>	947
Современная роль удовлетворенности трудом (на примере России и Германии) <i>М. Г. Русанова</i>	951
Роль ценностей сохранения в формировании представлений жителей Ирландии о значимости закона (в сравнении с Россией) <i>А. С. Супик</i>	955
Отношение к демократии во взаимосвязи с базовыми ценностями (на примере Испании) <i>Э. З. Хахимзянова</i>	959
Проблемы восприятия в международной политике: образ ЕС в России сегодня <i>Е. Б. Шестопал, В. А. Губченко, Ш. З. Джамалудинов, К. Б. Джгамадзе, А. И. Рогозарь, И. А. Тумысов</i>	964
Социологический анализ развития трансграничного регионального сотрудничества Украины <i>Г. И. Щерба</i>	968
Sociological analysis of the development of cross-border regional cooperation of Ukraine <i>G. I. Shcherba</i>	968
16. Вызов Big Data. Регистрация поведения vs опросные декларации	
Big data: на безрыбье и рак — рыба <i>О. Б. Божков</i>	972
Блоги как источник данных об индивидуальных оценках: опыт изучения (на примере суждений об ответственности) <i>К. А. Гаврилов</i>	973

Google Books Ngram как источник больших данных для количественного анализа социогуманитарных трендов <i>А. Д. Кавеева</i>	977
Исследование глобального образа кризиса методом API-социологии <i>О. Ю. Колесниченко, Г. Н. Смородин, Д. А. Яковлева, Л. С. Мазелис, Ю. Ю. Колесниченко</i>	982
Изучение поведенческих паттернов пользователей социальных сетей: возможности Big Data <i>А. В. Мальцева, О. В. Махныткина, Н. Е. Шилкина</i>	988
Перспективы использования Big Data в управлении человеческими ресурсами <i>О. С. Осипова</i>	992
Анализ данных о поведении клиентов в электронной коммерции <i>Т. Б. Прохорова</i>	995
Загадки «больших данных», или from Big Data to куда-то... <i>В. В. Сократилин</i>	1000
17. Профессиональный стандарт. Специалист в области социологических и маркетинговых исследований	
Профессиональный стандарт социолога как форма институционализации видов профессиональной деятельности социологов и риски университетов <i>М. В. Артамонова</i>	1005
Профессионально-этические аспекты исследовательской культуры социолога <i>С. А. Ахметова, Ф. Ф. Ишкинеева</i>	1011
Нужны ли социологи региону: востребованность выпускников на рынке труда <i>Г. А. Ковалева, Д. В. Спирина</i>	1015
Репрезентация социально-профессионального сознания и деятельности социологов <i>С. А. Константинов</i>	1019
Куда могут завести эти игры: мнение скептика о проекте «профессионального стандарта по “социологии”. Специалист по организации и проведению социологических исследований» <i>В. Я. Красниковский</i>	1025

Есть ли будущее в социологии? Размышляем со студентами-социологами первого курса (анализ эссе студентов смоленского государственного университета на тему «моя будущая профессия») <i>С. Н. Макаров, Г. И. Кичев</i>	1028
Сущее и должное в рекомендациях работодателей и этический кодекс <i>Н. А. Романович</i>	1032
Предпосылки и история разработки профессионального стандарта «специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований» <i>О. В. Рыбакова</i>	1037
18. Социология старения	
Когда вам за 80: возможности, потребности и самочувствие <i>С. Ю. Алашеев</i>	1042
Пенсионный возраст: сохранить или увеличить? <i>В. Ю. Герасимова</i>	1048
Проблема занятости и образования граждан пенсионного возраста (по итогам исследования) <i>С. А. Григорьева</i>	1053
Международный опыт повышения пенсионного возраста: что стоит учесть в России <i>Е. Е. Гришина</i>	1057
Представление образа старости и ожидания, связанные с понятием «пенсия» (по результатам эмпирических исследований) <i>О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль</i>	1062
Клубы пожилых людей как новая форма социальной активности <i>О. В. Иванова</i>	1065
Социальные и методологические вызовы новой пенсионной реформы <i>Н. И. Киселева</i>	1068
Изменение пенсионного возраста: реалии и планы <i>Е. В. Климова</i>	1072
Изменение пенсионного возраста: анализ общественного мнения на примере жителей города Череповца <i>Г. А. Ковалева</i>	1075

Долголетие: выгоды и риски (методологические проблемы исследования) <i>Л. Д. Козырева</i>	1080
К вопросу об использовании результатов мониторинга уровня и качества жизни пожилых москвичей <i>М. В. Корнилова</i>	1083
Изменение границ пенсионного возраста — проблема или мера регулирования вопросов стареющего общества? <i>С. Г. Максимова, М. М. Максимова</i>	1087
Межпоколенная солидарность в стареющем обществе <i>А. А. Миронова</i>	1092
Повышение пенсионного возраста в России: необходимая или преждевременная мера? <i>Е. Н. Новоселова</i>	1095
Субкультура старости <i>Г. А. Парахонская</i>	1099
Представители «третьего возраста», или «the young old» в современном российском обществе: возможности к продолжению трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста <i>Ю. М. Пасовец</i>	1102
Финишная прямая профессиональной биографии: уровень и стиль жизни <i>Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая</i>	1106
Пенсионный возраст и проблема дефицита федерального бюджета <i>А. К. Соловьев</i>	1113
Социальные инвестиции: вопросы государственной поддержки граждан старше трудоспособного возраста (на примере республики Коми) <i>В. В. Тихомирова</i>	1117
Возрастная структура профессорско-преподавательского состава высшей школы: проблема пенсионного возраста <i>Е. С. Тупик</i>	1123
Особенности жизненных приоритетов и планов на будущее пожилых людей на севере <i>Л. Ю. Уразаева</i>	1127
Пути разрешения пенсионного кризиса — взгляд геронтолога <i>А. В. Халявкин</i>	1132

Материальные ресурсы пенсионеров России <i>Г. А. Цветкова</i>	1135
Гендерные аспекты повышения пенсионного возраста (на примере социологических исследований в регионах Центрального федерального округа РФ) <i>Д. В. Чижов</i>	1139
Россияне старших возрастных групп в информационном пространстве <i>Н. Н. Шестакова</i>	1145
19. Социология гражданского общества и некоммерческого сектора	
Социальный капитал на постсоветском пространстве: кросс-культурный анализ по материалам исследования «life in transition» <i>А. М. Алмакаева, Д. В. Сальникова</i>	1151
Волонтерство как форма трудовой занятости молодежи в условиях рыночной экономики <i>Г. А. Бякирова</i>	1158
Динамика социального капитала в России <i>О. В. Волченко, А. М. Алмакаева</i>	1160
Подотчетность как современное проявление демократии <i>Л. Т. Волчкова, Г. А. Меньшикова</i>	1166
Роль социолога в «вызревании» гражданина и формировании гражданского общества <i>В. В. Ганин</i>	1171
Благотворительная деятельность и ее оценка населением г. Воронежа <i>А. Б. Довейко, Е. А. Дьяченко</i>	1175
Общественно-политическая активность молодежи как фактор развития гражданского общества <i>Т. В. Игнатова</i>	1179
Индексы, критерии и подходы анализа генезиса и состояния гражданского общества в Российской Федерации <i>Ю. В. Ирхин</i>	1183
Смыслы социального предпринимательства <i>С. Г. Климова</i>	1187

Потенциал гражданской ответственности современной молодежи в региональном социуме <i>Н. В. Корж</i>	1191
Возможности количественного измерения инновационности НКО: подходы к индикаторам и показателям <i>И. И. Краснопольская</i>	1195
Публичные слушания как инструмент диалога власти и общественности <i>Н. Н. Ламскова</i>	1200
Гражданское общество в сетях информационно-коммуникационных технологий <i>В. К. Левашов, В. К. Сарьян, А. П. Назаренко, О. П. Новоженкина, И. Ж. Тощенко, И. С. Шушпанова, Е. В. Саломатина</i>	1204
Социальный капитал гражданского общества приграничных регионов России <i>С. Г. Максимова</i>	1208
Исследовательские проекты в сфере оценки развития гражданского общества <i>О. В. Малахова</i>	1213
Влияние уровня религиозности на гражданскую позицию (на примере всероссийского опроса «ортодокс монитор») <i>К. В. Маркин</i>	1217
Политическая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества <i>А. В. Мельников</i>	1222
Индикаторы развития гражданского общества в России: результаты 10 лет наблюдений <i>И. В. Мерсиянова</i>	1226
Взаимодействие института участковых уполномоченных полиции с другими институтами гражданского общества в Российской Федерации <i>М. П. Микова</i>	1228
Изучение состояния развития третьего сектора <i>Е. Новичихин, Д. Маткина</i>	1232
Социальная ценность права в гражданском обществе <i>А. А. Переладова</i>	1235

Религия и социальная работа: формирование новых компетенций обучающихся <i>И. Э. Петрова</i>	1239
Социально-ориентированные некоммерческие организации в социальной структуре российского общества <i>М. Б. Полтавская</i>	1243
Социология гражданского общества: сложности концептуализации <i>Е. А. Попов</i>	1247
Участие населения в процессе принятия управленческих решений на муниципальном уровне (на примере муниципального образования «город Екатеринбург») <i>И. С. Тарбеева</i>	1251
Институт лоббизма в России как субъект гражданского общества. Состояние и перспективы. Результаты исследования <i>И. В. Толмачёва</i>	1255
Социологическое измерение социально-политических рисков устойчивого развития российского гражданского общества <i>И. С. Шушпанова</i>	1258
Методологические аспекты выявления факторов потенциального гражданского участия на основе ситуативных субъективных оценок и статистических данных о районе проживания <i>И. В. Щербакова</i>	1263
Гражданские инициативы как фактор развития диалога между государством и гражданским обществом в России <i>Н. Н. Ягодка</i>	1268

22. Экстремальная социология: наука, искусство, табу

Проведение социально-ориентированных исследований в условиях непризнанных государств (на примере пилотного анализа гуманитарной потребности Донецкого региона на 2016 г.) <i>А. В. Луньков</i>	1273
Кому нужны опросы населения (на примере Донецкого региона) <i>А. В. Луньков</i>	1278
«Группы риска» как объект исследования: организационно-методологические особенности работы <i>Е. А. Михайлова</i>	1282

Первое репрезентативное исследование цыган в России: опыт организации и особенности реализации <i>Е. А. Михайлова</i>	1286
На границах идентичности: об экстремальном в полевых исследованиях <i>Е. А. Островская</i>	1289
Опыт опросов Киевского международного института социологии в условиях конфликта — методологические выводы <i>В. И. Паниотто</i>	1292
Экстремальная социология: особенности исследования в постконфликтной Абхазии <i>И. Ф. Текушев</i>	1296
23. Социология в регионе	
Гражданское просвещение в области прав человека: опыт регионов <i>М. М. Балябина</i>	1301
Религиозный компонент в образовании: социологический опыт (на примере Владимирского региона) <i>Г. А. Геранина</i>	1305
Экономическое поведение иностранных трудовых мигрантов в приграничном регионе (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) <i>Н. П. Гончарова</i>	1309
Вариативное отношение к ВИЧ-инфицированным в городе Омске (по материалам глубинных интервью) <i>О. А. Городецкая</i>	1313
Институционализация социологии в условиях региона (на материалах Вологодской области) <i>Т. А. Гужавина</i>	1316
Реализация предложенных рекомендаций для повышения удовлетворенности трудом промышленных рабочих на крупных предприятиях г. Пенза <i>А. Ш. Дубина</i>	1320
Применение субъективных критериев для стратификационной самоидентификации населения ЦФО <i>О. С. Жучкина</i>	1325

Мониторинг репродуктивного потенциала населения Вологодской области как инструмент разработки и оценки демографической политики в регионе <i>О. Н. Калачикова</i>	1331
Семья и демографическая ситуация в зеркале региональной статистики <i>Ю. И. Караваява, В. Н. Асташов</i>	1335
Молодежь современной России как объект социологического исследования <i>Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева</i>	1339
Наркоситуация в субъектах Российской Федерации. Отношение населения брянской области к проблеме наркотизации общества <i>Е. В. Карпенко, Н. В. Бороненкова</i>	1343
Противостояние атомизации общества в дипломных проектах выпускников кафедры социологии Вологодского государственного университета <i>И. Ю. Королёв</i>	1347
Сравнительный анализ качества библиотечных услуг (опыт социологического исследования 2014—2015 гг.) <i>Ю. Ф. Косинцева</i>	1350
Интеграция инвалидов в социальную среду (на примере Брянской области) <i>М. С. Кривонос</i>	1354
Лонгитюдное исследование человеческого потенциала молодежи (региональный аспект) <i>С. В. Крошкилин</i>	1358
Востребованность профессии социолога в регионе <i>Г. В. Леонидова</i>	1362
Применение проективной методики «сказка» в исследовании отношения москвичей к рекламе по финансовой тематике <i>А. В. Марченко</i>	1368
Лонгитюдное исследование характеристик здоровья молодежи (региональный аспект) <i>Е. И. Медведева</i>	1372
Социологическое сопровождение проектов <i>А. А. Мехова</i>	1376

Мониторинг общественного мнения как метод оценки эффективности государственного управления: опыт реализации и применения на территории Вологодской области <i>М. В. Морев</i>	1380
Социальные риски семей с детьми-инвалидами, проживающих на севере <i>А. Б. Неустроева</i>	1385
Перспективы московского ипподрома с точки зрения профессиональных наездников <i>А. С. Ноженко</i>	1389
Опыт применения концепции адаптационного потенциала населения в реализации кадровой политики в регионе <i>Ю. М. Пасовец</i>	1394
Проблематика исследования участия местных сообществ в территориальном управлении <i>Д. В. Прохоров</i>	1398
Тенденции психического здоровья населения Вологодской области <i>Е. О. Смолева</i>	1402
Оценка сильных и слабых сторон волонтерского сектора г. Орла <i>В. И. Уварова, М. А. Федосеева</i>	1407
Руководители муниципалитетов о проблемах и перспективах местного самоуправления: опыт социологических исследований <i>Т. В. Ускова</i>	1411
Модель факторов толерантности населения приграничных территорий России к мигрантам <i>М. И. Черепанова, Д. А. Неваева, С. А. Сарыглар</i>	1416
«Новое освоение» Сибири и Дальнего Востока: мнение экспертов <i>В. В. Чернов</i>	1421
Организация и результаты мониторинга условий формирования здорового поколения <i>А. А. Шабунова</i>	1425
Динамика жилищных условий населения (по материалам проекта «Таганрог») <i>И. М. Шнейдерман, Н. Н. Ноздрина, В. И. Гришанов, А. К. Гузанова</i>	1430
Отношение русского человека к английским заимствованиям в современном русском языке (на примере г. Липецка) <i>А. С. Шурупова, О. С. Шурупова</i>	1434

24. Социальные группы, слои, статусы

Легализация «легких» наркотиков: мнение общественное vs экспертное <i>С. Б. Абрамова</i>	1440
Досугово-рекреационные предпочтения российского среднего класса (по материалам исследования населения ЦФО) <i>А. А. Алексеенок</i>	1444
Молодежная политика в кризис: против субкультур или с их помощью? (на примере молодежных музыкальных субкультур) <i>А. А. Барсамова</i>	1449
Сравнение уровня и структуры инфантилизма российских и иностранных студентов <i>Е. А. Бейлина, Д. С. Кантер, Н. С. Лялина</i>	1453
Использование качественных стратегий при изучении самоидентификации в смешанных семьях <i>Е. О. Беликова</i>	1457
Формирование коллективного сознания представителей российского среднего класса <i>А. Н. Гальцова</i>	1460
Государство и инвалиды: дилеммы социальной политики <i>Т. И. Горина, В. Б. Кефели</i>	1463
Интеграция мигрантов: проблемы и решения <i>И. В. Демидова</i>	1469
Migrants` integration: problems and solutions <i>Demidova Irina Viktorovna</i>	1469
К вопросу об исследовании роли интернет-ресурсов при реализации досуговых предпочтений <i>А. В. Дорошенко</i>	1476
Роль российской интеллигенции в гражданском обществе <i>В. К. Иванов</i>	1478
Мотивация государственных и муниципальных служащих <i>Ю. В. Каира</i>	1482
Особенности социального ресурса и досуговой активности российских рабочих <i>А. В. Каравай</i>	1487

Городская инфраструктура: комфорт не для инвалидов? <i>Т. Ю. Карпенко</i>	1492
Положение бедных слоев населения в стратификационной структуре современного российского общества <i>Д. Н. Кузнецов</i>	1499
Социальная терапия в России: постановка задачи <i>И. К. Масалков</i>	1502
«Если бы у меня был миллиард ...»: социологическое исследование <i>В. А. Михайлов</i>	1506
Виртуальная реальность в представлениях студентов <i>С. В. Михайлов</i>	1509
Молодежь в социально-структурных процессах российского села <i>М. Н. Муханова</i>	1512
Социальный статус государственного служащего в социолингвисти- ческом аспекте <i>М. Н. Панова</i>	1517
Институциональные контексты социальной активности молодежи в современном российском обществе <i>К. Г. Сохадзе</i>	1522
Отношение россиян к миграционным процессам <i>Н. П. Старых</i>	1525
Индикаторы оценки детского благополучия <i>Г. М. Цинченко</i>	1530
Социальное прогнозирование: к вопросу о конструктивной и де- структивной протестной активности молодежи <i>Я. А. Цуканов</i>	1534
Общественное сознание: отношенческие барьеры к инвалидам <i>С. А. Шачнев</i>	1538
25. Образование, интеллектуальная собственность, вербальные и невербальные средства коммуникации	
Авторское право на интеллектуальную собственность: к вопросу о государственных гарантиях <i>М. И. Бубнова</i>	1542

Социологические практики анализа научно-исследовательской деятельности вуза <i>И. А. Васильев</i>	1547
Русский язык как коммуникативное средство омбудсменов постсоветских стран <i>С. Л. Давтян</i>	1552
Роль интернета в современном образовании <i>А. И. Павлова</i>	1556
Буллинг как форма насилия (эбьюзинг) в общеобразовательных учреждениях стран запада <i>П. В. Пучков</i>	1560
Значимые характеристики в формировании образа преподавателя высшей школы <i>А. С. Самойлова</i>	1563
Отбор управленческих кадров в системе образования <i>В. П. Серикова</i>	1565
Современный студент vs научно-исследовательская деятельность в вузе: опыт эмпирического исследования <i>А. Н. Тимохович, С. С. Филенко</i>	1569

26. Доверие, согласие, управление, власть

Использование фрейминг-эффекта для повышения уровня доверия к власти <i>И. П. Гегедивш</i>	1573
Общественное доверие как индикатор управленческой культуры сотрудников органов внутренних дел <i>Л. Н. Госсельбах</i>	1577
Использование организационно-технологических методов и приемов в предвыборных кампаниях оппозиции на выборах в государственную думу в 2016 г. И ее возможные перспективы (на примере предвыборной кампании А. Навального на выборах мэра города москвы в 2013 г. И выборов в Костромской области в 2015 г.) <i>М. С. Железова</i>	1582
Исследование практики работы с кадрами в органах государственной власти <i>Т. Е. Зерчанинова</i>	1585

К вопросу о причинах недостатка доверия к официальным статистическим данным <i>Г. Ю. Карпенко</i>	1588
Практика исследования социоментальных групп: возможности использования в государственном управлении <i>Е. В. Карпенко</i>	1591
Экологические программы политических партий как инструмент формирования доверия <i>В. О. Киселев, К. А. Платонов</i>	1595
Доверие граждан как основа общественного согласия <i>Е. А. Литвинцева</i>	1599
Принцип «информированного согласия» в телефонном интервью <i>А. Ю. Мягков</i>	1603
Система социального управления в контексте перехода к новому технологическому укладу <i>С. С. Новикова</i>	1607
Функции управленческой культуры <i>Д. Г. Передня</i>	1610
Социально-политическая активность женщин в системе государственного управления <i>И. А. Поплавская</i>	1615
Роль контент-анализа сми в исследовании кадровой коррупции в системе государственного управления <i>И. Н. Рыбакова</i>	1619
27. Коллективное сознание и идеология, образ государства	
Социологический вопрос в контексте идеологического кризиса <i>О. А. Воронкова</i>	1622
Восприятие россии собственными гражданами как фактор мировой репутации государства <i>М. Г. Галаева</i>	1626
Национальная гордость <i>Н. Ю. Галкина</i>	1630
Образ России во внешнеполитическом официальном дискурсе российской федерации: опыт эмпирического исследования <i>В. В. Иващенко</i>	1632

К вопросу о возможности блокировки общественным сознанием протестной активности в условиях современной России <i>И. В. Лескова</i>	1636
Коллективное сознание: нормы и принципы <i>С. С. Седелников</i>	1640
Историческое и философское сознание в преодолении кризиса: потенциал социальной рекламы <i>Л. В. Степнова, И. С. Степнов, С. И. Степнова</i>	1643
Политическая идентичность Украины: исторические предпосылки формирования и персоналии <i>Д. А. Филимонов</i>	1647
28. Экономические аспекты социологии, социальное самочувствие и качество жизни	
Пенсия-2050 (на материалах пробного исследования в студенческой среде) <i>А. А. Злотников</i>	1651
Экономический пояс «новый шелковый путь» — качественно новая основа Евразии <i>А. Р. Копырбай</i>	1654
Теоретические основы формирования и анализа вербальных моделей в экономике <i>Е. В. Романова</i>	1658
Социальное самочувствие россиян <i>В. А. Сушко</i>	1662
Методология качества жизни в контексте современного развития общества <i>Е. В. Фарбер</i>	1666
29. Инструменты и рецепты социологических исследований	
К вопросу о сравнительном анализе результатов социологических исследований <i>М. В. Барановский, П. П. Шевель</i>	1670
Использование когнитивных моделей при построении интегральных показателей развития <i>П. Е. Голосов, В. И. Горелов, О. Л. Карелова, А. И. Федосеев</i>	1676

Опыт конструирования междисциплинарного исследовательского проекта <i>Ф. Ф. Ишкинеева, С. А. Ахметова</i>	1681
Активная экспертиза процесса определения качества обработки данных <i>А. Б. Мосягин</i>	1684
Система SPSS для анализа результатов обследований <i>Б. М. Пранов</i>	1688
Публичная социология как инструмент популяризации результатов исследований <i>Н. В. Проказина</i>	1692
Феномен «любовь» в прикладных социологических исследованиях <i>А. Л. Сазонова, А. А. Сазонов</i>	1696
«Усталость от кустарщины» (анализ практик полевых социологических исследований с применением качественных методов) <i>И. Е. Штейнберг</i>	1700
Сравнение детерминант протестного потенциала, выявленных с применением логлинейного анализа, деревьев классификации и логистической регрессии <i>П. А. Попова</i>	1704

01. Свободный микрофон. Как реально потребляются, усваиваются и используются наши исследования. Исполнители о заказчиках, заказчики об исполнителях

СОЦИОЛОГИЯ: НАУКА ИЛИ СФЕРА ОБСЛУЖИВАНИЯ?

О. Б. Божков

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В массовом сознании складывается неверное представление о социологии: актуальная наука, изучающая состояние общества, ассоциируется у населения с конъюнктурными опросами общественного мнения, обслуживанием бизнеса и правительства. Необходимо озаботиться просвещением населения, изданием качественной научно-популярной литературы о социологии.

Ключевые слова: социология, конъюнктура, общественное мнение

Социология как наука — это не только и не столько сфера обслуживания бизнеса и правительства. Стоит посмотреть на ситуацию шире, с точки зрения образа социологии в целом, как актуальной науки, изучающей состояние общества в целом и отдельных его частей. Именно потому, что мы, социологи, не умеем продавать и подавать свой продукт, в обществе (у населения) складывается превратное представление о нашей сфере познания. Буквально на днях, я сказал своему попутчику в поезде, что я социолог. «А-а-а, это статистика населения! Я понял», — сказал мой попутчик (между прочим, человек с двумя высшими образованиями, активный экономический субъект, успешный предприниматель — так он себя охарактеризовал). Я уж не говорю о людях со средним или более низким образованием из тех, кто интересуется экономическим и политическим положением России.

Результаты социологических исследований должны принадлежать не только и не столько заказчику, сколько обществу, прежде всего тем респондентам, которых опрашивал социолог. Но так как в массовом сознании социология преимущественно ассоциируется с конъюнктурными опросами общественного мнения, необходимо озаботиться элементарным просвещением публики, т. е. изданием качественной научно-популярной литературы о социологии, история которой полна драматических интеллектуальных коллизий. Сегодня ощущается большой дефицит именно такой литературы. И книги В. Э. Шляпентоха «Социология для всех» (1970) и «Как сегодня изучают завтра» (1975) не покрывают огромного поля этой интеллектуальной ниши.

Информация об авторе

Божков Олег Борисович, старший научный сотрудник Социологического института РАН, руководитель научного центра «Биографический фонд», Санкт-Петербург, Россия, olegbozh@gmail.com

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАДРОВОЙ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

К. О. Магомедов

ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемы изучения кадровой коррупции в органах государственного и муниципального управления. Анализируются данные исследования, проведенного научным коллективом ИГСУ РАНХиГС в 2014 г.

Ключевые слова: социологический мониторинг, кадровая коррупция, государственное и муниципальное управление

Выделение проблемы кадровой коррупции в самостоятельный предмет социологического мониторинга не вызывает сомнений. Ведь именно кадры государственного и муниципального управления являются объектом коррупционных интересов. И они же являются социальными носителями коррупционного поведения, включая его аксиологическую, социально-психологическую и этическую составляющую. Эта тема была затронута научным коллективом ИГСУ в работе, выполненной в соответствии с требованиями Государственного задания РАНХиГС по НИР 2014 г.

Для того чтобы измерить параметры кадровой коррупции необходимо понимать, с чем отождествляется это понятие у служащих органов государственного управления (ГО), местного самоуправления (МСУ), а также в гражданском сообществе. Это понимание необходимо для проведения социологического мониторинга.

Распределение мнений участников исследования показало, что среди различных форм коррупции, большинство из них относят к кадровой коррупции такую форму как «назначение на должность за взятку» (табл. 1). При этом очень показательно, что среди всех участников исследования в наибольшей степени данную форму коррупции выделили представители референтной группы «государственные служащие».

Помимо взяток за назначение на должность все участники исследования к формам кадровой коррупции также причисляют: формирование в государственном, муниципальном органе атмосферы клановой замкнутости, круговой поруки, а также создание «вертикали власти» под интересы конкретного человека и назначение на должность на основании личного решения, без соблюдения конкурсных процедур. Последняя форма в большей степени выделяется муниципальными служащими, что

говорит о повышенном уровне проблем в органах местного самоуправления и субъективных позиций руководителей в кадровых вопросах.

Таблица 1. Распределение мнений об отнесении различных форм коррупции к понятию «кадровая коррупция», %

	Формы коррупции	Распределение положительных мнений			
		Всего по массиву	В референтных группах		
			ГУ	МСУ	ГО
1	Назначение на должность за взятку	69,4	71,3	69,4	66,7
2	Создание «вертикали власти» под интересы конкретного человека	39,0	41,3	35,5	38,1
3	Формирование в государственном, муниципальном органе атмосферы клановой замкнутости, круговой поруки	39,0	46,2	21,0	40,0
4	Назначение на должность на основании личного решения руководителя, без соблюдения конкурсных процедур	38,4	37,1	41,9	38,1

Данные табл. 1 показывают, что основные признаки кадровой коррупции связываются с корыстными действиями и субъективизмом руководства государственных и муниципальных органов в области кадровой политики. Исходя из вышеизложенного можно утверждать, что кадровые ресурсы, как и любые другие, находящиеся в распоряжении руководства, рассматриваются как объект коррупционного интереса и связаны с ключевым понятием государственной и муниципальной службы — должностью. Характер и опасность кадровой коррупции следует определять исходя из того, что это за должность — должность государственной гражданской службы, должность муниципальной службы и другие.

Причины и источники кадровой коррупции несут в себе определенную опасность для нормального функционирования органов государственного и муниципального управления и обеспечения в них кадровых процессов. В определении того, в чем конкретно проявляется эта опасность, представители референтных групп в основном базируются на своих представлениях о причинах кадровой коррупции. Почти половина участников в каждой референтной группе обращают внимание на опасность снижения авторитета государственного и муниципального управления в глазах населения и, что очень показательно — это форма признания

общественной опасности кадровой коррупции. Также необходимо обратить внимание на то, что государственные и муниципальные служащие в значительно большей мере выделяют опасность кадровой коррупции, чем представители гражданского сообщества, потому что следствием является снижение уровня профессионализма людей в системе, а также дополнительный отток высококвалифицированных кадров вследствие невозможности реализации своих стратегий должностного роста.

Очень характерно, что опасности проявления кадровой коррупции практически всеми участниками исследования воспринимаются в большей степени «материально»: например, общее негативное влияние на цели административной реформы имеет значение для относительно небольшого количества участников исследования, особенно, муниципальных служащих.

Целесообразно внедрить в постоянную практику методы оценки состояния кадровой среды государственного и муниципального управления с помощью систематического мониторинга проблем с интервалом в 1—2 года. В структуре такого мониторинга должны постоянно применяться следующие методические блоки:

- 1) оценка общего уровня кадровой коррупции в перечне основных форм проявления коррупции в стране;
- 2) содержательный анализ проблем кадровой коррупции, динамики ее изменения, выявление и оценка наиболее опасных ее проявлений;
- 3) оценка эффективности мер и механизмов противодействия кадровой коррупции.

В исследованиях кадровой коррупции должны участвовать в качестве респондентов массового опроса государственные и муниципальные служащие. Их количество должно соответствовать общим требованиям к обеспечению репрезентативности результатов социологических исследований по проблемам государственной и муниципальной службы. Анализ выполненных исследований в этой области показывает, что в общей выборке государственных служащих должно быть $N \geq 1000$, а муниципальных служащих $N \geq 600$. Массовое исследование должно проводиться в 2—3 субъектах РФ в каждом Федеральном округе. Кроме того, необходимо проведение опроса, по экспертной методике, наиболее компетентных в проблематике государственной власти лиц. Это представители федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, государственных и негосударственных субъектов экономической деятельности, гражданского общества, политических партий и общественных движений, научного сообщества, СМИ и т. д.

В ИГСУ РАНХиГС имеется достаточный опыт проведения подобного рода научных исследований, который был накоплен в рамках реализа-

ции научных проектов за последние 10—15 лет. Результаты проведенных ранее социологических исследований представлялись в структуры Администрации Президента Российской Федерации и Правительства РФ, в другие органы государственной власти и управления, а также неоднократно публиковались в научных монографиях и в статьях профильных научных журналов.

Информация об авторе

Магомедов Керем Османович, д. с. н., профессор кафедры управления персоналом факультета управления персоналом и государственной службы ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия, m-kerem@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОФСОЮЗОВ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ НЕФТЯНОЙ, ГАЗОВОЙ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПАО «ЛУКОЙЛ»)

Е. И. Пахомова

МОПО ПАО «ЛУКОЙЛ», Москва, Россия

Аннотация. Представлен опыт проведения опросов, организуемых отраслевым профсоюзным объединением Нефтегазстройпрофсоюз России и его структурной организации Межрегионального профсоюзного объединения ПАО «ЛУКОЙЛ». Социологические опросы проводились с целью выявления мотивов вступления в профсоюз, отношения к профсоюзной работе, оценки степени участия членов профсоюзной организации в ее работе и уровня удовлетворенности ее деятельностью. Судя по результатам, существует значительный потенциал развития прикладных социологических исследований в профсоюзной сфере.

Ключевые слова: профсоюзы, социологические опросы, социально-трудовые права

Значение и роль профсоюзов как уникального гражданского института, регулирующего социально-трудовые отношения, сложно переоценить. Он призван отвечать современным потребностям социально-трудовой сферы. Для большинства россиян эта сфера всегда была, а сейчас все больше становится важной и чувствительной с точки зрения оценки своего социального статуса и уровня материального положения. Деятельность профсоюзных организаций воспринимается и оценивается работниками очень пристально и внимательно. Во многом это определяется сущностью самих профсоюзов: представительство и защита профессиональных, социально-трудовых прав и интересов их членов. Делать это сегодня достаточно сложно: меняются внешние условия, и профсоюзные организации должны реагировать на требования времени, — это в равной степени касается как официальных, вынужденных в современных условиях использовать все имеющиеся инструменты и практики для сохранения своих организаций и обеспечения устойчивости своей деятельности, — так и набирающих силу независимых профсоюзов. В конечном итоге вся их работа ориентирована на конечного потребителя — члена профсоюза, работника предприятия.

Современные вызовы в качестве ключевого вопроса как никогда остро ставят перед официальными профсоюзами вопрос об обратной связи. Здесь важны два момента:

- существует потребность в понимании того, как воспринимают и оценивают работники деятельность профсоюзной организации (решает ли профорганизация, по их мнению, вопросы, связанные с трудовой деятельностью, или она в большей степени ориентирована на социальную поддержку работников и на проведение досуговых мероприятий);
- существует потребность в создании информационного пространства, обеспечивающего устойчивость деятельности профсоюзных организаций на основе сохранения ее численности, что предполагает умение современным языком рассказать о деятельности профсоюзной организации, прежде всего в части, касающейся защиты социально-трудовых прав и интересов.

Все это создает необходимую объективную основу для использования в практической деятельности профсоюзного сообщества такого инструмента, как социологические опросы. Причем официальные профсоюзы имеют существенно больше ресурсов для использования этого инструмента в качестве основы для планирования своей деятельности. Прежде всего, это уже сложившиеся механизмы функционирования этих профсоюзов и их более-менее стабильная численность, а также выстроенная иерархическая структура управления, позволяющая организовать сбор данных в строгом соответствии с требуемыми параметрами опроса.

В рамках данного материала представлен опыт проведения опросов, организуемых отраслевым профсоюзным объединением Нефтегазстройпрофсоюз (НГСП) России и его структурной организации Межрегионального профсоюзного объединения ПАО «ЛУКОЙЛ». Представляем описание последнего опроса, проведенного в сентябре 2015 г.

Цели опроса:

- выявление мотивов вступления в профсоюз;
- отношение членов профсоюза к профсоюзной работе первичной профсоюзной организации и вышестоящих организаций;
- оценка степени участия членов профсоюза в работе профсоюзной организации;
- оценка уровня удовлетворенности деятельностью профсоюзной организации.

Выборка — представленность всех профсоюзных организаций, входящих в состав отраслевого профсоюза, пропорционально их численности. В опросе приняли участие 1191 человек. Метод опроса — самозаполнение.

В Межрегиональном профсоюзном объединении ПАО «ЛУКОЙЛ» социологические опросы работников проводятся на постоянной мониторинговой основе как на выборке, репрезентирующей численность всех профсоюзных организаций, так и на локальном уровне отдельной первичной организации.

В целом это характеризует как позитивную практику планирования и управления деятельностью отраслевого профсоюза. Однако нельзя не отметить и слабые места:

- невозможность обеспечить в полной мере качество опроса на всех его этапах (расчета параметров выборочной совокупности, сбора данных, статистической обработки, аналитического обобщения);
- закрытость получаемых данных и отсутствие широкого общественного обсуждения получаемых результатов (несмотря на то, что некоторые результаты публикуются в профсоюзных журналах).

Таким образом, существует значительный потенциал развития прикладных социологических исследований в профсоюзной сфере, предполагающих привлечение специалистов и мобильных методов и средств сбора данных.

Информация об авторе

Пахомова Елена Ивановна, к. э. н., гл. специалист информационно-аналитического центра МОПО ПАО «ЛУКОЙЛ», Москва, Россия, 1430651@gmail.com

ЗАКАЗЧИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ: ПОПЫТКА ОЦЕНОК И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С. Н. Першуткин

АНО «Московский институт социологических исследований», Москва, Россия

Аннотация. Сформулированы основные трудности во взаимопонимании заказчика и исполнителя социологического исследования; предпринята попытка выяснить их причины. Нередко государственные органы, коммерческие и некоммерческие структуры, испытывающие потребность в исследованиях своей деятельности, остаются разочарованными из-за теоретико-ориентированного настроя исполнителей социологических исследований, недопонимания ими реальных проблем, волнующих заказчика.

Ключевые слова: дедуктивный стиль мышления исследователя, заказчик исследования, правовая база социологических исследований, деятельностная парадигма исследования, социолог как эксперт

Вынесение на 6-ю Грушинскую конференцию 2016 г. в качестве главной темы «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными?» побуждает задуматься не столько об эффективности результатов и их доступности для заказчика, сколько о более широком круге вопросов, включая специфику коммуникаций, качество итогового социологического продукта и многое другое.

Еще в конце 1940-х гг. знаменитый американский социолог Р. Мертон в фундаментальной работе «Социальная теория и социальная структура» предпринял попытку типологизировать проблемы по линии «заказчик–исполнитель» исследования, обратившись к глубочайшим по смыслу вопросам, раскрывающим трудности социологических доказательств в условиях неопределенности и большого числа непредвиденных обстоятельств. Во-первых, ученый на большом эмпирическом материале концептуализировал неизбежную размытость взаимодействия исполнителя и заказчика; во-вторых, доказывал важность постоянного поддержания компетентности социолога как эксперта, необходимость обращения к информации, которую политики зачастую считают известной и не заслуживающей внимания социологического сообщества; в-третьих, определял роль доверия между исполнителем и заказчиком исследований в перспективном и текущем планах.

Мертону удалось сформулировать два принципиальных вывода: с одной стороны, экспертное знание представляет скорее уменьшенное число

явных ошибок и суждений, нежели каких-либо открытий, а с другой — социолог, будучи востребованным, редко все-таки оказывается необходимым. Раскрывая эти парадоксальные выводы, Мертон акцентирует внимание на том, что предлагаемые исследователями альтернативы не способны обладать авторитетом убедительного предсказания из-за неопределенности в исследовании, когда предсказания оказываются лишь грубым приближением. Поскольку социолог работает в сфере человеческого поведения и культуры, изучая альтернативные решения, обладающие ценностным смыслом, он нередко задевает интересы и чувства самых разных людей. Когда советы и рекомендации социолога выходят за рамки ожиданий заказчика и общественных потребностей, если говорить в целом, он рискует оказаться при своих личных интересах, а точнее быть ненужным, что обуславливает его уязвимость.

Таким образом, на американском материале почти 70 лет назад были обнаружены проблемы, с которыми сегодня столкнулось социологическое сообщество России. Неслучайно М. Буравой подчеркивал, что социологам необходимо налаживать связь с общественностью, развивая публичную социологию; в этом деле у социологии в обществе есть множество потенциальных союзников [1].

Вероятно, данный подход побудил Р. Морроу в начале 2000-х гг. выступить с предложением создать метатеоретическое пространство, в котором будет преодолено неоправданное методологическое противопоставление теории и практики[4].

Судя по всему, обозначенная проблематика «заказчик–исполнитель исследования» далеко выходит за рамки презентации результатов исследований (их понятности, доступности, оформления и визуализации), к трем группам проблем:

- социально-психологическим, характеризующим уровень понимания между разными субъектами;
- социально-правовым, определяющим нормативный контекст взаимодействия «заказчик–исполнитель»;
- социально-управленческим, раскрывающим инструменты и механизмы взаимодействия между двумя вышеупомянутыми сторонами.

Осмысление обозначенных проблем и их интерпретация заслуживают внимания как заказчиков исследований, так и исследователей (юридических или физических лиц), а в более широком плане — внимания социологической науки.

Сегодня как никогда раньше государственные органы, коммерческие и некоммерческие структуры испытывают потребность в саморефлексии и исследованиях различных аспектов своей деятельности. Но они не всегда могут получить ответы и порой остаются разочарованными из-за

теоретико-ориентированного настроения исполнителей социологических исследований, из-за распространенности исследований по принципу «от общего к частному», недопонимания исполнителем реальных проблем, волнующих заказчика.

Особо выделим: 1) дедуктивный стиль мышления исследователей («от общего к частному», «от теории к реальности»), во многих случаях препятствующий коммуникациям с практиками; 2) отсутствие нормативной правовой базы социологических исследований и необходимость усилий по ее созданию [2]; 3) трудности перехода в нашей стране к новой парадигме исследований — активистской и деятельностной (action research), которая получает все большее распространение на Западе [6]; 4) необходима разработка по итогам исследований не просто рекомендаций, но проектов управленческих решений [7]; 5) формирование заказчика должно быть постоянной задачей исследовательских фирм (засчет информирования о возможностях социологической науки и результатах выполненных исследований, засчет участия в социологическом обеспечении государственно-значимых решений, что предусматривается Федеральным планом научно-экспертной поддержки государственных программ).

Обобщая, хотелось бы вернуться к размышлениям уже упомянутого Р. Морроу, заявившего, что «аналитическая деятельность, которую принято называть критической социологией, в узком смысле этого слова, на самом деле, является отчетливой конфигурацией рефлексивного дискурса... в самых разных формах» [4].

Список литературы

1. Буравой М. Публичная социология versus рынок // Общественная роль социологии / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики). М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 160—173.
2. Горшков М. К. Профессиональный праздник как повод для раздумий // Социологическая наука и практика. 2013. № 1.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006.
4. Морроу Р. А. К вопросу о переосмыслении публичной социологии М. Буравого : постэмпирическая реконструкция // Социологический ежегодник — 2010 : сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед ; отд. социологии и социал. психологии ; кафедра общей социологии ГУ-ВШЭ ; гл. ред. Н. Е. Покровский ; ред.-сост. Д. В. Ефременко. М., 2010. С. 48—58.

5. *Першуткин С. Н.* О новом содержании практических функций социологии управления // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции XII—XIII Дридзеvских чтений (21—22 ноября 2013 г.) / отв. ред. А. В. Тихонов. М. : Институт социологии РАН, 2014. С. 84—85.
6. *Першуткин С. Н.* Будет ли востребована экспертная функция науки? [Электронный ресурс] // Советник Президента. Информационно-аналитическое издание. URL: www.sovetnikprezidenta.ru/123/1_obschestvo.html (дата обращения: 01.03.2016)
7. *Першуткин С. Н.* Сила науки (проект управленческого решения как критерий оценки результативности исследования) // Российская газета (сибирский выпуск). 28.01.2014.
8. *Тихонов А. В.* Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Новые идеи в социологии : монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко (Серия «Magister»). М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 33—49.

Информация об авторе

Першуткин Сергей Николаевич, д. с. н., заведующий отделом социологии государства АНО «Московский институт социологических исследований», Москва, Россия, academ2011@mail.ru

КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЙКОНУР СПАСЛИ

Т. В. Черняк

Сибирский институт управления, филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

Аннотация. На примере ситуации с городом-космодромом Байконур проанализирован опыт практического применения результатов социологических исследований для принятия государственных решений. Опираясь на результаты исследований, Министерство обороны РФ приняло беспрецедентные решения, и космодром, который двадцать лет назад мог бы прекратить реализацию космических программ, был сохранен.

Ключевые слова: космонавтика, Байконур, город-космодром, военный городок, зоны социальной напряженности, система жизнеобеспечения города, космические программы, военно-космические силы

В 2015 г. российский космодром Байконур отметил 60 лет своей героической деятельности. Юбилей международной космической гавани прошел незаметно для общественности, что, вероятно, было связано и с проблемами в развитии отечественной космонавтики.

Материал, представленный ниже, доказывает, что социология способна внести реальный вклад в принятие стратегических государственных решений, на примере сохранения уникального объекта города-космодрома Байконур — в 1995 г., когда космодрому было 40 лет [2]. Проблемы жизнедеятельности этого специфического города-космодрома в ситуации нестабильности, социальной напряженности, социально-экономического кризиса и неопределенности перспектив развития изучались автором статьи с 1991 по 1996 гг. в ходе написания кандидатской диссертации [2]. Работа в городском Центре занятости населения, а затем в Центре социально-психологических исследований космодрома Байконур обеспечила возможность проведения многочисленных социологических исследований по заказу Министерства труда Казахстана, Министерства обороны РФ и т. д. на уникальном объекте, специфическом научно-производственном комплексе — городе-космодроме Байконур.

Объективная проблемная ситуация сложилась в городе в 1990-е годы и состояла в следующем: город-космодром, детище СССР, в 1991 г. оказался на территории зарубежного государства Казахстан и был арендован Россией, что рождало ситуацию неопределенности его статуса и будущего. Байконур был создан как военный городок закрытого типа с изначальным нарушением всех урбанистических пропорций и сохра-

нял остаточные признаки военного городка, где 82 % населения работали на космодроме, а собственная производственная структура города была крайне неразвита. С распадом Союза это привело к проблемам жизнеобеспечения населения, обострению экономических, социальных, политических, этнических, социально-демографических и экологических проблем. Сложилось глубокое противоречие: жители города должны были выполнять важные государственные задачи и обеспечивать реализацию международных космических программ, приносящих огромные доходы в бюджет, а система жизнеобеспечения города давала сбой, что в совокупности с обострением целого ряда проблем вызывало социальную напряженность и дестабилизировало жизнь населения.

В ходе исследования по выявлению зон социальной напряженности и удовлетворенности населения различными сторонами жизни были опрошены все группы населения, проживающие в городе-космодроме: военнослужащие и работники научно-производственных объединений Военно-космических сил РФ (53 %), работники предприятий Казахстана (22 %), работники социальной сферы (16 %), молодежь и учащиеся трудоспособного возраста (9 %). Процентное соотношение различных групп респондентов соответствовало структуре занятости населения. Были выделены группы ведомственной и государственной подчиненности: горожане (приехавшие из России), местные жители титульной национальности (казахи), приезжие (мигранты), эксперты (представители городской и военной власти).

Исследование показало неудовлетворенность всех групп населения состоянием жилищно-бытовых условий, медицинской помощью, культурным досугом, возможностями образования и воспитания детей (от 60 % до 93 % респондентов); перемены в производственной и социально-бытовой сферах население оценивало как «изменение к худшему» — 89 % [2, с. 15]. Изменения условий жизни в городе «как неудовлетворительные и очень плохие» по показателям оценили: обеспечение личной безопасности — 97 %, условий жизни — 88 % респондентов [2: 16]. На основе полученных результатов, а также по другим основаниям (повышение количества преступлений бытового характера на 50 %, социальной апатии и неверия в улучшение ситуации в последующие 3—4 года — 87 % и т. д.), была констатирована повышенная социальная напряженность в системе городских отношений. В середине 1994 г. материалы исследования были представлены руководству космодрома и администрации города.

С 1995 г. армия переходила на контрактную систему, и чтобы обеспечить возможность продолжения космических программ на космодроме, необходимо было срочно изучить и спрогнозировать ситуацию подписания контракта военнослужащими на последующие пять лет, за полгода до срока

вступления контрактов в силу. По решению руководства космодрома, было проведено сплошное социологическое исследование среди военнослужащих и призванных на военную службу; автор статьи разработала программу и инструментарий исследования. Результаты его были катастрофическими: 53% опрошенных не собирались подписывать контракты на продолжение службы на космодроме и намеревались уехать в ближайшие год-два; 28% — сомневались и еще не приняли решение о подписании контракта; и только 22% респондентов (в возрасте от 40 до 45 лет, т. е. перед выходом на военную пенсию!) собирались продолжать службу на космодроме. Как видно из этих данных, космодром еще двадцать лет назад мог бы потерять все свои квалифицированные инженерно-технические кадры и прекратить реализацию космических программ.

Итоги исследования были срочно переданы в Министерство обороны РФ, где приняли беспрецедентные решения государственной важности по сохранению кадрового обеспечения космодрома Байконур. Для служащих космодрома были введены льготы: с 1995 г. город получил статус города республиканского значения; год службы стал засчитываться за два; выплачивались «космические» проценты к денежному довольствию и т. д. Принятые меры позволили закрепить кадры на космодроме, а в дальнейшем направить усилия на решение проблем жизнеобеспечения населения города. Этот пример практического значения социологии и социологических исследований для решения задач государственного значения используется мной при обучении студентов дисциплине «Методология научного исследования».

Список литературы

1. Черняк Т. В. Оазису 40 лет — итоги конверсии // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 75—80.
2. Черняк Т. В. Социологический анализ факторов социальной напряженности и способы ее ослабления в специфическом городе (на примере научно-производственного комплекса город-космодром Байконур) : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Татьяна Владимировна Черняк. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1996.

Информация об авторе

Черняк Татьяна Владимировна, к. с. н., доцент кафедры управления персоналом Сибирского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, tatyanchernyak@yandex.ru

ЧЕГО ХОЧЕТ «ЮНОСТЬ»?

Т. Б. Щеглова

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

Аннотация. Исследование, проведенное автором для изучения социального климата одного из микрорайонов Твери — «Юность», легло в основу долгосрочной социальной программы «Чего хочет „Юность“?», комплекс мероприятий которой направлен на улучшение социального климата в микрорайоне. Инструментарий исследования можно использовать для улучшения социального климата и в других районах города.

Ключевые слова: социальный комфорт, социальный климат, развитость инфраструктуры, анкетный опрос

Микрорайон «Юность» — часть заволжского района Твери, у которого есть свои проблемы, как у любого другого района, и который многие жители города, в том числе жители самого микрорайона, считают неблагополучным. Я с момента своего рождения живу в «Юности» и, будучи глубоко убежденной в том, что не место красит человека, а человек красит место, не раздумывая, включилась в работу инициативной группы горожан весной 2015 г., целью которой было изменение сложившейся в микрорайоне ситуации.

Команда Центра НКО совместно с «Тверской ассоциацией потанинских стипендиатов» разработала проект «Чего хочет „Юность“?», в основу которого легло проведенное мною на первоначальном этапе проекта объективное социологическое исследование, позволившее изучить социальный климат микрорайона. В исследовании приняло участие 362 человека (выборка из расчета по генеральной совокупности 35000 человек, согласно данным избирательной комиссии) — 60 % женщин, 40 % мужчин. 52 % опрошенных проживает в микрорайоне «Юность» более 10 лет, 30 % — от 5 до 10 лет, 11 % — от 1 года до 4 и только 7 % респондентов не так давно отметили новоселье. Опрос показал, что более трети респондентов считают микрорайон «Юность» недостаточно комфортным для проживания, а 6 % опрошенных считают его совершенно неблагоустроенным. Также был выявлен ряд проблем, беспокоящих жителей микрорайона: качество культурных объектов, развитость инфраструктуры, проведение досуга в микрорайоне (93 % опрошенных, для того чтобы интересно провести время, отдохнуть, вынуждены выезжать в другие районы города), неразвитость социального института добрососедства. Полученные данные стали основой для построения плана реализации

социальной программы «Чего хочет „Юность“?», предусматривающей проведение комплекса мероприятий, направленных на улучшение социального климата в микрорайоне «Юность» через создание инфраструктуры для занятости молодежи при реализации социальных проектов. Запланированы регулярные программы выходного дня для разных категорий жителей уже в мае 2015 г.

На каждом проектном мероприятии с целью выявления инициатив горожан проходит еще одно социологическое исследование под моим руководством, в ходе которого жители микрорайона предлагают свои идеи по благоустройству и улучшению социального климата микрорайона, а также формированию локального волонтерского корпуса. Согласно основным принципам проекта, мы не решаем за жителей их проблемы, а вовлекаем все категории жителей в решение общих проблем и задач (принцип вовлечения); не создаем новое искусственным путем, а развиваем те общественные пространства и сообщества, которые уже есть в микрорайоне (принцип катализатора); не стремимся к глобальному, а стимулируем создание микросообществ соседей, объединенных общими интересами и задачами (принцип добрососедства), а самое важное — все эти процессы проходят на основе достоверных данных и обратной связи жителей микрорайона, выявленных при помощи научного инструментария. Данный проект — отличная возможность для экспериментального наблюдения.

В ходе проведения анкетного опроса респонденты выдвинули следующие предложения по повышению комфортности проживания жителей в микрорайоне: нужно озеленить микрорайон (26 %) и отремонтировать дорожное полотно (25 %), построить больше детских и спортивных площадок (15 %) и улучшить медицинское обслуживание (12 %), построить парковки (9 %), развивать местное самоуправление (8 %), увеличить количество маршрутного транспорта (2 %), создать новые рабочие места (1 %) и построить объекты религиозного культа (1 %). Были выдвинуты отдельные предложения горожан по оптимизации отходов (введения отдельного сбора мусора) и благоустройства частных объектов массового скопления людей (вроде крупных магазинов и торговых комплексов).

Проект ориентирован на долгосрочную перспективу, его реализация запланирована на 2015—2018 гг. Каждой весной, а также по окончании программы будет производиться замер социального климата микрорайона «Юность» с помощью социологического инструментария. Так мы сможем измерить эффективность проведенных мер, а также социальный комфорт жителей микрорайона в динамике. Результаты исследования будут опубликованы в средствах массовой информации Твери и на сайте Центра НКО.

В случае успеха проекта и положительных качественных изменений инструментарий социологических исследований и самого проекта «Чего хочет „Юность“?» можно будет дублировать и при необходимости использовать для улучшения социального климата в других районах города.

Информация об авторе

Щеглова Татьяна Борисовна, магистрант по направлению Социология, Тверской государственный университет, Тверь, Россия, scheglova_tatyana@mail.ru

02. Shaken not stirred — комбинируем методы для повышения точности. Битва телефонников с квартирниками

АНАЛИЗ НЕВЕРБАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ РЕСПОНДЕНТОВ В ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА

Т. И. Ларина

РУДН, Москва, Россия

Аннотация. При проведении эмпирических социологических исследований важно анализировать невербальные реакции человека. Единой технологии анализа невербальных реакций в социологических исследованиях до недавнего времени не существовало. В 2013—2015 гг. на базе Социологической лаборатории РУДН был проведен ряд экспериментов, позволивших разработать технологию анализа невербальных реакций респондентов на анкеты массовых опросов в пилотажных исследованиях, которая применима также к фокус-групповым исследованиям и интервью.

Ключевые слова: пилотажные исследования, анкетирование, массовые опросы, невербальные реакции, фокус-группы, интервью

Невербальная коммуникация, наравне с вербальной, — неотъемлемая часть процессов социума. Изучение невербальной лексики важно не только для психологических, но и для социологических исследований, особенно, интервьюирования, фокус-групп, массовых опросов.

Оценка поведения человека по невербальным признакам часто встречает недоверие и обвинения в отсутствии научного подхода (и стоит признать, иногда небезосновательно). К настоящему времени опубликовано множество материалов по этой теме; большинство из них — т. н. «популярная психология для всех» — не воспринимается всерьез представителями академической науки, но это не означает, что информация в этих публикациях недостоверна. Зачастую в них используются данные (как правило, без указания первоисточников), полученные много лет назад «пионерами» в области изучения невербального поведения. Экспериментально подтвержденные данные содержатся в трудах П. Экмана и У. Фризена, Д. Наварро, О. Фрая, А. Кендона, В. Лабунской, Г. Крейндлины и других авторитетных ученых, к ним стоит обращаться для серьезного изучения темы.

В 2013—2015 гг. на базе Социологической лаборатории РУДН под руководством проф. Ж. В. Пузановой были проведены эксперименты, позволившие разработать технологию анализа невербальных реакций

респондентов на анкетирование как основной инструмент массовых опросов в пилотажных исследованиях [1, 2, 3]. Эта технология легко адаптируется как к формату фокус-групповых исследований, так и к интервью.

В экспериментах приняли участие более 100 человек, они работали с анкетой, носившей провокативный характер и специально разработанной с отступлением от социологических правил: часть вопросов была составлена корректно — эмоционально-нейтрально, а часть некорректно — вопросы должны вызывать яркие эмоции (семь базовых: удивление, веселье, гнев, страх, отвращение, печаль, презрение). Впоследствии спектр эмоций был расширен, с учетом частоты проявления эмоциональных реакций во время работы с социологическим инструментарием. Работа респондентов фиксировалась с помощью видеозаписи, при этом влияние на респондентов третьих лиц и самого факта записи было нивелировано. Затем реакции респондентов анализировались несколькими специалистами (исследовательская триангуляция) при помощи системы кодирования лицевых движений (см. FACS П. Экмана и У. Фризена). Также респонденты непосредственно после анкетирования беседовали с интервьюерами и общались им, какие эмоции вызвал каждый из вопросов анкеты.

Сопоставление реакций респондентов с типом вопросов, позволило разработать новую технологию анализа реакций, в основе которой — утверждение: если большинство респондентов при работе с анкетой на пилотажном этапе демонстрирует эмоциональную реакцию, отличную от нейтральной, то это служит основанием для корректировки формулировок вопросов, которые вызывают другие реакции.

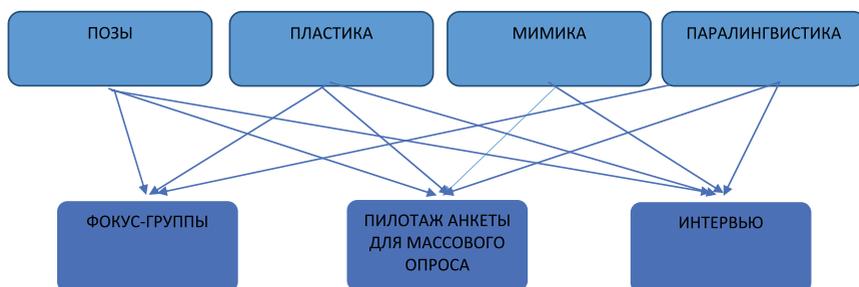

Рисунок 1. Пути использования невербальной информации в социологии

В ходе экспериментов невербальная составляющая поведения респондентов была разложена на несколько категорий: позы, пластика (жестикуляция), мимика и паралингвистика. Каждый из этих компонен-

тов может быть применен для анализа в прикладных социологических исследованиях. Позы логично рассматривать в ходе фокус-групп, в интервьюировании, а также в ходе пилотажа анкет для массовых опросов, в то время как анализировать мимику во время фокус-групп не имеет никакого смысла. Более наглядно взаимосвязи между категориями и способами анализа изображены на рис. 1.

Подобная классификация позволяет определить исследовательские направления, по которым может быть применена технология анализа невербальных реакций респондентов в прикладных социологических исследованиях:

- анализ реакций респондентов на анкету для массовых опросов в пилотажных исследованиях для улучшения их качества;
- анализ невербальных реакций в формате фокус-групп: в них невербальный компонент представлен в самом широком смысле, вследствие групповой динамики, которая способствует активной вербальной и невербальной коммуникации участников и модератора;
- разработка такого руководства для интервьюеров, работающих с помощью метода полужормализованного интервью, которое было бы основано не только на анализе невербальных реакций интервьюируемых, но и учитывало бы психологический тип человека, устанавливаемый на основе ответов на несколько вопросов, и позволяло бы адаптировать ситуацию интервью под конкретного человека. Это принципиально новое направление, разрабатываемое нами, пока не имеет аналогов в социологической науке.

Сокращение времени, затрачиваемого на анализ невербальных реакций респондентов, дает автоматизация этого процесса, например, с помощью программного обеспечения для анализа выражений лица — FaceReader.

Список литературы

1. *Ларина Т. И.* Определение качества социологического инструментария на основе анализа невербальных реакций респондентов (результаты эксперимента) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2013. № 5. С. 26—31.
2. *Ларина Т. И.* Повышение качества опросного инструментария на основе анализа невербальных реакций респондентов : дис. канд. социол. наук. М. : РУДН, 2015.
3. *Пузанова Ж. В., Ларина Т. И.* Оценка эмоциональных реакций по невербальным признакам как способ повышения качества инструментария в социологических исследованиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 57—65.

Информация об авторе

Ларина Татьяна Игоревна, к. с. н., ассистент кафедры социологии РУДН,
Москва, Россия, larina_ti@pfur.ru

ПАРАДАННЫЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСОВ (РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)

В. М. Литвинович, И. В. Пинчук, Д. В. Савотеев

Информационно-аналитический центр при Администрации Президента РБ, Минск, Беларусь

Аннотация. Используя параданные, получаемые с помощью различных информационно-коммуникационных технологий, исследователи могут осуществлять целевое управление звонками при проведении массовых телефонных опросов. Комплекс CATI использовался сотрудниками ИАЦ в декабре 2015 г.— январе 2016 г. при проведении эксперимента для определения наиболее результативных временных интервалов для телефонных интервью на базе общереспубликанского опроса. Информация, извлекаемая из параданных, позволяет существенно повышать количество завершенных телефонных интервью за единицу времени.

Ключевые слова: параданные, телефонные опросы, таргетированные звонки

Сегодня проведение опросов общественного мнения все чаще сопровождается сбором дополнительной, но не менее важной информации — параданных. Под этим термином понимаются разнообразие сведения о процедуре и ходе непосредственно опроса. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в опросную методологию (появление CATI, CAPI, CAWI, CASI и др.) значительно расширяет возможности сбора параданных.

Впервые термин «параданные» для обозначения данных, автоматически собираемых при проведении опросов с использованием компьютера, был предложен М. Купером в 1998 г. [1]. Позже методологи расширили значение этого термина и, хотя на сегодняшний день отсутствует его единое конкретное определение, чаще всего оно включает как сведения о ходе интервью, зафиксированные компьютером (например, время и длительность звонка), так и наблюдения интервьюеров, сделанные в ходе беседы, а также другую информацию, которую можно добыть с помощью различных систем фиксации [2]. Например, возможности системы CATI позволяют собирать сведения о результатах звонков интервьюеров в ходе опроса: интервью завершено успешно, сработал автоответчик, назначено время для повторного звонка, номер занят, обрыв соединения, звонок на факс, юридическое лицо, звонок без ответа, абонент не доступен и др.

Кроме того, использование параданных при проведении массовых телефонных опросов позволяет объективно контролировать загруженность колл-центра, а также прогнозировать сроки и интенсивность реализации проекта. Например, на базе аппаратно-программного комплекса «Автоматизированная система социологических опросов» (АПК «АССО»), используемого Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь (далее — ИАЦ), можно рассчитывать *временную загруженность рабочих мест*. Данный показатель представляет соотношение фактически отработанного операторами колл-центра времени к максимально возможной продолжительности работы в сутки. К примеру, если в колл-центре имеется 10 рабочих мест, то при восьмичасовом рабочем дне максимально возможная продолжительность работы составляет 4800 минут. Зная фактическое количество отработанного времени, можно рассчитать показатель временной нагрузки*. Анализ этой информации позволяет не только отслеживать простои в работе интервьюеров, но и дает возможность построить краткосрочные прогнозные модели реализации опроса на основе данных, полученных на начальных этапах его проведения (благодаря тесной взаимосвязи уровня ежедневной рабочей нагрузки и текущей результативности). С помощью подобной модели можно рассчитать количество времени, необходимое на реализацию проекта (при определенном уровне рабочей нагрузки), либо определить минимальную необходимую величину загруженности рабочих мест, отталкиваясь от определенных сроков реализации проекта.

В свою очередь объективная информация о ежедневной выработке представляет отличную сравнительную базу для анализа факторов, влияющих на эффективность работы операторов при идентичной нагрузке. В декабре 2015 г.—январе 2016 г. сотрудники ИАЦ провели эксперимент для определения наиболее результативных временных интервалов для проведения телефонных интервью на базе общереспубликанского опроса. Под результативностью в данном случае понимается количество завершенных телефонных интервью за единицу времени.

Возможности комплекса САТІ позволяют фиксировать не только суточные показатели, но и рассматривать статистику по совершенным звонкам в почасовом разрезе. Для более наглядного представления такого рода параданных удобно использовать унифицированные общепринятые коэффициенты результативности, разработанные Американской ассоциацией исследователей общественного мнения (American Association

* Учитывая особенности организации работы колл-центра в выходные дни, показатель временной нагрузки для них должен рассчитываться отдельно.

for Public Opinion Research). Наиболее простым индикатором, характеризующим достижимость респондентов в рамках опроса, является коэффициент контактов (CON_1^*) [3]. Данный показатель фиксирует долю телефонных номеров, по которым удалось дозвониться по всем работающим номерам, включенным в выборку, и не зависит ни от каких субъективных факторов (опыт интервьюера, соблюдение методики отбора и др.). Используя его, можно представить график почасовой результативности звонка за один день. Необходимо отметить, что в рамках исследования звонки осуществлялись с 10.00 утра до 21.00 (в выходные дни с 11.00).

Согласно обработанным данным, самым продуктивным временным периодом (отрезком) в будние дни является интервал с 18.00 до 21.00 — коэффициент контактов варьируется от 42,0 до 46,6%. Высокий показатель фиксируется и в первый час работы (с 10.00 до 11.00) — 32,6%. В свою очередь наименее продуктивны обеденные часы. В выходные дни картина более равномерная. На основании данных показателей можно выделить пиковую эффективность звонка утром (до 12.00) и после 20.00. Следовательно, в целях повышения результативности опросов можно повышать нагрузку колл-центра в периоды, когда коэффициент контактов достигает максимальных показателей, и снижать интенсивность в обеденные часы.

Необходимо отметить, что в своей работе ИАЦ использует базу телефонных номеров национального оператора электросвязи РУП «Белтелеком» — предприятия-монополиста, оказывающего услуги фиксированной телефонной связи. Это обуславливает основу выборки и позволяет накапливать, по сути, уникальный опыт — анализировать почасовые коэффициенты контактов в разрезе типов населенных пунктов. Результаты статистики звонков, собранной по крупным (более 100 тыс. чел.) и малым городам (до 50 тыс.), а также по сельским населенным пунктам указывают на определенные особенности в показателях результативности. В частности в селах и малых городах коэффициент контактов выше, чем в крупных городах с 15.00 до 19.00 (максимальные показатели фиксируются после 18.00 — 45,2 и 51,0% соответственно). В крупных населенных пунктах, наоборот, с 15.00 до 18.00 идет «проседание» и отмечается низкая результативность, а начиная с 19.00 коэффициент контактов превышает значения, полученные для малых городов и сел (рис. 1).

Таким образом, опираясь на параданные, исследователи могут осуществлять не просто сплошные, но и таргетированные звонки в наиболее результативные режимы работы. В представленном примере отображена

* Коэффициент контактов рассчитан по формуле $CON_1 = \frac{I+R}{I+R+NC}$.

возможность привязки работы операторов не только ко времени дня, но и к географии исследования. Подобное целевое управление звонками является резервом для повышения общей результативности телефонных опросов.

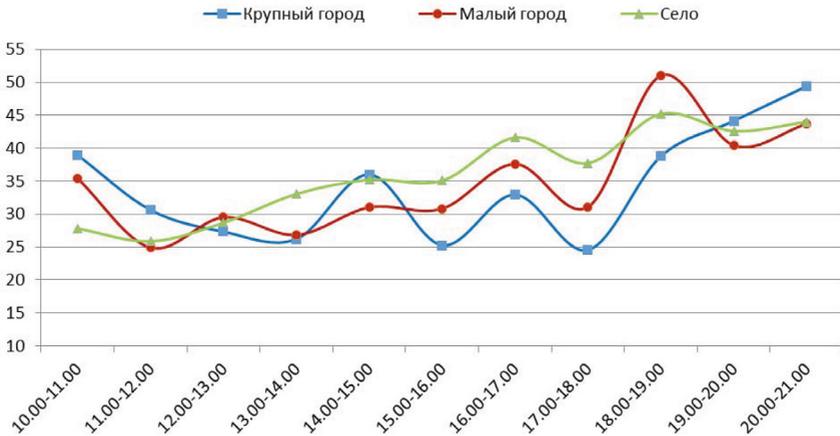

Рисунок 1. Анализ почасового коэффициента контактов (в %) в разрезе типов населенного пункта

Список литературы

1. *Ипатова А. А., Рогозин Д. М.* Условия коммуникативного успеха в стандартизированном интервью // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 21—54.
2. *Стандартные определения: систематическое описание диспозиционных кодов и коэффициентов результативности для массовых опросов (Американская ассоциация исследования общественного мнения. 3-е изд. 2004 г.) / пер. с англ. Д. М. Рогозина, Е. М. Киселева // Социологический журнал. 2005. № 2. С. 78—119.*
3. *Couper M.* Measuring survey quality in a CASIC environment // Proceedings of the Section on Survey Research Methods of the American Statistical Association. 1998.

Информация об авторах

Литвинович Владимир Михайлович, начальник управления социологических исследований Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь, mr_litvin@tut.by

Пинчук Игорь Викторович, магистр социол. н., гл. специалист Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь, igor_pinchuk87@mail.ru

Савотеев Дмитрий Викторович, аспирант Белорусского государственного университета, исследователь в области социологических наук, специалист первой категории Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь, Dimeter@list.ru

КОМБИНИРОВАНИЕ ОПРОСНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЛОНГИТЮДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖИМОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОМА

М. В. Озерова

ООО «ИНФОМ», Омск, Россия

Аннотация. В ходе реализации 2—4-й волн национального лонгитюдного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии», инициированного Институтом образования НИУ ВШЭ в 2011 г., Фонд «Общественное мнение» (далее — ФОМ) накопил методический опыт комбинирования опросных технологий для обеспечения достижимости респондентов. Комбинирование онлайн- и телефонного опросов создает условия для участия в лонгитюдном исследовании территориально рассредоточенных респондентов, обладающих различной потенциальной достижимостью.

Ключевые слова: лонгитюдное исследование, комбинирование методов опроса, опросные технологии, траектории, образование, профессия,

Особенности проекта, оказывающие влияние на достижимость респондентов

Названный исследовательский проект обладает рядом особенностей, которые обостряют проблему достижимости респондентов и требуют от организаторов полевых работ комплекса целенаправленных мер по ее решению.

Во-первых, цели исследования обуславливают очень высокую ценность ответов каждого респондента. Одна из целей исследования — отслеживание профессионально-образовательных траекторий на индивидуальном уровне, что в свою очередь предполагает участие одних и тех же респондентов в серии опросов.

Во-вторых, национальная панель лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» формировалась специфическим образом. Она основана на выборке учащихся, сделанной в рамках международного сравнительного исследования качества математического и естественнонаучного образования TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study) в 2011 г. для учащихся 8-х классов школ в Российской Федерации. Выборка TIMSS-2011 репрезентирует учащихся 8-х классов в 2010—2011 гг. в Российской Федерации. Общий объем выборки составил 4893 респондента. Учащиеся, принявшие участие в исследовании TIMSS-2011, стали участниками лонгитюдного исследования (подробное описание дизайна исследования см.:

<http://trec.hse.ru>). В результате применения данной технологии формирования панели далеко не все панелисты стали участниками исследования по собственному желанию, проявив к нему интерес. Некоторые респонденты стали участниками лонгитюда на добровольно-принудительной основе, так как под давлением учителей и администрации школы не могли отказаться от участия в исследовании TIMSS.

В-третьих, для представителей изучаемой аудитории характерна высокая социальная мобильность. Так, если во 2-й и 3-й волнах большинство респондентов еще были учениками школ, то в 4-й волне ФОМ столкнулся с необходимостью поиска и опроса почти 5000 человек, которые на момент опроса были территориально разрознены и могли изменить контактные данные, оставленные в предшествующих волнах опроса.

Фактическая достижимость респондентов в национальном лонгитюдном исследовании

Представление об особенностях отдельных волн национального лонгитюда и фактической достижимости респондентов каждой волны исследования можно составить на основании табл. 1.

Таблица 1. Особенности отдельных волн национального панельного исследования «Траектории в образовании и профессии»*

Параметры описания волн исследования	Учебный год				
	2010/ 2011	2011/ 2012	2013/2014		2014/2015
			осень-зима	весна-лето	
Волна, измерение	TIMSS (n = 4893)	TIMSS PISA НП 1	НП 2	НП 3	НП 4
Реализация сбора данных силами ФОМа	Нет	Нет	Да	Да	Да
Статус респондентов на момент опроса	Учащиеся 8-х классов школ	Учащиеся 9-х классов школ	Ученики 11-х классов, студенты уч. зав. НПО и СПО, работающие и др.	Ученики 11-х классов, студенты уч. зав. НПО и СПО, работающие и др.	Первокурсники, студенты уч. зав. НПО и СПО, работающие и др.
Структурный фактор осыпания панели	—	—	Присутствует: переход части выпускников 9-го класса в другие уч. зав.	Отсутствует	Присутствует: массовое окончание школы
Достижимость	—	68,1% (n = 3333)	84,5% (n = 4138)	86,8% (n = 4247)	74% (n = 3620)

* НП — Национальная панель, порядковый номер обозначает волну.

Подход ФОМа к реализации лонгитюда

Подход ФОМа к реализации лонгитюда предполагал комбинирование следующих опросных технологий: личное (face-to-face) интервью, анкетирование (самозаполнение анкет при интервьюере и в его отсутствие), телефонное интервью, онлайн-опрос (CAWI).

В ходе реализации 4-й волны опроса ФОМ существенно усовершенствовал методику поиска и опроса панелистов, пополнив ее новыми инструментами. Избранный способ организации полевого этапа исследования позволил добиться достижимости на уровне 74% от общего числа респондентов. Данный показатель следует признать достаточно высоким, так как опрос проходил в условиях территориальной разрозненности респондентов, когда все участники исследования покинули стены своих школ.

Фактором успеха ФОМа в обеспечении достижимости респондентов лонгитюда является индивидуальный подход к каждому панелисту на этапе установления контакта, приглашения к опросу и выбора наиболее подходящего варианта прохождения опроса. На рис. 1 указано распределение методов опроса респондентов во 2—4-й волнах исследования.

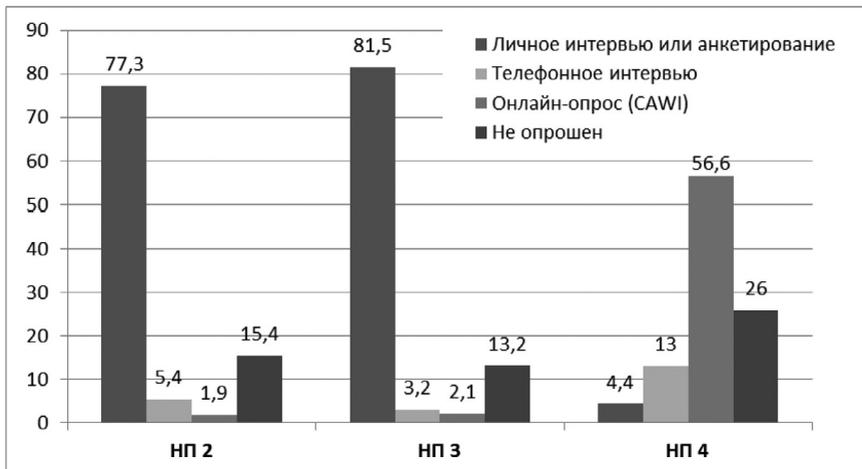

Рисунок 1. Результаты комбинирования методов опроса во 2—4-й волнах национального лонгитюдного исследования, в % от общего числа панелистов ($n = 4893$)

В последней волне опроса (НП 4) произошло кардинальное изменение доминирующих методов опроса панелистов. Во 2-й и 3-й волнах исследования основная масса респондентов была опрошена посредством личного интервью или анкетирования (самозаполнения бумажной анкеты).

В НП 4 доминирующим методом опроса респондентов стал онлайн-опрос, таким способом опрошено три четверти респондентов, принявших участие в этой волне исследования; в телефонном опросе приняли участие 18 % опрошенных, на долю остальных опросных методов приходится 5 %. Сдвиг в сторону онлайн-опроса обусловлен массовым изменением социального статуса участников исследования, связанного с окончанием школы. Во 2-й и 3-й волнах телефонный и онлайн-опрос были средствами опроса небольшой части панелистов, которых не удалось опросить в стенах учебных заведений (школ, учреждений НПО и СПО) или на личной встрече, организованной в индивидуальном порядке.

Более острая потребность в комбинировании методов опроса появилась в 4-й волне национального лонгитюда в результате существенно большей самостоятельности панелистов в принятии решения об участии в исследовании. Проблема достижимости респондентов осложнилась, так как, массово покинув стены школ, респонденты уже не находились под влиянием административного фактора в лице учителей и администрации образовательного учреждения. Кроме того, отсутствовал фактор группового давления, когда демонстрируя конформное поведение, панелисты заполняли анкеты вместе со своими одноклассниками.

Комбинирование методов опроса в национальном лонгитюде позволило:

- учитывать индивидуальную жизненную ситуацию респондента при установлении контакта и выборе метода опроса;
- предоставить большую свободу самому респонденту в выборе метода опроса, большая субъектность респондента в исследовании;
- обеспечить достижимость респондентов с разной степенью лояльности по отношению к проекту.

*Таблица 2. Особенности социального портрета респондентов национального лонгитюда, опрошенных посредством разных методов**

Параметры для сравнения	Черты социального портрета панелистов, опрошенных разными методами в НП 4	
	Онлайн-опрос	Телефонный опрос
Пол респондента	Женский	Мужской
Успеваемость: среди годовых оценок за 8-й класс...	Нет «2» и «3» ни по одному предмету	Есть «2» и/или «3» хотя бы по одному предмету

* Черты социального портрета респондентов, опрошенных разными методами, выделены на основании анализа отличий социального состава каждой подгруппы от социального состава опрошенных в целом. Метод: таблицы сопряженности, анализ уточненных нормированных остатков. Подгруппа панелистов, опрошенных методами личного интервью и анкетирования, малочисленна, поэтому описание социального портрета таких респондентов не приводится.

Параметры для сравнения	Черты социального портрета панелистов, опрошенных разными методами в НП 4	
	Онлайн-опрос	Телефонный опрос
Пол респондента	Женский	Мужской
Сколько классов школы окончили	11 классов	9 классов
Тип школы, которую окончил панелист	Гимназия, лицей, школа с углубленным изучением отдельных предметов	Обычная школа
Обучение в каком-либо учебном заведении на момент опроса	Учусь в вузе	Нигде не учусь Учусь в техникуме, колледже, училище, профессиональном лицее
Наличие детей	Нет	Нет, но ожидаю
Образование родителей	Высшее	НЕ высшее
Тип участия в лонгитуде	Участники всех волн исследования	Респонденты, возобновившие участие в исследовании после перерыва
Предпочтения по методу опроса, высказанные в предыдущих волнах	Онлайн-опрос	Опрос на бумажных анкетах

Сравнение социальных портретов респондентов (табл. 2), опрошенных разными методами, позволяет сделать вывод о том, что каждый метод имеет свою специфическую аудиторию, следовательно, комбинирование методов позволяет повысить достижимость участников национального лонгитюда.

Онлайн-опрос требует большей самостоятельности и организованности от панелиста. Этот метод предполагает активное использование ресурсов Интернета, понимание его возможностей. Респонденты, принявшие участие в онлайн-опросе, характеризуются более высоким образовательным капиталом, как личным, так и семейным. Можно предполагать, что такие панелисты обладают высокой лояльностью к проекту, понимают значимость и уникальность проводимого исследования, поэтому регулярно участвуют во всех волнах опроса.

Телефонный опрос, предполагающий коммуникацию «здесь и сейчас», больше подходит для респондентов, которые имеют слабую идентичность панелиста. Кроме того, данный метод опроса позволяет обеспечивать достижимость более сложных категорий респондентов. Например, это касается респондентов мужского пола, доля которых среди панелистов несколько снижается по мере продвижения исследования. Недостижимость

молодых людей в НП 4 связана с их службой в армии, где пользование Интернетом и социальными сетями ограничивается, а телефонная связь, хотя и более доступна, тоже часто регламентирована.

На первый взгляд, может показаться, что переход к онлайн-опросу основной части респондентов должен привести к существенной экономии времени, материальных и трудовых ресурсов на проведение полевых работ. Однако опыт ФОМа свидетельствует об обратном. Социальная мобильность панелистов, смена ими места жительства, в связи с образовательной миграцией и переездами по другим причинам, приводят к изменению контактных данных, оставленных в предшествующих волнах опроса. Поэтому в 4-й волне исследования стратегия работы интервьюеров по поиску респондентов часто напоминала действия детектива при проведении расследования.

Онлайн-опрос без предварительного контакта по телефону с каждым респондентом приближает достижимость участников лонгитюда к нулевым значениям. Так, один из региональных партнеров в нарушение инструкции разослал ссылки для прохождения онлайн-опроса панелистам своего региона без предварительной договоренности с респондентом по телефону. Отклик панелистов был крайне низким, 1 респондент из 86 заполнил анкету.

В 4-й волне исследования действовали следующие алгоритмы установления контакта с панелистами для получения согласия на проведение опроса:

1. При наличии актуального контактного телефона:

1.1. Звонок респонденту. По инструкции, на действующий номер телефона, по которому не получено никакого ответа, полагалось дозваниваться в течение двух-трех недель, в разные дни недели и в разное время дня не менее двух раз в неделю.

1.2. Получение согласия на опрос.

1.3. Опрос по телефону, отправление ссылки для прохождения онлайн-опроса, договоренность о личной встрече для прохождения опроса.

1.4. В случае онлайн-опроса, контроль факта его прохождения интервьюером. При необходимости, повторные звонки, письма, сообщения респонденту по телефону, в социальных сетях, выяснение причин неответа на вопросы анкеты.

2. При отсутствии актуального контактного телефона:

2.1. Попытка связаться с респондентом с помощью имеющихся контактных данных.

2.2. Поиск контактных данных. Инструкция предполагала следующие действия: «Если в полученной базе контактов у респондента нет телефона, пользуйтесь любой другой имеющейся информацией: домашний

адрес, адрес учебного заведения, общайтесь с одноклассниками и т. д. Почти все респонденты есть в «ВКонтакте», попробуйте найти их страницы самостоятельно, задавая параметры поиска из базы контактов (фамилия, имя, страна, город, дата рождения, № школы). Если удалось найти хотя бы одного человека из класса, можно искать через его «друзей».

2.3. После установления контакта интервьюер продолжает действовать по алгоритму, описанному выше.

В методических отчетах региональных партнеров по результатам полевых работ в 4-й волне лонгитюдного исследования можно найти невероятные истории поиска респондентов и проведения опросов. Так, есть примеры опроса респондентов, проходящих службу в армии, уехавших на ПМЖ в другие страны и даже опрос человека, отбывающего наказание в местах лишения свободы.

Анализ методических отчетов по результатам полевых работ, подготовленных региональными партнерами ФОМа, позволил сделать вывод: исследования такого рода выдвигают новые требования к квалификации интервьюеров. Интервьюеры завтрашнего дня, способные участвовать в лонгитюде с комбинированными опросными технологиями должны обладать двумя ключевыми компетенциями. Во-первых, уметь разыскивать панелистов, устанавливая для этого доброжелательные отношения с социальным окружением панелиста, во-вторых, быть способны убедить респондента принять участие в очередной волне опроса. Так как коммуникация строится через Интернет, интервьюеру необходимы компьютерная грамотность и понимание правил общения в социальных сетях. Можно утверждать, что имеются особенности и в мотивации интервьюеров к работе. Более успешны в обеспечении достижимости респондентов интервьюеры, понимающие специфику такого исследования, те, кому нравятся сложные, нестандартные задачи, кто готов работать в нестандартной обстановке и менять привычные схемы своего поведения. Такие интервьюеры мотивированы не только денежным вознаграждением, но и содержанием выполняемой работы.

Таким образом, анализ методического опыта ФОМа показал, что комбинирование онлайн- и телефонного опросов создает условия для участия в лонгитюдном исследовании территориально рассредоточенных респондентов, обладающих различной потенциальной достижимостью и разной степенью лояльности по отношению к проекту.

Информация об авторе

Озерова Мария Викторовна, к. с. н., ведущий специалист отдела координации работ ООО «инФОМ», старший преподаватель кафедры социологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, mv.ozerova@yandex.ru

КОМБИНИРОВАНИЕ МЕТОДОВ СБОРА ДАННЫХ: ФОКУС НА ОНЛАЙН

М. В. Пикулева

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены новые возможности, которые дает комбинирование телефонных интервью с заполнением онлайн-анкет при измерении объема и профиля аудитории различных медиа. Совершенствование инструментария продолжается — для медиаизмерений необходима высокая точность результата. Предполагается в дальнейшем использование опросов через мобильные приложения, сбор данных в социальных медиа-средах, комбинации традиционных опросов с Big Data и с автоматическим измерением.

Ключевые слова: онлайн-опрос, телефонный опрос, онлайн-панели, комбинация методов, медиаизмерения, медиааудитория

Борьба за повышение уровня достижимости, с одной стороны, и за сокращение издержек, с другой, постоянно стимулирует социологов к поиску и апробации эффективных сочетаний методов сбора информации. В этих комбинациях все чаще и чаще появляется онлайн-опрос.

По данным ESOMAR, онлайн-исследования составляют 23% в общей совокупности исследований, проведенных в мире в 2015 г. (рис. 1). При этом в некоторых странах, например, в Японии и Швеции, этот показатель достигает 45—46% [1].

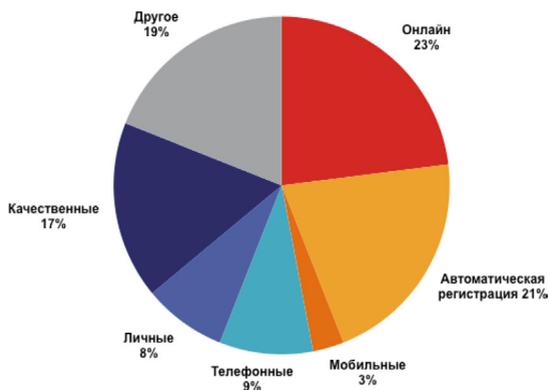

Рисунок 1. Мировой рынок: доля исследований по методам сбора данных, оценка ESOMAR

Преимущества онлайн-опросов очевидны: оперативность, возможность таргетирования, реализация сложных методик и демонстрация фото-, видео- и аудиоматериалов. Не в последнюю очередь нужно отметить удобство не только для исследователя, но и для респондента. В условиях кризиса важное значение приобретает экономичность метода.

Вместе с тем у онлайн-опросов, проводимых на онлайн-панелях, есть существенные ограничения. В них невозможны случайные выборки, так как панель смещена в сторону более активной группы населения, что прежде всего отражается на возрастном составе (рис. 2). Однако это смещение может сыграть положительную роль при комбинации с другими методами. Например, телефонный опрос по стационарным номерам со случайным отбором респондента в домохозяйстве дает смещение выборки в сторону пенсионеров, а это как раз наименее охваченная Интернетом группа.

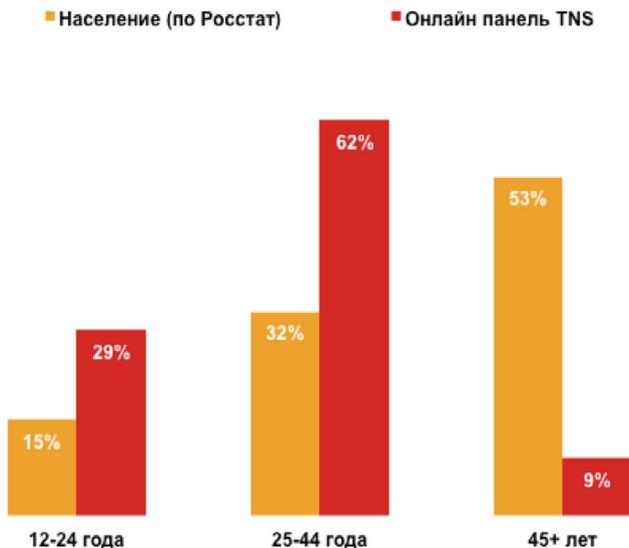

Рисунок 2. Возрастная структура онлайн-панели в сравнении с населением России

Исследовательская компания TNS Россия, специализирующаяся на измерении объема и профиля аудитории различных медиа, начала использование комбинированных опросов в 2000-х гг. с дозвонив на стационарные и мобильные телефоны. Эта практика широко распространилась в отечественной социологии после отмены оплаты входящих звонков. Комбинированные телефонные опросы, кроме TNS, проводят ВЦИОМ, ФОМ, ГФК-Русь и другие агентства.

По мере распространения сети Интернет увеличивается группа населения, которая может быть опрошена в режиме онлайн. Так, в августе 2015 г. — январе 2016 г. аудитория Интернета в России составляла 68 % населения 12 лет и старше (в городах с населением от 100 тыс. человек — 74 %). При этом проникновение Интернета в группе 12—34 лет составило 94 %, т. е. среди молодежи практически не осталось не охваченных Интернетом. В группе 35—44 года показатель несколько ниже: 83 %, т. е. и в среднем возрасте подавляющее большинство россиян включено в интернет-сообщество [3]. Это дает основание утверждать, что для указанной группы онлайн-опрос является столь же репрезентативным методом, как и более традиционные офлайн-подходы, а значит, можно попробовать их скомбинировать.

В отечественной практике онлайн-опрос, как правило, комбинируется только с CLT. Комбинирование телефонных интервью с заполнением онлайн-анкет требует переосмысления инструментария и разработки такого дизайна анкеты, который мог бы использовать преимущества каждого метода, но давал бы минимальное расхождение в данных [4]. Практика показывает, что иногда добиться такого эффекта невозможно. Например, автору довелось исследовать популярность российских звезд кино, телевидения, спорта и шоу-бизнеса с помощью телефонного и онлайн-опроса. Онлайн-анкета включала портреты звезд, что, по сравнению с телефонным опросом, с одной стороны, значительно повышало их узнаваемость (в среднем на 14 процентных пунктов), с другой — понижало их оценки. Респонденты из «телефонника», узнавшие звезду только по имени, как правило, были лучше знакомы с ее достижениями и выше их оценивали. Из-за значительного расхождения результатов было принято решение отказаться от комбинации и оставить онлайн-опрос, который гарантировал более точное узнавание персоны у всей аудитории, а не только среди поклонников.

В то же время примером успешной комбинации методов может быть исследование аудитории радио TNS Radio Index. Методика измерения аудитории радио Day-after-Recall предполагает, что, прежде чем отвечать на вопросы о слушании радио, респондент сначала должен реконструировать картину предыдущего дня (где находился и что делал) с точностью до 15-минутных интервалов. Интервьюер CATI помогает сделать это с помощью серии вопросов, но в онлайн-анкете было решено использовать принцип дневника. Первые версии дневника не прошли usability-тестирование (проверка эргономичности интерфейса) либо давали результаты, далекие от телефонного тренда. Однако в последующих тестах удалось добиться высокой идентичности результатов, полученных разными методами (рис. 3). В настоящий момент совершен-

ствование инструментария продолжается, поскольку для медиаизмерений необходима существенно более высокая точность результата, чем для классических опросов о политических убеждениях или о потребительских предпочтениях. Например, изменение значения аудиторного показателя на 0,1 процентного пункта может вызвать серьезные вопросы к методу у заказчиков исследования. (Объем выборки позволяет анализировать такие показатели: проводится 150 тыс. интервью в год с предоставлением отчетности 4 раза в год.)

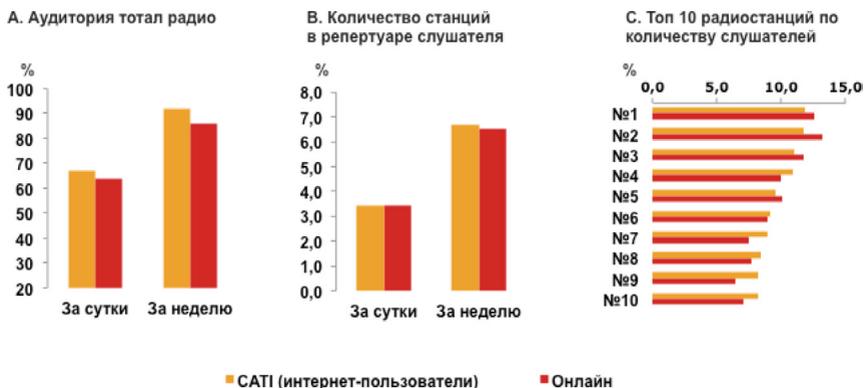

Рисунок 3. Результаты исследования TNS Radio Index, полученные двумя разными методами

Добавление онлайн-интервью в общую выборку происходит очень дозированно и постепенно, чтобы сохранить непрерывность многолетнего тренда и обеспечить стабильность рекламного рынка, в интересах которого проводятся медиаизмерения. Так, в конце 2015 г. — начале 2016 г. в выборе TNS National Readership Survey (исследование читательской аудитории периодических изданий) в Москве 60% интервью приходилось на телефонный опрос по стационарным номерам, 20% — на телефонный опрос по мобильным номерам и еще 20% — на онлайн-интервью.

Это дало дополнительное преимущество издательским домам. Благодаря специальному программному обеспечению, установленному на компьютере панелиста, TNS собирает информацию о его реальном поведении в сети (click-stream). Так стало можно рассчитать пересечение аудиторий печатных газет и журналов и их цифровых версий. На рис. 4 показана зависимость пересечения от направленности издания: например, аудитория новостного ресурса rbc.ru составляет 25% аудитории одноименного журнала, а аудитория газеты «Советский спорт» почти не пересекается с аудиторией сайта sovспорт.ru.

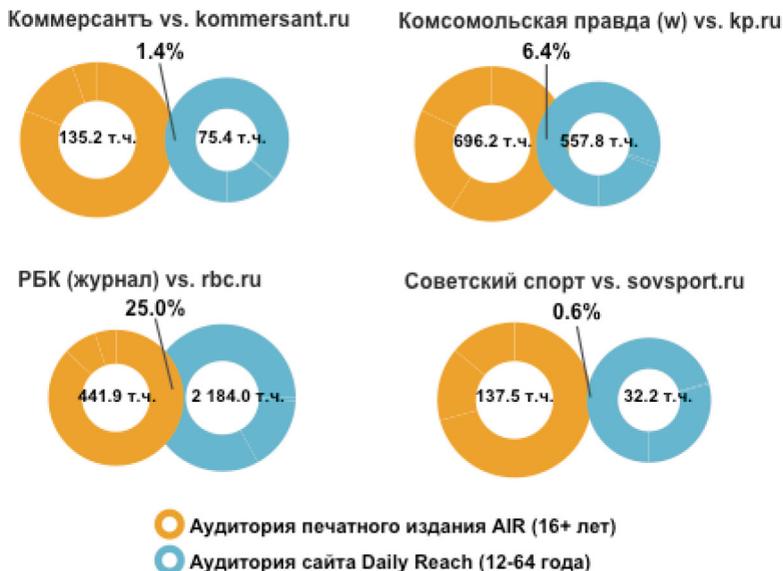

Рисунок 4. Пересечение аудитории печатных изданий и сайтов [TNS NRS, TNS Web Index, 2015]

Доля онлайн-интервью в исследованиях, проведенных компанией TNS Россия, увеличилась с 5% в 2010 г. до 22% в 2015 г. и продолжает расти, в том числе за счет комбинированных опросов. В перспективе планируется использование — по отдельности и в сочетании с традиционными методами опроса — таких инновационных методов, как опросы через мобильные приложения, сбор данных в социальных медиасредах, а также комбинации традиционных опросов с Big Data и с автоматическим измерением.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#/ (дата обращения: 29.02.2016)
2. Dillman D., Smyth J., Christian L. M. Internet, phone, mail, and mixed-mode surveys // Wiley, 2014.
3. Global market research 2015. An ESOMAR Industry report [Электронный ресурс]. URL: https://www.esomar.org/web/research_papers/industry-reports.php?id=2701/

4. TNS NRS: Исследование читательских аудиторий [Электронный ресурс]. URL: <http://tns-global.ru/services/media/media-audience/press/description/> (дата обращения: 29.02.2016)

5. TNS Web Index: Аудитория Интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/> (дата обращения: 29.02.2016)

Информация об авторе

Пикулева Марина Вячеславовна, к. с. н., ведущий медиааналитик TNS Россия, доцент кафедры маркетинговых коммуникаций факультета бизнеса и менеджмента НИУ ВШЭ, Москва, Россия, Marina.Pikuleva@tns-global.ru

КОМБИНАЦИЯ МЕТОДОВ: КАК ИЗУЧИТЬ ЯДРО СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, НЕ УПУСТИВ ПЕРИФЕРИЮ

А. Г. Тертышникова

РУДН, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается комплексное применение различных методов в изучении социальных представлений. Метод неоконченных предложений (МНП) широко используется в эмпирической социологии для изучения представлений на групповом и личностном уровнях. Альтернатива МНП — метод виньеток, универсальный, прагматичный, дающий возможность формализовать полученные данные до проведения полевого этапа, применимый для массовых опросов. Его дополнительное преимущество в том, что можно замерить не только ядро образа, но и те сегменты, которые находятся на его периферии. В результате удастся получить более глубокую информацию, коррелирующую с информацией, полученной ранее при помощи МНП.

Ключевые слова: социальные представления, проективные методики, метод неоконченных предложений, метод виньеток, ядро и периферия образа, интеллигенция

В последние несколько десятков лет социальные представления стали признанным направлением в социальной психологии и социологии, они привлекают внимание ученых со всего мира. Однако для достижения качества получаемой информации необходим комплексный анализ социальных представлений.

Эмпирическое изучение социальных представлений условно можно разделить на три направления.

1. Исследования, связанные с проблемами, характерными для малых групп. Данные исследования в большей степени носят психологический характер. Основной метод — лабораторный эксперимент. Основные цели состоят в получении информации, а также в освоении ситуации по средствам выстраивания системы социальных представлений.

2. Исследования межгрупповых отношений, связанные с соотношением социальных представлений и социальных ролей, выполняемых в обществе. Изучается также рефлексивный аспект интеграции между группами посредством лабораторного эксперимента.

3. Исследования, ориентированные на изучение взаимосвязи социальных представлений и определенных социальных позиций в больших социальных группах. Ключевая задача заключается в раскрытии содер-

жания, смысла представлений. Именно в данном направлении в большей мере заинтересована социологическая наука. Исследования в рамках этого направления возможны при помощи таких методов, как контент-анализ прессы, Интернета и других СМИ; анкетирование по строго структурированному опроснику; свободный ассоциативный эксперимент; фокус-группы; техники семантического дифференциала; метод неоконченных предложений; методы оценки экспертов; метод виньеток и т. п.

Многоуровневый характер социальных представлений требует комплексного использования различных методов. Наиболее актуально и перспективно, с нашей точки зрения, применение проективных методов для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач.

По мнению Х. Филлмора (H. Fillmore), «от любого респондента можно ожидать многих установок, которые он будет не готов выразить интервьюеру, а также много других, которые он не выразит даже самому себе» [1].

Поэтому, вместо того чтобы задавать прямые вопросы, используются проективные методики, получившие широкое распространение в социальной психологии. В социологии к числу проективных методов можно отнести:

- метод неоконченных предложений;
- семантический дифференциал;
- технику репертуарных решеток;
- тест ассоциаций и т. д.

Важной спецификой проективных методов является акцентирование внимания на проективном стимуле. Такие стимулы подразумевают под собой решение в достаточной степени детерминированных исследовательских задач. Проективные методы дают респондентам стимул, чтобы вынудить их отреагировать на него и проинтерпретировать информацию так, как поступил бы в данном случае сам респондент. Это способствует преодолению «трех основных барьеров на пути к изучению человеческих мотивов и установок: психологическую репрессию и вытеснение, рациональный контроль и контроль социальных влияний» [2].

Использование метода неоконченных предложений в двух стратегиях анализа (восходящей и нисходящей) для исследования социальных представлений об интеллигенции и интеллигентном человеке, которое мы провели, раскрывает возможности изучения ядра образа и подтверждения его устойчивости в рамках методологического подхода теории Ж.—К. Абрика о ядре и периферии. Результатом анализа социальных представлений об интеллигенции при помощи метода неоконченных предложений в рамках восходящей стратегии стали следующие компоненты: «нравственность», «социальная структура», «культурность», «позитивность», «гражданская позиция»; «интеллектуальность», «воспитание»,

«представители интеллигенции» и «творческое начало». Структурные элементы образа «интеллигентный человек» представлены следующими компонентами: «нравственность», «коммуникабельность», «интеллектуальность», «гражданская позиция»; «культурность», «позитивность», «личностные характеристики (отриц.)», «воспитание», «представители интеллигенции».

Вторичный анализ данных дал несколько иную картину. Поскольку анализ проводился дедуктивным методом (первичный — наоборот, при помощи метода индукции) и ядро образа было задано заранее, выглядело оно следующим образом: «образованность», «креативность», «этическая переменная» («альtruизм», «толерантность», «экологическая озабоченность»). Наполненность и вес ядра в данном случае превышает аналогичные показатели при индуктивном анализе.

Объясняется это тем, что часть компонентов, выделенных при первичном анализе, вошли в состав более широких компонентов, заранее заданных при вторичном анализе, основываясь на теории и формуле интеллигентности, предложенной А. В. Соколовым [3]. Использование прямого и обратного анализа данных (восходящей и нисходящей стратегий), позволяет вычленить устойчивые ядра и периферии образа, а также сравнить полученные результаты с точки зрения их релевантности.

Примененная в исследовании методика неоконченных предложений (МНП) является наиболее актуальной, адаптированной и получившей признание в эмпирической социологии в качестве проективного метода изучения представлений как на групповом, так и на индивидуальном (личностном) уровнях [4] (что индивид понимает под интеллигенцией и считает ли себя интеллигентным человеком).

В качестве альтернативы методу неоконченных предложений выступает метод виньеток. К его достоинствам можно отнести универсальность, прагматичность, возможность формализации полученных данных до проведения полевого этапа. Метод виньеток применим для массовых опросов и обладает дополнительным преимуществом, которое заключается в том, что можно замерить не только ядро образа, но и те сегменты, которые находятся на его периферии. Необходимый набор разработанных для целей исследования виньеток можно представить в виде отдельных небольших частей в разных анкетах, что поможет избежать суггестии и набрать необходимое количество виньеток от всех респондентов, получив репрезентативные данные [5].

Фокус внимания автора зависит от исследовательских задач. Винюетки позволяют быстро, без трудоемких затрат формализовать данные. Результат использования метода виньеток — получение более глубокой

информации, коррелирующей с той, которая была получена ранее при помощи МНП.

Среди компонентов, находившихся на периферии образа по результатам МНП, были отобраны наиболее весомые, которые и стали в дальнейшем показателями виньетки. В качестве ключевых компонентов, вошедших в ядро образа, выступили «стремление к саморазвитию» и «сомневающийся» для респондентов в возрасте до 25 лет и «стремление к саморазвитию», «сомневающийся» и «патриот» для респондентов старшего поколения (40—55 лет). Исходя из ранее полученных данных, «интеллектуальность» в МНП — это «стремление к саморазвитию» в данных, полученных методом виньеток, а «коммуникабельность» включает показатель «сомневающийся». Дополнил образ интеллигентного человека показатель «патриот» (лишь для респондентов 40—55 лет). Следует отметить, что выдвинутая гипотеза о различиях в периферии образа у двух возрастных групп подтвердилась.

При анализе данных, полученных с помощью представленных методов, несложно переходить от дробных классификаций к обобщениям. Однако главное — не потерять связь с обыденным (повседневным) пониманием и объяснением мира. Категоризации, наиболее распространенные в массовом сознании, являются опорными моментами дальнейшего анализа и ядра, и периферии образов.

Список литературы

1. *Fillmore H.* The use of projective device in attitude Surveying // *The Public Opinion Quarterly*. Standford. Vol. 14. No. 4. P. 697—709.
2. *Белановский С. А.* Метод фокус-групп. М. : Магистр, 1996.
3. *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009.
4. *Пузанова Ж. В.* Метод неоконченных предложений в изучении проблемы одиночества // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2004. № 1 (6—7). С. 92—111.
5. *Пузанова Ж. В., Тертышникова А. Г.* Технология обработки данных, полученных методом виньеток, в социологических исследованиях // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 20. С. 16—18.

Информация об авторе

Тертышникова Анастасия Геннадьевна, аспирант, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, tertyshnikova_ag@pfur.ru

03. Социология и власть. СЕССИЯ 1.

Социология и власть — движение к продуктивному партнерству

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ ПОВЕДЕНИЯ НА ДОРОГАХ)

Н. В. Арге

Экспертный центр «Движение без опасности», Москва, Россия

Аннотация. Безопасность дорожного движения (БДД) — важная социально-экономическая и демографическая задача. К настоящему времени сформирована уникальная база социологических исследований по теме БДД, в рамках которой проведено около 20 волн всероссийских репрезентативных исследований. Полученные данные помогают в принятии управленческих решений. Приводятся примеры кампаний, в основу которых легли эти данные, — многолетняя работа в области пассивной безопасности: решение проблем неиспользования ремней безопасности и детских удерживающих устройств. Основными направлениями работы с населением для повышения БДД было выбрано информирование и повышение общей культуры.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, автомобилизация, дорожно-транспортные происшествия, травматизм, смертность, культура поведения

Последнее десятилетие ознаменовалось масштабной автомобилизацией общества. С 2004 г. автопарк страны прирос почти на 62% — с 30 до 50 млн единиц. Буквально 10 лет назад автомобиль был у каждого пятого россиянина, сейчас же — стал необходимостью: он есть у каждого третьего гражданина нашей страны. В результате этого ментальность всех граждан резко изменилась. В связи со столь стремительным ростом численности автопарка увеличивается интенсивность дорожного движения, что выливается в проблему дорожно-транспортного травматизма. Безопасность дорожного движения, без преувеличения, является одной из важных социально-экономических и демографических задач.

Любое транспортное средство, бесспорно, является источником повышенной опасности как для водителей, так и для пешеходов. Судя по результатам исследования ВЦИОМ и Экспертного центра «Движение без

опасности», каждый пятый россиянин среди родственников или знакомых имеет тех, кто получил травмы в результате дорожно-транспортного происшествия (ДТП), а у 8 % есть родственники/знакомые, погибшие в результате ДТП.

С 2007 г. Экспертный центр «Движение без опасности» ведет непрерывную работу, направленную на определение основных тенденций, характеризующих состояние безопасности дорожного движения (БДД) в Российской Федерации, а также разработку и реализацию управленческих и коммуникационных проектов по повышению уровня культуры и информирования участников дорожного движения в области БДД. На данный момент реализовано 15 федеральных коммуникационных кампаний по БДД.

Важно отметить, что к настоящему времени усилиями Госавтоинспекции МВД РФ, Российского союза автостраховщиков, Экспертного центра «Движение без опасности» и ВЦИОМ сформирована уникальная база социологических исследований по теме БДД, в рамках которой проведено около 20 волн всероссийских репрезентативных исследований, направленных на всестороннее выявление позиции населения по вопросам БДД. Многолетние данные позволяют анализировать изменения в поведении граждан страны, помогая в принятии управленческих решений.

Причиной более 80 % всех происходящих в стране ДТП является человеческий фактор, в частности правонарушения, допускаемые самими водителями. Основой всех ДТП является незнание последствий нарушения элементарных правил поведения на дороге и общий низкий уровень культуры участников дорожного движения. Различия в ценностных ориентациях, культурных нормах, характере воспитания, неразвитость или полное отсутствие навыков взаимного уважения приводят к тому, что люди, становясь участниками дорожного движения, позволяют себе нарушать установленные правила, рискуя своей жизнью и жизнями окружающих. Именно поэтому основными направлениями работы с населением в области повышения БДД было выбрано информирование населения и повышение общей культуры.

Расскажем об управлении процессами формирования культуры поведения в российском обществе на примере многолетней работы в области пассивной безопасности: о решении проблем неиспользования ремней безопасности и детских удерживающих устройств.

В 2007 г. на основе анализа результатов первого масштабного исследования в области БДД и статистических данных Госавтоинспекции МВД России была разработана первая масштабная социальная кампания по безопасности на дорогах России — «Движение без опасности», полу-

чившая большой общественный резонанс и ставшая самым обсуждаемым социальным проектом года.

Кампания была нацелена, в том числе, на популяризацию использования ремней безопасности, поскольку, согласно данным исследования, всего 32 % участников дорожного движения в 2007 г. всегда пристегивались. В результате кампании удалось повысить данный показатель до 39 %, однако и этого было недостаточно.

В 2008 г. кампания «Ремни» продолжила работу по масштабному освещению необходимости обязательного использования ремней безопасности на передних и на задних сиденьях всеми без исключения находящимися в машине пассажирами и водителем. Результаты были колоссальными: согласно данным социологических исследований, в 2008 г. уже 62 % водителей всегда пристегивались. На законодательном уровне, одним из важных результатов работы в вопросе мотивации использования ремней безопасности стало внесение изменений в Правила дорожного движения: ужесточение штрафа, предусмотренного за нарушение Статьи 12.6 «Нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов», со 100 рублей или предупреждения в 2007 г. до 500 рублей в 2008 г.

В то же время, согласно данным Росстата, на конец 2008 г. в структуре причин смертности детей в возрасте до 15 лет ДТП занимали второе место. В ДТП аналогичной тяжести дети страдают значительно больше, чем взрослые. Штатные системы безопасности автомобиля не рассчитаны на защиту маленьких участников дорожного движения, поэтому при перевозке детей необходимо использовать детские удерживающие устройства (ДУУ).

Именно дети являются наиболее уязвимыми участниками дорожного движения, поскольку в большинстве случаев их безопасность зависит от действия или бездействия взрослых. В то же время формирование культуры поведения БДД наиболее эффективно происходит с раннего возраста. Именно поэтому, а также для дополнительного пассивного воздействия на взрослых участников дорожного движения было принято решение о расширении списка целевых аудиторий и проведении информационно-пропагандистских мероприятий, нацеленных на взаимодействие с детьми.

Несмотря на ужесточение правил дорожного движения, пассажиры на задних сиденьях автомобиля продолжали пренебрегать использованием ремней безопасности. Для изменения подобного наплевательского отношения людей к собственной жизни и жизни окружающих было принято решение обратиться к новому способу подачи информации, основанному на данных нейрофизиологического исследования и тестирования

независимым агентством BAAR реакции людей на информационно-пропагандистские ролики.

Инновационность новых всероссийских проектов заключалась в новом для отечественной социальной практики коммуникационном подходе по взаимодействию с различными целевыми аудиториями, основанном на совмещении маркетингового, рекламного и PR-направлений.

Комплексный подход и стратегия Экспертного центра «Движения без опасности» нашли свое продолжение в следующем всероссийском проекте 2010 г. «Право пассажира», нацеленном на популяризацию и разъяснение необходимости использования ремней безопасности именно пассажирами, поскольку около 40 % пострадавших в ДТП — именно пассажиры (согласно данным ГИБДД МВД России на момент старта кампании). Результаты проделанной работы видны в опросах, проведенных уже в 2011—2012 гг.: 81 % водителей пристегиваются всегда, около 15 % — иногда. Лишь 3—4 % опрошенных заявили, что никогда не используют ремни безопасности.

Возвращаясь к детской тематике, стоит отметить, что автокресло и детская автолюлька (для детей до одного года) являются самыми безопасными и эффективными детскими удерживающими устройствами. По данным Всемирной организации здравоохранения, риск получить травму для ребенка в возрасте до 4 лет снижается на 80 % при использовании автокресла, установленного против направления движения. Для детей в возрасте 5—9 лет ДУУ снижают степень тяжести травм на 52 %. Однако в России культура использования ДУУ находилась на очень низком уровне: только 51 % родителей детей до 12 лет имели автокресла, а всегда использовали их только 23 %.

Заслуживает внимания и тот факт, что только около 24 % родителей покупают детскую автолюльку к моменту выписки из роддома, тогда как 40 % респондентов приобретают автокресло еще позже — в период, когда ребенок уже начинает сидеть. Еще 17 % приобретают автокресло ребенку уже после 1 года. При этом совершенно не учитывается тот факт, что перевозка ребенка до года без автолюльки крайне опасна и чревата серьезными последствиями.

Одной из основных причин таких результатов социологических опросов можно считать неинформированность населения об эффективности детского автокресла: родители не знают о рисках и последствиях неиспользования ДУУ.

С целью снижения количества погибших и пострадавших в ДТП детей-пассажиров, а также информирования родителей о необходимости использования автокресла, в 2011 г. была проведена всероссийская кампания «Автокресло — детям!». В рамках кампании в 10 регионах страны

прошли приключенческие квесты «Сокровища Кресландии», рассчитанные на участие взрослых и детей. На федеральных телеканалах и в кинотеатрах по всей стране проходила трансляция ролика «Подсказки», призывающего родителей приобрести ребенку автокресло. К этим же действиям призывали и аудиоролики на радио, озвученные известными людьми.

Несмотря на все приложенные усилия, статистика за первые 9 месяцев 2012 г. показала, что на территории Российской Федерации произошло почти 7000 ДТП с участием детей-пассажиров, в которых погибли 400 детей, а еще 7650 получили ранения. Согласно данным ВЦИОМ, количество опрошенных родителей, не имеющих и не планирующих приобретать специальные устройства для перевозки детей, значительно увеличилось (с 39 до 70 % по России в целом и с 38 до 71 % по Москве).

В связи с этим было принято решение о запуске второй волны кампании «Автокресло — детям!». Два этапа всероссийской кампании «Автокресло — детям!» — в 2011 и 2012 гг. — смогли не только остановить начавшийся с 2010 г. рост числа погибших детей-пассажиров, но и способствовали его снижению, путем постоянной поддержки темы детской транспортной безопасности в фокусе общественного мнения и привлечения внимания широкой общественности к проблеме. Результатом кампаний также стало увеличение числа родителей, использующих ДУУ: с 32 % (данные середины 2011 г.) до 51 % (данные на апрель 2013 г.). На законодательном уровне одним из важных результатов работы в вопросе мотивации родителей к ответственному подходу к перевозке детей в автомобиле стало внесение изменений в Правила дорожного движения: увеличение штрафа за нарушение требований к перевозке детей, установленного Статьей 12.23. Части 3 Правил дорожного движения, в 6 раз с 2007 г. 500 рублей; с сентября 2013 г. 3000 рублей, т. е. средней стоимости автомобильного кресла.

В 2013 г., с целью закрепления результата предыдущих кампаний была проведена Всероссийская социальная кампания «Пристегнись!», направленная на снижение количества жертв среди водителей и пассажиров из-за неиспользования ремней безопасности. Исследования 2013 г. показали, что всегда пристегиваются 11 % пассажиров на задних сидениях автомобиля, при этом на передних сидениях всегда пристегиваются уже 65 %. Параллельно в сентябре 2013 г. произошла 2-я волна изменений Правил дорожного движения Российской Федерации, предусматривающие за нарушение Статьи 12.6. «Нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов» штраф в размере до 1000 рублей.

Причинами, по которым люди не пристегиваются на задних сидениях, в основном являются ими же придуманные мифы и заблуждения. Поэтому, например, в рамках кампании «Пристегнись» была создана специальная

информационная брошюра «Мифы о ремнях безопасности», призванная развенчать эти мифы и убедить людей в необходимости пристегиваться. Выпуск брошюры был широко освещен в СМИ (более 100 публикаций) и пользовался популярностью у граждан страны.

Для проведения кампаний были разработаны уникальные тренажеры, имитирующие реальные условия ДТП — резкое торможение со скорости 12 км/ч. Тренажеры позволили заставить многих людей задуматься о жизненной важности ремней безопасности как на передних, так и на задних сидениях автомобиля. Итогом информационно-пропагандистских мероприятий стало повышение числа использующих ремни безопасности пассажиров задних сидений автомобиля до 25%. Также наблюдалось увеличение числа всегда пристегивающихся на передних сидениях пассажиров — до 75%.

В 2014 г. Министерством здравоохранения была поддержана инициатива экспертного центра «Движение без опасности» по созданию и проведению информационных тренингов в перинатальных центрах, чтобы стимулировать молодых родителей приобретать автокресло уже к моменту выписки из роддома. Так, успешным примером стал непрерывно функционирующий центр на базе Федерального перинатального центра им. академика В. И. Кулакова «Детство без опасности», проект был поддержан Правительством Российской Федерации.

Стоит отметить важную законодательную проблему в области детской безопасности: производителям бустеров и накладок разрешалось позиционировать свои товары в качестве дешевой и соответствующей действующему законодательству альтернативы детскому автокреслу. В связи с этим в 2014 г. Экспертным центром «Движение без опасности» совместно с Госавтоинспекцией по Московской области было инициировано исследование детского дорожно-транспортного травматизма. Цель — разработка эффективных мер политики в вопросах снижения детского травматизма на автомобильном транспорте в Москве и Московской области посредством сбора наиболее полной и достоверной информации о причинах и последствиях ДТП с участием детей. В том же году в рамках реформирования системы образования молодых водителей в обязательную обучающую программу автошкол была включена тема использования детского автокресла.

В рамках кампании «По правилам», прошедшей в конце 2015 г., всем участникам дорожного движения снова напомнили о важности и необходимости использовать ремень безопасности на транспорте. Результаты не заставили себя ждать — 71% опрошенных водителей указали, что они всегда используют ремень безопасности, так же как и 75% пассажиров передних сидений автомобиля и 39% пассажиров задних сидений.

Обучение БДД должно быть непрерывным, начиная с первой поездки новорожденного — из роддома, продолжая обучением в автошколе и заканчивая непрерывным информированием опытных водителей.

Учитывая особенности менталитета наших граждан, можно говорить лишь о комплексном решении таких проблем, как неиспользование ремней безопасности, низкий уровень культуры использования детских автокресел, наличие пробелов и нечетких законодательных формулировок. К тому же, существующая нерегламентированность рынка автокресел в России может привести к существенному снижению количества погибших на дорогах страны.

В России к настоящему моменту в направлении пассивной безопасности достигнуты значительные успехи: разработано большое количество материалов, которые позволяют проводить работу, направленную на вовлечение в тему дорожной безопасности и, как следствие, формировать культуру у нынешних и будущих участников дорожного движения. Согласно данным исследований ВЦИОМ, в 2015 г. 75 % пассажиров передних сидений автомобиля использовали ремни безопасности, а число родителей, использующих автокресла, составило 59 %.

Положительного результата удалось добиться еще и при помощи коммуникационной составляющей. Мониторинг материалов печатных СМИ и телевизионных программ с 2004 по 2015 гг. продемонстрировал существенный рост актуальности темы безопасности дорожного движения в СМИ более чем в 36 раз! (по данным ресурса Медиалогия, в 2004 г. — 6106 сообщений по теме БДД, а к 2015 г. — 211598 сообщений). Этот факт подтверждает мнение россиян (об этом сообщили более половины опрошенных — 55 %, исследования ВЦИОМ), склонных считать, что вопросы, касающиеся БДД, в СМИ поднимаются довольно часто.

Такого результата удалось достичь за счет постоянной работы с профессиональным журналистским сообществом, в том числе в рамках реализации федеральных программ по профилактике БДД, реализуемых ГИБДД МВД РФ, РСА и Экспертным центром «Движение без опасности».

Все федеральные проекты основываются на результатах всероссийских исследований, которые позволяют точнее выявить проблемную сторону и определить дальнейшие направления работы, выделить целевые аудитории и подобрать к ним оптимальный коммуникационный подход, а также они помогают в принятии управленческих решений. Подобные кампании призваны дать начало обсуждению на общественном и государственном уровнях, заложить формирование культуры и правильных привычек.

Проблема обеспечения БДД отнесена Президентом Российской Федерации к числу приоритетных. Создана Правительственная комиссия

по обеспечению БДД. Реализованы мероприятия федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006—2012 гг.». Разработана и реализуется новая программа, рассчитанная до 2020 г. Существенные изменения претерпела система нормативного правового регулирования.

Проведенная работа позволила добиться снижения общего числа погибших. Но, несмотря на достигнутые результаты, проблема снижения смертности в результате ДТП не потеряла своей остроты.

Как видно, только комплексный подход и систематическое напоминание, в рамках разных социальных кампаний, помогают изменить и закрепить поведение участников дорожного движения. Это в свою очередь отражается на статистке дорожной аварийности в лучшую сторону и помогает сохранить тысячи жизней.

Анализ общественного мнения играет важную роль, поскольку в деле проведения информационно-пропагандистских кампаний он позволяет определить основные направления работы и наиболее актуальные вопросы в сфере БДД. Немаловажную роль играют возможность отследить развитие ситуации, эффективность различных коммуникационных инструментов и возможность анализа результативности проводимых информационно-пропагандистских мероприятий с точки зрения воздействия на различные целевые аудитории.

Информация об авторе

Агре Наталья Валентиновна, президент экспертного центра «Движение без опасности», Москва, Россия, info@bezntp.ru

КАК ПРОДОЛЖИТЬ ТО, ЧТО НАЧИНАЛ Б. А. ГРУШИН?

Т. З. Адамьянц

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Существуют группы сознания людей, различающиеся качеством восприятия информации, что определяет процессы взаимодействия на социальном, научном и управленческом уровнях. Получение объективных данных о тенденциях в реакциях представителей разных социоментальных групп дает возможность диагностировать, какой группой и в каких пределах одобряется тот или иной вариант развития событий, определяются необходимость и способы предупреждения возможных напряжений и рисков.

Ключевые слова: аудитория СМИ, социально-демографические группы, группы сознания (социоментальные группы), социальная коммуникация, семиосоциопсихологическая концепция, общественное мнение, эффективность социологических данных

Проблема эффективности социологических исследовательских данных связана не только с их релевантностью и особенностями подачи и «упаковки», но и со сложными процессами последующих взаимодействий и взаимовлияний на социальном, научном и управленческом уровнях, результатом которых, в идеале, оказываются стабилизация социальных процессов и принятие выверенных управленческих решений, — или не оказываются, что также не редкость.

В новаторском и широко известном даже сегодня проекте «Общественное мнение» (1969—1974), которым руководил Б. А. Грушин, впервые был проведен эксперимент по выявлению особенностей понимания аудиторией СМИ смысловых составляющих газетных текстов, и впервые же были названы параметры условных, но реально существующих групп, различающихся качеством понимания воспринятых материалов (групп сознания). Результаты проекта подробно освещались прессой того времени, по его результатам вышли монографии [1] и другие научные публикации, появилось даже новое научное направление — семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации, разработанная Т. М. Дридзе [2].

С той поры прошло несколько десятков лет, исследования с использованием тех же и/или несколько модифицированных методов и подходов продолжаются, однако, в основном, как инициативные и, как правило, благодаря поддержке таких отечественных фондов, как РФФИ и РГНФ.

Несмотря на новаторские результаты (например, в одном из недавних исследований были зафиксированы индикаторы, определяющие качество процессов самоорганизации и самоопределения в социуме) [3], утверждать, что такие исследования стали массовыми, а их результаты широко известны или реально используются для понимания и регулирования социальных процессов, было бы, к сожалению, неверно.

Однако вернемся к проекту «Общественное мнение». Огромной заслугой этого проекта и его авторов был поиск механизмов изучения общественного мнения, да и сама постановка такой задачи, что для того времени было более чем актуально. Однако не меньшей заслугой оказалась примененная впервые в отечественной и мировой социологической практике возможность нового уровня дифференциации — не только по социально-демографическим, но и по уже упоминавшимся выше группам сознания (сегодня чаще используются термины «социоментальные группы», «группы по уровню развития коммуникативных навыков»).

Как известно, в проекте «Общественное мнение» были выделены семь групп сознания; в настоящее время, как правило, выделяют три социоментальные группы, в которых объединена предыдущая более дробная классификация. В современных исследованиях обычно используется следующая социоментальная дифференциация: группа с высоким уровнем коммуникативных навыков (адекватное восприятие), группа со средним уровнем (частично адекватное восприятие), группа с низким уровнем (неадекватное восприятие).

Высокий уровень коммуникативных навыков (адекватное восприятие). Представители этой группы самостоятельно постигают авторскую интенциональность, видят основные логико-композиционные и эмоциональные узлы воспринятого произведения, понимают особенности иерархических отношений внутри элементов мотивационно-целевой структуры. Навыкам адекватного восприятия практически всегда сопутствуют самостоятельность в выводах и решениях человека, а также корректность, даже в тех случаях, когда он не согласен с авторской позицией. При восприятии материалов общественно-политического содержания число *адекватных* интерпретаций составляет 13—14 %; информационных — 9—18 %, в зависимости от формы подачи и организации материала. При восприятии произведений художественных жанров число адекватных интерпретаций несколько выше [4].

Средний уровень коммуникативных навыков (частично адекватное восприятие). Представители этой группы характеризуются некоторым снижением уровня проникновения в смысл произведений (материалов): интенциональность и уровень тезисов, как правило, для них оказываются в смысловом вакууме, они их попросту не замечают,

теряется и понимание иерархичности между элементами структуры. Таким людям свойственно прочное запоминание аргументов, проблемной ситуации, фактов-иллюстраций. Хорошая информированность, тем не менее, не оберегает их при встречах с различного рода воздействиями и манипуляциями. При восприятии материалов информационного и общественно-политического содержания число *частично адекватных* интерпретаций составляет 30—35 %, в зависимости от формы подачи и организации материала [4].

Низкий уровень коммуникативных навыков (неадекватное восприятие). Для представителей этой группы характерно полное несовпадение между смысловыми акцентами исходного материала и их отпечатком в сознании. Они либо вообще ничего не запоминают («*что-то об экономике*», «*что-то о политике*»), либо выхватывают отдельные факты, выполняющие иллюстративную роль по отношению к тезисам и аргументам, не замечая при этом ни тезисов, ни аргументов, ни, тем более, мотивов и целей коммуникатора. Люди с неадекватным восприятием очень часто *до и вместо* попыток включить внимание и понять, что — самое главное, что хотел выразить автор, — проявляют либо вялость и скуку, либо эмоциональную взрывную реакцию, особенно в тех случаях, когда у них уже сформировалась некая социальная установка (положительная или отрицательная) по отношению к теме, проблеме, автору и т. д. Как и представители предыдущей группы, они подвержены внешнему воздействию. При восприятии материалов информационного и общественно-политического содержания число *неадекватных* интерпретаций составляет 30—35 %, в зависимости от формы подачи и организации материала [4].

При введении в анализ такой характеристики, как принадлежность к той или иной социоментальной группе, субъекты социального действия предстают не однородной массой, даже если они представляют одну и ту же социально-демографическую группу; возникает возможность диагностировать, какой социоментальной группой и в каких пределах поддерживается (одобряется) тот или иной вариант развития событий, определяются необходимость и способы предупреждения возможных напряжений и рисков. Появляется возможность поиска сходства и/или различий в значимых элементах картин мира людей (социальных представлениях, эмоциональных и поведенческих реакциях об окружающей действительности и своего места в ней).

К слову сказать, получение объективных, научно обоснованных данных о тенденциях в реакциях представителей разных социоментальных групп сделает невозможными политические или популистские спекуляции по поводу ментальности сторонников той или иной точки зрения.

В отечественной социологии существует не имеющий аналогов в мировой практике научный задел разработанных и усовершенствованных методов и подходов, позволяющих углубленно изучать и анализировать социальные процессы. Для того чтобы перевести их на более широкие исследовательские рельсы и поставить на службу общественным интересам, без государственной поддержки не обойтись.

Список литературы

1. Адамьянц Т. З. Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределения в социуме // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3. С. 163—176.
2. Адамьянц Т. З. Социоментальные группы в социальном познании // *Социологические исследования*. 2015. № 7. С. 117—128.
3. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М. : Наука, 1984.
4. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / под ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М. : Политиздат, 1980.

Информация об авторе

Адамьянц Тамара Завеновна, д. с. н., гл. научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, tamara-adamiants@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ И IT-ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Н. М. Байков

Дальневосточный институт управления, филиал РАНХиГС, Хабаровск, Россия

Аннотация. В целях расширения и углубления практик использования результатов социологических исследований для принятия управленческих решений, Правительством РФ приняты регламентирующие проведение исследований нормативные правовые акты; постановлениями губернатора Хабаровского края определены варианты проведения опросов на территории муниципальных образований края. Однако практика органов власти всех уровней в значительной мере имитирует обеспечение управленческого процесса надежной и обоснованной социологической информацией.

Ключевые слова: IT-технологии, социологические опросы, репрезентативность, интернет-опрос, инфоматы, научная экспертиза

Взаимоотношения власти и социологии в российской истории всегда носили сложный и противоречивый характер. Не является исключением и современный информационный век. Власть все больше осознает, что в условиях пореформенной России одной из актуальных задач становится расширение и углубление практик использования результатов социологических исследований. В этих целях приняты нормативные правовые акты, регламентирующие проведение социологических исследований [1]. Правительством РФ утверждены «Методика мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и «Правила оценки населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований, а также применения результатов указанной оценки».

Постановлениями губернатора Хабаровского края [2, 3] определены варианты проведения опросов на территории муниципальных образований Хабаровского края:

- установка и функционирование терминальных устройств в организациях и учреждениях края (далее — инфоматы);

- введение в эксплуатацию и сопровождение интернет-портала (www.golos27.ru), предусматривающего возможность проведения социологических опросов;
- проведение дополнительных социологических опросов населения традиционным способом в соответствии с утвержденным порядком и методикой.

Однако практика органов власти всех уровней по организации социологических исследований в значительной мере имитирует обеспечение управленческого процесса надежной и обоснованной социологической информацией.

В этой связи вызывает удивление, что при определенных сложностях с наполнением краевого бюджета на закупку инфоматов уже потрачено порядка 30 млн рублей. Очевидно, что кроме этой суммы потребуется еще немало средств на их содержание, обслуживание и т. д. При этом чиновники своеобразно трактуют понятие «репрезентативность социологических исследований», обосновывая его тем, что: доля населения Хабаровского края, имеющего доступ к сети Интернет, составляет 96 % (цифра вызывает большое сомнение); инфоматы побывают в абсолютном большинстве населенных пунктов края (дополнительные затраты на их транспортировку на большие расстояния), и до жителей края будет доведена информация о возможности принять участие в опросе.

Между тем, по мнению экспертного социологического сообщества, как отечественного, так и зарубежного, использование IT-технологий в опросах населения ведет к получению деформированной, значительно искаженной и недостоверной информации и невозможности ее использования для разработки и принятия управленческих решений.

Не отрицая определенных технологических, временных и финансовых преимуществ использования IT-технологий в опросах населения, считаем, что целесообразно обратить внимание на их следующие существенные ограничения:

- во-первых, они не являются репрезентативными (достоверными, объективными) в силу случайно-стихийного характера участия в таких опросах респондентов. Информацию о данных опросах могут знать лишь пользователи сети Интернет, а среди них превалирует молодежь, что не является представительным для муниципальных образований. Надо иметь в виду и неравные технические возможности доступа к ним (Интернет-порталу и инфоматам) населения в разных городских и сельских поселениях края;
- во-вторых, они не обладают признаками надежности получаемой информации из-за возможной деформации качественных характеристик респондентов (отвечать могут и люди, не проживающие

на территории города, и люди, не получающие те или иные услуги, и люди, не достигшие 18-летнего возраста, с которого можно принимать участие в опросах и т. д.);

- в-третьих, их преимущественное использование перед традиционным опросом населения снижает доверие граждан, особенно молодежного возраста, которым известно, что результаты любого интернет-опроса можно «накрутить» в поддержку того или иного варианта ответа на вопрос, один человек может неоднократно принимать участие в опросе и т. д. Тем более невозможно осуществлять эффективный контроль как на стадии заполнения респондентами интернет-анкет, так и опроса посредством использования инфоматов.

Определенные возможности для корректировки результатов опросов, проведенных с помощью IT-технологий, Постановлением Правительства РФ возложены на экспертные комиссии, которые рекомендовано создать в субъектах РФ. Постановлением губернатора Хабаровского края такая экспертная комиссия создана, и под ее руководством в последние два года проводятся социологические опросы традиционным способом. Однако результаты этих опросов вызывают большие сомнения в их надежности и обоснованности в силу их закрытости для независимой научной экспертизы.

В этой связи считаем целесообразным рекомендовать органам власти Хабаровского края:

- определить как обязательное проведение социологических опросов населения по месту жительства при строгом соблюдении методики и техники их проведения, а в дополнение к ним использовать интернет-опросы и опросы через инфоматы; обеспечить открытость и доступность полученных результатов и определить валидность всех используемых методик;
- исключить конфликт интересов, заложенный в постановлении губернатора края, где определено, что весь процесс опросов с помощью как IT-технологий, так и традиционных способов, организуется и контролируется краевыми чиновниками;
- использовать возможности независимой социологической оценки с помощью привлечения экспертного сообщества социологов вузов и социологических центров края.

Список литературы

1. *Постановление* Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 (ред. от 12.10.2015) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятель-

ности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508 (дата обращения: 02.03.2016).

2. *Постановление* губернатора Хабаровского края от 27.12.2013 № 123 «Об утверждении Порядка организации и проведения социологических опросов населения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий об эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления Хабаровского края, краевых государственных и муниципальных унитарных предприятий и учреждений, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в государственной собственности Хабаровского края или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/25546122/#ixzz41cmS4M9b> (дата обращения: 02.03.2016).

3. *Постановление* губернатора Хабаровского края от 25.04.2014 № 31 «Об организации и проведении социологических исследований для определения уровня оценки населением эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Хабаровского края, руководителей органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Хабаровского края» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465312590> (дата обращения: 02.03.2016).

Информация об авторе

Байков Николай Михайлович, д. с. н., профессор Дальневосточного института управления — филиала РАНХиГС, Хабаровск, Россия, nmbaikov@rambler.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И САМОЧУВСТВИЕ: ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Г. В. Белехова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Представлены результаты исследования влияния уровня жизни на формирование и содержание социального восприятия и настроений населения. Выводы получены на основе мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения, осуществляемого ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области с 1996 г.

Ключевые слова: социальное самочувствие, уровень жизни, общественное мнение, динамика потребления, протестный потенциал

Любые действия, направленные на совершенствование системы общественных институтов, на преодоление проблем в хозяйственной и социальной сферах, должны основываться на достоверной информации о социальном самочувствии населения и доминирующих в социуме настроениях, поскольку они как компоненты массового сознания проявляют и фиксируют отношение людей к событиям общественной жизни [2, 7], свидетельствуют об эффективности проводимой властью социально-экономической политики, характеризуют степень поддержки гражданами государственных инициатив и их намерения лично участвовать в массовых действиях.

Социальное самочувствие и настроения детерминируются множеством факторов (культурных, психологических, социально-экономических, политических и др.), но в первую очередь, по мнению ряда ученых [1, 3], они зависят от уровня жизни. «Жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» — вот главная мечта современного россиянина, а низкий уровень жизни и расслоение населения на богатых и бедных, как показывают результаты общероссийских и региональных исследований, — основные проблемы, волнующие людей [6]. Становясь повседневной частью сознания россиян, данные аспекты бытия вызывают чувство социального недовольства, которое является почвой для сохранения и нагнетания социальной напряженности в обществе и, несомненно, сказывается на восприятии населением событий общественной жизни.

Социологические исследования показывают, что люди, имеющие низкий уровень жизни, составляют ядро протестной группы, дают негативную оценку деятельности органов власти [4]. Однако природа человека

такова, что, если его жизненный уровень, объем и качество потребления некоторое время не изменяются (и не падают, и не растут), ему кажется, что все плохо, и это проявляется в его настроениях и восприятии социальной реальности. Причина в том, что вместе с ростом уровня жизни изменяются и притязания людей, и не только материальные.

В связи с этим исследовательский интерес представляет изучение влияния уровня жизни на формирование и содержание социального восприятия и настроений населения. Выводы исследования получены на основе мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения, который осуществляется ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области с 1996 г. (ежегодно опрашивается 9 тыс. человек в возрасте 18 лет и старше).

Для анализа сформированы группы населения региона: 1) по уровню доходов (20 % наиболее обеспеченных, 60 % среднеобеспеченных и 20 % наименее обеспеченных); 2) по динамике потребления (люди, которые приобретали больше/столько же/меньше товаров). В них изучались мнения о социально-экономической и политической ситуации, уровень одобрения деятельности Президента РФ и губернатора области, социальное самочувствие.

Основные выводы исследования состоят в следующем.

1. Уровень жизни является значимым фактором, влияющим на восприятие таких аспектов социальной реальности, как экономическая и политическая ситуация. Общая закономерность такова: чем выше характеристики уровня жизни, тем устойчивее оценки экономической и политической обстановки, тем выше одобрение деятельности Президента РФ и губернатора области. При этом степень влияния компонентов уровня жизни (уровня доходов и динамики потребления) на общественное мнение различна.

2. Оценки политической обстановки, деятельности президента и губернатора более чувствительны к динамике потребления. Во-первых, в кризисный период (2008—2009 гг.) в группах, выделенных на основе реализации потребительских возможностей, ухудшение оценок перечисленных аспектов общественного мнения более существенное (например, в отношении политической обстановки среднее снижение оценок «благополучная, спокойная» составило 20 % против 11 % в группах по доходу). Во-вторых, именно по компоненту «динамика потребления» в целом за 2000—2014 гг. существенно улучшились оценки политической обстановки (в среднем рост оценок «благополучная, спокойная» составил 28 % по сравнению с 17 % в доходных группах).

3. Кризис повлиял на особенности восприятия населением политической ситуации. Так, в период восстановительного роста 2000—2008 гг.

увеличивались как доли позитивных оценок политической ситуации во всех выделенных группах, так и материальные возможности населения. Однако после 2008 г. такой закономерности уже не прослеживается. Вероятно, люди осознали, что важным индикатором деятельности органов власти должен быть не только количественный рост (доходов, потребительских расходов, товаров в магазинах и т. д.), но и устойчивое состояние и функционирование самой системы, которая должна стремиться не просто к численному увеличению экономических индикаторов, а к тому, чтобы защищать интересы населения.

4. Среднегодовые оценки экономического положения, дифференцированные по уровню дохода и динамике потребления, в целом согласуются. Однако во время кризиса (2008—2009 гг.) на мнение об экономической ситуации в большей степени влияет динамика потребления, нежели уровень дохода: среднее снижение положительных оценок в группах по динамике потребления составило 15 %, а в группах по уровню дохода — 9 %.

5. Уровень жизни оказывает воздействие на формирование социального самочувствия населения. Размер доходов и динамика потребления согласованно влияют на оценку субъективного благополучия населением Вологодской области: чем больше доходы и возможности приобретения продовольственных и непродовольственных товаров, тем благоприятнее социальное настроение, ниже протестный потенциал, крепче чувство ответственности и сплоченности, оптимистичнее потребительские настроения.

6. Общественное мнение населения региона по всем ключевым аспектам не основывается исключительно на идеологии, победах в информационной войне и оптимистических взглядах на будущее России [5]. Позитивные тенденции улучшения компонентов социального восприятия и самочувствия, имевшие место в первой половине 2014 г., обусловлены уникальным воздействием роста патриотических настроений вследствие реальных успехов руководства страны в геополитике. В то же время тренды общественного настроения посткризисного периода (2009—2013 гг., 2015 г.) ясно свидетельствуют, что если внимание властей не будет сосредоточено на удовлетворении ключевых общественных запросов, касающихся решения социально-экономических проблем страны, уровень поддержки и одобрения действующих структур власти и проводимой ими политики может существенно сократиться.

Список литературы

1. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. 2008. № 2. С. 18—25.

2. *Галкин А. А.* Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант // Вестник Института социологии. 2015. № 1(12). Март. С. 61—78.
3. *Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения. М. : Институт социологии РАН, 2013.
4. *Дементьева И. Н.* Потенциал протеста населения как угроза национальной безопасности территории // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 1 (125). С. 109—118.
5. *Ильин В. А., Морев М. В.* Новый этап российской истории: тенденции, особенности, перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 42—71.
6. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) : монография / колл. авт.; под науч. рук. М. К. Горшкова, В. А. Ильина. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015.
7. *Чугуенко В. М., Бобкова Е. М.* Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15—34.

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна, младший научный сотрудник отдела исследований уровня и образа жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия, belek-galina@yandex.ru

ПИЛОТНЫЙ МОНИТОРИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ

Е. А. Бойко, В. Н. Меньшова

Сибирский институт управления, филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

Аннотация. С помощью специально разработанной онлайн-анкеты проведено исследование профессионального самочувствия гражданских служащих Сибирского федерального округа. Полученные данные позволяют провести сравнительный анализ профессионального самочувствия гражданских служащих по разным социально-демографическим группам (по субъектам РФ, категориям и группам должностей гражданской службы, полу, возрасту, стажу государственной службы др.) и их комбинациям.

Ключевые слова: государственное управление, государственная служба, профессиональное самочувствие, нормативные ценности, Конституция РФ

Повышение качества государственного управления — необходимое условие для успешного развития и процветания любого государства, социального и общественного благополучия его граждан. Построение государства нового типа, модель которого закреплена в Конституции Российской Федерации 1993 г., неизбежно влечет конструирование новых и реформирование действующих государственных институтов, и особое место среди них занимает государственная служба.

Конституция РФ, устанавливая признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина как высшую ценность и одновременно обязанность государства, тем самым определила государственную службу как особый институт, главное отличие и смысл которого — служить общественным интересам. Однако в законодательстве о государственной службе России эта идея последовательно выхолащивалась.

Во-первых, конституционно закреплённая идея общественного служения трансформировалась в модель государственной службы как институт по оказанию публичных (государственных) услуг, основанный на принципах New Public Management (NPM, Новое публичное управление), в то время как многие развитые страны отказались от нее в пользу модели New Public Service (NPS, Новая публичная служба), ориентированной на удовлетворение публичных интересов [5, 6].

Во-вторых, переход государственной службы России на новую модель происходил преимущественно через внедрение административных механизмов и формирование отношения к государственным служащим

как к функционерам, «чиновникам» и «бюрократам», основная задача которых — выполнять функции и обеспечивать исполнение полномочий государства [1, 3, 4].

Признавая важность и объективную необходимость единых подходов, ограничений, запретов и иных внешних требований, нельзя недооценивать внутренний потенциал государственной службы, развития у гражданских служащих особого профессионального самосознания и готовности действовать в интересах общества на основе внутренних убеждений, а не исключительно под страхом контроля и надзора.

Международная практика показывает: чем больше разрыв между смыслом государственной службы и внутренними установками государственных служащих, тем острее необходимость применения внешних стимулов, чтобы добиться от них должного поведения. Только когда смысл и ценности государственной службы внедрены в сознание государственных служащих, их повседневная (day-to-day) деятельность в полной мере соответствует ее общественному предназначению. В противном случае все декларируемые внешние нормы могут привести к серьезным негативным последствиям, к глубокой внутренней неудовлетворенности государственных служащих, и лишат их должной жизненной и профессиональной устойчивости [2].

Для исследования профессионального самочувствия гражданских служащих была разработана и апробирована анкета (авторы Е. А. Бойко, В. Н. Меньшова) как комплексный онлайн-инструмент оценки удовлетворенности гражданских служащих различными аспектами их деятельности. В разработке и согласовании анкеты участвовали эксперты — федеральные гражданские служащие и гражданские служащие субъектов РФ.

Анкета носила комплексный характер и включала вопросы о миссии, цели и стратегии государственного органа, о качестве кадровой работы в целом и ее отдельных составляющих, возможностях профессионального развития, об оплате труда и о признании успехов и достижений. Отдельный блок вопросов был посвящен ценностям государственной службы.

По аналогии с ежегодным исследованием Службы управления персоналом (Office of Personal Management) правительства США, гражданским служащим предлагалось выразить степень согласия с утверждением: полностью согласен (1); скорее согласен, чем не согласен (2); скорее не согласен, чем согласен (3); не согласен (4).

Опрос проводился в режиме онлайн на сайте Сибирского института управления в мае-июне 2015 г., данные обрабатывались с использованием программы VORTEX10 (разработчик Д. В. Шкурин)*.

* О программе см. <http://www.vortex10.ru>

После исключения анкет с незаполненными социально-демографическими характеристиками общее количество опрошенных составило 9063 человек, или 41 % от численности государственных служащих субъектов РФ Сибирского федерального округа (СФО) (табл. 1). Подобное по содержанию и масштабу исследование проводилось в 2004—2006 гг. Фондом Института экономики города и Институтом сравнительных исследований трудовых отношений*.

Таблица 1. Выборка опрошенных государственных гражданских служащих (ГГС) в разрезе субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа

Субъект РФ СФО	Количество ГГС исполнительной власти субъектов РФ на конец марта 2015 г., чел.	Число опрошенных ГГС, чел.	Удельный вес опрошенных в численности на конец марта 2015 г., %
Республика Алтай	502	279	55,7
Республика Бурятия	1180	689	58,4
Республика Тыва	649	338	52,1
Республика Хакасия	755	143	18,9
Алтайский край	2357	1183	50,2
Забайкальский край	1352	412	30,5
Красноярский край	2881	381	13,2
Иркутская область	3071	1572	51,2
Кемеровская область	2443	497	20,3
Новосибирская область	2654	1784	67,2
Омская область	2287	420	18,4
Томская область	1299	1078	83,0
СФО в целом	21430	8776	41,0

Несмотря на существенное смещение выборки в отдельных субъектах РФ, для федерального округа в целом она оказалась репрезентативной.

Полученные данные позволяют провести сравнительный анализ профессионального самочувствия гражданских служащих по разным социально-демографическим группам (по субъектам РФ, категориям и группам должностей гражданской службы, полу, возрасту, стажу государственной службы др.) и их комбинациям и выявить проблемные аспекты их деятельности. Примером могут служить ответы на вопросы о качестве работы с кадрами в государственном органе, зависимости

* http://www.urbanecomics.ru/projects.php?folder_id=21&mat_id=219&page_id=4128&from=search

вознаграждения и признания гражданских служащих от качества их работы (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов гражданских служащих в разрезе категорий и групп должностей государственной гражданской службы, в %

Варианты ответов	Руководители			Специалисты		
	высшая	главная	ведущая	главная	ведущая	старшая
Удовлетворенность качеством работы с кадрами						
Полностью удовлетворен	45,2	41,1	49,8	42,4	47	42,6
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	42,7	46,9	40,5	42,2	37,9	40,5
Не удовлетворен	12	12	9,6	15,4	15,1	16,9
Высокое качество работы сотрудников госоргана замечается и признается						
Полностью согласен	40,3	35,1	36,3	32,2	32,6	29,4
Скорее согласен, чем не согласен	44	48,3	47,4	45,4	47,2	47,1
Не согласен	15,6	16,6	16,2	22,4	20,2	23,5
Вознаграждение сотрудников зависит от качества их работы						
Полностью согласен	44,9	42,2	39,3	29,1	31,7	28,5
Скорее согласен, чем не согласен	36,2	36,6	37,9	38,1	35,1	32,6
Не согласен	18,9	21,2	22,7	32,8	33,2	38,9

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что оценка разнится в зависимости от категории и группы должностей гражданских служащих. Так, если полностью удовлетворены качеством работы с кадрами от 41,1 до 47 % руководителей и специалистов государственных органов, то не удовлетворены ею более 15 % специалистов, особенно специалистов старшей группы должностей (16,9 %). Это тревожный показатель, который требует более глубокого изучения.

Еще более проблемным является отсутствие, по мнению гражданских служащих, связи между качеством работ и ее признанием и вознаграждением. В наличии этой связи сомневаются или полностью отмечают ее отсутствие более 70 % опрошенных специалистов. У руководителей картина менее острая: примерно половина из них не видят эту связь. Причину, по-видимому, следует искать в той чудовищной диспропорции

в оплате труда, которая сложилась в органах государственной власти, что подтверждается данными федеральной службы государственной статистики.

Отдельный вопрос, заслуживающий внимания, — вопрос о ценностях государственной службы, который звучал: «Как Вы думаете, насколько важно признание и следование указанным ценностям, для того чтобы каждый государственный служащий при исполнении своих обязанностей действительно являлся представителем государства?». Гражданским служащим было предложено 10 нормативных ценностей, следующих из модели государства (Конституция РФ). Каждой из них нужно было присвоить балл — от 1 (наименее важная) до 8 (наиболее важная). Чтобы исключить возможность уклонения респондентов от ответа, список ценностей предлагался закрытый, без варианта ответа «затрудняюсь оценить». Для анализа использовались ранги — средневзвешенные оценки важности.

Результаты ответов всей совокупности опрошенных представлены на рис. 1.

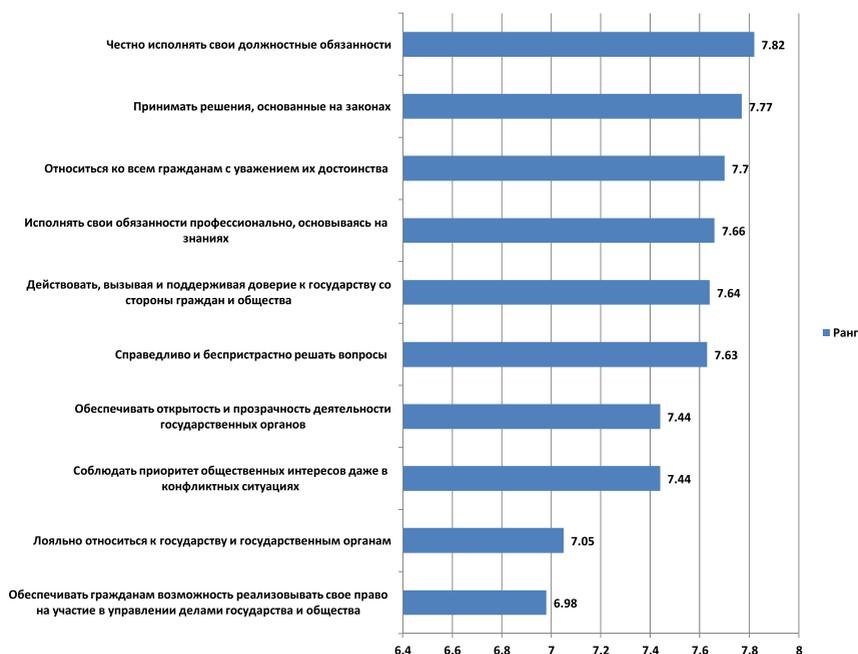

Рисунок 1. Результаты ранжирования нормативных ценностей государственной службы гражданскими служащими субъектов РФ СФО

Первое место заняла ценность «честно исполнять свои должностные обязанности» во всех выделенных группах (ранг для всего массива 7,82). Второй по важности государственные служащие практически всех социально-демографических групп назвали ценность «принимать решения, основанные на законах». Несмотря на некоторую разницу, все оценки близки к 8. Коэффициент связи между рангами и социально-демографическими характеристиками, коэффициент Крамера и среднее квадратическое отклонение также не выявили существенных зависимостей и показали минимальный разброс мнений. Все это позволяет сделать вывод о том, что государственные служащие субъектов РФ СФО воспринимают предложенные ценности как нормативные ценности государственной службы, и оценка их важности носит устойчивый характер. Иными словами, нормативные установки государственных служащих вполне соответствуют модели государства, которая закреплена в Конституции РФ.

В то же время математический анализ позволил выделить две относительно проблемные группы, для которых характерны наиболее низкие ранги — группу государственных служащих мужчин-руководителей в возрасте до 35 лет и группу руководителей, имеющих стаж государственной службы до 1 года.

Представленные примеры и выборочные результаты пилотного мониторинга профессионального самочувствия гражданских служащих субъектов РФ СФО позволяют прийти к следующим выводам:

1. Мониторинг профессионального самочувствия гражданских служащих является необходимым условием развития государственной службы как института общественного служения.
2. Апробированный онлайн-опросник может рассматриваться как базовый инструмент изучения мнений профессионального сообщества, измерения их профессионального самочувствия, выявления проблемных зон и совершенствования государственной кадровой политики на уровне государственного органа, субъекта РФ и государственной службы в целом.
3. Необходима дальнейшая проверка мониторинговых и социально-прикладных возможностей инструментария. Для этого целесообразно продолжить опрос федеральных гражданских служащих и гражданских служащих субъектов РФ иных федеральных округов.

Список литературы

1. Берзин Б. Ю. Ценностные ориентации государственных служащих в системе регуляции поведения // Социум и власть. 2012. № 2. С. 85—88.
2. Бойко Е. А., Меньшова В. Н. Ценности государственной службы и государственных служащих: перспективы для России // Власть. 2015. № 4. С. 116—123.

3. Магомедов К. О. Социологический анализ проблемы мотивации труда гражданских служащих // Государственная служба. 2013. № 1(83). С. 31—35.
4. Мерсиянова И. В., Якимец В. А., Пахомова Е. И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98—119.
5. Molina A., McKeown C. The Heart of the Profession : Understanding Public Service Values // J. Publ. Affairs Educ. Vol. 18. N 2. P. 375—396.
6. Nabatchi T. Putting the «Public» Back in Public Values Research : Designing Participation to Identify and Respond to Values // Publ. Admin. Review. 2012. Vol. 72. N 5. P. 699—708.

Информация об авторах

Бойко Евгений Александрович, к. п. н., доцент, советник директора Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, boyko.sapa@gmail.com

Меньшова Вера Николаевна, к. с. н., доцент кафедры управления персоналом факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, menshovavera@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В. В. Бурдюг

РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, Москва, Россия

Аннотация. Принимаемые государством нормы не отражают полноты общественных процессов; воля всего общества редко учитывается при принятии нормативных актов. Необходимо проводить прикладные социологические исследования правосознания и внедрять их в правотворческий процесс. Это повысило бы эффективность законов.

Ключевые слова: правотворческий процесс, правосознание, нормативные акты, межстратовые разрывы, прикладные социологические методы

Законодательство, являясь одним из способов управления обществом, изменяется постепенно. Содержание принимаемых норм эволюционирует быстрее, чем процедуры их принятия. В законодательных органах разных стран все чаще принимаются нормы, предоставляющие права управляемым частям общества: инвалидам, детям, беременным женщинам, этническим меньшинствам. Выросли новые отрасли права: право социального обеспечения, ювенальное право и т. п. Это свидетельствует об изменениях в структуре общества, усилении ответственности власти пред обществом, уменьшении межстратовых разрывов.

Однако большинство принимаемых актов учитывает правосознание представителей власти из привилегированных страт. С точки зрения природы общественного сознания, это мало отличается от проявлений единоличной власти. Крайне редко встречаются процедуры, учитывающие волю всего общества, такие как референдумы, что отчасти объяснимо их громоздкостью и неоднозначностью. В результате принимаемые государством нормы не отражают полноты общественных процессов, часто они направлены только на решение проблем принявших их страт, что не способствует социальной стабилизации. Это приводит к неэффективности законов. Но, по словам И. А. Ильина, «...организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле есть задача права и правосознания...» [1].

Проблема «неправого права» [1] может быть решена путем создания прикладных социологических методов и их интеграции в законодательный процесс. Социология обладает проверенными методами исследования общественных процессов. Применение социологических методов

и современных информационных технологий в исследованиях правосознания могло бы улучшить законотворческий процесс.

В РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина на кафедре философии и социально-политических технологий ведется исследовательская работа по изучению эффективности принимаемых норм права путем внедрения в правотворческий процесс прикладных исследований правосознания лиц, для управления которыми принимаются нормы.

Нужно ли выполнять нравственный долг с приятностью или нужно насиловать себя? [2]. Ответ неоднозначен, но при достижении социального равновесия между властью и обществом в законодательном процессе может сложиться такая ситуация, при которой долг, установленный законом, большинством будет выполняться без принуждения.

Мы считаем, что исполнение приказов более эффективно обеспечивается за счет внутреннего согласия исполнителей, а не за счет угроз применения санкций.

Исследование покажет, можно ли передать роль трибуна, которую выполнял в римском сенате представитель плебса, социологам путем включения прикладных социологических методов в правотворческий процесс.

Список литературы

1. *Ильин И. А.* О сущности правосознания. М. : Русская книга, 1994.
2. *Мамардашвили М. К.* Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990. № 10. С. 3—18.

Информация об авторе

Бурдюг Василий Викторович, аспирант кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, Москва, Россия, 2270777@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА — ПАРТНЕРСТВО ИЛИ ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ПОДЧИНЕННОСТЬ?

Л. А. Василенко

Институт государственной службы и управления персоналом РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Речь идет об открытости органов власти для общества, о доверии как постоянно действующем диалоге в обществе, государстве. Доверие возможно только на условиях признания партнерства участвующих субъектов. Представлены результаты исследования моделей диалога власти и общества в интернет-коммуникациях. Сделан вывод о необходимости радикальных изменений в психологии, должностных обязанностях и развитии коммуникативной компетентности госслужащих.

Ключевые слова: государственное управление, государственные служащие, электронное правительство, интернет-коммуникации

Неуклонное продвижение Концепции формирования открытого правительства, осуществляемое Правительством РФ, уже не ставится под сомнение. Становятся нормой проведение публичных онлайн-консультаций с гражданами и организациями, формирование и развитие действенных механизмов оперативного реагирования на обращения граждан. Постепенно становятся все более полными открытые данные, апробируются технологии взаимодействия с референтными группами. Более конкретными становятся повестки дня заседаний общественных советов, более ответственно стали вести себя представители органов власти в социальных сетях и блогах [1—3]. Почему же возникает неудовлетворенность у обеих сторон?

Например, социологические исследования ИГСУ РАНХиГС показывают, что «отношение муниципальных служащих к гражданам не всегда позитивно, и это накладывает отпечаток на характер их взаимодействий, выстраивает определенные коммуникационные барьеры». В то же время в исследовании отмечается недостаточный уровень доверия граждан к муниципальным служащим (44,2% в той или иной мере доверяют; 43,5% — нет, а 12,3% затруднились с ответом) [4].

Доверие выступает как регулятор социальных отношений и интерпретируется как нравственное понятие, выражающее веру человека в добро, порядочность, верность, ответственность, проявляющееся в межличностных отношениях. В данном контексте доверие можно рассматривать как открытые позитивные взаимоотношения между людьми, содержащие взаимную уверенность в порядочности и честности. Доверие, пред-

ставляемое как постоянно действующий диалог в социуме, государстве, может строиться только на условиях признания партнерства между участвующими в нем субъектами.

Многовековая традиция закрытости власти имеет глубокие социокультурные основания и предопределяет не только скрытое сопротивление органов власти попыткам сделать их деятельность прозрачной для общества, но и низкую заинтересованность граждан в получении информации [5]. Поскольку информация есть власть, люди, стоявшие во главе традиционных иерархий, всегда удерживали свои позиции благодаря контролю доступа к информации. Спонтанная социализированность в условиях постиндустриального общества требует внедрения в практику деятельности органов власти принципов открытости — основы взаимодействия общества и государства.

Условия успешности реализации принципа открытости обозначены в результатах комплексного социологического исследования «Инновационные модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях» [6]. Отметим распространенное мнение некоторых представителей органов власти об обратной стороне открытости, заключающееся в том, что всю информацию, формируемую органами власти, открывать нельзя, так как это может нанести серьезный вред государственной безопасности. В ответ на эти высказывания можно выдвинуть аргумент, что ни в одном документе руководство страны не обозначило открытость как полное раскрытие информации органа власти. Речь идет о необходимости четкого определения, что подлежит открытию, а что остается под грифами секретности и служебного пользования. Именно понятность правил и их четкое исполнение обозначает транспарентность отношений, препятствуя коррупции. В условиях отсутствия правил чиновник будет склоняться к присвоению грифа секретности, чтобы не отвечать потом в случае возникновения конфликта.

Внедрение принципов открытости в деятельность органов власти ставит новые задачи в области государственной кадровой политики, причем речь идет не столько о соответствии госслужащих информационно-технологическим требованиям, сколько о радикальных изменениях в их психологии, должностных обязанностях и развитии коммуникативной компетентности в управлении многосредовым информационным пространством [7]. Партнерские отношения предполагают диалоговое общение, исключающее заформализованность и бюрократизм, а также наличие стимулирующих мер по мотивации представителей органов власти к конструктивной совместной деятельности с институтами гражданского общества. «Формальные ответы» вошли в топ-3 у обеих категорий респондентов полуструктурированно-

го глубинного интервью (граждан и представителей государственных служащих) (рис. 1).

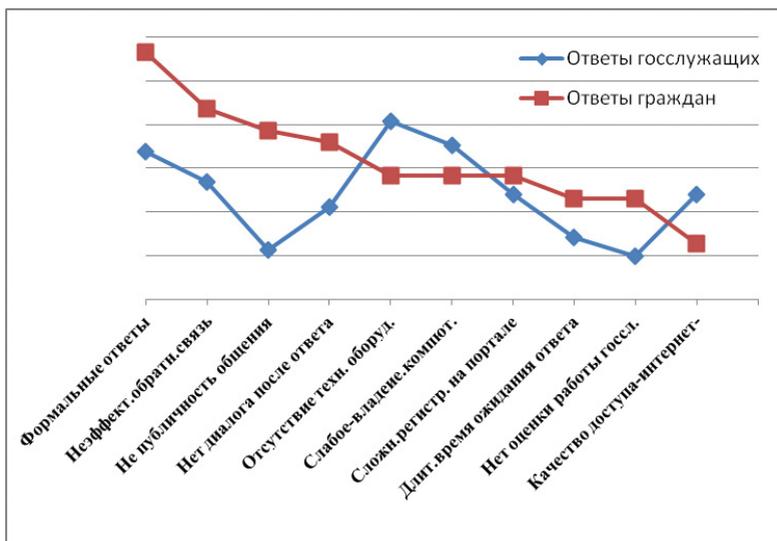

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие причины препятствуют диалогу между органами власти и обществом в интернет-коммуникациях?»

В первую очередь, к партнерским отношениям не готова система государственного управления. Но инфраструктура и социальная среда на данном этапе постепенно включаются в общую архитектуру электронного государства, начинают учитывать социальную сторону механизмов электронного правительства — социальное взаимодействие и продвижение механизмов демократии в российский социум, воспитание гражданственности и государственности.

В результате происходит процесс расширения условий для демократических притязаний граждан. В подтверждение этому можно привести пример гражданских площадок взаимодействия органов власти, общественных некоммерческих организаций и рабочих групп регионального штаба Общероссийского общественного движения «Народный фронт „За Россию“» в Москве. По итогам круглого стола с участием представителей органов власти Москвы рабочая группа «Общество и власть: прямой диалог» направила в адрес Правительства Москвы рекомендации по совершенствованию проекта «Активный гражданин» и доработке новой версии портала mos.ru.

Список литературы

1. *Василенко Л. А.* Менеджмент социальных инноваций: управление будущим // Государственная служба. 2012. Т. 1. № 1. С. 47—53.
2. *Василенко Л. А.* Отвечает ли кадровая политика государственного управления вызовам самоорганизующихся информационных коммуникаций? Анализ компетенций госслужащих // IV Международная социологическая конференция «Продолжая Грушина». ВЦИОМ–РАНХиГС, 2014.
3. *Василенко Л. А.* Система и процессы инновационной подготовки государственных служащих // Образование и общество. 2007. № 3. С. 51—59.
4. *Василенко Л. А.* Социология информационных процессов в условиях социальных изменений // IV Всероссийский социологический конгресс: Материалы конгресса. М., 2012. С. 359—360.
5. *Василенко В. И., Василенко Л. А., Казанцева О. А., Тарасова Е. В.* Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях. М., 2015.
6. *Василенко Л. А., Миронова Н. И.* Социальная несправедливость. Методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. Т. 1. № 1. С. 62—67.
7. Современные проблемы местного самоуправления в России: опыт социологического анализа. Серия «Аналитические обзоры Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 2015. № 3. М., 2015.

Информация об авторе

Василенко Людмила Александровна, д. с. н., профессор Института государственной службы и управления персоналом РАНХиГС, Москва, Россия, vasilenkola@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ ОФИЦЕРА СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ: ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

В. И. Веремчук

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

Аннотация. Представлены результаты военно-социологического исследования, изучавшего типологические характеристики личности офицера Вооруженных сил РФ. Анализ полученных данных позволил сделать вывод об определяющем влиянии личностных качеств офицерского состава на социальные процессы, происходящие в воинских подразделениях.

Ключевые слова: личностные качества, военная социология, офицерский состав

В социологическом понимании личность офицера Вооруженных Сил можно рассматривать как сложную социальную систему, которая может быть представлена в виде определенной совокупности различных социально-важных качеств, необходимых в специфических условиях несения военной службы.

Современные военно-социологические исследования позволяют определить типологические характеристики личности современного российского офицера [2]. Средний возраст офицеров Вооруженных Сил РФ сегодня составляет около 33 лет. На долю молодых офицеров (молоче 25 лет) приходится около 13%. Уровень образования офицерского корпуса высокий: три четверти имеют высшее гражданское, а каждый четвертый — высшее военное образование. Гендерный анализ показывает, что подавляющее большинство офицеров (98%) — мужчины. Большинство опрошенных имеют семьи (79%), 17% холостые, 4% разведены. Большинство занимают командные (29%) или инженерно-технические должности (32%).

Личная профессиональная подготовленность по занимаемой должности большинством респондентов (58%) оценивается как высокая или выше среднего, 40% оценивают ее как среднюю и только 2% оценили ее на уровне ниже среднего. Классную квалификацию имеют почти три четверти офицеров. Основным мотивом выбора профессии для большинства опрошенных было желание стать офицером (71%), далее следуют мотивы широкого социального характера — патриотизм и желание быть причастным к делу защиты Отечества (33%). Ведущими ценностями военной службы у офицерского корпуса выступают: желание сохранить свой

социальный статус, т. е. остаться офицером (56 %), и надежда на лучшее будущее (44 %), для 40 % — интерес к профессии военного (карьера), для каждого третьего (31 %) — чувство долга.

Позитивное отношение респондентов к военной службе в настоящее время определяют: хороший коллектив (49 %), стремление к самосовершенствованию (39 %), интерес к профессии (32 %). 60 % опрошенных в качестве профессиональной цели ставят перед собой служебный рост. Оценивают свое состояние здоровья как хорошее более 70 % офицерского состава. При возникновении неожиданной или сложной профессиональной ситуации подавляющее большинство опрошенных мобилизуется и испытывает уверенность в себе (около 80 %). Оценивают свои отношения с сослуживцами как доброжелательные — 62 % или нейтральные — 29 % опрошенных. Удовлетворены военной службой 64 % респондентов.

Показателем эффективности военно-профессиональной социализации офицерского состава в период обучения в военном вузе является тот факт, что у 88 % молодых офицеров ожидания от военной службы оправдались, 85 % из них стремятся продолжить военную службу, причем более 60 % до достижения предельного возраста. Уволиться с военной службы при первой возможности, а также в ходе организационно-штатных мероприятий, проводимых в войсках (силах), желают всего 2 % молодых офицеров [3].

По мнению военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, наиболее значимыми качествами личности, которыми должен обладать командир подразделения, для того чтобы пользоваться авторитетом в воинском коллективе и вызывать доверие подчиненных, выступают интеллектуальные личностные качества (47 %). Далее по значимости следуют личностно-профессиональные (41 %) и физические качества (30 %). Среди интеллектуальных качеств личности офицера (командира подразделения) наиболее предпочтительны для респондентов из числа военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, ум (75 %), логика (68 %), чувство юмора (55 %) и образованность (44 %). Наиболее значимые личностно-профессиональные качества командира, формирующие доверие личного состава подразделения, — справедливость (64 %), честность (59 %), ответственность (59 %), порядочность (53 %). К важным физическим качествам, присущим командиру, подчиненные относят командирский голос (44 %), высокую работоспособность (38 %), хорошее здоровье (34 %), энергичность (32 %). Доверие подчиненных будет вызывать командир, который обладает такими психологическими качествами, как уравновешенность (55 %), мужество (55 %), смелость (50 %), упорство (25 %). Высоко оценивают подчиненные важность таких профессионально-важных качеств

офицерского состава, как справедливость (64 %), ответственность (64 %), честность (61 %) [1].

Анализ оценок моральных и профессиональных характеристик личности современных офицеров показывает, что в различных ситуациях военно-служебных отношений командный состав демонстрирует как положительные, так и отрицательные качества. Наиболее развиты у военных руководителей такие профессионально важные качества, как требовательность и строгость, взыскательность и смелость, мужество и решительность. В то же время наименее выражены такие важные для современного командира качества, как пунктуальность и примерность.

Лишь около половины командиров, по мнению подчиненных, в той или иной степени являются для них образцом для подражания. Наиболее проблемными социальными характеристиками личности современного командира подразделения являются стойкость, выдержка, самообладание. По данным социологических исследований, среди военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, 18 % опрошенных заявляют о том, что офицеры склонны к превышению должностных полномочий по отношению к подчиненным. О случаях, связанных с коллективным наказанием подчиненных, заявили 35 % опрошенных военнослужащих. Не всегда офицерский состав обладает объективной информацией о положении дел в подразделении [4].

Анализ моральных качеств современного офицера показывает, что наиболее проблемными из них являются уважение к людям, вежливость, тактичность. Все это существенно снижает уровень доверия подчиненных к командирам, что негативно отражается на состоянии воинской дисциплины, результатах боевой учебы.

Исследования военных социологов позволяют сделать следующий вывод: чем выше развитость у командного состава личностных, моральных, профессионально важных и управленческих качеств, тем в большей степени их подчиненные получают удовлетворение от воинского труда. Все это подтверждает факт определяющего влияния личностных качеств офицерского состава на социальные процессы, происходящие в воинских подразделениях.

Сегодняшняя система обучения и воспитания офицерских кадров может быть эффективна, если она опирается на научный фундамент социологического знания и данные военно-социологических исследований.

Список литературы

1. Веремчук В. И., Барановский М. В. Социологический анализ отношений доверия в воинских подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации // Военный академический журнал. 2014. № 4. С. 93—99.

2. *Веремчук В. И., Крутилин Д. С.* Имидж командира Вооруженных Сил Российской Федерации в воинских коллективах // Социс. 2013. № 4. С. 122—130.
3. *Кузьмин Д. А.* Становление молодых офицеров-выпускников военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации (на примере соединения Западного военного округа) // Военно-социологические исследования : Сб. информационно-аналитич. и методич. ст. М. : Воен. ун-т, 2014. № 1 (45). С. 53—59.
4. *Попова Н. В.* Состояние межличностных отношений в воинских коллективах Вооруженных Сил РФ // Военно-социологические исследования : Сб. ст. М. : Воен. ун-т, 2011. № 1 (33). С. 44—63.

Информация об авторе

Веремчук Владимир Игоревич, д. с. н., профессор, доцент кафедры социологии ФГКВООУ ВПО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, mr.veremchuk@mail.ru

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СОСТОЯНИЕМ ЧИСТОТЫ И БЛАГОУСТРОЙСТВА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

М. Н. Гадлевская

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Проанализированы результаты социологического опроса, проведенного Исследовательским центром «Единение» Ассоциации малых и средних городов России для изучения вопроса удовлетворенности населения уровнем чистоты и благоустройства в муниципальных образованиях. Данные опроса позволили выстроить рейтинг муниципалитетов, выявить лидеров и аутсайдеров. Систематический мониторинг общественного мнения позволяет своевременно устранять выявленные нарушения и повышает эффективность общественного контроля за деятельностью органов государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: общественный мониторинг, муниципальная власть, государственная власть, уровень благоустройство, муниципальные образования,

В целях развития общественного контроля за деятельностью органов государственной и муниципальной власти в сфере благоустройства, чистоты и порядка, формирования равнодушного отношения и вовлечения населения в процесс благоустройства Исследовательским центром «Единение» Ассоциации малых и средних городов России проводится общественный мониторинг (социологический опрос). Изучается вопрос удовлетворенности респондентов чистотой и состоянием благоустройства в муниципальных образованиях. Полученные данные служат дополнительным фактором при формировании рейтинга муниципальных образований в сфере чистоты, порядка и благоустройства.

В ходе исследования социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях (регионе) изучались социальные показатели, влияющие на уровень жизни населения: общий уровень благоустройства города (района), качество дорог, состояние дворовых, придворовых территорий и улиц, чистота города (района), вывоз мусора, озеленение территории.

Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. В качестве генеральной совокупности было выбрано все взрослое население региона старше 18 лет, постоянно проживающее на исследуемой территории. В исследовании использовалась маршрутная случайная квотная выборка. Отбор респондентов проводился в со-

ответствии с заданными квотами. Применялась связанная квота по полу и возрасту.

Исследованием были охвачены представители основных социально-профессиональных групп, проживающих на исследуемой территории.

Линейное распределение ответов респондентов представлено в табл. 1—3.

Таблицы 1—3. Состояние чистоты и благоустройства

Таблица 1

Социальные показатели	В целом по региону (II квартал 2015 г.)				
	доволен	недоволен	и доволен, и недоволен	затруднились ответить	баланс
Качество дорог города (района)	17 %	78 %	3 %	2 %	-61
Состояние дворов и придворовых территорий	44 %	49 %	6 %	1 %	-5
Состояние улиц города (района)	52 %	37 %	9 %	2 %	+15
Чистота города (района)	54 %	38 %	7 %	1 %	+16
Общий уровень благоустройства города (района)	62 %	29 %	7 %	2 %	+33
Вывоз мусора	67 %	28 %	5 %	0 %	+39
Озеленение	79 %	17 %	3 %	1 %	+62

Таблица 2

Социальные показатели	В целом по региону (III квартал 2015 г.)				
	доволен	недоволен	и доволен, и недоволен	затруднились ответить	баланс
Качество дорог города (района)	35 %	62 %	1 %	2 %	-27
Состояние дворов и придворовых территорий	55 %	43 %	0 %	2 %	+12

Социальные показатели	В целом по региону (III квартал 2015 г.)				
	доволен	недоволен	и доволен, и недоволен	затруднились ответить	баланс
Чистота города (района)	58%	40%	1%	1%	+18
Общий уровень благоустройства города (района)	61%	33%	2%	4%	+28
Состояние улиц города (района)	64%	33%	1%	2%	+31
Озеленение	75%	24%	0%	1%	+51
Вывоз мусора	79%	21%	0%	0%	+58

Таблица 3

Социальные показатели	В целом по региону (IV квартал 2015 г.)				
	доволен	недоволен	и доволен, и недоволен	затруднились ответить	баланс
Состояние дворов и придворовых территорий	46%	51%	1%	2%	-5
Качество дорог города (района)	44%	44%	4%	8%	0
Чистота города (района)	59%	36%	1%	4%	+14
Состояние улиц города (района)	60%	33%	4%	3%	+27
Общий уровень благоустройства города (района)	60%	28%	5%	7%	+32
Озеленение	65%	31%	2%	2%	+34
Вывоз мусора	90%	8%	1%	1%	+82

С учетом полученных данных был выстроен рейтинг муниципальных образований (лучшие и худшие). Систематический мониторинг общественного мнения позволяет своевременно устранять выявленные нарушения. Это повышает эффективность контроля, поскольку позволяет отследить позитивные и негативные тенденции в наведении порядка на исследуемой территории.

Как видно из представленных данных, в течение года прослеживается заметная тенденция роста доли респондентов, довольных организацией вывоза мусора, также наблюдается рост положительных оценок респондентов в части состояния дорожного строительства (качество дорог).

Стабильные положительные результаты поддерживаются в области благоустройства территорий муниципальных образований, в том числе соблюдения чистоты города (района).

Наиболее критические показатели преобладают при оценке состояния озеленения, состояния дворовых и придворовых территорий, состояния улиц. Однако это связано с тем, что основные работы по указанным направлениям носят выраженный сезонный характер.

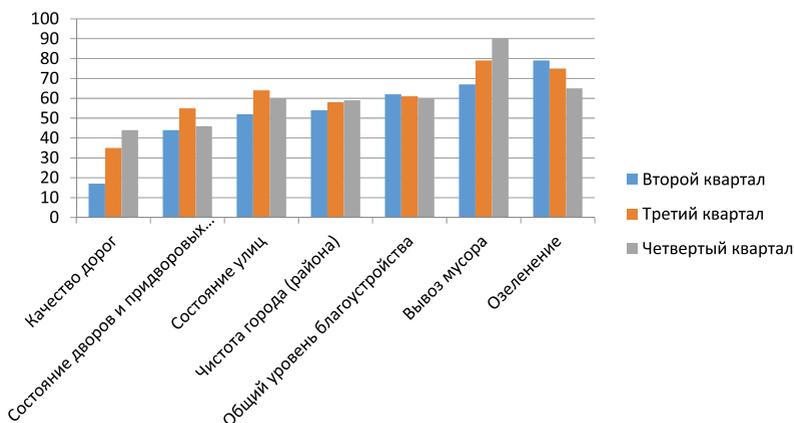

Рисунок 1. Динамика изменения состояния чистоты и благоустройства

В результате проведенной работы исследовательского центра были выявлены самые чистые и благоустроенные муниципалитеты (лидеры) и самые грязные муниципалитеты (аутсайдеры) региона.

Таким образом, консолидация государства и общества для решения этих вопросов действительно необходима, без жесткого взаимодействия с муниципальными властями не обойтись. Необходимо развивать это взаимодействие для совместного решения проблемных вопросов.

Информация об авторе

Гадлевская Марина Николаевна, магистрант факультета экономической политологии ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, зам. директора некоммерческого партнерства «Единение», marinakrou@yandex.ru

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ПРИСОЕДИНЕНИИ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. А. Гугуева

*Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Большинство социологических исследований не играет важной роли в принятии властных решений, что во многом связано с недоверием к результатам исследований. В то же время события последних лет демонстрируют яркие примеры успешного использования результатов социологического исследования для урегулирования социальных проблем. Причины недоверия определены социологами. Востребованность результатов социологических исследований вернется в случае, если удастся решить проблему недоверия.

Ключевые слова: референдум в Крыму, экзитпол, социологический опрос, востребованность социологических исследований, проблема недоверия

Социологи — это вообще отдельная тема.
Они вообще все знают. И знают точно лучше других.

*Из выступления В. В. Путина
на Всероссийском молодежном форуме «Селигер», август 2014 г.*

В преддверии референдума о статусе Крыма в марте 2014 г. Крымским республиканским институтом политических и социологических исследований (тогда еще на территории Республики Украина) проводился социологический опрос, который был необходим власти, чтобы выяснить мнение крымчан по вопросу возможной аннексии полуострова. На момент опроса проголосовать за вхождение Крыма+ в состав России собиралось 77 % жителей Крыма и Севастополя. На вопрос о том, следует ли Севастополю войти в качестве субъекта в состав Российской Федерации, 85 % жителей города собирались дать положительный ответ.

В 2015 г., когда Украина прекратила подавать электричество на полуостров, в Крыму был проведен еще один показательный социологический опрос, который де-факто получил звание референдума. В. В. Путин, в ответ на требование Украины указать в договоре поставки электроэнергии, что территория Крыма является территорией Украины, распорядился провести соцопрос с целью получить ответ населения на вопрос: «Поддерживаете вы или нет заключение коммерческого контракта

с Украиной на поставку части электроэнергии в Крым и Севастополь, если в нем будет указано, что Крым и Севастополь являются частью Украины?» [1]. Результаты соцопроса не разочаровали президента, подтвердив «патриотические настроения на полуострове и высокий уровень доверия к Президенту России, который лично пускал энергомоcты» [2].

На наш взгляд, решение о проведении референдума в Крыму, принятое президентом в результате анализа данных, полученных социологами, является наиболее ярким примером использования результатов социологического исследования для решения проблем социума. Тем не менее большая часть результатов социологических опросов не играет важной роли в принятии властных решений, в лучшем случае используя для написания статей и презентации данных на конференциях различного уровня.

Один наиболее востребованных во властных структурах методов социологических исследований — экзитпол, который помимо того, что предсказывает результаты выборов еще до окончания голосования, является также неким маркером, демонстрирующим, насколько честно проведен подсчет голосов на избирательных участках. И если юридическая практика по возбуждению дел о несоответствии результатов представленных избирательными комиссиями и данных экзитполов пока отсутствует, то журналисты, а также сами сотрудники избирательных комиссий и участники избирательных кампаний не оставляют эти данные без внимания.

Чем можно объяснить ситуацию, когда результаты социологических опросов остаются невостребованными? Мы полагаем, что основной причиной является недоверие к социологическим исследованиям как со стороны социума и власти, так и со стороны коллег. Социологи, сотрудники крупнейших центров, таких как ВЦИОМ, Институт социологии РАН, выделяют следующие проблемы социсследований, порождающие недоверие к результатам:

- неискренние ответы респондентов;
- респонденты озвучивают ответы, которые, по их мнению, хочет услышать интервьюер;
- некорректное составление анкеты (при проведении повторного исследования добавляются новые варианты ответов в вопросы, в связи с чем отсутствует возможность проведения корректного сопоставительного анализа);
- некорректное составление вопросов анкеты (вопросы сформулированы таким образом, что формируют определенное мнение у респондентов);
- самостоятельное заполнение анкет интервьюером — подтасовка результатов.

Мы полагаем, что, решив эти проблемы, социология вернет доверие к себе и повысит востребованность результатов социологических исследований. Важный шаг в этом направлении был сделан еще в 2014 г.

Список литературы

1. *Второй референдум по Крыму — энергетический. Путин рискнул!* [Электронный ресурс]. URL: <http://yablor.ru/blogs/vtoroy-referendum-po-krimu-energeti/5343770> (дата обращения: 29.02.2016).
2. *Дело социологов* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/70228.html> (дата обращения: 29.02.2016).
3. *Соцопрос в Крыму подтвердил результаты референдума 2014 г. — эксперт* [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/rusk/150403.html> (дата обращения: 29.02.2016).

Информация об авторе

Гугева Дарья Александровна, к. с. н., старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, gudiv@yandex.ru

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

И. Н. Дементьева

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. ИСЭРТ РАН — один из немногих субъектов, проводящих социологические исследования в мониторинговом режиме на региональном уровне. Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения является одним из важных инструментов научного обеспечения регионального развития. Распространение этого опыта будет способствовать повышению эффективности информационного обеспечения государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность управления, системы мониторинга, мониторинговые исследования, репрезентативность

Повышение эффективности государственного управления на всех уровнях власти в настоящее время является приоритетной задачей, от решения которой зависит развитие Российской Федерации в целом и региональных сообществ в частности.

Необходимость анализа и оценки эффективности государственного управления как на федеральном, так и на региональном уровнях актуализирует проблему поиска и использования новых методологических подходов для комплексного изучения пространственных особенностей экономического положения и социального самочувствия населения отдельных субъектов РФ.

Мониторинг общественного мнения позволяет получить достоверную, своевременную и достаточную информацию о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества. Мера включения оценок и суждений общественности в практические решения органов власти и управления является показателем открытости общества, уровня развития в нем важнейших прав и свобод, наконец, одним из критериев демократичности политического устройства государства [6].

В работах российских исследователей просматриваются различные подходы к разработке системы мониторинга. Исследования в этой области еще не обрели прочного методологического обеспечения. По мнению большинства авторов, под мониторингом общественного мнения понимается специально организованная и постоянно действующая система

наблюдения, сбора, оценки и распространения информации, диагностика экономической и социальной обстановки, складывающейся на территории, анализ тенденций развития и остроты проблем, а также подготовка рекомендаций по принятию рациональных управленческих решений [2].

В соответствии с тем, что мониторинг служит информационно-аналитической базой для формирования обоснованной социальной политики и оценки ее достижений, главную цель его функционирования следует определить как обеспечение органов управления информацией о складывающейся социальной ситуации и тенденциях ее изменения [4].

Наиболее системные формы практика обращения к общественному мнению приобрела на федеральном уровне. Большой опыт измерений социальной ситуации посредством технологий выборочных опросов общественного мнения накоплен такими независимыми организациями, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), центр «РОМИР», исследовательская группа «Циркон» и др. В академической среде можно выделить исследования Института социально-политических исследований РАН, Института социологии РАН, Института комплексных социальных исследований РАН. Однако на современном этапе управления региональными системами сведения, представляемые общероссийскими исследовательскими центрами, недостаточны. В рамках федеральных округов использование существующей информации не дает должного эффекта, поскольку для этих исследований характерна недостаточная репрезентативность (выборка на регион составляет всего несколько десятков человек). Необходимо расширить проведение социологических исследований в отдельных субъектах РФ.

На региональном уровне подобные исследования встречаются крайне редко, поскольку являются трудозатратными в экономическом и организационном плане. ИСЭРТ РАН является одним из немногих субъектов, проводящих социологические исследования в мониторинговом режиме на региональном уровне. Первые измерения общественного мнения были проведены ИСЭРТ РАН в 1993 г. на территории Вологды и Череповца, а также трех муниципальных районов области (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского). С осени 1995 г. строится областная репрезентативная выборка. Регулярно, один раз в каждые два месяца, опрашивается 1500 человек в городах Вологде и Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Тип выборки — районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения, квотная по полу и возрасту в соответствии с генеральной совокупностью. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; половозрастной структуры

взрослого населения региона. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Общий объем выборки в год составляет, таким образом, 9 тыс. человек.

Мониторинг общественного мнения осуществляется при использовании постоянно действующей сети для проведения социологических исследований на территории Вологодской области. Структура по сбору, обработке и анализу информации включает супервайзеров — организаторов опросов в районах, анкетеров в каждой точке опроса, а также непосредственно сотрудников ИСЭРТ РАН, в функции которых входит общая координация работ, обработка и анализ информации.

Измерения общественного мнения, проводимые ИСЭРТ РАН, позволяют исследовать оценки населением политической и экономической ситуации в стране, регионе; восприятие людьми актуальных проблем современной жизни; материальное положение, социально-экономическая стратификация; уровень потребления и потребительские настроения; социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью; отношение людей к политике властных структур, оценка их деятельности; уровень социального доверия политическим и общественным институтам; степень социальной напряженности и потенциал социального протеста; социальный капитал и потенциал развития гражданского общества [3].

Наличие достоверной, своевременной и достаточной информации о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества, является необходимым условием организации эффективного управления его развитием.

Опыт многолетних исследований ИСЭРТ РАН показал, что мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения является одним из важных инструментов научного обеспечения регионального развития. С одной стороны, он дает широкий срез социальной информации для анализа и оценки эффективности социального управления, разработки программ регионального развития; с другой — позволяет координировать усилия науки и практики регионального управления, распространять накопленный опыт, воспроизводя его на новой качественной основе.

В связи с дефицитом мониторинговых исследований общественного мнения о состоянии и тенденциях развития социально-экономической и общественно-политической ситуации в региональном социуме, распространение опыта ИСЭРТ РАН будет способствовать повышению эффективности информационного обеспечения государственного управления. Осуществление социологических замеров на региональном уровне именно в мониторинговом режиме позволит отслеживать не только текущие изменения в восприятии обществом ключевых событий, происходящих в политической и экономической жизни страны, но и анализировать тен-

денции общественного мнения в динамике, что необходимо для корректной оценки эффективности деятельности органов государственной власти.

Деятельность по установлению взаимосвязи между государством и обществом и обеспечению власти необходимой социологической информацией должна быть скоординирована на федеральном уровне при ведущей роли Российской академии наук. Для этого необходимо, чтобы органы власти ощутили потребность в информации о динамике общественного мнения, как основы для принятия управленческих решений; ставили перед Российской академией наук задачу предоставления своевременной и полной информации об оценках населения. Разработка единого методологического подхода к оценке эффективности государственного управления, с одинаковой периодичностью и методами обработки данных обеспечит системный характер данного процесса.

Список литературы

1. *Гавра Д. П.* Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://jourssa.ru/1998/4/gavra.html> (03.03.2016).
2. *Гулин К. А., Дементьева И. Н.* Тенденции общественных настроений населения Северо-Запада России // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 66—70.
3. *Гулин К. А., Озорнина С. В., Дементьева И. Н., Кожина Т. П.* Северо-Запад России: тенденции общественных настроений 2005—2010 гг. // Тенденции и проблемы развития региона: Науч. тр. в 4 т. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. Т. 3: Социальный императив регионального развития. Ч. 2. С. 413—581.
4. *Дубровина Н. А.* Оценка эффективности регионального управления // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2006. № 8. С. 54—59.
5. *Зуев С. Э., Васецкий А. А.* Государственная региональная политика: подходы к оценке эффективности // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 52—70.
6. *Ильин В. А., Сычев М. Ф., Гулин К. А.* Стратегия развития региона // Тенденции и проблемы развития региона : науч. тр. в 3 ч. Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. Ч. 1.: Становление и стратегия рыночной экономики.

Информация об авторе

Дементьева Ирина Николаевна, младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия, irinika_74@mail.ru

КАК СДЕЛАТЬ ПОЛЕЗНЫМИ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ? НАЧАТЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ УПУЩЕННЫЕ СОЦИОЛОГАМИ ВОЗМОЖНОСТИ

А. М. Долгоруков

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Результаты социологических исследований могли бы стать полезными, если бы действительно были научно обоснованы. Потребителям этих результатов необходимо обладать навыками их верификации. Кроме того, сегодня в России между разными видами деятельности социологов нет интерфейса, они не подпитывают друг друга. Выход в том, чтобы от неэффективных выводов и рекомендаций перейти к участию в реальных социальных инновациях, что предполагает радикальный пересмотр методов исследований и ключевых компетенций самих социологов. Исследователи должны заниматься социосинтезом — конструированием новых социальных систем (организаций, поселений, социальных институтов и т. п.).

Ключевые слова: верификация научных результатов, экспертиза, социальный дизайн, социосинтез, конструирование социальных систем, конструкционизм, социальные инновации

Для того чтобы сделать результаты социологических исследований полезными, необходимо и достаточно осуществить три вещи:

- вернуться к идеалу научно обоснованных результатов социологического исследования;
- управлять доверием тех, кто имеет привычку читать отчеты социологов.
- избавиться от ложного стереотипа, будто бы политики способны воспользоваться рекомендациями социологов для реальной общественной пользы.

Ниже эти тезисы кратко раскрываются.

1. Вернуться к идеалу научно обоснованных результатов социологического исследования.

Научная практика, как известно, в своих общих чертах должна быть:

а) нормативной — подчиняться неким канонам, принятым в сообществе в данный период развития научной дисциплины. Какие каноны признаются в российской социологии? Где это обсуждалось последние десятилетия?

б) рефлексивной — ситуация, в которой ученый и его коллеги постоянно и публично отслеживают не только результаты научных исследований,

но и процесс создания научных фактов и результаты применения. Сейчас уже созданы все предпосылки для принципиально нового уровня анализа социологических данных (новой методологии, новых методов сбора и производства данных):

- достижения семиотики;
- динамический гипертекст, который ежесекундно порождается в сетях Интернет;
- созданный программистами софт, который позволяет в виде единого массива анализировать текст, аудио- и видеофайлы, переполняющие социальные онлайн-сети [3]. Где это обсуждается?

в) принципиально верифицируемой — научная публикация предполагает возможность независимой проверки (экспертизы) результатов и процесса создания научного знания. Как это возможно при современном уровне публикаций? Для этого кто-то должен прививать исследователям современные паттерны методологической работы (техники интерпретации, работу с метафорами и т. п.), а не только позитивистские идеалы научных исследований [1, 3]. Эксперимент, интерпретация и понимание в современной социологии важнее измерения и объяснения [3]. Где это обсуждается? Кто публикует обсуждение?

2. Управлять доверием тех, кто имеет привычку читать отчеты социологов.

Публикации должны не только докладывать о полученных результатах исследований, но и прививать читающим (политикам, журналистам и общественным деятелям) навыки работы, позволяющие принципиально верифицировать результаты научной деятельности социологов. В реальной научной практике это обеспечивается:

- определенной структурой публикации;
- требованиям к данным, способам демонстрации и доказательствам, описаниям экспериментов и т. п.;
- анонимным рецензированием статей.

Для этого нужны кейсы, связанные с практиками публикационной деятельности в зарубежных и отечественных журналах, и открытое интенсивное обучение публикационным техникам и стратегиям.

3. Избавиться от ложного стереотипа, подразумевающего, что политики способны воспользоваться рекомендациями для реальной общественной пользы.

Сегодня в России одни социологи имеют дело со знаниями (преподают в университетах), другие — с методами (исследуют), третьи заняты социальными инновациями (создают и развивают социальные объекты). Интерфейса между этими тремя деятельностями нет. В результате все три деятельности ущербны и не подпитывают друг друга. В итоге Россия

превращается в социологическую провинцию в международном разделении труда.

Идеи конструкционизма, благодаря работам Л. С. Выготского, М. А. Бахтина, а также П. Бергера, Т. Лукмана и других социологов, становятся одной из доминант современной социологии (вместо социального прогнозирования — социальный дизайн и форсайты, вместо трансляции знаний — конструирование ситуаций понимания, вместо предметных репрезентаций объектов исследования и конструирования — методология и инструменты мягкого системного подхода) [1]. Российские социологи в этом не принимают участия. Почему? Где это можно обсудить?

Однако главный тезис состоит в следующем. Социологи должны избавиться от ложного и необоснованного стереотипа, будто бы политики способны воспользоваться рекомендациями социологов для общей пользы. Если внимательно присмотреться к исторической ретроспективе, такие случаи отсутствуют (помимо случайных совпадений рекомендаций социологов и личных интересов политиков и чиновников.).

От крайне неэффективных выводов и рекомендаций социологи должны перейти к участию в реальных социальных инновациях, а это предполагает радикальный пересмотр предметной онтологии, методов исследований и разработок в социологии и ключевых компетенций самих социологов [1, 2]. В данном случае речь идет о новом направлении развития социологии, развиваемом в конструктивистской перспективе, — социальном дизайне. Мы уже встали на этот путь: например, магистерская программа «Социальный дизайн» уже сделала четыре выпуска. Она готовит социологов новой волны, занятых не исследованиями и рекомендациями, а социосинтезом — конструированием новых социальных систем (организаций, поселений, социальных институтов и т. п.). Остается организовать подготовку социальных дизайнеров в национальном масштабе.

Список литературы

1. Долгоруков А. М. Интернет и перспективы социологических исследований // Материалы 4-й Международной науч.-практ. конф. «Социальный компьютинг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (ISC-15)». М. : МПГУ, 2015. С. 3—14.
2. Долгоруков А. М. Социальный дизайн: создание жизнеспособных систем. М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2012.
3. Долгоруков А. М. Социодизайнерское исследование: новая онтология, инновационная методология и метод конструирования социального мира // Материалы научно-практической конференции «Гуманитарное изменение города». М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015.

Информация об авторе

Долгоруков Александрович Михайлович, к. ф. н., доцент, ведущий научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, dolgorukov.am@gmail.com

МАРКЕТИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю. А. Дроздова

Волгоградский филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Аннотация. С использованием данных опроса, проведенного автором в Волгоградской области, рассматриваются вопросы применения маркетинговых технологий для разработки стратегического плана развития региона. При этом предполагается решение задач формирования имиджа региона, продвижения брендов, создания устойчивых позитивных ассоциаций у всех сегментов целевых потребителей, а также позитивного изменения инвестиционного климата региона, укрепления репутации региональной и муниципальной власти. Результат — конкурентоспособное устойчивое развитие региона.

Ключевые слова: имидж региона, стратегическое планирование, маркетинговые технологии, продвижение брендов

Маркетинговые технологии, применяемые на стратегическом уровне формирования и продвижения имиджа региона, связаны со стратегическим планированием развития территории, а оно предполагает оптимизацию процессов управления, с учетом долгосрочного прогноза возможных результатов, для качественных изменений показателей развития территории. Развитие конкурентоспособного образования, повышение качества управления на местном уровне, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах, «взаимная ответственность государства, общества, бизнеса, каждого гражданина... развитие инфраструктуры массового детско-юношеского спорта, доступное жилье, высокоэффективные технологии, поддержка малого и среднего бизнеса», — эти показатели развития территории указаны в Ежегодном послании Президента РФ Федеральному Собранию[1].

Единой методики стратегического планирования развития территории пока не существует, каждый регион строит свою систему. Волгоградская область — один из лидеров в России по этому направлению, поскольку в последние годы целенаправленно занимается вопросами стратегического планирования и устойчивого развития.

Продвижение уникальных преимуществ Волгоградской области, с учетом всех имеющихся и потенциальных ресурсов, а также устойчивый рост конкурентоспособности региона в системе территориального разделения труда посредством качественного улучшения делового, инвестиционного,

инновационного, культурного, научного, спортивного и рекреационного имиджа территории на муниципальном, региональном, федеральном и международном уровнях, — основные цели развития региона до 2025 г., которые можно использовать при построении маркетинговой стратегии региона. При этом предполагается решение следующих задач:

1. Позитивное изменение и формирование нового имиджа Волгоградской области, повышение частотности положительных упоминаний в СМИ и Интернете.

2. Создание и активное продвижение брендов Волгоградского региона формирование устойчивых позитивных ассоциаций у всех сегментов целевых потребителей.

3. Кардинальное позитивное изменение инвестиционного климата региона, укрепление репутации региональной и муниципальной власти, улучшение внутреннего социального климата, создание основы конкурентоспособного устойчивого развития.

Маркетинговые технологии предполагают развитие и популяризацию потенциала инфраструктуры, ее правовое, научно-техническое и кадрово-организационное обеспечение. Как показало авторское исследование [2], для Волгоградской области маркетинговые технологии должны применяться в строительном, туристическом и сельскохозяйственном направлениях (табл. 1).

Таблица 1. **Направления, привлекательные в Волгоградской области для инвесторов**

Сельское хозяйство	57,3%
Туризм	25,1%
Машиностроение	12,4%
Образование	12,7%
Производство товаров/услуг	14,2%
Продвижение IT-технологий	7,1%
Автомобильный сервис	8,4%
Ресторанный и гостиничный бизнес	12,5%
Культура	8,2%
Образование	6,6%
Строительство	33,8%
Создание и поддержание системы водо- и теплоснабжения	8,0%
Затрудняюсь ответить	8,6%
Другое	0,8%

На сегодняшний день маркетинговые технологии пока остаются неосвоенным ресурсом в Волгоградской области. Они базируются на маркетинге персонала, что предполагает создание условий и возможностей для развития и популяризации потенциала занятости, образования, личной безопасности, экономичности и удобства проживания, реализации специфических потребностей. Без реализации этого невозможна результативность других маркетинговых технологий. Также они могли бы активно применяться при подготовке к Чемпионату мира по футболу 2018 г. Объекты, построенные и оснащенные в соответствии с современными стандартами (аэропорт, железнодорожные вокзалы, дороги, сеть общественного питания, ресторанный и гостиничный бизнес и т. д.), могут стать результатом эффективного маркетинга инфраструктуры.

Большинство респондентов оценили Волгоградскую область как регион средней привлекательности для различных категорий населения. Вызывают тревогу достаточно высокие показатели безусловной непривлекательности региона для специалистов высокой квалификации (16,2% респондентов), творческих людей (14,6% опрошенных), ученых, научных работников (15,8% участников опроса). Эти данные объясняют выбывание из региона интеллектуальных ресурсов, что затрудняет формирование позитивного имиджа Волгоградской области [2].

Маркетинговые технологии нашли отражение в Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 г., которая включает три основных блока: демографическая и социальная политика, экономический потенциал, экологическая обстановка [3]. Комплексная стратегия, разработана достаточно подробно, но не имеет единой концепции. Она направлена на продвижение системы брендов региона, охватывающей все стороны его жизни. Система региональных брендов имеет «лоскутный» характер, предполагает позиционирование региона и в качестве туристического центра Юга России, и в качестве этнокультурного пространства с глубокой казачьей историей, промышленного и бизнес-центра, научно-инновационного кластера и т. д. Предполагается работать над имиджем региона сразу на трех уровнях одновременно (локальный, федеральный и международный). При этом проведение неоправданно большого количества мероприятий, не имеющих единой общей концепции, отсутствие доверия, согласованности в действиях субъектов регионального пространства не являются эффективными стратегическими инструментами в технологии позиционирования, а обычно становятся политическим инструментом, актуализирующимся в период политических выборов, и вследствие этого зачастую носят декларативный характер.

Маркетинг региона не должен быть формой пиара. Регионам нужны программные документы стратегии своего развития, но государство

должно быть обеспечено понятной долгосрочной стратегией территориального развития, которая реализуется через среднесрочные программы, содержащие конкретные системы мер на государственном и региональном уровнях. 33,9% опрошенных отметили важность реализуемой региональной стратегии, отвечающей потребностям региона [2].

Разработка стратегического плана развития региона представляет один из современных методов регионального управления. Маркетинговые технологии эффективны только в том случае, когда они образуют регулятивный механизм с другими коммуникативными технологиями (символической, информационно-коммуникационными, рекламной и др.), обеспечивающими развитие территории. От реализуемой стратегии устойчивого развития территории в значительной степени будет зависеть эффективность создания позитивного образа региона, положительная репутация, финансово-экономические, политические и социокультурные составляющие регионального развития.

Список литературы

1. *Данные* опроса населения Волгоградской области «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ», который проводился под руководством автора в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 (Волгоградская область, июль-сентябрь 2013 г., N=1000).
2. *Закон* Волгоградской области от 21.11.2008 № 1778-Од (ред. от 20.03.2012) «О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 г.».
3. *Послание* Президента Федеральному Собранию 12.12.2013 [Электронный ресурс] URL: [www.http://news.kremlin.ru/transcripts/19825](http://news.kremlin.ru/transcripts/19825) (дата обращения: 28.01.2016).

Информация об авторе

Дроздова Юлия Алексеевна, к. с. н., доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия, juliadrozdova@mail.ru

РАЗГЛЯДЫВАЯ СПИРАЛЬ МОЛЧАНИЯ

М. Н. Дымшиц, Л. Д. Лифиц

«Дымшиц и партнеры», ЧОУ «КЛАСС. Тренинг. Коучинг. Консалтинг»

Аннотация. Проанализированы результаты социологического онлайн-опроса, проведенного с целью изучить влияние СМИ на формирование у населения чувства принадлежности к большинству. Анализ подтвердил гипотезу о существовании псевдостатического чувства и другие положения концепции Э. Ноэль-Нойман о «спирали молчания» и влиянии СМИ на общественное мнение.

Ключевые слова: общественное мнение, спираль молчания, псевдостатическое чувство, принадлежность к большинству, СМИ

Выдвигая концепцию спирали молчания, Э. Ноэль-Нойман утверждала, что люди, на основе псевдостатического чувства, оценивают принадлежность своей общественно-политической позиции к большинству или меньшинству. Отнесение себя к той или другой группе влияет на вероятность высказывания своего мнения [1]. Считающие, что они относятся к меньшинству, скорее промолчат из-за боязни возмездия или изоляции. Одним из элементов концепции является утверждение, что публикация опросов общественного мнения (или даже просто утверждения о нем) — один из факторов, влияющих на формирование восприятия доминирующего мнения. На формирование спирали молчания оказывает влияние и нравственная составляющая той или иной позиции. Утверждается также, что более высокий образовательный и/или имущественный статус являются факторами, снижающими зависимость личного мнения от мнения, воспринимаемого как принадлежащего большинству.

Современная российская общественно-политическая ситуация вполне соответствует развитию спирали молчания: абсолютное доминирование поддержки действующего президента (85%), активное использование этой темы в СМИ и т. д. К тому же, несмотря на такую высокую общую поддержку, она имеет разный уровень в зависимости от возраста, дохода и места жительства; сочетание разных факторов приводит к формированию менее выраженной поддержки в Москве и Московской области. Учитывая, что псевдостатистическое чувство конкретного человека вряд ли может распространяться на всю обширную российскую территорию и ограничивается кругом повседневного и периодического локального общения, опрос в конкретном населенном пункте позволяет проверить гипотезу о спирали молчания в реальных условиях.

Онлайн-опрос 3275 человек по возрастной квоте 15—59 лет с вопросами о доверии к президенту, о сочетании одобрения деятельности и доверия к сообщениям СМИ о 85-процентной поддержке и о воспринимаемом уровне поддержки у тех, кто не согласен с цифрой «85 %», — дал очень интересные результаты. Хотя непосредственно у выборки уровень поддержки составлял 61 % (22 % затруднились с ответом), а одобрение деятельности — у 67 %, доверяли словосочетанию «85 % поддержки» только 53 % респондентов. При этом в качестве реального уровня поддержки одобряющие деятельность президента выбирали вариант, включающий территориальный уровень поддержки в их социальном окружении, а неодобряющие гораздо чаще в случайном порядке выбирали значения ниже территориального.

Таким образом, гипотеза о существовании псевдостатического чувства подтвердилась. Дальнейший анализ также подтвердил влияние СМИ на формирование чувства принадлежности к большинству и некоторые другие положения концепции.

Исследование проведено на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта частному образовательному учреждению «КЛАСС. Тренинг. Коучинг. Консалтинг», в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Список литературы

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания / пер. с нем. ; общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. М. : Прогресс-Академия, Весь мир, 1996.

Информация об авторах

Дымшиц Михаил Наумович, генеральный директор компании «Дымшиц и партнеры», Москва, Россия, MDysmhits@dnp.ru

Лифиц Леонид Давидович, директор ЧОУ «КЛАСС. Тренинг. Коучинг. Консалтинг», Москва, Россия, lifits@group-ab.ru

БИФУРКАЦИОННЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ НА ОСНОВЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В. А. Жебит

Академия имиджологии, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается применение бифуркационного метода в исследованиях динамики имиджа. Предложена математическая модель эволюции имиджа. Развиваясь во времени, имидж проходит последовательно определенные фазовые состояния, при смене которых встречается точки неопределенности — точки бифуркаций. В каждой такой точке происходит выбор инварианта имиджа.

Ключевые слова: динамика имиджа, бифуркационный метод, точка бифуркации, инвариант имиджа, политический деятель, политическая партия

В социологических исследованиях следует принять тот факт, что любой наблюдаемый процесс зависит от фактора присутствия сознания реципиента, а значит, не может считаться объективно оцениваемым явлением. Процесс же, происходящий вне наблюдения, который можно было бы считать происходящим и зафиксированным объективно, тоже может сталкиваться с искажением сознанием реципиента на этапе фиксации результатов. Таким образом, напрашивается вывод о существовании границы между реальностью, где событие происходит, и миром сознания реципиента.

При проведении исследований динамики имиджа (образа) момент проявления феномена имиджа можно определить как точку бифуркации, в которой сознание реципиента делает выбор инварианта имиджа. В этой точке на выбор влияет целый комплекс внешних и внутренних факторов. На выбор могут повлиять даже самые незначительные факторы, в том числе случайные.

Развитие имиджа во времени представляется как последовательность определенных фазовых состояний его как динамической системы. Смена фазовых состояний проходит точки неопределенности — точки бифуркаций. В каждой точке бифуркации происходит выбор инварианта имиджа, который далее обретает устойчивую форму до следующей точки бифуркации, в которой происходит новый выбор и т. д.

Эту модель можно выразить математически, где имидж объекта будет представлять собой некоторое состояние активной системы:

$$A=f(a_1, a_2, \dots, a_n; b_1, b_2, \dots, b_n; c_1, c_2, \dots, c_n; d_1, d_2, \dots, d_n),$$

где a_1, a_2, \dots, a_n — информация об объекте,

b_1, b_2, \dots, b_n — социально-событийный фон,

c_1, c_2, \dots, c_n — социально-психологическое состояние реципиента (респондента).

(Для упрощения в данном изложении референтный фактор не учитывается.)

На первом этапе в эту систему, находящуюся в состоянии A_n , поступает «Информация об объекте» и информация «Социально-событийный фон». На основе этой суммарной информации система приобретает новое состояние A_{n+1} , соотносясь с социально-психологическим состоянием реципиента (респондента). Новое состояние системы соответствует актуализированному имиджу.

На следующем этапе в качестве входных данных в систему поступает «Информация об объекте» — актуализированном имидже и новый «Социально-событийный фон». Соотносясь с новым социально-психологическим состоянием реципиента, система приходит в новое состояние A_{n+2} , соответствующее вновь актуализированному имиджу и т. д.

Исходные данные организуются в виде трех комплексов числовых показателей:

- 1) комплекс показателей «Информация об объекте» (I_n);
- 2) комплекс показателей «Социально событийный фон» (K_n);
- 3) комплекс показателей «Социально-психологическое состояние респондентов» (E_n).

В качестве параметров, отражающих динамику представлений об объекте (политический или общественный деятель, политическая партия, корпорация) принимаются статистические данные «Оценка деятельности объекта», полученные с заданным периодом, на основе которых формируется сводная таблица. Параметр может быть выделен в опросах общественного мнения или рейтингах, — везде, где содержатся позитивные или негативные оценки. Характеристики динамики позитивных и негативных оценок являются основой для исследования прочих факторов, определяющих эволюцию имиджа. В частности, для расчетов влияния различных факторов на позитивную и негативную составляющие имиджа могут быть использованы данные рейтинга доверия/недоверия к объекту.

Для оценки социально-психологического состояния респондентов берутся процентные величины положительного и отрицательного значений двух параметров — «Социальное самочувствие» и «Социальное настроение». Здесь могут быть выделены дополнительные характеристики — соотношение позитивных и негативных оценок социального

самочувствия и социального настроения, отражающих изменения социально-психологического состояния респондентов.

Комплекс «Социально-событийный фон» с системной точки зрения отражает внешний фактор, влияющий на принятие электорального решения и влияющий на остальные комплексы модели. События могут быть представлены в виде следующих блоков:

1. Катастрофы, преступления, скандалы.
2. Жизнь известных людей, спорт, наука, развлечения, праздники.
3. События за рубежом.
4. События в горячих точках, военные конфликты.
5. Деятельность правительства (президента), события во властных структурах.
6. События, связанные с жизненным уровнем населения, решением социальных проблем.

Социально-событийный фон по каждому блоку может оцениваться в форме процентного соотношения интереса к событиям, представленным в каждом блоке.

Как уже показывалось в предыдущих работах автора, внешние события могут учитываться в форме отношения или степени интереса к ним со стороны респондентов. В табл. 1 представлена экспериментально определенная область изменения параметров (в относительных единицах) имиджа за выбранный период.

Таблица 1. Экспериментально определенная область изменения параметров (в относительных единицах) имиджа за выбранный период

a^* (I_n)	0,93	0,88	0,93	0,93	0,93	1,0	1,0	1,0	0,98
b^* (K_n)	0,89	0,95	0,95	1,0	1,0	0,95	0,97	0,92	0,89
c^* (E_n)	0,63	0,63	1,0	0,25	0,5	0,25	0,13	0,25	0,25

В проведенном исследовании диапазоны изменений параметров имиджа определились следующим образом:

Информация об объекте (a^*) (соотношение позитив/негатив) колебалась в диапазоне значений 0,88—1,0, т. е. находилась в области максимально положительных значений.

Социально-психологическое состояние респондентов (b^*) — 0,89—1,0, что соответствует области, благоприятной для формирования позитивного имиджа.

Социально-событийный фон (c^*) колебался в диапазоне 0,13—1,0 с тенденцией к ухудшению, что в целом характеризует его как неблагоприятный.

Иными словами, параметры не претерпевали существенных изменений, имидж объекта сохранял устойчивость в коллективном сознании респондентов. Для модельного представления области изменения имиджа объекта рассмотрим модель элементарной катастрофы «сборка» (рис. 1).

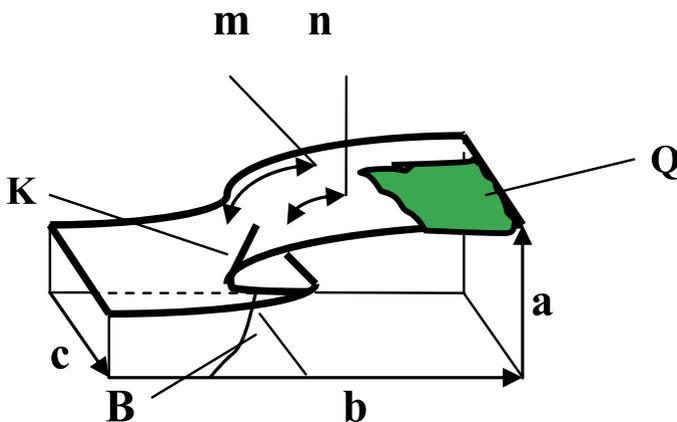

Рисунок 1. Область безопасного изменения состояния имиджа объекта (Q)

В проведенном исследовании область состояний имиджа объекта на поверхности катастрофы «сборка» Q (выделено заливкой) отражает достаточно безопасную позицию объекта — на верхней плоскости, существенно удаленную от области катастрофических изменений.

Информация об авторе

Жебит Владимир Александрович, к. психол. н., член-корреспондент Академии имиджологии, руководитель научно-исследовательского проекта «Нелинейные коммуникации», zvladalex@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МОНИТОРИНГОВ В СИСТЕМАХ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

О. А. Жирков

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Представлены разработки ряда авторских систем анализа социально-политической обстановки при использовании результатов социологических мониторингов: Аналитической системы поддержки решений (АСПР), использующей процедуры многофакторного социального анализа; Электронного стратегического технотеатра (ЭСТТ); инвариантной среды для поддержки анализа территориально-распределенной, визуализированной в среде геоинформационных систем (ГИС) социально-экономической и политической информации.

Ключевые слова: социологический мониторинг, аналитические системы, электронный технотеатр, визуализация данных, геоинформационные системы, многофакторный анализ, алгоритмы свертки визуализированных показателей

Посвящается светлой памяти В. Э. Бойкова

...здесь мы сталкиваемся с проблемой информационных технологий. Информационные технологии действительно могут обеспечить процесс создания керосиновой лампы, которая затем будет произведена реально. Но в этом случае информационные технологии просто консервируют старые системы деятельности и задерживают создание новых.

*Громыко Ю. В. Политическая антропология:
руководство для управленцев и педагогов.*

Проблема альтернативного, помимо традиционных методов, использования результатов социологических мониторингов для анализа социальной обстановки возникла в Социологическом центре Аналитического управления РАГС при создании аналитических материалов для одного из подразделений Администрации Президента РФ (АПРФ) [3, 5].

Директор центра В. Э. Бойков пригласил автора статьи, в то время работавшего в НИЦ «КОНТУР» ФАПСИ и занимавшегося анализом социально-экономической и политической обстановки и представлением презентационно-аналитических докладов в Ситуационном центре Президента России (СЦПР), для создания подобного типа систем анализа

результатов мониторинговых социологических опросов российского населения, осуществлявшихся Социологическим центром РАГС в 1990-х гг.

Ниже кратко представлены разработки ряда авторских аналитических систем анализа социально-политической обстановки при использовании результатов социологических мониторингов, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Первым очевидным шагом была визуализация данных опросов с применением геоинформационных систем (ГИС). Она была успешно решена, и аналитические материалы выпускались с картированными в цвете данными опросов общественного мнения. Следующим этапом было создание аналитических систем для конечного пользователя, т. е. для эксперта-социолога или аналитика.

Была разработана Аналитическая система поддержки решений* (АСПР) — интеллектуальная телекоммуникационная среда групповой поддержки решений для анализа социально-политического климата и получения прогнозных рейтингов лидеров партий и общественных движений, которая может применяться в ситуационных и аналитических центрах, оснащенных системами групповой поддержки решений [1].

Система является инструментальным средством поддержки групповой работы социологов и экспертов-аналитиков в выборных штабах для принятия решений при мониторинге политического истеблишмента на базе «мягкой» системной методологии, с применением классического метода анализа иерархий для решения слабоструктурированных проблем. Она давала возможность формализовать как информацию, касающуюся событий, влияющих на текущие рейтинги политических деятелей, партий и общественных движений (социально-экономическая обстановка, развитие внутривластных процессов, взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти), так и знания экспертов о взаимном влиянии вышеперечисленных факторов. Использование процедур многофакторного социального анализа позволяет экспертам вычислять текущие рейтинги лидеров партий и общественных движений, а также прогнозировать их изменение в зависимости от изменения внешних факторов.

АСПР позволяла конструировать сценарии корректировки влияющих факторов с целью желаемого изменения текущего рейтинга политического деятеля, партии или общественного движения.

На рис. 1 приведен интерфейс системы на примере одной партии. Работа АСПР была апробирована в ряде избирательных кампаний в от-

* Система была разработана И. В. Амелиным и О. А. Жирковым для анализа и оценки электоральной обстановки в ходе ряда выборов кампаний в 1995—1998 гг.

дельных субъектах РФ на одном федеральном ситуационном центре для оценки предвыборной обстановки по выборам в Государственную Думу в 1995—1998 гг., показала устойчивость, но сложность проведения оценок и большая трудоемкость при заполнении матриц взаимоотношений не привели к широкому использованию данной разработки.

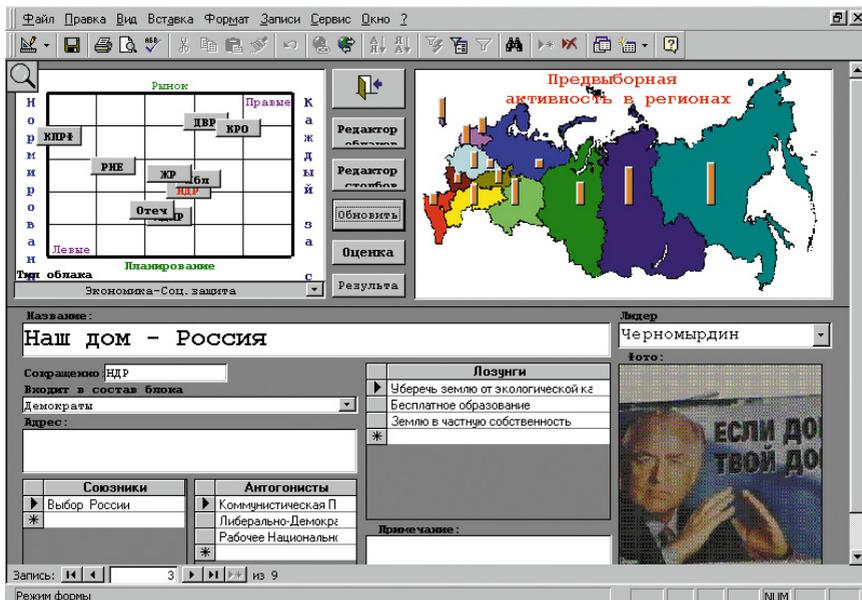

Рисунок 1. Интерфейс проблемно-ориентированной среды Аналитической системы поддержки решений на примере партии «Наш дом — Россия»

На экране монитора визуализировались аналитические данные из базы знаний о качественной картине нахождения партий и общественных движений в полях: «Экономика — социальная защита населения», «Национальные отношения — государственность», «Политическая система — государственный строй», «Собственность — распределение» (разработка группы «КОНКОРД») и прогнозные результаты мониторинговых социологических опросов по лидерам партий и общественных движений, эксплицированные на политико-административную электронную карту Российской Федерации (рис. 2).

В качестве следующей системы для анализа социально-политической и экономической обстановки на федеральном и региональном уровнях была разработана система групповой поддержки решений с визуализацией данных мониторинговых социологических исследований в среде ГИС для использования в ситуационных и аналитических центрах с от-

дельными рабочими местами режиссера и игротехника игротехнического сеанса — Электронный стратегический технотеатр (ЭСТТ), где была использована клиент-серверная технология [2, 4].

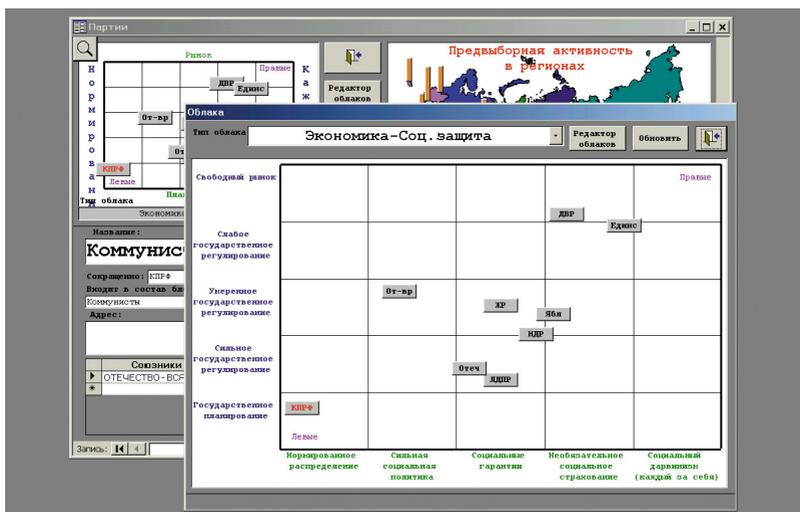

Рисунок 2. Визуализация аналитической базы знаний о качественной картине нахождения партий и общественных движений в полях «Экономика — социальная защита населения»

На рис. 3 приведена фотография сеанса на ЭСТТ с отдельным местом режиссера и мониторами управления видеостены.

На трех экранах видеостены можно было визуализировать различные данные о рейтингах партий и движений, симпатиях и антипатиях электората в региональном разрезе, т. е. обо всей совокупности информации, необходимой в данном сеансе поддержки игротехнического процесса, включая социально-экономический блок: доходы, прожиточный минимум, преступность, стоимость потребительской корзины и др. в разрезе субъектов Федерации.

На визуализированную информацию накладывался аналитический модуль оценки ситуации, в котором использован эргономически модернизированный автором метод анализа иерархий (рис. 4).

Аналитический блок системы позволяет оценить социально-экономическую и политическую обстановку на федеральном и региональном уровнях с использованием всей совокупности необходимой информации, которая визуализируется в среде ГИС для повышения эффективности и наглядности процесса оценки ситуации. В среде ЭСТТ на одном экра-

не синтезированы образная и аналитическая составляющие процесса принятия решений, в результате которого в игротехнической группе происходит инсайт (озарение).

Рисунок 3. Режиссер игротехнического сеанса поддержки мышледеятельности (за пультом — автор статьи) в одном из аналитических центров в процессе управления видеостеной (сервер системы)

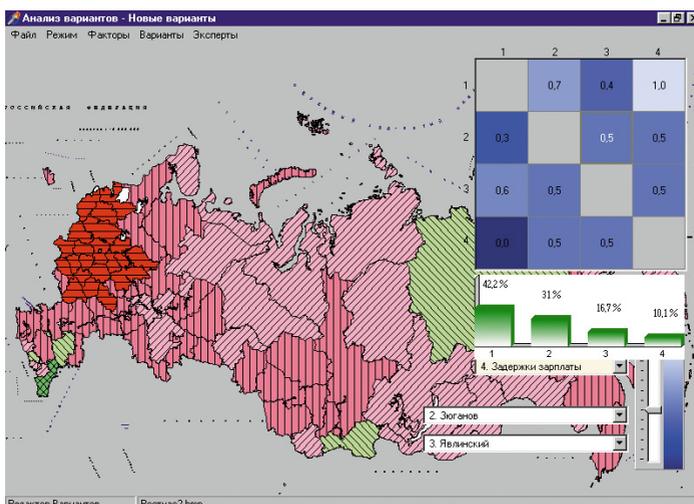

Рисунок 4. На экране визуализирован один из показателей социального мониторинга, на него наложен аналитический модуль оценки ситуации (клиент-системы)

Последняя из представленных систем — инвариантная среда для поддержки анализа территориально-распределенной, визуализированной в среде ГИС социально-экономической и политической информации.

Главная особенность данной электронной среды поддержки принятия решений — это перенос процесса анализа ситуации от алгоритмической работы с цифровыми показателями к работе с территориально-визуализи-

рованными данными, распределенными по территории, т. е. с их образным отображением на карте. При этом анализируемые показатели могут быть выбраны социологом-аналитиком в зависимости от потребностей решаемой задачи без ограничений, связанных с наличием тех или иных алгоритмов анализа ситуации, т. е. возникает ситуация нахождения зависимостей типа «сапоги с пирогами». Электронная среда разрабатывалась в рамках концепции создания Электронного стратегического технотеатра [5].

В настоящее время разработаны следующие алгоритмы свертки визуализированных показателей: алгоритм центрального сложения по насыщенности; алгоритм покомпонентной максимизации вектора интенсивности; алгоритм усреднения показателей по интенсивности и алгоритм минимизации вектора интенсивности.

Рисунок 5. Итоговый картоид для оценки электоральной обстановки по суммарной поддержке ЛДПР, «ЯБЛОКО» и СПС

Рассмотрим последовательность процедур анализа ситуации с визуализированными показателями в среде видео-анализатора картированных данных (ВАКД) с использованием геоинформационной системы (ГИС):

- выбор визуализируемых показателей в соответствии со сценарием и их визуализация в ГИС среде;
- выбор алгоритма обработки визуализируемых показателей в зависимости от проблемной ситуации;
- работа конечного пользователя в программной оболочке для получения виртуальных картофонов по предметной области в соответствии с поставленной задачей;

- визуальный анализ полученных результатов и их интерпретация;
- повторение процедуры анализа с добавлением новых показателей для дальнейшей реализации выбранного сценария или работа с ранее полученными картоидами (виртуальными картами, полученными в результате визуальной алгоритмической обработки данных в соответствии со сценарием анализа ситуации), или процедуры анализа ситуации, при которой могут в режиме визуального анализа обрабатываться виртуальные картоиды.

Основное преимущество предложенного метода в том, что конечный пользователь — социолог-аналитик — может манипулировать любыми картированными в ГИС данными из разных областей знаний, мониторинговыми результатами социологических опросов, никак не связанными алгоритмически. На рис. 5 приведен пример работы конечного пользователя в среде ВАҚД, где данные оппозиционных партий «сложены» на итоговом картоиде.

Список литературы

1. *Амелин И. В., Жирков О. А., Иващенко А. В.* Опыт разработки интерактивно-аналитических систем реального времени. // Научно-практическая конференция «Ситуационные центры-2010» (Ситуационные центры и электронное правительство) 26—27 апреля 2010 г.
2. *Анисимов О. С., Ефремов В. А., Жирков О. А.* Электронный деловой театр — интерактивно-аналитическая среда групповой поддержки решений. // Всероссийская конференция с международным участием: сборник статей «Виртуальный театр ситуационного центра». Омск : Российский гуманитарный научный фонд, 2007.
3. *Жирков О. А.* Системы виртуального анализа данных электоральных процессов // Научно-практическая конференция «Современные избирательные технологии. Методология и практика управления предвыборными кампаниями». Москва 24—26 сентября 1999 г. М., 1999.
4. *Жирков О. А.* Электронный стратегический технотеатр — игротехническая среда коллективного взаимодействия // Первая Всероссийская научно-практическая конференция «Аналитика развития безопасности страны: реалии и перспективы». Москва, 12 декабря 2014 г. М., 2015.
5. *Жирков О. А., Исаев И. В.* Визуализация данных опроса общественного мнения и результатов их кластеризации // Социология власти. 1999. № 2—3.

Информация об авторе

Жирков Олег Александрович, к. т. н., доцент кафедры труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, zc89@mail.ru

ПОНЯТИЕ И РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ВЛАСТИ И ПОВЫШЕНИИ ЕЕ ОТКРЫТОСТИ И ПУБЛИЧНОСТИ

В. Г. Завалин

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования открытого правительства, анализируется роль рекламных кампаний в средствах массовой информации для создания имиджа органов государственной власти. Подчеркивается необходимость технологического и системного подхода к открытости, начиная от законодательного регулирования в области доступа к информации и заканчивая открытыми государственными данными.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, управление коммуникациями, имидж государственной власти, открытость органов власти, публичность, общественный контроль, открытое правительство, техника убеждения

Для повышения роли открытости и публичности органов государственной власти в рамках рекламных кампаний большое количество денег идет на поддержание средств массовой информации, так как именно они являются ключевым связующим звеном между гражданами и властью. Под открытостью мы можем подразумевать три разных, но связанных друг с другом направления:

- *информационная открытость*: доступность информации о решениях органов государственной власти и другой правительственной информации;
- *общественный контроль*: доступность участия гражданского общества в принятии политических решений;
- *открытые государственные данные*: доступность и открытость государственной власти.

Сегодня государственная открытость практически невозможна без определенной формы освещения в СМИ.

В свете этих социальных тенденций настало время изучить и проанализировать технику Daintith — убеждения.

Данную технику используют в рамках *управления коммуникациями* как инструмент регулирования в условиях, когда чиновник обязан отчитываться и публиковать информацию о себе и своих доходах перед гражданами в СМИ или других информационных ресурсах.

Несомненно, органы государственной власти существенно отличаются от бизнес-структур методами работы, создающими препоны для изменений; бюрократия и укоренившиеся особые интересы усложняют некоторые формы коммуникации.

За каждым пресс-релизом и сайтом организации стоит конкретный человек, но когда рекламная деятельность прячется за брендом организации, это лишь уменьшает достоверность и прозрачность коммуникаций для граждан.

Главным показателем и результатом рекламных кампаний органов государственной власти всегда будет считаться положительное общественное мнение, которое, помимо качества жизни, можно получить при помощи разных форм коммуникации между властью и обществом. В рамках рекламных кампаний власти необходимо окружать себя различными коммуникационными площадками, которые, с одной стороны, могут стать источником для получения достоверной информации для власти, а с другой — таким же источником для общества.

Во время реализации рекламных кампаний органов государственной власти для формирования вокруг себя имиджа открытости профильные департаменты и отделы выстраивают в различных вариантах несколько форматов продвижения.

Гражданское представительство — этот инструмент используется для создания специальных структур, которые должны стать лицом гражданского общества в институтах власти.

Система открытости власти — этот инструмент формируется вокруг органов государственной власти и персон, связанных с ними. Системный подход открытости начинается с момента, когда субъект старта коммуникации переходит с лица власти на лицо гражданского общества. Заблуждение — думать, что открытость проявляется в том, что большой чиновник решает один раз в год выступить в прямом эфире и при этом граждане могут задать ему интересующие их вопросы. Настоящий имидж открытого государственного управления начинается с создания коммуникационных инструментов, с помощью которых общение может начинаться по инициативе самих граждан.

Вовлечение в проблемы граждан — данный инструмент больше всего подходит для работы общественных приемных с обращениями граждан. При правильном подходе оба направления из формальных функций и обязанностей власти могут превратиться в эффективный инструмент рекламной коммуникации.

Борьба со стереотипами — ни одна рекламная кампания не создаст позитивный имидж властям, пока у населения не сформируется новый образ чиновника и депутата, который заменит уже сложившийся стереотип.

Изучая проблему публичности и открытости органов государственной власти, мы так или иначе сталкиваемся с вопросами информационной открытости.

Е. Аксенова считает необходимым не только общение с прессой и появление представителей власти в средствах массовой информации, но и технологический и системный подход к открытости, начиная от законодательного регулирования в области доступа к информации и заканчивая открытыми государственными данными. На это указывают и другие эксперты в области открытого государственного управления: И. Бегтин, С. Шакиров, Дж. Рассел и О. Афанасьева [2, 5].

Российский специалист в области электронной демократии С. Шакиров выделил такое понятие, как презумпция открытости, по которому вся информация государственных органов принадлежит населению страны.

И. Бегтин описывает важность и необходимость специального органа в государственных структурах, который отвечал бы за открытость и публичность [2]. Так, в 2002 г. появился первый Министр открытого государства в Уэльсе; в России Министр по вопросам открытого правительства был назначен в 2012 г. О необходимости развивать технологию публичности не только на федеральном уровне говорит М. С. Айвазян [1], но это будет бесполезно без просветительской работы, о которой говорят Д. Муромцев и И. Радченко, занимающиеся образовательными технологиями в этом направлении.

Момент начала реализации проекта «Открытое правительство» одновременно стал начальным этапом нового подхода органов государственной власти к формированию своего образа в коммуникативной политике. Если на этапе становления проекта в 2012 г. понятие рекламы государства формировалось только в образе кандидатов в законодательные собрания, то сегодня данная коммуникативная система дошла и до министерств, и до муниципальных собраний. Ведь имидж главы района, мэра, губернатора, министра и президента зависит от качественного взаимодействия государственных служащих низшего уровня и образа, который формируют специалисты по рекламе, работающие в государственных проектах.

В рамках реализации проекта «Открытое правительство» специалистам по рекламе и продвижению данного проекта удалось решить несколько важных задач:

1. Задача публичности. На сегодняшний момент представители власти, задействованные в проекте, стали более открытыми.

2. Задача коммуникации с гражданским обществом. Общественные и экспертные советы, а также портал «Российская общественная инициатива» стали настоящими площадками по общению со своими гражданами, благодаря которым теперь у власти появилось новое имиджевое лицо.

Роль проекта «Открытое правительство» в развитии коммуникативных технологий и взаимосвязи власти и общества за последние три года стала более эффективной и отражается в следующих результатах:

- 1) интернет-голосование на выборах в общественные советы при ФОИВ;
- 2) интернет-голосование на выборах в Общественную палату РФ;
- 3) модернизация интернет-ресурсов ФОИВ;
- 4) появление в ФОИВ направлений по работе в социальных сетях;
- 5) увеличение доверия граждан к органам государственной власти.

Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что технологии открытого государственного управления (открытое правительство) позитивно влияют на развитие коммуникативных технологий в органах государственной власти.

Список литературы

1. Айвазян М. С., Варданян В. В., Кобаренкова Е. Ю. и др. Открытое государство: пути достижения. М., 2005.

2. Бегтин И. Контекстное. Мысли тезисно [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://ivan.begtin.name/2014/06/01/context-2/> (дата обращения: 01.06.2015).

3. Полит.Ру. Открытое государство. Чем оно является и чем быть не может. 2012 [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/media/files/2012/02/22/opengov_text_final.pdf (дата обращения: 01.06.2015)

4. Полит.Ру. Открытое государство. История и новый смысл [Электронный ресурс]. 2012 . URL: www.polit.ru/article/2012/06/28/open_gov/ (дата обращения: 01.06.2015).

5. Рассел Д., Кон Р. Открытое государство. М., 2013.

6. Тарасова М. В. Арт-брендинг территории Красноярского края как средство решения проблемы региональной идентичности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Иваново, 12—13 сентября 2013 г.) // «Город невест»? Брендинг территорий и региональные идентичности.

7. SNews. Блоги экспертов и ИТ-компаний [Электронный ресурс] / Открытое государство — 2012. URL: www.club.cnews.ru/blogs/entry/import_otkrytoe_gosudarstvo_69b2 (дата обращения: 01.06.2015).

Информация об авторе

Завалин Вячеслав Геннадьевич, студент факультета журналистики Воронежского государственного университета, координатор АНО «Институт социально-экономической модернизации» по Воронежской области, Воронеж, Россия, zavalin.vrn@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Зенько, Т. С. Сорокина-Зенько

Государственный университет «Дубна», Дубна, Россия

Аннотация. Речь идет об одной из проблем социологии, которая остается неизменной на протяжении десятилетий — выработке единого и точного социологического языка. Ее иллюстрирует доклад, основанный на данных опросов Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), опубликованный в журнале «Огонек» в 2013 г. Он приводится в качестве примера сомнительных результатов и выводов исследования. Подчеркивается, что необходимо вести дискуссию об одних и тех же предметах с учётом региона или страны, без сенсационных сравнений, с вдумчивым анализом.

Ключевые слова: anomia, научная терминология, системный подход, социологические опросы, общественное мнение

Увидеть и исследовать общество в целом, но в необходимом разрезе, можно лишь в случае использования методологии системного подхода, разработанного классиками социологической мысли. Итальянский ученый В. Парето, выдвинувший и обосновавший концепцию общества как системы, сводил социологию к логико-экспериментальному типу наук, к которому в той или иной степени относятся все естественнонаучные дисциплины: «Мы начинаем с фактов, чтобы затем выработать теорию. Мы отыскиваем общее в фактах и можем даже назвать это законом. Но факты не подчиняются законам, наоборот, законы подчиняются фактам. Законы являются гипотезами, служащими для охвата большего или меньшего числа фактов и исполняющими свою роль только до тех пор, пока не будут заменены лучшими» [3, с. 35]. В этих словах заложена практическая задача социологии, состоящая в необходимости отразить общество в его действительном виде. Парето настаивал на том, что теории, претендующие на научность, должны оперировать только эмпирическими закономерностями и описательными суждениями, категорически избегая этических сентенций, — указывая тем самым на негативную роль человеческих эмоций в попытке социального познания. Этим же условиям, на наш взгляд, должны отвечать социологические опросы, в противном случае изображение общества будет искажено. Среди методологических требований, предъявляемых Парето к работе социолога, — точность научной терминологии, а также классическое для социологии условие специфичности времени и места наблюдаемых социальных явлений.

Рассмотрим требования Парето в приложении к конкретным данным исследований российских и зарубежных социологов. В качестве иллюстрации эмпирической социологии воспользуемся информацией из авторитетного российского еженедельника: «На ежегодной конференции Американской социологической ассоциации России был поставлен диагноз: страна больна аномией. Авторы доклада на эту тему — Кристофер Сводер и Леонид Косалс — доцент и профессор факультета социологии НИУ ВШЭ, — готовят свой научный труд к печати и уверяют, что в диковинном недуге — ключ к пониманию наших проблем» [4, с. 18].

Как известно, понятие «аномия» было введено в научный оборот французским социологом Э. Дюркгеймом и сформулировано так: «общее состояние дезорганизации общества, когда никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что не справедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами, а потому все считают себя вправе претендовать на всё» [2, с. 238]. Понятие «аномии» находится в ряду социологических категорий, которые до настоящего времени не имеют точного научного определения.

Социологические опросы влияют не только на принятие важнейших решений властными структурами, но и на общественное мнение, особенно, если речь идет о размещении результатов опросов в СМИ. Источником для доклада К. Сводера и Л. Косалса послужили данные опросов Всемирного исследования ценностей (World Values Survey) 2005 и 2011 гг., из которых следует, что в России один из самых высоких уровней аномии, даже с учетом других постсоциалистических и развивающихся стран. «У переходных обществ проблем с аномией, как правило, больше, чем у развитых и остепенившихся. Замена социализма капитализмом, модернизация, реформы не способствуют сохранению старых норм, а во вновь возникших заставляют разочаровываться» [4, с. 19]. Там же размещен рейтинг самых «аномичных» стран. Вот как он выглядит в порядке уменьшения проявлений «аномии»: Россия, Китай, Индия, Великобритания, Буркина-Фасо, Украина, Грузия, Япония, Мали, Румыния. Источник рейтинга: НИУ ВШЭ, сентябрь 2013 г. [4, с. 20]. Разнородный состав десятки «аномичных» стран и необъяснимый или, возможно, не объясненный случай, когда Великобритания по показателю «неблагополучия» обогнала Украину, Грузию, а Япония — Румынию, — вызывают сомнения в обоснованности представленного рейтинга, а также относительно выводов исследователей о единстве причин состояния общества в той или иной стране.

На необходимость диалога и «научного изучения национальных полей производства и национальных категорий мышления» указывал еще П. Бурдьё [1, с. 549]. О переводах научной литературы он писал, что «при переводе с одного языка на другой текст вырывается из контекста,

в котором он был создан, и ввиду этого он лишается основной смысловой нагрузки, связанной с полем интеллектуального производства» [1, с. 549]. Заостряя проблему, ученый говорил о существовании «международной борьбы за господство в сфере культуры и за признание в этой сфере доминирования того или иного принципа организации культурной жизни общества» [1, с. 553], а также о том, что интернациональные влияния могут выражаться в переводах иностранных авторов, а рекламные компании, сопровождающие факт издания, имеют различные интересы: от научных до весьма меркантильных [1, с. 553]. Бурдьё обозначил проблемные зоны в области получения и осмысления социогуманитарного знания. Изменить некоторые из них не под силу научному сообществу, но привлечь к ним внимание необходимо.

Социологические категории по большей части не являются изобретением социологов: они вырабатывались на протяжении длительного периода времени с момента зарождения научного мышления. В предложении Бурдьё установить всеобщие, признанные в разных научных социологических школах, категории мышления, как это имеет место в системе естественных наук, нет ничего необычного. Единство в этом вопросе взглядов Бурдьё и Парето, высказанных с разницей почти в сто лет, свидетельствует о возрасте поставленной, но не решенной научной проблемы. Необходимо выработать единый социологический язык, на котором можно будет вести дискуссию, рассуждая об одних и тех же предметах, но с учётом региона или страны, исследуемых социологами, без сенсационных сравнений, с вдумчивым анализом.

Список литературы:

1. Бурдьё П. Социальные условия международной циркуляции идей. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетей, 2005.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М. : Мысль, 1994.
3. Парето В. Компендиум по общей социологии. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2008.
4. Филина О. Тема номера : Россия и мир — увечные ценности // Огонёк. М. : ИД «Коммерсантъ», 2013. № 39.

Информация об авторах:

Зенько Андрей Анатольевич, к. ф. н., доцент кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна», oranta2009@yandex.ru

Сорокина-Зенько Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна», soroka15.08@mail.ru

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ ГЛАЗАМИ ЧИНОВНИКОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

М. А. Кашина

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В исследовании, основанном на материалах практических занятий с сотрудниками многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) — слушателями программ повышения квалификации в 2015 г. в Санкт-Петербурге, поставлена задача поиска эмпирических индикаторов, позволяющих провести оценку качества работы по предоставлению населению государственных и муниципальных услуг. Предлагаемый перечень индикаторов, может послужить отправной точкой для эмпирической операционализации понятия «качество предоставления государственных и муниципальных услуг».

Ключевые слова: оценка качества госуслуг, эмпирические индикаторы оценки качества,

В основе данной работы лежат материалы практических занятий, проведенных со слушателями программ повышения квалификации «Вопросы предоставления государственных услуг» и «Оценка качества государственных услуг», проведенных в ноябре 2015 г. в Санкт-Петербурге. Обучение прошли более 170 государственных региональных гражданских служащих и специалистов многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) в Петербурге. Программами было предусмотрено проведение практического занятия «Разработка инструментов оценки качества предоставления услуг», на котором слушатели обменивались опытом работы и предлагали эмпирические индикаторы оценки качества предоставления отдельных услуг, а также проектировали возможные методики сбора информации для оценки этих индикаторов. Все слушатели имели высшее образование, поэтому обладали базовыми знаниями в области социологии, в частности, об основных методах сбора эмпирической информации. Стаж гражданской службы или опыт практической работы в МФЦ большинства слушателей превышал пять лет. Все это позволяет рассматривать высказанные ими в ходе обсуждения мнения в качестве экспертных, а полученную информацию считать достоверной.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов, сформулируем проблему исследования в теоретической и практической плоскостях.

Деятельность по предоставлению государственных и муниципальных услуг в России регулируется Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ [2]. В нем достаточно подробно рассмотрены организационные вопросы предоставления услуг во всех формах (в исполнительных органах власти, через МФЦ (гл. 4) и с помощью портала государственных и муниципальных услуг (гл. 5)), описаны способы межведомственного взаимодействия (гл. 2, ст. 7). Отдельная глава (гл. 3) посвящена административным регламентам предоставления услуг. В главе 2.1 описывается порядок до-/внесудебного обжалования заявителем решений и действий/бездействия органа, должностного лица, государственного или муниципального служащего, предоставляющего государственную или муниципальную услугу, проще говоря, порядок подачи жалоб на действия чиновников или специалистов МФЦ.

Несмотря на весьма подробный характер этого документа, вопросы оценки качества предоставления услуг в нем не рассматриваются, не упоминается даже слово «качество». Эту лауну закрывает Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [1]. В нем вводится понятие «удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг» и ставится задача к 2018 г. достичь доли граждан, удовлетворенных этим качеством, в 90%.

В этом же Указе обозначены еще четыре целевых показателя, характеризующих качество деятельности по предоставлению государственных и муниципальных услуг, и их значения: доля граждан, имеющих доступ к получению государственных услуг по принципу «Одного окна» по месту пребывания, в том числе в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг (к 2015 г. — 90%); доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме (к 2018 г. — 70%); среднее число обращений представителей бизнес-сообщества в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения одной государственной (муниципальной) услуги, связанной со сферой предпринимательской деятельности (к 2014 г. — 2); среднее время ожидания при обращении заявителя в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения государственных (муниципальных) услуг (к 2014 г. — 15 мин).

Большая часть предлагаемых показателей характеризует организационно-технологическую сторону процесса предоставления услуг. Их выполнение в основном зависит от самих исполнительных органов, т. е. процесс их достижения управляем. Однако число граждан, пользующихся

ся услугами в электронной форме, зависит не столько от чиновников, сколько от самих граждан, их желания, а главное — от возможностей сделать это.

Первый показатель — удовлетворенность граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг — обобщающий. Как его рассчитывать, нигде не прописано, а это открывает большой простор для субъективности. Интуитивно понятно, что главным индикатором удовлетворенности выступает отсутствие жалоб, но далеко не все граждане будут писать жалобы, даже если их обслуживали плохо; в то же время, всегда найдутся те, которые найдут к чему придраться. Есть случаи, когда жалоба обоснованна, но причины, ее породившие, лежат вне сферы компетенции чиновников, данную услугу предоставляющих, например, в сокращении финансирования.

Все это актуализирует задачу поиска эмпирических индикаторов, позволяющих провести оценку качества работы по предоставлению населению государственных и муниципальных услуг.

Ниже в обобщенном виде приведены результаты обсуждения этих вопросов с действующими чиновниками и специалистами МФЦ.

Виды услуг, проанализированных в ходе практических занятий:

1. Социальная помощь и обслуживание, в том числе санаторно-курортное лечение, пособия семьям с детьми, пособия пенсионерам, социальное такси.

2. Реализация услуг в социальной сфере, в том числе запись к врачу, запись детей в детский сад, в первый класс школы.

3. Специальные услуги, в том числе выдача лицензий, разрешений, справок, полисов ОМС, постановка на учет для улучшения жилищных условий, оформление налогового вычета, признание многоквартирных домов аварийными и подлежащими сносу или реконструкции.

К универсальным индикаторам оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг были отнесены:

1) организационно-управленческие:

- результаты проверок прокуратуры (в том числе плановые);
- количество жалоб и/или отказов в предоставлении услуги;
- факты нарушения исполнительской дисциплины при межведомственном взаимодействии;

2) технико-технологические:

- разнообразие и доступность каналов получения информации об услуге, а также способах ее предоставления;
- несовершенство (неполнота) баз данных приводит к необходимости предоставления заявителем дополнительных документов, как правило, подтверждающих те или иные факты;

— техническое сопровождение, работа серверов, реальная доступность электронной формы предоставления услуги;

3) нормативно-правовые:

— действие Закона об охране персональных данных, затрудняющее получение информации по каналам межведомственного взаимодействия.

Индикаторы оценки качества, актуальные по отношению **к определенному виду** услуг.

1. Организационно-управленческие:

- успешность межуровневого взаимодействия при оказании муниципальных услуг, например, разрешение органа опеки и попечительства на заключении трудового договора и лицами, не достигшим 14 лет;
- уровень синхронизации действий в ситуации, когда получение результата предполагает цепочку нескольких взаимосвязанных услуг, по-разному регламентированных;
- ограниченность сроков подачи документов, например, при записи в первый класс существуют три волны для разных категорий заявителей;
- режим работы ИОГВ в случае, если услуга не предоставляется через МФЦ, например, постановка апостиля;
- наличие специалистов нужной квалификации в МФЦ при приеме технически сложных или специфических документов, например, для расчета среднедушевого дохода при назначении пособия малообеспеченным гражданам.

2. Техничко-технологические:

- сложность заполнения исходных документов, например, медицинская карта для получения санаторно-курортного лечения, налоговая декларация;
- ограничение способов оплаты пошлины, например, только через определенный банк или только через терминалы;
- необходимость личного обращения в орган власти с заявлением и получения результатов, например, выдача справок об отсутствии судимости.

3. Нормативно-правовые:

- устаревшее законодательство, регулирующее предоставление услуги, например, для технадзора многие нормативные акты приняты в середине 1990-х гг.;
- обоснованность цензов при получении некоторых услуг, например, при жилищном учете, начислении пособий, записи в детские учреждения;

— обоснованность списков льготных категорий граждан.

Другие индикаторы, выходящие за рамки предоставления самой услуги, но влияющие на ее оценку в целом:

- необходимость дополнительных расходов, ограничивающих доступ к услуге, например, оплата проезда к месту санаторно-курортного лечения и обратно;
- ожидание при получении результата услуги, например, места в детском саду;
- квалификация врачей в государственных медицинских учреждениях, учителей в школах, воспитателей в детских садах.

Предлагаемый перечень индикаторов, безусловно, не является исчерпывающим, но может послужить хорошей отправной точкой для эмпирической операционализации понятия «качество предоставления государственных и муниципальных услуг».

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 19, ст. 2338.
2. *Федеральный закон* от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 31, ст. 4179.

Информация об авторе

Кашина Марина Александровна, к. ф. н., доцент кафедры социологии и социальной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ИНЖЕНЕРОВ ОЦЕНКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Е. В. Кеммет

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. *Анализируются результаты экспертного опроса технических специалистов региональных промышленных предприятий Свердловской области, проведенного в 2008—2012 гг. с целью оценки компетенций выпускников технических специальностей. Полученные данные подтверждают необходимость взаимодействия основных стейкхолдеров с научными организациями на стадии проектирования образовательных программ, чтобы минимизировать разрыв между имеющимися и требуемыми умениями.*

Ключевые слова: компетенции инженеров, экспертный опрос, инженерное образование, измерение результатов обучения

Растущая потребность в междисциплинарных навыках требует более тесного и скоординированного сотрудничества производственных предприятий с университетами и научными организациями. Данное сотрудничество служит залогом адекватной передачи знаний и формирования у обучающихся именно тех навыков и умений, которые будут востребованы в будущем предприятиями-работодателями. Для реализации такой модели взаимодействия необходимо детально изучать интересы основных стейкхолдеров, согласовывая с ними планируемые результаты обучения на стадии проектирования образовательных программ и внося коррективы в содержание и технологии реализации программы. Этот вывод опирается на результаты проведенного исследовательской группой Высшей инженерной школы Уральского федерального университета социологического опроса основных стейкхолдеров (практикующих инженеров) [1].

Одна из целей исследования — оценка важности и наличного уровня развития компетенций (результатов обучения), межличностных навыков и умений у будущих инженеров, выпускников технических специальностей Свердловской области. Перечень оцениваемых компетенций был сформирован по аналогии с формулировками результатов обучения, используемыми в международном проекте по оценке возможности международного измерения результатов обучения студентов вузов, обучающихся в различных языковых, культурных и институциональных

контекстах, AHELO (Assessment of Higher Education Learning Outcomes) в 2008—2012 гг. [2].

Источники данных — результаты проведенного методом анкетирования экспертного опроса технических специалистов региональных промышленных предприятий Свердловской области ($N=240$), в том числе ОАО «ЕврАз Нижнетагильский металлургический комбинат» ($N=75$), ОАО «Уральская горно-металлургическая компания» ($N=90$), ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» ($N=75$).

Мнения и оценки инженеров промышленных предприятий были интересны как оценки стейкхолдеров (пользователей услуг выпускников) и, не менее важный момент, как самооценки качества полученного ими в близком или отдаленном прошлом инженерного образования. Половина опрошенных инженеров уверены в том, что качество инженерного образования соответствует ожиданиям и запросам современного рынка труда, другая половина дает прямо противоположный ответ. Конкретизация этого вопроса, оценки значимости и реального уровня развития ключевых компетенций у современного инженера выявила иную ситуацию. С точки зрения всех опрошенных инженеров, реальный уровень развития компетенций по ряду позиций у выпускника с дипломом инженера значительно ниже ожидаемого (рис. 1).

Рисунок 1. Оценка работодателями желаемого и наличного уровня развития компетенций выпускников

Наиболее значимой компетенцией будущего инженера с позиции практиков является способность к самостоятельной работе (выбор проблемы исследования, методов, образовательной траектории). Разрыв между желаемым и наличным уровнем развития этой компетенции состав-

ляет 1,5. Второе место в рейтинге разделяют две компетенции — опыт взаимодействия с реальным сектором (разрыв 1,5) и коммуникативные навыки (разрыв 1,4). Широкое контекстное мышление (комплексное представление о своей отрасли, понимание экономических контекстов ее функционирования) занимает третью ранговую позицию (разрыв 1,4). Реже артикулируется экспертами важность навыков участия в научно-исследовательских проектах (разрыв 1,5), несмотря на существенный разрыв между их значимостью и наличием. Замыкают рейтинговую шкалу способность выпускников к межкультурной коммуникации (разрыв 1,3) (табл. 1).

Таблица 1. Значимость и уровень развития ключевых компетенций современного инженера в оценках инженеров

Ключевые компетенции	Важность	Наличие	Разрыв
Способность к самостоятельной работе (выбор проблемы исследования, методов, образовательной траекторий)	4,5	3,1	1,5
Опыт взаимодействия с реальным сектором	4,3	2,8	1,5
Коммуникативные навыки (способность представить свою работу, обсуждать свои идеи)	4,3	3,3	1,3
Наличие комплексного представления о своей отрасли, понимание экономических контекстов ее функционирования	4,2	3	1,4
Участие в научно-исследовательских проектах	4,1	2,8	1,5
Опыт участия в групповых проектах	3,9	2,8	1,4
Способность к межкультурной коммуникации	3,5	2,8	1,3
<i>Средняя оценка</i>	3,9	2,9	1,3

Важное место среди требований к современному инженеру по-прежнему занимают *организационные навыки, умение работать в команде, опыт участия в групповых проектах*, обучение через решение задач, развитие системы регулярного участия студентов и сотрудников в совместном выполнении реальных проектов по заказам предприятий отечественной и мировой промышленности. У инженеров-практиков анализ по дифференциации оценок значимости этой компетенции наиболее

информативен по должностным категориям. Так, выше других ее значение оценивают топ-менеджеры и молодые инженеры.

Итоги нашего исследования оценок стейкхолдерами результатов обучения выпускников инженерных программ приводят к неутешительному выводу о расхождении результатов обучения, содержания образовательных программ с требованиями рынка труда. Полностью решить проблему перевода потребностей в изменяющихся квалификациях на рынке труда в содержание образовательных программ до сих пор не удалось отчасти и из-за определенной инерционности системы образования. Активизация взаимодействия между сферой труда и сферой образования нужна, для того чтобы минимизировать разрыв между имеющимися и требуемыми умениями, компетенциями.

Список литературы

1. *Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени* / под общ. ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.
2. *A Tuning-AHELO Conceptual Framework of Expected Desired [Электронный ресурс] / Learning Outcomes in Engineer*. URL: http://www.unideusto.org/tuningeu/images/stories/Summary_of_outcomes_TN/AHELO_Engineering (дата обращения: 20.02.2016).

Информация об авторе

Кеммет Елена Викторовна, магистр, соискатель и ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, Elena, kemmet@urfu.ru

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Н. Н. Коростылева

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. С точки зрения гендерного подхода анализируется профессиональная деятельность персонала государственной службы. Приводятся данные экспертного опроса по проблемам профессионального развития и кадровым процессам в государственной службе в 2013 г. Для женщин — государственных служащих характерен остро проживаемый конфликт между исполнением семейных и профессиональных обязанностей. Необходимо формировать реальный механизм осуществления гендерной политики как в целом на государственной службе, так и в отдельных государственных органах, заниматься построением системы мотивации, учитывающей гендерный фактор.

Ключевые слова: государственные служащие, гендерный подход, мотивация, кадровые процессы

Многие ученые, занимающиеся проблемами управления персоналом, отмечают, что персонал государственной службы представляет совокупность работников, объединенных целями, принципами построения и функционирования в процессе деятельности, которая носит умственный характер. Этот персонал не производит материальных ценностей, а создает условия для функционирования и развития государства и общества [2].

С точки зрения гендерного подхода, персонал государственной службы имеет более конкретное прочтение, основанное на разделении на две большие социально-демографические группы. Персонал представляет определенную иерархическую систему, со своей социoproфессиональной средой, где происходит становление, формирование и совершенствование профессиональной деятельности мужчин и женщин — государственных служащих — с учетом их статусно-ролевых, ценностно-ориентационных и личностных характеристик [4].

Рассмотрим, как персонал государственной службы выполняет свою профессиональную деятельность, с точки зрения гендерного подхода.

Во-первых, он имеет численный перевес в пользу женского пола, где примерно 70 % работающих — женщины и всего 30 % — мужчины. Такой дисбаланс присутствует на государственной службе довольно давно — с 1990-х гг., он обусловлен многочисленными факторами, и значимыми

среди них являются гендерное разделение труда по отраслям, гендерная сегрегация, гендерные стереотипы и установки.

Мотивы поступления женщин и мужчин на государственную службу комплексно отражают все проблемы не только государственной службы, но и всего российского общества, связанные с распределением мужчин и женщин в секторах экономики, в государственном и негосударственном управлении.

Приведем данные экспертного опроса по проблемам профессионального развития и кадровым процессам в государственной службе. В опросе участвовал 251 эксперт из числа специалистов, замещающих высшие, главные и ведущие должности государственной службы на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации (май-июнь 2013 г.). Данные приводятся в процентах от числа ответивших на каждый предложенный вопрос.

Таблица 1. Мотивы поступления на государственную службу. Распределение ответов на вопрос: «Чем, на Ваш взгляд, руководствуются граждане, поступаая на работу в государственные органы власти и управления?», %
(Можно было выбрать несколько вариантов ответов)

33,3	желанием принести пользу обществу и государству
37,3	стремлением занять престижное место в обществе
32,1	стремлением обеспечить перспективы своего служебного роста
31,3	желанием приобрести широкие связи с людьми, которые могут быть полезны в жизни
26,5	стремлением повысить свое материальное благополучие
22,1	стремлением полнее реализовать свои профессиональные качества
64,3	гарантией постоянной работы, стабильного положения
21,3	стремлением заработать высокую пенсию
9,2	отсутствием другого выбора
2,4	иное

Все опрошенные на первое место поставили «гарантию постоянной работы, стабильного положения» (64,3%); среди них женщины составляли большинство — 63,8%. Устойчивые и достойные условия труда, определенная доля предсказуемости в работе — вот что привлекает женщин. 37,3% государственных служащих отметили стремление занять престижное место в обществе. Здесь данные по полу распределились поровну, что указывает на определенные карьерные позиции у современных женщин из числа государственных служащих. Третье место заняло утверждение о желании принести пользу обществу и государству — 33,3% (56,6% женщин против 43,4% мужчин). Альтруистические начала при выполнении

профессиональной деятельности часто присутствуют у женщин. На эту позицию нацелена вся государственная служба, смысл которой — служение Отечеству, государству.

Значимыми мотивами для женщин из государственных служащих являются гарантии стабильности и устойчивости, желание принести пользу, защищенность, нетяжелые условия труда. Данную мотивацию можно отнести и к любой другой сходной умственной работе, требующей тщательности, усидчивости, исполнительности. При этом заработная плата постоянная, хотя и невысокая.

Мужчины больше ориентированы на мотивы занять более престижное место, обзавестись нужными контактами и связями, реализовать свой профессионализм.

Интересно проанализировать карьерные ориентации мужчин и женщин — государственных служащих.

Таблица 2. Карьерные предпочтения мужчин и женщин — государственных служащих. Распределение ответов на вопрос: «Кому, по Вашему мнению, легче сделать карьеру на государственной службе: мужчине или женщине?», %

44,6	мужчине
4,8	женщине
45,8	это зависит от обстоятельств
4,8	затруднились ответить

На вопрос «Кому, по Вашему мнению, легче сделать карьеру на государственной службе: мужчине или женщине?» были получены предсказуемые ответы: 44,6% — мужчине и лишь 4,8% — женщине. Даная тенденция отражает более пассивную практику построения карьеры у женщины. Сами женщины при этом мыслят стереотипно и при равных профессиональных качествах уступают мужчине только потому, что он мужчина, а не женщина. Вторая тенденция подтверждает первую: если женщина и решится сделать карьеру, она во многом будет зависеть от обстоятельств — поддержки семьи, мужа, наличия детей, помощи в их воспитании, выраженности негативных стереотипов у женщины — «карьера — это мужское дело», «мне достаточно того, что имею» и т. д. Карьера женщин — государственных служащих носит подвижный характер: «как сложится, так и сложится».

Согласно статистике [6], портрет женщины — государственной служащей можно представить так: это женщина 30—39 лет, получившая высшее образование, в основном занимающая должности категории «специалисты» и имеющая порядка 15 лет профессионального стажа.

В 40—49 лет некоторые женщины — государственные служащие достигают уровня руководители, но уже в 50 лет их карьерный рост завершается, в том числе по объективным причинам. Женщины раньше мужчин уходят на пенсию. Такая поздняя карьера женщин обусловлена тем, что примерно к 40 годам у них освобождаются место и время для профессионального роста, поскольку дети уже достаточно самостоятельны, и некоторые женщины при благоприятно сложившихся обстоятельствах этим могут воспользоваться.

Нельзя забывать, что женщина — государственная служащая сталкивается с реальной нехваткой времени, для нее более характерен остро проживаемый конфликт между исполнением семейных и профессиональных обязанностей, и многочисленные социологические исследования подтверждают данный факт [1, 3, 5, 7].

Гендерный анализ персонала государственных служащих показал, что необходимо рассматривать кадровый потенциал государственной службы с точки зрения гендерного подхода, учитывающего оценку любого мероприятия — кадрового, профессионального, социального — с учетом интересов и потребностей мужчин и женщин. На государственной службе нужно формировать реальный механизм осуществления гендерной политики как в целом на государственной службе, так и в отдельных государственных органах, создавать все условия для раскрытия потенциала мужчин и женщин, заниматься построением системы мотивации, учитывающей гендерный фактор.

Список литературы

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М. : Инфра-М, 2005.
2. Вернигорова Т. П., Нечипоренко В. С. Управление персоналом государственной гражданской службы : учебное пособие. М. : Изд-во РАГС, 2011.
3. Кляйн Р. Секреты тайм-менеджмента для работающих женщин. Как совмещать личную жизнь, семью и карьеру. СПб. : Диля, 2008.
4. Коростылева Н. Н. Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе // Женщина в Российском обществе. 2014. № 1(70). С. 12—18.
5. Мустаева Ф. А. Социальные проблемы современной семьи // Социс. 2009. № 7.
6. Состав работников, замещавших государственные (муниципальные) должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы, по полу, возрасту, стажу работы, образованию [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237818141625 (дата обращения: 28.02.2016).

7. Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социс. 2014. № 3.

Информация об авторе

Коростылева Наталья Николаевна, д. с. н., профессор кафедры управления персоналом ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, nn.korostyleva@migsu.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Е. С. Котырло

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Представленный подход иллюстрирует перспективы использования социальных сетей как инструмента формирования социальной идентичности, а также решения коммерческих и управленческих задач. Предлагаемая методология состоит из анализа контента и анализа структуры социальных сетей.

Ключевые слова: интернет, социальные сети, политические исследования, контент-анализ, структура социальной сети, регрессионный анализ, кластеризация, корреляционный анализ

Доступность Интернета и рост популярности социальных сетей позволяют рассматривать их как новый источник данных в маркетинге, политических исследованиях и других сферах деятельности. В той или иной мере они реализуют культурную, образовательную, воспитательную, пропагандистскую, и информационную функции. Количество пользователей социальных медиа в России насчитывает десятки миллионов человек, регулярно публикующих свои сообщения. Каждое сообщение прочитывается десятками, а нередко даже тысячами пользователей. Через соцсети аудитория получает информацию о состоявшихся или планируемых событиях, в том числе о политических мероприятиях. Пользователи формируют свое отношение к происходящему, ориентируясь на собственные ценности и на то, кто из друзей и какие социальные группы включены в активные процессы.

Методология анализа социальных сетей находится в стадии формирования, как и исследование пределов его возможностей. Изучение пользователей и сообществ, сегментация акторов на основе проявляемых интересов и характера внутрисетевого взаимодействия — это те уникальные возможности, которые предоставляют соцсети.

Интересна оценка потенциала социальных сетей в формировании политических предпочтений. Ниже представлен подход, иллюстрирующий перспективы использования данных социальных сетей как инструмента формирования социальной идентичности, а также решения коммерческих и управленческих задач. В качестве предмета анализа может выступать бренд, идея, политик, реформа и т. д. Хотя предмет анализа (далее — интерес пользователей) является коммерческой тайной, структура

представленной методологии достаточно ясно показывает возможности в исследовании социальных сетей.

Предлагаемая методология состоит из двух составляющих: анализа контента, т. е. того, о чем пишут пользователи, и анализа структуры социальных сетей, т. е. построения и анализа социальных графов, сегментации пользователей и исследования особенностей их взаимодействия в сети.

Контент-анализ социальных медиа, или анализ упоминания слов и словосочетаний, позволяет выявить темы, интересующие пользователей, из сотен и тысяч страниц текста. Для этого разработаны специальные программные средства. Статистические программы в открытом доступе, например, Python, R также содержат пакеты text mining, которые позволяют провести такой анализ [2].

Полученные частотные характеристики помогают сначала определить тематики, популярные среди отобранных пользователей, а затем расставить на сообщения пользователей, служащих единицей анализа, маркеры: 1 — есть слово или целая тема, скомпонованная по ключевым словам, 0 — нет. Проведенное с помощью маркеров структурирование сообщений далее позволяет перейти к традиционным методам статистической обработки данных: корреляционному, регрессионному, кластерному анализу и т. д. Они вкупе с метриками сообщения, пользователя и групп, в которых пользователь подписан, дают возможность понять, какова динамика интереса к той или иной теме, кто (возраст, пол, география, семейное положение) в наибольшей степени интересуется темой, как транслируется информация. Например, можно показать, насколько медиаполе интересуется конкретной идеей или политиком.

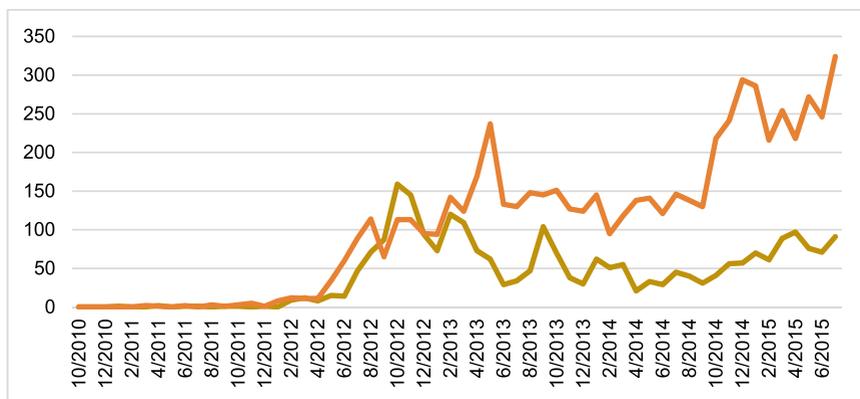

Рисунок 1. Динамика количества сообщений с упоминаниями двух политиков — представителей конкурирующих партий

По динамике упоминания ключевых слов можно понять, как долго проявляется интерес к объекту: в течение определенного срока или он возник внезапно, ситуативно, а может, переключился с какого-то другого объекта, оценить глубину интереса по частоте сообщений в единицу времени и т. д. (рис. 1). Кластерный и регрессионный анализы позволяют установить профили пользователей и разбить их на сегменты, которые помогут провести сфокусированное продвижение идеи или политической личности.

Анализ структуры социальных сетей дает возможность понять, как транслируется информация. Он помогает проанализировать, как пользователи-акторы взаимодействуют между собой. В частности, можно сделать качественные и количественные выводы об эффективности передачи и распространения информации в социальных сообществах, сравнить их между собой как информационные каналы. Помимо общих характеристик социальной сети, таких как ее плотность, центральность и пр., метрики, определяющие положение и статус в сети отдельных пользователей, могут быть включены в качестве характеристик для их кластеризации. Таким образом, анализ соцсетей позволяет добавить к социально-демографическим характеристикам вектор интересов пользователя и его потенциал в продвижении идей и отдельных персоналий.

На рис. 2 проиллюстрировано, как можно комплексно визуализировать и оценить характеристики пользователя соцсети. Узлы — это пользователи, ребра — контакты (друг, подписчик группы). Цветом можно показать пол пользователя (возраст, географию, образование). Число сообщений данного актора по исследуемой теме можно изобразить размером узла, а количеством вершин узла — его положение в сети, например, соответствующее значение собственного вектора центральности в сети [1].

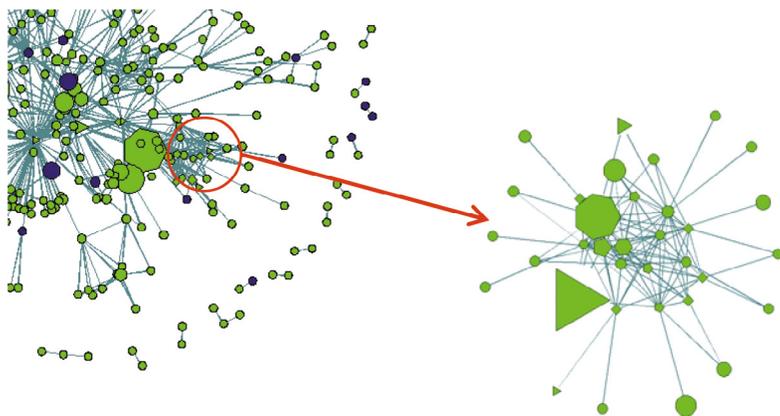

Рисунок 2. Взаимодействие пользователей в сети

Табл. 1 иллюстрирует возможности регрессионного анализа для комплексной оценки интересов пользователя, его социально-демографических характеристик и положения в сети как факторов, определяющих интерес к теме, идее и т. д. Предполагается, что исследуемый интерес — это новый интерес, а другие темы — долговременные предпочтения пользователя. Полученные оценки, позволяют, например, найти точные формулировки для программных заявлений, которые будут близки представителям той или иной социальной группы.

Таблица 1. Регрессионный анализ взаимосвязи между интересом к ключевой теме для исследования и другими темами с учетом пола, места жительства (федеральный округ) и статуса пользователя в сети

Показатели	Коэффициенты и стандартные отклонения	Влияет на интерес к ключевой теме	Характер влияния	Коэффициент эластичности	Доверительная вероятность
Пол	-0,017 (0,111)	Нет			
Положение в сети (значение собственного вектора центральности в сети)	2,772*** (0,795)	Да	Положительно	2,961	99%
Количество сообщений по теме 1	0,223*** (0,033)	Да	Положительно	0,138	99%
Количество сообщений по теме 2	1,013*** (0,069)	Да	Положительно	1,025	99%
Количество сообщений по теме 3	0,140** (0,067)	Да	Положительно	0,120	95%
Количество сообщений по теме 4	-0,131** (0,056)	Да	Отрицательно	-0,107	95%
Количество сообщений по теме 5	0,007 (0,088)	Нет			

Показатели	Коэффициенты и стандартные отклонения	Влияет на интерес к ключевой теме	Характер влияния	Коэффициент эластичности	Доверительная вероятность
...					
Количество сообщений по теме 20	-0,014 (0,071)	Нет			
Регион 1	-0,162 (0,219)	Нет			
...					
Регион 10	0,149 (0,161)	Нет			

Примечание. Анализ включает характеристики 380 пользователей. $R^2 = 0,68$, $R^2_{adjusted} = 0,65$. Статистическая значимость * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В скобках указаны стандартные отклонения коэффициентов. Количество сообщений по теме представлено в оценке в форме $\log(x + 1)$.

Дополнительным инструментом анализа социальных медиа служит кластеризация, с помощью которой можно понять механизмы взаимодействия, создания и пополнения тематических групп в социальных сетях, оценить роль отдельных акторов в формировании тематических кластеров.

Характер трансляции информации можно установить по общим характеристикам сети как социального графа и дополнить их сведениями о количестве сообщений по той или иной теме. Успешно можно применить такие популярные в экономике измерения неравенства по доходам и его концентрации как индекс Джини и кривую Лоренца. Возможность применения показателей концентрации для социальных сетей обоснована в [3]. При передаче информации в сети эти показатели демонстрируют, насколько равноправны пользователи в распространении информации. Темы, которые анализировались, имеют высокие коэффициенты Джини (более 0,7), что, возможно, свидетельствует о незрелости сети. Примерная интерпретация коэффициента следующая: «10% участников сети распространяют более 90% контента».

Проведенное в 2010—2015 гг. модельное исследование охватывает 800 участников одной из популярных социальных сетей, проживающих в 150 городах, объединенных общим «Интересом пользователей».

Пользователи, являясь членами различных групп, получали рассылку от 50 тыс. сообществ, имели 150 тыс. друзей и разместили на своих страницах почти 3 млн сообщений. Исследование проведено в статистическом пакете R.

Полученные данные свидетельствуют, что социальные сети обладают большим потенциалом как при формировании политических взглядов, так и в их исследовании. Современные технологии позволяют получать достоверную информацию о складывающихся процессах, их динамике и структуризации. Эти возможности надо использовать.

Список литературы

1. *Butts C. T.* Tools for Social Network Analysis Package 'sna' Version 2.3-2 [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/sna/sna.pdf> (дата обращения: 25.02.2016).
2. *Feinerer I.* Introduction to the tm Package Text Mining in R — cran [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/tm/vignettes/tm.pdf> (дата обращения: 25.02.2016).
3. *Kelly G.* Gini Coefficients, social network analysis and Markov Chains: Quantitative methods for analyzing the distribution of benefits in natural resource dependent communities. Simon Fraser University. Project 538. mimeo [Электронный ресурс]. 2012. URL: https://rem-main.rem.sfu.ca/theses/KellyGregory_2012_MRM538.pdf (дата обращения: 25.02.2016).

Информация об авторе

Котырло Елена Станиславовна, д. э. н., профессор кафедры региональной экономики и географии РУДН, Москва, Россия, kotyrl@mail.ru

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В КОРИДОРАХ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: СУДЬБА НЕЗАВИДНАЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ НЕЯСНЫЕ

В. Я. Красниковский

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Для того чтобы органы власти могли принимать адекватные управленческие решения, у них должно быть целостное представление о состоянии управляемой ими системы, а для этого нужна четкая схема продуцирования, прохождения и использования информации научного и научно-экспертного характера. Существует проблема: у чиновников нет утвержденной инструкции для работы с приходящей в управленческие структуры исследовательской информацией; управленческий аппарат, будучи ориентирован на оперативное исполнение поручений вышестоящего начальства в пределах локального набора целей, не заинтересован в реальном учете информации, исходящей из внешних источников.

Ключевые слова: экспертно-аналитическая информация, управленческие решения, оптимизация решений

Несмотря на то что, как и все предыдущие модернизационные циклы за последние 200 лет, современная модернизация в России была инициирована именно властью, одним из значимых барьеров на пути российской модернизации, как это ни парадоксально на первый взгляд, является сама власть.

В целом, для власти в нашей стране характерно мозаичное, фрагментарное видение того объекта, которым она пытается управлять. Так например, регулярно озвучиваемые с высоких трибун и абсолютно правильные по сути мысли о необходимости поднятия авторитета России в мире часто реализуются у нас лишь в действиях пропагандистско-имиджмейкерского характера.

При этом с каждым годом все отчетливее просматривается необходимость в изменении такого — мозаичного — видения.

Для этого (кроме всего прочего) необходимо добиться четкого соблюдения следующей схемы продуцирования, прохождения и использования информации научного и научно-экспертного характера. Исходя из того, что задачи любого управленца федерального или регионального уровня в конечном итоге заключаются в том, чтобы с учетом сложившихся условий привести управляемую систему в определенное, желательное состояние, эта схема должна выглядеть так:

1. Оценка актуального состояния управляемой системы (состояние «А»).

2. Принятие лицом — носителем властных полномочий (лицом, принимающим решение — ЛПР) политического решения о ключевых характеристиках желаемого состояния управляемой системы (состояние «В»), в которое ее следует привести в заданные сроки (например, привести российское общество — за время пребывания в должности президента).

3. Привлечение ресурсов научного и экспертного сообществ к анализу ситуации и определению возможных путей достижения желаемого состояния.

4. Определение «куста» возможных путей перехода управляемой системы из состояния «А» в состояние «В» (предлагаются органу власти различными исследователями и экспертами).

5. Выбор ЛПР окончательного варианта пути перехода управляемой системы из состояния «А» в состояние «В».

Об актуальном состоянии системы (состояние «А») власть получает информацию от органов государственной статистики, госбезопасности, внутренних дел, исследовательских организаций, т. е. этой информацией, в принципе, органы власти обеспечены.

О том, каким должно быть желаемое состояние системы («В»), лидеры действующей власти на федеральном (президент) или на региональном уровне (губернаторы) принимают политическое решение. Базироваться такое решение может на самых различных обстоятельствах — от опыта других стран или интуиции самого лидера до научных расчетов и выкладок ученых.

По поводу же перехода из исходного состояния («А») в желаемое («В») власть, в идеальном случае, должна была бы организовать сбор мнений экспертов разной специализации и различной политической ориентации, чтобы на их основе сделать тот самый выбор наиболее приемлемого пути перехода системы.

Проблема в том, что в нашей стране власть, во-первых, как правило, не хочет слышать экспертную информацию, во-вторых, не может ее учитывать и эффективно использовать в своей работе. Кратко поясним вышесказанное.

Говоря о том, что власть не хочет слышать, мы имеем в виду отечественную управленческую традицию, согласно которой власть у нас абсолютно безответственна перед гражданами и обществом; представители власти на самом деле отвечают только перед вышестоящим чиновным начальством. Соответственно наша власть не нуждается в экспертной информации. Такая информация — это ресурс механизма власти, построенной на иных принципах (реальное разделение ветвей власти, оптимизация решений, исходя из того, чтобы максимально соблюдались законные интересы страны, территории и людей). У нас же при доминиро-

вании других оптимизационных критериев во властной системе (мнения вышестоящего начальника), информация, предоставляемая научными (экспертными) кругами, тем более, о состоянии общества, не нужна.

Утверждая, что власть не может учитывать и эффективно использовать в своей работе результаты исследований, мы имеем в виду, что отсутствует логически оправданная и не абсурдная по своей сути цепочка или траектория обязательного для всех органов власти прохождения научной (экспертной, экспертно-аналитической) информации.

Какова сегодня наиболее вероятная судьба большинства научно-аналитических материалов, поступающих во властные органы извне? Там их могут даже прочитать, но затем, скорее всего, положат под сукно. Поскольку каждый российский аппаратчик, вне зависимости от того, кто он: исполнитель или руководитель, — работает преимущественно в режиме оперативного реагирования на поручения вышестоящего начальства, правильность его действий и принимаемых им решений в отечественных условиях определяется лишь мнением и реакцией его руководителя. Подчеркнем: не соображениями экономической целесообразности, не интересами страны и даже не здравым смыслом, **а мнением вышестоящего начальника**. Поскольку сейчас мы говорим о честных, квалифицированных и добросовестных работниках аппарата управления, которых немало в России, роль факторов коррупционного характера не рассматривается. В силу вышеобозначенных организационно-культурных факторов каждый чиновник воспринимает свою деятельность не в рамках единого, общего для всей организации целевого поля, а работает, ориентируясь на мнение или реакцию своего начальника, в пределах локального набора целей. Иначе говоря, он организует выполнение лишь порученных мероприятий ради выполнения самих этих мероприятий. Естественно, в такой ситуации управленческий аппарат не заинтересован в реальном учете и использовании экспертной информации как информации, исходящей из внешних, посторонних источников.

Кроме этого, во-первых, никто из аппаратчиков не обязан как-то реально реагировать на поступающую информацию такого рода (достаточно формальной отписки в установленном порядке); во-вторых, в нашем управленческом аппарате не знают, как такую информацию оценивать и что с ней делать, т.е. у чиновников нет алгоритма (утвержденной инструкции) для работы с приходящей в управленческие структуры исследовательской или экспертной информацией.

А вот как могло бы быть.

ЛПР запрашивает и получает информацию об актуальном состоянии управляемой системы и принимает политическое решение о том, в какое желательное состояние она должна быть переведена в определенные сроки.

Затем эту информацию доводят до экспертного (научного) сообщества, из среды которого отбирают исполнителей, ставя им задачу: изучить ситуацию и предложить варианты траекторий перевода управляемой системы из актуального состояния («А») в желательное («В»).

От экспертов выработанные рекомендации должны поступать сначала в органы власти (подразделения аппарата управления соответствующих уровней и ветвей власти), готовящие соответствующие решения, затем — в органы, принимающие решения, и далее — в органы, организующие исполнение соответствующих решений.

Но — и это самое главное! — для всех этапов в должностных инструкциях и прочих нормативных документах, имеющих для чиновников директивный характер, должен быть прописан и закреплён алгоритм, регламентирующий то, как, кем и для чего именно должна использоваться соответствующая информация.

Информация об авторе

Красниковский Владимир Ярославович, к. э. н., доцент кафедры прикладной социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, krvl2007@yandex.ru

ДЕМОКРАТИЯ, ПРЕЗИДЕНТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

А. А. Левашкина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Проведено исследование политических представлений российских студентов. Выдвинута гипотеза о различиях в формировании политических представлений студентов гуманитарных специальностей по сравнению со студентами естественнонаучных специальностей. Сравнительный анализ полученных данных не выявил существенных различий в политических представлениях этих двух групп. Сделан вывод о том, что с течением времени и под воздействием определенных факторов политические представления могут меняться, усложняться, но не благодаря выбранной профессиональной деятельности, а в рамках общих тенденций, характерных для общества в целом.

Ключевые слова: политическая социализация, индикаторы политической активности, политические представления, студенты, демократия, президент, власть, политические партии, политические поколения, «путинское поколение»

Изучение политических представлений актуально в рамках современной политической психологии (например, для изучения проблем политической социализации); они могут служить индикатором политической активности и общественных настроений. Политические представления — это совокупность воззрений, установок, убеждений и традиций о политической действительности, сформировавшихся в сознании человека в результате взаимодействия с обществом; они служат ориентиром для граждан в политическом пространстве и являются отличительным признаком общности или социальной группы.

В структуре политического сознания политические представления — когнитивный компонент. Они формируются под воздействием внешних факторов, социальных, политических или экономических трансформаций, а значит, имеют свои особые черты у представителей разных «политических поколений» [2].

В проведенном автором исследовании политических представлений российских студентов, относящихся, согласно классификации профессора Е. Б. Шестопал, к «путинскому» поколению, — было сделано предположение, что специфика образовательного процесса в вузе может повлиять на представления студентов о политике, т. е. что политические

представления (так как они являются когнитивным срезом сознания) могут измениться под воздействием специфики выбранного направления обучения: политические представления студентов гуманитарных и естественнонаучных факультетов будут существенно различаться.

Исследование проведено в 2015 г. среди выпускников исторического, филологического, психологического, биологического, химического и физического факультетов, а также факультетов государственного управления и вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М. В. Ломоносова. Метод — анкетный опрос, включавший вопросы об идеальном и реальном государстве, президенте, демократии, роли современных российских политических партий и о власти в целом.

Судя по данным, полученным в ходе опроса, политические представления о государстве, власти, демократии, президенте и политических партиях у студентов естественнонаучных факультетов фрагментарны, поверхностны, стереотипны, отличаются когнитивной простотой и абстрактностью. Говоря **о реальном государстве**, студенты-естественники дают словарное определение. Описывая **идеальное**, склонны давать негативные оценки (идеальное государство — это утопия). **Демократия** воспринимается позитивно, но с одной оговоркой: для России этот политический режим непригоден. Что касается представлений о российских **политических партиях**, выпускники естественнонаучных факультетов разделились на два лагеря: одни считают, что партии представляют интересы населения во власти, другие — что партии — это фикция, и их функция — создавать видимость демократии. **Президент** для естественников должен быть не просто профессионалом и сильной личностью, но и обладать набором морально-этических качеств. В политической системе России его роль первостепенна: от него зависят судьба страны, а также внутренняя и внешняя политика. Примечательно, что представления о президенте весьма персонифицированы. На вопрос «Какими качествами должен обладать идеальный президент России» многие отвечали «такими, как у Владимира Путина». **Реальная власть** студентами-естественниками оценивается негативно, а представления **об идеальной** позитивны. Такое несоответствие может говорить о недовольстве политической ситуацией в стране.

Политические представления об основных политических институтах студентов гуманитарных факультетов также фрагментарны, неструктурированы, стереотипны, когнитивно просты и абстрактны. Представления **о реальном государстве** негативны, **об идеальном** — нейтральны. **Демократия**, по мнению студентов-гуманитариев, также непригодна для России. Представления о российских **политических партиях** полностью совпали с представлениями студентов-естественников. **Президент**

в представлениях студентов гуманитарных факультетов играет самую важную роль. В частности, были даны такие характеристики, как вождь и царь, что говорит о том, что президент — не просто глава государства, а абсолютный правитель со всей полнотой власти. Примечательно, что у гуманитариев представления о президенте тоже персонифицированы. Так же, как и у естественников, представления **о реальной власти** негативны, а **об идеальной** — позитивны. В связи с этим мы можем говорить об отрицательном отношении студентов к политической обстановке в нашей стране.

Сравнительный анализ политических представлений студентов естественнонаучных и гуманитарных факультетов не выявлено существенных противоречий и различий между этим двумя группами. В то же время, сравнивая политические представления школьников 10—11-х классов (исследование проводили сотрудники кафедры социологии и психологии политики в 2009—2010 гг.) [1] и студентов — выпускников 2015 г., стоит отметить следующее. Во-первых, власть клише, навязанных историко-обществоведческим курсом, в какой-то степени сохраняется: в частности, это можно проследить в представлениях о государстве. Однако представления о демократии, в отличие от школьного времени, у студентов изменились: если тогда о ней высказывались позитивно, в том числе о демократии в России, то теперь большинство считает, что данный политический режим и Россия несовместимы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, первичная политическая социализация играет важную роль в формировании политических представлений, с другой — что с течением времени и под воздействием определенных факторов политические представления могут меняться, усложняться, но не благодаря выбранной профессиональной деятельности, а в рамках общих тенденций, характерных для общества в целом.

Список литературы

1. Селезнева А. В. Политические представления современных российских старшеклассников // Перспективы развития политической психологии: новые направления / под ред. Е. Б. Шестопаля. М., 2012.
2. Шестопаля Е. Б. Политическая психология. М., 2010.

Информация об авторе

Левашкина Анна Андреевна, аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, anna.levashkina@mail.ru

ГОСУДАРСТВО КАК РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РАБОТОДАТЕЛЕМ И ТРУДОВЫМ МИГРАНТОМ

П. П. Лисицын

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Чтобы понять логику работодателей, непосредственно формирующих миграционные правила, придется обратиться к экономическим составляющим миграционного процесса. За счет неформальных договоренностей мигранта с работодателем о продлении рабочего дня, а также употребления низкоквалифицированного труда, существенно увеличивается прибавочная стоимость. Существующие миграционные правила принимаются всеми участниками миграционных отношений, в том числе главным действующим лицом — трудовым мигрантом, и не требуют формализации, так как выгодны всем участникам процесса.

Ключевые слова: трудовая иммиграция, транснациональные мигранты, прибавочная стоимость, гетерогенный способ производства, квалифицированный и неквалифицированный рабочий труд, «серое» экономическое поле

Социологическая интерпретация первопричин трудовой миграции вынуждает обратиться к двум экономическим понятиям: «среднее общественное время создания товара» и «труд»*, — поскольку без использования экономических составляющих миграционного процесса невозможно понять логику работодателей, непосредственно формирующих миграционные правила.

Нет ни одного случая в исследуемой практике, где бы транснациональные мигранты полностью находились на легальном положении. «Серое» экономическое поле является неотъемлемой частью повседневности трудового мигранта и варьирует от полностью нелегального положения (при отсутствии разрешения на работу и иных документов) до неофициальных отношений разной степени (отсутствия трудового договора, продолжительности работы сверх законодательной нормы, выполнения обязанностей, не перечисленных в трудовом соглашении и т. д.). Выгоды работодателя от помещения мигранта в «серое» экономическое поле превышают его риски от незаконного найма транснационального мигранта.

* Среднее общественное время создания товара — рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Труд — один из факторов производства, он рассматривается как целесообразная, сознательная деятельность человека, направленная на удовлетворение потребностей индивида и общества.

Следует разобраться, отчего труд мигрантов выгоден работодателю, несмотря на все существующие риски.

В первую очередь, рассмотрим эффективность отдельного работника, которая напрямую влияет на прибавочную стоимость, получаемую работодателем, так же, как и на возможность снижать меновую стоимость при завоевании нового рынка сбыта. Выплачивая равную заработную плату местному жителю и представителю эмигрантского сообщества (т. е. обеспечивая уровень миграционных потребностей, восполняющий затраты на рабочий день), но при этом увеличивая время чистого труда рабочего на работодателя, капиталист без затрат увеличивает и свою прибавочную стоимость.

Рассмотрим относительную договоренность о рабочем времени. Изю дня в день, увеличивая длительность рабочего дня мигранта с 8 часов до 9 и даже до 10 часов в сутки, работодатель увеличивает чистое время работы наемника. Но в этом случае увеличение происходит не из-за сокращения чистого времени рабочего, работающего на удовлетворение собственных потребностей, как в первом случае, а посредством увеличения общего рабочего времени в сутки, что опять-таки приводит к увеличению прибавочной стоимости.

На рис. 1 видно, каким образом работодатель растягивает время работающего на него мигранта в две разные стороны, получая новую прибавочную стоимость. С одной стороны, он увеличивает время, оговоренное в изначальном контракте, « $a-b$ » до « $a-b'$ » (рис. 1). С другой — за счет сокращения времени производства продукта с « $a-a'$ » до « $a-a$ » (рис. 1), т. е. сокращая время, необходимое работнику на воспроизводство собственной трудовой активности, он одновременно увеличивает время « $a'-b$ » до « $a-b$ » (рис. 1), которое мигрант тратит на чистую работу на капиталиста. В результате этих метаморфоз прибавочная стоимость, извлекаемая из активности скромного местного работника « $a'-b$ », превращается в прибавочную стоимость, извлекаемую из активности мигранта « $a-b'$ ».

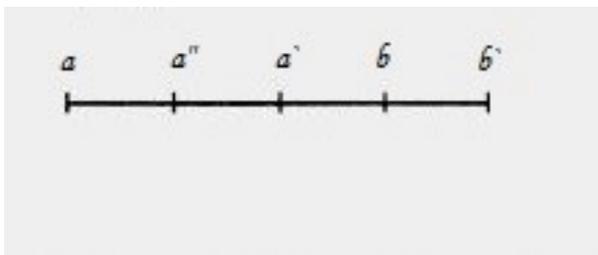

Рисунок 1. Растягивание рабочего времени мигранта для увеличения прибавочной стоимости

Потребность в трудовых мигрантах формирует не только внутренняя потребность предприятия в увеличении прибавочной стоимости, но и внешние факторы рынка. Найм трудовых мигрантов одним предпринимателем автоматически вынуждает его конкурентов обращаться к такому же способу изменения меновой стоимости и капитализации.

С одной стороны, именно работодатель является инициатором перевода мигранта в «серое» экономическое поле, а с другой — оказывается, что зачастую государство провоцирует работодателя на это.

Далее рассмотрим механизмы увеличения прибавочной стоимости за счет труда мигранта на примере средних и крупных коопераций.

В первую очередь стоит вернуться к увеличению выгоды работодателя, иными словами, к механизмам увеличения прибавочной стоимости за счет трудовых мигрантов.

В средней и крупной кооперации происходит схожая с малыми предприятиями ситуация, за исключением увеличения интенсивности производства товаров (т.е. за исключением разницы между временем «а–а'» и «а–а» — рис. 1). Увеличения обозначенного времени, ведущего к увеличению переменной прибавочной стоимости, не происходит на уровне средней и крупной кооперации. Причина в том, что от прихода нескольких мигрантов уменьшения среднего общественного рабочего времени, затраченного на производство продукта, не происходит. Иными словами, эффект нивелируется масштабностью производства и количеством рабочих рук.

Однако за счет неформальных договоренностей мигранта с работодателем о продлении рабочего дня увеличивается прибавочная стоимость в связи с переходом от времени «а–b» к «а–b'» (рис. 1).

Специфика средних и крупных коопераций возникает из-за того, что крупные и средние производства, согласно капиталистическому способу производства (в отличие от малых предприятий), используют принципы гетерогенного или совмещенного, органически-гетерогенного, способа производства.

В связи с особенностями общего процесса производства рабочий труд делится на квалифицированный и неквалифицированный. В этом случае неквалифицированная работа не включена в сам процесс производства, однако необходима для его нормального течения. Работодатель вынужден обращаться к мигрантам исключительно как к низкоквалифицированной рабочей силе (в противовес квалифицированной), потому что употребление низкоквалифицированного труда существенно увеличивает прибавочную стоимость, незначительно увеличивая постоянные издержки.

Итак, существующие миграционные правила — это контексты миграционных отношений. Эти правила устоявшиеся, разделяемые и при-

нимаемые всеми участниками миграционных отношений, в том числе главным действующим лицом — трудовым мигрантом. Эти правила далеки от формализации и формализации не требуют, так как они удобны и выгодны всем участникам описанного процесса. Эти правила реальны настолько же, как и социальный факт миграции.

Информация об авторе

Лисицын Павел Петрович, к. с. н., старший научный сотрудник лаборатории «Транснационализм и миграционные процессы» Санкт-Петербургского государственного университета, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, fox_sociology@mail.ru

ГЕТЕРАРХИЯ: ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ОЦЕНКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РФ

В. А. Осипов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В докладе обосновывается необходимость введения понятия гетерархии как формы управления и принятия политических решений; представлен авторский взгляд на определение, типологию и методологические основания гетерархии в политической теории и практике. Проблема использования гибридных стратегий сотрудничества государства и гражданского общества рассматривается на примере реализации указов Президента в сфере детской политики и развития приемных семей и соответствующем взаимодействии государственных комитетов, общественных советов, НКО, бизнеса и других акторов.

Ключевые слова: гетерархия, гибридные стратегии сотрудничества, общественно-политическая коммуникация, гетерархический гомеостаз

Доклад затрагивает проблему выбора адекватного научного языка в контексте описания политических процессов, когда привычные понятия перестают отражать сущность представляемых ими объектов в результате их трансформации [3] и требуется найти новые удачные метафоры, которые часто находятся в области естественных и точных наук (политическая сеть, гомеостатическое равновесие, эмерджентность и др.), или видоизменить сложившиеся концепты. В качестве такого поиска мы предлагаем обратиться к термину «гетерархия», методологические основания которого лежат, с одной стороны, в теории сетей и кибернетике, а с другой — в социальной и политической антропологии и археологии. Двойственность этого понятия, с одной стороны, касается глубинных процессов политической коммуникации [2], а с другой — указывает на реальные примеры неиерархических отношений в политической сфере [4]. В то же время неразработанность данного понятия является основным ограничением для его использования в политической науке и политической практике. Мы, основываясь на синтезе существующих подходов, предлагаем эксплицировать это понятие исходя из реалий современной публичной политики РФ и взаимодействия власти и политических сетей. Это позволит, на наш взгляд, взглянуть на некоторые процессы в этом предметном поле под другим углом и получить приращение полезных знаний, необходимых для дальнейшего анализа и моделирования политических процессов в нашей стране.

В данной работе изучается взаимосвязь сетевых образований и иерархических структур в современной публичной политике РФ. Мы основываемся на теоретическом и практическом опыте концепции политических сетей и на предположении, что в современной политической системе России решить целый ряд вопросов невозможно при помощи только социальных сетевых структур или исключительно административного ресурса. А это говорит о необходимости использования гибридных стратегий сотрудничества государства и гражданского общества и введения понятия гетерархии как формы управления и принятия политических решений. Эта проблема рассматривается на примере реализации указов президента в сфере детской политики и развития приемных семей на современном этапе и соответствующем взаимодействии государственных комитетов, общественных советов, НКО, бизнеса и других акторов на нескольких уровнях:

1. неформальные связи между приемными семьями и точечные директивы Департамента социальной защиты и подотчетных ему организаций;
2. окружные общественные советы приемных семей;
3. форум приемных семей, где ведется совместная работа общественных советов, департамента, других государственных структур, а также частных фондов и НКО.

При исследовании второго и третьего уровней был выявлен особый тип общественно-политической коммуникации, характеризующийся взаимопроникновением иерархических и сетевых структур, различных типов культур, интересов и ценностей. Такое взаимодействие некоторые ученые определяют как гибридное. Другой подход к подобной системе отношений характеризуется использованием термина «гетерархия» как определенной степени взаимодействия и взаимопроникновения сетей и иерархических структур, что приводит к резкому росту социально полезной активности, появлению новых смыслов, ресурсов и др.

Однако классическое понимание данного термина ставит нас в рамки необходимости наличия более или менее равных участников или центров силы в процессе управления, принятия политических решений и имплементации политики. Взяв за основу методологический потенциал данного феномена, мы можем представить гетерархию как процесс и результат взаимодействия и взаимопроникновения иерархических и сетевых структур, горизонтальных и вертикальных процессов. В свою очередь, такая система, в которой степень этого взаимовлияния позволяет с определенным уровнем стабильности решать поставленные задачи путем взаимодействия, консенсуса и обмена ресурсами, может быть названа гетерархическим гомеостазом. Имеется ввиду недопущение чрезмерного

влияния иерархических структур с высокой степенью контроля и директивно-приказным характером отношений, с одной стороны, и чрезмерного распространения сетевых структур, проникающих в том числе в органы власти, что может привести к появлению теневых, латентных процессов, лоббистских организаций и криминальных схем, с другой. В обоих случаях результатом будут сбои в демократическом принятии политических решений и управлении. Иными словами, речь идет о необходимости анализа точек соприкосновения и глубины взаимопроникновения этих явлений для определения уровня гетерархии.

На наш взгляд, множественность характеристик и сложность феномена требует от нас некоторой детерминации. Исходя из степени применения принципов гетерархии, стабильности и характера взаимодействия, а также уровня сложности можно выделить четыре типа политической гетерархии:

1. Протогетерархии — гетерархическое устройство древних обществ; предполагает не слишком высокий уровень сложности (по сравнению с дифференциацией современных сообществ).
2. Псевдогетерархии — видимое наличие нескольких равных участников политического процесса, необходимое для искусственной легитимации при росте протестных настроений, наличие манипулятивных технологий, неразвитость сетевой культуры.
3. Нестабильные гетерархии — под ними понимаются система взаимоотношений со складывающимися формальными связями, определение участников и общих правил, отсутствие четкого распределения обязанностей и ответственности, возможность резкого несбалансированного усиления иерархических структур.
4. Неогетерархии — такая сложившаяся система управления и принятия политических решений, при которой соблюден баланс формальных и неформальных, иерархических и сетевых связей, выработаны общие правила игры, ценности и цели, создана система сдержек и противовесов, не позволяющая монополизировать право и возможность принятия решений; предполагает высокий уровень сложности при наличии подходящих коммуникативных технологий.

Отдельное внимание уделяется проблеме сложности как одному из наиболее важных элементов в изучении политических процессов, по мнению современных ученых, совмещающих синергетический и политико-антропологический подходы к этому феномену [1].

Список литературы

1. Бондаренко Д. М. Сложности со «сложностью» // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 141—149.

2. *Мартьянов В. С.* Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 230—248.

3. *Трансформация* политического в сетевом пространстве // Российская политическая наука : Идеи, концепции, методы : науч. изд. / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Аспект Пресс, 2015. С. 63—76. (Серия «Российская политическая наука : Истоки и перспективы» / под. общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

4. *Чистобородов И. Г.* Гетерархическая форма государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Вестник Орловского государственного университета. Орел : ОрГУ им. И. С. Тургенева, 2015. № 2. С. 97—100. (Серия «Новые гуманитарные исследования»).

Благодарность

Хотелось бы выразить благодарность одному из ведущих специалистов в области сетевого анализа политики в нашей стране Сморгунову Леониду Владимировичу за знакомство с этой сферой научного знания и развитие академического диалога между отечественными специалистами и нашими коллегами из других стран.

Информация об авторе

Осипов Виктор Анатольевич, аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, vityaosipov@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТА СТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА В ЧЕРЕПОВЦЕ

К. А. Платонов, В. Г. Овсянников

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Специфика публичной деятельности сообществ современных российских городов рассматривается на примере конфликта в связи со строительством ЦБК в Череповце (Вологодская область), в котором проявились все типичные антипаттерны во взаимодействии субъектов социального партнерства: бизнеса, власти и местного населения.

Ключевые слова: общественное мнение, экология, антипаттерны, социальное партнерство, экологическое образование, риск как самокоординируемое состояние

Экологические риски в современной России становятся все более разнообразными и начинают распространяться на все сферы общественной жизни. Планка оценки конкретных условий как несущих опасность понижается вместе с повышением стандартов качества, предъявляемых к среде. Все большие объемы данных по ключевым показателям загрязненности в обязательном порядке попадают в открытый доступ за счет публикации в Интернете.

Существенно трансформируется дискурс об экологии в СМИ, в последние годы эта тема вновь становится популярной и востребованной у широкой аудитории. Постепенно повышается средний уровень образования населения и его гражданского самосознания, что приводит к более критичному осмыслению информации, связанной с изменениями в окружающей среде.

Эти процессы продуцируют возникновение новых практик в общественном дискурсе на уровне конкретных городов, что позволяет актуализировать ресурсы местного самоуправления и общественного контроля при необходимости повлиять на механизм принятия значимых управленческих решений.

В начале 2014 г. в Череповце, известном промышленном центре Вологодской области, пронесся слух о грядущем строительстве нового целлюлозно-бумажного комбината в Суде на Рыбинском водохранилище недалеко от города. Очень скоро по этой теме стали появляться публикации в официальной прессе и оппозиционных газетах, естественно, взгляд на нововведения по версиям этих групп источников кардиналь-

но различался. Массовые СМИ рассматривали завод как новый шаг в развитии экономики территории, стимул для появления рабочих мест и сдвига в сторону управляемой диверсификации экономики моногорода. Оппозиция (в основном, в лице авторов газеты «Череповецкая истина») выступала с жесткой критикой, отталкиваясь от тезиса о том, что еще одно вредное предприятие способно добить экологию одного из самых загрязненных городов России. Очень быстро ко второй группе мнений подключилась значительная доля общественников, представителей некоммерческих организаций и простых горожан.

В марте 2015 г. начался сбор подписей в поддержку приостановки проекта [2]. В ноябре того же года более 200 человек собрались в городе на первый митинг [3]. Было создано тематическое сообщество в социальной сети «ВКонтакте», в котором устраивались обсуждения, в том числе с участием представителей ООО «Свеза» (организация — исполнитель проекта).

После заявления А. Мордашова, гендиректора Севергрупп, о необходимости сбора рабочей группы с участием общественников было проведено публичное обсуждение в формате ток-шоу [4]. Мероприятие оказалось уникальным, поскольку удалось собрать всех ключевых участников конфликта, включая инвестора, исполнителя, представителей власти, общественного контроля, муниципальных образований, а также журналистов и экологов, для размещения всех присутствующих у череповецкого «Канала 12» не оказалось подходящей студии, поэтому пришлось на время переоборудовать сцену местного ДК. На начало 2016 г. проект все еще находится в заморозке на стадии согласования.

Данный конфликт показателен для репрезентации специфики публичной деятельности сообществ современных российских городов, в частности, в нем проявляются все типичные антипаттерны во взаимодействии субъектов социального партнерства: бизнеса, власти и местного населения.

Первый антипаттерн — недоверие. Когнитивная сложность экологического риска порождает у населения инстинктивный страх к инновациям. Тем не менее в окружении типичного горожанина нет доверительного лица, которое могло бы выступить экспертом в вопросах экологии. Все остальные эксперты по умолчанию воспринимаются обывателями как зависимые. Проблема может быть решена постепенным повышением экологической культуры населения путем развития экологического образования в широком смысле, а также максимальным раскрытием всей тематической информации.

Второй антипаттерн — различия в языках. Методы общения представителей бизнеса и методы аргументации общественников лежат в таких разных плоскостях, что семантическая пропасть между ними позволяет

выделять два социолекта. Чем информативнее текст или доклад, затрагивающий проблемы окружающей среды, тем, как правило, меньше будет его аудитория. Анализ дискуссий на различных площадках показывает, что конструктивная аргументация с изложением документальных фактов и ссылками на источники информации по экологическим рискам и их индикаторам, может быть воспринята как попытка заговорить зубы умными фразами. Одновременно с этим поверхностная критика с невнятными призывами может быть воспринята публикой крайне положительно за счет эффекта эмоционального заражения.

Третий антипаттерн — необъективные определения ситуации. Население и общественные лидеры мнений во многом ориентируются на прошлый негативный опыт, ассоциативная цепочка «завод — опасность» для жителей Череповца остается сильным стереотипом. Вспоминая теорему Томаса, можно сказать, что здесь (экологическая) ситуация, которая мыслится как реальная, реальна по своим последствиям. Поэтому для публики, подверженной стереотипным установкам, экологический риск уже есть и с ним нужно бороться. Бизнес руководствуется определением ситуации, где создаваемый предприятием риск зависит от используемых технологий, что отражает рациональный подход к оценке остроты данной проблемы.

Экспертные отчеты по ЦБК, выложенные в открытый доступ, содержат выводы о том, что завод является относительно безопасным и высокоэффективным объектом [1]. Острота представленного конфликта иллюстрирует современные трактовки понимания риска как самоконструируемого состояния индивидов, которое может быть не связано с объективными обстоятельствами, что, впрочем, не отменяет необходимости учета общественного мнения по данным вопросам [5].

Список литературы

1. *Корешков В.* Компания «Свеза» представила оценку воздействия на окружающую среду будущего целлюлозного завода. Официальный сайт города Череповца [Электронный ресурс]. 30.01.2015 . URL: <http://www.cherinfo.ru/news/71762> (дата обращения: 20.02.2016).
2. *Мешков С.* В Череповце начался сбор подписей против строительства ЦБК [Электронный ресурс] / *GorodChe*. 17.03.2014. URL: <http://www.gorodche.ru/news/society/30677> (дата обращения: 20.02.2016).
3. *Мешков С.* Нет, нет и еще раз нет! Сказали череповчане ЦБК в Суде [Электронный ресурс]. 30.03.2014. URL: <http://www.gorodche.ru/news/society/31584/> 2.02.16 (дата обращения: 20.02.2016).
4. *Серебров Л.* Ток-шоу о ЦБК: мнение череповчанина [Электронный ресурс]. 12.12.2014 . URL: <http://www.gorodche.ru/news/society/46558> (дата обращения: 20.02.2016).

5. *Holton Glyn A. Defining Risk // Financ. Anal. J. 2004. Vol. 60. № 6. P. 19—25.*

Информация об авторах

Платонов Константин Аркадьевич, аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, pltnv@list.ru

Овсянников Василий Григорьевич, д. с. н., профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, vasovs@mail.ru

ДИНАМИКА ВЕРТИКАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

М. Н. Реутова

НИУ «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия

Аннотация. Результаты исследований, в течение 5 лет проводившихся в Белгородской области с целью выявить основные тенденции межличностного и институционального доверия, продемонстрировали нисходящую динамику социального доверия как в горизонтальном, так и в вертикальном разрезе. Снижение доверия может способствовать, с одной стороны, дальнейшему развитию практик взаимопомощи в локальных сообществах, с другой — снижению эффективности взаимодействия представителей гражданского общества и власти.

Ключевые слова: горизонтальное доверие, вертикальное доверие, региональный социум,

Доверие — одна из наиболее глубоких позитивных установок, которые формируются у людей по отношению к социальной действительности и социальным институтам, упорядочивающим ее. Ряд социологических исследований, проведенных в Белгородской области в течение 5 лет (последний замер произведен в октябре-ноябре 2015 г.), позволил выявить основные тенденции межличностного и институционального доверия, в том числе по отношению к ведущим административно-политическим институтам региона.

Данные, полученные в 2015 г., позволяют констатировать достаточно низкий уровень обобщенного межличностного доверия. Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?», чуть более трети респондентов (35,33%) дали положительный ответ. Противоположную точку зрения высказала почти половина опрошенных (49,30%).

При этом уровень обобщенного межличностного доверия, по данным наших замеров, за последние 5 лет практически не изменился: в 2010 г. доля респондентов, считавших, что большинству людей можно доверять, составляла 33,1%. Некоторое улучшение ситуации произошло в 2012 г. (табл. 1). По-видимому, это было обусловлено общим повышением уровня социального оптимизма в российском обществе, вызванным относительно безболезненным выходом из ситуации финансово-экономического кризиса, а также — на уровне региона — позитивным эффектом от начала реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» в 2011 г. [4].

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос:**
«Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или нет?», %

Варианты ответов	2010 г. [5]	2012 г. [4]	2015
Можно	33,1	42,41	35,33
Нельзя	51,5	37,53	48,30
Затрудняюсь ответить/Нет ответа	15,4	20,06	16,37

Перекрестная группировка данных, полученных в ходе исследований, показала, что значимыми социально-демографическими факторами общенного межличностного доверия являются половозрастные характеристики респондентов, а также поселенческий фактор. Так, согласно данным 2015 г., наиболее высокая доля опрошенных, считающих, что большинству людей нельзя доверять, наблюдается среди молодежи, в том числе студентов, а также лиц, проживающих в городе или поселке городского типа. Чем больше возраст опрошенных, тем выше удельный вес респондентов, считающих, что людям можно доверять: от 25,18% (молодые люди 18—29 лет) до 41,13% (респонденты в возрасте от 60 лет и старше). Доля доверяющих опрошенных, проживающих в сельской местности, в среднем на 4—5% выше, чем в городе. При этом влияние гендерного фактора претерпело некоторые изменения. В 2012 г. среди мужчин оказалось больше тех, кто считает, что большинству людей нельзя доверять (42,65% против 37,83%). Среди женщин, наоборот, больше сторонников доверия (46,06% против 33,76%). В 2015 г. удельный вес мужчин и женщин, склонных к недоверию, оказался практически одинаковым (48,28 и 48,33%); доля женщин, считающих, что большинству людей можно доверять, превысила удельный вес доверяющих мужчин всего на 2% (36,43% против 34,05%). Подобная динамика, по-видимому, обусловлена нарастающим социально-экономическим кризисом, а не изменениями в базисных социальных установках и паттернах поведения представителей обоих полов.

Вертикальный уровень социального доверия отражает сложившееся в обществе отношение к людям и структурам, занимающим иные позиции в социальной иерархии. В рамках настоящей работы основное внимание обращается на политическое доверие, адресатами которого выступает административно-политическое руководство региона, муниципального образования. В зависимости от характера адресата, политическое доверие подразделяется на персонифицированное и институциональное. В российской политической культуре первое зачастую определяется политическим статусом адресата. Несмотря на экономические и внешнеполитические трудности, уровень доверия к В. Путину как Президенту РФ

заметно выше, нежели уровень доверия иным политическим персонам или институтам. Так, данные опроса ФОМ «В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы» за январь 2016 г. свидетельствуют, что подавляющее большинство опрошенных доверяют президенту: 39% «доверяют безусловно» и 45% «скорее доверяют» [1]. По данным Левада-Центра за январь 2016 г., 82% респондентов одобряют деятельность В. Путина на посту Президента РФ, в то время как деятельность Д. Медведева одобряют 56% опрошенных, деятельность Государственной Думы и губернаторов — 42% и 52% соответственно.

Исследования, проведенные на территории Белгородской области, позволяют проследить динамику доверия местному руководству.

В 2010 г., как свидетельствуют данные табл. 2, руководству города (района, сельского поселения) доверяли 25% опрошенных (из них 5,4% однозначно ответили на данный вопрос, 19,6% — «скорее да, чем нет»). В целом не доверяли 59,3% (27,3% однозначно не доверяли, 32,0% — «скорее нет, чем да»). Итоговый индекс доверия составил –28,1.

**Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете руководству города
(района, сельского поселения)?», %**

Варианты ответов	2010 г. [5]	2012 г. [4]	2015
Да	5,4	20,58	6,59
Скорее да, чем нет	19,6	31,70	19,26
Скорее нет, чем да	32,0	21,93	32,53
Нет	27,3	16,01	30,24
Затрудняюсь ответить	15,7	9,15	11,38
Индекс	–28,1	9,46	–30,28

В 2012 г. ситуация существенно улучшилась, факторы, способствовавшие повышению уровня обобщенного межличностного доверия, сработали и в вертикальном измерении: руководству города (района, поселения) доверяли 20,58% респондентов; скорее доверяли — 31,70%, скорее не доверяли — 21,93% опрошенных, однозначно не доверяли — 16,01%. Индекс доверия местному руководству составил +9,46. Анализ социально-демографических и социокультурных факторов доверия/недоверия показал, что наиболее свойственно доверие к руководству женщинам, респондентам 60 лет и старше, жителям малых городов и поселков городского типа, лицам со средним образованием, тем, кому денег хватает на продукты, иногда — на покупку одежды, верующим. Не доверяют чаще

всего мужчины, респонденты 18—29 лет, жители города с населением 100 тыс. и более, лица с неоконченным высшим образованием, те, кто может ни в чем себе не отказывать, неверующие.

В 2015 г. уровень доверия местному руководству заметно снизился. Полученные в ходе опроса населения региона данные демонстрируют наихудшие показатели за весь период наблюдений. Так, в той или иной степени доверяют руководству города (района, сельского поселения) 25,85 % опрошенных (из них всего 6,59 % дали однозначно положительный ответ). Не доверяют — 62,77 % (причем 30,24 % ответили однозначно отрицательно). Индекс доверия снизился до –30,28 (табл. 2). По отношению к местной власти люди, таким образом, гораздо более критичны, чем в отношении руководителя страны и федеральных властных структур или обычных граждан, составляющих местное сообщество. Последние эмпирические данные позволили выявить определенные негативные изменения факторов, обуславливающих доверие местным органам власти. Так, среди респондентов пожилого возраста, а также жителей сельской местности, демонстрировавших ранее более высокий уровень доверия по отношению к руководству города, района, сельского поселения, нежели молодежь и жители городов, доля тех, кто однозначно не доверяет местному руководству, оказалась максимальной. Очевидно, что социально-экономический статус и социальное самочувствие данных социально-демографических групп заслуживает более пристального внимания со стороны местного и регионального руководства.

Таким образом, для Белгородской области налицо нисходящая динамика социального доверия, как в горизонтальном, так и в вертикальном разрезе. Данный факт не следует оценивать однозначно. С одной стороны, это может способствовать дальнейшему развитию кооперации и практик взаимопомощи в локальных сообществах, с другой — снижению эффективности взаимодействия представителей гражданского общества и власти.

Список литературы

1. *Индикаторы* отношения к главе государства [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/posts/10946> (дата обращения: 21.02.2016).
2. *Одобрение* органов власти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 21.02.2016).
3. *О Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011—2025 гг.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belregion.ru/region/priorities/solidarity.php> (дата обращения: 21.02.2016).

4. Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н. и др. «Культура недоверия» в региональном социуме. Белгород : ИД «Белгород» : НИУ БелГУ, 2013.
5. Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н. и др. Социальные сети в региональном сообществе. Белгород : Константа, 2011.

Информация об авторе

Реутова Марина Николаевна, к. с. н., доцент кафедры социальных технологий НИУ «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, reutova@bsu.edu.ru

КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДО 2030 Г.: СОЦИОЛОГИЯ, ПРОГНОЗЫ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

С. И. Рыбальченко

АНО «Институт научно-общественной экспертизы», Москва, Россия

Аннотация. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке характеризуется устойчивым снижением численности населения с начала 1990-х гг. Комплексного решения этой проблемы не содержит ни один из существующих документов, поэтому региональные органы власти совместно с экспертами начали разработку Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г., в основе которой — результаты масштабного исследования миграционной ситуации на Дальнем Востоке, проведенного ВЦИОМ. Часть мер должна войти в планы мероприятий по реализации очередных этапов Концепции демографической политики РФ и Концепции государственной миграционной политики РФ, действие которых начинается в 2016 г.

Ключевые слова: демографическая политика, Дальний Восток, демографический потенциал, социально-экономическое развитие территорий, Дальний Восток, депопуляция, миграционный отток

Президент России В. Путин определил подъем Сибири и Дальнего Востока, как «национальный приоритет на весь XXI в. Задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу, а значит, и наши шаги должны быть нестандартными» *. Озвученные решения по развитию экономики восточных территорий России должны быть подкреплены соответствующими трудовыми ресурсами. Их нынешнее состояние сдерживает инвесторов даже при самых выгодных условиях для организации бизнеса. Опора на трудовые ресурсы за счет международной миграции в долгосрочной перспективе несет больше рисков, чем выгод.

Задача восстановления демографического потенциала Дальнего Востока задолго до политических решений обосновывалась в работах ведущих российских демографов и экономистов: Л. Л. Рыбаковского [3, 4], Е. Л. Мотрич [2] и др. Сегодня она перешла в практическую плоскость. Одновременно с задачей опережающего социально-экономического

* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 01.09.2015).

развития территорий Минвостокразвития России региональные органы власти совместно с экспертами разрабатывают Концепцию демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г.

В работе принимают участие в том числе и социологи. 25—26 мая 2015 г. в Хабаровске состоялась Всероссийская конференция «Демографическое развитие Дальнего Востока», организаторами которой выступили Минвостокразвития России, администрация Хабаровского края, ВЦИОМ и Институт научно-общественной экспертизы. По ее итогам ВЦИОМ провел масштабное исследование миграционной ситуации на Дальнем Востоке, в котором принимали участие социологи, демографы, экономисты. Исследование стало основой для разработки проекта Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г. (далее — Концепции).

Почему возникла необходимость разработать новый документ и каковы основные целевые ориентиры Концепции?

Действующие документы — Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. не содержат комплексного решения по восстановлению демографического потенциала Дальневосточного федерального округа (ДФО). При этом в большинстве регионов округа отсутствуют программы демографического развития.

В такой ситуации постановка целей и задач на федеральном уровне с последующей декомпозицией до регионального и муниципального уровня управления является единственно правильным решением. К этому обязывает демографическая ситуация, которая характеризуется устойчивым снижением численности населения на Дальнем Востоке с начала 1990-х гг. Депопуляцию определяет комплекс негативных факторов: низкая рождаемость, высокий уровень смертности, превышение миграционного оттока над миграционным приростом.

На 1 января 2015 г. численность населения ДФО составила 6211,4 тыс. чел., или 4,2% от численности населения Российской Федерации. При этом территория округа составляет 36% от территории страны, а плотность населения — 1 человек на 1 км².

Регионы ДФО значительно отличаются друг от друга по численности и демографической ситуации (табл. 1). В пяти регионах ДФО: Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Амурская область и Сахалинская область, — проживает 89% всего населения округа.

Благодаря мерам, реализуемым на федеральном и региональном уровнях с 2007 г., демографическая ситуация в России и в регионах ДФО существенно улучшилась. Начиная с 2012 г. впервые за последние

20 лет наблюдается естественный прирост населения, который за 2012—2014 гг. составил 22,8 тыс. чел. При этом миграционный отток населения в 2014 г. снизился на 25 % по сравнению с 2013 г.

Таблица 1. Численность населения субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, тыс. чел. *

Субъекты, входящие в ДФО	На 1 января 2015 г.		
	все население	городское население	сельское население
Российская Федерация	146 267 288	108 282 220	37 985 068
Дальневосточный федеральный округ	6 211 021	4 685 126	1 525 895
Амурская область	809 873	544 785	265 088
Еврейская автономная область	168 368	114 852	53 516
Камчатский край	317 269	245 941	71 328
Магаданская область	148 071	141 322	6 749
Приморский край	1 933 308	1 486 440	446 868
Республика Саха (Якутия)	956 896	624 708	332 188
Сахалинская область	488 391	397 367	91 024
Хабаровский край	1 338 305	1 095 189	243 116
Чукотский автономный округ	50 540	34 522	16 018

За 2007—2013 гг. суммарный коэффициент рождаемости (далее — СКР) в ДФО увеличился с 1,42 до 1,81 детей на женщину, превышая общероссийский уровень — 1,7 детей на женщину в 2013 г.

За 2007—2013 гг. уровень смертности сократился на 11,2% до 12,6 на тыс. чел., в то время как в целом по России на 13,9% — до 13,0 на тыс. чел. В 2013 г. уровень смертности превышал общероссийский в 6 регионах ДФО: Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ, в которых проживает 77 % населения округа.

Общая продолжительность жизни (ОПЖ) с 2007 по 2013 г. выросла на 4 года до 67,8 лет. Однако по этому показателю ДФО также устойчиво отстает от общероссийского уровня (70,7 лет) — почти на 3 года. Это отставание сохраняется как для мужчин, так и для женщин: в 2013 г. в ДФО — 62,2 и 73,7 лет, в России — 65,1 и 76,3 лет соответственно. ОПЖ

* Федеральная служба государственной статистики. Интерактивная витрина [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 01.09.2015).

в ДФО находится на уровне Монголии и Казахстана — 67—68 лет и ниже, чем в Японии на 16 лет, Южной Кореи — на 13 лет, Китае и Вьетнаме на 7 и 8 лет соответственно.

Но основной вклад в сокращение численности народонаселения ДФО вносит миграционный отток. За 1991—2014 гг. абсолютные потери численности населения в ДФО составили 1 млн 845 тыс. чел., из них 84,2% приходится на выездную миграцию. При этом наиболее серьезное снижение численности населения наблюдается в стратегически важных приграничных территориях [1].

По причине высокого уровня миграционного оттока все регионы ДФО, кроме Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа, относятся к субъектам Российской Федерации, в которых сохраняется неблагоприятная демографическая ситуация, несмотря на относительно высокий уровень рождаемости в ДФО.

Сотрудниками Института научно-общественной экспертизы и РАНХиГС* выполнен анализ различных сценариев демографического развития ДФО до 2050 г. Он показывает, что восстановление демографического потенциала ДФО к 2030 г. возможно только при повышении рождаемости до уровня воспроизводства населения (2,15 ребенка на женщину), ожидаемой продолжительности жизни до 80 лет и проведении активной миграционной политики. При этом сальдо миграции в регионы ДФО в 2020-е гг. должно составить не менее 100—120 тыс. чел. ежегодно.

Стратегической целью демографического развития Дальнего Востока должно стать устойчивое демографическое развитие регионов, стабилизация на этой основе численности населения округа к 2020 г. на уровне 6,2—6,3 млн человек и обеспечение условий для восстановления его численности к 2030 г. до 8 млн человек.

В реализации Концепции должны быть предусмотрены пятилетние этапы. При этом часть мер должна войти в планы мероприятий по реализации очередных этапов Концепции демографической политики РФ и Концепции государственной миграционной политики РФ, действие которых начинается в 2016 г.

Для финансирования мероприятий планируется создать Фонд целевого капитала «Будущие поколения Дальнего Востока» и организовать региональные фонды по примеру Фонда «Будущие поколения» в Республике Саха (Якутия). Средства, поступающие в фонд от повышения акцизов на табак и крепкий алкоголь, предлагается направить на поддержку

* Расчет сценариев демографического развития ДФО представлен С. Шульгиным, А. Коротаевым, Ю. Зинькиной на Всероссийской конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока» 25—26 мая 2015 г. в Хабаровске.

молодых многодетных семей, в том числе в рамках программы 1 га, поддержки семейных центров (сообществ) в ТОСЭР.

Альтернативы демографическому развитию Дальнего Востока для России не существует. На дальневосточных рубежах за рынки и ресурсы конкурируют три крупнейшие экономики мира: США, Китай и Япония. Развитие Дальнего Востока на протяжении всей истории России сопровождалось личной инициативой и инновационными решениями на государственном уровне. Новый восточный вектор развития России требует нестандартных решений. Успешные пилотные проекты на Дальнем Востоке в дальнейшем могут быть применены при решении демографических задач в других регионах страны.

Список литературы

1. *Безвербный В. А.* Демографическое развитие Дальнего Востока в контексте национальной безопасности. Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 19—20 июня 2013 г. М. : Эконом-информ, 2013. С. 118—122.
2. *Мотрич Е. Л.* Демографические перспективы Дальнего Востока России. Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30—31 мая. М. : Эконом-информ, 2012. С. 289—292.
3. *Рыбаковский Л. Л.* Формирование демографического потенциала Дальнего Востока — важнейшая геополитическая задача России. III Дальневосточный международный экономический форум. Т. 3. Демографические и социальные проблемы Дальнего Востока: пути решения. Хабаровск, 2008.
4. *Рыбаковский Л. Л.* Демографическая безопасность: геополитические аспекты [Электронный ресурс]. URL: <http://rybakovsky.ru/stati1a8.html> (дата обращения: 01.09.2015).

Информация об авторе

Рыбальченко Сергей Игоревич, к. э. н., ген. директор АНО «Институт научно-общественной экспертизы», Москва, Россия, sr@inoe.org, sr@eysp.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯМИ ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С ГРАЖДАНАМИ

И. А. Савченко

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. Результаты социологического опроса, проведенного в Мещанском районе Москвы в мае 2015 г. с целью получить представление об удовлетворенности граждан интернет-коммуникациями с управой района, показали высокую востребованность у граждан механизмов интернет-коммуникации, которые позволяли бы им не только получать необходимую информацию о деятельности управы, но и осуществлять обратную связь.

Ключевые слова: интернет-коммуникации, государственное управление

Для того чтобы получить представление об удовлетворенности граждан интернет-коммуникациями с управой района «Мещанский» Москвы, 20—25 мая 2015 г. был проведен опрос «Интернет-коммуникации в деятельности органа муниципального управления».

В опросе приняли участие 100 человек, 60% мужчин и 40% женщин. 84% опрошенных проживают в Мещанском районе более 5 лет; 52% имеют высшее образование, 48% — среднее.

Результаты опроса показали, что 72% опрошенных имеют опыт обращений в управу.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «По каким каналам Вам приходилось обращаться в управу?», %

№		Очень часто	Часто	Редко	Никогда
1	Телефон приемной главы управы	24	4	20	44
2	Справочная служба по району	4	16	32	36
3	Горячая линия по телефону руководства управы	8	20	20	40
4	Прямой эфир главы управы	8	12	4	68
5	Прямой эфир главы управы и заместителей по ТВ	0	12	12	68
6	Прямой эфир главы управы по радио	0	4	4	84

№		Очень часто	Часто	Редко	Никогда
7	Встречи главы управы и заместителей с населением	4	4	20	56
8	Прием населения главой управы и заместителями	8	8	28	48
9	Через газету управы	0	12	12	76
10	Страничка в Интернете	0	12	28	52
11	Информационные стенды в управе	0	4	24	64
12	Информационные щиты на улицах района	4	8	28	52
13	Информационные стенды в подъезде	4	8	36	44
14	Друзья, знакомые, родители	0	16	32	52

Из табл. 1 видно, что наиболее часто используемым каналом обращения в управу является телефон (телефон приемной (48%) либо горячая линия (48%)). Наименее используемым каналом — радио: только 8% жителей пользовались данным каналом. Страничкой в Интернете пользовались 40% респондентов.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, степень полезности информации, полученной из перечисленных источников?», %

№		Очень полезна	Весьма полезна	Бесполезна	Никогда не пользовался
1	Телефон приемной главы управы	12	24	16	40
2	Справочная служба по району	4	40	16	40
3	Горячая линия по телефону руководства управы	8	32	24	28
4	Прямой эфир главы управы	0	20	20	56
5	Прямой эфир главы управы и заместителей по ТВ	4	28	8	56
6	Прямой эфир главы управы по радио	0	12	8	72
7	Встречи главы управы и заместителей с населением	16	12	4	64
8	Прием населения главой управы и заместителями	12	28	8	48
9	Через газету управы	4	16	12	60
10	Страничка в Интернете	12	32	12	36

№		Очень полезна	Весьма полезна	Бесполезна	Никогда не пользо- вался
11	Информационные стенды в управе	0	36	12	44
12	Информационные щиты на улицах района	8	20	24	40
13	Информационные стенды в подъезде	8	24	20	40
14	Друзья, знакомые, родители	4	32	12	52

Из представленных данных видно, что к наиболее полезным каналам информации жители отнесли страничку в Интернете (44%), справочную службу по району (44%), горячую линию по телефону руководства управы (40%), прием населения главой управы и заместителями (40%).

На вопрос «Из каких источников Вы предпочитаете получать информацию о деятельности управы?» были получены следующие ответы (рис. 1).

Источники получения информации о деятельности управы

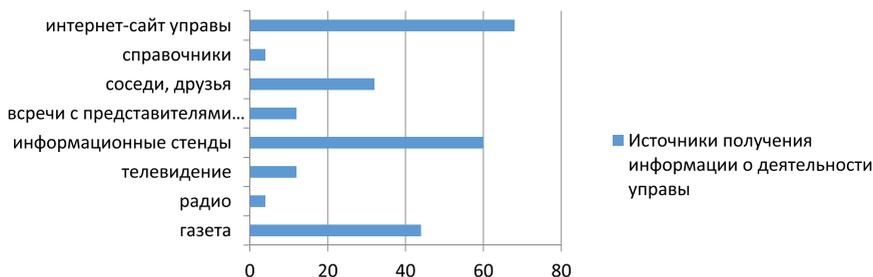

Рисунок 1. Источники получения информации о деятельности управы

Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время Интернет признан гражданами одним из наиболее удобных и полезных каналов коммуникации с органом муниципального управления (управой района).

Респондентам был также задан ряд вопросов, касающихся целей их обращения к сайту управы, а также использования таких современных интернет-сервисов, как интернет-опрос и электронная приемная главы управы.

На вопрос «С какими целями чаще всего Вы обращаетесь на сайт управы?» респонденты дали следующие ответы (рис. 2).

Цели обращения на сайт управы

Рисунок 2. Цели обращения на сайт управы

Кроме того, данные опроса показали, что 58 % жителей района принимали участие в интернет-опросах, проводимых управой, из них 9 % постоянно участвуют, а 82 % участвовали несколько раз.

Также 60 % респондентов ответили, что им приходилось пользоваться услугами электронной приемной управы, из них 67 % пользовались ими несколько раз.

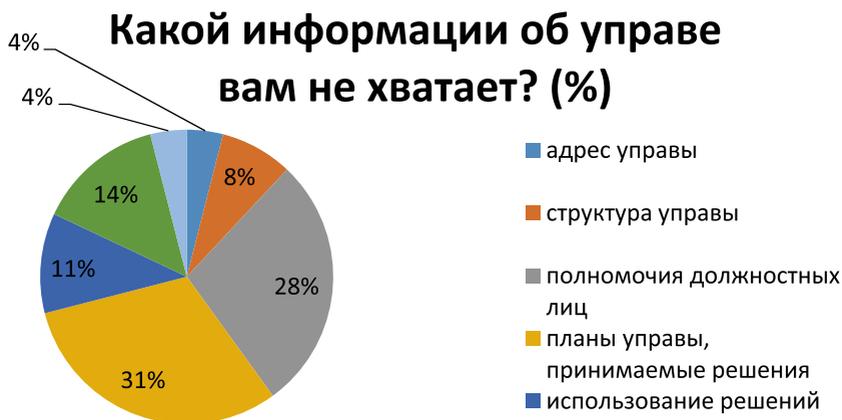

Рисунок 3. Какой информации об управе не хватает

Полученные данные свидетельствуют о достаточно высоком спросе населения на современные инструменты интернет-коммуникаций, к числу которых относятся интернет-опрос и электронная приемная. Более того, граждане готовы выступать не только в роли получателя информации,

но и в роли активного участника процесса обсуждения и принятия решений о проблемах района. Это является основанием для развития таких форм интернет-коммуникации, которые способствовали бы созданию более открытой и интерактивной интернет-среды.

Чтобы оценить удовлетворенность граждан содержанием интернет-коммуникаций с управой, им был задан вопрос: «Какой информации об управе Вам не хватает, прежде всего?». Были получены следующие ответы (рис. 3).

Из представленных на рис. 3 данных видно, что граждане ощущают дефицит информации, касающейся полномочий должностных лиц, а также информации о планах, принятых и реализуемых решениях. Это указывает на то, что представленная на сайте информация не в полной мере отражает деятельность управы, интересующую граждан.

Для того чтобы прояснить, какие аспекты интернет-коммуникаций, по мнению граждан, требуют доработки в первую очередь, респондентам было предложено оценить работу сайта управы по критериям доступности, своевременности, достоверности информации, а также использования обратной связи. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3. Оценка работы сайта управы, %

Оценка	Доступность информации	Своевременность информации	Обратная связь	Достоверность информации
Отлично	22	22	11	17
Хорошо	39	39	39	22
Удовлетворительно	17	33	17	17
Неудовлетворительно	6	0	26	21
Затрудняюсь ответить	16	6	7	13

Из полученных ответов следует, что граждане в целом удовлетворены работой сайта — по всем критериям даны примерно одинаковые оценки. При этом хотелось бы обратить внимание, что 21 % жителей района не удовлетворены достоверностью представленной на сайте информации, притом что лишь 56 % оценили работу сайта по данному критерию положительно (отлично — 17 %, хорошо — 22 %, удовлетворительно — 17 %). Нельзя не отметить также, что достаточно много граждан (26 %) не удовлетворены качеством обратной связи с управой района. Наиболее высокие оценки сайта управы получены по критерию «своевременность информации» — 33 % жителей удовлетворены работой сайта

по данному критерию, 22 и 39% оценивают работу сайта по критерию своевременности соответственно на «отлично» и «хорошо».

В ходе анкетирования гражданам также был задан вопрос: «Какие из механизмов интернет-коммуникации, на Ваш взгляд, управе необходимо наиболее активно использовать?». Полученные ответы распределились следующим образом (рис. 4).

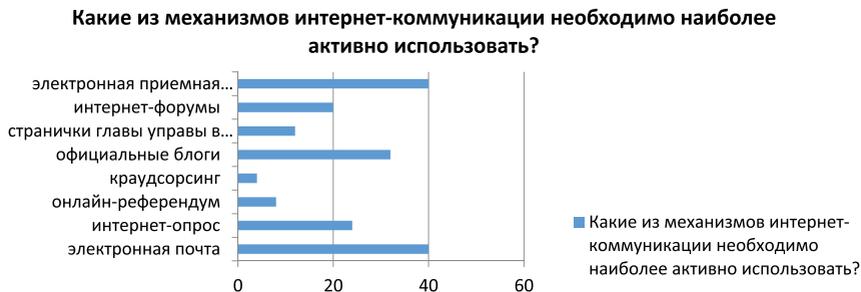

Рисунок 4. Какие механизмы интернет-коммуникации управе необходимо наиболее активно использовать

Итак, результаты опроса показали высокую востребованность у граждан механизмов интернет-коммуникации, которые позволяли бы им не только получать необходимую информацию о деятельности управы, но и осуществлять обратную связь. К наиболее востребованным инструментам интернет-коммуникации относятся электронная почта (40%), электронная приемная главы управы (40%) и официальные блоги (32%).

Исходя из результатов, полученных в ходе проведенного исследования, можно сделать вывод о необходимости совершенствования интернет-коммуникаций между органами муниципального управления и гражданами в направлении обеспечения информационной открытости и налаживания постоянно функционирующей обратной связи.

Информация об авторе

Савченко Ирина Алексеевна, к. п. н., доцент кафедры теории и практики управления Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, arin76@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ СОВРЕМЕННОГО МЕХАНИЗМА ПАРТНЕРСТВА ВЛАСТИ И СОЦИОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Н. А. Самохвалов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Аннотация. Молодежь — социально-демографическая группа, обладающая огромным скрытым потенциалом и представляющая стратегический ресурс для инновационного развития России. Внедрение новейших интернет-технологий в административно-управленческую деятельность органов государственной власти позволяет государственному аппарату продуктивнее выстраивать диалог с представителями молодого поколения граждан РФ и населением нашего государства в целом, а также способствует формированию активной гражданской позиции молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, интернет-технологии, государственный аппарат, информационная открытость власти, электронное правительство

Общемировая практика последних лет демонстрирует нам, что стремление к внешней информационной изолированности общества приводит исключительно к падению авторитета системы государственного управления и ее эффективности в глазах граждан определенного государства. Наблюдая глобальное распространение информационных технологий XXI в. и их активное проникновение в повседневную жизнь практически любого человека, не говоря уже об обязательности выстраивания режима информационной открытости для органов государственной власти, мы приходим к выводу о целостности информационной сферы и ее постоянном прогрессивном развитии. Во многом именно степень развития информационной сферы определяет интенсивность открытости органов государственной власти и местного самоуправления, а также зрелость институтов гражданского общества.

В условиях российской действительности чрезвычайно важно уделять внимание вопросам информационного просвещения граждан РФ о реализуемой государственной политике на различных ее уровнях. Приоритетное внимание должно, на наш взгляд, уделяться молодежи и вопросам реализации государственной молодежной политики (ГМП). Это объясняется тем, что:

- во-первых, молодежь — социально-демографическая группа (люди в возрасте от 14 до 30 лет), обладающая огромным скрытым потенциалом, который она может реализовать в различных сферах общественной жизни, и представляющая стратегический ресурс для инновационного развития России;
- во-вторых, по официальным данным Росстата, в 2013 г. в РФ насчитывалось 30,6 млн молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 21 % от общей численности населения России (для сравнения, в 2012 г. — 31,6 млн человек, в 2011 г. — 32,4 млн человек, а в 2009 г. — 33,7 млн человек, что составляло 23 и 24 % соответственно) [1]. Несмотря на то, что приведенные статистические данные свидетельствуют о неуклонном снижении численности молодежи, на сегодняшний день она составляет весьма внушительную долю от общего количества граждан РФ;
- в-третьих, нельзя забывать, что молодые люди — это будущие родители, способные решить демографическую проблему нашего государства;
- в-четвертых, молодежь является наиболее активным слоем населения России. Современная молодежь характеризуется активной мобильностью, участием в политико-правовых процессах, нежеланием быть просто инструментом в руках власти для достижения каких-либо целей, стремлением к признанию собственной значимости и незаменимости.

Активное внедрение новейших интернет-технологий в административно-управленческую деятельность органов государственной власти позволяет государственному аппарату гораздо продуктивнее выстраивать диалог с представителями молодого поколения граждан РФ и всем населением нашего государства в целом, а также способствует формированию активной гражданской позиции молодежи.

Информация на интернет-ресурсах органов государственной власти должна быть открытой, достоверной и своевременной. Именно благодаря этому, граждане РФ смогут чувствовать себя непосредственными акторами политических, экономических, социальных и иных процессов российского государства.

Использование интернет-технологий в повседневной практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления сегодня составляет основу информационной политики России. В настоящее время можно с уверенностью говорить, что применение интернет-технологий не является некоей формальностью, напротив, оно представляет реально действующий механизм, способный значительно повысить эффективность и качество обслуживания населения с одно-

временным обеспечением открытости государственной, региональной и местной власти, а также с возможностью общественного контроля над ней. Именно реальная возможность граждан на получение открытой информации о деятельности органов государственной власти выступает в качестве базового условия развития правового государства.

Одной из приоритетных целей проведения административной реформы государственного аппарата в РФ стало создание новой модели взаимодействия общества и государства. Знаковыми направлениями деятельности по разработке новой модели взаимодействия общества и государства стали реализация Федеральной целевой программы «Электронная Россия» и создание электронного правительства.

Информационные ресурсы органов государственной власти и местного самоуправления наиболее востребованы в обществе, именно государство является владельцем самого большого объема социально значимой информации. Парадоксально, но в России многие органы исполнительной власти, даже те, которые должны быть флагманами в сфере информационного просвещения населения, зачастую публикуют на своих интернет-ресурсах недостоверные материалы: государственные статистические данные или официальные тексты нормативно-правовых актов РФ, — что явно не способствует формированию режима информационной открытости власти.

Наличие у государственных органов официальных сайтов возлагает на них не только юридическую, но и социальную ответственность за размещенную на этих сайтах информацию. В настоящее время в России принят ряд важных документов, призванных повысить уровень информационной открытости государственных структур, однако в данной области есть ряд насущных проблем. Нельзя не сказать о низком уровне информационной грамотности большинства сотрудников государственных учреждений. К тому же отсутствие общих четких требований к необходимому объему информации приводит к тому, что в разных ведомствах принятые в законе размытые формулировки трактуются по-своему. Большинство официальных интернет-ресурсов, по мнению экспертов, неинформативны и неудобны [2].

Поэтому необходимо разработать ряд мер, направленных на стандартизацию размещаемой информации и технических требований для официальных интернет-ресурсов с точки зрения удобства их использования различными группами пользователей, в том числе с возрастными и физическими ограничениями.

Меры, направленные на более интенсивное внедрение интернет-технологий в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, непосредственно работающих с гражданами

России, в первую очередь должны быть направлены на представителей молодого поколения, поскольку именно они являются активными юзерами, формируя собственное мнение о государственной политике на основе информации, размещаемой на сайтах и порталах государственных структур.

Построение действенной двусторонней связи с молодежью, заинтересованной в экономико-политическом развитии нашей страны, в ближайшем будущем будет способствовать значительному продуктивному воздействию на модернизацию российской экономики, укреплению государственности, а также эффективной реализации ГМП в непростых современных геополитических условиях.

Список литературы

1. *Официальные данные Росстата по численности и составу населения России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/statistics/population> (дата обращения: 04.02.2016).*
2. *Смирнов Ю. В. Информационная открытость государственных интернет-ресурсов в интересах молодежи : сб. материалов круглого стола в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комиссия Совета Федерации по делам молодежи и спорту [Электронный ресурс]. URL: <http://sammol.ru/userfiles/biblio/pdf> (дата обращения: 04.02.2016).*

Информация об авторе

Самохвалов Николай Александрович, старший преподаватель кафедры гражданского права Балаковского филиала РАНХиГС, аспирант кафедры политических исследований России и постсоветского политического пространства Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, nikolai-samohvalov@yandex.ru

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СУРГУТА, ХМАО — ЮГРЫ

Д. В. Сердюков, О. С. Афанасьева, Р. Р. Валиева

Сургутский государственный университет; МКУ «Наш город», Сургут, Россия

Аннотация. Муниципальное казенное учреждение «Наш город» в Сургуте проводит соцопросы, с помощью которых определяется уровень электоральной активности населения, осуществляется мониторинг информационного пространства, социально-политической толерантности в молодежной и подростковой среде, отношения населения Сургута к деятельности органов местного самоуправления, оценка уровня коррупции. Информация по результатам проведенных исследований заслушивается на аппаратных совещаниях администрации города. Несмотря на риски применения этого инструмента (субъективность оценок респондентов и т. п.), результаты соцопросов являются содержательным источником информации не только для принятия управленческих решений, но и при ранжировании муниципальных услуг по уровню качества. Проведение соцопросов в Сургуте позволяет активизировать процессы социального партнерства, а также выявлять степень удовлетворенности населения действиями органов местного самоуправления.

Ключевые слова: социологические опросы, органы местного самоуправления, мониторинг общественного мнения, муниципальные услуги, оценка эффективности управления, государственное управление, институциональная эффективность

Оценка эффективности государственного и муниципального управления по-прежнему остается сложной и недостаточно изученной темой. Экономических критериев в данном случае мало, а их использование очень ограничено.

Если экономическая эффективность имеет точные количественные показатели, то для определения институциональной эффективности важны еще и качественные характеристики образа жизни, социально-психологические факторы, включающие удовлетворенность социальными и жилищно-коммунальными, образовательными и медицинскими услугами с учетом особенностей каждого человека.

Институциональная эффективность управления включает различные подходы и выражает совокупную эффективность, сочетающую коли-

чественную и качественную оценку изменений объекта управления. Естественно, выразить это единым критерием невозможно. Задача состояла в том, чтобы определиться с методологическими проблемами и установить необходимые процедуры оценки институциональной эффективности управления.

Наряду с другими муниципальными образованиями в Сургуте создана система, позволяющая осуществлять мониторинг общественного мнения. С марта 2013 г. функции по изучению общественного мнения и проведению социологических исследований были переданы в МКУ «Наш город» (далее — учреждение).

Деятельность учреждения по проведению социологических исследований организована в соответствии с его уставом, регламентом администрации города*, порядком проведения оценки качества фактически предоставляемых муниципальных услуг (работ)** и выполняется в соответствии с планом-графиком социологических исследований, утвержденным распоряжением администрации города***.

Согласно плану-графику, учреждение ежегодно выполняет 13—15 социологических исследований, причем 8 из них предполагают оценку потребителями (населением) качества оказания муниципальных услуг (работ).

Именно удовлетворенность жителей города условиями проживания на данной территории можно считать конечной целью деятельности органов местного самоуправления (далее — ОМС) и основным критерием результативности их работы. Помимо этого проводятся исследования, определяющие уровень электоральной активности населения, мониторинг информационного пространства, социально-политической толерантности в молодежной и подростковой среде, отношение населения Сургута к деятельности ОМС, оценку уровня коррупции.

Стоит отметить, что практика оценки деятельности ОМС в Сургуте отличается использованием традиционных методов опроса населения (поквартирные опросы при оценке муниципальных работ и исследований по социально-политической тематике и сплошные опросы при оценке муниципальных услуг). Опросы преимущественно проводятся методом формализованного интервью. Для обеспечения репрезентативности

* Распоряжение администрации города от 30.12.2005 № 3686 «Об утверждении регламента администрации города».

** Постановление администрации г. Сургута от 23.08.2012 № 6627 «Об утверждении порядка проведения оценки качества фактически предоставляемых муниципальных услуг (работ)».

*** Распоряжение администрации города № 20 от 12.01.2016 «Об утверждении плана-графика социологических исследований на 2016 г.».

опроса используется метод случайной маршрутной выборки, при котором интервьюер опрашивает респондентов только в домохозяйствах, отбираемых в соответствии с маршрутом. В случае опроса потребителей муниципальных услуг проводится сплошной опрос потребителей по месту оказания услуг. Количество респондентов для каждого исследования рассчитывается на основании генеральной совокупности и, как правило, составляет 400—1000 человек (при генеральной совокупности — 300 тыс. чел.). Полевые работы исследований проходят процедуру проверки качества методом выборочного телефонного контроля, контроля соблюдения маршрута, шага опроса и квотного задания.

Информация по результатам проведенных социологических исследований заслушивается на аппаратных совещаниях администрации города, по результатам которых глава города принимает следующие решения: принять информацию к сведению; дать поручения структурным подразделениям администрации города принять определенные меры с целью устранения негативных факторов, выявленных в результате проведенных социологических исследований; определить объем информации о результатах социологических исследований, подлежащих размещению на официальном интернет-сайте администрации города.

Кроме того, результаты опросов населения Сургута применяются при ранжировании муниципальных услуг (работ) по уровню качества (комиссией по рассмотрению результатов реализации муниципальных программ в составе дополнительных материалов к сводным отчетам об исполнении муниципальных программ), учитываются при формировании отчетов об исполнении муниципальных программ за соответствующий период. Часть показателей, определяемых в ходе проведения соцопросов, используется при подготовке ежегодных отчетов о деятельности главы и администрации города, а с 2015 г. — для подготовки отчета о достижениях целей Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут до 2030 г.

Учитывая, что социологические опросы являются достаточно содержательным источником информации для принятия управленческих решений на местном уровне, важно понимать не только их преимущества, но и риски применения данного инструмента, например субъективность оценок респондентов, что определяет ограниченность применения результатов опросов жителей; ошибки приписывания, когда респонденты склонны относить к категории государственных и муниципальных услуг те услуги, за которые местные органы власти в действительности ответственности не несут. Ошибки оценки возникают чаще всего в тех случаях, когда опрашиваемый лично не был получателем данной услуги; ошибки

репрезентативности и вероятность фальсификации анкет при отсутствии контроля со стороны супервайзера, а также отсутствие единого методологического подхода при проведении исследований по одной тематике в муниципальном образовании и регионе в целом зачастую не позволяют сравнивать получившиеся результаты или они существенно отличаются друг от друга.

Несмотря на это, система комплексного подхода к оценке деятельности ОМС Сургута с учетом объективных статистических показателей (соответствие качества фактически предоставляемой муниципальной услуги/работы утвержденному стандарту качества муниципальной услуги/работы) и результатов субъективных опросов мнения горожан способствовала достижению следующих результатов:

1. Осуществление функции муниципального контроля в части оценки эффективности реализации муниципальных программ, что соответствует действующим принципам муниципального управления и программно-целевому подходу.

2. Аккумуляция важной информации для принятия управленческих решений органами местного самоуправления, что позволяет проводить системный разносторонний анализ деятельности ОМС, затрагивающих вопросы качества городской жизни, интересующие горожан.

3. Вовлечение населения в осуществление местного самоуправления и тем самым содействие созданию условий развития гражданского общества.

Практика проведения социологических опросов в Сургуте позволила активизировать процессы социального партнерства, а также выявлять степень удовлетворенности населения действиями ОМС по решению вопросов местного значения, связанных с предоставлением базовых общественных услуг. В нашем случае, опросы — это внешний раздражитель, способствующий формированию у респондентов обобщенных взглядов на проблемы местного самоуправления, лучшему пониманию причин их возникновения и способов разрешения, а самое главное — возможности активизации собственного участия в жизни муниципального образования. Таким образом, через участие жителей в исследованиях общественного мнения происходит осознание необходимости их личного сотрудничества с ОМС, некоммерческим сектором и всем местным сообществом с целью улучшения общей среды обитания.

Информация об авторе

Сердюков Дмитрий Васильевич, к. и. н., доцент кафедры политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета, директор МКУ «Наш город», Сургут, Россия, serduykov_dv@admsurgut.ru

Афанасьева Оксана Сергеевна, начальник информационно-аналитического отдела МКУ «Наш город», Сургут, Россия, afanaseva_os@admsurgut.ru

Валиева Рамиля Рашитовна, эксперт муниципального казенного учреждения «Наш город», Сургут, Россия, valieva_rr@admsurgut.ru

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Е. Г. Смолина

Волгоградский филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Аннотация. Необходима «социальная регуляция» как механизм выстраивания отношений власти и общества в интернет-пространстве. Социальная регуляция — это приведение социальных процессов в соответствие с установленными в обществе нормами. Именно она позволит учитывать общественное мнение при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: электронное правительство, электронная коммуникация, транспарентность исполнительной власти, общественное мнение, электронная демократия, обратная связь, социальная регуляция

Власть изначально призвана принимать управленческие решения с учетом мнения граждан, однако современная общественная ситуация демонстрирует обратное: игнорирование мнения населения страны провоцирует сужение зоны ответственности рядовых граждан, что в итоге приводит к пассивности россиян и низкому уровню их доверия органам власти.

Сегодня все чаще поднимается вопрос о необходимости привлечения общества к управлению, в частности, речь идет об электронном участии. Внимание к электронной коммуникации как к новому механизму учета общественного мнения ставит перед социологией новые задачи по выявлению теоретических возможностей подобных инициатив. В первую очередь следует сказать о специфике взаимодействий, осуществляемых в интернет-пространстве, как основе электронной демократии. Интернет предоставляет широкие условия для проявления социальной субъектности индивидов как способности общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала социальной реальности. Он же гарантирует высокую связность и плотность сети социальных отношений, что создает положительный потенциал для общественного развития, превращая население из пассивной массы в акторов. Ведь не только власть должна нести ответственность за свои действия, сами граждане обязаны осознавать последствия своего поведения.

Интернет следует воспринимать как сеть взаимодействий: он выступает в качестве особой зоны для установления контактов, сплочивания индивидов для осуществления ими совместных действий и потому претендует на статус нового социально-политического института. В Интернете ви-

зуально органы власти способны стать более достижимыми для рядового гражданина. Важно, что при асинхронности в интернет-взаимодействии власти в любом случае придется дать обратную связь вследствие постоянной фиксации и персонализации в виртуальной сети, ведь Интернет — это прежде всего пространство сообщений и ответной реакции, только за счет возобновляемости контактов он собственно и существует.

Современная социально-политическая ситуация показывает, что Интернет весьма перспективен в вопросе самоорганизации, а по вопросам управления интернет-практика ограничивается концепцией электронного правительства, нацеленной на открытость и прозрачность сведений о работе органов власти, но никак не на взаимные действия относительно тех или иных насущных общественных тем. Тем самым в Интернете есть все условия для одинаковой степени институционализации власти и общества при сохранении полномочий органов власти законодательным путем, в частности, можно ограничить доступ в Интернет, изменить его контент или не дать важной информации поступить в общее интернет-пользование. Таким образом, самоорганизующийся характер сети Интернета не исключает его контроля. Следовательно, существуют особые правила и факт распределения ответственности, что в совокупности упорядочивает сетевые связи и приводит к стабильному воспроизводству потенциала Интернета как сети.

С точки зрения автора, в Интернете нельзя четко отграничить процессы самоорганизации и управления, нельзя говорить о превалировании одного из видов организационной деятельности. Поэтому автор настаивает на использовании понятия «социальная регуляция» как на механизме выстраивания отношений власти и общества в интернет-пространстве. Социальная регуляция — это приведение социальных процессов в соответствие с установленными в обществе нормами, т. е. раз положено, что власть является слугой народа, следовательно, она всеми своими действиями должна это доказывать. Ведь процесс контроля состояния общественных отношений, социальных процессов, систем и возврата их в заранее заданное нормой состояние и называется обратной связью. Она предполагает наличие данных о состоянии объекта регулирования, анализ этих данных, своевременное определение необходимых мер дополнительного воздействия и возврат объекта в заданное состояние. Здесь важным моментом являются правила или нормы — именно они должны формироваться самопроизвольно в самоорганизующейся системе, т. е. создаваться в ходе обсуждения всеми членами социума.

Таким образом, именно социальная регуляция позволит учитывать общественное мнение при принятии управленческих решений. Регулирование в интернет-сети автор трактует как целенаправленный,

особым образом организованный процесс, представляющий результативное, нормативно-организационное воздействие прямыми и косвенными средствами с целью развития свойств и создания взаимноориентированных отношений. За счет открытости сведений, их прозрачности, а также немаловажного фактора доступности и ясности в сети отношений формируется транспарентность, которая считается базовой характеристикой исполнительной власти.

Информация об авторе

Смолина Елена Григорьевна, аспирант 3-го года обучения по специальности «социология управления» Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия, smolina_elena1989@mail.ru

РАЗРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ С УЧЕТОМ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТОРА

Н. Н. Соколов

Институт государственного управления и права ГУУ, Москва, Россия

Аннотация. Применяя принципы системного подхода, автор предлагает схему надежного достижения целей, поставленных перед руководителем или организацией, с учетом социального фактора и оценки общественного мнения; последними этапами должны быть оценка и анализ полученного результата, обратная связь для всех руководителей и сотрудников, участвующих в проекте. Взаимосвязанное применение этапов схемы будет способствовать быстрой и четкой разработке, промежуточной коррекции с учетом оценки общественного мнения, эффективной и контролируемой реализации управленческих решений в органах государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: социальный фактор, управленческие решения, обратная связь, оценка общественного мнения, система оценки персонала, государственная и муниципальная власть

В связи с огромным потоком информации вокруг нас и динамичным образом жизни в эру мирового повсеместного внедрения информационных технологий быстрые и четкие разработка и реализация эффективных управленческих решений становятся залогом успешной деятельности и достижения запланированных целей в системе государственного и муниципального управления. Крайне важна поддержка принимаемых решений гражданами — на которых и направлены эти решения, а также обратная связь и оценка новых перспективных возможностей и предложений от граждан (как например, в Программе Правительства Москвы «Активный гражданин»).

Применяя принципы системного подхода, глобальную формулу для надежного достижения поставленных перед руководителем или организацией целей с учетом социального фактора и оценки общественного мнения можно обозначить следующим образом:

1. Постановка целей в зависимости от уровня задач (стратегические, тактические и текущие).
2. Теоретическая разработка управленческого решения с выбором из какого-то количества вариантов.
3. Мониторинговые социологические исследования и коррекция с учетом общественной оценки внедрения предполагаемых решений.

4. Практическое поэтапное планирование достижения этого решения с учетом реальных и потенциальных физических препятствий, полученной обратной связи от населения.
5. Реализация и конкретные действия по каждому этапу выработанного плана, контроль промежуточных реперных (ключевых) точек с возможной коррекцией плана по ходу.
6. Оценка и анализ полученного результата, обратная связь, архивирование и занесение в базу данных удачных реализованных решений, будущих намеченных перспектив с целью систематизации ключевых контактов и защиты организации от персонифицированности в работе.

При формулировке цели ключевым фактором является правильное и четкое определение критериев успешного достижения цели. Так как большая часть управленческих задач далее делегируется вниз по управленческой пирамиде, точно определенные критерии выполнения задания будут являться гарантом четкого понимания сотрудниками, что делать, и в конечном счете успешного его выполнения. При проектировании вариантов решения допускается использование любых методов, способствующих быстрому поиску и выработке способов решения поставленной задачи.

Таким образом, можно представить следующую оптимальную схему принятия руководителем решений, состоящую из 9 этапов:

1. Начало цикла — ощутить проблему.
2. Сформулировать и уточнить цель.
3. Определить критерии успешного достижения цели.
4. Проектирование вариантов решения (альтернатив).
5. Оценка/сравнение вариантов по критериям (переход на п. 6 или п. 7).
6. Обратная связь: уточнить критерии или пересмотреть цель (переход на п. 2 или п. 3).
7. Выбор наилучшего варианта ЛПР.
8. Мониторинговые социологические исследования и коррекция с учетом общественной оценки от внедрения предполагаемого варианта решения.
9. Планирование и реализация (внедрение).

Следует отметить, что данная схема является оптимально-минимальной с точки зрения практического применения. Она воспринимается легко, просто и понятно. При необходимости на практике возможна декомпозиция или детализация каждого блока. В данной схеме применена обратная связь при оценке и сравнении каждого варианта по выработанным критериям достижения цели. И либо при получении множества

вариантов, либо при ненахождении никакого решения можно уточнить критерии: ужесточить или смягчить их, уменьшить/увеличить количество вариантов или даже пересмотреть поставленные цели. Однако пересматриваться цели должны только в крайнем случае. Частые смены поставленных целей могут говорить о неправильном понимании процесса самим руководителем.

Примером учета общественной оценки при разработке управленческого решения может служить значительная коррекция при проектировании и строительстве мини-ветки метрополитена «Улица Старокачаловская – Новоясеневская», проходящей через территорию природно-исторической территории «Битцевский парк». Первоначальный проект открытого строительства мог нарушить уникальный экологический баланс природной территории, повредить любимые места прогулок и отдыха москвичей, помешать занятиям спортом, кроссовым бегом, велоспортом, уничтожить самые большие лыжные трассы в Москве, на которых занимаются даже спортсмены национальных сборных команд. После проведения общественного мониторинга, оценки общественного мнения жителей близлежащих домов и граждан, активно занимающихся спортом, а также письма 6 руководителей спортивных федераций в адрес Президента РФ было принято решение по строительству трассы на протяжении парка закрытым способом в тоннелях глубокого заложения на глубине 30 м, чтобы не навредить природному комплексу. Иначе говоря, в данном случае общественное мнение сыграло решающую роль по спасению целостности территории природного парка на благо всех жителей города.

После разработки и выработки наилучшего решения можно приступить к следующему шагу — практическому поэтапному планированию по достижению этого решения. При планировании опытный руководитель просчитывает и учитывает все реальные и потенциально возможные преграды и препятствия. Для важных задач также можно составлять вариант действий «Б», а в случае каких-то форс-мажорных обстоятельств действовать по варианту «А». Для глобальных государственных задач можно также планировать реализацию решения по трем путям: с минимальными суммарными затратами (по разным факторам — времени, финансам, HR-ресурсам и т. д.), с максимальными затратами и третий вариант — реалистичный, оптимальный по затратам. Обобщая, можно представить следующую схему процесса планирования в виде 9 этапов:

1. Определение целей по физическому осуществлению проекта.
2. Генерация и оценка идей по реализации сложных этапов проекта.
3. Определение действий для каждого этапа проекта.
4. Установление очередности действий.
5. Определение необходимых ресурсов.

6. Пересмотр/оценка всего плана целиком.
7. Для сложных задач — выработка запасного резервного плана «Б».
8. Подготовка письменного плана действий и рабочего графика.
9. Мониторинг и контроль, ОС, архивация в БД.

Последними этапами для достижения поставленных перед организацией целей будут оценка и анализ полученного результата, обратная связь для всех руководителей и сотрудников, участвующих в проекте. Если в организации применяется система оценки персонала KPI (Key Performance Indicators), отмечаются результаты и уровень достижений каждого сотрудника (для последующего учета при расчете зарплаты и премий). В современных организациях все чаще и чаще применяется архивирование результатов и занесение в базу данных удачных реализованных решений, будущих намеченных перспектив с целью систематизации ключевых контактов и защиты организации от персонифицированности в работе.

В заключение отметим, что взаимосвязанное применение всех указанных этапов будет способствовать быстрой и четкой разработке, промежуточной коррекции с учетом оценки общественного мнения, эффективной и контролируемой реализации управленческих решений при практическом внедрении на любом уровне управленческой пирамиды в органах государственной и муниципальной власти.

Список литературы

1. *Знаменский Д. Ю.* Проблемы взаимодействия власти и общества в процессе формирования и реализации государственной научно-технической политики // Вестник университета. М. : ГУУ, 2012. № 4.
2. *Соколов Н. Н.* Разработка управленческих решений. Введение в курс лекций. М. : Спутник+, 2012.

Информация об авторе

Соколов Николай Николаевич, к. с. н., доцент кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления, Москва, Россия, Nikolai.Sokolow@mail.ru

ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

О. В. Сюмко

РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Представлены результаты исследования, предпринятого в 2014—2015 гг. в Республике Крым: выявлены факторы, влияющие на легитимацию российской политики в регионе.

Ключевые слова: легитимация, Крым, идеология, региональная политика, эффективность администрирования

В период с июля 2014 г. по ноябрь 2015 г. на территории Республики Крым было проведено качественное исследование, направленное на выявление факторов легитимации российской политики в регионе. В исследовании (данные были получены посредством интервьюирования респондентов) приняли участие в совокупности 47 человек, с учётом выборки по национальности. Из них 32 человека назвали себя русскими, 8 — украинцами, 6 — крымскими татарами и один человек идентифицировал себя как белоруса (исходя из результатов переписи населения 2014 г. соответственно: 65 %, 16 %, 12 %, 1 %). Опрос проводился в городах: Симферополь, Феодосия, Керчь, Ялта, а также в селах Белогорского района.

Ответы респондентов сгруппированы по факторам:

- идеологический;
- социально-экономический;
- внешнеполитический;
- этический;
- традиционный;
- лидерский.

Идеологический фактор. Сецессия Крыма из состава Украины была продиктована отсутствием у крымчан возможности законными методами противостоять господству националистической идеологии в Украине путем выборов в органы власти. Важно отметить, что крымчане достаточно индифферентно относятся к вопросам идеологии. У них есть негативное восприятие идеологии украинского национализма, но нет позитивного восприятия идеологических вопросов. Данный аспект представляет для российской политики определенную перспективу и ресурс для легитимации. Предложение интересной и привлекательной идеологической жизни в составе Российской Федерации, где у крымчан появится возможность

влияния на нее, будет способствовать легитимации российской политики на полуострове.

Социально-экономический фактор. На начальном этапе уровень удовлетворенности социально-экономическим развитием региона в составе России был достаточно высоким, но потом динамика, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, стала негативной. В целом властям, по мнению опрошенных респондентов, удалось удержать социально-экономическую ситуацию в Крыму на приемлемом уровне, однако российская политика встретила ряд негативных оценок. Прежде всего, в сфере малого и среднего бизнеса и высшего образования. Негативно воспринималась крымчанами «привязка» социальных стандартов Крыма к Краснодарскому краю. Этот параметр оказался несколько ниже ожидаемого. Тем не менее, преодоление экономикой периода адаптации, удержание бюджета региона на достаточно высоком уровне и, самое важное, соблюдение высоких требований Федеральной целевой программы Республики Крым, создают достаточно благоприятные условия для легитимации российской политики в рамках данного фактора. Однако общее падение экономических показателей России, сокращение доходов от продажи ресурсов, и прежде всего нефти, создает угрозы. Данные угрозы становятся особенно актуальными в свете провозглашенной Киевом политики, направленной на повышение «издержек» Российской Федерации от присоединения Крыма.

Внешнеполитический фактор. Дело в том, что украинская политика санкций направлена в основном против крымчан, которые вынуждены сталкиваться с массой трудностей при поездках на Украину. Действия Украины носят характер карательных в отношении своих бывших граждан, что способствует консолидации сообщества полуострова вокруг пророссийского выбора. Санкции, таким образом, частично способствуют легитимации российской власти. При этом крымчане, лояльные России, в целом дают высокую оценку внешней политике Российской Федерации, отмечая ее независимость на контрасте с политикой Украины. Противники объединения с Россией, напротив, считают внешнюю политику государства обреченной на провал. Хотя политика санкций и международного непризнания пока является достаточно слабым фактором, делегитимирующим российскую политику в Крыму, она носит долгосрочный характер. И сплачивающий эффект вокруг реализации «права выбора» может быть временным. Международное положение требует постоянной и активной работы российского внешнеполитического ведомства. Угрозы делегитимации российской политики наиболее опасны на данном направлении.

Этический фактор. Благодаря формированию локальной региональной идентичности в Крыму в условиях неисполнения официальным Киевом своих политических обязательств перед крымчанами, зеркальности действий Киева в отношении распада СССР, а также тому факту, что, вопреки украинской практике, позиция крымчан по данному вопросу была выражена через референдум, создается ситуация, когда действия российских властей, с одной стороны, повторяют украинскую позицию по получению независимости от СССР, а с другой — основываются на коллективном согласии со стороны самих жителей полуострова. Однако важно помнить, что лица, сохранившие лояльность Украине, заведомо относятся к вхождению в состав России как к акту незитичному; для них любая политика российских властей в Крыму имеет аморальный характер. Этичность российской политики во многом продиктована большим плебисцитарным характером действий федерального центра. Подчеркнутое соблюдение норм и правил, с одной стороны, вызывает стресс у непривыкших к бюрократии крымчан, а с другой — говорит о большем уважении к нормам в сравнении с предыдущим украинским периодом.

Традиционный фактор. Вопреки позиции Киева, Россия, опираясь в том числе на преимущества федеративного и многонационального государства перед унитарным, в случае правильной политики способна встроить культурную традицию крымских татар в легитимирующий ее политику контекст. Оценивая роль традиционных факторов важно отметить, что российская политика в Крыму после его вхождения в состав России существенным образом изменилась. Но уровень легитимности российской политики был в этом отношении достаточно высок даже в период украинского суверенитета на полуострове.

Фактор лидера. Крымчане предпочли отдать свои голоса наиболее авторитетной и сильной партии, тем самым распространив на нее кредит доверия, выданный Президенту Российской Федерации. Из некрымских политиков Путин является наиболее значительной фигурой, выделяясь на фоне как президентов Украины, так и руководителей Советского Союза. Огромную роль играют местные лидеры, которые должны претворять политику в жизнь. Непосредственно в республике данная задача решается достаточно успешно. Но, тем не менее, открытый конфликт между лидерами Севастополя — губернатором Сергеем Меняйло, назначенным по представлению Президента, и главой законодательного собрания Алексеем Чалым — несет наибольшие риски в таком легитимирующем факторе, как лидерство. Скорее всего, один из этих лидеров должен будет уйти из крымской политики, и это окажет влияние на ситуацию в Республике Крым.

Вхождение региона в состав Российской Федерации не получило международного признания и, по сути, стало катализатором длительного конфликта с Украиной, которая, учитывая опыт конфликтов на постсоветском пространстве, в обозримом будущем будет считать Крым своей частью и предпринимать различные действия, направленные на возвращение полуострова в свой состав. В условиях продолжающегося конфликта вопрос легитимности политики российской власти в Республике Крым является крайне острым с точки зрения практической политологии.

Легитимация российской политической власти в Крыму осложнена сильным международным давлением, а также совокупностью существующих культурных, политических и экономических связей Крыма с Украиной, которая рассматривает данные связи как инструмент конкурентного преимущества в конфликте с Россией, стремится удержать влияние над полуостровом и делегитимизировать действия российских властей.

Мы пришли к заключению, что Российская Федерация, включив в свой состав два новых субъекта, столкнулась с проблемой эффективности администрирования и качества исполнения своих обязанностей государством. Данный вывод позволил нам определить факторы, которые в условиях конкуренции с Украиной влияют на легитимацию российской политики в Республике Крым.

Информация об авторе

Сюмко Олег Викторович, 3 курс магистратуры РАНХиГС, Правительство Москвы, советник государственной службы, Москва, Россия, sumkoov@mos.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е. П. Тавокин

РАНХиГС, Москва, Россия

Ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль.

Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006. С. 20.

Аннотация. Доктрина рынка исключает у государства наличие конкретного, выраженного в явном виде целеполагания. Государство и общество находятся в состоянии перманентной неопределенности, поэтому трудно оценивать результаты их функционирования, в том числе результативность социальной политики. Проанализировав имеющиеся данные о том, как социальная политика, проводимая органами власти современной России, отражается на качестве жизни населения, автор приходит к выводу, что внедрение рыночных принципов функционирования в основу социальной политики существенно ухудшило качество жизни людей в России, поэтому от этих принципов следует отказаться.

Ключевые слова: социальная политика, уровень жизни, качество жизни, рыночная экономика, продолжительность жизни, коэффициент рождаемости, смертность, социальное обеспечение и защита населения

Фундаментальная задача любого государства вне зависимости от форм жизнеустройства и уровня его развития заключается в обеспечении всем гражданам возможности иметь такие, удовлетворяющие их, уровень и качество жизни, какие позволяют достигнутый экономический потенциал, культурные и духовные ресурсы, сложившиеся традиции социальных отношений. Эта задача решается с помощью социальной политики.

Общепринятого определения социальной политики пока не существует. К числу наиболее приемлемых относится следующее: социальная политика представляет собой целенаправленную деятельность, содержанием которой являются выработка и реализация решений, непосредственно касающихся человека, направленных на обеспечение условий для полноценной жизнедеятельности людей, повышение общего уровня благосостояния населения и создание эффективной системы социальных гарантий с учетом особенностей различных групп населения страны [2]. Главным субъектом социальной политики являются органы государственной власти.

Результативность любой политики, в том числе социальной, зависит от изначально поставленных целей. Сами же цели формулируются в рамках и в строгом соответствии с той системообразующей доктриной, которая взята на вооружение данным социумом и которая служит своеобразной матрицей, по канонам которой выстраивается вся общественная жизнь.

В современной России в ранг непререкаемого императива, проникающего и охватывающего *все без исключения* человеческие отношения, возведен принцип рынка (все продается, все покупается). В полном соответствии с ним происходит, в частности, постепенное снятие государством с себя ответственности за социальное обеспечение и защиту населения, перевод важнейших функций, ради которых государство, собственно, и создается, на уровень государственных услуг. Причина проста: вся социальная сфера по критериям рынка — это *издержки*, снижающие потенциальную прибыль. В результате, например, бесплатная медицинская помощь заменяется медицинскими услугами, а бесплатное (по Конституции) образование вытесняется услугами образовательными и т. д.

Кроме того, доктрина рынка исключает у государства наличие конкретного, выраженного в явном виде целеполагания. Когда такое целеполагание у социума есть, можно проводить оценку, насколько оно соответствует реальным потребностям людей, и в зависимости от этого корректировать деятельность органов власти. Но когда такого целеполагания нет, когда государство и общество находятся в состоянии перманентной неопределенности (перехода неизвестно куда) и не могут внятно ответить на вопросы, зачем они существуют, к какой цели стремятся, очень трудно оценивать результаты их функционирования, в том числе результативность социальной политики. Легко понять, что ожидать каких-то позитивных результатов от социальной политики такого государства не приходится.

Вот как выглядят в самом общем приближении результаты почти четвертьвекового функционирования России в соответствии с либеральными рыночными рецептами.

Россия за годы «демократии» в «добровольном» порядке, по оценкам экспертов, разрушила от 75 до 100 тысяч предприятий, утратив из-за этого в дополнение к политической (по Конституции) и экономическую, в том числе продовольственную, независимость.

Россия является лидером по сверхконцентрации богатства. Если по миру в целом 1 % супербогатых владеют примерно 46 % всех активов, то в нашей стране одному проценту сверхбогатых принадлежит 71 % всех личных активов граждан России.

В нарушение российского законодательства, более чем в 2 раза снижена величина ежегодной индексации пенсий, а работающим пенсионе-

рам ее решено и вовсе не делать. В связи с этим необходимо напомнить расчеты ученых Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. В соответствии с ними, только введение прогрессивной шкалы на совокупные доходы со ставками налогов в пределах, принятых в Европе, дает возможность увеличить пенсию в 4 раза, минимальную заработную плату — в 3,5 раза, зарплату бюджетникам — в 2,5—3 раза [1].

Сохраняется устойчивый тренд на снижение расходов государства на науку, образование, здравоохранение, культуру и социальную сферу в целом. На оскорбительно низком уровне оплачивается интеллектуальный труд. В результате возникла не имеющая аналогов в мире категория «новых бедных». К ней относятся большие группы работающего населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации во всех других странах образуют ядро так называемого среднего класса.

При всей убедительности и содержательной прозрачности рассмотренных фактов, представление о том, как социальная политика, проводимая органами власти современной России, отражается на качестве жизни населения, остается неполным.

Чтобы быть инструментом оценки и реального управления и не превратиться в популистский лозунг, качество жизни должно иметь четкие, объективно измеримые индикаторы. Таковыми помимо традиционных базовых выступают человеческие ценности (*выраженные в статистических индикаторах*):

- достаточная (по мировым критериям) продолжительность жизни (*ожидаемая продолжительность взрослой жизни*);
- полноценное воспроизводство рода (*суммарный коэффициент рождаемости*);
- наличие смысла жизни (*крайняя степень безысходности — самоубийства*);
- социальный оптимизм (*браки*);
- крепость семейных уз (*доля сохраненных семей*);
- доброта отношений между людьми (*крайняя степень бесчеловечности — убийства*);
- справедливость распределения собственности (*индикатор несправедливости — грабежи, разбои*);
- гармоничность социальной структуры (*соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных семей*);
- почитание родителей (*брошенные старики*);
- забота о потомстве (*отказники в роддомах и социальные сироты*).

Средняя продолжительность жизни в СССР на 1987 г. составляла 71,4 года. При этом СССР входил в первую десятку стран мира с самой высокой продолжительностью жизни. Ожидаемая продолжительность

жизни в РФ в 2014 г. была 71,6 лет (мужчины — 66,7 лет, женщины 76,5 лет) [3]. Однако в настоящее время по этому показателю Россия в мировом рейтинге стран может рассчитывать на место лишь в середине второй сотни.

На начало 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости в России после катастрофического падения в середине 1990-х гг. (1,16) достиг значения 1,7 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, все же существенно недотягивая до значения нулевого роста — 2,15. В результате депопуляция коренного населения продолжается.

Число аборт, хотя и радикально (примерно в 5 раз) снизилось по сравнению с 1990-х гг., остается очень высоким: на каждые 100 родов приходится около 50 абортов. Это только официально зарегистрированные. Неофициальных абортов минимум в 2 раза больше. По этому показателю Россия занимает первое место в мире.

За 2012—2014 гг. оптимизированы (сокращены) 950 ФАПов и 26 тыс. коек в стационарах, госпитализация в них снизилась на 800 тысяч. С 2011 по 2014 г. в 2 раза возросло число людей в сельских районах, которые не могут добраться до медицинских организаций. Возросла смертность в больницах, и на дому. Только за первые месяцы 2015 г. смертность выросла на 5,2%, причем чаще стали умирать люди от 15 до 19 и от 30 до 49 лет: смертность среди них выросла на 14%. Резкое подорожание лекарств и снижение доходов населения привели к тому, что люди перестали покупать лекарства.

Показатель уровня смертности, особенно по категориям «убийства» и «самоубийства», — наиболее убедительный объективный индикатор результативности социальной политики, проводимой властными элитами по отношению к населению. По данным ВОЗ, в России уровень убийств и самоубийств многократно превышает аналогичные официальные показатели по ЕС в расчете на 100 тыс. населения. В последние годы уровень самоубийств заметно снизился (с 41 — в 1995 г. до 23 — в 2010 г.), и Россия по этому показателю перешла с первого места в мире на второе. Однако по числу самоубийств среди детей и молодежи первое место она сохранила. В число основных причин суицида молодежи к традиционным (неразделенная любовь, конфликты с родителями и сверстниками и т. п.) добавились страх перед будущим и одиночество. Неуверенность в завтрашнем дне порождается стратегической неопределенностью самого государства. Долго жить в режиме неуверенности человек, особенно молодой, не может — такое экстремальное состояние приводит к депрессии. Молодые люди чувствуют себя незащищенными и беспомощными. Они могут приспособиться почти ко всему, в том числе к угнетению и несправедливости, кроме ситуации, которая ухудшается непредсказуемо. Они

отказываются жить сами и давать жизнь потомкам. Особенно стремительно вымирание русских мужчин в возрасте 25—35 лет.

Даже из проделанного (далеко неполного) анализа уже можно сделать вывод, что внедрение в России рыночных принципов функционирования в основу социальной политики существенно ухудшило качество жизни людей. Для преодоления ситуации России необходимо перестать скрупулезно имитировать западные стандарты и перестать молиться на «священную корову» экономики либерализма, которая ни в коем случае не является судьбой, как уверяют мистификаторы-либералы, — скорее проклятием. С «рыночными» этюдами пора «завязывать»: или Россия похоронит рынок, или рынок похоронит Россию. Третьего не дано!

«Невидимая рука рынка», на которую пытаются опереться властные структуры современной России, хороша лишь для облегчения карманов доверчивых простаков. Для созидания нужны руки видимые, осязаемые, крепкие, направляемые не своекорыстной волей вора, а разумом человека-творца, человека-мудреца, осознавшего закономерности общественного развития, конструирующего бытие в строгом согласии с научно-обоснованным проектом, в интересах всего общества, но не горстки социальных паразитов. Это и должно стать предметом действенной социальной политики, а высокое качество жизни людей станет ее неизбежным следствием.

Список литературы

1. Директор ИСЭПН РАН В. В. Локосов: Россия не выдержит еще одной перестройки [Электронный ресурс] / ИСЭПН РАН. 10.02.2015. URL: <http://www.isesp-ras.ru/vox-peritus/9/> (дата обращения: 03.03.2016).
2. Тавокин Е. П. Социальная политика. М. : Инфра-М, 2012.
3. Федеральная служба государственной статистики. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-июнь 2015 г. Общие итоги естественного движения населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2015/demo/edn06—15.htm (дата обращения: 26.02.2016).

Информация об авторе

Тавокин Евгений Петрович, д. с. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, tavokin@mail.ru

ИНСТИТУТ ЛОББИЗМА В РОССИИ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Толмачева

Московский экономический форум, Москва, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования рынка труда и услуг в сфере цивилизованного лоббизма в России в 2010 г. В основу анализа легли открытые данные сайтов по трудоустройству и профессиональных социальных сетей; оценены примерные организационные структуры крупнейших компаний из рейтинга журналов «Финансы» и «Эксперт», а также штатный состав действующих отраслевых ассоциаций.

Ключевые слова: институт гражданского общества, государственная власть, предпринимательский лоббизм, гражданский лоббизм, рынок цивилизованного лоббизма, законодательное регулирование лоббизма

Институт лоббизма в России развивается с начала рыночных реформ, но только сейчас он приобретает конкретные очертания и характеристики. Основания и традиции лоббизма были заложены в Соединенных Штатах несколько столетий назад. С течением времени американский лоббизм оформился в закреплённые законом механизмы представления интересов граждан в органах государственной власти и стал институтом гражданского общества с множеством акторов и инструментов.

В России институт лоббизма представлен посредниками, осуществляющими связь между бизнесом и властью, между обществом и властью. Таковыми являются сотрудники соответствующих департаментов крупного и среднего бизнеса, руководители предпринимательских и отраслевых ассоциаций, независимые консультанты, а также представители некоммерческих и общественных организаций. В контексте традиции цивилизованный лоббизм рассматривается как процесс коммуникации, происходящий между представителями общества и представителями власти.

Лоббисты (или представители интересов) продвигают в органах власти интересы предпринимательства и общества. Соответственно, лоббизм разделяется на предпринимательский и общественный (гражданский). Предпринимательский лоббизм более изошрен, в отличие от гражданского, так как в первую очередь предполагает экономическую выгоду. Тогда как результатом эффективного гражданского лоббизма является общественная выгода. В качестве субъектов гражданского лоббизма обычно

выступают некоммерческие организации, стремящиеся к созданию общественного блага. Таким образом, институт лоббизма в России постепенно становится полноправным участником гражданского общества.

В 2010 г. при поддержке компании «Кесарев Консалтинг», оказывающей профессиональные услуги в области взаимодействия с органами государственной власти, было проведено исследование рынка труда и услуг в сфере цивилизованного лоббизма в России. В основу анализа легли открытые данные сайтов по трудоустройству и профессиональных социальных сетей. Также были оценены примерные организационные структуры крупнейших компаний из рейтинга журналов «Финансы» и «Эксперт», а также штатный состав действующих отраслевых ассоциаций.

Результат исследования показал, что рынок труда лоббистских услуг представляет вполне конкретные цифры. Согласно полученным данным, в 2010 г. в России были заняты около 5000 человек, легально осуществляющих деятельность по связям с органами государственной власти в интересах основных крупных компаний и отраслевых ассоциаций. Оценочные затраты бизнеса на работу легальных лоббистов составляли не менее 363,4 млн долларов США в год. Стоит отметить, что это исследование уникально — ранее никто не брался за подобные поиски. Указанные цифры не включают представительские расходы, расходы на экспертную деятельность и прочие, но позволяют примерно оценить масштабы рынка цивилизованного лоббизма в России в 2010 г., — учитывая, что реальный рынок труда лоббистских услуг более значителен и, по-прежнему, частично находится в тени, а процессы взаимодействия с государственными органами требуют поиска различных методов оценки и дополнительных разносторонних исследований.

В настоящее время институт лоббизма характеризуют следующие процессы и проблемы:

1. Постоянное вмешательство со стороны государства в процессы формирования института лоббизма. Законодательное регулирование лоббизма инициирует Президент РФ, оформляя пожелания в содержании Национального плана противодействия коррупции. На сегодняшний день все попытки законодательно урегулировать лоббизм по разным причинам потерпели неудачу.
2. Функционируют в форме некоммерческих партнерств несколько конкурирующих ассоциаций специалистов по связям бизнеса и власти. Они не многочисленны, но активны.
3. Образованы при ведущих вузах Москвы и Санкт-Петербурга факультеты и специализации, обучающие основам представления интересов в органах государственной власти. Созданы студенческие и аспирантские профильные клубы. Ежегодно проходит GR-

конгресс, на котором собирается свыше 200 лоббистов. В рамках Московского экономического форума в течение четырех лет обсуждаются вопросы институционализации цивилизованного лоббизма.

4. Лоббистским сообществом инициирована и осуществляется разработка профессионального стандарта с подробным описанием субъектов и функций представителей интересов.
5. Рассматривается возможность создания саморегулируемой организации в форме добровольного реестра лоббистов с возможностью формирования профессионального сообщества, соответствующего профессиональному стандарту и нормам цивилизованного лоббизма, отрицающего коррупцию.

В перспективе формирования института лоббизма в России видится включение общественных и некоммерческих организаций в область представления интересов, следуя опыту США, где гражданский лоббизм не уступает предпринимательскому и является эффективным инструментом продвижения интересов общества в органах государственной власти.

Информация об авторе

Толмачева Ирина Васильевна, политолог, координатор секции взаимодействия власти и общества Московского экономического форума, i.v.tolmacheva@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

А. В. Федорова

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, филиал РАНХиГС, Саратов, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемы управления рисками в ситуации кризиса. Идентификация организационно-управленческих рисков остается одной из наиболее важных проблем в системе управления современными организациями. Практическими механизмами обеспечения устойчивого развития муниципальных образований в условиях кризиса становятся процессы, связанные с системным мониторингом, идентификацией, аудитом и управлением организационно-управленческими рисками.

Ключевые слова: муниципальные образования, органы местного самоуправления, динамика кризиса, инерционные практики управления, устойчивое развитие, информационный изоляционизм, современные бюрократии, системный подход к управлению рисками

Кризисные характеристики современной ситуации определяют возможности устойчивого развития муниципальных образований и обостряют социальные противоречия и конфликты. Среди основных социальных противоречий можно выделить разрыв, существующий между практиками социальных агентов в прошлом, настоящем и будущем. Основными причинами этого разрыва являются высокая степень неопределенности и рисков, связанных с деятельностью социальных агентов. Высокая неопределенность и социальные риски не позволяют интегрировать успешные практики прошлого в настоящее (кризис ипотечного, валютного кредитования, банковский кризис). Практики настоящего сконцентрированы на моменте, точке, горизонт будущего закрыт для стратегирования и прогнозирования желаемых результатов. «Сам кризис характеризуется сломом траекторий экономического и социального развития России, сопровождающимся повсеместным смятением умов, неясностью перспектив обеспечения личностного благосостояния, потерей действовавших ранее ориентиров индивидуального и социального действия» [2]. Неопределенность затрагивает сущностные характеристики практик социальных агентов, которые сравнивают реальное положение дел с прошлым состоянием, с некоей привычной нормой и диагностируют величину отклонения социально-экономических, политических и культурных показателей на личностном, групповом, организационно-управленческом, муниципальном и региональном уровнях.

Основные риски современного кризиса в России связаны с медленными темпами разворачивания кризисной ситуации, глобальными негативными последствиями, сохраняющимися инерционными организационно-управленческими практиками, информационным изобилием и аспатильностью социальных агентов. Медленная динамика современного кризиса способствует сохранению инерционных, рутинных практик управления внутренней и внешней средой организаций, особенно бюрократического типа, к которым относятся муниципальные образования. Присущая им консервативность поддерживается нормами и правилами бюрократической культуры этих организаций. Сохраняя рутинные организационно-управленческие практики, они реализуют стратегии устойчивого развития. В условиях информационного изобилия неопределенность и высокие риски деятельности муниципальных образований снижаются с помощью информационного изоляционизма: коммуникативные и управленческие практики концентрируются вокруг вышестоящих субъектов управления, их требований, интересов [3]. Создавая таким образом коридор безопасности, муниципальные образования обостряют противоречие, лежащее в основе их деятельности: с одной стороны, муниципальные образования должны способствовать реализации общественных интересов (интересов и потребностей населения), с другой — в соответствии с нормами, правилами и ценностями бюрократической культуры максимально соответствовать требованиям вышестоящих государственных организаций регионального и общероссийского уровня. Обеспечение организационно-управленческой устойчивости в таких условиях — сложная задача.

А. Д. Урсул обращает внимание на системный характер устойчивого развития и на его сохраняющий характер, т. е. изменения объекта не должны затрагивать глубинных, сущностных характеристик. Существенным недостатком такого подхода к устойчивому развитию является иллюзия инновационной безопасности [2]. Инновационная сфера — это сфера, по определению связанная с высокими рисками и неопределенностью. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно отказаться от концепта безопасности и принять концепт рисков, рискованности регионального, муниципального и организационно-управленческого управления. При этом системность приобретает новые свойства: нелинейности, открытости, непропорциональности затрачиваемых усилий и получаемых результатов, высокой риско- и конфликтогенности.

Необходимо понимать, что традиционно устойчивое развитие понимается в большей степени в рамках экологического подхода к практикам социальных агентов: «Устойчивое развитие — это управляемое, системно сбалансированное социоприродное развитие, не разрушаю-

щее окружающую природную среду и обеспечивающее выживание и безопасное неопределенно долгое существование цивилизации» [2]. В условиях кризиса такая узкая интерпретация вступает в противоречие с экономической интерпретацией на региональном уровне. Если мы обратимся к региональной концепции устойчивого развития, то увидим, что в большей степени раскрывается экономический аспект устойчивого развития региона, связанный с отдельными социально-экономическими показателями. В ситуации нарастающего кризиса наблюдаются резкий спад производства и доходов населения, рассогласованность в институциональной, социальной и административной структурах общества, перемены в общественном сознании, в традициях и привычках социальных агентов. В рамках прошедшего Гайдаровского форума озвучены цели, критерии муниципального управления и основные тренды развития в кризисной ситуации. Исходя из этих составляющих, формируются качественные показатели реализации муниципального управления и развития, вступающие по своим целевым и функциональным характеристикам в противоречие друг с другом.

Основными причинами этого явления выступают фрагментарность организационного поля («лабиринт фрагментаций») муниципального управления, проявляющийся во внутренней рассогласованности элементов управленческого контура современных организаций, реализующих практики муниципального управления и выстраивающих эффективные GR-коммуникации с органами местного самоуправления на основе интегративных стратегий [5].

В связи с этим появляется возможность изменения понимания существенных характеристик деятельности муниципальных образований как совокупности системных, нелинейно-организованных процессов управления рисками и соответствующих им субъектов рисков, принимающих и исполняющих обязательства по согласованному управлению организационным полем. Организационное поле детерминировано деятельностью организаций внешней среды по отношению к органам местного самоуправления и внутренним планом деятельности самих органов местного самоуправления.

Континуум современных организаций, сформированный, с одной стороны, практиками бюрократических организаций (муниципальных образований), а с другой — практиками организаций предпринимательского типа, позволяет системно подойти к выработке и реализации механизмов повышения качества муниципального управления. Традиционно к числу современных бюрократий относят организации государственного сектора, правительственные организации и организации, обеспечивающие и поддерживающие легитимные органы власти. К числу современных

бюрократий можно отнести муниципальные образования с присущей им бюрократической культурой, определяющей основные принципы деятельности.

Согласно концепции рациональной бюрократии, разработанной Максом Вебером, эффективная деятельность современных бюрократий базируется на четкой иерархии, закреплённой системой формализованных правил, монопольных и легитимных практиках управления; жесткой фиксированности ролевых функций, ответственности за локальный участок работы и осуществляемые функции. Описывая бюрократию в качестве идеального типа и противопоставляя западную рациональную бюрократию восточной, М. Вебер вводит различие средство/цель [8]. Восточные рациональные бюрократии в противовес западным рациональным бюрократиям становятся самоцелью в процессе реализации заданных функций. Существенным риском функционирования бюрократий становится признание социальными агентами формализованных норм и процедур и следование этим нормам и процедурам. Формализованные нормы и процедуры являются юридическими фактами на уровне организации, понимаемой в данном контексте как социальный институт и социальная группа. Остается дискутируемым вопрос о кризисных характеристиках бюрократий. В ситуации кризиса начинают действовать многоуровневые нормы и правила кризисной культуры на уровне социума, организаций, групп и отдельных индивидов.

Кризисная культура социума экстраполируется на деятельность организаций в форме легитимаций норм, правил и ценностей, встроенных в структуру социально-управленческих действий агентов повседневной жизни современных бюрократических организаций. Основные особенности формирования организационно-управленческих норм, правил и ценностей в условиях кризиса связаны с жесткой детерминированностью с вышестоящими организациями (регионального и общероссийского уровня).

У современных бюрократических организаций есть операциональные критерии выхода или результата, обеспечивающих устойчивое развитие этих организаций — стабильность и надежность: «Стабильность характеризует непрерывность входа, а надежность описывает согласованность компонент в процессе действия системы или величину ошибки» [7]. Эти критерии во многом определяются эффективностью процесса управления рисками.

Проблема идентификации организационно-управленческих рисков остается одной из наиболее важных проблем в системе управления современными организациями. Локализовать, выявить, проанализировать и систематизировать риски помогает организационно-управленческий

аудит. Аудит для современных организаций — это не только оценка, но и вмешательство в организационно-управленческие практики. Аудит, выступая в роли одного из механизмов формирования и поддержания правовой культуры на уровне отдельной организации, предъявляет требования к социальным агентам по признанию и исполнению свидетельств аудита. В этом случае мы можем столкнуться с рисками неисполнения предписаний аудита. Организационно-управленческие риски — это интегративный механизм обеспечения устойчивого развития различных организационных форм, объединяющий понимание рисков как ситуации, процесса и социального действия. Риск, рассматриваемый как ситуация, представляет систему взаимодействующих источников, причин, условий, факторов, субъектов, объектов, видов риска, а также уровень и степень риска. Риск, описываемый как процесс, — это совокупность взаимосвязанных социальных действий агентов социальной жизни, имеющий в качестве целей и результатов «ренту от ситуации» или «прибыль ранга», либо проигрыш, ущерб и потери. Риск, анализируемый как социальное действие, представляет разновидность целеориентированных социальных действий социальных агентов, осуществляемых в логике «действия–последствия» и приводящих либо к негативным последствиям, либо предоставляющим возможности для последующей деятельности в условиях высокой неопределенности.

Основа для процесса управления рисками в современных организациях — интегративная стратегия для агентов организационной жизни. Процесс ее разработки отличается трудоемкостью, а в некоторых обстоятельствах и невозможностью, в случае использования только внутренних источников организации. Обычно в организации предварительно не определяется номенклатура задач по управлению рисками, отсутствует и проект, который определял бы цели, задачи, стратегии, мероприятия и результаты по процессу управления рисками. Управление рисками, выступая в роли интегративной стратегии современных организаций, приводит к усложнению функций руководителя. Процесс управления рисками в организации позволяет иначе осмыслить процесс управления в муниципальных образованиях, поскольку является системно-интегративным процессом, т. е. его целью является объединение отдельных элементов процесса управления в целостную систему [4].

В качестве методологического инструментария для инновационных разработок в муниципальных образованиях выступает системный подход к деятельности и управлению рисками. Системный анализ обязывает к определенной дисциплине мышления: «По существу системный подход для проектировщика является средством анализа для одновременного выявления и определения большого количества процессов и компонен-

тов, а также взаимосвязей, образующих данную систему. Другими словами, системный подход дает возможность проектировщику удерживать целое, когда он анализирует части целого» [6].

Таким образом, кризисность современной ситуации обостряет многочисленные противоречия и конфликты, присущие деятельности муниципальных образований. К числу таких противоречий можно отнести как социально-экономические противоречия, обуславливающие кризис, так и организационно-управленческие противоречия. Организационно-управленческие противоречия вызваны деятельностью муниципальных образований, нормами и правилами, а также ценностями бюрократической культуры. Бюрократическая культура, с одной стороны, способствует устойчивому организационному развитию и управлению с помощью концептов надежности и эффективности, а с другой — укрепляет консервативно-инерционные практики агентов, вносит рассогласованность во взаимодействия муниципальных образований и населения, муниципальных образований и вышестоящих (по иерархии) органов власти. Практическими механизмами обеспечения устойчивого развития муниципальных образований в условиях кризиса становятся процессы, связанные с системным мониторингом, идентификацией, аудитом и управлением организационно-управленческими рисками. Рискологическая экспертиза способна стать основой для выстраивания интегративной стратегии управления и устойчивого развития муниципальными образованиями в современных условиях.

Список литературы

1. *Бабурин С. Н., Мунтян М. А., Урсул А. Д.* Глобализация в перспективе устойчивого развития. М. : Магистр, 2011.
2. *Здравомыслов А. Г.* Социология российского кризиса. М. : Наука, 1999.
3. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
4. *Федорова А. В.* Исследование современных организаций: теоретические основания и методологические установки // Вестник ПАГС. 2014. № 3(42). С. 108—116.
5. *Федорова А. В.* Современные системы управления. Lap Lambert Academic Publishing, 2014.
6. *Хорольцева Е. Б., Федорова А. В.* Исследования систем управления: методологический аспект // Вестник ПАГС. 2013. № 2. С. 110—117.
7. *Янг С.* Системное управление организацией. М. : Советское радио, 1972.
8. *Lockwood D.* Some remarks on «The Social System» // The British Journal of Sociology. Vol. VII. 2 June 1956.

Информация об авторе

Федорова Анна Валерьевна, региональный представитель Московской школы конфликтологии, к. ф. н., доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления им. П. А. Столыпина — филиала РАНХиГС, Саратов, Россия, anna_fedorova_76@list.ru

ВЗАИМОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ПОЛИЦИЕЙ И ПУТИ ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ

О. В. Филимонов

Академия управления МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Речь идет о проблеме доверия со стороны общества к деятельности правоохранительных органов. Начиная с 2008 г., по заказу МВД России, проводится исследование общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Представлены результаты опросов за 2013—2015 гг. Инерционность взаимодействия государства (органов внутренних дел) и общества может быть преодолена модернизацией и внедрением инновационных технологий.

Ключевые слова: органы внутренних дел, правоохранительные структуры, открытость деятельности полиции, мониторинг общественного мнения, общественное доверие

В современных условиях турбулентности внутри- и межгосударственных процессов для российской полиции актуальной становится новая модель реализации возложенной на нее правоохранительной функции. Она основана на соучастии гражданского общества в удовлетворении своих потребностей (интересов) в социальной безопасности. В частности, основными (и апробированными) направлениями ее запуска являются получение органами внутренних дел Российской Федерации достоверной информации о происходящих внеорганизационных процессах и предоставление общественности актуальной информации о состоянии дел в правоохранительной сфере.

Как было отмечено в приказе министра внутренних дел России, «... органы внутренних дел не уделяют должного внимания проведению социологических исследований, в результате чего при выработке управленческих решений не учитывается в надлежащей мере реакция общества на действия <полиции> по предупреждению и пресечению преступлений и правонарушений» [5]. Это замечание было учтено при разработке Федерального закона «О полиции», где в качестве одного из принципов ее деятельности (*открытость и публичность*) было определено, что «... деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации ...» [7]. И далее: «... федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел (*должен проводить*) постоянный мони-

торинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества. Результаты указанного мониторинга регулярно доводятся до сведения государственных и муниципальных органов, граждан через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет» [7].

В целях реализации данной нормы, начиная с 2008 г., по заказу МВД России проводится исследование общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Исполнителями заказа поочередно были известные исследовательские организации: ВЦИОМ (2008 г.), ФОМ (2009—2014 гг.) и РГСУ (2015 г.). Фактически была реализована концепция государственно-частного партнерства: МВД разработало инструментарий исследования и определило основные параметры интерпретационного содержания итогового отчета, а независимые исследовательские организации (в интересах исключения обвинения МВД России со стороны общественности в искажении полученных результатов) собирали и предварительно анализировали полученные данные. Результаты опросов показывают хоть и незначительный, но рост положительных оценок деятельности полиции и доверия к ней.

**Таблица 1. Распределение ответов на вопрос:
«Чьи интересы, по Вашему мнению,
в наибольшей степени сегодня защищает полиция?»
(закрытый вопрос, один ответ)*, %**

Варианты ответов	13.10.2013	02.11.2015
Каждого гражданина в равной степени	22	24
Отдельных групп и слоев населения	27	34
Собственные	25	19
Правящих кругов	16	15
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить	8	7
Итого	99	100

* Источник данных в табл. 1—3: база результатов опросов россиян «Архивариус» [4].

**Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы в целом оцениваете работу полиции в нашем регионе?»
(закрытый вопрос, один ответ), %**

Варианты ответов	13.10.2013	01.11.2015
Очень хорошо	3	2
Хорошо	18	23
Средне	52	46
Плохо	18	15
Очень плохо	3	5
Затруднился ответить	6	9
Итого	100	100

**Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«Доверяете ли Вы сотрудникам полиции нашего региона или нет?»
(закрытый вопрос, один ответ), %**

Варианты ответов	13.10.2013	01.11.2015
Определенно доверяю	7	14
Скорее доверяю	39	32
Скорее не доверяю	34	23
Определенно не доверяю	11	23
Затруднился ответить	9	8
Итого	100	100

Однако общий уровень оценок не позволяет быть ими удовлетворенными. И резерв их улучшения, на наш взгляд, кроется в использовании нового (по сравнению с традиционными практиками) взаимобмена информацией полиции с обществом. Как отметили В. Коробов и Н. Андреев, «...в современных условиях развития общественных отношений и формирования желаемой системы безопасности общества... возрастает потребность в построении актуальной системы коммуникаций, в обоснованных и апробированных технологиях общения с обществом... От того, как будут выстраиваться взаимоотношения правоохранительных структур

с населением, зависит успех развития общественных отношений в правоохранительной сфере...» [1].

Нормативной базой новых взаимоотношений является программа «Информационное общество (2011—2020 гг.)», принятая в 2014 г. В паспорте подпрограммы 4 «Информационное государство» [4] сказано, что ее целью является «...повышение уровня взаимодействия граждан, организаций и государства на основе информационных и телекоммуникационных технологий», а одной из задач — «...развитие сервисов на основе информационных технологий для упрощения процедур взаимодействия и коммуникации общества и государства». Но, как отмечено в Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти [6], «...сформировать информационное общество невозможно силами одних только органов государственной власти, а также исключительно путем создания информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, развивая соответствующие сервисы в различных областях общественной жизни». Такое общество может развиваться более поступательно только в том случае, когда (если) будет обеспечено интерактивное взаимодействие государства и гражданского общества. И граждане должны активно участвовать в реализации принципов открытости в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Инерционность взаимодействия государства (органов внутренних дел) и общества может быть преодолена модернизацией и внедрением информационных технологий. При активном участии общественности (в лице Общественных советов при ОВД) проекты интерактивного взаимодействия полиции и граждан проходят апробацию в ряде регионов России. Так, в Саратове, на основе поступающей от граждан информации (по телефону доверия Совета, на личном приеме в Общественной приемной, во время встреч с жителями и т. п.), на интерактивную карту города, созданную в Интернете на базе поисковой системы Google, общественники наносят так называемые точки криминальной активности [3].

В результате апробирования и внедрения новых практик сотрудничества органы внутренних дел (полиция) смогут получить значительно больший объем информации по правоохранительной проблематике; населению же, в свою очередь, будут более понятны действия правоохранителей, которые могут быть даже жесткими, но оправданными потребностью решения проблем борьбы с преступностью.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что эффективная реализация принципа повышения общественного доверия и поддержки граждан может быть осуществлена только в условиях реальной открытости деятельности полиции, в том числе через интерактивные формы отношений.

Список литературы

1. Андреев Н. А., Коробов В. Б. Коммуникация в правоохранительной сфере: сущность и классификация // Труды академии управления МВД России. 2014. № 3.
2. База результатов опросов россиян «Архивариус». ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения) 10.02.2016).
3. Главное управление МВД России по Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://64.mvd.ru/news/item/2872962> (дата обращения: 16.11.2015).
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 гг.)». Постановление Правительства Российской Федерации № 313 от 15.04.2014.
5. Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009—2014 гг. Приказ Министра внутренних дел Российской Федерации № 1 от 01.01.2009.
6. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 93-р от 30.01.2014.
7. О полиции. Федеральный закон № 3 от 02.07.2011.

Информация об авторе

Филимонов Олег Викторович, д. с. н., доцент, профессор кафедры теории и социологии управления органами внутренних дел Академии управления МВД России, Москва, Россия, ofilimonov@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Т. В. Черняк

Сибирский институт управления, филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

Аннотация. Просвещение — основной способ формирования антикоррупционной компетентности государственных гражданских служащих. В Сибирском институте управления с 2013 по 2015 гг. введена программа «Функции подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений». Данные опроса специалистов кадровых служб и государственных служащих, обучавшихся по программе, говорят об эффективности процесса формирования антикоррупционной компетентности государственных служащих как фактора противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная компетентность, государственные служащие, антикоррупционное просвещение, компетентный подход, профилактика коррупционных правонарушений

В Российской Федерации продолжается сложный процесс становления института государственной службы и одновременно разрабатывается антикоррупционное законодательство. В соответствии со ст. 3 Федерального закона о системе государственной службы, одним из основных принципов построения и функционирования системы государственной службы является принцип профессионализма и компетентности государственных служащих. Как отмечают Е. И. Кудрявцева и И. Н. Макалатия, в 2006 г. в Великобритании был утвержден Кодекс гражданской службы, «определивший в качестве основных ценностей деятельности чиновников всех уровней целостность, честность, объективность и беспристрастность, что позволяет ввести в модель компетенций еще одно — аксиологическое — измерение» [1]. В зарубежной практике ряд компетенций государственных служащих, отнесенных отечественными исследователями к антикоррупционным, входит в состав профессиональных компетенций. Острота проблемы и масштабы коррупции в нашей стране заставляют акцентировать внимание на формировании и развитии антикоррупционной компетентности государственных служащих для противодействия коррупции и борьбы с ней. Понятие «антикоррупционная компетентность государственных гражданских служащих» крайне редко используется исследователями по сравнению с понятием

«профессиональная компетентность». Так, В. А. Печенкин считает, что «антикоррупционная компетентность — это индивидуальная интегративная характеристика степени соответствия требованиям профессии в области правоприменительной практики, системное социально-психологическое качество субъекта профессиональной деятельности, которое определяется специальными знаниями, умениями рационально организовать профессиональную деятельность, актуализированными практическими навыками, необходимыми сотруднику государственной гражданской службы для принятия и реализации корректного правового решения в условиях коррупционных рисков, коррупционного давления» [2].

Образование или просвещение являются основными способами формирования антикоррупционной компетентности. Так, с точки зрения совокупности знаний в составе антикоррупционной компетентности, государственный служащий должен обладать не только знанием законов о государственной службе и антикоррупционного законодательства, но и антикоррупционным правосознанием: должен знать права, обязанности, ограничения, запреты, нормы и стандарты этики служебного поведения, а также уметь профессионально и грамотно давать оценку, выражать свое мнение или суждение, культивировать общепринятые нормы в обществе, рационально организовывать профессиональную деятельность, прогнозировать возможные риски возникновения конфликта интересов и принимать меры по его урегулированию, принимать и реализовывать корректные правовые решения в условиях коррупционных рисков и коррупционного давления, разрешать проблемы, споры, возникающие в экономической, социально-культурной, административно-политической сферах.

В этой работе необходимо использовать потенциал кадровых служб государственных органов как субъекта реализации государственной антикоррупционной политики с их обязательной подготовкой в системе дополнительного профессионального образования. В Сибирском институте управления с 2013 по 2015 гг. по программе «Функции подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений» обучили 463 руководителя и специалиста кадровых служб субъектов Сибирского федерального округа. Обучение строится на основе компетентностного подхода, что предполагает определение набора и уровня выраженности компетенций, необходимых служащему для эффективной работы на той или иной позиции, с их последующим разложением на требуемые ему знания, умения, навыки, дополненные определенным сочетанием личностных качеств и ценностных установок. В ходе обучения служащие участвуют в исследованиях по выявлению проблем коррупции, что способствует

осознанию сложности борьбы с ней и повышению антикоррупционной компетентности. В течение 2013—2015 гг. в опросе приняли участие 459 специалистов кадровых служб и государственных служащих. На вопрос «Является ли коррупция опасным явлением для интересов государства и общества (граждан)?» 87 % респондентов отвечали «Несомненно». Оценивая опасность коррупции для государства и общества, служащие дали следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1. **Оценка опасности коррупции государственными служащими**

№ п. п.	Параметры выбора	Общий контекст	Специалисты кадровых служб	Государственные служащие
1	Подрывает конкурентоспособность страны	24%	15%	42%
2	Подрывает престиж страны	28%	20%	44%
3	Препятствует инновационному развитию страны	24%	15%	42%
4	Приводит к ухудшению благосостояния граждан	35%	22%	61%
5	Снижает качество жизни граждан	31%	18%	60%
6	Приводит к снижению нравственности в обществе	37%	25%	61%
7	Подрывает доверие к власти	49%	32%	84%
8	Подрывает устои государства	24%	16%	40%

Как мы видим, в группе специалистов кадровых служб оценки всех параметров опасности коррупции являются менее острыми (от 49% до 24%), чем в группе госслужащих (от 80% до 40%), но важно то, что именно подрыв доверия к власти все респонденты отмечают как главную опасность коррупции, так как они являются представителями власти во мнении населения.

Ниже приведена оценка механизмов формирования антикоррупционного поведения и антикоррупционной устойчивости государственных служащих (табл. 2).

Таблица 2. **Оценка механизмов формирования антикоррупционного поведения и антикоррупционной устойчивости**

№ п. п.	Параметры выбора	Общий контекст	Специалисты кадровых служб	Государственные служащие
1	Проведение антикоррупционного просвещения при обучении в школе	39 %	32 %	53 %
2	Информирование об успешном опыте борьбы с коррупцией в зарубежных странах	24 %	22 %	26 %
3	Введение учебной дисциплины «Противодействие коррупции» в вузах	35 %	30 %	44 %
4	Создание атмосферы нетерпимости к взяточнику в коллективе	40 %	32 %	56 %

Наиболее действенной мерой госслужащие считают создание атмосферы нетерпимости к взяточнику в коллективе, что говорит о понимании этических ограничений и нравственных ценностей как основного механизма формирования антикоррупционного поведения и антикоррупционной устойчивости. При обучении госслужащих используются деловые и ролевые игры, кейс-стади, что позволяет формировать навыки антикоррупционного поведения и антикоррупционной устойчивости [3]. По итогам обучения служащие дают оценку качеству обучения. В 2014—2015 гг. повышение уровня знаний отметило 85 % слушателей с 6,2 до 8,5 баллов; уровень знаний до обучения по курсу был 6,6 баллов, а после обучения по курсу — 8,7; возможность практического применения знаний получила 9,1 (по 10-балльной шкале). Все эти данные говорят об эффективности процесса формирования антикоррупционной компетентности государственных служащих как фактора противодействия коррупции, что позволит ожидать снижения количества нарушений законодательства в сфере государственной службы Сибирского федерального округа.

Список литературы

1. Кудрявцева Е. И., Макалатия И. Н. Компетенции государственного гражданского служащего как исследовательская проблема // Настоящее и будущее социальных технологий : Материалы VIII международной конференции. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2011.
2. Печенкин В. А. Формирование антикоррупционной компетентности государственных служащих : автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2012.

3. *Черняк Т. В.* Методы активного обучения государственных гражданских служащих как способ формирования профессиональных компетенций: использование зарубежного и отечественного опыта в СибАГС // Подготовка кадров для государственной и муниципальной службы в условиях реформ: диалог власти, науки и образования: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 23—25 апреля 2009 г. Новосибирск, 2010. С. 352—356.

Информация об авторе

Черняк Татьяна Владимировна, к. с. н., доцент кафедры управления персоналом Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск, Россия, tatyanchernyak@yandex.ru

04. Социология и власть. СЕССИЯ 2.
Социологическое сопровождение стратегического
государственного планирования. Стратегия 2030

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ БУДУЩИМ И ВОЗМОЖНОСТЬ
ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ:
ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Д. К. Абакаров

Брянский филиал РАНХиГС, Брянск, Россия

Аннотация. Эффективность управления во многом зависит от теоретического осмысления будущего. Необходимо внедрение опережающего профессионального образования государственных служащих, что позволит им ориентироваться в новых условиях, быстро определять новые связи в стремительно меняющейся действительности и распознавать модели будущих событий.

Ключевые слова: управление будущим, государственное управление, управленческий потенциал, государственные служащие, сценарное прогнозирование

В последнее время активное развитие получила концепция управления будущим, имеющая возможности применения в государственном управлении. В теоретических построениях ряда ученых будущее представляется важным фактором, определяющим динамику развития современного общества. Концепт управления будущим складывается под воздействием трудов Тоффлера [5], С. Хантингтона, Ф. Фукуямы, Д. Медоуза.

О возможности применения этой концепции в сфере государственного управления пишут и отечественные авторы: В. Карпичев [1], В. Романов [4] и А. Турчинов [6], академик Н. Моисеев, исследователи академических институтов В. Буданов, Г. Малинецкий и академик С. Глазьев. В трудах их научных школ проводится мысль о том, что эффективность управления, в первую очередь, зависит от теоретического осмысления будущего. Однако в реальности государственное управление во многом строится на основе ситуативного управления, по принципу «решаем проблемы по мере их поступления», что не позволяет заглянуть за дальние горизонты развития, т. е. в будущее, которое бросает вызов всей системе социального управления, ставя ее перед нарастающим потоком перемен.

Человек не может эффективно адаптироваться к переменам, поскольку существует предел нового, который человек или социальная группа могут освоить [5]. Налицо проблема отставания темпов развития адаптационных способностей индивидов от темпов инновационных преобразований среды. И если применительно к частному лицу это пока неизбежно, то в случае с государственными служащими — неприемлемо: они агенты государственной власти, от решений, анализа и прогнозов которых зависит будущее больших социальных общностей [4].

Что же мы видим на деле? Чиновники стремятся к упрощению, «введению ситуации в рамки», отказу от рисков, объясняемому как «стремление к социальной стабильности». С одной стороны, стабильность необходима для выживания социальной системы, с другой — для обеспечения долгосрочного и стратегического развития данной системы необходим элемент риска, позитивный результат которого проявится только в будущем [6]. Но для этого все управляющие структуры должны уметь управлять будущим и из будущего. Оно закрыто лишь отчасти, поскольку его можно предугадать. В недавней российской истории есть факты и примеры удачного предвидения будущего. Чем разнообразнее современная управленческая система, чем больше она учитывает его неоднозначность, тем больше проявляется ее склонность к многовариантному будущему. Мышление, ориентированное на него, включает изучение всех возможностей будущего развития и альтернативных перспектив. Оно ориентирует нас не только на желаемое, но и на достижимое; нам необходимо отказаться от попыток достигнуть невозможного. Человек должен понимать горизонт своего видения будущего, развивать в себе целостное мышление [2].

Одной из основных проблем на пути совершенствования государственного управления является то, что все иницилируемые властью преобразования и мероприятия рассчитаны на идеальный кадровый состав, однако практика показывает, что он далек от идеала [6]. И даже благие намерения власти хромают на уровне реализации, представляющем зону ответственности государственных служащих, которые действуют на основании должностных регламентов. Регламенты не учитывают специфику конкретной должности и содержат размытые требования к уровню профессионального образования и квалификации, знаниям и умениям индивида даже для надлежащего выполнения им повседневных должностных обязанностей, не говоря уже о сложном анализе альтернатив и сценарном прогнозировании.

В период мощных социальных трансформаций наиболее устойчивыми становятся люди, способные к самоорганизации. Это относится и к работникам аппарата управления. Знания, которые государственные служащие

получают в учебных заведениях, какое-то время, по мысли профессора В. Л. Романова, результативно поддерживают их, но, к сожалению, затем оказываются недостаточными, поскольку устаревают [4]. На очередную переподготовку сотрудник может попасть минимум через три года. Поэтому путь к устойчивости в непрерывно и непредсказуемо изменяющейся среде лежит через самообразование, в первую очередь инновационное, и — что самое важное — опережающее. Чем разнообразнее и глубже знания и умения, тем точнее выбор решения и успешнее его осуществление в условиях полной неопределенности. Поэтому необходимо реальное, а не декларативное внедрение опережающего образования, базирующееся на реальном анализе будущего [1]. Оно может применяться на практике в разных аспектах: страховании, хеджировании, анализе альтернатив развития страны, регионов и муниципалитетов, сценарном прогнозировании, долгосрочном и стратегическом планировании, в подготовке инновационно-ориентированных государственных служащих, которые готовят себя и свою организацию к совершенно новым задачам, учатся искать выход из неожиданных и незнакомых ситуаций.

Главным в успешном профессиональном обучении может стать развитие профессионального управленческого потенциала. Многолетние исследования социологов РАНХиГС показывают, что этот потенциал имеется, но реализуется слабо или вовсе остается невостребованным. Служащий должен ориентироваться в новых условиях и быстро определять новые связи в стремительно меняющейся действительности. И чем выше скорость перемен, тем больше внимания необходимо уделить распознаванию модели будущих событий [5].

Вызов сложности современного социального мира налицо: будущее активно вторгается в настоящее и требует адекватного управленческого ответа. Чиновники разных рангов, и в первую очередь руководители, обязаны опережать других людей в видении стоящих перед ними проблем, способов и технологий их решения. Они должны раньше всех прогнозировать риски, опасности и потери, тем самым опережая время и беря ответственность на себя. Государственный служащий призван быть не олицетворенной функцией, а реальным лидером в системе государственного управления, лидером перемен, которые заставляют настоящее работать на будущее.

Список литературы

1. Карпичев В. С. Основания инновационного прорыва в государственном управлении. М. : Проспект, 2008.
2. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. Цит. по [1].

3. Оценка и профессиональное развитие государственных служащих: Монография / под общ. ред. А. И. Турчинова. М. : Изд-во РАГС, 2009. С. 14—15. Цит. по[6].
4. Романов В. Л. Социально-инновационный вызов государственному управлению. М., 2006.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001. Цит. по [1].
6. Турчинов А. И. Социальный потенциал модернизации России. М. : РАГС, 2010.
7. *Неприкосновенный запас*. 2006. № 3(47).
8. *Habermas J. Ein avantgardischer Spursinn fur Relevanzen. Was den Intellektuellen auszeichnet [Электронный ресурс] // Blatter fur deutsche und international Politik. 2006. Bd. 5. S. 550—557. Цит. по [6]. URL: http://russiaru.net/y_i_p/status/2340d00000645 (дата обращения: 28.02.2016).*

Информация об авторе

Абакаров Дмитрий Казбекович, к. с. н., заместитель заведующего кафедрой менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Брянск, Москва, dimaasp@mail.ru

МОДЕЛЬ ДИАГНОСТИКИ СКРЫТОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

Н. С. Бабич

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемы коммуникации в социальных системах. Описана общая модель коммуникативной ошибки, приводящей к постановке неадекватных целей при стратегическом политическом планировании. Применение модели диагностики скрытой повестки дня для анализа данных проекта «Электоральная панель ВЦИОМ 2011—2012» свидетельствует о работоспособности этой модели.

Ключевые слова: стратегическое политическое планирование, скрытая повестка дня, коммуникативная ошибка, общественное мнение, социальный консенсус

Стратегическое политическое планирование невозможно без четкого определения желаемых целей и лежащих в их основе ценностей. Но любая коммуникация в социальных системах не совершенна, и потому она может приводить к постановке неадекватных целей даже в том случае, когда они, казалось бы, основаны на прямом удовлетворении ясно высказываемых интересов большинства населения. В таких случаях можно говорить о некоторой скрытой повестке дня, не диагностируемой ясно социологическими средствами, но существующей в обществе и оказывающей влияние на восприятие государственной политики. Общая модель коммуникативной ошибки может быть (весьма приблизительно) описана следующим образом:

$$P_i(O) = P_s(O),$$

$$P_s(O) = \Sigma(P_{i...N}(O))/N + W \times (K - \Sigma(P_{i...N}(O))/N),$$

где $P_i(O)$ — вероятность высказывания в ходе опроса индивидом i мнения O ,

$P_s(O)$ — оцениваемая индивидом социальная частота мнения O ,

N — численность социального окружения индивида,

K — коммуникативный компонент, представляющий в жизненном мире индивида «большое общество», лежащее за пределами непосредственного социального окружения (традиционно проявляющееся в СМИ, но в последнее время и в виртуальных социальных сетях),

W — субъективно оцениваемая индивидом важность собственного соответствия требованиям «большого общества».

Если K соответствует социальному окружению индивида, система оказывается в гомеостазе, и вероятность публичной поддержки определенной позиции не отклоняется от истинной распространенности этой позиции в обществе. Однако, если K существенно отличается от непосредственного социального окружения, возникает напряжение, толкающее систему к равновесию. Тогда высказываемое индивидами мнение начинает испытывать давление, которое оказывается тем больше, чем большее количество индивидов уже ему поддались (совместно с давлением K начинает работать давление $\Sigma(P_{i...N}(O))$ — непосредственного социального окружения). Очевидно, если транслируемая средствами массовой информации позиция изначально не совпадает с распространенными в обществе предпочтениями, может происходить их массовая фальсификация — видя, что все вокруг высказывают одно и то же мнение, респонденты в массовых опросах будут придерживаться этого воспринимаемого социального консенсуса, не подозревая о его ложности.

На этом фоне возникает фундаментальный для социологии общественного мнения вопрос о том, каким образом можно обнаружить скрытую повестку дня, разделяемую значительной частью населения, но не проявляющуюся в форме видимого консенсуса. Описанная выше формула позволяет предложить один из возможных механизмов такого обнаружения, основанный на достаточно простых и реалистичных допущениях.

Второе слагаемое в формуле вероятности $P_S(O)$ может обращаться в ноль в двух случаях. Если $K - \Sigma(P_{i...N}(O)) = 0$ или если $W = 0$. Та подгруппа респондентов, в которой выражение $W \times (K - \Sigma(P_{i...N}(O)))$ обращается в ноль, демонстрирует некоторое подобие популяции без фальсификации предпочтений. И эта же группа отличается от остальных респондентов тем, что для нее когнитивная задача по определению $P_S(O)$ становится проще. Можно предположить, что одним из непосредственных результатов повышенной когнитивной сложности будет наблюдаемая сниженная согласованность оценок, даваемых по разным вопросам. Данная гипотеза следует из чисто статистических соображений. Очевидно, что корреляция между двумя переменными при прочих равных условиях будет сильнее, когда между ними имеется прямая причинно-следственная связь, чем когда добавляется опосредующая переменная, создающая «шум». Таким образом, если наша гипотеза верна, извлечение из массива данных подвыборки респондентов, на которой наблюдаются наиболее сильные корреляции, приведет к получению популяции, демонстрирующей распределение мнений, более соответствующее скрытой повестке дня, по сравнению с общей выборкой.

Такой анализ был проведен на данных проекта «Электоральная панель ВЦИОМ 2011—2012» (<http://politpanel.wciom.ru/>), проводившегося

в 7 волн (с октября 2011 г. по март 2012 г.). Анкета каждой волны исследования содержала стандартный вопрос, на который можно было дать не более 7 ответов: «Какие из нижеперечисленных проблем вы считаете наиболее важными для страны в целом?» На демонстрировавшейся респонденту карточке перечислялись 20 проблем, одинаковых для всех волн.

То, что каждый респондент отвечал на вопрос о социальных проблемах семь раз в течение полугода, дает уникальную возможность построить для каждой проблемы шкалу важности, эквивалентную частоте упоминания. Можно ожидать, что переменные, полученные на основе такого рода метрических шкал, будут давать достаточно высокие корреляции. Однако в реальности статистическая связь между шкалами важности проблем оказывается низкой. Например, корреляция Пирсона у озабоченности алкоголизмом и наркоманией с озабоченностью преступностью составляет всего 0,181, а с беспокойством по поводу морали и нравственности — в 2 раза меньше, достигая всего 0,099.

Иными словами, если какие-то респонденты регулярно называют преступность в качестве социальной проблемы, они оказываются ненамного выше среднего озабочены алкоголизмом, наркоманией и состоянием морали и нравственности. Это странное отсутствие корреляции можно рассматривать как следствие высокой когнитивной сложности задачи по высказыванию своего мнения, решаемой значительной частью респондентов, т. е. косвенное свидетельство наличия скрытой повестки дня. Мы попробовали идентифицировать ее для двух аспектов, в которых она, как теперь известно, должна была существовать в момент исследования. Первый из них относится к готовности участвовать в протестах. Третья волна опроса проходила перед выборами в Государственную Думу 2011 г., после которых последовали массовые выступления в крупных городах. Мы рассчитывали долю тех, кто оценивал вероятность своего участия в массовых протестах как среднюю или выше по 10-балльной шкале (вопрос 12 волны 3, пункты шкалы 5—10). Таких в общей выборке оказалось 17 %. Второй аспект, наоборот, связан с лавинообразным ростом поддержки В. Путина после присоединения Крыма, ростом, который показывает, что среди населения существовал мощный запрос на активные геополитические шаги. Для его измерения использовался вопрос 45 из пятой волны, предшествовавшей выборам президента: «Кандидата, выдвигающего какие лозунги, Вы бы поддержали в первую очередь?». В качестве условного маркера сторонников активной геополитики мы интерпретировали ответ «Россия должна снова стать великой державой, империей, объединяющей разные народы». Его выбрали 22 % респондентов.

Для выделения подвыборки с повышенными корреляциями были использованы шкалы озабоченности следующими социальными проблемами: преступность, алкоголизм и наркомания, безработица, задержка заработной платы. Для них рассчитывали, соответственно, 6 коэффициентов парной корреляции Пирсона. Эти коэффициенты повышались с помощью взвешивания по следующему итеративному алгоритму: 1) случайным образом выделялась группа респондентов от 1 до 3; 2) этим респондентам присваивался вес 0; 3) рассчитывались коэффициенты корреляции в полученной таким образом новой выборке; 4) если коэффициенты корреляции оказывались выше, чем в предыдущем варианте выборки, у респондентов оставался вес 0. В противном случае им возвращался вес 1; 5) цикл повторялся.

В результате было обнаружено, что при сокращении выборки до 500 человек с исходных 1787 и повышении корреляций между шкалами важности проблем до 0,4—0,5, доля респондентов, выражающих готовность участвовать в социальных протестах, может увеличиваться на 10%, а доля тех, кто поддерживает активную геополитику — на 15%. Данный результат подтверждает выдвинутые гипотезы и свидетельствует о работоспособности модели диагностики скрытой повестки дня.

Информация об авторе

Бабич Николай Сергеевич, к. с. н., научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, sociolog@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ-2030 В ЧАСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Г. А. Борщевский

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Результаты социологических исследований последних лет, посвященных проблемам функционирования и развития государственной службы в России, учтены при разработке Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на перспективу до 2030 г. В ней в качестве приоритетов развития государственной службы предусмотрены меры, реализация которых позволит преодолеть закрытость института государственной службы, низкий уровень доверия общества к представителям государственной власти, слабость кадрового потенциала отдельных регионов и муниципальных образований, разобщенность норм и требований к должностям разных видов и уровней государственной и муниципальной службы.

Ключевые слова: стратегическое планирование, социально-экономическое развитие, государственное управление, государственная служба, кадровый потенциал

Разрабатываемая Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации на перспективу до 2030 г. (далее — Стратегия-2030) является документом государственного стратегического планирования, призванным заложить приоритеты национального развития на полтора десятилетия вперед. Решение столь масштабной задачи является сложным и ответственным делом, требующим привлечения лучших экспертных и научных кадров и качественного методологического сопровождения. Применение методов социологических исследований позволяет обеспечить соответствие документа общественным ожиданиям, учесть в нем актуальные проблемы российского социума и ориентировать на их разрешение.

Один из блоков Стратегии-2030 посвящен совершенствованию государственного управления и, конкретно, государственной службы. Введение данного раздела связано с тем, что система государственного управления долгое время остается в нашей стране слабым звеном, блокирующим изменения в других сферах социально-экономического развития. Разработке предложений, направленных на формирование новых организационно-правовых рамок государственной службы, предше-

ствовал вторичный анализ материалов социологических исследований, посвященных данной теме, которые проводились на протяжении ряда лет экспертными коллективами ведущих организаций (ВЦИОМ, ФОМ, РАНХиГС, НИУ ВШЭ). Исследования проводились в форме массовых и экспертных опросов методами анкетирования, фокус-групп, глубинных интервью. Их результаты демонстрируют изменения в общественном восприятии государственной службы, а также в коллективном социально-психологическом портрете государственных служащих. Знание этих особенностей позволило учесть реальное положение дел в системе государственной службы при подготовке Стратегии.

Из всего массива информации, полученной социологическими методами, выделим несколько ключевых, на наш взгляд, тенденций.

Во-первых, проблемы функционирования и развития гражданской службы в полной мере сопряжены с современными процессами в государстве и обществе.

Данные опросов Фонда «Общественное мнение» в субъектах РФ свидетельствуют о том, что более половины опрошенных граждан негативно оценивают деятельность госслужащих [8].

В ходе фокус-групповых исследований факторами, тормозящими формирование профессиональных компетенций гражданских служащих, названы навязывание нововведений сверху, отсутствие контакта с населением, использование должностного положения в корыстных целях [9].

Во-вторых, острота проблемы повышения уровня профессионализма государственных гражданских служащих сохраняет свою актуальность, наряду с развитием сферы их мотивации к прохождению службы.

При поступлении на службу для большинства опрошенных государственных служащих значимыми были преимущественно соображения стабильности. Многих респондентов привлекла оплата труда госслужащих, а также льготы и компенсации. Таким образом, приходя на гражданскую службу, люди склонны более руководствоваться прагматическими мотивами, нежели желанием профессионально развиваться и приносить пользу. Полученные данные демонстрируют факт притягательности гражданской службы для людей, более ориентированных на стабильную занятость, чем на реализацию постоянного потенциала [6].

Важно констатировать следующий факт. Несмотря на то, что российское законодательство отличает государственную службу от иных видов профессиональной деятельности и говорит о госслужащих как об особой социально-профессиональной группе, сами госслужащие склонны рассматривать свою деятельность как обычную работу, направленную на получение заработка, а не на реализацию власти или улучшение жизни общества [5].

В-третьих, насущным является повышение обязательности и открытости оценочных процедур и вовлеченности в них всех категорий и групп гражданских служащих. Одной из основных проблем государственной кадровой политики является нормативное закрепление требований к конкретным группам должностей и определение требуемого для каждой из них уровня профессионализма.

Учеными РАНХиГС при Президенте РФ выяснено, что только половина опрошенных ими специалистов кадровых служб федеральных государственных органов имеет достаточно высокий уровень профессиональной подготовки. Более 70 % госслужащих субъектов РФ отметили, что кадровые службы не справляются или не совсем успешно справляются с задачей по отбору и оценке кадров [4].

Среди причин неудовлетворенности своей работой у госслужащих первое место занимают материальные мотивы. Треть опрошенных не удовлетворены, кроме того, низкой общественной оценкой деятельности государственного гражданского служащего. Достаточно консолидированно участники опроса отметили отсутствие критериев оценки результатов их деятельности со стороны руководителей (26,8 %) [2]. Пятая часть респондентов указывают на то, что выполняемая ими работа не соответствует уровню их образования и квалификации [3].

Среди причин увольнения по инициативе госслужащих преобладают низкий уровень оплаты (76,2%), отсутствие должностного роста (44,2%), несоответствие выполняемых обязанностей уровню квалификации (12,9%), конфликты (25,9%) [1].

При исследовании проблем оценки труда государственных служащих важное место занимает сопоставление их коллективных представлений об идеальной модели специалиста данной профессиональной области и о фактических условиях своей деятельности. Так, на сегодняшний день профессиональное образование, по мнению госслужащих, является далеко не приоритетным в их работе. О его необходимости для успешной карьеры заявляют лишь чуть более 10% опрошенных. Абсолютное большинство респондентов отметили, что приоритетным фактором является опыт. На необходимость связей, знакомств и протекции указали 13,6% опрошенных [7]. Подобные результаты указывают на существующее противоречие между восприятием опрошенными образа государственного служащего, обладающего лучшими качествами профессии, и реальной ситуацией, в которой даже наличие указанных качеств не приводит к удачной карьере.

Исходя из вышеизложенного, в качестве приоритетов развития государственной службы в Стратегии-2030 предусмотрены:

- нормирование и оптимизация численности работников органов государственной власти;

- прогнозирование кадровой потребности органов государственной власти;
- оптимизация и рационализация расходов на содержание аппарата органов государственной власти;
- совершенствование должностной структуры государственной службы;
- формирование единой системы кадрового резерва и работы с ним;
- расширение практики и форм общественного контроля;
- синхронизация требований, предъявляемых к государственным служащим, с профессиональными требованиями рынка труда и образовательными стандартами;
- привлечение представителей профессиональных сообществ к отбору и оценке государственных служащих;
- развитие системы подготовки кадров для органов государственной власти и местного самоуправления;
- централизация кадровой работы в системе государственной, муниципальной службы и в бюджетной сфере;
- совершенствование принципов подбора кадров государственной службы;
- совершенствование принципов оценки государственных служащих;
- совершенствование принципов профессионального развития государственных служащих;
- гармонизация кадровой работы на федеральном, региональном и местном уровнях.

Реализация этих мер позволит преодолеть закрытость института государственной службы, а также такие негативные факторы, как низкий уровень доверия общества к представителям государственной власти, слабость кадрового потенциала отдельных регионов и муниципальных образований, разобщенность норм и требований к должностям разных видов и уровней государственной и муниципальной службы.

Важным элементом является стирание искусственной границы между работниками органов государственной власти, местного самоуправления и бюджетных организаций. На деле все эти кадры решают общую задачу: реализуют государственную политику в различных отраслях и сферах.

Важно переориентировать деятельность представителей государства с обеспечения внутренней деятельности органов власти на решение задач экономики и общественного развития. Системный подход к созданию гражданской (публичной) службы позволит повысить эффективность государственных институтов в Российской Федерации.

Список литературы

1. *Обухова Л. А.* Профессионализация кадрового обеспечения государственной гражданской службы Российской Федерации (социологический анализ) : автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. М. : РАГС, 2007.
2. *Отчет НИР «Анализ механизмов реализации кадровых технологий в практике применения законодательства о государственной службе в РФ».* М. : РАГС, 2009.
3. *Отчет НИР «Духовно-нравственные проблемы государственной гражданской службы».* М. : РАГС, 2009.
4. *Отчет НИР «Научное обеспечение деятельности кадровых служб по эффективной организации работы в государственных органах РФ (социологический анализ)».* М. : РАГС, 2008.
5. *Отчет НИР «Проблемы функционирования и развития государственной гражданской службы РФ».* М. : РАГС, 2006.
6. *Отчет НИР «Профессионально-личностные качества работников органов исполнительной власти г. Москвы».* Опрос 156 гражданских служащих г. Москвы. Выборка стратифицированная, репрезентативная по полу и возрасту. М. : МГУУ Правительства Москвы, 2011.
7. *Результаты мониторинга гражданской службы, проведенного Управлением государственной службы и кадров Правительства Москвы.* М. : МГУУ Правительства Москвы, 2011.
8. *Три ветви и три уровня власти: кому доверяют россияне? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск. 2012.*
9. *Юрьева О. В.* Профессиональная компетенция в сфере государственного и муниципального управления: социологический анализ : дисс. ... канд. социол. н. Казань, 2009.

Информация об авторе

Борщевский Георгий Александрович, к. и. н., доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Е. Н. Васильева

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация. Анализ данных проведенного исследования показывает, что человеческого потенциала в российских регионах для развития инновационной и экономической активности достаточно, однако инструменты его реализации ограничены, поскольку не сформирован социальный капитал. Кроме того, современная методология оценки инновационной активности не предоставляет исчерпывающих инструментов для управления ею. В процессе установления социальных отношений практически не используются неформальные коммуникации, а формальные — предельно бюрократизированы. Для решения обнаруженных проблем требуется приложить усилия на разных институциональных уровнях.

Ключевые слова: экономический рост, инновации, тройная спираль, осевое кодирование, бизнес-инкубатор, коммуникации

Основной вопрос исследования — как осуществляется коммуникация в процессе внедрения инновационных продуктов в Волгоградском регионе в рамках Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. Исследование проведено методом полуструктурированного глубинного интервью при поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014.6). Ставилась задача — выявить о факторы, повлиявшие на формирование инновационной и экономической активности информантов. Проведено 10 интервью с молодыми учеными, 10 — с экспертами и 20 — с предпринимателями. Возможности развития тройной спирали инноваций в российских регионах оценивались через поиск коммуникаций между потенциальными и реальными участниками пространства тройной спирали. Интервью с экспертами, предпринимателями и молодыми учеными Волгоградской области показывают ограниченность развития коммуникации власти, бизнеса и университетов. Приведем несколько примеров из интервью с предпринимателями, выбранных после процедуры осевого кодирования:

«Интервьюер: Сегодня для молодежи организуются бизнес-конкурсы и бизнес-проекты. Вы участвовали в таких мероприятиях? Если да, то в качестве кого и в каких? *Информант 4:* ...Ездили в 2013 г. или в 2014-м, не помню. В 2014-м. В Нижний Новгород — от областного бизнес-инкуба-

тора (которых по России не так уж и много... которые были построены после Сколково...и это отстой). *Интервьюер*: Почему? *Информант 4*: Потому что целью было объединение предпринимателей регионов, а в итоге получилось, что собрали с Волгограда порядка 10 предприятий, которые сами изъявили желание. [...] ...С выручкой до 10 млн в год, т.е. это ничтожно маленькие компании, которые приехали в Нижний Новгород встретиться с предприятиями этого региона. Вместо того, чтобы действительно проработать наши потребности, наших возможным контрагентов, нам пригнали два класса из колледжа и студентов...». *Интервьюер*: Вы говорили о помощи внутри среды предпринимателей. А что, например, может сделать власть для вашей сферы? *Информант 7*: Если подумать, самая лучшая помощь [...] — не вмешиваться...».

Пример из интервью с молодым ученым, специалистом в нефтегазовой промышленности: *Интервьюер*: Можно ли поддержать или внедрить инновации через бизнес-структуры? *Информант 16*: Только если есть личные связи [...] и в административных структурах, и в бизнесе [...] хорошо, если туда устраиваются наши аспиранты, связи сразу налаживаются...». Пример из интервью с молодым ученым, специалистом в химической промышленности: *Интервьюер*: Что должна или не должна делать администрация научного учреждения, где Вы работаете? *Информант 10*: Нужны лаборатории, чтобы провести необходимые эксперименты, нужны лаборатории... нужно оборудование, его иногда нет даже в Москве (или нет личных связей для его использования)...».

Таким образом, картина вырисовывается неблагоприятная. В интервью (и с предпринимателями, и с учеными) по отношению к разным аспектам часто звучало «для галочки». Вследствие этого тяжело говорить о стратегии экономического роста за счет развития предпринимательства и инноваций, многие проекты в основном носят стихийный характер. Для развития экономической и инновационной активности населения, согласно данным нашего исследования, в российских регионах человеческого потенциала достаточно, но инструменты реализации этого потенциала ограничены, так как социальный капитал не сформирован. В силу ряда причин не созданы условия институционализации новых практик в бизнесе и науке. Проблемы выявлены не только у предпринимателей (о чем написано много) и у молодых ученых (которые подписывают документы о неразглашении, поэтому неохотно делятся проблемами и просят не указывать их данные в отчете), но и в государственных структурах, работающих в сфере поддержки бизнеса и инноваций. Эксперты отмечают следующие проблемы: недоработано законодательство, огромное количество проверок, жесткая регламентация бюджета, невозможность менять статьи расходов, выделение денег на мероприятия после их за-

вершения или еще позже — под конец календарного года, долгое согласование документов, если нужно собрать большое количество подписей, не учитывается специфика деятельности, например, бизнес-инкубаторов при реализации государственных услуг (27.07.2010 № 210-ФЗ; ред. от 13.07.2015), в государственных программах четко прописываются мероприятия, но они не учитывают региональную специфику, поэтому многие условия неприемлемы или неинтересны для предпринимателей.

Анализ текстов интервью с экспертами, ответственными за инновации, указывает на еще одну важную проблему: современная методология оценки инновационной активности пока не предоставляет исчерпывающих инструментов для управления данным процессом. Иными словами, предприниматели, проявляющие инновационную активность, оказываются без эффективных инструментов, которые позволяли бы минимизировать риски и увеличить экономическую эффективность внедрения инноваций. Подобная ситуация, естественным образом сокращает число инновационно-активных участников экономики до минимума. Более того, при формировании статистической отчетности, на основании которой руководство страны делает те или иные выводы об инновационных процессах в России, используется показатель, который, казалось бы, идеально подходит для такой задачи: «объем отгруженной инновационной продукции». Однако вызывает большое сомнение корректность введения такого показателя, учитывая, насколько широко трактуется понятие «инновационный продукт». Выделение данной продукции представляется как минимум сложным и неточным, если вообще возможным. Не случайно в мировой практике такого показателя нет. Ряд исследователей (Сорокина, Зинов, Коцюбинский) подвергают сомнению существующий механизм сбора статистических данных об инновационной деятельности. Таким образом, для решения данных проблем в настоящее время требуется приложить усилия на разных институциональных уровнях. На государственном уровне поставлена задача — выработать систему оценки, которая позволит составлять объективную картину инновационных процессов, протекающих в российской экономике, работа над усовершенствованием системы сбора информации об инновационной активности уже идет. К работе подключилось и научное сообщество, силами которого будет разработан эффективный инструментарий, позволяющий осуществлять оперативный контроль и коррекцию в процессе разработки, внедрения и реализации инновационных инициатив в среде предпринимателей. Анализ стратегического поведения представителей всех экспертных групп показал, что в фокусе оказываются способы, руководствуясь которыми акторы используют структуральные свойства в процессе установления социальных отношений, а неформальные ин-

струменты практически не используются. Главные выводы: формальные коммуникации предельно рационализированы и бюрократизированы, а неформальные коммуникации, с одной стороны, несут в себе риск недобросовестного использования служебного положения, с другой — могут облегчить внедрение инновационных продуктов в модели тройной спирали.

Информация об авторе:

Васильева Екатерина Николаевна, к. с. н., доцент кафедры социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, vasilevaen@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

Е. А. Иглицкая

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Эффективность государственной политики, безусловно, является фактором развития рынка труда. В нашей стране недооцениваются механизмы формирования занятости и способов ее государственного регулирования. Очевидна потребность во всестороннем анализе и глубокой проработке теоретических и методологических аспектов политики государства на рынке труда. Необходимо формировать современные политические коммуникации в российском обществе, так как это могло бы повлиять на эффективность принятия политических решений, в том числе по проблемам труда.

Ключевые слова: государственное управление, рынок труда, деэтизация, рыночная система, занятость, трудовой потенциал

В последнее время во всем мире особую актуальность и остроту приобретают проблемы в сфере занятости, поэтому политика на рынке труда занимает центральное место в предвыборных программах различных партий и субъектов власти и для многих граждан определяет их электоральные предпочтения. Последние опросы показывают, что доверие людей к политикам и предпринимателям существенно снизилось. Неблагополучие в этой сфере чревато не только экономическими, но и серьезными политическими потрясениями. И в России назрела острая необходимость выработки политики на рынке труда в контексте общей экономической и социально-политической модернизации страны. Эта политика должна носить субъектный характер, т. е. быть направлена на гармонизацию интересов всех агентов, действующих в сфере трудовых отношений. Это означает, что требуется совершенствовать законодательство и системы образования и создавать условия для инноваций и креативного мышления. Необходимо целенаправленно формировать государственную политику в сфере рынка труда, которая сегодня в российском государственном управлении практически отсутствует.

Говоря о роли политических институтов в управлении экономическим развитием страны, следует признать, что одним из базовых теоретических положений происходившей в России либеральной трансформации стала концепция деэтизации. Разгосударствление экономики провозглашалось единственным способом осуществления экономических

и политических реформ в России, а примеры успешной этатистской модернизации классифицировались в данной трактовке как исторические девиации. Поэтому необходимость расширения управленческих функций государства в современной России исторически вызвана предшествующей противоестественной деэтизацией [3].

Считается целесообразным появление в России новой государственной политики управления в области социально-трудовых отношений, соответствующих управленческих структур и технологий. Поэтому эффективность государственной политики, безусловно, является фактором развития рынка труда. Важно, что конечная или первичная ответственность за повышение эффективности функционирования рынка труда прежде всего лежит на государственных органах, управляющих экономическим развитием. Речь идет о комплексной политике, целевой функцией которой являются условия воспроизводства человеческого капитала и, как результат, демографическое состояние в стране и конкурентоспособность национальной экономики.

Так например, немецкий социолог и философ Ю. Хабермас в своей известной книге «Проблема легитимации позднего капитализма» говорит о том, что одной из основных причин современного кризиса рыночной системы является противоречие между стремлением к экономическому росту и требованиями большей степени политического участия, социальных свобод, которые выдвигают граждане [2].

В нашей стране до сих пор недооцениваются проблемы, существующие на рынке труда, что находит отражение как в основных программных документах правительства, так и в тематике научных экономических и политологических публикаций: она касается, прежде всего, недооценки механизмов формирования занятости и способов ее государственного регулирования. Очевидна потребность во всестороннем анализе и глубокой проработке теоретических и методологических аспектов политики государства на рынке труда, изучении соответствующих политических институтов и процессов в целях достижения наиболее полного использования трудового потенциала общества.

Политика государства на рынке труда может определяться разными стратегическими подходами к ее формированию. Одним из них может быть тот, в котором государственное управление понимается как государственный менеджмент. В последней трети XX в. это понимание получило достаточно широкое распространение в связи с тем, что в данный период формировалось представление о системе управления как о процессе, в котором взаимодействуют государство, бизнес, общество. И если прежде делался упор на роль либо государственных, либо общественных институтов, теперь возникла необходимость сконцентрировать

исследовательские усилия на изучении их взаимодействия. Это связано с потребностью разработки и научного осмысления проблемы управляемости, в том числе политической наукой.

При анализе политики государства на рынке труда целесообразно говорить о долгосрочном управлении. Политика государства на рынке труда может рассматриваться как система управления, которая включает соответствующие механизмы, институты и процессы и основывается на стратегическом планировании.

При реализации политики на рынке труда необходимо использовать программно-целевой подход к управлению или, как его часто сейчас называют, управление по целям (*англ.* — *management by objectives*), т. е. управление методом оценки социально-экономической и политической эффективности [1].

Результатом исследования проблем современного государственного менеджмента стало определение приоритета стратегических целей и тактических задач, ожидаемых социально-экономических результатов деятельности государственных организаций. При переходе к такой практике возрастает роль постоянного мониторинга состояния рынка труда, исследование которого проводится в том числе при помощи социологических опросов (по методологии MOT), выявления корреляционных зависимостей социальных последствий от принятия тех или иных управленческих решений, социологического анализа и оценки полученных результатов.

Эффективность политики на рынке труда будет более высокой при условии модернизации политической системы общества, в связи с чем возникает проблема обратной связи общества и государства с точки зрения учета общественного мнения и иных политических точек зрения по исследуемой теме. Поэтому необходимо формировать современные политические коммуникации в российском обществе, так как это могло бы повлиять на эффективность принятия политических решений, в том числе по проблемам труда.

Список литературы

1. Иглицкая Е. А. Политика российского государства на рынке труда в современных условиях : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2012.
2. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М. : Праксис, 2010.
3. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М. : Экономика, Научный эксперт, 2007.

Информация об авторе

Иглицкая Елена Александровна, к. полит. н., научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, iglitskaya@inbox.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ: К ВОПРОСУ О ПРОГНОСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Э. С. Клюкина

Петрозаводский государственный университет, Кольский филиал, Апатиты, Россия

Аннотация. В число стратегических приоритетов государственной политики Российской Федерации в Арктике входит расширение фундаментальных и прикладных научных исследований для совершенствования системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны РФ. Результаты исследований, в частности, сравнительных межрегиональных социологических исследований проблем развития Российской Арктики, лягут в основу разработки прогнозов социально-экономического развития регионов Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: Арктическая зона, прогнозирование, межрегиональные исследования, стратегическое планирование

Уникальное геополитическое положение России в Арктическом регионе обуславливает необходимость стратегического государственного планирования развития Российской Арктики. В этой связи внимание представителей различных отраслей научного знания направлено на изучение комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем, связанных с развитием арктических территорий, являющихся зоной риска по многим показателям [5, 8, 11]. Роль социологической науки в решении задач стратегического государственного планирования развития Российской Арктики заключается в объективном изучении ее социального пространства и прогнозировании возможных изменений.

Арктическая зона Российской Федерации (сухопутные территории) включает: полностью — территорию Мурманской области, Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого автономных округов; частично — территории Республики Коми (городской округ Воркута), Республики Саха (Якутия) (территории 5 улусов (районов)), Красноярского края (городской округ Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район), Архангельской области (г. Архангельск, Мезенский муниципальный район, Новая Земля, г. Новодвинск, Онежский муниципальный район, Приморский муниципальный район, Северодвинск), земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане [9].

Важно отметить, что «все эти территории имеют разный уровень социально-экономического развития и урбанизации, значительную культуру-

ную и этническую дифференциацию. В связи с этим подходы к развитию этого региона как единого объекта государственной региональной политики должны учитывать особенности каждой входящей в него территории» [2]. Регионы Российской Арктики различаются по уровню [4] и качеству жизни населения [7]. При этом уровень жизни является «важнейшим обобщающим критерием оценки эффективности государственного управления устойчивым развитием Севера и Арктики РФ» [4].

Согласно Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. приоритетными направлениями развития данной территории являются комплексное социально-экономическое развитие, развитие науки и технологий, создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечение экологической безопасности, международное сотрудничество в Арктике, обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ в Арктике [9]. Особое внимание уделено направлениям и мероприятиям, направленным на достижение цели улучшения качества жизни населения, проживающего и работающего в Арктической зоне РФ, включая малочисленные народы. В числе данных направлений — модернизация объектов социальной инфраструктуры; обеспечение доступности и повышение качества оказания медицинской помощи населению; развитие видов медицинской помощи, направленных на сохранение и укрепление здоровья населения, устранение влияния факторов среды обитания; развитие образования, обеспечение подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов для работы в арктических условиях, а также ряд других направлений [3].

Следует отметить, что в число стратегических приоритетов государственной политики Российской Федерации в Арктике входит расширение фундаментальных и прикладных научных исследований для совершенствования системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны РФ [9]. В целях развития науки и технологий особое внимание уделено научному обоснованию долгосрочных перспектив и основных направлений развития различных видов деятельности в Арктике, проведению исследований в области истории, культуры и экономики региона, а также правовому регулированию хозяйственной деятельности в Арктике, изучению влияния на здоровье населения вредных факторов окружающей среды, научному обоснованию комплекса мероприятий, направленных на оздоровление среды обитания населения и профилактику заболеваний [9].

Реализация этих и других приоритетных направлений и целей развития Арктической зоны РФ невозможна без решения проблемы сохранения

населения регионов Российской Арктики, а также привлечения людей к проживанию на данной территории. Проблема привлечения людей в Арктику — одна из наиболее сложных [1]. Говоря о сохранении населения, мы принимаем во внимание и количество, и показатели качества населения [3]. Изучение качества населения, проживающего и работающего в регионах Российской Арктики, имеет стратегическое значение для их развития. Сокращение численности населения, отток трудовых ресурсов, сохранение высокого уровня заболеваемости взрослого и детского населения — вот те негативные тенденции, которые характеризуют текущее состояние социально-экономического развития многих регионов и муниципальных образований Арктической зоны РФ.

В целях обеспечения информационной основы для разработки обоснованных и реалистичных планов развития Российской Арктики необходимо провести социологические исследования, направленные на изучение актуальных социальных проблем данной территории страны. Результаты социологических исследований лягут в основу разработки прогнозов социально-экономического развития регионов Арктической зоны РФ. Особое значение имеет проведение сравнительных межрегиональных социологических исследований проблем развития Российской Арктики.

Список литературы

1. Волков Е. Арктические точки роста [Электронный ресурс] // Российская газета. Выпуск 6917 (49) от 09.03.2016. URL: <http://rg.ru/2016/03/09/reg-szfo/v-arktike-sozdadut-8-tochek-rosta.html> (дата обращения: 15.02.2016).
2. Залкинд О. Л., Скуфына Т. П. Государственная программа развития Арктической зоны Российской Федерации и ее влияние на социально-экономическое развитие Мурманской области [Электронный ресурс] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 1 (44). С. 66—73. URL: <http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/files/Sever-irynok-1—2015.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).
3. Клюкина Э. С. Качество населения в структуре ресурсного потенциала регионов Северо-Арктической зоны РФ: к постановке проблемы (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 4 (47). С. 13—22.
4. Корчак Е. А. Уровень жизни населения регионов Севера и Арктики РФ [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2015. № 7—3. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38787> (дата обращения: 15.02.2016).
5. Лукин Ю. Ф. «Горячие точки» Российской Арктики [Электронный ресурс] // Арктика и Север. 2013. № 11. С. 4—38. URL: http://narfu.ru/upload/uf/c21/AaN_2013_11.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

6. *Постановление* Правительства РФ № 366 от 21.04.2014 «О Государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/AtEYg0HutVc.pdf> (дата обращения: 17.02.2016).
7. *Рейтинг* российских регионов по качеству жизни-2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/infografika/20141222/1039549859.html> (дата обращения: 15.02.2016).
8. *Соколов Ю. И.* Арктика: к проблеме накопленного экологического ущерба [Электронный ресурс] // Арктика: экология и экономика. 2013. № 2 (10). С. 18—27. URL: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/2\(10\)/018_027_ARKTIKA_2.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/2(10)/018_027_ARKTIKA_2.pdf) (дата обращения: 15.02.2016).
9. *Стратегия* развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. Утверждена Президентом РФ 20.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/1729879.html> (дата обращения: 17.02.2016).
10. *Указ* Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 15.02.2016).
11. *Чащин В. П., Гудков А. Б., Попова О. Н. и др.* Характеристика основных факторов риска нарушения здоровья населения, проживающего на территории активного природопользования в Арктике [Электронный ресурс] // Экология человека. 2014. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-osnovnyh-faktorov-riska-narusheniy-zdorovya-naseleniya-prozhivayuschego-na-territoriyah-aktivnogo-prirodopolzovaniya> (дата обращения: 15.02.2016).

Информация об авторе

Клюкина Элина Сергеевна, к. с. н., доцент кафедры философии и социологии Кольского филиала Петрозаводского государственного университета, Апатиты, Россия, klukina_elina@arcticsu.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИХ МИГРАЦИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Т. К. Констанц

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Рассматриваются социально-экономические последствия сельско-городских миграций, которые оказывают существенное влияние на экономическое и социальное благополучие Алтайского края. Обсуждаются современные проблемы в различных сферах жизни региона: политической, социальной, экономической, культурно-психологической.

Ключевые слова: миграции, Алтайский край, сельские поселения, демографический кризис, агропромышленный комплекс

Демографическая ситуация сельской местности Алтайского края после 1989 г. претерпела неблагоприятные изменения, связанные с оттоком населения в благоприятные экономические районы страны. Естественная убыль населения, низкая рождаемость, высокая смертность трудоспособного населения — процессы, обострившиеся за последние десятилетия, — дают основания говорить о демографическом кризисе в деревне. На сегодняшний момент современная деревня перешла в стадию длительной стагнации неблагоприятных демографических процессов [5].

Для нормального развития страны и Алтайского края в частности существует потребность в функционировании села, развитии и процветании агропромышленного комплекса. В настоящее время, несмотря на ряд программ федерального и регионального уровня, направленных на поддержку сел, мы наблюдаем противоположные тенденции: сельские поселения вымирают, агропромышленный комплекс (АПК) находится в глубоком кризисе.

Последствия сельско-городской миграции проявляются в различных сферах жизнедеятельности человека: политической, социальной, экономической, культурно-психологической.

Прежде всего данный вид миграции оказывает большое влияние на демографические процессы в регионе. В сельской местности из-за оттока населения сокращается его численность, наблюдается снижение рождаемости. Соответственно, в районах Алтайского края увеличивается доля населения старших возрастных групп.

Сельско-городские миграции способствуют перераспределению населения и трудовых ресурсов, влияют на уровень социально-экономического развития алтайских сел. Отток квалифицированных кадров

из сельской местности способствует сокращению населения с более высоким уровнем культуры.

О достаточно высоком миграционном потенциале молодежи сельской местности свидетельствуют данные обследования сельской местности 10 регионов России, согласно которому 54 % от всех респондентов желают, чтобы их дети уехали из села [2]. Выезд данной категории граждан из сельской местности Алтайского края усугубляет ряд проблем малых городов и сел региона — в частности, проблемы старения населения малых городов и сел края, а также жизнеобеспечения пожилого населения.

Часто причинами оттока молодых специалистов является не желание найти работу с высоким заработком, а просто желание устроиться на работу вообще. Поэтому острой проблемой современных сел и малых городов края является безработица.

Социально-экономические последствия сельско-городских миграций оказывают огромное влияние на развитие региона, его экономическое и социальное благополучие. Отток населения из сел Алтайского края ведет к возникновению большого количества социально-экономических проблем и последствий, и часть из них уже необратима. Разрушается инфраструктура села, закрываются общеобразовательные школы, создаются классы-комплекты. Во многих селах региона отсутствуют дома культуры, школьникам и молодежи зачастую негде реализовать свои творческие возможности. Досуг населения ограничивается просмотром телепередач и прогулкой. Эти последствия негативно сказываются на духовном развитии жителей сел.

Очень часто алтайское село сталкивается с проблемой квалифицированных работников, в частности, учителей. Современное село Алтайского края постоянно «старее». Молодые специалисты, отучившись, не желают жить и работать в деревне. Из-за малой численности населения местные власти считают, что нерентабельно выделять средства из бюджета для развития образования, здравоохранения и культурно-досуговых мероприятий.

Ситуация в социально-трудовой сфере алтайского села оценивается как неблагоприятная. К числу наиболее острых социальных проблем алтайских сел относят проблемы занятости и безработицы. В сфере занятости — это низкий уровень оплаты труда и все еще сохраняющаяся задолженность по заработной плате на отдельных предприятиях и в организациях, неблагоприятные условия труда и несоблюдение правил техники безопасности, ненормированный рабочий день, принудительные отпуска и сокращенный график работы, нарушение трудовых прав работников и отсутствие ряда социальных гарантий.

По оценкам социологов, уровень реальной сельской безработицы составляет 36 %. Многие безработные имеют низкие доходы (57 % респон-

дентов), находятся в тяжелом материальном положении (33%), испытывают чувства разочарования, одиночества, неуверенности, раздражения, отчаяния (48%). Среди сельских безработных более 60% составляют женщины и 35% — молодежь, доля этих групп в экономически активном населении составляет 52 и 31% соответственно. Прослеживается устойчивая обратная связь между уровнями образования и безработицы: чем выше уровень образования, тем меньше вероятность безработицы. Среди сельских жителей с образованием ниже среднего общего (11 классов) уровень безработицы составляет 27%, а с высшим — менее 6% [5].

Наряду с ранее выделяемыми проблемами (рост потребительских цен, безработица, низкие оплата труда и пенсия) наиболее острыми стали алкоголизация и неблагоустройство сельских поселений. Жителей небольших поселений (менее 1000 человек) волнует миграция молодежи из сел, что приводит к их опустению [4]. Динамика численности сельских школьников демонстрирует демографический кризис современного села: с начала реформ до настоящего времени сохраняются процессы непрерывного сокращения численности учащихся в общеобразовательных учреждениях сельской местности [3].

Серьезной проблемой в жизни современного села является проблема бедности. Сельская бедность имеет сегодня огромные масштабы и глубину. Уровень бедности, оцененный по материальному положению сельских семей, достигает 79,5% всех сельских бедных [3].

В результате в экономической сфере наблюдается снижение спроса на рабочие места в районах выбытия и повышение его в районах вселения — изменение на локальных и региональных рынках труда, усиление конкуренции в сфере занятости. В социальной сфере — изменение численности населения, его половозрастной структуры. В культурно-психологической — изменения в составе населения по образовательному уровню, социальному статусу, сферам деятельности.

Список литературы

1. Мищенко В. В., Мищенко И. В. Развитие внутрирегионального сельского пространства: методический аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 43—49.
2. Рыбаковский Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социс. 2008. № 10. С. 81—87.
3. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : колл. моногр. / науч. ред. А. Я. Троцковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013.
4. Цветков Л. Н., Удовиченко Н. Н. Особенности миграционных процессов в России и в Алтайском крае : учеб. пособ. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2009.

5. Шибаета Е. Е. Российская деревня в эпицентре демографического кризиса: политологический аспект [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-derevnya-v-epitsentre-demograficheskogo-krizisa-politologicheskij-aspekt> (дата обращения: 26.02.2016).

Информация об авторе

Констанц Татьяна Константиновна, студентка социологического факультета Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, tatyana-felk@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДОСТУПНОСТЬ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН

Т. Н. Кошелева

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Аннотация. Проанализированы данные социологического опроса жителей Саратова, проводившегося для выяснения их мнения относительно развития конкуренции в Саратовской области. Судя по результатам исследования, уровень доступности для саратовцев информации о развитии рыночной конкуренции достаточно низок. Респонденты связывают особенности конкуренции в регионе с деформацией и недостаточностью условий, необходимых для ее развития. Отсутствие сложившегося рыночного механизма обуславливает развитие специфических форм и неэкономических методов конкуренции, которая принимает характер силовой борьбы, все больше отрываясь от сферы производства.

Ключевые слова: рыночная система, конкуренция, неэкономические методы, региональная экономика

Конкуренция является необходимым условием существования и фундаментом всей рыночной системы. Развитие конкуренции — комплексная задача, стоящая перед системой органов государственной власти в целом. Необходимость изучения конкуренции в российской и региональной экономике определяется рядом важнейших факторов как общеэкономического масштаба, так и уровня отдельного хозяйствующего субъекта. Переход России к рыночным отношениям обусловил возрождение и рост влияния конкуренции на деятельность экономических субъектов. В связи с этим для каждого отдельно взятого предприятия, отраслей народного хозяйства и в целом для экономики существенно возрастает значение механизма конкуренции, который можно рассматривать как определенную форму развития *производительных сил*, факторов производства или экономических ресурсов общества, а также как основной *инструмент* координации действий всех участников общественного производства [1].

*По результатам социологического опроса** анализировались настроения в среде горожан, касающиеся основных направлений работы по развитию конкуренции в Саратовской области. Можно заключить, что большая

* Социологическое исследование в виде раздаточного анкетирования было проведено в Саратове в октябре-ноябре 2014 г. Выборочная совокупность (N = 487) репрезентирует трудоспособное население по полу, возрасту и району проживания.

часть населения Саратова видит в качестве оптимальных направлений контроль роста цен (52,8%), качества продукции (48,7%) и создание рабочих мест (37,1%). Кроме того, 20,1% горожан указывают на создание для всех желающих возможностей заниматься бизнесом, 20,3% считают необходимым оказание помощи начинающим предпринимателям.

Одна из составляющих рыночных отношений, которая должна присутствовать при развитии конкуренции в регионе, — это принцип обратной связи. На необходимость ведения учета обращений граждан, связанных с проблемами в области развития конкуренции, указали 14,5% опрошенных; 14,9% хотели бы поддержки новых направлений развития экономики города и района.

Что касается участия жителей Саратова в развитии конкуренции в регионе, то в получении информации об этом не заинтересованы половина опрошенных (44,7%), на важность этой информации указывают около 30% горожан, а 24% чувствуют необходимость в такой информации в некоторых ситуациях. Оценивая сегодняшние возможности получения информации о развитии рыночной конкуренции, отмечают, что получить ее очень трудно, 15,6% опрошенных; 21,1% — что ее можно получить, если приложить усилия; 48,9% затруднились ответить.

Можно констатировать, что уровень доступности для населения информации о развитии рыночной конкуренции в Саратове достаточно низок. Среди источников получения таких данных чаще выступает местное и центральное телевидение. Особенности конкуренции в регионе, по мнению саратовцев, связаны с деформацией и недостаточностью условий, необходимых для ее развития. Отсутствие сложившегося рыночного механизма обуславливает развитие специфических форм и неэкономических методов конкуренции, которая принимает характер силовой борьбы, все больше отрываясь от сферы производства. В таких условиях необходимо развивать конкуренцию производителей на региональных и местных рынках, сокращать сферы избыточного посредничества, так как от конкуренции товаропроизводителей должен выигрывать в конечном счете потребитель.

Список литературы

Панько Ю. В. Особенности формирования конкурентной среды на мезоэкономическом уровне : автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Саратов, 2007.

Информация об авторе

Кошелева Татьяна Николаевна, к. с. н., доцент кафедры теории, истории и прикладной социологии социологического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, tnkosheleva@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕФОРМ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

А. Л. Кузеванова

Волгоградский филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Аннотация. Целью социологического исследования, проведенного в марте-апреле 2015 г. среди федеральных государственных гражданских служащих Волгограда, было изучение оценки ими реформ системы государственной службы, в частности, Типового кодекса этики госслужащих и муниципальных служащих РФ, принятого в 2010 г. Анализ полученных данных позволил выяснить, как респонденты оценивают эффективность мер, предлагаемых экспертным сообществом и представителями соответствующих ведомств по регулированию системы профессионально-нравственных качеств гражданских госслужащих.

Ключевые слова: государственная служба, кадровая политика, Типовой кодекс этики

В последние годы в целях обеспечения эффективного функционирования государственной гражданской службы были приняты меры по оптимизации кадрового состава, совершенствованию кадровой работы, разработке эффективных механизмов реализации кадровой политики в органах государственной власти. В частности, в 2010 г. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции был одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, который представляет «свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности» [1]. Кодекс был принят в целях повышения эффективности работы госслужащих, формирования должной морали в сфере государственной и муниципальной службы, установления этических норм и правил служебного поведения. Другим вектором реформирования системы госслужбы стало принятие президентского указа от 01.07.2010 № 821 о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, задачей которых стало обеспечение соблюдения федеральными государственными служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, а также исполнения ими служебных обязанностей [2].

Оценку госслужащими вышеперечисленных реформ мы изучали на основе данных социологического исследования, проведенного автором с применением метода анкетирования в марте-апреле 2015 г. среди федеральных государственных гражданских служащих Волгограда ($N = 475$, тип выборки — двухступенчатая случайная с квотным отбором респондентов на последнем этапе, квота по полу). Распределение респондентов по полу и возрасту выглядит следующим образом: 23,2% мужчин и 76,8% женщин; 9,9% опрошенных находятся в возрасте от 21 до 24 лет, 19,7% — в возрасте от 25 до 30 лет, 29,2% респондентов относятся к возрастной группе от 31 до 40 лет, 22,3% государственных гражданских служащих в возрасте от 41 до 50 лет, 16,5% респондентов в возрастной группе от 51 до 60 лет, 2,4% участвовавших в анкетировании — старше 61 года. Исследование проводилось в соавторстве с аспирантом кафедры философии и социологии Волгоградского филиала РАНХиГС Е. В. Катренко.

С момента принятия упоминавшегося выше Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих прошло почти 5 лет, однако, как показывают результаты нашего исследования, 43,3% участников опроса лишь отчасти знакомы с его содержанием. Показателен тот факт, что среди опрошенных руководителей 40% также не считают себя хорошо осведомленными о сути положений этического кодекса. Эти показатели косвенно указывают на недостатки в работе кадровых отделов в системе государственной гражданской службы, в обязанности сотрудников которых входит ознакомление госслужащих с нормативными документами. Высокие процентные показатели, свидетельствующие о фрагментарном характере информации о содержании кодекса, которой располагают госслужащие, явно противоречат декларируемым в регламентирующих документах указаниям на то, что соблюдение положений Типового кодекса учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

В задачи нашего исследования входило выяснение того, как утверждение Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих отразилось на профессиональной деятельности респондентов. 35,7% опрошенных выразили убежденность в том, что введение в действие кодекса положительно повлияло на характер выполнения госслужащими своих профессиональных обязанностей, 32,5% респондентов придерживаются сходной позиции, выбрав вариант ответа «скорее положительно, чем отрицательно». При этом анализ социологической информации показал, что достаточно велика доля тех, кто указал на отсутствие какого-либо влияния принятия кодекса на характер реализации их профессиональной

деятельности: почти каждый третий из опрошенных отдал предпочтение варианту ответа «никак не отразилось». Распределение ответов респондентов с учетом их должностного статуса показывает, что специфическую позицию заняли респонденты, занимающие должности помощников: в их группе оказалось 60% тех, кто убежден в положительном влиянии принятия кодекса на характер служебного поведения госслужащих (в иных группах респондентов доля выбравших аналогичный вариант ответа колеблется от 31,4 до 44,4%).

Более 60% государственных гражданских служащих, принявших участие в нашем исследовании, положительно оценивают деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению госслужащих и урегулированию конфликта интересов, 35,4% респондентов заняли несколько двойственную позицию, выбрав вариант ответа «скорее положительно, чем отрицательно». Анализ анкетных данных с учетом стажа работы респондента на государственной службе показал, что доля тех, кто однозначно позитивно относится к деятельности этических комиссий, меньше среди участников опроса, чей стаж более 25 лет (42,9%), в то время как в иных группах респондентов эта доля варьировала от 59,5 до 68,4%. Вероятно, подобная позиция объясняется возрастными особенностями респондентов, обуславливающими нежелание позитивно воспринимать нововведения, внедряемые в системе государственной службы.

Участникам анкетного опроса было предложено оценить эффективность мер, предлагаемых экспертным сообществом и представителями соответствующих ведомств по регулированию системы профессионально-нравственных качеств гражданских государственных служащих. В ходе анализа полученных социологических данных выяснилось, что наиболее эффективными мерами респонденты признают регламентацию вопросов, касающихся повышения денежного содержания и оптимизации пенсионного обеспечения; создание адекватных материальных стимулов в зависимости от объема и результатов работы в целях повышения мотивации государственных гражданских служащих; внедрение эффективных технологий и современных методов кадровой работы, направленных на обеспечение условий для увеличения результативности их профессиональной служебной деятельности; разработку и введение антикоррупционных стандартов в виде установления для государственной службы единой системы запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, направленных на предупреждение коррупции, усиление ответственности за несоблюдение норм этики и служебного поведения госслужащих; внесение изменений в образовательные программы профессиональной подготовки госслужащих в части увеличения

количества часов на дисциплины, связанные с этикой и правилами служебного поведения.

Список литературы

1. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21) [Электронный ресурс]. URL: <http://marina-roscha.mos.ru/anti-corruption/normative-legal-and-other-acts-in-the-field-of-combating-corruption/1032246> (дата обращения: 12.02.2016).
2. Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/07/07/prezident-komissii-dok.html> (дата обращения: 12.02.2016).

Информация об авторе

Кузеванова Ангелина Леонидовна, д. с. н., доцент, завкафедрой философии и социологии Волгоградского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Волгоград, Россия, angelina2000@list.ru

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. Ю. Леденева

Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Государственная информационная система миграционного учета, действующая в системе Федеральной миграционной службы, включает центральный банк данных, автоматизированные информационные и идентификационные системы. При этом комплексного представления о миграционной ситуации в стране не дает ни одна система сбора данных. Это не позволяет наметить цели и объемы работы по управлению миграцией, а также обосновать затраты и оценить возможный результат предпринимаемых шагов.

Ключевые слова: миграционная политика, информационные технологии, миграционные потоки, банк данных, информационно-аналитическое обеспечение

В Концепции государственной миграционной политики до 2025 г. информационно-аналитическое обеспечение предусматривает:

а) совершенствование предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере миграции, в том числе с использованием информационных технологий;

б) совершенствование способов получения, формирования, хранения и использования дактилоскопической информации об иностранных гражданах с последующим использованием полученной информации компетентными органами, в том числе в правоохранительных целях;

в) расширение использования информационных технологий для анализа миграционной ситуации обеспечения реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, в том числе развитие системы статистического наблюдения на основе административных систем учета населения и системы выборочных исследований по вопросам внутренней и международной миграции; совершенствование механизмов сбора, хранения, обработки и распространения информации в сфере миграции; информационное обеспечение различных миграционных программ и мониторинг их эффективности;

г) проведение научно-исследовательских разработок для анализа и прогноза миграционной ситуации, мониторинга и оценки эффективности различных миграционных программ;

д) научное сопровождение изменений в инструментах и механизмах государственной миграционной политики РФ [2].

В системе ФМС действует Государственная информационная система миграционного учета (ГИСМУ), которая включает:

1. центральный банк данных по учету граждан иностранных государств, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих на территории Российской Федерации, в том числе участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (ЦБД УИГ);
2. автоматизированные учеты адресно-справочных подразделений ФМС;
3. автоматизированную информационную систему учета выданных, действительных, утраченных (похищенных) паспортов (бланков паспортов) граждан Российской Федерации (АС «Российский паспорт»);
4. комплекс программно-технических средств «Соотечественники» (КПТС «Соотечественники»);
5. автоматизированную дактилоскопическую идентификационную систему Федеральной миграционной службы (АДИС ФМС).

Базовым структурным элементом ГИСМУ является *центральный банк данных* по учету граждан иностранных государств, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих на территории Российской Федерации, в том числе участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Этот элемент в полном объеме обеспечивает автоматизированный сбор, передачу, хранение, обработку и анализ информации по всем аспектам учета иностранных граждан. ЦБД УИГ является источником полной, актуальной и достоверной информации о миграционных потоках.

АС «Российский паспорт» обеспечивает автоматизацию выдачи, замены и учета паспортов граждан Российской Федерации. Система интегрирована с официальным сайтом ФМС России и имеет возможность интеграции с другими ведомственными и межведомственными системами и банками данных.

По состоянию на конец 2014 г. система содержит информацию о 167 млн паспортов, что составляет 97,5% от общего количества паспортов граждан Российской Федерации, включая утраченные и недействительные [1].

Главный источник миграционных данных — текущий учет миграции — лишен адекватной первичной информации, что привело к значительному недоучету долгосрочных мигрантов. Альтернативные системы учета ми-

грантов не созданы или находятся в самой начальной стадии формирования. Усиливается тенденция вытеснения открытой государственной статистики закрытыми административными источниками, принципы работы которых не ясны и не публикуются, а качество данных поэтому не поддается оценке [3].

Российская Федерация в настоящее время не имеет ни одной системы сбора данных, которая давала бы комплексное представление о миграционной ситуации в стране и позволяла бы изучать ее тенденции. В этих условиях анализ миграционной ситуации выполняется с привлечением источников данных, не предназначенных для этого. Распространение получают методы качественной социологии, одностороннее применение которых также не дает объективной картины. Проводимые выборочные обследования часто нерепрезентативны и проводятся по разным программам, их результаты трудно сопоставить или проверить. Миграционная политика любого государства должна вырабатываться с учетом определенных количественных ориентиров. Без надежных статистических данных о величине потоков, их направлениях и составе нельзя понять, какими будут цели и объемы работы по управлению миграцией, очень трудно обосновать затраты и оценить возможный результат принимаемых шагов.

Список литературы

1. *Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2014 г. и плановый период 2015—2017 гг.* М., 2015.
2. *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.* (утв. Президентом РФ 13.06.2012).
3. *Чудиновских О. С.* Статистическое обеспечение миграционной политики. М., 2012.

Информация об авторе

Леденева Виктория Юрьевна, д. с. н., доцент, заведующая кафедрой миграционной политики и демографической безопасности Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, vu.ledeneva@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ ЦФО

В. Н. Орлова

Орловский филиал РАНХиГС, Орел, Россия

Аннотация. В проведенном исследовании изучались различные типы и модели социальной защиты в практике регионов Центрального федерального округа (ЦФО); анализировались возможности применения положительного опыта других регионов по решению социальных задач в процессе формирования региональной модели социальной защиты. На основании полученных данных автором предложены меры рациональной организации инфраструктурного потенциала ЦФО для проведения скоординированной политики всех регионов по социальной защите населения.

Ключевые слова: социальная защита населения, социальное обслуживание, региональная модель

Одним из основных вопросов развития любого государства является создание эффективной и действенной системы социальной защиты населения. В мировой практике насчитывается много моделей социальной защиты, которые отличаются друг от друга источниками финансирования, способами поддержки и защиты населения, а также масштабами применения.

Цели моего исследования — изучение различных типов и моделей социальной защиты в практике регионов ЦФО, анализ возможности применения положительного опыта других регионов по решению социальных задач в процессе формирования региональной модели социальной защиты.

В системе социальной защиты всех регионов ЦФО, представленной широкой сетью государственных и негосударственных органов и организаций, можно выделить три подсистемы:

- защита всех социально-демографических групп населения;
- социальные гарантии трудоспособным членам общества;
- меры социальной защиты нетрудоспособного населения.

В качестве субъектов управления в системе социальной защиты выступают прежде всего службы и организации Министерства труда и социальной защиты РФ различных уровней. В качестве объекта управления в первую очередь выступает человек: личность или группа людей, ока-

завшихся в затруднительном положении. Между субъектами и объектами управления в системе социальной защиты постоянно возникают прямые и обратные связи. Вместе с тем положение субъекта и объекта не является постоянным: каждая более высокая инстанция управленческой иерархии выполняет роль субъекта, уступая место объекту нижестоящей структуре, направляя на нее управленческие установки — прямые связи.

Происходящие перемены в экономике, политике и духовной сфере нашей страны повлекли за собой существенные перемены в системе социальной защиты населения. В регионах складывается обновленная национальная модель социальной защиты, направленная на гуманизацию и стабилизацию социальных отношений. Обозначилась социальная направленность всей государственной политики, осуществляется принцип адресной помощи и т. д. В регионах совершенствуется деятельность структурных подразделений социальной защиты, разворачивается подготовка профессиональных кадров социальной сферы.

Для современной организационно-управленческой деятельности в социальной сфере характерны следующие тенденции:

1. Совершенствование всех сторон организационно-управленческой деятельности (техническое, технологическое обеспечение, развитие инновационных технологий).

2. Системно-комплексный характер социальной работы.

3. Стандартизация и повышение качества социальных услуг.

Таким образом, современная система социальной защиты Российской Федерации существенно меняет свой облик, постепенно освобождаясь от устаревших стереотипов, адаптируя лучшие образцы отечественного и зарубежного опыта.

Ведущим органом, осуществляющим государственную политику в области труда и социальной защиты населения, является Министерство труда и социальной защиты РФ, созданное по Указу Президента РФ на базе двух бывших министерств: Министерства труда и Министерства социальной защиты. Современная структура министерства существенно отличается от предыдущих структур бывших министерств: укрупнились и получили новые названия и новые функции все основные подразделения, отражающие новые явления в организационно-управленческой деятельности. Система региональных организационных структур в 18 регионах ЦФО представлена 5 министерствами (Калужская, Московская, Рязанская, Тверская и Тульская области), 8 департаментами (Брянская, Владимирская, Воронежская, Костромская, Смоленская, Орловская, Ярославская области и г. Москва), 4 управлениями (Белгородская, Липецкая, Тамбовская и Ивановская области) и 1 комитетом (Курская область)[1].

В соответствии с приоритетами социально-экономического развития Российской Федерации и регионов, а также реализацией государственных полномочий в сфере социальной защиты населения, основными направлениями деятельности региональных структур социальной защиты населения ЦФО являются:

- обеспечение своевременной и качественной реализации на территории региона федеральных и региональных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы социальной защиты, социального обслуживания населения;
- формирование государственной системы социальных служб;
- расширение спектра и повышение качества предоставляемых социальных услуг;
- усиление адресной социальной поддержки.

Важное место принадлежит управленческим структурам муниципального уровня. В Орловской области, например, создано Государственное казенное учреждение «Орловский областной центр социальной защиты населения» с филиалами во всех муниципалитетах. Упорядочена и централизована сеть государственных учреждений социального обслуживания. Большое внимание развитию социальной сферы уделяется в Брянской, Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской областях. Так, во Владимирской области проходит интенсивный процесс создания комплексной инфраструктуры учреждений социального обслуживания. В Калужской области собраны данные о доступности объектов социальной инфраструктуры, которые будут объединены в единую информационную базу. Уже на протяжении ряда лет Департамент социальной защиты Воронежской области объявляет конкурс по распределению субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию программ (проектов).

С января 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ [2], который внес значительные изменения в систему и порядок предоставления социального обслуживания. Социальное обслуживание должно стать открытым для всех нуждающихся, качественным и эффективным. Единые подходы в предоставлении социальных услуг позволяют повысить их адресность и качество. В сфере социального обслуживания упор делается на профилактику и индивидуальный подход. Новым элементом в системе социального обслуживания становится социальное сопровождение. Согласно закону, плата за оказание социальных услуг, предоставляемых гражданам на дому, основывается на адресном подходе к их получателям и зависит от уровня их среднедушевого дохода.

Анализ деятельности территориальных органов и структур социальной защиты населения в регионах ЦФО, показывает необходимость следующих шагов:

1. На **федеральном** уровне привести в соответствие с численностью населения регионов штатные расписания территориальных управленческих структур. В противном случае дело может дойти до абсурда: создание правительств и министерств в небольших муниципальных образованиях.

2. На **региональных** уровнях привести в соответствие с Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» штатные расписания, четко разграничив государственные структуры на *основные функциональные и обеспечивающие*.

В связи с изменением социально-экономических условий внести необходимые изменения в ряд законодательных актов относительно *стандартов социального обслуживания населения*.

Рациональная организация инфраструктурного потенциала ЦФО будет способствовать проведению скоординированной политики всех регионов по социальной защите населения.

Список литературы

1. *Министерство* труда и социальной защиты РФ [Электронный ресурс]. URL: www.gosmintrud.ru (дата обращения: 27.02.2016)
2. *Федеральный* закон Российской Федерации от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Информация об авторе

Орлова Валентина Николаевна, к. с. н., доцент кафедры социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС, Орел, Россия, or_valentina@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАДРОВОЙ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Б. Т. Пономаренко

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Проблема коррупции в системе государственного и муниципального управления проявляется довольно заметно. Необходим регулярный социологический мониторинг кадровых проблем. При разработке методики социологического мониторинга проблем кадровой коррупции выделены факторы, способствующие ее распространению, а также наиболее эффективные механизмы противодействия этому явлению в органах государственной власти (регулярное наблюдение, анализ, оценка и прогноз проявлений коррупции), включение которых в программу мониторинга кадровой коррупции в системе государственной и муниципальной службы повышает ее результативность и социальную полезность.

Ключевые слова: кадровая коррупция, социологический мониторинг, государственное управление, меритократия

Результаты социологических наблюдений показывают, что коррупционная составляющая, присутствующая в деятельности органов государственного и муниципального управления, создает реальную угрозу их эффективному функционированию, нарушает демократические принципы взаимодействия государства с институтами и структурами гражданского общества. Кадровая коррупция вызывает множество негативных последствий, оказывающих деструктивное влияние на эффективность системы государственного и муниципального управления. Этим, в значительной мере, обусловлены актуальность социологического мониторинга состояния этой проблемы, потребность в оценке эффективности механизмов противодействия кадровой коррупции, необходимость выработки научно обоснованных рекомендаций для применения в сфере государственного и муниципального управления.

В теоретико-методологическом плане кадровая коррупция в сфере государственного и муниципального управления выступает одной из разновидностей коррупции, основанной на корыстных интересах, взаимодействующих между собой субъектов: одного — обладающего правом назначения на должность, и второго — заинтересованного в получении этой должности. Анализ современного состояния кадровых проблем кор-

рупции в органах государственной власти и местного самоуправления показал, что коррупционные проявления в органах государственной власти и управления связаны с кадровыми проблемами, в том числе с непрозрачными назначениями на коррупционно опасные должности.

О том, какие формы коррупционных нарушений в большей степени относятся к понятию «кадровая коррупция», мнения респондентов из числа государственных служащих распределились следующим образом:

- назначение на должность за плату — 71,3 %;
- формирование во властных структурах атмосферы клановой замкнутости и круговой поруки — 46,2 %;
- создание вертикали власти под интересы конкретного руководителя и его команды — 41,3 %;
- игнорирование норм и требований законодательства в кадровой и антикоррупционной политике — 37,1 %;
- назначение на должность на основании личного решения руководителя, без соблюдения конкурсных процедур — 37,1 %;
- влияние теневых и криминальных структур на деятельность органов государственного и муниципального управления — 35,0 % и др.

Приведенное распределение указывает не только на формы коррупционных нарушений, которые преобладают в кадровой практике органов государственной власти и местного самоуправления, но и на возможные коррупционные последствия.

Доминирование в кадровой политике государственных и муниципальных органов корпоративных интересов над государственными и гражданскими в качестве источника кадровой коррупции выделили 30,1 % государственных служащих. Это свидетельствует о том, что государственная кадровая политика в сфере государственного и муниципального управления еще не оформлена в виде общенациональной легитимной концепции, реализуемой в нормативно-правовой форме по аналогии, например, с Национальным планом противодействия коррупции и принятыми на его основе антикоррупционными законами и документами. Кадровая коррупция вызывает множество негативных последствий, оказывающих деструктивное влияние на систему государственного и муниципального управления в целом. Отсюда следует необходимость регулярного социологического мониторинга кадровых проблем, включения проблемных вопросов в инструменты мониторинга состояния кадровой коррупции. Результаты такого изучения могли бы служить выработке эффективных механизмов противодействия коррупции в кадровой сфере, обоснованию направлений ее профилактики.

Мнения различных категорий участников исследования показали, что в той или иной степени распространенность кадровой коррупции

отмечают большинство опрошенных. При этом 39,4 % респондентов назвали ее чрезвычайно распространенной, 43,9 % считают, что коррупция распространена отчасти, а 4,5 % отрицали ее распространение (12,2 % затруднились с ответом). Это показывает, что проблема коррупции в системе государственного и муниципального управления не только существует, но и проявляется довольно заметно и становится предметом всестороннего научного анализа.

В процессе разработки методики социологического мониторинга проблем кадровой коррупции в системе государственного и муниципального управления к числу ключевых параметров изучения была отнесена актуальность выяснения не только факторов роста кадровой коррупции, но и наиболее эффективных механизмов противодействия этому явлению в органах государственной власти, включая:

- *административно-организационные механизмы* противодействия коррупции;
- *правовые механизмы* противодействия коррупционным проявлениям в кадровой сфере имеют наиболее важное значение;
- *экономические механизмы* предупреждения коррупции в государственных органах, по мнению респондентов, способствуют противодействию распространения этого явления в кадровой сфере;
- *кадровые механизмы* противодействия коррупции, в которых следует обращать особое внимание на повышение статуса и укрепление кадрового состава служб управления персоналом, налаживание эффективной работы с резервом руководящих кадров, включая их антикоррупционную подготовку;
- *социальные механизмы* противодействия коррупции в государственных органах при повышении значимости социальных гарантий госслужащих в период работы и после выхода на пенсию как стимула антикоррупционного поведения, совершенствования методов общественного контроля и социального взаимодействия по противодействию коррупции.

Включение выделенных механизмов в программу мониторинга кадровой коррупции в системе государственной и муниципальной службы повышает ее результативность и социальную полезность. Мониторинг коррупции, включающий регулярное наблюдение, анализ, оценку и прогноз проявлений коррупции, факторов, способствующих ее распространению, создает основу для повышения эффективности мер по реализации государственной политики противодействия коррупции.

Причины и источники кадровой коррупции содержат в себе вполне определенную опасность для нормального функционирования органов государственного и муниципального управления и протекания в них кад-

ровых процессов. В определении того, в чем конкретно проявляется эта опасность, представители реферативных групп в основном базируются на своих представлениях о причинах кадровой коррупции. Общий уровень взаимодействия органов государственного и муниципального управления и структур гражданского общества в плане противодействия кадровой коррупции оценивается респондентами невысоко: как «высокий» его определили только 3,9% от всех участников исследования, «скорее высокий, чем низкий» — 14,5%, «скорее низкий, чем высокий» — 43,2%, «низкий» — 24,8%, затруднились с ответом 13,6%. Примечательно, что в референтных группах к низким оценкам склоняется примерно одинаковое количество (на уровне 70%) и государственных служащих, и представителей гражданских структур.

Пути противодействия коррупции в государственных органах разнообразны и могут актуализироваться в зависимости от государственной и общественной необходимости. Противодействие коррупционно-бюрократическим проявлениям в органах государственной власти становится одной из наиболее актуальных задач совершенствования системы государственного управления. Одним из основных направлений этой деятельности становится очищение кадров государственного и муниципального управления от коррупционеров, бюрократов, лиц, потерявших доверие народа и Президента РФ, выработка механизмов меритократии и оздоровления кадрового состава госаппарата.

Учитывая все вышесказанное, целесообразно внедрить в практику оценки состояния системы государственного и муниципального управления систематического (с интервалом в 1—2 года) мониторинга проблем кадровой коррупции. В мониторинговых исследованиях кадровой коррупции в качестве респондентов массового опроса должны участвовать государственные и муниципальные служащие, а их количество должно соответствовать общим требованиям к обеспечению репрезентативности результатов социологических исследований по проблемам государственной и муниципальной службы.

Список литературы

1. *Кадровая коррупция в системе государственного управления: социологический мониторинг* : монография / под ред. К. О. Магомедова, Б. Т. Пономаренко, В. А. Сулемова. М. : Реал Принт, 2015.
2. *Магомедов К. О., Пономаренко Б. Т., Лобанов П. А.* Противодействие коррупции в системе государственной службы : учеб. пособ. Курск : Академия госслужбы, 2011.
3. *Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: Научно-практическое пособие* / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2014.

4. *Шедий М. В.* Коррупционные отношения в современном обществе: социологический анализ : монография. Орел : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013.

Информация об авторе

Пономаренко Борис Тимофеевич, д. и. н., профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, pbt2006@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ И ОТНОШЕНИЯМИ В МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

И. А. Ревская

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Эффективное управление возможно при устойчивой обратной связи кадровых процессов и кадровых отношений. Медико-социологический мониторинг — важнейший источник информации и неотъемлемый элемент системы управления кадровыми процессами в медицинских организациях. Однако результаты социологических исследований кадровых процессов, будучи невостребованными, оставляют вне поля зрения управленцев проблемы регулирования кадровых процессов и вопросы субъект-объектного взаимодействия кадровых отношений в здравоохранении на общегосударственном, отраслевом и организационном уровнях.

Ключевые слова: кадровые процессы, медицинские организации, здравоохранение, медико-социологический мониторинг

Государственной кадровой политике принадлежит приоритетная роль в активизации модернизационных процессов сферы здравоохранения. Ее основная цель — придать количественным и качественным изменениям кадрового состава медицинских организаций целенаправленный, устойчивый и управляемый характер. Развитие здравоохранения как социального института и его реформирование обуславливают необходимость социологического обоснования управленческих нововведений в отрасли как на федеральном и региональном, так и местном организационном уровне. Эффективное управление возможно при устойчивой обратной связи кадровых процессов и кадровых отношений. При этом медико-социологический мониторинг как важнейший источник информации становится неотъемлемым элементом системы управления кадровыми процессами в медицинских организациях. В противном случае управленческое решение может оказаться малоэффективным или даже деструктивным. Так например, проведенное в 2014 г. без должного научного обоснования сокращение не только коечного фонда, но и медицинских организаций, является одной из причин оттока из государственного сектора здравоохранения более 19 тыс. врачей различных клинических специальностей. К началу 2016 г. среднероссийский показатель обеспеченности врачебными кадрами лечебно-профилактических

учреждений составил 39,7 чел. на 10 тыс. населения, что ниже целевого показателя (40,2), включенного в Государственную программу «Развитие здравоохранения».

В ходе вторичного анализа результатов социологических исследований установлено, что в большинстве случаев объектом изучения были пациенты медицинских организаций, т. е. потребители медицинских услуг, и их мнение о качестве таковых и об уровне профессионализма медицинского персонала, что весьма важно для улучшения регулирования кадровых процессов в медицинских организациях. В этом плане полезна и востребована информация о кадровых аспектах модернизации здравоохранения, собираемая централизованно Росстатом и органами государственной власти. Вопрос в том, чтобы данные о количественных и качественных изменениях кадрового состава становились достоянием субъектов кадровой политики медицинских организаций.

В ходе социологического опроса «Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения» [3], проведенного в субъектах Российской Федерации 58% респондентов отметили, что профессиональный уровень большинства врачей в России не соответствует предъявляемым требованиям. Эти данные подтверждаются и результатами сравнительного межстранового исследования [2], объектом изучения которого в рамках Международной программы социальных исследований (ISSP) стали представления населения о профессионализме и мотивации медицинских работников. В отличие от развитых в социальном плане государств, где две трети респондентов сочли профессиональные навыки врачей достаточными, в Российской Федерации более половины опрошенных из числа представителей населения (56%), отметили, что квалификация российских врачей ниже требуемой.

Результаты социологических исследований кадровых процессов, обладая научной ценностью, имеют определяющее значение для мониторинга качества медицинских услуг, составления и обновления рейтингов медицинских организаций. Однако сами по себе, будучи невостребованными, они оставляют вне поля зрения управленцев проблемы регулирования кадровых процессов и вопросы субъект-объектного взаимодействия кадровых отношений в здравоохранении на общегосударственном, отраслевом и организационном уровнях.

Интересными, с точки зрения состояния социологического обеспечения кадровых процессов в медицинских организациях, представляются результаты исследования проблем кадровой политики в здравоохранении, включая вопросы совершенствования профессионального развития врачей, улучшения мотивации медицинского персонала, оптимизации кадрового состава лечебно-профилактических учреждений, регулирова-

ния кадровых процессов и отношений в медицинских организациях [1, 3, 4, 6]. Тем не менее, результаты исследований остаются не усвоенными и в значительной мере не использованными. Это можно объяснить отсутствием целостной методологической концепции разработки эффективной системы социологического обеспечения регулирования кадровых процессов в медицинских организациях.

Несмотря на широкий диапазон такого плана научных публикаций, за пределами исследовательского поиска остаются проблемы, относящиеся к лояльности врачей своим медицинским организациям, учету мнения профессионального сообщества врачей и управленцев о происходящих в сфере здравоохранения изменениях, обоснованию направлений совершенствования кадровой политики в национальной системе здравоохранения.

Важным условием повышения эффективности управления кадровыми процессами в лечебно-профилактических организациях является рассмотрение с социологических позиций проблем научного обеспечения управления кадровыми процессами и отношениями, а также кадровой деятельностью органов управления здравоохранения на федеральном и региональном уровнях. Это особенно значимо в практическом плане при реализации кадровой политики при совершенствовании перспективного кадрового планирования, его базирования на научном подходе и качественном информационном обеспечении кадровых процессов. Именно с этой целью, в соответствии с Концепцией создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, формируется система агрегирования и обмена информацией между медицинскими структурами различного уровня. Ее освоение открывает путь к разрешению проблемы территориального и профессионального дисбаланса, эффективному использованию кадровых возможностей для оптимизации планирования профессионального образования врачей, совершенствованию контроля своевременного повышения квалификации медицинского персонала, созданию системы комплексной его оценки и увязки заработной платы врачей с качеством и объемом оказания медицинской помощи гражданам.

Список литературы

1. Каприн А. Д., Костин А. А., Пономаренко Б. Т. и др. Совершенствование кадровых процессов как условие модернизации кадровой политики в системе здравоохранения // Исследования и практика в медицине. М., 2015. Т. 2. № 2. С. 92—96.
2. Караева О. С. Представления о справедливости и эффективности в системах здравоохранения различных стран (по данным ISSP) // Вестник общественного мнения. 2014. № 1—2 (117). С. 50—65.

3. *Кочкина Н. Н., Красильникова М. Д., Шишкин С. В.* Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения : препринт WP8/2015/03 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Высшая школа экономики, 2015.
4. *Мансуров В. А., Юрченко О. В.* Российские врачи: профессионализация сверху или саморегулирование профессии? Антропология профессий или посторонним вход разрешен / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2011.
5. *Трифонова Н. Ю., Балашов П. Ю., Петросов С. Н., и др.* Кадровые процессы в системе здравоохранения Российской Федерации. М. : Сам Полиграфист, 2014.
6. *Чирикова А. Е.* Врачи как профессиональная группа: воспроизводство и поддержание врачебного профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 307—320.

Информация об авторе

Ревская Ирина Андреевна, аспирант кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, revskaiairina@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ

А. К. Соловьев

Департамент актуарных расчетов и стратегического планирования ПФР, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема увеличения пенсионного возраста как фактор макроэкономического развития страны в контексте методологии стратегического планирования, предусмотренного законом о стратегическом планировании в РФ.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, стратегическое планирование

Социальные расходы (бюджетные трансферты на пенсионное обеспечение, на детей, на здравоохранение, образование, социальную помощь слабозащищенным категориям населения и др.) составляют четверть бюджетных расходов государства. В цивилизованном обществе, развитие которого направлено на удовлетворение потребностей всех категорий населения, а не избранного по различным основаниям контингента (т. н. среднего класса, малого бизнеса, слабозащищенных и проч.) граждан такие расходы рассматриваются как объективные условия успешного развития государства и устанавливаются как целевые ориентиры в системе макроэкономических параметров стратегического планирования.

Поэтому проблема старения населения не должна рассматриваться как главный тормоз успешному развитию бизнеса и не может отождествляться с угрозой усиления долгосрочного бюджетного кризиса государства на всех уровнях управления (федеральном и региональном).

В исследовании рассматривается проблема увеличения пенсионного возраста как фактор макроэкономического развития страны в контексте методологии стратегического планирования, предусмотренного законом о стратегическом планировании в РФ.

Показано, что в экономически развитых странах все «возрастные расходы» госбюджета конвертированы в страховые инструменты формирования социальных обязательств и не зависят от бюджетных проблем. Таким образом, показатель пенсионного возраста по экономическому содержанию становится фактором саморегулирования формирования пенсионных прав застрахованных лиц, а не расходов бюджетной системы.

В процессе стратегического планирования и прогнозирования в нашей стране необходимо учитывать, что для нивелирования негативного влияния старения населения необходимо завершить страховую пенсион-

ную реформу, которая позволит «вывести» бюджет ПФР из сферы влияния госбюджета.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович, д. э. н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда России, Москва, Россия, Sol26@100pfr.ru

О КОМПЕНСАТОРНОМ ПОДХОДЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ГАРАНТИЯМ НА ВОЕННОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

А. А. Сысоев

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Изучаются особенности российской системы социальных гарантий как одного из аспектов материального мотивационного стимулирования со стороны государства в сфере правоохранительной и военной службы. С помощью данных анкетного опроса среди членов ветеранских организаций г. Москвы подтверждена гипотеза о том, что в России социальные гарантии «силовиков» имеют компенсаторный характер, не выполняя стимулирующей функции.

Ключевые слова: социальные гарантии, военная служба, правоохранительная служба, компенсаторный подход

Оптимизация предоставления государственных социальных гарантий на государственной службе в настоящее время выступает одним из ключевых аспектов совершенствования системы государственной службы РФ [1]. Различие видов государственной службы усложняет решение проблемы оптимизации государственных социальных гарантий, поскольку два из трех видов государственной службы представлены только на федеральном уровне, а муниципальная служба соотносится с государственной службой по условиям ее прохождения [3].

Право государства требовать от государственных служащих профессионального и честного исполнения своих обязанностей не может быть реализовано в отрыве от мер стимулирования эффективной служебной деятельности [2]. Механизмы мотивирования могут быть как неимущественными, так и материальными. К т. н. нематериальному мотивированию можно отнести формирование представления о том, что служба — это престижно, хотя нематериальное стимулирование таким представлением заведомо не исчерпывается. К материальным стимулам, как правило, относят социальные гарантии, различные льготы, компенсации, премии [5].

В данной работе мы осветим один из аспектов материального мотивационного стимулирования со стороны государства в сфере правоохранительной и военной службы. Цель нашего исследования — изучение особенностей российской системы социальных гарантий для «силовиков».

Мы утверждаем, что государственные социальные гарантии в военной и правоохранительной службе в РФ имеют компенсаторный характер,

они не выполняют стимулирующую функцию. Служащие рассматривают государственные социальные гарантии как возмещение за тяготы службы, а не как стимул совершенствования служебной деятельности [4].

Для подтверждения гипотезы мы используем эмпирические данные, собранные в ходе опросов. В качестве основного метода сбора эмпирических данных мы использовали анкетный опрос, затем была проведена математическая обработка полученных данных с целью формирования количественных значений массива информации, а также применены методы статистической группировки, ряды распределений, двумерный анализ данных и их графическая интерпретация [1].

В нашем исследовании была использована выборка методом «снежного кома». Ее целесообразно проводить, когда в качестве объекта выступает небольшая генеральная совокупность, а респондентов необходимо точно подобрать по заданным параметрам [6]. Выборка составила 75 военных в отставке, принявших участие в исследовании, опрос проводился среди членов ветеранских организаций г. Москвы.

Оценка эффективности предоставления государственных социальных гарантий военной и правоохранительной службе России по результатам анкетного опроса показала следующее. Респондентам было предложено ответить на вопросы, которые касались непосредственно их жизни в социально-экономических, культурных сферах жизни. На вопрос «Известно ли Вам, какие социальные гарантии положены Вам в соответствии с законодательством РФ?» 55% респондентов, ответили, что знают о них в полном объеме, 22% — что знают, но не все, 17% — что-то знают, что-то нет и 6% затруднились ответить. Примечательно, что никто из опрошенных респондентов, не указал, что ничего не знает о государственных социальных гарантиях (рис. 1).

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ, КАКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПОЛОЖЕНЫ ВАМ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ?

Рисунок 1. Информированность служащих о существующих гарантиях

Далее респондентам было предложено продолжить утверждение: «Социальные гарантии в военной службе...», здесь мнения распределились следующим образом: 69% отметили, что они являются компенсацией за тяготы службы, 12% отметили, что должны мотивировать более качественно нести службу, 5% отметили их как прямую обязанность государства, а 14% осветили, что должны предоставляться в зависимости от личных качеств военнослужащего (рис. 2).

ПРОДОЛЖИТЕ УТВЕРЖДЕНИЕ: «СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ В ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ...»

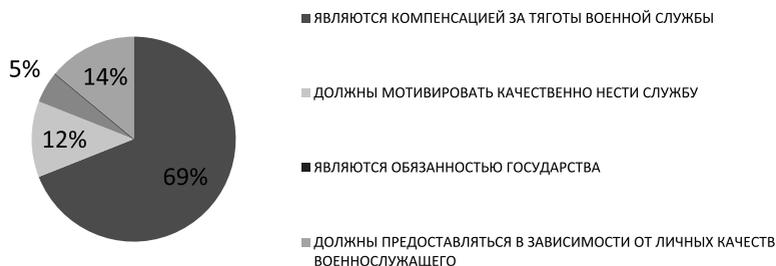

Рисунок 2. Отношение к социальным гарантиям в среде служащих

Гарантии реализации права на...

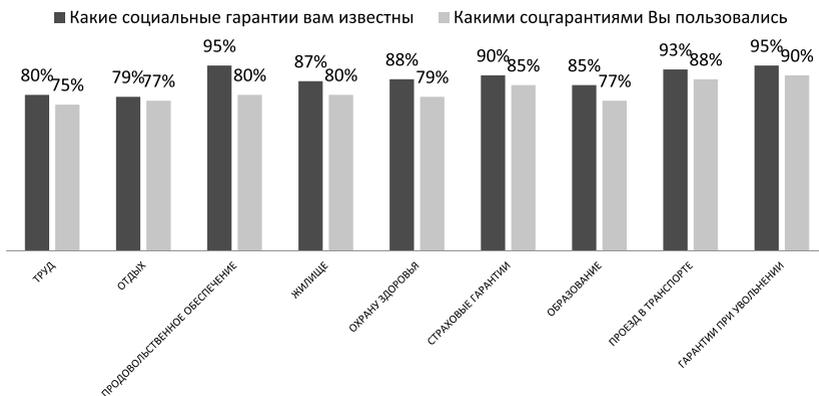

Рисунок 3. Востребованность конкретных социальных прав

Следующий пункт анкеты дает информацию об осведомленности респондентов о конкретных социальных гарантиях и их оценка. Практически все гарантии так или иначе известны военнослужащим, и они пользовались ими (рис. 3).

Далее респондентам было предложено оценить качество предоставления социальных гарантий в месте, где они проходили службу. Отметим, что оно получило довольно низкий средний балл — 2,73, мода — 3, медиана — 3,5 (табл. 1).

Таблица 1. **Средние оценки качества предоставления и востребованности социальных прав служащими**

Социальная гарантия	Оценка		Востребованность
	Средневзвешенное значение	Мода	
Гарантии реализации права на труд	2,89	3	5
Гарантии реализации права на отдых	3,15	3	5
Гарантии продовольственного, вещевого обеспечения, торгово-бытового обслуживания	3,96	4	5
Гарантии реализации права на жилище	1,74	2	5
Гарантии права на охрану здоровья и медицинскую помощь	3,56	4	5
Страховые гарантии	2,55	3	5
Гарантии в области образования и культуры	1,5	2	4
Гарантии проезда на транспорте. Почтовые отправления	3,58	4	5
Гарантии при увольнении с военной службы	3,67	4	5

Здесь стоит отметить, что самые высокие баллы получили гарантии продовольственного и вещевого обеспечения, на медицинскую помощь, оплату проезда и почтовые услуги и гарантии после увольнения со службы. Самые низкие оценки получили гарантии в сфере культуры и право на жилье.

На вопрос об улучшении жилищных условий респонденты ответили, что, скорее всего, воспользуются кредитно-ипотечной системой (35%), чуть менее 33% воспользуются жилищным сертификатом, 15% попробуют добиться жилья от силового ведомства, 2% рассчитывают на собственные средства при покупке жилья (рис. 4).

ЕСЛИ БЫ ВЫ НАМЕРЕВАЛИСЬ УЛУЧШИТЬ ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ, КАКИМ БЫ ОБРАЗОМ ВЫ БЫ ПОСТУПИЛИ?

Рисунок 4. Отношение к решению жилищных проблем в среде служащих

Для того чтобы выявить взаимосвязь между ответами респондентов, рассмотрим корреляционную связь между такими переменными (вопрос 2 и 4): социальные гарантии являлись компенсацией за несение службы; должны мотивировать более качественно нести службу; являлись вознаграждением за добросовестную службу; были дополнительным стимулом. Рассчитаем коэффициент Спирмена для переменных попарно и составим матрицу (табл. 2).

Коэффициент Спирмена изменяется от -1 до 1 , мы получили зависимость в двух случаях: обратная зависимость от тех, кто считает, что социальные гарантии являются компенсацией, и сторонников мотивации; прямая зависимость между теми, кто считает, что социальные гарантии являются компенсацией, и теми, кто считает их вознаграждением за добросовестную службу.

Рассмотрев виды социальных гарантий в зарубежных странах, можно с уверенностью сказать, что большая часть социальных гарантий в военной и правоохранительной службе носит компенсаторный характер.

По итогам опроса можно сформулировать следующие выводы:

1. Опрос в целом подтвердил исходную гипотезу о компенсаторном характере государственных социальных гарантий в представлениях ветеранов военной и правоохранительной службы.

2. Наиболее востребованными социальными гарантиями военнослужащие назвали реализацию права на жилье, охрану здоровья и медицинскую помощь и гарантии после увольнения со службы.
3. В целом оценки эффективности реализации социальных гарантий по результатам опроса невысокие, что косвенно подтверждается и тем, что только малая часть респондентов на вопрос об улучшении жилищных условий ответила, что будет добиваться его от своего силового ведомства.
4. Как показал корреляционный анализ, респонденты в основном считают, что государственные социальные гарантии носят компенсаторный характер и являются вознаграждением за добросовестную службу.

Таблица 2. Корреляционная зависимость между ответами респондентов на вопросы

Варианты ответов	Социальные гарантии являлись компенсацией за несение службы	Должны мотивировать более качественно нести службу	Являлись вознаграждением за добросовестную службу	Были дополнительным стимулом
Социальные гарантии являлись компенсацией за несение службы	1,000	-0,527	0,299	0,082
Должны мотивировать более качественно нести службу	-0,527	1,000	0,009	0,086
Являлись вознаграждением за добросовестную службу	0,299	0,009	1,000	0,188
Были дополнительным стимулом	0,082	0,086	0,188	1,000

Список литературы

1. Гаврилов В. О. Льготы, гарантии и компенсации для военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. СПб. : Питер, 2003. С. 8—136.
2. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. Изд-во БЕК, 2002. С. 129—158.

3. *Каныгин Г. В.* Ненаблюдаемость социальных феноменов // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 23—27.
4. *Сикевич З. В.* Социологическое исследование: практическое руководство. СПб. : Питер, 2005.
5. *Тощенко Ж. Т.* Социология власти : Генезис идей // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 12—22.
6. *Фундаментальная социология* : в 15 т. / Эмпирическая и прикладная социология. М. : ИНФРА-М, 2004. Т. II.
7. *Чекин М. А.* Порядок и условия оплаты служебной деятельности государственных и гражданских служащих России. М. : ИДВШЭ, 2014. С. 38—66.

Информация об авторе

Сысоев Антон Александрович, магистр НИУ «Высшая школа экономики» по специальности «Государственное и муниципальное управление», Москва, Россия, anton.sysoev@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНВЕРСИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ

М. С. Халиков

Институт государственной службы и управления персоналом РАНХиГС

Аннотация. Инверсионная концепция многоэтапного социально-экономического развития регионов позволяет объяснить и описать, каким образом переходная экономика способна трансформироваться в рыночную экономику развитых европейских стран. Развитие регионов рассматривается с точки зрения их субъектной самостоятельности, основанной на размере доли трансфертов в доход консолидированного бюджета региона. Самодостаточные регионы, например, Вологодская область, заинтересованы в ускорении социально-экономического развития своих территорий. В то же время для самодостаточных регионов характерна неравномерность развития различных отраслей экономики.

Ключевые слова: инверсия, субъектная самостоятельность, модернизация

Страна получила новый импульс экономического развития в связи с рыночными преобразованиями, которые начались в России с 1992 г., когда траектория развития российского общества изменилась и страна вернулась в прежнее русло капиталистического развития. Этот институциональный сдвиг можно назвать инверсионным (инверсия от лат. *Inversio* — перестановка, переворачивание). Курс инверсионного, возвратно-поступательного движения к рынку осуществляется в сложных политических и экономических условиях, в стране произошли глубокие институциональные преобразования, укоренились и функционируют новые институты. Однако качественного скачка, с точки зрения теории модернизации, пока не наступило. Трансформация российского общества воспринимается исследователями как относительно замкнутый процесс с заранее заданными конечными параметрами. Постсоветское общество, по мнению некоторых исследователей, осуществляет запаздывающую модернизацию, и ее чаще всего характеризуют как догоняющую или точечную [2].

Одним из способов регулирования институциональных изменений с точки зрения эволюционного развития является инверсионная концепция многоэтапного социально-экономического развития регионов. Эта концепция дает возможность объяснить и описать, каким образом переходная экономика способна трансформироваться в рыночную эко-

ному развитию развитых европейских стран. Инверсионная концепция многоэтапного социально-экономического развития регионов требует особого исследовательского инструментария, включает разработку конкретных региональных проектов, которые должны стать инвестиционно привлекательными, а также помогает разработать модели движения слаборазвитых, депрессивных регионов к самодостаточности и экономической стабильности. Первостепенной задачей на этом этапе является установление баланса между обществом и природой, а внутри общества — между регионами. Достижение устойчивого и поступательного развития связано с ликвидацией неравенства между регионами, поскольку существуют регионы разного типа (депрессивные, дотационные, самодостаточные, донорские). В научной литературе встречаются разные подходы к типологизации регионов, которая может проводиться с разными целями: научно-познавательными (в том числе для наглядного описания картины межрегиональных различий) или практическими (например, выделение проблемных регионов в рамках региональной политики).

Для проведения сравнительного анализа социально-экономического развития регионов наиболее интересна типология на основе субъектной самостоятельности. В рамках этой типологии выделяется четыре группы регионов: высокообеспеченные (с долей трансфертов в доход консолидированного бюджета региона не более 5%), самодостаточные (с долей трансфертов в доход консолидированного бюджета региона от 5 до 20%), малообеспеченные (доля трансфертов в доход консолидированного бюджета региона варьирует от 20 до 50%) и депрессивные (с наиболее высокой долей трансфертов в доход консолидированного бюджета региона — до 85—87%).

В соответствии с данной типологией, для сравнительного анализа берутся регионы со средним положением в своей группе (высокообеспеченные, малообеспеченные, депрессивные). Такими регионами являются Ханты-Мансийский автономный округ (высокообеспеченные, доля трансфертов в доходе консолидированного бюджета региона $\approx 4\%$), Амурская область (малообеспеченные, доля трансфертов в доходе консолидированного бюджета региона $\approx 32\%$), Республика Тыва (депрессивные, доля трансфертов в доходе консолидированного бюджета региона $\approx 78\%$), для Вологодской области как самодостаточного региона доля трансфертов в доходе консолидированного бюджета составляет $\approx 18\%$.

Следует отметить, что общий анализ социально-экономических показателей развития выбранных регионов может служить неким подтверждением объективности и целесообразности применения типологии по уровню субъектной самостоятельности. Действительно, общая тенденция изменения социально-экономических показателей рассматри-

ваемых регионов фактически соответствует типологии этих регионов. Большинство показателей постепенно уменьшаются по мере перехода от более высокого (высокообеспеченный Ханты-Мансийский автономный округ) к более низкому (депрессивная Республика Тыва) типу региона.

Вместе с тем, учитывая специфику используемой типологии (субъектная самостоятельность регионов, основанная на размере доли трансфертов в доход консолидированного бюджета региона), необходимо сказать о еще одной стороне полученных результатов. В частности, рассматривая индексы различных показателей по отношению к предыдущему году, можно говорить о том, насколько эффективной оказалась поддержка, оказываемая федеральным центром регионам. В частности, из всех приведенных для анализа показателей лишь по уровню дохода (реальные денежные доходы и реальный размер назначенных пенсий) происходит хотя и неоднородный, но положительный рост показателя в регионах всех типов. В остальных же случаях наблюдаются большие или меньшие различия в росте показателей, причем не соотносимые с типом регионов. Например, по индексу физического объема валового регионального продукта (по отношению 2012 г. к 2011 г.), самодостаточная Вологодская область оказалась на первом месте, депрессивная Республика Тыва — на втором, высокообеспеченный Ханты-Мансийский автономный округ — на третьем, а малообеспеченная Амурская область — на четвертом. Причем показатели последних двух регионов являются отрицательными (происходит уменьшение физического объема валового регионального продукта).

Таким образом, исходя из рассмотрения Вологодской области как самодостаточного региона, можно сделать несколько общих выводов:

1. В настоящее время формируется новая парадигма регионального саморазвития, к которой тяготеют самодостаточные регионы. Они заинтересованы в ускорении социально-экономического развития своих территорий при условии передачи им необходимых для этого средств, а это в свою очередь требует существенной корректировки бюджетного и налогового законодательства

2. Учитывая региональные различия субъектов Российской Федерации (размер территории, наличие полезных ископаемых, посевная площадь всех сельскохозяйственных культур, численность населения, транспортная инфраструктура и т. д.), при рассмотрении любой территории особое внимание необходимо уделять ее специфике. Нередко именно этот аспект становится основанием для более или менее успешного развития региона. Например, Вологодская область уступает Ханты-Мансийскому автономному округу по размеру территории более чем в 3 раза. При этом посевная площадь всех сельскохозяйственных культур в Вологодской области больше в 45 раз. Следствием этого является значительно больший

объем и перечень самостоятельно производимых регионом сельскохозяйственных продуктов.

3. Для самодостаточного региона может быть характерно лидирующее положение одной отрасли промышленности или сельского хозяйства и отстающее другой. Например, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по добыче полезных ископаемых в Вологодской области уступает не только показателям Ханты-Мансийского автономного округа (высокообеспеченный регион), но и показателям Амурской области и Республики Тывы (соответственно малообеспеченный и депрессивный регионы). В то время как объемы перерабатывающего производства в Вологодской области лишь немного ниже показателей Ханты-Мансийского автономного округа и значительно обгоняют два других региона.

4. Неравномерность развития различных отраслей в самодостаточном регионе может проявляться и в социальной сфере. Например, в сфере здравоохранения по численности медицинского персонала Вологодская область уступает всем остальным регионам, в то время как по уровню потребления материальных благ и услуг лидирует по большинству показателей среди выделенных регионов.

Стоит обратить внимание и на то, что региональное развитие в условиях рыночной трансформации имеет свою специфику, которая выражается, с одной стороны, в общей макроэкономической ситуации, связанной с инверсионным процессом в России, а с другой — в неравномерности экономического развития территорий. Это предполагает разработку долгосрочных программ социально-экономического развития регионов. Как правило, на первом этапе решаются проблемы внутрирегионального развития. В этот период на основе максимального использования внутренних ресурсов региона достигается экономическая устойчивость, повышается уровень и качество жизни населения территории. На последующих этапах решаются проблемы межрегионального развития и региональной интеграции в условиях глобализации. Можно предположить, что реализация инверсионной концепции многоэтапного социально-экономического развития позволит слаборазвитым, депрессивным регионам, максимально используя внутренние резервы и эффективно распределяя бюджетные средства, прийти к экономическому росту, а самодостаточные регионы станут локомотивами подъема экономики страны.

Список литературы

1. Бессонова О., Кирдина С, Салливан Р. О. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России : Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск, 1996.

2. Ситнова И. В. Институциональные изменения в современной России: макросоциологический анализ // Социология и общество / под общ. ред. В. В. Васильковой и др. СПб., 2002.

Информация об авторе

Халиков Манир Саидович, д. с. н., профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления персоналом РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, m.khalikov@list.ru

05. Эффективная упаковка и продвижение исследовательского продукта. Работа исследователей со смежниками. PR-щики, дизайнеры, политтехнологи, бизнес-консультанты

**РАЗРАБОТКА ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ
РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «RUSSIAN COMPUTER SCIENTISTS
AT HOME AND ABROAD»**

А. И. Габдуллин

Социологический институт Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Представлены результаты реализации проекта «Russian computer scientists at home and abroad» Центра исследования науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге. Изучалась профессиональная группа российских специалистов в области информационных технологий, работающих в России и за рубежом, и динамика их мобильности. Работа над проектом успешно завершена, благодаря эффективному диалогу между специалистами различных компетенций: социологами, дизайнерами, программистами и разработчиками. Процесс коммуникации в ходе подобных проектов можно эффективно наладить с помощью современных технологических решений.

Ключевые слова: онлайн-платформа, информационные технологии, информатик-социолог

В 2013—2015 гг. Центром исследования науки и технологий (Science and Technology Studies Center, STS-центр) Европейского университета в Санкт-Петербурге был проведен проект «Russian computer scientists at home and abroad», организованного в рамках мегагранта Правительства РФ. В ходе проекта изучалась профессиональная группа российских специалистов в области информационных технологий, работающих в России и за рубежом, а также динамика их мобильности. По итогам проведенных исследований был собран обширный массив интервью, проведенных в России, Великобритании, Израиле, Финляндии, Франции, Эстонии и США; результаты исследований было решено опубликовать в формате сборника тематических статей, а также веб-сайта с базой данных собранных материалов.

Были сформулированы следующие требования к функциональным возможностям сайта: 1) вывод текстовой и визуальной информации о целях, ходе проведения и участниках проекта, возможность редактирования

информации руководителем и участниками проекта; 2) возможность загрузки, хранения и вывода транскриптов собранных интервью, а также сопутствующих материалов (фото- и аудиофайлы); 3) обеспечение смешанного режима доступа к материалам сайта: часть материалов (текстовые описания, информация об участниках) доступна без ограничений всем желающим, другая (тексты транскриптов, данные о респондентах) — только по предварительному запросу. Данные требования задавали очертания не просто сайта, а полноценной онлайн-платформы для публикации результатов исследования.

Предполагалось, что все итоговые материалы сайта будут размещаться и редактироваться непосредственно исследователями проекта. Это составляло особые требования к разработке пользовательского интерфейса, максимально простого и удобного для социологов-«качественников»; созданная в итоге платформа должны была быть как технологически эффективной, так и дружественной для обычного пользователя, специализирующегося в социальных науках.

В работе над созданием онлайн-платформы принимали участие дизайнер Европейского университета, программист и руководитель STS-центра. Работа проводилась следующими этапами: 1) разработка технического задания, согласование целей и задач, обсуждение структуры и принципов работы будущего сайта; 2) создание графических макетов; 3) программирование сайта; 4) финальное тестирование, публикация материалов. На первом шаге была проведена серия личных встреч дизайнера, программиста и руководителя Центра, все последующие этапы происходили преимущественно в удаленном режиме, коммуникация организовывалась через электронную почту и конференции Skype. На заключительном этапе в процесс были вовлечены все исследователи проекта, активно принимавшие участие в тестировании и «обкатке» сайта и обеспечивавшие обратную связь. Наиболее эффективным каналом коммуникации с аудиторией пользователей платформы оказалось создание Google Docs-документа со списком правок в общем доступе.

Основная проблема, возникающая при реализации подобного проекта, — построение эффективного диалога между специалистами различных компетенций: социологами, дизайнерами, программистами и разработчиками. Специалисты в области IT-технологий, как правило, слабо представляют особенности проведения социальных исследований, они не знакомы с терминологией, используемой исследователями, и недостаточно ясно понимают выставляемые условными гуманитариями требования к работе целевой информационной системы. Социальные исследователи, в свою очередь, не знакомы с процессом разработки программного продукта и зачастую довольно нечетко формулируют зада-

чи и желаемые результаты. В случае описываемого проекта STS-центра возможные издержки коммуникации были снижены вследствие того, что программист сайта имел двойную квалификацию информатика-социолога, полученную в рамках специальности социологического факультета. В ходе работы удалось избежать многих проблемных ситуаций, связанных с недопониманием предметной области исследования и особенностей публикации материалов (анонимность, социологическая этика). По результатам проекта можно сделать вывод, что задействование дизайнеров или IT-специалистов смежных компетенций или по меньшей мере имеющих представление об особенностях гуманитарных исследований позволяет наиболее эффективно реализовывать проекты, связанные с представлением и поддержкой результатов социологического исследования. В реальности подобная тактика зачастую трудно реализуема в силу малого количества выпускников вузов, обучавшихся по смешанным программам, включавшим социальные и IT-дисциплины.

Работа над платформой была успешно завершена, сайт доступен по адресу <http://rcsproject.ml>. Отчет по проекту (включающий обзор платформы) был одобрен в соответствующих инстанциях Правительства РФ; исследователи проекта в целом удовлетворены презентацией результатов их деятельности на созданной платформе. Что особенно важно, исследовательский коллектив предложил инициативу по дальнейшему развитию ресурса.

По итогам работы над проектом можно отметить следующие особенности организации процесса: важность нахождения общего языка и пространства идей между специалистами смежных компетенций (социологами, дизайнерами, программистами); необходимость предельно четкого формулирования и коллективного обсуждения поставленных целей и задач; процесс коммуникации в ходе подобных проектов можно эффективно наладить с помощью современных технологических решений.

Информация об авторе

Габдуллин Арсений Ильич, аспирант Социологического института Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, a.gab@ya.ru

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ И ЗАКАЗЧИКОМ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Э. Гереп

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Несмотря на все возрастающий интерес к визуальной социологии, исследователи всерьез не задумываются над проблемой визуализации аналитических данных. Предлагается обсудить проблемы визуальных коммуникаций исследователя с заказчиком в академической среде и в коммерческих проектах.

Ключевые слова: визуальные коммуникации, визуальная социология, визуализация данных

В принципе, пассажи об информационном обществе уже стали обыденными в социологическом дискурсе, и, полагаем, у большинства исследователей они вызывают ответную реакцию уже на уровне рефлексов — стойкую скуку. Однако мы надеемся, что тема одной из основных составляющих современного информационного общества, а именно — визуализации жизни, еще не успела всерьез наскучить. С начала 1990-х гг. визуальная социология начинает набирать обороты [2]. И действительно, визуальная составляющая жизни общества, визуальная культура постепенно становится доминирующей формой культуры как таковой. В качестве одного из примеров можно остановиться на преобладании визуального контента над другими видами контента в социальных сетях на сегодняшний день.

Однако, несмотря на выделение самостоятельной отрасли социологии — визуальной социологии — и на все возрастающий интерес к этой теме, сами исследователи всерьез не задумываются над проблемой визуализации своих аналитических выкладок. В принципе, у социолога ситуация намного проще, нежели у исследователя в области естественных наук: вместо сложнейшей исследовательской аппаратуры социолог в лучшем случае имеет дело с SPSS и PowerPoint. Однако, если по использованию пакета SPSS написано немало учебных пособий, то по визуализации аналитических данных подобные книги можно перечислить по пальцам. Мы прежде всего ориентируемся на работу Дж. Желязны, директора по визуальным коммуникациям всемирно известной компании McKinsey [1].

Идея данного доклада возникла из: 1) 8-летнего опыта работы над визуализацией данных в проектах как ведущих транснациональных ком-

паний (Henkel, Heineken), так и для российских компаний (Сбербанк, Мегафон, МТС); 2) анализа выступлений коллег с презентациями на академических конференциях (преимущественно, российских); 3) курса лекций петербургским студентам-социологам о визуализации аналитических данных.

В докладе рассматриваются следующие вопросы:

1. Что лучше: быть проще или быть сложнее? Делать псевдонаучный фильтр для коммуникации со зрителем или опуститься до повседневного диалога?
2. Как визуализировать текст? Четыре шага презентационной аналитики: 1) классификация; 2) обобщение; 3) поиск взаимосвязей; 4) присваивание образов — работа с ассоциациями. Разбор типичных ошибок.
3. Как визуализировать цифры? Или как начать говорить на языке диаграмм, чтобы тебя понимали? Разбор типов диаграмм для разных исследовательских ситуаций. Представление диаграмм «user-friendly». Разбор типичных ошибок.
4. Общее оформление презентации: создание единого стиля презентации. Работа с ассоциациями зрителя: выбор цветов и общего стиля.

Мы очень надеемся на то, что данный доклад поможет исследователям как в академической среде, так и в коммерческих проектах улучшить свои визуальные коммуникации с заказчиком, повышая тем самым свою конкурентоспособность.

Список литературы

1. Желязны Дж. Говори на языке диаграмм. Пособие по визуальным коммуникациям для руководителей. М., 2004.
2. Штомпка П. Визуальная социология. М., 2007.

Информация об авторе

Герер Алексей Эдуардович, к. с. н., старший научный сотрудник СИ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ageger@gmail.com

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: НЕ УПРОЩЕНИЕ, А ДОПОЛНЕНИЕ. ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИОЛОГОВ И ДИЗАЙНЕРОВ

Л. В. Жвирблис, М. С. Черных, Д. В. Пономарев

Исследовательская группа «ЦИРКОН», Москва, Россия

Дизайн-бюро «Верстак», Москва, Россия

Аннотация. Представлен успешный опыт взаимодействия социологов и дизайнеров, демонстрирующий, что визуализация исследования — это не упрощение информации для заказчика, а объяснение сложной информации.

Ключевые слова: визуализация данных, местные сообщества, городские идентичности, инфографика

Боясь упрощений, ученые редко пытаются перевести исследования в иной формат, оставаясь верными текстовой подаче информации. Однако не всегда визуализация означает упрощение: при межсекторном взаимодействии социологов и дизайнеров появляется новый продукт, легко объясняющий сложный материал и воодушевляющий интересующегося читателя.

На примере отчета «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска и Ярославля — 2015» показаны основные этапы совместной работы социологов и дизайнеров, сформулированы цели, которые необходимо ставить перед каждой визуализацией, чтобы получить интересную и емкую инфографику, дополняющую и объясняющую текст.

Информация об авторах

Жвирблис Леля Владимировна, координатор проекта от Исследовательской группы «ЦИРКОН», Москва, Россия

Черных Мария Сергеевна, руководитель проектов и сооснователь дизайн-бюро «Верстак», Москва, Россия

Пономарев Денис Викторович, арт-директор дизайн-бюро «Верстак», Москва, Россия

ПРОБЛЕМАТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. А. Кошелев

СГУ им Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Аннотация. Анализируются результаты экспертного опроса «Значение консалтинговых услуг для руководителей малого и среднего бизнеса», проведенного для определения эффективности консультативной работы, с точки зрения руководителей и предпринимателей Саратова, в 2015 г. Четкое представление об эффективности консалтинговой деятельности получить не удалось. Необходимо дальнейшее научное осмысление эффективности, в частности, определение ее прозрачных критериев.

Ключевые слова: консалтинг, эффективность консалтинговой деятельности, бизнес-тренинг, бизнес-процессы, образовательные технологии, командообразование, стратегический менеджмент, тактический менеджмент

Любая консалтинговая деятельность требует соответствия ожиданиям клиентов, поэтому вопросы эффективности актуализируются с еще большей остротой, учитывая, что это относительно новое направление в портфеле услуг российского рынка.

В настоящее время существуют разнообразные подходы к понятию эффективность. По мнению А. И. Пригожина, эффективность — одна из возможных характеристик качества некоторой системы с точки зрения соотношения затрат и полученных результатов [2, с. 115]. Р. П. Рамелт определяет эффективность как сложный генетико-структурный комплекс, неразрывно связанный с диалектикой развития производительных сил; эта категория отражает закономерности формационного движения, переход от производства социалистического продукта к непосредственному производству общественного продукта и характеризуется определенной структурой (системой форм, критериев, показателей эффективности) [3, с. 86]. В самом общем смысле критерий эффективности — это показатель, выражающий главную меру желаемого результата, которая учитывается при рассмотрении вариантов решения. Такое определение дает отечественный исследователь в области консалтинга и управления Н. Я. Калужнова [1, с. 74].

С целью определения эффективности использования консалтинговых услуг с января по апрель 2015 г. проводился экспертный опрос «Значение консалтинговых услуг для руководителей малого и среднего бизнеса»,

участниками которого стали 30 руководителей и предпринимателей Саратова (46 % — мужчины и 54 % — женщины). Использовался очный и заочный тип анкетирования; выборка проводилась методом «снежного кома».

Анализ полученных данных показал, что 46 % респондентов — руководители отдела, 24 % — учредители или директора организаций и 30 % — старшие менеджеры. 50 % опрошенных занимают данную должность менее 1 года, 30 % — от 1 года до 3-х лет, 10 % — от 3 до 6 лет и 10 % — более 6 лет специализируются на управленческой работе. При этом 3 % респондентов не сталкивались с понятием консалтинг или консалтинговая деятельность; 40 % определили для себя консалтинг как вид интеллектуальной деятельности, направленный на решение производственных и коммерческих задач потенциальных заказчиков; 57 % респондентов указали, что консалтинг — это деятельность по консультированию руководителей или управленцев по широкому кругу вопросов в сфере финансовой, коммерческой, юридической, технологической, технической, экспертной деятельности. Таким образом, респонденты по-разному определяют для себя деятельность консультационных фирм и консультантов, а некоторые руководители очень размыто представляют, что такое консультирование.

При дальнейшей обработке анкет респондентов выяснилось, что 57 % уже обращались за консультациями в специальные фирмы, а 43 % подобными услугами не пользовались.

Из числа респондентов, обращавшихся к услугам консультантов, 10 % отметили, что прибегают к консалтинговым услугам в области бухгалтерии и юриспруденции, 14 % обращались за помощью по вопросам управления кадрами, 29 % респондентов утверждают, что их организация пользуется услугами консультантов в области бизнес-тренингов, 47 % руководителей интересовали советы в области стратегического и тактического менеджмента. Наиболее частые обращения к консультантам связаны с вопросами управления материальными и нематериальными ресурсами. Бизнес-тренинги пользуются популярностью у руководителей высшего и среднего звена.

Если говорить об эффективности консультативной работы, полученные данные показали, что наибольший результат имеет вмешательство консультантов в текущие дела организации, когда специалист выступает в роли эксперта и независимого наблюдателя, оценивая бизнес-процессы для поддержания их стабильности и предсказуемости. Такого мнения придерживаются 65 % респондентов, в то время как 10 % считают наиболее эффективной работу консультанта в узкоспециализированных секторах организации.

При выборе консалтинговой компании большая часть респондентов (54 %) принимают во внимание, прежде всего, направление и опыт консалтинговой организации, 23 % прислушиваются к мнению знакомых.

Респонденты, не обращавшиеся к услугам консультантов, в качестве основных причин отмечают отсутствие финансирования (46 %) или необходимости в подобных услугах (24 %), а также наличие собственных штатных сотрудников (30 %).

Результаты исследования показали, что 60 % респондентов рассматривают тренинги как эффективную форму совершенствования знаний в ключевых направлениях деятельности, в то время как 40 % видят в данном инструменте консультирования возможность реализовать идеи либо приобрести новый опыт. При этом 45 % респондентов из числа понимающих значение тренингов не участвуют в данных образовательных технологиях регулярно. Наибольший эффект от тренингов участники опроса видят в моделировании и решении конкретных ситуаций (40 %), повышении уровня квалификации сотрудников (40 %) и командообразовании (20 %).

Таким образом, большинство представителей бизнеса знакомы с понятием и функционалом консалтинговой деятельности. Наиболее востребованными сферами консультирования являются управление кадрами, бухгалтерия, тренинги, юриспруденция. При этом подавляющее большинство респондентов (47 %) нуждались в рекомендациях по стратегическому и тактическому менеджменту.

Проведенное исследование не дало четкого представления об эффективности консалтинговой деятельности. В качестве основного критерия наиболее часто упоминалась обратная связь в виде увеличения доходов после проведения соответствующих мероприятий. На наш взгляд, это несколько однобокая оценка в изучении данной проблематики, так как на увеличение доходов косвенно могут повлиять и другие факторы, например, сезонные колебания. Следует актуализировать дальнейшую необходимость научного осмысления эффективности, в частности, определение ее прозрачных критериев для дальнейшего развития консалтинга как нового сектора коммерческих взаимодействий.

Список литературы

1. *Калюжнова Н. Я., Мрочковский Н. С.* Роль консалтинга в развитии малого и среднего предпринимательства // *Фундаментальные исследования.* 2013. № 6 (Ч. 5). С. 1204—1209.
2. *Пригожин А. И.* Современная социология организаций. М. : Интерпракс, 2005.
3. *Рамелт Р. П.* К стратегической теории фирмы // *Вестник СПбГУ.* 2006. № 1. С. 83—102. (Сер. Менеджмент).

Информация об авторе

Кошелев Александр Анатольевич, к. с. н., доцент кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского, koshelev76@mail.ru

«ПУБЛИКАЦИОННАЯ ВАКХАНАЛИЯ»: О СТРУКТУРЕ ЖУРНАЛОВ, ВХОДЯЩИХ В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК

Д. В. Мальцева, С. Г. Ушкин

Исследовательская группа «ЦИРКОН», Москва, Россия

Аннотация. По основным наукометрическим показателям проанализирован новый перечень журналов, рекомендованных ВАК, и список российских журналов из баз SCOPUS и Web of Science (в том числе региональной ее версии — Russian Science Citation Index). Анализ позволяет разделить журналы на разные по объему группы на основе изучаемых параметров.

Ключевые слова: перечень ВАК, научные журналы, импакт-фактор, научное цитирование, индекс Хирша, Scopus, Web of Science, РИНЦ, SCIENCE INDEX

Публикация результатов научно-исследовательских проектов во многом определяет жизнь исследования после исследования: станут ли они известны профессиональной или более широкой аудитории, будут ли использованы заинтересованными сторонами, лягут ли в основу будущих эмпирических исследований, методологических и теоретических построений? Иными словами, будут ли они видимы заинтересованной в них аудиторией. Безусловно, одним из важнейших инструментов «опубликования» исследовательских работ является их публикация в виде статей в специализированных научных журналах, которая позволяет поддерживать незримое профессиональное сообщество, «невидимые колледжи» ученых, которые закономерно складываются в любой науке. Однако важным условием является принятие такого журнала как подходящего со стороны и самого «незримого колледжа», и других организаций, выполняющих функции регулирования института науки.

В последние годы в российской науке можно наблюдать повышение запроса на публикацию результатов научной деятельности, идущего со стороны регулирующих организаций. Безусловно, в первую очередь он касается академических ученых (работников НИИ, институтов, научных лабораторий), вузовских преподавателей, исследователей, молодых ученых (аспирантов), но он же задает определенную публикационную моду для всего сообщества. В области социологии требование увеличения результативности научной деятельности распространяется не только на академических социологов, но и на многих прикладников, профессиональные идентичности которых также включают принадлежность к университетам, кафедрам и научным организациям.

В России проводником государственной политики в области оценки научных и научно-педагогических работников является Высшая аттестационная комиссия при Министерстве образования и науки Российской Федерации (ВАК при Минобрнауки России). Список рецензируемых научных изданий, определяемых ВАК как допустимых для публикации основных результатов кандидатских и докторских диссертационных исследований, заложен в различные системы оценок и используется не только для определения качества работы собственно соискателей ученых степеней, но и научных сотрудников в целом. Его создание было мерой вынужденной, временной, но на поверку оказалось, что ничего более постоянного пока не найдено [О перечне...]. Попадание в этот список для журналов и других изданий выступает (или должно выступать) «своеобразным знаком качества» [2]. В начале 2015 г. было объявлено о кардинальном реформировании действующего списка, определяющего те журналы, публикации в которых будут засчитаны при различного рода оценках. Едва ли не в первую очередь в ВАК пообещали «затянуть гайки», исключив все подозрительные наименования. Поначалу казалось, что ситуация может действительно измениться, но парадокс состоял в том, что в новой редакции списка отсутствовали многие известные и уважаемые издания (в том числе существующие в электронном формате), традиционно определяющие мейнстрим современной социологической мысли, что вызвало бурное обсуждение на различных профессиональных сетевых площадках.

В связи с этим у авторов статьи появилась идея проанализировать новый перечень журналов, рекомендованных ВАК, с позиций того, в каких из них, по мнению регулирующей организации, следует публиковать результаты научных исследований, а также оценить возможность автора быть увиденным заинтересованным читателем на страницах этих журналов. Поскольку регулятор приветствует публикации в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, было решено дополнить список российскими журналами из баз SCOPUS и Web of Science (в том числе региональной ее версии – Russian Science Citation Index).

В список для анализа вошли 137 научных периодических изданий, из них 134 указаны на ресурсе «Перечень изданий ВАК (<http://perechen.vak2.ed.gov.ru/>)^{*}. В итоговом перечне 3 журнала представляют базу данных SCOPUS («Социологические исследования», «*Social Evolution & History*», «*Regional Research of Russia*»), а еще 13 — Web of Science («*Laboratorium*».

^{*} Количество статей на 26.02.2016. Журналы с кодом «22.00.00 Социологические науки» по отрасли науки и группе специальностей.

Журнал социальных исследований», «*Social Evolution & History*», «*Вестник Института социологии*», «*Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*», «*Журнал исследований социальной политики*», «*Журнал социологии и социальной антропологии*», «*Информационное общество*», «*Мир России: Социология, этнология*», «*Социологические исследования*», «*Социологический журнал*», «*Социологическое обозрение*», «*Социология: методология, методы, математическое моделирование*», «*Экономическая социология*»). Многие издания, включенные в различные перечни и списки, перекликаются между собой. В декабре 2015 — январе 2016 гг. на ресурсе «Научная электронная библиотека eLibrary.ru» были собраны данные по всему списку журналов по ряду параметров, в том числе по году основания и городу регистрации, количеству выпусков, статей и цитирований, принадлежности к Scopus, Web of Science, РИНЦ, ВАК, месту журнала в рейтинге SCIENCE INDEX и десятилетним показателям индекса Хирша.

В одном известном мультипликационном фильме говорится: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Представляя некоторые предварительные результаты нашего исследования, остановимся на названиях рассматриваемых журналов. Только 37 из них содержат указание на отраслевую специфику. Многие издания носят либо междисциплинарный характер («*Высшее образование сегодня*», «*Гуманитарий Юга России*», «*Интеллигенция и мир*» и т. д.), либо соотносятся с социологией только опосредованно («*Азимут научных исследований: педагогика и психология*», «*Вопросы статистики*», «*Государственная служба*» и т. д.), что говорит об их неспециализированной направленности.

Большинство журналов — в сумме около половины — зарегистрированы в столичных городах — Москве (45 %) и Санкт-Петербурге (7 %). География других изданий включает 35 городов России, и лидерами среди них выступают Краснодар, Новосибирск, Екатеринбург и Саратов — в них зарегистрировано 14 % изданий. Количество журналов по годам представлено на рис. 1. Средний возраст журналов составляет 30 лет. Самыми старшими из них являются «*Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»* (1910 г.), «*Вопросы статистики*» (1919 г.), «*Вопросы экономики*» (1929 г.). Самые «молодые» журналы выпущены в 2013 и 2015 гг.

В 2014 г. тройка лидеров по месту в общем рейтинге SCIENCE INDEX (среди всех российских периодических изданий) среди журналов по социологии выглядела следующим образом: «*Вопросы экономики*» (6), «*ПОЛИС. Политические исследования*» (7), «*Социологические исследования*» (16). Необходимо отметить, что всего 7 изданий из 137 входят в топ-100 рейтинга за 2014 г. Явными аутсайдерами пока являются

«Социология и право» (3067), «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология» (2915), «Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки» (2883); место 15 журналов не указано.

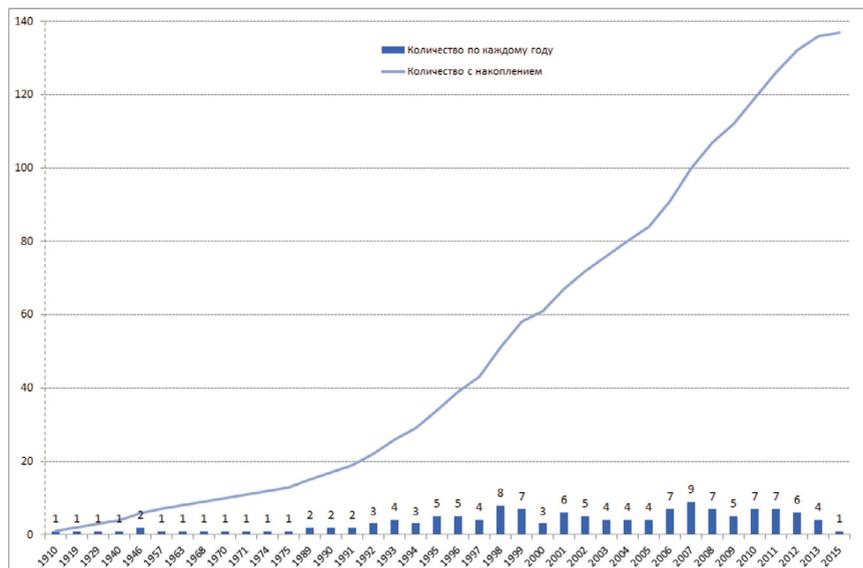

Рисунок 1. Количество журналов по годам

Перейдем к одному из основных наукометрических показателей — импакт-фактору журнала в РИНЦ, который традиционно призван отражать «отношение числа всех ссылок за определенный год на статьи журнала, опубликованные за два предыдущих года, к числу этих статей» [3]. Безусловными лидерами рейтинга по данному показателю выступают «Вопросы экономики» (3,354), «ПОЛИС. Политические исследования» (1,347), «Социологические исследования» (1,284) и «Мир России: Социология. Этнология» (1,174). Импакт-фактор других изданий существенно ниже. Необходимо отметить, что у 26 журналов данный показатель отсутствует, что косвенно указывает на их дисфункциональность. Средний импакт-фактор журналов в выборке составляет 0,256, а медианное значение — 0,122.

Другим важным показателем является десятилетний индекс Хирша. По данным за 2014 г., в топе здесь находятся «Вопросы экономики» (23), «Высшее образование в России» (20), «Социологические иссле-

дования» (19), «Социодинамика» (17), «Вестник университета» (16) и «Прикладная юридическая психология» (16) (примечательно, что журнал «Социодинамика» издается с 2012 г. и никак не может иметь десятилетнего индекса Хирша). При этом в группе лидеров два журнала продемонстрировали просто невероятные спринтерские качества по динамике, переместившись в 2014 г. по сравнению с 2012 г. на 14 позиций — это уже упомянутые «Социодинамика» и «Прикладная юридическая социология». Десятилетний индекс Хирша отсутствует у трех журналов — «П.О.И.С.К. (Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура)», «Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования» и «Вестник РГГУ. Серия „Философия. Социология. Искусствоведение“». Среднее значение индекса составляет 5,93, медианное — 5.

Третьим показателем выступает среднее цитирование. Вершину рейтинга занимают «Вопросы экономики» (45,8), «Социологические исследования» (19,3) и «ПОЛИС. Политические исследования» (18,7). Другие издания существенно отстают по данному показателю. Примечательно, что три журнала имеют нулевую среднюю цитируемость — это «Социальные и гуманитарные знания», «Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования» и «Вестник РГГУ. Серия „Философия. Социология. Искусствоведение“». Среднее значение данного показателя во всей выборке составляет 2,78, медианное — 1,15.

Анализ позволяет разделить журналы на разные по объему группы на основе изучаемых параметров. Следует отметить, что данный анализ имеет некоторые ограничения, вызванные спецификой информационных ресурсов, на которых размещена информация о журналах, входящих в список ВАК. Во-первых, в рассматриваемый список вошли только журналы, указанные на ресурсе ВАК на момент поиска информации; во-вторых, очевидно, что есть некоторое отставание в частоте обновления информации в библиотеке eLibrary (лишь у 75 % проанализированных журналов на личных страницах отмечена принадлежность к списку ВАК; можно предположить, что информация по другим важным показателям на страницах научных изданий также отсутствует или пока не обновлена). Между тем такой анализ полезен с точки зрения изучения процессов, происходящих в современной социологической науке.

Список литературы

1. Гершензон Л. Методы оценки влияния СМИ // Отечественные записки. 2003. № 4. С. 384—388.

2. *Илле М. Е.* Список ВАК: элитарный журнальный клуб или профанация качества научных публикаций // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 111—116.

3. *О перечне рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций* (Решение президиума ВАК от 2 марта 2012 г. № 8/13; Заключение президиума ВАК от 25 мая 2012 г. № 22/49) [Электронный ресурс]. URL: http://vak1.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/2012/news/03/8—13_ot_02.03.2012.pdf (дата обращения: 20.02.2016).

Информация об авторах

Мальцева Дарья Васильевна, к. с. н., специалист-аналитик Исследовательской группы «ЦИРКОН», старший научный сотрудник Лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ, Москва, Россия, d_malceva@mail.ru

Ушкин Сергей Геннадьевич, к. с. н., научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, преподаватель ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева», Саранск, Россия, ushkinsergey@gmail.com

ИНСТРУМЕНТАРИЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ БРЕНДОВ: ПАРТНЕРСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ С МАРКЕТОЛОГАМИ, PR- ЩИКАМИ, ГУРУ МУЗЫКИ, ИСКУССТВА, КУЛЬТУРЫ И МОДЫ

М. В. Овчинникова, М. С. Дрозд

SALT, Москва, Россия

Аннотация. Проанализирован опыт применения в маркетинговых исследованиях специального инструментария Hivemind7, основанного на коллаборации специалистов из различных индустрий. Рассматриваются суть и принципы партнерства исследователей с лидерами мнений (культурологи, маркетологи, представители индустрии развлечений и моды).

Ключевые слова: бренды, Hivemind7, маркетинговые исследования, лидеры мнений

Маркетинговые исследования призваны служить брендам. В процессе проведения исследований мы сталкиваемся с необходимостью выявлять результаты, обладающие высокой практической ценностью и позволяющие настроить траекторию бренда и максимизировать монетизацию.

Динамичность среды, в которой формируется и эволюционирует бренд сегодня, определяет необходимость смежной работы специалистов из различных индустрий в процессе проведения маркетинговых исследований. С помощью специального инструментария Hivemind7, объединяющего маркетологов, PR-щиков, гуру музыки, искусства, культуры и моды, мы выявляем культурные тренды и интегрируем их в брендинг, выстраивая стратегию в процессе проведения маркетинговых исследований.

Hivemind7 — это инструментарий, в котором можно интегрировать стиль жизни потребителей, культурный контекст и мир брендов. Отправной частью Hivemind7 является партнерство с лидерами мнений — теми, кто находится на острие культурной трансформации и проектирования социальных трендов. Hivemind7 оперативно выявляет релевантные исследуемой категории изменения культурного контекста и мира брендов.

Вершиной Hivemind7 является проработка выявленных в коллаборации с лидерами мнений культурных и брендовых изменений с целевыми аудиториями, отбор обладающих максимальным потенциалом и их транслитерация на язык потребителя.

Hivemind7 позволяет получать результаты, вдохновленные трендами культуры и сформулированные на языке потребителя. Такие результаты эффективно и оперативно внедряются нашими клиентами.

Информация об авторах

Овчинникова Марина Владимировна, директор по инновациям SALT, mo@salt-research.com

Дрозд Максим Сергеевич, генеральный директор SALT, md@salt-research.com

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАРТИРОВАНИЯ ДЛЯ ВИЗУАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ш. Ф. Фарахутдинов

Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Анализируется опыт применения метода социального картирования в социологических исследованиях на примере комплексного междисциплинарного исследования, направленного на изучение потенциала развития сельских территорий Тюменской области. Если объект исследования локализован в пространстве, метод визуализации информации в виде карт позволяет учитывать факторы, которые трудно описать количественными и качественными средствами

Ключевые слова: социальное картирование, кластерный анализ, социальное пространство, визуализация информации

Результаты социологических исследований, связанных с изучением различных аспектов жизнедеятельности социума, в отличие от маркетинговых, предъявляют меньше требований к эффективности оформления отчета. Это связано с тем, что основными потребителями здесь являются управленцы, которым для принятия решения по результатам исследований не нужна «упаковка». В то же время удобные для восприятия формы предоставления данных могут существенно улучшить понимание явлений и процессов, происходящих с объектом исследования.

Несмотря на то, что использование метода социального картирования в социологических исследованиях — явление не исключительное [1, с. 61], сотрудничество автора с профессиональным географом позволило раскрыть новые грани этого метода анализа и способа представления данных.

Использование кластерного анализа в социологических исследованиях применяется довольно широко. Однако очень часто перед исследователем стоит вопрос выделения оптимального количества кластеров, для того чтобы, с одной стороны, не впасть в излишнюю детализацию, с другой — качественно описать весь спектр возможных групп наблюдений, чтобы ответить на основные исследовательские задачи. В исследованиях, связанных с пространственной локализацией единиц наблюдения, использование социального картирования может оказать большую помощь в процессе определения оптимального количества кластеров.

В Тюменской области Советом муниципальных образований области при непосредственном участии автора проводится комплексное меж-

дисциплинарное исследование, направленное на изучение потенциала развития сельских территорий. Одна из задач проекта — описание процессов и явлений, связанных с поляризацией социального пространства сельских территорий области [2]. Процесс поляризации продолжается более 20 лет и является следствием изменения системы социально-экономических отношений в обществе, связанной с распадом СССР.

Административно-плановая система, существовавшая в советское время, основывалась на государственной собственности всех средств производства. При отсутствии частной собственности решения о создании и местоположении предприятий принимались государственными чиновниками. Многие предприятия создавались без учета ряда факторов: культурной и национальной специфики населения, ландшафтных особенностей территории, исторически сложившихся форм хозяйствования и др. Вместе с созданием предприятий изменялась и структура расселения людей. Когда советская система прекратила свое существование, в России возникла рыночная экономика, повлиявшая на многие процессы, происходящие в социуме. И если в больших городах адаптация к новой системе произошла достаточно быстро, то сельские территории до сих пор ощущают на себе действие перемен, которые касаются экономических, социальных, миграционных и других процессов.

Для того чтобы описать упомянутые процессы и возникающие вследствие этого явления, мы собрали различные статистические и социологические количественные и качественные данные о 293 муниципальных образованиях исследуемого региона. После стандартизации данных при помощи SPSS мы выделили ключевые показатели, характеризующие социально-экономическое состояние этих территорий, и на этой основе провели иерархический кластерный анализ с использованием метода Варда и меры Евклидова расстояния.

Считается, что в оптимальной кластерной модели число кластеров равно разности количества наблюдений и количества шагов агломерации, после которого расстояние между двумя кластерами увеличивается скачкообразно. Если не остановить кластеризацию на этом этапе, в общий кластер будут объединены значения, которые находятся друг от друга далеко. Есть риск, что в один кластер могут попасть слишком разные наблюдения.

Коэффициент показал, что в нашей выборке оптимально выделение 49 кластеров. Для содержательной характеристики каждого из них потребовалось бы много времени, а информация о большом количестве групп была бы не удобна для восприятия. Поэтому мы решили укрупнить кластеры, но так, чтобы не упустить при этом наиболее значимые отличия между наблюдениями.

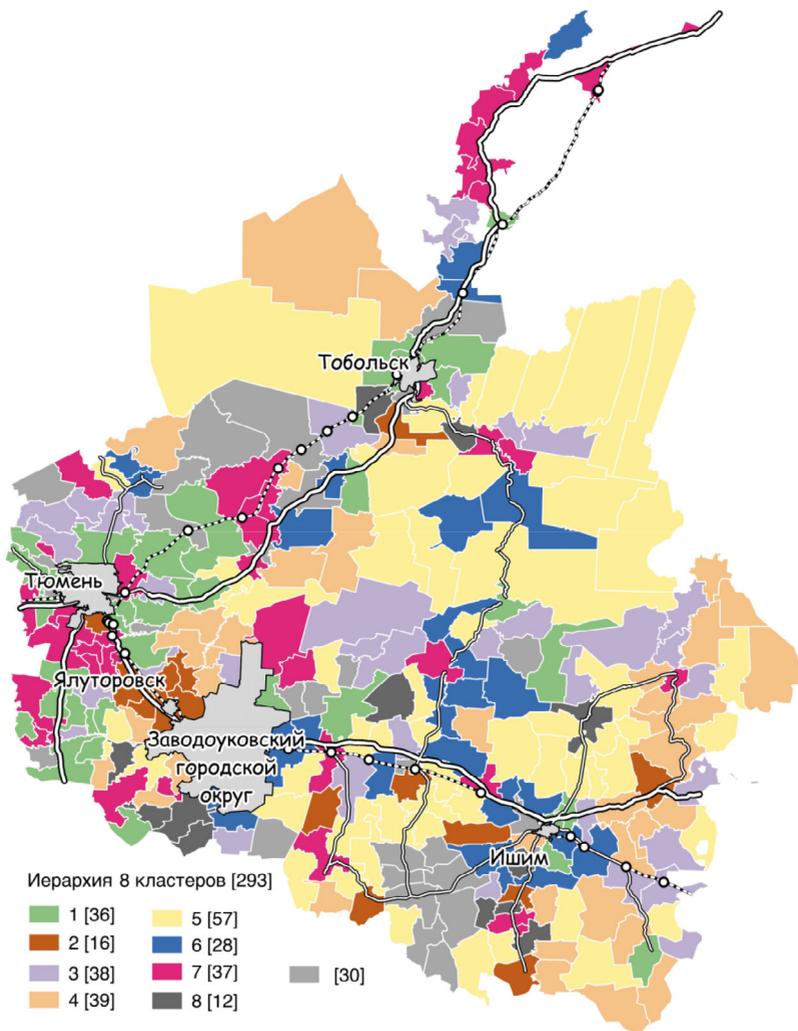

Рисунок 1. Распределение кластеров на территории Тюменской области

В ходе предварительного анализа выяснилось, что на процессы поляризации сельского социального пространства большое влияние оказывает географическое положение муниципальных образований. Природно-климатические условия, плодородие земель, степень удаленности от городов и крупных дорог, соседство с нефтегазовыми трубопроводными станциями, наличие на территории крупных медицинских

учреждений, сельскохозяйственных предприятий, границы с другими областями, национальные анклавы — все это «магниты» с различной силой притяжения или отталкивания.

Для того чтобы посмотреть, как кластеры располагаются в соседстве с этими «магнитами», мы воспользовались программой QGIS и расположили те и другие на карте. Полученная картина позволила отобразить, как, в зависимости от силы влияния того или иного центра, вокруг них и вдоль транспортных осей образуются кольца, полукольца и полосы населенных пунктов со схожей динамикой социально-экономических процессов (рис. 1). Последующий содержательный анализ позволил нам установить общие тенденции, выявить латентные механизмы поляризации, отбросить незначительные факторы, а также укрупнить и перестроить нашу кластерную модель. В результате мы получили 8 относительно устойчивых групп сельских поселений, сформировавшихся в результате поляризации сельского социального пространства в постсоветский период.

Описав эти группы, мы получили довольно подробную целостную картину, способную системно показать читателю процессы и явления, происходящие на территории.

Основной вывод, который был сделан в результате описанной работы, заключается в том, что использование социального картирования — это не только хороший способ визуализации данных для удобства их восприятия. Этот метод представляет отдельную ценность как исследовательский инструмент, позволяющий выявлять новые феномены. Если объект исследования локализован в пространстве, визуализация информации в виде карт при анализе позволяет учитывать факторы, которые трудно описать количественными и качественными средствами.

Список литературы

1. Скалабан И. А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства // Журнал исследований социальной политики. Т. 10, № 1. С. 61—78.
2. Фарахутдинов Ш. Ф. Потенциал сельской территории как предмет комплексного междисциплинарного исследования // Современные исследования в гуманитарных и общественных науках. Казань, 2015. С. 55—61.

Информация об авторе

Фарахутдинов Шамиль Фаритович, к. с. н., докторант Института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета, Тюмень, Россия, fshamil@mail.ru

06. Общественное сознание как инструмент преодоления кризиса

КРИЗИС И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РОССИЯН*

В. А. Аникин

Институт социальной политики НИУ ВШЭ, Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Представлен анализ данных мониторинга Института социологии РАН. Судя по его результатам, в России сохраняется доминирование ценностно-нормативной системы, характерной для обществ неозакаратического типа. Опасность державной модели в том, что государство ответственно за нарушения консенсуса в обществе, даже в тех случаях, когда власть не является их источником. Место, которое занимает восприятие россиянами, чьи трудовые права нарушаются, отношений между властью и народом в рейтинге наиболее острых противоречий современного российского общества, может служить индикатором рисков для легитимности власти.

Ключевые слова: национальное самосознание, макрообщность, неозакаратизм, державная модель, легитимация власти, ценностно-нормативный консенсус

Сегодня Россия вступила в очень значимую для нее фазу развития. Это не только время уникальных исторических событий в новейшей истории нашей страны, но и вхождение в зону новых рисков и испытание «русского проекта» на прочность.

Насколько этот процесс затронул коренные вопросы мировоззрения россиян, характерные для них представления о взаимоотношениях человека и общества, проблемах личной свободы, роли государства и т. п.? К чему приведет текущая ситуация — к возрождению элементов традиционного русского мировоззрения или к сближению с Западом? Готовы ли россияне поступиться личными интересами ради общественных? Как они реагируют на нарушение своих интересов и прав? Насколько болезненно они воспринимают структурное насилие коррумпированной власти и безнаказанность работодателей, нарушающих их базовые трудовые права, и выражают ли в связи с этим готовность

* По материалам, полученным в ходе работы над проектом «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполняемом в Институте социологии РАН за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218, руководитель проекта — М. К. Горшков). Автор выражает свою признательность руководству Института за возможность использовать материалы данного исследования в своей работе.

к насилию для разрешения конфликтов? Этим и другим вопросам посвящен данный доклад.

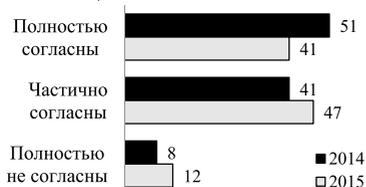
Для ответа на поставленные вопросы использовались данные мониторинга Института социологии РАН, проведенного по репрезентативной общероссийской выборке, включающей 4000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений.

Основные выводы:

1. В России сохраняется доминирование ценностно-нормативной системы, характерной для обществ неолитарного типа, стержнем которой является особая роль государства. Однако это отнюдь не подразумевает потребности в тоталитарном строе. Напротив, это следствие специфического для России восприятия общества как ипостаси «Державы».

О том, что в России сложилось державное восприятие общества, и это восприятие является всеобщим, красноречиво свидетельствуют многие данные. Подавляющее большинство российского населения (88%) осенью 2015 г. считало, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, а 84% ощущали близость с гражданами России как с «мы-группой» (рис. 1). При этом кризис практически не повлиял на идентичность россиян, хотя и способствовал росту частного интереса в противовес общему.

А) Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, %

Б) В какой степени респондентам близка формула «мы – граждане России», %

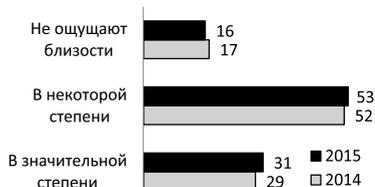

Рисунок 1. Динамика представлений россиян о роли макрообщностей, 2014—2015 гг., %

Нормы той модели общества, согласно которой интересы макрообщности оказываются важнее интересов личности, характерны для всех социально-экономических групп российского общества, без их ярко выраженной локализации в каких-то отдельных точках. Это говорит о том, что носителем державного понимания места общества и державной версии патриотизма является подавляющее большинство российского

населения, а отнюдь не периферийный контингент, как это принято думать в некоторых интеллектуальных кругах.

При таком восприятии государство от общества неотделимо, а власти выдается мандат на справедливую заботу о своем народе. Воплощение державной модели в глазах россиян предполагает всеобщую солидарность в отношении граждан и помощь тем, кто не преуспел или попал в беду. За ощущением «Державы» у россиян стоит чувство общности друг с другом как с представителями единого целого, существование которого основано на единстве взглядов на жизнь, норм и ценностей.

2. Такое восприятие отношений государства и общества для населения страны лежит в русле понимания России как особой цивилизации, что, будучи отличительной особенностью русского национального самосознания, оказывается социетальной скрепой всей макрообщности. Национальная модель самосознания включает при этом также «мы-идентичности», близкие к европейским, несмотря на то, что в полной мере ощущают себя европейцами лишь 8% населения (рис. 2).

	□ В значительной степени	□ В некоторой степени	
Люди таких же взглядов на жизнь	58	34	8
Люди тех же пристрастий и увлечений	53	37	10
Люди той же профессии, занятия	46	43	11
Граждане России	31	53	16
Люди такого же достатка	35	49	16
Люди той же национальности	28	56	16
Представители среднего класса	19	52	29
Представители рабочего класса	21	48	31
Бедные	9	41	50
Представители низшего класса	9	40	51
Европейцы	8	37	55

Рисунок 2. Особенности «мы-идентичностей» россиян (с кем они ощущают общность), 2015 г., %*

Такие двойственные идентичности (с важностью как микро-, так и макроуровня) свидетельствуют о наличии социокультурного основания для органичного сосуществования России со странами Запада при сохранении

* Респондентам задавали следующий вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей — с теми, о ком Вы могли бы сказать: „Это — Мы?“».

ее в границах национальных устоев. Это те позитивные функции сложившейся в России ценностно-нормативной системы, которые обеспечивают сегодня стабильное существование общества и даже мобилизацию человеческого потенциала страны для решения общенациональных задач. Как показали результаты исследования, социальной базой для решения этих задач может выступить средний класс как выразитель наиболее умеренной и полной версии национальной модели представлений об обществе.

3. Опасной, при определенных условиях, стороной этой модели взаимоотношений общества, государства и личности является то, что именно государство ответственно за нарушения консенсуса в обществе, даже в тех случаях, когда власть не является их источником. Как показывают результаты мониторинга ИС РАН, возросшее в кризис число случаев нарушения индивидуальных прав российских работников (преимущественно представителей рабочего класса) по вине российского бизнеса увеличивает у россиян ощущение того, что власть оторвалась от народа и находится с ним в остром противоречии. Противоречия между обществом и государством во всех его ипостасях ощущает около половины российского населения (рис. 3), а это несет колоссальную угрозу существующей власти, хотя консолидация нации под давлением Запада за последний год несколько смягчила это противоречие.

Рисунок 3. Динамика некоторых противоречий российского общества в оценках населения, 2003—2015 гг., % (можно было дать до трех ответов)*

* Позиция противоречия между властью и народом была включена в опросы лишь в 2005 г., 2014 г. и октябре 2015 г. Соответственно, данные по этому показателю приведены за эти временные точки, так что 2008 г. на рисунке соответствует 2005 г., а точка 2013 г. отражает данные за 2014 г.

Сокращение на этом фоне важности этнорелигиозных противоречий говорит, с одной стороны, о ситуативности этого типа противоречий в современной России, а с другой — о гораздо большей болезненности для россиян и *фундаментальном характере противоречий между государством и обществом*. Как следует из данных, приведенных на рис. 3, общество болезненно реагирует на пассивную позицию власти по ликвидации несправедливости — ведь гарантия справедливости является ключевой функцией для легитимизации власти в неозэтакратической модели общества. Именно эта функция власти ставится под сомнение с ростом несправедливости в стране из-за текущего кризиса. Если еще весной 2014 г. лишь четверть населения отмечала, что в обществе растет несправедливость, то к осени 2015 г. эта доля возросла до 35 %.

4. Серьезно увеличивают риски социальных конфликтов и делегитимацию власти снижение социальной защищенности работников и наступление работодателей на их права под предлогом кризиса, которые все шире распространяются в условиях экономической рецессии (табл. 1).

Таблица 1. Динамика социально-экономической защищенности россиян на рабочем месте, 2014—2015 гг., % от работающих

Показатели	2014	2015
Своевременная выплата зарплаты	92	89
Официально оформлены на работу	76	70
«Белая» зарплата	66	63
Оплата отпуска и больничного листа	68	60
Соблюдаются все эти права	56	47
Имеют дополнительные социальные блага	15	6

Использование российским бизнес-сообществом ситуации кризиса в целях более полной реализации своих интересов в большей степени сказывается на самой власти, а не на бизнесе. Данные показывают, что подавляющее большинство вопиющих нарушений работодателями прав россиян в трудовой сфере бумерангом отражаются не столько на отношениях собственников и наемных работников, сколько на ценностно-нормативном консенсусе, который сложился в обществе: на легитимности власти, несущей ответственность за «Державу» вообще и справедливость действий работодателей в частности. Лакмусовой бумажкой таких рисков является место, которое занимает восприятие россиянами, чьи трудовые права нарушаются, отношений между властью и народом в рейтинге наиболее острых противоречий современного российского общества. О том, что именно этот показатель может служить индикатором рисков

для легитимности власти, говорит статистически значимая сопряженность этого показателя с явным недоверием президенту, правительству, Государственной Думе и органам местного самоуправления (42, 35 и 36 % соответственно), а также нежеланием поддерживать деятельность В. Путина на посту Президента России (39 % против 32 % по населению).

Власти необходимо более внимательно следить за ситуацией на рынках труда, фокусируя внимание на рабочие специальности. Не стоит полагаться на терпение русского народа в надежде на то, что проблема сама рассосется и бизнес по своей воле перестанет притеснять трудящихся. В рамках ценностно-нормативной модели общества, в которой государство является стержнем общественной жизни, российские трудящиеся могут надеяться только на государство как наединственный гарант соблюдения их прав и интересов. Активная роль государства сегодня очень востребована обществом, особенно когда институциональные возможности населения донести свои чаяния до власти, как и возможности бороться за свои права, оставаясь в рамках закона, сильно ограничены.

Список литературы

1. *Anikin V. A. Motivation to work in Russia: the case of protracted transition from non-competitive to competitive system // J. Comparative Economic Studies. 2013. Vol. 8.*
2. *Hofstede G. Culture's consequences : Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2001.*
3. *Гудков Л. Негативная идентичность. М. : Новое литературное обозрение, 2004.*
4. *Гудков Л., Дубин Б. Конец 90-х годов: затухание образцов // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1 (51).*
5. *Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М. : Аспект-Пресс, 1996.*
6. *Каравай А. В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 2.*
7. *Кон И. С. Маскулинные и фемининные культуры. Интерлюдия // И. С. Кон. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009.*
8. *Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый. Спб., 1913.*
9. *Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995—2010 годы // Общественные науки и современность. 2011. № 4.*
10. *Холодковский К. Г. Двойственность российской идентичности // Политика. 2011. № 1. С. 85—97.*

11. *Шкаратан О. И.* Становление постсоветского неозакратизма // *Общественные науки и современность.* 2009. № 1.

Информация об авторе

Аникин Василий Александрович, к. э. н., доцент факультета экономических наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, Москва, Россия, vanikin@hse.ru

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

С. А. Барсукова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Проанализированы результаты социологического исследования, проведенного в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ в Пензенской и Ульяновской областях с целью изучения консолидации социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов. Сравнение данных за несколько лет позволяет проследить изменения в нравственном сознании населения современной России.

Ключевые слова: полиментальность, нравственное сознание, измерение ценностей

Современные исследования, выполняемые в рамках различных наук о человеке, демонстрируют рост интереса к комплексу нравственных оснований, способствующих становлению идентичности и системы отношений как личности, так и социальных групп. Общекультурные нравственные ценности как отражение общественного сознания являются теми жизненными ориентирами, которые обеспечивают необходимую степень порядка и предсказуемости в социальной группе, ведут к интеграции общества, росту взаимопонимания между членами группы, их солидарности и взаимопомощи. В эпоху затянувшихся социально-экономических кризисов моральный облик российского общества является «болевым точкой» общественного сознания, источником тревожности и озабоченности для многих россиян [4]. Поэтому мониторинг процессов, происходящих в нравственной системе общества, становится чрезвычайно актуальным.

Кризисные периоды в истории народов и государств характеризуются трансформацией традиционных ценностей. Следует отметить, что мораль постиндустриального общества многократно подвергали анализу зарубежные постмодернистские социологи. По мнению английского социолога З. Баумана, урбанизация современной жизни приводит к тому, что социальные отношения по большей части ограничиваются обменом

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

и утрачивают моральный аспект человеческих отношений; «правилом становится поведение, свободное от моральных оценок» [1].

В. М. Соколов еще в 1990-х гг. с большой долей вероятности прогнозировал возрастание значимости сугубо эгоистических ценностей в нравственном сознании россиян [7]. Современные исследования фиксируют серьезные изменения в шкале жизненных ориентаций у многих людей: значительно уменьшилась сфера социального и возросло значение сугубо индивидуалистических ценностей [6]. Данный процесс нельзя охарактеризовать как однозначно негативный. Положительным в нем является развитие такого важного духовного качества, игнорируемого ранее, как осознание себя свободной, независимой, самоценной личностью, стремящейся к самореализации и желающей опираться прежде всего на собственные силы и возможности. В то же время нельзя игнорировать и отрицательные аспекты нравственной переориентации людей: у многих отступают на задний план или исчезают вообще такие ценности, как стремление быть полезным людям, находить смысл жизни в общественно значимой работе, в создании крепкой семьи и т. д. Ценности нравственного сознания на протяжении 15 лет были предметом исследований, проводимых Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. В целом исследования дают основания для вывода о том, что одной из форм социально-психологической адаптации людей к действительности стала их социальная мимикрия, т. е. коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения в соответствии со стандартами новых взаимоотношений.

Нередко это приспособление выражается в амбивалентности моральных воззрений — несогласованности между исповедуемыми идеями и принципами нравственности, с одной стороны, и реальным уровнем моральных требований к себе и окружающим — с другой [2]. В. Е. Семенов, обсуждая духовно-нравственные проблемы нашего общества в контексте своей концепции российской полиментальности, отмечает, что ситуация в нашем обществе нередко трактуется недостаточно адекватно, так как не учитывается его сложный полиментальный характер [5]. С точки зрения автора, в современной России среди базовых ментальностей у населения преобладают православно-российский и коллективистско-социалистический менталитеты, между которыми есть некая генетическая связь: вера в Бога и рай на небе трансформировались в веру в харизматического вождя и рай на земле, общинность христиан-крестьян превратилась в советский коллективизм.

Институт инновационных маркетинговых исследований GIM (Россия), входящий в международную сеть GIM—Institute of Innovative Market Research (штаб-квартира в Гейдельберге, Германия), представляет ре-

зультаты очередной волны измерения актуальных ценностей россиян. Исследования проводятся ежегодно с 2007 г. по единой методике GIM Value Visuals. Сравнение данных за несколько лет позволяет проследить, как трудные времена повлияли на умонастроения наших соотечественников: за последний год они стали больше ценить духовность, смелость и творческое начало; в то же время снизилась значимость амбиций, развлечений, власти, престижа, индивидуальности, благополучия [3].

В рамках вышеуказанного научно-исследовательского проекта РГНФ проведено социологическое исследование в Пензенской и Ульяновской областях (выборка квотная по полу и возрасту, $N=1350$). Более трети опрошенных (36,8 %) считает, что современное российское общество в настоящий момент характеризуется разобщенностью и рассогласованностью. Почти половина респондентов (49,9 %) уверены, что большинству людей нельзя доверять, среди молодежи так считают 66 %. Кроме того, более 70 % респондентов считают, что за последние 5—10 лет резко усилилась агрессивность в отношениях между людьми и, в то же время, значительно ослабили способность к сотрудничеству (44,5 %), душевность и доброжелательность (60,6 %), бескорыстие, готовность помочь другому (64,7 %).

Молодые респонденты в большей степени, чем лица зрелого возраста, озабочены ослаблением таких качеств, как способность к сотрудничеству (50 % против 39 %), верность товарищам (57,8 % против 44,7 %). Более 70 % респондентов старшего поколения считают, что ослабло уважение к старшим, а среди респондентов зрелого возраста таких 52 %. Результаты показывают преобладание негативных позиций в оценке динамики происходящих процессов в сфере морального состояния российского общества. Подобная тенденция проявляется во всех социальных группах, однако наибольшую обеспокоенность мы наблюдали со стороны лиц, имеющих низкие доходы, занятых в негосударственном секторе экономики и проживающих в поселках городского типа. Следовательно, именно эти социальные группы в наибольшей степени ощущают на себе последствия изменений в сфере нравственных отношений. Эмоциональное состояние при таких оценках можно охарактеризовать как состояние незащищенности и угнетенности. При этом наше исследование вскрыло противоречие: соблюдение нравственных принципов при реализации своих жизненных планов остается ведущей ценностью лишь для 18,5 % респондентов.

Анализ особенностей ценностной системы россиян показал преобладание ориентации на традиционные ценности. Группа лиц, ориентирующихся на коллективные ценности, составляет, по нашим данным, около 35 %. Индивидуалистические ценности близки 25 % нашей выборки.

Что же касается остальных 40 % сограждан, они могут быть отнесены к представителям смешанного типа, чьи взгляды носят не полностью согласованный характер, совмещая в себе коллективистские и индивидуалистические установки и ценности одновременно. Группы с разными типами нравственной ориентации сближает общий для них запрос на такие качества, как честность, бескорыстие, душевность и доброжелательность.

Важной функцией ценностей является прогностическая, поскольку ценности регулируют не только нынешнее состояние отдельного человека и общества, но и определяют общие принципы жизни, цели, задачи и идеалы в будущем. Если рассматривать модернизационный потенциал различных возрастных групп, опираясь на результаты нашего исследования, можно предположить, что такие идеалы гражданского общества, как свобода, ответственность, нравственная зрелость, способны поддержать около 20 % населения. Остальная часть способна совершать нравственные поступки либо из страха перед наказанием, либо из потребности в идентификации с другими. Конечно, окончательные выводы должны быть основаны на более масштабных исследованиях.

Список литературы

1. Бауман З. Мыслить социологически : учебное пособие / пер. с англ. : под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Аспект Пресс, 1996.
2. Бойков В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 46—51.
3. Демидов А. М. Исследования компании GfK Rus // Маркетинг в России и за рубежом. 2009. № 6. С. 94—95.
4. Кириллина Т. Ю. Становление социологии морали: социолого-исторический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009.
5. Семенов В. В. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб. : Изд-во СПбгос. ун-та, 2008.
6. Ситкевич Н. В. Особенности трансформации нравственных ценностей в условиях информатизации общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011.
7. Соколов В. Н. Нравственные коллизии современного российского общества // Социс. 1993. № 9. С. 42—52.

Информация об авторе

Барсукова Светлана Александровна, к. пед. н., доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, sveta_barsukova@inbox.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Д. Ф. Дараган

Аннотация. Рассматривается проблема трансформации общественного сознания в условиях кризиса. Исследуется протестный потенциал общественного сознания в современной России. Подчеркивается, что, изучая общественное сознание, можно не только оценить деятельность государственного аппарата, но и прогнозировать митинги и различные акции протеста как результат политики, которая не совпадает с ожиданиями населения государства.

Ключевые слова: общественное сознание, протестный потенциал, прогнозирование

Общественное сознание как содержание духовного бытия общества прямо или косвенно отражает общественную жизнь, т. е. материальные условия жизни людей и их материальные отношения. Однако оно имеет относительную самостоятельность от общественного бытия и может влиять на него. Общественное сознание не является суммой отдельных сознаний, а объединяет их общее содержание [6].

Современный этап развития российского общества характеризуется разнообразными изменениями во многих сферах бытия и трансформацией общественного сознания, исследование которой необходимо для углубленного и разностороннего понимания текущих проблем общества, возникших под влиянием социального кризиса в государстве и влияющих на дальнейшее становление и развитие общества.

Выявление и анализ изменений общественного сознания, отношения к кризису и его оценки в сознании людей должны быть методически определены и обусловлены для полного и обширного понимания дальнейших действий. В условиях кризиса, в общественном сознании может возникать расположенность к проведению митингов и акций протеста, особенно если действия государства не совпадают с волей и потребностями людей. В последние годы это явление было распространено в Европе, где фермеры, занимающиеся продажей своих товаров на зарубежный рынок, несли огромные убытки из-за санкций против России.

Эмоциональное поведение можно выразить в определенных числовых показателях и индексах. Так, индекс общественного протестного потенциала показывает, насколько россияне считают возможными массовые акции протеста. Чем выше значение индекса, тем больше респонденты

видят возможность проведения акций протеста в своем или другом населенном пункте.

Россияне, которые принимали участие в таком опросе от Левада-центра, отказались приходить на митинги и акции протеста из-за снижения уровня жизни, связанного с падением российской экономики. Около 70 % россиян считают, что выход на улицу протестующих людей маловероятен. Однако доля тех, кто счел митинги возможными, в 2016 г. возросла до 24 % (с 18 % в октябре 2015 г.). Принять участие в данном мероприятии готовы около 16 % опрошенных, при этом большинство респондентов (77 %) заявили, что на такие акции не пойдут [5]. Небольшое количество опрашиваемых все же видит возможность проведения акций протеста.

В России одно из последних проявлений недовольства произошло на фоне повышения налога для водителей тяжелого транспорта. Эта крупнейшая акция протеста прошла во многих регионах России. По всей стране тысячи дальнбойщиков выразили свой протест против системы «Платон», цель которой — получение дополнительной платы за проезд по федеральным трассам для стабилизации экономики России в условиях кризиса.

Следует отметить, что общественное сознание формируется на основе не только негативных событий, но и всех значимых событий последних лет. Важным звеном, которое изменило общественное сознание в 2014 г., стало присоединение Крыма как одного из субъектов РФ. Более 90 % россиян поддержали это решение. Это объясняется просто — в сознании многих россиян Крым всегда ассоциировался с Россией как бывшая часть СССР. Данные были получены в результате опроса ВЦИОМ и ФОМ [1].

Очевидно, что общественное сознание тесно связано со сферой политики. Стабильность государства зависит от совпадения коллективного сознания и деятельности высших органов власти. Показателем гармонии общественного бытия и коллективного сознания является рейтинг одобрения работы Президента РФ: в 2014 г. его работу оценили положительно около 84 % населения Российской Федерации [3]. В 2015 г. рейтинг одобрения работы В. В. Путина достиг уровня 89,9 %, установив новый рекорд. Эти результаты были предоставлены ВЦИОМ [2]. Они напрямую доказывают, что направление и работа государства в целом совпадают с пожеланиями его народа.

Несомненно, кризис, затронувший различные сферы государственной политики, и в первую очередь — экономическую, является важным фактором развития общества на современном этапе. В результате быстро происходящих изменений, затрагивающих население государства, происходит закономерная динамическая трансформация коллективного

сознания, которая выражается в одобрении или неодобрении политики государства.

Таким образом, изучая общественное сознание, можно не только оценить деятельность государственного аппарата, но и прогнозировать митинги и различные акции протеста как результат политики, которая не совпадает с ожиданиями населения государства. На сегодняшний день, судя по результатам социологических опросов, общественное сознание и реальная жизнь находятся в относительной гармонии, однако исследование общественного сознания необходимо из-за нестабильности общества в период кризиса — когда общественное сознание в большей степени может отличаться от общественного бытия.

Список литературы

1. *15 лет поддержки* — электоральный рейтинг Владимира Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/9920> (дата обращения: 15.03.2016).
2. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2958. Рейтинг Путина — на новой рекордной высоте [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438> (дата обращения: 15.03.2016).
3. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3009 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115530> (дата обращения: 15.03.2016).
4. Дорохова Ю. В., Игнатова Т. В., Проказина Н. В. Молодежь Орловской области в 2015 г. : Информационно-социологический бюллетень / под ред. П. А. Меркулова. Орел : Изд-во Орловского филиала РАНХиГС, 2015.
5. Информационное агентство Национальная служба новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://nsn.fm/hots/rossiyane-otkazalis-vykhodit-na-mitingi-iz-za-padeniya-ekonomiki.php> (дата обращения: 15.03.2016).
6. *Краткий справочник по философии* / составитель Г. В. Петров. Псков : ПГПИ, 2004.

Информация об авторе

Дараган Дмитрий Федорович, студент II курса факультета «Государственное, муниципальное управление и экономика народного хозяйства» Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия, daragan.dim@yandex.ru

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

О. М. Дудина, Н. И. Киселева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Представлены результаты опроса, проведенного в ноябре 2014 г. в рамках проекта «Российское общество и вызовы времени» Института социологии РАН. Анализ полученных данных показал, что у действующей власти еще есть некоторый резерв общественного терпения. При этом можно говорить о латентно существующем расколе в российском обществе, что характеризует общую ситуацию в социальной, внутриэкономической и внутривластной сферах как неблагоприятную.

Ключевые слова: социальное самочувствие, экономические санкции, социальная напряженность

Социальное самочувствие общности и общества стало важным предметом исследований социально-психологической и социологической наук. Его значимость для безопасного функционирования и нормального воспроизводства общества показана в методике оценки предельно критических показателей общества, разработанной под руководством академика Г. В. Осипова. Социальное самочувствие представляет интегральный показатель эмоционального и психофизического реагирования людей на изменение социальных условий, которое преломляется через призму ценностных ориентаций и оценки удовлетворенности своих потребностей.

Актуальность изучения этого феномена обусловлена тем, что последние годы характеризовались нестабильностью экономической и политической ситуации в мире, изменением соотношения различных сил, выступающих на международной арене, обострением международной обстановки, ухудшением как мировой, так и внутривластной экономической ситуации, режимом экономии государственного бюджета. Введение экономических санкций со стороны западных стран привело к тому, что общество было поставлено перед необходимостью перейти к другим стандартам потребления; в то же время другой значимой причиной такого перехода, по-видимому, стали реализуемые на уровне государственной власти и связанные с перераспределением ресурсов внутри страны меры поддержки в отношении Крыма и Донбасса.

Понятие «социальное самочувствие» успешно разрабатывается в отечественной науке примерно с середины 1980-х гг. За этот пери-

од его содержание неоднократно обсуждалось на страницах научных публикаций. В досоветский период оно привлекало внимание ученых, изучавших душевное состояние военнослужащих, находящихся в боевой обстановке [1].

Основные элементы социального самочувствия — удовлетворенность разными аспектами жизни, уверенность в завтрашнем дне, наиболее беспокоящие проблемы, оценка социальной значимости экономических и политических реформ, степень готовности к новым испытаниям, связанным с их продолжением, отношение к деятельности властных структур.

Ведущие социологические центры страны — Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд общественного мнения (ФОМ), ЦИРКОН, ГФК-Русь — предлагают свои варианты показателей социального самочувствия. ВЦИОМ на основе репрезентативных выборок рассчитывает индекс оценки положения дел в стране и индекс социального самочувствия; ФОМ составляет рейтинг социального самочувствия регионов России.

Однако наиболее полную версию показателей, по нашему мнению, предложила Л. Е. Петрова, которая выделила 6 групп показателей: 1) уровень притязаний; 2) характеристика активности субъекта; 3) идентификационная стратегия; 4) удовлетворенность реализацией жизненной стратегии; 5) временные характеристики; 6) объективные детерминирующие факторы: среда выхода, статус субъекта социального самочувствия [2].

Подход интересный, но, на наш взгляд, следует обязательно включить объективные и субъективные факторы, влияющие на социальное самочувствие, в социальные показатели, которые фиксируют само явление. Оправданно будет и включение в показатели социального самочувствия оценки здоровья изучаемой общности.

В большом проекте «Российское общество и вызовы времени» Института социологии РАН (грант Российского научного фонда, проект 14-28-00218; выборка — 4000 чел., опрос проведен в ноябре 2014 г.) [3] нашло отражение многоаспектное изучение трансформационных процессов в российском обществе.

Самооценка повседневного настроения, доминирующие эмоции превалируют в спектре настроений: россияне вполне спокойны, но для 25,2% опрошенных характерно ощущение тревоги.

Оценка нынешней ситуации в России в целом: сегодняшний мир находится в состоянии глубокого кризиса и даже на пороге катастрофы, всевозможных потрясений.

Собственное материальное положение: 60,6% респондентов удовлетворительно материально обеспечены.

Оценка своего здоровья: 55,2% считают его удовлетворительным.

Выбранные показатели демонстрируют стартовые условия, с которых началось воздействие антироссийских экономических санкций на простых россиян; можно сказать, что запасов прочности, чтобы пережить их, в том числе замораживание зарплат и пенсий, — очень мало.

Последствия санкций в ноябре 2014 г. выражены только у 1/3 россиян (34,6%). Формы проявления санкций: для 49% опрошенных имеет значение рост курса доллара и евро.

Доверие к федеральным и региональным властям (не в целом, а лишь в связи со стремлением властей переложить тяготы сложившегося внутриэкономического положения на простых людей, а также на малый и средний бизнес) низкое. Доверие к Президенту РФ растет, а к правительству и прочим ветвям федеральной власти ниже — доверие не столь однозначно выражено, но находится явно не на кризисном уровне.

Уровень доверия высвечивает реальную ценность политических институтов (с точки зрения их устойчивости). Например, чем в содержательном плане различаются высокие уровни доверия к Президенту РФ и к российской армии? Из приведенных данных видно, что в обоих случаях рассматриваемые показатели весьма высоки, однако в отношении президента опрошенные демонстрируют значительно большее единодушие (суммарная доля недоверяющих и затруднившихся — 22,1%), а в отношении вооруженных сил, притом что доля доверяющих также высока, число придерживающихся иных мнений составило уже 38%, что значительно больше и обеспечивает меньшую устойчивость отношения в обществе к данному институту).

В то же время заметная группа россиян (40,2%) считает, что антироссийские санкции в основном повлияют на узкий круг политиков и крупных бизнесменов, а также на богатые слои населения России. Такое разделение мнений, скорее, можно отнести к области социальной мифологии или же расценить как специфический для современной России вариант мирного проявления «классовой ненависти» или, как минимум, социальной напряженности. Кроме того, приведенные данные могут говорить о латентно существующем, до поры скрытом расколе в российском обществе, что характеризует общую ситуацию в социальной, внутриэкономической и внутривнутриполитической сферах как неблагоприятную.

А на фоне распределения мнений об отношении людей к различным значимым событиям последнего года эти данные еще рельефнее иллюстрируют адекватность высказанного нами ранее предположения о расколе в обществе и очагах социальной напряженности в социуме.

Обращают на себя внимание различия в распределении долей респондентов, придерживающихся соответствующих точек зрения. Так, по от-

ношению к событиям, имеющим существенное внутривнутриполитическое или внутриэкономическое значение (значимым для страны с точки зрения улучшения состояния экономики или для повышения уровня самоуважения, общего уровня патриотизма граждан), опрошенные демонстрируют значительно большее согласие, чем в случаях событий, малозначимых именно для страны (и, соответственно, мало сказывающихся на социальном самочувствии граждан).

Отметим, что практически все россияне информированы о введении санкций, лишь единицы (6,1 %) сказали, что они ничего не знают о санкциях. Чувствуется также парадоксальность сознания россиян. При удовлетворительных оценках материальной обеспеченности, только 55,2 % (т. е. чуть больше половины) заявили, что не готовы поддержать меры по возрождению России, даже если эти меры будут связаны с падением уровня жизни населения. Казалось бы, большинство — например, около 4/5 — должны были бы сказать, что «мы и хотели бы, но у нас нет ресурсов, чтобы поддерживать такие меры», но тем не менее таких оказалось только 55%! Но все же, в дальнейшем, по мере заполнения анкеты, реалистическая позиция в сознании респондентов взяла реванш: определенно высказались о том, что они не готовы поддержать такие меры, как замораживание в ближайшие годы заработных плат и пенсий, и не могут согласиться с повышением налогов для граждан 83,5 и 81,6 % респондентов соответственно. Субъективные оценки неготовности россиян подтверждаются и ответами об основных источниках дохода: 72,2 % респондентов таковым считают зарплату, еще 32,1 % указали на пенсии, пособия, алименты, помощь от государства и общественных организаций, и третий по значимости источник (17,0 %) — это подсобное хозяйство, дача, приусадебный участок. При этом на момент проведения исследования среднемесячный доход в семье на 1 человека составлял 16 820 рублей.

Таким образом, с нашей точки зрения, ответы россиян в опросе 2014 г. еще достаточно оптимистичны по поводу влияния санкций и возможности их пережить. Более того, у действующей власти еще есть некоторый резерв общественного терпения: так, отвечая на вопрос об адресности вероятной поддержки со стороны общества, больше половины россиян склоняются на сторону действующей власти:

«В случае возникновения конфликта между властью и политической оппозицией, кого Вы скорее готовы поддержать?»

- 55,1 % — скорее, готовы поддержать власть;
- 6,9 % — скорее, готовы поддержать оппозицию;
- 37,1 % — никого из них не готовы поддерживать;
- 0,9 % — затруднились ответить.

Однако, оставив позади 2015 г., на наш взгляд, люди высказались бы более определенно и критично о том, во что для них вылились последствия экономических антироссийских санкций.

Список литературы

1. *Дружинин К.* Исследование душевного состояния в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. СПб., 1907.
2. *Петрова Л. Е.* Социальное самочувствие молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/12—2000/006.PETROVA.pdf> (дата обращения: 16.02.2016).
3. *Российское общество и вызовы времени.* Книга первая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова ; Институт социологии РАН. М. : Весь Мир, 2015.

Информация об авторах

Дудина Ольга Мухаметшевна, к. ф. н., доцент кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, OMDudina@fa.ru, dudinaom@yandex.ru

Киселева Наталья Ильинична, к. с. н., доцент кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, silinat@yandex.ru

ПРИОРИТЕТЫ ЧЕЛОВЕКА В ИНДИВИДУАЛИЗИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ: АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ ГАЙДОВ

О. В. Захарова, А. А. Маракасова

*Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой РАН, Санкт-Петербург, Россия
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

Аннотация. Изучаются варианты жизненных гайдов, предлагаемых индивиду медиаструктурами в ответ на вызовы времени и неопределенность в отношении к окружающей реальности. Для проведения исследования выбраны тематические группы социальной сети «ВКонтакте». Используется метод контент-анализа с помощью программы Content.Pro.

Ключевые слова: жизненный гайд, траектория развития, диффузность общества, супериндустриализм, медиапространство, контент-анализ

Вопрос о силах, влияющих на траектории развития индивида, во все времена оставался одним из наиболее обсуждаемых в гуманитарных науках, к нему обращаются снова и снова. И в условиях современного динамичного общества он не утратил свою актуальность — скорее, наоборот, приобрел новые очертания. Данный вопрос связан с темами поиска идентичности и встраивания индивида в систему общественного целого. Как отмечают многие теоретики, для современного общества характерна диффузность и калейдоскопичность социальных процессов [1]. З. Бауман пишет об ускользающей реальности постмодернити, Э. Тоффлер о шоке будущего и супериндустриализме с его развитием индустрии ощущений, У. Бек о новом обществе риска, а Р. Сеннет — о коррозии характера. В данных работах речь идет о становлении глобального общества, ускорении всех событий и процессов, разрозненности траекторий жизненных путей и направлений развития, хаотичном состоянии шока индивидуумов, пораженных калейдоскопичностью и фрагментарностью окружающей информации в медиапространстве.

Настоящая работа описывает те варианты предлагаемых обществом (или, точнее, медиаструктурами) ответов, которые индивид ищет в связи с нарастающими вызовами нового времени. Предлагаемые ответы довольно разнообразны и вариативны: бизнес-цитатники предлагают сконцентрироваться на определенном образе мыслей и способах действий, эзотерические учения направляют на достижения внутреннего баланса, паблики, выступающие за традиционные ценности — сохранение нравственных устоев и важность «истинной» женственности.

В работе реализуется синтез теоретических концепций о состоянии современного общества постмодернити в ракурсе самоопределения и жизненных приоритетов индивида, спродуцированных медиасредствами, что позволяет рассмотреть состояние общества и идентичности индивида в нем в различных ракурсах. В исследовании мы обращаемся к изучению жизненных гайдов, которые представляют набор определенных верований, убеждений, схем поведения, которые обеспечивают индивиду ответы или суперрешения. Учитывая особенности современного общества постмодернити, где особую роль играют медиаструктуры, вариации жизненных гайдов ищутся именно там, в ускользающей реальности, с ее доступностью массам и переполненностью разнообразными путеводителями и готовыми ответами на все случаи жизни.

Для проведения исследования были выбраны тематические группы социальной сети «ВКонтакте», что обусловлено, во-первых, возрастающей ролью сети Интернет в жизни индивидов и, как следствие, возрастающим ее влиянием на жизнь индивидов; во-вторых, особенностью современной реальности, для которой характерно сжатие времени, в результате чего индивиды предпочитают небольшие лаконичные гайды, которые их направляют и которым они, вероятно, следуют. В результате теоретического обобщения и эмпирических наблюдений группы в «ВКонтакте» была создана условная типология наиболее широко представленных тематических групп: «бизнес-направление: достижение успеха»; «общество нравственной чистоты»; «возрождение истинной женственности» и «эзотерика и опыт трансценденции». Они описывают различные сферы жизни и транслируют дифференцированные смыслы, такие как бизнес-успех и высокоэффективность, женственность и поддержание семейного счастья, стремление к обретению внутренней гармонии через опыт восточных практик. Отбор единиц анализа (в данном случае, постов в анализируемых группах) происходил по принципу наибольших: собравших отметок «мне нравится» или репостов, — что интерпретируется как вызвавшие наибольший интерес у подписчиков определенного анализируемого паблика.

Раскрытие гипотезы о том, что жизненные гайды предлагают различные суперрешения (в плане содержания и стиля изложения) в ответ на неопределенность в отношении к окружающей реальности и самоопределения индивида, происходит через выявление транслируемых позиций и идей в отношении к окружающей реальности, что проявляется в различных стилистических и содержательных аспектах организации дискурса гайдов. Также обнаруживаются некоторые сходства и различия предлагаемых медиаструктурами жизненных гайдов. Описываемый анализ проводится методом контент-анализа с помощью программы

Content.Pro, где анализ частот словоформ и их связей, грамматической и структурной сложности текста, его лексического разнообразия позволяет выявить некоторые закономерности, которые отвечают на вопрос исследования.

Список литературы

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. Иноземцева. М. : Логос, 2005.

Информация об авторе

Захарова Олеся Владимировна, аспирант Института мозга человека РАН им. Н. П. Бехтеревой, Санкт-Петербург, Россия, sy.olesya@gmail.com

Маракасова Анастасия Андреевна, студент Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. А. Захарченко

ООО «Научно-технический центр „Перспектива“», Тюмень, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов социологического исследования, проведенного в 2011 г. на территории Ульяновской области с целью изучения актуальных проблем молодежи. Регулярные мониторинги жизненных установок современной молодежи, изучение структуры и динамики ее ценностей позволяют выявлять проблемы формирования общественных ориентиров у молодого поколения, разрабатывать современные и актуальные методики работы с ним и принимать адекватные управленческие решения.

Ключевые слова: жизненные приоритеты, социальные установки, молодежь

Молодежь является одним из важнейших компонентов будущего нашего государства, его стратегическим ресурсом. Сегодня в среде молодежи постепенно меняются жизненные ориентиры и основные ценности. В связи с этим необходимо комплексно и регулярно проводить мониторинги, так как именно молодежь является одним из важных индикаторов изменений, происходящих в обществе. От того, насколько изменяются с течением времени ценностные установки и жизненные ориентиры молодежи, зависит направление мероприятий, проводимых в регионах и в стране в целом, направленных на различные социально-экономические сферы, такие как образование, занятость, культура, досуг и т. д. Выбранные молодежью социальные ориентиры во многом определяют будущее общества, поэтому большое значение имеет изучение молодежи как особой социальной группы, составление ее социального портрета.

В 2011 г. с целью изучения актуальных проблем молодежи было проведено социологическое исследование на территории Ульяновской области [4].

Молодежи, принявшей участие в исследовании, был задан ряд вопросов, посвященных их жизненным целям, определению успешности в жизни и жизненным опасениям. Анализируя результаты опроса можно сказать, что главным в своей жизни респонденты считают семью (19%). При этом подавляющее большинство опрошенных хотели бы иметь двух детей (68%). На второе место в системе своих жизненных ценностей молодежь ставит добродетельные отношения, взаимопонимание с людьми

и хороших друзей (12%). Хорошее образование считают главным в жизни 10% опрошенных. Также для респондентов очень важно иметь интересную, увлекательную работу (10%). Жить в условиях социальной справедливости и стабильности важно для 7% респондентов. Показательно, что по результатам опроса стать лидером среди людей и приобрести славу считает для себя главным крайне незначительная доля респондентов (менее 1%), ставя данные показатели на последнее место в рейтинге приоритетных ценностей жизни, а значит, на сегодняшний день молодежь не отходит от традиционных и укоренившихся в обществе ценностей.

Важно также рассмотреть, какие первоочередные жизненные ориентиры ставит перед собой молодежь. Говоря о жизненных целях и стремлениях респондентов, стоит сказать, что большинство опрошенных во главу своих целей ставит материальное благополучие (19%), счастье в личной жизни (19%), продолжение рода и планирование семьи (17%). Также важны для молодежи поддержание и укрепление личного здоровья (15%). Очевидно, что и среди жизненных ориентиров для молодежи на передний план выходит семья, и личное благополучие не сводится только к достижению материального благополучия. При этом достижение высокого уровня образования, высокого профессионализма и желание быть полезным, востребованным, молодежь располагает где-то на середине шкалы своих жизненных целей. А быть медийным, публично узнаваемым, своей главной жизненной целью считает наименьшее количество опрошенных. Как показали результаты исследования, молодежь мало заинтересована и в политической жизни. В целом можно сказать, что семья для современной молодежи все так же остается одной из главных ценностей и жизненных ориентиров.

Говоря о положении молодежи, ценностях и жизненных целях, нельзя не сказать о проблемах, которые волнуют ее сегодня. Анализируя полученные в ходе исследования данные, в первую очередь стоит отметить, что главной проблемой на сегодняшний день молодежь считает безработицу и проблему трудоустройства (15%). Это вполне объяснимо, так как молодежь чаще всего является тем слоем населения, который проходит этап жизненного самоопределения и становления в обществе, формирования общих жизненных представлений, активно планирует свое будущее, стремится к самореализации. Естественно, что в первую очередь ее волнуют вопросы трудоустройства и дальнейшего карьерного роста, материальной стабильности. Также часто респонденты среди волнующих их моментов отмечали проблему алкоголизации и наркотизации молодежи (13%), а также финансовые проблемы (13%).

Менее всего молодежь сегодня тревожат трудности в общении с окружающими, национализм, религиозная нетерпимость и сокращение чис-

ленности населения. О многом говорит и то, что крайне малая доля респондентов ответила, что их не волнуют никакие проблемы. Это косвенно говорит о том, что молодежь в большинстве своем не хочет оставаться в стороне и имеет более-менее устойчивую гражданскую позицию.

Кроме главных жизненных проблем, тревожащих молодежь, в ходе исследования были затронуты основные опасения в их жизни. Больше всего респонденты опасаются за здоровье и жизнь, свою и своих близких (17 %). Часто респонденты говорили, что боятся остаться без материальных средств к существованию (13 %), без жилья (12 %) и не найти или потерять работу (9 %).

Вопрос о том, от чего зависит успешность человека в нашей стране, затруднений у респондентов не вызвал. Значительная доля опрошенных указала на то, что успешность, прежде всего, зависит от нужных связей (15 %). Неоднократно респонденты отмечали, что успешность человека зависит от полученного образования (12 %) и от количества имеющихся денег (12 %). Примечательно, что многие опрошенные отметили вариант «от упорства и настойчивости» (10 %). Как видно, крылатое выражение «связи решают все», не чуждо современной молодежи. И именно нужные связи, а не уровень образования, целеустремленность и другие качества, молодое поколение ставит на первое место при достижении успешности, что, предположительно, является поводом пересмотреть сложившуюся в обществе систему социальных связей, при которых, к примеру, знакомства с высокопоставленными и влиятельными лицами, помогают, по мнению молодежи, в достижении личных целей.

В целом регулярные мониторинги ценностей в молодежной среде позволяют выявить ряд проблем, возникающих в процессе формирования общественных ориентиров у молодого поколения, разрабатывать современные и актуальные методики работы с молодежью, принимать оперативные управленческие решения. С целью изучения динамики по данным вопрос актуально проводить подобные мониторинги и сравнительные исследования каждые 3—5 лет.

Список литературы

1. Киселев Г. С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 3—12.
2. Лапин Н. И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5.
3. Мерзлякова С. В. Семья в системе ценностных ориентаций современной молодежи : монография. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2011.

4. Научно-технический центр «Перспектива», Министерство образования Ульяновской области. Социологическое исследование «Актуальные проблемы современной молодежи». Ульяновск, 2011.
5. Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб. : Изд-во РХГИ, 2004.

Информация об авторе:

Захарченко Анна Александровна, аспирант Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, начальник отдела социологических исследований ООО «Научно-технический центр „Перспектива“», Тюмень, Россия, annazahar87@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

А. Н. Зубец, А. С. Сазанаква

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Результаты социологических исследований, проведенных Центром стратегических исследований Росгосстраха и Департаментом социологии Финансового университета при Правительстве РФ, создают взвешенную и объективную картину реального положения дел в стране, воздействуя на мифы общественного сознания, замедляющие социально-экономический прогресс. Другое важное направление использования социологических исследований для преодоления экономических кризисов — изменение процедур социально-экономического прогнозирования.

Ключевые слова: общественное мнение, лидеры мнений, качество жизни, экономический кризис, мифы общественного сознания

Общественное мнение как совокупность массовых воззрений на те или иные явления окружающего мира и социальной жизни — неотъемлемая составляющая социального устройства, а также инструмент решения основной общественной задачи — повышения качества жизни людей. Общественное мнение не возникает спонтанно, его формируют социальные лидеры: политики, бизнесмены, журналисты, философы, — все те, кто предлагает людям новый взгляд на мир, а также новые возможности, для того чтобы жить лучше. Лидеры мнений активно участвуют в создании новых общепринятых правил игры и общественных воззрений вокруг способов повышения качества жизни людей, а также играют первые роли в создании новых возможностей на этом пути (инструментов решения задачи повышения качества жизни человека). Таким образом, общественное мнение — это совокупность представлений россиян о том мире, в котором они живут, сумма ответов на вопросы «что делать?», «что такое хорошо и что такое плохо?», «кто виноват?». Оно служит решению вполне конкретной, прикладной задачи: улучшению человеческого существования. Соответственно, общественным мнением можно и нужно управлять для увеличения числа счастливых людей, и в частности, для преодоления экономического кризиса.

Управляющее воздействие, формирующее общественное мнение, очевидно, не может противоречить объективной реальности, однако всегда существует альтернатива — «стакан наполовину пуст или наполовину по-

лон». Нет сомнений, что второй вариант более конструктивен и полезен для общественного прогресса и выживания. Сигналы, формирующие общественное мнение, должны исходить из очень авторитетного источника. Этому требованию соответствует мнение большинства, выражаемое опросами общественного мнения — любой человек будет чувствовать себя более комфортно, если обнаружит, что его мнения укладываются в общую картину и не выпадают из нее. Соответственно, «лечение» и «коррекция» мировоззрения россиян могут осуществляться при помощи выявления общественных представлений о том или ином общественном вопросе — в ключе, способствующем решению проблемы. Опросы общественного мнения помогут в борьбе с мифами общественного сознания, замедляющими социально-экономический прогресс. К наиболее значимым из них относятся:

1. В стране все плохо.
2. У России нет будущего.
3. Развитие малого и среднего бизнеса в России крайне затруднено.
4. Россия безнадежно отстала в инновационном развитии.
5. Олигархи и чиновники грабят народ и т. п.

Социологические исследования, проведенные Центром стратегических исследований Росгосстраха, а также Департаментом социологии Финансового университета при Правительстве РФ, позволяют если не убить, то хотя бы потеснить эти мифы.

Исследования экономических настроений показывают, что стакан, скорее, наполовину полон, чем наполовину пуст. По итогам 2015 г., доля сотрудников, уверенных в завтрашнем дне предприятий и организаций, где они работают, составила 73%. Среди руководителей и владельцев бизнеса доля уверенных в завтрашнем дне своего предприятия заметно увеличилась и составила 76%. Улучшились и экономические ожидания наиболее состоятельных слоев населения: в этой группе доля тех, кто уверен в будущем своего предприятия, выросла до 91%, а тех, кто уверен в своем завтрашнем дне — до 61%.

Сегодня 82% населения полностью или в основном довольны своей жизнью: доля тех, кто может позволить себе купить, по крайней мере, новый автомобиль, составляет сегодня 12%. Относят себя к безработным сегодня 5,8% трудоспособного населения.

Россияне в целом доверяют и судебной системе, и правоохранительным органам (полиции, ГАИ, прокуратуре и др.) того города, где они живут. При этом доля тех, кто полностью или в основном доверяет судам своего города, составляет 62% от определившихся с ответом. Уровень доверия правоохранительным органам тоже высокий, хотя и несколько ниже, чем доверие судебной системе: полностью или в основном им верят 60% россиян.

Исследования показывают высокий уровень заинтересованности россиян в инновационном предпринимательстве, основанном на генерации эффективных бизнес-идей. В окружении 36 % россиян много или достаточно много людей, которых можно назвать изобретательными, креативными, мыслящими нестандартно и нешаблонно. Наиболее креативные, нестандартно мыслящие группы российского населения — это молодежь до 30 лет, а также представители среднего класса (те, кому доходов хватает как минимум на приобретение нового автомобиля).

В целом по выборке 48 % опрошенных **не считают**, что человек должен соответствовать общественным ожиданиям, быть таким, как все, вести себя должным образом, чтобы избежать осуждения окружающих. Наибольшая доля нон-конформистов отмечена среди студентов и лиц среднего возраста (до 40 лет), обладателей высшего и послевузовского образования, а также доходов выше среднего уровня. Таким образом, в России сегодня немало образованных людей, квалифицированных специалистов, которые способны к генерации креативных идей, нацеленных на создание инновационного бизнеса.

К сожалению, пока в российском обществе доминируют традиционные ценности: усердие и чувство ответственности, послушание родителям и старшим, уважение к окружающим, — россияне считают, что именно эти качества нужно прививать своим детям. Такие качества, как независимость, воображение и изобретательность, не занимают лидирующих позиций в рейтинге потребительских предпочтений. В определенном смысле исключение составляет независимость — ее ценность растет с увеличением дохода респондентов. Наиболее состоятельные россияне ценят ее выше всего.

Подавляющее большинство респондентов (84 %) заявляют о том, что в их регионе можно получить образование, достаточное для открытия собственного бизнеса. В наибольшей степени это мнение разделяют студенты, а также представители среднего класса — двух верхних имущественных групп, доходов которых им хватает не менее чем на новый автомобиль. Учитывая, что последние две группы включают большое количество бизнесменов, можно сказать, что их оценка основана на реальном опыте строительства собственного предприятия на базе полученного ими образования.

Две трети россиян (68 %) считают, что в их регионе достаточно возможностей для создания нового бизнеса. Характерно, что оценка возможностей для создания новых предприятий заметно повышается в группе тех, кто уже владеет собственным бизнесом: здесь 24 % респондентов полностью согласны с тем, что в регионе имеются все возможности для развития бизнеса против 18 % по выборке в целом.

По нашему мнению, образование, инновационный настрой и доверие между людьми представляют собой важнейшие составляющие, определяющие высокую стоимость человеческого капитала. Исследования показали, что сегодня в России 38 % населения полностью или в большей степени согласны с тем, что большинству людей в своем окружении можно и нужно доверять, так что можно утверждать, что в России есть достаточно серьезный потенциал для инновационного и креативного предпринимательства. Особенно он велик в группе молодежи и лиц среднего возраста, среди тех, кто имеет достаточно высокий уровень образования, а также среди состоятельных россиян, причем многие из них уже сейчас владеют собственным бизнесом.

На вопрос об удовлетворенности медицинским обслуживанием, которое респондент получает лично, число положительных ответов составляет 65 %, т. е. фактически около двух третей населения полностью или в основном довольны медициной, с которой им приходится иметь дело.

Исследования показывают, что доходы наиболее богатых групп населения в кризис сократились. В 2014 г. 1 % наиболее состоятельных российских семей (всего их около 546 тыс.) имели средний годовой доход на уровне 7,6 млн рублей, или около 200 тыс. долларов. В первой половине 2015 г. они снизились, и если до конца года экономическое положение в стране останется неизменным, годовой доход семьи, входящей в 1 % наиболее состоятельных россиян, составит 6,9 млн рублей (около 116 тыс. долл.). 55 тыс. наиболее состоятельных российских семей (0,1 % от их общего числа) потеряли значительную часть своего годового дохода. Если в 2014 г. он составил примерно 24,7 млн рублей (около 650 тыс. долл.), то в 2015 г. он снизится, по нашим оценкам, до 21,6 млн рублей (около 370 тыс. долларов).

Основной причиной падения доходов наиболее состоятельной части российского общества стал экономический кризис конца 2014 г. — начала 2015 г. Он привел к сокращению общих доходов населения и доли наиболее благополучных слоев населения в общих доходах: в кризис предприниматели и иные лица, чьи доходы привязаны к эффективности бизнеса, страдают сильнее, чем наемные работники и пенсионеры, получающие стабильную зарплату или социальные выплаты. В то же время доходы состоятельных россиян будут расти быстрее среднего показателя по стране, когда российская экономика выйдет из нынешнего кризиса.

Результаты данных социологических исследований, во-первых, создают взвешенную и объективную картину реального положения дел в стране. Во-вторых, они показывают россиянам те направления, на которых они могут добиться повышения качества жизни, чем и способствуют преодолению экономического кризиса в России.

Еще одно важное направление использования социологических исследований для преодоления экономических кризисов — изменение процедур социально-экономического прогнозирования. Мы считаем, что исходной точкой для них должны быть настроения населения, ожидания и оценки. Дело в том, что между различными экономическими показателями нет прямой связи: они взаимодействуют через сознание потребителя, изменяя его настроения, которые, в свою очередь, вызывают или подавляют экономическую активность индивида. Таким образом, именно настроения и оценки отдельных людей представляют «приводные ремни» от одних показателей к другим. Вопреки общепринятому представлению, инвестиции, например, напрямую не вызывают роста ВВП, — они всего лишь создают новые возможности для повышения качества жизни людей за счет создания новых высокооплачиваемых рабочих мест, которые могут привлечь население, а могут и не привлечь в той степени, как рассчитывал инвестор. Потребитель проявляет готовность трудиться на новом месте, если он не удовлетворен своим сегодняшним качеством жизни, в частности уровнем дохода. В противном случае может оказаться, что ограничителем для запуска нового производства стала нехватка желающих там работать. Таким образом, инвестиции представляют не более чем «смазку» экономического механизма, а его «двигателем» являются неудовлетворенные потребности населения и стремление к повышению качества жизни. Учитывать эти обстоятельства необходимы для совершенствования экономических моделей, а также создания новых методик прогнозирования социально-экономического развития.

Информация об авторах

Зубец Алексей Николаевич, д. э. н., руководитель Департамента социологии и политологии Финансового университета при Правительстве РФ, руководитель Центра стратегических исследований ПАО «Росгосстрах», Москва, Россия, ANZubets@fa.ru

Сазанакова Александра Сергеевна, магистрант II курса Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, sazanakova.alex@gmail.com

МЕДИАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ К ВНЕДРЕНИЮ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

И. А. Исакова, А. В. Мигунова, И. Э. Петрова

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Представлены результаты исследования «Школа: обыденность насилия (Анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)», проведенного коллективом авторов-исследователей кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Авторы пришли к выводу, что профилактика насилия в школе должна быть организована специальными подразделениями, которые не будут вызывать у детей недоверия, как вызывает поведение учителей. Школьники нуждаются в медиации: почти половина из них осознают необходимость владеть несколькими вариантами разрешения конфликтов. Продуктами научно-исследовательской работы стали исследовательский инструментарий и научные публикации. Материалы исследований, проводившихся авторами за последние пять лет, легли в основу проекта «Медиация в социальной сфере», реализуемого на базе ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Ключевые слова: школа, медиация, агрессия, социальная напряженность, профилактика насилия конфликтология

Факультет социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского является крупным центром социологических исследований в Нижегородском регионе, инициировавшим изучение таких проблем, как положение пожилых граждан, изменения межпоколенных отношений в семье, ее структуры, функций, роли и многих других. Кафедра общей социологии и социальной работы ННГУ под руководством проф. З. Х. Саралиевой ежегодно проводит международные научно-практические конференции и издает сборники тезисов по их итогам.

В 2013 г. коллективом авторов под руководством проф. З. Х. Саралиевой было инициировано изучение конфликтности в регионе, обусловленное ростом напряженности в обществе и увеличением числа случаев насилия, и, по согласованию с Департаментом образования Нижнего Новгорода, проведено исследование «Школа: обыденность насилия (Анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)» в форме анкетирования, в котором приняло участие 1465 школь-

ников 5—11-х классов 16 школ. Целями выполнения научно-исследовательской работы стали комплексное исследование проблемы насилия в современной российской школе, анализ его социокультурных корней, а также разработка системы мер по предотвращению школьного насилия с использованием ресурсов социальной работы.

Аналитическая часть исследования заключалась в создании матрицы массива данных, проведении статистической обработки в программах Excel и SPSS и интерпретации результатов анкетного опроса. Выборка пропорционально представляла школьное сообщество Нижнего Новгорода. Репрезентативная выборка формировалась согласно принципу районирования, методом «гнезд».

Продуктами научно-исследовательской работы стали исследовательский инструментарий, базы данных, протоколы интервью, экспертных опросов и фокус-группы, образовательный стандарт по профилю подготовки «Социальная работа в школе», учебные курсы, научные публикации, сборник материалов конференции по проблеме насилия, рекомендации по внедрению основных выводов исследования.

Мониторинг уровня насилия в российской школе, проведенный в рамках анкетного опроса школьников, свидетельствует о том, что в школах нет ни одного ребенка, который бы не участвовал в насильственных действиях или не был бы жертвой тех или иных насильственных действий. Такая ситуация частично объясняется тем, что 3,8% школьников назвали свои отношения с учителями проблемными. В таких условиях педагог не может служить достаточным примером морали или образцом поведения. В более чем 90% случаев учитель так или иначе осведомлен о школьных конфликтах, но при этом занимает позицию стороннего наблюдателя; 70% отметили, что учитель не разнимает драки в классе, а это может свидетельствовать о том, что педагоги по объективным причинам не могут разрешать школьные конфликты. Авторы-исследователи пришли к выводу, что профилактика насилия в школе должна быть организована специальными подразделениями, которые не будут вызывать у детей недоверия, как вызывает поведение учителей, такими как специальные социальные службы или, например, службы школьной медиации.

Предложение по внедрению медиации в школах Нижнего Новгорода предварялось анкетированием школьников, проводившимся с целью детализации особенностей разрешения конфликта учениками и выявления информированности о медиации как одной из технологий альтернативного урегулирования споров с участием третьей, нейтральной, беспристрастной стороны — медиатора, а также оценки возможностей и уровня нуждаемости школьной среды в медиации и медиативном подходе. Полученные данные сопоставляли и дополняли сведениями иссле-

дования «Школа: обыденность насилия (анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)».

В сентябре 2014 г. под руководством доцента ННГУ И. Э. Петровой было проведено пилотное исследование с целью уточнения инструментария опроса среди школьников Московской области. Опрошено 89 человек в возрасте от 14 до 18 лет, что позволило определить основные тенденции отношения школьников к медиации. В октябре 2014 г. в Нижнем Новгороде коллективом авторов ННГУ им. Н. И. Лобачевского под тем же руководством было проведено основное исследование с использованием апробированной анкеты.

Объектом анкетного опроса «Медиация» выступили молодые люди 14—18 лет, обучающиеся в школах Нижнего Новгорода, поскольку они являются акторами, обладающими определенными компетенциями, способностями и ресурсами, а также убеждениями и ценностями, обуславливающими их поведение, и субъективно реагирующими на требования, вызовы, риски и шансы окружающей их социальной действительности ($N = 172$).

Выявлено, что каждый пятый нижегородский школьник довольно часто встречается с конфликтами. Последний заслуживающий внимания конфликт 13% школьников решали силовым путем, т. е. каждый восьмой школьник, отстаивая свои интересы, применял силовые методы. Пока же школьники остаются с конфликтами один на один и даже не задумываются, что им нужна помощь. На вопрос «Есть ли у Вас сейчас конфликт, где нужна чья-либо помощь при разрешении?» — «да» ответили 6% человек, «нет» — 65%, 30%, или каждый третий — «не думали об этом».

Школьники нуждаются в медиации: 47% хотели бы больше узнать об этом способе разрешения споров, т. е. практически половина осознают необходимость владеть несколькими вариантами разрешения конфликтов.

Продуктами научно-исследовательской работы стали исследовательский инструментарий и научные публикации авторов коллектива научно-исследовательской работы. На основе разработанных исследователями учебных курсов в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского началось обучение по программам подготовки профессиональных медиаторов в системе дополнительного профессионального образования. На базе Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского курсы повышения квалификации посетили пять групп специалистов социальной сферы: социальные педагоги, специалисты по социальной работе, а также руководители социальных учреждений разного уровня.

Обобщение всех материалов исследований, проводившихся авторами за последние пять лет, позволило разработать и реализовать на базе

Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского проект «Медиация в социальной сфере». Проект включает несколько направлений. Во-первых, разработку, апробацию и внедрение междисциплинарной образовательной программы магистратуры по направлению «Психология» на факультете социальных наук ННГУ при активном участии сотрудников юридического факультета ННГУ на всех стадиях проекта. Во-вторых, разработку, апробацию и внедрение в учебный план магистрантов, обучающихся по направлениям 39.04.02 «Социальная работа» и 39.04.01 «Социология», профили «Социология семьи» и «Социология управления» дисциплины «Медиативный подход в профессиональной сфере».

Обучение по магистерской программе «Медиация в социальной сфере» подразумевает овладение обучающимися современными технологиями переговорного процесса, медиации, разрешения трудовых споров, психодиагностики конфликта, развития социальных отношений.

Выпускники ННГУ по направлению подготовки 37.04.01 «Психология» магистерской программы «Медиация в социальной сфере» овладевают базовыми знаниями и умениями по методологии психологии, психодиагностике, проведению теоретических и эмпирических исследований, а также по общей и прикладной конфликтологии, теории и практике разрешения споров, оказанию посреднических услуг, медиации, саморегуляции и др.

Магистр, прошедший обучение по магистерской программе «Медиация в социальной сфере», будет владеть методами ведения переговоров, способен решать прикладные задачи по разрешению конфликтных и кризисных ситуаций, иметь необходимые компетенции для разработки и внедрения уникальных социальных технологий медиации и управления конфликтами в различных ситуациях и сферах деятельности.

Таким образом, результаты научно-исследовательской работы нашли свое отражение не только в научных публикациях авторов-исполнителей, но и способствовали увеличению количества профессионально подготовленных медиаторов в Нижегородской области, что при сопутствующих обстоятельствах должно привести к распространению медиативного подхода к разрешению споров, а в дальнейшем — к снижению конфликтности в регионе в целом.

Информация об авторах

Исакова Инна Александровна, к. с. н., старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, inna_isakova@mail.ru

Мигунова Арина Владимировна, к. с. н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, migunova_arina@mail.ru

Петрова Ирина Эдуардовна, к. с. н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, irinapetrova@yandex.ru

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ С ДЕКАБРЯ 2012 ПО АПРЕЛЬ 2015 ГГ.)

Е. М. Какоткина

РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Действенные механизмы формирования позитивного социального самочувствия населения — одно из условий легитимности власти и стабильности политического режима. Социальное самочувствие жителей отдельных муниципальных образований Московской области изучалось в ходе социологических опросов, проведенных Ассоциацией социологов Московской области с декабря 2012 г. по апрель 2015 г. в рамках мониторинга общественно-политических процессов в области. Судя по результатам исследования, уровень социальной напряженности в регионе остается высоким (43 %) и, предположительно, в ближайшие 5 лет может перешагнуть 50-процентный порог.

Ключевые слова: социальное самочувствие, общественное сознание, легитимация власти, протестный потенциал

В современной социологической, политико-философской мысли активно разрабатывается проблематика общественного сознания, социального самочувствия граждан. В отечественной социологии есть сильная школа, занимающаяся данной проблематикой, наиболее ярким представителем которой является Б. А. Грушин. Кроме того, в условиях демократического транзита, когда происходит переформатирование ценностных ориентаций, интерес к данной тематике особенно высок, соответственно есть социальный запрос.

Помимо этого сегодняшний экономический кризис и его осознание со стороны гражданского общества постепенно приводит к тому, что социальное самочувствие и настроение граждан становятся «доминирующим фактором, обращение к которому в известной мере становится решающим при объяснении кардинальных сдвигов в общественной жизни» [1]. Поэтому социальное настроение не только выступает определяющим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности, степени устойчивости общества, но и во многом определяет смысл социальных действий, их реализацию и поведение людей в условиях экономического кризиса.

Сегодня для власти одна из первостепенных проблем — перерастание экономического кризиса в социальный. Поэтому очень важно выработать действенные механизмы формирования позитивного социального самочувствия населения как условия легитимности власти и стабильности политического режима.

Ассоциацией социологов Московской области, в рамках мониторинга общественно-политических процессов в регионе, с декабря 2012 г. по апрель 2015 г. были организованы и проведены социологические исследования на территории отдельных муниципальных образований Московской области. В ходе исследований изучалось социальное самочувствие жителей.

Исследованием были охвачены представители основных социально-профессиональных групп, проживающих на исследуемой территории.

В опросе приняло участие 3148 респондентов. По половому признаку в опросе участвовало 45 % мужчин и 55 % женщин. Среди опрошенных молодежь (18—30 лет) составила 17 %, лица среднего возраста (31—54/59 лет) — 49 %, пенсионеры (старше 54/59) — 34 %. Результаты исследования могут быть обобщены на всю область. С погрешностью 5 % при вероятности 95 %.

Большинство граждан считают, что общественно-политическая обстановка в Московской области стабильная. Наибольшие очаги социальной напряженности респондентами были отмечены весной: в апреле 2013 г. (40 %) и в апреле 2015 г. (42 %). На сегодняшний день в сознании жителей региона существует дуализм мнений: количество тех, кто считает, что обстановка в их регионе нормальная (45 %), и тех, кто считает, что существуют очаги социальной напряженности (43 %), практически равны.

Количество недовольных положением дел в муниципальном образовании превышает количество недовольных по области. По сравнению с 2014 г. количество недовольных положением дел в муниципальном образовании увеличилось с 33 до 48 %, по области — с 18 до 37 %. Таким образом, на волне кризиса стремительно растет доля недовольных. За последний год динамика восприятия социально-экономических изменений показывает резкий скачок доли недовольных по региону.

Среди недовольных состоянием экономики — мужчины и женщины возрастной группы от 31 до 54/59 лет. Уровень удовлетворенности населения состоянием экономики увеличивается по мере уменьшения возраста респондентов: молодежь дает более позитивные оценки по сравнению с людьми пенсионного возраста.

В ходе социологического опроса были определены оценочные характеристики основных социальных условий жизни населения. Для их сравнения использовался коэффициент социальной комфортности/

ущемленности, значения которого колеблются от -100% (максимальная социальная ущемленность людей) до $+100\%$ (максимальная социальная комфортность).

На фоне кризиса и ухудшения социально-экономической ситуации в стране, население волнуют следующие проблемы: состояние окружающей среды, уровень жилищно-коммунальных услуг и материальное положение. Наиболее критические показатели преобладают при оценке состояния окружающей среды: 31% респондентов не удовлетворены состоянием последней, а также при оценке уровня жилищно-коммунальных услуг: 29% не довольны состоянием ЖКУ. Более 60% респондентов в различной степени не удовлетворены своим материальным положением.

Вместе с тем, по результатам исследования, 73% респондентов удовлетворены выполняемой работой, 57% опрошенных — жилищными условиями, 53% — своим здоровьем. Полученные показатели социального самочувствия населения находятся на достаточно высоких уровнях. Это показывает, что респонденты довольно оптимистично смотрят в будущее.

В числе **наиболее острых** проблем для жителей области — следующие: неконтролируемый рост цен на продукты питания (58%), плохое состояние и отсутствие дорог (48%), ситуация в сфере ЖКХ (44%), безработица и проблемы с трудоустройством (31%), проблема строительства детских садов, больниц, поликлиник, школ (27%), алкоголизм и наркомания (26%), сложности с медицинским обслуживанием (26%).

Несмотря на актуальность данных проблем, динамика показателей по сравнению с апрелем 2013 г. говорит о положительных сдвигах в некоторых сферах. В частности, если два года назад состояние дорог вызвало недовольство у 62% респондентов, то, по результатам последнего исследования, их количество сократилось и составило 48% . В сфере ЖКХ также наблюдаются изменения: число недовольных за анализируемый период подвергается колебанию и на момент исследования составило 44% . Строительство детских садов в апреле 2013 г. беспокоило 25% опрошенных, в декабре 2014 г. — 12% . В сфере досуга (создание условий для отдыха и развлечений) за два года социологический показатель улучшился на 26 пунктов, и составил 14% , в спорте — улучшение показателей на 22 процентных пункта. Проблема алкоголизма и наркомании находится на том же уровне, что и два года назад, эта проблема продолжает волновать четверть респондентов. Здравоохранение и тарифное регулирование в предоставлении жилищно-коммунальных услуг не удалось взять под контроль: динамика изменений показывает, что за анализируемый период доля недовольных медицинским обслуживанием выросла приблизительно на 35% .

Более половины опрошенных (58 %) беспокоит неконтролируемый рост цен на продукты питания.

Таким образом, несмотря на положительные сдвиги в некоторых сферах данного региона, социальная напряженность остается на высоком уровне (43 %) и, предположительно, в ближайшие 5 лет может перешагнуть 50-процентный порог, что приведет к нарастанию социальных всплесков и протестных настроений.

Список литературы

Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1.

Информация об авторе

Какоткина Екатерина Михайловна, Ассоциация малых и средних городов России, Ассоциация социологов Московской области, социолог-аналитик, магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, katyuska71@mail.ru

МОНИТОРИНГ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

М. А. Ласточкина

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов очередного этапа мониторинга социокультурного развития населения Вологодской области, проводимого Институтом социально-экономического развития территорий РАН. Основная информационная база исследования — данные социологических опросов населения Вологодской области. Мониторинг позволил выделить обостряющиеся проблемы в регионе.

Ключевые слова: социальное настроение, социокультурное развитие, уровень жизни

Институт социально-экономического развития территорий РАН в 2015 г. провел очередной этап мониторинга* социокультурного развития населения Вологодской области. Изучение данного аспекта в динамике позволило очертить ряд проблемных вопросов, которые, к сожалению, не решаются, а воспроизводятся с каждым годом.

Стратификация населения, сделанная респондентами в соответствии с самооценкой своего материального положения (методика Л. А. Беляевой [1]), показала, что в 2015 г. 13% жителей Вологодской области вошли в группы «зажиточных» и «богатых» (табл. 1); менее трети (31%) являются обеспеченными — это на 1—7% меньше, чем в предыдущие годы; необеспеченные — каждый четвертый респондент (26%). Почти каждый пятый отнес себя к бедным или нищим.

Стабилизация социально-экономической ситуации в послекризисный период 2011—2012 гг. благоприятно отразилась на финансовом состоянии домохозяйств области, однако экономические потрясения 2014 г. снова повлекли за собой снижение покупательской способности и материального благосостояния населения. Вследствие чего в 2015 г.

* Основной информационной базой исследования населения региона послужили данные социологического опроса населения Вологодской области. Анкетирование было проведено в 2015 г. (также в 2008, 2010, 2012 гг.) Институтом социально-экономического развития территорий РАН. В выборке участвовали города Вологда, Череповец, 8 муниципальных районов. Объем каждой выборочной совокупности составил 1500 человек. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

значительно увеличилась доля самых нижних слоев — бедных и нищих (до 29 % — уровень 2008 г.) и «необеспеченных» (до 26 % — уровень 2010 г.) [3].

Таблица 1. Самооценка материального уровня населения Вологодской области, %

Вариант ответа	Год					Условная страта
	2008	2010	2012	2013	2015	
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	10	10	8	8	Нищие
На повседневные затраты уходит вся зарплата	22	23	17	13	21	Бедные
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	22	26	24	18	26	Необеспеченные
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	35	32	36	38	31	Обеспеченные
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	11	8	11	14	11	Зажиточные
Практически ни в чем себе не отказываем	3	1	2	2	2	Богатые
Не знаю, отказ от ответа	1	0	0	7	1	
Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН (2008, 2010, 2012, 2013, 2015 гг.).						

Оценка жителями Вологодской области степени улучшения их жизни от активности администраций своих районов в 2015 г. имела в целом по области следующий вид: 54 % — зависит, 15 % — не зависит; 31 % — затрудняются ответить (табл. 2). Довольно большая доля затрудняющихся ответить свидетельствует как о слабой включенности населения в эту сферу жизнедеятельности города, поселка, села, так и о низкой информированности населения в решении социальных проблем. Естественно, что по отдельным муниципалитетам области доля тех или иных оценок колеблется с различной амплитудой, однако в целом можно интерпретировать такой характер оценок как признание большей частью населения работу районных администраций в целом удовлетворительной. Сравнение с 2008—2013 гг. показало снижение (на 1—9 %) доли людей, считающих, что улучшение их жизни не зависит от районной или городской властей.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени ухудшение Вашей жизни сегодня зависит от активности властей?», %

Вариант ответа	Год				
	2008	2010	2012	2013	2015
<i>От районной или городской властей</i>					
Полностью зависит	11	12	13	17	13
Пожалуй, зависит	41	43	33	28	41
Не знаю, трудно сказать	31	30	33	31	31
Пожалуй, не зависит	10	8	12	9	10
Совсем не зависит	9	8	9	15	5
<i>От общероссийской власти</i>					
Полностью зависит	14	14	19	24	17
Пожалуй, зависит	35	40	30	23	40
Не знаю, трудно сказать	32	31	33	31	30
Пожалуй, не зависит	10	7	10	9	9
Совсем не зависит	10	8	9	14	5
Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН (2008, 2010, 2012, 2013, 2015 гг.).					

Согласно полученным данным, за 5 анализируемых лет ухудшились оценки деятельности органов власти населением — более чем вдвое увеличилась доля тех, кто считает, что губернатор области работает плохо. Возможно, здесь сказалась смена губернатора Вологодской области. В 2015 г. каждый десятый вологжанин считал, что губернатор области, главы районной администрации и поселения работают плохо (9% опрошенных). Жителей региона, оценивших работу Президента РФ на «отлично», стало в 2 раза больше.

Население Вологодской области в 2015 г. стало менее оптимистично настроенным, и почти каждый третий сомневается в своей оценке, надеясь на свои собственные силы и возможности (84%), на помощь близких родственников (64%). Можно констатировать снижение протестного духа населения. Данные социологических опросов свидетельствуют, что все больше становится людей не готовых участвовать в акциях протеста (доля неготовых возросла с 38% в 2008 г. до 45% в 2015 г.) [2].

По результатам опроса, более половины жителей удовлетворены жизнью (14% — в полной мере, 47% — частично, табл. 3). Каждый четвертый высказал нерешительность по данному вопросу, неудовлетворенных жизнью — только 16%, что в 2 раза меньше, чем в 2010 г. (35%). Существует разница в удовлетворенности своей жизнью у жителей города и села: у сельских жителей уровень удовлетворенности меньше, чем у горожан

(45 и 75,8% соответственно); при этом жителей города, полностью удовлетворенных жизнью, в три раза больше, чем жителей села. Данный факт мы связываем с низким уровнем жизни жителей деревень, сел и поселков городского типа, их неспособностью быстро адаптироваться к возникающим проблемам, ритмом жизни, общим настроением на восприятие жизненных сложностей (велика доля затруднившихся в ответе на этот вопрос).

Таблица 3. **Насколько жители Вологодской области удовлетворены своей жизнью в целом, %**

Варианты ответов	Вологда	Череповец	Районы	Область
Полностью удовлетворены	17	24	6	14
Скорее удовлетворены	60	49	39	47
Затруднились сказать точно	11	13	37	24
Не очень удовлетворены	12	11	14	13
Совсем не удовлетворены	1	3	4	3
Итого	100	100	100	100
Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2015 г.				

Высокой удовлетворенности жизнью в целом соответствует высокая уверенность жителей в своем будущем (41% — уверены, 24% — не уверены). Это позволяет утверждать о преобладании оптимистичных жизненных установок над пессимистичными. Вместе с тем, примечательно, что примерно каждый третий респондент не смог точно определить степень своей уверенности в будущем, что свидетельствует об имеющихся сложностях с оценками перспектив в условиях неопределенности, а также высокой степени риска возникновения непредсказуемых факторов, влияющих на условия жизни населения.

На вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» 40% респондентов ответили: «ничего не изменилось», для каждого десятого жизнь изменилась в лучшую сторону и 37% стали жить хуже. Иначе говоря, несмотря на то, что большая часть жителей ощущает стабильность своего положения, значительная доля отмечает снижение своего жизненного уровня и ожидает ухудшения своего материального положения в будущем: 21% опрошенных предполагают снижение уровня жизни. Большая часть респондентов считает, что уровень жизни не изменится (32%), каждый десятый респондент прогнозирует улучшение своего положения. В целом прогнозы населения стали

более пессимистичными, чем в 2010 г. Затруднения каждого третьего респондента с прогнозами на будущее связаны с неуверенностью в своем жизненном уровне. Оптимистичные прогнозы более характерны для жителей городов (Вологда, Череповец), чем для жителей сел.

Результаты мониторинга очертили ряд проблем, решение которых не движется к позитивному итогу — скорее, они накапливаются и даже обостряются.

Список литературы

1. *Беляева Л. А.* Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 57—64.
2. *Лапин Н. И.* Как остановить социогуманитарную рецессию [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/наука/2016—02—10/13_recession.html (дата обращения: 27.02.2016).
3. *Ласточкина М. А.* Мониторинг социокультурного развития региона как компонента повышения эффективности социального управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. Т. 35. № 5. С. 99—112.

Информация об авторе

Ласточкина Мария Александровна, к. э. н., старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, mashkop@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ЭФФЕКТЫ КРИЗИСА

В. К. Левашов

*Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН,
Москва, Россия*

Аннотация. Результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г., показывают, что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу их экономического положения оставался на высоком уровне и практически не менял своего характера за двадцать пять лет. При этом общество и государство, несмотря на кризис и санкции, находятся к настоящему моменту в состоянии многофакторного динамического социально-политического равновесия; гражданское общество устойчиво поддерживает Президента РФ и проводимый им политический курс, накапливая вопросы о перспективах своего будущего устойчивого социально-политического и социально-экономического развития.

Ключевые слова: общественное сознание, кризис, рыночные реформы, неолиберализм, номенклатурно-олигархический капитализм, политическая конъюнктура, консолидация

Главный эффект неолиберальных реформ и экономических кризисов, которые в России совместились и переросли в настоящее время в системный институциональный кризис реформ, заключается в том, что российское общественное сознание и большая часть политического класса постепенно избавились от ряда иллюзий, сформированных в предыдущие годы. Главная из них — об императивном позитивном эффекте либеральных реформ.

Долгое время в обществе и политическом классе доминировало мнение, что вступив на путь либеральных рыночных реформ, Россия автоматически получает гарантии стабильного устойчивого экономического развития в будущем. В своей североамериканской традиции либерализм был взят в качестве модели развития для России командой российских либеральных демократов в начале 1990-х гг. «Победителям» СССР и М. С. Горбачева экономика США на тот момент представлялась наиболее адекватной моделью, демонстрирующей глобальную мощь и успешность развития. Откровенные мемуарные воспоминания членов гайдаровской команды делают неизбежным вывод о том, что господствующий сегодня в государстве и обществе номенклатурно-олигархи-

ческий капитализм стал результатом отнюдь не выверенного научного экономического расчета, а случаем спорадического мышления, невежества и политического цинизма*.

Постепенно пришло осознание ситуации, что никто не ждал Россию на мировых рынках с распростертыми объятиями. Современная система мирохозяйственных связей продолжает в целом функционировать на принципах жесткой экономической конкуренции. Когда необходимо, эта экономическая конкуренция за ресурсы и рынки перерастает в военно-политическое противостояние. Сегодня российские граждане живут в обществе, которое никто не планировал, о котором никто не мечтал, которое стало результатом не освобождения, а выживания для большинства из них.

Результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» показывают, что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу своего экономического положения оставался на довольно высоком уровне и практически не изменил своего характера за прошедшие двадцать пять лет. Основной социально-экономической тревогой российского гражданского общества по-прежнему остается дороговизна жизни**.

Социально-политическая реальность 2016 г. доказала, что на уровне политического класса суждение о всемирной универсальности американской модели неолиберального развития явилось стратегическим заблуждением, а на уровне общественного и массового сознания — иллюзией, результатом политической наивности и манипуляций.

За тридцать лет перестройки и рыночных реформ, с момента их провозглашения на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1985 г., страну, экономику и общество, по крайней мере, шесть раз сотрясали экономические и финансовые кризисы. Последний мировой экономический кризис 2008 г., который чуть не обрушил мировую финансовую систему, к 2015 г. укрепил в общественном сознании мнение, что страна потеряла экономический суверенитет, а надежды на то, что неолиберальные реформы принесут

* См. подробнее: *Авен П., Кох А.* Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 79—112.

** В тексте приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга — д. социол. н. В. К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования и местожительства. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312—1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2015 г. проведены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14—03—00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

стабильность и процветание, являются иллюзией. Граждане поняли, что их благосостояние теперь напрямую зависит от мировой политической конъюнктуры, а государство и общество стали стратегически уязвимы в своем выборе путей развития.

Вторая иллюзия, с которой рассталось российское общественное сознание — это комплекс вины, неполноценности, несправедливого исторического социального, политического прошлого. На протяжении последних трех десятилетий в российском обществе искусственно культивировался комплекс политической вины как русских, российских царей, так и советских вождей. Преследовалась цель руинизации русской российской истории, слома политической воли и сноса на свалку всего слоя русской политической культуры. Но оказалось, что при живом народе — носителе этой культуры — это невозможно осуществить, не разорвав страну и русский мир на части с кровью и огромными человеческими потерями. Граждане почувствовали и поняли, что превращение иллюзии «побежденной России» в реальность означает конец мирной жизни, а значит, и конец страны в ее нынешней геополитической и геоэкономической конфигурации. Общество не согласилось с таким замыслом.

К началу 2016 г., несмотря на продолжающийся кризис, мы наблюдаем процесс социально-политической консолидации на Кавказе, в Крыму и в целом в стране. Этот процесс не закончился и является результатом динамики русской, советской, российской политической культуры в единстве знаний, убеждений и действий. Особенностью этой культуры является то, что она сформировалась в условиях многовекового внешнего политического давления. Русский российский национальный политический характер сформировался в условиях материальных и духовных ограничений на просторах северных территорий, проходя через периоды кризисов и мобилизаций. Закалка победами и поражениями, политическими зимами и оттепелями укрепила стремление к воле, независимости и свободе. Ядром этой культуры, стержнем этого характера является стремление к суверенитету на этом обширном евразийском пространстве. В этих качествах проявляется фундаментализм русского мира.

Его разрушение до основания — очень трудоемкая работа. Она требует колоссальных материальных и временных ресурсов. В настоящее время нет оснований полагать, что удастся стратегически собрать и направить эти ресурсы в нужное место и в нужное время. В силу такого понимания актуальной социально-политической ситуации произошло разрушение еще одной иллюзии о том, что Запад или США одержали победу в «холодной войне». Россия осталась самой большой страной на планете с ядерным оружием и громадным ресурсным и человеческим потенциалом. На ее территории нет оккупационных войск. Рационально ли

в этом случае говорить о ее разгроме и какой-либо победе? Вряд ли. Навязываемый принцип «горе побежденному» оказался неприменим к нашей стране. Российское общественное сознание не приняло эту пропагандистскую установку и поняло, что только опора на собственные силы дает стране гарантии на будущее независимое развитие.

Оппозиция совершила концептуальную ошибку, начав по западным традициям и технологиям кампанию против политических личностей, в частности против В. В. Путина. В общественном сознании политический образ В. В. Путина накрепко связан с образом российского государства. Такова особенность политической традиции и актуальной политической культуры. Глобальные политические тенденции развития событий в Сирии, на Ближнем Востоке, США, Китае не позволяют говорить о возможном снижении политического авторитета В. В. Путина, команде которого удастся достаточно оперативно и эффективно отвечать на краткосрочные угрозы.

Спусковым крючком всех европейских революций и переворотов являлась провальная логистика хлеба и продовольствия в столицах. Граждане вышли против власти на улицы в Париже в 1789 г., в Петрограде в 1917 г., и в Москве 1991 г. Представить что-то подобное в современных условиях Российской Федерации в Москве, где Администрация Президента РФ, Правительство РФ и ФСБ тщательно и аккуратно отслеживают и контролируют проблему продовольственной безопасности, вряд ли возможно.

К настоящему моменту общество и государство, несмотря на кризис и санкции, находились в состоянии многофакторного динамического социально-политического равновесия. Гражданское общество в своем большинстве устойчиво продолжает поддерживать В. В. Путина и проводимый им политический курс, накапливая вопросы о перспективах своего будущего устойчивого социально-политического и социально-экономического развития.

Информация об авторе

Левашов Виктор Константинович, д. с. н., руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, Москва, Россия, levachov@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

И. И. Липайкина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Аннотация. Представлен анализ данных, полученных в ходе социологического исследования, проведенного в Республике Мордовия в феврале 2016 г. с целью изучения общественного мнения в отношении различных аспектов социально-экономического кризиса. Важным фактором стабильной ситуации в стране является «запас прочности», накопленный населением в предшествующие годы. Однако заметна тенденция к снижению социального самочувствия граждан республики. Большинство обеспокоенных кризисом составляют жители сельской местности, при этом последствия кризиса в большей степени ощутили городские жители.

Ключевые слова: кризис, общественное мнение, запас прочности, социальное самочувствие, стратегия поведения

Исследования последних лет показывают, что в российском обществе произошли существенные изменения, коснувшиеся в первую очередь мировосприятия россиян, которые сталкиваются сегодня с совершенно другими вызовами и проблемами, чем раньше, — и особенно заметно это проявилось в период начавшегося социально-экономического кризиса.

Кризис имеет не только экономические последствия, которые выражаются в сокращении объемов производства, росте цен на товары и услуги, банкротстве предприятий и т. д., но также и социальные последствия: рост массовой безработицы, бедности и, как следствие, ухудшение материального положения и качества жизни. Из-за неуверенности в своем будущем люди начинают сильнее беспокоиться, испытывать страх. Возникает разочарование в существующих порядках, пессимизм и отчаяние. В связи с этим представляется важным изучение общественного мнения в отношении социально-экономического кризиса. Несмотря на то, что в научной литературе сделано многое для изучения кризисного состояния общества, исследование особенностей поведения людей в ситуации кризиса остается весьма актуальным.

Среди отечественных специалистов, занимающихся исследованиями социально-экономического кризиса, можно выделить Л. Н. Вдовиченко [2], Д. В. Каменщика [4], Г. И. Ханина (в соавт. с И. А. Фоминым) [5]. Указанной теме посвятили свои статьи Т. Ю. Богомолова [1], М. К. Горшков [3] и др.

В феврале 2016 г. было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение общественного мнения, касающегося различных аспектов социально-экономического кризиса. В ходе данного исследования было опрошено 118 жителей Республики Мордовия (44,9% мужчин и 55,1% женщин) в возрасте старше 18 лет. В опросе приняли участие городские (61%) и сельские жители (39%) разных национальностей: мордва (51,7%), русские (44,9%) и татары (2,5%). Большинство из них женаты (замужем) (67,8%).

Важным фактором стабильной ситуации в стране и спокойной реакции населения на явления кризиса является «запас прочности», накопленный населением в предшествующие годы. Несмотря на то, что 12,7% респондентов говорят о том, что их материальное положение за последний год существенно ухудшилось, большинство опрошенных (38,1%) утверждают, что уровень их материального благосостояния остался без изменений. 23,7% отмечают незначительное улучшение своего материального положения. Незначительное ухудшение материального положения ощутили 16,9% опрошенных жителей.

Можно утверждать, что население Мордовии постепенно осознает угрозу своему материальному положению, которое исходит от кризиса. 59,7% городских жителей сильно обеспокоены кризисом; среди жителей сельской местности доля сильно обеспокоенных составляет 67,4% — большинство жителей. Возможно, это связано с тем, что в результате кризиса происходит свертывание сельской социальной инфраструктуры: школ, детских садов, медицинских пунктов. Сворачивают свою деятельность сельскохозяйственные предприятия, где по большей части работают сельские жители. Таким образом, социально-экономический кризис повлиял на снижение социального самочувствия жителей РМ.

В период социально-экономического кризиса многие жители Мордовии изменили свою стратегию поведения: кто-то начал экономить, кто-то занимать в долг или накапливать сбережения. Переход на потребление более дешевых товаров и продуктов (31,9%), отказ от некоторых продуктов питания, товаров, услуг (30,6%) — основные методы приспособления городских жителей к сложившейся экономической ситуации. Незначительная часть горожан (6,9%) начали брать деньги в долг у родственников и знакомых.

Жители сельской местности в ситуации кризиса ведут себя иначе. 32,6% покупают продукты впрок, что выгоднее. Чуть более четверти опрошенных сельских жителей (26,1%) начали покупать реже или так же, как и городские жители, отказываться от покупки некоторых товаров и продуктов питания. При этом 13% опрошенных начали выращивать больше овощей и фруктов, разводить птицу и т. п. — многие жители сел

и деревень имеют свои земельные участки и живут за счет личного подсобного хозяйства.

Таким образом, у населения республики преобладает пассивная стратегия поведения в ситуации социально-экономического кризиса.

Анализ данных проведенного исследования выявил, что в целом население Республики Мордовия скорее ощущает последствия социально-экономического кризиса. Этой точке зрения придерживается 44,1% респондентов. Лишь незначительная часть опрошенных (3,4%) отмечают, что кризис они не ощутили, и он никак не повлиял на их жизнь.

Конкретные проявления социально-экономического кризиса и его последствия выражаются, по мнению жителей республики, прежде всего, в высокой инфляции, росте цен (23%) и ухудшении материального положения (21,9%). Безработица затронула 16,2% опрошенных, 10,8% ссылаются на задержку заработной платы, а 8,3% — на сокращения, происходящие у них на работе. Снижение размера заработной платы коснулось 6,5% граждан.

Респондентам был задан вопрос относительно того, сколько, по их мнению, в России продлится социально-экономический кризис. Более оптимистичными при ответе на этот вопрос оказались мужчины: большинство из них считают, что кризис продлится более одного года (43,4%). Женщины склонны считать, что кризис продлится от двух до четырех лет (47,7%). Возможно, именно с этим связано то, что в большинстве случаев население региона скорее не чувствует уверенности в завтрашнем дне. Так утверждают более половины опрошенных жителей республики (57,6%).

Обобщая результаты проведенного социологического исследования, можно сделать вывод о том, что жители Республики Мордовия обеспокоены начавшимся социально-экономическим кризисом. Заметна тенденция к снижению социального самочувствия граждан республики. Большую долю обеспокоенных составляют жители сельской местности. Но последствия кризиса в большей степени ощутили городские жители. Проявления кризиса выражаются, прежде всего, в высокой инфляции, росте цен, ухудшении материального положения и безработице. Поэтому многие жители республики изменили свою стратегию поведения. Люди начали экономить, брать деньги в долг, покупать более дешевые продукты и товары или совсем отказываться от некоторых из них. В основном, у населения республики преобладает пассивная стратегия поведения.

Список литературы

1. Богомолова Т. Ю. Устойчивость населения к негативному воздействию кризиса: между вчера и завтра // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 115—136.

2. *Вдовиченко Л. Н.* Кризис в зеркале европейской социологии // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 143—148.
3. *Горшков М. К.* Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36—47.
4. *Каменщик Д. В.* Глобальный финансовый кризис в контексте закономерностей развития мировой экономики // Экономические науки. 2012. № 6. С. 49—56.
5. *Ханин Г. И., Фомин Д. А.* В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 2. С. 11—15.

Информация об авторе

Липайкина Ирина Ивановна, студент IV курса Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия, irina-lipajkina@yandex.ru

РОЛЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В МИГРАЦИОННОЙ СРЕДЕ: ОЖИДАНИЯ СИСТЕМЫ И ТРЕБОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

В. И. Михалюк

«Политический маркетинг», Москва, Россия

Аннотация. Ролевое поведение в миграционной сфере должно регулироваться независимо от страны происхождения мигранта. Особое место среди предпосылок ролевого конфликта занимают характеристики международного разделения труда и глобальной деиндустриализации, а также перераспределения сфер мирового влияния. Для того чтобы проводить инвестиции, нацеленные на развитие, надо уметь управлять ролевыми характеристиками.

Ключевые слова: ролевое поведение, трудовая миграция, социальный статус, демодернизация, деинновация, миграционная среда, деиндустриализация

Социологические замеры показывают неэффективность контроля миграционных потоков без учета ролевых факторов, приводящую к углублению конфликта в социальной среде и к еще более несправедливым оценкам роли колониальной миграции, оттоку капитала и иррациональному использованию трудовой силы.

Трудовая миграция из стран СНГ становится социальным вызовом, а трудовая миграция из развитых стран — социальным нонсенсом.

Вопрос международной трудовой миграции из развитых стран напрямую связан с экономическим и социальным развитием России в среднесрочной перспективе. Согласно ролевым концепциям, в частности, Дж. Г. Мида и Р. Линтона, каждое социальное положение (статус) связывается со специфической системой правил, социальных ожиданий и норм.

Ролевые отношения в системе «западный наемный работник (рабочий мигрант) — законодательное обеспечение в России» только прописываются и являются крайне неустойчивыми из-за привилегированного отношения к западной и американской рабочей силе.

Ролевые отношения в сфере миграции явление более динамичное и по своему развитию намного опережающее законы, их регулирующие. Если их не выстроить в систему, не поставить сейчас под жесткий контроль, мы можем получить обратный эффект демодернизации и деинновации. Недооценка фактора скрытой рабочей миграции из развитых стран может помешать формированию адекватной миграционной поли-

тики страны и привести как к материальным, так и моральным издержкам, к потере международного авторитета.

Социологические исследования, проведенные научно-исследовательской компанией «Старая площадь», показывают, что 68 % опрошенных относится предвзято к мигрантам из ближнего зарубежья, отмечая в первую очередь, что они пополняют преступность и переправляют деньги из страны к себе на родину. При этом отношение к трудовым мигрантам европейского происхождения намного лояльнее. Хотя многие опрошенные отмечали, что оценить масштабы трудовой миграции из развитых стран они не могут, так как часто их называют высококвалифицированной силой. 67 % согласились с мнением, что в ситуации с западными мигрантами играет роль стереотип, что они приезжают нас учить чему-либо и работать на наше благо, принося инвестиции.

Невозможно получить не коррупционную культурную трудовую миграцию в стране, где только формируются устойчивые экономические и юридические принципы и законы. Для того чтобы проводить инвестиции, нацеленные на развитие, надо быть юридически и социологически к ним готовыми, т. е. уметь управлять ролевыми характеристиками.

В сегодняшнем миграционном поле России наблюдается разрыв между поведенческим блоком и другими параметрами, который порождают внутренние и внешние противоречия, в том числе специфические ролевые конфликты.

Ролевое поведение в миграционной сфере должно регулироваться положительными и отрицательными фактами одинакового уровня независимо от страны происхождения мигранта. Особое место среди предпосылок ролевого конфликта занимают характеристики международного разделения труда и глобальной деиндустриализации, а также перераспределения сфер мирового влияния.

Информация об авторе

Михалюк Валерия Игоревна, к. п. н., политехнолог, гл. редактор журнала «Политический маркетинг», Москва, Россия, politika07@mail.ru

ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н. А. Овчар

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

Аннотация. В Волгоградском государственном техническом университете совместно с Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» проведено исследование, в котором выделен ряд индикаторов социального самочувствия, позволяющих оценить масштаб социальных проблем и восприятие социальной ситуации жителями города. Необходима не только выработка системы показателей, но и их мониторинг в течение длительного времени, чтобы диагностировать социальные проблемы.

Ключевые слова: социальное самочувствие, индикаторы, РИПН

Обозначая категорию «социального самочувствия» в качестве предмета нашего научного интереса, следует отметить, что к настоящему времени в социологии не сложилось однозначного подхода к трактовке данного понятия. Под социальным самочувствием понималось как состояние физического и душевного здоровья человека, так и наличие устоявшихся ценностных ориентаций личности; как характеристика реализации жизненных стратегий человека, так и ценностно-оценочное отношение к окружающей среде.

В связи с плюралистичностью и неоднозначностью понятия «социального самочувствия» разработка универсального перечня индикаторов является самостоятельной научной задачей, реализуемой исследователями.

Например, Л. Е. Петрова, опираясь на данные Международного лонгитюдного проекта «Пути поколения», реализованного в Свердловской области, выделяет следующие индикаторы [2]:

1. Уровень притязаний — жизненная ориентация; ценностные ориентации трудовой деятельности; ценности учебной деятельности; ценности семьи; ценности общения и досуговой деятельности.
2. Характеристики активности субъекта — субъективная оценка характеристик успеха; трудоспособность, адаптивная деятельность; конкретные шаги по реализации жизненной программы.
3. Идентификационная стратегия — характеристика референтной группы; характеристика возможностей в сравнении с представителями своей возрастной когорты; степень доверия социальным институтам; институт помощи.

4. Удовлетворенность реализацией жизненной стратегии: удовлетворенность работой; удовлетворенность семейной карьерой; удовлетворенность вещной средой.
5. Временные характеристики — отношения к изменениям: планирование важнейших событий.
6. Объективные детерминирующие факторы — среда выхода, статус субъекта социального самочувствия.

В Волгоградском государственном техническом университете совместно с Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» проведено исследование, в котором нами выделен ряд индикаторов социального самочувствия, которые позволили оценить масштаб социальных проблем и то, каким образом эмоционально воспринимается социальная ситуация жителями города [1]. Итак, в качестве основных индикаторов социального самочувствия и оценки социальной стабильности региона, в данном случае, выступали:

- оценки безопасности проживания в регионе;
- страхи, которые испытывает население;
- институты, группы, общности, которые выступают гарантами социальной стабильности для населения;
- восприятие будущих перспектив, оценка возможности изменения социального положения в будущем;
- оценка степени уверенности в своем будущем и будущем своей семьи;
- уровень оптимизма.

Проведение исследований по этой проблематике в Волгограде продолжилось. Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» продолжал мониторинг, включив блок вопросов для измерения уровня социального самочувствия жителей города в инициативный проект «Волгоградский Омнибус» [3]. Для измерения социального самочувствия стал применяться вариант индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений, вариант ИПН), разработанный Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» для межрегиональных исследований. Компоненты РИПН рассчитывались на основе результатов обработки ответов респондентов на шесть вопросов интервью, которые предлагались респондентам в следующих формулировках:

С11. «Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

С12. «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (Вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

С13. «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

С14. «Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

С15. «Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

С16. «Если говорить о крупных покупках для дома — таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

Таким образом, наблюдается широкий спектр исследовательских возможностей, интерпретируя понятие «социальное самочувствие», предлагать индикаторы его измерения. Однако, в нашем понимании, важной задачей является не только выработка системы показателей, но и мониторинг этих показателей в течение длительного времени, дабы диагностировать социальные проблемы общества.

Список литературы

1. Дулина Н. В., Овчар Н. А. Крупный российский город и страхи его жителей (по итогам прикладного социологического исследования) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». 2007. Т. 3. № 4(30). С. 58—62.
2. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социс. 2000. № 12. С. 50—55.
3. Токарев В. В., Дулина Н. В. Опыт социального мониторинга в городе // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». 2010. Вып. 8. № 9(69). С. 78—86.

Информация об авторе

Овчар Надежда Андреевна, к. с. н., доцент кафедры история, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия, onadine@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КАТАСТРОФИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

М. А. Одинцова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. Катастрофическое сознание является интегрированным сознанием, выстроенным на основе прошлого негативного опыта в контексте отрицательных переживаний настоящего и негативного прогнозирования будущего. Его необходимо одновременно рассматривать как некую сферу и как индивидуальное сознание. Информационно-психологическая сфера окутывает человека снаружи и проникает вовнутрь. В результате создается специфическая картина мира, опасная, рискующая быть неизбежно разрушенной; происходит постепенное погружение в состояние внутреннего хаоса, которое приводит к личностным деформациям или психическим расстройством.

Ключевые слова: массовое сознание, индивидуальное сознание, катастрофическое сознание, сфера сознания, психические микробы

Представления людей о больших несчастьях, страхи, фобии, тревоги приводят к появлению довольно стабильных характеристик в массовом сознании. Это переживания событий разного уровня — от угрозы благополучию (испытания, бедствия, несчастные случаи, катастрофы и т. п.) для того или иного сообщества, до конца света как глобальной катастрофы, уничтожающей жизнь на Земле. Все это часто обозначают термином «катастрофическое сознание».

Под катастрофическим сознанием в социологии понимают неизменное смещение эмоций в сторону беспокойства, страха, тревожности, неуверенности, что приводит к эмоционально-чувственному дисбалансу, который постепенно приобретает постоянный характер [7].

«Катастрофическое сознание» в философии рассматривается как признание личностью или группой неминуемости будущей гибели, разрушения или краха привычного мира, в результате чего совершается значительная трансформация идеалов, ценностей; формируется свой язык символов [6]. Е. В. Положенцева предлагает структуру катастрофического сознания, что позволяет дополнить определение, предложенное выше. Итак, в структуру катастрофического сознания входят:

1) культурно-содержательный компонент (переживание конца света, признание неизбежности гибели мира);

2) эмоциональный компонент (страх как форма трансформации и оправдания в общественном мнении пассивности, безволия, пессимизма, деградации и т. п.);

3) когнитивный компонент (память о культурной травме) [6].

Таким образом, катастрофическое сознание складывается из признака личностью или группой страха перед будущей гибелью привычного мира на основе переживаний культурной травмы в результате чего совершается трансформация идеалов, ценностей в сторону негатива, формируется определенная символика, пронизывающая искусство, культуру.

В представлении психологов катастрофическое сознание развивается на основе катастрофизма как компоненты массового сознания, мироощущения, менталитета социальной общности, массового сознания и массового настроения, преобладающих гнетущих чувств и эмоций, массового доминирующего состояния страха, гнева, тревоги. При этом следует различать индивидуальное и общее для социальной группы катастрофическое сознание, хотя характеристики будут идентичными. Индивидуальное катастрофическое сознание выстраивается на основе свойств личности (темперамента, характера и т. п.), обусловлено индивидуальным сознанием, негативным настроением, негативными доминирующими чувствами и эмоциями, депрессивным состоянием и тесно связано с массовым катастрофическим сознанием [5].

Л. В. Куликов в структуру катастрофического сознания включает менталитет (слабость духа), катастрофическое мироощущение, упаднический настрой, унылое подавленное настроение, доминирующие дистимические чувства, эмоции страха, тревоги, гнева и общее разлитое депрессивное состояние (рис. 1) [5].

Определяя главную функцию сознания человека как интегрирующую, объединяющую, обеспечивающую целостность функционирования психики (связность внешней и внутренней активности), следует отметить, что сознание сохраняет временной контекст ситуации (прошлое, настоящее и будущее). В этом контексте происходит соотнесение потребностей и возможностей человека (внутренних и внешних ресурсов), что выстраивает и удерживает целостный образ ситуации. Интегрированным считается сознание, в котором присутствует координация прошлого, настоящего и будущего и существует иерархия жизненных смыслов и целей, ценностей и мотивов. При ослаблении интегрирующей функции сознания, снижается потенциал человека, падает интенсивность деятельности. Следовательно, катастрофическое сознание является интегрированным сознанием, выстроенным на основе прошлого негативного опыта в контексте отрицательных переживаний настоящего и негативного прогнозирования будущего.

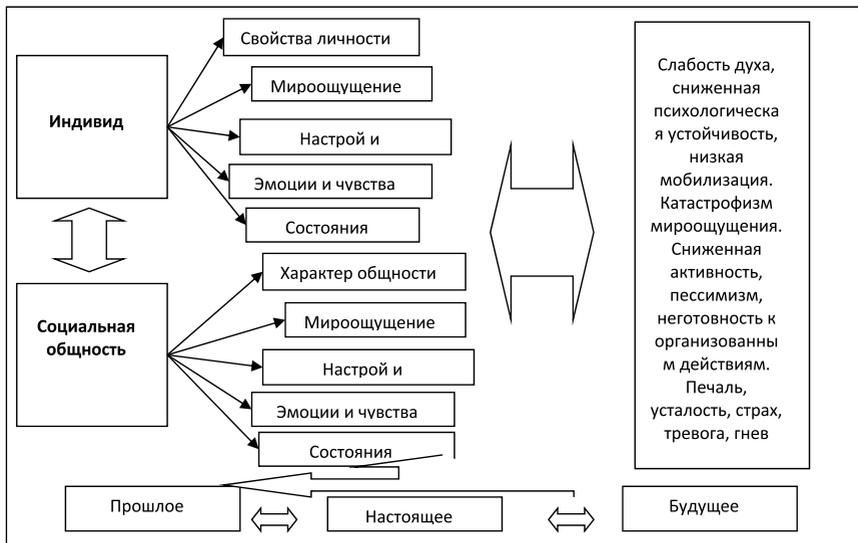

Рисунок 1. Общие характеристики индивидуального и массового катастрофического сознания

Склонность человека к прогнозированию становится важным элементом катастрофического сознания. Склонность к прогнозированию определяется как «предвидение, суждение о состоянии какого-либо явления в будущем с помощью научных методов» [3]. Г. Д. Бабушкин вводит понятие «вероятностного прогнозирования» как предвосхищения будущего на основе особенностей существующей ситуации и предыдущего опыта человека [1]. Ситуация, в которой оказывается человек, и прошлый его опыт предполагают выдвижение гипотез о будущем, имеющих вероятностный характер. В ситуации катастрофы это приобретает особое значение, так как дает человеку не только определенные знания, но и надежды. Например, мы наблюдаем всплеск прогностических учений именно в исторические периоды больших перемен. В ситуации катастроф прогностические идеи мистического характера (гадания, астрология, суеверия, ведовство, колдовство и т. п.) неизменно соперничают с научными (появление психологии, генетики и др.).

С нашей точки зрения, катастрофическое сознание необходимо одновременно рассматривать как некую сферу и как индивидуальное сознание. Индивидуальное сознание выстраивается на основе событийности той или иной эпохи, ситуации. Так, В. П. Зинченко, анализируя сферу сознания, пишет о ее безличности, бессубъектности, символичности, квазипредметности (лат. *quasi* — как будто) и событийности [4]. Сфера

сознания, как бы налагаемое снаружи множество информации, окутывает индивидуальное сознание. Катастрофические чувства, эмоции, образы, символы, мысли, память, которыми заполнена сфера сознания, быстро передаются через мимику, жесты, слова, книги, средства массовой информации в личное сознание аналогично психическим микробам (взаимовнушение и внушение по В. М. Бехтереву). Психический микроб оказывается не менее пагубным, чем физический [2]. На фоне разрушения внешнего мира может рухнуть внутренний мир человека, носителя катастрофического сознания — в этом губительность психического микроба.

На основании вышеизложенного можно выделить три взаимосвязанных уровня катастрофического сознания.

1. **Ментальный.** Осознание наличной или грядущей беды, необоснованные прогнозы относительно катастрофичности будущего с ориентацией на отрицательный прошлый опыт.

2. **Эмоционально-чувственно-волевой.** Пессимизм, страхи, тревога делаются неизменным активизированным состоянием психики человека. Восприятие только негативной информации, необычная внушаемость, подверженность суггестивному влиянию, отсюда соответствующие формы поведения (беспомощность, низкая активность, безответственность и т. п.). Выстраивание опасного катастрофического образа мира.

3. **Проуровень (над-уровень)** как информационно-психологическая сфера, незаметно окутывающая человека снаружи и проникающая вовнутрь. Это содержание общественного сознания, которое характерно для той или иной исторической эпохи и культуры (рис. 2).

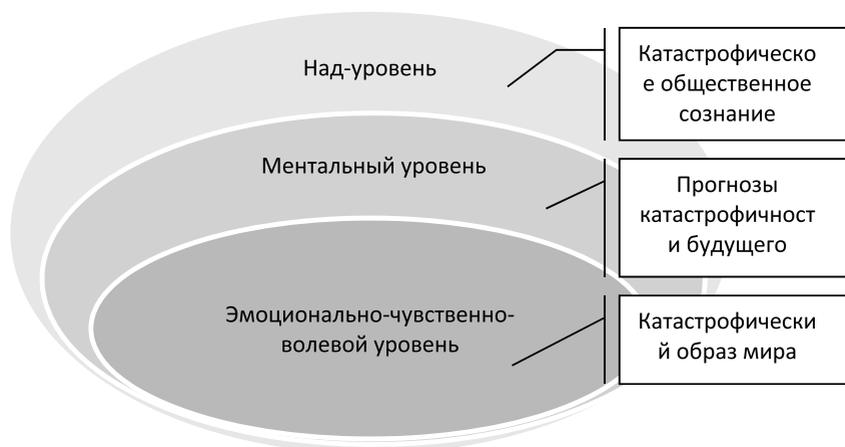

Рисунок 2. Психологическая структура катастрофического сознания

В результате создается специфическая картина мира, воспринимаемая человеком как угрожающая, опасная, рискующая быть неизбежно разрушенной. Происходит постепенное погружение человека в состояние внутреннего хаоса, негативными последствиями которого могут стать отклонения в поведении, личностные деформации или психические расстройства.

Список литературы

1. *Бабушкин Г. Д.* Вероятностное прогнозирование в экстремальных ситуациях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 4 (39). С. 49—52.
2. *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008.
3. *Большой энциклопедический словарь* / под ред. В. Е. Кемерова. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 1074.
4. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. М. : Языки славянских культур, 2010.
5. *Куликов Л. В.* Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха // Личность в экстремальных и кризисных ситуациях жизнедеятельности, 2015. С. 66—75.
6. *Положенцева Е. В.* Культурные ориентиры катастрофического сознания : дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
7. *Шляхпентох В. Э.* Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX в. (по материалам международных исследований). М. : МОНФ, 1999.

Информация об авторе

Одинцова Мария Антоновна, к. психол. н., профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения МГППУ, Москва, Россия, Mari505@mail.ru

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Пилягина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. Следствием заметного расхождения между декларируемыми ценностями и поведенческими стратегиями, реализуемыми в политике, является переплетение традиционалистских и современных компонентов в сознании и поведении россиян. Несмотря на признание важности ценностей демократии и прав человека, россияне, тем не менее, скептически оценивают их инструментальный потенциал в социально-экономическом развитии страны. Рационально-активистская модель социального действия — один из ключевых критериев развитости любого современного демократического государства, предопределяющий характер и направленность политического участия, развитие новых форм гражданской активности и самоорганизации.

Ключевые слова: демократические ценности, традиционная культура, секулярно-рациональная культура, постмодернизация, протестный активизм,

Для того чтобы адекватно оценить перспективы развития демократических институтов, важно не только определить характер институциональной среды, но и учесть динамику массовых настроений и ценностей, в том числе и касающихся отношения к демократическим ценностям, тем или иным способам и формам гражданской самоорганизации и политического участия. Обнаруженная в ходе многочисленных исследований взаимосвязь между ценностями и демократией говорит о том, что уровень ценностей, вероятно, влияет на то, у каких стран переход к демократии будет осуществляться быстрее, какие демократические институты будут более стабильными и эффективными.

По мнению Р. Инглхарта, демократия тесно связана с определенным типом системы ценностей. В исследованиях с большими выборками в десятках стран, доказывающих этот тезис, он использует деление стран по критерию преобладания традиционной или секулярно-рациональной культуры. Для традиционных культур характерны ценности выживания, среди которых преобладают такие, как невнимание к гендерному равенству, отсутствие межличностного доверия, нетерпимость к инакомыслящим, для секулярно-рациональных культур — прямо противоположные ценности самовыражения, акцентирующие гражданские и политические

свободы. Модернизация и экономический рост, по мнению Инглхарта, усиливает роль ценностей самовыражения и способствуют укреплению демократических институтов.

Сравнительное положение стран, занимаемое ими на шкале «выживание/самовыражение» Инглхарт сопоставил с позициями, занимаемыми по уровню развития демократии, и выяснил, что страны, занимающие крайние или близкие к крайним положения на шкале «выживание/самовыражение», являются либо управляются авторитарными режимами, либо являются стабильными демократиями [1]. Степень выраженности ценностей самовыражения в целом не является признаком эффективной демократии, однако она выражают тенденцию в сфере массовых представлений, присутствующих в обществе, и помогает понять относительную вероятность наличия демократического режима [1, с. 307].

Во Всемирном исследовании ценностей предлагается ответить на вопрос, является ли демократическая система «очень хорошей», «скорее хорошей», «скорее плохой» или «очень плохой формой правления». Данные WVS последней, 6-й волны показали, что 68% российских граждан в целом одобряют демократию как систему управления в нашей стране, при этом почти столько же ответивших (67%) полагают, что России нужен сильный лидер, не зависящий от парламента и выборов.

Следует иметь в виду существенный разрыв между отношением к демократии как проекту социального устройства и возможности практического использования демократических институтов в обновлении страны. Итак, если на уровне парадных ценностей большинство представителей двух групп выступают с позиций безусловного приоритета ценностей демократии, то, выражая свое отношение к сегодняшним российским реалиям, они уже не столь однозначны в своих оценках.

Сравнительный анализ данных двух волн проекта *World Values Survey* демонстрирует динамику представлений россиян о значимости демократии как необходимой составляющей политической жизни страны. Как показывает анализ данных, с 2006 по 2015 гг. доля тех, кто отмечает безусловную значимость демократии, сократилась почти вдвое — с 62 до 37%. По данным мониторинговых исследований ВЦИОМ, с 2004 по 2011 гг. число россиян, игнорирующих политическую и общественную жизнь страны, увеличилось почти вдвое — с 32 до 61%. Уровень политического участия является одним из показателей демократичности политической системы и тесно связан с интересом к политике, возможностью общественного контроля за действиями властей, влиянием на исход выборов. В данном случае, выявляется закономерность: чем ниже уровень политической вовлеченности граждан, тем выше уровень политической отчужденности и рост неконвенционального протестного

активизма, не связанного с демократическими процедурами. Политика утрачивает публичный характер, политические решения принимаются без политической конкуренции во время избирательных кампаний и между ними. Предопределенность исхода выборов снижает мотивацию масс к электоральному участию, а также интерес к демократии в целом. На сегодняшний день общей тенденцией для многих стран является снижение числа людей, участвующих в выборах органов власти. Это можно расценить как понимание нелегитимности безальтернативной власти.

В опросе 2012 г. среди основных причин недемократичности прошедших выборов были названы следующие: большое количество фальсификаций, нарушений (так ответили 28%), предопределенность исхода выборов (19%). Для многих граждан России равные условия конкуренции участников выборов стали желаемой нормой, которую они позитивно оценивают [2]. Создание по-настоящему конкурентной среды крайне важно для обеспечения гражданам не декларативной, а реальной свободы выбора, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий.

Данные многочисленных исследований подтверждают тезис о том, что россияне рассматривают противоположные, с точки зрения теории постмодернизации, понятия свободы, прав человека, порядка, традиции, успеха не как бинарные конфликтующие оппозиции, а как в равной степени важные и необходимые ценности [3]. Однако при селекции этих идей, замечает Петухов, ценности демократии и прав человека все чаще перемещаются на периферию общественного внимания. Несмотря на признание их важности, россияне, тем не менее, скептически оценивают их инструментальный потенциал в социально-экономическом развитии страны.

Восприятие россиянами перспектив демократии в России отличаются от подходов, настаивающих на ее локализации лишь в сфере политики и выборных процедур. Потенциальные возможности демократии рассматриваются ими в более широком контексте — как правовая защищенность и социальная справедливость [4]. По данным опроса ВЦИОМ 2014 г., под демократией россияне в первую очередь понимают свободу слова, печати, вероисповедания (так ответили 47%), экономическое процветание страны и выборность всех высших государственных руководителей страны — 24 и 14% соответственно.

Таким образом, прямого вопроса об отношении к демократии недостаточно для измерения уровня демократических ценностей. Как отмечают У. М. Рейзингер и Дж. Пачеко [5], большинство стран, независимо

от того, какой политический режим они имеют, все равно поддерживают демократию, если у них об этом спросить. Так, переплетение традиционалистских и современных компонентов в сознании и поведении россиян является следствием заметного расхождения между декларируемыми ценностями и поведенческими стратегиями, реализуемыми в политике. Данные WVS показывают, что в России между декларируемым одобрением демократических институтов и реальным участием — огромная дистанция.

Бихевиористское измерение, являющееся одним из индикаторов, описывающих человека с демократическими ценностями, может показывать, участвовал ли респондент в политике помимо участия в голосовании — например, подписывая петиции или принимая участие в публичных демонстрациях и протестах. Стремление продемонстрировать свою позицию элите оказывается сильнее, чем страх репрессий даже в недемократических обществах. Согласно данным последней волны WVS, уровень протестной активности выше среди тех россиян, которые являются приверженцами ценностей самовыражения.

Увеличение масштабов политического участия, по мнению К. Мангейма, влияет на развитие демократии. Рост политического участия в трансформирующихся традиционных обществах определяется возрастанием уровня политического сознания широких слоев населения и проявляется вовлечением в политические процессы традиционно инертных групп, повышая конкурентность и открытость политической жизни. Осознание необходимости перехода к «рационально-активистской» модели политической жизни является значимой для понимания дальнейших путей развития демократических институтов в России. Рационально-активистская модель социального действия является одним из ключевых критериев развитости любого современного демократического государства и той «матрицы», которая предопределяет характер и направленность политического участия, развитие новых форм гражданской активности и самоорганизации.

Список литературы

1. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М. : Новое изд-во, 2011.
2. *Римский В. Л.* Причины и мотивы протестных акций в России 2011—2012 гг. // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3 (109). С. 110—113.
3. *Петухов В. В.* Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 1 (101). С. 6—23.

4. Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н. и др. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // *Власть*. 2014. № 9. С. 11—19.
5. Рейзингер У. М., Пачеко Дж. Массовые демократические ценности и демократия в российских регионах// *Мониторинг общественного мнения*. 2014. № 5 (123). С. 12—30.
6. Федоров В. В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М. : Праксис, 2010.

Информация об авторе

Пилягина Вера Александровна, аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, Москва, Россия, vera_pilyagina@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ: ОПЫТ СЕВАСТОПОЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

К. В. Подъячев

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В докладе отражены результаты полевых исследований, проведенных в Севастополе в июне 2015 г. методом глубинных интервью. Севастопольская идентичность поглощает этнические и религиозные различия, она не связана с идентичностью крымской. Для севастопольцев характерен ярко выраженный патриотизм. Система ценностей, определяющая фон общественного сознания севастопольцев, стала политическим фактором, и остается им до сих пор. Реформаторская политика без оглядки на интересы горожан, может вызвать протесты. При наличии богатейшего опыта сопротивления административному давлению, накопленного севастопольскими гражданскими активистами, масштаб протестов будет значительно больше, чем в других регионах РФ.

Ключевые слова: консолидация, гражданская идентичность, общественное сознание, ценности, интеллигенция, креативный класс, горизонтальные связи

Социологический анализ ситуации в новых субъектах РФ: Республике Крым и городе Севастополе имеет большое значение как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Поскольку эти регионы долгое время находились вне России, в иной институциональной среде, то для разработки адекватной интеграционной политики необходимо полное понимание их специфики, чего в настоящее время российским властям не хватает. Кроме того, сам процесс интеграции Крыма и Севастополя в российскую институциональную и культурную среду, который мы можем наблюдать в режиме реального времени, представляет собой крайне интересный предмет исследования, изучение которого может весьма обогатить социологическую науку. Особенно любопытным представляется нам сохранение крымчанами и севастопольцами идентичности в годы пребывания в составе Украины вопреки поистине выдающимся усилиям украинского государства, направленным на ее трансформацию.

В ходе исследований, проведенных в Севастополе в июне 2015 г., основным используемым методом были глубинные интервью с представителями органов власти, работниками образования и культуры,

гражданскими активистами и некоторыми случайно выбранными жителями города. Интервью дополнялись анализом СМИ, веб-сайтов, и непосредственным наблюдением в соответствии с принципами «третьей социологии» [3].

Мы посвящаем доклад исключительно городу Севастополю не только ввиду ограниченности времени, но и потому, что, как мы установили в ходе исследований, Севастополь имеет свою специфику, отличающую его от Республики Крым, и севастопольская идентичность не связана с идентичностью крымской [2].

Наиболее существенной особенностью Севастополя в этом плане является ярко выраженный местный патриотизм. В городе весьма силен «корпоративный дух», жители ощущают себя прежде всего севастопольцами, но севастопольский патриотизм не отделяется от общероссийского, так как Севастополь позиционирует себя как город именно русской славы. Севастопольская идентичность в значительной степени поглощает этнические и религиозные различия, объединяя людей вокруг общих ценностей.

Стержнем ценностной системы является общая историческая память, прежде всего о событиях Великой Отечественной войны, но и других значимых исторических событиях, связанных с городом, подвигах русского флота. Характерно для общественного сознания севастопольцев твердое неприятие как украинского национализма, так и европейских ценностей напоподобие космополитизма, однополых отношений и т. п.

А украинские власти предпринимали серьезные усилия, чтобы севастопольскую идентичность если не разрушить, то подточить, как-то отделить от идентичности русской и российской. Идея Севастополя как города русской славы рассматривалась в Киеве как крайне опасная, и с ней активно боролись.

Поэтому украинская власть, не доверяя местным жителям, старалась назначать на руководящие должности в Севастополь выходцев с «Большой земли», особенно из западных областей. Но это привело к обратному эффекту: у высшего чиновничества города сформировалась психология колониальной администрации, «временщиков», мечтающих только отличиться, чтобы получить повышение и уехать. Это весьма напоминает ситуацию, отмеченную нами в ряде российских регионов, так называемую модель отчужденной власти [1], только многократно усиленную.

Одновременно и со стороны гражданского общества сложилась специфическая модель параллельного существования с властью. Проблемы, которые власть не решала, общество старалось решать само, что обратно патернализму, который очень часто приписывается русскому народу.

Но поскольку создавать какие-либо реально действующие общественные организации было опасно из-за возможного противодействия властей, гражданское общество образовывало не классические НКО, а неформальные сообщества активистов, объединенных горизонтальными сетевыми связями (точно по М. Кастельсу). Причем коммуникация осуществлялась в основном не посредством интернета, а гораздо более традиционными способами. Выявить такие сообщества средствами институциональной социологии невозможно, почему и складывалось впечатление, что никакого гражданского общества там не существует. В результате же в городе сложилась своеобразная гражданская элита, которая и стала главной движущей силой «русской весны».

В сфере образования украинская власть также всеми силами пыталась внедрить в севастопольских школах «идеологически правильную» концепцию истории и заменить русский язык украинским. Но педагогическое сообщество при помощи упомянутых выше активистов этому сопротивлялось, встречая полное сочувствие родителей учащихся.

Важно отметить, что в случае Севастополя система ценностей, определяющая фон общественного сознания, стала политическим фактором, и остается им до сих пор. Многочисленные трудности адаптации, всегда сопровождающие серьезные институциональные трансформации, не сказались на ценностных ориентациях севастопольцев. Недовольство по поводу возникших трудностей имеет место, особенно в среде представителей среднего и мелкого бизнеса, но оно ограничивается только глухим ворчанием и никак не сказывается на их позиции по вхождению в состав РФ. К тому же, если ворчащих и больше численно, общий фон публичного дискурса формируют не они, а упомянутая выше гражданская элита, а ее представители твердо стоят на позиции, что нахождение в составе России стоит того, чтобы потерпеть.

И в заключение еще раз обозначим основные выводы:

1. В городе Севастополе общественное сознание построено вокруг общей идентичности, базирующейся на представлении о нем как городе русской славы.
2. Основными хранителями этой ценностной системы, равно как и носителями пророссийских настроений являются: гуманитарная интеллигенция и креативный класс (студенты, инженеры, работники IT-сферы), — ровно те, кто в Москве и Санкт-Петербурге в наибольшей части стоит на прозападных позициях.
3. В Севастополе очень важную роль играет гражданская элита — активисты, выступавшие за русский мир, и педагоги, поддерживавшие историческую память молодежи. Она сохраняла духовно-культурную связь с Россией во времена украинской власти, она стала главной

движущей силой «русской весны» и до сего дня сохраняет прочные сетевые связи, что поддерживает высокий мобилизационный потенциал севастопольского гражданского общества.

4. Несмотря на издержки переходного периода, никто, включая даже предпринимателей — социальной группы, больше всех пострадавшей в ходе трансформации, жители не жалеют о выборе, сделанном в марте 2014 г., и не собираются требовать возвращения в состав Украины или чего-то подобного.
5. Севастопольцы в большинстве своем полагают, что воссоединение с Россией ими выстрадано, и из родного дома им уже некуда уйти. Они считали украинскую власть чуждой, а российскую таковой не считают и готовы к сотрудничеству с ней. Но если власти будут проводить реформаторскую политику без оглядки на интересы горожан, протесты казуального характера не заставят себя ждать. И при наличии богатейшего опыта как пассивного, так и активного сопротивления административному давлению, накопленного севастопольскими гражданскими активистами, масштаб их будет значительно больше, чем в других регионах РФ.

Список литературы

1. *Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия* / отв. ред. И. А. Халий. М. : ИС РАН, 2015.
2. *Подъячев К. В.* Город Севастополь в составе России: проблемы адаптации и возможности социально-политического развития (по материалам качественного исследования) // *Власть*. 2015. № 12. С. 134—139.
3. *Штомпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // *Социологические исследования*. 2009. № 8.

Информация об авторе

Подъячев Кирилл Викторович, к. п. н., научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН, Москва, Россия, kirvik@bk.ru

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

О. В. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. С целью изучения массовых настроений и оценки рисков роста протестных настроений граждан мегаполиса, перспективы их участия в выборах, — преподавателями кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований СПбГУ проведено исследование «Социально-политические настроения населения Санкт-Петербурга-2016». Особые риски протестных действий в Санкт-Петербурге связаны с проблемой трудовых мигрантов из бывших республик СССР — страхи, связанные с негативными стереотипами в отношении мигрантов, достаточно серьезно укоренены в массовом сознании. Политический протест может проявляться в различных формах — от голосования на выборах за представителей парламентской оппозиции или непарламентских партий до участия в санкционированных и несанкционированных акциях протеста.

Ключевые слова: общественное сознание, протестный потенциал, мегаполисы, парламентские выборы

Проблема обеспечения стабильности политической системы России в ситуации обострения мирового системного экономического кризиса и международной политической обстановки во многом связана с состоянием и направленностью общественного сознания населения страны и, прежде всего, крупных городов, в которых достаточно высоки риски роста протестных настроений. В период высокой социальной и политической турбулентности, когда идет наложение внешних проблем и сложностей модернизации России, особую ценность имеет получение достоверной научной информации о том, каким образом эти процессы отражаются в массовом сознании населения российских мегаполисов, социально-политическая и экономическая жизнь в которых имеет свои особенности (например, проблемы с трудовыми мигрантами, большой потенциал экономического роста и использования дополнительных ресурсов, чем в других регионах).

В Санкт-Петербурге проживает около 4 % населения страны, он относится к так называемой «первой России» (крупные мегаполисы), население которой обладает более высокой чувствительностью к ком-

плексу происходящих социально-экономических процессов, что позволяет зафиксировать ранние сдвиги характеристик массового сознания российских граждан. Кроме того, важным компонентом анализа является исследование так называемого репертуара тактик политического поведения (соотнесение допустимых для респондентов форм участия в политической жизни) и реального уровня включенности в общественную жизнь. Исследование массовых настроений за полгода до парламентских выборов позволяет достаточно точно оценить риски роста протестных настроений граждан и перспективы их участия в выборах.

Исследование «Социально-политические настроения населения Санкт-Петербурга-2016» проведено преподавателями кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ (проф. О. В. Попова — руководитель проекта, доц. О. В. Лагутин, доц. Е. О. Негров, ассист. Д. А. Будко, ассист. А. В. Шентякова) на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований СПбГУ в период с 26 января по 18 февраля 2016 г. Объем выборки — 1151 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, неповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

В целом баланс оценок развития ситуации в стране у петербуржцев положительный. Однако оценки экономической ситуации в Санкт-Петербурге показывают, что значительная часть населения испытывает трудности, связанные с экономическим кризисом. Как хорошую и очень хорошую экономическую ситуацию в городе оценили 7,8% респондентов, как среднюю — 53,1%, как плохую и очень плохую — 32,6%. 42,0% петербуржцев опасаются потери источника заработка, дохода, места работы.

Только 13,5% респондентов считают, что в материальном плане их жизнь за прошедший год стала лучше, у 35,9% она не изменилась, но 48,9% петербуржцев убеждены, что она стала, безусловно, хуже. С оптимизмом смотрят в будущее 22,5%, с пессимизмом — 21,4%; полагают, что за год ничего не изменится, 36,2% опрошенных.

Помимо ухудшающейся экономической ситуации, на социальную и политическую стабильность в Санкт-Петербурге влияют миграционные процессы. Хотя 49,3% опрошенных оценивают отношения петербуржцев и приезжих (речь идет не о туристах, а о приезжающих из других регионов России на постоянное место жительства или из других государств на временную работу) как спокойные, 39,6% респондентов считают их напряженными; 22,9% полагают, что за последний год произошло заметное ухудшение этих отношений.

Особые риски протестных действий в Санкт-Петербурге связаны с проблемой трудовых мигрантов из бывших республик СССР. Парадоксальным

образом в мегаполисе, где число родившихся в Санкт-Петербурге постоянных жителей составляет, согласно результатам опроса, менее 2/3 — 63,4 %, приехавших из другого региона России — 30,8 %, а из другого государства — 5,8 %, — страхи, связанные с негативными стереотипами в отношении трудовых мигрантов, достаточно серьезно укоренены в массовом сознании. Так, 33,8 % полагают, что в случае их увольнения рабочее место может быть занято этой категорией приезжих. 29,7 % полагают, что мигранты совершают преступления чаще, чем местные жители. 9,9 % респондентов заявили, что готовы присоединиться к акциям протеста против трудовых мигрантов.

Политический протест может проявляться в различных формах — от голосования на выборах за представителей парламентской оппозиции или непарламентских партий (что особенно актуально в связи с началом нового электорального цикла) до участия в санкционированных и несанкционированных акциях протеста.

Проведенный опрос показал, что при сохранении достаточно высокого потенциала доверия со стороны петербуржцев у «партии власти» (до 35,4 % петербуржцев готовы проголосовать за «Единую Россию», если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье), действующим парламентским оппозиционным партиям отдали бы свои голоса 25,1 % опрошенных петербуржцев, 11,6 % готовы поддержать непарламентские партии. О достаточно негативном отношении к существующей партийной системе и общественным организациям свидетельствует и то обстоятельство, что 19,9 % опрошенных предпочли бы отдать на выборах свой голос абсолютно независимому кандидату, не связанному с какими-либо объединениями.

Еще более показательны данные, связанные с потенциальной готовностью и реальным опытом участия в санкционированных и несанкционированных акциях протеста. Участвовали в санкционированных акциях протеста 3,9 % опрошенных петербуржцев, но готовы прибегнуть к ним в случае необходимости до 18,2 %. Опыт участия в несанкционированных акциях протеста имеют менее 1 % респондентов, однако заявили о готовности участвовать в них в случае нарушения их прав 6,2 % опрошенных петербуржцев.

Информация об авторе

Попова Ольга Валентиновна, д. п. н., к. с. н., профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, rov_64@mail.ru

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КРИЗИСА ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ YANDEX

А. С. Садчикова

Балаковский инженерно-технологический институт, филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Балаково, Саратовская область, Россия

Аннотация. На основе анализа динамики поисковых запросов в Яндексе за 2014—2016 гг. определены основные этапы социально-экономического кризиса и тренды активизации человеческого потенциала в условиях риска на примере Приволжского федерального округа. По результатам исследования, можно прогнозировать стагнацию кризиса и спад социально-экономической активности населения.

Ключевые слова: Яндекс, поисковые запросы, человеческий потенциал, социальные риски

Гипотезой проведенного исследования стало предположение, что в условиях социальных рисков формируется положительный человеческий капитал, способный активизировать внутренние ресурсы личности для преодоления сложных внешних условий. При этом на основе анализа поисковых запросов можно выявить корреляционную зависимость между on-line поведением пользователей и развитием кризисной ситуации в регионе.

Для проверки гипотезы была проанализирована статистика поисковых запросов за 2014—2016 гг. с использованием инструмента Wordstat Yandex. Ключевые слова были подобраны с учетом основных компонентов, формирующих человеческий капитал: образование; здоровье, включая эмоциональный фон; экономическая деятельность [1].

В ходе исследования было выявлено, что Приволжский федеральный округ начал ощущать приближение кризиса с августа 2014 г. Если в мае-июле 2014 г. наблюдается резкий провал в социальной и экономической активности населения, то уже в следующем месяце жители округа постепенно начинают ощущать первые отголоски начинающегося «экономического шторма» и подбирать для себя возможные пути преодоления складывающейся негативной ситуации.

Согласно результатам сопоставления динамики поисковых запросов, развитие экономического кризиса для Поволжского региона можно разделить на несколько четко просматриваемых этапов. **Первый этап** (август-ноябрь 2014 г.) характеризуется активизацией населения

в плане поиска работы, повышения своей квалификации, получения дополнительных знаний. Согласно официальной информации, начало спада экономики пришлось на ноябрь-декабрь 2014 г. [2], т. е. жители округа более чутко отреагировали на происходящие в стране социально-экономические и политические изменения. В декабре месяце, в преддверии праздничных дней, все показатели снизились, но уже с января по март 2015 г. начинается **второй этап** — разгар кризиса. В этот период наблюдался скачок популярности отобранных для исследования ключевых запросов. **Третий этап** — стагнация кризиса (с мая по июль 2015 г.) соотносится по периодичности с 2014 г. Однако показатели 2015 г. значительно выше, чем в 2014 г., даже несмотря на снижение активности населения. Для сравнения, если в мае 2015 г. число поисковых запросов «работа вакансии» составляет 240 333, то в мае 2014 г. — 559 265.

В соответствии с официальными статистическими данными, застой экономического кризиса приходится на сентябрь-октябрь 2015 г. В то же время, согласно исследованию, **четвертый этап** кризиса, когда амплитуда поисковых запросов превышает все предыдущие показатели и остается стабильной, приходится на июль-декабрь 2015 г. Этот этап уникален еще и тем, что аудитория Рунета не только продолжила расширять границы активного дохода, но также прибегла к методам пассивного зарабатывания денег и их экономии, например, посредством правильного формирования семейного бюджета и использования различных средств финансового накопления.

Резкое увеличение количества поисковых запросов с середины июля по декабрь 2015 г., которое продолжает расти в 2016 г., можно соотнести с адаптационным периодом, когда у населения практически прошло шоковое состояние от жестких последствий «экономической болтанки», и попытки преодоления кризиса стали более стабильными и более длительными по времени — до 6 месяцев.

Образование

В ходе исследования было выявлено, что индекс соответствия (affinity index) фразы «английский язык» по Приволжскому федеральному округу составляет 128%, что говорит о повышенном интересе жителей округа к изучению английского языка.

При этом жители, например, Саратовской области в большей степени интересуются изучением японского языка (Aff = 114%) и немецкого языка (Aff = 118%).

В условиях кризиса жители округа обратились к курсам повышения квалификации (Aff = 114%), получению дополнительного образования (Aff = 132%) и дистанционным образовательным ресурсам (Aff = 115%).

Согласно полученным данным, часть населения заинтересована в профессиональной переподготовке (Aff = 101 %), при этом, в частности, в Саратовской области индекс Aff по данному запросу составляет на 15 % больше.

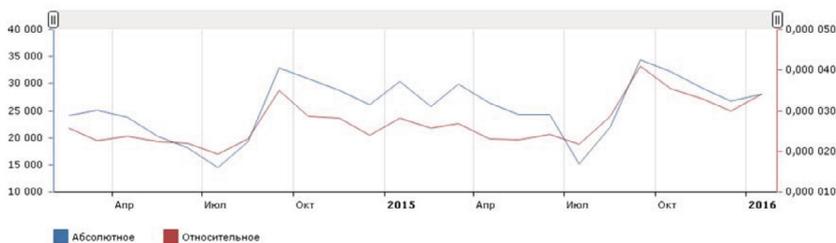

Рисунок 1. Динамика запроса «изучение языков»

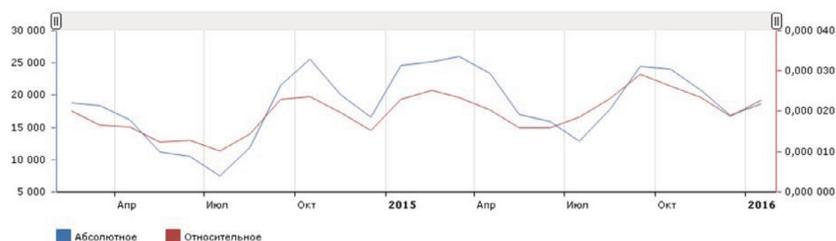

Рисунок 2. Динамика запроса «курсы повышения квалификации»

Экономическая деятельность

С октября 2014 г. наблюдается стабильная положительная динамика запросов, касающихся поиска работы. Если за февраль 2014 г. было введено 363 033 запросов «работа вакансии», то уже в январе 2016 г. эта цифра составила 864 126. Региональная популярность данной фразы в исследуемом нами округе составляет 122 %, при этом по Саратовской области — 164 %, Ульяновской области — 192 %, Чувашской Республике — 166 %, Республика Башкортостан — 150 %.

Для сравнения, количество запросов по поиску работы с июня по ноябрь 2015 г. превышает в 2 раза количество аналогичных запросов в тот же период 2014 г. Это говорит о действительном разгаре кризиса и попытке активного противодействия населения данной ситуации.

Важно отметить рост запросов по поиску работы без опыта трудовой деятельности. При этом особой популярностью пользуются фразы «ра-

бота на Севере без опыта» (Aff = 174 %) и «вахтовая работа без опыта» (Aff = 179 %).

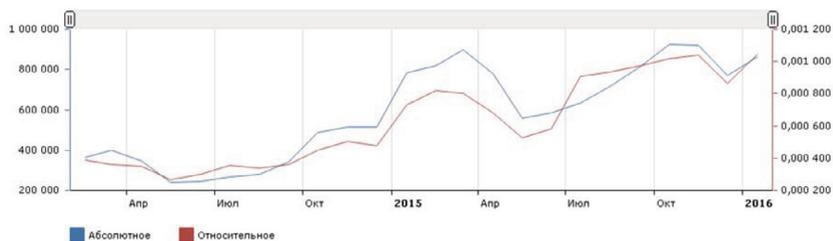

Рисунок 3. Динамика запроса «работа вакансии»

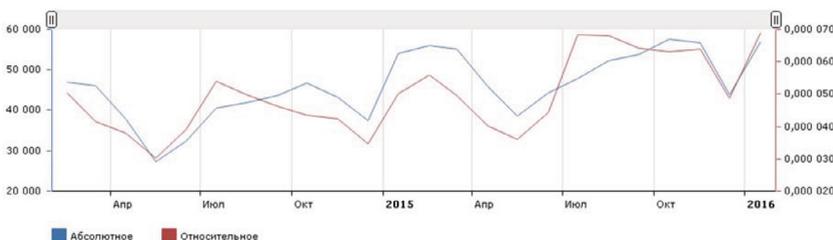

Рисунок 4. Динамика запроса «работа без опыта»

В условиях экономического кризиса также резко возросла необходимость заработка для людей пенсионного возраста. При этом региональная популярность данного запроса для Приволжского федерального округа составляет 116%, а для Саратовской области — 206%, что является одним из самых высоких показателей среди субъектов РФ.

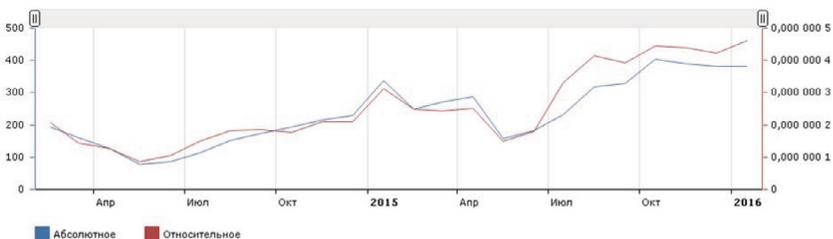

Рисунок 5. Динамика запроса «найти работу пенсионеру»

Выход из кризисной ситуации население округа также ищет в открытии малого бизнеса. В частности, региональная популярность запроса «предпринимательство грант» в исследуемом округе составляет 254 %.

Пассивный доход

Как уже говорилось, уникальность четвертого этапа кризиса состоит в применении населением инструментов пассивного дохода. Яркий пример данной тенденции представлен на рис. 6.

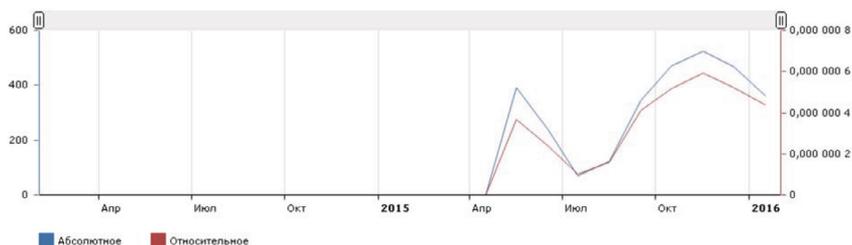

Рисунок 6. Динамика запроса «средства накопления денег»

Региональная популярность этого запроса составляет 109%. Кроме того, можно наблюдать, как аудитория Рунета постепенно переходит от потребления к накоплению, начиная интересоваться вкладами в банках.

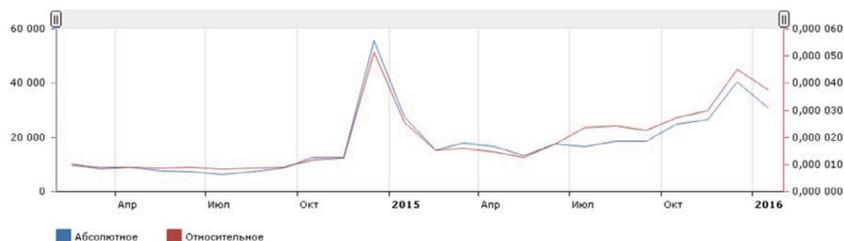

Рисунок 7. Динамика запроса «проценты по вкладам»

Здоровье

За последние два года в положительную сторону изменилось отношение населения к собственному здоровью: показателен относительно стабильный рост поисковых запросов «правильное питание» (Aff = 118%), «здоровое питание» (Aff = 119%), «правильное меню» (Aff = 124%).

Если за февраль 2014 г. сумма поисковых запросов составила 32 393, то уже в январе 2016 г. это количество выросло до 49 749.

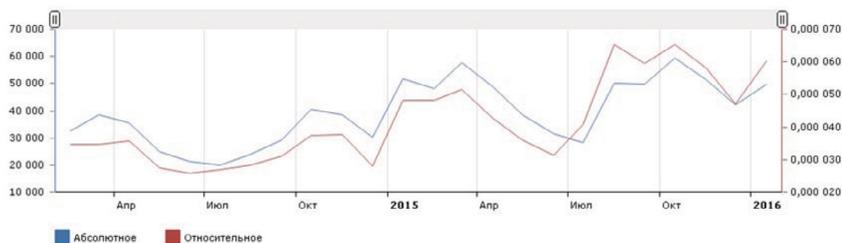

Рисунок 8. Динамика запроса «правильное питание»

Вместе с тем большие объемы информации о затянувшемся кризисе, негативной внешней политической ситуации в совокупности с субъективными проблемами накладывают определенный отпечаток на душевное состояние населения. Для жителей Приволжского округа в современных условиях характерно нахождение в постоянном стрессовом состоянии, логическим результатом чего становятся депрессии и неврозы.

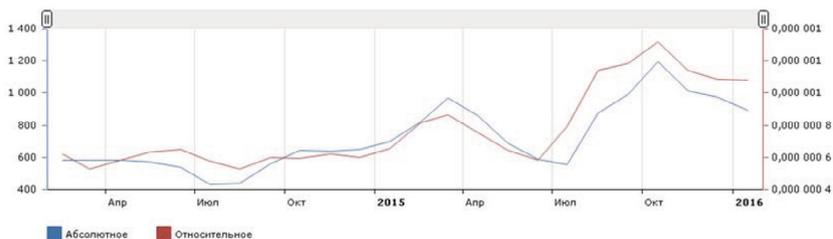

Рисунок 9. Динамика запросов «как снять стресс»

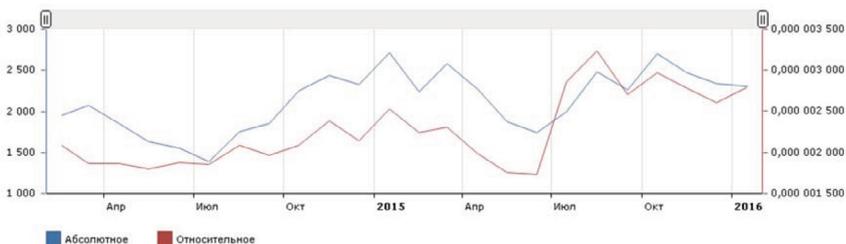

Рисунок 10. Динамика запросов «как выйти из депрессии»

Необходимо отметить, что показатели запроса «как выйти из депрессии» являются крайне тревожными. За последние несколько лет их количество увеличилось даже с учетом сезонных колебаний, и динамика роста

стала более стабильной. Индекс Aff для данной фразы в Приволжском федеральном округе составляет 122 %, что является одним из самых высоких показателей по России.

По результатам исследования, можно прогнозировать стагнацию кризиса и спад социально-экономической активности населения за счет выработки своих ресурсов и все большего усугубления ситуации. Полученные данные, подтвердившие выдвинутую гипотезу, являются общими, однако их можно учитывать в качестве основных трендов для формирования социально-экономических программ по антикризисным методам работы с трудоспособным населением и позитивной информационной политики для поддержания мотивационной активности населения в период кризиса.

Список литературы

1. *Касаева Т. В.* Расширительная трактовка структуры человеческого капитала // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 2—2. С. 22—23.
2. *Григорьев Л.* Аналитический доклад «Вхождение России в социально-экономический кризис: тенденции 2015 года и сравнительный анализ» [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве РФ. Апрель 2015. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5491.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).

Информация об авторе

Садчикова Анастасия Сергеевна, к. с. н., доцент кафедры «Гуманитарные науки» Балаковского инженерно-технологического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», член Российского общества социологов, Балаково, Саратовская обл., Россия, sadchikovaas@gmail.com

ВНЕДРЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ННГУ ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

З. Х. Саралиева, И. Э. Петрова

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Внедрение результатов масштабного социологического исследования феномена насилия в современной российской школе, проведенного в 2012—2013 гг. в ННГУ, предполагает использование полученных данных в процессе разработки и принятия управленческих решений в сфере социальной политики и образования региона; организацию межведомственного взаимодействия для реализации программ исследования причин и профилактики школьного насилия. По результатам исследования разработана Основная образовательная программа по профилю подготовки «Социальная работа в школе».

Ключевые слова: профилактика насилия, школа, социальная политика, образование

Внедрение результатов социологического исследования в обучение является важным фактором развития образовательных программ университета.

В 2012—2013 гг. в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг. коллективом кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ было проведено масштабное социологическое исследование «Школа: обыденность насилия (анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)» (№ госрегистрации 01201278383).

Объектом исследования являлось насилие в современной российской школе как комплексный феномен, имеющий глубокие исторические, культурные, социальные и экономические истоки, вовлекающий в себя широкий круг акторов: учащихся, родителей, педагогический коллектив, школьное руководство и т. д. Предмет исследования — социокультурные корни школьного насилия.

В ходе научно-исследовательской работы для сбора информации были применены анкетный опрос, глубинные интервью, фокус-группы и экспертные опросы. Для обработки данных интервью, экспертных опросов и научных статей по теме проекта был применен метод контент-анализа с привлечением специализированного пакета Лекта. При обработке

массива данных анкетных опросов школьников и родителей учащихся использовался пакет SPSS 17.0.

Получены следующие научные результаты [1]:

- выявлены социокультурные факторы насилия в школе;
- зафиксированы масштабы распространения школьного насилия и активность учащихся в проявлении насильственных действий;
- раскрыты специфические формы школьного насилия;
- изучены возрастные, гендерные, социально-статусные особенности проявления насилия в школе;
- обозначены субъекты, вовлеченные в ситуацию школьного насилия, и определены их роли;
- выявлены оценки феномена насилия различными группами, вовлеченными в проблему школьного насилия;
- описаны родительские представления о школьном насилии;
- установлены реальные и потенциальные стратегии родительского поведения в случае виктимизации ребенка;
- описан предлагаемый различными группами, вовлеченными в проблему школьного насилия, спектр мер по предотвращению школьного насилия;
- предложена схема взаимодействия различных акторов при профилактике школьного насилия.

По результатам проведенного исследования разработана Основная профессиональная образовательная программа по профилю подготовки «Социальная работа в школе», включающая учебные курсы, программы практик, программу государственной итоговой аттестации.

Осуществленный в рамках анкетного опроса школьников мониторинг уровня насилия в российской школе свидетельствует, что оно существует во всех исследуемых формах: физическом, вербальном, вандализме и психологическом насилии.

Выявляется гендерная специфика насилия в нижегородских школах. Агрессорами почти всегда выступают мальчики. Наиболее активной фазой участия учеников в насилии является возраст 13—16 лет. В этом возрасте сконцентрированы все самые высокие значения уровня проявляемого насилия, за исключением физического насилия, которое в большей степени проявляют пятиклассники. Ученики нижегородских школ являются также жертвами всех указанных насильственных действий. В школах нет ни одного ребенка, который бы не участвовал в насильственных действиях или бы не являлся жертвой тех или иных насильственных действий.

В ходе анализа причин насилия в школе было выделен ряд значимых факторов, обуславливающих девиантное (насильственное) и даже делин-

квентное (употребление запрещенных препаратов) поведение. Часть этих причин относится к положению, сложившемуся в школе, часть — к опыту социализации в семье и социальному окружению, другие — к влиянию СМИ.

Анкетный опрос родителей школьников показал, что родители достаточно слабо представляют себе уровень школьного благополучия своих детей. Об этом свидетельствует высокая уверенность в том, что школьники не подвергаются каким-либо виктимизирующим действиям на фоне признания высокой актуальности поднимаемой в исследовании проблемы.

Родители весьма слабо представляют симптоматику насилия, увязывая его с физическими проявлениями. Их контроль над детьми, в том числе на предмет школьного насилия, ограничивается формальными практиками вроде проверки успеваемости и посещения родительских собраний. Проверка электронной почты, контроль над активностью в социальных сетях практикует незначительная часть респондентов. Также открылось традиционное для России женское лицо родительства.

Выявлена идеализация школьных отношений в поколении родителей — как матерей, так и отцов.

Родительское участие в решении проблемы школьного насилия может быть весьма перспективным, однако в настоящее время его потенциал не используется. Необходимо привлечение родителей к работе на всех этапах — от конструирования проблемы школьного насилия до предоставления самой широкой информации о психологических и иных характеристиках ребенка.

Контент-анализ интервью руководителей и сотрудников школ, экспертных опросов уполномоченных по правам ребенка позволил сделать следующие выводы [3]. Наиболее часто педагоги говорят о насилии уровня «ученик–ученик». В большинстве случаев ситуация разрешается на уровне классного руководителя. При более сложных конфликтах следует беседа с администрацией школы в присутствии родителей. Чуть более закрыта информация о насилии на уровне «ученик–учитель», поскольку такие отношения достаточно сложно отследить. Повседневные конфликты этих двух уровней нередко становятся причинами конфликтов уровня «родитель–учитель/администрация школы». Большинство педагогов настаивает на комплексном подходе к решению проблем насилия. Это касается основных мест социализации ребенка с самого раннего возраста (система: семья, детский сад, школа).

Участие в опросах студентов I курса (вчерашних учащихся школы) подтверждает вовлечение школьников в проблематику насилия [2].

Для презентации и обсуждения результатов исследования проведена серия семинаров с руководством и учителями школ города.

Разработанные рекомендации по внедрению основных выводов исследования дают новые практические возможности в работе по проблеме школьного насилия, а именно: использование полученных данных в процессе разработки и принятия управленческих решений в сфере социальной политики и образования региона; организация межведомственного взаимодействия для реализации программ исследования причин, а также профилактики школьного насилия.

Материалы исследования также могут быть использованы при написании кандидатских и докторских диссертаций, подготовке курсовых и квалификационных выпускных работ по направлению «социология» и «социальная работа», при организации курсов повышения квалификации.

Список литературы

1. Азерли Д. А., Петрова И. Э. Насилие в школе: взгляд современных российских исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2013. № 4. С. 7—13.
2. Кутявина Е. Е., Петрова И. Э., Шинкаренко Е. А. Социальные проблемы в представлениях нижегородских студентов (на примере ННГУ им. Н. И. Лобачевского) // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 39—46.
3. Саралиева З. Х. Инновационные социальные макро-, мезо-, и микро-технологии // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3(3). С. 229—234.

Информация об авторах

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru

Петрова Ирина Эдуардовна, к. с. н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, irinapetrova@mail.ru

ЖИЗНЬ И ВЫЖИВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСОВ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ, ЖИЗНЕННЫЕ МОДЕЛИ

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. С целью изучения изменений, происходящих в обществе под влиянием кризисов и их последствий, в 2013—2014 гг. по заказу Правительства РФ было проведено социологическое исследование на тему «Социальные риски финансово-экономических кризисов». Анализ его результатов позволил диагностировать и построить шкалу наиболее распространенных социальных рисков.

Ключевые слова: кризис, жизненные модели, выживание, социальные риски, конфликтология, социальное время

Любой социальный и финансово-экономический кризис ставит перед обществом сложную дилемму жизни и выживания в кризисных условиях. Эти вопросы встают при анализе изменений, происходящих в обществе под влиянием кризисов и их последствий.

Тезис 1. Жизнь и выживание как одна из ее форм отражают сложнейшие социальные процессы в обществе, сопровождающие глубокие социальные изменения, трансформации и их многомерные последствия, поддающиеся социологическому измерению и регуляции. **В модусах социального времени жизнь и выживание являются формами жизнедеятельности и дихотомическим процессом. Концептуальной основой анализа этих процессов является парадигма в модусах социального времени.**

Тезис 2. Социальные изменения в условиях финансовых, экономических, духовных и политических кризисов формируют в обществе атмосферу неопределенности, которая неизменно порождает риски не только финансово-экономические, банковские, но и социальные (включая политические), **усложняющие жизнь и функционирование социальной системы, личности и отношений в обществе.** Социальный риск означает возникновение ситуации неопределенности, основанной на дихотомии действительности и возможности, обуславливающей вероятность наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных объектов [2]. **Рисками, наиболее трудно поддающимися количественному измерению и расчету, являются риски социальные, порождаемые неопределенностью, характерной для транзитивной экономики.** Она отличается вероятностным характером развития,

неопределенностью протекающих процессов и угрозами безопасности для личности и общества.

Тезис 3. Кризис как конфликтогенный фактор, обуславливающий изменения социума и создающий в нем новую социальную реальность. Диалектика кризиса делает возможным его социологическую дифференциацию на основе принципа от общего действия к частному проявлению и специфике форм. Социологически дифференцировать кризисы можно по критерию их побудительного проявления и приоритетности обуславливающего фактора. Есть кризисы закономерные, развивающиеся по законам экономического развития капиталистической (рыночной) экономики. Таких кризисов россияне пережили за последние 25 лет как минимум 9, начиная с финансового кризиса 1994 г. и заканчивая мировым финансово-экономическим кризисом 2008 г. Социальная реальность 2014—2015 гг. предъявила иной вид кризиса. Кризис этот, по критерию возникновения, — сознательно спровоцированный, искусственно и насильственно солидаризированный, реализуемый в формате режима экономических санкций в сугубо политических целях против конкретно одного государства: России. Кризис, определение которому — *санкционный*.

Тезис 4. Кризисы с энергией социального распада как угроза личной и социальной безопасности. Будучи цельной социальной системой, общество обладает определенным запасом прочности и устойчивости к негативным воздействиям. Когда социальный запас исчерпывается, начинается процесс выделения энергии социального распада, и социум превращается в общество всеобщего риска с резко сокращенной степенью личной и социальной безопасности, напрямую связанной с защищенностью жизненно важных социальных прав и интересов личности от внутренних и внешних угроз [3]. Результатами выделения энергии социального распада являются высокий уровень криминализации сферы экономики и финансов, социальная поляризация общества и его раскол на сверхбогатых и нищих, распространение коррупции, разгул бюрократизма, недоверие народа к власти.

Тезис 5. Реверсивность социального времени особенно тесно связана с социальными уроками. **Почти все социальные процессы являются процессами парными, дихотомически образными: разрушение—подъем, обнищание—обогащение, жизнь—выживание, победа—поражение и т. д.** При этом следует помнить, что социальное время реверсивно, т. е. возвратно на крутых спиральных, повторяемо в уроках своего развития. Это должно учить политиков и лидеров не торопиться выдавать желаемое за действительное. Напротив,

ставить задачу выделения социального урока из результатов прошлого развития в аналогичных или близких по историческому пафосу условиях.

Руководствуясь методологическими принципами социальной конфликтологии можно сформулировать аккумулированный историей социальный урок: изучая социальные последствия кризисов, определять ресурсы минимизации их негативных результатов и предлагать действия по их нейтрализации и упреждению.

Тезис 6. Кризисы усиливают потребность в социальных обязательствах государства перед группами повышенного социального риска, которые можно рассматривать в качестве групп приоритетного патернализма. **К таким группам относятся: многодетные семьи, одинокие, люди с ограниченными возможностями, дети, особенно социальные сироты. Объем социально нуждающихся в активном госпатернализме существенно сокращен по сравнению с 1990-ми гг., когда в него входили все слои женщин, а также военнослужащие. Означает ли это победу монетаристской доктрины государства? Государство не отказалось от социального патернализма как внутренней политики, но патернализм в условиях кризиса — измененный, можно сказать усеченный и статусно направленный: оказание помощи не равной для всех в равной мере, а лишь конкретным группам в конкретных условиях. Можно определить его как социально дифференцированный патернализм.**

Тезис 7. Капитализация старости, воспроизводство пенсионеров и пенсия как средство выживания. В условиях санкционного кризиса и национального режима экономии вопросы **капитализации старости** и раскрытия ее социального ресурса выдвигаются на первый план и становятся влиятельным политико-экономическим фактором. По сути, в обществе происходит переосмысление роли пожилых людей. Анализ прошлого и вытекающий из него социальный урок говорят о том, что возраст выхода на пенсию отражает успешность взаимодействия трех характеристик общественного развития: национальной экономики (прежде всего, ее промышленного сектора), степень гуманизации государственной власти и ее политики, демографическая ситуация. Чем дольше будет оставаться слабо развитым промышленный сектор экономики, тем настойчивее государство будет насаждать идею увеличения возраста выхода на пенсию.

Тезис 8. **Последствия финансово-экономических кризисов отражаются на объектах социальных рисков, подлежащих защите.** К ним относятся: 1) имущество (жилье, земля, здание, личный транспорт, торговые марки и бренды, репутация, интеллектуальная собственность);

2) личные доходы по вкладам, прибыль, получаемая личностью или организацией, собственником или наемным работником, рента, платежи; 3) социальные трансферты (пенсии, стипендии, пособия и др. социальные выплаты); 4) социальные права и жизненно-важные интересы личности, закрепленные в Конституции и теряемые (или сократившиеся) в результате кризиса (право на жизнь, работу и оплачиваемый труд, на профессию, охрану здоровья, отдых, бесплатное образование, безопасность, личная свобода).

Итоги социологического исследования на тему «Социальные риски финансово-экономических кризисов», выполненного по заказу Правительства РФ (2013—2014 гг.), позволили диагностировать и построить шкалу наиболее распространенных социальных рисков, **доминантными среди которых являются социальные: невротизации, потери работы**, жертвы кризиса, насилия и потери безопасности, риск потери доверия. **В науке и практике — риск профанации.**

Российское общество периодически вступает в кризисы, по-разному из них выходит, расплачиваясь разными социальными, экономическими, финансовыми, политическими, мировоззренческими и социокультурными рисками, угрозами и потерями. В отличие от 1990-х гг., общество не испытывает той глубокой культурной травмы, которая была свойственна абсолютному большинству россиян на протяжении всех 1990-х и нулевых годов. Российское общество окрепло духовно и материально, политически и физически. Российская ментальность, обладая необычной социальной выносливостью, терпением и духовно-политической силой, сохраняет национальную находчивость и упорство в экстремальных ситуациях; способность объединиться перед лицом общей опасности для снижения угроз и социальных рисков санкционного кризиса.

Список литературы

1. *Миронов В.* Сколько стоит счастье? // Российская газета. 13.10.2015.
2. *Силласте Г.* Социальные риски финансово-экономических кризисов. Научный отчет по итогам социологического исследования, выполненного по заказу Правительства РФ (2013—2014 гг.). М., 2015.
3. *Силласте Г.* Социальная безопасность личности, общества и государства // Безопасность Евразии. 2004. № 4.
4. *Horusitzky P., Julienne K., Lelièvre M.* Un panorama des minimas sociaux en Europe // Etudes et Résultats. DREES. 2006. № 464.
5. *Department of Social Security.* New Ambitions for Our Country. L. : HMSO, 1998.
6. *Материалы сайта* Департамента занятости и пенсионного обеспечения правительства Великобритании (Department of Work and Pensions)

[Электронный ресурс]. Август 2009 г. URL: <http://www.dwp.gov.uk/supplying-dwp/what-we-buy/welfare-to-work-services> (дата обращения: 24.02.2016).

Информация об авторе

Силласте Галина Георгиевна, д. ф. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации РФ, руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология» Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru

ОЦЕНКА БЕДНЫМИ УЩЕРБА, ПРИНЕСЕННОГО КРИЗИСОМ 2014—2015 ГГ.: КАКОВЫ ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И НАСКОЛЬКО ВЕЛИК ЗАПАС ТЕРПЕНИЯ?

Е. Д. Слободенюк

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. С целью изучения динамики группы бедного населения в России в 2014—2015 гг., проведено исследование в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполняемого в Институте социологии РАН. В условиях кризиса 2014—2015 гг. бедность в России увеличилась вдвое. С точки зрения распространенности тревожных настроений как негативных факторов экономической и социальной стабилизации, стоит обратить внимание на подгруппу резко обедневшего населения.

Ключевые слова: кризис, оценка ущерба, бедные, эксклюзия

В условиях тяжелого потрясения российского общества кризисными явлениями, протекающими в экономической и социальной сферах, наметившийся в последние годы тренд снижения масштабов бедности [7] сменился скачкообразным расширением группы. По данным Федеральной службы государственной статистики, группа бедных к концу первого полугодия 2015 г. увеличилась по сравнению с благополучным 2013 г. в 1,5 раза [10]. Тревожен этот факт по той причине, что нынешний кризис, по оценкам специалистов разных отраслей знания, не является скоротечным, а его факторы носят скорее структурный характер. В отличие от ситуационной бедности, последствия которой можно нивелировать в короткие сроки, борьба со структурными ограничениями, приводящими к бедности, является более трудной задачей, требующей как большего времени, так и иных ресурсов.

Важно при этом вспомнить и тот факт, что длительность пребывания в бедности напрямую влияет на шансы выхода из нее в будущем. По истечении 4 лет проживания в условиях бедности необратимо изнашиваются основные ресурсы человека и домохозяйства (социальные, человеческие и др.), что становится практически непреодолимым барьером в решении задачи выхода из нее [9]. Учитывая тот факт, что около 60 % населения обладают очень скудными ресурсами [8] (особенно бедное и малообеспеченное население), длительность кризиса выступает фактором риска не просто ситуативного, но долгосрочного расширения группы бедного

населения, закрепления в ней тех ее представителей, которые в относительно благополучные 2000-е гг. с таким трудом из нее выбрались.

В этой связи очень важно понимать, как бедные оценивают величину ущерба, причиненного им кризисом, и как, в свою очередь, это отражается на их психологическом состоянии. Как видно из предшествующих исследований [9], наличие депрессивных и апатичных настроений является отличительной чертой наиболее уязвимой части бедного населения. Распространение таких настроений по этой причине является свидетельством невозможности исправить свое положение и попадания в черную зону «эксклюзии».

Столь сильное расширение группы и неутешительные прогнозы в отношении длительности кризиса привели к необходимости изучения динамики группы в 2014—2015 гг. и эмоционально-психологического состояния ее членов как реакции на изменившиеся социально-экономические условия, что и составляло цель исследования.

Исследование проводилось в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполняемого в Институте социологии РАН за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 14—28—00218, руководитель проекта — М. К. Горшков). Эмпирической основой исследования выступил репрезентативный опрос 4 тысяч респондентов, проведенный Институтом в рамках указанного проекта.

В рамках анализа группы бедного населения в зависимости от поставленных задач российские социологи используют преимущественно «абсолютный» [1, 5] и «относительный» подходы [2, 4, 9], а также производят попытки их комбинировать для более точного выделения реальной группы [6, 7]. В рамках настоящего исследования для достижения максимальной сопоставимости полученных оценок с данными государственной статистики и возможного использования результатов для решения задач в области социальной политики нами была использована методика «абсолютного» подхода, приближенная к используемой ФСГС РФ: к числу бедных были отнесены все домохозяйства, совокупный доход которых оказался меньше их черты бедности (рассчитанной индивидуально, исходя из данных о количестве детей, пенсионеров и лиц трудоспособных возрастов в них).

Проведенный анализ показал, что:

В условиях кризиса 2014—2015 гг. бедность в России увеличилась двукратно до 25 % населения (с учетом периферии группы с доходами от 1 до 1,1 ПМ размер группы составил 33 %). По большей части ядро группы бедных пополнилось представителями широкой периферийной зоны, представители которой по своему социально-демографическому портре-

ту и экономическим характеристикам слабо отличаются от ядра группы. Среди пополнивших ряды бедного населения присутствуют те, кто скатился в бедность стремительно с довольно благополучных статусных позиций. Представители этой подгруппы, в отличие от остальных, в докризисные времена ощущали себя полноценными членами общества, а в настоящий момент — «аутсайдерами», выброшенными на задворки нормальной жизни общества. Это люди с качественным образованием (на 2/3 высшим или средним специальным), занимающие схожие с бедным населением профессионально-должностные позиции (с чуть большим уклоном в первичный и вторичный секторы экономики), проживающие чаще в селах или поселках городского типа, имеющие проблемы со здоровьем и иждивенцев в составе домохозяйств (преимущественно трудоспособных и пожилых возрастов). К обвальному падению их уровня жизни привела потеря основного рабочего места, во многом совмещенная с безуспешностью в поиске нового. Несмотря на внешний характер причин кризиса в обществе продолжается ярко наметившийся тренд осуждения бедных за их сознательный выбор такого уровня и образа жизни [3] — за их безынициативность, приверженность вредным привычкам, лень, неприспособленность к жизни, нежелание менять сложившийся образ жизни.

Однако, несмотря на многообразие негативных последствий начавшегося в 2014 г. экономического кризиса, эмоциональная оценка силы причиненного ущерба была осенью 2015 г. даже у бедных довольно спокойной. Катастрофическим этот ущерб оказался лишь для 16 % бедных. Наиболее тяжелыми были последствия кризиса для резко обедневших, среди которых практически каждый второй говорил о губительности для себя этих последствий. Учитывая резкое изменение под влиянием кризиса не только их материального положения, но и места в общественной иерархии, такие оценки естественны.

Таким образом, с точки зрения распространенности тревожных настроений как негативных факторов экономической и социальной стабилизации, стоит обратить внимание именно на подгруппу резко обедневшего населения, так как уровень тревожности и раздраженности в этой группе выражен сильнее, чем в группе бедных в целом, и они представляют «очаг беспокойства», — в то время как основная масса бедного населения на момент осени 2015 г. не демонстрировала глубоко негативных эмоциональных реакций на происходящее.

Список литературы

1. Абанокова К. Р., Локшин М. М. Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4.

2. *Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению* : колл. монография. М. : Моск. центр Карнеги, 1998. Вып. 24.
3. *Бедность и бедные в современной России* / под.ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2014.
4. *Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э.* Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22, № 1.
5. *Овчарова Л. Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15—38.
6. *Слободенюк Е. Д.* Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // J. Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2014. Т. 6, № 3.
7. *Слободенюк Е. Д.* Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 4.
8. *Тихонова Н. Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф, 2014.
9. *Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. М. : Летний сад, 2003.
10. *Срочная информация по актуальным вопросам ФСГС РФ «О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2015 года»* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/249.htm (дата обращения: 25.02.2016).

Информация об авторе

Слободенюк Екатерина Дмитриевна, к. с. н., старший преподаватель кафедры социально-экономических систем и социальной политики факультета экономических наук Департамента прикладной экономики НИУ «Высшая школа экономики», eslobodenyuk@hse.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Е. В. Тихонова

Государственный университет управления, Москва, Россия

Аннотация. Данные социологических исследований, проведенных в конце 2015 г., свидетельствуют о том, что большинство россиян, ожидая ухудшения экономической ситуации в стране в целом и своей семьи в частности, испытывают сдержанный оптимизм при оценке личных перспектив. Социальный оптимизм отражает не положительную оценку качества жизни, а скорее поддержку государственной политики власти и активную социальную позицию населения. Это важнейший инструмент минимизации социально-психологического давления кризисных факторов на массовое сознание и поведение населения страны.

Ключевые слова: кризис, социальное настроение, картина мира, массовое сознание, качество жизни, защитная реакция, социальный оптимизм

Социально-экономическая ситуация, в которой живет и реализует свои интересы отдельная личность, а также малые и большие социальные группы, является основой восприятия и оценки целостной картины мира. Такая оценка формируется посредством сравнения комплекса индивидуальных потребностей и предоставляемых обществом возможностей их удовлетворения. В общем виде результат сравнения понимается как уровень и качество жизни населения в каждый конкретный временной период. При этом объективная социально-экономическая ситуация может существенно расходиться с представлениями о ней в массовом сознании, поскольку восприятие условий, в которых проходит реальная жизнь человека и его семьи, складывается в сравнении с личным или групповым опытом и уровнем индивидуальной (групповой) культуры. Социальный оптимизм базируется на уверенности в повышении качества жизни семьи и социальной защищенности самого человека, неуверенность в завтрашнем дне снижает оптимистический настрой и переводит его в негативную плоскость.

Социальное настроение отражает отношение человека к собственной жизни в скрытом, латентном виде. Поэтому ощущение «счастье-несчастье» формируется в определенной степени неосознанно, в значительной степени зависит от эмоционального восприятия характеристик социальной среды [3]. В массовом сознании политика, как и экономика,

опосредованы событиями в повседневной жизни населения. На бытовом уровне ситуация экономического кризиса, переживаемого страной, воспринимается фрагментарно — как повышение цен на ряд продуктов, сокращение возможных направлений отдыха, сужение финансовых возможностей семьи, — и не связывается с действием институциональных экономических и политических факторов.

Как показывают результаты исследований, проведенных в конце 2015 г., половина опрошенных в декабре россиян ответили, что их доходы упали по сравнению с сентябрем. 67 % отметили, что стали тратить больше денег на сопоставимые покупки. Однако существенного сокращения объема покупок товаров повседневного спроса не отмечено [4]. Доля положительных оценок ситуации в январе составила 72 % («отлично»/«хорошо»/«нормально»), негативных — 25 % («все плохо»/«все ужасно»). Таким образом, несмотря на ухудшение реальной ситуации, настроение в обществе остается оптимистичным.

Парадокс заключается в том, что большинство россиян ожидают ухудшения экономической ситуации в стране в целом и своей семьи в частности, но при этом испытывают сдержанный оптимизм при оценке личных перспектив. Такое настроение можно считать защитной реакцией населения в отношении будущих трудных времен и подготовкой к нейтрализации возможного негативного развития событий. Как отмечает руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ Ю. Баскакова, «такая установка смягчает текущие оценки ситуации в стране — они понижаются, но медленно, для большинства текущая ситуация выглядит как „пока нормальная“, несмотря на снижение доходов, рост цен и необходимость экономить, драмы не произошло. В личной жизни — вообще „все хорошо“, и этот оптимизм понятен: здесь оценка включает более важные личные ценности — здоровье, отношения с близкими. Установка на ожидание углубления кризиса запускает традиционные стратегии адаптации к кризису, в частности, режим экономии, сжатие потребления, настрой „переждать, пересидеть, перетерпеть“ кризис. Данный фактор снижает риск выплескивания недовольства в политическую сферу» [1]. В целом население готово самостоятельно бороться с экономическими проблемами, не перекладывая вину за них на государство. Преобладающее большинство (80 %) строит планы на будущее, 59 % считают, что в стране и в их личной жизни «все нормально», хотя 53 % осознают, что самые сложные экономические проблемы еще ждут впереди [1]. Поддержка политической власти по-прежнему высока, а доверие к президенту страны не снижается. Россияне рассчитывают на перспективное развитие национальной экономики.

По данным Gallup, по соотношению оптимистов и пессимистов Россия занимает 48-е место в мире, намного опережая по этому показателю та-

кие страны, как Великобритания, Франция или Япония. При этом факторы субъективного уровня оказывают большее воздействие на массовое поведение, чем объективные институциональные факторы.

Оптимистичный настрой общества отражает не положительную оценку качества жизни, снижение которого население ощущает и оценивает как негативный фактор, действие которого будет усиливаться. В этом согласно подавляющее большинство опрошенных. Социальный оптимизм отражает поддержку государственной политики власти и активную социальную позицию населения, готового переждать трудные времена, вытерпеть возможные экономические проблемы при условии политической стабильности в обществе. В целом население пытается адаптироваться к социально-экономическим условиям своего существования, используя опыт 1990-х гг. и кризиса 2008 г. Социальный оптимизм в этом плане является важнейшим инструментом минимизации социально-психологического давления кризисных факторов на массовое сознание и поведение населения страны.

Список литературы

1. *ВЦИОМ*: социальные настроения россиян в январе 2016 [Электронный ресурс] // Researcher: marketing research, data and insights. URL: <http://mresearcher.com/2016/02/vciom-socialnye-nastroeniya-rossiyan-yanvare-2016.html> (дата обращения: 20.02.2016).
2. *Тощенко Ж. Т.* Новые грани теоретической социологии: социальное настроение как объект социологического анализа // Проблемы теоретической социологии : сб. ст. / под ред. А. О. Бороноева. СПб., 1996. Вып. 2.
3. *Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.* Социальное настроение. М., 1996.
4. *Nielsen*: россияне связали ухудшение жизни с курсом валют [Электронный ресурс] // Researcher: marketing research, data and insights. URL: <http://mresearcher.com/2016/02/nielsen-rossiyane-svyazali-ukhudshenie-zhizni-s-kursom-valyut.html> (дата обращения: 20.02.2016).

Информация об авторе

Тихонова Елена Викторовна, д. с. н., профессор кафедры социологии и психологии управления ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Москва, Россия, evt16@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРАХ

Н. А. Хвыля-Олинтер

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов экспертного опроса, проведенного в 2015 г. с целью определения мотиваций первых лиц различных государств. Проверена гипотеза о том, что оценки «по публичному образу» и «по фактам и результатам деятельности» политиков будут существенно отличаться. Выявлено влияние пропаганды на сознание экспертов, установлена его подверженность манипуляциям со стороны СМИ.

Ключевые слова: общественное мнение, политические лидеры, манипулирование, президентский коэффициент, мимикрия социума, конформизм

Оценки, которые дает население представителям власти, формируются под влиянием различных факторов. Существует вопрос, какие факторы могут играть решающую роль в процессе оценки властей, и является ли результат этой оценки объективным и полезным с точки зрения развития политического процесса в стране. Или же состоянием общественного сознания можно намерено управлять в целях сохранения позиций правящего режима?

В рамках данной работы будут представлены итоги исследования, акцентирующие внимание на проблеме манипулирования общественным мнением.

В 2015 г. был проведен экспертный опрос, целью которого являлось определение мотиваций первых лиц различных государств. Эксперты, в число которых вошли 137 ученых, чья профессиональная деятельность связана с анализом экономической, политической, социальной ситуации в стране и мире (среди них 72% докторов и кандидатов наук), оценивали политические персоны дважды. Первый раз — исходя из публичного образа руководителя, второй — из фактов и результатов его правления. Такой подход был предпринят в силу того, что публичный образ руководителя государства во многом является результатом поступления информации через провластные СМИ (естественно, комплиментарной), и сознание экспертов этому влиянию также подвержено. Гипотеза заключалась в том, что оценки «по публичному образу» и «по фактам и результатам деятельности» политиков будут существенно отличаться. Эксперты, профессионально занимающиеся политическим анализом,

сложнее поддаются манипуляции и выявление их оценок итогов управленческой деятельности элиты, позволят выявить диссонанс состояния общественного сознания и реальности.

Был сформирован теоретический набор характерных мотиваций, руководствуясь которыми теоретически может действовать первое лицо государства. Эксперту предлагалось: во-первых, оценить значимость каждой мотивации идеализированного первого лица (мотивы, которыми руководствуется идеальный правитель) в шкале от рутинного уровня до уровня высокопрофессиональной персоны; во-вторых, реконструировать, исходя из публичного образа реального политического деятеля, приоритетность его мотиваций; в-третьих, реконструировать мотивации по фактам и результатам его деятельности. Оценки выставлялись в диапазоне от 0 до 100 единиц, где 0 — самая незначительная мотивация, 100 — самая сильная. Порядок мотиваций после экспертного ранжирования получился следующим:

1. Выполнять требования других стран.
2. Жить в свое удовольствие.
3. Обогатиться, защитить богатство и «не попасться».
4. Править пожизненно.
5. Реализовать клановые (свои и близкого окружения) интересы.
6. Обеспечить физическую безопасность себе и своей семье.
7. Подготовить достойного профессионального преемника.
8. Войти в историю на уровне великих.
9. Войти в клуб мировых лидеров.
10. Реализовать идеологию национального патриотизма, национальной цивилизационной идентичности.
11. Сформировать профессиональную, патриотичную и не коррумпированную команду.
12. Принять соответствующие национальным интересам законы
13. Заслужить доверие и любовь граждан.
14. Развить и позитивно преобразовать страну, решить проблемы большинства населения.

Экспертам было предложено оценить мотивации следующих политических персон: А. Лукашенко, А. Меркель, Н. Назарбаева, Б. Обамы, П. Порошенко, В. Путина.

Мотивации ранжировались в порядке возрастания профессиональной значимости для идеализированного первого лица. Для идеального руководителя действует естественный принцип: чем профессиональнее президентская мотивация, тем сильнее она должна быть у него выражена. И наоборот: чем более рутинна мотивация, тем менее она должна быть выражена. Математически это означает прямую пропорциональную

связь ранга и выраженности мотивации. Выраженность мотивации = (размерный коэффициент) × ранг мотивации. На графике это может иметь вид восходящей диагонали для «профессионала» и нисходящей для «непрофессионала», если по горизонтальной оси откладывается ранг мотивации руководителя профессионала.

Если эксперту задать вопрос просто о профессионализме руководителя, то возникает проблема невольных политических или эмоциональных искажений оценки. Таково свойство соотношения рационального сознания эксперта, гражданина своей страны, и его эмоционального отношения к власти. Перевод оценки в многочисленные технические процедуры, относительно изолированные от политических и эмоциональных проявлений, позволяет купировать подобные искажения.

Получив экспертное мнение относительно выраженности мотиваций у первых лиц государств, можно соотнести мотивации руководителя, оцененные по образу и по результатам, с идеальными. Степень отклонения профиля от идеального была названа «президентским коэффициентом». «Президентский коэффициент» определяется как коэффициент парной корреляции Пирсона между профилем значимости мотиваций по мнению экспертов (по образу или фактам) и мотивационного профиля «идеального» руководителя. Наилучшим является его значение, равное 1. В этом случае мотивационный профиль исследуемой персоны соответствует профилю «идеального» руководителя.

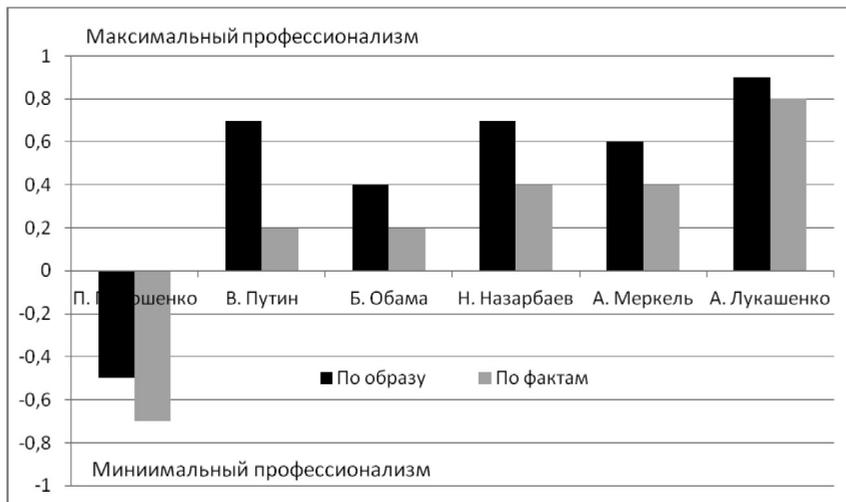

Рисунок 1. Значения президентского коэффициента для ряда политических персон по оценкам экспертов [2]

Самую жесткую оценку непрофессиональности эксперты отнесли к фигуре П. Порошенко. Наиболее профессионально выглядит фигура А. Лукашенко (рис. 1).

Разница оценок по образу персоны и по фактам ее деятельности отражает эффективность влияния пропаганды на сознание экспертов. Образ элиты явно лучше, чем реальность. Для количественной оценки этого можно определить разницу президентских коэффициентов, полученных по образу персоны и по реальным фактам ее деятельности. Наибольшие различия значений наблюдаются для лидеров стран СНГ, среди которых российский президент является абсолютным лидером (рис. 2).

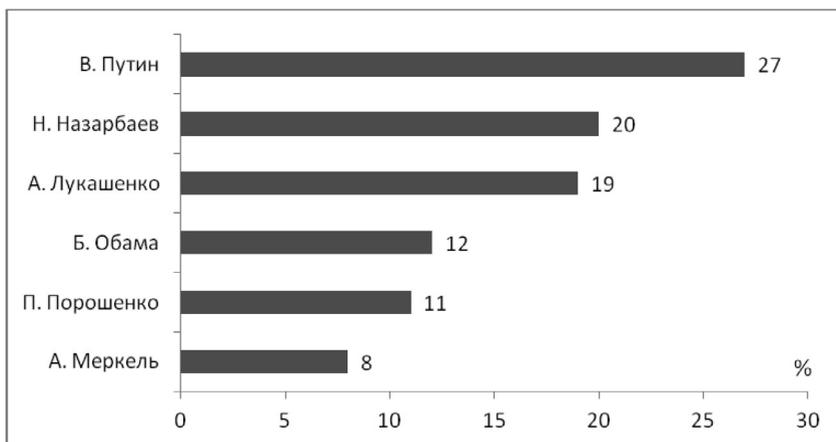

Рисунок 2. Разница оценки мотивационного профиля по образу персоны и по результатам ее деятельности

Данное исследование позволило выявить влияние пропаганды и установить, что даже сознание экспертов подвержено манипуляциям со стороны СМИ. Подтверждено, что мнения о профессиональной пригодности того или иного руководителя отягощены субъективными представлениями и пропагандистскими искажениями реальности.

Массовое сознание находится в аналогичном состоянии. Рейтинги поддержки власти (в первую очередь, в лице президента) находятся на рекордно высоком уровне, тогда как ситуация в стране достаточно критична. Население в определенной степени это понимает [1], что видно, например, по «индексам национального самочувствия»*, в основу расче-

* ВЦИОМ. Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya (дата обращения: 17.02.2016)

та которых положены субъективные оценки социального, политического и экономического положения в стране. Значения этих индексов снижаются, и довольно резко. Получается парадокс — результаты политики и управленческих решений властной элиты народ не одобряет, а самих власть имущих поддерживает.

Высокие рейтинги, вызванные пропагандой, есть отражение политической мимикрии социума, высказывающего доверие элите, руководствуясь или философией конформизма, или непониманием сути, причин и последствий процессов, происходящих в стране. Расхождения в состоянии общественного сознания и реальности особенно велико в предкризисные моменты существования социума и становится предвестником его разрушения.

Список литературы

1. *Социальные и экономические проблемы // Мониторинг общественного мнения.* № 2 (126). С. 133—143.
2. Сулакшин С. С., Хвыля-Олинтер Н. А. Мотивационная реконструкция профессиональности первого лица государства : Труды Центра научной политической мысли и идеологии. Вып. № 14. Сентябрь 2015 г. М. : Наука и политика, 2015.

Информация об авторе

Хвыля-Олинтер Надежда Андреевна, с. н. с., к. с. н., МГУ имени М. В. Ломоносова, Центр научной политической мысли и идеологии, Москва, Россия, k_nadejda@mail.ru

РОЛЬ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СЕГОДНЯ

Д. В. Шлыкова

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Образование — один из социальных факторов, оказывающих влияние на формирование поведенческих особенностей, определенных черт личности человека. Сегодня признается необходимость интеграции сферы образования и общества. Цель нахождения в образовательной среде — не передача определенного набора знаний, а появление у обучающегося способности адекватно выбирать, пропускать через призму своих взглядов ту информацию, которую он считает критически важной. Необходимо объединение усилий школы, семьи и других социальных институтов для достижения максимально успешной адаптации и социализации ребенка в обществе.

Ключевые слова: образование, общественное сознание, адаптация, социализация

Для отображения уровня духовного развития общества, отражения мнений и интересов населения, взглядов и убеждений социальных групп, развития социальных институтов используется понятие «общественное сознание». Оно характеризует жизнь общества, его стремления и взгляды, степень развитости и запущенности социальных проблем внутри него. Главным инструментом общественного сознания выступают самовосприятие, самовыражение и самореализация участников общественных процессов. Внутри общества укрепляются традиции, ценности, привычки, характерные именно для данного этапа развития, в условиях воздействия специфических факторов, относящихся именно этому этапу. Не все участники общественного процесса обладают набором специфических знаний, необходимых для формирования картины общественного сознания. Необходимо отметить относительный и условный характер существования общественного сознания, что связано с долговечностью и устойчивостью принципов и убеждений людей, которые часто передаются из поколения в поколение. Такие нормы и ценности способны преодолеть время и преломить общественный процесс, даже несмотря на то, что уже нет необходимости в их реализации и объективных причин для этого.

Общественное сознание выступает основным фактором для отражения уровня сформированности индивида и общества в целом. От успешности

и грамотности формирования данного элемента зависит то, насколько правильно ориентированными и корректными будут ценности и нормы, духовные взгляды и особенности культуры на данном этапе развития. Общественное сознание способно отражать уровень адаптации и социализации личности на любом из этапов ее становления.

Роли образования отводится одно из важнейших мест в формировании личности человека. По уровню овладения образовательной средой можно многое сказать о человеке, его взглядах и привычках, ценностях, нормах и формате поведения. С развитием общества система образования претерпела ряд изменений. Образовательная среда как обособленная сфера жизни, где педагоги преподают предметы, строго следуя программе и используя четкую систему оценок, меняется. Раньше проводилась аттестация в виде экзаменов, которую осуществляли сами учителя, и, если ученики успешно проходили этот этап, считалось, что образование достигло своих целей. Образование становится многоуровневым, дробным. Даже в школьном обучении появляется четкая грань разделения на уровни образования, после которых ученики проходят аттестацию. Необходимость многогранности образования приводит к более абстрактному восприятию человеком своего положения, оказывая прямое воздействие на общественное сознание и формирование личности.

До момента, когда в сфере образования появился новый институт, включающий курсы повышения квалификации, факультеты для подготовки взрослого работающего населения, дистанционное обучение, большую роль играл возрастной барьер, до достижения которого индивид считался способным к получению и восприятию знаний. Общество вынуждено было признать необходимость непрерывного образовательного процесса. На данном этапе задачей обучения в школе, а также нахождения в образовательной среде, становится не передача определенного переработанного набора знаний, готовых к восприятию учеником, а выброс школьника в самостоятельную среду, появление у него самой способности адекватно выбирать, пропускать через призму своих взглядов, ту информацию, которую он считает критически важной. Становится очевидной необходимость к объединению усилий школы, семьи и других социальных институтов для достижения максимально успешной адаптации и социализации ребенка в обществе, а также формирование у него корректного общественного сознания.

Принятие и осознание необходимости интеграции сферы образования и общества оказало противоречивое влияние на школьный процесс. Статус школы, роль социальных институтов и агентов школьного обучения, наличие конкурентоспособности и появление платного образования оказывают большое влияние на формирование

общественного сознания и становление личности школьников. Успех получения новых знаний в современном обществе напрямую зависит от интеграции и взаимодействия существующих знаний с новым опытом индивида. Таким образом, образование становится одним из социальных факторов и движущих элементов, оказывающих влияние на формирование поведенческих особенностей, общественного сознания и формирования определенных черт личности у человека. В условиях социального и материального расслоения, расширения платного образования и неразвитости системы кредитов на обучение сужается социальная база интеллектуально-профессионального потенциала страны [1].

В современном обществе все чаще проявляется упадок профессиональных критических знаний, необходимых для передачи их в качестве ценности общественного сознания, при возрастании роли социальных контактов и связей. Ученики все чаще нацелены на получение аттестатов, дипломов и все реже обращают внимание на получение знаний. Такое положение со временем может привести к потере необходимости института образования и переориентированность его в материальную сферу. Образование становится платным, появляется конкурентная борьба за занятие платных мест, а роль получения знаний уже не учитывается. Сфера образования меняется сама, ломая за собой и общественное сознание, но без образования человек не способен справиться с собственной самореализацией и самоопределением в современном обществе. Ситуацию усугубляет огромное количество проблем и изменений в других публичных сферах и социальных институтах. Реформы затронули и семью, и профессиональную, и духовную сферы, каждая из которых претерпевает ряд изменений. Человек должен формировать у себя такие взгляды и ценности, чтобы суметь адекватно воспринимать появляющиеся изменения.

Социальные последствия реформы образования оставили неизгладимый след на формировании взглядов и убеждений людей, их нормы и ценности. Образование из среды духовной и нравственной, которая являлась основанием для формирования личности и внутренней культуры человека, превратилось в аппарат для достижения поставленных целей и реализации задуманных планов индивида. То, каким уровнем образовательного стандарта ты обладаешь, во многом зависит твой социальный статус в обществе.

Ценность образования состоит в том, что оно способно помочь индивиду преодолеть обособленность и ограниченность общественного сознания, понять причины ресоциализации человека, разрушения традиций и господствующей культуры, социальных институтов и структур.

В свою очередь, общественное сознание оказывается средством и инструментом гуманизации образования. В современном динамичном обществе образование становится необходимым компонентом при формировании взглядов, норм и ценностей человека.

Список литературы

Веревкин О. Л. Ценность образования в общественном сознании // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 2(96). С. 200—205.

Информация об авторе

Шлыкова Дарья Витальевна, аспирант факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, dashutka@yandex.ru

ИДЕИ ГУМАНИЗМА, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЖЕРТВЕННОСТИ ВРАЧЕБНОЙ ПРОФЕССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЖЕРТВЕННОСТИ ВРАЧЕЙ В ПЕРВОМ МГМУ ИМЕНИ И. М. СЕЧЕНОВА)

Р. В. Шурупова

*Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова,
Москва, Россия*

Аннотация. Представлены результаты пилотного исследования феномена жертвенности врачей, проведенного в МГМУ им. И. М. Сеченова среди аспирантов первого года обучения и профессоров. Респонденты предложили новое понимание феномена жертвенности и обосновали реальные меры по выявлению этого феномена с целью воспитания культуры безопасности врача.

Ключевые слова: жертвенность, гуманизм, справедливость, медицина,

В русской медицине «деятельность врача всегда трактовалась как дело жизни, как долг и поэтому элемент жертвенности и самопожертвования в ней постоянно присутствовал, в ней предусматривался», — отметил академик Б. В. Петровский, выступая с актовой речью перед выпускниками медицинского вуза [1].

Медицинский вуз располагает рядом перспективных образовательных возможностей, среди которых следует выделить активное использование метода фокус-группы. Мы провели фокусированное глубинное интервью, следуя рекомендациям академика РАН А. В. Решетникова: «Вопросы, предлагаемые участникам глубинного интервью, должны быть сформулированы таким образом, чтобы вызывать интерес и стимулировать желание высказаться» [2].

Респондентами были аспиранты первого года обучения и профессора. Респонденты представлены в следующих пропорциях: 25 женщин, 9 мужчин; 26 чел. — в возрасте от 27—29 лет, 3 чел. — в возрасте старше 60 лет, 2 чел. — 41 год, 3 чел. — от 49 до 51 года. Каждый участник выстраивал высказывание, исходя из собственных смыслов и значений. Респонденты предложили новое понимание феномена жертвенности и обосновали реальные меры по выявлению этого феномена с целью воспитания культуры безопасности врача.

Приведем некоторые рассуждения и утверждения участников фокус-группы.

П. Л.: Профессия врача многогранна, сложна и часто изобилует драматическими ситуациями. Грани личности врача, как свидетельствует

наш опыт, возможно объективно оценить при содружественной работе клинициста и социолога. Даже при оптимальных условиях работы (которые встречаются, к сожалению, реже, чем хотелось бы) врач испытывает постоянную и колоссальную нервно-психическую перегрузку и предрасположен к развитию ряда тяжелых заболеваний. Течение болезней у врачей несколько отличается от такового у их пациентов. Существует синдром эмоционального выгорания, который некоторые рассматривают как профессиональное заболевание медицинских работников. В практике врача неизбежно встречаются больные с редкими заболеваниями и сложными диагностическими проблемами. Что довольно часто тяжело переживается самим специалистом.

К. Г. По рассказам старших коллег, наставников и из прочитанной литературы, в былое время профессия врача считалась одной из самых элитных профессий, во все времена врачей уважали как личностей, люди в белых халатах готовы были пойти на многое ради пациентов, работали за идею и всегда жили в достатке. Однако, в связи с современной модернизацией здравоохранения, произошло массовое сокращение врачебных ставок, что привело к конкуренции среди врачей, врач уже не лечит больного, а оказывает услугу. Происходит массовое выгорание на рабочем месте. На этой почве многие врачи теряли семьи. Врачи боятся потерять свое рабочее место, боятся брать больничный лист по состоянию здоровья, потому что боятся, что в последующем их уволят. Даже отпуска берут за свой счет, чтобы съездить на конференции, получить и обменяться опытом, как лечить больных по современным технологиям и схемам. Именно поэтому, в большинстве случаев, жертвенность врачей не оправдана в наше время и в нашей стране. Но я верю, что в наше время остались такие врачи, которые верят и готовы без остатка посвящать себя этой профессии.

Г. А. Жертвенность для врача — это хорошее и плохое качество одновременно, так как, с одной стороны, помогает достичь успехов в выбранной профессии и помочь большему количеству людей, а с другой стороны, не дает построить личную жизнь и, в итоге, ведет к нарушению психоземotionalного состояния и эмоциональному выгоранию.

Р. Е. Врач — это не профессия, а образ жизни. Врач всегда живет в тандеме с работой. Врач должен распределять свое время и свой день так, чтоб хватало на отдых, или в загруженном дне уметь расслабляться! У него должно расписание быть, что и когда ему делать! У меня лично обязательно стоит в плане раз в месяц поход в театр или культурное мероприятие. А каждую пятницу вечера, независимо, работаю я или нет, в субботу делаю себе выходной (встреча с друзьями, просмотр интересного фильма, или книга, или здоровый сон)! Что касается зарплаты и со-

кращения, вопрос сложный, и его решение сейчас, видимо, невозможно! Но я считаю, необходимо в любом случае оставаться человеком!

К. А. Жертвенность врача... Как же сейчас воспринимается это высказывание? Если послушать обывателей, которыми является большинство наших пациентов, то для них жертвенность врача — это полная отдача себя его заболеванию, т. е. его лечащий доктор не должен отдыхать, кушать, иметь свою личную жизнь и какие-то элементарные потребности. Он должен всегда находиться рядом и спасать, спасать, спасать. Но жертвенность врача — это не жертва своего здоровья, своего эмоционального и духовного равновесия, брошенная на алтарь спасения жизни пациента. Для меня как человека находящегося на другой стороне баррикад (к сожалению, сейчас только так можно охарактеризовать сложившуюся ситуацию в нашем здравоохранении), все воспринимается иначе. Жертвенность — это забота о своих больных, сочувствие, применение всех своих знаний и постоянное совершенствование своих навыков. Мы многое понимаем и практически ко всему относимся со спокойным и трезвым рассудком, понимаем, что, когда пациент тяжело болен, он впадает в отчаяние, и часто, когда он зол на весь мир, рядом с ним оказывается только медицинский персонал, на который выливается это негодование. Понимаем, что в самых тяжелых и безысходных случаях причиной всему — именно медицина, но мы ведь не всезнающие, и медицинская отрасль постоянно развивается, с каждым днем мы открываем новые заболевания, новые способы диагностики и лечения. И все это ради здоровья наших пациентов. Хочется верить, что врачи всегда будут чуткими, всегда смогут дать своим пациентам веру и надежду. В нашей жизни и в нашем сердце большая часть принадлежит делу, которым мы занимаемся, которое через все трудности — делает нас сильнее.

М. С. Работая акушером-гинекологом, приходится многим жертвовать. Жертвовать своим личным временем, личной жизнью, нервными клетками. Постоянно находиться как в физической, так и в эмоциональной усталости. Но все это не сравнится с первым криком и ребенка, и улыбкой матери, впервые его увидевшей.

П. П. Рассуждать о жертвенности врачебной профессии, проводить исследования и даже писать научные работы на эту тему принято, пожалуй, с самого появления такой профессии, как врач. Само понятие «жертвенности», безусловно, существует внутри практически любой сферы деятельности, но жертвенность врача имеет некую исключительность, как и сама профессия. Профессия врача многогранна, сложна и часто изобилует драматическими ситуациями. Даже при оптимальных условиях работы (которые встречаются, к сожалению, реже, чем хотелось бы) врач испытывает

постоянную и колоссальную нервно-психическую перегрузку и предрасположен к развитию ряда тяжелых заболеваний. Врач должен уметь очень тонко балансировать на грани сострадания пациенту. Соблюдать границы эмпатии, которые врачу не следует переходить, сострадая своему пациенту, потому что тогда понадобится некто третий, чтобы вылечить пациента и скорректировать чрезмерно эмпатийного врача.

Кроме того, чем больше работает врач в медицине, чем выше его профессиональный статус, тем больше ожидают от него пациенты и коллеги. Ему начинают приписывать свойства мага, волшебника, человека, который может все, а он не может всегда отвечать этим ожиданиям. Случается так, что больные, видя во враче волшебника, желают не лечения, а участия в магическом действии, и если этого не происходит, то у них развивается сопротивление лечению. На этом фоне у врача, помимо появления других болезней, может проявляться синдром эмоционального выгорания. При этом общество требует, чтобы врач, поставленный в такие условия, работал бескорыстно, добросовестно и с максимальной отдачей. Верно, врач должен быть бескорыстным. Однако есть настоятельная необходимость проводить четкую грань между жертвенностью медицинской профессии и вынужденной жертвой собственной жизнью. Жертвенность предполагает добровольное служение с использованием всего интеллектуального и профессионального потенциала, но не более того. Жертвенность служения никак не должна приравниваться к жертвованию здоровьем и жизнью. Это лишь некоторые грани жертвенности медицинского работника. И чем раньше человек, решивший стать врачом, не просто их осознает, но и примет, тем раньше он поймет правильность выбранной профессии.

3. 3. В наше время в нашей стране не ценится профессия врача. Люди относятся к медицинскому персоналу как должное — бесплатная медицинская помощь, бесплатное обследование, бесплатная консультация... Врач обязан! А если врач, по каким-то иным причинам, не смог оказать помощь (нет оборудования в больнице, большая очередь в поликлинике), это уже не врач! И это не жертвенность, отдаваясь полностью своей профессии, не получая отдачи? Необходимо помнить, что врачи тоже люди! Должно быть уважение, и их труд должен быть оплачен! Также необходима оптимизация труда. Тогда и жертвенности не будет: врач будет работать по совести и получать отдачу и в эмоциональном плане, и в финансовом! И сам будет здоров!

А. Р. Жертвенность — это такая черта характера, при которой человек способен отдавать в жертву свои интересы в угоду другому человеку или какому-то делу. Например, отдать большую часть своих денег на благотворительность или уступить доходное место другому, более нуждающемуся.

Е. М. Жертвенность является неотъемлемой частью любой профессии, связанной с риском жизни других людей. Основная задача врача с пониманием и состраданием относиться к каждому больному, но стараться, чтобы чувства и эмоции не мешали компетентной работе и личной жизни. Держать горячим сердце, оставаясь при этом с холодной головой. Мне кажется, для развития этих качеств необходим пример наставника и развитие какой-либо деятельности помимо рабочей, хобби.

Л. П. В массовом сознании жертвенность врача представляется как редкое, героическое поведение, проявляющееся яркими и красивыми поступками, однако, на самом деле, жертвенность может присутствовать в рутинной, повседневной деятельности любого врача: когда он задерживается на работе, забывает про прием пищи, про отдых/перерывы, тем самым подрывая свое собственное здоровье. Оправданно ли такое поведение врача? Далеко не всегда, ведь во многом от его собственного состояния зависит качество выполняемой им работы, а соответственно, и качество проводимого лечения и, как следствие, здоровье пациентов.

Итак, **наш вывод:** жертвенность врачебной профессии не должна использоваться для беспощадной эксплуатации врачебного труда. Попытка переосмысления жертвенности врачебной профессии не означает снижение нравственной планки врача. Жертвенность оправдана при ее абсолютной необходимости. Преждевременное сгорание врача таит в себе колоссальный экономический ущерб [3].

Список литературы

1. *Петровский Б. В.* Врачебная этика в прошлом, настоящем и будущем // Медицинская газета. 1995. № 5.
2. *Решетников А. В.* Медико-социологический мониторинг. Руководство. М. : Медицина, 2003.
3. *Сокол А. Ф., Шурупова Р. В.* Грани личности врача: клинические и социологические аспекты. Беэр-Шева, 2015.

Информация об авторе

Шурупова Раиса Викторовна, д. с. н., к. пед. н., профессор кафедры теории и технологии обучения в высшей школе, ведущий научный сотрудник НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, Москва, Россия, akraisa@gmail.com

07. Социологический мониторинг

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ж. Н. Тория (Агрба)

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Исследуется проблема формирования общероссийской идентичности населения многоэтнического и сложно структурированного Северо-Кавказского региона. Требуется развитие сотрудничества органов государственной власти, научного экспертного сообщества, общественных организаций в целях создания эффективной системы мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах России. Необходимо укрепление внутреннего единства и неразделенности государства, сохранение и развитие культур и языков народов РФ, укрепление их духовной общности, поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие их связям с Россией.

Ключевые слова: идентичность, Северный Кавказ, полиэтничность, самоидентификация, самосознание, нация, национальная политика, постконфликтное регулирование

Идентичность — свойство психики человека, в концентрированном виде выражающее его принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам и отождествляющее индивида с той или иной социальной группой как воплощение присущих им свойств. Общероссийскую идентичность можно определить как единство российской нации, достигаемое через развитие и укрепление информационно-коммуникационных контактов и связей.

В трактовке проф. С. В. Чешко, «идентичность» — это элемент номенклатуры, человек в той или иной группе. Он также выделяет способность самосознания и самоидентификации меняться в зависимости от условий развития общества. На семинаре «Соотношение гражданской и этнической идентичности» в Институте славяноведения РАН он, в частности, привел примеры из постсоветского времени, когда произошло возрождение национальной идеи, считая, что «путинская эпоха закономерно выводит на первый план общероссийское самосознание» [2].

Как отмечает старший научный сотрудник Отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН Л. Соловьева, любое общество, для которого характерны культурная, этническая, религиозная неоднородность, может стабильно существовать только при наличии определенной степени толерантности.

Северный Кавказ — многокультурный и многоэтнический регион, который довольно сложно структурирован. Это связано с тем, что, во-первых, социальные отношения в кавказском обществе до сих пор, в какой-то степени, складываются на основе традиций и обычаев; во-вторых, в регионе в XX в. произошел «религиозный взрыв»; в-третьих, регион входит в состав Российской Федерации.

Довольно сложно понять кавказское общество, не зная традиции, обычаи и менталитет народа. На первый взгляд, может показаться, что традиции одинаковы для всего Северного Кавказа, но это не совсем так. Например, в Дагестане проживает, более 33 народностей, говорящих на своих языках и придерживающихся своих традиций. Северный Кавказ — горный регион, где многочисленные различия и несходства существовали не только между этносами, но зачастую и внутри одного этноса. Некоторые села были обособлены друг от друга, что привело к формированию локальных традиций. В кумыкской пословице говорится «Каждый аул мясо по-своему режет». Локальные этнические традиции присутствовали даже в такой относительно единой по нормам области культуры, как разделение труда между полами. Например, переноска тяжестей на спине в горном Дагестане — дело исключительно женское, а у кумыков — исключительно мужское; мужчина, косящий траву косой в Дагестане — обычное дело, а у тиндинцев — традиционно недопустимое [1].

Формирование общероссийской идентичности в данном регионе видится в укреплении его внутреннего единства и неразделенности, сохранении и развитии культур и языков народов РФ, укреплении их духовной общности, поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, содействию их связям с Россией.

Целостность и будущее России связаны с ее полиэтничностью. Очевидно, что объединить все этнические культуры в одну — бесперспективно, поэтому возникает потребность проведения национальной политики, направленной на обеспечение благоприятных условий проживания каждого этноса.

Необходимость выработки общероссийской идентичности настоятельно диктуется целым рядом объективных обстоятельств, среди которых одно из главных — сохранение стабильности, внутреннего единства и неразделенности нашего уникального государства, с его многообразием языков, традиций, этносов и культур.

В одном из самых ранних русских философско-религиозных трудов «Слово о законе и благодати» [3] отвергается идея «избранного народа» и проповедуется идея равенства перед Богом. А в «Повести временных лет» [2] многонациональный характер древнерусского государства характеризуется следующим образом: «Вот только кто по-славянски говорит на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полчане, дреговичи, северяне, бужане. А вот другие народы: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, корсь, нарова, ливы — эти говорят на своих языках...». [5]. Полагаем, что именно об этом особом характере государственности в свое время писал Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [5].

Большое внимание дальнейшему формированию и развитию российской идентичности уделяют современные политики, общественные и государственные деятели. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси, подчеркивал, что Православная церковь рассматривает национальную нетерпимость и вражду как проявления греха ненависти, а также отмечал, что необходимо с самого раннего возраста знакомить подрастающее поколение с традициями, обычаями и религиями народов России. По его убеждению, человек духовно просвещенный никогда не станет агрессивным националистом, а экстремизм, как правило, есть попытка болезненного самоутверждения человека, не уверенного в своих силах и нетвердого в своем мировоззрении [7]. С ним солидарен муфтий шейх Равиль Гайнутдин, считающий, что многие века живя бок о бок, принадлежа одной российской культуре, создавая вместе славную историю нашего Отечества, верующие традиционных вероучений недостаточно знают о вере и обычаях друг друга, часто питаются ложными представлениями и устаревшими мифами. Это обстоятельство рождает взаимное недоверие и даже становится нередко источником конфликтов на религиозной и национальной почве. Поэтому, воспитывая наше будущее поколение, необходимо давать знания не только о превосходстве своей религии, но и о традициях и обычаях, культуре и религии живущих с нами народов, прививать чувства уважения и доверия по отношению к ним. Задача духовных лидеров состоит в том, чтобы, формируя так необходимую сегодня культуру открытого диалога, помочь нашим верующим в собственном религиозном наследии развить необходимый духовный потенциал, который бы послужил делу взаимопонимания и углубления взаимодоверия в нашем обществе [8].

Проф. В. А. Михайлов считает, что наступил момент разрыва, дистанции между культурами, и она стремительно расширяется, но от деятелей

культуры, ученых зависит возможность остановить движение в пропасть, которое пытается перечеркнуть нашу общую историческую память. Мы должны в нашей общей родине найти все самое лучшее, которое нас всегда соединяло [9].

Совет по межнациональным отношениям, возглавляемый с 2012 г. Президентом РФ, стал плодотворной научно-теоретической и практической площадкой, для выработки современных подходов в осмыслении и реализации государственной национальной политики. Главными направлениями работы этого Совета являются:

1. Укрепление России как уникальной мировой цивилизации. Действительно, для нашей страны характерна региональная специфика, этнокультурное и религиозное многообразие, которое на протяжении столетий не подавлялось, а сберегалось. Его сохранение — великое конкурентное преимущество. Важнейшая роль в этом принадлежит русскому языку, русскому народу, его великой культуре.

2. Укрепление гражданского единства многонационального народа России. Несомненно, в этой деятельности следует учитывать весь позитивный опыт, который был накоплен в предыдущие десятилетия, но, конечно же, ничего не стоит идеализировать, в том числе и политику Советского Союза в этой сфере.

3. Гармонизация межнациональных отношений и предотвращение межэтнических конфликтов. Следует помнить, что единое пространство России складывалось веками, но ценности межнационального согласия — это не подарок наших предков на все времена. Жизнь идет вперед, появляются новые вызовы, новые риски, новые угрозы, поэтому нельзя поддаваться на разъединительные тенденции в нашей стране. Мы должны добиться того, чтобы одним из ключевых понятий в жизни нашего общества стали толерантность, уважительное отношение к культуре и к образу жизни других людей, других народов, других этносов [10].

Исследования акад. М. К. Горшкова (Институт социологии РАН) показали, что на вопрос «*Ощущаем ли мы общероссийскую гражданскую идентичность в себе?*» в 1991 г. положительно ответили 45 % населения России, в 2008 г. — 65 %, а в 2014 г. — 85—90 % населения. Это дает основание уверенно говорить о *российской нации* [11], а также о серьезной трансформации психологического настроения населения страны, которое все больше идентифицирует себя с общероссийской гражданской нацией.

В своем выступлении на II Международной научно-практической конференции «Единство в различиях» (30 октября 2014 г.) проф. В. Ю. Зорин, отмечал новую черту российской нации — ее открытость. Он закономерно считает, что формирование российской нации — это, в первую очередь,

формирование патриотизма, независимо от национальности, русские ли мы, чеченцы ли мы, татары ли мы, — но мы все россияне. Мы любим свою страну [12]. В. Ю. Зорин не склонен отрицать мультикультурализм как несомненное достижение эпохи глобализации, но он уверен, что наша практика намного шире и глубже. В России 277 языков, наречий и диалектов, 30 из них являются языками обучения, а 59 — языками изучения. Бесконфликтного общества не бывает, даже в семье есть конфликты. Общество вместе с властью должны умело предвидеть и разрешать конфликты, иметь опыт постконфликтного регулирования [12].

Проблему формирования общегражданской российской нации через призму информационно-коммуникационного воздействия плодотворно разрабатывает ряд ученых и специалистов РАНХиГС. Так, на международной научно-образовательной конференции «Вера, этнос, нация в эпоху кризиса и перемен», организованную Духовным управлением мусульман РФ, Институтом стран Азии и Африки МГУ, Московским исламским институтом, Фондом поддержки исламской культуры, науки и образования (4—6 ноября 2015 г.), в частности, поднимался вопрос влияния СМИ и интернета на сознание россиян. Подчеркивалось, что СМИ — один из потенциальных источников разжигания межнациональных конфликтов, но также и один из эффективных механизмов решения этих проблем [13].

В Стратегии государственной национальной политики РФ сформулированы ключевые вопросы государственной национальной политики, требующие особого внимания государственных и муниципальных органов, экспертного сообщества, руководителей и активистов национальных и культурных общественных объединений. Они касаются государственной целостности, национальной безопасности РФ, единства системы государственной власти; равноправия и самоопределения народов России; равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Внимание акцентируется на предотвращении и искоренении любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; обеспечении уважения национального достоинства граждан, предотвращении и пресечении попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды; государственной поддержке и защите культуры и языков народов России, взаимное уважение их традиций и обычаев.

Следует подчеркнуть, что с момента принятия Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. (в декабре 2012 г.) в стране проделана большая и напряженная работа, которая позволяет россия-

нам, независимо от их национального происхождения, чувствовать себя комфортно в нашем общем доме — России. С этой целью сформированы экспертные площадки для обсуждения и решения актуальных проблем межэтнического и межконфессионального общения, среди которых следует выделить Московский дом национальностей, в котором на регулярной основе проводятся лекции и семинары, другие мероприятия, направленные на укрепление гражданского мира, межнационального согласия, развития диалога культур.

Сегодня широко востребовано налаживание диалога между институтами гражданского общества, научными экспертами, религиозными организациями для обмена инициативами и проектами, направленными на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений, преодоление ксенофобии и разногласий на религиозной почве, борьбу с экстремизмом во всех ее проявлениях, решение проблем, связанных со слабым общероссийским гражданским самосознанием, при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации. Предстоит мобилизовать российский социум на противостояние этнополитическому радикализму и экстремизму, профилактику возникновения националистических настроений в среде различных этнических общностей, особенно среди молодежи.

Требуется более тесно развивать сотрудничество органов государственной власти, научного экспертного сообщества, общественных организаций в целях создания эффективной системы мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах России. Это будет способствовать созданию условий для комфортного проживания разных народов в нашем общем доме — России.

Список литературы

1. Соловьева Л. Благодати не бывает там, где нет согласия // Этносфера. 2006. № 8.
2. Семинар «Соотношение гражданской и этнической идентичности». Институт славяноведения РАН. 7 октября 2014 г.
3. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
4. Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений и межнациональных отношений. М., 2014.
5. Повесть временных лет. М.—Л., 1950. Ч. 1. С. 212.
6. Ильин И. Три речи о России [Электронный ресурс]. URL: http://www.libok.net/writer/9634/kniga/36204/ilin_ivan_aleksandrovich/o_rossii_tri_rechi/read (дата обращения: 23.02.2016).

7. *Алексий II*. Национальная нетерпимость есть грех ненависти // Этносфера. 2006. № 5 (92).
8. *Конференция* «Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития». РАГС, 2007.
9. *Михайлов В.* Дистанцию между культурами надо сокращать // Этносфера. 2001. № 11 (38).
10. *Выступление* Президента РФ на заседании Совета по межнациональным отношениям. 24 августа 2012 г. Саранск [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 23.02.2016).
11. *Горшков М. К.* Социальные основы формирования гражданской нации в современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.sale/antropologiya-istoriya/gorshkov-sotsialnyie-osnovyi-formirovaniya-41189.html> (дата обращения: 23.02.2016).
12. *II Международная* научно-практическая конференции «Единство в различиях». Москва : Пресс-центр МИА «Россия сегодня», 30 октября 2014 г.
13. *Международная* научно-образовательная конференция «Вера, этнос, нация в эпоху кризиса и перемен». 4—6 ноября 2015 г.
14. *Стратегия* государственной национальной политики до 2025 г.
15. *Федеральная* целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 гг.)».

Информация об авторе

Тория (Агрба) Жанна Нодаровна, аспирант кафедры общественных связей и медиаполитики отделения журналистики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, jannatoria@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ РИСКИ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ СОЦИУМОВ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

А. В. Бедрик

Южный федеральный университет, Ростов-на Дону, Россия

Аннотация. Этническая дистанция усиливает социальные риски адаптации мигрантов, тогда как солидаризация мигрантов со старожильческим населением вокруг общих форм социальной идентификации, напротив, способствует нейтрализации этнических рисков их интеграции в принимающие социумы. Эффективное взаимодействие между властью, диаспорами и мигрантами поддерживает развитие межэтнического диалога в обществах-реципиентах этнической миграции.

Ключевые слова: мигранты, поликультурность, этнические риски, культурная дистанция, дезадаптация, интеграция

Современные антимигрантские установки в российском обществе могут характеризовать как старожильческое население иноэтнической по отношению к мигрантам принадлежности, так и ту часть принимающего социума, этничность которой совпадает с этническими характеристиками переселенцев. Фактически сложный процесс интеграции мигрантов усугубляется специфической группой этнических рисков, которые заключаются в возможном негативном влиянии фактора этнокультурной дистанции между мигрантами и коренным населением на процессы их взаимодействия.

Центральной категорией при анализе рисков адаптации мигрантов, относящихся к группе этнических, является категория «культурной дистанции». Чем больше новая культура похожа на твою, тем меньше уровень дезадаптации. В целом, от уровня культурной дистанции зависит степень выраженности культурного шока и этнокультурной маргинализации этнических мигрантов [3]. Культурный шок в процессе адаптации этнических мигрантов вызван не просто изменением социального пространства их проживания (как в случае с социальным шоком), а стрессогенным воздействием иной культуры. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым — и потому, что он неожидан, и потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры.

Наряду с вероятностью наступления «культурного шока», в группу этнических рисков входит риск этнокультурной маргинализации мигрантов. Несмотря на тесную смысловую взаимосвязь этнокультурной

маргинализации и процесса трансформации этнического статуса, они не являются тождественными. Исследование природы этнокультурной маргинализации мигрантов было предпринято в работах американского социолога Р. Парка [4]. По его мнению, основная сложность процесса этнокультурной маргинализации мигрантов заключается в том, что даже при всех необходимых и благоприятных условиях этнические мигранты не в состоянии порвать со своим прошлым образом жизни, культурными ценностями и ориентациями. А значит, они никогда не будут окончательно приняты в новое социальное окружение. Получается, что маргинал постоянно разрывается между двумя системами культурных ценностей, испытывая при этом психологический дискомфорт. Неизбежность наступления у мигранта внутрилличностного конфликта зачастую приводит к развитию внешнего конфликта с принимающим сообществом.

При этом необходимо учитывать, что восприятие степени сходства между культурами этнических мигрантов и принимающего сообщества не всегда бывает адекватным. Помимо объективной культурной дистанции на него влияют такие факторы, как наличие или отсутствие конфликтов — войн, геноцида и т. п. — в истории отношений между двумя этническими группами; степень знакомства с особенностями культуры страны пребывания и компетентности в чужом языке; равенство или неравенство статусов и наличие или отсутствие общих целей при межкультурных контактах т. д. [5]. Кроме того, менее успешно адаптируются представители культур, где сильна власть традиций, а поведение в большей мере ритуализировано. Существенное воздействие на возможности этнокультурной адаптации в состоянии оказать и конфессиональный фактор. Религиозная принадлежность мигрантов и уровень ее актуализации в сознании индивида играет существенную роль при выстраивании мигрантами своих взаимоотношений с принимающим сообществом.

Все эти и многие другие факторы, связанные с этнокультурными характеристиками мигрантов и принимающего сообщества, обуславливают характер их межэтнического взаимодействия. При этом отношение к другим как к «чужакам» означает существование пределов взаимопонимания, что отражает различия в суждениях, ценностях, способах поведения. Отсюда вытекает ограничение взаимодействия в тех пределах, в которых предположительно присутствует общее понимание и общий интерес. Выраженная этническая дистанция связана со снижением этнической толерантности и накладывает ограничения на межэтнические взаимодействия [2].

Усилия сторон по поддержанию этнической дистанции способствуют тому, что те культурные различия, которые воспринимаются людьми как значимые, закрепляются в качестве критериев этнической дифференциации и широко используются в повседневной практике, в процессах

общения и на бытовом уровне. В то же время, этническая дистанция (или, в терминологии норвежского антрополога Ф. Барта — «этническая граница») может превратиться в отчетливую демаркационную линию, если ее психологическое содержание дополняется территориальными, конфессиональными, экономическими или лингвистическими притязаниями. С ростом межэтнической напряженности этнические границы в этноконтактной ситуации вырисовываются все отчетливее. Нередко они становятся реальнее административных, так как, по мнению Ф. Барта, «в действительности именно им принадлежит функция разделения этнических общностей» [1].

Таким образом, этническая дистанция усиливает социальные риски адаптации мигрантов и их инкорпорирования в принимающие социумы. Факторами нейтрализации этнических рисков интеграции мигрантов является их солидаризация со старожильческим населением вокруг общих форм социальной идентификации — региональных, общегражданских, историко-цивилизационных. Ретрансляторами интеграционных установок являются не только органы государственной и муниципальной власти, институты образования и социальной службы, но и диаспорные группы в лице общественных организаций и национально-культурных автономий, которые выступают посредниками между принимающей и мигрантской частями населения. Эффективное взаимодействие власти — диаспор — мигрантов выступает гарантией поддержки развития межэтнического диалога в обществах-реципиентах этнической миграции.

Список литературы

1. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М. : Новое издательство, 2006.
2. *Бедрик А. В., Дьяченко А. Н.* Ведомственный национализм в современном российском обществе: этнократия или мигрантофобия? // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4.
3. *Социальная и культурная дистанция.* Опыт многонациональной России / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Изд-во ИС РАН, 1998.
4. *Социология межэтнической толерантности* / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Изд-во ИС РАН, 2003.
5. *Гьяева М. А.* Этнокультурная маргинальность: к постановке проблемы // Вестник Отдела социально-политических проблем Кавказа ЮНЦ РАН. 2005. Вып. 1.

Информация об авторе

Бедрик Андрей Владимирович, к. с. н., доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на Дону, Россия, abedrik@bk.ru

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ПРОЦЕССЕ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

О. А. Богатова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия,

Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. предусмотрено создание государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в целях профилактики и раннего предупреждения межнациональной (межэтнической) и межконфессиональной напряженности и конфликтов. Согласно Стратегии, эти системы должны базироваться на диверсификации источников информации и обеспечивать возможность оперативного реагирования на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций в субъектах Российской Федерации и в муниципальных образованиях.

В Республике Мордовия социологический мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений с 2009 г. осуществляется на базе Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева совместно с филиалом ВЦИОМ по Поволжью в форме массовых социологических опросов по репрезентативной республиканской выборке, которые позволяют замерить уровень межэтнической толерантности, охарактеризовать состояние межэтнических отношений в республике, выявить основные проблемы и «болевы точки». Исходя из перспективы дальнейшего совершенствования системы социологического мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, и раннего предупреждения конфликтов, объединения усилий экспертов в Республике Мордовия желательной представляется координация деятельности социологов и экспертов из Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева с РНЦ на основе заключения соглашения о сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН и РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов».

Основным методом сбора социологических данных был массовый опрос, который проводился в 2009, 2010, 2013, 2015 гг. по республиканской репрезентативной квотно-территориальной выборке с элементами случайного отбора населенных пунктов и респондентов с учетом параметров места жительства (соотношения городского и сельского населения в муниципальных районах и городском округе Саранск, на-

селения крупных, средних и мелких населенных пунктов в муниципальных районах и городском округе Саранск, а также удельного веса населения муниципальных районов и городского округа Саранск в общей численности населения Республики Мордовия в генеральной совокупности), образования, пола и возраста респондентов.

Объем выборочной совокупности составлял 1000 (2009—2013 гг.) — 2000 (2015 г.) жителей Республики Мордовия в возрасте от 18 лет и старше. Населенные пункты для опроса отбирались случайным образом из каждой категории населенных пунктов в каждом муниципальном районе и городском округе Саранск с использованием программы SPSS). Респонденты для опроса отбирались методом случайного отбора, при помощи пошагового маршрута.

В процессе подготовки массовых опросов по мониторингу межэтнических и межконфессиональных отношений в республике автором были разработаны программа и методика социологического исследования — массового опроса по проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений в полиэтническом регионе Российской Федерации. Объектом для социологического исследования была избрана Республика Мордовия как типичный полиэтничный регион с бесконфликтными и относительно гармоничными межэтническими отношениями.

Предмет исследования: межэтнические и межконфессиональные отношения в Мордовии.

Цель исследования: анализ основных социальных факторов межэтнического и межконфессионального согласия, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в полиэтнических регионах Российской Федерации в современных условиях на примере Республики Мордовия.

Задачи исследования

1. Диагностика состояния и динамики межэтнических отношений в республике в параметрах в параметрах стабильности и напряженности на межличностном, межгрупповом и институциональном уровнях.
2. Определение уровня этнической неприязни в РМ и конкретизации ее объектов.
3. Сравнительная характеристика взаимоотношений между различными этническими группами коренного населения республики и этих групп с «новыми» этническими меньшинствами из числа зарубежных трудовых мигрантов.
4. Изучение отношения населения Мордовии к религии и определение уровня религиозности в республике (доля верующих, неверующих, колеблющихся и индифферентных в религиозном отношении респондентов).

5. Диагностика состояния и динамики межконфессиональных отношений в республике в параметрах в параметрах толерантности/ нетерпимости.
6. Прогноз развития межэтнических и межконфессиональных отношений, включая оценку возможности конфликтов на этнической и религиозной почве в ближайшей перспективе.
7. Измерение степени значимости общероссийской национально-гражданской идентичности в Республике Мордовия в сравнении с этнической и региональной идентичности.
8. Конкретизация представлений населения республики о факторах, способствующих формированию общероссийской идентичности и гражданской солидарности.

К числу индикаторов оценки состояния межэтнических отношений в субъектах Российской Федерации, основанных на данных социологических опросов, согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, относятся динамика и соотношение российской гражданской и национальной (этнической) идентичности населения, изменения в этническом составе населения в субъекте Российской Федерации, доля граждан Российской Федерации в субъекте Российской Федерации, испытывающих неприязнь по отношению к представителям других народов, включая мигрантов, уровень открытости людей к контактам с лицами иной национальности в трудовой сфере и в сферах неформального общения; уровень межнациональной напряженности. В социологических опросах, проводимых в Республике Мордовия в рамках программы мониторинга межэтнических отношений, этот перечень индикаторов был расширен и детализирован.

К числу основных проблем социологического мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе, основываясь на опыте Республики Мордовия, можно отнести проблему гармонизации социологических данных с данными Всероссийской переписи населения, испытавших на себе наибольшее влияние «административного ресурса» на местах. Так, данные Всероссийской переписи населения 2010 г. демонстрируют увеличение доли мордвы в населении Республики Мордовия на 8 процентных пунктов — с 31,9 до 39,9% с 2002 по 2010 г., в то время как доля русских за тот же период уменьшилась с 60,8 до 53,4%. В абсолютных цифрах это означает снижение численности русских с 540,7 тыс. до 443,7 тыс. чел. в 2010 г. и увеличение численности мордвы с 283,9 тыс. человек в 2002 г. до 333,1 тыс. человек за тот же период на фоне общего уменьшения численности населения республики с 888,8 тыс. человек до 834,8 тыс. чел. и снижения численности мордвы по России в целом на 100 тыс. чел. при этом следует отметить, что основные этно-демогра-

фические пропорции в республике оставались неизменными за весь период ее существования [1].

Социологические данные также дают возможность корректировки данных переписей, так как при проектировании квотно-территориальной выборки параметр «национальность» в Мордовии не контролируется.

Таблица 1. Структура выборки массового социологического опроса по программе мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия (2009—2015 гг.)

Годы	Объем выборки, чел.	Национальность респондентов, %	
		Русские	Мордва
2009	1000	59,9	32,3
2010	1000	62,0	33,9
2013	1000	59,3	35,1
2015	2000	62,2	32,4

Таким образом, использование данных социологических опросов в рамках мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений может служить инструментом оптимизации этностатистического учета населения с целью достижение максимально точного соответствия данных переписей населения реальной этнической самоидентификации жителей региона. К условиям такой оптимизации относятся снижение влияния этнического фактора на организационные политики в процесс сбора этностатистических данных. Предлагаемые методы оптимизации: 1) запрет сбора и публикации данных о национальности работников, студентов и клиентов государственных учреждений; 2) уточнение условий фиксации этнической принадлежности в переписных документах (обязательный личный опрос и институционализацию контроля действий переписчиков по образцу контроля выборки).

Список литературы

Мордовия многонациональная. Саранск : Юнион принт, 2012.

Информация об авторе

Богатова Ольга Анатольевна, д. с. н., доцент, профессор кафедры социологии НИУ «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Саранск, Россия, bogatovaoa@yandex.ru

К ВОПРОСАМ МЕТОДОЛОГИИ МОНИТОРИНГА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л. М. Дробижева

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. С точки зрения методологии анализируются результаты мониторинга межнациональных отношений на личностном и групповом уровне, осуществляемом социологами ФАДН совместно с ВЦИОМ и ФОМ при участии ИС РАН, Инструментарий общероссийских опросов общественного мнения, проведенных в ходе этого мониторинга, уже применялся в социологических исследованиях в республиках и областях. Важно обобщить их опыт и установить наиболее успешные приемы изучения межнациональных отношений.

Ключевые слова: мониторинг, методология, межнациональные отношения, гиперэтничность, гражданская идентичность

1. Межнациональные отношения реализуются на институциональном и межличностном, межгрупповом уровнях. Они проявляют себя в разных сферах общественной жизни — в социальных, социально-психологических отношениях, экономике, политике. Это создает сложности определения объекта исследования.

Выход находим в разделении объекта и предмета исследования. При обсуждении организации мониторинга еще на начальной стадии было предложено разделить сферы аналитики. Мониторинг институционального уровня межнациональных отношений, где объектом являются учреждения власти и НКА, а предметом анализа — их деятельность, может осуществляться через административные структуры, ведомства, которые предоставляют запрашиваемые материалы. Важно чтобы Госкомстат, Министерство образования и науки, Министерство культуры, МВД, другие ведомства и СМИ представляли материалы в региональном разрезе. Только тогда их можно будет совмещать при анализе с результатами социологических опросов по регионам.

Мониторинг межнациональных отношений на личностном и групповом уровне, где объектом анализа являются личность и группы, осуществляется социологами ФАДН совместно с ВЦИОМ и ФОМ при участии ИС РАН. Это мониторинг в основном общественного мнения. Поэтому назовем его мониторинг «М».

2. Мониторинг «М» может быть направлен на оперативный сбор информации с целью предупреждения уже проявившихся противоречий,

конфликтов, а может быть направлен на сбор информации, позволяющей выявить потенциал регионов перспективного развития, в котором есть этническая составляющая (например, условно-этническая мобилизация позитивной направленности), или, наоборот, угроза постоянной регрессии, которая артикулируется в терминах дискриминации, ущемлений. Естественно, набор индикаторов в том и другом типе исследования будет различаться.

3. Минимальный набор индикаторов мониторинга может включать:

А) уровень актуализации этнической идентичности, фиксируемый через ощущение сильной связи с людьми своей национальности; аффилиативную составляющую, потребность в ощущении себя членом сообщества; готовность использовать «все средства» для защиты интересов своего народа. Группы с негативной гиперэтничностью — потенциал экстремистских проявлений. Группы с позитивно направленной гиперидентичностью — потенциал очевидно патриотичной части общества и лояльных власти.

Б) Установки социальной дистанции в сфере делового общения, неформального общения, соседского, семейного с представителями конкретных национальностей (чаще ставят те, которые находятся в негативных образах, в условном «образе врага»).

В) Уровень негативизма, враждебности к другим.

Г) Отношение к принципам национальной политики государства, фиксируемое через представления «Российское государство — государство русских», «Российское государство — многонациональное, где все народы равны»; «Россия для русских», «Надо ли помогать развивать культуру и язык русских или всех народов страны» и т. д.

Д) Ощущение ущемленности по национальности в трудовой и неформальной сфере.

Е) Готовность к использованию насилия при регулировании противоречий.

Ж) Отношение к притоку инокультурных мигрантов.

З) Оценка межнациональных отношений в стране, городе, селе проживания.

4. Общим индикатором интегрированности в российское общество является фиксация ощущения связи (в том числе, сильной связи) с гражданами России — гражданская идентичность. Важно установить, что соединяет людей в гражданскую нацию, на чем основаны привязанности и готовность действовать (регулятивный фактор).

5. В регионах могут быть дополнительные вопросы:

А) В пограничных территориях нужны вопросы о значении пограничных контактов, отношении к соседним народам и странам.

Б) Там, где есть проблемы в изучении русского и национальных языков, нужны будут вопросы о важности, потребности в изучении русского и языков народов, дающих названия республикам; об отношении к способам решения языковых проблем, желании обучать детей на том или другом языке.

6. С методологической точки зрения, важно при интерпретации полученных данных понимать, что для достижения одних и тех же показателей в разных регионах прикладываются не одинаковые усилия, т. е. учитывать каждый раз особенности этнического состава населения, исторического прошлого межэтнических взаимодействий и др.

7. Эксперимент *ex post facto* показал значимость сбора информации на родном для респондента языке.

8. При использовании качественных методов сбора информации в последнее время, прежде всего фокус-групп, установлено влияние психологического заражения, особенно в экстремальных условиях. Это влияет на приписывание негативных определений, перенос «образа врага», завышенную тревожность.

9. В республиках и областях уже проводились социологические исследования с учетом инструментария общероссийских опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения и ИС РАН. Важно обобщить их опыт и установить наиболее успешные приемы изучения межнациональных отношений.

Информация об авторе

Дробижева Леокадия Михайловна, д. и. н., главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, Москва, Россия, drobizheva@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНТЕРНЕТ-ПЛОЩАДКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)

М. А. Жаркова, И. А. Метелькова

Северо-Западный институт управления, филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия,

Аннотация. Проанализирован этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан, который, хотя и имеет этнический компонент, не является конфликтом между русскими и татарами, а, скорее, между русской общественностью и властными структурами Республики Татарстан. Для смягчения его возможных негативных последствий особое значение должно придаваться виртуальному образу конфликта в социальных онлайн-сетях. Составленная нами программа управления этим конфликтом включает проведение информационной кампании в социальной онлайн-сети «ВКонтакте», нацеленной на информационную поддержку принятия поправки в ФЗ «Об образовании» (придание русскому языку статуса родного языка), формирование информационного поля конфликта и привлечение внимания широкой общественности.

Ключевые слова: социальные сети, интернет, этническая идентичность этнические конфликты, симулякры, гипертекст, контент-анализ

Возникающая тенденция использования социальных онлайн-сетей для мобилизации социальных групп, а также отсутствие какого-либо теоретического осмысления особенностей протекания конфликтных ситуаций в сети Интернет, в частности, возникающих на этнической почве, свидетельствует о необходимости изучения данного социального феномена.

В виртуальной среде главной ценностью является информация. Посредством распространения пользователями этнической информации в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия, а так же благодаря техническим возможностям социальных онлайн-сетей, происходит реконструкция реальной этнической идентичности в виртуальный образ личностной (регистрация пользовательского аккаунта) и групповой (создание виртуального сообщества) этнической идентичности. То же касается и конфликтной ситуации — в виртуальной среде реальный конфликт реконструируется в виртуальный образ конфликтной ситуации [1].

Используя теорию симулякров Ж. Бодрийера, мы определили участников информационно-коммуникационного виртуального взаимодействия как медиумов, так как они выполняют функцию носителей информации и осуществляют управление ею с помощью технических возможностей социальных онлайн-сетей через совершение различных виртуальных действий [2].

Пользователи социальных онлайн-сетей становятся трансляторами ценностей, норм, принципов, правил поведения, носителями информации о реальном этническом конфликте. Являясь реальным событием, этнический конфликт в условиях социальных онлайн-сетей представляет собой созданный посредством элементов кода и технической манипуляции пользователями знак, смысл которому придают сами пользователи. Данная мысль находит свое подтверждение и в работах отечественных исследователей гиперреальности: «Образующим механизмом знаковой коммуникационной среды (Интернет) является субъект, усваивающий и транслирующий смыслы посредством знаков» [3]. В социальных онлайн-сетях последовательность знаков образует гипертекст, изучение которого и необходимо для понимания того, что из себя представляет виртуальный образ конфликтной ситуации в социальных онлайн-сетях [4].

Нами был проанализирован этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан. Хотя этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан и имеет этнический компонент, его необходимо рассматривать не как конфликт между русскими и татарами, а как конфликт между русской общественностью и властными структурами Республики Татарстан. Конфликт на сегодняшний день актуален, несмотря на затяжной процесс его урегулирования федеральными органами власти. Тем не менее, то, что конфликт находится в латентной стадии, характеризует его как достаточно сложный, ведь вектор развития конфликтной ситуации до сих пор непонятен, его сложно спрогнозировать.

Виртуализация данной конфликтной ситуации произошла в 2009 г. Мобилизация родителей русских детей происходила через социальные онлайн-сети: было создано виртуальное сообщество «Русский язык в школах Татарстана», которое стало Интернет-площадкой для обсуждения данной проблемы среди всех заинтересованных пользователей. Несколько позже к виртуальному обсуждению подключились представители национал-сепаратистского движения Республики Татарстан (Татарский Общественный центр, Союз татарской молодежи «Азатлык», татарский патриотический фронт «Алтын Урда» («Золотая орда»).

Формируя технологии управления этническими конфликтами в социальных сетях (на примере этнолингвистического конфликта Республики Татарстан), мы выделили следующие этапы информационной кампании:

- диагностика смыслового символического пространства конфликтной ситуации (гипертекста и Интернет-комментариев) с целью определения виртуального образа этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан;
- реконструкция виртуального образа этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан посредством распространения и распределения определенной информации.
- Методы и технологии реализации информационной кампании в социальной онлайн-сети «ВКонтакте» мы предложили следующие:
- этнологический мониторинг информации о конфликте в социальной онлайн-сети (диагностика смыслового символического пространства конфликтной ситуации (гипертекста и Интернет-комментариев) с целью определения виртуального образа этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан);
- реализация комплекса мер по информационной пропаганде для осуществления информационной кампании в социальной онлайн-сети (реконструкция виртуального образа этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан посредством распространения и распределения определенной информации);

В рамках этнологического мониторинга нами был проведен количественный контент-анализ (гипертекстов и Интернет-комментариев) внутренних Интернет-площадок социальной онлайн-сети «ВКонтакте» (виртуальных сообществ).

Этнологический мониторинг информации может осуществляться с помощью следующих методов:

1. Технический: сбор информации (на внутренних Интернет-площадках социальных онлайн-сетей: аккаунтах, пабликах и группах) при помощи внутреннего поиска информации «ВКонтакте» с последующим качественным и количественным контент-анализом полученной информации.

2. Коммуникационный: проведение онлайн-опросов, онлайн-голосований, онлайн-анкетирования пользователей с последующим качественным и количественным контент-анализом полученной информации.

3. С помощью сервисов статистической обработки информации в социальных онлайн-сетях: Popsters, Borgi, SocialStats.ru, Smm-media.ru и многих других.

Также этнологический мониторинг должен включать метод дискурс-анализа интернет-комментариев пользователей. Нами был выбран и описан метод дискурс-анализа Т. А. ван Дейка, который включает текстуальный и контекстуальный этапы анализа интернет-комментариев [5].

Таким образом, для смягчения возможных негативных последствий этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан особое зна-

чение должно придаваться виртуальному образу данного конфликта в социальных онлайн-сетях.

Нами было установлено, что при возникновении виртуального этнического конфликта в социальных онлайн-сетях происходит мобилизация этнических групп, где этническая идентичность выступает условием объединения.

Составленная нами программа управления этнолингвистическим конфликтом в Республике Татарстан включает в себя проведение информационной кампании в рамках социальной онлайн-сети «ВКонтакте», нацеленной на информационную поддержку, которая должна способствовать принятию поправки в ФЗ «Об образовании» (придание русскому языку статуса родного языка) [6]. Информационная кампания должна способствовать формированию информационного поля конфликта и привлечению внимания широкой общественности.

Список литературы

1. *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула : «Тульский полиграфист», 2013.
3. *Черняков А. Н.* Теоретико-методологические основания исследования интернет // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 8. С. 207—216. (Серия: Философия. Социология. Право).
4. *Постмодернизм.* Энциклопедия. Мн. : Интерпрессервис : Книжный Дом. 2001. С. 122.
5. *Шапочкин Д. В.* Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10. С. 101—107.
6. *Об образовании* в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] / Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

Информация об авторах

Жаркова Марина Александровна, к. с. н., доцент кафедры социологии и социальной работы Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, mo_zay@mail.ru

Метелькова Инна Андреевна, магистр кафедры этнокультурологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, innanedremlet@gmail.com

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОГЛАСИЯ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Е. Кайнар

*Международный Казахско-Турецкий университет им. Х. А. Яссави,
г. Туркестан, Республика Казахстан,*

Аннотация. В Республике Казахстан, где проживает более 130 этносов, относящихся к различным религиозным конфессиям, создана уникальная модель межрелигиозного согласия, представляющая сложную конфигурацию, помещенную в социально-политический контекст государственно-общественного развития республики. В центре этой конфигурации находятся наиболее крупные религии Казахстана — ислам и православие, которые в своем взаимодействии и обеспечивают, по существу, межрелигиозную стабильность в стране.

Ключевые слова: религиозная политика, межрелигиозная стабильность, ислам, православие

Сегодня во всем мире религиозная деятельность обрела новый размах и новые формы, поскольку в последние годы усилился кризис нравственных ценностей. В поисках ответов на вопросы бытия человечество всегда было склонно обращаться к религии. О воздействии религии на человеческое общество З. Фрейд писал: «Религия, несомненно, оказала человеческой культуре услугу, много сделав для усмирения асоциальных влияний» [1]. Вольтер заявлял, что религиозные принципы необходимы для сохранения людского рода, атеизм же, в свою очередь, приводит к всевозможным злодеяниям, позволяя человеку совершать любые преступления» [2]. На наш взгляд, одной из важнейших функций религии является утешение верующих, снижение воздействия неблагоприятных факторов на человека.

«Вера и религия обладают магической силой в государстве», так как они «объединяют души людей», — говорил Томазо Кампанелла. Религия способна содействовать оздоровлению общественного порядка, народных нравов и обычаев.

Проповедь абсолютных (вечных и неизменных) нравственных ценностей была характерна для всех религий мира и осталась актуальной в XXI в. В Коране записано: «Что вы издерживаете из блага, то — родителям, близким, сиротам, бедным путникам. Ведь что бы вы ни делали из добра — поистине Аллах про то знает». Поражает мудрость заповедей в Нагорной проповеди Христа: «Всякий, гневающийся на брата своего на-

прасно, подлежит суду», «Когда творите милостыню, не трубите об этом». Каков смысл каждой из этих заповедей? Какое нравственное содержание заключено в них? Приведенные нравственные правила не только не утратили своего значения, но и приобрели новый глубокий смысл, так как обращены к внутреннему, духовному миру человека. С их помощью люди, уставшие от социальных катастроф, могут заглянуть в себя и еще раз задуматься о смысле своей жизни.

Особенно возрастает влияние церкви в переломные моменты истории: когда старые идеалы общества утрачивают свою ценность, а новые еще не успевают закрепиться, на помощь приходит религия с ее нравственными заповедями. Так было в начале 1980-х гг. в Польше, когда с обострением кризиса в стране значительно увеличился приток верующих в костелы. Сейчас это происходит и в Казахстане, причем небывалый интерес к религии наблюдается среди различных слоев населения. Рост интереса к религии носит и количественный, и качественный характер. Религиозное возрождение в республике началось в 1990-е гг. еще до распада Советского Союза. Уже в 1990 г. в Алма-Ате был образован отдельный шуфонат, который, хотя и входил в общесоветскую исламскую иерархию, но не подчинялся Ташкентскому мусульманскому духовному управлению Средней Азии. Это был первый шаг на пути к возрождению духовного наследия казахов и первое отклонение от атеистической идеологии. Люди начали открывать для себя религию не только как часть их общего исторического и культурного прошлого, но и в качестве живого источника нравственного и духовного возрождения [3]. У части населения Казахстана стало назревать противостояние сложившихся атеистических взглядов и возрождающихся религиозных верований.

В том же 1990 г. в Республике было образовано Духовное управление мусульман Казахстана, объединяющее в настоящее время большинство из 2369 официально зарегистрированных мечетей.

Религиозный подъем был поддержан властями, которые видели в традиционных религиях одно из средств заполнения идеологического вакуума, образовавшегося в обществе после краха коммунистической идеологии.

В 1992 г. в период трудного и сложного процесса обретения независимости и становления государственности Казахстана был принят Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», который навсегда покончил с государственной атеистической политикой и установил правовые нормы высокого уровня, равные законодательству самых демократических стран мира. Именно благодаря этому закону мы имеем общественную стабильность, межнациональное и межрелигиозное согласие. Он заложил

основу регулирования взаимоотношений между государством и религиозными организациями и объединениями. В то же время, закон не обходит вниманием и новую для Казахстана ситуацию — появление религиозного экстремизма. Статья 4 запрещает «пропаганду религиозного экстремизма, а также совершение действий, направленных на использование межконфессиональных различий в политических целях» [4].

Принципы многоконфессионального государства гарантированы Конституцией Республики Казахстан. В соответствии с Конституцией Казахстан является светским государством. Статья 19 Конституции гласит: «Каждый вправе определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную и религиозную принадлежность» [5]. Статья 22 провозглашает: «Каждый имеет право на свободу совести» [6].

В Казахстане гарантирована свобода вероисповедания и провозглашено отделение религии от государства.

Особую роль в сохранении мира и согласия между конфессиями и этносами страны играет уникальная организация, аналогов которой нет в мировой практике — это Ассамблея народов Казахстана. Идея Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева о создании Ассамблеи согласия и единения народа Казахстана получила поддержку на Форуме народов Казахстана в декабре 1992 года. В феврале 1995 года на совещании с лидерами национально-культурных центров Президент республики вновь вернулся к своей идее создать единую, общенациональную, неправительственную организацию, отстаивающую интересы всех народов нашего государства.

Ассамблея народов Казахстана была образована специальным Указом Главы государства 1 марта 1995 г. как консультативно-совещательный орган при Президенте страны. Главной задачей Ассамблеи является содействие сохранению межнационального и межконфессионального согласия и политической стабильности в стране, выработку предложений по проведению государственной политики, способствующей развитию дружественных отношений между представителями разных национальностей и религий, проживающих на территории Казахстана.

В январе 2002 г. Мажилис одобрил поправки в Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», которые направлены на предотвращение межконфессиональных конфликтов

Закон 2005 г. «О противодействии экстремизму» предоставил правительству широкие полномочия в деле предотвращения религиозного экстремизма.

Основная масса населения страны согласна с религиозной политикой государства и поддерживает все мероприятия Президента и правительства.

Важную роль в духовном объединении людей играют впервые организованные в Казахстане съезды мировых и традиционных религий. Представители разных конфессий, разделенные многолетней враждой, в Астане совместно решают вопросы о мире и взаимопонимании всего мирового сообщества. Состоялось три съезда, последний прошел в мае 2013 г.

Для устранения пробелов в существующей практике по религиозным вопросам была разработана специальная Программа по обеспечению свободы вероисповедания и совершенствования государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан на 2007—2009 гг. В ней предложены действенные меры по обеспечению информационно-просветительской деятельности и содержатся конкретные действия по сохранению межконфессионального мира при обеспечении прав человека.

В 2012 г. Казахстан возглавил одну из крупных организаций исламского мира — Организацию исламского сотрудничества. То, что наша страна была удостоена такой чести, с одной стороны, повышает ее авторитет на мировой арене, а с другой — нам предоставлена уникальная возможность стать эффективным мостом, связующим Запад и Восток. Таким образом, председательство в ОИС накладывает огромную ответственность на наше государство, президента Н. А. Назарбаева, который делает все возможное для усиления исламского сотрудничества в решении тех сложных экономических, финансовых и политических вопросов, которые сегодня стоят перед мировым сообществом.

Сегодня государство принимает меры для того, чтобы оградить население от опасных религиозных течений. Так, недавно принят закон о сокращении на треть религиозных объединений. Такой закон крайне важен для контроля духовной обстановки в стране, для эффективной защиты от деструктивных религиозных идей и сект, которые занимаются одурманиванием людей, нередко вмешиваются в личную жизнь человека. Бывали случаи, когда такое вмешательство приводило к расколу семьи или даже самоубийству. Впрочем, последствия практики таких сект наблюдаются во всех странах, где они есть.

В Казахстане проживает более 130 этносов, относящихся к различным религиозным конфессиям. Согласно переписи 2009 г. самые многочисленные религиозные объединения представляют ислам (70 % от числа всех верующих) и православие (26 %). Иудаизм и буддизм имеют примерно равное число верующих (по 0,1 %). Остальные религии имеют 0,2 % последователей от общего числа верующих [7].

В 2009 г. в Казахстане действовало 4200 религиозных объединений и общин, принадлежащих к 46 конфессиям. В настоящее время действуют почти 3200 мечетей, церквей, молитвенных домов. Среди верующих име-

ются последователи почти всех мировых религий: ислама, христианства (православия, католицизма, протестантских течений), буддизма, а также иудаизма, индуизма, древних политеистических культов и современных новообразований.

Важное место в конфессиональном спектре Казахстана занимают наиболее традиционные для местного населения религии — ислам суннитского толка и русское православное христианство.

Н. Назарбаев пишет: «Казахстан — это часть огромного ареала исламской культуры. Казахи столетиями исповедовали ислам... После обретения независимости вполне естественным было желание людей вернуться к своим духовным истокам. Это религиозное возрождение было поддержано государством. В стране были построены сотни мечетей. Обучение в признанных центрах исламской культуры прошли многие казахстанцы. Великая гуманитарная и нравственная роль ислама стала особенно очевидной в современном Казахстане» [8].

Большинство граждан Казахстана сегодня составляют мусульмане (11 млн, принадлежащие к 24 национальностям). Руководство ДУМК в целях повышения международного авторитета мусульман Казахстана налаживает плодотворные взаимоотношения с мусульманскими центрами ряда зарубежных стран, ведет активную просветительскую деятельность.

Русское православное христианство, имеющее 299 приходов — одно из мощных религиозных направлений в Казахстане, являющееся структурным подразделением Московского патриархата. Ежегодно торжественно отмечаются в стране православные праздники Рождество и Пасха.

Среди представителей других конфессий можно отметить следующие.

Католицизм: 83 официально зарегистрированных римско-католических прихода и связанных с ними организаций, 5 официально зарегистрированных греко-католических приходов. Деятельность католических объединений в 2001 г. прошла под знаком подготовки к визиту Папы Римского. Государственный визит в Казахстан Главы Римско-католической церкви Папы Римского Иоанна Павла II, состоявшийся в конце сентября 2001 г., положительно повлиял на укрепление межконфессионального согласия в республике. Жители Астаны и многотысячные паломники из регионов Казахстана, стран СНГ и дальнего зарубежья горячо приветствовали духовного лидера, призывающего все человечество развивать диалог культур и цивилизаций, вместе смотреть в будущее. Наша республика стала первым государством в СНГ и Азии, с которым Ватикан подписал Соглашение о взаимоотношениях.

Протестантизм: сегодня официально зарегистрировано 1267 протестантских организаций, которые располагают 543 культовыми сооруже-

ниями. В Казахстане 2 группы баптистов: Союз христиан-евангелистов и баптистов (Союз баптистов) с приблизительно 10 тыс. последователей и 227 зарегистрированными религиозными группами, а также Совет церковей христиан-евангелистов и баптистов (Совет церковей) с приблизительно 1 тыс. последователей. Другие официально зарегистрированные протестантские религиозные группы с заметным числом последователей — это пресвитериане, лютеране и пятидесятники, а также свидетели Иеговы и адвентисты седьмого дня; имеются также небольшие общины методистов, меннонитов, и мормонов. В силу присущих этим конфессиям исторических и канонических особенностей они отличаются повышенной активностью. Ими проводятся многочисленные конференции, фестивали, семинары и т. д. В 2001 г. состоялись республиканские собрания и съезды религиозных объединений лютеран, Адвентистов седьмого дня, Союза церковей евангельских христиан-баптистов, Новоапостольской церкви, церкви «Грейс-Благодать» и т. д.

Иудаизм: имеется 5 синагог в Алма-Ате, Астане, Усть-Каменогорске, Костанаяе и Павлодаре.

Также имеется 43 религиозные группы других конфессий, в том числе 4 буддистских, 12 отделений Общества сознания Кришны, церковь сайентологии, бахаисты, ученых-христиан и Церковь объединения.

В целом в стране в большинстве областей преобладает ислам, за исключением Костанайской и Северо-Казахстанской областей, где процент приверженцев христианства несколько выше.

Казахстан считается страной, где создана уникальная модель межрелигиозного согласия. В центре казахстанской модели межрелигиозных отношений «находятся наиболее крупные религии Казахстана — ислам и православие, которые в своем взаимодействии и обеспечивают, по существу, межрелигиозную стабильность в стране» [9].

Условием для эффективного действия этой модели является готовность представителей различных конфессий к диалогу на основе взаимопонимания и толерантности. Но признанная модель не является статичной и устойчивой, ее укрепление является сложной задачей.

Казахстан имеет все шансы на культурное и духовное единство. Все религии и конфессии страны должны работать на общее благо, сохранение и развитие нашей общей родины. Укрепление межконфессионального согласия должно стать важнейшим приоритетом воспитательной политики в школах, вузах, учреждениях. Нужно шире использовать возможности средств массовой коммуникации в пропаганде дружбы и согласия между народами и религиями.

Казахстанская модель религиозной толерантности представляет сложную межрелигиозную конфигурацию, помещенную в социально-полити-

ческий контекст государственно-общественного развития Республики Казахстан. Несмотря на абсолютное юридическое равенство всех конфессий Казахстана, реально в центре этой конфигурации находятся наиболее крупные религии Казахстана — ислам и православие, которые в своем взаимодействии и обеспечивают, по существу, межрелигиозную стабильность в стране. А уже на основе этой стабильности выстраиваются отношения между всеми конфессиями Казахстана.

Многообразии конфессий, специфика их функционирования, этнический состав их адептов, возрастной и образовательный уровни верующих, — все это в совокупности образует своеобразную, только Казахстану присущую, систему межрелигиозных отношений. Каждая религия выстраивает свои собственные отношения с другими религиями и с государством. Религиозные объединения, по Закону Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», отделены от государства, которое будучи светским, не вмешивается во внутренние дела религиозных объединений, но при этом учитывает религиозный фактор во внутренней и внешней политике. Во взаимодействии всех вышеперечисленных элементов государственно-религиозных отношений и возникает общее религиозное пространство Республики Казахстан, создается и поддерживается межрелигиозное согласие.

Список литературы

1. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. М., 1989. С. 103.
2. Вольтер. Назидательные проповеди. М, 1988. С. 382.
3. Акинер Ш. Формирование казахского самосознания от племени к национальному государству. Алматы: Гылым, 1998. С. 115.
4. Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 г. № 1128-XII «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Алматы, 2005. С. 2.
5. Конституция Республики Казахстан. Алматы, 2007. С. 4.
6. Конституция Республики Казахстан. Алматы, 2007. С. 4.
7. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Астана, 2010. С. 100.
8. Назарбаев Н. А. Критическое десятилетие, Алматы : Атамұра, 2003, 240 с.
9. Назарбаев Н. А. — основоположник казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия / сост.: А. Н. Нысанбаев, А. Г. Косиченко. Алматы, 2010. С. 268.

Информация об авторе

Кайнар Марал Ергазиевна, к. полит. н., Международный Казахско-Турецкий университет им. Х. А. Яссави, г. Туркестан, Республика Казахстан, kainar.maral@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЛИНОЙ В 23 ГОДА: ОПЫТ УКРАИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А. А. Кислая

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина

Аннотация. Анализируется опыт измерения динамики межнациональных отношений в Украине — мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины. Социологические исследования в формате мониторинга представляют социологам широкий диапазон возможностей для анализа данной проблемы, позволяя «видеть» ее в контексте социальных изменений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, этносоциология, мониторинг, национальная дистанция, методика Богардуса, уровни толерантности

Институтом социологии НАН Украины, начиная с 1992 г., ежегодно проводится социологическое исследование «Украинское общество» в формате мониторинга (авторы — Н. В. Панина, Е. Головаха, М. Чурилов). Выборка охватывает 1800—2000 человек, представляющих взрослое население Украины (старше 18 лет), выборка по полу, возрасту, образованию, типу поселения и областям. Случайная (теоретическая) ошибка выборки составляет 2,24%. По типу построения — выборка двухступенчатая, стратификационная, случайная (с квотным скринингом на последней ступени). В анкете, среди блоков экономических, политических, социальных вопросов, присутствуют вопросы по межнациональным отношениям. Это вопросы по национальной дистанции по известной методике Богардуса и вопросы о дискриминации по национальному маркеру.

Вопросы следующие:

1. По отношению к каждой этнической группе, приведенной ниже, выберите один из вариантов, в котором Вы бы допустили представителей этой этнической группы: «Я согласен допустить представителей этой этнической группы в качестве ...» (выберите только один вариант ответа по каждой из групп).

2. Доводилось ли Вам последние 12 месяцев сталкиваться со случаями дискриминации (ограничения прав и интересов по отношению к людям таких национальностей, как...).

Для измерения межнациональных отношений в Украине методика Богардуса модифицирована и адаптирована к украинской реальности.

Н. Панина и Е. Головаха предложили измерять межнациональные отношения по:

- индексу максимальной национальной толерантности по отношению к представителям конкретных национальностей и максимальной нетолерантности;
- интегральному индексу национальной обособленности.

Уровень максимальной толерантности измеряется долей лиц, готовых допустить представителей данной национальности в качестве членов своей семьи. Уровень максимальной нетолерантности определяется удельным весом лиц, вообще не допускающих в Украину представителей данной национальности.

Для иллюстрации опыта измерения динамики межнациональных отношений я построила сравнительные таблицы, используя данные мониторинга за 1994, 1999, 2010 и 2014 гг. (интервал — 5 и 10 лет). Учитывая большой список этнических групп (22), я выбрала наиболее тиражированные для демонстрации национальной дистанции этнические группы: украинцы, русские, евреи, цыгане.

Таблица 1. Динамика измерения межнациональных отношений, в %

Маркеры измерения	Этнические группы	1994	1999	2010	2014
Мах-толерантность	Украинцы	73	77	63	56
	Русские	54	53	25	19
	Евреи	16	13	3	3
	Цыгане	6	3	0,5	0,3
Обособленность	Украинцы	2	0,8	3	4
	Русские	6	8	14	26
	Евреи	16	17	38	38
	Цыгане	24	23	30	33
Мах-нетолерантность	Украинцы	0,2	0,1	0,3	0,5
	Русские	2	2	3	16
	Евреи	8	7	13	7
	Цыгане	23	35	45	38
Источник: Українське суспільство 1992—2014. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2014.					

Таблица 2. Динамика измерения практик дискриминации по этническому признаку, в %

Доводилось ли Вам последние 12 месяцев сталкиваться со случаями дискриминации	Национальность	1994	1999	2010	2014
Да	Украинцы	7	8	8	15
	Русские	9	6	4	10
	Евреи	8	5	5	5
	Другие	5	5	8	4
Нет	Украинцы	93	92	92	85
	Русские	91	94	96	90
	Евреи	92	95	95	95
	Другие	95	95	92	96

Источник: Українське суспільство 1992—2014. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2014.

Социологические исследования в формате мониторинга представляют социологам широкий диапазон возможностей для анализа исследуемой проблемы, позволяя «видеть» последнюю в контексте социальных изменений.

Информация об авторе

Кислая Анна Александровна, к. ф. н., профессор Института социологии, психологии и социальных коммуникаций НПУ им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина, kisla_anna@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Н. Р. Маликова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Ключевые слова: межэтнические отношения, межнациональная политика, мониторинг, этнодемографические показатели, этнопсихологические индикаторы, идентичность, ценностные ориентации

Можно ли разрабатывать социальные показатели и индикаторы этнонационального мониторинга, не сформулировав предварительно содержательные гипотезы исследования, исходя лишь из предпосылки, что современные диспозиции межэтнических отношений обусловлены комплексным воздействием социальных факторов, длительностью и интенсивностью межэтнических контактов? Вряд ли стоит игнорировать взаимосвязь конструирования фреймов исторической памяти и формирования идентичности, обладания разным ресурсным потенциалом культурного и социального капитала. Продуктивно предварительно сформулировать как можно более детальные гипотезы, дающие возможность сопоставления не только социальных, но и этнопсихологических индикаторов. Целесообразно заранее сканировать, в какой мере специфика межэтнических отношений выходит за рамки социально-статусных различий; какова степень разновекторной направленности этнокультурных, социальных, социально-политических ценностных ориентаций, этих важнейших факторов детерминации межэтнических отношений, как в согласии, так и в конфликте. Без этого целевые задачи мониторинга будут размытыми, а общие индикаторы позволят измерять лишь «среднюю температуру по больнице» при оценке эффективности реализации межнациональной политики.

Хотелось бы напомнить о существующем в социологии методологическом различии социальных показателей и индикаторов. Показатели фиксируют все возможные социальные явления и факты, в то время как *индикаторы* — это концептуальные эквиваленты (заместители) исследуемых явлений. Если нет связи между социальными явлениями, то ни одно из них не может быть показателем, замещающим другое явление, т. е. индикатором. Поэтому данные любых этносоциологических исследований — само собой, и мониторинговых — соотносят с определенными индикаторами, в единстве с качественной определенностью состояния этносоциальных групп, содержательной характеристикой межэтнических отношений в различных социально-этнических средах.

Разумеется, многообразие межэтнических контактов, этнонациональных отношений несводимо к одним лишь количественным данным. Этносоциальные показатели и индикаторы представляют единство количественных характеристик объекта исследования и качественной определенности предмета этносоциологического исследования.

В организации мониторингового исследования следует быть готовым к парадоксальному проявлению методологического феномена «эффекта лилипутов и Гулливера», когда «очень большое множество связей — сильных и слабых, явно существенных и, казалось бы, несущественных — выступает в качестве комплексной (интегрированной) причины устойчивости всей системы» (Пименов, 1988).

В мониторинге все основные блоки показателей и индикаторов социальной жизнедеятельности и межэтнического общения коррелируют с линейкой объективных этнодемографических показателей населения, проживающего в разных этнонациональных республиках, автономных округах, районах, административных краях и областях. Вследствие этого параметры выборки должны быть иными, нежели при отборе респондентов ВЦИОМ.

Приведем примеры некоторых этносоциальных показателей и индикаторов в экономической, социальной, политической, духовно-культурной сферах жизни.

В социальной сфере: количественные данные о социально-этнической структуре и качественные показатели удовлетворения потребностей, специфики формирования установок к межэтническому общению на микросоциальном уровне; в семейно-бытовой сфере, в системе неформальных (дружеских, соседских, земляческих) сообществ и др.

В политической сфере: показатели численности этнического представительства членства в партиях демократического, либерального, радикально-националистического, национал-патриотического толка; этносоциальное представительство в парламенте, армии, спецслужбах, региональных структурах власти, структурах гражданского общества и др. Качественные показатели свидетельствуют о социальной активности, участии в общественно-политической деятельности, степени осознания общественно-значимых проблем полиэтничного гражданского общества и этнополитических интересов.

В социально-экономической сфере: к количественным показателям можно отнести: размеры подушевого дохода; численность мигрантов/иммигрантов, показатели экономического развития городов и сел, с преимущественным поли- и моноэтническим населением и т. д. Качественные показатели раскрывают степень удовлетворенности уровнем жизни, условиями труда и быта; рациональностью освоения

природных ресурсов, пропорциональностью размещения объектов промышленности, условиями землепользования и сельхозпроизводства, с учетом традиционных типов хозяйственно-культурной трудовой деятельности, устойчивостью установок к миграции, эмиграции по экономическим мотивам; степень урбанизации и качества развития городской инфраструктуры.

В духовно-культурной сфере: показатели социокультурного облика участников межэтнических отношений фиксируют долю этнического представительства лиц определенной этно-конфессиональной идентичности со средним, высшим образованием, количество театров, количество вузов, сузов, ПТУ, культурно-просветительских учреждений, число владеющих языком межкультурной коммуникации; количество изданий, аудио- и видеопродукции, интенсивность работы электронных СМИ (время в эфире, количество основных ретрансляторов и каналов коммуникации на русском языке, на языках коренных, титульных народов). Качественные индикаторы предполагают возможность сравнения уровня развития культурных, образовательных, научных учреждений, качества разработки инновационных НИП (как результата усилий многонациональных трудовых коллективов, либо научных достижений представителей определенного народа), степени межкультурной коммуникации и интеграции. Они позволяют сопоставить уровень компетентности этнической интеллигенции, языковой компетенции, ценностные ориентации на восприятие национальной и иноэтнической, профессиональных и фольклорных форм культуры, степень аккультурации; на язык и уровень образования детей; степень распространения знаний о культурных достижениях собственного народа и других народов.

Отмечу также необходимость учета в мониторинге качественных **этнопсихологических индикаторов**, свидетельствующих об устойчивости этничности, ценностных ориентациях на приоритет традиции или инноваций, уровне распространения позитивных и негативных этнических стереотипов, поляризации взаимного восприятия «образов этничности», (от максимальной симпатии до антипатии), эмоциональных реакций в стрессовой, экстремальной ситуации. Это потребует внимания к проблеме соотношения позитивной этнической идентичности и межэтнической толерантности, ксенофобии и потенциала агрессивной фрустрации. Но все это и многое другое, следует принимать во внимание для предупреждения роста конфликтности в межэтнических отношениях.

Помимо необходимости валидной разработки системы этносоциальных показателей и индикаторов есть еще и методологические проблемы адаптации многих специальных исследовательских методов для включения в резерватные (опросные) способы мониторингового сбора

этносоциальной информации и содержательной этносоциологической, этнополитологической ее интерпретации.

Информация об авторе

Маликова Наиля Рамазановна, д. с. н., профессор факультета «Высшая школа современных социальных наук» МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, nrmalikova@mail.ru

ИНДЕКС ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ КАК ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г. В. Маткаримова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Аннотация. Измерение уровня этноконфессиональной напряженности позволяет разработать оптимальные, научно обоснованные рекомендации для регулирования этноконфессиональных отношений. В авторском понимании, этноконфессиональная напряженность проявляется как на субъективно-оценочном, так и на поведенческом уровнях, поэтому индекс этноконфессиональной напряженности представляет собой сложный агрегированный индекс, состоящий из поведенческого и оценочного индексов.

Ключевые слова: межнациональные отношения, индекс этноконфессиональной напряженности, субъективно-оценочный уровень, поведенческий уровень

Этноконфессиональная напряженность является сложным социокультурным феноменом, который целостно характеризует картину отношений между представителями различных этносов и конфессий. Как некая «температура» общества она нуждается в своевременном измерении, с целью поддержания нормального функционирования социального организма и предотвращения ухудшения его состояния. Индекс этноконфессиональной напряженности (ИЭКН) как раз и является «градусником», который, если и не позволяет выявить природу опасности, то обнаруживает наличие возможных опасностей, угроз для общества. Этот инструмент измерения фиксирует рост и падение «температуры» на специальной искусственно разработанной шкале, позволяет оценить величину, объем необходимой терапии, а также дать оценку результатов проводимой политики.

Для измерения такого сложного явления, как этноконфессиональная напряженность, необходимо построение единого обобщающего эмпирического показателя, разработанного на основе тщательного отбора индикаторов, дающих ключевую информацию о явлении и с допустимой надежностью и точностью описывающих объект измерения. Подобный подход к измерению напряженности объясняется рядом достоинств индекса. Во-первых, индекс позволяет количественно измерить те процессы и явления, которые не поддаются непосредственному восприятию

и измерению (в случае наличия латентной переменной). Во-вторых, индекс позволяет проводить социологический мониторинг динамики и тенденций развития состояния изучаемого явления в будущем. В-третьих, данный показатель делает возможной процедуру сравнения, что особенно важно при компаративном анализе с целью выявления отработанных и доказавших свою эффективность управленческих решений и опыта управленческого воздействия в области этноконфессиональных отношений в различных регионах, странах.

Индексы достаточно широко используются в области измерения состояния межнациональных отношений: индекс этнической смешанности населения, индекс напряженности межнациональных отношений [5], индекс этноконфессиональной напряженности [6] и др. Разработка индекса социальной напряженности сопровождается выделением «уровней напряженности», которые отражают степень, интенсивность проявления данного феномена. В научной литературе уровень напряженности трактуется как качественная характеристика социальной напряженности. Исследователи в своих работах выделяют несколько уровней социальной напряженности, которые в целом соответствуют трехуровневому делению: низкая, средняя и высокая напряженность. Ряд авторов добавляет к данному списку уровней также идеальное состояние общества, характеризующееся отсутствием социальной напряженности [1, 2, 4]. Другие авторы выделяют наличие так называемого «фонового уровня», т. е. уровня социальной напряженности, который не является дисфункциональным, он является неотъемлемой характеристикой любого общества [1, 3, 4].

В авторском понимании, этноконфессиональная напряженность проявляется как на субъективно-оценочном уровне, так и на поведенческом (проективно-деятельностном) уровне, поэтому ИЭКН представляет собой сложный агрегированный индекс, состоящий из поведенческого (ИЭКНп) и оценочного (ИЭКНо) индексов этноконфессиональной напряженности, где ИЭКНп характеризует проективно-поведенческие реакции представителей различных этноконфессиональных общностей в условиях напряженности, а ИЭКНо выражает оценочные суждения и характер отражения напряженности в оценках субъектов этноконфессиональных отношений.

К эмпирическим показателям субъективно-оценочной составляющей напряженности относятся: общая оценка этноконфессиональных отношений на федеральном (в целом по стране), региональном уровнях; отношение к представителям разных национальностей и религий; степень значимости этнической и конфессиональной принадлежности (идентичности); оценка вероятности конфликтов на национальной и религиозной почве на федеральном и региональном уровнях. Эмпирические показатели поведенческой составляющей напряженности включают: опыт этнокон-

фессиональных отношений в ситуации напряженности; готовность участия в конфликтах в целях защиты интересов своей национальности и религии.

Значениям индекса соответствуют уровни, характеризующие степень интенсивности проявления напряженности: нулевой уровень напряженности, латентная напряженность, слабовыраженная напряженность, умеренно выраженная напряженность, сильно выраженная напряженность и конфликтный уровень напряженности.

К примеру, нулевой уровень напряженности характеризуется отсутствием этноконфессиональной напряженности, однако, в силу фоновости напряжения, данный уровень является идеальным, что также подтвердилось в проведенном нами исследовании: судя по его результатам, ни у одного респондента не оказалось нулевого уровня напряженности. Для конфликтного уровня напряженности характерна ситуация, где негативный опыт этноконфессиональных отношений носит массовый характер: очень часто имеется опыт конфликтных отношений с представителями других этносов и конфессий, а также имеется полная готовность к подобным отношениям, в случае необходимости защиты этнических и/или конфессиональных интересов. Причем актуализируется не только этническая, но и конфессиональная составляющая (неприязнь и к представителям этноконфессиональных общностей). Данный уровень напряженности носит взрывоопасный и деструктивный характер для дальнейшего функционирования общества и требует немедленных управленческих решений, направленных на снижение уровня напряженности и т. д.

Таким образом, измерение уровня этноконфессиональной напряженности позволяет разработать научно обоснованные и наиболее оптимальные рекомендации в области регулирования этноконфессиональных отношений с учетом текущего состояния этноконфессиональной напряженности.

Список литературы

1. Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3. (335). С. 50—65.
2. Примаков В. Л., Половнев А. В. Исследование этноконфессиональных отношений в России: теория, методология, методика : учебное пособие. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011.
3. Солдатов Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998.
4. Соловьев С. С. Методика измерения социальной напряженности в вооруженных силах // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 68—73.

5. *Социологическая энциклопедия* : в 2 т. Национальный общественный научный фонд. Т. 2. М. : Мысль, 2003.

6. *Этноконфессиональные факторы укрепления единства России и расширения межкультурного диалога на пространстве СНГ* : монография / под. общ. ред. А. Я. Касюка. М. : Рема РИЦ МГЛУ, 2011.

Информация об авторе

Маткаримова Галия Ваязитовна, к. с. н., старший преподаватель кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия, sky_g@mail.ru

ПРОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ, КОГДА ПРЕПЯТСТВИЯ ИСХОДЯТ ОТ ГОСУДАРСТВА, ПРИРОДЫ И ИССЛЕДУЕМОГО НАСЕЛЕНИЯ

А. Мирзоянц-Мак-Найт

Компания Well Told Story (США), Найроби, Кения,

Аннотация. Опыт проведения социологических исследований в Африке показывает, что социологи, работающие на этом континенте, сталкиваются с тремя категориями препятствий. Они связаны с правительством и госслужбами, местным населением, неразвитой физической и исследовательской инфраструктурой. Многие из возникающих проблем нельзя решить теми же путями, какими они решаются в Европе или США. Работа социолога в Африке помимо храбрости и любопытства требует гибкости, ума и терпения.

Ключевые слова: Африка, правительства, госслужбы, инфраструктура, препятствия

В течение достаточно долгого времени, можно сказать, столетиями, социология как наука росла и развивалась практически в тепличных академических условиях в контексте развитых стран Европы и Северной Америки. Лишь отдельные, не в меру любопытные исследователи отваживались проводить небольшие и нерегулярные исследования, чаще всего, этнографического характера, в Африке.

В 2000 г. в ходе Саммита тысячелетия государства — члены Организации Объединенных Наций приняли пакет Целей развития тысячелетия (ЦРТ), которые быстро и в корне сменили отношение к Африке исследователей из разных научных сфер, включая социологию, поскольку практически все ЦРТ обращались к проблемам, особенно ярко выраженным на этом континенте: нищета, высокая смертность при родах, высокая смертность среди детей до 5 лет и т. д. В ответ на острую критику того, что ЦРТ были разработаны без серьезной опоры на данные о состоянии населения, ООН выделила весьма щедрые средства Всемирному банку, Международной финансовой корпорации, Африканскому банку развития на проведение необходимых исследовательских работ и на разработку эффективных мер по достижению ЦРТ в сроки, установленные ООН. Исследовательские организации и независимые социологи с энтузиазмом приступили к работе — только для того, чтобы немедленно осознать: чтобы эффективно исследовать местное население, им сначала необходимо понять, принять и пре-

одолеть местный колорит, существенно затрудняющий реализацию классических социологических методик в Африке.

Основные сложности, с которыми сталкиваются социологи, работающие на этом континенте, можно подразделить на три категории: связанные с правительством и госслужбами, с местным населением и с неразвитой физической и исследовательской инфраструктурой.

Сложности, связанные с правительством и госслужбами

Деспотическое правительство — наиболее очевидное, хотя и не самое распространенное препятствие, связанное с правительством в целом или отдельными госорганами. Такое правительство препятствует проведению исследований в стране, поскольку не может допустить, чтобы мнение населения либо оценка международной общественности изменилась в худшую сторону, если результаты исследования будут неблагоприятными либо будут противоречить официальным правительственным данным. Нередко такое правительственное осторожничество связано со страхом потерять международные дотации, которые в отдельных странах составляют более половины государственного бюджета. Деспотичные правительства практикуют несколько типов препятствования работе исследователей: законотворческое (Танзания), бюрократическое (Танзания, Уганда) и физическое преследование (Зимбабве, Нигерия).

Невежественное правительство — такое правительство просто не понимает, почему оно должно тратить деньги на проведение или даже поддержку исследований населения, когда: (а) денег и так мало или (б) деньги можно истратить на что-то другое. Такое правительство может годами говорить о подготовке к переписи населения, но так никогда и не собирается ее провести (Бурунди, Уганда).

Слабое правительство — во многих африканских странах правительства не контролируют ситуацию вне столичных стен (Нигерия, Танзания и Занзибар). Проблемы исследователей в данной ситуации не всегда связаны только с вопросами безопасности. Правительство независимых территорий в таких странах может не признать разрешения, выданные основным правительством, и потребовать получения дополнительных разрешений, что выльется в дополнительную бюрократическую волокиту, дополнительные платежи и потерю времени. В худшем случае, исследователям, работавшим на враждебной части страны, будет запрещено работать на других территориях.

Корруптированное, жадное правительство — это одно из наиболее распространенных явлений в жизни социолога, работающего в Африке. Корруптированность бывает до боли бесстыдна, поскольку исследова-

ние населения по большей части имеет большую ценность для исследователя, а не для правительства (Мозамбик).

Однако хуже всего, что большинство африканских правительств сочетают 3—4 вышеупомянутые характеристики.

Сложности в работе с местным населением

Невежественное/необразованное население — это типичная проблема, особенно в сельской местности и в странах, где социальные исследования практически не проводятся.

Население, измученное многочисленными исследованиями. С тех пор как Африка стала новой Меккой для исследователей, некоторые страны буквально затопила масса исследовательских работ, особенно те, в которых выполнить ее не так проблематично, как в большинстве стран континента. Кения — одна из таких легких стран. Общаться с населением, слишком знакомым с исследовательской деятельностью, проблематично, потому что: (а) многие точно знают, что было бы приятно услышать исследователям, и стараются угодить, чтобы выпросить денег или услугу, а (б) другие отказываются от участия, потому что за последние 15 лет исследователей прошло много, а улучшений в жизни страны/города/деревни практически не было. Совсем.

Подозрительное или испуганное население — в бедных районах насильственные преступления и криминальные таланты явление типичное. Нередко местные жители принимают исследователей за преступников разного рода и либо прячутся от них, либо устраивают засады на исследователей, вынуждая их прибегать к услугам полиции.

Трения между отдельными группами на политической почве или в силу племенных различий. В некоторых странах социологические исследования ассоциируются с историческими разногласиями, особенно в странах, где политика перекликается с племенной общественной иерархией (Кения). В таких странах население обычно настроено агрессивно-негативно к любым попыткам сбора каких бы то ни было данных, поскольку видит в исследователях правительственных шпионов либо пособников конкурирующей политической партии (Сомали).

Внутренняя и международная миграция населения. В большинстве африканских стран население находится в процессе постоянной, непрекращающейся миграции. Сельское население переезжает в города в поисках лучшей жизни, городское — из одного района в другой в поисках статусного жилья (подешевле или подороже в зависимости от социоэкономического статуса/класса). В сезон дождей люди едут из низин на холмы, во время посева — с холмов в низины. В странах, где легализована полигамия, мужья кочуют от дома одной жены к дому

другой. Отслеживать респондентов в панелях иногда не просто сложно, практически невозможно (Кения).

Разнообразие культур и культурных особенностей очень велико даже в пределах одной страны, например, в Кении более 40 племен, в каждом из них может быть до 40 подплемен, причем каждое со своим наречием. В разных странах забота о ребенке до 5 лет осуществляется разными членами семьи, и исследования, связанные с вакцинацией, часто буксуют из-за того, что исследователи не понимают, кто в семье принимает решение о прививках малышу.

Инфраструктура

Существует огромное количество разнообразных проблем, связанных с инфраструктурой. Наиболее типичны проблемы, связанные с отсутствием дорог, климатическими условиями (сезон дождей), отсутствием опытных сборщиков данных, множественными разговорными наречиями и диалектами, отдаленностью населенных пунктов, отсутствием электричества (невозможно зарядить электронные устройства сбора данных) и т. д.

Нет ни одной страны, в которой препятствие для работы социолога было бы одно — в большинстве социолога ждет букет проблем, причем многие из них нельзя решить теми же путями, какими они решаются в Европе или США. Таким образом, работа социолога в Африке помимо хرابрости и любопытства требует гибкости, ума и терпения.

Информация об авторе

Мирзоянц (Мак-Найт, McKnight) Анастасия, д. с. н., директор по исследованиям на территории Союза Восточно-Африканских стран (Кения, Танзания, Уганда, Руанда, Бурунди) компании Well Told Story (США), Найроби, Кения, mirzoyantsa@intermedia.org

МИНИМИЗАЦИЯ РИСКОВ ПРИ РАБОТЕ ПО ПРАВИЛАМ. ПОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ОПАСНОЙ СРЕДЕ

Р. С. Могилевский

Агентство социальной информации, Санкт-Петербург, Россия

Работа социолога над проектом в условиях, когда ему оппонировать не только коллеги по цеху, но и любые стейкхолдеры, которым не безразличны результаты, осуществляется в опасной среде. Как правило, сразу после опубликования новых результатов возникают дискуссии, особенно если речь идет об изучении общественно значимых актуальных проблем, репрезентацию которых осуществляют различные группы интересов, и, в первую очередь, об электоральных, политических и иных общественно значимых проблемах. Среди заинтересованных участников дискуссий — профессионалы в смежных областях науки и прикладного знания, журналисты, блогеры, политические и гражданские активисты, предприниматели и многие другие. Критической оценке подвергаются, подчас, не только основные выводы, но и способы их «производства», условия работы, инструменты изучения, методология, надежность измерений, если речь идет о так называемых количественных исследованиях. В этом нет ничего удивительного. Исследования, и в первую очередь опросы мнений, едва ли не единственный инструмент человеческого измерения качества внутренней и внешней политики государства, успешности экономического развития, роли и места гражданских институтов в принятии общезначимых решений, в оценке условий и качества жизни людей. Отсюда понятен непрекращающийся интерес общественности к обоснованности, достоверности и надежности результатов, к качеству инструментов, используемых для получения надежного и релевантного результата. Для того чтобы этот диалог был продуктивным, приводил к полезным результатам следует договориться о принципах, правилах и требованиях, которые должны следовать социологи при проведении своей «работы» и их оппоненты при ее оценке. Надо заметить, что действующие в РФ профессиональные кодексы, регулирующие деятельность всех лиц, вовлеченных в процесс «производства» социологического знания, устарели, а система профессиональных стандартов в отношении ключевых требований к процедуре по большей части не разработана. Отсюда сложности идентификации результатов работы как надежных, достоверных или обоснованных или ненадежных, недостоверных и необоснованных, а также опасных или безопасных.

В фокусе особого внимания общественности находятся вопросы правил и требований к лицам, организующим опросы мнений, нормам,

регулирующим их коммуникациям с лицами, вовлеченными в опрос, к поведению лиц, комментирующих *ex officio* полученные результаты, вообще к оправданности и обоснованности публикации тех или иных данных. Мне не кажется правильным отвечать на вопросы и комментарии непрофессиональных участников дискуссии, руководствуясь принципом «сам дурак», или, упрекая их в незнании основ ремесла, чем подчас грешат профи. Во-первых, это мешает адекватно оценить аргументы оппонентов и извлечь пользу из возможного обогащения смыслов осуществляемой полстерами работы или исключить ошибки, а во-вторых, это мешает убедить оппонента в собственной правоте. Надо напомнить, что опросы мнений имеют двоякую природу: коммуникативную и когнитивную. Как правило, у специалистов, чаще всего, обсуждению подвергается когнитивная сторона дела: для оценки качества опроса используется различные «аппараты» или подходы к анализу. В меньшей степени критике подвергаются этические стандарты, правила и ограничения, регулирующие процедуру проведения опросов, коммуникации участников. Мои оценки качества опросов и надежности аргументов оппонентов строятся на признании важной роли, которая принадлежит широкой общественности, особенно когда речь идет о тестировании важных политических и экономических событий, о выборах или иных акциях, сопровождаемых массовыми анкетными опросами. Представители непрофессиональной среды часто упрекают полстеров в плохих результатах измерений, основываясь на предположении ангажированности или иных моральных дефектах его работы.

Соглашаясь во многих случаях с оценкой общественностью работы профи, я предположил существование ряда возможных причин, обуславливающих намеренные искажения или ошибки измерения, или неточные прогнозы. Я бы обратил внимание, в частности, на следующее:

Первая группа — наиболее очевидная — состоит в констатации влияния чрезмерной аффилированности полстеров с заказчиками работ, их интересами и намерениями. Прежде всего речь идет о представителях власти, лицах, работающих в избирательных штабах, предпринимателях и иных стейкхолдерах. Явно или не явно, но это может негативно сказываться на процедуре и результатах работы социологов (результатах измерения, дизайне инструмента, опросном контенте, выборе инструментов опроса, манипуляциях с выборкой и др.).

Вторая — состоит в использовании устарелых или чаще нерелевантных процедур и методов опроса. Так, индустриальный метод производства рейтингов и прогнозируемых показателей годен для ситуаций с низкой волатильностью. Для сложных или подвижных ситуаций используются другие процедуры. Например, в случаях электоральных опросов про-

гнозировать исходы на основе разовых расчетов средних показателей популярности кандидатов среди избирателей затруднительно. Делать на их основании выводы о результатах голосования следует с крайней осторожностью. Обычно, точный электоральный прогноз предполагает знание того, какой будет явка избирателей (структура и объем), будут ли использованы в ходе кампании большие фальсификации, включая возможность сговора корпоративных полстеров или политтехнологов и лиц, администрирующих выборы, каким будет выбор «избирателей последнего дня», практически делающих выбор на участке в момент голосования, каким будет выбор тех, кто намеренно, в силу определенных политических или психологических резонансов давал неискренние ответы на вопросы об электоральных предпочтениях (эффект Брэдли) и некоторые другие знания. Если исключить возможность больших фальсификаций, хорошие результаты прогнозирования дали бы рекомендуемые американскими специалистами (см. Б. Хэмилтон и Д. Битти) волновые опросы, осуществляемые на завершающей стадии кампании, ежедневно с сотней или более интервью с обновлением выборки после каждой волны слежения, проводимой, как правило, несколько вечеров подряд. Считается, что, по крайней мере, в отношении электорального выбора «избирателей последнего дня» такие опросы дают хорошие результаты. Эта методология пригодна во всех случаях, когда требуется осуществить прогноз исхода какой-либо кампании или успешность действий какого-либо лица.

Третья группа причин состоит в том, что до сих пор опросные практики не стали настоящим бизнесом, поллтеры действуют как советские заводы, ориентируясь в основном на госбюджет и госзаказ. Отсутствует конкурентная среда, и справедливая (рыночная) оценка качества. Высокий уровень монополизма, проявляется абсолютное доминирование небольшого числа компаний. В составе заказчиков доминируют государственные или аффилированные с государством структуры. Согласно законодательству работы (включая исследования и опросы мнений), финансируемые по госконтрактам из бюджетных источников, осуществляются организациями на условиях конкурса. Выполнение работ государственный заказчик передает организации, предложившей лучшие по сравнению с другими участниками условия выполнения работ. Ничто не является основанием для выполнения работ конкретной организацией кроме победы в конкурсе. Само собой разумеется, не может являться таким основанием мнение или желание того или иного государственного деятеля, как бы высоко он не стоял в иерархии государственных лиц. Между тем это требование подчас игнорируется. Впрочем, можно предположить, что имеются какие — то подзаконные акты, определяющие возможность привлечения исполнителя работ вне конкурсной процедуры. В этом случае организа-

торы конкурса должны оповестить общественность и профессиональные круги о существовании, содержании и способах принятия (легитимности) подобных актов, а так же на основании чего была использована исключительная, а не общая юрисдикция. Также обращает на себя внимание, что действующая процедура проведения работ по госзаказу, откуда полстеры черпают основную часть финансовых ресурсов, не стимулирует высокого качества исследований. Законодатель при выборе исполнителей руководствуется, прежде всего, критерием цены, практически закрывая глаза на требования должного качества. Основным критерий получения исполнителем работы — цена, а отнюдь не качество.

Четвертая группа причин состоит в неточном (сознательно наведенном или случайном) определении объекта опроса, когда при данном выборе круга опрашиваемых лиц заказчик не получает необходимый ему ответ или получает «нужный» ответ или получаемый ответ не позволяет выбрать правильное решение или ответить на важный вопрос. Так, предпринятая ВЦИОМ по заказу властей попытка определить, есть ли необходимость включать в контракт о поставке газа в Крым указание на принадлежность территории поставки тому или иному государству, с нашей точки зрения была ошибочной. Дискуссионным являлся выбор предмета опроса: одно государство (Украина) полагало, что энергоносители будут поставляться в пределах своей территории и требовало отразить это в контракте, а другое (Россия) — противилось этому, полагая, что поставки осуществляются на принадлежащую ей территорию. Если цель опроса состояла в выяснении мнения граждан о возможности указания в контракте на статус территории поставки, то следовало бы провести выборочный опрос всех граждан, чьи экономические и политические интересы, а также параметры качества жизни существенно затрагиваются поставками электроэнергии, включая граждан Украины, России и отдельных регионов этих стран, а не только проживающих на территории Крыма.

Пятая группа предполагает оценку возможности проведения опроса в условиях действующего политического режима и актуальных обстоятельств общественной жизни, которые могут позволять или не позволять социологам, использовать массовые анкетные опросы, и при этом получать надежные и достоверные выводы. Лояльный к работе полстера режим можно было бы назвать — «режимом тишины». По мнению российских и международных специалистов (в России это обстоятельно обосновывал один из отцов-основоположников опросной методологии В.А. Ядов), профессиональные стандарты запрещают проведение опросов под административным давлением, в условиях, как сейчас бы сказали, «негативно обогащаемого общественного мнения», пропагандистских и иных целенаправленных информационных и организационных кам-

паний, а также в зонах разного рода актуальных военных конфликтов, социальных, природных и техногенных катаклизмов, способных создавать сильные, но не устойчивые настроения и мнения *ad hoc*, с которыми респонденты перестают считаться, сразу, как только прекращается опрос.

Наконец, шестая группа указывает на недопустимость игнорирования профессиональных и этических норм, содержащихся в профессиональных кодексах социологов или выработанных деловой практикой. Кроме известных этических нарушений, мы бы обратили внимание на новые. Так, формулировка второго вопроса из известного опросника ВЦИОМ, посвященного поставке энергоносителей в Крым, содержит запрещенную диспозицию. В диспозиции второго вопроса в целях стимулирования «вопрос — ответной» коммуникации (уровня активности и характера ответов респондента) содержались обещания и намерения предоставить блага, распределение которых не находится в компетенции организатора опроса. Выполнение или невыполнение этих обещаний переносит ответственность с лиц, в действительности производящих или распределяющих блага, на социолога, который вряд ли способен гарантировать выполнение административных или хозяйственных обещаний, но при этом, совершенно необоснованно, принимает на себя ответственность за исправление ситуации с поставкой электроэнергии в определенное время и в определенное место. Это может оказывать значительное влияние на достоверность информации, на уровень доверия респондентов и согласие сотрудничать с лицами, проводящими опрос.

По нашему мнению, профессиональному сообществу стоило бы выработать адекватные рекомендации, минимизирующие возможности использования в исследованиях мнений запрещенных приемов, снижающих эффективность и качество опроса, обсудить весь спектр проблем и выработать необходимые решения. Вообще мне кажется, что к опросам общественного мнения сейчас следует применять те же нравственные требования, что и к разработке и применению любой другой опасной для людей технологии, например, к некоторым видам исследований в области биологии, биофизики или биохимии. Во многих случаях специалистам следует обсудить, использовать ли опросные технологии в определенных общественных обстоятельствах (или определенным образом), когда есть опасность, что они будут использованы во зло, для целей, далеких от поиска истины и предотвращения социальных катастроф. Следует ли накапливать, анализировать и распространять информацию, полученную в ходе опросов, если последствия этого могут привести к укреплению опасных режимов, к рискованным политическим экспериментам, к агрессивным противостояниям и конфликтам. Речь в таких случаях может идти о достижении согласия специалистов об отказе или исключительно

лабораторном изучении (применении) тех или иных опросных технологий и о допустимости распространения информации, основанной на их применении. Кроме того, должен подвергаться практической и методической оценке уровень достижимости валидного результата с точки зрения прямых рисков и затрат. Допускаю, что чрезмерно высокий уровень предполагает отказ от выбранного метода изучения и поиск иных подходов к исследованию.

Информация об авторе

Могилевский Роман Семенович, к. ф. н., научный руководитель Агентства социальной информации, Санкт-Петербург, Россия, romanmogilevsky@mail.ru

ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ВЪВ ОЭСР И ЕС

В. И. Мукомель

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются основные подходы к измерению интеграции мигрантов, принятые в Европейском союзе (ЕС) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), принципы выделения индикаторов интеграции и их измерения на основе «Индекса миграционной политики» — MIPEX. В последнее время методологии ОЭСР и MIPEX, базирующиеся на схожей идеологии, сближаются. В 2010 г. была предпринята попытка использовать индекс интеграции MIPEX применительно к России.

Ключевые слова: мигранты, измерение интеграции, индекс миграционной политики (MIPEX), ОЭСР, ЕС

Попытки измерить интеграцию мигрантов и поиск индикаторов интеграции наиболее интенсивно велись в Европейском союзе (ЕС) с 1990-х гг. В 2004 г. были предложены принципы выделения индикаторов интеграции и предпринята попытка их измерить на основе предложенного «Индекса миграционной политики» — MIPEX [1]. В 2010 г. эти подходы к измерению интеграции были зафиксированы министрами стран ЕС в Сарагосской декларации и утверждены индикаторы интеграции (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые индикаторы в ЕС, Сарагосская декларация, 2010

Области политики	Индикаторы
Занятость	<p>Ключевые индикаторы:</p> <p>Уровень занятости Уровень безработицы Уровень экономической активности</p>
Образование	<p>Ключевые индикаторы:</p> <p>Наивысший уровень образования (доля населения с третичным, вторичным и первичным (или ниже) образованием) Доля учащихся с низкими показателями в чтении, математике и точных науках среди 15-летних Доля лиц в возрасте 30—34 года с третичным образованием Доля лиц, рано оставивших учебу</p>

Области политики	Индикаторы
Социальная включенность	<p style="text-align: center;">Ключевые индикаторы:</p> Медианный уровень дохода — медианный чистый доход мигрантского населения в пропорции к медианному чистому доходу всего населения Коэффициент риска бедности — доля [мигрантского] населения с доходом менее 60 % от национального уровня доходов Доля населения, считающего состояние своего здоровья хорошим или плохим Соотношение владельцев недвижимости и не владеющих недвижимостью среди мигрантов и всего населения
Активное гражданство	<p style="text-align: center;">Ключевые индикаторы:</p> Доля мигрантов, получивших гражданство Доля иммигрантов, имеющих постоянное или долгосрочное разрешение на проживание Доля иммигрантов на выборных должностях [на местном уровне]
Источник: [2].	

Сарагосская декларация обозначила подход, базирующийся на статистике и регулярных обследованиях и в дальнейшем активно реализуемый ОЭСР*. ОЭСР анализирует положение различных социально-демографических групп мигрантов и их потомков в сравнении с местным населением, фиксируя расхождения в социально-экономических достижениях и обозначая возможные направления вмешательства для национальных акторов. В 2012 г. ОЭСР опубликовала доклад, базирующийся на идеологии Сарагосской декларации [3].

В 2015 г. ОЭСР и Европейская комиссия представили совместную публикацию, в которой впервые сравнивались все страны ЕС и ОЭСР по интеграции иммигрантов и их детей посредством 27 показателей, характеризующих занятость, образование и навыки, социальную интеграцию, гражданское участие и социальную сплоченность [4].

Одновременно развивался и подход, предложенный ранее и реализуемый в MIPEX — концептуально схожий по анализируемым сферам, но ориентированный на иной объект — анализ эффективности политики на основе действующего законодательства. Еще одно различие: если ОЭСР к мигрантам относит родившихся за границей, включая имеющих гражданство страны проживания, то MIPEX ориентирован исключительно

* ОЭСР в качестве ключевых индикаторов интеграции (сфер интеграции) выделяет распределение доходов, жилье, здравоохранение, образование, рынок труда, дискриминацию, гражданскую вовлеченность (под последней понимается правовой статус мигранта на пребывание/проживание в стране, участие в выборах) [3].

на иностранных граждан. В основе индекса MIPEX — не количественные характеристики, а качественные экспертные оценки по 167 индикаторам. В настоящее время MIPEX включает восемь следующих направлений: доступ к рынку труда, долгосрочное пребывание, воссоединение с семьей, образование, участие в политической жизни страны, доступность здравоохранения, доступность гражданства, защита от дискриминации. Каждое из направлений разбивается на несколько уровней, оцениваемых в баллах. В дальнейшем высчитывается средний балл по каждому из направлений и агрегированный страновой индекс*. В табл. 2 представлен фрагмент из одного индикатора анкеты MIPEX.

В 2010 г. была предпринята попытка использовать индекс интеграции MIPEX применительно к России. Согласно полученным результатам, в рейтинге стран на тот момент Россия оказалась бы в середине списка [5].

В последнее время методологии ОЭСР и MIPEX, базирующиеся на схожей идеологии, сближаются. Евростат с 2015 г. намерен ежегодно публиковать доклады по интеграции мигрантов, сочетая количественные и качественные оценки. В российской ситуации при скудности статистической информации, не позволяющей мониторить ситуацию, базируясь на объективной информации на федеральном и, тем более, региональном уровне**, более уместно ориентироваться на подход, реализуемый MIPEX.

Особого внимания заслуживает тренд последних лет, когда при изменении интеграции подключаются индикаторы, характеризующие доброжелательность общества. К уже используемым индикаторам «опыт дискриминации», «доверие к публичным институтам», «чувство принадлежности [к принимающему обществу]» предлагается добавить индикаторы «общественное восприятие расовой/этнической дискриминации», «отношение общества к политическим лидерам из представителей этнических меньшинств» [9].

Большое внимание уделяется социальной сплоченности (social cohesion) как залого успешной интеграции мигрантов. Социальная сплоченность может быть оценена на основе информации, полученной с помощью социологических опросов: опросы мигрантов являются способом оценки воспринимаемых ими уровней дискриминации, а опросы принимающего населения — готовности общества к принятию мигрантов [4].

* Более подробно методику расчета MIPEX см.: [5, 6, с. 58—59]. В методике ОЭСР параметры по различным направлениям интеграции рассматриваются раздельно и, в отличие от MIPEX, не делается попытка их агрегирования.

** Идеология Сарагосской декларации может успешно реализовываться не только на национальном уровне, особенно в федеративных государствах [8].

Таблица 2. Фрагмент анкеты MIPEX. Ключевой вопрос: «Имеют ли иностранцы, легальные резиденты, сопоставимые с гражданами трудовые права и возможности доступа к рабочим местам, а также повышения квалификации?»

Измерения политики	Индикаторы	Субиндикаторы	Описание	Опция 1 (100)	Опция 2 (50)	Опция 3 (0)
Доступность рынка труда			Имеют ли легальные трудовые мигранты и члены их семей возможность доступа и изменения работы во всех секторах подобно гражданам?			
	Доступ в частный сектор		Доступ в частный сектор: Иностранные граждане имеют такие же возможности занятости в частном секторе, как граждане?	Да. Нет никаких дополнительных ограничений, кроме, которые основаны на раз-решении на проживание	Другие ограничительные условия, применяемые к иностран-ным ре-зидентам, например, лингвистическое тестиро-вание (по-жалуйста, укажите)	Отдельные сектора и занятия исклю-чительно для граждан (пожа-луйста, укажите)
Источник: [7].						

Список литературы

1. Niessen J. Producing and using indicators and indices in migration policy field // Migration Policy Practice. 2015, February-March. Vol. V. P. 17—21.
2. Conclusions... 2010. Conclusions of the Council and the Representatives of the Governments of the Member States on Integration as a Driver for Development and Social Cohesion. Council of the European Union. Brussels, 4 May 2010. 9248/10. P. 17.
3. OECD. 2012. Settling In: OECD Indicators of Immigrant Integration [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing. 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264171534-en> (дата обращения: 17.02.2016).

4. *OECD/European Union. 2015. Indicators of Immigrant Integration 2015 : Settling In* [Электронный ресурс]. Paris : OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264234024-en> (дата обращения: 17.02.2016).
5. Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, № 479—480, 26 сентября — 9 октября 2011. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php> (дата обращения: 17.02.2016).
6. Выхованец О. Д., Прохорова А. В., Савинкова Ю. К. и др. Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М. : Фонд «Наследие Евразии», 2014.
7. *Migrant Integration Policy Index 2015* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mipex.eu/download-pdf> (дата обращения: 17.02.2016).
8. *Integration Report of Hessen. An Empirical Analysis of Integration*. Wiesbaden : Ministry of Justice, for Integration and Europe of the State of Hessen, 2013.
9. *Huddleston Th., Niessen J., Tjaden J. D. Using EU Indicators of Immigrant Integration. Final Report for Directorate-General for Home Affairs*. Brussels: European Commission, 2013. P. 73.

Информация об авторе

Мукомель Владимир Изявич, д. с. н., главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН, Москва, Россия, mukomel@isras.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ КРОСС-РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВ ЭТНИЧЕСКОГО «ДРУГОГО» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

Д. А. Омельченко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Представлены результаты исследования, проведенного сотрудниками факультета социологии Алтайского государственного университета с целью изучения образов этнического «другого». География проекта включала четыре приграничных региона: Алтайский край, Республика Карелия, Амурская область, Еврейская автономная область. На данном этапе исследование позволило выявить смысловые инварианты, используемые для формирования образов этнического «другого», релевантные для каждого региона.

Ключевые слова: идентичность, образ «другого», межэтнические отношения, общественное сознание, фрейм, корреляционный анализ, факторный анализ

Актуальная ситуация в мире характеризуется нарастанием межэтнической напряженности и конфликтов, обусловленных борьбой за обретение государственности и суверенизации этнонациональных и религиозных групп, затронувшей все страны и континенты, независимо от их уровня экономического развития; сложно контролируемые и слабо прогнозируемые потоками нелегальных мигрантов и беженцев, ставших одними из главных вызовов последнего времени для европейского сообщества, внешнеполитическими и внешнеэкономическими угрозами, в большей степени характерными для современной России. В подобных условиях исследования категориальных структур общественного сознания, опосредующих процессы национальной и гражданской самоидентификации, приобретают особую остроту и связь с национальными интересами государства, необходимостью повышения эффективности национальной политики, обеспечения межнационального мира и согласия.

Образ этнического «другого» представляет собой сформированный в общественном сознании фрейм, посредством которого индивиды регулируют свое поведение и ожидания от людей разных национальностей, сравнивают и оценивают их представителей. Формируемый в результате коммуникативных процессов, осуществляемых с помощью различных средств объективации и закрепления, этот образ преломляется сквозь

жизненный опыт индивидов и установки, разделяемые различными социальными группами.

С целью изучения образов этнического «другого» сотрудниками факультета социологии Алтайского государственного университета (исследовательский коллектив под руководством проф. С. Г. Максимовой) проведено исследование, основанное на теоретическом базисе теории социальных репрезентаций [1, 2], экспериментальной психосемантики [3, 4] и социальном конструкционизме как общем эпистемологическом подходе.

В качестве инструментария использован опросник, разработанный на базе модифицированных техник семантического дифференциала и техники репертуарных решеток, — включающий десять объектов для оценивания: «Русские», «Европейцы», «Азиаты», «Славяне», «Народы Кавказа», «Народы Средней Азии (казахи, узбеки, таджики и т. д.)», «Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего востока», «Мигранты», дополненных двумя референтными позициями: «Народ, дружественный моему народу» и «Народ, враждебный моему народу», оцениваемых по биполярным семибалльным шкалам, представляющим когнитивный, оценочный и поведенческий компоненты традиционной структуры социальной установки. География проекта включала четыре приграничных региона: Алтайский край, Республика Карелия, Амурская область, Еврейская автономная область. В каждом регионе опрошено 100 респондентов в возрасте 15—75 лет.

В результате корреляционного анализа были выявлены общие семантические ассоциации ролевых позиций в регионах. Во всех территориях «Русские» положительно коррелировали с позициями «Славяне» ($r \approx 0,9$) и «Народ, дружественный моему народу» ($r \approx 0,9$), и отрицательно — с позицией «Народ, враждебный моему народу». Позиция «Европейцев» положительно коррелировала с позицией «Азиаты» ($r \approx 0,6$) и «Народ, враждебный моему народу» ($r \approx 0,6$) (кроме Республики Карелия и Амурской области), наглядно иллюстрируя возникающие на фоне массивной информационной атаки на население стереотипы.

Ролевая позиция «Азиаты», кроме уже упомянутой корреляции с «Европейцами», имела сходный профиль оценок и, следовательно, большую взаимосвязь с позициями «Народы Средней Азии» ($r \approx 0,8$) и «Мигранты» ($r \approx 0,8$), а также с позициями «Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего востока» ($r \approx 0,7$) и «Народы Кавказа» ($r \approx 0,6$). Позиция «Народы Кавказа» в трех регионах из четырех (кроме Республики Карелия) оказалась взаимосвязана с «Народом, враждебным моему народу» (максимально $r=0,9$ в Амурской области). Между полярными референтными позициями «Народ, дружественный моему народу» и «Народ, враждебный моему народу» существовала сильная

и статистически значимая отрицательная взаимосвязь ($r \approx 0,7$). Наличие стойких семантических связей между ролями предполагало общие основания для их категоризации. В результате факторного анализа, проведенного на общей выборке агрегированных данных, было выделено три значимых фактора, описывающих 59,0; 20,3 и 13,6 % дисперсии переменных (в совокупности 92,9 %).

В первый фактор ($\lambda = 13,0$) со значительными нагрузками ($\alpha > |0,6|$) вошли переменные, описывающие процесс восприятия образа этнического «другого», его стратегий поведения, обуславливающих исходящие от него опасность/безопасность, возможности выстраивать конструктивные взаимодействия, что во многом определялось ментальным сходством, особенностями национального характера как присущего большинству представителей национальности личностных черт и качеств, характером взаимоотношений. Смысл, заложенный дескрипторами положительного и отрицательного полюса, позволял обозначить этот фактор как фактор общей оценки, детерминирующей положительное или отрицательное восприятие этнических позиций.

Второй фактор ($\lambda = 4,5$) являлся фактором социально-экономического положения и культурного развития, на одном полюсе которого располагались дескрипторы, ассоциируемые с благосостоянием и высоким уровнем развития технологий, образования и культуры, вызывающие восхищение и зависть, тогда как другой полюс отражал противоположные тенденции — консерватизм, сопряженный со слабой дисциплиной и организованностью, низкий уровень образования и культуры, бедность.

Положительный полюс третьего фактора ($\lambda = 3,0$) описывался такими характеристиками, как практичность и рациональность, толерантность, ответственность и дисциплинированность. Отрицательный полюс был задан противоположными по смыслу параметрами — чрезмерной эмоциональностью и импульсивностью, отсутствием дисциплины. В целом, данный фактор раскрывал особенности современных западных или традиционных восточных цивилизационных культур и соответствующих типов ментальности (рациональной западной и преимущественно интуитивной и эмоциональной восточной).

На данном этапе исследование позволило выявить смысловые инварианты, используемые для формирования образов этнического другого, релевантные для каждого региона (содержание выделенных факторов). Задачи следующих этапов состоят в исследовании вариативных компонентов, определяющих своеобразие отношения жителей приграничных регионов к этнокультурному своеобразию, влияние территориальной, региональной специфики в единстве ее социально-экономических и социокультурных составляющих, на основе изучения факторной инвари-

антности, которое, в случае ее доказательства, позволит осуществлять более адекватное математико-статистическое сравнение регионов, поиск закономерностей, обуславливающих вариации оценок социально-демографических групп.

Благодарность. Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций образа „другого“» (2014—2016).

Список литературы

1. *Arruda A.* Image, social imaginary and social representations // Sammut G., Andreouli E., Gaskell G. and Valsiner J., (eds.) *The Cambridge Handbook of Social Representations*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2015.
2. *Campos P.H.F., Rouquette M.-L.* La dimension affective des représentations sociales : Deux recherches exploratoires // *Bulletin de Psychologie* 2000. № 53.
3. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005.
4. *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантическое исследование политического менталитета // *Общественные науки и современность*. 1994. № 6.

Информация об авторе

Омельченко Дарья Алексеевна, к. с. н., доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, omelchenko@edu.asu.ru

«Я НЕ ЖЕЛАЮ ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ С НЕ-ЕВРЕЕМ»: БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ТРУДНОДОСТУПНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУППАХ

Е. А. Островская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Для изучения закрытых этнорелигиозных сообществ эффективно применение метода биографического нарратива, успешность которого продемонстрирована долгосрочными исследованиями европейских социологов. Именно техники побуждения к нарративу позволили провести достаточно обширное изучение среды соблюдающего еврейства Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: этнорелигиозные группы, буддисты, соблюдающие евреи (иудеи), биографический нарратив, труднодоступные группы

В современной социологии религии в ее отечественном и зарубежном вариантах весьма популярны количественные опросы и качественные исследования по теме религиозности современных верующих. Эти апробированные и тщательно выверенные методики не только не приближают социологов к получению реальных знаний о религиозных группах, но в большинстве случаев попросту препятствуют даже постановке исследовательских вопросов. Например, зачем проводить изучение буддистов и иудеев, если они статистически малые, на вопрос о религиозной принадлежности могут ответить отрицательно и подчеркнуть «другое» в ответах по вопросам веры. Кроме того, эти мало предсказуемые ребята могут ведь и вовсе отказаться от контактов с социологом. А практические бонусы от изучения таких труднодоступных религиозных групп слабо конвертируются на рынках продаж социологического продукта.

Тем не менее, надо учитывать, что многие статистически малые этнорелигиозные группы являются членами разнообразных транснациональных и транслокальных сетей. Незримые и безучастные в локальном национальном контексте, они весьма активны в пространствах глобальных публичностей. К числу таких религиозных сообществ, исследование которых экономически не востребовано, а сами они невидимы для социологов, относятся этнические буддисты, буддисты конвертиты и соблюдающие евреи.

Этнические буддисты, вообще, мало и редко оказываются в фокусе политического и, тем более, социологического внимания. Разве что в связи с претензией на приглашение Далай-ламы XIV в буддийские ре-

гионы России — Калмыкию, Бурятию или Туву. Вот здесь, как правило, начинается спешное изыскание экспертных оценок «конфликтогенности ситуации» и замеров степеней напряжения со стороны администрации КНР. Незримая активность тибетских идеологов транснациональной буддийской сети может напомнить о себе неожиданными вывихами протестной активности буддистов из числа этнического мирянства.

Соблюдающие евреи представляют собой религиозные сообщества с дважды замкнутой системой кодовой защиты. Первая система — это доктринально фундированная закрытость от всех не-евреев, или гоев. Вторая — советский опыт многообразных мытарств и память о нем, передаваемая устно из поколения в поколение. Они не просто не нуждаются в том, чтобы стать объектом изучения, но даже слабый намек на подобную перспективу вызовет мгновенную консолидированную реакцию отторжения. И в этом моменте содержится отчетливый конфронтирующий месседж, получаемый интервьюером, но адресованный гоям и государству.

Если обратиться к религиозным евреям с просьбой о помощи в организации исследования этнической идентичности, истории, родословных и пр., то ответ будет однозначно положительным. Однако в случае заявки на интервью о религии, вере, соблюдении, празднованиях, молениях — всем том, что в этой среде обозначено емким «об этом», Вам, скорее всего, не просто откажут, но внесут Вас в список тех, «о ком следует разузнать поподробнее». Исследование этих парадоксальных моментов реагирования открывает враждебность и чужеродность, совершенно не считаваемые с рутинной лубочной поверхностью мнений о межнациональных отношениях применительно к указанным этнорелигиозным группам.

Именно для изучения таких закрытых, непрозрачных этнорелигиозных сообществ весьма плодотворно применение метода биографического нарратива. Исключительная успешность этого метода была продемонстрирована долгосрочными исследованиями европейских социологов. Речь идет о проектах, финансируемых организациями ЕС, по использованию биографического метода для изучения труднодоступных групп населения. Яркой иллюстрацией выступают, например, результаты проекта SOSTRIS (Social Strategies in Risk Societies) — «Социальные стратегии в обществах риска». Он интересен не только тематиками, но и конкретным методологическим результатом, каковым стал метод биографически-нарративной интерпретации (BNIM). Однако применительно к закрытым, труднодоступным религиозным сообществам этот метод применяется по-прежнему нечасто.

В случае моего исследования, применение биографического нарратива оказалось принципиальным решением проблемы «я не буду говорить

об этом с не-евреем». Именно техники побуждения к нарративу, инновации использования метода позволили провести достаточно обширное изучение среды соблюдающего еврейства Санкт-Петербурга.

Информация об авторе

Островская Елена Александровна, д. с. н., профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e.ostrovskaya@spbu.ru

УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ЕВРОМАЙДАНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. И. Ромащенко

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Черкассы, Украина

Аннотация. Отношения между Украиной и Россией в течение многих лет оставались плохо управляемыми и, как следствие, трудно прогнозируемыми. Исследуется динамика развития украинско-российских отношений на основании данных социологических опросов, проводившихся в 2013—2015 гг. в обоих государствах.

Ключевые слова: Евромайдан, аннексия Крыма, конфликт на Донбассе, украинско-российские отношения

Украинско-российские отношения — процесс динамический, на него влияют идеологические, политические, экономические факторы. Одним из таких факторов стал Евромайдан и его последствия.

В последний «домайданный» период, по данным социологического опроса Киевского международного института социологии и «Левада-Центра»*, в Украине и России большинство опрошенных хотели бы, чтобы обе страны были независимыми, но дружественными государствами — с открытыми границами, без виз и таможен. Более изолированных отношений между Украиной и Россией — с закрытыми границами, визами и таможенными — в России и Украине хотели одинаково — 13% опрошенных. Объединения в единое государство в России желали 18% респондентов, в Украине — 16%.

Хорошее отношение украинцев к России продемонстрировали 85% (по опросу в сентябре 2012 г. — 83%). Также несколько уменьшилась доля плохо настроенных к России — с 11 до 8%. 7% опрошенных не смогли ответить на вопрос. Соответственно, количество положительно настроенных по отношению к Украине составляло в России 74%, негативно — 18%, не смогли ответить на вопрос 10%.

Исследование было проведено с 8 по 17 февраля 2013 г. Методом интервью опрошены 2032 респондента, проживающие во всех областях Украины (с городом Киевом включительно) и в АР Крым, по стохастической выборке, репрезентативной для населения Украины в возрасте от 18 лет. Исследование Левада-Центра, репрезентативное для взрослого

* Интересная деталь: эта исследовательская организация носит имя российского социолога и политолога Ю. А. Левады, родившегося в Винницкой области на Украине, где прошло его детство; дед Юрия был одним из основателей Винницкого медицинского института, а отчим, усыновивший его, — известный украинский советский писатель Александр Степанович Левада.

населения России, проводилось 18—21 января 2013 г. Опрошен 1601 респондент в возрасте от 18 лет в 127 населенных пунктах [1].

В связи с событиями на Майдане, взаимоотношения россиян с украинцами начали ухудшаться, но и здесь просматривается некоторая динамика. Начало Евромайдана и первые кровавые события на нем не имели существенного негативного влияния на отношение украинцев к России. По данным опроса КМИС в феврале 2014 г., почти 80 % украинцев хорошо относились к России, а негативно — только 13 %.

В январе 2014 г. похожая ситуация была и в России: 66 % россиян хорошо относились к Украине, а 26 % — негативно. Даже после аннексии Крыма и начала боев на Востоке в мае 2014-го в Украине еще хранился позитивный баланс отношения к России — 52 % на 38 %, хотя тогда опросы уже не проводили в Крыму, где традиционно сильны пророссийские настроения. В России же в мае негатив уже превзошел позитив — 49 % и 35 % соответственно.

Эскалация конфликта на Донбассе изменила баланс отношений. Впервые негативное отношение к России превзошло позитивное осенью в 2014 г., после Иловайского котла.

Хорошее отношение украинцев к России достигло исторического минимума в мае 2015 г., когда только 30 % опрошенных положительно высказались о России, а 56 % — плохо. В России такой минимум зафиксирован в январе 2015 г., когда 24 % положительно относились к Украине, а 63 % — негативно.

В связи с этим исследователи делают выводы: «За полтора года — с сентября 2013 г. до мая 2015 г. — мы видим, что позитивное отношение украинцев к России упало очень существенно: из сверх 80 % — к 30 %», — заявил руководитель КМИС В. Паниотто [2].

Согласно данным последнего исследования пула КМИС—«Левада-Центр» за сентябрь 2015 г., уровень отношения в обеих странах стабилизировался на приблизительно одинаковых показателях. В Украине 34 % положительно относятся к России, а 53 % — негативно. В России эти показатели почти такие же — 33 и 56 %.

На основании общих исследований украинских и русских социологов, делается вывод об очень интересных тенденциях последнего десятилетия, а также о том, что отношение украинцев к России было и остается лучше, чем россиян к Украине [2].

Определено также место России среди других государств в симпатиях украинцев — после проведенного опроса с целью обозначить отношение граждан к другим государствам. Организовала исследование социологическая группа «Рейтинг». Опросы провели во всех регионах Украины (за исключением Крыма, Донецкой и Луганской областей) с 10 по 30 июля

2015 г., с дополнительной выборкой в Одесской области. По случайной выборке опрошены 1200 постоянных жителей Украины в возрасте от 18 лет, имеющих право голоса. Статистическая погрешность не превышает 2,8%, а коэффициент досягаемости составляет 62,8%. В Одесской области по случайной выборке опрошены 665 постоянных жителей. Статистическая погрешность не превышает 3,8%, а коэффициент досягаемости — 61,8%.

Опрошенным предлагали выбрать вариант ответа (один из шести), характеризующий отношение к определенному государству: «очень теплое», «теплое», «нейтральное», «трудно ответить», «холодное», «очень холодное».

В рейтинге симпатий украинцев Россия заняла десятое место: 51% опрошенных относится к ней в целом холодно, лишь 16% — в целом тепло и 28% — нейтрально.

Этот опрос, на наш взгляд, интересен и с точки зрения сделанных выводов. К примеру, утверждается, что лучше всего украинцы относятся к Польше, ибо в целом теплое отношение к этой стране выразили 55% украинцев («очень теплое» — 13%, «теплое» — 42%), 38% — нейтральное и 3% в целом прохладно отнеслись к этому государству. Также 55% благосклонно относятся к Беларуси («очень теплое» — 12%, «теплое» — 43%), 38% — нейтрально, 2% — холодно. Оба результата при одинаковом количестве благосклонных (55%) и нейтральных (38%) различаются одним процентом: 1% «очень теплое» — в пользу Польши, но зато на 1% меньше «холодно» — в пользу Беларуси [3]. Возможно, более целесообразный вывод — что первое место в рейтинге симпатий украинцев практически разделили Польша и Беларусь.

И как вывод воспринимается мнение исследователей, прозвучавшее несколько лет ранее, в аналитическом докладе (Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины), подготовленном по плану выполнения научно-исследовательского проекта «Украина и Россия во взаимном общении и восприятии: украинцы о России и россиянах. Россияне об Украине и украинцах» (2008 г.): «Отношения между Украиной и Россией, невзирая на их масштабность и интенсивность, имеют признаки неразвитых. В течение многих лет они остаются недостаточно упорядоченными, плохо управляемыми и, как следствие, трудно прогнозируемыми... Фактически они все еще остаются лишь поверхностно исследованными и такими, что недостаточно адекватно воспринимаются значительной частью политической элиты, а тем более — большинством граждан» [4].

Список литературы

5. *Ставлення українців до Росії краще, ніж росіян до України — соціологи // Українська правда. 2013. 1 квіт.*

6. *Українці vs росіяни: революція чи еволюція ставлення?* [Електронний ресурс] // *Новости*. 18 января 2016. URL: <http://gigamir.net/news/kyiv/pub2361679> (дата обращения: 12.02.2016).

7. *Соціологи* дослідили ставлення українців до інших держав [Електронний ресурс] // *Тиждень*. 2015. 26 серпня. URL: <http://tyzhden.ua/News/144532> (дата обращения: 12.02.2016).

8. *Дергачов О. П., Горєлов М. Є., Макєєв С. О. и др.* Україна і Росія у взаємному спілкуванні і сприйнятті: українці про Росію та росіян. Росіяни про Україну і українців»: суспільно-політичні чинники розвитку стосунків між Україною та Росією [Електронний ресурс]. URL: <http://www.ipiend.gov.ua/?mid=121> (дата обращения: 12.02.2016).

Информация об авторе

Ромашенко Людмила Ивановна, д. ф. н., профессор кафедры украинской литературы и компаративистики Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого, Черкасы, Украина, lirrom5@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Г. В. Рябцовский, Т. С. Болховитина

Брянский филиал РАНХиГС, Брянск, Россия

Аннотация. Проведен научный анализ программно-политического дискурса ведущих российских парламентских партий по отношению к государственной национальной политике. Для анализа выбраны четыре политические партии, представленные в Государственной Думе Федерального Собрания России, а также статья В. Путина «Россия: национальный вопрос». Из политической риторики выделены ключевые факторы. Предложенный инструмент анализа содержания государственной национальной политики может быть использован как универсальная методика оценки предлагаемых для реализации федеральных и региональных программ, концепций, стратегий и мероприятий.

Ключевые слова: национальная политика, государственная власть, этническая идентификация, гражданская нация, политический дискурс, партии, контент-анализ

В разные периоды истории России государственная власть формировала различные модели межнациональных и межконфессиональных отношений. Кроме этого, само российское общество, уникальное своим этническим разнообразием, накопило богатый опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов и этносов, отличающихся по своей культуре, языку, расе, традициям, истории, религии, на века сохраняя этот цивилизационный багаж. Вместе с тем система государственного регулирования межнациональных отношений не всегда была идеальна.

Основатель социологии О. Кон [1] утверждал, что пока отдельные умы не примкнут единодушно к некоторому числу общих идей, на основании которых можно построить общую социальную доктрину, народы, несмотря ни на какие политические паллиативы, по необходимости останутся в революционном состоянии, и будут вырабатывать только временные учреждения. Тем самым этническая идентификация сразу же выступает границей этнического расслоения. Формируется устойчивая установка общества на подсознательное недоверие ко всему чужому — идеологическому, политическому, конфессиональному или этническому. Это связано еще и с тем, что, конечно же, в последнее десятилетие наблюдается глубокое социальное и имущественное расслоение, как в целом по стране,

так и в отдельных регионах, особенно в этнических территориях. Поэтому эффективность национальной политики зависит не столько от того, насколько власть и общество заинтересованы в сохранении этнической идентичности и защите интересов населяющих страну народов, но также и от того, насколько эффективно гражданская российскость будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью, и т. д. [2], как они внесут свой вклад в создание общего духовного и культурного пространства, в формирование объединяющих нас ценностей и традиций.

В этом контексте вызывает интерес проведение научного анализа программно-политического дискурса ведущих российских парламентских партий по отношению к государственной национальной политике, чтобы выделить ключевые факторы из политической риторики. Такой анализ крайне необходим, в частности, для выявления причин смещения целей и задач Концепции миграционной политики до 2025 г., целей и задач Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. Через контент-анализ партийно-политических документов и выступлений лидеров парламентских партий можно выявить все стороны государственно-политического дискурса по проблемам национальной политики в Российской Федерации [3].

Для анализа выбраны четыре политические партии, представленные в Государственной Думе Федерального Собрания России, а также статья В. Путина «Россия: национальный вопрос».

В целях объективности исследования и приведения выборочной совокупности результатов контент-анализа статьи В. Путина к выборочной совокупности данных контента парламентских политических партий на официальных сайтах, была использована методика направленного количественного выявления единиц анализа, которыми могут быть обобщенные тематические слова или словосочетания агрегированные в компьютерно-лингвистическом комплексе WordStat 6.1.1. QDA Miner v4.0.

Далее, применяя встроенные в программу процедуры, на основе соотношения положительных и отрицательных оценок, суждений, аргументов, относительно избранной позиции находим коэффициент Яниса [4], предназначенный для вычисления превышения числа положительных оценок над числом отрицательных или наоборот:

$$C = \frac{f_2 - fn}{rt}, \text{ для случая, когда } f > n \text{ (1),}$$

$$C = \frac{fn - n^2}{rt}, \text{ для случая, когда } f < n \text{ (2),}$$

где f — число положительных оценок;
 n — число отрицательных оценок;
 r — объем содержания текста, имеющего прямое отношение к изучаемой проблеме;
 t — общий объем анализируемого текста.

В частности, были определены две смысловые категории государственной национальной политики, к каждой из которых могло относиться несколько конкретных понятий: межнациональное согласие (нация; история; культура; дружба народов; цивилизация); межнациональные противоречия (гражданская нация; национализм, этнофобия; этноконфликты, миграция) (табл. 1).

Политическая партия «Единая Россия»

В предвыборной программе партии национальной политике посвящен лишь один абзац. Необходимо отметить, что гражданские ценности видятся опорной точкой политических воззрений партии на исследуемую область, при этом, делаются оговорки на необходимость поиска компромисса между гражданскими и так называемыми национальными ценностями, что характерно для официального дискурса в целом. Анализ контента программы и сайта партии показал, что в обозначенных хронологических рамках, по обозначенной тематике было опубликовано 28 материалов. Большинство, примерно 26 материалов, являются набором комментариев лидеров партии, руководителей различных организаций, региональных отделений и к статье В. Путина «Россия: национальный вопрос» [7].

Смысл всех комментариев сводится к позитивной оценке тезисов Президента России, что позволяет говорить о включении политического дискурса партии «Единая Россия» в поле официального дискурса власти и дискурса Президента В. Путина. Показателен и другой фактор: полноценная встречаемость термина «государственная национальная политика» составляет 989 материалов в ссылках на новости и нулевой процент в проектах партии. Встречаемость других базовых терминов на официальном сайте партии составляет: «русский» — 2075 раз; «нация» — 614 раз; «гражданская нация» — 142 раз; «народы России» — 2921 раз; «межнациональная рознь» — 76 раз; «дружба народов» — 178 раз; «цивилизация» — 190 раз; «ксенофобия» — 64 раз; «советский» — 2055 раз.

Политическая партия «Либерально-Демократическая Партия России»

Традиционно ЛДПР отличается от других парламентских партий достаточно жесткой националистической риторикой, лавируя на гранях экстремизма и великодержавия с явной апелляцией к русскому большинству. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется во время предвыборных

кампаний и во время выступлений ее лидера В. Жириновского. Лозунгом партии на выборах в Государственную Думу 2011 г. стало словосочетание «Мы за русских!». Анализ контента текста программы партии ЛДПР на этих выборах [8] и программы В. Жириновского на выборах президента Российской Федерации 2012 г. выявил, что категория «русский» употребляется 172 раза, «народ» — 85 раз (в основном, с эпитетами «русский», «наш»); «народы России» — 21 раз; «межнациональная рознь» — 13 раз; «дружба народов» — 20 раз; «советский» — 25 раз. Реже употребляются категории: «цивилизация» — 0 раз; «ксенофобия» — 5 раз; «гражданская нация» — 1 раз; «национальная политика» — 3 раза, причем во всех случаях в резко негативном ключе. В выступлениях В. Жириновского присутствует стойкое желание драматизировать положение дел во всех сферах жизнедеятельности русских. Ни разу не встретились в анализируемых документах такие понятия, как «единство», «ценность», «согласие», «мультикультурализм», «традиции», «гражданский», «нация», «националист», «толерантность», «интеграция», «многообразие», «идентичность», «религия», «конфессия», «государственная национальная политика». Это доказывает линейность и одномерность политического дискурса ЛДПР по национальной политике. По сути, национальный аспект сводится к выбору в качестве целевой аудитории русского большинства, которое, по данным выборов, также является большинством электоральным для партии ЛДПР. Вызывает озабоченность показательное употребление таких категорий, как «война» — 16 раз, «смерть» — 13 раз, «кровь» — 9 раз. Подобное отношение обусловлено исключительно убежденностью партии в том, что русское большинство традиционно нацелено на развитие окружающих его народов и национальных меньшинств. Дискурс ЛДПР и ее лидера В. Жириновского по проблемам государственной национальной политики характеризуется не тематикой межкультурного и межэтнического взаимодействия, а вниманием к проблемам «угнетения этнических русских».

Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»

Изучение программных документов КПРФ выявило, что тематика государственной национальной политики затрагивается в 2450 материалах, что является самым высоким показателем среди парламентских партий, и лишь незначительная часть материалов имеет косвенный характер. Немаловажное значение имеет привязка государственной национальной политики к проблемам в области экономики, внешнеполитического курса и социальной политики. В целом все материалы по проблемам государственной национальной политики условно можно

разделить на 3 группы: 1-я группа — сугубо идеологического характера, включающая программные документы, научные статьи и публичные выступления лидеров партии; 2-я группа — материалы, включающие системный научный анализ проблемы, как фундаментального, так и прикладного характера; 3-я группа — материалы публицистические, направленные на критику власти. В 1-й группе материалов в большинстве программных документов и в предвыборной риторике актуализируются проблемы межнационального согласия. Так, в предвыборных документах партии на думских выборах 2011 г. присутствует новый пункт: «Новый культурный подъем — условие возрождение России», в котором имеется параграф, посвященный вопросам государственной национальной политики [9].

Необходимо отметить, что задачи, поставленные партией в данном направлении, связываются в единую политику, нацеленную на подчеркивание особой культурной роли русского большинства, введены ряд концептуальных понятий и категорий: в России национальный вопрос — это, прежде всего, вопрос спасения русской советской цивилизации и русского народа как гаранта суперэтнической общности, гарантирующей неотъемлемое для идеологии КПРФ требование следовать идеалу дружбы народов, и, таким образом, это вопрос спасения и сохранения самобытности каждого народа России; национальную (цивилизационную, этно-культурную) идентичность следует четко отличать от гражданской идентичности; русская цивилизация — это существующая уже более тысячи лет и развивающаяся этно-культурная общность, являвшаяся первоначально предклассовой и затем достигшая своей высшей формы в виде внеклассовой русской советской цивилизации, представляющей собой основу для социализации представителей русского и других коренных народов России и объединенной рядом фундаментальных ценностей, исторической памятью, а также изначальным вектором развития, подразумевающим движение к социализму. Таким образом, базовым в государственной национальной политике КПРФ является русский вопрос как вопрос сохранения тысячелетней русской советской цивилизации и физического выживания русского народа. Логически из него вытекающий принцип дружбы народов подразумевает качественное изменение системы социального управления России, выход ее из глобальной ростовщической системы «ссудного кредитования», противоречащей базовым ценностям русской советской цивилизации, возвращение к приоритету в расстановке кадров, особенно в высших эшелонах власти, по принципу не этнического происхождения, а уровня образования и опыта управленческой деятельности.

Что касается предвыборной программы Г. Зюганова [10], несмотря на то что мероприятие, ознаменовавшее ее начало, носило название

«Русский старт», национальная проблематика в самом тексте сводится к одному предложению, смысл которого, по сути, нейтрален: «Заработают масштабные программы защиты языка и культуры русского и всех народов России». Полноценная встречаемость таких терминов как: «государственная национальная политика» в тестах КПРФ составляет — 2450 ссылок; «русский», «русский народ» — 4020 раз; «дружба народов» — 16100 раз; «народы России» — 15800; «советский» — 4260 раз; «цивилизация» — 655 раз; «ксенофобия» — 53 раза; «межнациональная рознь» — 154 раза. Из этого следует, что политический дискурс КПРФ представлен широкой гаммой позитивной риторики и системного представления о государственной национальной политике.

Политическая партия «Справедливая Россия»

В программе партии «Справедливая Россия» государственная национальная политика выделена в отдельный пункт программы. Особо подчеркивается важность данной сферы межнациональных отношений: «Формирование внятной и ответственной политики в области национальных отношений в Российской Федерации — сегодня одна из главных задач. Государство должно опираться не на этнические группы, а на граждан». В предвыборной программе С. Миронова [11] на президентских выборах 2012 г. о национальной политике говорится лишь в одном предложении: «Необходимо принять базовый федеральный закон об основах национальной государственной политики Российского государства, где прописать, что русские — государствообразующий народ». В целом основные предложения партии сводятся к запуску процесса интегрирования народов России в единую «гражданскую нацию», однако раскрытие этого понятия, механизмы такой интеграции не приводятся. Встречаемость концептуальных терминов на официальном сайте партии составляет: «национальная политика» — 5 раз; «русский» — 13 раз; «нация» — 8 раз; «гражданская нация» — 0 раз; «народы России» — 0 раз; «межнациональная рознь» — 1 раз; «дружба народов» — 0 раз; «цивилизация» — 0 раз; «ксенофобия» — 1 раз; «советский» — 5 раз [12].

Статья В. Путина «Россия: национальный вопрос»

Системные проблемы общества, все активнее выражающиеся в последние годы в форме межнациональной напряженности, были актуализированы В. Путиным в знаменитой статье «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Независимой газете», поэтому включение в анализ данной статьи является ключевым аспектом для исследования проблемы формирования долгосрочной государственной национальной политики. Если проводить более простые способы измерения, то удельный вес той или иной категории можно вычислить с помощью формулы:

число единиц анализа, фиксирующих данную категорию
общее число единиц анализа

В результате получим: «народы» — 5 раз; «цивилизация» — 1 раз; «дружба народов» — 0 раз; «русский» — 11 раз; термин «нация» — 4 раза, но ни разу не встретилось словосочетание «гражданская нация», однако вводится новый термин — «гражданский мир» — 1 раз; «единство» — 5 раз.

Тем самым, частота встречаемости терминов, отнесенных к смысловым категориям: межнациональные противоречия — 29 раз; межнациональное согласие — 212 раз. Коэффициент Яниса будет соответствовать первой формуле, он равен 37 %, что указывает на довольно сложную оценку ситуации, в том числе за пределами простого количественного исследования числа вхождений актуальных терминов, в ходе которых были получены высокие положительные оценки, более 220.

Рисунок 1. Сводные данные анализа контента программных документов, выступлений лидеров парламентских партий и материалов официальных сайтов

С другой стороны, коэффициент Яниса как критерий оценки содержания текста статьи констатирует превентивные действия по усилению внимания с одновременным уменьшением внимания к позитивным интересам других участников. Даже с учетом современных реалий становления и развития государственной национальной политики, инструментальное

обращение к индексу «межнациональных противоречий», безусловно, не утратило актуальности (рис. 1).

Таким образом, обобщенный анализ российского политического дискурса показал следующее:

1. На принятие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. ни от одной парламентской партии не последовало официальной реакции; единственные источники критики Стратегии представлены в научных статьях на сайте КПРФ. Это подтверждает предположение о переносе всей полноты ответственности за провал Стратегии на Президента В. Путина, так как только ему принадлежит эта инициатива, и разделять груз ответственности парламентарии не хотят.

2. Национальная политика и национальная риторика используется партиями лишь в качестве инструмента привлечения электората перед выборами (рис. 2).

БРАТСТВА ВОЗВРАЩАТЬ **ВОСПИТЫВАТЬ** ГОВОРИТЬ ДЕТЯМ ДОБРОТЫ
ДОЛЖНЫ ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ДУХЕ ЗАКОНЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРУ ЛЮДЕЙ ЛЮДЯМ
НАРОДАМИ НАРОДОВ **НАЦИИ** НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ НЕЗАВИСИМО ОБЩИЕ
ОБЪЯСНИТЬ ОТНОШЕНИЕ ПРАЗДНИКИ ПРЕЖНИЕ **ПРИЕЗЖИЕ** РАВЕНСТВА РАВНЫ
РОССИЯ РУССКИХ САДАХ СВЯЗИ ТЕЛЕПРОГРАММЫ ТРАДИЦИИ **УВАЖАТЬ**
УВАЖИТЕЛЬНОЕ УЧИЛИ ШКОЛАХ ЯЗЫК Общ

Рисунок 2. «Облако тегов» частотности базовых показателей простого количественного контент-анализа Стратегии государственной национальной политики до 2025 г.

3. Национальный вопрос представлен в программных документах российских партий в разных пропорциях, но ни одна из партий не предлагает конкретных программ в данной сфере.

4. В текстах партий ЛДПР, КПРФ, СР, представляющих «системную оппозицию» в Государственной Думе, уделяется большое внимание особой роли и статусу русского народа.

5. Заявления лидеров партий по проблематике межнациональных отношений носят крайне осторожный и сдержанный характер, кроме В. Жириновского. Однако во всех случаях поясняется, что партии чужда националистическая идеология и ксенофобия.

6. Тематика государственной национальной политики актуализируется партиями лишь в период предвыборных кампаний или в резонансных случаях.

7. В программных документах по формированию правовых или иных механизмов государственной национальной политики отсутствуют интересные предложения и проекты.

Выводы

1. Политический дискурс КПРФ и «Единой России» по национальной политике доминирует над политическим дискурсом ЛДПР и СР.
2. В партиях КПРФ и ЕР примерно одинаковое соотношение частности базовых терминов.
3. Большой провал — в дискурсе «Единой России» по вопросу «дружбы народов» и примерно одинаковый в вопросах борьбы с ксенофобией.
4. КПРФ является оппозиционной партией с продуманной программой государственной национальной политики.
5. Партия «Справедливая Россия» полностью проигрывает как КПРФ, ЛДПР, так и партии власти в вопросах государственной национальной политики; как результат — свою позицию по вопросам национальной политики она выстраивает с учетом интересов либо КПРФ, либо ЕР.
6. ЛДПР можно приписать к русской национальной партии, которая в политическом дискурсе придерживается крайне негативного отношения к самобытности народов России.

Предложенный инструмент анализа содержания государственной национальной политики в Российской Федерации имеет универсальный характер и, несмотря на приближенный и обобщенный характер исследования, достаточные основания для признания как универсальной методики оценки предлагаемых для реализации федеральных и региональных программ, концепций, стратегий и мероприятий. Вместе с тем, на данном этапе апробации методика не имеет строго математического аппарата и алгоритма сочетания семантического и компьютерно-лингвистического методов.

Список литературы

1. Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. М. : Книжный дом «Либроком», 2011.
2. Тишков В. А. 20 лет российской этнополитики // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 г. : Ежегодный доклад Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М. : ИЭА РАН, 2010. С. 9—12.
3. Компьютерно-лингвистический комплекс WordStat 6.1.1. QDA Miner v4.0 Mixed Method Qualitative Analysis Software. URL: <http://provalisresearch.com/> (дата обращения: 01.02.2015).

4. *Ruloff R., Frei D.* Content Analysis. A survey of techniques with special reference to the analysis of the CSCE Documents // *Kleine Studien zur politischen Wissenschaft*. Zurich. 1978. Bd. 147—148. S. 4.
5. *Предвыборная* программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (Программное обращение Партии «Единая Россия» к гражданам России). URL: <http://www.er.ru/party/program> (дата обращения: 01.02.2015).
6. *Официальный сайт* партии «Единая Россия». Новостная лента: Национальная политика. URL: http://www.er.ru/core/tags/news/национальная_политика (дата обращения: 01.02.2015).
7. *Путин В.* Россия: национальный вопрос / Независимая газета от 23.01.2012. Раздел «Политика». URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 01.02.2015).
8. *Предвыборная* программа ЛДПР. Мы за русских! (111 позиций ЛДПР). URL: http://www.ldpr.ru/#party/The_election (дата обращения: 01.02.2015).
9. *Предвыборная* программа КПРФ. Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину! URL: <http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html> (дата обращения: 01.02.2015).
10. *Предвыборная* программа Зюганова-2012: Обязательства перед гражданами России кандидата в президенты от КПРФ и народно-патриотических сил Г.А. Зюганова. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/72139> (дата обращения: 01.02.2015).
11. *Справедливая* Россия. Предвыборная программа-2011. URL: http://www.spravedlivo.ru/upload/file/pro-gramm2011/Programma_2011_6s.pdf (дата обращения: 01.02.2015)
12. *Справедливая* Россия. Предвыборная программа-2011. URL: http://www.spravedlivo.ru/upload/file/pro-gramm2011/Programma_2011_6s.pdf (дата обращения: 01.02.2015).
13. *Путин В.* Россия: национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 01.02.2015).

Информация об авторе

Рябцовский Георгий Владимирович, ведущий специалист Высшей школы государственного управления Брянского филиала РАНХиГС, Брянск, Россия, grnp13@yandex.ru

Болховитина Татьяна Сергеевна, к.пед.н., профессор, заведующая кафедрой менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала РАНХиГС, Брянск, Россия, ekakarpenko@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И КРИТЕРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

А. И. Стеценко

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Аннотация. Для создания надежной системы социологического исследования качества образования требуются конкретные критерии и принципы организации работ. Вузы Воронежа и всего региона нуждаются в универсальных методиках, кадрах и исследовательской инфраструктуре. Нужны организационные меры, в частности, оформление государственного заказа на подготовку специалистов-социологов в области качества образования, а также координация действий администрации и научных социологических структур.

Ключевые слова: качество образования, критерии, социологическая логистика, инфраструктура

В социологической науке России накопилась масса проблем, имеющих, как ни странно, глобальное измерение. В первую очередь эти проблемы связаны со статусом социологии как науки. Результаты исследований общественного мнения, например, по Крыму, кладутся в основу важнейших политических решений. Рособrnадзор узаконил практику проведения социологических исследований качества образования, как и принятие результатов измерения удовлетворенности потребителей образовательных услуг за основу оценки качества деятельности образовательных учреждений. В то же время, если не считать статьи 5 Конституции РФ об учете общественного мнения, социологам-практикам не на что опереться в правовом аспекте. Статус социологических исследований законодательно, в том числе в Законе о науке и государственной научно-технической политике, не прописан. Более того, социологическое образование населения подорвано тем, что искусственно снижен статус социологии как учебной дисциплины: она не является обязательной. Данные обстоятельства коренным образом определяют не только положение социологической науки в обществе, но и организационные возможности деятельности социологов в учреждениях и организациях, отношение населения и участников образовательного процесса к социологии, исследовательским процедурам и результатам социологических исследований.

Лаборатория социологических исследований, учрежденная в январе 1962 г. по приказу Министерства образования РСФСР в Воронежском

государственному университету, была привлечена в 2005 г. к мониторингу качества образования в вузе. В процессе работы предложены и внедрены методики изучения мнений студентов, преподавателей, учебно-вспомогательного персонала, аспирантов, работодателей и др. Для получения данных используется внутренняя компьютерная сеть.

К сожалению, с трудом формируется социологическая культура респондентов, не всегда на основе приказов удается добиться полноценного участия членов образовательного сообщества в мониторинге. Не нормирована нагрузка социологов при проведении мониторинга, не хватает квалифицированных кадров, хотя исторический факультет, где базируется лаборатория при кафедре социологии и политологии, с 2005 г. готовит социологов-исследователей. Планируется подготовка магистров социологии.

В универсальных методиках, кадрах и исследовательской инфраструктуре нуждается не только ВГУ, но и другие вузы региона. В связи с этим, нужны организационные меры, в том числе оформление государственного заказа на подготовку специалистов-социологов в области качества образования.

Сегодня в ВГУ (несомненно, и в других вузах) выстроена «вертикаль» уполномоченных по качеству образования, функционирует отдел качества образования. Однако упорядочение кадровой структуры не нацелено на привлечение необходимого количества социологов, соразмерного масштабам работ (разработка программ исследований, методик проведения и контроль полевого этапа, обработка и анализ данных требуют много сил и кадров). В положениях о социологических службах, должностных инструкциях пока не прописаны конкретные обязанности исследователей по изучению проблем качества образования, нет обоснованной сетки кадров. Социологам нужен кадрово-квалификационный статус и соответствующие должностные оклады. Опыт показывает, что размер заработка в месяц в 7—8 тысяч рублей не способствует кадровой стабильности и качеству работ.

Для создания надежной системы социологического исследования процессов и факторов образования требуются разработка конкретных критериев и реализация принципов организации работ:

1. Принцип финансово-бюджетной обоснованности проведения социологического мониторинга качества образования и периодичности исследований, обеспечивающий динамику контроля параметров и тенденций.

2. Принцип нормативно-правовой обеспеченности процесса социологического мониторинга качества образования, основанной на международном стандарте качества, адаптированном к условиям России, и нормативно-правовой базе проведения социологических исследований проблем качества образования.

3. Принцип системности показателей и индикаторов качества образования, инструментов и процедур измерения для уровней начального, общего и профессионального среднего и высшего образования, а также для исследования отношения участников к проблемам образования, сфер деятельности, системности обновления инструментария с целью сохранения возможностей контроля тенденций.

4. Принцип ведомственного и организационно-методического единства мониторинговых мероприятий, базирующийся на согласовании сил, средств, направлений, методик, порядка действий участников мониторинга, в том числе обязанностей по организации функционирования системы качества.

5. Принцип универсальности и сопоставимости методик измерения отношения участников образовательного процесса, в том числе инструментария, отчетности, применяемых шкал, индексов, расчета частот и зависимостей. Можно добавить, что применима методика измерения качества, основанная на разработках программы «Как живешь, Россия?» ИС РАН [1].

6. Принцип кадровой профессиональной обеспеченности социологического мониторинга качества образования, основанный на целенаправленной подготовке специалистов по качеству образования (на базе госзаказа).

7. Принцип логистической и инфраструктурной обеспеченности социологического мониторинга качества образования (социологическая логистика исследования охватывает все процедуры сопровождения клиента и занятых в процессе обслуживания от абитуриентского уровня до трудоустройства выпускников). Понятие «инфраструктура» происходит от лат. *Infra* — под + *Structura* — строение, и означает комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур, составляющих и/или обеспечивающих основу для решения проблемы (задачи) [2]

Понятие социологической логистики шире приведенного выше понимания инфраструктуры, если брать технико-технологический аспект последней. По сути, сегодняшняя инфраструктура контроля и управления качеством образования организационно и методически не является исключительно социологической (существуют отделы — качества, закупок и др., и отдельно — лаборатории социологических исследований, а в некоторых вузах — центры). И в этом смысле социологическая логистика предназначена для помощи системе обеспечения качества образования. У нее есть специфическая инфраструктура: нормы и правила, программы обработки, арсенал методов и т. д. В широком смысле в логистическую систему входят инфраструктурные компоненты технического обеспечения деятельности и, собственно подразделения, занимающиеся проблемами

качества образования, в том числе сети (региональные и внутриучрежденческие). Внутренние электронные сети многих университетов только формируются, как и система измерения качества образования, а межвузовских, межрегиональных систем и универсальных, приемлемых методик пока нет.

8. Принцип единого государственного заказа на подготовку специалистов в сфере социологического мониторинга качества образования и на научную продукцию мониторинга.

9. Принцип координации действий администрации и научных социологических структур. Данный принцип реализуется в ежегодном предоставлении руководству информации о степени удовлетворенности участников образовательного процесса своей деятельностью и условиями. Так, динамика уровня удовлетворенности студентов получаемым образованием (индекс в 2015 г. +0,51) позволяет фиксировать внутренний рейтинг вузовской деятельности.

Список литературы

1. *Стеценко А. И., Поляков Е. М., Чупандина Е. Е.* Методика исследования качества образования в рамках неонституционального подхода. Воронеж : ВГУ, 2013.
2. *Профессиональное образование.* Словарь [Электронный ресурс]. URL: http://professional_education.academic.ru/1147/ (дата обращения: 3.05.2015).

Информация об авторе

Стеценко Анатолий Иванович, к. и. н., доцент, заведующий лабораторией социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, Stetsenko_a@list.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

П. Е. Сушко

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются преимущества и ограничения применения биографического подхода в исследованиях миграционных процессов. Подход позволяет изучить адаптационный период мигрантов, оценить их жизненные биографии с точки зрения интенциональности-кондициональности и определить адаптационные стратегии в тех или иных кризисных ситуациях.

Ключевые слова: биографический метод, миграции, жизненная кривая, интенциональность, кондициональность

Говоря о биографическом методе, стоит начать с того, что его использование в рамках различных дисциплин зарекомендовало себя в качестве надежного инструмента сбора и анализа эмпирических данных. Метод доказал, что является прекрасным способом смысловых теоретизирований при изучении тех или иных социальных явлений. Биографический анализ позволяет выйти на принципиально иной уровень интерпретации изучаемого феномена и рассмотреть его во всем разнообразии и сложности.

Биографический метод приобретает все большую популярность при изучении миграционных процессов, поскольку предлагает опытным путем фиксировать практически любые трансформации, происходящие с населением. Построенный в ретроспективной логике, биографический анализ позволяет реконструировать миграционный путь на индивидуальном уровне с захватом реальных причин, мотивов и факторов, влияющих на перемещения индивидов на сетке географических и социальных координат.

Данные официальной статистики, текущих обследований и учета зачастую не охватывают истинных причин миграции, а лишь фиксируют сам факт перемещений, их интенсивность, объемы и т.д. Однако для полноценного анализа миграционных процессов необходим и субъективно-личностный опыт человека. Именно человеческие судьбы, переживания, индивидуальные видения мира, не попадающие в официальную хронику, могут в полной мере раскрыть перед нами особенности миграционных процессов.

Основополагающим принципом любого биографического исследования выступает гипотеза о том, что именно посредством анализа био-

графических материалов и событий можно восстанавливать и изучать социальную действительность. Основой этой гипотезы является тот факт, что человеческие поступки объективно определены социальной действительностью, в которой функционирует индивид, и это отражается в его субъективном восприятии. Поэтому задачей биографического метода становится применение специальных форм анализа содержания, которые позволили бы восстановить реальную последовательность жизненных событий индивида, в увязке с его оценками, мнениями и установками [5].

Однако данное положение биографического подхода считается и наиболее уязвимой его стороной, поскольку рассказ о собственной биографии, о собственных биографических фактах передает только индивидуально модифицированную картину. Индивид строит свое повествование в логике субъективных представлений о прошлых событиях, что влечет за собой постановку вопроса о подлинности и достоверности изложенных фактов [6]. Концентрируясь в рассказах на наиболее значимых событиях своей биографии и скрывая по каким-либо причинам иные ценные для исследования факты, люди отдаляются от истинных мотивов миграционных перемещений. По словам Робертса, люди «выстраивают свои биографии на основе приобретенного жизненного опыта и в соответствии с теми или иными социокультурными контекстами, в которых им приходится существовать» [6]. По этой причине, исследователь должен учитывать реальную социально-историческую динамику, которая позволяла бы обоснованно интерпретировать анализируемые явления.

Тем не менее, несмотря на указанные методологические ограничения, биографический подход несколько не сужает возможности исследователя для анализа миграционных процессов. Напротив, метод признает тот факт, что миграция является частью биографии человека и связана с его прошлым, настоящим и будущим. Биографический метод позволяет осветить не всегда явные противоречия между внутренними и внешними процессами, между существующей организационной структурой общества и действующим субъектом. Кроме того, подход дает возможность сфокусироваться непосредственно на процессе принятия решений о переезде, определить культуру и социальные основы миграции [5]. Это существенно облегчает понимание причин миграции, поскольку устанавливается прямая связь между индивидуальным сознанием и особенностями социальных, культурных, материальных структур, в пределах которых функционируют люди. По большому счету, миграционная биография представляет собой соединение исторического и социального контекста с индивидуальными и групповыми переживаниями относительно тех или иных социальных процессов.

При изучении жизни отдельных людей в ее социальном и историческом контекст, биографический подход имеет определенный потенциал, способствующий пониманию социальных явлений не в статистических выражениях, а путем анализа индивидуального опыта [6]. Растущую популярность биографического подхода связывают также с теми трудностями, которые возникают в процессе проведения панельных исследований (высокая стоимость, истощение выборки, труднодоступность некоторых категорий населения и т. д.).

Изначально в миграционных исследованиях акцент ставился на социальных условиях и проблемах, с которыми сталкиваются мигранты в процессе их интеграции в принимающее общество, а теоретический дискурс определяли подходы к аккультурации, ассимиляции и инкультурации, а также концепции интеграции [3]. Однако со временем акцент стал смещаться на самих мигрантов и их жизненные траектории.

Ключевой идеей этого подхода становится «жизненная кривая», которую Ф. Щютце определяет как «особо плотные условные (кондициональные) цепочки событий, выкристаллизовывающие общую структуру секвенциональной упорядоченности» [1]. Кондициональные, или условные, цепочки событий в этом контексте означают, что носитель биографии воспринимает события не в форме доступных его воле ориентиров, а подвергается воздействию внешних факторов, дающих толчок какому-то событию. Другая форма таких цепочек (интенциональные) связана непосредственно с активностью и волей индивида в принятии каких-либо решений. Щютце отмечает, что жизненная кривая сопряжена с негативными условиями жизни, вызывающими различные дестабилизирующие ситуации, потерю социальных ориентаций, рост социальных затрат и т. п. [1]. Принимая во внимание временную последовательность наступления тех или иных событий в жизни индивида, термин «жизненная кривая» вполне можно использовать для описания жизненного пути мигрантов, совмещенного с их собственной трактовкой событий.

Другой сторонник биографического подхода, немецкий социолог У. Апитч, также использовала понятие «жизненной кривой» применительно к изучению миграции. По мнению ученого, миграция является примером интенциональных последовательностей, когда индивид самостоятельно принимает решение о переезде, а также последовательностей кондициональных, когда миграции происходят независимо от воли индивида и связаны с коллективным действием, либо другими непреодолимыми факторами [3]. По большому счету, Апитч пробует разрешить проблемы кондициональности интенциональным поворотом, что означает устранение путем миграции негативных внешних факторов в стране отъезда. При этом Апитч отмечает, что последствия миграции

могут приводить к частичной или полной потере контроля над биографией [2]. Эти аспекты жизненной кривой могут быть вызваны адаптацией мигрантов к новому месту, стрессом от смены социального окружения, враждебностью, бытовыми проблемами и т. п.

Такой подход позволяет изучить адаптационный период мигрантов, оценить их жизненные биографии с точки зрения интенциональности-кондициональности и определить адаптационные стратегии в тех или иных кризисных ситуациях. В первую очередь, такие стратегии будут выражаться в особом планировании тех или иных социально-демографических событий в жизни мигранта.

Список литературы

1. *Рождественская Е. Ю.* Биографический метод в социологии. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
2. *Зевелева О. И.* Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии) : дисс. ... канд. социол. н. М., 2016.
3. *Apitzsch U., Siouti I.* Biographical analysis as an interdisciplinary research perspective in the field of migration studies [Электронный ресурс]. 2007. URL: http://www.york.ac.uk/res/researchintegration/Integrative_Research_Methods/Apitzsch%20Biographical%20Analysis%20April%202007.pdf (дата обращения: 12.02.2016).
4. *Ladkin A.* The life and work history methodology: A discussion of its potential use for tourism and hospitality research // *Qualitative research in tourism: Ontologies, epistemologies and methodologies*. L. — N. Y. : Routledge, 2004.
5. *Laoire C. N.* «Settling back»? A biographical and life-course perspective on Ireland's recent return migration // *Irish Geography*. 2008. Vol. 41. N 2. P. 195—210.
6. *Roberts B.* Biographical research. Buckingham : Open University Press, 2002.

Информация об авторе

Сушко Павел Евгеньевич, к. с. н., научный сотрудник Научно-образовательного центра Института социологии РАН, Москва, Россия, sushko@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНЫХ ЭТНОСОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Д. К. Щеглова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Анализ результатов социологического исследования, проведенного в Алтайском крае среди трех поколений разной этнической принадлежности, продемонстрировал различия в формировании этнической идентичности представителей русского населения в сравнении с другими этносами региона. Судя по полученным данным, в Алтайском крае существует небольшой потенциал враждебности по отношению к представителям иных народов. При этом молодое поколение (вне зависимости от этноса) более враждебно настроено к другим.

Ключевые слова: этническая идентичность, Алтайский край, русское население, самоидентификация, межэтнические отношения

В последнее время в современном мире обозначился активный рост интереса к теме этнической идентичности. Возможно, это связано с геополитическими процессами, происходящими в обществе, возможно, в самом обществе возросла потребность в национальном самосознании, возник новый виток интереса к своему прошлому, к истокам.

На формирование этнической идентичности влияет множество факторов и элементов, у представителей различных этнических групп эти факторы могут быть неодинаковы [1].

Согласно результатам анализа социологического исследования, проведенного в Алтайском крае среди трех поколений разной этнической принадлежности, существуют различия в формировании этнической идентичности. Изначально заданный объем выборки в регионе ($n=1200$) был распределен пропорционально имеющимся статистическим данным об общей численности населения, соотношении городского и сельского населения, численности населения в отдельных возрастных группах населения 15—75 лет, распределения по полу.

В первую очередь, выявлена разница в ощущении близости, общности с определенными группами. Так, для представителей русской национальности наиболее значимым является близость со следующими группами и общностями: гражданами России, жителями своего города, села, представителями своей национальности, представителями своей веры, людьми своего поколения, людьми своего достатка и людьми сво-

ей профессии. Для представителей иных этносов наиболее значимыми и близкими являются представители своей национальности.

Кроме того, русские причисляют себя только к одной этнической группе, в то время как представители других этносов отмечают свою принадлежность сразу к нескольким этническим группам.

Замечены различия среди представителей русского и других этносов и в причинах отнесения себя к своему народу. Наряду с общими причинами, т. е. причинами, которые важны как для русских, так и для представителей иных этносов (умение готовить национальную пищу, пение народных песен), существуют различные значимые причины этнического самоопределения: для русских — соблюдение обычаев и традиций, общая государственность, покупка и наличие в доме традиционных предметов, проживание на территории, являющейся родиной своего этноса. Для представителей иных этнических групп — наличие схожих черт национального характера, менталитета и исповедование соответствующей религии. Таким образом, для русских более важен территориальный и государственный признак, а для представителей других этносов — схожесть характера и религии.

Молодежь этнических групп (в том числе, русской) чувство враждебности к себе ощущает чаще, чем все остальные возрастные группы. В то же время, представители русской национальности враждебность чаще испытывают к другим, чем ощущают ее к себе со стороны других. У представителей иных этнических групп ситуация выгладит иначе: они чаще ощущают враждебность к себе, чем испытывают ее к другим этносам. Хотя представители старшего поколения других этносов более позитивны в своих ощущениях и враждебность к себе чувствуют реже.

На основании анализа данных было установлено, что как у представителей русского населения, так и других этносов края существует небольшой потенциал враждебности по отношению к представителям иных народов. При этом молодое поколение (вне зависимости от этноса) более враждебно настроено к другим. Негативное отношение к другим народам люди объясняют, в основном, двумя причинами: тем, что опасаются их по причине терроризма, и тем, что другие не хотят считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России. Население Алтайского края отмечает, что межнациональные отношения стали более напряженными, нетерпимыми, и такая позиция более характерна для представителей этнических групп края. Возможно, это связано с политическими событиями, происходящими в современном мире.

Благодарность

Материал подготовлен при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государствен-

ного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Список литературы

Щеглова Д. К. Факторы формирования национальной идентичности в Республике Карелия // Девятые Ковалевские чтения : Материалы научно-практической конференции 14—15 ноября 2014 г. / отв. редактор Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2014.

Информация об авторе

Щеглова Дарья Константиновна, магистр социологии, направление «Социология управления», специалист по учебно-методической работе кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, daschul9@mail.ru

**08. Формы взаимодействия социологии и медиа от Грушина
до конвергентных исследований**

**ИНТЕРНЕТ-СМИ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА:
МЕТОД СТРУКТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Е. Г. Васильева

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация. Интернет-СМИ — один из элементов информационно-коммуникационных процессов в среде Интернет. Исходя из общих признаков понятий «массовая коммуникация» и «массовая информация», в интернет-СМИ включаются все виды информационных ресурсов и информационного контента. Выделяются виды информационных ресурсов Интернет, сопоставимые со СМИ. К информации, создаваемой СМИ для распространения в среде Интернет, применимо понятие «информационный контент», отражающее специфику информационных сведений как сообщений-смыслов, воспринимаемых аудиторией с учетом особенностей распространения информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: социология коммуникаций, коммуникативистика, информационные коммуникации, интернет-СМИ, информационный контент

Одним из возможных направлений, характеризующих социально-коммуникативную деятельность в среде Интернет, выступает рассмотрение информационно-коммуникационных процессов в данной среде как процессов массовой коммуникации и информирования. Если исходить из общих признаков понятий «массовая коммуникация» и «массовая информация», то в интернет-СМИ следует включать все виды информационных ресурсов и виды информационного контента:

- 1) предназначенные для массового распространения (т. е. в численно больших и рассредоточенных группах людей);
- 2) функционирующие на основе журналистики (сообщение новостей);
- 3) направленные на производство и распространение массовой информации, т. е. информации, характеризующейся социальной направленностью, актуальностью и общественной значимостью.

Исходя из современной теории коммуникативистики и социологии коммуникации, можно рассматривать специфику информационных коммуникаций Интернет в рамках следующего категориального ряда:

- 1) средства массовой коммуникации и информирования (СМК, СМИ) — массовая коммуникация — массовая информация;

2) массовая информация — информационный контент — информационные ресурсы;

3) информационные ресурсы — информационные медиаресурсы — средства массовой информации в среде Интернет (интернет-СМИ).

Различные аспекты деятельности СМИ в среде Интернет характеризуются такими понятиями, как «сетевые СМИ», «электронные издания», «медийные проекты», «новые медиа», «социальные сети». В целом можно выделить следующие виды информационных ресурсов Интернет, сопоставимые со СМИ:

Интернет-версии печатных СМИ — электронные сетевые издания (электронная газета, интернет-журнал).

Интернет-версии теле-, радио-СМИ — электронные сетевые издания (формы аудио-, видеотрансляции в сети Интернет) — онлайн-TV и онлайн-радиостанция.

Поисковые каталоги, представленные сайтами специализированных медиа-агентств или поисковых сервисов Интернет.

Специализированные сервисы цифрового теле- и радиовещания, представляемые провайдерами интернет-услуг.

Интернетмедиа — сетевые издания, специально созданные в сети Интернет с целью реализации функций СМИ (т. е. ориентированные на массовую аудиторию, транслирующие массовую информацию) и являющиеся оригинальными (т. е. не имеющими офлайн-аналога).

Информационные интернет-порталы — комплексные информационные онлайн-сервисы, интегрирующие формы электронной газеты и TV, включающие дополнительные виды услуг (доступ к банкам данных и специализированным библиотекам; образовательные, маркетинговые).

Сетевые информационные ресурсы новых медиа — блогосферы и социальных сетей.

Медийные проекты — сетевые издания, специально созданные в сети Интернет с целью информирования и реализации презентационно-рекламной функции (популяризация организации, социального проекта, идеи, общественного движения и т. д.).

К информации, создаваемой СМИ для распространения в среде Интернет, в большей мере применимо понятие *информационного контента*, указывающее на технологические особенности ее функционирования (хранения, структурирования, передачи, целевой спецификации и т. д.) как массива разнообразных информационных сообщений (новостных, рекламных, публицистических, специализированных, в том числе художественных, научных текстовых и т. д.), а также форм выражения информационного содержания (видео-, аудио-, печатный и графический тексты). Понятие «информационный контент» точнее

отражает и специфику информационных сведений как сообщений-смыслов, воспринимаемых аудиторией с учетом особенностей распространения информации в интернет-коммуникации. Например, веб-сайт, представляющий традиционное СМИ в среде Интернет, дает большие возможности передачи информации за счет совмещения письменного, аудио- и видеотекста; представления смыслов текста по логическому (каталоги, заголовки), хронологическому (архив, актуальное содержание) и ассоциативному (контекстуальный поиск) принципам; объединения различных форм речевой аргументации (жанров профессиональной и гражданской журналистики — новостей, интервью, репортажа, обзоров и расследований/блогосферы, форумов, чатов, комментариев к сообщениям).

Главной отличительной особенностью трансляции информации в этом случае является создание дополнительного информационного содержания — *контекстуального смысла*. Данный смысл создается на основе структурной конфигурации блоков информационных сообщений, характеризующихся собственным смысловым содержанием, как *интегрируемых элементов* информационного контента. Структурная конфигурация предполагает объединение различных смысловых единиц (частей различных текстов) посредством общего *формата*, влияющего на восприятие, интерпретацию информации массовой аудиторией. Элементы формата могут включать:

- фреймирование («фокусировки» в пространственном расположении текста, неравномерное распределение блоков объединяемой информации, выделение одних элементов текста в ущерб другим, использование дополнительных графических элементов и т. д.);
- назначение ярлыков и мемов (наименований-заголовков отдельных единиц текста — информационных сведений, их объединение в блоки по структурно-тематическому признаку как «тема-повтор»);
- формирование каталога (назначение наименований блокам информации, формирования списка тем, их обозначение).
- В целом при анализе информационной деятельности интернет-СМИ возможно использовать следующие исследовательские процедуры:
- структурно-тематический анализ текста (выявление доминирующих и альтернативных информационных блоков и тем);
- анализ информационного формата браузера, в том числе внешнего (открытого, видимого визуально) текста и внутреннего (скрытого) текста;
- контент-анализ текстового массива по исследовательским категориям;

Данные процедуры позволяют сравнивать интернет-СМИ не только с точки зрения содержания, но и *представления* информации, что позволяет выявить наличие/отсутствие эффекта манипулирования массовой аудиторией.

Информация об авторе

Васильева Елена Геральдовна, к. ф. н., доцент кафедры социологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, vasilievaeg@yandex.ru

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НОВЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ)

В. А. Губченко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Журналисты стали участниками процесса конвергенции новых и традиционных медиа: в дополнение к своей основной профессиональной деятельности, они используют пространство новых медиа в качестве источника информации для формирования и наполнения повестки дня, транслируемой СМИ. Развивается такой феномен медиа-среды, как гражданская журналистика, появляются альтернативные («новые») СМИ, «выросшие» из блогосферы. Гипотеза исследования о том, что при помощи соответствующих психологических механизмов (атрибуции, категоризации, идентификации и стереотипизации) блогосфера воздействует на формирование политической повестки дня в СМИ, подтверждается в эмпирической части исследования с помощью выделения политического сегмента медиа-повестки дня и раскрывается на примере нескольких кейсов такого воздействия.

Ключевые слова: повестка дня, СМИ, интернет-коммуникация, блогосфера, новые медиа, гражданская журналистика, политическая психология

Развитие новых форм массовой коммуникации сопряжено с расширением сети Интернет и внедрением интернет-технологий в различные сферы человеческой деятельности. Процесс взаимовлияния новых и устоявшихся, традиционных форм создания, хранения и передачи информации особенно заметен в сфере масс-медиа, что спровоцировало появление в последние годы соответствующих научных исследований.

Так, средства массовой информации обращаются к интернет-пространству с целью установления и поддержания тесного контакта с аудиторией; используют интернет-коммуникацию для более эффективного процесса получения и подачи актуальной информации, чуткого реагирования на изменение повестки дня; создают официальные представительства СМИ в новых медиа, таких как блогосфера и социальные сети [1].

Одновременно с этим журналисты стали участниками процесса конвергенции новых и традиционных медиа: они становятся не только блогерами и авторами собственных интернет-страниц в дополнение к своей основной профессиональной деятельности, но и используют простран-

ство новых медиа в качестве источника информации для формирования и наполнения повестки дня, транслируемой СМИ [2]. Этот процесс способствует развитию такого феномена медиа-среды, как гражданская журналистика, и появлению альтернативных («новых») СМИ, «выросших» из блогосферы [3]. Более того, журналисты все чаще используют информацию, генерируемую и распространяемую в блогосфере и социальных сетях, для создания или дополнения новостных заметок, авторских статей и других типов информационных материалов в СМИ [4].

В связи с этим, исследователи задаются такими вопросами: действительно ли новые медиа (среди которых одними из наиболее успешных форм стали блогосфера и социальные сети) оказывают влияние на формирование медиа-повестки дня, т.е. на процесс определения, формулирования и транслирования совокупности наиболее актуальных тем обсуждения в СМИ? Если это прослеживается, то в какой степени влияют новые медиа в данном процессе, и каков характер их воздействия на повестку дня в СМИ?

Для того, чтобы охарактеризовать указанный процесс, определить, в чем он выражается и ответить на поставленные вопросы, представляется перспективным использование политической психологии в изучении процесса воздействия новых медиа на формирование медиа-повестки дня.

В исследовании выдвигается гипотеза о том, что в процессе воздействия блогосферы и социальных сетей на повестку дня в СМИ находят свое выражение такие психологические механизмы, как атрибуция, категоризация, идентификация и стереотипизация [5]. При помощи этих механизмов блогеры преподносят информацию таким образом, что она не только вызывает значительный отклик среди интернет-пользователей, но и непосредственно привлекает внимание журналистов. С другой стороны, сами журналисты могут производить отбор информации из пространства новых медиа, сознательно или бессознательно опираясь на перечисленные психологические механизмы. Блогерами формируются и культивируются определенные психологические образы, символы и стереотипы, которые существенно упрощают восприятие информации журналистами и зачастую служат для последних некими ориентирами при отборе информации из блогосферы и социальных сетей.

В свете вышеизложенного заявленная тема актуализируется следующими основными причинами:

- конвергенцией традиционных СМИ и таких форм новых медиа, как блогосфера и социальные сети;
- сближением как различных типов медиа, так и медиа с другими типами информационной деятельности, например, исследовательской;

- все более разнообразным и масштабным воздействием новых медиа на современную массовую коммуникацию как общий вызов для политологии, психологии, социологии и журналистики;
- междисциплинарным характером ряда современных медиа-исследований, обращающихся к методам и инструментам политологии, психологии, социологии.

Для подтверждения и иллюстрирования поставленной гипотезы в эмпирической части исследования выделяется политический сегмент медиа-повестки дня, что делает исследование более концентрированным. Гипотеза исследования раскрывается на примере нескольких кейсов воздействия блогосферы на формирование политической повестки дня в СМИ. В изученных кейсах демонстрируется психологический аспект процесса воздействия политических тем, обсуждаемых в блогосфере и актуальных в конкретный период времени, на контент медиа-повестки.

Одним из наиболее наглядных кейсов стала деятельность Алексея Навального, квалифицируемого в качестве популярного блогера и политика, и созданной им некоммерческой организации «Фонд борьбы с коррупцией». А. Навальным интенсивно используются коммуникационные возможности новых медиа для привлечения внимания традиционных СМИ и освещения деятельности политика и данной организации в материалах традиционных медиа. А. Навальный и его коллеги уже более пяти лет публикуют и эффективно распространяют антикоррупционные исследования в социальных сетях и блогосфере с последующим попаданием выявляемых ими тем в содержание медиа-повестки дня. Например, такими темами, попавшими из локальной повестки блогосферы в повестку дня СМИ, стали расследования в отношении депутатов Госдумы В. Пехтина и В. Малкина в 2013 г. При этом используются негативные образы власти и стереотипы, сопряженные с темой злоупотребления полномочиями с целью личного обогащения; так, А. Навальный стал автором кампании, распространявшей один из негативных образов в современной российской политике — «партия жуликов и воров», который обычно приписывается партии «Единая Россия». Кроме того, А. Навальный запускал такие проекты, как «РосАгит» и «Добрая машина пропаганды», информационная деятельность которых базировалась на применении упомянутых ранее психологических механизмов в создании и распространении материалов, часть которых впоследствии составляла повестку дня российских СМИ.

Другим ярким примером является аккаунт официального представителя Министерства иностранных дел Российской Федерации Марии Захаровой в социальной сети Facebook. М. Захарова использует интернет-страницу, выполняющую функцию блога, в качестве «рупора», озвучивающего как официальную позицию МИД России по актуаль-

ным политическим темам, так и персональную точку зрения по тем или иным вопросам. СМИ регулярно отслеживают обновления в аккаунте М. Захаровой и зачастую формируют целые новостные блоки на основе высказываний дипломата в собственном блоге. Например, в ноябре 2015 г. один из самых резонансных сюжетов в СМИ составили посты Марии Захаровой на тему политических карикатур в журнале «Charlie Hebdo». СМИ использовали высказывания дипломата для иллюстрации негативной реакции российской общественности на работы журнала. Сообщения из блога М. Захаровой способствовали созданию образа «недовольного большинства» в материалах СМИ по конкретной теме.

Резюмируя изложенное, необходимо указать на новизну сферы данного исследования и перспективность исследований в этом направлении для таких наук, как психология, политология и социология. Область исследования возможно расширять и совершенствовать, перемещая фокус с политического на другие сегменты тематического рубрикатора медиа-повестки или изучая материалы не только российских СМИ и русскоязычного сектора новых медиа.

Список литературы

1. Черных А. И. Мир современных медиа. М. : ИД «Территория будущего», 2007. С. 195—249.
2. Черных А. И. Социология массовых коммуникаций. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2008. С. 327—341.
3. Тарасенко Т. В. Блог и гражданские медиа // PR и реклама: традиции и инновации. 2012. № 7 (1). С. 50—53.
4. Davis R. Typing Politics: the Role of Blogs in American Politics. N. Y. : Oxford University Press, 2009.
5. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Психология массовой политической коммуникации. М. : Изд-во Московского университета, 2013.

Информация об авторе

Губченко Владимир Анатольевич, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, vladgubchen@gmail.com

СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ ОСВЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В СМИ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ БАРЬЕР

И. Н. Дрючина

Академии управления МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования материалов СМИ о деятельности органов внутренних дел и проблемах предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних. Проанализирован топ-10 самых цитируемых российских газет на предмет освещения проблем, связанных с несовершеннолетними. Применена автоматическая система мониторинга и анализа СМИ «Медialogия». Анализ печатных изданий за 5 лет (2010—2014) показал, что освещению проблем несовершеннолетних вообще и преступности несовершеннолетних в частности уделяется недостаточное внимание. Коммуникативные барьеры неизбежны по причине манипулирования СМИ общественным сознанием людей, лоббирования определенных интересов и т. п. Постоянный их мониторинг имеет высокую практическую значимость, связанную с необходимостью понимания сути социальных проблем, определения причин и последствий их возникновения.

Ключевые слова: СМИ, социальные проблемы, общественное мнение, правоохранительная сфера, преступность несовершеннолетних, латентная преступность, коммуникативные барьеры

СМИ как форма массовой коммуникации в социальном управлении правоохранительной сферой обладают широкими возможностями воздействия на общественное мнение и являются эффективным инструментом конструирования социальных проблем [1]. Вместе с тем низкий уровень организации взаимодействия органов внутренних дел и СМИ при реализации коммуникативных технологий, некавалифицированное освещение проблем общественной безопасности, снижает возможности общества влиять на сознание и поведение социальных групп и индивидов, использовать социальные институты в профилактике правонарушений. Этот вывод подтверждается проведенным нами исследованием материалов СМИ о деятельности органов внутренних дел и проблем предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних.

Полагаем, что научный интерес к данной категории населения не случаен. Он обусловлен рядом факторов.

Во-первых, проблема преступности несовершеннолетних по-прежнему остается актуальной. Согласно официальным данным МВД, каждое два-

дцатое преступление (5 %) в стране совершается несовершеннолетними или при их участии [2]. При этом целесообразно принимать во внимание ее латентность. Если состояние и тенденции развития преступности в целом можно определить по количеству ежегодно регистрируемых преступлений, то среди несовершеннолетних — только по раскрытой их части и выявленному количеству несовершеннолетних участников преступлений. Нераскрытыми ежегодно остаются около 30 % преступлений, и примерно на столько же следовало бы увеличить число совершенных (выявленных) преступлений несовершеннолетних, не нашедших отражения в статистических данных [3].

Полученные с помощью опросов, экспертных оценок и обзора виктимизации населения результаты говорят о том, что правоохранительным органам становится известной информация примерно об одной трети всех совершаемых преступлений несовершеннолетних, две трети из них остаются латентными [4].

Во-вторых, преступность несовершеннолетних является основным «поставщиком» преступности в целом. Каждое второе (53,7 %) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления [2].

В-третьих, фиксируется ряд устойчивых негативных тенденций, которые являются, помимо прочего, закономерным следствием разрушения сложившейся за несколько десятилетий системы профилактики преступности и несформированности новой системы в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5].

С целью изучения проблем, связанных с несовершеннолетними, и характера их освещения российскими СМИ, нами был проанализирован топ-10 самых цитируемых российских газет на предмет освещения проблем связанных с несовершеннолетними (табл. 1).

В качестве объекта выступало Министерство внутренних дел. Контекстом являлось слово «несовершеннолетние». При проведении исследования применялась автоматическая система мониторинга и анализа СМИ «Медиалогия».

Таблица 1. Топ-10 самых цитируемых газет

№	СМИ	Индекс цитирования
1	Коммерсантъ	2656,49
2	Известия	2135,74
3	Ведомости	1412,80
4	Российская газета	1186,95

№	СМИ	Индекс цитирования
5	Комсомольская правда	404,41
6	Московский комсомолец	207,63
7	Новая газета	177,90
8	Аргументы и факты	152,81
9	Газета РБК	81,82
10	Независимая газета	75,89

Анализ печатных изданий за 5 лет (с 01.01.2010 по 31.12.2014) показал, что освещению проблем несовершеннолетних вообще и преступности несовершеннолетних в частности уделяется недостаточное внимание (табл. 2).

Таблица 2. Упоминания в печатных изданиях контекста «несовершеннолетние» с 01.01.2010 по 31.12.2014

Название газеты	Количество упоминаний	Количество упоминаний, связанных с МВД	Позитив, %	Негатив, %
Коммерсантъ	519	111	3	12
Известия	718	141	9	9
Ведомости	182	24	0	12
Российская газета	1851	303	6	4
Комсомольская правда	395	71	6	14
Московский комсомолец	1239	251	2	15
Новая газета	314	76	1	33
Аргументы и Факты	220	29	3	14
РБК	169	25	8	16
Независимая газета	281	38	11	5

За 5 лет в десяти самых распространенных изданиях тиражом от десятков тысяч до миллиона экземпляров со средней периодичностью 5 раз в неделю опубликовано 5888 материалов с контекстом «несовершеннолетние». Из них 1069 материалов в привязке к МВД, т.е. почти каждый пятый. Исследовалась также эмоциональная направленность материалов. По полученным данным, 81,7 % имели нейтральный общий эмоциональный фон, 13,4 % негативный фон и только 4,9 % публикаций были представлены в позитивном ключе.

Мы сопоставили полученные данные с результатами исследования, посвященного вопросам преступности в печатных СМИ, проведенного В. В. Боровиковой с 01.01.1997 по 05.2001: было изучено содержание 4153 газетных материалов. 54 % изученных публикаций имели негативный общий эмоциональный тон. Обычно, в подобного рода публикациях описывались жестокие реалии криминального мира и бессилие общества эффективно противостоять преступности. Лишь 15 % исследованных публикаций имели эмоциональный положительный тон. В них отражались оперативность, смелость сотрудников ОВД и внутренних войск, которые поддерживали конституционный порядок в Чечне, раскрывали сложные преступления, помогали потерпевшим в возмещении ущерба от общественно опасных посягательств [6].

Зафиксировано уменьшение как негативной, так и позитивной окраски сообщений и смещение в сторону нейтральной полосы, что во многих случаях свидетельствует о нежелании анализировать проблемы. Публикации носят формальный информационный характер, по существу знакомят читателей лишь с фактами совершения преступлений, а не привлекают общество к обсуждению социально значимых для страны проблем, анализу причинно-следственных связей и выработке мер по их устранению.

Установлено наличие фактов однобокого освещения проблем несовершеннолетних отдельными российскими газетами. Например, в газете «Ведомости» за 5 лет не было ни одной публикации о несовершеннолетних, имеющей положительную тональность. Только нейтральные — 88 % и негатив — 12 %. В «Новой газете» — негатив составляет 33 %, нейтральная тональность сообщений — 66 % и только 1 % позитивных (табл. 2).

Данный факт говорит об отсутствии общей системы взглядов и единого понимания проблем преступности несовершеннолетних как в СМИ, так и среди различных правоохранительных субъектов социального управления (ведомств), занимающихся вопросами социальной профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Слабая организация партнерства различных субъектов социального управления в правоохранительной сфере приводит к разобщенности и узковедомственному видению роли каждого субъекта в вопросах воспитания молодежи, отсутствию общей цели.

Таким образом, коммуникативные барьеры неизбежны по причине манипулирования СМИ общественным сознанием людей, лоббирования определенных интересов, социальной напряженности и др. Они не исчезают в любых ситуациях, а лишь смещаются в ту или иную сферу. В связи с этим постоянный их мониторинг имеет высокую практическую значимость, связанную с необходимостью понимания сути социальных проблем, определения причин и последствий их возникновения.

Список литературы

1. «Отражение в информационном поле России проблем ее граждан» [Электронный ресурс]. Москва, 2010. URL: <http://www.edinros.ru/er/text.shtml?11/2109,110600>.
2. *Официальный сайт МВД России* [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru>.
3. *Бакаев А. А., Лелеков В. А., Остапенко Н. И.* О мерах по совершенствованию правового обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних // Уголовное право. 2003. № 5. С. 7.
4. *Санин А. А.* Криминологические аспекты латентной преступности несовершеннолетних в г. Москве : дисс. ... канд. юр. наук. М., 2009.
5. *Криминология : учебник/ под общ. ред. А. И. Долговой.* М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
6. *Боровикова В. В.* Проблемы освещения преступности в средствах массовой информации и профилактическая деятельность органов внутренних дел : автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2002.

Информация об авторе

Дрючина Ирина Николаевна, адъюнкт Академии управления МВД РФ, Москва, Россия, dinikoll@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ

В. Н. Ильмухин

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается применение метода дневникового исследования в изучении медиаповедения аудитории СМИ. Основное преимущество этого метода — возможность сбора данных по нескольким медиа одновременно и в течение продолжительного периода, а не одномоментно, как в случае опроса. Сделан вывод о том, что, несмотря на некоторые недостатки, дневник как метод исследования медиа, при соответствующей организации исследования, отвечает требованиям, выдвигаемым при изучении современных практик медиапотребления.

Ключевые слова: медиаактивность, медиапотребление, нелинейное видеопотребление, дневниковое исследование

Современное развитие медийной среды привнесло сложности в изучение процессов и практик, которые раньше имели более однозначную трактовку. Например, еще 10 лет назад при просмотре телевизора человек был занят лишь одним — просмотром эфирных телеканалов, а 50 лет назад и прослушивание радио было самостоятельной медиаактивностью. В настоящее время вполне обыденной становится ситуация использования более двух медиаустройств одновременно. С приходом Интернета, а также бурным ростом использования мобильных устройств, нарушилось прежнее понимание граней медиапотребления: просмотр телевизора все чаще сопровождается использованием смартфона или планшета, прослушивание радио — использованием Интернета. Практика использования более одного медиаустройства одновременно получила широкое распространение и именуется медиапотреблением в многозадачном режиме.

В результате в относительно стабильный ежедневный объем времени, проведенного в компании с медиа, продолжительностью около 7 часов в среднем вмещается большее количество медиапотребления: чуть больше 8 часов, за счет одновременного использования нескольких медиаустройств [1]. Кроме того, в последние годы появился огромный объем видеоконтента, не связанного с телевидением. Сюда относятся многочисленные видеоролики собственного производства пользователей, так называемые UGC (user generated content), а также видеоматериал, снятый профессиональными студиями и предназначенный для трансляции

прежде всего в сети Интернет. Таким образом, сформировались практики видеопотребления, не привязанного к ТВ, именующиеся нелинейным видеопотреблением. Сюда относится практика онлайн-просмотра UGC и другого нетелевизионного контента, доступного в интернете, а также отложенный просмотр телеконтента посредством записывающих устройств. Также следует выделить возрастающие объемы медиапотребления вне дома, на портативных устройствах в дороге, т. е. по пути на работу/учебу или домой. Указанные практики стали возможными относительно недавно с развитием интернета и медиатехнологий.

Не существует единственного метода, который бы универсально подходил к изучению медиаповедения аудитории. Выбор конкретного метода исследования зависит от специфики измеряемого медиа и задач исследования и в каждом случае должен опираться на их возможности, учитывать преимущества и недостатки.

Так, для обзорного изучения современных практик медиапотребления, т. е. для понимания их места в общей структуре повседневной человеческой жизнедеятельности, а также количественной оценки затрачиваемого времени, используемый метод должен опираться на ключевые характеристики обозначенных медиапрактик:

- использование нескольких медиасредств одновременно;
- практика разнесена по времени, т. е. проявляется не на всем протяжении суточного/недельного медиаиспользования, а лишь в определенные временные интервалы;
- вписанность в повседневную жизнь, переплетенность с немедийными активностями;
- медиапотребление вне дома становится важной частью общего объема медиапотребления.

Дневник как метод изучения практик медиапотребления

Дневниковое исследование как метод сбора информации представляет собой ведение респондентом специального журнала с разбивкой по дням и временным интервалам в течение дня. Как правило, дневники заполняются респондентом самостоятельно. От него требуется отмечать каждый период времени в течение, которого происходило прослушивание, чтение или просмотр медиа. Интервалы времени равны 15 или 30 мин. и редко отличаются от этих значений. Время, в течение которого собираются данные, составляет от одной до нескольких недель. Это позволяет дать относительно полную картину медиапотребления респондента, так как на протяжении недели проявляется все многообразие практик этого процесса. Дневники наиболее тесно связаны с исследованиями аудитории телевидения и радио, хотя этим методом

можно собирать данные по всем видам медиаактивности, в том числе и по чтению прессы.

Некоторые дневники полностью структурированы или предварительно закодированы с перечнем всех каналов, станций или даже программ, с которыми аудитория может иметь контакт. Таким образом, списки каналов/станций могут выступать в качестве подсказок для респондента. Также встречаются неструктурированные дневники, где от исследуемой аудитории требуется собственноручно вписать название канала/станции/издания, с которыми у нее был контакт.

Основным преимуществом использования дневника для исследования медиапотребления является возможность сбора данных по нескольким медиа одновременно и в течение продолжительного периода, а не одномоментно, как в случае опроса. Дневниковое исследование позволяет не перегружать респондента. При соблюдении основных инструкций по заполнению дневника, фиксация медиапотребления происходит порционно, разнесена по времени и, таким образом, не требует от респондента чрезмерного напряжения.

Существует потенциальный источник ошибок при самостоятельном ведении дневника респондентом — человеческая память. Периодически респондент может забывать отмечать в дневнике случаи медиапотребления. Другим фактором выступает добросовестность респондента. Часто дневник заполняется в конце недели, и, соответственно, медиапотребление фиксируется одномоментно за всю неделю сразу. В таких случаях особенно ярко проявляется несовершенство человеческой памяти и возможно возникновение ошибок. Не исключена и вероятность сознательной подтасовки результатов, т. е. респонденты могут намеренно завысить или занижить рейтинги той или иной передачи/канала/медиа, так как проконтролировать достоверность полученных данных нет никакой возможности. Другим источником неточностей может выступать тот факт, что респондент плохо информирован о медиапотреблении других членов семьи. Также дневнику приписывают такой недостаток, как низкая точность измерения по сравнению с электронными средствами регистрации, которые способны улавливать аудиторию эфирного события вплоть до считанных секунд, тогда как в дневниковом исследовании интервалы измерений редко отличаются от 15 или 30 мин.

Таким образом, при соответствующей организации исследования (регулярный сбор данных, использование уменьшенных копий дневника для ношения с собой) дневник как метод исследования медиа отвечает требованиям, выдвигаемым при изучении современных практик медиапотребления. Использование дневника позволяет вести сбор данных по нескольким медиа одновременно. Кроме того, дневник как инструмент

исследования позволяет фиксировать медиапотребление в течение продолжительного периода, в комплексе немедийных повседневных рутинных активностей. Электронные устройства регистрации медиапотребления не подходят по причине измерения медиапотребления только одного устройства (ТВ), невозможности фиксации параллельных активностей и медиапотребления вне дома. А в случае с методом опроса, комбинация измерения нескольких медиа в разбивке по временным интервалам в течение дня на практике становится непосильной задачей для респондента. Даже если организовать телефонную панель и устраивать ежедневный опрос, результаты будут сильно зависеть от памяти респондента.

Список литературы

Digital Day. М. : Аналитический центр Видео Интернешнл и ГФК, 2012.

Информация об авторе

Ильмухин Василь Наильевич, аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, vilmukhin@mail.ru

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ? ВЛИЯНИЕ СМИ НА ВНИМАНИЕ РОССИЯН К СОБЫТИЯМ 2015 Г.

А. Д. Казун

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено проверке гипотезы о существовании взаимосвязи между представлениями людей о важности тех или иных событий и интенсивностью дискуссии по данному вопросу в СМИ. Эта гипотеза стала основой для разработки теории повестки дня. Выполняется сопоставление открытых данных «Левада-центра» о наиболее запомнившихся россиянам событиях предыдущего месяца и числа публикаций об этих событиях в российской прессе (согласно базе «Интегрум»). Приводятся примеры наиболее запомнившихся событий различной информационной направленности; выдвигаются предположения о причинах, обуславливающих внимание к подобным вопросам. Результаты исследования подтверждают влияние интенсивности дискуссии в СМИ на внимание людей к проблеме.

Ключевые слова: повестка дня, СМИ, навязчивые события, конструирование проблем

Журналистика — это когда сообщают: «Лорд Джон умер», —
людям, которые и не знали, что лорд Джон жил.
Гилберт Честертон

В сатирической книге Ивлина Во «Сенсация», напутствуя журналиста перед отправкой в качестве специального корреспондента в охваченную гражданской войной Эсмаилию, его коллега произносит, что главному редактору нужны репортажи про победы патриотов. В целом, описание ситуации в терминах борьбы между «патриотами» и «предателями» не вызывает большого удивления и кажется смутно знакомым. Однако смущает тот факт, что воюющие стороны имеют различные мнения о том, кто есть кто в этом конфликте. Впрочем, для хорошего репортера это не проблема, а простор для маневра. Ведь в этих условиях корректно называть патриотом любого, кто одержит победу. И уже не важно, что, в действительности, гражданской войны в стране не наблюдается и что воображаемый лагерь повстанцев находится в местечке, где даже местные жители не бывают. Еще меньшее значение имеет, что до недавнего времени о существовании Эсмаилии

почти никто не знал. Конвейер запущен, и весь мир с замиранием сердца следит за новостями.

Разумеется, описание, предложенное Ивлином Во, несколько утрировано. Однако нельзя не отметить, что относительно возможностей СМИ конструировать проблемы исследователи давно достигли консенсуса [1, 4]. Факты, которые есть в новостях, воспринимаются как важные, обсуждаются и запоминаются. События, обделенные вниманием СМИ, реальны только для непосредственных участников и скоро будут преданы забвению. Можно долго спорить о пропагандистском потенциале средств массовой информации, их возможностях влиять на взгляды людей. Можно даже доказать, что СМИ не обладают достаточной властью, чтобы заставить людей кардинально изменить свою точку зрения. Однако идея о том, что «СМИ не могут говорить людям, что им думать, но могут преуспеть в том, чтобы говорить им, о чем им думать» [2], — не вызывает большого недоверия исследователей.

Наши знания о большинстве событий, происходящих в мире, опосредованы теми или иными каналами массовой коммуникации. Соответственно, у нас не было бы шансов получить информацию о многих сторонах реальности, не имея мы доступа к СМИ. Логично, что восприятие события как значимого требует, как минимум, осведомленности о том, что оно произошло. Опираясь на эту логическую цепочку, мы предполагаем, что существует взаимосвязь между представлениями людей о важности тех или иных событий и интенсивностью дискуссии по данному вопросу в СМИ. Проверке данной гипотезы (ставшей основой для разработки теории повестки дня) и посвящено настоящее исследование.

Методология

В исследовании выполняется сопоставление открытых данных «Левада-центра»* о наиболее запомнившихся россиянам событиях предыдущего месяца и числа публикаций об этих событиях в российской прессе. Исследование «Левада-центра» проводится ежемесячно, обычно, в третью пятницу текущего месяца. Традиционно вопрос задается в следующей формулировке: «Какие события последних четырех недель запомнились вам более всего?». При этом варианты ответов респондентам не предлагаются. Результат представлен в формате таблицы, содержащей перечень событий прошедшего месяца и долю опрошенных, назвавших их в качестве запомнившихся.

Эти данные мы сопоставляем с числом публикаций по каждому из вопросов в прессе, согласно базе «Интегрум», которая содержит

* Веб-сайт «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru>

материалы около 500 российских журналов, более 250 центральных и более 1000 региональных газет. В исследовании мы используем данные о числе статей по теме, опубликованных в течение четырех недель и одной недели до даты проведения опроса. Несмотря на то, что респондентов спрашивают о событиях последнего месяца, логично предположить, что наиболее свежи в их памяти происшествия последней недели, поэтому данный показатель также является важным для исследования. Для каждого события, упомянутого в опросе «Левада-центра» был составлен запрос, позволяющий оценить количество статей в прессе, упоминающих его.

В фокусе нашего внимания находятся события за один год с декабря 2014 г. по ноябрь 2015 г. Собранная база данных включает 290 событий, причем часть из них упоминается однократно, тогда как отдельные происшествия выделяются в качестве наиболее важных каждый месяц. К таким стабильно привлекающим внимание событиям можно отнести колебания курса рубля, изменения стоимости нефти, конфликт на Востоке Украины и ситуацию с экономическими санкциями и российским продовольственным эмбарго. Поскольку события, которые называются однократно или же упоминаются в качестве запомнившихся систематически, могут привлекать неодинаковое внимание граждан, мы вводим в анализ также этот параметр.

Впрочем, повестка дня СМИ и общественная повестка далеко не всегда совпадают. Если в отношении некоторых событий единственным источником информации для населения являются СМИ, то для других событий превалирует личный опыт [3]. Последние были обозначены исследователями как навязчивые (*obtrusive*). В отношении таких вопросов влияние дискуссии в СМИ на представления людей о важности события является незначительным. Например, внимание населения к ЕГЭ, возрастающее в мае-июне каждого года, обуславливается не растущим числом публикаций по данному вопросу, а трудностями, с которыми непосредственно сталкиваются выпускники и их семьи. Поскольку в отношении таких событий влияние СМИ на общественное мнение может быть значительно более слабым, расчеты были выполнены как для всей выборки, так и для «ненавязчивых» событий отдельно.

Некоторые результаты исследования

В докладе делаются выводы о том, какие события 2015 г. привлекли наибольшее внимание россиян (рис. 1). Приводятся примеры наиболее запомнившихся событий различной информационной направленности, а также выдвигаются предположения о причинах, обуславливающих внимание к подобным вопросам.

Также результаты исследования подтверждают влияние интенсивности дискуссии в СМИ на внимание людей к проблеме. Кроме того, демонстрируется большая важность дискуссии в СМИ за неделю до даты проведения опроса, чем за весь предшествующий ему месяц (табл. 1). Людям лучше запоминаются события, произошедшие незадолго до начала опроса, а также те события, в отношении которых в этот период интенсифицировалась дискуссия. Также следует отметить высокую важность региональных печатных изданий для привлечения внимания общественности к различным вопросам. Проблемы, освещаемые центральными изданиями и информационными агентствами, но проигнорированные региональной прессой (как например, экономический форум в Давосе или лишение российской делегации права голоса в ПАСЕ), запоминаются населению значительно хуже.

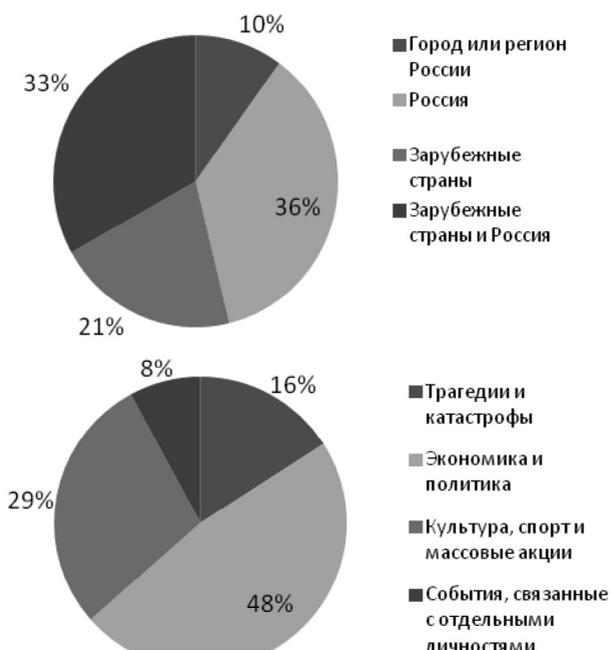

Рисунок 1. Запомнившиеся события: тип и масштаб

Мы можем также утверждать, что длительное сохранение проблемы в информационной повестке привлекает к ней внимание, однако интенсивность дискуссии непосредственно перед опросом является более значимой. Отчасти это может быть объяснено двояким влиянием высокой продолжительности дискуссии, которое состоит в улучшении запоминаемости вопро-

сов с одной стороны и возможным снижении интереса к ним — с другой. Таким образом, два разнонаправленных эффекта маскируют возможное влияние данного фактора на внимание к проблеме.

Источник: построено автором по итогам агрегирования результатов опросов «Левада-центра» за 12 месяцев (декабрь 2014 г. — ноябрь 2015 г.)

Таблица 1. Регрессионные модели (зависимая переменная — доля респондентов, назвавших событие в качестве наиболее запомнившегося) *

Переменная	Все события		Только «ненавязчи- вые» события	
	Модель			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Константа	6,157*** [1,299]	7,401*** [1,208]	6,523*** [1,372]	7,617*** [1,288]
Число статей за 4 недели до даты опроса	0,003*** [0,000]		0,003*** [0,000]	
Число статей за 1 неделю до даты опроса		0,012*** [0,001]		0,012*** [0,001]
Доля новостей по теме, пришедших на последнюю неделю перед опросом	0,109*** [0,024]	0,064*** [0,024]	0,105*** [0,025]	0,065*** [0,025]
Преобладание центральных изданий над региональными изданиями	-3,561*** [1,226]	-3,274*** [1,177]	-3,773*** [1,277]	-3,529*** [1,229]
Упоминания события в качестве важного в предыдущих опросах	2,756** [1,333]	1,457 [1,311]	2,708* [1,440]	1,478 [1,418]
Прямое упоминание Путина в формулировке события	1,744 [2,039]	1,897 [1,962]	1,597 [2,082]	1,722 [2,011]
Число наблюдений	290	290	269	269
R²	0,327	0,377	0,330	0,375
Примечание: в квадратных скобках даны стандартные ошибки. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$				

* Для проверки результатов на устойчивость мы строим регрессионные модели не только на полной выборке, но и на выборке, из которой исключены навязчивые события, в отношении которых, теоретически, влияние СМИ на общественное мнение должно отсутствовать. Удаление навязчивых событий из выборки значимо не меняет результатов анализа.

Список литературы

1. *Blumer G.* Social Problems as Collective Behaviour // *Social Problems*. 1971. N 18. P. 298—306.
2. *Cohen B.* The press and foreign policy. NY: Harcourt, 1963.
3. *McCombs M., Graber D., Weaver D.* Media agenda-setting in the presidential election. N.Y. : Praeger Scientific, 1981.
4. *Spector M., Kitsuse J. I.* Constructing Social Problems. N.Y. : Aldine de Gruyter, 1987.

Информация об авторе

Казун Анастасия Дмитриевна, м. н. с. лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель и аспирант факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия, anastasiya.kazun@gmail.com

РЕЗУЛЬТАТЫ «КОНВЕРГЕНТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ» В ПРОЕКТЕ «ИНДЕКС ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ»

О. С. Логунова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,

Аннотация. Проведено исследование уровня цифровой грамотности населения Российской Федерации. Рассчитан «Индекс цифровой грамотности» (ИЦГ) для каждого федерального округа. Основным источником данных стал массовый опрос, проведенный в рамках проекта компанией ВЦИОМ; при расчете ИЦГ были использованы данные Росстата, Роскомнадзора и TNS Россия. Исследование выявило значимые диспропорции уровня цифровой грамотности в федеральных округах России.

Ключевые слова: индекс цифровой грамотности, медиаграмотность, конвергентные исследования

Индекс цифровой грамотности (ИЦГ) — исследовательский проект, совместно реализованный в 2015 г. некоммерческой организацией РОЦИТ и Факультетом коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Исходя из российского и зарубежного опыта конструирования оценки цифровой грамотности теоретической рамкой данного исследования служат работы P. Gilster, J. Hartley, H. Jenkins и других, а также подходы Канадского центра цифровой и медиаграмотности «МедиаСмартс», Фонда «Современная Польша», медиа- и информационная грамотность и модель цифровой компетентности Г. У. Солдатовой. В результате авторами была разработана трехуровневая модель создаваемого Индекса, который включает субиндекс цифрового потребления, субиндекс цифровых компетенций и субиндекс цифровой безопасности.

Проведенное исследование позволило выявить значимые диспропорции уровня цифровой грамотности в федеральных округах России. Наиболее высокое интегральное значение рейтинга — у Северо-Западного федерального округа, также лидирующего по многим отдельным показателям. Второе место занимает Центральный федеральный округ, в котором наблюдаются существенные различия между ситуацией в Москве и других субъектах федерации. Замыкают список Приволжский и Крымский федеральные округа.

Ценность данных, собранных в рамках проекта, отнюдь не ограничивается проведенным ранжированием регионов. Расчет субиндексов и отдельных показателей позволяет увидеть особенности развития цифро-

вой грамотности в каждом из регионов. Например, в Дальневосточном и Южном федеральных округах отмечен высокий уровень развития грамотности в сфере цифровой безопасности, однако положение дел с цифровыми компетенциями в первом случае и цифровым потреблением во втором — не столь оптимистичное; Крымский федеральный округ — явный аутсайдер практически по всем показателям, однако в данном случае можно занести в актив уровень использования социальных сетей.

Подобный анализ может быть ценен как для самих регионов, заинтересованных в реализации проектов, направленных на повышение уровня цифровой грамотности населения, так и для бизнеса, эффективность деятельности которого связана с цифровой культурой потребителей.

Основным источником данных стал массовый опрос, проведенный в рамках проекта компанией ВЦИОМ (вся Россия, возраст 18+, $n = 1600$, август 2015 г.). Кроме того, при расчете ИЦГ были использованы данные Росстата, Роскомнадзора и TNS Россия.

Дополнительным источником данных стала социальная сеть Одноклассники.ру: на платформе этого социального медиа были проведены онлайн-опросы пользователей сети во всех регионах России, что позволяет сравнить данные, собранные по России и федеральным округам.

В число партнеров проекта также вошла Data Centric Alliance, сотрудничество с которыми стало дополнительным способом верификации данных нескольких опросов. Big Data позволили отследить реальный трафик пользователей регионов и выявить особенности поведения каждого из субъектов РФ.

Информация об авторе

Логунова Ольга Сергеевна, к. с. н., доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, olga.logunova@gmail.com

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО НА СЛУЖБЕ МЕДИАРЫНКА: ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М. В. Пикулева

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,

Аннотация. В современной культуре происходит процесс преобразования медиасреды, объединения медиа и изменения роли аудитории (медиаконвергенция). Сближаются платформы медиасистем, аудитория становится полноправным участником массовой коммуникации, пользователи создают собственный контент в социальных медиа, возникает новая журналистика, традиционные СМИ трансформируются в контентные холдинги. Все это актуализирует для исследователей поиск новых подходов к измерениям совокупной аудитории контента и рекламы.

Ключевые слова: медиапотребление, медиаиндустрия, цифровые технологии, медиаконвергенция, реклама, измерения аудитории

Взаимодействие социологии и средств массовой коммуникации имеет долгую историю и отличается разнообразием форм. Главным источником существования большинства медиа является реклама. Рекламодатель заинтересован в том, чтобы донести сообщение о своем товаре или услуге до потребителей. Медиа, привлекая аудиторию редакционным контентом, одновременно обеспечивает передачу рекламного сообщения, которое может быть интегрировано в этот контент или соседствовать с ним. Посредниками в этой схеме являются рекламные агентства.

В 2015 г. объем отечественного рынка маркетинговых коммуникаций превысил 307 млрд рублей без НДС, что на 10% меньше, чем годом ранее (рис. 1). Ключевыми носителями являются ТВ (самое охватное) и интернет (единственный растущий).

Рисунок 1. Объем и структура рекламного рынка России [1]

Для распределения бюджетов такой величины необходим универсальный критерий. Здесь мы подходим к краеугольному постулату: рекламодатель покупает не площади, не эфирное время и не показы, а аудиторию.

В России прикладные социологические исследования, результатом которых является охват и профиль аудитории, с 1994 г. проводит компания TNS. Их пользователями являются все национальные и крупнейшие локальные медиа, российские и западные рекламодатели, рекламные агентства, государственные организации (Администрация Президента РФ).

Методологическое разнообразие подходов включает автоматическое измерение (регистрация телепросмотра с помощью пиплметров, регистрация посещения сайтов с помощью счетчиков и ПО на устройствах панелистов). Это обогащает индустрию огромными, ежедневно пополняемыми массивами обрабатываемых данных. Неверно считать, что их единственным назначением является построение рекламных стратегий. На примере телеканала покажем множество областей применения аудиторных показателей:

- высшее руководство: для понимания общей ситуации на рынке и долгосрочного планирования;
- программинг: для анализа программной сетки;
- продюсеры: для оценки успеха отдельных программ;
- промоушн: для оценки эфирного продвижения;
- продажи: для оценки эффективности спонсорства.

Практики взаимодействия между социологами и медиа трансформируются, как и прикладные исследования в других сферах. Растет компетентность клиентов, которые требуют не просто данные, а аналитику и консалтинг [2]. Нарастающая консолидация выражается в создании отраслевых организаций (Гильдия издателей, Индустриальный комитет по телеизмерениям). Усиливаются требования к оперативности и визуализации (одним из ответов стало мобильное приложение с данными TNS).

Важнейшее преобразование современной медиасреды связано с понятием медиаконвергенции, предложенным Г. Дженкинсом [3]. Изучая цифровые технологии, он проследил процесс объединения медиа в современной культуре, а также изменение роли аудитории. Понятие медиаконвергенции многогранно. Можно выделить типологическую конвергенцию (сближение разных типов медиа), технологическую (нахождение общей базы между аналоговыми и цифровыми технологиями), жанровую (слияние форм подачи материалов) и т. д. [4].

Сближение технологий выражается в мультиплатформенности, характерной для цифровой среды. Так, среди 25 крупнейших новостных ресурсов Рунета только половину составляют агрегаторы и новостные

сайты, не имеющие офлайн-аналогов. Другая половина состоит из цифровых версий печатных изданий, радиостанций и сайтов телеканалов с их контентом (рис. 2).

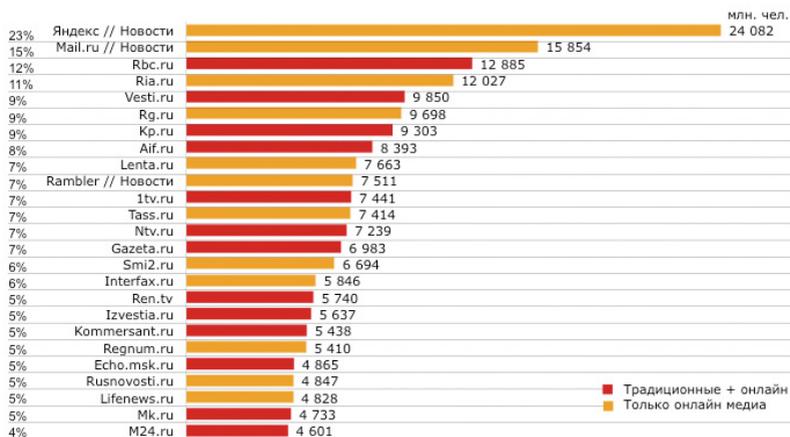

Рисунок 2. Крупнейшие новостные ресурсы, десктопная аудитория за месяц, в % от населения России 12—64 лет, декабрь 2015 г. [5]

Реакция аудитории проявляется во фрагментации: выбор резко увеличивается, а количество времени на потребление остается прежним. В результате каждый потребитель может найти контент по своему вкусу, что хорошо иллюстрирует «длинный хвост»: среднесуточный охват крупнейших каналов может составлять 30—40% населения, однако у многих нишевых каналов этот показатель не превышает 1% (рис. 3).

С развитием мобильной среды доступ аудитории к контенту не имеет ограничений во времени и пространстве. Мобильным интернетом пользуются 59 млн россиян 12 лет и старше, причем 16 млн выходят в сеть только с телефонов и планшетов [5].

Цифровая революция сделала аудиторию полноправным участником массовой коммуникации [7]. Пользователи могут создавать собственный контент прежде всего в социальных медиа. В России соцсетями пользуются 76% аудитории интернета, блогами и форумами — 39% (среднемировые показатели меньше: 42 и 16% соответственно).

Для медиасистемы конвергенция означает сближение платформ, первенство контента, возникновение новой формы журналистики, трансформация традиционных СМИ в контентные холдинги. Для аудитории — свободу выбора в потреблении контента где угодно, когда угодно и каким

удовно способом. Для рекламодателя — единое пространство для взаимодействия с потребителем. А для исследователя — актуализацию задач, связанных с измерением совокупной аудитории контента и рекламы.

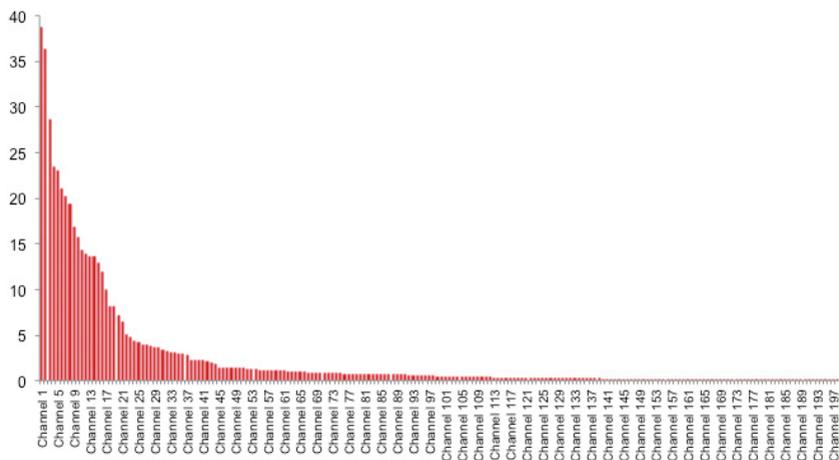

Рисунок 3. Среднесуточный охват телеканалов, в % от населения 4+ лет, города России 100 000+, январь—октябрь 2015 г. [5]

Особенно остро стоит необходимость в новых подходах для измерения видеопотребления. Классическое линейное потребление («диванный» просмотр ТВ) сегодня дополняется нелинейным, когда этот же контент зритель смотрит на другом устройстве (например, просмотр пропущенных серий на компьютере). Методологическим вопросам гибридных исследований аудитории видеоконтента в современной мультиэкранной среде уделяется огромное внимание во всех странах [8].

В марте 2016 г. TNS Россия, «СТС Медиа» и Vi объявили о старте пилотного проекта по измерению аудитории ТВ-контента в классической и цифровой средах. В 2015 г. аналогичные продукты анонсировали Kantar Media (для SKO в Нидерландах), BARB в Великобритании, Nielsen (для CBS All Access) и ComScore.

Проект TNS «BigTV рейтинг» измеряет аудиторию, потребляющую ТВ-контент нелинейно, учитывает ее пересечение с линейным потреблением и получает в результате единый рейтинг видеоконтента и рекламы в нем. Таким образом, к классической телеаудитории добавляется цифровая. Телеканалы получают возможность монетизировать зрителей в сети.

Первые тесты, представленные TNS в ноябре 2015 г., показали, что совокупная аудитория с учетом десктопных просмотров увеличивается лишь на 1—3%. Но рекламный рынок ожидает, что с учетом просмотра на мобильных устройствах она вырастет до 5—6% [9, 10].

Это первый шаг на пути к созданию новой рекламной валюты, отражающей совокупность контактов в традиционном эфире, отложенном просмотре и онлайн [11]. Инструмент дает импульс развитию всей медиаиндустрии.

Список литературы

1. АКАР: Объемы рынка рекламы [Электронный ресурс]. URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size.
2. Демидов А. М. Тенденции развития маркетинговых и социальных исследований // Социологические методы в современной исследовательской практике : сб. статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского / отв. ред.: О. А. Оберемко. М. : ИД НИУ ВШЭ, 2011. С. 168—171.
3. Jenkins H. *Convergence Culture : Where old and new media collide*. N.Y. : New York University Press, 2006.
4. Медиаконвергенция, которая изменила мир? // Сборник статей к открытой сессии в рамках дискуссионной платформы «Новые медиа в гуманитарном образовании». Российский государственный гуманитарный университет, Институт массмедиа, факультет журналистики. М. : РГГУ, 2014.
5. TNS Web Index : Аудитория Интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/>.
6. TNS TV Index : Телевизионная аудитория [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/audience/>.
7. Вартанова Е. Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // Информационное общество. 2008. Вып. 5—6. С. 37—39.
8. Назаров М. М. Измерения аудитории ТВ в современной мультиэкранной среде (практики зарубежных рынков). М. : НИПКЦ Восход-А, Аналитический центр Vi, 2015.
9. Белецкая К. TNS и CTC Media измерят телезрителей в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/03/14/633498-tns-ctc-izmeryat-telezritelei-internete>.
10. Афанасьева А. Телеканалы ищут зрителей в интернете // Коммерсантъ. № 42 (5792) от 15.03.2016.
11. Дружинин А. TNS объединил ТВ-контент в эфире и цифре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sostav.ru/publication/tns-i-vi-obedinili-tv-kontent-v-efire-i-tsifre-21435.html>.

Информация об авторе

Пикулева Марина Вячеславовна, к. с. н., ведущий медиааналитик TNS Россия, доцент кафедры маркетинговых коммуникаций факультета бизнеса и менеджмента НИУ ВШЭ, Москва, Россия, Marina.Pikuleva@tns-global.ru

КОНВЕРГЕНЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ

И. Н. Чудновская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Принципиальная дисциплинарная разрозненность исследований не отвечает запросам нового века. Результаты проведенного нами коллективного исследования «Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности социокультурной среды» демонстрируют, что учет новой возможности стратификации аудитории дает свои плоды и в медиаисследованиях.

Ключевые слова: конвергенция исследований, междисциплинарный подход, массовая коммуникация, социоментальные группы, медиаисследования, коммуникология

Требования в современном академическом научном сообществе строго соблюдать чистоту предметной области конкретной научной дисциплины ведут к неоднозначным последствиям как в теоретическом, так и в практическом отношении. Достижения двадцатого века наглядно продемонстрировали продуктивность междисциплинарного подхода, когда смежные дисциплины, имеющие пересечение в объекте, но отличающиеся по предметным ракурсам, объединяют свои усилия. В первую очередь, успешность этого подхода видна в области естественных и технических наук, в области же социально-гуманитарных наук в российском академическом дискурсе нередко наблюдается почти сакрализация предметных границ конкретной науки. Достаточно вспомнить рекомендации ВАК соискателям научных степеней публиковать их работы в строго профилированных журналах. Если посмотреть на ситуацию академического дискурса метафорически, то она скорее напоминает удельные княжества. С одной стороны, такая научная предметная замкнутость позволяет в большей степени углубиться в исследуемый предмет, но с другой стороны, привлечение представлений смежной науки способно раскрыть новые стороны исследовательского объекта. Не случайно многие ученые, завоевавшие мировой авторитет в социально-гуманитарной сфере, не замыкали свой взгляд исключительно рамками одной конкретной дисциплины.

Междисциплинарный подход к исследованиям массовой коммуникации был применен в рамках известного таганрогского проекта Б. А. Грушина по социологическому изучению типичного промышленного города, что заложило основу для создания Т. М. Дридзе семиосоциопсихологической парадигмы социальной коммуникации. Объединение со-

циологии, семиотики и психологии позволило выявить новый критерий для систематизации общества. Выяснилось, что на основе умения человека адекватно интерпретировать коммуникативную интенцию автора, заложенную в тексте, можно выделять ряд социоментальных групп, характеризующихся определенными паттернами социального поведения. Деление на такие группы не совпадает с делением по другим критериям, принятым в социологии, и, следовательно, обогащает социологический арсенал изучения общества. Учет новой возможности стратификации аудитории дает свои плоды и в медиаисследованиях. В качестве примера можно привести результаты проведенного нами коллективного исследования, поддержанного грантом РФФИ, «Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности социокультурной среды».

Принципиальная дисциплинарная разрозненность исследований уже не отвечает и технологическим запросам нового века. Совершенно очевидно, что на технологической платформе медиатизации современное общество перешло на качественно новую ступень своего развития [1]. Для исследования нового состояния общества необходимо отраслевое сближение социологии, по меньшей мере, с коммуникологией, экономикой, психологией, философией, если ставится задача построения не просто описательных моделей, а действительно объяснительных, как того требует само понятие «модель». Отметим, что такие интеграционные тенденции уже проявляются, например, в коммуникологии. В 2015 г. прошла масштабная международная конференция «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов», где, в частности, было подчеркнуто, что для создания объяснительных моделей коммуникации следует во многом опираться на социологию и психологию, а не только на журналистику, как это было принято раньше.

Если говорить о конвергенции академических и индустриальных медиаисследований, то от академической стороны ожидается прежде всего стройная непротиворечивая теория, подтвержденная эмпирическими данными и позволяющая адекватно проводить прикладные исследования. Однако теория не успевает за практикой. В академических медиаисследованиях до сих пор не принята общая точка зрения даже на то, что понимать под «медиа» и каковы границы концепта. Различные академические группы работают по собственноразработанным представлениям, в малой мере сопоставляя их с представлениями других исследовательских центров. Так, далеко не все социологи готовы согласиться с толкованием концепта «медиаократия» (сохранена авторская орфография первоисточника), представленным в недавно вышедшем выпуске журнала «Вопросы философии» [2]. Исходя из перевода слова,

автор философско-исторического исследования трактует медиократию как власть посредственности, серости, рассматривая ее в контексте деинтеллектуализации общества и ставя на одну ступень медиократов и графоманов.

На наш взгляд, в современных условиях медиатизации общества назрела объективная необходимость конвергенции научных знаний и институционализации специальной отрасли — интегрированной науки о медиа.

Список литературы

1. Чудновская И. Н. Медиатизированное общество как перспективный объект социологии // IX Международная научная конференция «Сорокинские чтения». Приоритетные направления развития социологии в XXI веке : К 25-летию социологического образования в России : сб. материалов. М. : Изд-во Московского университета, 2014. С. 809—811 [Электронный ресурс]. URL: <http://istina.msu.ru/workers/820083/>
2. Гобозов И. А. Постмодернизм — эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. № 12.

Информация об авторе

Чудновская Ирина Николаевна, к. ф. н., доцент кафедры социологии коммуникативных систем МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, inchud@bk.ru

09. Справедливость: как она понимается и как реализуется в современной России

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

А. В. Андрееenkova

Институт сравнительных социальных исследований, Москва, Россия

Аннотация. Проанализированы результаты сравнительного межстранового исследования представлений и установок населения относительно обеспечения экономической справедливости в Европе, проводимого в рамках Европейского Социального Исследования (ESS) на базе национальных опросов взрослого населения каждой страны. В России ESS проводится ЦЕССИ с 2006 г. каждые два года. В 4-й волне ESS (2008 г.) разработан модуль о сравнительном изучении представлений людей об экономическом неравенстве, экономической справедливости и роли государства в обеспечении экономической справедливости через программы социальной поддержки.

Ключевые слова: межстрановые исследования, экономическая справедливость, методология, операционализация, комплексный подход

Справедливость редко становилась предметом изучения в сравнительных межстрановых исследованиях на базе опросов. Причинами являются методологические трудности, встающие на пути любого исследователя, который решится заняться этой проблемой в сравнительном межстрановом контексте. Таких методологических ограничений как минимум три:

1. Многоаспектность понятия «справедливость». Оно носит как интегральный характер оценки взаимоотношений всех сложившихся элементов (людей, институтов, норм и законов) в обществе, так и разбивается на целый ряд относительно независимых, хотя и взаимосвязанных и практически одинаково важных, частей: справедливость экономическую, политическую, социально-классовую, межличностную и т. п.
2. Контекстуальность. Справедливость является оценочной характеристикой, формирующейся в общественном сознании в рамках уже установленных в конкретном обществе институтов, юридических законов и социальных норм, а также общепринятых практик, традиций. Поэтому любые межстрановые сравнения представлений

о справедливости, сформированных в разных социально-политических и экономических контекстах, являются проблематичными как на уровне операционализации, так и на уровне интерпретации эмпирических данных.

3. Изменчивость во времени. Хотя, возможно, и существуют некоторые общечеловеческие и вневременные представления людей о «высшей справедливости» и базовых принципах справедливых взаимоотношений между людьми, однако значительная часть этого понятия, в частности, критерии справедливости, постоянно меняется в зависимости от достигнутого уровня, конкретных исторических и институциональных условий, общей социальной атмосферы, уровня рисков и нарушения «справедливости» и т. п.

Все эти факторы приводят к снижению сопоставимости сравнительных межстрановых данных. Достижение эквивалентности в операционализации этого понятия на этапе разработки исследования и проведение сравнительного анализа данных даются очень нелегко и не всегда успешны. Выход на протяжении долгих лет оставался в том, чтобы сконцентрироваться на изучении лишь какой-либо части широкого понятия «справедливости» и ограничить количество изучаемых объектов, снизить контекстуальную вариативность, либо проводить анализ заведомо сходных социальных систем. В последние десятилетия, однако, количество объектов, включаемых в сравнения, постоянно растет (вплоть до «всемирных» исследований), однако комплексный подход к изучению справедливости в целом все еще применяется очень редко. Предметом изучения в сравнительных межстрановых опросах в последние 30 лет были чаще всего вопросы экономического неравенства, справедливости в распределении ресурсов (например, ISSP 2009), вопросы дискриминации и социальной исключенности, в том числе гендерное равенство, этническое равенство, вопросы юридической справедливости, работа государственной системы по защите справедливости (WJP — Всемирное исследование юридической справедливости, ESS, 5-я волна, 2010 г., модуль о юридической справедливости и др.), исследования политического равенства, демократии. Количество односторонних проектов по отдельным аспектам справедливости гораздо шире. Редким примером интегрального и системного подхода к изучению справедливости в целом в одной стране является исследовательский проект «Справедливость в России» Фонда ИНДЕМ 2013—2015.

Примером межстранового сравнительного подхода может служить модуль об изучении представлений и установок населения по вопросу об обеспечении экономической справедливости в Европе в Европейском Социальном Исследовании (ESS). ESS — сравнительное межстрановое

исследование в европейских странах на базе национальных опросов взрослого населения каждой страны. В России ESS проводится ЦЕССИ (Институтом сравнительных социальных исследований) с 2006 г. каждые два года. В 4-й волне ESS (2008 г.) был разработан модуль о сравнительном изучении представлений людей об экономическом неравенстве, экономической справедливости и роли государства в обеспечении экономической справедливости через программы социальной поддержки.

В странах Европы с очень разными путями развития системы государственного социального обеспечения и типами системы социальной поддержки сложилось в целом единое мнение по поводу того, что социальная поддержка нуждающихся слоев населения является задачей государства. Хотя существуют различия, не менее 70% населения в каждой стране поддерживает регулирующую и распределяющую роль государства. Внутри каждого из обществ разброс мнений по этому вопросу также невелик, однако различия стран по широте вовлеченности государства в решение различных задач социального обеспечения довольно велики. Наиболее широк он в постсоциалистических странах, где большинство населения возлагает практически все функции социального обеспечения на государство.

Хотя запрос на социальные услуги государства в обеспечении хотя бы относительной экономической справедливости в России и многих других европейских странах очень велик, доверие институтам, которые призваны обеспечивать такую справедливость, а также оценка эффективности их работы и результатов функционирования государственной системы социального обеспечения очень сильно отличаются. В России, Украине, Латвии и ряде других европейских стран доверие как политическим институтам, так и институтам, напрямую связанным с поддержанием справедливости и правопорядка в обществе, находится на очень низком уровне. Низкое доверие демократическим политическим институтам характерно сегодня практически для всех европейских стран. А доверие юридическим институтам, напротив, в большинстве европейских стран очень высокое, именно они служат гарантом того, что в обществе реализуется выполнение установленных правил и социальных обещаний, базовой формы справедливости. Россия, Украина и еще несколько стран составляют в этом отношении скорее исключение.

Высокий запрос на вовлеченность государства в решение проблем экономической справедливости, но низкое доверие к институтам, призванным осуществлять эти задачи, и низкая оценка эффективности их деятельности, ведут к высокому уровню неудовлетворенности функционированием всей государственной системы социального обеспечения и управления, а также к критическому взгляду на ситуацию с экономической справедливостью

в обществе, обострением чувства несправедливости происходящего в этой сфере. Такая ситуация характерна не только для России, но для большинства постсоциалистических стран (хотя есть и исключения), т. е. имеет системный характер. В данном случае представления о несправедливости системы формируются как на основе объективных данных (в большинстве этих стран реальный уровень полученной социальной помощи в абсолютных значениях действительно ниже, чем в других странах, однако зависимость эта не линейная), но также и на основе субъективных представлений — в сравнении с идеалом, прошлым опытом, другими странами.

Важным различием в представлении людей о деятельности государства в установлении экономической справедливости, является мнение об источниках такой помощи и о принципах ее распределения. В России, где поддержка (даже требования социальных выплат) со стороны государства очень велика, при выборе «больше налогов-больше социальных выплат» или «меньше налогов-меньше социальных выплат», лишь 26 % поддержали первую позицию. В Европе она тоже не слишком популярна. Довольно противоречивы и взгляды россиян (как, впрочем, и всех европейцев) на принципы перераспределения. Принцип равных взносов в систему социального обеспечения находит в целом очень небольшую поддержку среди европейцев (менее 10 %, в России 5 %). Примерно равную долю составляют сторонники принципа простого пропорционального налогообложения (равный процент от дохода) и сторонники прогрессивного пропорционального налогообложения. В России сторонников простой пропорциональности 40 %, прогрессивной — 46 %. В целом такое распределение характерно для большинства европейских стран. Мнения о принципах распределения этой помощи гораздо более разнообразны, и полного согласия по этому вопросу нет ни в одной стране. В ряде стран большинство поддерживает прогрессивный принцип (кто зарабатывает больше — тот получает больше), к ним относится и Россия (хотя доля вообще не определившихся по этому вопросу — одна из самых больших в Европе, т. е. во многом принципы справедливого распределения не сформировались). В ряде стран доминирует эгалитаристский подход (равную пенсию всем) — это страны с либеральным типом социальной системы. Сторонников полного перераспределения (кто зарабатывает меньше, получает больше) довольно много лишь в нескольких странах, хотя большинство они не составляют нигде. Такие различия между странами, вероятно, отражают интенсивность и характер общественных и политических дебатов по выработке согласия о принципах распределения (которых практически нет в России, что и отражается в высокой доле неопределившихся) и в институциональных особенностях, реальных практиках, принятых в конкретном обществе.

На восприятие уровня экономической справедливости в обществе и участия государства в его обеспечении, а также на взгляды о принципах распределения благ, влияют несколько факторов. Среди них исторический опыт группы (страны, нации) как точки сравнения, институциональные особенности (институты, законы, нормы), закрепляющие, по крайней мере в среднесрочной перспективе, накопленный исторический опыт, глобальная среда (положение в других странах, в условиях глобального информационного окружения, становится важным референтным фактором), наличие или отсутствие общественного консенсуса по отношению к принципам распределения благ, на которых выносятся суждения о справедливости. В западноевропейских и средиземноморских странах в течение всех послевоенных лет наблюдалось поступательное увеличение, расширение социальных гарантий, от страхования от рисков к возможности комфортной и сбалансированной жизни, хотя проходило оно в разных странах с разной скоростью и достигло разного уровня. В последнее десятилетие в этих странах происходит постепенное сокращение ресурсов вследствие ряда экономических кризисов, очень высокого, если не предельного уровня достигла налоговая нагрузка, что ведет к пока медленному, но отказу от некоторых видов социальной помощи и сокращение ее размера. Растут и представления о несправедливости в распределении ресурсов, особенно в тех странах, где такие негативные изменения особенно велики (Греция, Португалия, Италия).

В постсоциалистических странах, в том числе в России, представления о норме в отношении социального неравенства и роли государства в социальном обеспечении граждан и уровне этого обеспечения формировались на протяжении многих десятилетий, в значительной степени — в советское время. После слома системы образовался институциональный вакуум (функции, которые государство перестало выполнять или выполняет плохо или меньше, чем раньше) не заполнился, ожидания при сравнении с прошлым сохранились высокие. В результате в этих странах восприятие несправедливости в этой сфере особенно велико и остро, тем более что реальные потребности в такой помощи не только не сократились, но существенно увеличились. В этих условиях позитивные изменения возможны либо при существенном улучшении качества социального обеспечения со стороны государства без соответствующего изъятия ресурсов у населения (налогов), что в условиях экономического кризиса и медленного экономического роста маловероятно, либо при выборе более сложного пути. Такой путь состоит в создании благоприятной (экономической, налоговой, юридической и политической) среды для развития новых институтов, которые могли бы взять на себя часть этих функций (местные сообщества, религиозные группы, расширение

деятельности профсоюзов и профессиональных организаций, благотворительных организаций и других институтов гражданского общества), а также стимулировании широкого общественного осуждения принципов распределения социальных благ и увеличения легитимности принимаемых решений (самих институтов, процедуры их формирования, процедур общественного контроля над их решением) для достижения социального консенсуса в этой области.

Информация об авторе:

Андрееenkova Анна Владимировна, к. полит. н., зам. директора ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований), руководитель ESS (Европейское социальное исследование) в России, Москва, Россия, anna.andreenkova@cessi.ru

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В ДОМАШНЕМ ТРУДЕ: НЕСПРАВЕДЛИВАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

Аннотация. Проанализированы данные выполненного авторами социологического исследования, основной задачей которого стало определение характера гендерного разделения домашнего труда в современной российской городской семье. Гендерное разделение домашнего труда — это, как представляется, в большей степени вопрос отношения к этому труду, которое формируется в процессе социализации, в том числе и с точки зрения справедливого распределения домашних обязанностей между женщиной и мужчиной.

Ключевые слова: гендер, семья, домашний труд, справедливость

В духовном мире человечества есть понятия, которым историей описана особая судьба. Среди таких понятий особое место занимает «справедливость». Будучи фундаментальной социальной ценностью, она в течение тысячелетий изучалась и как понятие, и, в определенной мере — как общественные отношения. Что, в общем-то, и понятно: именно в справедливом (и никак иначе!) социальном порядке нуждаются все социальные группы, представляющие общество, — бедные и богатые, слабые и сильные, защищенные и незащищенные, мужчины и женщины. Но, как правило, когда говорят о справедливости и поисках компромисса в ее достижении, в расчет принимаются социальные системы глобального масштаба (мир в целом, союзы государств или отдельные страны, в крайнем случае, регион, область, город, иное поселение).

Но в спорах о справедливости мирового масштаба из поля зрения уходит, теряет свою значимость справедливость на уровне отдельно взятой семьи, которая в настоящее время переживает не лучшие времена своей истории. Во все времена семья являлась зеркалом, в котором отражались социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народа, т. е. по состоянию семьи можно судить о направлении развития тех или иных процессов в социуме в целом.

Основные тенденции, зафиксированные исследователями как отклик семьи (и как малой группы, и как социального института) на изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни в нашей стране в настоящее время, могут быть сформулированы следующим образом:

- а) увеличение удельного веса разводов и неполных семей;

- б) уменьшение числа детей в семьях и их нуклеаризация;
- в) трансформация возрастной модели брачности — изменение (в сторону увеличения) среднего возраста брачующихся;
- г) неуклонный рост численности детей, рожденных вне брака;
- д) увеличение общего количества незарегистрированных браков и др.

Среди причин социального неблагополучия семьи мы хотели бы обратить внимание лишь на одну причину из общего, как представляется, достаточно длинного списка причин, а именно на гендерное разделение домашнего труда, которое, как представляется, все менее устраивает современных женщин. Чтобы на склоне лет не пришлось с горечью признаваться себе самой, что вся жизнь оказалась завернутой в половую тряпку...

Официальная статистика и результаты социологических исследований из года в год фиксируют, что уровень образования российских женщин растет и уже превысил уровень образования мужчин, более того, в ближайшем будущем этот разрыв будет увеличиваться. По данным Росстата, в 2010 г. высшее образование имели 58% женщин и 42% мужчин, неполное высшее — 54% женщин и 46% мужчин [1]. Важно, что наличие высокого уровня образования по-разному сказывается на самооценке мужчин и женщин. Для мужчин — это развитие более эгалитарных взглядов на гендерные проблемы. Для женщины образование выступает не просто важнейшей предпосылкой успешной самореализации в профессиональной сфере или условием карьерного роста, а становится своеобразным пропуском в другую, более насыщенную и яркую жизнь, другую социальную среду, где отношения между мужчиной и женщиной, мужем и женой, друзьями имеют качественно иной характер [2]. Иначе говоря, высокий уровень образования дарит женщине надежду на выход за рамки быта.

Среди экономически активного населения в 2013 г. женщины составляли 63,0%, мужчины — 74,7% [1], но безработных среди женщин (3,2%) чуть меньше, чем среди мужчин (4,3%). Можно привести и другие цифры, подтверждающие динамичное развитие женщин в стране, и эти изменения не остаются незамеченными. Как отмечает Г. И. Берестенев, «взгляд мужчины на женщину изменился под влиянием новых жизненных реалий: иначе стали выглядеть портретные черты, определяемые у женщины мужчиной, социальный статус обоих, характер отношений между ними» [3]. Но неизменным остается взгляд на гендерный уклад в семье — он по-прежнему в большинстве своем остается традиционным, о чем свидетельствуют и данные выполненного авторами социологического исследования, основной задачей которого стало определение характера гендерного разделения домашнего труда в современной российской

городской семье. Технические параметры выполненного исследования полностью были представлены нами ранее [4]. В рамках данного материала мы лишь обратим внимание, что всего в ходе исследования было опрошено 300 респондентов (жителей Волгограда), половину из них составили женщины, половину — мужчины. Традиционная семья определяет роли: для мужчины — кормильца семьи (выход в публичное пространство за пределы дома), а женщина просто «домашествует» (внутри дома).

А что же в современной городской семье? Согласно результатам выполненного социологического исследования, большинство опрошенных (и среди женщин, и среди мужчин) готовы возложить ответственность за благосостояние семьи в большей степени на обоих (табл. 1), в меньшей — только на мужчину.

Таблица 1. Мнение респондентов о том, кто должен нести ответственность за благосостояние семьи, %

Формулировка вопроса: Как Вы считаете, кто должен нести ответственность за благосостояние семьи?	Пол	
	мужской	Женский
Ответственность несет мужчина (муж, отец и т. п.)	44,4	40,1
Ответственность несет женщина (жена, мать и т. п.)	2,1	1,4
Ответственны в равной степени и мужчина, и женщина	53,5	58,5
Итого:	100,0	100,0

Свой вклад в семейный бюджет мужчины и женщины оценили по-разному. Отвечая на вопрос: «Насколько весомым является Ваш личный вклад в семейный бюджет?», чуть больше половины опрошенных мужчин (55,4 %) ответили: «Мои заработки, доходы являются главным источником обеспечения семьи», такую же позицию смогли разделить менее четверти опрошенных женщин (23,0 %). Альтернатива «Хотя мои доходы и не главные, но без них семья не смогла бы обойтись» в большей степени оказалась характерной для женщин (36,5 %), чем для мужчин (18,2 %). Полагаем, что в данном случае сказываются социальные причины — известно, что мужчины в среднем имеют более высокую зарплату и лучшие перспективы продвижения по сравнению с женщинами и т. д. Можно сказать, что ситуация вполне ожидаемая. Интересно обратить внимание на другое. Ситуация, когда женщина зарабатывает больше, чем мужчина, уже практически принимается как норма (табл. 2). Причем такую позицию в большей степени демонстрируют женщины, чем мужчины, тем самым закрепляя, как представляется, повысившийся за определенный исторический период свой социальный и экономический статус. Только

треть мужчин (30,6%) пытаются сохранить и отстоять право основного кормильца семьи, остальные готовы разделить это право с женщиной.

Таблица 2. Мнение респондентов о признании ситуации, что жена зарабатывает намного больше мужа, %

Формулировка вопроса: Что бы Вы сказали в такой ситуации — жена зарабатывает намного больше мужа?	Пол	
	мужской	женский
Не вижу ничего предосудительного	43,5	55,4
Мне это не очень нравится, но я могу смириться	24,5	24,3
Отношусь к этому отрицательно. Именно мужчина должен обеспечивать своей семье основную часть достатка	30,6	17,6
Другое	1,4	2,7
Итого:	100,0	100,0

А вот дела домашние практически целиком доверяются женщине. Исключительно мужскими оказались только две обязанности — поход в магазин и вынос мусора. При этом нельзя не заметить, что оба эти вида деятельности связаны, так сказать, с выходом за пределы частного пространства (квартиры, дома), что само по себе уже предполагает некоторую публичность. Все остальное по дому (внутри дома) делает, как правило, женщина. Равновесие в семье может наблюдаться, пока такое положение удовлетворяет женщину, но, если судить по состоянию современной российской семьи, которая уже не один десяток лет находится в кризисе, женскому долготерпению приходит конец.

Гендерное разделение домашнего труда — это, как представляется, в большей степени вопрос отношения к этому труду, которое формируется в процессе социализации, в том числе и с точки зрения справедливого распределения домашних обязанностей между женщиной и мужчиной.

Список литературы

1. *Статистический сборник «Мужчины и женщины России-2014»* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/Main.htm.
2. *Женщина новой России. Какая она? Как живет? К чему стремится?* / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : ИКСИ РАН, РНИСиНП, РОССПЭН, 2002.
3. *Берестенев Г. И.* Женщина глазами мужчины в современном русском шансоне // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 8. С. 78—84.
4. *Дулина Н. В., Ануфриева Е. В.* Домашний труд в системе распределения гендерных ролей (по итогам прикладного социологического исследова-

дования) // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 9(172). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. С. 45—51.

Информация об авторах

Дулина Надежда Васильевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия, nv-dulina@yandex.ru

Ануфриева Евгения Владимировна, к. ф. н., доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия, ev_anufrieva@mail.ru

РОЛЬ ПОНИМАНИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» В МОБИЛИЗАЦИИ ПРАВА В УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ: НА ПРИМЕРЕ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

А. Д. Бекреев

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: уголовные процессы, справедливость, мобилизация права, правоприменение

В настоящее время в России единственным способом проявления диспозитивности* в уголовном процессе является частное обвинение** (возбуждаемое по статьям 115 пункт 1***, 116 пункт 1****, а также 128 пункт 1***** УК РФ, что составляет около 8% всех судебных процессов)[1]. Особенности ведения данного типа дел в суде, а также способы возбуждения судопроизводственного процесса в делах частного обвинения представляют большой интерес для исследования проблем правоприменения, так как напрямую связаны с проблемой способности граждан РФ к мобилизации права. Эти особенности прежде всего:

* Диспозитивность — юридическая категория, характеризующая возможность свободного и самостоятельного распоряжения субъекта права его правами.

** Частное обвинение — разновидность обвинения в уголовно-процессуальном праве, когда уголовное преследование возбуждается не прокурором от имени государства (как в случаях публичного или частного-публичного обвинения), но по жалобе потерпевшего или его близких в виде письменного заявления. Обличение обвиняемого перед судом о делах частного обвинения представляется всецело частному обвинителю или его представителям, которыми могут быть законные представители или адвокаты. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 # 174-ФЗ (ред. от 30.03.2015).

*** Содержание статьи: умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Наказывается штрафом в размере до 40 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3-х месяцев, либо обязательными работами на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до 4-х месяцев // Уголовный кодекс Российской Федерации» (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

**** Содержание статьи: нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса. Наказываются штрафом в размере до 40 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3-х месяцев, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до 6 месяцев, либо арестом на срок до 3-х месяцев // Уголовный кодекс Российской Федерации» (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

***** Содержание статьи: клевета, т. е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, наказываются штрафом в размере до 500 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев либо обязательными работами на срок до 160 часов // Уголовный кодекс Российской Федерации» (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

1. Судья выступает исключительно в роли арбитра. Пострадавшей стороне самостоятельно необходимо доказать вину обвиняемого и использовать для этого все механизмы, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.
2. За исключением случаев недееспособности пострадавшей стороны (40 % всех процессов по частному обвинению), прокурор никак не участвует в процессе ни во время суда, ни до, ни после. Отсутствие прокурора в процессе возбуждения уголовного дела (а значит лица заинтересованного в осуждении обвиняемого по институциональным причинам[2]), является достаточно уникальной ситуацией в российском правосудии.
3. Возбуждение уголовного дела по частному обвинению осуществляется судьей по заявлению пострадавшей стороны, полиция (с точки зрения закона), может не вовлекаться в процесс возбуждения уголовного дела [3].

Таким образом, можно предположить, что мобилизация права по статьям частного обвинения является хорошим индикатором способности граждан РФ отстаивать свои права и защищать свои интересы законным способом. Уголовные дела по статьям частного обвинения (без участия прокурора), в свою очередь, являют собой практически чистый случай мобилизации права со стороны граждан.

Чтобы изучить факторы, влияющие на этот процесс, нами было проведено исследование нескольких кейсов мобилизации права в уголовном процессе частного обвинения (в городе Санкт-Петербурге). Чтобы описать этот процесс наиболее полно, мы брали интервью у участников процесса, которым удалось возбудить такие дела, а также пострадавших, чьи дела не дошли до суда (всего двадцать интервью). Стоит отметить, что в ходе исследования выявилась значительная роль участкового уполномоченного полиции в процессе возбуждения уголовных дел по статьям частного обвинения. Практически все пострадавшие обращаются прежде всего в полицию, после чего встречаются с участковым уполномоченным полиции. Участковый способен разъяснить суть процесса частного обвинения, помочь написать заявление, объяснить алгоритм действий и рекомендации по делу. Поэтому было принято решение при анализе кейса также проводить полуструктурированное интервью с участковыми уполномоченными полиции (пять интервью), занимавшимися кейсами которые анализируются.

Также было принято решение использовать метод включенного участующего наблюдения. Для этого автор работы устроился на должность «внештатного помощника участкового уполномоченного полиции» в одном из участков города Санкт-Петербурга (наблюдения длились полто-

ра месяца), чтобы наблюдать, как мобилизуется право в России «здесь и сейчас».

В результате исследования мы выделили ряд факторов влияющих на процесс мобилизации (краткую версию можно видеть в таблице «Пирамида Мобилизации», иллюстрирующей типичный инструмент представления процесса мобилизации в социологии права [4—6]). Одним из важнейших факторов мобилизации который нам удалось наблюдать, это понимание «справедливости» у пострадавшей стороны, а также у участкового.

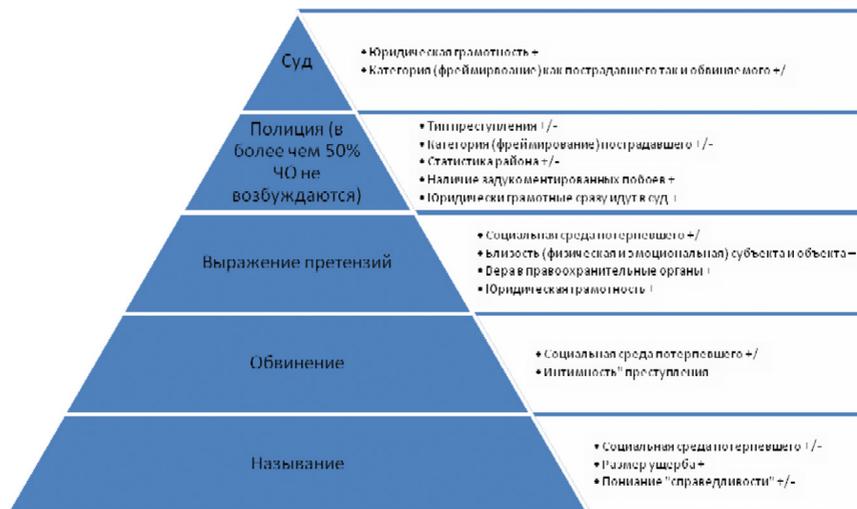

Рисунок 1. Пирамида мобилизации» (справа представлены факторы, оказывающие как сильное положительное, так и сильное отрицательное влияние на каждом из этапов)

Самый первый этап успешной мобилизации (после совершения преступления) требует, чтобы жертва считала «справедливым» возмездие которое должна понести нападавшая сторона. Кроме собственного понимания «справедливости» жертвы, у ближайшего социального окружения пострадавшей стороны существует свой взгляд на ситуацию. Например, не редко свекровь или мать страдающей от домашнего насилия жены влияют на фрейм ситуации так, чтобы обращение в полицию осознавалось как «несправедливое» или «несоразмерное» контрдействие.

Также весьма показательной была способность участкового уполномоченного фреймировать ситуацию для пострадавшей стороны. В зависимости от того, выгодно ли участковому способствовать возбуждению

уголовного дела, участковый часто прибегает к разным неформальным практикам, чтобы ситуация казалось пострадавшей стороне более или менее «справедливой» по отношению к потенциальному возмездию, которое понесет обвиняемый. Мотивов для помощи, или препятствию в возбуждении уголовного дела, у участковых есть несколько. Во-первых, статистика района не должна содержать эксцессов, это ведет к лишению премии. Во-вторых, лишнее возбужденное дело ведет к лишней бумажной волоките, что проблемно для перегруженных бюрократией полицейских. И наконец, в-третьих, у участкового уполномоченного может быть свое понимание справедливости для данной ситуации. В зависимости от того, насколько ситуация является «несправедливой» участковый может бросить все силы на мобилизацию жертвы, либо наоборот. Немаловажна и категоризация пострадавших со стороны полиции. В соответствии с собранными интервью, участковые могут считать, что жертва «сама во всем виновата», или наоборот, «помочь надо бедняжке» и действовать в соответствии с собственными рассуждениями о том, справедливо ли оказывать помощь этой жертве.

Таким образом, один из выводов к которым мы пришли в ходе нашего исследования — понимание «справедливости», такого абстрактного концепта, сильно влияет на успех или провал процесса возбуждения уголовного дела частного обвинения. Успеха, прежде всего, добиваются такие дела, где понимание справедливости у пострадавшей стороны и участкового полностью совпадают. В противном случае, обычно, участковый способен успешно рефреймировать ситуацию и изменить понимание «справедливости» ситуации в выгодную для себя сторону. Редко когда жертва не поддается этому процессу, юридически грамотные и более опытные пострадавшие способны миновать полицию и отправляются прямо в суд.

Список литературы

1. Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4.
2. Панеях Э. Л., Волков В. В., Примаков Д. Я. и др. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2010.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.03.2015).
4. Felstiner W., Abel R., Sarat A. The Emergence and Transformation of Disputes: Naming, Blaming, Claiming // Law and Society Review, 1981.
5. Calavita K., Jenness V. Inside the Pyramid of Disputes: Naming Problems and Filing Grievances in California Prisons // Society for the Study of Social Problems. 2013.

6. *Burris S., Moss J. E. K. Michael Darren Ullman. Matthew Johnsen. Disputing Under the Americans with Disabilities Act : Empirical Answers, and Some Questions // Temple Political and Civil Rights Law Review. 2000. Vol. 9. No. 2.*

Информация об авторе

Бекреев Андрей Дмитриевич, студент II курса магистратуры факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, направление «социология», Санкт-Петербург, Россия, abekreev@eu.spb.ru

«НЕ БЫТЬ ОБМАНУТЫМ»: СПРАВЕДЛИВОСТЬ РЫНОЧНОЙ ЦЕНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЙСКИМИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ (ПО ДАННЫМ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО Г. МОСКВЕ)

Е. С. Бердышева

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,

Аннотация. Целью исследования являлось выявление логик аргументации, используемых россиянами при оценке справедливости наблюдаемых изменений рыночных цен и необходимости контролирования рыночных цен на различные группы потребительских товаров государством. Эмпирическим материалом исследования послужили данные глубинных интервью с экономически-активными жителями Москвы. В целом, надеясь на регулятивные акции государства, россияне ищут возможности не столько добиться справедливости, сколько всеми силами избежать несправедливости.

Ключевые слова: справедливость, рыночная цена, экономическая социология, потребительские рынки, регулирование цен, индикаторы социальной напряженности

Летом 2015 г. глава российского правительства Д. А. Медведев поставил вопрос о возможном расширении мер по ограничению размера торговых наценок на отдельные группы товаров со стороны государства. И хотя на уровне публичного дискурса это предложение сразу было вписано в ассоциативный ряд прочих мер по усилению государства и лимитированию свобод рынка, экономической социологии известно, что в исторической практике переход к экономике, где доминирующим мотивом становилось получение прибыли, сопровождался значительным социальным беспокойством по поводу того, в какой мере эта система отвечает требованиям социальной справедливости, т. е. задачам выживания, социального равенства, безопасности и благополучия человеческого общества [4, 8]. Первоначально эта озабоченность была артикулирована ущемленными социальными группами, которые волной социальных протестов реагировали на введение в практику рыночных механизмов, а именно денежных цен, уровень которых был, по их мнению, несправедливо завышенным. Развитие экспериментальных и эмпирических исследований потребительских рынков привело к пониманию того, что запрос на справедливость рыночной цены актуален для всех социальных групп, и выражает не только их оценку собственных

бюджетных ограничений, но и ожидания в отношении добросовестности выполнения обязательств по обеспечению общественных интересов со стороны государства. Текущий экономический кризис в России сопровождается заметными флуктуациями цен на потребительские товары. В таких условиях оценки населением справедливости уровня наблюдаемых цен становятся одним из индикаторов социальной напряженности в российском обществе, а видение возможной роли государства в смягчении этих флуктуации — способом ослабления этой напряженности.

Целью презентуемого исследования являлось выявление логик аргументации, используемых россиянами при оценке справедливости наблюдаемых изменений рыночных цен и необходимости контроля рыночных цен на различные группы потребительских товаров государством. На данных глубинных интервью с экономически-активными жителями Москвы, анализируемых в методологии обоснованной теории, демонстрируется, что в восприятии российскими потребителями вопрос о справедливости или несправедливости текущих денежных цен на различные товары сводится к формуле «не быть обманутым». Можно предположить, что общая культура подозрения в отношении рыночных цен в России способствует тому, что центральной смыслообразующей категорией восприятия цены россиянами является категория обмана, а точнее — желанная его избежать. Эта категория широко представлена в нарративах глубинных интервью, и она может служить мостом между локальной российской эмпирикой и социологической теорией. При этом в данном контексте актуализируются два ракурса взаимоотношений, состояние которых влияет на восприятие цены — отношений «гражданин—государство» и отношений «покупатели—продавцы».

Для первого контекста принципиально, что стоимость различных товаров работает как якорь воспоминаний о стабильности и предсказуемости экономического порядка советского времени, когда, по крайней мере, в отношении жизненно важных благ «можно было не смотреть на цены». В процессе ностальгического конструирования прошлого повышенную ценность приобретает именно этот «естественный фон жизни», которому раньше не уделялось особого внимания [2]. Проблема дефицита мифологически не перекрывает представления о том, что те товары, которые в советский период все же попадали на прилавки, оказывались доступны любому гражданину. И пусть речь шла о базовых продуктах, гарантирующих некоторый «прожиточный минимум благополучия», даже такая доступность виделась как некоторая защищенность. Ощущение стабильного, длящегося положения ассоциировано с социалистическим порядком в противовес переходному современному [1].

После перестройки возможность покупать, не глядя на цены, стала считаться прерогативой индивидов, которые в новых экономических реалиях добились высоких доходов и статуса: *«Это дорого? Если ты спрашиваешь, значит, для тебя это дорого»*. Либерализованные потребительские цены в свою очередь оказались символом новой экономической свободы и индикатором того, что справляться с этой свободой тоже нужно уметь. Неспроста, когда осенью 2014 г. в стране вновь актуализировался очередной этап экономического кризиса, в российском публичном пространстве активно зазвучали две идеи. С одной стороны, тема кризиса инициировалась вместе с паникой по поводу роста цен на гречку и дальше уже развивалась во всесторонний дискурс об инфляции, темпах ее роста, эффектах с точки зрения изменения потребительских цен и покупательской способности населения. С другой стороны, новостные ленты запестрели сообщениями о том, что соответствующие государственные органы тщательно отслеживают случаи недобросовестного ценового поведения со стороны ритейлеров, заботятся об удержании уровня цен на социальные товары. Подмеченные тенденции в СМИ отвечают ожиданиям, озвучиваемым респондентами в интервью. Потребители отдают себе отчет в том, что рыночная экономика предполагает минимальное вмешательство государства в регулирование цен. В то же время, по крайней мере, отдельные россияне рассчитывают на то, что в любых обстоятельствах государство продолжает держать руку на пульсе. Появление этого контекста на уровне нарративных данных видится показательным: доступность цен оказывается синонимом удовлетворенности интересов большинства, т. е. гарантом того, что государственная власть является легитимной.

Помимо негласных переговоров населения с государством, подозрительность в отношении цены отсылает к рискам оппортунистического ценового поведения со стороны продавцов, избежать которых стремятся российские потребители. Здесь срабатывают дискурсивные формулы, свидетельствующие о том, что потребители стремятся к справедливости рыночного обмена. Их версия этой справедливости заключается в том, что обмен должен быть взаимовыгодным и честным, без ущемления интересов одной стороны за счет другой. Впрочем, ожидания справедливости — это скорее идеал, а на практике россияне больше озабочены тем, что продавцы нередко нарушают условия справедливости рыночного обмена. С помощью отказа от покупки по выставленной продавцом цене потребители намерены активно воздействовать на подобные ситуации. Сравнение цен в разных городах, в разных магазинах, в офф-лайн и он-лайн компаниях, обсуждение цен на схожие категории товаров друг с другом и обнаружение широкой вариативности цен, в том

числе и на стандартные товары, усиливает подозрения по поводу того, что цены, с одной стороны, оторваны от каких-либо объективных оснований, а с другой, что они являются предметом манипуляции со стороны продавцов. Экономическая и геополитическая нестабильность лишь усугубляет подобного рода настроения: «*просто магазины пользуются, что сейчас такая неразбериха с ценами, и пытаются на людях нажиться*». В целом же, на уровне анализа восприятия рыночных цен российскими потребителями, можно констатировать, что вопрос социальной справедливости рыночного обмена из разряда этических переходит в разряд практических: в большей или меньшей мере надеясь на регулятивные акции государства, россияне ищут возможности не столько добиться справедливости, сколько всеми силами избежать несправедливости, — как минимум, не уступив продавцу в уровне социальной компетентности по части экономических реалий.

Список литературы

1. Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения. 2002. Т. 62. № 6. С. 7—13.
2. Каспэ И. Съесть прошлое: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России: культура — общество — человек. Материалы Международного симпозиума (25—26 янв. 2008 г.). М. : Логос. 2008. Т. 15. С. 205—218.
3. Campbell M. C. Perceptions of Price Unfairness : Antecedents and Consequences // Journal of Marketing Research. 1999. Vol. 36. P. 187—199.
4. Thompson E. The moral economy of English crowd in XVIII century // Past and Present. 1971. No. 50. P. 76—136.
5. Kahneman D., Knetsch J., Thaler R. Fairness as a constraint on profit seeking: entitlements in the market // American Economic Review. 1986. Vol. 76. No. 4. P. 728—741.
6. Mandel R., Humphrey C. (eds). Markets and Moralities: Ethnographies of Postsocialism. New York : Berg, 2002.
7. Monroe K. B. Buyers' Subjective Perceptions of Price // Journal of Marketing Research. 1973. Vol. 10, N 1. P. 70—80.
8. Fassin D. Moral economies revisited // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009. No. 6. P. 1237—1266.

Информация об авторе

Бердышева Елена Сергеевна, к. с. н., старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия, eberdysheva@hse.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая, Е. В. Богомолова

Фонд «Общественное мнение», Москва, Россия

Аннотация. Проанализированы результаты исследования, посвященного оценкам качества жизни и правам человека, которое проводилось Фондом «Общественное мнение» в 2014—2015 гг. Полученные из массовых опросов данные выявляют важную характеристику ценностной структуры современного российского социума — прагматический подход: понимание и объяснение справедливости происходит с материальной точки зрения. Мнения о справедливости и несправедливости устройства общества отсылают к представлениям о качестве жизни, о желаемых и доступных признаках благополучной жизни. Данные опросов показывают, что существует несоответствие социальной реальности представлениям большинства о социальной справедливости.

Ключевые слова: социальная справедливость, качество жизни, мониторинг мнений, социальная политика, социальное обеспечение

На протяжении более 15 лет Фонд «Общественное мнение» проводит мониторинг мнений, касающихся справедливости устройства общества, отдельных аспектов справедливости, а также включает это понятие в перечень ключевых ценностей, из которых респонденты выбирают наиболее значимые. В 2014—2015 гг. было проведено исследование, посвященное оценкам качества жизни и правам человека. Оценки качества жизни во многом перекликаются с представлениями россиян о справедливости.

По данным опроса, проведенного в 2013 г., справедливость входит в пятерку наиболее значимых для россиян понятий. На первом месте — семья, ее важность отмечают 65 % опрошенных*. Далее с большим отрывом следуют безопасность (46 %), достаток (38 %), мир (34 %), справедливость (30 %). Интересно отметить, что в 2000 г. важность понятия «справедливость» отмечали только 22 % опрошенных**.

* Еженедельный опрос «ФОМнибус», июль 2013 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %.

** Еженедельный опрос «ФОМнибус», декабрь 2000 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %.

Как устроено наше общество — справедливо или несправедливо? Этот вопрос задавался россиянам в 2007 и 2011 гг.* Большинство наших соотечественников убеждены, что современное российское общество устроено несправедливо: 68% в 2007 г. и 61% в 2011 г. Каждый второй считает, что, по сравнению с западным и советским обществом (1970—1980-е гг.), наше общество устроено менее справедливо (52 и 47% соответственно).

Данные опросов показывают, что справедливость является ценностью в российском социуме, причем потребность в этой ценности зачастую не удовлетворяется. В чем именно проявляется несправедливость? ** Чаще всего, россияне отвечают на этот вопрос следующим образом:

- социальное расслоение;
- бедность, низкие зарплаты, пенсии, пособия;
- бесправие, плохие, неработающие законы, законы не для всех;
- нет заботы о конкретных категориях граждан, о людях в целом, плохая социальная политика;
- коррупция, взяточничество, бюрократизм;
- безработица;
- несправедливость во всем;
- рост цен, высокие цены;
- плохая работа власти, несправедливая власть;
- работа образовательных и медицинских учреждений;
- жилищные проблемы;
- работа судов;
- плохое отношение к работникам со стороны начальства, работодателя;
- плохая экономическая политика;
- воровство;
- владение природными богатствами, распределение доходов от них;
- вывоз капитала из страны.

Высказанные мнения говорят не только о несправедливом устройстве общества и разнице между людьми различных социальных слоев, но и о несправедливой организации различных социальных институтов по отношению к обществу в целом. Ответы показывают, что в сознании россиян есть представления о социальных благах и гарантиях, которые должны обеспечиваться институтами власти, работодателями.

* Еженедельный опрос «ФОМнибус», октябрь 2007 г., ноябрь 2011 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%.

** По ответам на открытый вопрос: «Скажите, пожалуйста, каким образом, в чем чаще всего проявляется несправедливость российского общества?».

Запрос на определенный уровень социальной политики прослеживается и в ответах на вопрос о справедливости распределения льгот и пособий. Только 29% опрошенных считают, что система социального обеспечения устроена справедливо. При этом широко распространено мнение, что в стране есть категории людей, не получающие льготы, пособия, но нуждающиеся в них: 44% россиян считают, что таких людей много, 25% — что их мало.

Полученные из массовых опросов данные выявляют важную характеристику ценностной структуры современного российского социума. Доминирующими оказываются прагматические ценности, ожидания определенного уровня жизни и жизнеобеспечения [1]. Такой прагматический подход говорит о том, что понимание и объяснение справедливости происходит с материальной точки зрения. Россияне обращают внимание на справедливое, равное, распределение социально-экономических благ, справедливое отношение государства ко всем гражданам.

Мнения о справедливости и несправедливости устройства общества отсылают к представлениям о качестве жизни, о желаемых и доступных признаках благополучной жизни. Вопросы о признаках благополучия задавались россиянам в нескольких опросах, проведенных в 2014—2015 гг.

На основе ответов на два вопроса, построена диаграмма (рис. 1)*. В вопросах был представлен перечень признаков благополучной жизни, среди которых сначала нужно было отметить наиболее важные, а затем те, которые есть в жизни респондента. На рисунке показан разрыв между желаемым и действительным положением дел. Наиболее важные признаки благополучия выделены красным цветом, оранжевым цветом — средние по важности, желтым — наименее важные. Среди желаемых признаков на первом месте — материальный достаток, его важность отметили 65% опрошенных. Однако по диаграмме видно, что только 20% респондентов материальным достатком реально обладают (разница –45 п. п.).

Также разрыв между желаемым и действительным наблюдается по следующим аспектам: здравоохранение, экономическая и политическая ситуация в стране, образование, качественные продукты питания, экологическая ситуация, правовая защищенность, возможность реализовать себя, равноправие между людьми, отсутствие отклонений в обществе (алкоголизм, наркомания и т. п.), личная безопасность.

* Еженедельный опрос «ФОМнибус», октябрь 2014 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

Рисунок 1. Выбор наиболее важных признаков благополучной жизни

Вопросы о желаемых и действительных признаках благополучной жизни задавались россиянам и в 2015 г., в рамках крупномасштабного опроса населения МегаФОМ*. На основе полученных ответов построен Индекс «Удовлетворенность условиями жизни», позволяющий оценить соотношение потребностей и возможностей в российском социуме. Индекс рассчитывается как для населения в целом, так и для различных социальных категорий: авангардные группы, пенсионеры, жители населенных пунктов с разной численностью, люди с различным материальным достатком. Значение Индекса для населения в целом — 14. В зависимости от возраста, уровня доходов и образования, принадлежности к тем или иным социальным группам, значение индекса «Удовлетворенность условиями жизни» варьируется.

Анализ контекста размышлений россиян о качестве жизни, показывает, что россияне находятся сейчас в состоянии многомерной социальной депривации, которая касается базовых условий жизни, зависящих от политики государства в ключевых сферах: труда и заработной платы, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды. При этом

* Ежеквартальный опрос «МегаФОМ», ноябрь 2015 г. 2200 населенных пунктов, 79 субъектов РФ, 60500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 1%.

реальное положение дел, когда запрос на определенный уровень качества жизни остается не удовлетворен по многим аспектам, транслируется в оценках справедливости устройства современного общества. В обществе доминирует представление о роли государства как главного института создания и поддержания общего блага, определенного уровня жизни. Государство призвано заботиться о равенстве распределения социальных благ, равенстве социальных прав граждан. Данные опросов показывают, что существует несоответствие социальной реальности представлениям большинства о социальной справедливости.

Список литературы

Бойков В. Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010, июнь. № 6.

Информация об авторе

Петренко Елена Серафимовна, к. ф. н., управляющий директор Фонда «Общественное мнение», Москва, Россия, petrenko@fom.ru

Галицкая Елена Геннадьевна, начальник отдела обработки и анализа данных в ООО ИнФОМ, Москва, Россия, galitskaya@fom.ru

Богомолова Екатерина Вячеславовна, специалист Фонда «Общественное мнение», Москва, Россия, bogomolova@fom.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Л. В. Волкова

Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина

Аннотация. Анализируются результаты исследования настроений российской молодежи, проводившегося социологической лабораторией РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина с целью выявления представлений студентов и старших школьников разных регионов страны о проявлениях социальной несправедливости и возможностях их преодоления. Результаты исследования показывают, что практически все участники исследования связывают социальную несправедливость с проблемами национализма, коррупции власти, безработицы, низкого уровня жизни.

Ключевые слова: социальная несправедливость, молодежь, студенты, школьники, национализм, общественное настроение, повестка дня

Целью данной работы стало выявление представлений студентов и старших школьников разных регионов страны о наиболее острых проявлениях социальной несправедливости и возможностях их преодоления.

Исследования широкого спектра настроений российской молодежи проводились социологической лабораторией Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в четырех федеральных округах страны: Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском и Южном с 2012 г. [1, 2]. Методами изучения вынесенной в название проблемы были выбраны фокусированные групповые интервью и индивидуальные интервью. Результаты обрабатывались методом тематического дискурс-анализа. Такой дизайн исследования обусловлен сложностью и психологической неоднозначностью самого предмета исследования. Применение качественных методов позволило получить информацию, не лежащую на поверхности.

Исходным пунктом исследования стал сформулированный по результатам исследований Института социологии РАН тезис о том, что ощущения несправедливости происходящего, как и некоторых других социальных чувств, начинают все более равномерно распределяться по всем группам и слоям общества [3].

Результаты исследования показывают, что практически все участники исследования связывают социальную несправедливость с проблемой национализма, хотя и по-разному относятся к ней. Если участники фокус-групп из регионов Северного Кавказа (Дагестана, Ингушетии, Северной

Осетии и Кабардино-Балкарии) ощущают эту проблему на себе, то москвичи и жители Волгограда признаются в том, что для них самих характерны националистические настроения (пусть и в пассивном выражении). То, что обсуждение вопросов национализма возникало спонтанно в фокус-группах практически всегда, свидетельствует о том, насколько актуальна эта тема для большинства участников исследования — это то, что является фоном их общественного настроения и повестки дня.

Не менее остро воспринимается проблема коррупции и взяточничества, в частности, в государственных структурах и правоохранительных органах, которую молодые люди связывают с беззаконием и равнодушием власти к обычным гражданам и их проблемам. Многие участники фокус-групп отмечали, что *«власть работает для себя, а не для народа»*. В связи с этим среди участников исследования можно отметить высокий уровень недоверия к такого рода структурам и чувство социальной незащищенности.

Таблица 1. Обобщенная иерархия проявлений социальной несправедливости, по мнению участников фокус-групп и интервью

1.	Национализм, национальная вражда, негативное отношение к отдельным народам
2.	Коррупция, несоблюдение законов, власть отделена от народа
3.	Произвол правоохранительных органов, их провокационное, противозаконное и коррупционное поведение
4.	Низкий уровень жизни, слишком большой разрыв между бедными и богатыми, несправедливое распределение ресурсов
5.	Безработица, маленькие пенсии, плохое медицинское обслуживание, сокращение бюджетных мест в вузах

Многие участники исследования выражали недоверие правоохранительным органам вследствие их частого провокационного, противозаконного и коррупционного поведения. Результатом становится формирование у людей ощущений тревоги и собственной небезопасности, а также отсутствие уверенности в завтрашнем дне.

Вне зависимости от региона проживания и собственного материального положения, респонденты практически единодушно говорили о бедности людей, связывая ее, в основном, с безработицей, низкими зарплатами и пенсиями. *«У большинства людей нет денег на лекарства, а другие покупают за границей дворцы и футбольные клубы»*. *«Студенческие стипендии — это просто издевательство»*. В большинстве фокус-групп поднимались проблемы недоступности для большинства людей качественного

медицинского обслуживания и все меньшей доступности качественного образования.

Обобщая тему, стоит заметить, что участники всех фокус-групп отмечают во многом схожие проявления социальной несправедливости. Комплексы отмеченных ими проблем практически не различаются как между собой, так и в оценках масштаба (будь то проблемы региона или проблемы России). Максимальный консенсус наблюдается в осознании проблем национализма, коррупции, произвола властей, безработицы и низкого уровня жизни.

И еще одна тенденция проявилась весьма четко. В целом, участники фокус-групп, хотя и выражают недовольство и возмущение уровнем социальной несправедливости в стране, но сами занимают пассивно-приспособленческие позиции: ожидают решения проблем от официальных властей и не готовы к самостоятельным активным действиям. Исключением стали респонденты из Чечни, Волгограда и несколько человек из Москвы, которые считают, что в решении проблем города и страны важна также и роль самих жителей.

Важность изучения представлений и позиции молодежи по ключевым вопросам социального развития очевидна. Это самая активная, современная часть общества, которая будет определять его облик в будущем. В то же время это отражение и индикатор состояния общества в целом. Отсутствие возможностей участия в устранении несправедливости усиливает в обществе пассивность, уклонение от законов и обязанностей, иждивенческие настроения. Думается, что в такой ситуации все планы модернизации страны несбыточны.

В заключение хотелось бы согласиться со словами В. Л. Римского: «Проблема социальной справедливости, скорее всего, никогда не будет решена полностью, как и подавляющее большинство других социальных проблем. Однако повышать уровень справедливости в российском обществе необходимо, это реальный запрос многих активных граждан» [4].

Список литературы

1. *Филатова М. Н., Волкова Л. В.* Отношение молодежи к насилию как средству разрешения межличностных и социальных конфликтов // Психология развития и стагнации личности в рамках современного общества. Материалы II Международной научно-практической интернет-конференции. Система виртуальных конференций Pax Grid. ИП Синяев Дмитрий Николаевич, 2014. С. 185—196.
2. *Волкова Л. В.* Изучение проблем и настроений молодежи как основа управления развитием человеческого потенциала // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее

регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19—20 ноября 2015 г.) / под ред. Р. М. Валиахметова, Г. Ф. Хилажевой. Уфа : Гилем, Башк. энцикл., 2015. С. 445—446.

3. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)* : Аналитический доклад Института социологии РАН. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. М., 2011. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf.

4. *Римский В. Л.* Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5.

Информация об авторе

Волкова Лариса Витальевна, к. с. н., доцент кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, Москва, Россия, volkovasocio@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

И. А. Грошева, И. Л. Грошев

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия*

Аннотация. На основе данных исследований ВЦИОМ с 1992 г., проведен анализ динамики ценностных предпочтений российских граждан с целью выявления представлений о социальной справедливости в российском обществе. В целом в российском обществе наблюдается высокий уровень потребности к законности, которая выступает своеобразным эквивалентом справедливости. Показательно, что в условиях активного курса страны на модернизацию и инновационное развитие население выбирало стабильность; в силовых структурах не придавали особого значения социальной справедливости, законности и порядку.

Ключевые слова: социальная справедливость, общественное мнение, доверие, законность

Социальные нормы возникают как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании людей объективных закономерностей функционирования общества и воплощаются в религии, морали, юридических нормах. Они, подобно другим ценностям, выполняют функции оценки и ориентации личности, общности, а также осуществляют регулирование поведения и социальный контроль за поведением, носят ярко выраженный волевой характер, но, в отличие от индивидуального волеизъявления, выражают типичные социальные связи, дают типовой масштаб поведения.

Архив данных исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) позволяет провести анализ динамики ценностных предпочтений российских граждан с целью выявления представлений о социальной справедливости в российском обществе.

В ходе опроса населения, проведенного в 2007 г., выяснилось, что социальная справедливость, по мнению респондентов,— это «социальное равенство, равноправие, законность для всех, защита прав граждан, честность» (19%) (более всего в этом были уверены специалисты с высшим образованием, преимущественно бюджетной сферы (26%), менее всего — служащие без высшего образования (12%), не очень уверены бизнесмены (14%) и работники силовых структур (19%)), «всем поровну,

все равны, «как при коммунизме», «чтобы не было ни бедных, ни богатых» (14 %) (совсем в этом не уверены работники силовых структур (4 %) и надеются на это безработные (29 %)), «благополучие народа, достойные зарплаты и пенсии у простых людей, доступное жилье» (13 %) (чаще всех эту позицию выбирали безработные (18 %) и реже всех — респонденты, принадлежащие к категории «государственный служащий, работник административных органов» (5 %)), 36 % затруднились с ответом (выборка во всех приведенных здесь и ниже данных исследований, проведенных ВЦИОМ, охватывала 1600 человек). Представляет интерес тот факт, что не получили поддержки среди населения такие позиции, как «блага по заслугам, по труду, оценка человека по его качествам», «от каждого по способностям, каждому по труду» (3 %), и справедливость уходит в сферу равноправия и законности. Респонденты, относящиеся к такой категории, как «государственный служащий, работник административных органов», в большей степени, чем все остальные были уверены, что социальной справедливости нет вообще (7 %) [1].

В 2009 г. социальная справедливость заключалась в равенстве всех перед законом (32 %) (уверены в большей степени в этом были работники силовых структур (39 %) и безработные (43 %)), «в том, чтобы уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных» (20 %) (в основном неквалифицированные рабочие, включая работников сельского хозяйства (33 %)), «в том, чтобы каждый мог бы достичь того, на что способен» (17 %) (бизнесмены (37 %)). Госслужащие, работники силовых структур, служащие без высшего образования и работники сельского хозяйства в большей степени, чем другие уверены, что социальной справедливости в обществе нет, и никогда не будет (11 %) [2]. Следует отметить, что в ответах респондентов наблюдаются последствия травмы изменений (в терминах П. Штомпки) социального строя в виде ностальгии по уравнительной системе, однако выходят на первый план проблемы, которые реально существуют в обществе — это законность и стабильность.

Так, в 2010 г. лозунги, под которыми могло бы объединиться российское общество, выглядели следующим образом: стабильность (49 %), законность и порядок (44 %), сильная держава (35 %), социальная защита населения (32 %), равенство и справедливость (26 %), богатство и процветание (24 %), крепкая семья (22 %), восстановление достоинства России (21 %). Стабильность в основном значима для всех категорий респондентов, особенно для работников силовых структур (54 %), бизнесменов (59 %). Хотелось отметить, что равенство и справедливость практически не имели особого значения для работников силовых структур (8 %), но были значимы для бизнеса (31 %). Законность и порядок — для

силовых структур (23 %) не настолько важный показатель, как для рабочих (50 %) и специалистов (более 45 % в различных сферах) [3].

Показательно, что в условиях активного курса страны на модернизацию и инновационное развитие население выбирало стабильность. В силовых структурах не придавали особого значения социальной справедливости, законности и порядку, что впоследствии сказалось и на их деятельности, и на отношении к ним населения. Поскольку в обществе постоянно имеется потребность в справедливости, возрастает чувство незащищенности от произвола власти, в социальной среде активно ведется поиск так называемых заменителей доверия. Возникает предположение о возникновении питательной среды для формирования коррупции, ведь именно несправедливость является ее основой. Социальное самочувствие респондентов, как правило, отражает их адаптацию к сложившейся социально-экономической обстановке, показывает уровень тревожности и социальных ожиданий. По мнению П. Штомпки, коррупция, распространяясь в обществе, дает обманчивое ощущение порядка, определенного контроля над хаотической средой [4].

Согласно данным, полученным ВЦИОМ в 2013 г., в понимание справедливости, близкое большинству россиян (58 %), вкладывались такие понятия как «сильное государство», «национальные интересы», «порядок». В большей степени такое мнение было характерно для пожилых респондентов (62 %), жителей средних и малых городов (60—61 %). Демократия, солидарность и свобода ассоциировались со справедливостью лишь у 27 % респондентов, жителей в основном крупных городов (40 %). Для 36 % россиян справедливость — это равенство всех перед законом [5]. В условиях постоянной недоверчивости начинает работать механизм патернализма, направленный на поиск сильной руки, которая наведет видимость порядка и предсказуемости общественной жизни.

В целом в российском обществе наблюдается высокий уровень потребности к законности, которая выступает своеобразным эквивалентом справедливости. Этот факт свидетельствует о недоверии граждан к агентам социального контроля, что нарушает преемственность в формировании социального капитала и снижает социальное согласие в обществе. Впоследствии это может привести к росту протестных настроений или самоагрессии, проявляющейся в суицидальном и аддитивном поведении. С точки зрения самоорганизующейся системы, именно доверие как следствие справедливости могло бы создать тот каркас, который позволил бы вернуть систему в равновесие после очередной флуктуации. Доверие повышает институциональные возможности общества: чем выше его уровень, тем более высокоразвитым можно считать общество. Разрушение доверия характеризуется общей неуверенностью и неопределенностью

человека в современном мире. Социальные последствия сложившегося положения дел — это отрицание цивилизованных путей разрешения конфликтов, что отнюдь не способствует институционализации правовой культуры. Бесспорно, чувство справедливости никуда не исчезает, тем более — стремление народа к ее быстрому восстановлению, что воплощается через народную расправу. Все чаще в сводках новостей появляются сообщения о фактах самосуда, что свидетельствует о низкой эффективности института судопроизводства (нападение на «жемчужного прапорщика» через полтора месяца после разгона митинга; столкновения на Манежной площади ввиду бездействия правоохранительных органов и др.). Если дальше мы пойдем по этому пути, то впереди нас грозит восстановление одного из древнейших обычаев — кровной мести.

Список литературы

1. *Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 г.* [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=434&q_id=34770&date=24.06.2007.
2. *Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 г.* [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=598&q_id=43341&date=05.04.2009.
3. *Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 г.* [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=662&q_id=47755&date=06.03.2010.
4. *Штомпка П.* Доверие — основа общества / пер. с пол. М. : Логос, 2012.
5. *Социальная справедливость: как мы ее понимаем* [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2346. 15.07.2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297>.

Информация об авторах

Грошева Ирина Александровна, к. с. н., доцент, докторант Тюменского государственного нефтегазового университета, Тюмень, Россия, grosh@nextmail.ru

Грошев Игорь Львович, к. с. н., доцент, профессор Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия, grosh@nextmail.ru

УРОВЕНЬ НЕРАВЕНСТВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Н. Г. Деханова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Анализ данных исследований, проводившихся Институтом социологии РАН в 2006 и 2013 гг., выявил существование смыслового разрыва между декларируемым существованием в современной России справедливого социального государства и реальными настроениями россиян.

Ключевые слова: неравенство, справедливость, социальная напряженность, доверие

Парные категории «справедливое–несправедливое» существовали на всех этапах развития человечества, однако имели разное содержательное наполнение. Несмотря на то, что в условиях глобализации межстрановые различия в понимании справедливого и несправедливого постепенно стираются, на сегодняшний день они все же существуют. Одним из основных критериев, определяющих меру справедливости в том или ином обществе, является неравенство. Однако, как известно, когда социальное неравенство достигает определенной критической точки, когда профиль стратификации становится слишком высоким, уровень социальной напряженности в обществе нарастает, а уровень доверия населения органам власти значительно падает. Более того, как в очередной раз показывают исследования, проведенные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), существует четкая корреляция между социальной дифференциацией и экономическим ростом. По данным экспертов ОЭСР, увеличение социального неравенства за последние двадцать лет стоило развитым странам 8,5% потери ВВП [1].

Несомненный интерес в данном контексте представляют исследования, проведенные Институтом социологии РАН в 2006 и 2013 гг. под руководством М. К. Горшкова [2]. Согласно полученным данным, лишь 4% россиян не видят в нашем обществе острых и неоправданных неравенств. В числе факторов, которые большинство респондентов относят к несправедливым, — избыточное неравенство по доходам, неравенство перед законом, неравенство в доступности медицинской помощи, качественного образования, неравенство в жилищных условиях, в возможностях для детей из разных слоев общества и др. Необходимо отметить, что наиболее резкий протест у россиян вызывает чрезмерная глубина

неравенства в распределении собственности и доходов (большинство опрошенных считают приемлемым разрыв в доходах между руководителями и высококвалифицированными специалистами, с одной стороны, и средними доходами по стране, с другой, — в 4—5 раз). Согласно данным исследования, 66 % респондентов с невысокими доходами и 60 % с высокими — полагают, что для того, чтобы общество было справедливым, различия в уровне жизни должны быть небольшими.

При этом все более значимым фактором, особенно, в условиях кризиса, становится неравенство возможностей получить работу, обеспечивающую достойный уровень жизни (32 % россиян считают такой вид неравенства болезненным для общества). К легитимным, справедливым неравенствам по доходам относится большая оплата за более эффективный труд. И, что важно, существующие социальные неравенства в современном российском обществе не сводятся только к неравенству доходов, а проявляются и в принципиально разном качестве жизни, выражающемся в различном социально-психологическом состоянии, здоровье, открывающихся возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в качестве трудовой жизни, восприятии жизни как таковой. В целом, настроения наших сограждан относительно возможности в ближайшей перспективе реализовать в России идеи справедливости достаточно пессимистичны: 68 % опрошенных ответили, что это маловероятно или совершенно невозможно.

Спецификой современной России, является вес региональной составляющей в общей структуре неравенств и, соответственно, в справедливости в доступе и к рабочим местам, обеспечивающим достойный уровень и качество жизни, и к качественному медицинскому обслуживанию, и к качественному образованию. Колоссальное региональное неравенство, характерное для современной России, ведет к крайне неравномерному инвестированию в человеческий капитал, консервации бедности в определенных регионах и, в итоге — к повышению социальной напряженности и снижению доверия к государству. Социальное неравенство населения территорий разного уровня — факт эмпирически наблюдаемый и потому бесспорный. Однако сильная дифференциация социально-экономического развития регионов опасна не только как фактор социальной напряженности, причина перекоса в развитии человеческого капитала, но и тем, что — как писали еще классики теории функционализма — она может привести к распаду всей системы. Таким образом, приходится констатировать существование немалого смыслового разрыва между декларируемым существованием в современной России справедливого по определению социального государства и реальными настроениями россиян.

Список литературы

1. *Социальное неравенство: взгляд ОЭСР. Focus on Inequality and Growth/ Embargo: 9 December 2014* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/els/soc/Focus-Inequality-and-Growth-2014>.
2. *Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа* [Электронный ресурс]. URL: http://sosis.isras.ru/files/File/2014/2014_7/Gorshkov.pdf.

Информация об авторе

Деханова Наталья Геннадьевна, к. с. н., доцент кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ndehanova@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКВИ О СПРАВЕДЛИВОСТИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Д. В. Журавлев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В контексте изучения формирования гражданской нации целесообразно обратиться к ценностно-нормативным импликациям философско-политических категорий и их преломлениям в религиозном дискурсе. Одна из таких категорий — «справедливость». Мы рассмотрим ее интерпретацию и смысловое наполнение в учении современных Русской Православной и Римско-католической церковей и проанализируем социально-политические аспекты, присущие данной категории.

Ключевые слова: справедливость, религиозные институты, Русская Православная Церковь, Римско-Католическая Церковь, контент-анализ

В условиях современных трансформаций категория «справедливость» получает различное смысловое наполнение и коннотации в устах разных агентов социальных групп. Одной из характеристик российской социальной действительности является довольно устойчивый уровень доверия граждан к религиозным институтам, в частности, к Русской Православной Церкви как доминирующей христианской конфессии в контексте российской социокультурной и исторической реальности.

Встреча Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла актуализирует вопрос потенциального сближения на институциональном уровне. В данном контексте важно обратить внимание не только на изучение доктринальных различий, являющихся предметом для сравнительной теологии и религиоведения, но и на социально-политические импликации учения двух церковей, их отношения к фундаментальным категориям «свободы», «равенства», «справедливости», «демократии», как отражаемых в нормативных документах, так и артикулируемых лидерами данных конфессий.

Гипотезы:

H0: Римско-католическая церковь в своем восприятии справедливости исходит из политических мотиваций как неотъемлемой части реализации данной идеи.

H1: Понимание «справедливости» имеет определенные отличия в РПЦ и в РКЦ в контексте имплементации данной идеи в политическом пространстве.

Базовым документом, отражающим позицию РПЦ по данному вопросу, является «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Содержащиеся в нем тезисы о справедливости отражают общие свойства восприятия этой категории, апеллируя к универсальному характеру присущих ей общехристианских ценностей [1].

Одной из характеристик является абстрагированный характер данных тезисов от конструирования политических действий. РПЦ вводит понятие «справедливости» исключительно как нравственную универсалию, не придавая ей характера политической мотивации. Для сравнения, в энциклике *Centesimus annus* папа Иоанн Павел II прямо заявляет о поддержке Римско-Католической Церковью демократической системы как отвечающей идеалам справедливого политического устройства [2]. Во время визита в Мексику Папа Франциск, говоря о справедливом устройстве, призвал епископов занять активную позицию против коррупции и наркоторговли [3].

Исходя из контент-анализа нормативных документов и заявлений можно выделить несколько аспектов отличий постулирования понятия справедливости в РКЦ и в РПЦ:

1) понятие справедливости как в риторике РКЦ, так и в риторике РПЦ носит универсальный характер, базирующийся на христианских ценностях;

2) в отличие от РПЦ, католическая церковь говорит о справедливости не просто как о нравственной универсалии, но как о реальном акте политической воли, призывает самих верующих активно участвовать в политическом процессе с целью стремления к справедливому социально-политическому устройству, обнаруживаемому в *демократической системе*;

3) в контексте реализации принципов справедливости риторика РПЦ имеет *государственно-центристский характер*, активно используя понятия «Отечества», «справедливых военных действий», определенное место имеет дихотомия «свой – чужой» [1]. В то же время основные декларации РКЦ носят исключительно универсальный, *космополитический характер*, вводят понятие прав личности, естественных прав человека как приоритета перед позитивным правом [4].

Имплементация концепции справедливости имеет определенные отличия в риторике РПЦ и РКЦ. Для католической церкви справедливость является не просто нравственной, но политической категорией, присущей определенным политическим идеологиям, в том числе демократии. Она неотъемлемо связана с общей установкой реализации прав личности. Для РПЦ справедливость является преимущественно нравственной категорией, ее реализация в политическом пространстве остается либо

в абстрагированном виде, либо в русле государственно-патерналистской модели.

Характер подобного церковного учительства отражается и на политических мотивациях верующих мирян, что подтверждается эмпирическими данными. Исследование Института социологии Национальной академии наук Беларуси указывает на существенные различия ценностных ориентаций в области публичной политики среди тех, кто идентифицирует себя как православные и как католики. Так, в отношении политических ценностей, первые выступают в большей степени в качестве сторонников авторитарного стиля правления и госсобственности. Ценностные ориентации католиков отличны: среди них отмечается большая приверженность «ценностям личной ответственности», «смешанной экономики с преобладанием частной собственности», приверженности «демократии, защищающей права человека» [5]. Вместе с тем, по данным российских исследований, идея **социальной справедливости** является наиболее востребованной как среди россиян в целом, так и среди подгрупп с разными моделями мировоззрения. Лозунг социальной справедливости объединяет взгляды всех россиян [6]. Таким образом, мы можем говорить о том, что, хотя идея справедливости разделяется и православными, и католиками, и людьми иных конфессий, равно как и носителями нерелигиозного мировоззрения, существуют определенные отличия в том, как РПЦ и РКЦ воспринимают политическую реализацию идей справедливости.

Гипотезы подтверждаются анализом эмпирических данных. Данные аспекты необходимо учитывать в рамках изучения проблематики политических мотиваций верующих людей, роли религиозных институтов в формировании гражданской нации, возможности трансформации их ценностно-нормативных схем и социального учения (наподобие того, как это случилось во время Второго Ватиканского Собора в РКЦ).

Список литературы

1. *Основы* социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422> (дата обращения: 21.02.16).
2. *Centesimus Annus*, 46 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ioannpavel.ru/wp-content/uploads/2010/05/Centesimus-annus.pdf> (дата обращения: 21.02.16).
3. *Папа Франциск призвал...* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/pope-tells-mexican-leaders-provide/3189889.html> (дата обращения: 21.02.16).
4. *Богачев М. И.* Современные Римско-католическая и Русская православная церкви о свободе и демократии // Государство, общество, цер-

ковь в истории России XX века. Материалы XIII Международной научной конференции Ч. 1. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014.

5. *Новикова Л. Г.* Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления. Мн. : БТН-информ, 2001.

6. *Российское общество и вызовы времени.* Книга первая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова ; Институт социологии РАН. М. : Весь мир, 2015.

Информация об авторе

Журавлев Денис Викторович, аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, dns-90@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДОВ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. Н. Зубец, А. С. Сазанаква

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов опроса, проведенного в крупных и средних городах России Департаментом социологии Финансового университета при Правительстве РФ. Опрос касался доверия населения судам и правоохранительным органам в нашей стране.

Ключевые слова: доверие, правоохранительные органы, судебная система

Около двух третей россиян считают суды и правоохранительные органы справедливыми. Судам доверяют 62 % россиян, правоохранительным органам — 60 %.

Департамент социологии Финансового университета при Правительстве РФ в конце 2015 г.— начале 2016 г. провел опрос, посвященный доверию населения судам и правоохранительным органам по городам России. Исследованием были охвачены 75 городов страны с населением более 250 тыс. человек.

Исследование показало, что россияне в целом доверяют и судебной системе, и правоохранительным органам (полиции, ГАИ, прокуратуре и др.) того города, где они живут. При этом доля тех, кто полностью или в основном доверяет судам своего города, составляет 62 % от определившихся с ответом. Уровень доверия правоохранительным органам тоже высокий, хотя и несколько ниже, чем доверие судебной системе, — полностью или в основном им верят 60 % россиян (табл. 1).

За последние 2—3 года с судебной системой сталкивались 23 % респондентов, проживающих в крупных и средних городах, где проводилось исследование. Из них 63 % говорят о том, что полностью или в основном довольны ее работой, 40 %, напротив, утверждают, что столкнулись с судебной несправедливостью, злоупотреблениями и ошибками в работе судов.

В течение последнего года с правоохранительными органами своего города сталкивались 39 % респондентов, довольны их работой 48 % от числа столкнувшихся. При этом 47 % респондентов, имевших дело с правоохранительными органами, заявили, что столкнулись с ошибками в их работе, злоупотреблениями и несправедливостью.

Наибольший уровень доверия к судебной системе и правоохранительным органам отмечен среди молодежи, студентов, а также тех, кому по силам приобрести крупную бытовую технику, но новый автомобиль не по карману. Если говорить о географическом распределении ответов, наибольший уровень доверия к судам и правоохранительным органам отмечен в Череповце, Самаре, Грозном, Рязани и Екатеринбурге. Низкие значения доверия отмечены в Комсомольске-на-Амуре, Чите, Кургане, Хабаровске и Сочи (рис. 1).

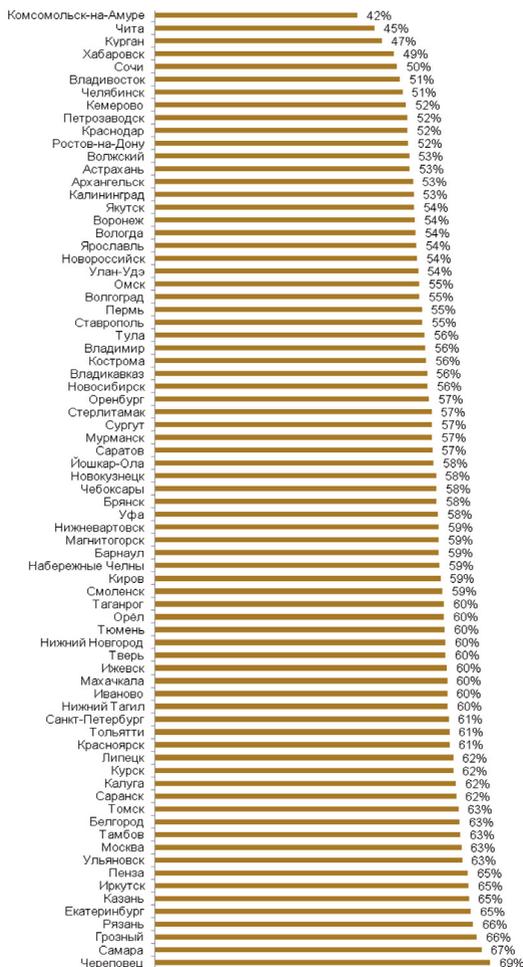

Рисунок 1. Доверие судебной системе и правоохранительным органам по городам, где проводилось исследование

Таблица 1. **Доверие судебной системе и правоохранительным органам**

Доля тех, кто полностью или в основном доверяет судам своего города		Доля тех, кто полностью или в основном доверяет правоохранительным органам своего города	
62%		60%	
Доля тех, кому за последние 2—3 года пришлось иметь дело с судами	Из числа имевших дело с судами — доля тех, кто полностью или в основном удовлетворен их работой	Из числа имевших дело с судами — доля тех, кто сталкивался со случаями судебной несправедливости, ошибками или злоупотреблениями	
23%	63%	40%	
Доля тех, кому пришлось за последний год иметь дело с правоохранительными органами (полицией, ГАИ и др.)	Из числа имевших дело с правоохранительными органами — доля тех, кто полностью или в основном удовлетворен их работой	Из числа имевших дело с правоохранительными органами — доля тех, кто сталкивался со случаями несправедливости, ошибками или злоупотреблениями	
39%	48%	47%	

Таблица 2. **Доверие к судам и правоохранительным органам по социально-демографическим группам россиян**

Пол				
Мужской		Женский		
60%		62%		
Возраст				
18—30 лет	30—40 лет	40—50 лет	50—60 лет	Более 60 лет
73%	62%	57%	52%	52%
Образование				
Среднее и неполное среднее	Среднее техническое	Высшее и послевузовское	Незаконченное высшее	
67%	59%	60%	65%	
Самооценка уровня дохода				
Денег с трудом хватает на питание	Питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости	Можем купить крупную бытовую технику, но не новый автомобиль	Могу купить новый автомобиль, но не квартиру	Могу купить квартиру или новый дом
47%	56%	72%	69%	58%

Информация об авторах

Зубец Алексей Николаевич, д. э. н., руководитель Департамента социологии и политологии Финансового университета при Правительстве РФ, руководитель Центра стратегических исследований ПАО «Росгосстрах», Москва, Россия, ANZubets@fa.ru

Сазанаква Александра Сергеевна, магистрант II курса Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, sazanakova.alex@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И КОРРУПЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Карчагин, А. В. Одинцов

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, Волгоградский филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Аннотация. Проведенное в России, центральных и западных регионах Украины качественное социологическое исследование показало, что анализ коррупции с позиции справедливости является продуктивным с методологической точки зрения. В контексте данного исследования справедливость представляется индикатором того, является ли феномен коррупции элементом порядка. Судя по полученным данным, в восприятии социального порядка, социальной справедливости и коррупции в современном российском и украинском обществе наблюдаются заметные отличия.

Ключевые слова: справедливость, коррупция, государственное управление, общественное мнение, социальный порядок

Противодействие коррупции является лозунгом актов гражданского неповиновения на территории бывшего Советского Союза начиная с «революции роз», заканчивая «революцією гідності». Оно также является критерием того, что, согласно Роуз-Аккерман, «что-то пошло не так» в государственном управлении, поводом расторгнуть «общественный договор» с властью.

Восприятие коррупции в общественном мнении зависит от множества факторов, не имеющих непосредственного отношения к опыту переживания коррупции. Согласно данным массовых опросов, большинство респондентов не имеют опыта коррупционных сделок, не обладают реальными сведениями о тех, кого сами считают коррумпированными. Основываясь исключительно на количественных исследованиях, невозможно корректно установить причины существования коррупции и ее социальные функции. Кроме того коррупция может восприниматься как социальная болезнь, как сбой механизмов государственного управления и поддержания социального порядка лишь в тех случаях, если мы четко можем определить тип общества. Если общество является модернистским, либеральным, ориентированным на европейские ценности, то традиционное понимание коррупции оправданно, если же оно оказывается «квазисовременным» (Р. Роуз) или «сословным» (С. Кордонский), то говорить о том, что кумовство, блат, коррупция в нем являются социальным злом — некорректно.

По этой причине, в рамках исследования необходимо учитывать сложности самоидентификации россиян в рамках такого комплексного социального порядка. Необходимо принимать во внимание и то, что с точки зрения классовой принадлежности, проблемы идентификации в современной России очевидны.

Ключевыми вопросами при изучении феномена справедливости в современных Украине и России с объективно присущими им социальными функциями должны быть:

1. С какими критериями необходимо подходить к оценке постсоциалистического общества и воспроизводимому им социальному порядку (как к постсовременному/современному/квазисовременному или иному типу общества)?
2. Что позволяет общественному мнению (а следовательно, представителям отдельных социально-профессиональных групп) классифицировать то или иное явление соответствующим или несоответствующим социальному порядку?

В ходе исследования методом глубинного интервью было опрошено 100 человек — 50 в регионах России и 50 в регионах Украины (не охваченных гражданским противостоянием). Следует принимать во внимание, что опрос в России проводился в 2013 г., т. е. в тот момент, когда, согласно данным статистических наблюдений, потребление российского общества достигло абсолютного рекорда. Этап исследования, проведенный в 2015 г. в регионах Украины, напротив, пришелся на момент социально-экономического и, отчасти, военного кризиса. Конечно, следует принимать во внимание, что и сообщества, и их текущее состояние различаются, но в данном докладе мы предлагаем другую оптику. Вопреки достаточно устойчивому представлению, что «Украина — это Россия без газа», мы предлагаем формулу «Россия и Украина — это одно общество при разных воспроизводимых социальных порядках».

Проведенное в России, центральных и западных регионах Украины качественное социологическое исследование показало, что анализ коррупции с позиции справедливости является продуктивным с методологической точки зрения. В частности, восприятие социального порядка и его референтов существенным образом отличается у различных социально-профессиональных групп.

В рамках основной части интервью применялась проективная социально-психологическая методика: респондентам было предложено поставить себя на место своего хорошего знакомого, который столкнулся с фактом коррупции в лечебном учреждении. В ходе данной части определялись:

1. Степень институционализации коррупции в здравоохранении.

2. Оценка справедливости/несправедливости указанной ситуации для данного положения дел в здравоохранении, т. е. соответствия/несоответствия ее социальному порядку.
3. Уровень социального одобрения гипотетической модели «восстановления справедливости» через привлечение медицинского работника к уголовной ответственности.
4. Одобряемая модель идеальной ситуации получения услуг здравоохранения — ее референты.
5. Способы достижения идеальной модели.

В дополнение к основной части респондентам предлагалось оценить способы оправдания коррупционных сделок в образовательной системе как в рамках дискурса студентов-учащихся, так и в рамках системы «оправдывания» со стороны преподавателей. При этом в ряде аргументов инструментарий исследования косвенно отсылал респондентов к категории справедливости.

В контексте исследования справедливость является характеристикой, свидетельствующей о наличии некоего легитимного в общественном мнении социального порядка. Т.е. если некое явление считается справедливым, то оно признается соответствующим принятому (одобряемому) порядку. Если оно полагается несправедливым, то оно, напротив, является противоречащим этому порядку. Таким образом, в контексте данного исследования *справедливость представляется индикатором того, является ли феномен коррупции элементом порядка или нет.*

Коррупционная сделка, по мнению большинства опрошенных, оправдана в том случае, если она повышает уверенность в благоприятном исходе дела. Безусловно оправданными для респондентов являются сделки, которые касаются здоровья близких (в особенности детей). «Взятка» и «благодарность» различаются по основанию инициатора. Если на необходимость дополнительного вознаграждения намекает врач, то это идентифицируется респондентами как «взятка». В случае, если клиент учреждения здравоохранения сам является инициатором сделки, то она понимается как «благодарность». Респонденты склонны негативно относиться к ситуации, в которой коррупционер пытается оправдаться ссылкой на личные обстоятельства.

Исследование показало, что в восприятии социального порядка, социальной справедливости и коррупции в современном российском и украинском обществе наблюдаются заметные отличия. Можно отметить следующие:

1. Для респондентов из России эмпирическим референтом социального порядка являются элементы коммунального благополучия — свет, горящий в подъездах и дворах, хорошие дороги, отопление и т. п. Для

Украины дискурс справедливости является признаком нарушения социального порядка.

2. Коррупция как феномен в здравоохранении среди обеих групп респондентов четко разделялась на «благодарность» и «вымогательство». В первом случае доступ к «особой» медицинской услуге оплачивается после ее успешного предоставления, во втором — является предварительным условием ее оказания. Среди российских респондентов (даже представителей медицинского сообщества) первое воспринималось как феномен неприглядный, оправданный лишь в исключительных случаях. Однако, согласно данным интервью, проведенных на Украине, — это часть объективной социальной реальности. Причем нередко он является единственным способом восстановить социальную справедливость.
3. 2000-е годы, благодаря благоприятной конъюнктуре, позволили государственным институтам России снизить разрыв между уровнем обеспеченности социальными благами и социальной ответственностью в среде медицинского сообщества. По этой причине, согласно восприятию респондентов, никакие факторы не оправдывают коррупционное поведение его представителей. В то время как аргумент восстановления справедливости является примером некомпетентности врача, неспособного устроиться работать в частные клиники, в которых доход его станет заметно выше. Украинское государство, напротив, не имело таких внешних благоприятных условий, и, по этой причине, многие коррупционные феномены являются в представлении респондентов способом восстановления социальной справедливости.

Благодарность

Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ, грант 15-33-01401a(2).

Информация об авторах

Карчагин Евгений Владимирович, к. ф. н., доцент кафедры философии, социологии и психологии Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета, Волгоград, Россия, evgenkar@yandex.ru

Одинцов Александр Владимирович, к. с. н., доцент кафедры философии и социологии Волгоградского филиала РАНХиГС, Волгоград, Россия, yugrasil@yandex.ru

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СЛЕДСТВИЯ

Г. Л. Кертман

Фонд «Общественное мнение», Москва, Россия

Аннотация. Представляется, что презумпция несправедливости российского общества непосредственно связана с социальным инфантилизмом. Вместе с тем презумпция несправедливости российского общества легитимирует неправовое сознание и поведение, способствуя их консервации. В целом презумпция несправедливости российского общества препятствует макросоциальной интеграции на основе любых общих норм и способствует воспроизводству фрагментированного социума с крайне низким уровнем как институционального, так и анонимного межличностного доверия.

Ключевые слова: социальная несправедливость, социальный инфантилизм, неправовое сознание, доверие, презумпция несправедливости

Наши сограждане склонны преувеличивать уровень социальной несправедливости в российском обществе. Это утверждение крайне рискованно. Во-первых, потому, что оно слишком легко, хотя и ошибочно, интерпретируется как попытка оправдать существующий социальный порядок, неприемлемый в среде исследователей. Во-вторых, потому, что оно недоказуемо: невозможно сконструировать шкалу, которая позволила бы корректно сопоставить «объективный» уровень социальной справедливости (или несправедливости) с усредненными субъективными представлениями о нем.

Тем не менее, есть основания предполагать наличие некоего социокультурного фактора, неизменно смещающего суждения российских граждан о степени справедливости общества к полюсу отрицательных оценок. Некоторые симптомы таких смещений можно усмотреть в данных опросов.

Так, 66 % опрошенных ФОМ (*общероссийский тел. опрос, 12.05.2013, 1000 респ.*) заявили, что в современной России люди сталкиваются с социальной несправедливостью чаще, чем в советское время (при 8 % считающих обратное). Вместе с тем, в ходе другого недавнего опроса (*общероссийский поквартирный опрос, 24.04.2015, 1500 респ.*) только 31 % респондентов сказали, что жизнь в России устроена сейчас менее справедливо, чем до Перестройки, а 36 % — что более справедливо.

Внутренний разрыв в данных двух опросов обусловлен тем, что в первом случае вердикт выносился респондентами сходу, а во втором — после того, как они ответили на ряд вопросов о причинах Перестройки и ее следствиях как для страны в целом, так и для их собственной жизни. Соответственно, во втором случае суждения были относительно «ответственными», рационализированными — и здесь доли полагающих, что нынешнее общество устроено более справедливо и менее справедливо, нежели советское, оказались близкими. А вот при спонтанных ответах, как видим, доля считающих нынешнее общество менее справедливым — выше почти на порядок.

В ходе упомянутого телефонного опроса 37 % респондентов утверждали, что за последние 2—3 года ни они, ни их близкие ни разу не сталкивались с проявлениями социальной несправедливости по отношению к себе. Тем не менее, 72 % этой группы опрошенных убеждены, что в современной России люди сталкиваются с социальной несправедливостью **часто**, тогда как только 18 % — что **редко**. Иными словами, более четверти респондентов (27 %) убеждены, что российские граждане регулярно соприкасаются с социальной несправедливостью, хотя не распознают никаких ее симптомов в собственном повседневном опыте и опыте своего ближайшего окружения.

Еще один пример — данные опросов, проводимых «Левада-центром», который ежегодно спрашивает респондентов: «Каким образом, на Ваш взгляд, изменилась в течение прошедшего ... года справедливость в распределении материальных благ?». На протяжении последних 16 лет, с 2000 г., доля заявляющих, что положение изменилось к худшему, варьирует от 36 до 51 %, а считающих, что оно изменилось к лучшему — от 2 до 9 % [1]. В среднем доля усматривающих позитивные изменения за эти годы составляет 5 %, негативные — 43 %; прочие говорят, что ситуация не изменилась, либо затрудняются с ответом. Понятно, что эти данные нельзя понимать «буквально». Если бы на протяжении полутора десятков лет от трети до половины граждан постоянно ощущали, что распределение благ в российском обществе год за годом становится все менее справедливым, то это неизбежно отражалось бы и на уровне социальной напряженности, и на рейтингах властей, и на результатах выборов. Кроме того, такая институциональная характеристика социума как «справедливость в распределении материальных благ» не может меняться столь интенсивно и однонаправленно, практически безотносительно к колебаниям экономической конъюнктуры и трендам в социальной политике государства. Наконец, при таких «динамических» оценках должны были бы меняться и оценки «статические», касающиеся текущего положения дел. Но этого не происходило. Например, по данным ФОМ, между 2007 и 2011 гг. (об-

щероссийские поквартирные опросы 28.10.2007 и 20.11.2011, по 1500 респ.) доля считающих, что современное российское общество в целом устроено несправедливо, даже снизилась с 68 до 61 % — при неизменной доле считающих его устройство в целом справедливым (12 %).

Не будем множить примеры подобной иррациональной предрасположенности к «преувеличению» уровня социальной несправедливости. Представляется, что презумпция несправедливости российского общества непосредственно связана с социальным инфантилизмом: в социуме, где не укоренен этос индивидуальной ответственности, такая презумпция способствует росту или, как минимум, препятствует снижению социальной самооценки индивида. В самом деле, если общество в целом устроено несправедливо, то именно на эту институциональную несправедливость можно списывать свои неудачи, а успехи «присваивать» как достигнутые вопреки несправедливости социального устройства — исключительно благодаря личностным качествам. Если же мы, в порядке мысленного эксперимента, допустим, что общество устроено справедливо, нам придется, во-первых, «поделиться» с ним своими достижениями (т.е. признать, что мы, хотя бы частично, обязаны ими социальному устройству, позволившему нам реализовать свои достоинства), а во-вторых — и это важнее — принять на себя ответственность за свои неудачи. Очевидно, что такой обмен способен нанести немалый ущерб самооценке.

Вместе с тем презумпция несправедливости российского общества легитимирует неправовое сознание и поведение, способствуя их консервации. В самом деле, обычай апеллировать к институтам, призванным обеспечивать регулирование отношений в обществе на основе универсальных норм, т.е. к праву и закону, базируется на признании справедливости общественного устройства. Когда же оно воспринимается как несправедливое — иначе говоря, при низкой легитимности социального порядка, — преобладают установки на неправовые способы разрешения любых споров и, шире, на неправовое социальное поведение.

В порядке иллюстрации приведем данные недавнего опроса ФОМ (*общероссийский поквартирный опрос 28.07.2013, 1500 респ.*): 30 % респондентов заявили, что «в случае нарушения прав, ущемления законных интересов человека, ему следует сразу обращаться в суд», а почти вдвое больше, 57 % — что «обращаться в суд следует только в крайнем случае — если иными способами защитить свои права, отстоять законные интересы не удастся». И это при том, что сама формулировка вопроса (нарушение **прав**, ущемление **законных** интересов) явно «подсказывала» респондентам, что речь идет о конфликтах, лежащих именно в сфере правового, судебного регулирования. Причем распределение ответов почти не зависит от репутации российского правосудия как такового: если сре-

ди тех, кто считает, что российские суды часто выносят несправедливые приговоры, за обращение в суд высказались 31 % респондентов, то среди считающих, что такие приговоры выносятся редко, — лишь чуть больше, 34 %. Так что преобладание установки на «иные способы защитить свои права» вызвано, главным образом, не недоверием к судам, а более фундаментальными причинами.

В целом презумпция несправедливости российского общества препятствует макросоциальной интеграции на основе любых общих норм, будь то моральных или правовых, и, соответственно, способствует воспроизводству фрагментированного социума с крайне низким уровнем как институционального, так и анонимного межличностного доверия. Преодоление этой презумпции в обозримом будущем едва ли возможно, но обсуждение критериев социальной справедливости в публичном пространстве, целенаправленная фокусировка общественного внимания на этой проблематике могли бы, наверное, содействовать постепенной эрозии данной презумпции в контексте рационализации представлений россиян о социальной справедливости.

Список литературы

Итоги уходящего года и самые важные события 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2015/12/28/itogi-uhodyashhego-goda-i-samye-vazhnye-sobytiya-2015-go/>.

Информация об авторе

Кертман Григорий Львович, к. и. н., зав. аналитическим отделом ФОМ, Москва, Россия, kertman@fom.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. Б. Кошарная, Г. П. Редя

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Анализ результатов исследования, проведенного в Пензенском государственном университете, показал, что в изучаемых регионах растет число молодых толерантно настроенных граждан, готовых брать на себя ответственность за свою жизнь, в лице которых общество обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития. С другой стороны, выявлены противоречия между декларируемыми ценностями законопослушности, недопустимости применения насилия в межнациональных спорах и субъективно понимаемыми принципами справедливости.

Ключевые слова: молодежь, межнациональные отношения, толерантность, идентичность, справедливость

Актуальность исследования проблемы межнациональных отношений в современном обществе очевидна, так как, в условиях современной глобализации, как в России, так и в мире, особенно остро стоит проблема воспитания толерантности к людям другой национальности.

Уверенность в своей собственной позитивной идентичности, уважение к собственной культуре и готовность к взаимодействию с представителями других групп активно формируются в юношеском возрасте. Поскольку в своей основе толерантность предполагает внутреннее преодоление нетерпимости, неприятия иного, она является необходимой основой существования этнического разнообразия и подразумевает разрешение возникающих межэтнических противоречий через готовность к диалогу, компромиссу, равноправию.

В исследовании, проведенном в Пензенском государственном университете, был изучен ряд вопросов, касающихся восприятия межнациональных отношений молодыми жителями Поволжских регионов.

В исследовании кроме анкетирования использовался метод фокус-группы. Вопросы, относящиеся к межнациональным отношениям, были сформулированы по возможности косвенно, завуалировано, чтобы снизить вероятную ориентацию на нормативную установку. Известно, что предоставление возможности респонденту высказаться в свободной форме снижает эффект социальной желательности, поэтому использование в социологическом исследовании социально-психоло-

гических техник и процедур расширяет познавательные возможности инструментария.

Каково же понимание респондентами сути федеративного устройства России? Как показали результаты исследования, 61,1 % молодых респондентов понимают специфику российской государственности («Россия — это общий дом многих народов, поэтому все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ»). Именно поэтому 90 % опрошенных считают, что государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России. Однако, примерно каждый десятый молодой человек (13,3 % ответов) полагает, что «Россия должна быть государством русских людей», а 21,1 % опрошенных считают, что, хотя «Россия многонациональная страна, но русские составляют в ней большинство и поэтому должны иметь больше прав». Примечательно, что уклонились от выбора немногие, всего 4,4 %.

Подавляющее большинство участников фокус-групп на вопрос «Имеет ли для вас значение национальность человека?» отвечали отрицательно, высказывая суждения о том, что «национальность не характеризует человека как личность», что «нет плохих наций, но есть плохие люди» и т. п. Таким образом, большинство молодых людей достаточно толерантно относятся к представителям других национальностей. Однако в каждой фокус-группе имели место единичные положительные ответы на этот вопрос: «Да, ведь люди разных национальностей имеют разное мировоззрение, традиции, ценности, нормы поведения»; «Да, особенно когда это связано с разной религией, вероисповеданием».

На вопрос «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» большинство молодых респондентов отметили, что они в равной мере чувствуют себя и россиянином, и человеком своей национальности (47,2 % ответов). 30,6 % молодых людей чувствуют себя скорее россиянином, и только 11,1 % — скорее человеком своей национальности. При этом 86,1 % подчеркивают, что никогда не забывают о своей национальности и что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности (83,9 %).

Участникам фокус-групп было предложено назвать положительные и отрицательные черты характера, присущие той национальности, к которой они себя относят. Русские очень активно называли как достоинства, так и недостатки своей нации. Среди достоинств наиболее часто упоминались высокие моральные качества — доброта, великодушие, щедрость и т. п., на втором месте по частоте упоминания называли коммуникативные качества — гостеприимство, общительность, доброжелательность и др., примерно одинаково часто упоминались волевые (смелость, стойкость, мужество) и деловые качества русского характера (трудолюбие,

добросовестность, работоспособность, смекалка). Среди недостатков, которых было названо все же меньше, чем достоинств, наблюдается больший разброс мнений. Наиболее часто упоминаются недостатки деловых качеств — лень, разгильдяйство, неуважение к законам, на следующем месте упоминание отрицательных моральных качеств — зависть, «стадность», излишняя самоуверенность. Часто упоминались такие пороки, как пьянство, сквернословие, бескультурье, «дурачество». В обсуждении достоинств и недостатков «русского характера» гораздо больше времени и внимания участники уделили положительным чертам, приводили больше аргументов, обсуждение шло более эмоционально.

Представители других национальностей (татарской, мордовской), участвовавшие в фокус-группах, охотно называли положительные черты, присущие их нации, и очень скупно говорили о недостатках. Достоинства назывались сходные (доброта, гостеприимство, дружелюбие), но по сравнению с русскими у них чаще упоминались другие качества — сплоченность, уважение к старшим, миролюбивость.

Если сравнить полученные данные самооценки русских молодых людей с результатами других исследований, в ходе которых задавался аналогичный вопрос, то можно увидеть некоторую тенденцию повышения уровня самооценки. Если в нашем исследовании между положительными и отрицательными суждениями все же преобладают положительные, то 10 лет назад настроения были куда более уничижительными, негативные оценки «самих себя» составляли около двух третей всех высказанных мнений [2].

В исследовании просматривается осознание молодежью ценности такого важного фактора как культура. Большинство участников фокус-групп высказали убеждение в том, что хорошо знакомы со своей национальной культурой, хотя некоторые (чаще юноши) оценили свои знания достаточно критично. Практически все считают совершенно необходимым сохранять национальную культуру всех народов России: «Культура — основа национального самосознания», «Без прошлого нет будущего», «Сохраняя национальную культуру — сохранять самого себя».

В молодежной выборке наибольшее количество (95 %) респондентов согласились с тем, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». Однако при этом почти 42,6 % считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры». Еще Ф. М. Достоевский и Н. А. Бердяев неоднократно утверждали, что когда русский человек оказывается вынужденным выбирать между истиной и справедливостью, то чаще всего он выбирает то, что, по его мнению, справедливо.[1]

Таким образом, результаты проведенного исследования, с одной стороны, позволяют утверждать, что в изучаемых регионах растет число

молодых толерантно настроенных граждан, готовых брать на себя ответственность за свою жизнь, в лице которых общество обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития. С другой стороны, выявлены противоречия между декларируемыми ценностями законопослушности, недопустимости применения насилия в межнациональных спорах и субъективно понимаемыми принципами справедливости.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382а.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 1989.
2. Сикевич З. В. Историческое прошлое в социальных ожиданиях россиян // Вестник СпбГУ. 2014. Серия 12. № 2. С. 196—206.

Информация об авторах

Кошарная Галина Борисовна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, k-galina@yandex.ru, siup@pnzgu.ru

Редя Галина Павловна, к. психол. н., доцент кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, Redya58@yandex.ru, siup@pnzgu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

М. И. Липайкина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов авторского социологического исследования «Социальная защищенность и справедливость в представлениях населения Республики Мордовия», проведенного в феврале 2016 г. с целью изучения общественного мнения, касающегося различных аспектов социальной справедливости и социальной защищенности. Большая часть жителей республики ощущают себя недостаточно защищенными государством и убеждены в том, что современное российское общество в целом устроено несправедливо, и государственная социальная политика является неудовлетворительной.

Ключевые слова: социальная защищенность, справедливость, социальная политика, социальное самочувствие, общественное мнение

Современный этап развития общественных отношений в нашей стране актуализировал внимание общественности, политических кругов и научного сообщества к вопросам социальной политики. Социальная сфера обуславливает социальное самочувствие граждан, уровень социальной защищенности, эффективность социальной работы с незащищенными слоями населения.

В современном российском обществе проблема социальной защищенности и социальной справедливости — одна из самых актуальных проблем. Социальные перемены, нестабильная политическая и экономическая ситуации в постсоветской России привели к увеличению численности и расширению социально незащищенных групп населения. Изменения, происходящие в обществе, повлияли на политическую, экономическую и социальную сферы, затронули деятельность многих общественных и производственных организаций, которые и обуславливают перспективы социального развития.

Значительный вклад в научную проработку проблем социальной защищенности и справедливости в целом внесли И. Н. Гаврилова [1], С. В. Мареева [2], Н. В. Печерская [3], О. А. Полюшкевич [4] и др.

В феврале 2016 г. было проведено авторское социологическое исследование «Социальная защищенность и справедливость в представлениях населения Республики Мордовия», целью которого являлось изучение общественного мнения, касающегося различных аспектов социальной

справедливости и социальной защищенности. В ходе исследования было опрошено 118 респондентов (44,9% мужчин и 55,1% женщин) в возрасте старше 18 лет. В опросе приняли участие представители русской (44,9%), мордовской (51,7%) и татарской (2,5%) национальностей, проживающих как на территории городской (61%), так и сельской (39%) местности.

Благосостояние человека зависит не только от того, сколько у него богатства, но и как он оценивает свое материально-финансовое положение в отношении других. Если человек ощущает себя на том же уровне, что и другие, то остается удовлетворенным. Если же он видит, что живет намного хуже своих окружающих, то это может его не удовлетворять. Так, распределение доходов, благ между людьми большинство опрошенных жителей республики считают в основном несправедливым (40,7%). С данной точкой зрения чаще всего согласны представители средней возрастной когорты (61,3% 40—54-летних) и молодежь (58,3% 18—24-летних). 43,8% населения в возрасте от 25 до 39 лет и 34,9% респондентов пенсионного возраста (старше 55 лет) утверждают, что доходы и блага между людьми распределяются скорее несправедливо, чем справедливо. С тем, что доходы между людьми распределены, в основном, справедливо, согласны 23,3% людей пенсионного возраста (старше 55 лет).

Одной из ключевых категорий, занимающих важнейшее место в жизни населения, является социальная справедливость. В чем заключается социальная справедливость, по мнению жителей Республики Мордовия? Для большинства опрошенных она состоит в том, что уровень и качество жизни каждого зависят от его трудовых усилий и заслуг (30,5%). Как равное и справедливое распределение материальных благ социальную справедливость склонны понимать 19,5% респондентов. 18,6% опрошенных граждан уверены, что она заключается в том, что каждый может достичь того, на что способен. Для 11,9% респондентов социальная справедливость — это равенство всех перед законом. Примерно столько же (10,2%) опрошенных утверждают, что она выражается в том, что уровень жизни всех примерно одинаков, нет ни богатых, ни бедных.

Оценивая современное российское общество абсолютное большинство респондентов (76,3%) отметили, что оно в целом устроено несправедливо. С данной точкой зрения согласны большая часть представителей как мужской половины (81,1%), так и женской (72,3%). 22,9% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. И только 0,8% опрошенных полагают, что современное российское общество устроено справедливо. Этому мнению придерживается незначительная часть женщин (1,5%).

Респондентам был задан вопрос о том, какие социальные ценности являются для них приоритетными. Для молодежи (18—24 года) наибольшая

ценность — семья (91,7%), затем здоровье (83,3%), любовь (58,3%), наличие материального достатка (58,3%). Семья (86%) и здоровье (83,7%) являются приоритетными и для людей пенсионного возраста (старше 55 лет). Если посмотреть на иерархию ценностей 25—39-летних, то у них в начале списка окажутся здоровье (96,9%), семья (78,1%), наличие материального достатка (56,3%), образование (56,3%), взаимопомощь (43,8%). Для представителей средней возрастной когорты (40—54-летних) семья и здоровье занимают лидирующую позицию (по 87,1% соответственно), на втором месте — материальный достаток (51,6%), затем любовь (38,7%) и социальная справедливость (38,7%). Стоит отметить, что для пенсионеров (старше 55 лет) ценность социальной справедливости является более приоритетной (46,5%, 3-е место в иерархии приоритетных ценностей), чем для молодежи (18—24-летних) (25%, 5-е место в иерархии приоритетных ценностей).

В ходе исследования выяснилось, что 67,8% респондентов считают себя недостаточно защищенными государством. Вообще не защищенными ощущают себя 17,8% опрошенных. В то же время полностью защищенным себя никто не считает.

В условиях недостаточной социальной защищенности государством большая часть опрошенных жителей Республики Мордовия будут пытаться решить все проблемы, не дожидаясь помощи (28,2%) или поддержать на выборах общественное движение или партию, которые выражают интересы таких людей как они (28,2%). 13,4% респондентов ничего предпринимать не будут. Примут участие в митингах, других акциях протеста 11,4% опрошенных.

Что касается государственной социальной политики в современной России, то здесь примерное равное количество респондентов оценивают ее и как неудовлетворительную (40,7%), и как удовлетворительную (39%). И только 6,8% опрошенных уверены в том, что государственная социальная политика в России хорошая.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что в понимании жителей Республики Мордовия социальная справедливость заключается в том, что уровень и качество жизни каждого зависят от его трудовых усилий и заслуг. В то же время, распределение доходов, благ между людьми, по словам жителей республики, является несправедливым. Среди приоритетных социальных ценностей население республики, независимо от возраста, выделяет семью и здоровье. Большая часть жителей ощущает себя недостаточно защищенной государством. В рамках недостаточной защищенности государством люди будут решать все проблемы, не дожидаясь помощи, или поддержат на выборах общественное движение или партию, которые выражают интересы таких

людей как они. Оценивая современное российское общество, жители республики убеждены в том, что оно в целом устроено несправедливо, и государственная социальная политика в современной России является неудовлетворительной.

Список литературы

1. *Гаврилова И. Н.* Современные теории социальной справедливости // *Полития*. 2009. № 1. С. 182—189.
2. *Мареева С. В.* Справедливое общество в представлениях россиян // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 16—26.
3. *Печерская Н. В.* Современный дискурс справедливости : Джон Ролз или Майкл Уолцер? // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 77—88.
4. *Полюшкевич О. А.* Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // *Социологические исследования*. 2012. № 12. С. 66—71.

Информация об авторе

Липайкина Марина Ивановна, студентка 4 курса Историко-социологического института НИ МГУ им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия, marinalipaikina@yandex.ru

УТОПИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ — РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ

С. А. Магарил

«Социологические исследования» — журнал Института социологии РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: социальная справедливость, отчуждение от государства

Юстиция — по латыни
«справедливость, законность».

В публичном дискурсе России постоянно звучит тезис о неизбывном стремлении россиян к социальной справедливости. Почему же этот принцип в России никогда не был реализован? Ведь игнорирование элитами этого фундаментального принципа неизбежно ведет к распаду государства. По изобилию ресурсов России нет равных. Но достойного уровня жизни большинство так и не достигло. Одно из препятствий — вражеские нашествия, угроза самому существованию народа. Но ни одно из них не одержало окончательной победы. От монголов Русь отбивалась 250 лет — итог известен. Наполеоновская Франция, гитлеровская Германия — повержены. Согласно принципу А. Тойнби, на вызов внешней угрозы Россия всегда находила адекватный ответ.

Иное дело внутренние угрозы. Российское государство распалось четыре раза: Киевская Русь — XI в.; Московское царство в Смутное время — рубеж XVI — XVII вв.; Российская Империя — в начале XX в.; Советский Союз — в конце XX в. Жизненный цикл каждой следующей версии государственности последовательно сокращался: 600 лет — 300 лет — 74 года. При этом Россия успешно наращивала свой организационный, экономический и военно-оборонительный потенциал:

XIV—XVI вв. — создание централизованного государства, концентрация экономических и военных ресурсов, восстановление государственной независимости, завоевание Казанского и Астраханского ханств, присоединение Сибири;

XVII—XIX вв. — реформы Петра I, создание современных армии и флота, завоевание побережья Балтийского моря; успешное правление Екатерины II, присоединение Новороссии и Крыма, выход к берегам Черного моря; Великие реформы Александра II (1860—1870 гг.);

XX в. — культурная революция, индустриализация, победа во Второй мировой войне, создание ракетно-ядерного щита.

Но все это не спасало государство — оно разрушалось под тяжестью внутренних проблем. Киевская Русь: наряду с усобицами, Ключевский

указывает на глубокое имущественное расслоение. Приведа пример единоразового самообложения населения Новгорода на оплату наемников (1018), классик пишет: высший класс был обложен более чем в 100 раз тяжелее, сравнительно с простолюдинами. «Создавая столь значительное имущественное расслоение, такой порядок не имел опоры в низших классах населения, которым он давал себя чувствовать только своими невыгодными последствиями» [1]. По сути, это отчуждение населения от власти.

Московское царство: глубинные причины Великой смуты — масштабного социального кризиса — Ключевский видит во взаимной вражде, «в резком социальном разъединении», в том, что «всякий значительный город стал ареной борьбы между низом и верхом общества. Этому весьма благоприятствовало московское законодательство: направленное к определению и распределению государственных обязанностей, оно не формулировало и не обеспечивало ничьих прав, ни личных, ни словесных... Московские люди как будто чувствовали себя пришлецами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме» [2]. Это все то же отчуждение как результат нарушения принципа социальной справедливости.

Эпоха крепостного права тем более далека от идеалов справедливости. Бунташный XVII в., восстания Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева, массовое бегство крестьян «на Дон» выразительно демонстрируют недовольство низов социально-властными отношениями.

Конец XIX — начало XX вв.: мощный промышленный подъем, интенсивное железнодорожное строительство, выдающиеся научные открытия, достижения высокой культуры. И в это же время накапливаются мощные напряжения, разорвавшие социум. Массовые слои приняли активное участие в разрушении империи.

Отечественный XX в. оказался чудовищно жесток: революция, гражданская война, раскулачивание, коллективизация, голодомор, государственный террор, миллионные жертвы и утопия построения коммунизма как изобилия материальных благ. Как итог, в 1991—1993 гг. советский народ не встал на защиту социалистического строя и территориальной целостности СССР.

Изложенное свидетельствует: среди факторов, подрывающих устойчивость российской государственности, важнейшее значение имеет отчуждение населения от государства, вызванное вековым нарушением группами господства принципа социальной справедливости.

Постсоветский период также не стал его воплощением. Кричащее и продолжающее расти имущественное неравенство неопровержимо о том свидетельствует. По данным Global Wealth Report, 1% самых богатых

россиян владеет 71 % всех личных активов России (первое место среди крупных государств) [3]. По удельному ВВП Россия занимает 77-е место в мире; за чертой бедности в 2011 г. находилось 12,7 % населения [4]. К этому следует добавить отсутствие социальных лифтов, избирательное правосудие, неравенство в области образования и здравоохранения, бесправие перед властями, отсутствие действенной защиты со стороны правоохранительных органов — по количеству убийств Россия занимает 34-е место из 36 [5]. По оценкам ИС РАН, в 2008 г. уровень жизни 59 % россиян соответствовал трем параметрам: «ниже черты бедности», «на грани бедности», в состоянии «малообеспеченности» [6]. Академик А. Аганбегян констатирует: в России самая низкая доля зарплаты в национальном ВВП. На нее невозможно организовать нормальный отдых, лечение; тем более невозможно купить квартиру [7], что входит в необходимые затраты на воспроизводство рабочей силы. Доля тех, «кто опасается впасть в бедность: с 2000 по 2011 г. возросла с 38 до 58 %» [8]. При некотором росте к 2011 г. среднедушевых доходов, доля тех, кто считает, что живет нормально — лишь четверть населения.

По мнению академика Н. П. Шмелева (2010): «Россия сегодня — самое социально несправедливое государство из всех развитых стран... В обществе нет угрозы социального взрыва, если соотношение доходов 10 % самых состоятельных слоев населения и 10 % самых бедных не превышает 6 к 1. У нас же, по официальным оценкам, это соотношение составляет 25 к 1. А по неофициальным — 60 к 1. Я бы на месте владельцев поместий, яхт и футбольных клубов беспокоился о своей безопасности» [9].

Наиболее значимые факторы несправедливости заработной платы в оценке россиян: «занижена по сравнению с объемом работы — 84,1 % ответов; «не хватает на нормальную жизнь — 74,6 %»; «считаю ее унижительной — 63,6 %» [10].

Возможные последствия? Посмотрим на Украину — социум со сходным менталитетом. В ходе телеэфира 13.04.2014 главу Совета безопасности Украины В. Наливайченко спросили: понимает ли Совет, с чем имеет дело на Донбассе? В ответ прозвучало: «Безусловно, а также понимаем всю опасность ситуации, которая годами готовилась и финансировалась на деньги шахтеров, украденные из бюджета, из их зарплат» [11]. Стоит ли удивляться, что часть населения радикализовалась и взялась за оружие? Протест против казнокрадства элит — один из значимых мотивов происходящего на Украине.

В России идут типологически подобные процессы. Разница в том, что у России есть нефтегазовая рента, а у Украины ее нет. Масштабы российской массовой бедности охарактеризованы выше. О ее причинах академик В. Ивантер утверждает: «Мы не лентяи. Нам мало платят» [12].

Наша обыденность — многомиллиардная коррупция и «распил» бюджетов. Что не позволяет нам пресечь эти преступления? Массовая социальная некомпетентность и политическая беспомощность. Сегодняшняя Украина — это зеркало, в котором Россия видит свое возможное будущее.

Список литературы

1. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1956. Т. 1. С. 267—268.
2. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1956. Т. 3. С. 17—58.
3. *Гуриев С., Цывинский О.* Россия — лидер по неравенству распределения богатства // Ведомости. 6.06.2012.
4. *CIA The World Factbook*, Central Intelligence Agency [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>.
5. *OECD Better life Index* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org>
6. *Горшков М. К.* Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. № 2. С. 6.
7. *Иванов Л.* Зарплаты в России в 2 раза ниже нормы // Свободная пресса. 20.12.2010.
8. *Костиков В.* Зияющее завтра. Зачем шумят о «великой России»? // Аргументы и факты. 22.02.2012. С. 6.
9. *Шмелев Н.* Россия станет Европой через три поколения // Аргументы недели. 14.01.2010. С. 2.
10. *Черныш Ф. М.* Справедливость заработной платы в российском контексте // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 87.
11. *Гундаров В.* Предчувствие гражданской войны на Украине // Независимое военное обозрение. 18.04.2014.
12. *Ивантер В.* Вкладывать в себя // Аргументы и факты. 21.05.2014.

Информация об авторе

Магарил Сергей Александрович, к. э. н., научный редактор журнала «Социологические исследования», Москва, Россия, magaril@yandex.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА, НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Г. В. Манзанова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Аннотация. В условиях глобализации, когда все более расширяются международные связи, социальные контакты, происходит обмен социальной информацией с целью поиска новых идей и механизмов эффективных вариантов их трансформации. Необходима перезагрузка стратегий реформ, возможно, на основе использования адаптационных моделей реструктуризации традиционных практик хозяйствования. Эти модели качественно лучше решают проблемы развития не только села, но и города, в смысле продовольственной безопасности, стабилизации миграционных потоков и создания среды для устойчивого инновационного развития социума.

Ключевые слова: миграция, неотрадиционализм, социальная справедливость, рурализация, глобализация

Результатом стремительных новаций рынка в 1990-е гг. в России явился тотальный аграрный кризис, развал социальной сферы села, миграция наиболее трудоспособной части населения в города и рурализация Города в смысле воспроизводства патриархальных социальных сред и отношений. В регионах Сибири и Дальнего Востока инновационно настроенное население стремительно выезжало в центральные регионы страны. Таким образом, уже в центральных, а не только периферийных регионах России, происходит консервация патриархальных традиционных отношений, унаследованных с предшествующего периода, и они становятся прямыми агентами в центральных городах — периферии, а в более отдаленных территориях — села, в смысле воспроизводства новой архаики, укрепляя тем самым фундамент для неэффективного развития. Этот процесс возрождается и в кризисной ситуации 2000-х, когда резкое падение уровня доходов вновь вынуждает средний класс отдаленных территорий в поисках лучшей жизни мигрировать в центральные города.

В результате массовой миграции жителей в центральные города изменяется соотношение и доминантное положение различных региональных и этносоциальных групп, их «вес» в сложившемся экономическом пространстве, их поведение и ориентации на внедрение тех или иных элементов рынка. Тем самым уже в условиях переходного периода возрождается экстенсивный механизм миграции-рурализации, когда

более квалифицированное население выезжает из периферии в Город, используя для снятия рисков неопределенности в стремительно меняющейся для них городской среде практики и институты, унаследованные с предшествующего периода развития, — разного рода Землячества, Семьи, создающие основу для взяточничества и коррупции. Оставшееся на периферии и в малых городах население также в условиях кризиса вынуждено воспроизводить крестьянский образ жизни и патриархальные отношения: под угрозой выживания оно вынуждено задействовать природный потенциал региона и перейти на натуральные формы самообеспечения: промыслы (охота, рыбалка), дачное, личное подсобное домашнее хозяйство. В результате, как на периферии, так и в Центре, происходит трансформация этносоциальной структуры населения, его уровня жизни, процессов социальной мобильности, самоорганизации жизнедеятельности населения и возможностей ее государственного регулирования средствами социальной политики.

Более перспективные для жизнедеятельности населения территориальные образования как бы стягивают на себя более активные социальные группы населения и инфраструктуру. Это приводит к двойственному эффекту. С одной стороны, за счет процессов рыночной интеграции происходит расширение социально-экономического поля центральных регионов (например, проект Новая Москва), а с другой, возникает эффект образования «рыночных пустот», как в региональном пространстве Восточной Сибири и Дальнего Востока, где на отдельных территориях уровень обеспеченности услугами и населением достиг уже предельных показателей. И процесс концентрации населения в более благополучных для жизнедеятельности отдельных территориальных образованиях происходит не только на уровне регионов, но и на уровне поселков и поселений.

Нарастание анклавности развития отдельных регионов Сибири приводит к постепенной утрате контроля над приграничными территориями, и представляет угрозу для их безопасности (при учете экспансионистской политики Китая). В целях усиления контроля над территориями предпринимаются методы, унаследованные с советских времен: усиливается административная составляющая реформ, происходит усиление властной вертикали, не вбирающей всю сложность местных условий.

Рурализация городов Сибири и Дальнего Востока и других территорий России в условиях кризиса приводит к возрождению особого типа населения, близкого к поселковому, что, на взгляд некоторых исследователей, «создает предпосылки для наибольшей стабильности в нестабильном обществе» и может рассматриваться как возможность стабильного существования недостаточно обеспеченных слоев населения в условиях глобального кризиса, разразившегося в 2000-е гг. Однако, на наш взгляд,

это не так. И если в начале становления советской власти процесс урбанизации и формирования городского населения происходил в основном путем административного принуждения, то и обратный процесс — рурализации и «окрестьянивания» городского населения происходит также не добровольно, а под огромным прессом теперь уже экономического принуждения. Но, в отличие от советского периода, когда население мигрировало из села в город и из центральных городов на территории промышленного освоения Сибири и Дальнего Востока, зачастую, под прессом административного принуждения, — в кризис пресс экономического принуждения приходит ему на смену и закрепляет процесс возрождения новой архаики. Что обуславливает неизбежную рурализацию центральных городов и утверждение неотрадиционализма.

Тем самым, в условиях глобализации, как это ни парадоксально, под действием механизма, унаследованного с прошлого периода развития сообществ России: кризис — миграция — рурализация города — неотрадиционализм, — происходит очерчивание жестких рамок, отличающих одно этнокультурное сообщество, например, российское, от другого — например, стран Западной Европы, откуда и пришло просвещение новыми идеями модернизации.

На протяжении всей истории своего развития модели поведения акторов-фермеров на рынке и семейных хозяйств российских крестьян имеют совершенно различные стратегии и воспроизводят различные результаты. Цель семейной экономики крестьян — воспроизводство сельского социума и обеспечение социальной защищенности его членов, поддержание огромной территории, что в корне отличается от модели поведения акторов на рынке — максимизации прибыли при минимуме затрат всех ресурсов: материальных, пространственных, трудовых. Возможно, эти особенности практик (институтов) семейного хозяйствования населения России, где процесс урбанизации имеет незавершенный характер, не вписались в практики современных реформ в России, чем и объясняется полученный эффект блокировки инноваций и возврата к традиционным практикам и ценностям, обеспечивающим выживание социума на протяжении всего исторического периода развития: освоение территории, социальная справедливость и воспроизводство социума. В кризис 2000-х эти ценности вновь стоят на повестке дня.

В условиях глобализации, когда все более расширяются международные связи, социальные контакты через механизм внутренней миграции из периферии — рурализации центральных городов, внешних миграционных контактов с представителями стран-соседей, — происходит обмен социальной информацией с целью поиска новых идей и механизмов эффективных вариантов их трансформации, возможно, на основе

использования адаптационных механизмов и практик хозяйствования, которые, как показывает опыт поступательного развития Китая и стран Азии, в отличие от стремительных новаций рынка, произведенных в России, лучше решают проблемы развития отдаленных территорий и воспроизводства социума.

Необходимо создание нового механизма, воспроизводящего эталоны хозяйственного поведения, проверенного опытом исторического и хозяйственного развития российского социума и соответствующего потребностям его дальнейшего социально-экономического развития. Необходима перезагрузка стратегий реформ, возможно, уже на основе использования адаптационных моделей реформирования (реструктуризации) традиционных институтов (практик) хозяйствования. Как показывает опыт поступательного развития стран Азии, эти модели качественно лучше решают проблемы развития не только села, но и города, в смысле продовольственной безопасности, стабилизации миграционных потоков и создания среды для устойчивого инновационного развития социума.

Информация об авторе

Манзанова Галина Владимировна, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия, Gmanz1@rambler.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

С. В. Мареева

Институт социальной политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Аннотация. Проанализированы данные исследований ИС РАН, проведенных в 2012—2015 гг. с целью изучения представлений россиян о социальной справедливости и их отношения к неравенствам. Анализ данных показал, что сегодня жители нашей страны не слишком верят в возможность создания справедливого общества в ней. Задача реализации такого общественного устройства возлагается ими, прежде всего, на государство. Поэтому, отсутствие положительных изменений в этой сфере может привести не только к дальнейшему накоплению среди населения недовольства и росту социальной напряженности, но и к пересмотру представлений об особой роли государства в обществе в рамках характерных для россиян нормативно-ценностных систем.

Ключевые слова: справедливость, неравенство, социальная напряженность

В докладе на данных общероссийских репрезентативных исследований ИС РАН 2012—2015 гг. представлены результаты анализа представлений россиян о социальной справедливости и отношения к неравенствам. Эмпирические данные показывают, что концепция справедливости остается очень важной в модели национальной культуры в России, и мечта о справедливом обществе выполняет роль консолидирующей идеи для населения страны. Так, при выборе вариантов лозунгов, которые в наибольшей степени выражали бы желаемое будущее страны в представлении россиян, наибольшее количество сторонников получил вариант, связанный именно со справедливо устроенным обществом — социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Именно этот ответ был поддержан более, чем половиной населения (53%), в то время как остальные варианты значительно от него отставали. Показательно также, что мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе входила также в число трех наиболее распространенных вариантов мечтаний «для себя» в жизни россиян (33%), отставая лишь от мечты о достатке и возможности жить, «не считая копейки», и имея сопоставимые позиции с мечтой иметь хорошее здоровье.

Смысловое наполнение идеи «справедливого общества» несколько различается в разных по мировоззрению группах, но в целом можно

говорить о том, что ключевыми его элементами, с точки зрения россиян, являются равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты, поддерживающей всех, оказавшихся в сложном положении не по своей вине, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, но находящаяся в разумных пределах, — причем такие представления характерны для большинства населения вне зависимости от их собственного положения и динамики их личного благополучия, что свидетельствует о давно сформировавшейся в обществе и устойчивой во времени нормативно-ценностной системе.

Хотя россияне проявляют высокую степень толерантности к большинству социальных неравенств, сложившаяся на данный момент ситуация в России не отвечает их представлениям о справедливости: неравенства в доходах представляются им излишне высокими, а их основания — нелегитимными, и эта проблема остро переживается населением страны. При этом нетерпимость населения к высокому уровню неравенства, существующему в настоящий момент в России, связана не только с его избыточностью и нелегитимными, в глазах населения, основаниями, но и с закрытием каналов социальной мобильности (т. н. «туннельный эффект»), отсутствием качественных изменений в жизни большинства россиян, отсутствием работающих институтов для решения ими своих проблем за счет личной активности, снижением роли собственных усилий человека в достижении благополучного социального положения на фоне усиливающейся роли случайных факторов.

Экономический кризис усугубил в общественном восприятии проблему неравенств — только 3% населения осенью 2015 г. согласились с тем, что в российском обществе нет острых неравенств, и лишь 9% отметили, что сами они не страдают ни от каких из них. Хотя кризис способствовал объективному сокращению разрыва в доходах россиян (что отразилось, в частности, в снижении коэффициента Джини и доходов верхних децильных групп), в восприятии населения проблема неравенства доходов, наоборот, обострилась. Это объясняется тем, что сокращение доходного неравенства происходило за счет снижения доходов наиболее обеспеченных массовых групп, в т. ч. среднего класса, и постепенного сглаживания различий между ними и наименее обеспеченными слоями населения, что идет вразрез с установками населения на существование общественных неравенств определенной глубины, основанных на легитимных основаниях. Нарастание уравнительности за счет снижения доходов среднего класса противоречит представлениям о справедливости, особенно с учетом того, что именно представители среднего класса еще в докризисные годы предъявляли запрос на достаточно глубокую

дифференциацию доходов в обществе, основанную на критерии эффективности труда (например, им представлялся справедливым более чем пятикратный разрыв между средними зарплатами по стране и уровнем зарплаты наиболее квалифицированных работников)

Данные свидетельствуют, что сегодня россияне не слишком верят в возможность создания справедливого общества в России. В условиях того, что задача реализации такого общественного устройства возлагается ими, прежде всего, на государство, отсутствие положительных изменений в этой сфере может привести не только к дальнейшему накоплению среди населения недовольства текущей ситуацией и росту социальной напряженности, но и к пересмотру представлений об особой роли государства в обществе в рамках характерных для россиян нормативно-ценностных систем.

Информация об авторе

Мареева Светлана Владимировна, к. с. н., завцентром стратификационных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, s.mareeva@gmail.com

РИСКИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н. И. Новикова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В докладе анализируется опыт проведения и правового регулирования этнологической экспертизы на Российском Севере с привлечением сравнительных материалов по Канаде и Норвегии. На основании полевых исследований и участия в законотворческом процессе, делается попытка ответить на вопрос: каковы риски проведения такого исследования и почему коренные народы, для защиты прав которых она проводится, часто не принимают ее результаты.

Ключевые слова: этнос, этнологическая экспертиза, прикладная антропология, малочисленные народы, общественное правосознание, юридические практики, Север

Одной из причин того, что коренные народы не соглашаются с результатами этнологической экспертизы, является то, что они не верят в справедливость решений, которые будут приняты на основании проведения такой экспертизы. Справедливость выступает при этом не только как моральная, но и как правовая категория. В данном контексте право рассматривается как «форма отношений равенства, свободы и справедливости, определяемая принципом формального равенства участников данной формы отношений» [1]. Именно такой подход к праву наиболее приемлем для юридино-антропологических работ, одним из вариантов которых являются этнологические экспертизы.

При проведении прикладных исследований антрополог становится действующим политиком, но политиком «с одной речки», для которого первостепенное значение реформ, проектов определяется тем, стали ли люди на «его речке» счастливее. Прикладные исследования как раз и направлены на улучшение жизни людей, потому что существует определенный зазор между полезными с социальной точки зрения новыми техническими знаниями и их использованием населением [2]. Для того чтобы создать благоприятный климат для инноваций и/или защитить от них группы, образ жизни которых, возможно, будет подвергнут серьезной деформации, необходимы антропологические знания. Проведение экспертных работ требует овладения наиболее современными идеями и технологиями познания. Вопрос же о том, как академическое знание становится политическим действием, юридической нормой, элементом культурного ландшафта современных городов, остается дискуссионным.

Но, безусловно, существует связь фундаментальных и прикладных исследований и это повышает меру ответственности всех, работающих в нашей сфере знаний, так как на основании текстов антропологов могут приниматься общественно значимые решения.

Особый интерес сегодня представляет обсуждение вопросов, вызываемых этнологической экспертизой как важнейшей формой прикладной антропологии. Понятие этнологическая экспертиза появилось в законодательстве Российской Федерации в 1999 г.: «Этнологическая экспертиза — научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»). При отмечаемых многими специалистами недостатках этого определения, в настоящее время этнологическая экспертиза стала уже элементом общественного правосознания на Севере, где она представляется как экспертное заключение о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов [3]. Вместе с тем требуется более широкое ее применение — и в экспертизе законодательства, и в судебной деятельности, в оценке СМИ, различных социальных программах, организации образования, здравоохранения. Пожалуй, трудно назвать те сферы жизни, которые не могут быть подвергнуты этнологической экспертизе. Однако в законе не определен механизм проведения такой экспертизы. Можно отметить, что в Государственной Думе уже несколько лет готовится законопроект «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», который должен создать действенный механизм защиты прав коренных малочисленных народов при осуществлении промышленной деятельности в местах их традиционного проживания.

Проведение этнологической экспертизы предполагает диалог: между антропологами и информантами, представителями изучаемого сообщества, между антропологами и политиками и чиновниками, между антропологами и промышленными компаниями и т. п. При ее проведении учитываются и традиционные знания исследуемых групп, в первую очередь, в сфере экологии и природопользования, и обычное право, и существующие юридические практики, создается механизм учета их мнения. Основой такого подхода является изучение изменений образа жизни, причем антропологические методы позволяют исследовать и социально-экономические, и политические, и культурные, и демографические аспекты. Изучаемые этнические общности анализируются как стратифицированные общества с различными хозяйственными и культурными практиками, в которых антрополог подчеркивает равное значение

символических и утилитарных составляющих человеческих отношений. Перед исследователем стоит сложная задача — предоставить право голоса всем участникам анализируемых отношений, на основе этого дать научную интерпретацию ситуации [4] и пойти дальше — предложить альтернативные пути решения проблем.

Этнологическая экспертиза рассматривается как поле пересечения историко-культурных, археологических, этнологических и юридико-антропологических исследований.

Отдельной проблемой является взаимодействие антропологов и заказчиков. Сегодня до принятия специального закона об этнологической экспертизе план ее проведения составляется учеными и согласовывается с заказчиком. Особенностью итоговых текстов, пожалуй, является лишь обязательный раздел с выводами и рекомендациями, предложениями альтернативных вариантов. Можно сказать, что теоретические и прикладные исследования — это разные жанры, тексты, по-разному написанные, поэтому должен быть кто-то, кто захочет и сможет воплотить их в жизнь. Если говорят, что информант превращает туриста в этнографа, то антрополога делает экспертом заказчик. Но для того, чтобы экспертиза заработала, и население под воздействием, и заказчик, и исполнитель экспертизы должны считать ее результаты справедливыми.

Список литературы

1. *Нерсисянц В. С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., Норма, 1998. С. 5.
2. *Клакхон К.* Зеркало для человека. СПб. : Евразия, 1998. С. 210—215.
3. *Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / отв. ред. Н. И. Новикова.* М. : Стратегия, 2008.
4. *Гирц К.* Интерпретация культур. М., РОСПЭН, 2004.

Информация об авторе

Новикова Наталья Ивановна, д. и. н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, natinovikova@gmail.com

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МАССОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

С. В. Патрушев

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В России существуют предпосылки для становления как политики масс, так и политики граждан. Социологические данные свидетельствуют о наличии некоторых рисков массовизации человека; вместе с тем, выделяются группы респондентов, в определенной степени освоивших роль граждан. Формирование гражданской идентичности — необходимое условие демократической трансформации политического режима в России.

Ключевые слова: справедливость, кликократия, массовая политика

Многие исследователи отмечают противоречивость политических представлений россиян, одновременно подчеркивая формирование некоторых устойчивых тенденций. Отвечая летом 2014 г. на вопрос «Что в результате перемен стало в России цениться больше и что меньше?», абсолютное большинство респондентов — от 73 до 88% — указали на ценности выгоды, личного успеха, собственности и силы. По нашим данным, «выгода» устойчиво наращивала лидерство в ценностном пространстве, по крайней мере, с середины 1990-х гг., по сути, маргинализируя многие прочие ориентации. Иными словами, российские респонденты полагают, что в стране торжествует, будто сошедший со страниц учебника «Экономикс», *homo economicus* — эгоист, движимый денежным интересом, — в полном соответствии с актуальной моделью рынка. На личностном уровне россияне декларируют важность честности, справедливости, свободы и доверия, а также солидарности и равенства, хотя многие затрудняются оценить их роль в отношениях с близкими людьми, друзьями или же с теми, с кем они работают или учатся.

Сходным образом россияне демонстрируют сочетание достаточно высокого уровня интереса к политике с низким уровнем актуального участия. Они считают себя политически информированными людьми, имеющими политические взгляды, но не готовыми к собственной активности для их осуществления. Если же респонденты предпринимали те или иные политические (чаще гражданские) действия, то наименее «трудозатратные» и «контактные», нередко в интернете.

На наш взгляд, ситуация достаточно адекватно описывается и объясняется в рамках разрабатываемых нами в последние годы концепций социума *клик*, *кликратии* и массовой политики [1—3].

Политика граждан определяется через ориентацию ее участников на реализацию прав и свобод гражданина (или борьбу за их предоставление/расширение/применение). Индивиды, включающиеся в политику масс, находятся в догражданском (доправовом) состоянии, они, по сути, осуществляют демонтаж (современной) политики. Политика множеств разворачивается во внесударственном пространстве свободы и равенства, в котором индивид осуществляет права человека.

На примере истории некоторых государств (прежде всего, западно-европейских) можно проследить последовательные переходы от политики масс к политике граждан и далее к политике множеств. Однако мы полагаем, что было бы неправильно рассматривать эти типы массового вовлечения людей в политику как стадии линейного, однонаправленного процесса. Соотношение между формами массовой политики и переходы между ними могут в значительной степени варьироваться.

Политика граждан не исключает политику масс (становление в первой половине XX в. фашистских режимов, в значительной степени базировавшихся на политике масс, было результатом вовлечения в политику групп граждан, до того лишенных возможности представлять свои интересы, т. е. процесса формирования массовой политики). Политика масс же, скорее, препятствует политике граждан (хотя и не исключает ее полностью), поскольку, во-первых, она не способствует формированию институциональных основ представительства, участия и действия (или даже разрушает их там, где они имеются) и, во-вторых, подменяет конструктивную активность имитационной, способствуя тем самым отчуждению граждан от политики.

Как кризисное явление политика масс является неустойчивой и не может осуществляться в течение длительного времени, она, скорее, приведет к деинституционализации политического пространства и вытеснению масс из политического процесса, нежели эволюционирует в политику граждан. В то же время, даже в стабильных демократиях устойчивые институты гражданской политики не являются абсолютной гарантией невозможности «возврата» граждан к состоянию массы и их включения в антиправовые, антигосударственные массовые действия.

Показано, что в России существуют предпосылки для становления как политики масс, так и политики граждан. Социологические данные свидетельствуют о наличии некоторых рисков массовизации человека; вместе с тем, выделяются группы респондентов, в определенной степени освоивших роль граждан. Формирование гражданской идентичности — эмпаэрмент — является необходимым условием демократической трансформации политического режима в России [4].

Особым способом преодоления ситуации оказываются отдельные вновь возникающие «новаторские» формы массовой активности в России,

которые могут быть оценены как зачатки политики множеств. Множества возникают в парадоксальном соединении частного и всеобщего: с одной стороны, в них проявляется предельная индивидуализация и автономия человека, свобода и анонимность в пространстве (виртуальной) коммуникации, с другой стороны — космополитизм, глобальная справедливость и осознание универсальной взаимосвязи и взаимозависимости людей. Политика множеств, таким образом, разворачивается в потенциальном «пространстве всемирной внутренней политики» [5], в котором упраздняется различие между внутривнутриполитическим и внешнеполитическим, а реализация и отстаивание прав человека ставится выше законов отдельных государств. Однако эти формы актуальны лишь для очень небольшого процента россиян, ограничиваются несколькими крупными городами и не воспринимаются всерьез ни властями, к которым эти акции обычно обращены, ни большинством населения.

Список литературы

1. Патрушев С. В., Хлопин А. Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Вып. 6. М. : Институт социологии РАН, 2007. С. 301—318.
2. Патрушев С. В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 120—133.
3. Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Массовая политика: опыт институциональной реконцептуализации // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 131—151.
4. Патрушев С. В. Становление гражданской идентичности в России: из социума клик к практикам гражданственности // Философские науки. 2012. № 11. С. 57—67.
5. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М. : Прогресс-Традиция ; Территория будущего, 2007.

Информация об авторе

Патрушев Сергей Викторович, к. и. н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом сравнительных политических исследований ИС РАН, профессор ВАВТ, Москва, Россия, patrushev2009@hotmail.com

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ НИЗШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. А. Пономарев

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Аннотация. Сравнивается понимание справедливости разными социальными стратами. Отношение к сверхдоходам элит зависит от экономического развития страны в целом и каждого гражданина в отдельности.

Ключевые слова: справедливость, сверхдоходы, страты социальной иерархии, самоценность законов, стандарты «цивилизованного мира»

Обращаясь к заявленной теме, в первую очередь необходимо отметить, что понимание справедливости для представителей социальных низов фокусируется на основных потребностях данной общественной страты — обеспечении материальной базы существования и безопасности.

С одной стороны, в понятие справедливости закладывается представление наличия прямой взаимосвязи между общим уровнем экономического развития страны и благосостоянием каждого отдельно взятого гражданина. По этой причине, например, упоминания о том, что по показателю ВВП на душу населения Россия находится на том же уровне, что и экономически развитые страны Европы, у представителей социальных низов формируются ожидания, что их благосостояние должно соответствовать условным стандартам «цивилизованного мира». При этом имеет место особое отношение к оценке стоимости труда: «справедливая» зарплата определяется не столько сложностью требуемых навыков и конъюнктурой рынка, сколько соответствием уровню прилагаемых усилий, потенциальным вредом для здоровья и базовой ценностью профессии для общества (обычно в качестве наглядных примеров в последнем случае приводятся врачи, учителя и кадровые военные). Помимо того, материальная справедливость, в представлении социальных низов, подразумевает наличие определенных ограничений на сверхдоходы при общем низком уровне жизни общества [1]. Принципиально важно отметить, что по мере роста общего благосостояния отношение к «несправедливости» сверхдоходов способно меняться: показательным в данном случае является отношение значительной части москвичей к окружению Ю. М. Лужкова. Многие жители Москвы были готовы простить им это в обмен на гарантии качества жизни, превышающего средние показатели по России («они, конечно, воруют, но и для людей много делают») [2].

С другой стороны, справедливость, в понимании представителей нижних страт социальной иерархии, подразумевает обеспечение высокого и равного для всех граждан уровня безопасности. Последний достигается как за счет реформирования законодательства, так и посредством активной борьбы с коррупцией в правоохранительной системе. Необходимо отметить, что в данном случае представление о справедливости, присущее низшим слоям общества, отчасти тождественно системе воззрений среднего класса [3].

Отдельно в данном случае необходимо отметить, что понятия справедливость и законность не являются тождественными для представителей социальных низов в современной России. Последним присуще стойкое убеждение, что закон не обладает самоценностью и способен обладать признаками аморальности. Данная точка зрения, очевидно, генерируется за счет долговременного сохранения в российском законодательстве норм, защищающих в первую очередь интересы правонарушителя (понятие «превышение допустимых пределов самообороны», мягкость наказания за коррупционные преступления и т. д.), несовершенством правоприменительной практики, наличием ряда знаковых эпизодов, ставящих под сомнение эффективность и независимость судебной системы (дело Рособоронсервиса, процесс над Анной Шавенковой, расследование убийства Карины Залесовой). Помимо того, следует помнить о достаточно низком качестве работы российской полиции: на прошедшей коллегии МВД, посвященной результатам работы министерства в 2013 г. сообщалось, что показатель раскрываемости по зарегистрированным преступлениям составил всего 53%. Подобная ситуация объективно способствует распространению «кулачного права». Последнее же провоцирует тем самым рост показателя правового нигилизма [2].

Обобщая сказанное выше, можно заключить, что представления о социальной справедливости, присущие нижним стратам российского общества, характеризуются выраженными элементами эгалитаризма и правового нигилизма. В то же время необходимо ответить, что соответствующая система ценностей формируется, вероятнее всего, под воздействием неэффективности работы социальных лифтов, профсоюзных структур, здравоохранения и в целом правоохранительной системы. Также можно отметить, что в ряде аспектов воззрения представителей низших слоев общества на справедливость совпадают с позицией среднего класса, что создает возможность для временной консолидации двух социальных групп.

Список литературы

1. Афиногенова И. Н. Экономическая эффективность и социальная справедливость // Территория науки. 2003. № 1. С. 54—60.

2. *Булгакова Д. В.* Социальная и юридическая справедливость // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 5 (121). С. 262—266.
3. *Шевченко А. А.* Социальная справедливость в условиях кризиса // Ценности и смыслы. 2013. № 3. С. 36—44.

Информация об авторе

Пономарев Николай Андреевич, к. и. н., магистрант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, sharukin87@yandex.ru

КАК ПОНИМАЮТ И КАК ОЦЕНИВАЮТ РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СПРАВЕДЛИВОСТИ РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ

В. Л. Римский

Региональный общественный фонд «Информатика для демократии», Москва, Россия

Аннотация. Анализируются результаты социологического исследования справедливости, проведенного фондом ИНДЕМ в 2013—2015 гг. В российском обществе доминируют ожидания справедливости от государства по результатам служения его интересам. Представители российского государства декларируют справедливость в качестве цели деятельности органов власти, в соответствии с предпочтениями большинства граждан, но реально обеспечивают именно сословную справедливость. Российское общество оценивается представителями практически всех социальных групп как несправедливое почти во всем.

Ключевые слова: справедливость, органы власти, нормы закона, словесная организация общества, распределение ресурсов

В докладе представлены некоторые результаты социологического исследования справедливости, проведенного Фондом ИНДЕМ в 2013—2015 гг. Методами проведения этого исследования были настольный анализ ранее проведенных исследований, полуформализованные интервью с экспертами, фокус-группы и массовый анкетный опрос граждан на репрезентативной для России выборке.

По результатам этого исследования не было получено подтверждений теоретических моделей справедливости Джона Роулза [3] и Люка Болтански, Лорана Тевено [1]. Обе эти теории исходят из того, что индивиды способны договариваться о справедливости, но фокус-группы с российскими гражданами показали, что они, даже приводя разнообразные примеры случаев несправедливостей и редких случаев достижения справедливости, никогда самостоятельно не описывали способы и процессы достижения договоренностей о справедливости.

Российские граждане, кроме того, в конкретных ситуациях практически никогда не обосновывают справедливость рациональными аргументами, как это предполагается в теории справедливости Л. Болтански и Л. Тевено. В конкретных ситуациях российские граждане определяют, что справедливо, а что несправедливо, интуитивно, т. е. на основании собственного социального опыта, существенно различающегося у представителей разных социальных групп. Рациональные аргументы иногда появляются в дискурсе российских граждан при описаниях ими своих

пониманий общих принципов справедливости, например, в утверждениях, что государство должно поддерживать малоимущих и больных, неспособных самостоятельно обеспечивать себе достойный уровень жизни и благосостояния. Поэтому даже при достижении согласия по некоторым общим принципам справедливости российские граждане оказываются практически неспособными их применить в конкретных конфликтных ситуациях, договориться о справедливости в них, даже когда такие желания есть у обеих сторон таких конфликтов.

Интуитивность обоснований справедливости и существенные различия в ее понимании у представителей разных социальных групп приводят к тому, что в российском социуме справедливость во многом остается моральной категорией, которой невозможно руководствоваться в принятии государственных и политических решений, для разрешения значимых для большинства общественных проблем. А это приводит к постоянному наблюдению случаев несправедливости и к неверию в возможности обеспечения справедливости в своей повседневной жизни большинством российских граждан.

В современной России органы власти нередко декларируют свое стремление к справедливости и необходимость ее реализации в политике, экономике и общественной жизни. Так органы исполнительной власти декларируют необходимость справедливого социального обеспечения, справедливого назначения пенсий, справедливого налогообложения. Судьи декларируют справедливость в качестве целей принятия ими решений по уголовным, гражданским и другим делам. Тем не менее, в своей практической деятельности органы власти действуют по нормам законов и инструкций вышестоящих органов власти, в которых справедливость целью не является.

Справедливость и нормы закона нередко противоречат друг другу по многим причинам. Российские законы лоббируются и принимаются скорее в интересах органов власти, чем граждан. Это нередко приводит к тому, что нормы закона соответствуют пониманиям справедливости одних социальных групп, и противоречат пониманиям справедливости других. Причина в том, что более обеспеченные и более влиятельные социальные группы имеют больше возможностей обеспечить соответствие норм законов своим представлениям о справедливости. Но такие социальные группы составляют меньшинство российского общества. А большинство общества оценивает нормы законов как несправедливые к себе и к представителям своих социальных групп, а потому стараются не подчиняться законам, обходить их, применять их нормы только тогда, когда это им выгодно.

В результате нормы российских законов расходятся с пониманиями справедливости большинства граждан, а справедливость реализуется

не в следовании закону, а вне его норм. И, несмотря на это, то же большинство российских граждан хотело бы, что справедливость в обществе обеспечивало государство. Так на фокус-группах их участники утверждали, что обеспечение справедливости — это одна из основных функций государства. Они не ожидали обеспечения справедливости от других субъектов, например, от общественности, некоммерческих организаций, потому что не верили в их объективность, и не хотели бы их вмешательства в свою частную жизнь. А в объективность органов власти, государства в целом российские граждане верят существенно чаще, именно государству они доверяют вмешательство в свою жизнь, в частности, для установления и поддержания справедливости. И такое отношение к этой функции государства вполне совмещается с довольно высоким уровнем недоверия к органам власти и государству в том, что они способны решать их проблемы. Ведь кроме как от государства российские граждане в большинстве своем ни от каких субъектов справедливости не ожидают.

Важнейшей причиной ожиданий справедливости от государства в российских условиях является сословная организация общества, описанная С. Кордонским [2]. Он определяет сословия не по средневековым принципам, а по их положению в иерархической системе организации общества, определяющей права, обязанности и привилегии сословий как социальных общностей в отношении их служения государству. В современной России именно такая сословная социальная структура общества стала доминирующей, как и в советский период. Но это восстановление не советской структуры общества, как иногда утверждается, а досоветской, которую использовало советское правительство.

В сословном обществе доходы и уровень благосостояния определяются не трудом, а служением государству: они тем выше, чем выше значимость такого служения. И именно этот принцип определения справедливости, который можно назвать сословным, наиболее понятен и близок большинству наших граждан, а не принципы получения благосостояния в конкуренции на рынке или в соревновании интеллектов, независимо от сословий, в достижении независимых от государства договоренностей о том, как понимать и реализовывать справедливость.

Активность всех российских сословий, кроме некоторых маргинальных групп, например, предпринимателей и самозанятых, направлена не на созидание новых ресурсов, а на перераспределение имеющихся, что по сословной справедливости должно распределять государство. Более того, в российских условиях и предприниматели, и самозанятые скорее подчиняются доминирующей логике распределения ресурсов благосостояния государством, чем пытаются в своих практиках реализовывать договоренности, например, о справедливых решениях конфликтов.

По этим причинам, в российском обществе доминируют ожидания справедливости от государства по результатам служения его интересам. Соответственно, представители российского государства декларируют справедливость в качестве цели деятельности органов власти, в соответствии с предпочтениями большинства граждан, но реально обеспечивают именно сословную справедливость. Поэтому российское общество оценивается представителями практически всех социальных групп как несправедливое почти во всем, несправедливо устроенное, и ни теоретического, ни практического выхода из такой системной несправедливости пока найти не удается.

Список литературы

1. *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
2. *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. — 511 с.

Информация об авторе

Римский Владимир Львович, заведующий отделом социологии Фонда ИНДЕМ, rim@indem.ru

ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВАЯ ВЛАСТЬ: ДИХОТОМИЯ ПОНЯТИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Н. А. Романович

Институт общественного мнения «Квалитас»,

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Воронеж, Россия

Аннотация. На основе социологического исследования, проведенного Институтом общественного мнения «Квалитас» в конце 2014 г. выявляются различия отношения населения разных регионов страны к пониманию «справедливость власти».

Ключевые слова: закон, справедливая власть, нормы-традиции, нормы-конвенции, общественное сознание

Русской жизни чужда холодно-рассудочная законность. Например, И. В. Киреевский несомненно одобрительно отмечает, что в древнерусском праве «внутренняя справедливость брала... перевес над внешнею формальностью» [1]. Напротив, в знаменитых римских законах «стройность внешней формальности» доведена до... изумительного логического совершенства при изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости» [1].

Ставит под сомнение силу закона И. Л. Солоневич: «Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы» [2]. М. А. Волошин воплотил эту мысль в поэтической форме: «Закона нет — есть только принуждение./ Все преступления создает закон» [3]. П. Я. Чаадаев вообще отрицает как идею законности, так и идею права в мировоззренческом арсенале русского народа: «...Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица», он «признает лишь право дарованное и отмечает всякую мысль о праве естественном» [4].

Исторически сложившееся отношение к закону в России, по мнению современных исследователей (в частности, А. Н. Фатенкова), дает повод сомневаться в том, что высокие ожидания, возлагаемые на формальную юриспруденцию, сегодня оправданы. «В лучшем случае, они покоятся на недоразумении, на недопонимании близкой и Платону, и Аристотелю идеи, что с влиянием на общественную жизнь отдельных личностей и лично подобными общностей могут тягаться только нормы-традиции, но не нормы-конвенции» [5]. Нормы традиции — это нормы, не формализованные в правовых актах, основанные представления населения о справедливости. Представляет интерес проверка этой гипотезы и выявление количества сторонников норм-традиций и норм-конвенций,

сторонников решения вопросов «по совести» и по закону. Дихотомия этих двух позиций и позволяет обществу вырабатывать оценки действия власти.

Представления российского населения о справедливой власти и законе были изучены посредством социологического исследования на всероссийской выборке. В конце 2014 г. (октябрь-ноябрь) Институт общественного мнения «Квалитас» провел опрос жителей России (опрос проведен в 65 населенных пунктах 13 субъектов РФ по выборке, репрезентативной для населения страны старше 15 лет, всего опрошено 1459 человек методом личного интервью). В целях обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию.

Респондентам предлагалось выбрать одно из суждений, соответствующее их представлениям о справедливой власти (табл. 1).

Таблица 1. С каким из двух суждений Вы скорее согласитесь?

Суждение 1			Суждение 2			Затруднились ответить	
Нормы-традиции	2011	2014	Нормы конвенции	2011	2014	2011	2014
Справедлива та власть, которая поступает по совести, даже если это противоречит закону	34%	33%	Справедлива та власть, которая неукоснительно следует закону	53%	55%	13%	12%

Большинство населения (55%) в 2014 г. скорее признает справедливой ту власть, которая неукоснительно следует закону, но каждый третий опрошенный ратует за справедливую власть, поступающую по совести, даже если это противоречит закону (33%). Уважение к закону, в данном случае, берет верх над игнорированием закона, и это должно радовать всех, кто верит в действенную силу законности.

Правда, несколько смущает значительно количество (33%) тех, кто придерживается противоположного мнения. По мере ухудшения материального положения респондентов, они все чаще готовы признать справедливой именно такую власть (от 25% среди самых богатых до 44,3% среди самых бедных). Справедливость в нормах-традициях зачастую идет в разрез с законом, в отличие от норм-конвенций, где справедливость и закон неразделимы.

В нормах-конвенциях закон выступает как *абсолютная ценность*, поскольку является основным средством управления общественной жизнью. Кто является сторонниками норм-конвенций? Чаще всего, это люди высокообразованные, с аспирантурой за плечами (67 %) и богатые респонденты (75 %).

Обращает на себя внимание тот факт, что представления о справедливой власти существенно различаются в регионах. Например, сторонники норм-конвенций в этом вопросе в Калининградской области существенно преобладают в своей численности над сторонниками норм-традиций: 85/8. А в Воронежской области, напротив, сторонники традиционных взглядов на власть (которая поступает по совести вне зависимости от закона) держат верх над приверженцами закона: 49/37. Напрашивается объяснение, касающееся географического расположения и исторической памяти данных регионов. Если Калининградская область всегда считалась «прозападной» и по своему расположению, и по вкраплению элементов западной культуры, то российское Черноземье с центром в Воронеже даже получило в свое время название «красного пояса» за количество голосов, отданных компартии. Но за этими голосами стояла не столько любовь к коммунизму, сколько верность традициям и нежелание разрушать вековые общественные устои.

Но если изменить формулировку вопроса, получается совсем другая картина (табл. 2).

Таблица 2. **Как Вы считаете, что для России лучше подходит, учитывая ее исторические особенности?**

Суждение 1			Суждение 2			Затруднились ответить	
Нормы-традиции	2011	2014	Нормы конвенции	2011	2014	2011	2014
Умный, мудрый и честный руководитель	71%	73%	Не важно, кто управляет страной, важно чтобы он соблюдал закон	24%	23%	5%	4%

Если поставить респондентов перед выбором между персонифицированной и деперсонифицированной формой власти, предпочтение россиян будет вполне очевидно и практически неизменно на протяжении 3-х лет наблюдения. «Как Вы считаете, что для России лучше подходит, учитывая ее исторические особенности?»: «Умный, мудрый и честный руководитель» — 71 % в 2011 г. и 73 % в 2014 г. Из этого следует, что по-

давящее большинство жителей страны мыслят власть исключительно в образе конкретного человека, наделенного теми или иными качествами характера, и именно от этих характерных черт его личности зависит, по их мнению, само качество власти. Такой подход в корне противоречит западноевропейскому (деперсонифицированному) образу власти, который описывается изречением: «Не важно, кто управляет страной, важно, чтобы он соблюдал закон». Подобное восприятие власти характерно менее чем для четверти россиян: 24% в 2011 г. и 23% в 2014 г. Умный, мудрый и честный руководитель в глазах российского народа стоит гораздо больше любого самого справедливого закона, если последний обезличен, не подкреплён персональным авторитетом.

Иными словами, нормам-традициям свойственна персонификация образа власти, закон здесь является лишь *относительной ценностью*, а не абсолютной. Персонификация власти способствует девальвации ценности закона в общественном сознании. Законы российское население зачастую рассматривает как условность, санкционируя их обход. Смена законов традиционно воспринимается как норма, в связи со сменой персоналий во власти («новая метла по-новому метет»). Если правитель харизматичный, то его законы готовы уважать, в то время как отсутствие популярности правителя способствует нивелированию принятых им законов. Обезличенные константы в сфере законодательства не являются безусловной ценностью в России. В социальных взаимодействиях регулятором выступают нормы-традиции, а не нормы-конвенции.

Список литературы

1. *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика. М., 1998.
2. *Солоневич И. Л.* За тенью Распутина // Наша страна. XX век. М., 2001.
3. *Волошин М. А.* Бунтовщик // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991.
4. *Чаадаев П. Я.* Отрывки и афоризмы // Сочинения. М., 1989.
5. *Фатенков А. Н.* Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // ПОЛИС. 2005. № 2.

Информация об авторе

Романович Нелли Александровна, д. с. н., генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас», профессор кафедры политического управления и политологии РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал), Воронеж, Россия, nelly@qualitas.ru

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЯН О СПРАВЕДЛИВОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГОСУДАРСТВА

Д. В. Руденкин

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Взгляды современных россиян на вопрос о социальной поддержке отразились в данных исследования, проведенного в Свердловской области в конце 2015 г., одной из задач которого являлась реконструкция модели распределения социальных гарантий, наиболее приемлемой для жителей области.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная поддержка

Тематика материального неравенства между людьми, и без того болезненная для российской политической ментальности, в настоящий момент явно может получить повышенную актуальность. Падение цен на нефть, ослабление позиций национальной валюты и жесткие экономические санкции в отношении еще недавно союзнических стран привели к нарастанию сложностей внутри российской экономики и как следствие — к наметившемуся падению качества жизни среднестатистического россиянина. В России создалась ситуация, при которой уровень жизни многих граждан стремительно понижается и многие казавшиеся привычными социально-экономические блага становятся для людей недоступными. Российское правительство в этих обстоятельствах оказывается перед непростым хозяйственным и этическим вызовом. Сталкиваясь с понижением уровня жизни населения, власти встают и перед вопросом, как должна строиться система социальной поддержки граждан, сталкивающихся с понижением уровня жизни. Деликатность момента состоит в том, что помочь всем сразу, скорее всего, невозможно даже гипотетически: в условиях ухудшения социально-экономической обстановки претендентов на поддержку со стороны государства становится больше, тогда как объем этой поддержки (тоже напрямую зависящий от общей экономической ситуации) в лучшем случае не растет.

Проблема осложняется еще и тем, что у современной социально-гуманитарной науки отсутствуют некие устоявшиеся представления о том, как должна выглядеть эффективная модель поддержки со стороны государства. Соответствующие вопросы традиционно относят к проблематике дистрибутивной справедливости, т. е. той стороны социальной справедливости, которая связана с одобрением или порицанием людьми механизмов распределения, сложившихся в том или ином социуме в конкретный момент времени (мы находим такое понимание в рассуждениях и Д. Ж. Роулза [2],

и М. Сэндела [3]). Можно констатировать лишь то, что социально-гуманитарная наука в настоящий момент проявляет явный интерес к подобным вопросам (показательно уже хотя бы то, что титульной тематикой всемирного социологического конгресса в 2014 г. становилась именно проблема социального неравенства). Но острота интереса ученых к тематикам неравенства и социальной политики говорит в большей степени о том, что ясность по поводу таких вопросов у научного сообщества отсутствует. Более того, встречается целый ряд исследований, авторы которых последовательно критикуют уже существующие и, казалось бы, эффективные модели социальной поддержки. Так, Э. Гидденс в своей недавней работе критикует сложившуюся в Европе систему социальных пособий, упрекая ее в ориентации на поддержку в первую очередь наиболее маргинальных слоев населения [1]. Внятного ответа на вопрос о том, как разумно строить социальную политику государства, у ученых сейчас явно нет.

В связи с этим возникает потребность в понимании того, какие взгляды на вопрос о социальной поддержке сложились непосредственно у современных россиян — опираясь на эти представления, мы и можем предположить примерный портрет модели распределения государственной поддержки населения, который сейчас будет востребован российским социумом. Стремясь хотя бы частично прояснить сущность подобных вопросов, в конце 2015 г. мы выполнили собственное исследование, одной из задач которого являлась реконструкция модели распределения социальных гарантий, наиболее приемлемой для жителей Свердловской области. Исследование выполнялось методом раздаточного анкетирования по месту работы или проживания респондентов. Отбор респондентов осуществлялся на основе квотной выборки, сегментированной по полу, возрасту и размерам населенных пунктов. Всего в опросе приняли участие 1036 человек из 17 населенных пунктов региона. Выводы мы делали на основе ответов респондентов на два вопроса: какие категории населения в принципе достойны поддержки со стороны государства и какая категория нуждается в ней острее иных? На основе анализа ответов мы вычислили простой индекс отношения опрошенных к социальной поддержке различных категорий населения*. Результаты проведенных

* **Индекс рассчитывался следующим образом:** категории людей, которую опрошенные оценивали как заслуживающую поддержки государства, был приписан условный индекс «+1». Категории, которую респонденты считали самой нуждающейся в поддержке государства, приписывался условный индекс «+2». После этого число выбравших тот или иной вариант ответа умножалось на соответствующий индекс, а полученные результаты применительно к каждой категории суммировались и делились на общее количество респондентов, ответивших на вопрос. Таким образом, индекс готовности должен был равняться «3», если абсолютно все опрошенные посчитали ту или иную категорию заслуживающей поддержки государства и отметили ее как самую нуждающуюся в поддержке, а «0» — если никто из опрошенных даже не посчитал эту категорию людей достойной поддержки со стороны государства.

вычислений позволяют сделать несколько выводов о настроениях опрошенных (рис. 1).

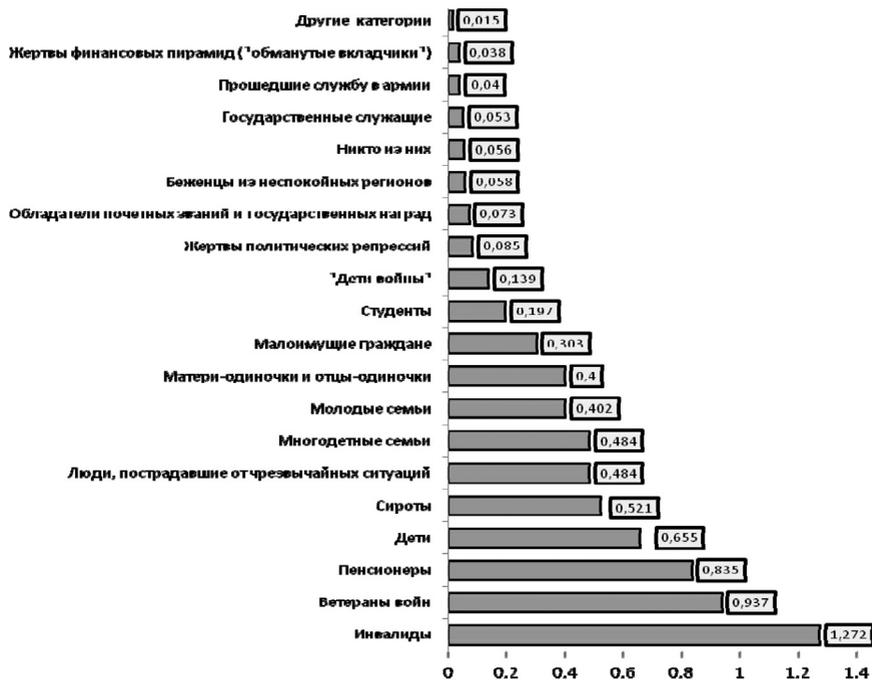

Рисунок 1. Значения индекса отношения опрошенных к социальной поддержке различных категорий населения

Во-первых, можно судить о том, что большинство респондентов приемлют и даже одобряют саму идею государственной материальной поддержки отдельных категорий населения: вариант ответа «Никто из них не заслуживает помощи» называло лишь абсолютное меньшинство опрошенных.

Во-вторых, одобряя саму идею материальной поддержки государством неких категорий населения, опрошенные в основном не считают, что адресатом этой поддержки должны становиться любые малоимущие граждане. Значение индекса по данной категории оказалось довольно малым (всего 0,303), и видно, что другие варианты назывались существенно чаще. Подход респондентов к социальной поддержке разборчив: признавая правильной общую идею материальной помощи, большинство из них сочтет достойным такой помощи далеко не каждого малообеспеченного человека.

В-третьих, основным адресатом помощи государства опрошенные видят те категории населения, которые по каким-то объективным причинам оказались в повышенно уязвимой жизненной ситуации. Основным адресатом поддержки опрошенные посчитали инвалидов (значение индекса 1,272), ветеранов войн (0,937), пенсионеров (0,835) и детей (0,655). Эти категории людей обладают как минимум одним общим свойством: они или объективно не способны позаботиться о своем материальном благополучии в той же степени, что и все остальные, или как минимум временно пребывают в повышенно сложных обстоятельствах жизни.

В-четвертых, большинство респондентов фактически отрицают право на материальную помощь применительно к жертвам финансовых пирамид (значение индекса 0,038) и беженцам из беспокойных регионов (0,058). Эти, казалось бы, не вполне связанные между собой категории людей, как мы полагаем, обладают одним общим свойством: их представители оказываются в сложном материальном положении в силу своего личного выбора. Разумеется, это условное отождествление: чисто этически едва ли разумно однозначно ставить знак равенства между авантюрным решением человека вложить средства в рискованное финансовое предприятие и его стремлением покинуть опасную территорию ради новой жизни. Тем не менее, и в том, и в другом случае человек принимает решение самостоятельно и самостоятельно же сталкивается с его последствиями.

В-пятых, большинство опрошенных сдержанно относятся к идее поддержки матерей и отцов-одиночек (значение индекса 0,400), молодых семей (0,402) и многодетных семей (0,484). Такое отношение опрошенных к материальной поддержке всех этих категорий по-своему закономерно. Их принципиальное отличие от тех же инвалидов или пенсионеров заключается в том, что представители каждой из них не утрачивают работоспособности и возможности самостоятельно выбраться из неприятной ситуации. Мы полагаем, что с этим и связано нежелание многих опрошенных поддерживать эти категории населения.

В-шестых, настроения опрошенных разного пола и возрастных групп в основном похожи. Что свидетельствует об устойчивости и некой универсальности выявленных настроений.

Обобщая эти выводы, можно реконструировать примерный портрет представлений респондентов о желательном распределении социальной поддержки. Большинство опрошенных приемлет адресную модель: признавая правильной саму идею помощи различным слоям населения, респонденты не склонны считать, что такая помощь должна оказываться всем без исключения. Основным адресатом такой поддержки опрошенные считают такие категории населения, которые объективно не могут

позаботиться о себе сами в той же мере, в какой это доступно другим (поэтому на первое место в этом контексте и выходит упоминание инвалидов). Поддержка же категорий населения, которые хоть в какой-то мере способны позаботиться о себе самостоятельно, видится опрошенным гораздо менее целесообразной или даже не приемлемой. Соответственно, мы можем констатировать, что, судя по полученным нами результатам, оказавшись в непростой экономической ситуации, многие россияне готовы к тому, что государство окажет поддержку только самым беззащитным категориям населения и уделит гораздо меньшее внимание остальным.

Список литературы

1. *Гидденс Э.* Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М. : Дело, РАНХиГС, 2015
2. *Роулз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета. 1995.
3. *Сэндел М.* Справедливость. Как поступать правильно? М. : Манн, Иванов и Фербер. 2013.

Информация об авторе

Руденкин Дмитрий Васильевич, к. с. н., старший преподаватель факультета социологии Уральского государственного педагогического университета, d-rudenkin@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

С. С. Седельников

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается принцип неравенства в социальной структуре. Он связан с иерархическим строением общества. В современных условиях экономического кризиса может измениться социальная структура Российского общества.

Ключевые слова: социальная структура, теория социального неравенства, социальный престиж, символический капитал

Размышляя о справедливости, о том, как она понимается и как реализуется в современной России, не обойтись без понятия «социальная структура» современного российского общества. Социальная структура — упорядоченные в одно целое отдельные части общества. Это каркас всей системы. Есть, по крайней мере, две общепризнанные парадигмы рассмотрения социальной структуры: теории социальных институтов и теории социального неравенства.

Говоря о системе общественных институтов, мы представляем социальное строение, состоящее из комплекса взаимосвязанных функциональных сфер, в котором большие группы людей подразделены на коллективы, выполняющие разные задачи. В каждом социальном институте есть своя система ценностей и нормативной регуляции, которая определяет, для чего он существует. На определенных этапах развития общества, особенно в критические моменты, скрыто живущие отношения «возрождаются» и институционализируются. Различаются явные и латентные функции социальных институтов, которые представляют собой не только характеристики социальной структуры общества, но и индикаторы его общей стабильности.

Явные и латентные функции социальных институтов иногда вполне тождественны, но обычно между формальной и реальной деятельностью институтов существует несоответствие — небольшое или же очень глубокое. В последнем случае социологи говорят о потенциальной нестабильности общества, в котором формальная и реальная структуры существенно различаются.

Видоизменения претерпевают конкретные формы неравенства, сам принцип проявляется всегда. Например, как утверждал П. Сорокин «если на какой-то миг некоторые формы стратификации разрушаются, то они возникают вновь в старом или модифицированном виде и часто создают-

ся руками самих уравниателей» [2]. Он связывал неравенство с иерархическим строением общества. М. Вебер считал, что процесс социального расслоения и занятия более выигрышных позиций в обществе организован достаточно сложно и выделял три координаты, определяющие положение людей и групп в социальном пространстве: богатство, власть, социальный престиж. Роль социального престижа, оценки членами сообщества реальной, иллюзорной или сознательно демонстрируемой социальной позиции, действительно чрезвычайно велика. Она создает мифический, знаковый, символический мир разделяемых большинством ценностей и оценок, наделения социальной значимостью — мир номинаций.

П. Бурдьё развил концепт роли престижа, репутации, имени, официальной номинации в идее символического капитала, который наряду с экономическим, культурным и социальным капиталами определяет влияние (власть) и позицию своего носителя в общественном пространстве. Представления Бурдьё о структурировании общества придают новый ракурс развитию теории неравенства, с одной стороны, генерализируя идею влияния социального субъекта на социум (в понятии «капитал»), а с другой — формулируя идею многомерности (следовательно, и «иномерности») социального пространства. «Социальное поле можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными» [1].

В процессе институционализации возникают расхождения между интересами всего сообщества (в удовлетворении некой потребности: в потреблении, общении, защите, воспроизводстве и др.) и интересами конкретных функциональных субъектов, реализующих эту потребность для общества. Они долгое время могут быть не признаны социально значимыми в рамках доминирующего культурного стандарта. Однако на определенных этапах развития общества, особенно в критические моменты, скрыто живущие отношения «возрождаются» и институционализируются.

В современных условиях, когда мир вновь охватил один из самых масштабных экономических кризисов, безусловно, подвергнется изменениям социальная структура российского общества. Причин этому несколько, перечислим некоторые, самые существенные из них. Во-первых, изменения в составе профессиональных групп, как правило, их численное сокращение. Во-вторых, будет испытывать давление ближайшее социальное окружение людей, потерявших работу.

Остается открытым вопрос, о возможности социальной детонации всего слоя людей, лишившихся работы. Заметим, что этот слой сегодняшних и завтрашних безработных значительно более велик, чем принято

считать. Речь идет о ближайшем социальном окружении людей, потерявших работу: их семьях, родителях, детях, близких родственниках, друзьях. С учетом этого обстоятельства, социальная база возможных потрясений при 3,5—4 млн безработных может составить 12—15 млн человек.

Государственные структуры, с нашей точки зрения, обязаны принять все меры, чтобы массовые сокращения никоим образом не затронули синих воротничков. Такая постановка вопроса вытекает из опыта России, эффекта детонации человеческой массы. Стоит в двух-трех местах начать массовым выступлением, на шахте, заводе, авиакомпании — и социальная база обездоленных кризисом поддержит их. Латентные функции ряда социальных институтов очень быстро активизируются и будут эффективно способствовать этому процессу. «Социально-структурные общности, если мы считаем их зрелыми социальными субъектами, деятельны: они способны к самоорганизации и саморегуляции своего бытия в общественной структуре» [3, с. 63].

Список литературы

1. Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М., 1993.
2. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
3. Ядов В. А. Социально-структурные общности как субъекты жизнедеятельности // Социологические исследования. 1989. № 6.

Информация об авторе

Седельников Сергей С., к. с. н., доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, sergej-sedelnikov@yandex.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. В. Селезнева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Данная статья опирается на данные научно-исследовательского проекта «Политические ценности и их восприятие российскими гражданами», осуществляемого на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в 2013—2016 гг. под руководством автора. Для определения значимых для граждан России политических ценностей проведены два количественных замера в 2013 и 2015 гг., результаты которых показали, что справедливость как политическая ценность находится на верхнем уровне иерархии ценностей россиян. Представления россиян о справедливости можно свести к нескольким блокам: морально-нравственный, юридический, социально-экономический. Справедливость является политической ценностью на верхнем уровне, она высоко актуализирована в дискурсе политических партий, однако на уровне массового сознания не является полностью когерентной и не может выполнять консолидирующую роль в нашем обществе.

Ключевые слова: справедливость, политические ценности, политико-психологический подход, массовое сознание

Справедливость является одной из наиболее спорных и широко обсуждаемых идей как в научном сообществе, так и в общественно-политическом дискурсе. Особенно остро во все времена проблема справедливости вообще и социальной справедливости в частности, стояла в нашей стране — понятие «справедливость» исконно присуще русской культуре и существует в нескольких несовместимых друг с другом «мирах», определяющих сущность понятия и критерии справедливого и несправедливого [1]. И сегодня актуальность идеи справедливости не утрачивается — россияне продолжают мечтать о справедливо устроенном обществе [2].

Исследование проблемы справедливости как категории политического происходит либо с политико-философских позиций, либо с политико-социологических. В последнем случае ученые фиксируют отношение граждан к категории «справедливость», имеющей ценностную нагруженность, или же выявляют предпочтение людьми тех или иных лозунгов и выражений, которые в той или иной степени соотносятся с идеей

справедливости (справедливого общества, государства и пр.) При этом не всегда учитывается психологическая природа феномена политических ценностей (одной из которых и является справедливость), а также граждан как их носителей.

Преодолеть эти проблемы позволяет политико-психологический подход, в рамках которого политические ценности определяются как обобщенные идеи и убеждения о совершенстве в сфере политики, являющиеся ориентирами для политических оценок, желаемых конечных целей жизнедеятельности, политико-идеологических ориентаций. Они рассматриваются как наиболее рациональные компоненты политического сознания, детерминирующие политическую активность и поведение граждан. Политические ценности обладают рядом особенностей: их количество достаточно ограничено, они иерархически упорядочены и системно организованы. Политические ценности выражаются в абстрактных категориях («порядок», «демократия», «равенство» и пр.) и тесно связаны с политическими представлениями, раскрывающими смысл ценностных конструктов.

Наша исследовательская модель предполагает выделение двух уровней изучения политических ценностей: верхнего (политические ценности в структуре партийных идеологий) и нижнего (политические ценности в массовом сознании).

Методологическую базу исследования составляет набор политико-психологических инструментов, который носит количественно-качественный характер (анкетирование, глубинные интервью, методика Р. Инглхарта, ассоциативные и проективные тесты, контент-анализ документов). Поскольку политические ценности сложно поддаются вербализации и напрямую не наблюдаемы, то для их исследования необходим комплексный подход с использованием нескольких различных методов, техник и процедур [3].

В рамках исследования в 2013 и 2015 гг. были проведены два количественных замера политических ценностей в массовом сознании методом анкетирования по всероссийской выборке, дизайн которой учитывал территориальную, половозрастную и образовательную структуру населения России.

В результате статистической обработки полученных данных было выявлено, что наиболее значимыми политическими ценностями являются **мир, безопасность, законность, права человека, порядок, справедливость, свобода**.

Справедливость как политическая ценность занимает устойчивое место в верхнем уровне ценностной иерархии россиян на протяжении последних лет: в 2013 г. она была значима для 61,7 %, в 2015 г. — для

63,2% граждан. Наши данные показывают, что справедливость как ценность занимает 5—6-е место в перечне наиболее значимых ценностных категорий. Она является инструментальной ценностью, которая позволяет реализовывать терминальные ценности (согласно типологии М. Рокича) [4].

В содержательном отношении комплекс политических представлений, раскрывающих смысл ценностного конструкта «справедливость», достаточно обширен и разнообразен.

В целом, представления россиян о справедливости можно свести к нескольким блокам, раскрывающим часто противоречащие друг другу аспекты данного понятия.

В морально-нравственном аспекте справедливость понимается, с одной стороны, как «правда», «истина», «честность» (*«значит поступать по правде, не запятнав свою честь»*), «*один из главных принципов отношения к людям и к себе»*), а с другой — как «принцип возмездия и отмщения» (*«когда в душу плюнули, а ты ответил и чувствуешь отмщение»*, *«все получают сверху то, что заслуживают»*, *«всем все воздается»*).

В юридическом аспекте справедливость трактуется и как «равенство всех перед законом», и как «равенство прав»: *«соблюдение прав и исполнение обязанностей каждым человеком»*, *«равный доступ всем к своим правам»*, *«возникает тогда, когда речь идет о нарушении прав и свобод»*, *«закон один для всех»*.

В социально-экономическом аспекте справедливость рассматривается как «равенство возможностей», «социальное равенство»: *«когда все равны, ни у кого нет привилегированного положения»*, *«как ты работаешь и ведешь себя, так тебя и оценивают»*, *«каждому по труду, каждому по способностям»*.

Эмоциональный знак представлений о справедливости является однозначно положительным, а поведенческий компонент (установка к действию для реализации данной ценности) выражен довольно слабо. Важно отметить, что ценность имеет интернальный вектор: положительная эмоциональная валентность связана с реализацией ценности для себя, поведенческие реакции также ориентированы на восстановление справедливости по отношению к себе.

Таким образом, справедливость является значимой и эмоционально притягательной идеей для российских граждан. Понимание справедливости в нашей стране неоднозначно, тогда как на Западе оно сводится преимущественно к юридической трактовке [5]. Это обусловлено длительной политико-философской и религиозной традицией, сложившейся на протяжении нескольких веков. Проведенный нами психологический анализ не позволяет в полной мере согласиться с мнением коллег о том,

что идея справедливости уже сейчас может выполнять консолидирующую роль в нашем обществе [6]. С нашей точки зрения, справедливость является политической ценностью на верхнем уровне (в дискурсе политических партий она высоко актуализирована), а вот на уровне массового сознания она не является полностью когерентной, поскольку еще не полностью сформирован поведенческий компонент. Консолидирующими могут стать только те ценности, которые обладают высокой значимостью, когнитивной сложностью и однозначным эмоциональным полюсом для людей, а также четко сформированной поведенческой установкой. То есть граждане в идеале должны не только хотеть справедливости, но и реализовывать эту ценность в своем поведении.

Список литературы

1. *Печерская Н. В.* Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 132—147.
2. *Мареева С. В.* Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109—119.
3. *Селезнева А. В.* Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 2. С. 42—53.
4. *Rokeach M.* The nature of human values. N. Y. : Free Press, 1973.
5. *Здравомыслова О. М.* Новый взгляд на общество? Изменяющиеся представления о власти, справедливости и солидарности // Полития. 2003. № 1. С. 34—51.
6. *Мареева С. В.* Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16—26.

Информация об авторе

Селезнева Антонина Владимировна, к. полит. н., доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ntonina@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ К БЕДНЫМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК МАРКЕР ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ПОНИМАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Е. Д. Слободенюк

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Аннотация. Анализ данных, полученных в результате исследований в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполняемых в Институте социологии РАН, выявлена тенденция изменений отношения к бедным слоям населения внутри России и тренд изменения понимания справедливости.

Ключевые слова: справедливость, социальная политика, феномен «новой бедности», падение уровня жизни, риски бедности, стигматизация

Знание того, что в рамках конкретного общества считается справедливым, очень важно, так как именно на понятии справедливости базируется легитимация многих сторон жизни общества, в частности — основ его социальной политики. По этой причине, изменение отношения к тем или иным мерам государственной социальной политики, а также к самим ее адресатам, может выступать значимым маркером протекающих ценностных трансформаций.

В течение последних лет в России наблюдается значимое изменение восприятия причин, приводящих к бедности, и как результат — к самим бедным. Так, в 1990-е гг. ввиду смены стратификационной структуры российского общества, повлекшей за собой массовое перемещение населения между новообразовавшимися статусными позициями и формирование феномена «новой бедности», во всем населении страны доминировали чувства жалости к бедным и сопереживания им. Однако в 2003—2013 гг. наблюдалась обратная тенденция — изменения этого отношения на осуждение и безразличие [3]. Все большая часть населения стала считать бедное положение домохозяйства результатом, в лучшем случае, лени его членов, их неприспособленности к жизни и нежелания что-либо изменить, а в худшем — наличия вредных привычек (алкоголизма, наркомании) и маргинализации в целом. Иными словами, наблюдается индивидуализация отношения к бедности и формирование запроса на адресную, а не категориальную, социальную политику.

Нынешний кризис, по оценкам специалистов разных отраслей знания, не является скоротечным, его факторы носят скорее структурный характер. Более того, он также является довольно существенным с точки зрения масштаба причиненного ущерба: по данным Федеральной службы государственной статистики, оценки которой, обычно, более оптимистичны, чем приводимые социологами, группа бедных к концу первого полугодия 2015 г. увеличилась по сравнению с благополучным 2013 г. в 1,5 раза [10]. В этой связи, очень важно понимать, в какой степени кризис стимулировал расширение группы бедных, и как это повлияло на отношение россиян к ее представителям — иными словами, является ли намеченный тренд изменения понимания справедливости устойчивым. Ответ на этот вопрос и стал целью настоящего исследования.

Исследование проводилось в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполняемом в Институте социологии РАН за счет средств гранта Российского научного фонда. Эмпирической основой исследования выступил репрезентативный опрос 4 тысяч респондентов, проведенный Институтом в рамках указанного проекта.

В рамках анализа группы бедного населения, в зависимости от поставленных задач, российские социологи используют преимущественно «абсолютный» [1, 5] и «относительный» подходы [2, 4, 9], а также производят попытки их комбинировать для более точного выделения реальной группы [6, 7]. В настоящем исследовании для достижения максимальной сопоставимости полученных оценок с данными государственной статистики и возможного использования результатов для решения задач в области социальной политики нами была выбрана методика «абсолютного» подхода, приближенная к используемой ФСГС РФ: к числу бедных были отнесены все домохозяйства, совокупный доход которых оказался меньше их «черты бедности» (рассчитанной индивидуально, исходя из данных о количестве детей, пенсионеров и лиц трудоспособного возраста в них).

Проведенный анализ показал, что:

Наметившийся в последние годы тренд снижения масштабов бедности [7] сменился скачкообразным двукратным расширением группы. В октябре 2015 г. масштабы группы составили 25 % населения, а с учетом периферии группы с доходами от 1 до 1,1 ПМ (представители которой пополнят ряды бедности в ближайшее время), размер группы оценивается в 33 %. По большей части ядро группы бедных пополнилось представителями широкой периферийной зоны, представители которой по своему социально-демографическому портрету и экономическим характеристикам слабо отличаются от ядра группы. Среди пополнивших ряды бедного населения

присутствуют и те, кто скатился в бедность стремительно с довольно благополучных статусных позиций. Представители этой подгруппы, в отличие от остальных, в докризисные времена ощущали себя полноценными членами общества, а на настоящий момент ощущают себя «аутсайдерами», выброшенными на задворки нормальной жизни общества. Это люди с качественным образованием. К обвальному падению их уровня жизни привела потеря основного рабочего места, во многом совмещенная с безуспешностью в поиске нового.

Объективные структурные и индивидуальные риски бедности воспринимаются почти одинаково всеми россиянами, знакомыми с бедными лично (как бедными, так и небедными). При этом, хотя, казалось бы, рост бедности под влиянием кризиса должен был способствовать росту значимости ее структурных причин, на самом деле, произошло обратное: в кризис процесс стигматизации бедных, четко проявившийся уже в 2013 г. [3], еще больше усугубился. Бедность все чаще стала восприниматься в России как результат неправильного поведения самих бедных. Так, за 2—3 года заметно повысилась значимость таких ее причин как алкоголизм и лень, т. е. факторы, зависящие напрямую от поведения бедных — в иерархии причин, приводящих к бедности, они переместились с 3-го и 6-го места, на которых они были в 2013 г., на 1-е и 4-е место. К стигматизации и осуждению бедных склонны даже сами бедные. В качестве причин бедности своих друзей и родственников в 2015 г. они указывали лень в 23 % случаев, алкоголизм — в 37 % случаев (в 2013 г. — в 14 и 27 % соответственно). Отчасти это, видимо, оправданно. Во всяком случае, среди бедных шире распространены внешний локус-контроль, следствием которого выступают большая пассивность и инертность, и реже встречается чувство ответственности за собственную жизнь.

Полученные данные позволяют делать предположения о протекающем процессе изменения ценностных установок россиян, так как даже в кризисные годы, повлекшие за собой двукратное расширение группы и массовость явления в целом, возвращения к оправдывающим бедных настроениям не наблюдается.

Список литературы

1. *Абанокова К. Р., Локшин М. М.* Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 4.
2. *Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению* : колл. монография. М. : Моск. центр Карнеги, 1998. Вып. 24.
3. *Бедность и бедные в современной России* / под. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2014;

4. *Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э.* Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1.
5. *Овчарова Л. Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15—38.
6. *Слободенюк Е. Д.* Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2014. Т. 6. № 3.
7. *Слободенюк Е. Д.* Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 4.
8. *Тихонова Н. Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф, 2014;
9. *Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. М. : Летний сад, 2003.
10. *Срочная информация по актуальным вопросам ФСГС РФ «О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2015 г.»* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d06/249.htm.

Информация об авторе

Слободенюк Екатерина Дмитриевна, к. с. н., старший преподаватель НИУ ВШЭ, факультет экономических наук, департамент прикладной экономики, кафедра социально-экономических систем и социальной политики, Москва, Россия, eslobodenyuk@hse.ru

ГОСУДАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЖЕЛАЕМЫЙ ОБЛИК СТРАНЫ

С. С. Сулакшин

Центр научной политической мысли и идеологии, Москва, Россия

Аннотация. Государство и общество одинаково заинтересованы в получении воздаяния за свой труд. Но государство может формировать запросы общества и находить достойные пути справедливого и рационального для граждан воздаяния поровну или по справедливости.

Ключевые слова: справедливость, культура потребления, нравственные принципы,

В Конституции РФ указано, что Россия является социальным государством. Но первый же вопрос, на который нет вразумительного ответа — «что такое справедливость, социальная справедливость»? [2]. Как должно выглядеть устройство страны, в которой реализована эта самая социальная справедливость в современных условиях и в перспективе — на языке устройства всех институтов, функций, процедур, механизмов государства?

Справедливость — это что? **Это психологическое ощущение человеком соответствия его представлений о должном и воздаваемом ему[1].**

Должного кому и воздаваемого кому? Субъекту. Их три. Поэтому на уровне индивида — это мое личное психологическое ощущение соответствия того, что я считаю для себя достойным с точки зрения воздаяния (со стороны соседей, со стороны общества, со стороны государства), и реально воздаваемого. Если они совпадают, то у меня ощущение справедливости, я психологически комфортен. Ровно такая же картина — на уровне группы. С обществом — то же самое. Оно выбирает свои критериальные ценностные формулы и с ними соотносит, что такое должное и что такое реально воздаваемое обществу.

Активно-деятельностное начало этого определения порождает как минимум две технологии достижения справедливости. Можно работать над приведением воздаваемого в соответствие с ожидаемым. Это, например, рост материального вознаграждения. Но можно и наоборот. Изменять представление Субъекта о должном. Это уже, в итоге, возможность снижения материального вознаграждения. А справедливость будет достигнута в обоих случаях. Сразу открывается проекция на принципиальную

возможность достижения справедливости в обществах и государствах совершенно различного уровня материального благополучия.

Когда они совпадают должное (ожидаемое) и воздаваемое — это справедливо, когда они не совпадают — несправедливо. При этом ожидаемое — откуда берется? Прежде всего, это ментальная сфера. Человек для себя формулирует какую-то норму ожидаемого, потому что у него есть набор обязательных потребностей для жизни, потому что он прошел некое воспитание, у него есть некие традиции, культура, в том числе культура потребления, потому что есть ценности и идеология. Потребляй или, наоборот, не стяжай (рис. 1).

Рисунок 1. Справедливость — это равенство ожидаемого и воздаваемого.
Несправедливость — неравенство.

Культура потребления, нравственные принципы, которые человека делают человеком с точки зрения его запросов, — к этому имеют прямое отношение государственные механизмы (рис. 2).

Понятен и тривиальный сюжет: воздаваемое надо наращивать. Так говорили теоретики коммунизма: «Создаем материально-техническую базу коммунизма. Группу А (средства производства) делаем опережающей в развитии. Будет светлое будущее, когда будет всем по потребностям. Но для этого надо создать материальные условия». Следующая из схемы, логическая иррациональная активно-деятельностная постановка: уменьшать воспитанием сверхожидаемое, делать его адекватным ценностно-

му идеологическому концепту и наращивать ресурсные возможности по воздаваемому. Это тоже государственная забота [3].

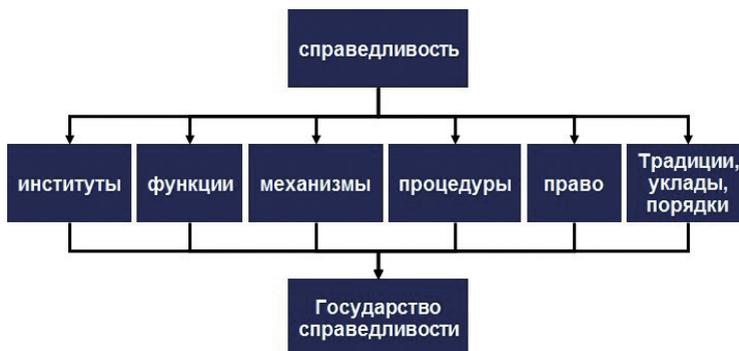

Рисунок 2. Конструктивная связь справедливости и устройства государства

Поскольку справедливость — это психологическое ощущение соответствия, то на это ощущение влияет не только материальное потребление, но еще и кооперационные, нематериальные обстоятельства. Ты можешь недоедать, но ты можешь ощущать себя счастливым и в состоянии справедливости, если общество будет отдавать тебе должное в виде уважения, в виде почестей, в виде признания твоих заслуг. В Советском Союзе это очень мощно использовалось. «Слава труду», почетные грамоты, ордена, доски почета, «ветеран труда». Не только в СССР, в концепте фирма-семья в Японии, например. Люди, сопоставляя материальную компоненту в равенстве с нематериальной компонентой (они всегда во взаимодействии), могут дефицит компенсировать моральным инструментом. И это вовсе не презрительный субститут, как часто интерпретируют советскую практику. Это гораздо более рациональная и основательная схемная конструкция.

Что государство для достижения равенства в выдвинутом уравнении должно иметь? Во-первых, знание причин и факторов психологического состояния человека. Чтобы что-то делать, воздействовать так или иначе, надо знать, по поводу чего воздействовать. Значит, законные интересы и потребности всех людей и групп государство обязано знать. Второе: оно (с оговоркой «законно») обязано достигать равенства должного и воздаваемого по поводу каждого из интересов или потребностей. Для этого у него должны быть все перечисленные институты и ресурсы. Видим, как рождается конструктивная идея устройства государства.

Все, что в стране создается для потребления, управляется государством. И оно либо удовлетворяет узкую группу частных собственников (как в нашей стране сейчас), либо оно удовлетворяет интересы боль-

шинства населения, что мы будем считать путем реализации социальной справедливости. Но для этого оно должно видеть эти группы, видеть их интересы и выдвигать и реализовывать очень важный принцип.

Мы говорили о том, что в материальной сфере могут быть развилки: всем поровну или всем принципиально не поровну. Почему не поровну? Например, потому, что государство может учитывать заслуги: отложенный труд человека, который отдал, а потом ожидает за него некое воздаяние. Пенсия — это простой пример: но и дифференциация пенсий, какие-то надбавки и так далее. Тут и тема наследства, и тема иной ренты.

Кроме человека, группы и общества есть еще один субъект — государство. Касается ли его тема социальной справедливости? И вообще, применима ли к государству эта сугубо антропоморфная материя и характеристика? Считаю, что да, касается. Потому что, как у общества есть потребности получать отдаваемое человеком или группой (т. е. ожидаемое обществом и от группы, и от человека), так и у государства есть тоже. Что это такое? Это безопасность (священный долг защиты Отечества или косить от армии), производство благ (труд или, наоборот, тунеядство, воровство и криминал), вклад в культуру, в традиции, в идеологии, в социальные уклады, порядки, т. е. в то неформализованное пространство, которое тоже управляется и человеком, и группой, и обществом. А коль скоро единственный субъект, который стоит над всем многообразием, различием дифференцированного сообщества, — это государство, то у него тоже должен возникнуть целый ряд ожиданий от человека, группы и общества, которые они либо реализуют, либо нет.

Список литературы

1. Сулакши С. С., Багдасарян В. Э., Виллисов М. В. и др. Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М. : Наука и политика, 2015.
2. Алейников Б. Н. Социальное государство и собственность // Государство и право. 2008. № 1.
3. Национальная идея России : в 6 т. Т. 1 / под ред. С. С. Сулакшина. М. : Научный эксперт, 2012.
4. Гончаров П. К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2000. № 2. (Сер. «Политология»).

Информация об авторе

Сулакшин Степан Степанович, д. полит. н., д. ф.-м. н., генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии (Центра Сулакшина), sulakshin@mail.ru

ПАТЕРНАЛИСТСКАЯ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОПЛАТЕ ТРУДА

А. Л. Темницкий

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Анализ результатов социологических исследований трудовой мотивации медицинских работников 2007, 2009 и 2013 гг. выявил безоговорочное первенство стимула справедливой оплаты труда для всех профессиональных групп, занятых в сфере российского здравоохранения. В случае либеральной модели, справедливость — инструментальное средство обеспечения условий для хорошего заработка. Патерналистская модель справедливости предполагает положительное сочетание стимула справедливой оплаты труда с обеспечением современным оборудованием, льготами и заботой о сотрудниках.

Ключевые слова: справедливость, оплата труда, патерналистская модель, либеральная модель, синдром позитивных стимулов

Идея справедливости затухает в «сытые» времена и разжигается в трудные, к которым подошло современное российское общество. Она вполне может стать главной идеей мобилизационной экономики, возвеличения роли государства в перераспределении накопленных и получаемых благ, но может быть и фактором выравнивания шансов среди наемных работников на возможность своими силами добиваться желаемого результата.

Сфера заработной платы является, на наш взгляд, наиболее актуальным объектом для понимания и раскрытия феномена справедливости. В ней можно выделять и выстраивать самые различные модели справедливости в оплате труда: коммунистическую, либеральную, аристократическую, патерналистскую, партнерскую, братскую (артельную) и возможные другие. Во всех указанных моделях главенствующим является принцип уравнивания между затратами и результатами труда.

Предполагается, что в настоящее время набирает силу ориентация на патерналистскую и снижается — на ранее востребованную либеральную модель справедливости в оплате труда.

Достижение либерального равновесия согласно Дж. Ролзу — это результат соглашения о свободной сделке между добровольными торговцами, согласно которому для каждого человека наилучшим считается то, чего он может достичь свободным обменом, совместимым с правами

и свободами других, в преследовании собственных интересов [1]. Тогда как патерналистское равновесие — это результат соглашения о готовности поступиться правами и свободами в обмен на защиту со стороны более сильного (государства, начальника, организации) [2]. В нем наилучшее для человека то, чего он может достичь в результате согласования уступок, совместимых с готовностью подчиниться той власти, которой хотелось бы подчиняться. В каждом случае равновесие будет нарушаться при уходе от модели желаемой наилучшей ситуации.

Живучесть и реальность патерналистской и либеральной моделей справедливости в оплате труда проявляется в том, что они выявляются в результате эмпирического анализа без специально прикладываемых для этого усилий. Так, в исследованиях трудовой мотивации медицинских работников 2007, 2009 и 2013 гг. было выявлено безоговорочное первенство стимула справедливой оплаты труда для всех профессиональных групп, занятых в сфере российского здравоохранения*.

Можно утверждать, что какой бы мы ни взяли стимул к труду, фоном для него является абсолютно преобладающая роль справедливости в оплате труда.

Факторный анализ стимулов к хорошей работе (исследование 2013 г.) показал, что справедливость оплаты труда может рассматриваться не только как отражение патерналистских чаяний и надежд, связываемых с обращением к государству, ведомству, организации, но и как потенциальный фактор выравнивания шансов на достижение значимого индивидуального результата и успеха в работе. Об этом свидетельствуют два фактора, образованные на основе включения в их состав компоненты справедливой оплаты труда. Первый наиболее информативный фактор (16,6%) показывает, как главный стимул (справедливая оплата труда), положительно коррелируя с наличием хорошего оборудования, льготами и заботой о сотрудниках, созданием возможностей для их профессионального роста, формирует синдром позитивных стимулов патерналистского содержания, возвышающих роль внешних факторов, благоприятствующих работе. Второй фактор, образованный с включени-

* Используются материалы социологических исследований, выполненных по программе фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики». Все исследования проводились под руководством проф. С. В. Шишкина. Автор тезисов участвовал в разработке инструментария и анализе полученных данных.

® 2007 и 2009 гг. опрос проводился «Левада-центром». В 2007 г. по заказу Независимого института социальной политики в рамках исследования «Повышение оплаты труда в бюджетном секторе экономики: социально-экономические ограничения и возможности»; объем выборки — 620 врачей в двух субъектах РФ. В 2009 г. — по заказу ГУ-ВШЭ; выборка охватила 791 врача, 46 главных врачей и 761 медицинскую сестру в трех субъектах РФ. В 2013 г. опрос проведен региональными ведомствами Министерства здравоохранения в 14 субъектах РФ. Объем выборки: 336 главврачей, 1611 врачей и 1953 человек из среднего медицинского персонала.

ем в него компоненты справедливой оплаты труда (9,5%), подчеркивает роль внутренних резервов в активизации профессиональной деятельности. В нем самая большая факторная нагрузка связывается с предоставлением возможности зарабатывать столько, сколько сможешь, которая положительно коррелирует с улучшением возможности для получения дополнительного заработка и расширением самостоятельности в решении профессиональных задач.

Выявленные разнонаправленные сочетания справедливой оплаты труда предполагают, что за ними скрываются различающиеся по своим объективным характеристикам, трудовому поведению и мотивации категории работников. Для проверки данной гипотезы были вычислены две типологические категории: 1) врачи, у которых справедливая оплата положительно сочетается с предоставлением хорошего современного оборудования, и 2) врачи, у которых справедливая оплата положительно сочетается с предоставлением возможности зарабатывать столько, сколько сможешь, как компонентами с наибольшими факторными нагрузками. Первая категория соответствует заявленной патерналистской, а вторая — либеральной модели справедливости в оплате труда.

Доля первых составила, примерно, одну треть, а вторых — пятую часть от числа опрошенных врачей; остальные составили смешанный тип. Сравнительный анализ данных типологических категорий показал, что, по объективным характеристикам, врачи, у которых справедливая оплата положительно сочетается с предоставлением возможности зарабатывать столько, сколько сможешь, по сравнению с противоположной категорией, представлены в существенно большей мере мужчинами, работающими в Москве, группой высокооплачиваемых (с зарплатой более 45 тыс. рублей). Также выявлено, что они чаще проходили обучение работе на новом оборудовании. В организации оплаты труда таких врачей в большей мере не устраивает несоответствие заработка уровню квалификации и объему выполняемой работы. Вместе с тем они с большим сомнением оценивают возможность определить критерии качества выполняемой работы, в меньшей мере придерживаются позиции, что в ходе реформы оплаты труда базовая часть должна расти быстрее в течение всего периода.

Таким образом, выявлено, что при положительном сочетании стимула справедливой оплаты труда с признаками внутренних резервов в активизации профессиональной деятельности (предоставлением возможности зарабатывать столько, сколько сможешь) мы выходим на категории врачей с большим ресурсным потенциалом и конструктивно критической позицией в отношении значимых сторон труда. В таком сочетании справедливость может рассматриваться как инструментальное средство обеспечения условий для хорошего заработка и носит либертариистский

характер. Положительное сочетание стимула справедливой оплаты труда с обеспечением современным оборудованием, льготами и заботой о сотрудниках предполагает, на наш взгляд, объяснение справедливости как средства получения равных для всех условий улучшения профессиональной деятельности и носит преимущественно патерналистский характер.

Список литературы

1. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 113.
2. *Темницкий А. Л.* Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 26—38.

Информация об авторе

Темницкий Александр Лазаревич, к. с. н., доцент кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия, taleksandr@list.ru

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЛЯ РОССИИ: ВЫБОР ЗА НАМИ?

Л. Н. Тимофеева

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Автор, рассуждая о том, что такое социальная справедливость сегодня для России, как и кем формируются социальные стандарты, приходит к выводу, что ответить однозначно на вопрос, какая социальная политика государства удовлетворит уязвленное чувство социальной справедливости россиян, непросто. Требуется серьезные исследования и общественная дискуссия.

Ключевые слова: социальная справедливость, этическая теория, легитимация власти, социальное равенство, социальная политика

Понятие справедливости имеет фундаментальное значение для этической теории и политической философии и связано с идеей *беспристрастия* и *равенства*, в особенности, в предписании равным образом относиться к равным. Идея справедливости и ее достижения особенно волнует политиков, поскольку она напрямую коррелирует с понятием легитимации власти, признанием ее моральной правоты народом.

Начиная с Аристотеля (ок. 384—322 гг. до н. э.) принято различать (1) *дистрибутивную справедливость*, связанную с вопросами о том, «кто должен что получить», и (2) *исправительную справедливость*, связанную с обращением с индивидом в процессе социальных трансакций (в особенности, с наказанием индивида за преступление).

Идея дистрибутивной справедливости как справедливости социальной продолжает занимать умы политиков и граждан. Современная теория дистрибутивной справедливости была выдвинута американским философом Дж. Ролзом в работе «Теория справедливости» (1971), где он отстаивает индивидуализм и, приводя доводы в защиту равенства, дает такое определение справедливости: «все социальные ценности — *свобода* и *возможности*, *доход* и *состояние*, *основания чувства собственного достоинства* — должны распределяться поровну, за исключением тех случаев, когда неравное распределение какой-либо или всех этих ценностей осуществляется ко всеобщей выгоде».

Приведем два примера. Во-первых, «всеобщей выгоде» может служить законодательство, запрещающее владение огнестрельным оружием; в обществе существует неравномерное распределение огнестрельного оружия в пользу правоохранительных органов для обеспечения равной

для всех безопасности жизни. Во-вторых, «всеобщей выгоде» может служить запрещение водить мотоцикл молодым людям, не достигшим определенного возраста. В обоих случаях возникает напряженность между личными свободами и социальной справедливостью (дистрибутивной справедливостью).

Альтернативный взгляд на справедливость предложил Р. Нозик в работе «Анархия, государство и утопия» (1974). Он приводит аргументы в защиту частной собственности, прав индивида и самоопределения. По его мнению, государство может быть справедливым только при условии, что его сфера минимальна, т. е. в том случае, когда оно не препятствует использованию личной свободы.

Это спор между социал-демократами и социал-либералами. Примерно такие же позиции мы слышим в рассуждениях относительно справедливой коммуникации в обществе между Джанни Ватимо с Юргеном Хабермасом.

Хабермас заявляет, что социальная коммуникация искажена, не прозрачна, но она должна быть истинной, а не ложной, т. е. свободной, добровольной, ненасильственной, рациональной. И приводит свои критерии измерения такой коммуникации: действие рационально, если оно может быть оправдано на трех уровнях: логическом, риторическом и диалектическом, т. е. аргумент понятен говорящему и слушающему; процедурная справедливость обеспечивается для всех общающихся, каждый имеет одинаковую возможность изложить свои доводы и возражения; возможность критики повседневного опыта.

Дж. Ватимо ему возражает: *критерий прозрачности коммуникации — миф*, потому что должен быть кто-то, кто является носителем истинного мировоззрения, некая жреческая каста (интеллигенция, технократия, партия, правительство), которая знает эту истину. Вместо критерия прозрачности и истинности он выдвигает критерий снижения насилия. «В обществе все должны быть свободны высказывать любые абсурдные мысли, не подвергаясь при этом насилию и не подвергая насилию меня. *Что такое насилие? Это то, что мне препятствует спрашивать дальше*». С идеей насилия можно прийти к тоталитарному обществу, с идеей ненасилия вряд ли. Жизнь передается через множество интерпретаций.

Действительно, идея дистрибутивной справедливости, когда мы говорим, что следует «равным образом относиться к равным», постоянно подвергается критике, поскольку трудно определить, в каком смысле люди равны. Вместе с тем практическое решение этой идеи уже было найдено в нашей стране 90 лет назад.

Идея социального равенства была провозглашена и осуществлена на практике революцией 1917 г., недаром названной социалистиче-

ской. Мы хорошо знаем недостатки и просчеты ее осуществления. Действительно, было несправедливое равенство, связанное с равенством доходов, получившее название уравниловки. Но мы также ясно помним и справедливое равенство, связанное с воплощением идеи равного доступа к общественным благам (образование, наука, культура, спорт, доступное жилье), что принесла революция 1917 г. в каждую семью.

Были провозглашены и, в основном, соблюдались принципы социального равенства и социальных гарантий для тех, кто трудился или нуждался в помощи из-за нетрудоспособности. Каждый человек в определенном возрасте четко понимал, какие права у него есть и какие социальные гарантии ему предназначены. Право на труд и отдых, на бесплатное образование и медицинское обслуживание, на жилье. У нас было такое понятие как *досуг* — время для самообразования, для походов в театр и библиотеки. То, что эти социальные гарантии будут выполнены государством, тоже не вызывало ни у кого сомнений.

Когда началась перестройка под лозунгом «больше социализма, больше демократии», вопрос поставили так, чтобы эти социальные гарантии оставались, но при этом значительно расширились возможности в области политических и экономических прав и свобод. Вот о чем шла речь.

Теперь мы пришли к *социальному неравенству* во всех сферах и обсуждаем его как естественный для капитализма, но вопиющий для человека социалистической поры принцип жизни. На какую же социальную справедливость мы рассчитываем в будущем?

Вопрос стоит так: что такое социальная справедливость сегодня для России, как и кем формируются социальные стандарты, кто эти субъекты? С одной стороны, это институты гражданского общества, в том числе партии. И они нам сами об этом напоминают. Вопрос состоит в том, какая социальная справедливость может быть принята современным российским обществом? Анализ социальных разделов программ политических партий позволяет заметить в них, хотя и не всегда последовательную, приверженность, к одной из четырех основных существующих в мировой практике моделей социальной политики — либеральной, корпоративной, социал-демократической, социалистической.

Либеральная модель (англосаксонские страны) предполагает минимально необходимую государственную поддержку социальных низов. Корпоративная модель (Германия, Австрия, Франция) предполагает развитие системы пособий по социальному страхованию, дифференцированных по видам трудовой деятельности и, соответственно, интеграцию профсоюзного движения с государством. Социал-демократическая модель типична для скандинавских стран и нацелена на обеспечение

государством широкого диапазона социальных услуг всему населению при полной занятости. Социалистическая (патерналистская) модель существовала в социалистических странах; ее стержнем является ведущая, определяющая роль государства, несущего основную нагрузку в социальной сфере.

Ответить однозначно на вопрос, какая социальная политика государства удовлетворит уязвленное чувство социальной справедливости россиян, непросто. Требуются серьезные исследования и общественная дискуссия.

Информация об авторе

Тимофеева Лидия Николаевна, д. полит. н., профессор кафедры политологии и политического управления, профессор ИОН РАНХиГС, Москва, Россия, Timofeeva-lidiya@inbox.ru

ПО ЗАКОНУ: КАК СУДЬИ И СЛЕДОВАТЕЛИ РАБОТАЮТ С ПОНЯТИЕМ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ». НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Д. Титаев

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. По материалам двух исследований судейского и следственного сообщества в России, выполненных в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России», можно проследить, конфигурацию понятия справедливости у правоприменителей. Для следователей, работающих с уголовным правом, восстановление справедливости — это назначение адекватного, соразмерного наказания для преступника и, в отдельных случаях, компенсации для потерпевшего. Главное для судей — соответствие закону; это и заменяет содержательную справедливость в российском суде.

Ключевые слова: судебная система, принцип справедливости, правоприменитель, справедливое решение

Справедливость рассматривается как ключевое требование к судебной системе*. При этом в отечественных нормативных документах, регулирующих судопроизводство, оно встречается достаточно редко и в довольно специфических контекстах. Так, в Конституции оно представлено только в Преамбуле, причем в формулировке «чтя память предков, передавших нам <...> веру в добро и справедливость». В процессуальных кодексах оно тоже фигурирует нечасто. В Гражданском процессуальном кодексе — лишь однажды, и оно явно перекочевало туда из Европейской конвенции по правам человека (нарушение права на справедливое судебное разбирательство является основанием для пересмотра дела высшей судебной инстанцией в порядке надзора, согласно ст. 391.11 ГПК). В Уголовно-процессуальном кодексе все несколько иначе — оно встречается восемь раз, но нигде не разъясняется. Так, статья 297 УПК дает нам блистательную формулировку «Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном

* Дискуссия огромна — можно порекомендовать читателю узкотематическую работу: Михайловская И. Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность» и «справедливость» суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.

применении уголовного закона». Справедливость, таким образом, рассматривается без отрыва от «законности и обоснованности», а сумма этих трех компонентов приравнивается к сумме соблюдения требований УПК и правильного применения материального права. Что же касается материального права в его уголовной части, то справедливость там трактуется еще интереснее — исключительно в контексте определения вида и размера наказания. Так, часть 1 ст. 6 УК РФ (которая так и называется «Принцип справедливости») сообщает нам, что «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Эта парадоксальная ситуация, когда в повседневной риторике и теории/философии права концепция справедливости оказывается на первом месте, а в документах, непосредственно регулирующих деятельность правоприменителей — практически отсутствует, побудили нас включить вопросы, связанные с этой категорией в эмпирическое исследование судейского и следственного сообщества в России. Судьи и следователи были выбраны как наиболее значимые категории правоприменителей. Если с судьями все понятно, то следователи заслуживают отдельного комментария. После того, как следователь в России предъявил человеку обвинение, его шансы на реабилитацию или оправдание на судебной или досудебной стадии становятся ничтожно малы — менее 1% [2]. В этом смысле следователь принимает ключевое решение — с его мнением впоследствии, скорее всего, согласятся и прокуратура и суд.

Доклад опирается на материалы двух исследований*, проведенных в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России». Ссобраны интервью с судьями и работниками аппарата суда (более 100 интервью) и следователями (более 80). По итогам качественной части сформирован вопросник и проведены опросы — судей судов общей юрисдикции (более 2000 в 10 регионах) и следователей МВД (более 600 в 3 регионах). В обоих случаях регионы отбирались по принципу максимальной вариации, а выборка внутри региона приближалась к сплошной с понятными техническими ограничениями.

В судейском сообществе справедливость как «главная миссия судьи» заняла третье место — 12,6% ответивших. На первых местах — обеспечение законности и защита прав граждан. Справедливость оказывается

* Результаты исследований см. Дмитриева А., Волков В., Поздняков М. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. М.: Норма, 2015. Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М.: Норма, 2016.

не миссией суда, но свойством конкретного решения или человека. «Быть справедливым» это второе по значимости требование к судье — его выбрали 47 % опрошенных (на первом месте — «Знать букву закона», можно было выбрать два варианта). То же самое касается решений «Вынести справедливое решение» — вторая по значимости задача судьи — ее выбирают 58,7 % судей (после «Обеспечить сторонам условия для реализации своих прав», можно было выбрать три варианта). Понятно, что такие ценностные формулировки в вопросах, даже когда они опираются на материалы интервью, показывают нам не столько представления судьи, сколько его реакцию на ту или иную постановку вопроса. В данном случае мы можем говорить, что справедливость как абстрактная характеристика суда/судопроизводства не воспринимается судьями, но зато они хорошо реагируют на справедливость как характеристику решения или человека.

Анализ интервью показывает, что нормативная трактовка доминирует в понимании того, что же такое справедливость. В нарративах судей это оказывается, за редким исключением, соразмерное (то есть соответствующее закону и сложившейся практике) наказание по уголовному преступлению. Остальные смыслы этого термина практически вымываются — «справедливость» становится однозначно понимаемым инструментальным термином, обозначающим правильно назначенное наказание или судью, который умеет такое наказание назначать.

Эта же картина подтверждается и опросом и интервью со следователями. С точки зрения следователей всю основную работу делают именно они. Суду остается лишь назначить наказание (единственное, что следователь, с его точки зрения не делает ни при каких условиях). Поэтому именно «Восстановить справедливость» — это самый популярный ответ на вопрос об основной цели суда (64,8 %, можно было выбрать один вариант ответа). Интервью показывают, что для следователей, работающих с уголовным правом, восстановление справедливости — это именно назначение адекватного, соразмерного наказания для преступника и, в отдельных случаях, компенсации для потерпевшего.

Такая конфигурация представлений о справедливости укрепляет неоднократно отмечавшуюся бюрократическую (а не содержательную) ориентацию российского судебного (особенно уголовного) процесса. Главное для судей — соответствие закону. Именно это и заменяет содержательную справедливость в российском суде.

Благодарность

Исследования проведены в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России», выполняемого при поддерж-

ке Российского научного фонда — грант № 14—18—02219. Полевые работы на разных этапах финансировались также Фондом Алексея Кудрина по поддержке гражданских инициатив и Сбербанком РФ.

Список литературы

1. Волков В., Дмитриева А., Поздняков М. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. М. : Норма, 2015.
2. Волков В., Дмитриева А., Скугаревский Д. и др. Уголовная юстиция в России в 2009 г.: комплексный анализ судебной статистики / под ред. Д. Скугаревского. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге ; М. : Статут, 2014.
3. Михайловская И. Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность» и «справедливость» суда //Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.
4. Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М. : Норма, 2016.

Информация об авторе

Титаев Кирилл Дмитриевич, MAinsociology (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Университет Хельсинки), ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, ktitaev@eu.spb.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И РАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ КОНСОЛИДАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ И ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Л. Т. Толубаева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. В рамках проекта «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России» изучалось, в частности, влияние справедливости и равенства перед законом на процессы консолидации различных социальных слоев и групп населения Поволжья. С этой целью проведено социологическое исследование в Пензенской и Ульяновской областях. Восприятие справедливости и равенства перед законом для различных групп населения Поволжья зависит от разных факторов, проявляющихся как в экономической, так и в социально-политической сферах жизни населения.

Ключевые слова: справедливость, равноправие, экономические факторы, социальная защищенность, демократизация общества, государственная власть, политическое сознание

На протяжении последних лет основной ориентир общественно-политического развития российского государства нацелен на формирование устойчивой системы демократических институтов и традиций в обществе, способствующих своей деятельностью процессу консолидации различных социальных слоев и групп населения. В сознании россиян этот процесс должен сопровождаться наличием справедливости и равенства перед законом. Понятия «справедливость» и «равенство» тесно связаны между собой и являются важными характеристиками гражданского общества. Рассуждения о справедливости и равенстве нередко связывают с такими категориями как добро и зло, свобода, совесть, долг и т. п. Толкование справедливости как добра, а несправедливости — зла проходило через всю историю человечества. Связь понятий справедливости и добра отмечалось еще в суждениях философов античности, в которых справедливость наряду с мудростью, мужеством представлялась в качестве основной добродетели. Платон утверждал, что справедливость благодетельная и предполагает творить добро друзьям, а зло врагам, несправедливость же порочна. А. Шопенгауэр, называя справедливость великой добродетелью, писал, что она — «первая и самая существенная, карди-

нальная добродетель». В словаре В. И. Даля справедливость приводится в качестве исконного русского слова, означающего правильность, сделанное законно, по правде и по совести. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова справедливость определяется как беспристрастное отношение к кому-нибудь, как чувство справедливости, признающее за кем-нибудь достоинство, правоту, должное. Равенство — это положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права, равноправие.

У современных авторов существуют различные подходы к анализу этих понятий: теория справедливости как честность, т. е. выполнение взятых на себя обязательств, теория интуитивизма, отрицающая существование какого-либо полезного и точного решения проблемы приоритета. Теория справедливости С. Адамса рассматривает все это через призму трудовой деятельности людей, считая, что в процессе работы человек сравнивает оценку своих действий с оценкой аналогичных действий коллег и на этой основе приходит к выводу о справедливости, или несправедливости оплаты его труда. Интуитивный подход к справедливости отводит существенное место интуитивным способностям человека при отсутствии конструктивных и распознавательных этических критериев [1].

Для социально-экономической сферы содержание понятий справедливости и равенства выражается в оценке экономических фактов, форм собственности, общественных отношений, принципов распределения общественного богатства, уровня жизни населения, социальной защищенности, разными моделями социальной адаптации. В сфере социально-политической жизни справедливость и равенство связаны с оценкой демократизации общества, обеспечении прав и свобод, совершенствовании деятельности как государственных структур, так и общественных организаций и движений. Вместе с тем демократизация общества невозможна без формирования сильной государственной власти, способной противостоять произволу толпы. «Группы с разными типами ориентации на модели социальной адаптации сближает общий для них запрос на социальную справедливость. Однако, если для россиян активного типа социальная справедливость должна достигаться через обеспечение прав человека, демократию и свободу самовыражения личности, то для россиян инертного типа более характерна ориентация на жесткую власть, которая, по их мнению, сможет обеспечить справедливость и порядок, а также возвращение к традиционным ценностям» [2].

В 2015 г. в Пензенской и Ульяновской областях было проведено социологическое исследование — опрошено 1350 респондентов (выборка квотная по полу и возрасту). Среди исследуемых проблем в рамках проекта изучалось влияние справедливости и равенства перед законом

на процессы консолидации различных социальных слоев и групп населения Поволжья.

Представляет интерес понимание респондентами, что значит для них «хорошо жить», быть счастливыми. Ответы на эти вопросы позволяют оценить направления социальных перемен, представленных в ценностных ориентациях различных социальных групп и слоев населения Поволжья (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Люди по разному понимают, что такое «хорошо жить», быть счастливым, что Вы для себя считаете самым важным?» (в %, n = 1350)

Пользоваться уважением людей	36,3
Иметь хорошую, интересную работу	51,7
Иметь хорошую семью	56,8
Чувствовать себя свободным человеком	25,4
Жить обеспеченно, в достатке	49,1
<i>Примечание.</i> Ответы на вопрос предполагали несколько вариантов ответов, поэтому сумма ответов больше 100 %.	

Как показали исследования, понимание хорошей, счастливой жизни респонденты прежде всего связывают с семьей (56,8%), хорошей, интересной работой (51,7%), обеспеченной, в достатке жизнью (49,1%). Кроме того, для 36,3% респондентов важно пользоваться уважением людей, а для 25,4% опрошенных важно чувствовать себя свободным человеком. В то же время результаты исследования показали, что 49% респондентов ощущают неравенство в оплате труда; 21,5% — в получении качественного образования; 54% — в получении качественных медицинских услуг; 24,13% испытывают неравенство в осуществлении своих политических прав; но 37% опрошенных респондентов не испытывают неравенство в оплате труда 37%; 65,8% в получении качественного образования; 35,3% в получении качественных медицинских услуг; 49% считают, что не испытывают неравенство в осуществлении своих политических прав. Сопоставляя ответы респондентов можно сделать вывод о расслоении населения на две группы и поляризации мнений в оценке своего положения, в ощущении наличия или отсутствия справедливости в реальной жизни современной России.

Важным показателем в оценке присутствия справедливости и равенства выступает отношение респондентов к закону. Так, 23% респондентов считают, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо; 48,7% уверены, что зако-

ны надо соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают и сами представители органов власти; 25,5 % респондентов считают, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям. Таким образом, данные проведенного исследования подтверждают значимость для респондентов законности как необходимого элемента для порядка в обществе. Большинство респондентов согласны сделать выбор в дилемме «порядок, безопасность — законность» в пользу общественного порядка. Характерно, что почти половина респондентов (48,7 % от общего числа опрошенных) необходимость соблюдения законов поставили в зависимость от соблюдения законов представителями власти.

Одним из показателей отношения респондентов к проявлениям справедливости и равенства является их социально-политическая позиция. Проблема социально-политической активности в процессе консолидации различных социальных групп и слоев населения Поволжья занимает особое место, и является предметом изучения многих исследований [2]. Политическое сознание представляет собой систему взглядов, представлений и установок, которые выражают субъективное отношение к политике и политическим явлениям, а так же определяют социальную активность людей. На политическое сознание оказывает влияние социально-политические условия; оно отражает политические отношения в обществе. Одним из показателей отношения к политической жизни в обществе является интерес к политической информации. Как показали результаты проведенного исследования, постоянно интересуются политической информацией 35,7 % респондентов; интересуются политической информацией от случая к случаю 30,1 % опрошенных; всего 2, % респондентов имеют определенные политические взгляды. При этом политикой не интересуются 15,1 % от общего числа опрошенных респондентов. Кроме того, у 14,2 % респондентов нет определенной политической позиции. Вместе с тем, респонденты вполне определенно высказались по вопросу, насколько они доверяют или не доверяют властным структурам. Так правительству России полностью доверяют или скорее доверяют 66,56 % от общего числа опрошенных респондентов. На уровне региональной власти полностью доверяют или скорее доверяют только 17 % респондентов, выше уровень доверия представителям местной власти — доверяют или скорее доверяют 39,59 % респондентов.

Таким образом, восприятие справедливости и равенства перед законом для различных групп населения Поволжья зависит от разных факторов, проявляющихся как в сфере экономической, так и в сфере социально-политической жизни населения. Социальную справедливость и равенство нередко связывают с обеспечением прав и свобод,

совершенствованием деятельности как государственных структур, так и общественных организаций и движений. В то же время все эти факторы выступают условиями консолидации различных социальных слоев и групп населения Поволжья.

Список литературы

1. *Ролз Д.* Справедливость как честность // *Логос.* 2006. № 1 (52). С. 35—60.
2. *Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования.* М., 2015.
3. *Кошарная Г. Б., Толубаева Л. Т., Корж Н. В.* Ценности и ценностные ориентации студенческой молодежи Поволжья. Пенза : Изд-во ПГУ, 2013.

Благодарность

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России» (проект № 15-03-00382а).

Информация об авторе

Толубаева Людмила Тимофеевна, к. ф. н., доцент кафедры социология и управления персоналом Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, tltg@mail.ru

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ТИПЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В. В. Фатеев

Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. В данной работе, на основании результатов социологического исследования, выделены 4 группы ответов респондентов, соответствующие 4 категориям понимания справедливости: индивидуальная, социальная, законодательная, религиозная. Формирование понятия «справедливость» связано с мировосприятием, а оно — с воспитанием, приобретенными личными качествами, жизненным опытом, природными особенностями. Сформированное понятие является основой реакций на то или иное событие.

Ключевые слова: справедливость, эмпирические типы, категории

Тезис: «справедливость — базовый принцип социума».

Аргументы: Вопросы справедливости были актуальны во все времена. Понятие «справедливость» относится к категории фундаментальных понятий, таких как: «любовь, добро, зло». Определение «справедливости» давали многие философы, мыслители и ученые.

Пример 1:

Американский философ Дж. Ролз [1] выделял два основных принципа справедливости:

Первый принцип справедливости гласит о том, что любой человек имеет право на максимальное количество основных свобод, а точнее, все свободы должны быть равны, ни одна личность не должна быть в этом ущемленной.

Второй принцип включает принцип разумности и справедливости. Так, если существуют неравенства социального и экономического характера, то их следует урегулировать таким образом, чтобы они были выгодны тем слоям населения, которые являются неблагополучными. При этом, уравнивая человеческие возможности, необходимо сделать так, чтобы общественные должности были открыты для любого желающего.

Пример 2:

Лао-цзы — древнекитайский философ VI—V вв. до н. э., которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин» [2] призывал относиться с осторожностью к таким ценностям, как человечность и справедливость. Они являются механизмом,

с помощью которого общество вмешивается в изначальную природу человека, путем манипуляций навязывая обывателю такое поведение, которое усиливало бы общественную систему за его, обывателя, счет. Ценности под названием «человечность» и «справедливость» замещают собственные желания и потребности человека, неизбежно приводя к поступкам, входящим в противоречие с его собственными интересами. Такие вроде бы доброкачественные ценности, как любовь, честь и патриотизм, на самом деле, обладают коварной властью над человеком. Они позволяют социуму достичь своей цели — контроля — и разрушить жизнь индивидуума.

Теоретические рассуждения

Эти две противоположные точки зрения сходятся в одном: справедливость — является неотъемлемой частью существования социума. Каждый индивид, имея возможность анализировать и сравнивать, формирует собственное представление об устройстве социума. В данной исследовательской работе выделены 4 категории справедливости: индивидуальная, социальная, законодательная, религиозная. Они выявлены по результатам социологического исследования, включавшего в себя один вопрос: «Что для Вас справедливость?». Выборка составила 30 человек. Ответ должен был представлять собой развернутый текст. В результате обработки ответов, выделены 4 основные направления справедливости (рис. 1).

Категории справедливости

Рисунок 1. Направления справедливости

Индивидуальная справедливость — респонденты связывают «справедливость» со своей личностью; преобладает гедонистический взгляд на вещи, субъективизм суждений; повышенная эмоциональность.

Социальная справедливость — ответы респондентов, которые «справедливость» определяют как общее благо, что характерно для людей, легко адаптирующихся в социальном пространстве и ассоциирующих

себя с какой-либо социальной группой. Они имеют потребность быть принятыми в общество. Коллективизм и общие цели — неотъемлемая часть понятия социальной справедливости. Такие люди легко работают в команде; раньше других создают семьи.

Законодательная справедливость — в эту категорию попали ответы респондентов, в которых «справедливость» определялась как свод государственных законов и ресурсного распределения. Преобладает у индивидов, адаптированных к четко построенным социальным структурам с расписанной иерархией, системой командного подчинения. Такие субъекты отличаются прямотой, идеализированными целями, ценят такие качества, как преданность, надежность, стабильность.

Религиозная справедливость — группа ответов респондентов, в которой «справедливость» определили как индикатор собственных поступков. Свойственна творческим личностям. Обусловлена поиском справедливости внутри себя и кармическими законами. В эту категорию входят люди, максимально развивающие мировой прогресс. Категорийный аппарат размышлений охватывает глобальные процессы. Субъекты отличаются такими качествами как: фантазия, воображение, стремление.

Вывод

Понятие «справедливость» формируются в зависимости от мировосприятия. Сформированное понятие является основой реакций на то или иное событие. Формирование понятия «справедливость» связано с воспитанием, приобретенными личными качествами, жизненным опытом.

Список литературы

1. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
2. *Дао Дэ Цзин.* Канон Пути и Добродетели / пер. А. Кувшинова. СПб., 1991.

Информация об авторе

Фатеев Виталий Валерьевич, магистр РАНХиГС, экономическая политология, руководитель детского патриотического проекта «Нормандия Неман», bigbro_2life@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОБОСНОВАННАЯ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПРИ ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ РИСКА ВИЧ-СПИД ИНФЕКЦИИ

В. М. Хабибулина

Автономная некоммерческая организация

«Институт социальных исследований и гражданских инициатив»,

Казань, Республика Татарстан, Россия

Аннотация. Изучены данные государственной статистики РФ по медицинскому тестированию на ВИЧ-инфекцию для иностранных граждан, в первую очередь, при их обращении за разрешением на работу. Цель работы — сопоставительный анализ первичных данных госстатистики с публичным дискурсом о вреде общественному здоровью России со стороны трудовых мигрантов. На примере двух регионов — Республики Татарстан и г. Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: здравоохранительная политика, справедливость, СПИД, трудовые мигранты, ВИЧ+

Традиционно, справедливость изучается посредством опросной методологии через представления субъектов о степени реализации бенефитов для них лично или для социальной группы, которую они представляют. Источником бенефитов также традиционно рассматривается государство, а благополучателями являются граждане [России]. Автор предлагает обсудить новый методологический вызов, когда *Справедливость* преломляется через континуум истина–ложь, и благом для всех жителей страны — граждан и неграждан — является научно обоснованная истина, реализованная через доказательно справедливые политики и стратегии.

Автор выбрал для субстрата эмпирического анализа такую необходимость, как взаимозависимость людей в отношении инфекционных заболеваний (например, инфекция ВИЧ-СПИДа). *Абсолютно справедливой* автором постулируется истинная картина мира в связи с распространением инфекции, факторами, влияющими на нее и научно-обоснованной здравоохранительной политикой государства. К достижению такой Истины — Справедливости с бенефитом для всех — и должны стремиться акторы и управленцы, по предположению автора.

Эта работа изучает данные государственной статистики РФ по медицинскому тестированию на ВИЧ-инфекцию для иностранных граждан, в первую очередь, при их обращении за разрешением на работу. **Целью** работы является сопоставительный анализ первичных данных госстати-

стики с публичным дискурсом о вреде общественному здоровью России со стороны трудовых мигрантов. На примере двух регионов — Республики Татарстан (РТ) и г. Санкт-Петербурга — мы попытаемся ответить на актуальный социальный вопрос: насколько валидны доступные медико-статистические данные, используемые для несправедливого дискриминационного дискурса?

Методология. После длительного поиска доступных полных данных среди нескольких заболеваний самым валидным источником сравнения стала Информация из Федерального Центра СПИД [1]. Для сравнения регионов и проверки выводов чиновников необходимо было иметь данные за год, согласно биостатистическим критериям. Субъекты РФ были выбраны потому, что из двух мегаполисов в Санкт-Петербурге точнее представлены данные по сравнению с Москвой, а Республика Татарстан отличается созданием первого единого центра медицинского освидетельствования трудовых мигрантов, что является критическим для популяционных оценок риска.

Результаты. Рассмотрим тезис казанских чиновников «Показатели заболеваемости иностранных граждан ... выше средне республиканских: ... по ВИЧ-инфекции в 2,5 раза... (в 2009 г. называлась цифра в 6,8). За 11 месяцев 2013 г. было обследовано 11429 иностранных граждан, выявлено ... 7 случаев ВИЧ-инфекции...» (<http://opr.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/252642.htm>). Согласно таблицам на стр. 8, 9, 41, 42 [1] понятие «заболеваемость» согласуется с принятым в международной биостатистике. В Республике Татарстан — это 32,1 ВИЧ+ на 100 тыс. всего населения. Нет данных по мигрантскому населению в республике, что не аналогично российскому составу по полу и возрасту. Поэтому, как можно реконструировать выше в 2,5 раза, согласно выводам чиновников из Казани?

Возможен следующий расчет: $7/11429 = 61,3$ на 100 тыс. трудовой популяции. 32,1 (РТ) и 49,2 (РФ) сравниваются с 65,1 (что меньше в 2 раза). Таким образом, налицо нарушение расчета показателя заболеваемости по международной биостатистике и основание для дискриминационного дискурса. А по имеющимся данным надо было бы сравнивать:

- по абсолютному количеству серопозитивных в РТ за 2012 г. 21 (иностранцы, табл. 4) и 1253 (граждане, табл. 1);
- показатели персонифицированных ВИЧ+ в РТ 101 (иностранцы, табл. 4) и 116 (граждане РФ, табл. 1) на 100 тыс. обследованных сывороток.

Если 125—135 тыс. трудовых мигрантов-иностранцев приезжает ежегодно в РТ, а это 3,5% от населения, и если бы мигрантское население было как в РТ, то было бы в 2 раза больше выявлено новых случаев ВИЧ+ (44

вместо 21 по табл. 4). По экспертной оценке из 21 ВИЧ-инфицированного иностранца в 2012 в РТ максимум 11 было определено в Казанском едином центре, что подтверждает *healthy migrant effect* на начало иммиграции [2].

Согласно мониторингу ВИЧ-инфекции на территории РТ с 1987 по 2013 г. выявлено 16 723 случаев, из них 1240 чел. прибыло из других регионов с уже установленным диагнозом ВИЧ — инфекция. Что дает нам основание утверждать, что внутренние российские мигранты с ВИЧ (=7,4 %) значительно больше привнесли ретровирус в популяцию РТ по сравнению с внешними мигрантами ($21/1274 = 1,6\%$) на примере только 2012 г. Кроме того, трудовые мигранты могли быть инфицированы уже после приезда в Россию. Как совершенно справедливо замечает даже социолог государственного научного учреждения, в большинстве своем они едут из стран с более низким уровнем распространения ВИЧ-инфекции [2].

Для методически аккуратного сравнения российского населения с иностранным возможно использовать показатель «серот+ на 100 тыс. обследованных сывороток» (см. Приложение, табл. 1—4). По всей России в 2012 г. 270,6 впервые выявленных ВИЧ-позитивных, что выше, чем в 2011 г. (252,2). Среди иностранных граждан частота выявления ВИЧ-инфекции была значительно ниже, чем среди россиян (155 и 144 соответственно). В целом у иностранцев данный показатель уменьшается от 2006 к 2012 г. (168,6 к 155,1). Меньше в России он только у медиков (36,1), доноров (28,3) и беременных (126,4).

Публичные высказывания чиновников Санкт-Петербурга (Презентация 15.05.2013, <http://rospotrebнадзор.ru/>) можно также оспорить, ибо 34,1% с ВИЧ+ среди трудовых мигрантов значительно выше, чем среди работников коммерческого секса или мужчин-заключенных из группы МСМ!

А по соотношению петербургских показателей можно выдвинуть гипотезу, что превышающий уровень ВИЧ-инфекции у иностранных граждан является следствием высокой контагиозности в самом Санкт-Петербурге, и российская вторая столица несет серьезные опасности для самих трудовых мигрантов из СНГ в отношении ВИЧ-инфицирования.

Список литературы

1. ВИЧ-инфекция. Федеральный центр СПИД. М., 2013, 2014. Бюллетени № 38, № 39.
2. Иванова Л. Ю. Социальные риски для здоровья мигрантов // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 131—145.

3. Карпенко О. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 62—84.

Приложение

Таблицы 1—4. Результаты тестирования представителей различных контингентов на антитела к ВИЧ в РФ. Количество новых выявленных случаев ВИЧ-инфекции:

Таблица 1. ...среди обследованных граждан РФ (код 100), исключая детей с неустановленным диагнозом

2012	Всего	Серо+	На 100 тыс.	2013	Всего	Серо+	На 100 тыс.
РФ	26037319	70453	270,6	РФ	26826067	79728	297,2
РТ	1075679	1253	116,5	РТ	1156306	1264	109,3
СПб	629307	3308	525,7	СПб	624991	3320	531,2

Таблица 2. ...среди лиц, находящихся в местах лишения свободы (код 112)

2012	Всего	Серо+	На 100 тыс.	2013	Всего	Серо+	На 100 тыс.
РФ	415707	8599	2068,5	РФ	398807	8953	2244,9
РТ	13053	120	919,3	РТ	13333	76	570,0
СПб	7082	662	9347,6	СПб	3595	520	14464,5

Таблица 3. ...среди обследованных по клиническим показаниям (код 113)

2012	Всего	Серо+	На 100 тыс.	2013	Всего	Серо+	На 100 тыс.
РФ	5724621	18126	316,6	РФ	5914421	21744	367,6
РТ	61488	85	138,2	РТ	54049	84	155,4
СПб	167061	1411	844,6	СПб	168891	1562	924,9

Таблица 4. ...Среди обследованных иностранных граждан (код 200)

2012	Всего	Серо+	На 100 тыс.	2013	Всего	Серо+	На 100 тыс.
РФ	1248832	1937	155,1	РФ	1501247	2116	140,9
РТ	20788	21	101,0	РТ	17313	24	138,6
СПб	242535	428	176,5	СПб	317499	506	159,4

Примечание. «Всего» — обследовано всего сывороток; «на 100 тыс.» — число серопозитивных на 100 тыс. обследованных сывороток; «Серо+» — выверено по персонифицированной базе данных с учетом впервые выявленных инфицированных ВИЧ; повторно положительные в иммуноблоттинге и выявленные анонимно исключены.

Информация об авторе

Хабибулина Виолетта Максудовна, к. биол. н., ассоциированный сотрудник АНО «ИСИГИ» (Казань), Master of Public Health, Master of Sciences in Social Work, vioksu@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

М. Ф. Черныш

Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Результаты исследования Российского общества социологов демонстрируют, что эгалитарная точка зрения не поддерживается населением страны. Массовые представления о социальной справедливости ориентированы на изъятие части дохода в пользу общества с помощью прогрессивного налогообложения и использование доходов государства для развития программ социальной поддержки и социального государства в целом.

Ключевые слова: справедливость, социальные установки, уровень неравенства, социальный порядок, гражданские свободы

В российском публичном дискурсе социальная справедливость часто рассматривается как комплекс представлений об обществе, определяющих его характер. На одном полюсе политических оценок современное российское общество принято характеризовать как тотально несправедливое, как продукт непримиримого противоречия между социальными установками и реальным уровнем неравенства. В этой схеме текущие противоречия могут быть разрешены только в том случае, если будет искуплен «первородный грех» младореформаторов, если неравенство будет исправлено справедливым распределением социального порядка. Очевидно, что названные противоречия не имеют адекватного решения в рамках существующего социального порядка, что только тотальная смена элит и смена курса могут привести к подобному исходу. На противоположном полюсе массовые представления о социальной справедливости рассматриваются как непреодолимое препятствие на пути модернизации России, ее переходу к эффективной рыночной системе. Наиболее серьезным изъяном российских ценностей считается приверженность государству, преувеличение его роли в ущерб гражданским свободам и частному предпринимательству. Для того, чтобы понять, какой из упомянутых комплексов социальных представлений соответствует реальностям российского общества, Российское общество социологов провело исследование, базирующееся на представительной выборке объемом в 2003 респондента. Исследование позволило установить, что ни одна из крайних точек зрения не подтверждается полученными результатами. Эгалитарная точка зрения никогда не имела поддержки

большинства населения. В настоящем, как и советском прошлом, большинство населения считает, что основным принципом справедливого распределения является характер и содержание труда. Считается, что неравенство имеет оправдание в том случае, если более высокие доходы получают работники, занимающие трудом высокой квалификации, работники умственного труда, а также руководители, несущие бремя ответственности за предприятие. Насильственное изъятие собственности не имеет широкой поддержки в российском обществе. Массовые представления о социальной справедливости ориентированы на изъятие части дохода в пользу общества с помощью прогрессивного налогообложения и использование доходов государства для развития программ социальной поддержки и социального государства в целом.

Информация об авторе

Черныш Федор Михайлович, д. с. н., зам. директора по научной работе Института социологии РАН, Москва, Россия, che@isras.ru

УСЛОВИЯ БАЛАНСА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Шведовский

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Предпринимается поиск условий оптимизации баланса между рыночной эффективностью и социальной справедливостью в рамках макромоделей общественного воспроизводства. Для количественного решения сформулированной проблемы применен метод неопределенных множителей Лагранжа к некоторой функции благосостояния российского общества и ограничениям к ней.

Ключевые слова: социальная справедливость, социальное неравенство, общественное воспроизводство, эффективность экономики

Конституция РФ (1993 г.) в статье 7 декларирует: Российская Федерация является социальным государством. Одно из его основных назначений: обеспечивать баланс между рыночной эффективностью и социальной справедливостью. Неудачи в этом ведут к утрате доверия к властным структурам государства, т. е. к росту протестов.

Цель настоящей работы — найти условия оптимизации названного выше баланса в рамках макромоделей общественного воспроизводства.

Применяемый метод. Для количественного решения сформулированной проблемы был применен метод неопределенных множителей Лагранжа к некоторой функции благосостояния российского общества и ограничениям к ней.

Теоретическим фундаментом макромоделейного подхода к названным в заглавии понятиям является обобщение концепции общественного воспроизводства — СОВ [1, 2]. Одним из планов рассмотрения системы общественного воспроизводства является ее рассмотрение с позиции совокупного эволюционного потенциала [3]. В нем обычно выделяют две группы потенциалов:

- 1) традиционные: экономический, демографический, научно-технический, производственный, военный;
- 2) гуманитарная группа: интеллектуальный, информационный, культурный, морально-политический (социально-психологический).

Решение проблемы вывода модельных уравнений СОВ видится на основе самого общего функционального уравнения баланса факторов в частных производных первого порядка, заданного в неявной форме:

$$\Phi(K, L, I, F(K, L, I), pK, pL, pI) = 0, \quad (1)$$

где K — капитал;

L — труд;

I — знание;

$F = F(K, L, I)$ — национальный доход;

$\partial F / \partial K = pK$ — ставка% на кредит в банке;

$\partial F / \partial L = pL$ — средняя зарплата;

$\partial F / \partial I = pI$ — усредненная цена ПК, при этом показатель I измеряется как годовой объем обрабатываемой информации парком вычислительной техники России.

Вывод [4, 8] из (1) уравнений характеристик (2) с неизбежностью в силу требования теоремы о неявной функции $\partial \Phi / \partial F \neq 0$ приводит к заключению о необходимости учета в итоговых моделях с первоначально чисто экономическим подходом такой социальной переменной как *социальное неравенство*, ибо $\partial \Phi / \partial F = 0$ означает социально-однородное, т. е. «уравнительное» общество, но и ведущее к неэффективной экономике. Социальное неравенство оценивается индексом Джини G . С учетом G_0 — порога Шевякова [6] вводится функция меры избыточного социального неравенства $\partial \Phi / \partial F = a \times (G - G_0)$.

И тут же возникает проблема: до какой меры допустимо социальное неравенство? Общий ответ: до роста или неубывания меры социальной справедливости (сосп), что связано с сохранением или ростом уровня упомянутого доверия. Эмпирические данные измерения этого уровня для проведения вычислительных экспериментов с выстраиваемой моделью взяты из работ, полученных ВЦИОМ [9]. Ключевой момент работы — корреляционная связь уровня доверия с производительностью труда [7], определяемой из (1).

В работе [5] приведен обзор определений сосп (их > 10). В процессе построения функции благосостояния российского населения были использованы определение Платона (сосп как социально-согласованное неравенство), определения сосп как состояния общества, в котором общественная функция благосостояния, если она существует, достигает максимума (теории взлфаризма, утилитаризма, оптимальности по Парето, эффективности (А. Сен) и определение сосп как состояния общества, в котором ни один из участников не испытывает социальной напряженности, из-за зависти, экономического неравенства или изменения социально-экономических норм (Ефимов—Кирута—Шевяков).

Полагаем, что искомое решение заявленной проблемы баланса находится на пучке интегральных решений уравнений характеристик нелинейного уравнения в частных производных первого порядка (ч. п. п. п.) в неявной форме (1).

В итоге была получена следующая система ОДУ характеристик (2) (рис. 1).

Преобразование системы ОДУ в предположении:
 $\partial\Phi/\partial F = f(G) = \alpha*(G - G_0) \neq 0$, где G_0 – порог Шевякова и $\alpha > 0$.

$$\left\{ \begin{array}{l} dK/dt = \partial\Phi/\partial P_K \\ dL/dt = \partial\Phi/\partial P_L \\ dI/dt = \partial\Phi/\partial P_I \\ d(P_K)/dt = -(\partial\Phi/\partial K + \alpha*(G - G_0) * \partial F/\partial K) \\ d(P_L)/dt = -(\partial\Phi/\partial L + \alpha*(G - G_0) * \partial F/\partial L) \\ d(P_I)/dt = -(\partial\Phi/\partial I + \alpha*(G - G_0) * \partial F/\partial I) \\ dF/dt = P_K * dK/dt + P_L * dL/dt + P_I * dI/dt \\ P_K * (\partial P_L/\partial I - \partial P_I/\partial L) + P_I * (\partial P_K/\partial L - \partial P_L/\partial K) + P_L * (\partial P_I/\partial K - \partial P_K/\partial I) = 0 \end{array} \right. \quad (2)$$

Рисунок 1. Система характеристических ОДУ (2) для уравнения в ч. п. п. п. (1)

Выбор функции благосостояния общества Z зависит от адекватного выбора масштабов агрегирования и времени. В концепции подхода к системе общественного воспроизводства высшим уровнем агрегирования являются потенциалы.

Выбираем по одному потенциалу из каждой группы: *экономический* и *социально-психологический потенциалы*.

При выборе функции благосостояния общества Z учитывается, что формальными претендентами могут быть:

$$Z = f(F, L), Z = f(G, L), Z = f(I, L), Z = f(F, I), Z = f(F, G), Z = f(I, G).$$

При этом каждый аргумент привязан к названным потенциалам.

Наиболее адекватными функциями для текущей ситуации являются функции, где аргументом L — занятость, т.е. первые 3 данного ряда. Тогда естественным дополнением в управлении двухчастной моделью (трудящиеся — элита) оказывается аргумент G — степень социального неравенства.

При конструировании функции $Z = f(G, L)$ были учтены следующие обстоятельства и механизмы формирования функции благосостояния в современных условиях санкций и кризиса:

1. многомерный характер социального неравенства, например, экономическое и юридическое его измерения;
2. рост ВВП при снижении наличного уровня социально-экономического неравенства (от текущего избыточного уровня в направлении к порогу Шевякова);

3. снижение социальной напряженности со снижением уровня избыточного социального неравенства;
4. рост объема вывозимого за рубеж капитала из-за снижения уровня социального неравенства;
5. сокращение численности рабочих мест при масштабном росте объема вывозимого за рубеж капитала.

После проведения согласно стандартной методике [8] выкладок были получены адекватные высказанным выше теоретическим посылкам системы уравнений для определения необходимых и достаточных условий существования условного экстремума функции Лагранжа на базе построенной $Z=f(G, L)$.

Решение полученных систем уравнений определяет искомые условия баланса (рис. 2). Имея символьные выражения для G^* , L^* , можно, подставляя известные статистические данные и данные социологических замеров, получить их значения.

Итоговый расчёт параметров баланса

$$\begin{aligned}
 B &:= 0.04 && \text{мера роста ВВП при сокращении избыточного неравенства на 1\%} \\
 Gt &:= 0.44 && \text{текущий уровень социального неравенства (индекс Джини)} \\
 E &:= (2 \cdot \alpha 3 - 1)^2 && E = 0.518 \quad C := A \cdot (1 - B + \alpha 1) + \alpha pl \quad C = 26.961 \\
 M &:= pl \cdot I \cdot ki && M = 1.109 \quad D := 1 - \alpha 1 - \mu + Gt \cdot (B - \alpha 1) \quad N := Punemp \cdot (1 - \alpha 3) + Ssoc \\
 Q &:= A \cdot D - N - M - \alpha \cdot G0 \cdot pl && R := A \cdot \alpha 1 + \alpha pl - A \cdot B \quad R = 24.402 \quad Q = -10.806 \\
 \beta \epsilon &:= -\left(\frac{\alpha}{M}\right) + \frac{R}{M} + 2 \cdot R \cdot \frac{Q}{M^2} && \Delta := \beta \epsilon^2 - \left(\frac{Q^2}{M^2} + \frac{Q}{M} + \alpha \cdot G0\right) \cdot \left(4 \cdot \frac{R^2}{M^2}\right) \\
 \beta \epsilon &:= -422.842 && -(\beta \epsilon) + \sqrt{\Delta} = 425.252 \quad \Delta = 5.81 \\
 &&& \sqrt{\Delta} = 2.41 \\
 G1 &:= \frac{[-(\beta \epsilon)]}{2 \cdot \frac{R}{M} + \frac{Q}{M}} && G1 = 0.439 \\
 Litog1 &:= \frac{G1}{ki} && Litog1 = 1.09 \\
 G2 &:= \frac{[-(\beta \epsilon) - \sqrt{\Delta}]}{\left(2 \cdot \frac{R^2}{M^2}\right)} && G2 = 0.434 \\
 Litog2 &:= \frac{G2 \cdot R + M}{ki} && Litog2 = 0.977
 \end{aligned}$$

Рисунок 2. Два решения по определению значений индекса Джини и уровня занятости для максимизации функции благосостояния на модельном представлении современной ситуации с эволюцией общественного воспроизводства России

Решение этой системы позволило прийти к следующим выводам:

- Из шести функций благосостояния общества для применения метода неопределенных множителей Лагранжа были выбраны две

$Z=f(F, L)$, $Z=f(G, L)$. Для первой из них попытка получить достаточные условия максимума оказалась неудачной.

- **Получены достаточные условия** максимума (отрицательный знак гессиана) для $Z=f(G, L)$, т. е. условия укрепления доверия большинства населения к институтам власти посредством вариаций G и L , заключающиеся в реализации 2-х стратегий управления: 1) снижение социального неравенства на 5-ую долю% и увеличение занятости на 9%; 2) снижение социального неравенства на 1% и снижение занятости на 2%.
- Имеется точка роста данного подхода, заключающаяся в анализе остальных 4-х функций $Z=f(l, L)$, $Z=f(F, l)$, $Z=f(F, G)$, $Z=f(l, G)$ и построении функции Лагранжа для трех управляющих параметров, например, для $Z=f(G, L, k)$.

Список литературы

1. Гребнев Л. С. Философия экономики (старые истины и новое мышление). М. : Луч, 1991.
2. Шведовский В. А. Особенности социолого-математического моделирования в исследовании социальных процессов : монография. М. : ACADEMIA, 2009.
3. Федоренко Н. П., Дементьев В. Е., Львов Д. С. и др. Общественное богатство: проблемы эффективной реализации экономического потенциала // ЭИММ. 1991. Т. 27. Вып. 2, март-апрель. С. 229.
4. Арнольд В. И. Геометрические методы в теории обыкновенных дифференциальных уравнений : монография. Ижевск, 1999.
5. Ефимов Б. А. Социальная справедливость, общественное благосостояние и взаимность // Математическое моделирование социальных процессов. МГУ, социологический ф-т. М., 2007. Вып. 9.
6. Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи : монография. М. : М—Студио, 2009.
7. Шведовский В. А., Шведовская Т. Л. Моделирование динамики роста среднего класса (проблемы и перспективы формирования доверия к вертикали власти в России // Математическое моделирование социальных процессов. Вып. 16: Сб. статей / под ред. А. П. Михайлова. М., 2014. С. 197—225.
8. Шведовский В. А. Условия баланса эффективности экономики и социальной справедливости // Труды XVI Всероссийской конференции школы молодых исследователей «Современные проблемы математического моделирования» 14—19 сентября 2015 г., ЮФУ, Ростов-на-Дону. С. 244—248.

9. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/fileadmin /file/reports_conferences/2015/2015-12-21-rocit.pdf.

Благодарность

Данная работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ — 16-01-0100306 и РГНФ — 15-03-00435.

Информация об авторе

Шведовский Вячеслав Анатольевич, д. с. н., к. ф.-м. н., с. н. с. НИЛ «Математическое моделирование и информатика социальных процессов» МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, matosp@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Е. В. Щанина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. В ходе исследования восприятия различными социальными группами и слоями населения социальной справедливости, проведенного в Ульяновской и Пензенской областях в 2015 г., выявлено, что в российском обществе существует потребность в справедливости, которая понимается как равенство перед законом; восприятие пожилыми людьми ценности социального равенства и социальной справедливости во многом совпадают с общероссийским.

Ключевые слова: социальная справедливость, пожилые люди, социальное равенство

В сознании россиян, в характеристиках современного российского общества довольно часто присутствуют такие понятия, как справедливость и равенство. Эти понятия тесно связаны между собой и являются важными характеристиками гражданского общества. Проведенные Институтом социологии Российской академии наук исследования подтверждают, что ключевым для понимания того, что не устраивает россиян в пореформенном российском обществе, являются два понятия — «справедливость» и «равенство», которые тесно связаны между собой, поскольку справедливость — это «необходимость соответствия реальности некоему представлению о должном, т. е. такому порядку вещей, при котором каждый получает то, чего он заслуживает при условии сохранения в обществе некой предельно допустимой величины неравенства» [3].

В апреле 2013 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) было проведено исследование о том, как россияне понимают социальную справедливость. По результатам исследования было установлено, что для относительного большинства россиян социальная справедливость — это равенство граждан перед законом (36 %). Реже смысл этого понятия сводится к равенству в уровне жизни (20 %). Еще меньше тех, для кого социальная справедливость — это возможность для каждого достичь того, на что он способен (13 %), когда положение каждого члена общества определяется его трудовыми усилиями (12 %), гарантии для социально незащищенных (11 %). 6 % опрошенных полагают, что социальной справедливости не существует. Сильное государство, порядок, национальные интересы — вот то понимание социальной спра-

ведливости, которое близко большинству россиян (58%). Прежде всего, такой позиции придерживаются жители средних, малых городов и сел (60—61%), а также пожилые респонденты (62%). За альтернативную концепцию — демократия, солидарность, свобода — выступают 27% опрошенных (в 2007 г. — 22%). В основном, это жители крупных городов (40%) [1].

В рамках работы над научно-исследовательским проектом РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России» (проект № 15—03—00382 а) в 2015 г. было проведено исследование, одним из аспектов которого явилось изучение восприятия различными социальными группами и слоями населения социальной справедливости. В ходе исследования опрошено по квотной выборке 1350 человек (в том числе 501 человек в возрасте старше 55 лет), проживающих в Пензенской и Ульяновской областях.

Результаты нашего исследования также подтвердили тезис о том, что в основе социальной справедливости на современном этапе развития современного российского общества лежит принцип равенства. Для нас научный интерес представляет социальная группа пожилых людей, т. е. людей достигших пенсионного возраста и старше, и вопрос о том как они воспринимают социальную справедливость.

В ходе исследования было выявлено, что в равной степени люди пожилого возраста выступили и за принцип равенства шансов, т. е. хотели бы жить в обществе, где государство обеспечивает людям примерно равные возможности для осуществления их жизненных планов, а уж используют они эти возможности или нет — зависит от них самих (36,6% респондентов), и за принцип достижений, предпочитая жить в обществе, где достаток распределяется в соответствии с количеством и качеством затраченного труда (36,2%). Каждый пятый человек пожилого возраста придерживается принципа равенства — для них привлекательно общество, в котором материальные и духовные блага распределяются примерно поровну между всеми его членами (21,3%). Наименьшее количество опрошенных пожилых людей (4,3%) считает для себя наилучшим общество, в котором преобладает принцип потребностей, где каждый заботится о себе сам, а государство помогает только незащищенным группам (инвалидам, матерям-одиночкам, пенсионерам и т. д.).

Для пожилых жителей Ульяновской области более значим принцип достижений, т. е. достаток должен распределяться в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, а для пожилых жителей Пензенской области — принцип равенства шансов, т. е. государство

должнообеспечивать людям примерно равные возможности для осуществления их жизненных планов, а уже используют они эти возможности или нет — зависит от них самих.

Что касается гендерных различий, они имеют место. Так, мужчины на первое место выдвинули принцип достижений, предпочитая жить в обществе, где достаток распределяется в соответствии с количеством и качеством затраченного труда (42,5 % респондентов), а на второе — принцип равенства шансов, т. е. хотели бы жить в обществе, где государство обеспечивает людям примерно равные возможности для осуществления их жизненных планов, а уже используют они эти возможности или нет — зависит от них самих (31 % респондентов). В то время как женщины наоборот на первое место выдвинули принцип равенства шансов (39,9 % респондентов), а на второе — принцип достижений (32,4 % респондентов).

В межнациональном аспекте различия достаточно существенны. Наиболее ярко принцип равенства шансов проявляется у пожилых людей русской национальности — 38,6 % опрошенных хотели бы жить в обществе, где государство обеспечивает людям примерно равные возможности для осуществления их жизненных планов, а уже используют они эти возможности или нет — зависит от них самих. Среди пожилых людей татарской и мордовской национальностей популярность этого принципа ниже (23,5 % и 29,2 % респондентов соответственно), однако по приоритету он находится на втором месте у представителей мордовской национальности и третьем месте у представителей татарской национальности. Пожилых людей татарской и мордовской национальностей в большей степени привлекает принцип равенства, т. е. они хотели бы жить в обществе, в котором материальные и духовные блага распределяются примерно поровну между всеми его членами (41,2 % и 41,7 % респондентов соответственно), для пожилых людей русской национальности по приоритету он находится на третьем месте.

Для одиноких пожилых людей в приоритете принцип равенства шансов, в то время как для семейных — принцип достижений.

В ходе исследования было установлено, что с увеличением количества детей значимость принципа равенства среди людей пожилого возраста увеличивается (с 14,3 % респондентов, не имеющих детей до 34,8 % респондентов имеющих более 3 детей) и снижение значимости принципа равенства шансов (с 42,9 % респондентов, не имеющих детей, до 30,4 % респондентов, имеющих более 3 детей).

В рамках анализа восприятия социальной справедливости вполне логично выяснить представления пожилых людей о социальном неравенстве, которое способно усиливать социальную напряженность, порождать недоверие к власти, превращая данную социальную группу в наиболее

уязвленную социальную группу, в группу риска. Результаты исследования показали, что с ситуацией социального неравенства пожилые люди сталкиваются в доступе к качественной медицине. С этой ситуацией в своей жизни сталкивалось 60 % респондентов. Неравенство в оплате труда испытали 48,1 % респондентов, в реализации своих политических планов — 22,1 %, в возможности получения качественного образования с несправедливостью сталкивались 14 % респондентов.

В заключении следует отметить, что в российском обществе существует потребность в справедливости, которая понимается как равенство перед законом и заключается в том, «чтобы уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных»; восприятие пожилыми людьми ценности социального равенства и социальной справедливости во многом совпадают с общероссийским; пожилые люди высказали желание жить в обществе социального равенства и социальной справедливости; с проблемами социального неравенства пожилые люди сталкиваются в сфере здравоохранения и оплаты труда.

Список литературы

1. *Социальная справедливость: как мы ее понимаем* [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2346 от 15.07.2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297>.
2. *Горшков М. К., Андреев А. Л., Вызов Л. Г. и др. Российская идентичность в социологическом измерении : Аналитический доклад* [Электронный ресурс]. М., 2007. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

Информация об авторе

Щанина Екатерина Владимировна, к. с. н., доцент кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, shchanina@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОЕ ГОСУДАРСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН

М. Н. Яковлева

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. На примере российской провинции (Орловская область) мы попытались проследить основные доминанты в сегодняшних представлениях россиян о справедливом государстве. Судя по результатам исследования, проводившегося в 2013 г., в первую очередь, это социальное, правовое государство, безопасное для граждан, основанное на коллективизме, имеющее общенациональные цели, сильное, независимое, динамично развивающееся, демократическое, богатое, культурное.

Ключевые слова: социальная справедливость, пожилые люди, социальное равенство, социальные гарантии, достигительные ценности

В последние 10—15 лет в России заметно актуализировалась проблематика справедливости, о чем свидетельствуют многочисленные научные публикации. Вопросы социальной справедливости артикулируются политиками. И для этого есть основания.

Актуализация проблемы справедливости происходит, как правило, в результате нарастания глубоких социальных противоречий. По данным Института социологии РАН, мечта о справедливом государстве занимает главенствующее место в представлениях россиян о желаемом будущем [1]. В то же время в современной России проблема справедливости фактически не учитывается при принятии решений на уровнях управления государством, экономикой и социумом. Результаты многих исследований социологов свидетельствуют: подавляющее большинство российских граждан уверены, что наше общество устроено несправедливо.

Острота проблемы обусловлена тем, что справедливость — одна из важнейших идей в российской социокультурной модели уже на протяжении многих веков. Несправедливость в России всегда приводила к острому противостоянию общества и государства. Однако поиски путей достижения консенсуса общества и государства наталкивается на многозначность самого понятия «справедливость». Так, ряд исследователей противопоставляет принципы справедливости главенству закона. И как тут не вспомнить типично российскую дилемму: «судить по правде или по закону». Другие полагают, что представления о справедливости разных социальных групп практически полностью исключают друг друга. Однако эти группы являются частью одного и того же общества со вполне опре-

деленной социокультурной моделью, что предполагает хотя бы частичное пересечение этих представлений.

Справедливость всегда является важным элементом общественного консенсуса и имеет конкретно-исторический и конвенциональный характер. В каждый конкретный исторический момент любое общество вырабатывает и поддерживает собственное понимание справедливости. Поэтому при поиске путей достижения консолидации государства и общества важно учитывать весь сплав социокультурных традиций, нормативно-ценностной динамики, а также влияние конкретной социально-политической и социально-экономической ситуации.

В нашем исследовании на примере российской провинции (Орловская область)* мы попытались проследить основные доминанты в сегодняшних представлениях россиян о справедливом государстве. Полученные данные полностью согласуются с результатами других исследований: более половины опрошенных респондентов (53,6%) считают, что современная Россия — государство в той или иной степени несправедливое. И только 16,3% полагают обратное. Оставшиеся 30,1% дают нейтральные оценки.

Но что же вкладывают россияне в понятие справедливого государства? Ответ на этот вопрос дают ранговые оценки корреляций представлений респондентов о степени справедливости сегодняшней России с другими характеристиками государства:

1. социальное;
2. правовое;
3. безопасное для граждан;
4. основанное на коллективизме;
5. имеющее общенациональные цели государство;
6. сильное, независимое;
7. динамично развивающееся, демократическое;
8. богатое;
9. культурное.

Как видно, в первую очередь, это социальное и правовое государство. С одной стороны, здесь можно говорить о потребности в социальной защищенности как необходимом условии справедливого государства. При этом именно недостаток социальных гарантий по таким базовым сферам, как медицинское обслуживание, возможность дать качественное образование детям, обеспечение безопасности, значительно чаще (более 65%) заставляет респондентов оценивать сегодняшнее государство как несправедливое.

В то же время прослеживается потребность и в равенстве всех перед законом как необходимом условии справедливого государства.

* Было опрошено 900 человек взрослого населения в Орловской области в октябре 2013 г.

Действительно, среди тех, кто полагает, что равные права перед законом сегодня в целом соблюдаются, о несправедливости государства говорят только 18,6 %, а как справедливое его оценивают 53,5 %. Напротив, среди тех, кто полагает, что равные права не соблюдаются, подавляющее большинство (68,3 %) оценивают сегодняшнюю Россию как несправедливую и только 4,2 % — как справедливую.

Необходимо отметить особенность взаимосвязи с политическими правами ценности свободы. Традиционно реализация свободы связывается с политическими правами в европейской традиции. Тогда как для большинства россиян свобода, являясь одной из важнейших ценностей (даже выше материального благополучия), воспринимается как «воля», т. е. возможность быть самому себе хозяином [2]. Именно отсутствие ощущения свободы порождает восприятие государства как несправедливого (69 %), и, наоборот, ощущение свободы почти в два раза снижает такое восприятие (38 %). И эта закономерность прослеживается тогда, когда респонденты связывают чувство свободы с возможностью заниматься любимым делом, достаточно зарабатывать, управлять другими людьми и жить, где захотят, т. е. с достижительными ценностями.

Отсюда следуют и представления о власти, которую можно считать своей. Как это ни парадоксально, с представлением о справедливом государстве не связаны запросы к власти по обеспечению социальных гарантий или безопасности. Не важно и то, чтобы власть была избрана именно самими респондентами. Только две позиции имеют значение с точки зрения справедливости — не мешать или проводить политику, способствующую осуществлению жизненных планов людей. И от того, насколько они соответствуют реальности, зависит восприятие государства как справедливого или не справедливого. Таким образом, для россиян справедливое государство — это не столько патерналистское, сколько способствующее самореализации человека и возможности быть себе хозяином. При этом основное требование к государству, как справедливому, — обеспечить для этого условия (образование, медицина, безопасность).

Отчетливо прослеживается и связь представлений о справедливом государстве с традиционными российскими ценностями коллективизма. Для россиян справедливое государство должно иметь общенациональные цели.

Справедливость для россиян важна также как в этическом, так и нравственном контексте. Как несправедливое они воспринимают государство, где активно поощряются такие качества, как умение обходить законы (76,3 %), корыстолюбие и стремление к наживе (74,6 %), наглость и эгоизм (69,2 %), угодить начальству (61,6 %); и не поощряются — образованность

(75%), трудолюбие и профессионализм (71,6%), честность и ответственность (71,9%), творчество и изобретательность (71,2%), свобода мысли (69,9%). Неудивительно, что среди тех, кто не хочет мириться с таким положением дел, отчетливо выражены эмигрантские настроения, как своего рода протест против несправедливого государства: традиционно российское — если не борьба с властью, то стремление к воле. В этом плане их социальное мышление нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на достижениях и вместе с тем просветительских по своему генезису ценностях.

Необходимо подчеркнуть, что во многих исследованиях социальной справедливости это понятие выводят из стратификационных и, прежде всего, экономических различий. Безусловно, здесь прослеживается отчетливая взаимосвязь. Но без учета социокультурных особенностей россиян из этого можно сделать неверные выводы: духовные ценности для россиян все еще важны. И это вселяет надежду, что несмотря на то, что культ материального успеха активно внедрялся в наше общество всю последнюю четверть века, «человек экономический» не победит окончательно, и понятие справедливости не сведется только к взаимовыгодному договору.

Список литературы

1. *О чем мечтают россияне: идеал и реальность* / под общ. ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой. М. : Весь мир, 2013.
2. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)* : Аналитический доклад Института социологии РАН. Подготовлен в сотрудничестве с представительством Фонда им. Фридриха Эберта в России. М., 2011.

Благодарность

Исследование проведено при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 13-23-01009.

Информация об авторе

Яковлева Марина Николаевна, научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, m-m-21-42@mail.ru

10. Исследования с использованием мобильных устройств: методологические вызовы и возможности

ОПЕРАТИВНАЯ БЕЗБУМАЖНАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю. К. Кормушина

MIRACULUM research group, Астрахань, Россия

Аннотация. Применение безбумажных технологий в организации обратной связи от гостей и участников мероприятий и событий обеспечивает серьезные преимущества для конечных потребителей данных. Из перечня технологических исследовательских решений оптимальными для организации обратной связи являются опросы по QR-коду (quick response, «быстрый отклик»). Обозначены методические проблемы применения этого метода; однако опросы по QR-коду в организации обратной связи имеют много преимуществ.

Ключевые слова: безбумажная обратная связь, цифровые технологии, QR-код, технология ближнего поля, методические проблемы

Сегодня включение цифровых, мобильных и on-line технологий в социологические и маркетинговые исследования — одна из наиболее актуальных тенденций развития российского рынка RO&MR. В профессиональном сообществе иницируются тематические дискуссии [1, 2], организуются обучающие семинары и вебинары [3], в научных изданиях публикуются тематические статьи.

Новые исследовательские технологии позволяют повышать качество и разнообразие исследовательских работ до принципиально нового уровня. Этот факт не может не быть привлекательным для реальных и потенциальных заказчиков, что в свою очередь влечет увеличение объемов рынка RO&MR.

Не менее актуальной тенденцией в отрасли маркетинговых исследований сегодня является организация обратной связи, которая становится инструментом оценки удовлетворенности и качества организации гостей и участников мероприятий и событий.

Применение безбумажных технологий в организации обратной связи от гостей и участников мероприятий и событий обеспечивает серьезные преимущества для конечных потребителей данных:

- оперативность процесса сбора и анализа данных;

- отсутствие влияния интервьюера на процесс;
- конфиденциальность сведений об участниках;
- внимательный подход к гостям и участникам мероприятий и событий, что добавляет доверия организатору;
- современный подход, что придает дополнительный PR-эффект событию;
- в случае негативных ситуаций становится неким громоотводом или книгой жалоб для недовольных гостей или участников мероприятий.

Из перечня технологических исследовательских решений оптимальными для организации такой обратной связи являются опросы по QR-коду (quick response, «быстрый отклик») [4].

Процесс опроса по QR-коду (в упрощенном изложении) проводится по схеме:

- размещение маркеров по периметру мероприятия (на стендах, материалах, сувенирной продукции и т. д.);
- информирование и стимулирование гостей и участников оставить отзыв;
- активация гостями и участниками программы для считывания QR-кодов на мобильных устройствах;
- выставление оценок и написание отзывов гостями и участниками;
- получение отчета.

Оперативность, наглядность и объем отчета напрямую зависит от электронного ресурса, на который перемещает QR-код. Среди популярных вариантов ресурсов — ссылка на платформу для онлайн-опросов или перемещение на сайт специализированных систем оценки. Примером такой системы является глобальная система оценки качества QRiteria [6], официально зарегистрированная в Роспатенте [5].

Начало системного использования QR-кодов для организации обратной связи в Астраханской области приходится на 2013 г. В 2015 г. технология была использована при организации обратной связи от гостей и участников ряда региональных и международных событий, в том числе на Астраханской бизнес-премии под эгидой Министерства экономического развития Астраханской области, на Межрегиональном форуме молодежи Юга России «СелиАс-2015».

Основываясь на опыте организаторов обратной связи, можно выделить ряд методических проблем, выявленных в процессе использования технологии.

Во-первых, это скептическое отношение к QR-кодам. По мнению некоторых экспертов, технология QR умирает, на замену ей приходит NFS (Near field communication, технология ближнего поля). С этим утверждением можно поспорить. Возможности NFS предполагают приложение устрой-

ства к маркеру, в то время как QR-коды можно использовать на значительном расстоянии, что в полной мере подходит для организации обратной связи на массовом мероприятии.

Во-вторых, серьезную трудность вызывает вовлечение респондентов в опрос (коррелируется, в том числе, с проблемой, обозначенной выше). Для прохождения опроса на мобильном устройстве у потенциального респондента должна быть установлена программа для считывания QR-кода. Соответственно, при ее отсутствии следует первоначально замотивировать респондента на установку такой программы. Стоит отметить, что, по наблюдениям исполнителей опроса, отсутствие программы для считывания QR-кода характерно в большей степени для регионов, куда мода на QR-коды еще только приходит.

В-третьих, отсутствие бесплатного Wi-Fi на мероприятии снижает активность респондентов. Следовательно, на подготовительном этапе важно рассмотреть возможность установки Wi-Fi роутеров по периметру. Учитывая разнообразие моделей и возможностей современных роутеров, стоимость их установки значительно не повлияет на конечную стоимость опроса. В итоге опрос с применением QR-кода будет на порядок ниже других видов опроса.

В-четвертых, достаточно сложно добыть именно положительный отзыв. Исходя из опыта, более склонны оставить отзыв респонденты, имеющие негативное отношение к мероприятию или событию. Активность негативно настроенных респондентов и низкая степень участия в опросе лояльных или положительно настроенных гостей или участников события искажает итоговые результаты. Здесь важно вести постоянную информационную работу, напоминая всем участникам и гостям мероприятия о возможности оставить отзыв.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на обозначенные методические проблемы, переоценить преимущества использования опросов по QR-коду в организации обратной связи достаточно сложно. Важно на подготовительном этапе принимать во внимание указанные сложности, что в свою очередь положительно повлияет на рост эффективности и качества обратной связи.

Список литературы

1. *VI социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных»* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: http://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/conference2015/ (дата обращения: 25.02.2016).

2. VI Социологическая Грушинская конференция в рамках Российской исследовательской недели (РИН) «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=612> (дата обращения: 25.02.2016).
3. Вебинар «Проблемы перехода и опыт использования планшетов в региональной компании» [Электронный ресурс] // Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89». URL: <http://789.ru/news/13356-tablet.html> (дата обращения: 25.02.2016).
4. Как это работает? QRiteria.ru — глобальная система оценки качества [Электронный ресурс]. URL: <http://qriteria.ru/how-does-it-works/> (дата обращения: 25.02.2016).
5. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института региональной информатизации. URL: http://irinf.ru/wp-content/uploads/2015/07/Роспатент_QRiteria.pdf (дата обращения: 25.02.2016).
6. QRiteria.ru — глобальная система оценки качества [Электронный ресурс]. URL: <http://qriteria.ru/> (дата обращения: 25.02.2016).

Информация об авторе:

Кормушина Юлия Константиновна, социолог, управляющий партнер MIRACULUM research group, Астрахань, Москва, miraculum.rg@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНИЦИИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В СТЕНАХ ВУЗА ПОСРЕДСТВОМ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРА

М. Е. Родионова, Д. В. Шумихин

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Представлен опыт работы бизнес-инкубатора на площадке Финансового университета при Правительстве РФ, наиболее успешные и интересные разработки, имеющие практическую значимость.

Ключевые слова: бизнес-инкубатор, вуз, предпринимательство,

Помимо основной задачи бизнес-инкубатора, заключающейся в формировании у начинающих предпринимателей из числа студентов, аспирантов, молодых специалистов навыков по развитию своей бизнес-идеи и превращению ее в полноценный бизнес-проект, бизнес-инкубатор служит важной составной частью имиджа всего вуза и может в значительной степени влиять на рейтинг вуза, а значит, и на его привлекательность для абитуриента. По информации Forbes, еще в 2010 г. ведущими бизнес-инкубаторами российских вузов являлись площадки МГУ им. М. В. Ломоносова, ГУ ВШЭ, Академии народного хозяйства, РЭУ им. Плеханова. В рейтинг бизнес-инкубаторов Европы по итогам 2015 г. вошли такие российские вузы, как ГУ ВШЭ, Санкт-Петербургский университет ИТМО и др.

Бизнес-инкубатор Финансового университета при Правительстве РФ осуществляет работу со студентами в тесном взаимодействии с группой планирования и организации НИР студентов и аспирантов — для ознакомления со своей деятельностью и привлечения в свои ряды новых резидентов, выстраивает взаимодействие с центром планирования и развития карьеры для привлечения экспертов из реального сектора экономики, проведения мастер-классов и других видов инициатив (часто проводятся совместные мероприятия), — таким образом устанавливается взаимодействие «образование–бизнес–государство».

Немаловажным для продвижения бизнес-инкубатора на площадке вуза является его присутствие на интернет-площадках, в первую очередь, мы имеем в виду такие социальные сети, как vkontakte.ru, facebook.ru и др. Подвергается анализу вопрос продвижения бизнес-инкубатора в европейские рейтинги.

В докладе представлены результаты исследования вовлеченности и мотивации студентов и аспирантов к научной деятельности в вузе,

проведенного через мобильное приложение (авторская разработка руководителя бизнес-инкубатора Финансового университета Дмитрия Шумихина), а также некоторые наиболее успешные и интересные разработки бизнес-инкубатора, имеющие практическую значимость.

Информация об авторах:

Родионова Марина Евгеньевна, к. с. н., доцент кафедры «Прикладная социология», заместитель директора по планированию и организации НИР Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, MERodionova@fa.ru

Шумихин Дмитрий Владимирович, руководитель бизнес-инкубатора Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, DSHumikhin@fa.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ ПО ДАННЫМ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. УФЫ)

В. В. Юмагузин

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Уровень проникновения сотовой связи в России соответствует показателям развитых телекоммуникационных рынков и составляет более 170 %, т. е. на каждых 10 жителей нашей страны приходится почти 17 активных sim-карт. Показано, что данные сотовых операторов могут существенно восполнить пробелы в изучении маятниковой миграции. На основе голосового трафика оператора «большой тройки» приведены оценки числа жителей Республики Башкортостан, которые совершают регулярные поездки на работу и учебу в столицу региона — Уфу. Построена карта передвижений, определены районы-доноры, а также центры притяжения маятниковых мигрантов в столице, рассчитано среднее расстояние их передвижения.

Ключевые слова: маятниковая миграция, сотовая связь,

Актуальность. Число источников данных, с помощью которых можно изучать и оценивать маятниковую миграцию, сильно ограничено. К таким источникам информации можно отнести выборочные обследования, экспертные оценки, нормативные документы, изучение пассажиропотока. С развитием информационных технологий возникают новые потенциальные источники данных о миграции: ГИС-анализ, анализ социальных сетей, анализ данных сотовых операторов [9, 11].

Введение. Проникновение сотовой связи среди населения во всем мире постоянно увеличивается в связи с ростом ее доступности: совершенствуются существующие технологии и появляются новые, позволяющие снижать стоимость услуг и оборудования при повышении качества предоставления [6, 10]. Во втором полугодии 2015 г. число абонентов сотовой связи в России превысило 250 млн уровень проникновения услуг сотовой связи, по данным сотовых операторов, составил около 172 % (табл. 1), по этому показателю Россия находится в ряду наиболее развитых телекоммуникационных рынков мира [6]. В то же время фактический уровень проникновения услуг сотовой связи в 2014 г. оценивался в 75 % и может достигнуть к 2017 г. 79 %[7].

По данным международного аналитического агентства Informa, на конец II квартала 2015 г. распределение абонентской базы в России было следующим: МТС — 74,7 млн, «Мегафон» — 69,9 млн, «ВымпелКом» —

55,9 млн, Теле 2—35,5 млн абонентов [5]. Для изучения маятниковой миграции был выбран город-миллионер Уфа — столица Республики Башкортостан. При отсутствии данных о распределении сотовых операторов в Уфе и Республике Башкортостан была выполнена оценка соответствующей доли на основании данных по Москве и Московской области, где также не был представлен сотовый оператор Теле 2*. На тот момент московский рынок был в равной степени поделен между операторами «большой тройки» (рис. 1) [1]. Можно допустить, что и в других регионах отсутствие Теле 2 и распределение «большой тройки» являются равномерными.

Таблица 1. Абонентская база и уровень проникновения услуг сотовой связи в России на конец квартала, 2014—2015 гг.

Дата	Абонентская база, чел.	Проникновение, %
31.12.2014	245 347 439	168
31.03.2015	242 720 422	166
30.06.2015	247007051	169
30.09.2015	253691040	173
31.12.2015	251225834	172

Источник: [5].

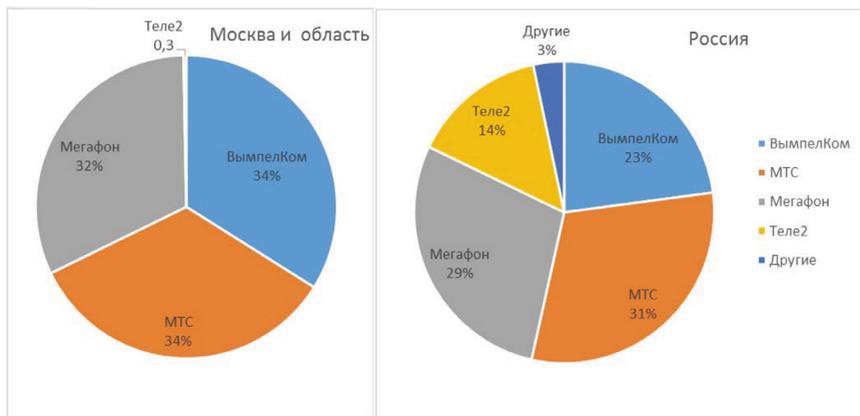

Рисунок 1. Распределение абонентской базы в Москве и в России в конце II квартала 2015 г. [1, 2]

* Компания Теле 2 владеет CDMA-оператором Skylink, у которого есть абоненты в Москве [1]; выход на московский рынок самого оператора Теле 2 состоялся 22 октября 2015 г.

Методы. Использованы данные о голосовом трафике за 10 дней — с 13 по 22 апреля 2015 г. по данным одного из операторов «большой тройки». Данный период является типичным, поскольку не включает праздники, период школьных каникул, которые оказывают влияние на рабочий и учебный ритм населения региона. В выборку включены люди, которые совершали звонки на территории Республики Башкортостан и Уфы с 11:00 до 18:00 (дневное время) и с 20:00 до 08:00 (ночное время). Географическое место работы/учебы определено как среднее арифметическое из координат базовых станций, через которые совершены звонки в дневное время, соответственно, место проживания определено как среднее арифметическое из координат базовых станций, через которые совершены звонки в ночное время. Если человек звонил в городе и за его пределами как днем, так и ночью, за место работы и проживания было принято то, где было совершено больше звонков.

Для выбора регулярных поездок было добавлено условие, что в течение рассматриваемого периода человеком совершено не менее 2 поездок, в которых он звонил в Уфе и за пределами столицы. Полученные данные о численности мигрантов по одному оператору умножены на 3 для оценки общей численности маятниковых мигрантов.

Ограничения. Учтена активность по sim-картам; в то же время на одного человека может приходиться более одной sim-карты: это может быть телефонный аппарат, поддерживающий 2 sim-карты, а также второй телефонный аппарат или другое мобильное устройство, используемое для совершения голосовых вызовов. Кроме того, в работе использованы данные только одного сотового оператора.

Результаты. Сформирована выборка из маятниковых мигрантов Уфы. На рис. 2 представлены маршруты мигрантов, которые совершали 2 и более поездок в течение 10 дней в столицу, по данным одного оператора сотовой связи. При этом указаны только те маршруты, по которым едут 3 человека и более; чем ярче линия, тем больше людей едут таким путем. При предположении, что доля оператора на рынке составляет треть от всей абонентской базы, общая численность маятниковых мигрантов, направляющихся в Уфу, может быть оценена в 45 тыс. человек. Таким образом, доля маятниковых мигрантов составила около 4,5 % от численности абонентов Уфы, полученные значения оказались почти в 2 раза ниже, чем по оценкам других исследований [8]. Возможно, требуется внесение поправок в методику сбора данных. Однако полученная география поездок выглядит достаточно правдоподобной. Основные районы-доноры столицы — это города и центры районов, особенно близлежащие — пгт Чишмы, с. Иглино, г. Благовещенск. Основной центр притяжения — историческая часть города с множеством государственных и частных

организаций, университетами; второй центр — северная часть города с большим числом промышленных предприятий. Среднее расстояние, которое преодолевает маятниковый мигрант — 39 км по прямой линии, медианная величина — 23 км. Максимальное расстояние — 353 км и соответствует маршруту село Акъяр, Хайбуллинский район (юго-восток республики) — Уфа.

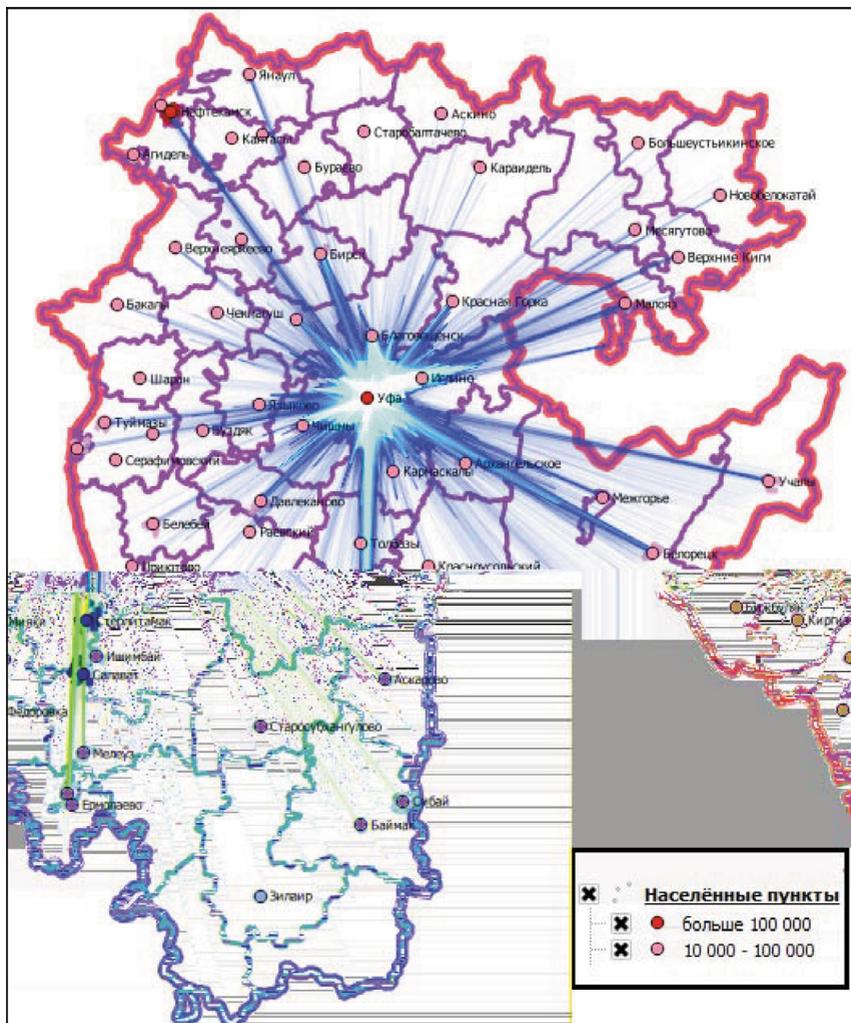

Рисунок 2. География поездок маятниковых мигрантов г. Уфы по данным оператора «большой тройки» при условии 3 и более человек с одинаковым маршрутом

Если же увеличить порог двигающихся мигрантов с 3 до 10 и более людей, дальние территории выпадут из анализа (рис. 3). Это лишний раз подтверждает один из законов миграции Э. Равенштайна, который еще в 1885 г. писал о том, что «большинство мигрантов переезжает на короткие расстояния» [12, цит. по: 3]. Среднее расстояние передвижений, как и медиана, в таком случае составит 14 км, а наибольшее расстояние — 40 км.

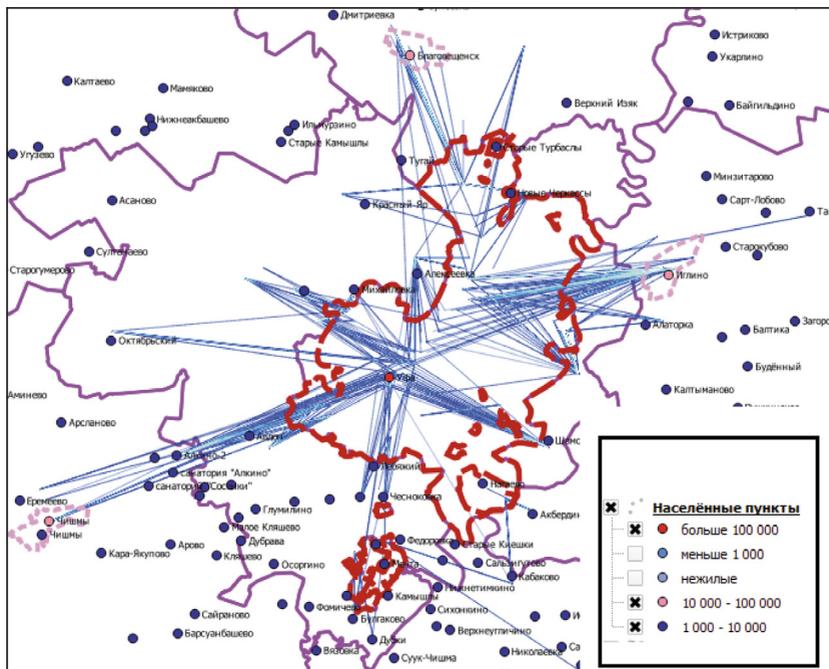

Рисунок 3. География поездок маятниковых мигрантов г. Уфы по данным оператора «большой тройки» при условии 10 и более человек с одинаковым маршрутом

Дальнейшее исследование предполагает использование данных по другим регионам страны, включение в выборку людей, которые помимо голосового трафика используют интернет трафик, а также устранение ограничивающих исследование факторов. К сожалению, нарисовать демографический портрет мигранта (например, в разрезе пола, возраста) достаточно сложно, из-за того что данные оператора далеко не всегда соответствуют реальному пользователю услуг. Однако можно обрисовать экономическое поведение и проверить различные экономические теории миграции [3].

Список литературы

1. Акимов В. «Большая тройка» не боится выхода Tele2 в Москву [Электронный ресурс] // РБК. 21.12.2014. URL: http://www.rbc.ru/ins/technology_and_media/21/12/2014/54945cf09a794798c366aff.
2. Беляев Б. Количество активных sim-карт в Москве увеличилось во втором квартале 2015 года [Электронный ресурс] // ICT-ONLINE, 15.09.2015. URL: <http://ict-online.ru/analytics/a121856>.
3. Винник М. В., Абылкаликов С. И. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 1—19.
4. Годовой отчет МТС за 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.report2014.mts.ru/ru/pdf/mts-ar-2014-ru-interactive.pdf>.
5. Ежеквартальный отчет ПАО «Вымпел-Коммуникации» за IV квартал 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.beeline.ru/upload/images/qr0415.rtf>.
6. Ежеквартальный отчет ПАО «Мобильные ТелеСистемы» за II квартал 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://static02.mts.ru/uploadmsk/contents/1762/rep_0215.pdf.
7. Зубарев А. Е., Перевозникова М. В. Обзор рынка услуг сотовой связи России [Электронный ресурс] // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 3(36). URL: <http://pnu.edu.ru/vestnik/pub/articles/2139/>.
8. Наумов И. Большой пылесос Нижний Новгород [Электронный ресурс] // Независимая газета. 06.07.2012. URL: http://www.ng.ru/economics/2012-07-06/1_nn.html.
9. Развитие Москвы будет основываться на геоданных [Электронный ресурс] / Департамент информационных технологий города Москвы. URL: <http://dit.mos.ru/presscenter/news/detail/1962251.html>.
10. Фомина Т. А. Анализ рынка операторов сотовой связи // Молодой ученый. 2014. № 18. С. 466—468.
11. Шитова Ю., Шитов Ю. Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 569—570. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0569/tema01.php>.
12. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. Vol. 46. P. 167—235.

Информация об авторе:

Юмагузин Валерий Валерьевич, к. с. н., младший научный сотрудник Института демографии Национального исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vyumaguzin@hse.ru

11. Исследования рынка исследований. Сапожники с сапогами

ОТРАСЛЕВАЯ ПРЕМИЯ «КУБОК 7/89»

А. В. Благодарова

Исследовательская компания «КомСар», Саратов, Россия

Ключевые слова: профессиональная оценка, рейтинг исследовательских компаний,

У респондентов не так много профессиональных оценок в области маркетинговых и социологических исследований. Существуют:

- рейтинг исследовательских компаний (РИК) — оценка исследовательских компаний федерального уровня по технологическому, кадровому, символическому, организационному, и финансово-экономическому ресурсу;
- «звездочки» «Циркона» — оценка полевых исполнителей. Если компания упомянута в качестве надежной и рекомендуемой, она получает 1—3 звездочки в базе исполнителей на портале sociologos.ru.

Ассоциация 7/89 учредила еще одну систему профессионального признания — премию за лучший проект года в области прикладных социологических и маркетинговых исследований — «Кубок 7/89».

В пилотном варианте конкурс прошел на очередной встрече Ассоциации в Ростове-на-Дону в 2013 г. В 2014 г. разработан регламентирующий документ — Положение о конкурсе. Определены этапы, критерии оценки работ и номинации, согласован принцип работы и состав отборочной комиссии и жюри.

Конкурсы 2014 и 2015 гг. были полностью заочными.

Критерии оценки и номинации:

1. Актуальность проекта для социологической науки, исследовательской практики или общественной жизни страны и региона.

2. Использование опыта и информации для постановки проблемы и анализа проблемной ситуации.

3. Использование инновационных методических, методологических, организационных подходов.

4. Соответствие использованных методов сбора и анализа информации цели исследования, адекватность инструмента и качество его использования.

5. Возможность тиражирования и масштабирования проекта.

В номинации «Проект года» побеждает проект, набравший наибольшую интегральную оценку по ВСЕМ пяти критериям.

«За актуальность» награждается проект, который получил максимальную суммарную оценку по критериям «актуальность» и «возможность тиражирования». Кубок «За верность традициям» получает проект с максимальной оценкой по критериям «использование опыта для постановки проблемы» и «возможность тиражирования, масштабирования проекта».

В номинации «За исследовательскую смелость» побеждает проект с наибольшей суммарной оценкой по критериям «инновационность» и «адекватность инструмента».

Победители 2014—2015 гг.:

ПРОЕКТ ГОДА 2014 — «Социологический анализ опыта использования современных технологий электронной демократии».

Кубки «ЗА АКТУАЛЬНОСТЬ» получили одновременно 2 проекта: «Разработка и апробация методики среднесрочного прогнозирования кадровых потребностей экономики региона», а также «Изучение проблем инвалидов по слуху в Саратовской области».

«ЗА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ СМЕЛОСТЬ» — «Анализ социально-психологического климата и лояльности предприятия».

«ЗА ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ» получил проект — «Портрет современного российского врача».

ПРОЕКТ ГОДА 2015 — «Образ волжских городов в массовом сознании их жителей».

«ЗА АКТУАЛЬНОСТЬ» — «Наблюдения интервьюеров как зеркало опросов».

«ЗА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ СМЕЛОСТЬ» — «Экономические стратегии жителей Байкальска».

«ЗА ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ» — «Применение модели KPI Tree для прогнозирования динамики коммерческих индексов».

«ОСОБАЯ ОТМЕТКА» — «Когда вам за 80: возможности, потребности и самочувствие».

Объективные трудности:

1. Мало проектов сферы маркетинговых исследований.
2. Конфиденциальность результатов исследований маркетинговой сферы.
3. Существенная разница уровня работ компаний регионального и федерального масштаба.
4. Длительный этап отбора и оценки.
5. Сложности заочных коммуникаций.

Уникальность премии КУБОК 7/89:

1. Признание заслуг за уже сделанную работу.
 2. Единственная на данный момент премия профессионалов для профессионалов.
 3. Это жизнь исследования после исследования, теме которой посвящена Грушинская конференция 2016 г.
- Предполагается, что ближайший Кубок 7/89 будет запущен осенью 2016 г.

Информация об авторе:

Благодарова Анна Васильевна, директор Исследовательской компании «КомСар», Саратов, Россия, director@comsar.ru

СОЦИАЛЬНАЯ УКОРЕНЕННОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. С. Добрякова, З. В. Котельникова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. При подготовке стратегических документов, описывающих приоритеты развития науки и технологий, часто недооценивается роль социального контекста научно-технологических разработок. В статье рассматриваются возможности социальных наук для более глубокого контекстного анализа при формулировании приоритетов и, как следствие, повышения эффективности внедрения перспективных технологий. Методологической основой анализа послужила концепция социального конструирования технологий (SCOT).

Ключевые слова: внедрение технологий, социальная укорененность, контекстный анализ, социальное конструирование технологий

В качестве наглядного примера стратегического документа, определяющего приоритеты разработок в сфере науки и технологий, выбран перечень критических технологий Российской Федерации. Авторами выделены разработки с наиболее высоким потенциалом социальной укорененности, реализовать которые в полной мере позволит лишь понимание сопряженных с ними социальных отношений. Они делятся на четыре группы (кластера): биомедицина и здоровье, энергетика, экология, транспорт. Для каждого кластера обозначены социальные группы, которые окажутся затронутыми соответствующими технологиями, возможные противоречия в их интересах и форматы взаимодействия. Показаны направления социологических исследований, позволяющие глубже понять актуальный контекст, в рамках которого будут создаваться и внедряться новые технологии, чтобы оптимизировать усилия по их распространению.

Авторы приходят к выводу, что многие перспективные технологии, имеющие материальную форму, окажутся более эффективными, если их внедрение и, возможно, элементы разработки будут сопровождаться (а в ряде случаев и предваряться) результатами соответствующих исследований в области гуманитарных и социальных наук. В этом смысле предлагается ввести в оборот понятие «социальной укорененности технологий» и учитывать его как значимый фактор, служащий залогом успешности внедрения, а порой — и самой конфигурации технологии.

Информация об авторе:

Добрякова Мария Сергеевна, к. с. н., заведующий отделом социологических исследований Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Москва, Россия, mdobryakova@hse.ru

Котельникова Зоя Владиславовна, к. с. н., старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, Москва, Россия, kotelnikova@hse.ru

ИНДУСТРИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ-2025: РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРСАЙТ-СЕССИИ

Е. Г. Климанова

Маркетинговое агентство «Делфи», Омск, Россия

Аннотация. Представлен обзор форсайт-сессии «Индустрия маркетинговых исследований-2025», состоявшейся в Омске по инициативе маркетингового агентства «Делфи», в рамках Конгресса NRV, и объединившей более 50 руководителей и специалистов федеральных и региональных исследовательских компаний, а также экспертов из смежных отраслей. Были проанализированы основные тренды, которые будут оказывать влияние на индустрию маркетинговых исследований. Также участниками был предложен ряд идей продуктов и услуг.

Ключевые слова: маркетинговые исследования, рынок исследований, форсайт-сессия, драйверы изменений, рынок данных, тренды

По мнению участников форсайт-сессии, проведенной в Омске, основными драйверами изменений на рынке в последние 3 года являются новые требования клиентов и активное развитие технологий. Ключевые новые требования к исследователям со стороны клиентов: повышение качества аналитики (в том числе переход к аналитике данных в реальном времени, предсказывающим моделям и анализу множественных источников данных), а также повышение качества представления данных (инфографика, дэшборды).

Ответом российских исследовательских компаний на эти изменения становится построение внутриотраслевых и межотраслевых альянсов с целью аутсорсинга недостающих компетенций. В то же время значительная часть участников осваивает новые компетенции в рамках своей компании.

Ключевым внутриотраслевым трендом участники сессии признали постепенный переход от опоры только на «поле» к опоре на «рынок данных» в широком понимании: данные социальных медиа, данные, собираемые онлайн (онлайн-опросы, MROC, click stream), данные с устройств (смартфоны, носимая электроника).

Среди технологий, которые в ближайшее время уйдут с рынка, участники выделили традиционные опросы по бумажным анкетам (PAPI), квартирные опросы, «длинные анкеты», а также телефонные опросы (CATI). Меньшинство ожидает снижения значимости качественных методов.

20% участников сессии выразили мнение, что скорость трансформации индустрии преувеличена и традиционные подходы, по крайней мере, на региональных рынках исследований, будут оставаться актуальными.

Между тем происходящие технологически сдвиги, в первую очередь Big data и нейромаркетинг, все еще требуют дополнительного осмысления. Если сравнить восприятие участников сессии с данными, полученными в ходе глобального опроса представителей исследовательской индустрии GRIT 2015, можно заметить, что вопросы, стоящие перед индустрией в нашей стране, находятся в русле общемировых тенденций.

Таблица 1. Какие изменения на рынке маркетинговых исследований сегодня наименее понятны (требуют дополнительного осмысления)

Индустрия МИ в РФ	Индустрия МИ в мире (GRIT 2015)
Big Data	Биометрия/нейромаркетинг
Нейромаркетинг	Способы совместного использования Big Data (поведение в Интернете) и Small Data (данные офлайн-исследований)
Изменения потребностей и поведения клиентов	Наиболее эффективные подходы в мобильных исследованиях
Применение онлайн-инструментов	Способы встраивания новых подходов в текущие исследования и в существующие бюджеты

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие тренды будут оказывать наибольшее влияние на индустрию маркетинговых исследований в ближайшие 10 лет?», %

Тезисы, выдвинутые участниками сессии, подтверждаются опросом ведущих отраслевых экспертов, проведенным в преддверии сессии.

По устойчивости лидирует группа трендов: «Изменения в области сбора и хранения данных» («social media analytics, онлайн и мобильные панели, click stream, поведенческая аналитика, Wi-Fi и видеоаналитика, микс — использование данных различной природы», «использование Big Data как доминирующего источника данных», «геймификация», «распространение технологий M2M и интернета вещей для сбора данных», «распространение крауд-технологий») со средней оценкой 5,9 (из 7 возможных). На втором месте расположилась группа «Изменения в области анализа данных» — 5,7 («Переход от сбора данных (технологические автоматизируемые задачи) к инсайтам и аналитике, рост ценности последних», «Трансформация «продуктовых» рынков в рынки решений «обесценивает» одномодальные исследования рынка («просто» статистика) и повышает ценность комплексных исследований, объединяющих статистику и поведенческие исследования»). Наименее устойчивой признана группа трендов в области «Изменения поведения клиентов» — 5,2 («Создание и развитие собственных исследовательских подразделений, лабораторий, в том числе через покупку инновационных компаний с собственными разработками и приложениями», «Коммодитизация маркетинговых исследований: стандартизация и возможность делать исследования каждому самостоятельно», «Упрощение представления информации для клиентов»).

Ключевыми факторами, которые будут определять развитие индустрии в ближайшие 10 лет, по мнению экспертов, станут: уровень конкуренции на клиентских рынках, уровень конкуренции со стороны альтернативных поставщиков данных и, в меньшей степени, скорость интеграции технологий в повседневные практики и уровень геополитической напряженности.

Среди основных особенностей исследовательской индустрии в РФ эксперты выделили дефицит квалифицированных кадров и низкий уровень образовательных программ, а также высокий уровень зависимости от международных компаний. В качестве положительной стороны была отмечена высокая квалификация отечественных IT-специалистов.

Работая в группах, участники выделили несколько десятков трендов, которые могут оказать влияние на развитие индустрии и определили их последствия (тренды прорабатывались в четырех измерениях: политическом, экономическом, технологическом и социально-демографическом). Наиболее значимые тренды и их последствия были сведены в общую карту времени.

Политические тренды:

1. рост геополитической напряженности;
2. развитие ЕАЭС;

3. усиление роли государства в экономике РФ;
4. более широкое понимание сути research и необходимости использования среди государственных структур (выделено экспертами).

Экономические тренды:

1. рост значимости внутриотраслевой и межотраслевой кооперации (в том числе, альянсов);
2. повышение востребованности аутсорсинга маркетинга;
3. активная автоматизация бизнес-процессов;
4. развитие цифровых носителей рекламы (выделено экспертами);
5. глобализация, ускорение и упрощение общения за счет совершенствования онлайн- аудио- и текстовых переводчиков (выделено экспертами).

Социально-демографические тренды:

1. расширение границ активной потребительской жизни;
2. задержка взросления (рост инфантилизма в обществе);
3. рост мобильности населения;
4. рост индивидуализации (мозаичность) — общее ослабление социальных связей;
5. рост значимости групповых интересов (национальных, религиозных, гендерных ит.п.);
6. деградация культуры восприятия текста и сложной информации (выделено экспертами).

Технологические тренды:

1. рост влияния новых технологий (3D-printing, расширенная и виртуальная реальность, нейротехнологии);
2. экспоненциальный рост количества данных, в том числе в формате Open Data;
3. рост проникновения смартфонов (выделено экспертами);
4. развитие коробочных решений; возможность компаниям самостоятельно проводить исследования, которые ранее заказывали агентствам (выделено экспертами).

Анализируя последствия данных трендов, участники выделили угрозы, технологии и перспективные исследовательские продукты:

1. В качестве наиболее значимой угрозы были названы риски, связанные с использованием персональных данных.
2. Наиболее значимой технологией был признан сбор данных о поведении потребителей с использованием данных умных устройств, в том числе мобильных гаджетов и носимой электроники.

3. Наиболее значимым подходом в области проектирования перспективных товаров и услуг был назван «Конструктор», т. е. возможность гибко конфигурировать способ решения задачи клиента, с целью достижения максимальной эффективности в условиях конкретного проекта.

Дополнительно были предложены идеи технологий, продуктов и форматов внутриотраслевого взаимодействия, которые были признаны участниками перспективными в краткосрочном и среднесрочном горизонтах:

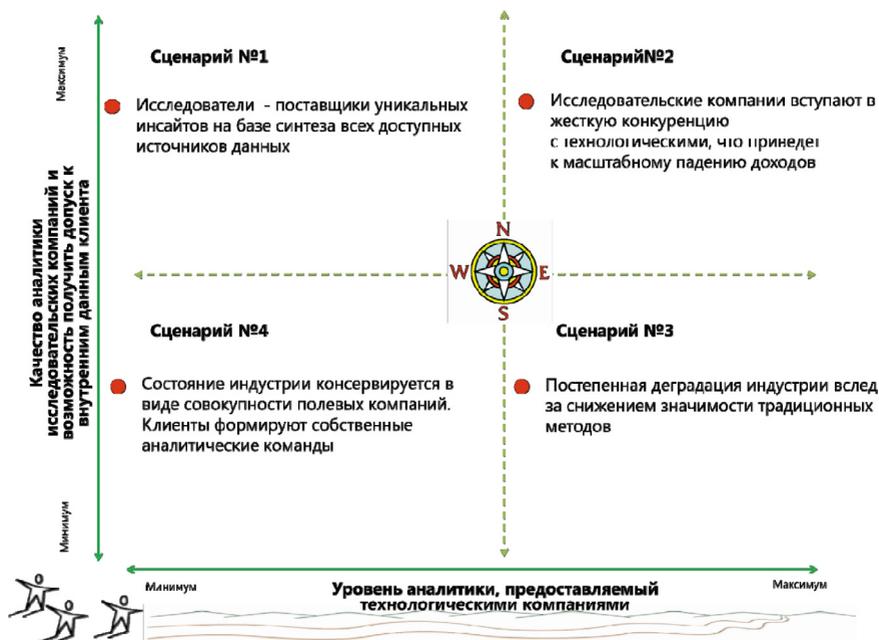
1. Data Fusion (фактическое поведение и опросы);
2. наблюдение за потребителем в реальном времени с помощью данных устройств (смартфоны, носимая электроника);
3. контекстная методология инструментария (адаптируется под группы и особенности личности респондента);
4. межорганизационные информационные сети (ИТ-системы, позволяющие обеспечивать взаимодействие участников отрасли маркетинговых исследований);
5. публичное образование в области маркетинговых исследований (возможно в рамках существующих платформ).

В ходе сессии участникам не удалось прийти к единому видению сценарного пространства, наиболее перспективными факторами для формирования сценарного пространства были признаны:

1. Насколько интенсивным будет укрупнение на исследовательском рынке за счет слияний и поглощений?
2. Будут ли аналитика и синтез данных из различных источников сосредотачиваться внутри компаний-клиентов?
3. Насколько интенсивно исследовательские компании будут развивать консалтинговые услуги?
4. Насколько глубокой будет специализация на исследовательском рынке (по индустриям и субсегментам)?
5. Что для клиентов окажется важнее: скорость получения данных или глубина анализа?
6. Кто будет основным заказчиком маркетинговых исследований внутри компаний: бренд-менеджер или отдел продаж?

Аналитики МА «Делфи» по итогам обработки материалов предложили свою версию возможного сценарного пространства развития индустрии маркетинговых исследований. В качестве показателей, формирующих оси сценарного пространства были выбраны уровень исследовательского продукта, предоставляемый технологическими компаниями», а также качество аналитики исследовательских компаний и возможность получить доступ к внутренним данным клиента.

Индустрия маркетинговых исследований. Возможные сценарии развития

Сессия стала первым шагом в рамках форсайт-исследования «Индустрия маркетинговых исследований-2025», которое было решено продолжить другими исследовательскими инструментами и формами работы нашего сообщества. На ближайших этапах будут проработаны продукты, технологии и компетенции, актуальные для наиболее привлекательных сценариев. Новости о мероприятиях в рамках форсайта можно всегда найти на сайте Конгресса NRV www.new-rv.ru.

Информация об авторе:

Климанова Евгения Геннадиевна, ген. директор Маркетингового агентства «Делфи», Омск, Россия, jane@delfi2000.ru

РЫНОК СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНИЦИАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. К. Кормушина

MIRACULUM research group, Астрахань, Россия

Аннотация. С целью получения практической информации, необходимой для характеристики ситуации на рынке социологических и маркетинговых исследований Астраханской области, и выявления основных тенденций развития регионального рынка, в феврале-марте 2016 г. проводилось инициативное исследование «Рынок социологических и маркетинговых исследований Астраханской области». Рынок сформирован, в регионе заказывают исследовательские проекты местные органы власти через тендеры и заключение государственных контрактов, а также федеральные компании. Участниками опроса обозначены основные проблемы и потенциал для роста.

Ключевые слова: маркетинговые исследования, социологические исследования, рынок исследований, региональный рынок

Исследовательская отрасль public opinion & market research в Астраханской области за более чем 20 лет прошла серьезный путь от первых единичных социологических центров до сформировавшегося рынка социологических и маркетинговых исследований. Сегодня региональный рынок представлен широким перечнем разноплановых участников. Это и компании смежных отраслей (реклама, PR, promotion, event, consulting, media и др.), и представители академической среды, выполняющие исследования на заказ, и компании, специализирующиеся исключительно на социологических и маркетинговых исследованиях, число которых заметно возросло за последние пять лет. Стоит отметить, несмотря на очевидный рост и разнообразие регионального рынка PO&MR, на сегодняшний день не известны попытки его комплексного изучения «внутри» (местными специалистами), результаты которого были бы открыты для социологического сообщества. В тоже время, уже не первый год предпринимаются попытки изучения астраханского рынка социологических и маркетинговых исследований извне — через призму инициативного исследовательского проекта Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89» [4].

Таким образом, рост количества исследовательских компаний, отсутствие комплексного изучения рынка внутри региона, а также недостаток

информации о результатах изучения рынков PO&MR в других регионах РФ в открытом доступе обуславливают актуальность изучения астраханского рынка социологических и маркетинговых исследований.

В этой связи в феврале-марте 2016 г. в Астраханской области проводилось инициативное исследование «Рынок социологических и маркетинговых исследований Астраханской области». Целью исследования стало получение практической информации, необходимой для характеристики ситуации на рынке социологических и маркетинговых исследований Астраханской области, и выявления основных тенденций развития регионального рынка.

На дизайн исследования во многом повлияли идея и структура исследовательского проекта «Тенденции развития и институционализации отрасли социологических и маркетинговых исследований в современной России», реализованного в 2013 г. Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» в рамках гранта Института общественного проектирования [6], но задачи были скорректированы с учетом актуальной ситуации и местных реалий.

В качестве метода исследования был выбран онлайн-опрос (на платформе Google Forms), а источниками для определения конкретных участников исследования стали справочник 2gis [5], базы исполнителей на портале российской прикладной социологии [1].

В итоге в выборку попали:

- 8 компаний Астраханской области, специализирующиеся на проведении маркетинговых/социологических исследований (прямые участники рынка);
- 30 компаний Астраханской области, оказывающих услуги по проведению маркетинговых/социологических исследований (косвенные участники рынка).

В опросе приняли участие только 24 % отобранных компаний, из них 89 % — это прямые участники рынка, а 11 % — косвенные игроки.

Основываясь на полученных данных, оборот компаний-участников опроса в 2015 г. варьируется в диапазоне от 3 до 10,5 млн рублей. Доля работ по направлению PO&MR в обороте составляет от 51 до 100 %, что в денежном выражении равно от 3 до 8,85 млн рублей.

Чаще всего компании-участники опроса указывают, что в штате сотрудников на постоянной основе работает от 1 до 3 человек (56 %), а на непостоянной — от 20 до 50 сотрудников (33 %).

Опрос уличный и опрос поквартирный чаще всего указывается в качестве основных методов работы. Также компании-участники опроса проводят опросы целевых групп, глубинные интервью, экспертные интервью, фокус-группы. Реже всего опрошенные выбирают опросы по Wi-Fi-зонам, опросы по QR-коду, холл-тест и хоум-тест.

Среди технических и технологических возможностей почти 70% участников опроса обладают программами для статистической обработки данных. Также в арсенале компаний компьютеры-планшеты, программное обеспечение для автоматизации «поля».

Среди основных заказчиков участники опроса чаще всего называют федеральные исследовательские компании, но разнообразия в заказчиках больше на местном уровне — это и представители органов власти (13,8%), представители малого и среднего бизнеса (7,9%), и представители исследовательских компаний, научной среды, общественных организаций, крупного бизнеса.

Говоря о конкретных исследовательских компаниях, участники опроса чаще всего называют Всероссийский центр изучения общественного мнения — каждый второй работал с компанией в разные периоды. ВЦИОМ также лидирует в рейтинге «любимых» заказчиков. Вторая исследовательская компания по частоте заказов в регионе — Romir — более 40% работали с компанией в разные периоды. Она же занимает второе место в рейтинге «любимых» заказчиков.

Периодически заказчиками в регионе выступают компании из других субъектов РФ — ЦСМИ «Аналитик» (Волгоградская область), «МедиаФакт» (Воронежская область), Южно-российский исследовательский центр «Фактор» (Ростовская область). Стоит также отметить, что некоторые местные компании — участники опроса также проводят опросы в других регионах — в Республике Калмыкия, Волгоградской, Воронежской областях.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Рынок социологических и маркетинговых исследований в Астраханской области сформирован — в регионе есть как реально действующие сугубо исследовательские компании, так и компании из смежных отраслей, осуществляющие различные виды исследовательских работ; ведущие университеты региона готовят профильных специалистов; в регионе заказывают исследовательские проекты как местные заказчики (в том числе и органы власти через тендеры и заключение государственных контрактов), так и федеральные компании.

2. Регистрируется весьма скептическое отношение компаний-участников рынка как к исследованию, так и ко всему рынку в целом. В основном, исследования рассматриваются не как самостоятельная отрасль, а как сопроводительная деятельность к рекламе, PR, promotion, event, consulting, media. Ко всему прочему, зафиксированы пожелания некоторых участников рынка оплатить участие в опросе.

3. При первоначальном анализе возможных игроков выявлялись так называемые «серые» игроки, осуществляющие разные виды исследо-

вательских работ, при этом никак не зафиксированные в профильных справочниках, базах данных, не проявляющие актуальную активность в Интернете. При попытках их рекрута не было получено никакой обратной связи.

4. Местные компании поддерживают федеральный тренд на внедрение мобильных технологий в работу. В арсенале некоторых игроков местного рынка фиксируются технологические и технические исследовательские возможности, в том числе компьютеры и планшеты 10'1, технологические решения для проведения безбумажных опросов.

5. Местные компании в большей степени ориентированы на исполнение полевых проектов по заказу крупных исследовательских компаний, нежели на проведение исследований полного цикла напрямую для заказчиков. Такой тренд во многом обусловлен несерьезным отношением местных заказчиков к исследованиям в целом.

Среди основных проблем, отмеченных участниками опроса, можно выделить:

1. Общий экономический спад и, как следствие, снижение затрат государственных и частных компаний на социологические и маркетинговые исследования.
2. Нехватка квалифицированных кадров, как интервьюеров, так и аналитиков (несмотря на ежегодный выпуск специалистов в ведущих вузах региона).
3. Демпинг цен за счет понижения качества работ и привлечения малоквалифицированных кадров.
4. Снижение доверия к качеству исследований по причине действий недобросовестных игроков (в том числе, неоднозначные действия на госторгах).
5. Снижение количества заказов на поквартирный опрос от федеральных заказчиков.

В заключение стоит отметить, что, помимо проблем, участниками опроса были также обозначены потенциалы для роста: переход федеральных компаний на планшетные опросы; рост исследований методом «Тайный покупатель»; повышение спроса на электоральные исследования в связи с выборами; актуализация запроса на качественную аналитику; движение к исследованиям без интервьюера.

Список литературы

1. *Исполнители* (база данных «Социологические центры России»). Раздел «Астраханская область» [Электронный ресурс] // Портал российской прикладной социологии. URL: http://www.sociologos.ru/ispolniteli_/ispolniteli_rasshirennyj_poisk/?region_id=33 (дата обращения: 25.02.2016).

2. *Официальная группа MIRACULUM research group* [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/miraculum_research_group (дата обращения: 29.02.2016).
3. *Официальный сайт Российской исследовательской недели* [Электронный ресурс]. URL: <http://researchweek.ru/> (дата обращения: 25.02.2016).
4. *Рейтинг исследовательских компаний* [Электронный ресурс] // Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89». URL: <http://789.ru/projects/rik.html> (дата обращения — 25.02.2016).
5. *Справочник 2gis (Астрахань)* [Электронный ресурс]. URL: <http://2gis.ru/as-trakhan?queryState=center%2F47.80014%2C46.461039%2Fzoom%2F11> (дата обращения: 25.02.2016).
6. *Тенденции развития и институционализации отрасли социологических и маркетинговых исследований в современной России: Отчет по итогам VI Конкурса «Проблемы развития современного российского общества» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 03.05.2012 № 216-рп)* [Электронный ресурс] // Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89». URL: <http://789.ru/files/2013-inop-report.pdf> (дата обращения: 25.02.2016).

Информация об авторе:

Кормушина Юлия Константиновна, социолог, управляющий партнер MIRACULUM research group, Астрахань, Москва, miraculum.rg@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В ОБРАЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ПСКОВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Е. А. Мануйлова

Репетиторский центр «Результат», Псков, Россия

Аннотация. На пути воспитания ребенку необходимо указать грань между свободой и ответственностью, свободой и послушанием, научить пользоваться свободой и выбирать адекватную линию поведения. Показать, что истинная свобода не может быть без элементов послушания.

Ключевые слова: образование, семья, послушание, свобода, самостоятельность, социальный контроль

Экология духа и совести в России — это проблемы национальной безопасности и возрождения России. В условиях доминирования экономических ценностей наш мир все более дегуманизируется. Обнаруживаются проблемы:

- обогащение интеллекта человека и разрушение его духовного дома, средоточием которого является сердце;
- потеря религиозного мирозерцания человеком, следствием которой является разорванное сознание, направленное на расчеловечивание человека.

Цель представленного материала — определить: 1) почему человек в современных реалиях бытия утратил свою цельность, стержень; 2) каковы вызовы современности и стратегии выживания; 3) какое место отводится послушанию как возможности социального контроля в мире, где культивируются позитивистские ценности и господствуют идеи прагматизма; 4) почему ответственный, послушный, дисциплинированный гражданин противопоставляется активному и инициативному; 5) какова роль учителя-духовеста на пути воспитания сердца ребенка в послушании.

Выявив общее и особенное в категориях «сердце» и «послушание», методах и средствах воспитания послушания, мы предприняли попытку показать возможности субъектов образовательного процесса, в том числе и «учителя-духовеста» в их корректном использовании. В исследовании и интерпретации результатов мы использовали и качественные методы.

Определим содержание рассматриваемых категорий:

1. «Сердце» — синоним души, источник духовности, категория, определяющая состояние внутренней жизни человека, основная категория антропологии.

2. «Послушание» в светском аспекте — авторитет родителей и учителя; требование, убеждение, приказание, совет; готовность и привычка повиноваться старшим; действия, которые соответствуют правилам или указаниям; синоним уступчивости; возможность овладевать своим поведением на основе внутриличностного отношения с самим собой, форма дисциплинированности.

3. «Послушание» в православном аспекте — авторитет Бога; священника; выполнение требования, приказания, совета; готовность и привычка повиноваться старшим, уступчивость; добровольное принятие; начало аскетического подвига, **послушание духовному отцу**; дар слушания, и не только умом, но всем существом, открытым сердцем (умение прислушиваться); сопричастность; свободное волеизъявление; **послушание ближнему**.

Учитель-духовест открывает путь к свету познания, не только образует, выполняя функции педагога-менеджера (организатора воспитательного процесса), но несет просвещение через свою личность, «зажигая» сердце ребенка. Ввиду, того, что педагогика XIX в. выросла из православной педагогики и христианской антропологии, именно из традиции православной религиозной культуры Руси родилась идея учителя-духовеста. Испокон веков на Руси уделялось большое внимание духовно-нравственному возрастанию юношества. Воспитание представлялось как вспомоществование в питании всех составляющих сторон личности, воспитание предполагает воздействие на телесную, душевную и духовную сферу бытия человека. Создание благоприятных условий для становления личности является одной из важнейших задач православного воспитания и личной ответственностью учителя-духовеста.

Воспитание послушания — одна из традиций образования. На пути воспитания ребенку необходимо указать грань между свободой и ответственностью, свободой и послушанием, научить пользоваться свободой и выбирать адекватную линию поведения. Показать, что **истинная свобода не может быть без элементов послушания**. Воспитание — «питая», учитывает все три сферы бытия личности и предполагает воздействие на: **телесную, душевную и духовную** сферы бытия человека.

Выделим уровни принятия морали как проявления послушания (В. В. Зеньковский, С. С. Куломзина, Т. В. Склярова, О. Л. Янушкявичене, Л. Кольберг). Каждая человеческая личность обладает даром свободы выбора. Только со вниманием прислушиваясь к себе, человек сможет

распознать замысел, вложенный в его жизненный путь, осознанно подойти к своим выборам*.

В ходе исследования был получен богатый эмпирический материал. Респонденты – школьники 5—8-х и 9—11-х классов (448 учащихся)**. Значимым для исследователя является учет взаимосвязи социологии, педагогики и психологии посредством корректного использования методов и средств в исследовании. Интерпретация данных и аналитический взгляд на них позволяет определить общее и особенное в категории «послушание». Современный взгляд на послушание складывается из:

1. позитивного ассоциативного ряда образов: любовь; сердце; гармония души и др. — 18 %;

2. послушание как ограничение свободной воли: границы; рамки; правила — 15 %;

3. негативный ассоциативный ряд образов: наказание — 13 % (поводок, наручники, ежовые рукавицы, ремень, плетка); насилие — 6 %;

4. религиозный аспект выражен в образах клира и церкви — 18 %;

5. слушаться, вслушиваться в просьбы другого, если он обладает «авторитетом» (родителей, Бога, учителей) — 10 %;

6. послушание как требование общества, семьи: выполнение моральных норм, просьб — 8 %, прилежный ученик (взрослый) — 20 %.

Институты послушания, выделяемые респондентами: семья — 42 %; церковь — 26 % и армия (милиция) — 32 %.

Таким образом, современные школьники имеют достаточное представление об общественных институтах и требованиях общества к человеку. Несмотря на представленный в эмпирических данных позитивный ассоциативный ряд к категории «послушание», учащиеся скептически и с опасением относятся к данной категории, видя в послушании вне-

* 1. Уровень принятия морали **авторитета**: первая стадия — принятие морали **родителей**, вторая стадия — принятие морали **учителя**. 2. Уровень принятия морали **социума**: третья стадия — принятие морали **сверстников**, четвертая стадия — принятие морали **общества**. 3. Уровень автономной **совести**: пятая стадия — **сомнение** в существующих нравственных ценностях, шестая стадия — **собственный выбор** системы ценностной иерархии [1, с. 30]. На представленных шести стадиях происходит прогрессивное изменение проявлений послушания на основании морального рассуждения. На ранних стадиях суждение выносится с опорой на некие внешние силы — ожидаемое вознаграждение или наказание. На самых последних, высших стадиях суждение уже основывается на личном, внутреннем моральном кодексе и практически не поддается влиянию других людей или общественным ожиданиям.

** **Методы**, использованные для выявления данных, — наблюдение (неформальное, включенное); анкетирование, беседа, нарративное и полуструктурированное интервью, ролевая игра, методика незаконченных предложений, изучение продуктов деятельности, контент-анализ и др. **Качественные методы исследования**: 1. понимание смыслов и интерпретация; 2. изучение субъективного аспекта реальной практики (образовательное пространство); 3. изучение специфического «жизненного мира» как фрагмента общего социального опыта; 4. описание частного, особенного; 5. открытый, поисковый, неструктурированный характер анализа проблемной ситуации; 6. изучение в единстве объективных и субъективных факторов; 7. изучение нового явления или процесса, не имеющего массового распространения.

шнее принуждение: родителей, учителей, общества. При этом, возможно, излишне драматизируя степень наказания и средства, которые применяются для укоренения послушания в ребенке. В отечественной традиции для социального контроля в воспитании деятельного сердца необходимо: послушание человека; влияние семьи на становление человеческого в человеке, на меру его послушания через внутреннюю самостоятельность; наличие связи между подчинением, послушанием, дисциплиной, которая определяется мерой ответственности. Тогда послушание представляет собой путь одухотворения человека и организованной свободы.

Список литературы

Склярова Т. В., Янушкявичене О. Л. Возрастная педагогика и психология: Учебное пособие для студентов педагогических и гуманитарных вузов, преподавателей школ. М. : Институт экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений (ИЭОПГКО), 2006.

Информация об авторе:

Мануйлова Екатерина Андреевна, старший преподаватель репетиторского центра «Результат», Псков, Россия, Panterkat@rambler.ru

СОЦИОЛОГИЯ В РЕГИОНЕ: СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

М. В. Морев

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Представлен обзор дискуссии, прошедшей в ИСЭРТ РАН в Вологде на заседании удаленной секции в рамках VI Грушинской конференции. Основная тема — региональная специфика взаимодействия академической и университетской социологической науки с заказчиком. Прикладная социология востребована сегодня больше, чем академическая, которой нужна помощь, в первую очередь в виде координации методологического и идеологического развития.

Ключевые слова: прикладная социология, академическая социология, региональная специфика

14 марта 2016 г. в рамках VI Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными» прошло заседание удаленной секции «Социология в регионе: на полку или в жизнь». Мероприятие проводилось в Вологде, его организатором выступил Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН).

Лейтмотивом форума стала региональная специфика взаимодействия академической и университетской социологической науки с заказчиком. В ходе дискуссии рассматривались вопросы практического применения социологического знания в деятельности органов государственного управления и промышленных предприятий, поднимались проблемы профессиональной подготовки и трудоустройства социологов, обсуждались методологические особенности социологических исследований в регионах.

В дискуссии принимали участие врио директора ИСЭРТ РАН, д. э. н., доц. А. А. Шабунова, ректор Череповецкого государственного университета к. с. н., доц. Д. В. Афанасьев, зам. начальника Управления организации медицинской помощи и профилактики Департамента здравоохранения Вологодской области Е. Л. Вологодина и др. Заседание секции проводилось в формате круглого стола, на котором присутствовали представители академической и университетской социологии, органов власти, студенты, аспиранты. Мероприятие транслировалось в прямом эфире в сети Интернет с возможностью обратной связи. Свои вопросы докладчикам задавали участники из Вологодской области, Подмоскovie, Самары, Поволжья, Республики Коми, Владимира, Курска, Республики Беларусь.

Всего на секции зарегистрировалось 48 человек из 8 городов и 13 организаций России и ближнего зарубежья, 8 человек выступили с устными докладами, 15 человек прислали тезисы.

Были рассмотрены две грани социологической науки в регионе. С одной стороны — академическая наука, которую представлял ИСЭРТ РАН. Был представлен опыт проведения мониторинговых исследований с акцентом на практическом применении в деятельности органов государственной власти:

- с докладом о многолетнем опыте мониторинга условий формирования здорового поколения и практическом применении его результатов выступила врио директора ИСЭРТ РАН, д. э.н., доц. А. А. Шабунова (руководитель секции);
- зам. директора ИСЭРТ РАН, зав. отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах д. э.н., доц. Т. В. Ускова представила результаты мониторинговых исследований Института по проблемам развития местного самоуправления;
- зав. лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления ИСЭРТ РАН, к. э.н. М. В. Морев рассказал об опыте ИСЭРТ РАН в организации и проведении мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области.

В дискуссии принимала участие зам. начальника Управления организации медицинской помощи и профилактики Департамента здравоохранения Вологодской области Е. Л. Вологодина, которая поделилась опытом многолетнего взаимодействия Департамента здравоохранения с ИСЭРТ РАН и подробно рассказала о том, как социологические исследования (в том числе, проводимые Институтом) применяются в практической деятельности органов, принимающих управленческие решения.

Другую грань социологии в регионе (университетскую социологию) представили сотрудники Череповецкого государственного университета:

- ректор Череповецкого государственного университета к. с.н., доц. Д. В. Афанасьев представил проблематику практической реализации электоральных исследований;
- зав. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета к. филос.н., доц. А. А. Мехова поделилась практическим опытом социологического сопровождения проектов промышленных предприятий;
- большой интерес вызвало выступление доцента кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, к. с.н. Г. А. Ковалевой о востребованности профес-

сии «социолог» на региональном уровне и практическом опыте ЧГУ в подготовке специалистов-социологов. Судя по результатам, представленным в докладе, профессиональные социологи находят себе место во многих сферах жизни: промышленные предприятия, маркетинговая деятельность, академическая наука, власть, банковская сфера, СМИ и PR-службы, собственный бизнес;

- обобщающим выступлением стал доклад модератора секции — ведущего научного сотрудника лаборатории экономико-социологических исследований ИСЭРТ РАН Т. А. Гужавиной, которая рассказала о возможностях и перспективах институционализации социологии в условиях региона.

За время проведения секции докладчикам поступило порядка 20 вопросов (из зала и Интернета). В ходе дискуссии на конкретных примерах был рассмотрен очень важный вопрос, связанный со взаимодействием академической науки и потребностей заказчика.

На практическом опыте было убедительно доказано, что прикладная социология широко востребована в деятельности предприятий. Однако, что касается академической науки, здесь дела обстоят гораздо сложнее. У ИСЭРТ РАН есть опыт многолетнего сотрудничества с органами власти. Однако в целом для регионов это является важной проблемой. Заказчик заинтересован в конкретном результате, его слабо интересует развитие самого научного знания, в том числе теоретического, и это существенно обедняет развитие академической науки. Те же исследования, которые все-таки проводятся в регионах, становятся слабосопоставимыми, поскольку у них нет единого вектора методологического развития.

Внимание на эту проблему обращали и другие ученые. Например, Ж. Т. Тощенко, который в статье «Время Акме» упомянул, что «первая проблема, которая продолжает тревожить — теоретическое и методологическое знание, что в значительной степени связано с упомянутым направлением нашей деятельности — уточнение объекта и предмета социологических исследований, размышления об уровнях и структуре социологической теории, определение и использование категорий и понятий социологии. Пока для многих присылаемых материалов характерен произвол. Разнобой служит основой произвола при трактовке многих ключевых проблем социологии и ведет к тому, что социологии грозит опасность превратиться в некое количество набросанных концепций, которые часто не имеют даже единых точек соприкосновения» [1].

Таким образом, если отвечать на главный вопрос секции (так куда же все-таки идет социология в регионе — на полку или в жизнь?), можно однозначно ответить — «конечно, в жизнь». Правда, путь этот у прикладной социологии сегодня легче, чем у социологии академической. На при-

кладную социологию есть спрос, академической науке нужна помощь, в первую очередь в виде координации методологического и идеологического развития, что могло бы стать одним из направлений деятельности Российской академии наук.

Список литературы

Тоценко Ж. Т. Время Акме. Социологическим исследованиям — 40 лет // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 3—7

Информация об авторе:

Морев Михаил Владимирович, к. э. н., заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, 379post@mail.ru

ПРОЕКТ «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ» — НОВОЕ В МЕТОДИКЕ И РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Токарев

Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик», Волгоград, Россия

Аннотация. В 2015 г. инициативный исследовательский проект «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» был проведен в расширенном формате. Одно из изменений в методике исследования состояло в том, что для оценки общего числа исследовательских компаний, работающих в регионах, был дополнительно проведен «сплошной» CATI-опрос компаний, работающих на региональных исследовательских рынках (компонент «ТелеРИК-2015»). В данной работе представлены основные результаты, полученные в ходе реализации компонента «ТелеРИК».

Ключевые слова: CATI-опрос, дистанционная фокус-группа, рынок исследований, профессиональный рейтинг

Как и было анонсировано [1], в 2015 г. традиционный инициативный исследовательский проект «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» был проведен в новом, расширенном формате. Основные изменения в методике исследования выразились в следующем:

1. В ежегодном анкетном опросе руководителей региональных компаний были изменены принципы формирования выборки. На смену «сплошному отбору» (точнее, попыткам его реализовать) пришел направленный отбор, реализуемый методом «снежного кома». В формировании выборки исследования в 2015 г. приняли участие все члены Ассоциации «Группа 7/89».

2. Если в исследованиях прошлых лет для оценки общего числа исследовательских компаний, работающих на рынке RO&MR в регионах России, использовались результаты актуализации имеющихся баз данных в ходе реализации «сплошной» выборки, то в 2015 г. такая возможность отсутствовала. Для того чтобы получить оценку общего числа исследовательских компаний, работающих в регионах, дополнительно был проведен «сплошной» CATI-опрос компаний, работающих на региональных исследовательских рынках (компонент «ТелеРИК-2015»).

3. Наконец, в структуру исследования был введен качественный компонент — дистанционная фокус-группа с руководителями исследовательских компаний в регионах (в формате Skype-сессии).

Материалы, полученные в ходе фокус-группы, были использованы при подготовке доклада «Группы 7/89» на VII конференции АСКОНКО и на конгрессе NRV, а также итогового отчета, который был разослан всем респондентам.

В данном материале будут представлены основные результаты, полученные в ходе реализации компонента «ТелеРИК».

Как отмечалась выше, в качестве метода сбора информации в рамках проекта «ТелеРИК-2015» был использован метод САТІ. Основой выборки стала база данных исследовательских компаний «Группы 7/89», сформированная путем объединения нескольких источников данных (в том числе – базы Socio-Logos, 2Gis, собственных баз членов «Группы 7/89» и т.д.). Основа выборки включала 786 записей. Всего в результате полевого этапа было получено 259 интервью (отметим, что общая оценка числа исследовательских компаний, работающих в регионах России, в 2014 и в предыдущие годы находилась на уровне 250—255 единиц).

Сценарий САТІ-интервью, использованный в процессе реализации проекта «ТелеРИК», включал три блока вопросов:

1. Вопросы о структуре и характере проводимых работ: сам факт проведения исследований, основные направления работ (поле или полноцикловые проекты), число штатных сотрудников, занятых исследованиями.
2. Вопросы о техническом оснащении компании: факт наличия фокус-групповой и колл-центра; оборудование и технологии, используемые при организации фокус-групп и проведении САТІ-опросов.
3. Отзывы/рекомендации о своих (реальных или потенциальных) контрагентах-заказчиках (как о компаниях в целом, так и о конкретных сотрудниках).

Основной причиной включения в инструментарий исследования вопросов о рекомендациях стала необходимость проверки гипотезы о том, что данный подход может использоваться в качестве аналога/замены традиционного анкетного опроса руководителей региональных компаний. Мы предполагали, что если итоговые рейтинги, полученные с использованием ресурсного подхода (традиционного для проекта «РИК»), и рейтинги, построенные на основе отзывов, окажутся близки, то в дальнейшем будет возможно использовать только второй подход. Вопросы, связанные с оценкой взаимодействия с контрагентами, были сформулированы следующим образом (все вопросы — открытые):

Q6. Назовите несколько компаний — заказчиков полевых работ, независимо, работаете вы сейчас с ними или нет, с которыми хотела бы работать прежде всего Ваша компания. Какие компании являются, по Вашему мнению, ЛУЧШИМИ с точки зрения комфорта взаимодействия, финансовой выгоды, организации работы, адекватности контроля и так далее.

Таблица 1. Результаты оценки отношений с заказчиками со стороны исполнителей, полученные с использованием различных подходов

№	Оцениваемая/ рекомендуемая компания	Компонент «ТелеРИК-2015»					Компонент «Анкетный опрос»			
		упоминание компаний (226 ответов)		упоминание со- трудников (128 ответов)			Уровень известности	Опыт работы с компанией	Комфортность взаимодействия	Совокупный рейтинг
		Q6. Положительные отзывы	Q7. Отрицательные отзывы	Q8. Положительные отзывы	Q9. Отрицательные отзывы	Всего упомянуто сотрудников				
1	ВЦИОМ	33%	6%	23%	2%	10	99%	90%	-0,08	71,12
2	TNS Russia	25%	3%	21%	3%	15	91%	76%	0,02	76,41
3	Ипсос (IPSOS-Russia)	28%	0%	22%	2%	6	86%	63%	0,17	78,83
4	GfK RUS	25%	1%	20%	1%	12	91%	77%	-0,18	71,07
5	Фонд «Общественное мнение»	24%	0%	23%	0%	8	97%	57%	0,26	82,39
6	РОМИР	6%	25%	3%	3%	1	97%	77%	-0,45	48,26
7	Левада-Центр	17%	0%	23%	0%	7	94%	51%	0,31	80,32
8	Synovate Comcon	19%	0%	14%	1%	11	90%	71%	-0,12	71,28
9	ACNielsen	12%	0%	9%	0%	5	87%	64%	-0,15	76,21
10	Бизнес- Аналитика	3%	10%	5%	2%	6	89%	76%	-0,17	59,80
11	MAGRAM Market Research	7%	4%	2%	0%	2	84%	64%	-0,17	59,93
12	MASMI Moscow	5%	3%	3%	1%	2	81%	59%	-0,12	63,57
13	A/R/M/I Marketing	5%	1%	4%	1%	6	83%	59%	-0,31	69,30
14	Top of Mind	1%	7%	2%	1%	3	79%	64%	-0,32	54,75
15	МИП	4%	0%	8%	0%	1	74%	59%	-0,21	67,40
16	ЦИРКОН	5%	0%	5%	0%	1	97%	69%	0,24	77,09
17	Микс-Рисеч (Mix-Research)	5%	0%	5%	0%	3	51%	31%	0,15	68,48
18	Фабрика маркетинга	1%	3%	5%	1%	5	79%	59%	-0,19	60,65
19	VALIDATA	4%	0%	4%	0%	4	86%	57%	-0,16	72,40

№	Оцениваемая/ рекомендуемая компания	Компонент «ТелеРИК-2015»					Компонент «Анкетный опрос»			
		упоминание компаний (226 ответов)		упоминание со- трудников (128 ответов)			Уровень известности	Опыт работы с компанией	Комфортность взаимодействия	Совокупный рейтинг
		Q6. Положительные отзывы	Q7. Отрицательные отзывы	Q8. Положительные отзывы	Q9. Отрицательные отзывы	Всего упомянуто сотрудников				
20	Башкирова и партнеры	3%	0%	4%	0%	2	84%	44%	0,13	64,83
21	СканМаркет	4%	0%	2%	0%	2	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д
22	Аналитика	1%	0%	3%	1%	3	69%	46%	-0,31	60,58
23	Фактор	2%	0%	3%	0%	2	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д
24	Астон Консалтинг	2%	2%	0%	0%	0	74%	61%	-0,21	64,67
25	ЦЕССИ	2%	0%	1%	0%	1	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д

Q7. Назовите несколько компаний (независимо, работаете Вы сейчас с ними или нет), которые Вы можете назвать **НАИБОЛЕЕ ПРОБЛЕМНЫМИ** с точки зрения взаимодействия, финансовой выгоды, организации работы, адекватности контроля и так далее.

Q8. Назовите несколько фамилий полевых менеджеров компаний-заказчиков, с которыми Вам **ЛУЧШЕ И КОМФОРТНЕЙ ВСЕГО** работать.

Q9. Назовите, пожалуйста, несколько фамилий полевых менеджеров компаний-заказчиков, с которыми Вам **НАИМЕНЕЕ КОМФОРТНО** работать.

Всего на вопросы Q6/Q7 ответы были получены от 224 респондентов (86% опрошенных), на вопросы Q8/Q9 — от 145 (56% опрошенных). В ответах на вопросы Q6/Q7 были упомянуты 150 компаний, в ответах на вопросы Q8/Q9 упомянуты 172 менеджера, работающих в 78 компаниях. В табл. 1 представлены данные, позволяющие сопоставить результаты обработки ответов респондентов в рамках проекта «ТелеРИК-2015» на вопросы в формате «отзывов» с рядом показателей, полученных в ходе «традиционного» анкетного опроса руководителей региональных компаний [2]. Компании, представленные в таблице, отранжированы по общему количеству упоминаний, полученных в вопросах Q6-Q9. В таблицу включены 25 компаний, получивших наибольшее количество упоминаний.

Таблица 2. Результаты расчета коэффициентов корреляции между оценками, полученными с использованием различных подходов к оценке взаимодействия исполнителей и заказчиков полевых работ

Показатели, рассчитанные на основе результатов компонента «Анкетный опрос»	Показатели, рассчитанные на основе результатов компонента «ТелеРИК-2015»				
	Q6. Положительные отзывы	Q7. Отрицательные отзывы	Q8. Положительные отзывы	Q9. Отрицательные отзывы	Всего упомянуто сотрудников
Уровень известности	0,56	0,31	0,54	0,33	0,45
Опыт работы с компанией	0,49	0,46	0,38	0,54	0,47
Комфортность взаимодействия	0,35	-0,50	0,44	-0,26	0,14
Совокупный рейтинг	0,59	-0,65	0,64	-0,19	0,44

В табл. 2 приведены результаты расчета коэффициентов корреляции между показателями, рассчитанными по данным, полученным в рамках двух различных компонентов исследования. Легко заметить, что коэффициенты корреляции, представленные в таблице, не позволяют говорить о корректности «замены» одного метода исследования другим с точки зрения возможности сопоставления данных. Скорее, можно говорить о том, что выводы, полученные в результате САТИ–опроса, дополняют традиционный РИК, придавая еще одно «измерение» динамическим рядам рейтинговых показателей.

В настоящее время Ассоциация «Группа 7/89» рассматривает возможность и необходимость проведения проекта «РИК» в 2016 г. Учитывая высокую трудоемкость «традиционного» анкетного опроса и невозможность его прямой замены исследованием с применением метода САТИ, рассматривается вариант проведения проекта один раз в несколько лет.

Список литературы

1. Токарев В. В. Профессиональный рейтинг исследовательских компаний России. Результаты 2014 г. и основные тенденции последних лет

[Электронный реурс] // V Международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 12—13 марта 2015 г. Материалы конференции. М. : ВЦИОМ, 2015. С. 666—670. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

2. Токарев В. В. Профессиональный рейтинг исследовательских компаний России (РИК-2015). Основные результаты инициативного исследовательского проекта «Группы 7/89» [Электронный реурс]. URL: <http://789.ru/projects/rik/13375-rik-2015.html> (дата обращения: 23.02.2016).

Информация об авторе:

Токарев Василий Владимирович, к. т. н., доцент, генеральный директор Центра социологических и маркетинговых исследований «Аналитик», Волгоград, Россия, chief@socio-research.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛИ В СОЦСЕТЯХ: РАЗВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ ПРОДВИЖЕНИЕ?

А. В. Шульгина

Bazis Group, Екатеринбург, Россия

Социальные сети изменили систему распределения рекламных бюджетов в сфере В2С и начали проникать в В2В-сектор. Пока мало кто знает (но все говорят!) о том, насколько эффективно продвижение в Facebook и LinkedIn. Между тем в 2015 г. 76 % В2В-компаний из Европы были зарегистрированы в сети Twitter, 71 % — в LinkedIn, 47 % вели канал на YouTube [1]. Чаще всего, В2В-компании не разрабатывают особых стратегий, связанных с продвижением в соцсетях, а размещают посты спонтанно (3 из 5 компаний в Европе) [1]. Постят, в основном, отдельные фотографии (75 % компаний), ссылки (10 %), статусы (6 %), фотоальбомы и видео (по 4 %) [2].

Главный вопрос — зачем размещать информацию в сетях. Опрос 548 английских маркетологов сферы В2В показал, что основная причина — стремление сделать свою компанию узнаваемой в соцсетях (83 % респондентов). Более половины компаний стремятся увеличить охват аудитории или повысить уровень доверия [3].

Итак, поскольку маркетинговые агентства являются частью В2В-сектора, мы решили проанализировать, используют ли наши коллеги для продвижения своих услуг социальные сети. В феврале 2016 г. компания Bazis Group начала проект, цель которого — изучить, какие соцсети используют для продвижения российские и зарубежные маркетинговые агентства. На сегодняшний день в исследовании приняли участие 31 российская маркетинговая компания из ассоциации 7/89 и 26 зарубежных агентств, в том числе из ассоциации TRA (<http://www.research-alliance.com>). При отборе компаний мы ориентируемся на локальные компании (т. е. на те, которые проводят исследования в своем регионе/стране и доля проектов полного цикла в которых не превышает 50%). Средний размер компаний, принимавших участие в исследовании, — 23 сотрудника в зарубежных компаниях и 11 российских. Мы задали 10 закрытых вопросов по поводу использования соцсетей в бизнесе и частной жизни и сравнили данные, полученные от российских и зарубежных маркетинговых агентств.

Мнения по поводу эффективности соцсетей кардинально различаются среди российских и зарубежных исследователей.

С точки зрения эффективности для продвижения своего бизнеса, российские исследователи отдают первенство сети Facebook (84 % опрошенных считают этот ресурс эффективным). На втором месте по эф-

фективности идет LinkedIn (39%). Противоположные данные получены от зарубежных коллег, где самым эффективным признан ресурс LinkedIn (87%), тогда как Facebook считают эффективным лишь 17% опрошенных.

Российские исследователи создают аккаунты в соцсети, которую считают неэффективной.

Мы спросили, в каких соцсетях есть корпоративный аккаунт у компаний. Профиль «ВКонтакте» есть у 60% опрошенных российских компаний (тогда как эффективной эту сеть считают лишь 7% российских агентств!). Треть компаний размещают там информацию еженедельно. У половины компаний есть профиль на Facebook и у 40% на LinkedIn. У зарубежных коллег более популярен LinkedIn (профиль есть у 80% компаний, эта же сеть признана зарубежными компаниями самой эффективной с точки зрения продвижения). Около половины компаний размещают там информацию еженедельно. Facebook и Twitter чуть менее популярны — профили есть у 65 и 60% компаний соответственно. Информация там, чаще всего, размещается от случая к случаю.

Зарубежные агентства освещают в соцсетях новости отрасли, а российские — новости своей компании.

Почти все российские исследователи размещают в соцсетях новости компании (99% опрошенных). Тогда как за рубежом лидируют посты, посвященные новостям отрасли маркетинговых исследований (61% компаний).

Маркетинговые агентства без маркетологов: у большинства агентств нет отдельного сотрудника, занимающегося продвижением компании.

Более чем у половины российских компаний размещением информации занимается один из сотрудников/директор, в чьи обязанности, помимо основных, входит также публикация в соцсетях. В зарубежных компаниях информацию может размещать сотрудник компании, у которого есть на это время. Отдельный сотрудник, занимающийся только продвижением компании, есть у 12% зарубежных и 8% российских компаний.

Личный аккаунт в Facebook есть у 64% зарубежных и 94% российских исследователей.

Поскольку часто маркетинговые агентства являются клиентами друг друга, выполняя работы по сбору данных на определенной территории, мы спросили участников опроса, в каких соцсетях зарегистрированы они лично. В среднем российские исследователи более активно пользуются соцсетями, чем зарубежные коллеги: каждый зарубежный исследователь зарегистрирован в 1,8 социальной сети, а российский — в 2,5 сетях. Среди зарубежных коллег наиболее популярна сеть LinkedIn, где аккаунт

есть у 72 % опрошенных. В Facebook зарегистрированы 64 % опрошенных. В России первенство держит сеть Facebook (аккаунт есть у 94 % опрошенных!). Аккаунт «ВКонтакте» есть у 58 % российских исследователей.

Итак, наше исследование показало, что маркетинговые агентства активно используют соцсети для продвижения своей компании. Хотя использование это часто бессистемное и нерегулярное: российские исследователи считают эффективной одну соцсеть, а создают профили в другой. Новости размещаются от случая к случаю. Зарубежные коллеги подходят к продвижению более системно — информация размещается регулярно и в тех соцсетях, которые считаются более эффективными среди исследователей.

Список литературы

1. 76 % of marketers are active Twitter users, but find LinkedIn twice as effective [Электронный ресурс] // Reputation Refinery. URL: <https://reputationrefinery.com/b2b-marketers-social-media-study>.
2. 2014 Statistics and Trends for Businesses on Social Media [Электронный ресурс] // Market in Tech Blog; <https://www.marketingtechblog.com/2014-statistics-trends-businesses-social-media>.
3. Reasons for using social media in B2B marketing in the United Kingdom in 2012 [Электронный ресурс] // Statista; <http://www.statista.com/statistics/246378/b2b-marketing-reasons-for-using-social-media-in-the-uk>.

Информация об авторе:

Шульгина Анна Владимировна, магистр социологии НИУ ВШЭ, руководитель проектов Bazis Group, Екатеринбург, Россия, Shulgina_av@bazisgroup.com

12. Социология Интернета

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Д. М. Байков

Академия управления МВД, Москва, Россия

Аннотация. В отличие от официальных средств распространения информации, включая интернет-СМИ, информационный трафик социальных сетей контролировать трудно. В данной работе анализируются проблемы информационной безопасности, связанные с размещением угрозосодержащего контента в интернет-пространстве, в частности, социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, информационные угрозы, интернет-пространство, информационная безопасность, национальные интересы России

Неизменным атрибутом современного общества сегодня, уверенно заменяя традиционные средства массовой информации, становятся сетевые ресурсы, функционирующие в глобальном интернет-пространстве. Потребности в быстрой передаче информации предопределили возникновение своего рода коммуникативных площадок, структур телекоммуникационного пространства, объединяющих огромное количество пользователей и позволяющих распространять практически любую информацию.

В настоящее время количество социальных сетей по всему миру исчисляется сотнями: «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Instagram и др. По данным проводимых в последнее время опросов установлено, что подавляющее большинство населения России осведомлено о существовании социальных сетей в виртуальном пространстве — 66 %, при этом только 10 % не являются их пользователями. Наиболее активными пользователями информационных ресурсов, предлагаемых социальными сетями, являются представители молодежи в возрасте от 16 лет [1, с. 634]. Наибольшую же активность в сетевом интернет-пространстве проявляют представители возрастной аудитории от 25 до 34 лет [6]. С учетом разнообразия и относительной доступности электронных средств, имеющих функцию выхода в интернет, тенденция увеличения количества пользователей социальных сетей в ближайшем будущем, несомненно, будет сохраняться.

Стремительная популяризация социальных сетей, развитие средств массовой коммуникации и распространение интернета являются характерными особенностями жизни современного общества. Глобализация и связанное с ней увеличение «прозрачности» межнациональных границ приводит к снижению коммуникативных ограничений. Благодаря интернет-ресурсам человек имеет почти неограниченные возможности доступа к самой разнообразной информации, непосредственные (материальные) источники которой находятся на территории всего Земного шара [5]. К сожалению, обширные возможности социальной сети активно используются и в преступных целях, что, как минимум, создает реальную угрозу для информационной безопасности.

Так может ли социальная сеть в настоящее время либо в ближайшем будущем стать одним из источников угрозы информационной безопасности и оказать негативное влияние на состояние защищенности национальных интересов России в целом? По меньшей мере, для этого созданы все предпосылки. Прежде всего, это выражается в скорости передачи информации: она передается мгновенно, что позволяет пользователям рассматривать «сетевое» общение в качестве альтернативы традиционному. Социальные сети сегодня достигли такого уровня своего развития, что степень доверия пользователей к достоверности информации, полученной через сетевой ресурс, выше, нежели к информации из официальных средств массовой информации [2].

Разумеется, криминальные информационные и иные структуры активно пытаются использовать социальную сеть в качестве средства осуществления преступной деятельности: пропаганда терроризма и экстремизма, дискредитация государственных деятелей с целью подрыва конституционного строя, распространение ложной информации, искажающей содержание решений судебных и иных государственных органов, популяризация наркотиков и др.

В отличие от официальных средств распространения информации, включая интернет-СМИ, информационный трафик социальных сетей контролировать достаточно трудно. Причиной этому выступает как отсутствие единой действенной системы мониторинга угрозосодержащего контента, так и недостаточный уровень взаимодействия соответствующих государственных органов с администраторами социальных сетей. И то и другое, впрочем, не должно привести к возникновению цензуры. Установление жестких рамок на общение и виды информации, которые можно передавать в рамках одной социальной сети (социальных сетей одного государства), приведет только к оттоку пользователей этой сети в другую, проявляющую большую лояльность при решении подобных вопросов. Выбор зарубежных социальных сетей пользователями, пре-

следующими криминальные цели, неслучаен, поскольку на данные информационные площадки не распространяется юрисдикция Российской Федерации. По этой причине, российские органы государственной власти существенно ограничены в возможностях влияния на владельцев и администраторов зарубежных социальных сетей с целью пресечения неправомерных действий, совершаемых сетевыми пользователями.

Злоумышленники в социальных сетях могут распространять запрещенную законодательством РФ информацию не вообще, а на строго целевую аудиторию, т. к. в любой социальной сети можно найти различные объединения пользователей по интересам. К примеру, по результатам проведения научных исследований установлено, что пропаганда экстремистских идей наиболее эффективна среди несовершеннолетних и молодежи в возрасте до 25 лет [4]. Злоумышленнику, в этом случае, достаточно зарегистрироваться в социальных группах старшеклассников, студенческих коллективов, спортсменов и т. п. с последующим распространением противоправной информации между членами группы.

Кроме того, социальная сеть может быть использована в качестве средства координации действий лиц, стремящихся к совершению массовых противоправных действий, нарушающих общественный порядок, посягающих на конституционный строй и безопасность государства и др. Не случайно именно социальная сеть в настоящее время служит одной из главных площадок агитации населения к участию в антиправительственных митингах и шествиях, проведения представителями радикальных оппозиционных движений предвыборных кампаний, а также иных действий, описание которых в официальных средствах массовой информации было бы невозможным по причине нелегитимности распространения подобной информации.

При учете данных обстоятельств, для эффективного противодействия информационным угрозам, связанным с распространением в социальных сетях угрозосодержащего контента, на наш взгляд, следует признать целесообразным проведение мероприятий организационно-правового и воспитательного характера. Требуется постоянное изучение передаваемой для неопределенного круга пользователей социальных сетей информации. В случае обнаружения потенциально опасной информации, легитимность которой вызывает сомнение, необходимо немедленное блокирование ее передачи с последующим установлением личности распространителя и источников получения указанных сведений. В настоящее время данные действия практически неосуществимы, поскольку ввиду существования правового вакуума в области защиты информационной безопасности относительно данных, получаемых в социальных сетях, эти попытки будут явно противоречить действующему законодательству РФ о гражданских

правах и свободах. Разумеется, ведущая роль в решении данного вопроса будет принадлежать различным институтам российского гражданского общества и правоохранительным органам. Если первые должны постоянно обеспечивать патриотическое и правовое воспитание гражданина, то вторые — эффективное предупреждение и профилактику противоправной деятельности во всем виртуальном пространстве, включая социальные сети.

Еще одной серьезной проблемой обеспечения информационной безопасности является сложная и длительная по времени процедура признания, например, экстремистского содержания распространяемой информации. Быстрое блокирование источника такой информации в соответствии с действующим законодательством РФ исключается в принципе: все материалы должны быть изъяты, представлены в судебные органы с целью признания их экстремистскими. Судебное решение принимается в течение месяца и, в случае отказа распространителя от обжалования, вступает в законную силу. И только после того, как материалы будут включены в единый реестр экстремистских, их распространение будет незаконным со всеми вытекающими последствиями в виде реализации мер юридической ответственности. Разумеется, длительность описанной процедуры обеспечивает возможность злоумышленнику донести необходимую информацию до представителей целевой аудитории, а в преддверии блокировки контента обеспечить себе новые информационные площадки для продолжения осуществления противоправной деятельности, в результате которой причиняется вред информационной безопасности.

Проблема существует не только в области правового, но и технического обеспечения. Если данные, распространение которых причиняет вред информационной безопасности, находятся в обращении среди пользователей социальной сети, то устранение данного факта возможно путем блокировки ресурсов социальной сети, обеспечивающих передачу неprivатной информации. Разумеется, данные меры негативно скажутся на возможностях пользователей социальных сетей по передаче/получению информации, вследствие чего они перейдут в состав участников альтернативной социальной сети. Очевидно, из-за технических сложностей персональной блокировки в современных социальных сетях можно без труда найти группы пользователей, распространяющих угрозосодержащую информацию, которые, несмотря на усилия правоохранительных органов, по-прежнему продолжают осуществлять незаконное распространение указанных сведений [2, 3].

Список литературы

1. Вебер К. С., Пименова А. А. Сравнительный анализ социальных сетей // Вестник ТГУ. 2014. № 2.

2. *Гладышев-Лядов В.* Социальные сети как инструмент пропаганды экстремизма // Обзор НЦПТИ. 2013. № 2.
3. *Группы в социальной сети «ВКонтакте»* [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club78914719>; <https://vk.com/public100265029> (дата обращения: 18.02.2016).
4. *Кубякин Е. О.* Социальные и социокультурные основы молодежного экстремизма в современной России // Общество и право. 2011. № 1.
5. *Садыгова Т. С.* Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3.
6. *Социальные сети в России: исследование Mail.Ru Group* [Электронный ресурс]. URL: <https://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).

Информация об авторе:

Байков Дмитрий Михайлович, адъюнкт Академии управления МВД, Москва, Россия, dmitrybajkov@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ МИРОВОГО ИНТЕРНЕТ ПРОЕКТА В РОССИИ-2015

Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Аннотация. В течение декабря 2014 г.— января 2016 г. для изучения политической активности россиян в глобальной сети, в частности, уровня сформированности установок россиян на использование политического интернет-контента, их отношения к политическим функциям глобальной сети,— было проведено исследование, позволившее выявить и охарактеризовать 3 базовых модели реализации политической субъектности в сети: аполитичные пользователи, потребители политического интернет-контента, создатели политического контента в сети.

Ключевые слова: политические установки, политическая активность, глобальная сеть, Мировой Интернет-проект, интернет-контент

Необходимость анализа специфики общественно-политической и гражданской активности россиян в глобальной сети продиктована рядом известных событий последних лет, связанных с использованием в России и др. странах электронных социальных сетей как инструмента воздействия на действующую власть и, в ряде случаев, в качестве средства осуществления государственных переворотов. В качестве показательных примеров могут служить кейсы на «Болотной площади» в Москве, конфликт в Бирюлево, Пугачеве, Минеральных водах, из зарубежных — «азиатские бунты» в Соединенном Королевстве, студенческие социальные протесты в Китае и Тайване, «Арабская весна» и т. п.

Цели поддержания социальной стабильности и устойчивого социального развития российского общества диктуют необходимость измерения и оценки потенциальной опасности повторения в России протестных акций с использованием социальных медиа.

Электронные социальные сети могут рассматриваться с разных позиций: с одной стороны, они предоставляют возможность гражданам получить разностороннюю и подробную информацию о политических решениях и выразить свои политические взгляды, с другой — социальные медиа могут использоваться для распространения неадекватной, провокационной и дестабилизирующей информации, призывов к участию в протестных акциях.

Значимыми исследовательскими задачами представляются: выявление уровня сформированности установок россиян на использование политического интернет-контента, их отношения к политическим функциям глобальной сети, определение наиболее востребованных гражданами РФ способов реализации политической субъектности в сети, их отношения к возможности участия в сетевых гражданских инициативах и мнения россиян об онлайн-протестных установках и интернет-призывах к участию в протестных акциях.

Для достижения заявленных задач в течение декабря 2014 г.—января 2016 г. было проведено исследование, эмпирическая модель которого включала:

- массовый опрос 1600 россиян (репрезентация по полу, возрасту и территории проживания*);
- глубинное онлайн-интервью с 120 россиянами (в выборочной совокупности качественного исследования репрезентированы пользователи всех возрастных групп, обоих гендеров и всех федеральных округов Российской Федерации).

Необходимость проведения глубинных интервью, как качественного метода исследования, была обусловлена тем, что результаты кластерного анализа (табл. 1) [1—5] потребовали качественного и содержательного наполнения, объяснения субъективных значений и смыслов, вкладываемых россиянами в возможность реализации политической субъектности в интернете.

В соответствии с задачами, поставленными перед качественной перспективой исследования, гайд интервью включал следующие направления беседы:

- наиболее востребованные ресурсы интернета;
- поведение в социальных медиа;
- отношение к гражданским и социальным инициативам в социальных сетях;
- реализация политической субъектности в глобальной сети;
- отношение к проблемам конфиденциальности, свободе слова и контролю в интернете;

* В массовом опросе использовалась многоступенчатая стратифицированная выборка, репрезентирующая население РФ по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта. Всего опрошено 1600 респондентов. Ошибка выборки оценивается в 4%. Единицами отбора первой ступени являлись субъекты РФ. Отбор регионов осуществлялся на основе вычисления их ранга представительности, т. е. порядка, в котором регионы оптимальным образом репрезентируют население России. На второй ступени для каждого региона рассчитывалась доля респондентов, пропорциональная численности его населения. На третьей ступени путем ротации избирательных участков и списка улиц проводился отбор начальной точки маршрутной выборки в конкретном населенном пункте. На четвертой и пятой ступени осуществлялся отбор домохозяйства и респондента.

- жизненные, духовные ценности и субъективная интерпретация национально-государственной самоидентификации как маркеры установок в сфере онлайн-общественно-политической и гражданской активности.

Таблица 1. Восприятие потенциала политической субъектности в интернете в зависимости от типа интернет-поведения

Тип интернет-поведения	Скептическое отношение к политическим функциям интернета	Нейтральное отношение к политическим функциям интернета	Оптимистическое отношение к политическим функциям интернета
	% по строке	% по строке	% по строке
«Человек цифровой» (интенсивное потребление всех типов интернет-контента) (5,8 % населения России)	35,6	20,3	44,1
«Человек релаксирующий» (интенсивное потребление развлекательного интернет-контента) (24,2 % населения России)	19,9	15,4	64,6
«Человек прагматичный» (умеренное потребление инструментального контента) (17,0 % населения России)	35,3	19,1	45,7
«Человек традиционный» (редкое и нерегулярное потребление интернет-контента) (19,5 % населения России)	33,8	21,2	44,9
«Человек не цифровой» (не пользователи) (33,4 % населения России)	47,2	26,8	26,0

В результате анализа транскрибов интервью были выявлены 3 базовых модели реализации политической субъектности в сети:

- модель «Аполитичные пользователи» характеризует россиян, игнорирующих политический и скептически оценивающих возможности интернета в реализации гражданской и политической активности;
- модель «Потребители политического интернет-контента» свойственна пользователям, ориентированным на онлайн-политические информационные ресурсы и дискуссионные площадки (получение политического интернет-контента и выражение своего мнения на дискуссионных площадках политической направленности);
- модель «Создатели политического контента» отражает позицию пользователей, принимающих активное участие в онлайн-общественно-политических инициативах и самостоятельно создающих гражданские платформы (пользователи, ориентированные на производство собственного интернет-контента и изменение социальной реальности посредством интернет-технологий).

Перспективой исследования является создание словаря цифровых маркеров реализации пользователями выявленных моделей политической активности в интернете для осуществления киберметрического анализа представленности данных моделей в русскоязычном сегменте глобальной сети. Важной научно-практической задачей также видится уточнение взаимосвязи между моделями политической активности в интернете и социотипом личности пользователя, а также типом его потребительского поведения.

Список литературы

1. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. и др. Стратегии пользования интернетом в политических системах различного типа: результаты сравнительного кластерного анализа данных // V социологическая Грушинская конференция (Москва, 12—13 марта 2015 г.) «Большая социология: расширение пространства данных». М., 2015. С. 59—62.
2. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. и др. Динамика развития стратегий пользования глобальной сетью в России: результаты сравнительного кластерного анализа данных массового опроса в 2012 и 2014 гг. // Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований : сб. научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23—25 июня 2015 г. СПб. : Университет ИТМО, 2015. С. 113—119.
3. Nechaev V., Brodovskaya E., Dombrovskaya A. The national profiles of Internet-communication: the results of cross-national cluster analysis // European Journal of Science and Theology. 2015. 3 (11). P. 125—130.
4. Nechaev V., Brodovskaya E., Dombrovskaya A. Perception of political subjectivity on the Internet: results of the cross-national cluster analysis in the

USA, United Kingdom, Mexico, Sweden, Russia, China, The Republic of South Africa / 031-ASS Asian Social Science. Canada. 2015. 7 (11). P. 269—277. 5. *Nechaev V., Brodovskaya E., Kaira Yu., Dombrovskaya A.* Classification of Russian Internet users: preliminary results of cluster analysis // Life Science Journal. 2014. No. 11(12): P. 330—335.

Благодарность. Исследование финансировалось Министерством образования и науки Российской Федерации в рамках реализации государственного задания «Выявление закономерностей взаимосвязи развития политических систем и интернет-коммуникации» на 2014—2016 гг. Код государственного задания 2816.

Информация об авторах:

Бродовская Елена Викторовна, д-р полит. н., доцент, зав. кафедрой социально-политических исследований и технологий, главный научный сотрудник лаборатории социального компьютеринга Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, brodovskaya@inbox.ru.

Домбровская Анна Юрьевна, к. с. н., старший научный сотрудник лаборатории социального компьютеринга Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, an-doc@yandex.ru.

Карзубов Дмитрий Николаевич, младший научный сотрудник лаборатории социального компьютеринга Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, karzubovdm@gmail.com.

КОНЦЕПТ «СЕТИ» В ИССЛЕДОВАНИИ ИНТЕРНЕТА

Д. Е. Добринская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Можно обозначить 3 подхода, использующие в качестве центрального элемента категорию сети, наиболее актуальные в связи со спецификой анализа сетевого концепта в рамках исследования интернета. Примечательно, что они практически не соотносятся между собой, при этом каждый занимает свою нишу в рамках современной социологии: теория «сетевого общества», анализ социальных сетей (Social Network Analysis, SNA), акторно-сетевая теория (АСТ). Каждый из них вносит свой вклад в изучение интернета и его влияния на жизнь людей, способствует созданию образов взаимодействий между людьми во всей их полноте и динамике, а также позволяет получать информацию о сущности этих взаимодействий.

Ключевые слова: интернет, понятие «сеть», социальные сети, сетевое общество, акторно-сетевая теория

Интернет как объект социологического анализа становится все более популярным. При этом можно констатировать наличие целого ряда проблем, связанных с осуществлением подобного рода исследований. Так, очевидно, что в этой сфере анализа сходятся исследовательские интересы различных дисциплин. Возникает вопрос адекватности существующей понятийности и методологии в области исследования интернета. Еще одной из проблемных позиций анализа интернета является факт того, что «интернет развивался (и продолжает развиваться) беспрецедентными темпами не только в смысле количественного роста его сетей, но и в том, что касается диапазона его приложений» [1, с. 13]. Поэтому высокая скорость развития и распространения интернета также влияет на исследовательскую специфику.

Первый вопрос, который возникает при исследовании интернета, это определение понятия «сети», поскольку именно «интернет выполняет роль технологического базиса для организационной разновидности информационно-коммуникационной эры — сети» [2]. История понятия «сеть» рассматривается в рамках различных научных дисциплин, включая антропологию, экономику, социологию [1, с. 157, 2, 14, 16, 9]. Применение концепта сети, как и в случае с изучением интернета, сопряжено с определенным набором ограничений, в том числе в связи с наличием большого числа значений этого понятия. Как указывают исследователи сетевой концепции,

«сеть» имеет сложную и запутанную генеалогию. Это связано с тем, что происхождение этого понятия невозможно соотносить с определенной теоретической традицией или идеями одного мыслителя. Использование понятия «сети», прежде всего, метафорично [7]. «Сеть» является тропом в силу изменения своего смыслового значения: от исследования компьютерных технологий (как соединения между компьютерами и другими электронными устройствами) к социальным наукам (как метафора для обозначения нового общественного состояния, или как метод анализа социальной структуры). «Чтобы расшифровать новый мир, в который мы входим, необходимо, какую бы область мы не выбрали, обратиться к понятию сети» [1]. Повсеместное распространение сетей в политической и экономической жизни современного общества, способствует укреплению позиций сетевого мышления, при этом сеть рассматривается как «метафора и как модель индивидуальной и коллективной жизни» [5]. При наличии такого изобилия дефиниций, важно отметить практически полное отсутствие согласия между различными направлениями сетевого мышления [10].

Можно обозначить 3 подхода, использующие в качестве центрального элемента категорию сети, которые, как представляется, наиболее актуальны в связи со спецификой анализа сетевого концепта в рамках исследования интернета. Примечательно, что эти три направления практически не соотносятся между собой, при этом каждое занимает свою нишу в рамках современной социологии [8]:

- Теория «сетевого общества» (М. Кастельс, Я. ван Дейк);
- Анализ социальных сетей (Social Network Analysis, SNA) (Б. Уэллман, Дж. Скотт);
- Акторно-сетевая теория (АСТ) (Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон).

Для теоретиков сетевого общества использование «сети» является метафорой нового типа общества, более гибкого, децентрализованного и индивидуализированного. Как пишет М. Кастельс, «в настоящее время преобладающей тенденцией в развитии социальных отношений в нашем обществе становится рост индивидуализма... Новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [2]. Я. ван Дейк, характеризуя сетевое общество, пишет о возрастающей роли медиасетей. Социальные сети и медиасети формируют новый способ организации и наиболее важные структуры современного общества [6].

SNA является еще одним важным направлением в рамках сетевой традиции. Прочные позиции SNA связаны не столько с длинной историей его становления, сколько с основательной проработкой методологического инструментария. Это позволило его представителям утвердить монополию на строго «научное» сетевое мышление, обеспечив, преимущество

перед метафорическими подходами к сети, а также предоставив эффективный набор инструментов для точного отображения количественных результатов сетевого анализа. При этом сети используются как инструмент исследования положения индивидов в определенном социальном контексте, что делает сеть обязательным атрибутом индивида. «Сетевой анализ не является ни методом, ни метафорой, но есть фундаментальный интеллектуальный инструмент для изучения социальной структуры» [2, с. 114], поскольку связи между акторами, группами, корпорациями, домохозяйствами, государствами могут быть измерены, смоделированы и визуализированы [12]. В условиях развития информационных технологий, SNA не теряет своей актуальности, так как дает возможность исследовать взаимодействия индивидов в процессе сетевой коммуникации.

АСТ основное внимание уделяет вопросу технологических и социальных взаимодействий, при этом действующими агентами выступают как люди, так и материальные объекты. Как пишет Б. Латур, «сеть — понятие, а не вещь. Это инструмент, помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания» [4]. Для объяснения отношений между актантами АСТ использует концепт перевода: не существует тождеств или различий самих по себе, существуют только процессы перевода, т. е. такие процессы, когда устанавливаются тождественности и дифференциации. В результате идентичность актанта непосредственным образом связана с взаимодействующими силами. Основной принцип, на котором строится АСТ: отношения предшествуют сущности, а сеть, не являясь сущностью, есть лишь след, оставляемый движущимся агентом. В рамках исследования интернета, такой подход позволяет анализировать связи между людьми, технологиями и различными материальными объектами.

Таким образом, рассмотренные выше сетевые теории и подходы вносят свой вклад в изучение интернета и его влияния на все сферы жизнедеятельности современного общества, так как они способствуют созданию образов взаимодействий между людьми во всей их полноте и динамике, а также позволяют получать информацию о сущности этих взаимодействий.

Список литературы

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.
2. *Knox H., Savage M., Harvey P.* Social networks and the study of relations: networks as method, metaphor and form // *Economy and Society*. 2006. 35 (1). P. 113—140.
3. *Scott J.* Social Network Analysis: A Handbook, 2nd ed. L. : Sage, 2000.
4. *Freeman L. C.* The Development of Social Network Analysis : A Study in the Sociology of Science, Vancouver : Empirical Press, 2004.

5. *Wellman B.* Structural analysis: from method and metaphor to theory and substance // *B. Wellman, S. D. Berkowitz. Social Structures : A Network Approach*, Greenwich, CT, and London : JAI Press, 1988. P. 19—61.
6. *Van Loon J.* Network // *Theory, Culture & Society*. 23(2—3); 2006. P. 307.
7. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 256.
8. *Barry A.* Political Machines : Governing a Technological Society. L.— N. Y. : Athlone Press, 2001. P. 85.
9. *Gane N., Beer. D.* New Media : The Key Concepts. Oxford : Berg, 2008. P. 16.
10. *Van Dijk J.* The Network Society : Social Aspects of New Media. The Netherlands, 1991.
11. *Wellman, B., Berkowitz, S.* Social Structures : A Network Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 4.
12. *Scott J.* Social Network Analysis : A Handbook, 2nd edn. London : Sage, 2000. P. 5.
13. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 184.

Информация об авторе:

Добринская Дарья Егоровна, к. с. н., старший преподаватель кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, darya.dobrinskaya@gmail.com

ОБЩЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Г. Т. Журавлев

Российская Академия Предпринимательства, Москва, Россия

Аннотация. В предлагаемом материале обобщены результаты опроса студентов некоторых московских вузов. Всего опрошено 1200 человек. Общее содержание прикладного исследования заключалось в изучении поведения студентов на рынке информационных услуг.

Ключевые слова: прикладное исследование, студенты, информационные услуги, социальные сети, коэффициент корреляции Спирмена

Информация — ресурс, продукт. Представляет интерес, какую информацию и насколько интенсивно потребляют студенты, используя социальные сети, общение в социальных сетях.

Прежде всего, заслуживает внимания то, что респонденты уделяют общению в социальных сетях, на наш взгляд, довольно много времени. Общаются в социальных сетях: ежедневно — 70,4%; 3—4 раза в неделю — 16,0%; 1 раз в неделю — 4,9%; реже — 6,2%; не ответили — 2,5%. Таким образом, 97,5% студентов общаются в социальных сетях.

Тратят время на общение в социальных сетях: 3—4 часа — 53,1%; 1—2 часа — 29,6%; до 1 часа — 12,3%; меньше — 3,7%; не ответили — 1,2%. Как видно, 82,7% тратят много времени на общение в социальных сетях. Видимо, можно сказать, что некоторая часть респондентов оказалась в состоянии зависимости от социальных сетей.

При проведении пилотажного опроса мы обратили внимание, что респонденты особое внимание уделяют поиску в социальных сетях информации и эмоций. Поэтому в вопросах анкеты были затронуты в том числе и эти проблемы. Конечный результат, полученный при обработке анкет, оказался для нас несколько неожиданным. Среди респондентов оказались две группы — общающиеся в социальных сетях ради получения информации, с одной стороны, и ради эмоций — с другой. При этом коэффициенты корреляции Спирмена, отражающие связь между этими группами, оказались либо отрицательными, либо близкими к нулю. Это значит, что те респонденты, которые уделяют время поиску информации, не ставят цель получить эмоции, и наоборот, те, кто занят поиском эмоций, не обращают внимания на информацию. И только те респонденты, которые уделяют внимание чтению художественной литературы, интересуются научной и учебной информацией.

В выборке оказались и такие респонденты, которые либо получают в социальных сетях и то, и другое; либо их не интересует ни то, ни другое. У них другие цели общения в социальных сетях.

Установлена отрицательная взаимосвязь между временем, затрачиваемым на компьютерные игры, с одной стороны, и на общение в социальных сетях, с другой. Между тем и то, и другое мешает студентам уделять внимание учебной информации. Но поскольку суточный бюджет времени ограничен, респонденты тратят время, в основном, либо на социальные сети, либо на компьютерные игры. При этом надо иметь в виду, что корреляция дает нам вероятностные оценки; корреляционная связь работает на массовом материале, а каждый отдельный респондент может потреблять любую информацию. Например, коэффициент ранговой корреляции Спирмена между временем компьютерных игр и чтением учебной литературы составляет $-0,259$. Как видно, связь отрицательная и достаточно плотная. Но это значит, что большинству, а не всем респондентам компьютерные игры мешают постигать научные истины.

Общение в социальных сетях и информационные потребности стимулируют покупку новых средств электронной информации — компьютеров, ноут- и нетбуков, планшетов, смартфонов и др. Журналы и газеты на бумажных носителях значительно уступают в популярности электронным средствам.

Информация об авторе:

Журавлев Геннадий Терентьевич, д. ф. н., профессор Российской академии предпринимательства, Москва, Россия, rochta1932@mail.ru

РЕАЛЬНЫЙ И ВИРТУАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. А. Зверькова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Многофункциональный центр предоставления государственных
и муниципальных услуг, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Проведен анализ формирования социального капитала молодежи как в мире реальном, так и виртуальном, для дальнейшего изучения влияния информационных технологий на социальные связи молодежи. Данные получены в ходе опроса студентов гуманитарных, естественнонаучных, технических направлений в вузах Санкт-Петербурга в 2015 г.

Ключевые слова: молодежь, социальный капитал, социализация, социальные связи, доверие

С конца XX столетия в обществе происходит трансформация социальной коммуникации, в связи с появлением телеграфа, телефона и т. д. В XXI в. с появлением сети интернет и различных гаджетов, предназначенных не только для телефонной связи, но и для видеосвязи в режиме реального времени, течение жизни и развитие событий значительно ускорились. К тому же жизнь общества проистекает не только в мире реальном, но и в виртуальном. Этот факт подтверждает статистика социальных сетей: так, по данным Brand Analytics, количество пользователей, ведущих публичную активность в социальной сети «ВКонтакте», за весну 2015 г. составляет 36 % населения г. Санкт-Петербург, возрастная категория пользователей находится в рамках от 18 до 24 лет [3].

Представители молодежи в указанных возрастных рамках относятся к наиболее мобильной категории граждан, которая формирует свой социальный капитал для наиболее успешной социализации.

Цель данной статьи — провести анализ формирования социального капитала молодежи как в мире реальном, так и виртуальном, для дальнейшего изучения влияния информационных технологий на социальные связи молодежи.

Изучение вопроса виртуализации социального капитала становится наиболее актуальным в связи с возрастающей популяризацией «дружбы» в соцсетях и уходом в мир информационных технологий, где молодежь может самореализоваться посредством разветвленности социальных связей и отсутствием необходимости контактировать с агрессивной реальностью.

Среди классических исследователей социального капитала особенно можно выделить Ф. Фукуяму, определившего социальный капитал как «возможность, возникающую из наличия доверия в обществе или его частях» [4]. Схожее определение дает и П. Бурдьё, указывая на то, что «социальный капитал — совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с наличием крепких социальных сетей связей, более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [5].

Наиболее полное определение дает современный исследователь Б. Д. Беспарточный: «...социальный капитал — это духовно-социальная составляющая человека, своеобразный ресурс, который определяет ее субъективный статус в обществе, который проявляется и воспроизводится посредством социальных связей, построенных на взаимном доверии, репутации, общих нормах и ценностях. Он наделяет индивида и группу, к которой он принадлежит, определенными преимуществами относительно доступа, владения, распоряжения и пользования ограниченными общественными ресурсами и благами» [1].

Таким образом, социальный капитал выступает как некий ресурс, формирующийся на основе доверия и социальной сплоченности, который можно использовать для достижения своих целей.

Ниже рассмотрим, каковы особенности социального капитала молодежи в XXI в. В качестве исследовательской области были выбраны студенты вузов, обучающиеся по различным направлениям: гуманитарным, естественнонаучным, техническим. Выборка среди студентов является актуальной в силу того, что представители молодежи, получающие высшее образование, наиболее склонны к адаптации в обществе с использованием инновационных способов и технологий. Различные складывания личностей и подходы к восприятию мира дают наиболее полную картину современной прогрессивной молодежи, их способов адаптации в виртуальном пространстве и реальном мире на основе формирующегося социального капитала.

Данные были получены в ходе опроса в вузах Санкт-Петербурга (2014 г., $N=56$ человек, выборка репрезентативна по полу и возрасту). Сбор данных был начат в январе 2015 г. и продолжался до августа 2015 г. Респонденты для интервью выбирались в группах учебных заведений от 18 до 25 лет, где верхняя граница определяется вступлением во взрослую жизнь, т. е. началом трудового пути и получением образования, а нижняя определяется началом карьерного роста в связи с получением определенного опыта. Было проведено разделение на 2 подгруппы респондентов в соотношении 50/50 в возрасте от 18 до 21 года, так как большинство респондентов еще находятся в стадии адаптации к студен-

ческой жизни, другая подгруппа в возрасте от 22 до 25 лет уже находятся в стадии «поиска себя в этом мире». Респонденты обеих подгрупп являются активными пользователями информационных технологий, 84 % опрошенных проводят более 6 часов в день в виртуальной среде с целью коммуникации и, как следствие, поддержания социальных связей. Заводят новых «друзей» в сети ежедневно 23 % опрошенных из подгруппы (18—21), 15 % респондентов из подгруппы (22—25) совмещают учебу в реальном мире и подработку в виртуальном, поэтому наращивают социальный капитал в целях карьерного роста.

Ниже приведены результаты опроса по различным категориям и факторам в реальной среде обитания индивида, а также в виртуальной среде. В табл. 1 отражены результаты исследования социальной сплоченности.

Таблица 1. **Социальная сплоченность (% от числа участников опроса)**

Фактор	Среда	Возраст	
		18—21	22—25
Отношение к окружающим как к равным	Виртуальный мир	64	57
	Реальный мир	36	43
Готов поделиться своими вещами с нуждающимися (деньги, одежда и т. д.)	Виртуальный мир	74	34
	Реальный мир	26	66

Судя по полученным результатам, в виртуальной среде молодым людям обеих подгрупп гораздо проще взаимодействовать и относиться друг к другу как к равным, так как сеть делает их абсолютно анонимными, и возможность коммуникации с любым человеком становится абсолютно реальной.

В вопросе взаимопомощи нуждающимся молодежь более старшей подгруппы предпочитает взаимодействовать в мире реальном, так как хочет убедиться, что помогает действительно нуждающимся. Респонденты более молодой подгруппы готовы помогать контактам из виртуальной среды в силу большего доверия друг другу.

Исследование доверия индивида к другим участникам общества в реальном мире и виртуальном является одним из направлений в изучении социальных связей индивида [2].

Таблица 2. **Доверие**

Фактор	Среда	Возраст	
		18—21	22—25
Готов доверить незнакомому человеку свою тайну	Виртуальный мир	78	3
	Реальный мир	22	1
Готов доверить незнакомому человеку свое имущество (деньги)	Виртуальный мир	2	1
	Реальный мир	1	0

Полученные результаты указывают на то, что в среде информационных технологий молодежь (18—21) наиболее открыта. Подгруппа (22—25) консервативна и не доверит свои мысли и чувства, как в реальном мире, так и в виртуальном будет более осторожна в доверии.

Готовность доверить свое имущество или деньги мизерна в обеих подгруппах, что говорит об отсутствии доверия в материальных вопросах.

Подводя итог исследования, можно сказать, что молодое поколение стремится к наращиванию социального капитала и способно помогать друг другу в условиях анонимности и невидимости, в особенности, представители самой молодой категории, так как практически выросли с гаджетами в руках. Наблюдается наибольшая сплоченность молодежи в виртуальной среде, где нет ограничений в общении на любые темы и желание помочь появляется в условиях открытости.

В то же время наблюдается тенденция замкнутости в себе у представителей молодежи в возрасте от 22 до 25 лет независимо от среды коммуникации.

Результаты проведенного исследования раскрывают возможность для дальнейшего исследования влияния информационных технологий на социальный капитал молодежи и применения результатов в различных отраслях социологии, таких как социология молодежи, социология коммуникаций.

Список литературы

1. *Беспарточный Б. Д.* Концептуальные основы социального капитала // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 5—6.
2. *Козырева Л. Д.* Социальные связи в системе социальной поддержки // Научные труды Северо-Западного института управления. 2014. № 1 (13). С. 45—49.
3. *Социальные сети в России, весна 2015.* Цифры, тренды, прогнозы [Электронный ресурс] // Аналитика информационного поля бренда. URL:

<http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy/> (дата обращения: 12.02.2016)

4. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния. М. : Новая индустриальная волна на Западе. Антология, 1999. С. 35.

5. Bourdieu P. The forms of capital. N. Y. : Handbook of theory and research for the sociology of education, 1985. P. 241—258.

Информация об авторе:

Зверькова София Александровна, аспирантка кафедры социологии и социальной работы ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», ведущий специалист по документообороту в СПб ГКУ «Многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг», Санкт-Петербург, Россия, sof777@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Е. В. Князева

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Социологический центр «Пульс», Одесса, Украина*

Аннотация. На примере авторского исследования, посвященного выявлению представлений родителей о поведении детей в интернете, проанализированы проблемы, связанные с массовым использованием детьми интернета.

Ключевые слова: дети, интернет-аудитория, методология,

Доклад посвящен методологическим и этическим проблемам исследований детской интернет-аудитории. Основные проблемы, связанные с массовым использованием детьми интернета * (начиная с самого раннего возраста):

1) безопасность детей в интернете: с одной стороны, современные дети, которых принято называть цифровым поколением, представляют собой авангард будущего, с другой — они являются наиболее уязвимой группой, находящейся под влиянием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ);

2) интернет по-прежнему является хрупкой средой, воспринимается как непонятное и незнакомое пространство: с одной стороны, дети становятся экспертами в области интернета и более уверенными в себе пользователями по сравнению со старшими поколениями, с другой — родителей беспокоит утрата детьми традиционных навыков, компетенций и ценностей;

3) разрыв поколений: родительские стратегии направлены на регулирование пользования интернетом в пределах дома (семьи) и сосредоточены на образовательных возможностях интернета, тогда как дети, напротив, предпочитают онлайн-развлечения и коммуникацию;

4) дети испытывают амбивалентные чувства: с одной стороны, интернет открывает путь к самообучению, с другой — дети могут использовать ненадежные неквалифицированные ресурсы в процессе поиска необ-

* ¹ С целью исследования детской интернет-аудитории социологический центр «Пульс» в ноябре 2015 г. провел опрос семей с детьми до 18 лет. Всего в г. Одессе опрошено 357 семей, в которых воспитывается 516 ребенок. Более подробно о результатах — на сайте puls.od.ua.

ходимой информации; кроме того, интернет по-разному используется в школе и дома.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблеме методологического характера, связанной с размытостью границ между детским и взрослым миром: исследования онлайн-поведения детей (традиционными или инновационными методами) затрагивают детское пространство, которое находится **вне контроля взрослых**. Дети являются ценными информаторами и имеют право быть услышанными. Решение данной проблемы видится нам в активном привлечении детей в качестве участников (а не только объекта) исследований и, соответственно, требует:

1. Разработки новых методологических подходов к исследованию с участием детей, предполагающих реконцептуализацию детей как активных агентов, а не объектов исследования, т. е. переход от исследований детей к исследованию с участием детей.

2. При проведении исследований с участием детей необходимо признать тот факт, что дети должны рассматриваться не только в качестве объектов защиты, но и в качестве субъектов прав, т. е. активных социальных субъектов. Это одна из главных этических проблем в исследованиях с участием детей, имеющая двойственную природу, что отражается в текущих дебатах в академической и исследовательской среде. С одной стороны, перед исследователями стоит задача снижения возможного вреда и обеспечение надлежащей защиты детей (ст. 3 КПР), с другой — в результате исключения детей из процесса исследования мы, как уже было сказано выше, недополучаем важную информацию о детском опыте, их мнениях и поведении. Эпоха, когда детей не было ни видно, ни слышно, прошла. Сегодня у детей есть права. Статьи 12 и 13 КПР обеспечивают ребенку право свободно выражать взгляды по всем вопросам, затрагивающим его (ребенка) интересы. Это право также включает свободу поиска, получения и распространения информации о всех решениях, которые влияют на жизнь детей.

В целом, следует отметить, что этические принципы, которые применяются для исследований взрослых, в равной степени относятся и к детям, но имеют некоторые особенности, характерные для исследований с участием детей:

- детские компетенции;
- потенциально уязвимое положение детей (в силу возраста) во взаимодействии со взрослыми;
- властное положение взрослых — естественный дисбаланс сил и влияние на собранные данные (взрослые должны быть как можно ближе ребенку).

Кроме того, для участия детей в интернет-исследованиях, как и в традиционных исследованиях, во-первых, требуется информированное согласие родителей. В случае интернет-исследований, это очень сложно сделать, так как ребенок находится в неконтролируемом взрослыми пространстве. Во-вторых, важно установить и убедиться, что указанный возраст ребенка соответствует его биологическому возрасту. В-третьих, сами дети должны предоставить информированное согласие на участие в исследовании, а также имеют право в любой момент отказаться от участия в исследовании или не отвечать на отдельные вопросы. При этом необходимо учитывать, что возраст детей, которых необходимо включить в процесс исследования, будет иметь значительное влияние на выбранный метод и дизайн исследовательских инструментов.

В некоторых случаях лучшим способом уважать права детей, как указано в «Руководящих принципах этики для интернет-исследований» (декабрь 2014)*, в было бы использование в качестве исследовательского инструмента методов исследования, не связанных с интернетом, даже при сборе данных в интернете.

В заключение хотелось бы обратить внимание и на практический аспект исследований с участием детей — предоставление обратной связи **всем** участникам исследования и информирование о его результатах. Это хорошая практика, которая позволяет убедиться, что выводы, сделанные на основе результатов исследования, будут донесены до всех его участников. В этой связи, можно предложить следующие рекомендации:

- можно собрать контактные данные тех, кто принимал участие в исследовании и выражал заинтересованность;
- выводы должны быть доступны и специально адаптированы, а не просто копия отчета;
- информация должна подаваться в соответствующем формате в расчете на аудиторию;
- выделить те результаты, которые представляют наибольший интерес для данной аудитории;
- включить информацию о том, что будет дальше, каковы перспективы исследования.

Информация об авторе:

Князева Елена Владимировна, к. с. н., доцент кафедры социологии ИСН ОНУ имени И. И. Мечникова, директор Социологического центра «Пульс», Одесса, Украина, knyazeva.elena@bk.ru

* URL: <https://www.etikkom.no/globalassets/documents/english-publications/ethical-guidelines-for-internet-research.pdf>.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И СТУДЕНТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА)

Е. В. Ковалевская

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Проведен опрос среди студентов гуманитарных и экономических специальностей с целью выяснить, какая информация для них наиболее важна в интернете. Выяснилось, что проводя значительное время в социальных сетях, студенты, в тоже время, невысоко оценивают свое общение в них и получаемую информацию.

Ключевые слова: интернет, социальные сети, студенты, виртуальная среда

Современный мир трудно представить без социальных сетей, а социальные сети невозможны без интернета, т. е. без той виртуальной среды, которая создается с его помощью. Виртуализацию современного общества называют уже перспективой дальнейшего существования человечества. Интернет нужен не только для служебных целей, но и для простого общения и обмена любой информацией. С каждым годом привлекательность такой формы общения между людьми становится все популярнее, особенно среди молодежи. Это закономерное явление. Ведь молодое поколение быстрее осваивает электронную среду и даже, можно сказать, растворяется в ней. Это можно объяснить тем, что нынешние молодые родились и выросли вместе с развитием этих электронных виртуальных новинок, приобщались к ним, как правило, сначала с помощью игр. Люди старшего поколения тоже вынуждены внедряться в эту виртуальную среду, но к этому их вынуждает социальная действительность, и далеко не все люди охотно и по своей воле меняют реальные способы взаимодействия между собой на виртуальное взаимодействие. Чтобы не остаться в стороне, люди все равно должны изменять свое отношение к существующей реальности. У старшего поколения есть свое преимущество: возможность сравнивать и оценивать эти две формы реальности, два способа взаимодействия.

Информатизация всего общества стала государственной стратегией, и многие государственные услуги теперь предоставляются в электронном виде, т. е. реальные условия современной жизни таковы, что без интернета и электронного взаимодействия теперь практически невозможно обойтись. Но каждое поколение людей по-разному овладевает

современными технологиями и внедряется в виртуальное пространство. Современная молодежь и дети быстро осваивают и уверенно общаются с электронными новинками, и для них старые технические устройства, например, телефон с дисковым набором цифр требуемого номера, является порой загадкой, своеобразным ребусом, который они с трудом пытаются отгадать, пытаются выяснить, как без кнопок можно набрать нужный номер. Они охотнее осваивают игровые приставки и так называемые «умные» гаджеты, тем более что их производители очень умело с помощью рекламы внушают им, что без этих приспособлений жизнь будет серой и беспросветной, но, если приобрести изобретаемые электронные новинки, то жизнь каждого ее обладателя изменится и улучшится. Современные электронные средства, которые совмещают несколько функций, дают возможность получить очень разнообразную информацию: и текстовую, и звуковую, и визуальную. Информацию можно не только получить, но и создать самому, можно ею обмениваться, причем теперь можно все сказать и показать не только тем людям, которых ты лично знаешь, но всем, кто имеет доступ в интернет, а еще лучше — через социальную сеть.

В наше время процесс интернет-общения и общения в социальных сетях постепенно переходит на новую ступень своего развития, потому что доступ к интернету становится практически повсеместным, доступен всегда и везде, где есть связь. Стационарное подключение из дома или интернет-кафе, которое раньше было единственно возможным, сегодня постепенно, но очень последовательно заменяется повсеместной возможностью с помощью телефона и Wi-Fi всегда быть на связи, в сети, в зоне доступности. К Wi-Fi подключаются линии метро, маршруты автобусов и маршрутных такси, магазины, кафе и другие места, куда стремятся привлечь как можно больше людей. Люди на улицах и в транспорте перестают замечать рядом сидящих, идущих — они погружаются в виртуальную среду, уткнувшись в телефон или какое-нибудь другое техническое устройство для связи или развлечения, называемое гаджетом. Можно сказать, что, находясь в реальном мире, они его не воспринимают должным образом, так как их внимание переключено на ту информацию, которую им предоставляет техническое устройство, особенно, если есть доступ к интернету. Можно сказать, что люди находятся одновременно в двух реалиях сразу: в реальной, жизненной, бытовой ситуации и одновременно они же присутствуют и общаются с кем-то в виртуальной среде, не замечая ничего и никого вокруг себя. Бывает, что такая ситуация, к сожалению, наблюдается и среди студентов. Непреодолимая тяга к информации из интернета больше приковывает их внимание к телефону, а не к конкретному занятию.

Проводя опрос среди студентов гуманитарных и экономических специальностей, мы попытались узнать, какая информация больше всего их интересует, является жизненно важной для них. Результаты опроса показали, что 70,4% студентов ежедневно общаются в социальных сетях и 3—4 раза в неделю посещают социальные сети 16,0% человек. Получается, что в социальных сетях присутствуют практически все студенты, более того, присутствуют и общаются там ежедневно. Практически на том же уровне находится информация о погоде: прогнозами погоды интересуются ежедневно 63,0% респондентов. Новостями и событиями в мире, стране и городе интересуются 55,6% студентов, т. е. немногим больше половины. На четвертом месте у студентов стоит учебная информация. Опрос показал, что к ней ежедневно обращается 37% студентов, 28,4% нуждаются в ней 3—4 раза в неделю, но среди опрошенных студентов 22,2% обращаются к ней только 1 раз в неделю, а 8,6% вообще ею не интересуются. Развлекательная информация ежедневно необходима 29,6% опрошенных, 3—4 раза в неделю — 29,7% респондентам, почти столько же — 28,4% — студентов нуждаются в развлекательной информации 1 раз в неделю, и совсем не обращаются к развлекательной 9,8% респондентов. Почти на таком же уровне у студентов интерес к кинофильмам. Ежедневно их смотрят 32,1% респондентов и 33,4% студентов смотрят их 3—4 раза в неделю. Студентов не очень привлекает информация об изобразительном и прикладном искусстве. Так, 46,9% студентов ответили, что не интересуются ею совсем, и 29,6% опрошенных обращаются к такого рода информации только раз в неделю. Информация о космосе тоже не интересует почти половину студентов (46,9%), и один раз в неделю может ею заинтересоваться только 32,1% опрошенных. Хотя космические достижения не очень интересуют современных студентов, но все же, 21,0% опрошенных ответили, что ежедневно просматривают информацию о научных достижениях и технических новинках. Среди музыкальных предпочтений лидирует и доминирует интерес к эстрадной музыке и концертам, а классическая музыка совсем не интересует почти половину (42,0%) студентов. Еще студенты проявляют устойчивый интерес к путешествиям.

Студентам был задан вопрос о том, узнают ли они что-то новое для себя, когда общаются в социальных сетях. 30,9% респондентов ответили, что получают в социальных сетях много новой информации, 65,4% респондентов кое-что новое узнают, а 3,7% ответили, что никакой новой информации для них в сетях нет, только одни пустые разговоры о повседневной жизни.

Высоко оценивают информацию, которой обмениваются в социальных сетях, 17,3% студентов, 81,5% опрошенных дают среднюю оценку

этой информации, и 88,9% респондентов ответили, что кое-что полезное есть в информации, которую они получают в социальных сетях, и они это используют. Тем не менее, 32% респондентов проводят в сети от 1 до 2 часов в день, 28% — 3—4 часа в день, а пятая часть от общего числа опрошенных может провести в сетях практически весь день (5—6 часов в день в сети проводят 10% от общего числа опрошенных, а весь день — 12%).

Наблюдается интересная ситуация: с одной стороны, студенты проводят значительное время в социальных сетях, а с другой — оценивают свое общение и получаемую информацию не очень высоко, преобладает средняя оценка. В основном, считают такое общение не очень позитивным и эффективным, но, все равно, не отказываются от такого общения и своего присутствия в социальной сети, проводят значительную часть времени там, не зная, чем себя занять в реальной жизни. Такова одна из сторон новой виртуальной реальности.

Информация об авторе:

Ковалевская Елена Викторовна, к. с. н., доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, evkyand@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРНЕТА

Е. Н. Лузгина

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Рассматриваются возможности интернета для формирования активной трудовой позиции молодежи. Функционирование современного рынка труда, в особенности, посредников между соискателями и работодателями, было бы не эффективным без использования интернета, позволяющего структурировать информацию о рынке труда, хранить ее в базе данных, осуществлять поиск и анализ необходимой информации. Однако большая часть ресурсов ориентирована на цели работодателей и посредников как основных плательщиков. Сервисы для соискателей ориентированы в большей степени на ситуативную задачу подбора вакансий, а не на развитие карьеры специалистов.

Ключевые слова: молодежь, интернет, трудовая активность, электронный рекрутинг

Молодежь выступает базовым элементом социально-экономического развития любого общества. Изучение данной группы позволяет не только решить текущие задачи по улучшению ее жизни, но и предугадать развитие профессиональной и трудовой жизни региона в будущем.

Исследование формирования трудовой активности молодежи с помощью интернета базируется на теоретических и практических разработках в области социальной экономики, социальной философии, социальной психологии, социологии управления, социологии молодежи, социологии труда и других наук.

Собственно социологический подход к анализу социальной сущности основ экономического поведения, начиная с работ Г. Зиммеля, В. Зомбарта, К. Маркса, реализуется в исследованиях зарубежных ученых Н. Дж. Смелзер, П. Бергер, Т. Веблен.

Надо отметить, что количество работ в области исследования трудовой активности российской молодежи весьма незначительно, хотя различные аспекты этой проблематики в той или иной мере поднимаются в отечественных исследованиях, посвященных изучению трудоустройства молодежи, ее жизненных ценностей, адаптационных стратегий.

А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, Е. Г. Слуцкий развили понимание молодежи как специфической социально-демографической группы, определив ее роль в социальной структуре общества, установили процессы, связанные со становлением личности, а также влияние социальных различий на ценностные ориентации и профессиональное самоопределение молодежи. Реформы конца XX — начала XXI в. стимулировали изучение институциональной структуры России как нерыночного типа общества — С. Г. Кирдина.

Проблемная ситуация обусловлена заинтересованностью социума в активной трудовой деятельности молодежи как значимого для будущего России ресурса. Социально-экономические преобразования изменили систему общественного производства — новый контекст приобрели трудовые отношения, изменился рынок труда и система профессиональной подготовки, новое направление получили ценностные ориентации и мотивации работников. Помимо традиционных способов содействия трудоустройству молодежи появляются и современные технологии, посредством интернета молодежь может реализовывать свой трудовой потенциал.

Большое значение в современных условиях придается влиянию интернета и рекрутинговых сайтов в формировании и поддержке развитой инфраструктуры рынка труда, основными задачами которой являются:

- содействовать населению в трудоустройстве;
- оказывать услуги по профессиональной ориентации и профессиональной подготовке и переподготовке;
- содействовать развитию предпринимательства; содействовать трудовой активности [1].

В результате появилась необходимость в создании новых знаний в области трудовых практик молодежи с использованием интернета, выявлении факторов, определяющих трудовую активность и причины трудовой пассивности работников молодежного возраста, что позволит структурам, управляющим социальными организациями, изменять негативные процессы, возникающие в трудовой сфере. Научное осмысление трудовой активности через влияние на нее интернета даст возможность выявить степень адаптации молодежи к новым социальным условиям.

Информационные технологии оказывают влияние на трудовую активность молодежи и возможности социального управления ею.

Под социальным управлением трудовой активностью молодежи понимается систематическое воздействие субъектов управления на сознание и поведение студенческой молодежи с целью формирования у нее активности как сознательной, самостоятельной деятельности, направленной

на удовлетворение собственных потребностей и решение общественно значимых задач [3].

Интернет может обеспечить информирование молодежи о возможностях ее самореализации; освещать широкий круг актуальных проблем, стоящих перед обществом и отдельными социальными группами; увеличить количество информации познавательного характера; осуществлять контроль над информацией, способной препятствовать формированию трудовой активности и порождать неверие в себя, неуважение к общественным ценностям, продвигать корыстные цели определенных социальных групп и личностей [4].

Современные информационные технологии активно входят в жизнь каждого человека. Функционирование современного рынка труда, в особенности, посредников между соискателями и работодателями, было бы не эффективным без использования интернета, позволяющего структурировать информацию о рынке труда, хранить ее в базе данных, осуществлять поиск и анализ необходимой информации. Данные процессы в последнее время находятся в центре внимания специалистов, работающих в сфере занятости и рекрутинга населения.

Поиск работы через интернет становится все более популярным, особенно среди молодежи. Такая популярность достигается благодаря тому, что данный способ является удобным, доступным и экономичным.

Информация в интернете — как правило, публичная, доступ к ней бесплатный. Исключения составляют коммерческие сайты, доступ к которым возможен только после оплаты услуг и регистрации. На многих сайтах для работы с информацией требуется бесплатная регистрация, которая заключается в заполнении анкеты и присвоении посетителю имени и пароля для дальнейшего доступа [2].

Стоит также отметить, что большая часть ресурсов ориентирована на цели работодателей и посредников как основных плательщиков. Сервисы для соискателей, которые предоставляются ресурсами, ориентированы в большей степени на ситуативную задачу подбора вакансий, а не на развитие карьеры специалистов, цели развития бизнеса самих ресурсов — пополнение банка резюме, увеличение количества посетителей и собственный рейтинг.

Рынок электронного рекрутинга в России очень молод, имеет высокие темпы роста, и многие процессы развития этого рынка происходят стихийно. В связи с этим пока нет четких критериев и стандартов.

Поиск работы в сети интернет, как один из возможных способов трудоустройства, помогает изменить ситуацию в лучшую сторону, и на сегодняшний день является одним из популярных способов поиска работы и проявления активной трудовой позиции.

Список литературы

1. *Докторов Б.* Интернет — новое российское чудо [Электронный ресурс] // Петербургский журнал социологии. 1999. № 2. С. 5—7. URL: <http://www.socio.ru/public/doktorov/Chudo.doc>.
2. *Лупанов В. Н.* Интернет как объект социологического исследования. К вопросу о развитии социологической сети в Интернете, Web-сети // Информационное общество. 2001. № 4. С. 41—43.
3. *Трудовая активность: мотивация и стимулы* : Межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. И. Добрынина. М. : МФЭИ. 1991.
4. *Чугунов А. В.* Социология Интернета: методика и практика исследований интернет-аудитории : учебное пособие. СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. 130 с.

Информация об авторе:

Лузгина Елена Николаевна, аспирант кафедры социологии и социальной работы ФГБОУ ВПО СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия, luzgina.e.n@gmail.com

ЛАЙФЛОГГИНГ (LIFELOGGING) КАК МЕТОД СБОРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

А. В. Маркеева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Несмотря на активное распространение практики формирования персональных цифровых архивов, в научном плане лайфлоггинг и социальные последствия его распространения недостаточно полно изучены. В настоящей работе освещаются основные преимущества и ограничения использования метода лайфлоггинга в социологических исследованиях.

Ключевые слова: лайфлоггинг, цифровые архивы, социальные медиа

Ускорение темпов жизни современного человека, появление новых информационных технологий приводят к существенным сдвигам в мировоззрении современного человека. Временность становится основным лейтмотивом: человек имеет временную работу, не стремится иметь собственность (лучше пользоваться плодами разделяемой экономики), не стремится вступать в длительные отношения. Но при этом временность и быстротечность жизни усиливает желание человека сохранить, заархивировать каждый момент своей жизни, впечатления, эмоции и опыт.

Рост популярности социальных сетей и мобильных приложений, носимых девайсов открывает перед социологами новые возможности по сбору данных о повседневной жизни людей. Алгоритмы анализа Big Data и системы, построенные на методе машинного обучения, позволяют получать репрезентативные данные о поведении людей без использования опросных методов, открывают новые возможности слушать людей (через анализ общения пользователей в социальных медиа), а с недавних пор — еще и видеть инсайты человеческого поведения.

Последняя возможность, столь актуальная для понимания паттернов повседневного поведения, реализуется с помощью лайфлоггинга (lifelogging). Уже сейчас миллионы людей во всем мире ежедневно не только формируют личные цифровые архивы (lifelog), но предоставляют открытый доступ к личной информации, целенаправленно обмениваются данными с другими пользователями.

При этом анализ приобретающей популярность среди пользователей во всем мире новой социальной практики свидетельствует, что лайфлоггинг не только позволяет эффективно решать проблему забывания, свойственную человеческой памяти, путем разработки систем,

которые бы «записывали абсолютно все» (это было основной целью, ради которой лайфлоггинговые приложения и девайсы создавались), но превращается в эффективный инструмент сбора информации о внешней среде [1]. Фактически социологи получают оцифрованные данные не только о человеке, его повседневной деятельности, но и о контексте, в котором происходит жизнь человека [5]. Появление в последние годы инструментов фиксации и определения эмоций пользователя, значительно расширяют возможности лайфлоггинговых систем, позволяя получать эмоционально окрашенные цифровые архивы пользователей [3], выявлять взаимосвязи между эмоциональным состоянием человека и контекстом его деятельности, решаемыми задачами и т. д. Например, продукты медиалаборатории Массачусетского технологического университета позволяют любому пользователю на основе персональных данных, полученных с помощью лайфлоггинга, составить собственные карту счастья и карту стрессовых ситуаций [2].

По мере того как технически совершенствуются аналитические функции лайфлоггинговых инструментов, с одной стороны, и растет стремление пользователей не просто формировать цифровые архивы, но и получать из них данные для изменения своего поведения, лайфлоггинг становится эффективным способом «процесса цифрового самоанализа» жизнедеятельности индивида. В этой связи социологи могут активно применять его в связке с другими исследовательскими методами для решения различных задач (образовательных, управленческих, маркетинговых и т. д.). Особенностью лайфлоггинга является активный подход к получению и обработке информации. Он подразумевает большую, нежели раньше, свободу в предоставлении персональной информации другим пользователям [4], а также создает специфическую исследовательскую ситуацию, когда субъект становится объектом собственного наблюдения.

Уже сейчас данные, получаемые с помощью лайфлоггинга, помогают компаниям дешевле и быстрее персонализировать товар или услугу под потребителя. Например, системы геолокации, присутствующие в современных приложениях лайфлоггинга, позволяют оптимизировать систему продвижения компаний (рекламу, размещение торговых площадей, выстраивания дистрибутивных каналов и т. д.). Отдельного внимания со стороны социологов и маркетологов заслуживают возможности лайфлоггинга в качестве эффективного элемента системы рекомендаций. Нахождение референтных лиц в интернете (трендсеттеров), ведущих лайфлоги, позволяет организациям использовать развивающийся тренд потребительского поведения: рекомендации других потребителей — как значимый фактор выбора товаров и услуг.

Применение лайфлоггинга в исследовательских целях отвечает сложившейся ситуации, когда неполнота количественных данных, получаемых с помощью опросов, сложность и многогранность человеческого поведения, а также существенное изменение условий жизнедеятельности современного человека, привели к изменению исследовательской парадигмы (*Listening is a newasking*): от практики задавания вопросов к слушанию, к попытке увидеть за стандартными ответами, обусловленными, как правило, следованием моделям социально приемлемого поведения, реальные мысли и желания людей. Однако методологическая ограниченность применения результатов, полученных с помощью качественных методов, создавала значительные сложности для социологов в использовании полученной информации об инсайтах человеческого поведения. Лайфлоггинг и многие другие новые методы сбора информации (например, нетнография), использующие в качестве технологической платформы онлайн-технологии, позволяют преодолеть данную проблему: оставаясь, по сути, качественными методами, они дают возможность исследователю получать и количественный срез информации.

Несмотря на активное распространение практики формирования персональных цифровых архивов, в научном плане лайфлоггинг и социальные последствия его распространения недостаточно полно изучены. Для социологов как никогда актуальным становится вопрос разработки методического инструментария для обработки данных цифровых архивов, а также формирования удобных и понятных социологу технических программ по агрегации данных лайфлоггинга и их систематизации. Тем более что рынок лайфлоггинговых приложений и девайсов сейчас стремится к узкоспециализированным устройствам (связанным с поддержанием или формированием здорового образа жизни, фиксацией событий и социальной активности и т. д.). Это приведет к тому, что для решения исследовательских задач социологу необходимо будет интегрировать информацию из различных типов лайфлоггинговых приложений. Одним из способов решения этой проблемы может стать появление агрегаторов информации из различных персональных архивов пользователей.

Актуальными также будут вопросы оперативности извлечения необходимой информации из больших объемов накапливаемых персональных данных; как отмечалось выше, выработки критериев их систематизации; проверки значимости и достоверности полученной информации для формирования управленческих решений; направлений и способов интеграции лайфлоггинга с другими методами исследования в рамках постановки и решения комплексных исследовательских задач. В этой связи актуальным становится формирование междисциплинарных команд,

объединяющих социологов, IT-специалистов, социальных психологов и др., для решения поставленных задач.

Как и в других методах, связанных с персональными данными, в ближайшие годы будет актуализироваться вопрос об ограничении их использования. Такой объем хранимой личной информации и открытый доступ к ней может быть использован как коммерческими организациями, так и государственными институтами для управления поведением людей, для усиления надзора над их трудовой деятельностью и личной жизнью. Социологи должны быть инициаторами проведения общественных и профессиональных дискуссий по выработке и определению «этических параметров» применения и использования информации, полученной, в частности, с помощью лайфлоггинга.

Список литературы

1. Bergman O., Brockmeier J., Clough P., Kalnikaite V., Sellen A., Petrelli D., Whittaker S., Villar N. Socio-Technical Lifelogging: Deriving Design Principles for a Future Proof Digital Past // *Human-Computer Interaction*. 2012. Vol. 27. P. 37—62.
2. Hernandez J., McDuff D., Fletcher R., Rosalind W. Picard Inside-Out : Reflecting on your Inner State [Электронный ресурс] // *Work-in-progress in Pervasive Computing*, San Diego, CA, March 18—22, 2013. URL: <http://affect.media.mit.edu/pdfs/13.Hernandez.McDuff.Fletcher.Picard-PerCom.pdf>.
3. Ivonin L., Huang-Ming Chang, Wei Chen, Rauterberg M. Unconscious emotions: quantifying and logging something we are not aware of // *Personal and Ubiquitous Computing*. 2013. 17. P. 663—673.
4. Jones D. All the moments of our lives: self-archiving from Christian Boltanski to Lifelogging [Электронный ресурс] // *Archives and Records : The Journal of the Archives and Records Association*. Spring. 2015. Vol. 36. Is. 1. P. 29—41. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/23257962.2015.1010149>.
5. Sellen A., Whittaker S. Beyond total capture: A constructive critique of lifelogging // *Communications of the ACM*. 2010. 53(5). P. 70—77.

Информация об авторе:

Маркеева Анна Валерьевна, к. с. н., доцент кафедры социологии организаций и менеджмента Социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, anna_markeeva@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ ГРАЖДАН К ВОЗНИКНОВЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

А. В. Мыльникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. В 2014 г. проводилось исследование с целью определить и проанализировать позицию населения по вопросу развития в России ювенальной юстиции. Анализировались комментарии пользователей к публикациям по вопросам ювенальной юстиции на нескольких интернет-ресурсах, периодически затрагивавших тему ювенальной юстиции в России. Судя по результатам исследования, у населения преобладают страхи и другие отрицательные эмоции в связи с темой ювенальной юстиции. Необходимо совершенствовать систему нормативно-правового регулирования и социального просвещения граждан в данной сфере посредством информационной поддержки ювенальных проектов социально-реабилитационной направленности.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, интернет-ресурсы, семья, дети, социальное просвещение, нормативно-правовое регулирование

В современных условиях модернизации институтов защиты детства вопросы социальной, правовой защиты детей и семей с детьми приобретают особую актуальность. Необходимы, во-первых, эффективные инструменты, обеспечивающие снижение темпов попадания несовершеннолетних в группы социального риска и, во-вторых, закрепление их в правовых основах на уровне законодательных, исполнительных, судебных органов, а также органов местного самоуправления. В качестве одного из таких инструментов в России рассматривается ювенальная юстиция как правовая основа социальной политики в отношении несовершеннолетних, система защиты их прав и законных интересов, объединяющая вокруг специализированного ювенального суда социальные службы и институты гражданского общества.

На сегодняшний день, вопрос о значимости и внедрении ювенальной юстиции конкретно в Российской Федерации обсуждается на различных уровнях (политическом, научном, информационном). Необходимость внедрения ювенальной юстиции представляет огромное дискуссионное поле в современной политической системе России, которая, в свою очередь, вызывает множество неоднозначных откликов. Данная тема концентрирует на себе внимание современных отечественных исследователей:

А. С. Автономов, А. П. Гуськова, Л. М. Карнозова, В. К. Криворученко и др. Информационный уровень представлен дифференцированными оценками ювенальной юстиции населением.

В 2014 г. нами было проведено исследование, направленное на определение и анализ позиции населения по вопросу развития в России ювенальной юстиции. В качестве метода исследования, учитывая, что глобальная сеть интернет в данный момент является одним из главных информационных ресурсов, который обеспечивает не только непосредственный доступ к новостным лентам, но и их комментариям, раскрывающим точку зрения пользователей, вне зависимости от того, положительная она или отрицательная, использовался анализ интернет-ресурсов.

В процессе исследования проанализированы комментарии пользователей к публикациям по вопросам ювенальной юстиции информационно-аналитической службы «Русская народная линия», официального сайта газеты «Newsland», Всероссийского информационного портала «Ювенальная юстиция в России», Информационно-аналитического портала независимых родителей. Мы выяснили, что данные информационные источники периодически затрагивают тему ювенальной юстиции в России, тем самым, спровоцировав огромное количество мнений среди населения. Исследование показывает, что среди населения доминируют отрицательные отзывы, страхи, причем аргументы отрицания различны:

1) ювенальная юстиция неприемлема в государстве в силу экономических причин («...ювенальная юстиция оправданна в тех странах, где нет нищенских зарплат, копеечных детских пособий и разработана социальная помощь...»; «В европейских странах ребенок, находящийся, по мнению специализированных служб, в опасной ситуации, подлежит изъятию из семьи. Если подобную ситуацию перевести на российскую действительность, то под это состояние можно подвести большинство российских семей, основаниями чему могут послужить низкий уровень жизни, безработица»);

2) ювенальная юстиция недооценивает воспитательную функцию семьи («...в результате существенного расширения полномочий работников ювенальных структур, судов и социальных служб, имеющих почти неограниченные права... возрастает вероятность неконтролируемого вмешательства данных структур в дела отдельных семей. В результате этого ювенальные органы способны изъять, в том числе, грубо нарушая при этом законодательство, любого ребенка из любой семьи по любому самому абсурдному поводу»);

3) ювенальная юстиция нарушает неприкосновенность частной, семейной жизни («...категорически против внедрения в России ювенальной юстиции. А ведь уже во многих школах Москвы требуется от учеников

сдавать паспорта здоровья школьников, в которых о самом здоровье вопросов почти нет, но зато вопросы о доходах родителей, о квадратных метрах квартиры и другие вопросы не связанные со здоровьем детей...»);

4) ювенальная юстиция — это не только отправление правосудия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом («...ювенальная юстиция рискует привести к еще большей моральной деградации общества, чем это есть сегодня. Для регулирования детской преступности достаточно внести соответствующие поправки в уже существующие законы, но стоит ли расплачиваться уничтожением семейных ценностей за сомнительную возможность сказать, что у нас, дескать, с ювенальной юстицией все, как в развитых странах. И то, к слову, далеко не во всех...»);

5) ювенальная юстиция — институт разрушения семьи («...общество против установления приоритета интересов прав детей над интересами родителей. Родительский авторитет попросту утратит свою силу»; «Ничего кроме деструктивного желания разрушить институт семьи, выпячивания неких прав ребенка, в этом процессе наблюдать невозможно...»);

6) ювенальная юстиция разрушает мир детства («...что нашим предкам показалось бы страшным сном, грозит нашим детям реально. Но надо бороться ради детей. Их хотят развратить...»).

Мнения участников обсуждений вопросов ювенальной юстиции с положительными комментариями менее распространены. В процессе исследования нами выявлено два аргумента, поддерживающих развитие института ювенальной юстиции:

1) ювенальная юстиция создает условия для социальной реабилитации несовершеннолетнего («...необходимо объективное рассмотрение с точки зрения последствий. Положительная реабилитация малолетних правонарушителей процветает в Европе как мера во избежание искалеченной психики после тюрьмы. Попытка введения ювенальных судов, исходя из гипотезы «положительное в приоритете», вполне оправданна. Я за правильное и грамотное использование ювенальных судов...Вопрос, полезна ли она в принципе и полезна ли она в России, следует рассматривать, исходя из позиции «Не навреди ребенку и семье»; «введение ювенальной юстиции обеспечит ребенка грамотной реабилитацией и профилактикой правонарушений...»);

2) ювенальная юстиция развивает сеть специализированных учреждений поддержки несовершеннолетних («...специализированные учреждения, учитывающие специфику подростков — плохо??!! Другое дело — содержание закона о Ювенальной юстиции...»).

Исследование показало, что бинарная позиция, содержащая аргументы «за» и «против», представлена в профессиональном сообществе

специалистов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, актуализирующем значимость «человеческого фактора». Например, С. Морозова, практикующий психолог-консультант, сотрудник Северо-Западного центра профилактики злоупотребления ПАВ (г. Москва) отмечает, что очень много жизненных ситуаций попадают под юрисдикцию ювенальной юстиции (травмы, жалобы, асоциальное поведение родителей или самих детей, бракоразводные процессы), поэтому многое зависит от того, каким человеком окажется судья, социальный работник или учитель в школе, от человеческого фактора (присутствия или отсутствия профессионализма, компетентности, порядочности, честности, адекватности, любви к детям).

В целом исследование показало, что большинство граждан относится очень категорично к введению института ювенальной юстиции, обосновывая свою позицию тем, что это приведет к упадку семейных ценностей и авторитета родителей, бесправию взрослого перед ребенком и социальными службами, деградации общества и института семьи, росту социальных сирот, развитию у несовершеннолетних эгоистических качеств. Однако, учитывая положительный потенциал предлагаемых нововведений, важно, полагаем, совершенствовать систему нормативно-правового регулирования и социального просвещения граждан в данной сфере посредством информационной поддержки ювенальных проектов социально-реабилитационной направленности.

Информация об авторе:

Мыльникова Анна Викторовна, магистрант кафедры социальной работы ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия, avm0501@gmail.com

ИНТЕРНЕТ КАК КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ И ИНСТРУМЕНТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. А. Новикова

Орловский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия

Аннотация. Интернет для исследователя — не только источник информации, но и большой массив данных, которые можно анализировать, а также инструмент сбора информации при проведении онлайн-опросов. Исследователи, осознающие неизбежность и необходимость использования интернета в научных целях, в дальнейшем будут развивать методологию и практику применения интернет-опросов по разным направлениям. И, вероятно, таким образом, изменится сама технология социологического исследования.

Ключевые слова: интернет, интернет-коммуникация, информационное сообщество

На сегодняшний день интернет активно используется исследователями как один из инструментов научной деятельности. Именно в период преобразования системы общественных отношений в России, становления нового информационного порядка у российских ученых появилась возможность использовать всемирную электронную сеть, знакомясь с ее ресурсами, и представлять результаты своих социологических исследований общественности. Сейчас нахождение каких-либо социологических сайтов в российском интернете не составляет особого труда. Прежде всего, к таким стоит отнести сайты базовых академических структур; профессиональных журналов, к ним можно отнести:

- Вестник экономики, права и социологии.
- Журнал исследований социальной политики
- Журнал социологии и социальной антропологии.
- Мир России: социология, этнология.
- Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.
- Социальная политика и социология.
- Социологические исследования.
- Социологический журнал.
- Социологическое обозрение.
- Социология власти.
- Социология: 4М.
- Экономическая социология.

Вузовские сайты, а также сайты научно-исследовательских, аналитических организаций, занимающихся прикладными социологическими исследованиями, таких как ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр» и др. Использование возможностей интернета российскими социологами в их профессиональной и научной деятельности может вестись по нескольким направлениям. Сеть может использоваться не только как эффективный источник необходимой информации, но и как уникальное средство профессионального общения, а ее возможности позволяют трансформировать технологии социологических исследований. Еще в 1990-х гг. многие социологи осознали необходимость теоретических и эмпирических исследований интернета как некоего вида социальной реальности, изучение воздействия интернета на общество и деятельность различных социальных институтов и организаций, выявление специфики взаимодействия индивидов в процессе интернет-коммуникаций и т. д. В области исследований социального взаимодействия интернета и общества занимаются такие ученые, как Л. Гуррак, С. Кайзер, Н. Бэйм, Б. Уэлман, М. Бакарджиева, Г. Рейнгольд и другие.

Интернет можно рассматривать как систему унифицированных методов, средств, технологий, обеспечивающую коммуникацию между гетерогенными устройствами вычислительной техники с целью передачи разнообразной информации и ориентированную на коллективное использование общесетевых аппаратных, информационных и программных ресурсов [1].

В новых условиях интернет представляет собой, в том числе, и большое поле данных для кабинетного исследования и интернет для исследователя, теперь не только источник информации, но и большой массив данных, которые можно анализировать. В настоящее время платформа Google Analytics предоставляет возможность анализа интернет аудитории, не выходя в «поле». Однако следует отметить, что интернет является основным видом коммуникации. Уже сейчас можно утверждать, что происходит конвергенция основных коммуникационных сетей, технологий и сервисов, выросло число предоставляемых услуг, появились новые формы информационного обмена. Всемирная сеть уже превратилась в стандартный канал социальных коммуникаций, посредством которого осуществляются различного рода взаимодействия, выполняются удаленная трудовая деятельность, проводятся различные формы обучения, реализуется перевод денежных средств и прочее.

В ходе интернет-коммуникации создаются новые социальные группы, социальные сети, которые вступают в особый вид взаимодействия. Конечно, изменение технологий меняет общество. Интернет, будучи эффективным средством передачи информации и коммуникационным

полем, расширяет возможности социальных взаимодействий, что способствует формированию нового вида социальных групп. Для анализа интернет-коммуникаций стоит обратиться к статье П. Коллака и М. Смит «Управление виртуальными сообществами: кооперация и конфликт в компьютерной коммуникации». По их мнению, виртуальные сообщества, часть из которых существует именно на сайтах социальных сетей, — это саморегулирующиеся системы. Формальные нормы представляют собой стандартные правила цензуры и сетевого этикета, но в целом общение строится по неформальным правилам, которые формируются внутри сообщества [2].

Интернет также выступает инструментом сбора информации посредством онлайн-опросов. Говоря об онлайн-опросах, можно предположить, что современный человек в интернете более социально активен, поскольку интернет позволяет выполнять многие действия быстро, анонимно и в комфортной обстановке. В связи с этим активными темпами развивается практика проведения актуальных социологических и маркетинговых опросов в интернет-среде. Однако, несмотря на все преимущества таких опросов как для исследователей, так и для респондентов, далеко не многие изъявляют желание принимать в них участие или же проводить их. В онлайн-опросах есть свои достоинства и недостатки. К их достоинствам можно отнести возможность в короткие сроки опросить максимально возможное количество респондентов; возможность одновременного онлайн опроса нескольких респондентов; низкая финансовая затратность интернет-опроса по сравнению с другими видами опросов; возможность при опросах через интернет показывать стимулирующий материал (показ карточек, рекламных роликов и др.); удобство для респондентов; возможность за меньшее время заполнить анкету, не контактируя с интервьюером. К недостаткам относится: низкий уровень репрезентативности выборки, за исключением изучения определенной целевой аудитории; проблема рекрутации респондента; ограниченность возможностей онлайн-опросов при исследовании многих регионов в связи недостаточностью распространения интернета; низкий уровень кооперации респондентов и др.

ИОМ «Анкетолог» решил выяснить у своих пользователей мотивы участия в подобных опросах. Всего в анкетировании приняли участие 874 зарегистрированных пользователя. Опрос проводился на сайте anketolog.ru в режиме онлайн [3].

Анализ вторичных данных, проведенного исследования показывает, что 85 % пользователей готовы принимать постоянное регулярное участие в опросах (рис. 2). Это можно объяснить тем, что большинство респондентов привлекает не только возможность заработать, хотя и это немало-

важно, но и возможность открыто высказывать свое мнение по значимым для них вопросам, а также выбор самим респондентом времени участия в опросе.

Вы когда-нибудь слышали об
онлайн-опросах?

Вы когда-нибудь принимали
участие в онлайн-опросах?

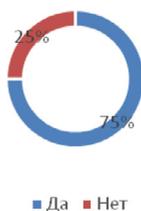

Рисунок 1. Информированность об онлайн-опросах

Хотели ли бы Вы принимать участие в
онлайн-опросах на постоянной
основе?

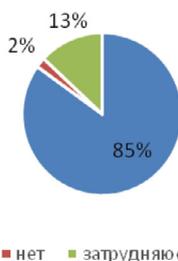

Рисунок 2. Распределение вариантов ответов на вопрос:

«Хотели ли бы Вы принимать участие в онлайн-опросах на постоянной основе?», %

Надо отметить, что если еще десятилетие назад российскими социологами только предпринимались первые шаги по освоению российской части интернета, то сейчас можно уже говорить о формировании социологического информационного сообщества. Проблемы информационного общества весьма разнообразны, их можно изучать только с использованием тех возможностей, которые нам дает интернет, а он сам по себе — реальность информационного общества. Исследователи, осознающие неизбежность и необходимость повсеместного вхождения в действительность интернета и сами пользующиеся сетью в научных целях, в дальнейшем будут развивать методологию и практику применения интернет-опросов по разным направлениям. И, вероятно, таким образом, изменится сама технология социологического исследования.

Список литературы

1. *Иванченко Д. А.* Интерпретация интернет пространства в дискурсе социологии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. Вып. 3.
2. *Кульминская А. В.* Интернет как пространство построения социального взаимодействия // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Вып. 2.
3. *Актуальность социологических опросов в интернет-среде* [Электронный ресурс]. URL: <https://iom.anketolog.ru/2014/01/20/aktualnost-sociologicheskikh-oprosov> (дата обращения: 15.03.2016).
4. *Дорохова Ю. В., Игнатова Т. В., Проказина Н. В.* Молодежь Орловской области в 2015 г. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень / под общ. ред. П. А. Меркулова. Орел : Изд-во Орловского филиала РАНХиГС, 2015.
5. *Алексеев А. А., Бочанов М. А., Дорохова Ю. В. и др.* Молодежь Орловской области в 2015 г. Научное издание. Коллективная монография / под общ. ред. П. А. Меркулова, Н. В. Проказиной. Орел : Изд-во Орловского филиала РАНХиГС, 2015.

Информация об авторе:

Новикова Галина Александровна, студентка направления подготовки «Социология», Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел, Россия, galechka_novikova@mail.ru

ОБЗОР ОНЛАЙН-АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ГРУППАХ И НА ПУБЛИЧНЫХ СТРАНИЦАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

А. Ш. Суханова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Представлены результаты опроса недельной аудитории интернет-пользователей, проведенного январе 2016 г. по заказу Фонда «Общественное мнение». Судя по полученным данным, сайт «ВКонтакте» выступает в качестве точки сосредоточения самых разнообразных активностей молодых пользователей, при этом значительно большая активность прослеживается в пабликах, а не группах. Основным видом контента выступает визуализация информации развлекательного характера в различных графических образах, видео и аудиообъектах.

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, молодежь, онлайн-активность, паблик

В разрезе изучения онлайн-практик молодых россиян, в первую очередь, стоит обратить внимание на социальные медиа (social media) — совокупность всех интернет-площадок, которые на основе онлайн-технологий предоставляют пользователям возможность устанавливать коммуникацию друг с другом и производить пользовательский контент. Они включают в себя: социальные сети, блоги, форумы, сайты знакомств, вики, видео-хостинги, социальные закладки и др. [4]. Среди всей совокупности социальных медиа особое значение имеет социальная сеть «ВКонтакте», которая занимает лидирующее положение по посещаемости среди сайтов рунета, согласно статистическим данным сервиса LiveInternet.ru [2].

Молодежная аудитория сервиса — одна из доминирующих. Согласно результатам исследований компании TNS Россия Web Index, специализирующейся на медиаисследованиях, группа пользователей социальной сети «ВКонтакте» в возрасте до 25 лет является самой многочисленной (рис. 1). Также стоит отметить активность молодежной аудитории: согласно результатам опроса недельной аудитории интернет-пользователей, проведенного январе 2016 г. по заказу Фонда «Общественное мнение», пользователи в возрастной группе до 25 лет заходят в сеть несколько раз в день (66 % опрошенных), 29 % респондентов отметили себя как людей, находящихся почти все время онлайн, и лишь 8 % ответили, что «бывают в социальных сетях редко и проводят там мало времени» [1].

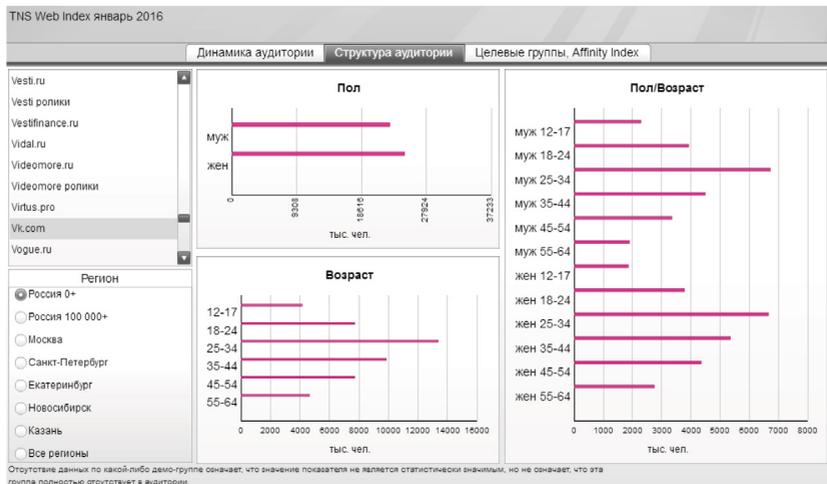

Рисунок 1. Структура социальной сети «ВКонтакте» [5]

Во время исследования были выделены и отобраны 10 наиболее многочисленных и посещаемых групп и пабликов (публичных страниц) сайта «ВКонтакте» (табл. 1). Группы представляют достаточно понятное устоявшееся явление — сообщества, где люди могут общаться между собой, обмениваться идеями, предложениями, делиться друг с другом с фото-материалами и видео-материалами в альбомах, вести совместные обсуждения (в специально отведенных темах). Паблик отличается от группы, в первую очередь, тем, что функционал внутри него достаточно ограничен для подписчика. Возможности участников группы достаточно широки, они могут: писать на стене, комментировать на стене, добавлять фотографии, добавлять видеозаписи, добавлять аудиозаписи, добавлять документы, создавать обсуждения, участвовать в обсуждениях, создавать и редактировать страницы. Подписчики паблика могут лишь комментировать на стене, добавлять фотографии, участвовать в обсуждениях. При этом публичную страницу можно сравнить с новостной лентой, интернет-журналом с актуальной и интересной пользователям информацией. Таким образом, паблик в первую очередь несет информативную функцию, а группа — коммуникативную, заменяя собой в некотором роде виртуальные «кружки по интересам».

При рассмотрении количественных показателей в табл. 1, становится очевидно, что большей популярностью у молодежи пользуются паблики, активность в них значительно выше (аудитория пабликов — шире более, чем в 2 раза). Стоит подчеркнуть и то, что представленное в таблице ранжирование не совпадает с ранжированием с учетом всех возрастных групп.

Основные отличия в активности молодежной аудитории таковы: большая популярность у групп, посвященных онлайн-играм («Официальная группа игры «Бой с тенью»», «Золотая Осень»), а также больше активности в группах, посвященных онлайн-приложениям («Kate Mobile», «ВКонтакте для Android»), и меньшая популярность пабликов с аудио и видео-контентом (паблики «Новинки музыки-2016», «Киномания» и «Киномания — фильмы онлайн» не занимают первые места, как в общем в рейтинге).

Таблица 1. **Ранжирование самых популярных групп и пабликов «ВКонтакте» для молодежной аудитории [3]**

Назва-ние группы	Количество участников				Назва-ние паблика	Количество участников			
	До 24 лет	18—24 лет	14—18 лет	До 14 лет		До 24 лет	18—24 лет	14—18 лет	До 14 лет
Официальная группа игры «Бой с тенью»	2392364 человека	753728 человек	1745517 человек	428052 человека	Лайфхак	4547281 подписчик	1613049 подписчиков	3085429 подписчиков	988200 подписчиков
Знаете ли Вы?	2077689 человек	1439138 человек	861193 человека	104114 человек	Смейся до слез: D	4476391 подписчик	1642606 подписчиков	2920826 подписчиков	1057737 подписчиков
Золотая осень	1660560 человек	650892 человека	1066364 человека	314725 человек	Четкие приколы	4471548 подписчиков	1810658 подписчиков	2844202 подписчика	861785 подписчиков
Kate Mobile	1596771 человек	784728 человек	944714 человек	213566 человек	MDK	4419186 подписчиков	2881771 подписчик	2059546 подписчиков	250473 подписчика
РАДИО РЕКОРД/RADIO RECORD	1352754 человека	1014840 человек	449700 человек	68166 человек I	ЕП	4314182 подписчика	2721060 подписчиков	2060765 подписчиков	270861 подписчик
В приколе(18+)	1286244 человека	898717 человек	525051 человек	53226 человек	Новинки Музыки 2016	4180722 подписчика	2438043 подписчика	2002482 подписчика	540727 подписчиков

Назва-ние группы	Количество участников				Назва-ние паблика	Количество участников			
	До 24 лет	18—24 лет	14—18 лет	До 14 лет		До 24 лет	18—24 лет	14—18 лет	До 14 лет
МИР ПОЗИТИВА	1223354 человека	802464 человека	544935 человек	67340 человек	Четкие Приколы	4098380 подписчиков	1623700 подписчиков	2538324 подписчика	858899 подписчиков
ВКонтакте для Android	1221734 человека	582246 человек	722643 человека	150746 человек	Киномания	3759942 подписчика	2431216 подписчиков	1670253 подписчика	299092 подписчика
Европа Плюс	1137415 человек	741840 человек	478782 человека	98743 человека	Киномания — фильмы онлайн	3636851 подписчик	2269983 подписчика	1681707 подписчиков	325084 подписчика
Comedy Club=)	987645 человек	746060 человек	326912 человек	46198 человек	Команда ВКонтакте	3546648 подписчиков	1317666 подписчиков	2317207 подписчиков	769922 подписчика

В табл. 1 представлен рейтинг самых популярных пабликов и групп. Согласно этим данным становится очевидным тот факт, что большинство популярных пабликов ориентировано на предоставление визуального контента развлекательного характера: комиксы, мемы, демотиваторы, фотографии, рисунки (6 из 10 представленных в рейтинге пабликов, 2 из 8 представленных групп). Т.е. можно отметить тенденцию к более востребованной у аудитории интерпретации информации через различные визуальные формы: графические символы, фотографии, рисунки. На втором месте по популярности — группы и паблики, представляющие развлекательный аудио и видео контент («РАДИО РЕКОРД/RADIO RECORD», «Европа Плюс», «Comedy Club=»), паблики «Новинки музыки-2016», «Киномания», «Киномания — фильмы онлайн»). Также стоит подчеркнуть, что информационный текстовый контент преобладает в группах, а не пабликах, причем популярная тематика таких групп — мобильные приложения и онлайн-игры (группы: «Официальная группа игры «Бой с тенью»», «Золотая Осень», «KateMobile», «ВКонтакте для Android», паблики «Команда ВКонтакте»).

В заключении можно подчеркнуть, что сайт «ВКонтакте» выступает в качестве точки сосредоточения самых разнообразных активностей молодых пользователей, при этом значительно большая активность прослеживается в пабликах, а не группах. Основным видом контента выступает визуализация информации развлекательного характера в различных графических образах, видео и аудиообъектах.

Список литературы

1. *Онлайн-практики* россиян: социальные сети [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 19.03.2016).
2. *Сервис* статистики LiveInternet.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/> (дата обращения: 10.03.2016).
3. *Составлено* автором по материалам сайта «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/> (дата обращения: 11.03.2016).
4. *Термин*: Социальные медиа [Электронный ресурс] //Словарь терминов / Обширная база терминов по продвижению сайтов, контекстной рекламы и другим каналам интернет-маркетинга. URL: https://seopult.ru/library/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0 (дата обращения: 01.03.2016).
5. *TNS Web Index*: Аудитория интернет-проектов 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/> (дата обращения: 10.03.2016).

Информация об авторе:

Суханова Альбина Шамильевна, аспирант 1-го года обучения, специалист научного отдела Уральского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия, albina.khal@gmail.com

ВЫЯВЛЕНИЕ МНЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИИ О ВЛИЯНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИХ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

О. А. Титовская

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Аннотация. Представлен план исследования, которое предполагается провести в июне–августе 2016 г. среди российской молодежи с целью выявления мнений о влиянии компьютерных технологий на социальное поведение. В исследовании поставлены задачи: изучить степень зависимости молодежи от компьютера, выяснить, насколько велико число тех, кто заменяет настоящую жизнь виртуальной реальностью.

Ключевые слова: молодежь, социальное поведение, компьютерные технологии, информационные коммуникации, ценностная шкала, социализация

Взаимоотношения молодежи с областью инноваций связаны с повышенным интересом к области компьютерных технологий и информационных коммуникаций, порождающих новые практики, формы культуры и способы ее освоения. Интерактивность, информативность и вариативность являются главными свойствами компьютерной культуры и порождаемой ею виртуальной реальности, которые привлекают молодежь и формируют специфическую ценностную шкалу, которая может носить как положительный, так и отрицательный характер [5].

Ключевой фигурой на пользовательском уровне в системе отношений «компьютер–человек» является представитель молодежной среды. Молодежь обладает высокой компьютерной грамотностью, которая воспитывается сегодня с детских лет, в школе, на уроках информатики и продолжается в студенческие годы. Кроме того, компьютер сегодня становится одним из «институтов» социализации молодежи, скрывая в себе ответы и решения молодежных проблем и не только [2].

Общение все больше и больше перестает быть живым и утрачивает личностный смысл, что, безусловно, трансформирует внутренние особенности и смысловые поля каждой личности. При этом начинает меняться как сознание и самосознание каждой личности, так и восприятие всей социальной реальности. Это нельзя оставлять без внимания

Таким образом, тема представляется весьма актуальной, так как имеет принципиальное значение для эволюции социальных отношений во всем

мире, поскольку скоро компьютер сможет заменить человека во многих сферах деятельности.

Первое, что необходимо сделать, — это сформулировать проблему, которую предстоит изучить. Затем исследователь четко ставит цели и задачи исследования. На основании уже прошедших исследований и статистических данных мы сформулируем гипотезу, которую либо подтвердим данными исследования, либо опровергнем [1].

Для нашего исследования мы ставим следующую проблему: противоречие заключается в том, что, несмотря на то, что компьютер — вещь, несомненно, полезная в деятельности человека, однако в то же время он может оказывать пагубное воздействие на социальное поведение молодежи, а дальнейшее развитие компьютерных технологий может коренным образом изменить социальные отношения в обществе. Кроме того, молодежь не признается в том, что сильно зависима сегодня от компьютера и уже не сможет без него прожить. Однако, на деле, степень зависимости от компьютерных технологий очень высока.

Цель исследования — выявление мнения молодежи России о влиянии компьютерных технологий на их социальное поведение.

Предмет нашего исследования — изучение влияния использования компьютерных технологий на социальное поведение молодежи России.

Объект исследования — молодежь России в возрасте от 14 до 30 лет.

Среди задач стоит отметить следующие:

1. Изучить, какое место в различных областях деятельности молодежи занимают компьютерные технологии.
2. Определить мнение молодежи относительно воздействия компьютера на человека — положительные и отрицательные последствия.
3. Изучить, насколько молодежь зависима от компьютерных технологий.
4. Изучить, насколько значительно число молодежи, заменяющей реальную жизнь виртуальной, удовлетворяющей свои потребности в знаниях, общении и выполнении других задач с помощью компьютера.

Мы ставили основную гипотезу по проблеме: компьютерные технологии в последние годы занимают все более важное место в жизни человека, что приводит как к позитивному, так и к негативному влиянию на социальное поведение молодежи, а также к непредсказуемым социальным последствиям[3].

Косвенные гипотезы:

1. Компьютер заменяет человека во многих областях деятельности все больше с каждым днем (экономическая сфера — компьютер-работник, социальная сфера — компьютер-преподаватель, компьютер-собеседник и т.д.).

2. Чем больше молодой человек проводит времени за компьютером, тем труднее складываются его отношения с обществом, тем более вероятно наличие несоответствующего моральным и прочим нормам социального поведения.

3. Увеличение времени работы с компьютером может негативно влиять на социализацию современной молодежи.

4. Чем больше молодые люди полагаются на компьютер, чем более они зависимы от него, тем менее они приспособлены к реальной жизни, к решению различных вопросов самостоятельно.

5. Если компьютерные технологии внезапно исчезнут из жизни человека, это может привести к катастрофическим последствиям: нервным срывам, дезориентации, депрессии, разрастанию девиации и многим другим.

Место проведения опроса — Россия (раздаточное анкетирование, опросы через социальные сети, электронная почта и др.). Выборка составлена из генеральной совокупности: 31,6 млн человек, а выборочная совокупность — 800 человек (из всех регионов России). Время проведения исследования — июнь-август 2016 г.

В данном исследовании будет использован метод машинной обработки данных как наиболее целесообразный и удобный (программа SPSS) и аналитические методы.

В ходе данного исследования будут изучены основные факторы, влияющие на то, какое место в жизни человека занимает и будет занимать компьютер. Подробное исследование влияния на социальное поведение молодежи поможет разработать методы предотвращения негативных последствий. Также исследование имеет определенное практическое значение для производителей компьютерной техники [4].

Список литературы

1. *Девятко И. Ф.* Методы социологического исследования. М. : Университет, 2002.
2. *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Методы социологического исследования. М. : МГУ, 2004.
3. *Розина И. Н.* Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация как прикладная область коммуникативных исследований // *Время и технологии.* 2011. Вып. 2. № 13. С. 56—62.
4. *Сулер Д.* Люди превращаются в «Электроников»: основные психологические характеристики виртуального пространства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rider.edu/users/suler/psycyber/psycyber.html> (дата обращения: 12.01.16).
5. *Янг К.* Диагноз — интернет-зависимость // *Мир Internet.* 2000. № 2. С. 41—47.

Информация об авторе:

Титовская Оксана Александровна, студент (магистр) заочной формы обучения СГУ им. Н. Г. Чернышевского, социологический факультет, Саратов, Россия, oksisprei@mail.ru

13. Независимая оценка качества госуслуг: методические подходы и организационные решения

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЕ И ДЕТЯМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Т. Е. Батырев

*Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. На примере оценки качества работы Центров социальной помощи семье и детям в Санкт-Петербурге проанализирована система независимой оценки качества работы государственных (муниципальных) учреждений Санкт-Петербурга. Выяснилось, что он находится сегодня на промежуточном этапе интеграции в эту систему. Анализ нормативно-правовой базы в сфере социального обслуживания и статистических данных, представленных на официальном сайте для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях, показал, что независимая оценка качества оказания услуг организациями социального обслуживания реализуется сегодня не в полной мере.

Ключевые слова: государственные услуги, муниципальные услуги, социальное обслуживание, оценка качества, независимая оценка, общественный контроль

В современной Российской Федерации социальное обслуживание, являясь неотъемлемым элементом социальной защиты населения, находится в стадии активного развития и модернизации. Это связано, в первую очередь, с принятием Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», установившего правовые, организационные и экономические основы социального обслуживания граждан в Российской Федерации, в том числе и семьям с детьми [1].

Согласно Федеральному закону № 256-ФЗ [2], в Федеральный закон № 442-ФЗ была внесена статья 23.1, определившая нормы независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания, которая является «одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления получателям со-

циальных услуг информации о качестве оказания услуг организациями социального обслуживания, а также в целях повышения качества их деятельности» [1].

Согласно Приказу Минфина России № 116н от 22.07.2015 [5], результаты такой оценки размещаются на официальном сайте (bus.gov.ru), предназначенном для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях.

Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих создание независимой системы оценки качества работы государственных и муниципальных учреждений, в том числе и учреждений социального обслуживания населения, показал, что требуемая от контролирующих органов информация носит комплексный и всеобъемлющий характер. Созданная система независимой оценки качества работы включает множество показателей, характеризующих эффективность деятельности государственных и муниципальных учреждений.

Так, одним из показателей является рейтинг «Открытость и прозрачность государственных и муниципальных учреждений». Данный рейтинг включает в себя общую информацию, информацию о государственном задании, показатели качества услуг, показатели объема услуг и информацию о показателях бюджетной сметы. Значения рейтинга колеблются от «0» (минимум) до «1» (максимум). Согласно отчету от 20.03.2016 г., в значениях рейтинга на 2016 г. по субъектам Российской Федерации видна сильная дифференциация (рис. 1). Самым успешным регионом является Чувашия (рейтинг — 0,94), самым закрытым — Северная Осетия — Алания (рейтинг — 0,16).

Согласно статистике, размещенной на сайте «bus.gov.ru», в Российской Федерации на 20 марта 2016 г. функционирует 10961 учреждений. В целом по стране рейтинг составляет на данный момент 0,245 (в 2015 г. — 0,40), в городах федерального значения — Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе — рейтинг составляет 0,30, 0,48 и 0,32 соответственно (в 2015 г. — 0,68, 0,70 и 0,32 соответственно).

Одним из важнейших субъектов Российской Федерации, стимулом ее социально-экономического развития является сегодня Санкт-Петербург. Социально-экономическое развитие Санкт-Петербурга на современном этапе является для города насущно актуальным вопросом. С одной стороны, город за последнее десятилетие принял облик современного мегаполиса, вошел в число важнейших звеньев мировой экономики, с другой — в силу внешних факторов, таких, как, например, санкции Запада в отношении Российской Федерации, имеющие прямое влияние на развитие экономики города, он вынужден «приспосабливаться» к новым социально-экономическим реалиям.

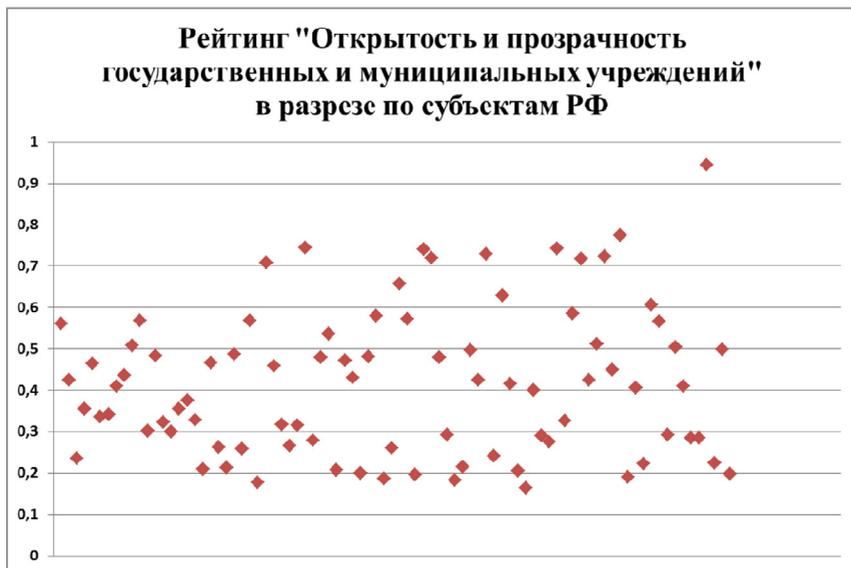

Рисунок 1. Рейтинг «Открытость и прозрачность государственных и муниципальных учреждений» в разрезе по субъектам РФ на 2016 г.

Примечание. Составлено автором, источник: [8]

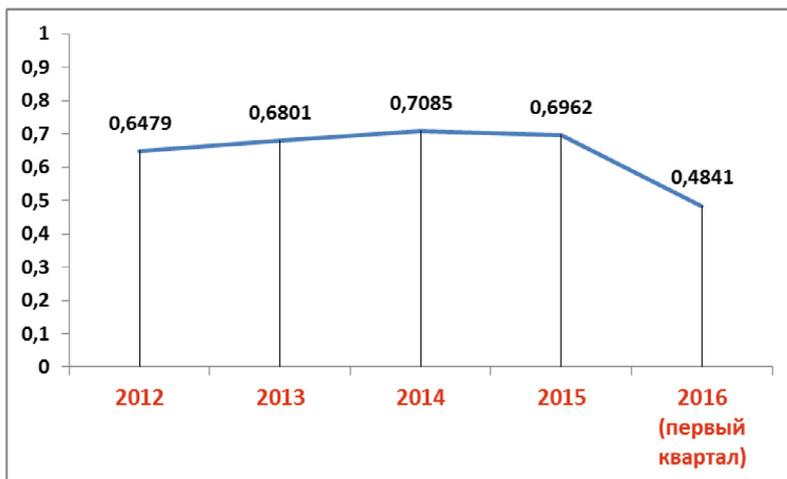

Рисунок 2. Динамика значений рейтинга «Открытость и прозрачность государственных и муниципальных учреждений» в Санкт-Петербурге, 2012—2016 г.

Примечание. Составлено автором, источник: [8]

В этих условиях независимая оценка качества оказания услуг государственными и муниципальными учреждениями является для города актуальным вопросом. На сайте «bus.gov.ru» [8] имеется исчерпывающая информация о каждом субъекте Российской Федерации, в том числе, Санкт-Петербурге.

Анализ данных сайта показал, что открытость и прозрачность государственных и муниципальных учреждений Санкт-Петербурга ежегодно улучшается. Так, за последние три года значение показателя выросло на 5 пунктов (рис. 2), что говорит о постепенной интеграции учреждений в систему постоянной отчетности [7].

Одними из самых важных и наиболее приближенных к практической реализации Федерального закона № 442-ФЗ учреждениями являются Центры социальной помощи семье и детям (далее — Центр). Санкт-Петербург делится на 18 районов [6], в каждом из которых функционируют подобные Центры, являющиеся бюджетными учреждениями социального обслуживания. Анализ сайтов показал, что структура Центров в основном состоит из профильных отделений (отделение приема и консультаций, профилактики безнадзорности несовершеннолетних, помощи женщинам и др.), ведущих индивидуальную профилактическую работу с семьями и детьми и оказывающих им социальные услуги.

На сайте «bus.gov.ru» имеется исчерпывающая информация о 16 Центрах (кроме центров Курортного и Красносельского районов). Согласно статистике, у 14 центров рейтинг открытости и прозрачности государственных и муниципальных учреждений является максимальным (равен 1). Исключение составили центры Калининского и Петроградского районов (рейтинг 0,6 соответственно). Однако детальный анализ, в том числе сравнение по видам услуг, предоставляемым в центрах (так называемых рациональных наборов), показал, что приблизительно в половине случаев нужные для заполнения поля оказываются пустыми, при этом в основном речь идет о данных, полученных методом простого подсчета количества социальных услуг, оказанных той или иной категории граждан. Таким образом, совершенно очевидно, что независимая оценка качества оказания услуг организациями социального обслуживания реализуется не в полной мере.

Согласно анализу раздела «аналитика по учреждениям» за 2015 г., представленным на том же сайте, Санкт-Петербург практически не входит в список самых активных регионов по размещению информации по учреждениям субъектов и муниципальным учреждениям Российской Федерации. Только по одному из пятнадцати показателей, а именно по количеству информации о государственных (муниципальных) заданиях, город занял седьмое место в рейтинге (рис. 3). На конец квартала

2016 г., город по данному показателю занимает третье место, в остальных показателях Санкт-Петербург по-прежнему не занимает места [7].

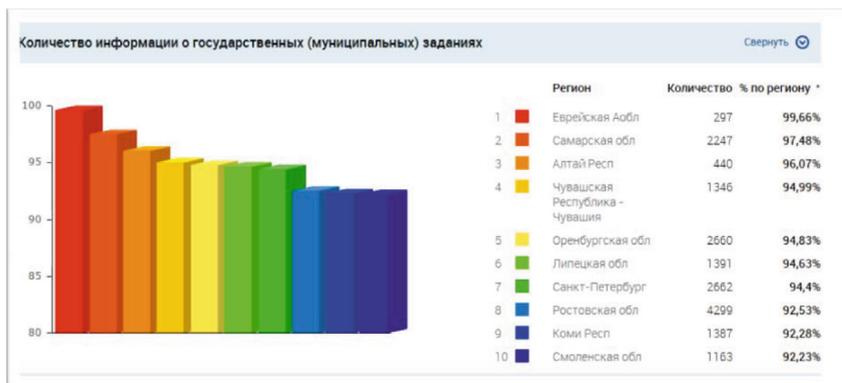

Рисунок 3. Самые активные регионы по размещению информации по муниципальным учреждениям и учреждениям субъектов Российской Федерации (Количество информации о государственных (муниципальных) заданиях), 2015 г. Примечание. Составлено автором, источник: [8]

Стоит отметить, что в списках наименее активных регионов по размещению информации о государственных (муниципальных) учреждениях Санкт-Петербурга нет ни в 2015-м, ни в 2016 г. [7].

Таким образом, Санкт-Петербург сегодня находится на промежуточном этапе интеграции в систему независимой оценки качества работы государственных (муниципальных) учреждений, в том числе и организаций социального обслуживания. В Санкт-Петербурге продолжается реализация Федерального закона РФ № 256-ФЗ от 21.07.2014, направленного на создание системы независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере социального обслуживания. Однако анализ нормативно-правовой базы в сфере социального обслуживания и анализа статистических данных, представленных на официальном сайте для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях «bus.gov.ru», показал, что независимая оценка качества оказания услуг организациями социального обслуживания реализуется сегодня не в полной мере.

Список литературы

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации. Федеральный закон РФ № 442-ФЗ от 28.12.2013 (ред. от 21.07.2014) [Электронный адрес] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558.

2. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования.* Федеральный закон РФ № 256-ФЗ от 21.07.2014 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165899.
3. *О мероприятиях по реализации государственной социальной политики.* Указ Президента Российской Федерации № 597 от 07.05.2012 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129344.
4. *О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги.* Постановление Правительства Российской Федерации № 286 от 30.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/113>.
5. *О составе информации о результатах независимой оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, оказания услуг организациями культуры, социального обслуживания, медицинскими организациями, размещаемой на официальном сайте для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и порядке ее размещения.* Приказ Минфина России № 116н от 22.07.2015 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=184627>.
6. *О территориальном устройстве Санкт-Петербурга.* Закон Санкт-Петербурга № 411-68 от 25.07.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8414528>.
7. *Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях* [Электронный ресурс]. URL: <http://bus.gov.ru/pub/home>.
8. *Порядок формирования рейтинга «Открытость и прозрачность государственных и муниципальных учреждений»* [Электронный ресурс]. URL: <http://bus.gov.ru/docs/4.pdf>.

Информация об авторе:

Батырев Тимофей Евгеньевич, аспирант Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, специалист по социальной работе СПб ГБУ СОН «Центр социальной помощи семье и детям Невского района», Санкт-Петербург, Россия, brodyga1991@mail.ru

ОПЫТ ДВУМЕРНОЙ ОЦЕНКИ РАБОТЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В. А. Бурко

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия*

Аннотация. Представлен опыт двумерной оценки работы органов местного самоуправления: на основе данных опроса населения Пермской области, проводимого отделом социологического мониторинга администрации губернатора области, и на основе оценки их работы главным управлением экономики Правительства области. Выделено пять групп территорий; такая группировка дает возможность строить взаимоотношения руководства органов местного самоуправления (МСУ), а также органов региональной власти с МСУ по разным социальным и экономическим направлениям.

Ключевые слова: местное самоуправление, двумерная оценка, оценка качества жизни

В начале 2000-х гг. отдел социологического мониторинга (ОСМ) администрации губернатора Пермской области предпринял попытку разработки системы оценки деятельности органов местного самоуправления. К этому времени администрацией губернатора был накоплен опыт проведения социологической оценки работы органов местной и региональной власти в соответствии с приказом губернатора. Эта оценка включала два основных показателя: оценка работы органов власти и оценка качества жизни (социального самочувствия). При этом оценка работы органов местного самоуправления (МСУ) заключалась в ответе респондентов на вопрос: «Как бы Вы оценили работу администрации вашего города (района) за последние полгода в таких сферах, как...?». Ответы на данный вопрос были положены в основу получения как комплексной, так и дифференцированных оценок населения о качестве работы органов МСУ*.

* Социологический мониторинговый опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов. Исследуемая выборка учитывала долю жителей каждого административного образования, а также долю городского и сельского населения того или иного образования. Суммарная опросная выборка включала все города и районы Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. В каждой территории (городе, районе) было опрошено не менее 100 респондентов. Таким образом, общее число опрошенных респондентов в данном проекте составило 6128 чел. Территориальные выборки были репрезентативны по полу, возрасту, образованию респондента и по типу поселения. Максимальная статистическая ошибка для выборки не менее 100 чел. составляет $\pm 10,0\%$ при вероятности 0,95. Общеобластная выборка насчитывает 4700 чел., а общеокружная выборка 700 человек. Максимальная статистическая ошибка для общеобластной выборки чел. составляет $\pm 4,5\%$ при вероятности 0,95. Максимальная статистическая ошибка для общеокружной выборки чел. составляет $\pm 4,5\%$ при вероятности 0,95. Общеобластная и общеокружная выборки отличаются от суммарной тем, что в общеобластной и общеокружной выборках доля опрошенных в каждой территории соответствует удельному весу жителей этой территории по отношению ко всему населению Пермской области или Коми-Пермяцкому автономному округу (КПАО).

В перечень направлений деятельности (или в список конкретных бюджетных услуг), которые оценивало население, включены 43 направления. Из них 48,8% (21 направление) финансируется из местного бюджета, 37,2% (16 направлений) финансируются за счет местного и областного бюджетов, 11,5% (5 направлений) финансируются за счет и местного, и областного, и федерального бюджетов и одно направление — контроль за использованием земель — финансируется только из областного бюджета. Жители территории — участники социологического опроса — оценивали каждое из 43-х направлений работы местной администрации при помощи семибальной шкалы, где:

- цифра «7» соответствует позиции «очень хорошо»;
- цифра «6» — «хорошо»;
- цифра «5» — «скорее хорошо»;
- цифра «4» — «средне»;
- цифра «3» — «скорее плохо»;
- цифра «2» — «плохо»;
- цифра «1» — «очень плохо».

Кроме того, если житель территории (респондент) не мог дать оценки тому или иному виду услуг, то производилась отметка «затрудняюсь ответить», и такие ответы при подсчете оценочных показателей исключались. Каждому направлению услуг присвоен определенный код*. Социологический мониторинг по данному проекту проводился дважды в год.

На основе полученных в ходе опроса ответов населения на вопрос: «Как бы Вы оценили работу администрации вашего города (района) за последние полгода в таких сферах, как...?» были сконструированы следующие основные показатели:

- **средневзвешенный показатель оценки качества каждой бюджетной услуги**, включенной в комплекс для оценивания; он измеряется в баллах; позволяет оценить состояние общественного мнения по поводу конкретной услуги в территории за определенный период времени, он также позволяет оценить изменения в состоянии общественного мнения о качестве той или иной бюджетной услуги за отчетный период в сравнении с предыдущим периодом;
- **агрегированный (обобщающий) показатель оценки качества всех бюджетных услуг на территории**; он рассчитывается как средняя оценка из средневзвешенных показателей по всем 43 направлениям работы местной администрации; этот показатель измеряется и в баллах, и в рангах. Данный показатель дает об-

* Примеры формулировки направлений работы органов МСУ приведены в приложении.

щее представление о состоянии общественного мнения населения данной территории, о качестве всего комплекса бюджетных услуг, оказанных за определенный период времени.

Одновременно с оценкой ОСМ главным управлением экономики Правительства Пермской области также проводилась периодическая оценка работы органов МСУ по наиболее актуальным на тот момент статистическим показателям:

- уровень сбора платежей за ЖКУ от населения, %;
- ввод в действие жилья с начала года (м^2 на 1 жителя);
- темпы снижения (роста) просроченной задолженности по заработной плате, %;
- доля суммарной просроченной задолженности по зарплате в начисленном фонде
- оплаты труда, %.

Далее по каждому показателю и по каждой территории рассчитывался соответствующий индивидуальный рейтинг, а затем — суммарный рейтинг территории.

Заключительным этапом оценки работы органов МСУ в данном проекте стало построение двумерной диаграммы рейтингов территорий, где по одной оси располагались значения рейтингов, полученных ОСМ, а по другой — значения рейтингов, рассчитанные главным управлением экономики — ГУЭ (на рис. 1 приведено рассеяние оценок, полученное по итогам первого полугодия 2004 г.).

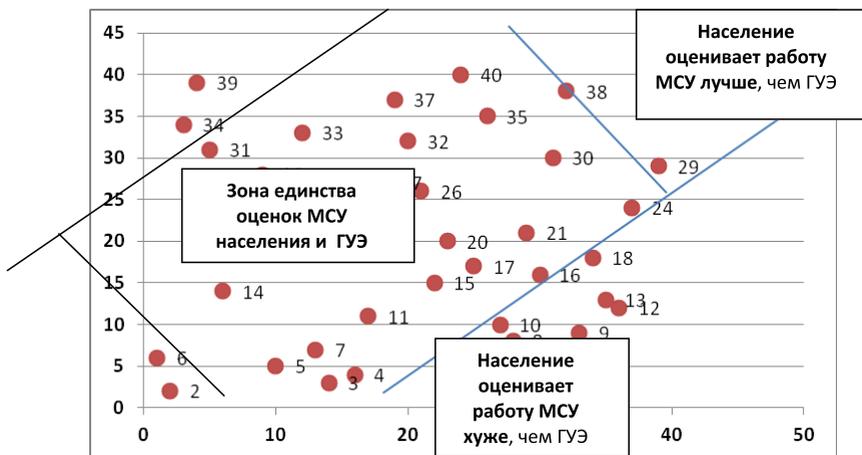

Рисунок 1. Диаграмма рассеяния оценок (приведены номера территорий — городов и районов Пермской области)

Приведенные на диаграмме оценки позволяют выделить пять групп территорий:

1-я группа: население территорий оценивает работу органов МСУ положительно, в то время как экономические показатели имеют низкое значение;

2-я группа: население территорий оценивает работу органов МСУ отрицательно, в то время как экономические показатели находятся на высоком уровне;

3-я группа: и оценки населения, и экономические показатели имеют низкий уровень;

4-я группа: и оценки населения, и экономические показатели имеют высокий уровень;

5-я группа: оценки населения и показатели экономического развития находятся на среднем уровне.

Приведенная группировка территорий дает возможность строить взаимоотношения руководства МСУ, а также органов региональной власти с МСУ по разным социальным и экономическим направлениям: работа с населением и организация управления теми или иными сферами услуг.

Приложение

№	Номер кода	Наименование вида услуг
1	1	Состояние и развитие экономики
2	2	Обеспечение трудоустройства населения
3	3	Регулирование планировки и застройки территории
4	4	Контроль за использованием земель
5	5	Использование местных ресурсов (<i>водных, полезных ископаемых, недр и т. п.</i>)
6	6	Содержание жилищного фонда
7	7	Жилищное строительство
39	39	Регулирование отношений между людьми разных национальностей
40	40	Регулирование отношений между людьми разных религиозных взглядов убеждений
41	41	Организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения
42	42	Сохранение памятников истории и культуры
43	43	Обеспечение населения достоверной информацией о работе администрации

Информация об авторе:

Бурко Виктор Александрович, к. с. н., доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия, victor-burko@yandex.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ИНСТРУМЕНТА ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ (ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ, КУЛЬТУРНЫХ, МЕДИЦИНСКИХ)

М. Г. Бурлуцкая, Л. Е. Петрова

*Уральский государственный медицинский университет,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В связи со спецификой социальных услуг, простые оценки удовлетворенности и прямые «шкальные» способы оценки их качества не работают. Методически более многообещающий инструмент — многокритериальная оценка, но здесь возникает проблема отбора критериев и оценки их значимости. Анализ результатов исследования качества образовательных услуг и услуг в сфере культуры, задача которого заключалась в разработке системы индикаторов качества работы учреждений культуры, показал, что существует возможность избежать или минимизировать методические и организационные проблемы в проведении мониторинга качества социальных услуг.

Ключевые слова: методические проблемы, социальные услуги, управление качеством, мониторинг качества, мозговой штурм

Задача управления качеством услуг, в том числе услуг социальных, государственных, образовательных, медицинских, все чаще требует мониторинга качества, проведения регулярных измерений качества услуг. Подготовка такого мониторинга сталкивается с рядом методических и организационных проблем, которые связаны, с одной стороны, со сложностью оказания самих услуг, а с другой — с активным сопротивлением профессионального сообщества, на которое почти всегда наталкивается подобное исследование. Наш опыт исследования качества образовательных услуг и услуг в сфере культуры [1—4] позволяет заключить, что таких проблем можно избежать, или, во всяком случае, минимизировать их, именно на этапе разработки методики исследования. В настоящей работе мы покажем, как это было реализовано в наших проектах.

Социальные услуги, обладая всеми признаками услуг вообще (неосязаемостью, ситуативностью, непостоянством качества), имеют еще ряд специфических особенностей, которые делают измерение их качества непростой задачей.

Во-первых, у социальных услуг, обычно, нет четкой определенности в том, кто является их заказчиком, клиентом. Точнее, клиент может быть

множественным. Особенно ярко это проявляется в случае образовательных услуг, где потребители — это и обучающиеся, и их родители, и работодатели, и государство. Но даже музей или театр помимо ориентации на своих клиентов (посетителей) обычно имеют еще и общекультурные задачи, работают на имидж города и т. д. Если мы понимаем качество услуг как степень соответствия ожиданиям потребителя, то мы должны учесть множественность потребителей.

Во-вторых, социальные услуги — это, как правило, услуги, в которых потребитель включается в процесс оказания услуги, от него также многое зависит, в том числе итоговый успех выздоровления (лечения) в случае медицинских услуг, образования (обученности), в случае образовательных. В результате оценка качества услуги еще более субъективно окрашена из-за такой включенности потребителя.

В связи с этим в сфере социальных услуг фактически не работают простые оценки удовлетворенности, прямые «шкальные» способы оценки их качества: А) они практически всегда оказываются завышенными, Б) их зачастую невозможно проинтерпретировать, поскольку неясно, что «скрывается» за высокими или низкими оценками, и наконец, В) результаты таких оценок не принимаются профессиональным сообществом.

В-третьих, социальные услуги — это почти всегда сложные услуги, которые можно разделить как минимум на три составляющие: технология, условия оказания услуги и взаимодействие с исполнителем услуги. В целом, эта схема применима к любой услуге, но в случае социальных услуг технологическая часть обычно считается недоступной для понимания потребителей. В этом и скрывается причина неприятия профессиональным сообществом самой идеи внешней оценки качества услуг: как может рядовой потребитель понять, насколько прекрасно сыграна музыка? Насколько грамотно действовал врач? Насколько квалифицирован преподаватель физики? Еще одна особенность рассматриваемых нами услуг в том, что они реализуются высококвалифицированными профессионалами с мощными корпоративными представлениями о стандартах качества и уверенностью, что только профессионал может понять, насколько качественно оказана услуга. Причем, в этом случае, профессионалы склонны опираться не на субъективные оценки, а на какие-то измеряемые критерии, количественные показатели, что и рождает монстров в виде многостраничных форм отчетности. При такой системе оценки качества потребитель совершенно теряется и его мнение вообще не учитывается, в чем могут быть заинтересованы профессионалы.

Методически более многообещающий инструмент — многокритериальная оценка. Например, по на основе методики CSI (Customer Satisfaction Index), который предполагает измерение качества по разным критериям

и дальнейшее вычисление итогового индекса на основе средней взвешенной оценки. Преимущество этой методики в том, что в результате мы также получаем единый индекс, но он может быть разложен на отдельные критерии, а оценка качества услуги, таким образом, становится комплексной и более инструментальной — управленцу понятно, какие именно атрибуты услуги работают на повышение общей оценки качества, а какие — на снижение.

Ключевая методическая проблема при многокритериальной оценке качества — собственно отбор критериев и оценка их значимости. И здесь важно учесть не только (а по нашему убеждению, и не столько) мнение потребителя, сколько мнение профессионалов. **Иначе говоря, основной методический принцип оценки качества сложных социальных услуг — оценку проводят потребители, субъективно оценивая те критерии, которые отобрали профессионалы.**

Каким образом это реализовать на практике? Готовя исследование качества работы муниципальных учреждений культуры, мы на первом этапе разработки методики провели мозговой штурм с членами Общественного совета при Управлении культуры Екатеринбурга, в который входят и руководители учреждений культуры, и независимые наблюдатели. Особенность ситуации в сфере культуры заключается в том, что необходимость исследования качества услуг задана внешне и нормативно прописаны критерии такой оценки. Задача мозгового штурма сводилась, таким образом, к разработке системы индикаторов измерения для заданных извне (Минкульт) 6 критериев. Впоследствии мы на основе этой системы индикаторов разработали два инструмента — бланк для исследования методом *Mystery shopping*, который включал преимущественно субъективные оценки и бланк для заполнения самими учреждениями культуры, который включал объективные показатели — статистику.

Мозговой штурм был длительным по времени (2,5 часа) и богатым по составу — участие в нем приняли около 30 экспертов. В ходе штурма участники сконцентрировались на разработке системы оценки для трех из шести критериев, самых сложных и комплексных по содержанию:

- открытость и доступность информации,
- комфортность условий и доступность получения услуг, в том числе для
- граждан с ограниченными возможностями здоровья,
- доброжелательность, вежливость и компетентность работников.

Изначально были обсуждены и заданы условия обсуждения, часть из которых соответствует общим правилам проведения мозговых штурмов, часть были разработаны в начале мозгового штурма. Соблюдался принцип «сначала идеи, потом критика», были заданы позиции, на кото-

рых должна ориентироваться критика всех идей для измерения показателей качества работы учреждений культуры:

- показатели должны быть простые, понятные всем — не только профессионалам, но и потребителям услуг;
- показатели должны быть измеримы, при этом они могут содержать субъективную оценку;
- при этом — сама система измерения должна сочетать объективные показатели и субъективную оценку потребителя.

Мозговой штурм проходил в несколько этапов:

1. Вводный этап. Введение в проблему, которую предполагалось обсуждать на мозговом штурме, определение целей штурма, «разминка».
2. Генерация идей. Разработка идей по измерению каждого из трех обсуждаемых критериев качества работы учреждений культуры. Применялись приемы работы в группах. Всего было 3 рабочих группы, каждая из которых работала над «своим критерием».
3. Критика и доработка идей также включала несколько этапов:
4. Круговое обсуждение в группах с обоснованной критикой каждого из показателей.
5. Пересмотр в «основной» группе своих предложений с учетом критических замечаний.
6. Результаты докладываются группой и критикуются уже на «открытом» обсуждении.
7. Последний этап критики и обсуждения учитывал специфику измерения показателей для разных типов учреждений культуры (музеи, детские школы искусств, культурно-досуговые учреждения, библиотеки, театры).

В результате мы получили систему индикаторов, которые, с одной стороны, позволяли комплексно оценить услугу, а с другой стороны — были измеримыми. За простотой эмпирической интерпретации и измеримостью мы особенно следили, моделируя мозговой штурм. Но не менее важно, что проведенный мозговой штурм сделал профессиональное сообщество работников сферы искусства партнерами в проведении мониторинга качества услуг и существенно снизил градус противодействия этому мероприятию.

Таким образом, привлечение профессионалов из оцениваемой отрасли на этапе подготовки инструментария независимой оценки качества представляется продуктивным.

Список литературы

1. Петрова Л. Е., Бурлуцкая М. Г., Вандышев М. Н. и др. Качество подготовки специалистов с высшим педагогическим образованием: социологиче-

- ский мониторинг. Коллективная монография по материалам второго этапа исследовательского проекта «Мониторинг качества образования в педагогическом вузе» / под ред. Б. М. Игошева, Л. Е. Петровой, Л. Я. Рубиной; ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», Кафедра теоретической и прикладной социологии. Екатеринбург, 2006.
2. *Петрова Л. Е., Царькова С. А.* Качество деятельности врача: оценка работы и дополнительного профессионального образования // Уральский медицинский журнал. 2013. № 3 (108). С. 122—126.
3. *Пронин А. А., Занин М. В., Петрова Л. Е., Бурлуцкая М. Г.* Независимая оценка качества оказания услуг организациями в сфере культуры (екатеринбургский эксперимент) // Фундаментальные исследования. 2016. № 1. С. 187—191.
4. *Пронин А. А., Петрова Л. Е.* Независимая оценка качества работы муниципальных учреждений культуры (опыт г. Екатеринбурга) // Социогуманитарные, естественные, технические и медицинские науки: новые ракурсы развития : сб. трудов Международной научно-практической конференции / под ред. О. П. Чигишевой. Ростов-на-Дону, 2015. С. 44—53.

Информация об авторах:

Бурлуцкая Мария Георгиевна, к. с. н., доцент кафедры социальной работы и социологии медицины УГМУ, руководитель новационных проектов Фонда «Социум», Екатеринбург, Россия, mary-bu@yandex.ru

Петрова Лариса Евгеньевна, к. с. н., доцент кафедры социокультурного развития территории ЕАСИ, Екатеринбург, Россия, docentpetrova@gmail.com

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ОЦЕНКИ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль, О. Б. Савинская

Институт социологии Российской академии наук,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

Аннотация. Проанализирован комплекс исследовательских процедур, проведенных в октябре-ноябре 2015 г. Центром социальной экспертизы по заказу Департамента труда и социальной защиты Правительства Москвы с целью независимой оценки учреждений, оказывающих социальные услуги жителям города Москвы. В качестве объектов исследования выбрано 28 центров социальной помощи семье (ЦСПСиД). Применение комплексного подхода позволило сделать сбор информации адресным и необременительным для представителей каждой целевой группы. Выявлена необходимость информационной поддержки исследования, особенно, учитывая, что речь идет о мониторинговых исследованиях. Успешность прохождения каждого следующего этапа мониторинга не в последнюю очередь зависит от полноты и качества освещения предыдущего этапа.

Ключевые слова: социальные услуги, методологический аспект, оценка организаций, мониторинговые исследования, комплексный подход

Независимая оценка организаций, предоставляющих социальные услуги, — это новая для нашей страны исследовательская процедура, нормативная база для которой была сформирована на рубеже 2014—2015 гг. [4, 2]. В Москве проведение независимой оценки было регламентировано Общественным Советом при Департаменте социальной защиты населения города Москвы на заседании от 12.03.2015 [3].

Комплекс исследовательских процедур, целью которых являлась независимая оценка учреждений, оказывающих социальные услуги жителям города Москвы, был проведен в октябре-ноябре 2015 г. Эта работа, участниками которой были авторы данного материала, была проведена Центром социальной экспертизы по заказу Департамента труда и социальной защиты Правительства Москвы.

Учитывая инновационный, апробационный характер методики проведения независимой оценки учреждений, предоставляющих социальные услуги, в фокусе рассмотрения оказываются не только его результаты,

но и вопросы методико-методологического свойства. Это неслучайно, поскольку одной из задач апробационного этапа является как раз выявление проблем, возникающих в методологии, методике, организации процесса исследования, их анализе. В результате этого появляются рекомендации по коррекции всей процедуры исследования, т.е. происходит отладка методико-методологического механизма, которая особенно важна при проведении мониторинговых исследований. А независимая оценка учреждений, оказывающих социальные услуги, относится именно к разряду мониторинговых исследований.

Перед тем как перейти к изложению собственно опыта проведения оценки, в двух словах расскажем о его дизайне и основных методологических результатах.

Постановка задачи в отношении исследования была изначально регламентирована. Это касалось и перечня показателей, на основе которых должны были оцениваться учреждения, предоставляющие социальные услуги [2], и самой исследовательской процедуры [3], которая в данном случае — применительно к г. Москве — исключала этап подготовительных исследовательских процедур, направленных на отладку инструментария.

В качестве объектов исследования было выбрано 28 центров социальной помощи семье (ЦСПСиД). Учитывая также их филиалы, можно сказать, что независимая оценка охватила 31 организацию, оказывающую услуги в сфере социального обслуживания семей с детьми в городе Москве.

Изначально в качестве критериев оценки нормативно присутствовало 28 показателей, характеризовавших различные аспекты деятельности учреждений, предоставляющих социальные услуги. Для их изучения предполагалось применение пяти количественных методов:

1. Наблюдение (оценка специалистами различных параметров работы организаций на основе структурированного бланка);
2. Опрос потребителей услуг (анкета);
3. Телефонный опрос представителей социальных учреждений (с применением методики «тайного покупателя»);
4. Анализ информации, предоставленной в открытом доступе (контент-анализ сайтов организаций, нормативно-правовой документации);
5. Анализ ведомственной статистики.

Однако в процессе запуска реализации поля стало очевидно, что этих методов недостаточно.

В качестве наиболее адекватной стратегии сбора данных было принято сочетание как качественных, так и количественных методов исследования. Были добавлены метод неструктурированного наблюдения и метод интервью с интервьюерами при сдаче анкет. Это было вызвано не только и не столько популярностью в последнее время смешанных

стратегий исследования [5], сколько необходимо найти наиболее разумный вариант получения информации.

В результате проведения исследования было собрано 934 анкеты от москвичей-получателей услуг, были получены наблюдения исследователей по всем учреждениям, а также осуществлены другие виды работ.

Основная методологическая проблема, которая была выявлена в процессе исследования, которая прозвучала и в вопросах москвичей, и в комментариях специалистов, заключалась в том, а что конкретно мы оцениваем: работу самих социальных учреждений, качество содержания предоставляемой социальной услуги или качество ее предоставления конкретным учреждением?

Действительно, это кардинальный вопрос, ответ на который снимает многие другие, в том числе проблему выбора объектов исследования, разработки инструментария.

Следующий «ключевой» вопрос касается организации процесса исследования. Когда объективно необходимо использовать несколько методов исследований, возникает проблема их внутреннего согласования, маршрутизации, обмена информацией. Тем более, что все, кто занимается исследованиями, понимают важность «одинакового контекста» — сопоставимых характеристик внешней среды, которые дают возможность непосредственной интерпретации данных. В случае применения комплексных методик, этот параметр становится еще более значимым. При этом тот или иной выбор (параллельный или последовательный запуск методов исследования) имеет свои и плюсы, и минусы. Например, в случае анализа сайтов организаций и осуществления наблюдений за их работой: разбивать это на разные операции или совмещать?

Подводя итоги опыта проведения независимой оценки в г. Москве, необходимо, во-первых, выделить позитивный, конструктивный настрой всех групп горожан, которые участвовали в этой оценке. Все — и потребители услуг, и представители учреждений, оказывающих эти услуги, — проявляли заинтересованность в появлении нового инструмента оценки развития городской инфраструктуры.

Можно предположить, что значительный вклад в создание доброжелательной атмосферы, сопровождавшей проведение исследования, внес продуманный набор методов исследования. Применение комплексного подхода позволило сделать сбор информации адресным и необременительным для представителей каждой целевой группы.

В то же время неоднократно задавались вопросы о том, с какой целью проводится оценка, как будут использованы ее результаты, где можно будет ознакомиться с результатами. Это волновало не только сотрудников социальных служб, но и москвичей, являющихся потребителями

социальных услуг. Это свидетельствует о необходимости информационной поддержки исследования, особенно, учитывая то, что речь идет о мониторинговых исследованиях. Успешность прохождения каждого следующего этапа мониторинга не в последнюю очередь зависит от полноты и качества освещения предыдущего этапа.

И в этом плане мы приветствуем публикацию данных о независимой оценке, проведенной в Архангельской области [1]. Чем больше подобного рода методологических работ будет представлено на общее обозрение, тем успешнее будет следующий вариант независимой оценки для всех.

Список литературы

1. *Кудрина Ю. Н.* Независимая оценка качества оказания социальных услуг : методическое пособие по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания. Архангельск, 2015. 48 с.
2. *Приказ* Минтруда России от 08.12.2014 № 995н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания» (зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2015 № 35579) [Электронный ресурс] // Портал Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/339>.
3. *Протокол* № 1/15 от 12.03.2015 заседания Общественного совета при Департаменте социальной защиты населения города Москвы [Электронный ресурс] // Портал Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы. URL: http://www.dszn.ru/upload/documents/5_Протокол_1_15.pdf.
4. *Распоряжение* Правительства РФ от 30.03.2013 № 487-р (ред. от 20.01.2015) «Об утверждении плана мероприятий по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, на 2013—2015 гг». [Электронный ресурс] // Портал Правительства России. URL: <http://government.ru/orders/1133/>.
5. *Morgan D.* Integrating Qualitative and Quantitative Methods : A Pragmatic Approach. SagePublications, 2013. P. 288.

Информация об авторах:

Дудченко Ольга Николаевна, к. э. н., старший научный сотрудник ИС РАН, Москва, Россия, odoudchenko@gmail.com

Мытиль Анна Владимировна, старший научный сотрудник ИС РАН, Москва, Россия, awmytil@gmail.com

Савинская Ольга Борисовна, к. с. н., доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, osavinskaya@hse.ru

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Е. А. Михайлова

Всероссийский центр изучения общественного мнения,

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Аннотация. Анализ практики реализации независимой оценки качества в различных регионах Российской Федерации показывает наличие ряда проблем и недочетов, требующих внесения корректив в действующие нормативно-правовые акты. Необходимо совершенствование методик ее проведения, которое может быть обеспечено только в случае разработки четкой, не допускающей разночтений и отклонений от принципов оценки, детализированной методики. Важной составляющей методики должен быть детализированный план организации и проведения работ.

Ключевые слова: качество услуг, независимая оценка, методика проведения, общественные советы

Внедрение системы независимой оценки качества (НОК) услуг является важным шагом на пути к повышению эффективности деятельности организаций социальной сферы, стимулирует руководителей организаций к оперативному устранению недочетов в работе, и, в итоге — повышению удовлетворенности конечных потребителей работой организаций, оказывающих социальные услуги.

Принципы проведения НОК закреплены Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по проведению независимой оценке качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» (от 21.07.2014 № 256-ФЗ), вступившим в силу 21 октября 2014 г., а также утвержденными на уровне федеральных министерств методическими рекомендациями. Однако анализ практики реализации НОК в различных регионах Российской Федерации указывает на наличие ряда проблем и недочетов, требующих внесения корректив в действующие нормативно-правовые акты.

Ключевыми субъектами принятия решений, касающихся форматов проведения НОК, на региональном уровне выступают члены Общественных Советов (ОС). Признавая высокий уровень социальной активности и значимости деятельности членов ОС, следует все же отметить, что некоторые из них не владеют нужными для оценки адекватности построения

выборки и анализа эффективности проводимых работ по проведению НОК компетенциями.

Фактически в каждом регионе процедура проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями социальной сферы проводится по своей, утвержденной ОС, методике — получаемые результаты не могут рассматриваться как сопоставимые. Такой подход не позволяет использовать получаемые данные в управленческих целях (выстраивать рейтинги регионов, определять проблемные регионы, требующие выделения дополнительных средств, выявлять лучшие практики и т. п.).

Проблемы возникают и при выборе организации-исполнителя — эти функции зачастую передаются компаниям, финансируемым из средств регионального бюджета (т. е. изначально не являющимся независимыми), или же выполняются организациями, руководители которых входят в состав ОС. При этом ключевым фактором отбора организаций-исполнителей услуг по проведению НОК выступает стремление минимизировать расходы на проведение работ (а не достижение высокого качества получаемых результатов).

В утвержденном варианте методики содержат ряд переменных, допускающих неоднозначную интерпретацию — соответственно, одни и те же переменные могут отражать разные составляющие работы. Кроме того, в число измеряемых показателей включены составляющие работы, которые не зависят от деятельности конкретных организаций, а отражают эффективность работы органов исполнительной власти в регионе (например, время ожидания в очереди на получение услуги). Существует потребность в четкой операционализации понятий и измеряемых в ходе проведения НОК показателей.

Несмотря на то, что возможность дополнения комплекса исследовательских работ вспомогательными методами (наблюдение, оценка эффективности работы каналов обратной связи, фокус-группы и т. п.) предусмотрена утвержденной методикой, на этапе реализации в регионах данная возможность, как правило, игнорируется, что нивелирует значимость получаемых результатов — отсутствие качественных данных не позволяет адекватно интерпретировать получаемые результаты, и процедура оценки сводится к формальному выполнению требований (не приводит к повышению качества услуг).

Перечень измеряемых показателей по отдельным блокам является недостаточным, что снижает эффективность проводимых оценочных мероприятий, не позволяет выявить факторы, формирующие неудовлетворенность конечных потребителей качеством услуги. Требуется доработка подход к оценке соответствия организаций установленным требованиям в случаях, если существуют объективные ограничения на их выполнение

(например, отсутствие возможностей для организации парковочных мест для лиц с ограниченными возможностями на улицах, где в принципе отсутствует возможность для парковки автомобильных средств, а организация обеспечивает при этом доставку инвалидов в учреждение). Проблема может быть решена посредством повышения чувствительности показателей и критериев оценки, введения поправочных коэффициентов с учетом реальных условий функционирования организаций.

Одной из проблем является прогнозируемость сроков проведения проверок (что может выступать фактором мобилизации сотрудников организаций на качественное выполнение своих должностных обязанностей лишь на время проведения НОК) — только при регулярности, спонтанности проверок можно обеспечить максимальную эффективность НОК как инструмента повышения качества услуг.

На региональном уровне исследователи сталкиваются с проблемами неудовлетворенности результатами проведенных проверок. Ориентируясь на существующие «внутренние, рейтинги организаций, представители региональных органов власти ожидают соответствия результатов НОК формальным показателям.

Возникают проблемы, связанные с низким уровнем осведомленности сотрудников и руководителей обследуемых организаций о целях и задачах, возможностях НОК как инструмента принятия решений как на региональном уровне, так и на уровне организации, оказывающей социальные услуги — восприятие НОК как формальной, требующейся для выполнения поручений федеральных органов власти, нивелирует значимость проводимых оценочных процедур. Снижает эффективность данной работы и отсутствие индикаторов оценки достигнутых изменений. В систему коммуникаций исследователей и членов ОС с представителями организаций, ставших объектами исследования, требуется внедрение механизма обратной связи с руководителями оцениваемых учреждений для возможности оспорить или прокомментировать результаты НОК (в том числе — осветить существующих проблемы, препятствия для повышения эффективности работы).

Очевидна потребность в совершенствовании методик проведения НОК — эффективность ее проведения может быть обеспечена только в случае разработки четкой, не допускающей разночтений и отклонений от принципов оценки, детализированной методики. Важной составляющей методики должен быть детализированный план организации и проведения работ.

Актуальным является повышение уровня информированности как органов власти, так и населения о принципах проведения НОК, измеряемых показателях, повышение уровня доверия к рейтингам организаций, формируемым на основании НОК.

Информация об авторе:

Михайлова Елена Александровна, к. с. н., директор специальных программ Управления стратегического планирования и исследований ВЦИОМ, доцент кафедры социологии и гуманитарной культуры Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ «МИФИ»), Москва, Россия, socio-expert@mail.ru, mikhaylova_e@wciom.com

ЗНАЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ ПРИ УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ НЕЗАВИСИМОЙ ПУБЛИЧНОЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Б. А. Никитина

*НИУ «Самарский государственный аэрокосмический университет
им. академика С. П. Королёва», Самара, Россия*

Аннотация. Представляемую в открытом доступе информацию о деятельности учреждений социальной поддержки населения необходимо анализировать и использовать для коррекции и оптимизации этой деятельности. Для того, чтобы информационная открытость государства эффективно отражалась на качестве его деятельности, а информация была востребована населением, нужен качественный состав общественных советов при учреждениях соцподдержки, что повлияет не только на результаты публичной независимой оценки качества социальных услуг, но и на развитие гражданского общества в целом.

Ключевые слова: социальная поддержка, социальные услуги, общественные советы, квалификация, независимая оценка, гражданское общество

Для смягчения проблем государственного финансирования учреждений социальной сферы в условиях нарастающего дефицита госбюджета в современной России необходимо развивать открытость и прозрачность деятельности этих организаций, а также усиливать общее внимание потребителей социальных услуг к их качеству и возможностям его повышения. В то же время, по мнению специалистов, открытость и прозрачность государственной деятельности сегодня в России достаточно высока [4, 1]. Проблема состоит сегодня в том, насколько эффективно отражается эта информационная открытость государства на качестве его деятельности, насколько востребованы эти данные населением, в частности, общественными организациями и бизнесом [3]. Речь идет о том, что представляемую в открытом доступе информацию далее мало кто анализирует и использует для коррекции и оптимизации деятельности государственных органов и бюджетных организаций.

В 2014 г. были подписаны два Федеральных Закона, установивших правовые основы осуществления общественного контроля: № 212-ФЗ от 21.07.2014 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования».

Оба этих закона направлены на обеспечение открытости деятельности органов власти и государственных и муниципальных организаций и дают установку на привлечение к оценке их деятельности максимально широкого круга общественности — от экспертов-профессионалов, работающих в проверяемой сфере, до потребителей, получающих ту или иную услугу. Фактически же оба этих закона привносят некоторые ограничения в перечень субъектов осуществления общественного контроля, в частности, к ним можно отнести требования институционального оформления общественности для участия в той или иной форме общественного контроля.

Накладывает ограничение на участие общественности в деятельности государства и тот факт, что в обоих случаях от граждан требуется достаточно высокий, экспертный уровень квалификации. В случае с осуществлением общественного контроля, предполагается, что граждане смогут участвовать в разработке нормативных правовых актов, в реализации кадровой политики органа законодательной власти, а также в обсуждении общественно значимых вопросов, а в случае проведения независимой публичной оценки качества социальных услуг, предполагается, что общественность сумеет компетентно оценить удовлетворенность потребителей качеством работы учреждений социальной сферы.

Поиск представителей общественности, которые, несмотря на высокий уровень квалификации, имели бы достаточно свободного времени и желания работать в сфере общественного контроля, серьезно осложняется особым вниманием законодателя к отсутствию конфликта интересов членов общественных советов при проведении общественного контроля и независимой публичной оценки качества социальных услуг. На практике эта законодательная норма является парадоксальной, поскольку она предполагает как обязательность проведения независимой оценки, так и ее добровольность и безвозмездность. Дополнительной сложностью является требование к членам общественных советов представлять общественные некоммерческие организации, что ограничивает круг компетентных лиц, которые могли бы более эффективно выполнять предполагаемые функции контроля.

Ограничив, таким образом, круг избранных, ст. 10 № 256-ФЗ предписывает им целый ряд задач, указывая на то, что члены общественных советов:

1) определяют перечни учреждений, в отношении которых проводится независимая оценка;

2) формируют предложения для разработки техзадания для организации, которая осуществляет сбор, обобщение и анализ информации о качестве оказания услуг;

3) устанавливают при необходимости критерии оценки качества оказания услуг учреждениями и предприятиями социального обслуживания (дополнительно к установленным настоящей статьей общим критериям);

4) осуществляют независимую оценку качества оказания услуг учреждениями и предприятиями социального обслуживания;

5) представляют ... результаты независимой оценки качества оказания услуг учреждениями и предприятиями социального обслуживания, а также предложения об улучшении качества их деятельности.

Особого внимания заслуживает пункт 3 данной статьи, который нельзя осмыслить без информации, содержащейся в Приказе Минтруда России № 995 от 08.12.2014 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания». Фактически в этом документе предлагается достаточно подробная методика, предполагающая оценивание качества социальных услуг по 5-ти укрупненным показателям, характеризующим:

1) открытость и доступность информации об организации социального обслуживания;

2) комфортность условий предоставления социальных услуг и доступность их получения;

3) время ожидания предоставления социальной услуги, 4) доброжелательность, вежливость, компетентность работников организаций социального обслуживания;

5) удовлетворенность качеством оказания услуг в целом.

Для каждого показателя законодатель предписывает различный вес в оценке качества социальных услуг, предлагает комплекс индикаторов, среди которых есть такие данные, которые можно взять из открытых источников, и такие, которые можно получить только в результате социологического опроса. Последние составляют 49% от всех индикаторов, однако их вес, по предлагаемой методике, составляет лишь третью часть — 11 баллов из 33 возможных.

Таким образом, почти половина работы, необходимой для проведения независимой публичной оценки качества социальных услуг, является результатом социологического опроса, который предположительно будет осуществляться специализированной организацией-оператором.

Особое внимание следует обратить внимание на опасность того, что анализ данных организацией-оператором фактически может подменить оценку качества услуг учреждений и предприятий социальной поддержки населением самими членами общественного совета. Заявленные

в техническом задании параметры оценки могут носить исключительно количественный характер, при котором оценка общественным советом организаций и предприятий, оказывающих социальные услуги населению, превратится в формальное утверждение результатов, полученных организацией-оператором.

В этих условиях качественный состав общественных советов сегодня является очень важным моментом, который значительно влияет не только на результаты публичной независимой оценки качества социальных услуг, но и на тенденции развития гражданского общества в целом. Так, некоторые авторы указывают на то, что реальными функциями общественных советов могут быть следующие. «Одна — легализация заведомо принятых чиновниками решений через их общественное или экспертное одобрение. Вторая — «мягкий лоббизм» решения собственных локальных задач отдельных участников этих советов, представляющихся от различных ассоциаций и иных НКО» [2].

Для того, чтобы избежать подобного рода искажений в деятельности общественных советов, важно уделять как можно больше внимания осмыслению целей и задач деятельности данных общественных структур, результатам проведенных мероприятий, включая мероприятия по общественной оценке качества социальных услуг, вплоть до отслеживания результатов по улучшению качества этих услуг и условий их оказания.

Список литературы

1. Аудит открытых данных показал нехватку механизмов обратной связи с потребителями [Электронный ресурс]. URL: <http://opendata.bigovernment.ru:8085/news/584>.
2. Бегтин И. Неактивный гражданин. И. Бегтин об открытых данных и закрытом обществе [Электронный ресурс] / Газета.ru. 06.07.2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2015/07/03_a_6865765.shtml.
3. Бершадская Л. А., Чугунов А. В. Услуги электронного правительства: исследование дискуссий в социальных сетях [Электронный ресурс] // Межотраслевая информационная служба. 2014. № 1. С. 10—17. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21278501>.
4. Ветрова Е. Н. Доступ к информации как условие обеспечения прозрачности государственного управления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4—3 (30). С. 35—38.
5. Камалова Г. Р. Открытое государственное управление: российский и зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 1. С. 140—143.

Информация об авторе:

Никитина Бэлла Анатольевна, доцент кафедры социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного аэрокосмического университета, Самара, Россия, belanik@yandex.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

И. А. Огородникова, К. О. Пранкевич

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования «Удовлетворенность жителей г. Омска работой государственных бюджетных поликлиник по обслуживанию взрослого населения», проведенного методом интервью по формализованной анкете в 2014 г. Выделены три главных аспекта решения проблемы эмпирического объекта при независимой оценке государственных услуг в сфере здравоохранения: эмпирическим объектом исследования (субъектами оценивания) должно являться все население; параметры работы учреждений здравоохранения следует оценивать относительно объемов групп респондентов; обязательно учитывать возможности пациентов.

Ключевые слова: методика оценки, здравоохранение, независимая оценка, эмпирический объект

В ряду проблем совершенствования методики независимой оценки организаций, оказывающих государственные услуги в сфере здравоохранения, целесообразно обсудить проблему эмпирического объекта. Вопрос стоит так: имеют ли результаты измерений отношение к населению или к посетителям государственных медицинских учреждений?

Согласно приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.05.2015 № 240 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению независимой оценки качества оказания услуг медицинскими организациями» [1], оценку услуг дают лишь пациенты данных медицинских учреждений. Предложенная методика предполагает не только контактный, но и онлайн-опрос. Но анкеты содержат информацию только о тех, кто являлся пациентами амбулаторных и стационарных медицинских учреждений. На их основе нельзя получить данные ни о количестве тех, кто отказался от государственных услуг, ни о причинах, по которым они это сделали.

Если использовать логику, распространенную в измерениях оценки качества, то объектом изучения должны быть только пациенты данных учреждений. Но в нашем случае к данной логике имеются два возражения.

Во-первых, обязательным медицинским страхованием охвачено все население, следовательно, и те, кто посещает, и те, кто не посещает го-

сударственные медицинские учреждения, уже оплатили услугу. Все они являются покупателями, заплатившими деньги, поэтому отказ от услуги выглядит благотворительностью. Если часть населения готова помогать тем, кто беднее, нужно проявить уважение к их мнению. Именно их оценки могут очертить параметры, которыми определяется базовое качество государственных услуг.

Во-вторых, медицинские учреждения, прежде всего поликлиники, являются специфическим объектом оценки. Если покупатель никогда не пробовал авокадо, то судить о его качестве он, конечно, не может. Но, принимая решение, воспользоваться государственными или коммерческими медицинскими учреждениями, пациент оперирует знаниями. Например, он легко узнает, что поликлиники работают в часы, которые потребуют «отпроситься с работы». Возможно, у него есть негативный опыт общения с врачами поликлиники, и он предпочитает больше к ее услугам не обращаться. Сужая эмпирический объект опроса до тех, кто посещал поликлинику в течение изучаемого периода, исследователь отсекает именно тех, кто не доволен работой учреждения.

Подтвердить подобный вывод можно, проанализировав результаты исследования на тему: «Удовлетворенность жителей г. Омска работой государственных бюджетных поликлиник по обслуживанию взрослого населения», проведенного методом интервью по формализованной анкете в 2014 г. В опросе приняли участие 384 респондента в возрасте 18 лет и старше. Методом отбора респондентов являлся квотный отбор по полу и возрасту. Была применена серийная (гнездовая) выборка. Гнездами являлись совокупности жителей, проживающих на границе пересечения различных государственных бюджетных поликлиник во избежание избыточности однотипной, повторяющейся информации о конкретной поликлинике. Количество опрошенных не дает оснований для оценки качества работы отдельных поликлиник. В ходе исследования были определены объемы групп граждан, обращающихся и не обращающихся в бюджетные медицинские учреждения, а также характеристики работы поликлиник, которые побуждают людей пренебрегать услугами государственной медицинской помощи.

Почти половина населения г. Омска (47 %) в течение года не посещали бюджетные поликлиники по разным причинам. Часть жителей не нуждалась в медицинской помощи, таковых оказалось 18 % омичей. Отказавшись от услуг бюджетных поликлиник, в платные медицинские учреждения обратились 17 % опрошенных. Особую группу, 12 % омичей, составили те, кто лечился самостоятельно. При этом 8 % опрошенных посчитали свое заболевание несерьезным, 4 % респондентов не имели денег для оплаты медицинских услуг, поликлиника же их не устраивала.

Полученные распределения следует оценить с точки зрения платежеспособности омичей. На период опроса средняя заработная плата в г. Омске номинально составляла около 24 тыс. рублей, а по результатам социологических исследований, около 19 тыс. рублей [2]. Анализ состава групп показал, что пациентами бюджетных поликлиник оказываются, как правило, женщины, чаще всего люди пенсионного возраста, неработающие пенсионеры, люди с доходом до 10 тысяч рублей. К тем, кто отказался от бюджетных поликлиник, и не имеет средств обратиться в частные клиники, относятся, как правило, люди старше 55 лет; люди, с доходом до 12 тыс. рублей, в эту группу чаще попадают безработные пенсионеры. Предпочитают частные медицинские учреждения, как правило, люди с высшим образованием, и люди, имеющие доход выше 19 тыс. рублей.

Анализ оценок респондентами параметров работы поликлиник, представленный в табл. 1, свидетельствует, что требования «бюджетников» ниже, чем членов остальных групп. Исключение составляет только параметр «количество услуг, предоставляемых бесплатно», что вполне вписывается в социально-демографический портрет групп «бюджетники» и «самолечение».

Таблица 1. *Отрицательная оценка работы городских бюджетных поликлиник, % от групп*

Вопрос «Что больше всего Вас НЕ устраивает в работе бюджетной поликлиники?»	Группа «бюджетники»	Группа «самолечение»	Группа «платежеспособные»
Организация работы поликлиники	57	75	80
Сложно попасть на прием к врачу	35	50	41
Отношение медицинского персонала	26	75	47
Количество услуг, предоставляемых бесплатно	23	44	13
Квалификация врачей	16	6	28
График работы поликлиники	8	25	16
Все устраивает	16	0	0
<p><i>Примечание.</i> Группа «бюджетники» — пациенты бюджетных поликлиник. Группа «самолечение» — пациенты, у которых нет средств для платного лечения, поликлиникой недовольны. Группа «платежеспособные» — пациенты, пренебрегающие бюджетными поликлиниками в пользу частных клиник.</p>			

Отстранив от опроса членов двух групп, можно добиться повышения положительных оценок работы бюджетных поликлиник. Но тем самым устанавливается базовое качество этих учреждений: «для малообеспеченных граждан, у которых нет выбора». В таком случае в рамках этого качества и следует оценивать работу поликлиник. Остальным гражданам государство может сказать «спасибо» за помощь.

Выводы

1. Эмпирическим объектом исследования (субъектами оценивания) должно являться все население. Это потребует иной методики сбора данных и другого инструментария. Возможна комбинация методов сбора: телефонный, почтовый, поквартирный опросы, онлайн-опрос. Анкеты должны иметь структуру, позволяющую разделить респондентов на группы в зависимости от посещения/отказа от посещения бюджетных медицинских учреждений.

2. При сравнении оценок, данных различным поликлиникам, нужно учитывать, что районы города имеют отличия в структуре населения с точки зрения платежеспособности жителей. Поэтому параметры работы учреждений следует оценивать относительно объемов полученных групп респондентов (см. п. 1).

3. При данной модели качества рейтинг бюджетных поликлиник имеет смысл только для управленческих решений. Для пациентов он не является руководством к действию, так как малообеспеченные граждане ограничены в возможностях поехать в другой конец города в хорошую поликлинику.

Список литературы

1. Министерство здравоохранения Российской Федерации: Документы/ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.05.2015 № 240 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению независимой оценки качества оказания услуг медицинскими организациями» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/9072>.
2. Огородникова И. А., Павленко К. В., Озерова М. В. Престиж статуса квалифицированного рабочего: по материалам социологического исследования в г. Омске. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 49—50.

Информация об авторах:

Огородникова Ирина Анатольевна, к. ф. н., доцент кафедры социологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, ogorodnikova.irina@gmail.com

Пранкевич Кристина Олеговна, студент-магистрант ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, prankevichkristina@rambler.ru

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА РАБОТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. С. Попова

Брянский филиал РАНХиГС, Брянск, Россия

Аннотация. В ходе исследования, проведенного в Брянской области с целью выявления проблем в оценке деятельности учреждений социального обслуживания, проанализирована информация и составлен рейтинг учреждений социального обслуживания области по качеству оказания услуг. Также по данным независимой оценки качества услуг социальной защиты Брянской области отображена полная информация об учреждениях, что позволит принять меры по усовершенствованию оказания услуг данных учреждений.

Ключевые слова: независимая оценка, социальная защита, контроль качества услуг

Проблема контроля качества услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения, достаточно актуальна в настоящее время. Социальное обслуживание представляет собой деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-трудовых, социально-правовых услуг и материальной помощи с целью улучшения условий жизнедеятельности человека.

Качество обслуживания — это комплексная категория, один из важнейших показателей эффективности функционирования социальных учреждений, объект анализа, планирования и управления. Главной составляющей всей системы качественного обслуживания является качество социальных услуг.

Для оценки деятельности учреждений социального обслуживания избран комплексный подход при оценке качества оказания социальных услуг, включающий опрос клиентов учреждений, опрос населения муниципального образования, наблюдение за полнотой предоставления информации посредством интернет-ресурсов.

Целью исследования выступали сбор, обобщение и анализ информации о качестве оказания услуг организациями социального обслуживания Брянской области и установление рейтинга учреждений.

Цель исследования достигнута, по результатам исследования решены следующие задачи:

1. Проведен анализ открытости и доступности информации об организациях социального обслуживания.
2. Проведен анализ комфортности условий предоставления социальных услуг и доступности их получения.
3. Изучено и проанализировано время ожидания предоставления социальных услуг.
4. Изучено и проанализировано отношение работников организаций социального обслуживания с точки зрения доброжелательности, вежливости и компетентности.
5. Проведен анализ удовлетворенности качества оказания услуг.
6. Составлен рейтинг учреждений социального обслуживания Брянской области по качеству оказания услуг.

Инструменты исследования представлены в виде анкеты для опроса респондентов.

В рамках проведения независимой оценки качества работы социальной защиты Брянской области получателям услуг предлагалось оценить условия предоставления социальных услуг.

Для социальной защиты результаты сравнения полученных данных, составляющих критерии, (зеленый многоугольник) с максимальной значимостью показателя (красный многоугольник) представлены на рис. 1.

Рисунок 1. Результаты сравнения данных, составляющих критерии оценки

Опрос по оказанию услуг в комплексных центрах социального обслуживания населения Брянской области позволил составить рейтинг, показанный на рис. 2.

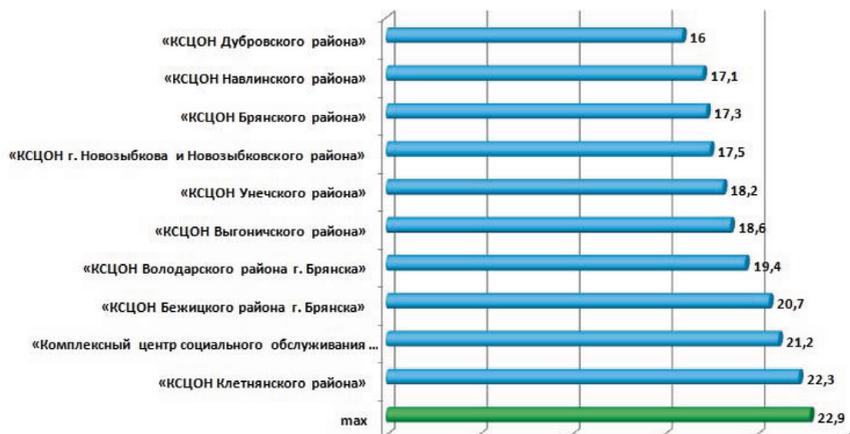

Рисунок 2. Рейтинг комплексных центров социального обслуживания населения Брянской области

Из данных, представленных на рис. 2, можно сделать вывод, что среднее значение интегральной оценки качества работы учреждения достигли все КСЦОН. Наименьший показатель 16 в КСЦОН Дубровского района. В данном районе по многим критериям оценки качества наименьшие результаты. КСЦОН Клетнянского района показывает положительную динамику оценки качества.

Озвученные респондентами недостатки в оказании услуг в Брянской области можно расположить в порядке убывания, в среднем соотношении (по всем категориям):

- удовлетворенность качеством обслуживания 9,91;
- условия получения услуг 8,55;
- компетентность работников организации 7,92;
- удовлетворенность условиями предоставления социальных услуг 7,73;
- доброжелательность, вежливость и внимательность работников организации 7,58;
- время ожидания получения услуг 7,33;
- удовлетворенность качеством проводимых мероприятий 6,6;
- готовность рекомендовать организацию друзьям, родственникам, знакомым 5,91;

- информированность о работе и порядке предоставления услуг 5,52;
- обратная связь 4,4;
- уровень рейтинга на сайте www.bus.gov.ru 2,8;
- полнота, актуальность и понятность информации размещаемой на официальном сайте 0,6.

По данным независимой оценки качества услуг социальной защиты Брянской области отображена полная информации об учреждениях, что позволит принять меры по усовершенствованию оказания услуг данных учреждений.

Информация об авторе:

Попова Анна Сергеевна, студентка IV курса, направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Брянск, Россия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ НАСЕЛЕНИЕМ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Н. Г. Поршнева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
РФ, Балаковский филиал, Балаково, Саратовская обл., Россия*

Аннотация. Предпринята попытка обобщения понятия качества работы и/или услуг служащих государственных учреждений. Важны выработка и закрепление определенных стандартов качества, не допускающих двусмысленные толкования; это подразумевает создание специальной нормативной документации, декларирующей конкретные стандарты, что относится к правовому аспекту качества.

Ключевые слова: государственное управление, оценка качества, критерии оценки, государственные услуги, эффективность

При изучении институтов публичной власти, в рамках социологического подхода основное внимание сосредотачивается на анализе механизмов, с помощью которых осуществляется реальная связь между государством и обществом. Оценка рациональности и эффективности в достижении поставленных целей, анализ качества деятельности государственных структур приобретает в настоящее время все большую значимость. Стремясь полноценно и адекватно соответствовать реалиям современного общества, максимально облегчить жизнь граждан, государственные учреждения стараются выйти на более высокий качественный уровень работы, что порождает ряд проблем на уровне терминологии. С одной стороны, декларировать качественную работу легко, но с другой — именно это и вызывает первые трудности: как именно определить качество, от чего оно зависит и есть ли у него четкие критерии? Именно поэтому представляется особенно важным определить базовые представления о качестве и возможности его количественной оценки.

Вопросы качества, менеджмента качества и контроля качества не новы в научной литературе: их анализировали и раскрывали Э. Деминг, Дж. Джуран, К. Исикава, Ф. Кросби, А. Фейгенбаум и многие другие. При этом внимание вышперечисленных исследователей концентрировалось главным образом на производственной сфере и уже во вторую очередь на сфере услуг. Концептуальные подходы к оценке процесса оказания услуг и обеспечения их качества (в частности, на примере социального обслуживания) были сформулированы С. Нечаевым, А. Романенко,

П. Романовым, Е. Чуевой, Е. Ярской-Смирновой и др., в развитие идей которых и предпринята данная попытка обобщения понятия качества работы и/или услуг служащих государственных учреждений и конкретизировать целевую установку. При этом качество каких-либо материальных объектов в данном случае не рассматривается или считается не приоритетным [2].

Качество представляет собой универсальную и вместе с тем сложную многоаспектную категорию. К аспектам качества можно отнести, в частности, социокультурный, правовой, экономический и технический, степень выраженности которых (или их комплексное использование) будет зависеть от контекста ситуации. Социокультурный аспект качества зависит от ценностного отношения субъектов деятельности к объекту — например, это может быть восприятие каких-либо государственных услуг как норм их потребителем. Иначе говоря, качество можно определить как «соответствие идеального образа услуги, удовлетворяющего все стороны, и реального воплощения этой услуги» [1], т. е. степень приближенности реальных действий к запланированным — некоей «идеальной модели». Поскольку представление об «идеальности» очень индивидуально, очень важны выработка и закрепление определенных стандартов качества, не допускающих двусмысленные толкования.

Вышесказанное подразумевает создание специальной нормативной документации (а также алгоритм ее разработки, утверждения, внедрения, выполнения и учета), декларирующей конкретные стандарты, что относится к правовому аспекту качества. В данном случае качество определяется «поставщиком» государственных услуг, а мнение потребителей может на вполне законном основании игнорироваться. Например, в услуге по регистрации транспортного средства такой очевидный критерий качества как срок оказания услуги четко оговорен: «Поступившие от граждан заявления и документы рассматриваются и проверяются... уполномоченным должностным лицом в срок до 30 минут» [3]. Соответственно, даже если двадцать минут представляются для потребителя субъективно долгими, официальные лица не будут учитывать его жалобы, если исполнитель укладывается в нормативное время.

Создание Многофункциональных центров предоставления государственных услуг по принципу «одного окна» и предоставление электронных услуг через информационный портал Государственные услуги, дает жителю, независимо от места регистрации (проживания) большие преимущества.

Гражданин может направить заявление в орган власти через Портал государственных услуг в электронном виде. При рассмотрении органом власти заявления, гражданин будет информирован об этапах его

рассмотрения, результатах принятого решения по электронной почте. Результат предоставления услуги также планируется направлять заявителю в виде электронного документа, подписанного электронной подписью уполномоченного должностного лица. При желании гражданин сможет самостоятельно распечатать полученный документ. Кроме того, гражданин может получать государственные услуги интерактивно в режиме самообслуживания с помощью инфоматов. Инфоматы (информационные терминалы) предназначены в основном для тех граждан, у которых нет выхода в Интернет, или им удобнее использовать терминал. Они должны со временем появиться рядом с платежными терминалами, в почтовых отделениях, в метро. Они представляют собой электронные терминалы, расположенные в местах предоставления государственных услуг [3].

Так например, в Республике Татарстан с использованием инфоматов можно: оплатить штрафы ГИБДД по номеру автомобиля и номеру техпаспорта; проверить наличие задолженности и оплатить налоги и внести дополнительные страховые взносы на накопительную часть трудовой пенсии; оплатить услуги ЖКХ ряда управляющих компаний и др. Ввод необходимой информации осуществляется с помощью удобной сенсорной панели, реагирующей на прикосновения. Некоторые модели инфоматов оснащены системой приема пластиковых карт, а также принтером и сканером, чтобы гражданин мог на месте распечатать бланк или создать электронную копию своей справки для немедленной отправки в нужное ведомство прямо с инфомата [3]. Таким образом, Многофункциональные центры оказания государственных и муниципальных услуг, действующие по принципу «Одного окна», обеспечивают качественно новый уровень предоставления государственных услуг, в том числе и в электронной форме.

Профессиональная деятельность государственных служащих, приносящая пользу и положительно оцениваемая потребителями государственных услуг, представляется качественной. Если при этом она осуществляется в рамках запланированных ресурсов и целей и имеет конкретный ожидаемый результат, то она считается эффективной [4].

Список литературы

1. *Ломакин М. Н.* Социокультурный контекст использования ресурсов в социальном обслуживании региона : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2014.
2. *Оценка результативности, эффективности и качества деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой.* Саратов : Научная книга, 2007. С. 6—9.
3. *Портал государственных услуг Российской Федерации [Электронный ресурс].* URL: <http://www.gosuslugi.ru>.

4. Поршнева Н. Г. Многомерность понятий качества и эффективности в оценке деятельности государственных служащих // Изменяющийся мир: общество, государство, личность : сб. материалов IV международной научной конференции (9 апреля 2015 г.). Ч. 2 (разделы 11—16). Саратов : ИЦ «Наука», 2015. С. 187—192.

Информация об авторе:

Поршнева Надежда Геннадиевна, к. с. н, доцент кафедры государственного управления и права РАНХиГС (Балаковский филиал), Балаково, Саратовская обл., Россия, Nadezhdalow@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Н. П. Шукина

*НИУ «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика
С. П. Королёва», Самара, Россия*

Аннотация. Участие нашей кафедры в двух проектах, касающихся независимой оценки качества услуг, оказываемых учреждениями социального обслуживания населения Самарской области, — реализованных в 2014—2016 гг. совместно с Самарской областной организацией профессионального союза работников социального обеспечения населения, — позволяет заключить, что даже в случае обучения общественности реальному участию в формировании независимой оценки работы социальных служб, необходимо участие профессиональных организаций в осуществлении такой оценки. В тоже время, принимая участие в оценке качества государственных услуг, называемой независимой и объективной, необходимо быть готовым к высокому уровню неопределенностей, уметь делать выбор с наименьшими потерями и беря ответственность на себя.

Ключевые слова: государственные услуги, независимая оценка качества, критерии оценки, система ценностей

Абсолютная определенность — это то же самое, что и абсолютная безответственность; нет более бездумного человека, чем тот, кто сводит всю свою деятельность к применению... ранее изданных директив
Логstrup

Тема оценочной деятельности в сфере государственных услуг далеко не нова уже в силу того, что оценка — один из базовых принципов любой социальной деятельности. Однако именно в последние годы в российском дискурсе акцент делается на роли независимой и объективной оценки государственных услуг. В этой связи актуализируется вопрос о связи объективности и независимости, об акторах, их обеспечивающих, как, впрочем, и об адресатах этих независимости и объективности. В чем суть данной проблемы, вынесенной на специальное рассмотрение в рамках конференции? Ведь соответствующие инициативы обеспечения незави-

симости и объективности в оценке качества государственных услуг идут от органов власти и управления и нашли отражение в ряде официальных административных текстов 2012—2015 гг., по сути, регламентирующих эту новацию. Так например, согласно ст. 9 гл. 2 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ», субъекты общественного контроля включают в себя общественные палаты: РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, а также общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ [2]. Причем наблюдается активно идущий процесс институционального оформления «общественности» для участия в той или иной форме общественного контроля, включая независимую оценку качества государственных услуг. Четко прописаны критерии и показатели этого качества и т. п.

При этом, согласно последним нормативным актам, в роли организации-оператора рекомендуются профессиональные структуры, например, исследовательские центры. И тогда, в чем смысл специальной постановки вопроса об организации независимой и объективной оценки качества госуслуг? Ведь профессиональные организации и прежде привлекались к такой исследовательской работе. Получается, прежде, проводя исследования, они нарушали данную объективность и независимость, а теперь могут справиться с данной задачей? Возможно, что-то меняется в таком взаимодействии исследователей, организаций, предоставляющих госуслуги населению, и заказчиков? Что же? Какую роль играет нормативный контекст ответа на поставленные выше вопросы? Кстати, согласно данному контексту, организации-операторы могут разрабатывать дополнительные критерии оценки качества государственных услуг. Может быть, именно в них «собака зарыта»? Иными словами, исследователи призваны сегодня, строго в соответствии с нормативным контекстом, оценивать качество работы социальных служб, называя ее независимой и объективной? И этой независимости способствует право в перечень показателей качества названных выше услуг включать ряд «дополнительных»?

А если инструмент, спущенный сверху соответствующими министерствами РФ, вызывает сомнения у исследователя, в том числе критерии и показатели качества государственных услуг, — как быть? На волонтерских началах проводить подобного рода исследования или искать заказчиков на стороне оппонентов государства?

Участие нашей кафедры в осуществлении такой оценки с помощью двух проектов, реализованных в 2014—2016 гг. совместно с Самарской областной организацией профессионального союза работников социального обеспечения населения («Работе учреждений социального

обслуживания населения — объективную и независимую оценку качества оказываемых услуг» и «Учреждениям социального обслуживания населения Самарской области — публичный, независимый, объективный рейтинг качества их работы») позволяет заключить, что даже в случае обучения общественности реальному участию в формировании независимой оценки работы социальных служб, в рейтинговании данных организаций по качеству их услуг, необходимо участие профессиональных организаций в осуществлении такой оценки. Проведение фокус-групп с потребителями социальных услуг, общественными экспертами, обучающих семинаров для общественных экспертов и круглых столов не решают проблемы обеспечения реального участия в качестве фактора общественных экспертов в рейтинговании социальных служб, независимой оценке качества государственных услуг в целом. Роль общественности, в конечном счете — исполнитель, помощник, в меньшей степени — посредник между исследователями и респондентами, исследователями и руководством социальной службы, а также заказчиком.

Возможно, постановка вопроса в официальном административном дискурсе о независимой, объективной оценке качества анализируемых услуг связана с необходимостью решения другой проблемы: обеспечения доверия населения к методам, критериям и показателям, используемым для оценки качества государственных услуг. В таком случае, разумеется, включение потребителей этих услуг и общественных экспертов в названные выше семинары, круглые столы по организации оценки качества названных выше услуг, называемой независимой и объективной, способствуют росту такого доверия.

При этом, как и прежде, исследователи сталкиваются с проблемой *независимости* оценки качества государственных услуг. Речь идет о том, что эта независимость может быть нарушена как со стороны заказчиков, так и со стороны получателей услуг. Привязанность к какой-либо из этих групп может привести исследователя к игнорированию одних данных и акцентированию других и, соответственно, к нарушению максимально возможной полноты и непредвзятости проводимого исследования. В этой связи возникает вопрос: как соблюсти баланс интересов взаимодействующих на поле оценочной деятельности сторон? Этические стандарты тут — не лучший помощник, ибо такие стандарты больше похожи на тексты для интерпретации, чем на свод правил, которым должно следовать: они дают схему или принципы, подлежащие оценке, исходя из их пригодности в данной конкретной ситуации. *Как постулировал в свое время Логstrup, «абсолютная определенность — это то же самое, что и абсолютная безответственность; нет более бездумного человека, чем тот, кто сводит всю свою деятельность к применению... ранее изданных директив» [1].*

Словом, в области организации независимой и объективной оценки много неопределенностей, которые невозможно технологизировать. Более того, неопределенность, затрагивающая сферу социальных услуг, — «это не более и не менее как та неопределенность, что имманентно присуща моральной ответственности. Она всегда будет присутствовать в этой сфере; ее можно нейтрализовать, — постулирует З. Бауман, — лишь вместе с нравственным сознанием» [1]. Необходимо быть готовым к высокому уровню неопределенностей, принимая участие в оценке качества государственных услуг, называемой независимой и объективной, располагать умением делать выбор с наименьшими потерями и беря ответственность на себя.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что одна из ключевых проблем, с которыми сталкивается социолог, принимая решение об участии/неучастии в исследовании по независимой и объективной оценке качества государственных услуг, связана с системой ценностей. Необходимо, принимая такое решение, прежде всего, ответить на вопрос: что для меня ценно. Если речь идет о такой ценности, как: способствовать росту доверия населения к власти, к методам ее работы, — тогда, вероятно, актуализируется необходимость разработки и реализации оценки, ориентированной на использование, о которой в свое время писал гуру в области социального программирования М. Пэттон, фокусируя внимание на практическом применении результатов оценки [4], или партнерской оценки, описанной Р. О'Салливан [3].

Разумеется, анализ методологических и организационных вопросов независимой и объективной оценки качества государственных услуг, как и любой оценочной деятельности, предполагает наряду с вопросом о ценностях, лежащих в основе такой оценки, постановку ряда других вопросов, включая проблему власти: кто участники процесса оценивания, кто решает, что именно имеет ценность и каким образом можно измерять степень ценности? Какую роль в данном процессе играет гражданское общество? И играет ли? Эти вопросы могли бы стать темой самостоятельного рассмотрения на нашей конференции.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
2. Об основах общественного контроля в РФ. Федеральный закон [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/.
3. О'Салливан Р. Партнерская оценка: создаем условия для участия заинтересованных сторон // Оценка программ: методология и практика / под ред. А. И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н. А. Кошелевой. М. : Престо-ПК, 2009. С. 145—169.

4. *Пэттон М.* Оценка, ориентированная на использование // Оценка программ: методология и практика / под ред. А. И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н. А. Кошелевой. М. : Престо-РК, 2009. С. 112—148.

Информация об авторе:

Шукина Нина Петровна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, nina_shukina@mail.ru

14. Методический аудит полевых работ

ПОСТРОЕНИЕ МЕТОДИКИ ЭФФЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРОВЕРКИ ПОЛЕВЫХ ДАННЫХ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КОМПАНИИ «ДИСКАВЕРИ» (ЕКАТЕРИНБУРГ)

А. Я. Ананьев

ООО «Агентство маркетинговых коммуникаций «Дискавери», Екатеринбург, Россия

Аннотация. Доклад посвящен проблеме фальсификации полевых данных. Обсуждаются эффективные и неэффективные методы контроля. Предложена компьютерная модель, принцип работы которой заключается в случайной генерации бракованных анкет в заданном количестве анкет и случайной проверке этого массива с целью выявить брак.

Ключевые слова: полевые данные, математическая модель проверки, методика контроля, фальсификация исследования

Меня всегда интересовал вопрос, сколько процентов анкет нужно проверять? Почему именно такой? А можно быть уверенным в том, что в оставшихся данных нет ошибок? Четкого и внятного ответа в существующей литературе мне получить не удалось. Поэтому я решил сделать компьютерную модель и опытным путем ответить на этот вопрос.

Принцип работы программы заключается в случайной генерации бракованных анкет в заданном количестве анкет и случайной проверке этого массива с целью выявить брак. В результате мы можем рассчитать следующие показатели:

1. Какой процент брака остается в массиве после проведения выборочной проверки.
2. Сколько бракованных анкет в выборке нужно найти, чтобы забраковать весь массив по количеству брака.
3. Какова вероятность достижения заданного качества при проведенном объеме контрольных проверок.

Эксперимент 1. Определение процента остаточного брака после проведения контроля

Параметры:

Временной период (t) — 12 месяцев.

Количество анкет на одного интервьюера (N) — 100 штук в месяц.

Количество интервьюеров (in) — 1 человек.

Количество итераций в процессе расчета (i) — 10 000 раз.

Доля бракованных анкет в массиве (n) — рассчитано для двух вариантов 10% и 20%.

Доля проверенных анкет из массива (m) — рассчитано для трех значений 10%, 20% и 50%.

Доля оставшихся бракованных анкет в массиве (b) — рассчитана для каждого варианта комбинаций n и m , всего шесть значений.

Расчет и моделирование			
$i=10000$	$t=12$	$in=1$	$N=100$
	$n=10$	$n=20$	
$m=10$	$b \approx 9\%$	$b \approx 18\%$	
$m=25$	$b \approx 7.5\%$	$b \approx 15\%$	
$m=50$	$b \approx 5\%$	$b \approx 10\%$	

Рисунок 1. Определение процента брака

Результат эксперимента 1. Очевидна нелинейная зависимость оставшихся в массиве бракованных анкет от количества проверенных анкет: при проверке 10% массива с 10% брака в оставшемся массиве будет 9% брака. Для уменьшения брака до 5% необходимо проверить уже половину массива. А если доля бракованных анкет в массиве составляет 20%, то после проверки половины массива в оставшейся его части доля брака будет 10%.

Вывод 1. При малых объемах контрольной выборки не удастся обеспечить качество массива, необходимо проверять более половины анкет, что дорого и делает такой контроль низкоэффективным.

Рассмотрим другой способ контроля — выбраковку всего массива на основании нахождения в контрольной выборке заданного числа ошибок.

Эксперимент 2. Определение вероятности нахождения критического количества ошибок и доли брака в оставшемся массиве

Значения те же плюс:

Размер критической ошибки (с).

Вероятность нахождения критической ошибки (р).

Рисунки 2 и 3. Вероятность нахождения ошибок при разных объемах выборки

Результаты эксперимента 2. При 10 % выборке в массиве с 10 % ошибок вероятность нахождения одной ошибки составляет 67 %. Если мы выбраковываем массивы по этому критерию, то в оставшихся усредненное количество ошибок будет не более 3 %.

Данные этого расчета подтверждены практическими полевыми исследованиями ООО «АМК «Дискавери». Если увеличить объем выборки до 25 %, то, выбраковывая массив при нахождении 1 анкеты мы получаем с 95 % вероятностью безошибочные данные в оставшихся массивах.

Вывод 2. При методике отклонения всего массива в случае обнаружения расчетного количества ошибок можно добиться качественных результатов на ограниченном объеме контрольной выборки.

Эксперимент 2 был проведен при конкретном значении количества ошибок в массиве равном 10 %. При проведении контрольных мероприятий мы не знаем, насколько велико количество ошибок в первоначальном массиве. Следующий эксперимент поможет нам рассчитать вероятности этих значений.

Эксперимент 3. Определение вероятности предельного значения ошибок в первоначальном массиве при отсутствии ошибок в контрольной выборке

Рисунки 4 и 5. Предельные значения ошибок и их вероятности

Результаты эксперимента 3. Если в 10% массива мы не нашли ни одной ошибки, значит, в массиве с вероятностью 95% было не более 25% ошибок, с вероятностью 82% не более 15% ошибок. Если мы увеличиваем контрольную выборку до 25%, то вероятность что в ней не более 15% ошибок уже 99%.

Вывод 3. При проверке четверти анкет можно получить гарантированное высокое качество оценки работы интервьюеров

Эксперимент 4. Влияние количества интервьюеров на остаточный брак в массиве

Заданные параметры те же.

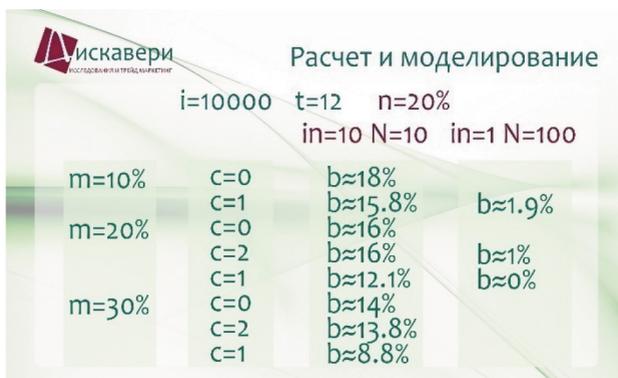

Рисунок 6. Сравнение остаточного брака в массиве в случае 1 и 10 интервьюеров при одинаковых условиях контроля

Результат эксперимента 4. Увеличение количества интервьюеров с 1 до 10 повышает количество остаточных ошибок в массиве с 1,9% до 15,8% при 10% выборке и с 0% до 12% при 20% выборке, если мы допускаем наличие одной ошибки и в первоначальном массиве было 20% ошибок.

Подводя итог, можно сказать, что если мы хотим сэкономить на контроле, то нужно организовывать работу с интервьюерами-профессионалами, тогда и контролировать можно меньше и качество контроля будет выше. Если же мы все-таки работаем с сетевыми интервьюерами, то процент контроля должен быть значительно выше порядка 40—50%, чтобы быть уверенным в низком количестве остаточного брака.

Краткий обзор осознанных и неосознанных ошибок интервьюеров

Рисунок 7. Опрос по знакомым за чашечкой чая

Несомненным плюсом является возможность не торопиться при опросе, подробное, качественное заполнение анкеты и более правдивые ответы. Единственная беда, опрашивают сетевые интервьюеры зачастую одних и тех же, и социологическое исследование превращается в социологическую панель

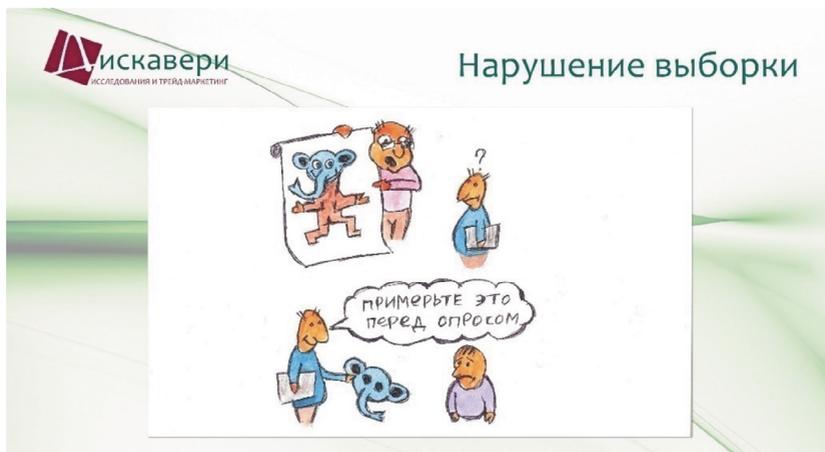

Рисунок 8. Сложная выборка

Зачастую фабрикация выборки начинается с неадекватных требований к выборке. Самый эффективный контроль — полная аудиозапись интервью с этапом поиска респондента, когда мы включаем запись подходя к подъезду, и можно прослушать все полученные отказы, как интервьюер договаривается/уговаривает респондента.

Рисунок 9. Опрос на бегу

Интервьюер торопится, пропускает вопросы, не зачитывает все варианты ответов. Стоит ли соблюдать строгую выборку, когда неопытный интервьюер может своей работой исказить все полученные данные?

Эффективные и неэффективные методы контроля

Рисунок 10. «Прослушка» анкет без их параллельной визуальной проверки

Такая проверка не позволяет выявить ошибки ввода и сознательного искажения данных, например, респондент сказал квота А, а интервьюер знает, что эта квота вышла, и поставил квоту Б, естественно, понимая, что по аудиозаписи невозможно отличить респондента квоты А и Б. Важно отметить, что сейчас не практикуется аудиозапись момента поиска респондента, тем самым остается возможность сговора с респондентом до включения аудиозаписи.

Рисунок 11. Система контроля и оплаты интервьюеров

Рисунок 12. Что вы хотели за эти деньги?

Одно очень крупное агентство решило обязать своих подрядчиков делать полную аудиозапись интервью с момента поиска респондента. Подавляющее большинство компаний отказалось работать на таких условиях или увеличили стоимость в два раза. Простое нажатие кнопки чуть раньше обычного! Это сразу показывает, сколько должна стоить честная анкета.

Рисунок 13. Работаем, как умеем

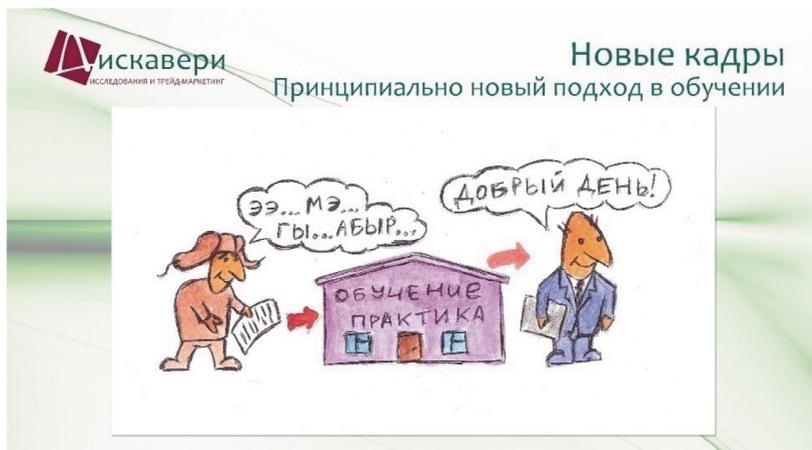

Рисунок 14. Кадры — наше все

Сейчас я говорю не о формальном ознакомлении с инструкцией, а о сдаче теста на знание теории, об отработке навыка хождения по квартирам — этому нужно учиться. Отрабатывать четкость речи, стандартизировать внешний вид, выдать нормальные удостоверения, желательно с голограммой, а не обычную ламинированную бумажку.

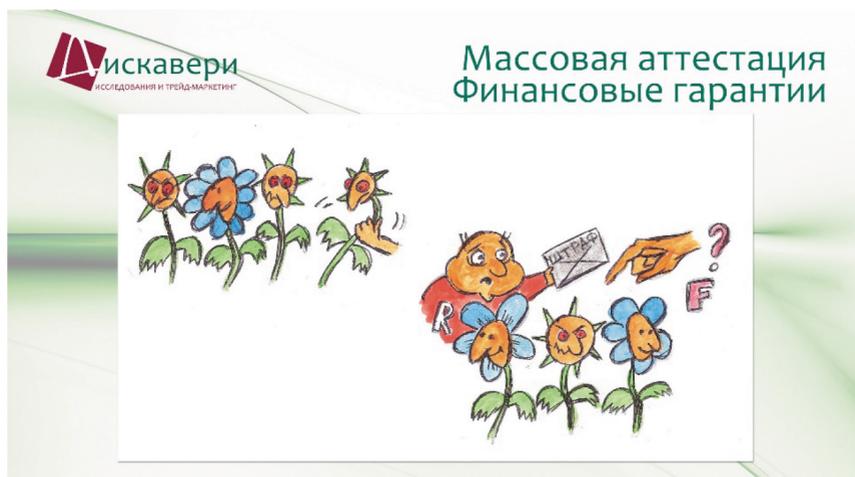

Рисунок 15. И за качество ответишь деньгами

Рисунок 16 Когда светит солнце

Возвращаясь к теме конференции: как сделать результаты понятными и полезными, — я считаю, что общество вправе знать, кто и как его изучает и на основании чего пишутся отчеты об общественном мнении. Поэтому я предлагаю федеральным компаниям выкладывать на общественный контроль аудиозаписи анкет, сейчас я говорю о социальной тематике, естественно, удалив персональные данные, но с полной аудиозаписью интервью с момента поиска, чтобы полностью исключить возможность фабрикации данных.

Информация об авторе:

Ананьев Артур Янович, управляющий партнер ООО «АМК «Искавери», Екатеринбург, Россия, amk-discovery@mail.ru

КАК ИНТЕРВЬЮЕРЫ ВОСПРИНИМАЮТ РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТОДИЧЕСКОГО АУДИТА

Н. Б. Галашова

ООО «Исследовательский центр «Контекст», Томск, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов поискового исследования, проведенного среди сотрудников звонкового центра «Контекст» в Томске с целью выяснить: как интервьюеры понимают цели аудита, как воспринимают его результаты и как эти результаты влияют на эффективность их работы. Как выяснилось, интервьюеры, считая аудит необходимым инструментом, позволяющим заказчику оценить адекватность результатов опроса и обоснованность оплаты, акцентируют внимание, прежде всего, на корректности и обоснованности замечаний. Осложняет работу разница в подходах к методологии проведения исследования у разных заказчиков. Требование зачитывать варианты ответа вызывает недовольство и саботаж сотрудников звонкового центра, считающих его главной причиной отказа от участия в телефонных опросах в целом.

Ключевые слова: методический аудит, интервьюеры, коммуникативный процесс, полевые исследования, параданные, качество работы, аудиоконтроль

Контроль полевого этапа исследования — давно установленная норма. В последнее время в отрасли наблюдаются изменения, связанные, в частности, с контролем (или аудитом) работы звонковых центров. Контроль становится более регулярным, его параметры унифицируются и оцифровываются через анализ параданных, смещается акцент на замер качества работы «в процессе поля», а не постфактум. Пойдут ли ведущие федеральные агентства и дальше по пути стандартизации или каждый отдельно взятый заказчик будет предъявлять свои требования, — покажет время. Мы хотим рассмотреть реакцию интервьюеров на текущие результаты методического аудита, остановившись на одном его аспекте — аудиоконтроле, или «прослушке».

Интервьюеров мы предлагаем рассматривать не как объекты надзора и контроля, а как экспертов коммуникативного процесса, которые аккумулируют в своей работе требования разных заказчиков. Как они воспринимают результаты аудита? Как понимают его цели? Как результаты аудита влияют на эффективность их работы? Эти и другие вопросы были заданы сотрудникам звонкового центра «Контекст» (г. Томск). Исследование, которое было проведено методом полужформализован-

ных интервью, охарактеризуем как поисковое. На его основе могут быть сформированы гипотезы для проведения количественного исследования в профессиональном сообществе (например, на ресурсной базе Ассоциации 789). Всего было проведено 17 интервью.

Первое, что мы услышали: у интервьюеров есть понимание, что контроль — это «правильное дело», необходимый инструмент, позволяющий заказчику оценить адекватность результатов опроса и обоснованность оплаты (*«каждый волен проверять то, за что он платит»*):

— *«Заказчик должен проверить соответствие результата поставленным целям проекта», при этом «мы можем не понимать цели заказчика (поэтому важно все делать по инструкции)»*

— *«Проверка, чтобы фальсификатов не было»*

Нередко интервьюеры указывают на методическую ценность «прослушки», которая, по их мнению, позволяет:

— *«проверить, правильно ли ставится вопрос, и правильно ли люди понимают эти вопросы»*

— *«доработать инструментарий»*

— *«выявить и объяснить поведение респондента, боится/не боится разговаривать [сенситивность]».*

Ссылка на «прослушку» используется в качестве инструмента эмпатии и поддержки в трудных интервью (*«Я надеюсь, что это все записывается, и все-таки надеюсь, что это отразится где-то в результатах»*).

Второе — на уровне ассоциаций (что первое приходит в голову?) понятие «контроль» многими артикулируется как «помощь», «подсказка, как работать лучше», что характеризует позитивную установку на восприятие критики и является благоприятным фоном для улучшения качества работы. Помощь аудитора ценна даже опытным интервьюерам, когда автоматизм доводится до предела: опыт работы большой, замечаний, как правило, нет, и создается иллюзия, что ты все знаешь и делаешь правильно, не замечая нового в инструментарии.

Интересно, что в ответах на прямой вопрос: «Что вы чувствуете, когда приходят результаты контроля?» — в основном, декларируется спокойное отношение (*«Нет агрессии, возмущения», «Спокойно, без паники я воспринимаю эти замечания», «У кого-то страх вызывает, ну, может, это в основном молодые. Те, кто постарше, они как-то поспокойнее реагируют»*). Однако по ответам на другие вопросы (о специфике контроля заказчиков) прослеживается напряженность, несогласие с результатами контроля, противопоставление своего экспертного мнения позиции заказчика (*«Будет обидно, если из-за глупости [проблем инструментария] тебя снимут с проекта», «Одни вопросы кажутся незначительными. А после контроля оказались они важными»*).

Противопоставление себя заказчику работает не в пользу проекта в целом, демотивирует интервьюера, выводит его из позиции «соучастника и исследователя» в позицию «исполнителя», четко действующего в рамках инструкций, снимает с него ответственность за процесс коммуникации. Нередко включаются и защитные механизмы «ухода от проблемы»: *«Я вчера еще вечером мужу говорю: господи, опять какие-то [замечания], ... пойду искать другую подработку. ... Ну, зачем тратить нервы?»*. Для звонкового центра важно гасить такие порывы, поскольку вложено много ресурсов в обучение и удержание интервьюера.

Осложняет работу разница в подходах к методологии проведения исследования у разных заказчиков. Так, РАНХИГС требует от сотрудника значительно большей включенности в беседу в роли «интервьюера-исследователя», что предполагает возможность потратить время и выслушать жалобы респондента на трудную жизнь, посочувствовать ему, тем самым поддержать коммуникацию. Некоторые заказчики, напротив, рассматривают подобные ситуации как отклонение от заданной методики. В результате — сложности при переходе с проекта на проект, трудности в адаптации к проекту с соблюдением всех требований.

Нередко интервьюеры характеризуют подходы к аудиту со стороны разных заказчиков как одинаковые, однако далее указывают на нюансы своего впечатления от контроля с их стороны. При этом характеристики стиля одного и того же заказчика могут быть прямо противоположные.

В целом интервьюеры чаще всего упоминают объединяющее всех заказчиков требование — зачитывание вариантов ответа (порой неоправданное, с точки зрения интервьюеров). На основе соблюдения именно этого требования строился аудиоконтроль почти всех проектов, в которых участвовал звонковый центр «Контекст» в 2016 г. Принцип подобного аудита — выделение ключевых контрольных вопросов, сплошная или выборочная «прослушка» отдельных фрагментов интервью на соответствие работы интервьюера инструкции по зачитыванию позиций шкалы. Это позволяет проводить аудиоконтроль в сжатые сроки, унифицировать результаты. Другие особенности аудита проектов (работа с открытыми вопросами, искажение текста вопросов, склонение к определенному ответу и т. д.) остались практически без внимания со стороны интервьюеров. Именно требование зачитывать варианты ответа вызывает недовольство и саботаж сотрудников. Такой подход воспринимается интервьюерами как:

- формализм, невнимание к особенностям интервью;
- неуважение к респондентам;
- блокатор коммуникации, раздражитель;
- перекалывание ответственности за неадаптированный инструментарий на исполнителя, которому приходится оправдываться;

- снижение имиджа отдельной компании заказчика;
- причина отказа от участия в телефонных опросах в целом.

По мнению интервьюеров, в большинстве коммуникативных ситуаций целесообразнее использовать прием уточнения: *«Не зачитал, но потом уточнил. Т.е. не в формате, вот, зачитал, не зачитал, а вот, все-таки, если было уточнение, то этот вопрос отработан»*.

Несмотря на неприятие отдельных элементов аудита, интервьюеры подчеркивают положительное влияние контроля на эффективность и качество их работы. Соответственно, важно понять, в какой форме представлять результаты аудита интервьюерам, которые, прежде всего, акцентируют внимание на корректности и обоснованности замечаний. Заметим, что иногда на уровне менеджмента звонкового центра принимается решение не опубличивать результаты контроля по причине пренебрежительного тона замечаний, граничащих с неуважением к труду интервьюера. Рекомендации интервьюеров по содержанию замечаний касались необходимости пояснений по ошибкам и внимания к положительным аспектам интервью.

По итогам аудита компания-подрядчик получает штрафы (чаще небольшие) за несоблюдение методики опроса. Это известно интервьюерам. Снижения зарплаты за ошибки в нашей компании не практикуется, достаточно того, что сотрудник получает устное внушение. Отказ от штрафных санкций вполне осознанный: потеряем людей и нарушим слаженность работы команды. Сейчас у интервьюеров есть желание и готовность подсказать коллеге, если тот совершает ошибку (на которую ему ранее указали в материалах контроля). Мы видим, что интервьюеры в «кухонном формате» обсуждают результаты контроля, что полезно, особенно для новичков, которые таким образом погружаются в методологию и осознают предъявляемые требования. Вопрос — надо ли штрафовать операторов за нарушения по итогам аудита Заказчика? Зарплаты и так маленькие, а требования за последний год значительно ужесточились (заказчик смотрит «плохие статусы», читает параданные, препарирует интервью поэлементно). Наше решение — повысить ставку операторам, которые стабильно хорошо выполняют свою работу.

По итогам исследования осталось больше вопросов, чем ответов. Один из основных вопросов — каким образом сделать «прослушку» реальным инструментом помощи интервьюеру в оттачивании методики и при этом не навредить (не сорвать мотивацию, не осложнить атмосферу в коллективе, в том числе и взаимоотношения с менеджерами)?

Информация об авторе:

Галашова Наталья Борисовна, к. и. н., директор ООО «Исследовательский центр «Контекст», Томск, Россия, c-market@list.ru

КАК УЛУЧШИТЬ КАЧЕСТВО ОПРОСА С ПОМОЩЬЮ ПАРАДАННЫХ

А. А. Ипатова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. В докладе представлен анализ и типология комментариев интервьюеров к анкете в ходе телефонного опроса, представляющих собой богатый материал как для оценки их работы, так и для более глубокого понимания конкретного случая.

Ключевые слова: телефонные опросы, качество опроса, параданные

Последние годы опросный мир претерпевает серьезные изменения, связанные, в первую очередь, с появлением новых способов сбора и анализа данных. В этой связи все больше набирают ход исследования параданных, т. е. данных о ходе и процедуре опроса. Именно при помощи них некоторым опросным компаниям и аналитикам удается подойти к вопросу снижения стоимости сбора данных и улучшения их качества. Параданные, как и данные опроса, должны собираться с очевидной и прагматичной целью, иначе это будет бесполезной тратой временных и денежных ресурсов. Для оптимизации процесса сбора параданных нужно в самом начале планирования исследования понимать, какие конкретно данные необходимо собирать, каким образом это делать, какие способы анализа применять и, что самое главное, какие выводы делать на основании полученных результатов.

Параданные уже традиционно используются для выявления фальсификаций и фабрикаций, но на этом их функционал не исчерпан. Во многих проектах по всему миру исследователи просят интервьюеров фиксировать свои наблюдения о процедуре опроса или инструменте, о респонденте или о домохозяйстве в целом. В докладе будет представлен анализ и типология комментариев, которые интервьюеры фиксировали в ходе телефонного опроса. На наш взгляд, комментарии интервьюеров к анкете представляют собой богатый материал, который можно использовать как для оценки их работы, так и для более глубокого понимания конкретного случая.

Информация об авторе:

Ипатова Анна Алексеевна, старший научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, ipatova_anna@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА РАНДОМИЗАЦИИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ВЫБОРОК (АНАЛИЗ ДВУХ ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСОВ)

А. В. Куприянов

НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В докладе анализируются данные двутелефонных опросов: «Крымского» опроса ВЦИОМ 21 декабря 2015 г.— 1 января 2016 г. и одного из опросов ФОМ, в частности — выявленные паттерны, а также обсуждаются вопросы о том, какие отклонения от известных популяционных параметров следует считать критическими, какие паттерны характеристик могут свидетельствовать о нарушении процедур рандомизации в ходе проведения опроса и как сопоставить «говорящую» и «молчащую» части намеченной выборки.

Ключевые слова: телефонные опросы, рандомизация выборки, критерий отбора, контроль качества, параметры популяции, фазы анализа, методы

Проблема рандомизации выборки считается традиционно одной из центральных при практической организации исследований выборочным методом [2, 3]. Особенно остро она встала вновь при анализе т. н. «Крымского» опроса ВЦИОМ 21 декабря 2015 г.— 1 января 2016 г. [1].

В опросах мы, по сути, имеем дело с выборочным дизайном исследования (и, стало быть, попыткой оценить по параметрам выборки параметры всего населения обследуемой территории). При этом желательно было бы, чтобы выборка удачно моделировала население (корректно репрезентировала его) по исследуемым параметрам. Проблема в том, что распределение исследуемых параметров в популяции обычно неизвестно. Теоретически можно ожидать, что желаемого можно добиться при помощи рандомизированной (случайной) выборки. В каком смысле она должна быть случайной? Критерий отбора не должен, по крайней мере, порождать систематической ошибки в отношении исследуемого параметра. Работая вслепую, применяют различные процедуры рандомизации («ослучаивания») выборки, о которых довольно подробно написано в каждом учебнике по методам исследований, каких бы предметных областей они ни касались. Достаточно строгое применение этих процедур дает надежду на то, что мы не внесли систематической ошибки на этапе сбора данных и не получим значительного смещения оценок параметров популяции. Однако полной уверенности никогда быть не может. Именно поэтому необычайно важны тщательные описания методов, которые дают надежду на выявление

источников систематической ошибки при дальнейших исследованиях. Наше положение несколько проще, когда мы знаем какие-то параметры популяции. В таких случаях мы можем проверить успешность рандомизации по тому, насколько хорошо выборка моделирует популяцию по этим известным параметрам (это особенно важно, если мы подозреваем, что эти параметры могут быть как-то связаны с нашим «неизвестным»).

В докладе анализируются данные двух телефонных опросов: «Крымского» опроса ВЦИОМ 21 декабря 2015 г./1 января 2016 г. и одного из опросов ФОМ (данные любезно предоставлены Д. И. Рогозиным). В первом случае мы имеем дело с обнародованным ВЦИОМ частичным массивом данных по завершённым интервью, во втором — с полным массивом, включающим незавершённые интервью и случаи, когда с предварительно намеченными респондентами контакт осуществить не удалось. На эксплораторной фазе анализа устанавливаются особенности распределений характеристик респондентов, на конфирматорной тестируются гипотезы о различиях между разными сегментами выборки, выделенными по пространственно-временным характеристикам.

Из имеющихся в нашем распоряжении параметров опросов ВЦИОМ и ФОМ мы можем ориентироваться на социально-демографические (пол, возраст, образование, доход) и географические (регион, индивидуализированный крупный населенный пункт или тип населенного пункта). По счастью, социально-демографические параметры и распределение жителей по населенным пунктам более-менее известны, благодаря прошедшим в 2010 (РФ) и 2014 (Крымский п-ов) гг. переписям населения.

Тестирование показало, что выборки в обоих опросах отличаются от данных переписей по ряду параметров, однако это само по себе может быть лишь свидетельством систематической ошибки самого телефонного опроса как метода достижения респондентов. Однако, помимо этого, обращает на себя внимание еще ряд странных паттернов, наблюдаемых в результатах «Крымского» опроса и не наблюдаемых в массиве, предоставленном ФОМ. В докладе анализируются выявленные паттерны, обсуждаются вопросы о том, какие отклонения от приблизительно известных нам популяционных параметров следует считать критическими, какие паттерны характеристик могут свидетельствовать о нарушении процедур рандомизации в ходе проведения опроса, как сопоставить «говорящую» и «молчащую» части намеченной выборки.

Список литературы

1. Куприянов А. В. Крымский опрос и неудовлетворительное качество данных [Электронный ресурс] // Троицкий вариант: наука. 12 января 2016 г. № 195. С. 3. URL: <http://trv-science.ru/2016/01/12/kouprianov/>.

2. *Шварц Г.* Выборочный метод: руководство по применению статистических методов оценивания / пер. с нем. Я. Ш. Паппэ ; под ред. И. Г. Венецкого и В. М. Ивановой. М. : Статистика, 1978.

3. *Fisher R. A.* Statistical methods for research workers. 11th edn., revised. Edinburgh : Oliver and Boyd, 1950.

Информация об авторе:

Куприянов Алексей Валерьевич, к. б. н., доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия, alexei.kouprianov@gmail.com

РЕЦЕПТ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ИДЕАЛЬНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ ДЛЯ АНАЛИЗА СОБЫТИЙ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: ОПЫТ ЧСО И РидМиЖ

Е. С. Митрофанова, А. В. Артамонова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Проанализированы панельное ретроспективное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины», проведенное в 2004, 2007 и 2011 гг., и ретроспективное обследование «Человек, семья, общество», проведенное в 2013 г., с целью предложить выработанный способ подготовки биографий индивидов к анализу продвинутыми статистическими методами анализа наступления событий и анализа последовательностей.

Ключевые слова: опросы, анализ биографий, события жизненного пути, методы анализа, лонгитюдные данные, ретроспективные данные

От качества проведения опросов зависит многое, в том числе и то, сможет ли быть применен тот или иной статистический метод, поэтому очень важно не только грамотно разработать инструментарий, позволяющий решить все исследовательские задачи, проконтролировать сбор поля, но и выявить все возможные проблемы, разработать меры по предотвращению их в будущем. Можно сказать, что исследователям, работающим в крупных компаниях, повезло: за пилотные опросы, аудит полевых работ, гармонизацию данных, исправление ошибок и подготовку рабочей базы отвечают специализированные отделы. Самостоятельным исследователям, организующим собственное обследование или использующим уже имеющуюся базу, приходится сложнее: они вынуждены проходить через все эти этапы в одиночку, часто не имея большого опыта выполнения подобного рода работ, что порой заставляет их «изобретать» свои нестандартные, творческие рецепты приготовления подходящей базы данных исследования.

Цель данной работы — предложить выработанный способ подготовки биографий индивидов к анализу продвинутыми статистическими методами анализа наступления событий (Event history analysis) [1] и анализа последовательностей (Sequence analysis) [3]. Мы не претендуем на универсальность разработанных нами решений, но предлагаем их в качестве ориентира для тех коллег, которые в той или иной мере исследуют события жизненного пути. К таким событиям можно отнести демографические (вступление в союзы, расставания, рождение детей, переезды), социоэкономические (трудоустройство, получение образования, отде-

ление от родителей) и другие. Для того, чтобы анализировать события жизненного пути, нужны биографии индивидов, а значит, лонгитюдные или ретроспективные данные. Таким условиям удовлетворяет лишь несколько обследований, проведенных в России. Наиболее известные из них — панельное ретроспективное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины», проведенное в 2004, 2007 и 2011 гг., и ретроспективное обследование «Человек, семья, общество», проведенное в 2013 г. [2]. О подготовке данных именно этих обследований идет речь в нашей работе.

На этапе проверки данных лучше всего работать с большим полотном событий из биографий индивидов. Во-первых, это позволяет сразу же отбраковать ошибки интервьюера и вводчика. Во-вторых, это минимизирует вероятность собственной ошибки при чистке — шансы исследователя не удалить подходящего человека увеличиваются. В-третьих, такой подход позволяет «прощупать» данные, ознакомиться с простейшими тенденциями изменения исследуемого феномена. В итоге уже через несколько десятков строк биографий респондентов, исследователь может выделить типичные ошибки, прописать алгоритмы их исправления и автоматизировать этот процесс.

Необходимо помнить, что для построения цепочки событий нужно, чтобы для всех событий, о которых упомянул респондент, у нас имелась дата. Если на вопрос «Было ли у вас событие N?» респондент ответил утвердительно, но на следующий вопрос «Когда у вас наступило данное событие?» не дал ответа, данный респондент должен быть исключен из-под наблюдения, если его поведение нельзя подстроить под выбранные исследователем алгоритмы работы с пропущенными данными. Фактически данное событие произошло, но мы не можем разместить его на временной оси и сопоставить с остальными событиями жизни данного индивида, что внесет искажение в общий анализ (если мы работаем с несколькими событиями).

Для того, чтобы построить фильтр для отсеечения данных респондентов, нужно сопоставить ответы на оба вопроса — про факт наступления события и про дату. Особое внимание следует уделить неоднократным событиям (браки, рождения детей, образования разных уровней) и ситуации, когда приходится «собирать» фактологическую переменную сквозь несколько волн.

В ходе гармонизации матримониальных биографий респондентов панельной части обследования «РидМиЖ» (склеивались волны 2004, 2007 и 2011 гг.) были выработаны следующие алгоритмы работы с пропущенными датами для респондентов, которые дали утвердительный ответ на вопрос о наступлении события:

1. Для всех дат:

- для дат, где указан только год и не указан месяц, берется середина года (6-й месяц, июнь);
- при полном отсутствии вспомогательных дат исключаем кейсы из-под наблюдения;
- при совпадении дат наступления одних и тех же событий в 1-й и во 2-й волнах дата, продублированная во 2-й волне, удаляется.

2. Для пар дат «Завершение союзаⁿ» и «Начало союзаⁿ⁺¹» при наличии одной из дат и отсутствии другой — отсутствующая приравнивается к той, которая имеется.**3. Для дат «Начало совместного проживания» и «Регистрация брака»:**

- при наличии даты завершения союза и отсутствии даты его начала, а также отсутствии информации о предыдущих союзах этого типа, старт союза приравнивается к началу союза другого типа (при наличии соответствующей информации и совпадении дат окончания союзов). Например, для сожительства используется дата начала брака, для брака — начало сожительства.
- для 2-й и 3-й волн (2007, 2011 гг.): при наличии даты завершения союза и отсутствии информации о союзах другого типа и других очередностей в качестве старта союза берется дата проведения предыдущей волны, приравненная к 01.06.2004 и 01.06.2007.

4. Для дат «Завершение отношений» и «Развод»:

- при наличии даты начала союза и отсутствии даты его завершения, а также отсутствии информации о последующих союзах этого типа, окончание союза приравнивается к завершению союза другого типа (при наличии соответствующей информации и совпадении дат начала союзов). Например, для завершения сожительства используется дата развода, для развода — завершение сожительства.
- для 2-й и 3-й волн (2007, 2011 гг.): при наличии даты начала союза и отсутствии информации о союзах другого типа и других очередностей в качестве окончания союза берется дата проведения предыдущей волны, приравненная к 01.06.2004 и 01.06.2007.

Похожие алгоритмы, но без корректировки на волны обследования были использованы в ходе подготовки базы ЧСО. После применения всех алгоритмов проводится выверка всех дат, которые должны удовлетворять следующим условиям:

1. Длительность союза должна быть строго больше 3 месяцев (чтобы удовлетворять требованиям анкеты).
2. «Расстояние» между союзами одного типа должно быть больше или равно нулю (разница между завершением союзаⁿ и началом союзаⁿ⁺¹).

Стремительное развитие методов анализа данных на протяжении последних десятилетий стимулировало совершенствование подходов к сбору информации. Сегодня мы имеем доступ к крупным репрезентативным исследованиям, содержащим детальную информацию о разных аспектах жизни и поведения человека. Теперь эта высококачественная информация является стимулом для дальнейшего развития методов анализа данных, хотя, как мы смогли убедиться, даже базы данных таких обследований необходимо подготовить. Имея согласованные, без нарушения хронологического порядка биографии, мы получаем возможность перейти от традиционного анализа одного или пары событий к анализу целых цепочек, от построения простых регрессий к построению моделей, учитывающих изменения состояния во времени. Каждый из этих методов существенно продвигает нас в понимании социальной реальности, в которой мы живем.

Список литературы

1. Бурдяк А. Я. Применение метода «Анализ наступления события (Event history analysis)» с помощью пакета SPSS // SPERO. 2007. Т. 6. С. 189—202.
2. Малева Т. М. и др. Разработка методологии и проведение первой пилотной волны регулярного общенационального репрезентативного обследования населения по изучению демографического, социального и экономического поведения, включая пенсионное поведение. М. : ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», 2014.
3. Abbott A. Sequence Analysis : New Methods for Old Ideas // Annu. Rev. Sociol. 1995. Vol. 21. N1. С. 93.

Благодарность. Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 16—05—0011 «Разработка и апробация методик анализа демографических последовательностей» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г., с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Информация об авторах:

Митрофанова Екатерина Сергеевна, магистр социологии, младший научный сотрудник, преподаватель НИУ ВШЭ, Москва, Россия, mitrofanovy@yandex.ru

Артамонова Алена Вячеславовна, бакалавр социологии, магистрантка НИУ ВШЭ, Москва, Россия, alyona89152694371@yandex.ru.

ОПРОСЫ «ПОД ДАВЛЕНИЕМ»: КАК ПРОВЕРИТЬ КАЧЕСТВО ДАННЫХ, КОГДА ОНИ СОБИРАЮТСЯ В ЗАКРЫТОЙ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ИНСТИТУЦИИ

К. Д. Титаев

*Институт проблем правоприменения при Европейском университете,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Обсуждаются проблемы методического аудита массива бумажных анкет с целью выявления фальсификата. Обозначены характеристики массива анкет, свидетельствующие том, что он фальсифицирован.

Ключевые слова: количественные исследования, закрытые институции, анкетный опрос, методический аудит, фальсификат

Значительное число количественных исследований институционально-оформленных сообществ (врачи, учителя, чиновники, следователи, судьи) предполагают работу с опорой на существующие организационные структуры и организационную иерархию. Санкция главного врача, директора школы, председателя суда или руководителя более высокого уровня является обязательным условием проведения количественного исследования. Более того, очень часто в таких структурах исследователя ограничивают в непосредственном доступе к респондентам или же таковой оказывается заведомо дорог (в среднем российском регионе — более 30 районных судов, и попытка лично объехать все суды в 10 регионах — это не менее 600 командировочных дней). В типовом случае руководство распространяет анкеты по структурным подразделениям с приказом «заполнить» через свои каналы. Исследователь же видит только заполненные анкеты в бумажной или (реже) в электронной форме. Как, где и кем они заполнялись, исследователь не знает, и узнать, как правило, не может.

При этом в среднем звене — у организаторов заполнения возникают существенные стимулы для фальсификации анкет — самостоятельного заполнения. В наблюдавшихся случаях в этих позициях оказывались помощники председателей судов, секретари начальников следственных отделов и т. д. Для них более простой выход — заполнить анкеты самостоятельно, чем давить на каждого сотрудника и потом еще контролировать качество и сроки заполнения. В этой ситуации возникает необходимость фильтрации анкет, заполненных не сотрудниками, а техническим персоналом и руководителями среднего звена. В чем-то это похоже на проблему фальсификации данных на уровне интервьюеров [3, 4], но есть одно принципиальное отличие, которому и посвящен этот доклад.

Понятно, что сама модель опросов «под давлением» предполагает массу других искажений. Назовем некоторые самые очевидные:

- сотрудники не считают опрос анонимным и дают только те ответы, которые были бы готовы озвучить в диалоге с собственным руководством. Эта проблема снимается на стадии формирования вопросника удалением всех вопросов, которые имеют «опасную» окраску и не могут являться информативными;
- сотрудники воспринимают опрос как свою обязанность и отвечают даже на те вопросы, на которые в другой ситуации попросту не стали бы отвечать. Здесь это похоже на эффект симпатии к интервьюеру и ответы на нерелевантные вопросы в обычном интервью face-to-face;
- смещается выборка, так как отвечают наиболее конформные, наиболее зависимые от руководства и наименее занятые сотрудники; здесь это похоже на обычный эффект non-response.

В общем, большая часть системных эффектов — это те же проблемы, что и в обычных опросах, и они преодолеваются на стадии конструирования вопросника. И только проблема заполнения опросников не респондентом, а кем-то другим, приобретает новое звучание.

Итак, есть необходимость в методическом аудите собранного массива бумажных анкет, по итогу которого следует разделить анкеты, заполненные подлинными респондентами и ложными. При этом обычные инструменты — контроль повторным звонком или визитом и им подобные — неприменимы. Остаются обычные приемы контроля — цвет ручки/карандаша, почерк, манера заполнения, скорость штрихов. Но часто в распоряжении организатора фальсификации находится достаточное количество персонала и технических средств (стажеры, секретари и т. д.), чтобы обеспечить заполнение каждой анкеты отдельным человеком, который при этом не является ожидаемым респондентом. Так, в одном из известных нам случаев это была группа студентов, проходивших практику в соответствующей структуре. Каждый заполнил только одну анкету, но все — под руководством и под диктовку организатора фальсификации.

Наш анализ опирается на опыт опросов судей, следователей и адвокатов [2, 1, 5]. Во всех случаях нашими гейткиперами было руководство на уровне региона, которое рассылало по районам пакеты анкет и приказ организовать их заполнение. Однако у нас было два преимущества. В одном случае нам удалось получить часть массива, про которую мы точно знали, что она сфальсифицирована. И в двух случаях — часть массива, про которую мы точно знали, что она подлинная — опрос проводился в ходе совещаний в присутствии исследователя. На основании этих данных, а также этнографической работы в изучаемых группах, мы можем

добавить важные критерии к стандартным маркерам фальсификата. Оговоримся, что проблема фальсификатора внутри организации — существенно сложнее, чем проблема фальсификата на уровне интервьюера. Организатор такой фальсификации — инсайдер, он хорошо знает свой коллектив и примерно представляет общие настроения, точно прогнозирует ответы на многие вопросы. Поэтому такие стандартные приемы, как анализ дисперсии, поиск логических сбоев внутри каждой анкеты и т. д., не работают. Тем не менее, есть две характеристики, которые явным образом свидетельствуют о том, что массив сфальсифицирован:

1. В каждом микроколлективе всегда есть 5—15% работников, которые занимаются нестандартной работой, решают нестандартные задачи. И именно их работа наименее видна для внешнего технического работника — организатора фальсификации. Простые вопросы о повседневных задачах позволяют это увидеть. В нашем случае это был вопрос «Уголовные дела по каким статьям Вы лично чаще всего расследуете?». 90% ответов укладывались в 10 наиболее массовых статей. Но в подлинном случае всегда будет «хвост» из 5—15% респондентов, которые назовут, в числе прочего, и нестандартные статьи. Это будут «специалисты» — кто-то работает с делами о ДТП, кто-то с экономическими т. д. Их работа не видна организатору фальсификации. В фальсифицированном массиве «хвоста» не будет. 10—12 самых массовых статей будут покрывать 100% ответов.

2. В каждом обследуемом подразделении наблюдалось 10—25% сотрудников, которые весьма заинтересованы в своей работе и рассматривают анкету как способ донести нечто важное до своего руководства. Они будут добавлять свои варианты во всех полузакрытых вопросах, подробно отвечать на открытые, писать свои комментарии на полях. В сфальсифицированном массиве такого не будет. Сейчас мы используем открытые вопросы, которые не планируем обрабатывать, но которые касаются наиболее острых, но легитимных тем профессиональной дискуссии для выявления фальсификата.

Эти два маркера не являются единственными — есть еще несколько, которые пока существуют на уровне наших предположений и будут озвучены в докладе.

Список литературы

1. Волков В., Дмитриева А., Поздняков М. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. М. : Норма, 2015.
2. Казун А., Ходжаева Е., Яковлев А. Адвокатское сообщество в России. Аналитический обзор. СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2015.

3. *Рогозин Д.* По(д)делки в бумажном поквартирном опросе //Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 4 (128).
4. *Рогозин Д. Ипатов А.* Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М. : Радуга, 2015.
5. *Титаев К., Шклярук М.* Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М. : Норма, 2016.

Информация об авторе:

Титаев Кирилл Дмитриевич, MA in sociology (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Университет Хельсинки), ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете, Санкт-Петербург, Россия, ktitaev@eu.spb.ru

15. Социология международных отношений

БЕЛАРУСЬ—РОССИЯ: КАК СТРОЯТСЯ ОТНОШЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ)

Н. Л. Балич

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Аннотация. Институт социологии НАН Беларуси ежегодно проводит республиканские мониторинги, позволяющие выявить актуальные для населения вопросы, касающиеся внешнеполитических ориентиров белорусского государства и приоритетов международного сотрудничества.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Евразийский экономический союз

Большинство белорусских граждан считают, что интересам страны в наибольшей степени соответствует сотрудничество с Российской Федерацией (такие результаты были получены в различные годы исследований). Свою страну белорусы считают надежным внешнеполитическим и экономическим союзником России. По данным опросов за 2011 ($n = 2219$), 2013 ($n = 2088$), 2015 ($n = 2079$) гг. (максимальная погрешность $\pm 5\%$), каждый второй житель страны считает, что Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров. Более трети жителей убеждены, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления. Незначительная часть респондентов отмечает, что Беларусь может войти в состав России в качестве субъекта(ов) федерации. Количество таких респондентов к 2015 г. увеличилось вдвое (табл. 1).

*Таблица 1. Принципы построения отношений Беларусь—Россия
(население Беларуси, 2011—2015 гг.)*

Модель отношений Беларусь—Россия	Годы проведения опросов, %		
	2011	2013	2015
Суверенная Беларусь строит отношения с Россией на основе международных договоров	54,9	57,1	55,9
Равноправный союз двух государств с наднациональными органами управления	39,4	36,8	38,0

Модель отношений Беларусь–Россия	Годы проведения опросов, %		
	2011	2013	2015
Вхождение Беларуси в состав России в качестве субъекта(ов) федерации	2,2	4,1	4,3

Оценивая состояние белорусско-российских отношений и перспективы Союзного государства Беларуси и России, следует отметить, что они формировались под влиянием различных факторов: внутривнутриполитической обстановки в обоих государствах, дезинтеграционных и интеграционных процессов, происходящих в рамках СНГ в 90-е годы.

Начало широкомасштабной интеграции Беларуси и России было положено 2 апреля 1996 года (День единения народов Беларуси и России вошел в историю двух суверенных государств).

В дальнейшем (через год) 2 апреля 1997 г. был подписан Договор о Союзе Беларуси и России. Цель создания Союза — сотрудничество государств в политической, экономической, социальной, оборонной сферах, устойчивое социально-экономическое развитие государств-участников на основе объединения материальных и интеллектуальных потенциалов. 23 мая состоялось подписание Устава Союза Беларуси и России.

В 1997—1998 годах формируются исполнительные органы Союза, общий бюджет, разработка и реализация первых союзных программ. Образованы Пограничный и Таможенные комитеты, Комитет по вопросам безопасности.

Важным этапом в развитии союзных отношений Беларуси и России стало подписание 25 декабря 1998 г. Декларации о дальнейшем единении Беларуси и России, Договора о равных правах граждан, Соглашения о создании равных условий субъектам хозяйствования. В указанных документах закреплено поэтапное движение к добровольному объединению в Союзное государство при сохранении национального суверенитета государств — участников Союза. Были определены основные направления интеграционной работы в экономической и социальной сферах. В этом же г. был подписан Договор о совместной Телерадиовещательной организации Союза Беларуси и России.

Качественно новый уровень развития интеграции Беларуси и России был определен подписанием 8 декабря 1999 г. Договора о создании Союзного государства и Программы действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства. Программа — документ концептуального характера, обеспечивающий выработку согласованных подходов государств-участников к наиболее важным вопросам международных отно-

шений и координацию усилий во внешней политике. После ратификации Договора парламентами двух стран, 26 января 2000 года он вступил в силу*.

Как изменились отношения между странами за последний год? Такой вопрос в рамках мониторинга задавался в 2011, 2013 и 2015 гг. Заметно увеличение числа респондентов, отметивших улучшение и неизменность белорусско-российских отношений; и снижение количества тех, кто отметил их некоторое ухудшение. Снизилось количество затруднившихся ответить на поставленный вопрос (табл. 2).

Таблица 2. *Динамика отношений Беларусь—Россия (население Беларуси, 2011—2015 гг.)*

Мнение населения о развитии отношений Беларусь—Россия	Годы проведения опросов, %		
	2011	2013	2015
Отношения улучшились	28,0	45,6	40,3
Не изменились	22,7	29,9	35,3
Отношения ухудшились	22,1	8,4	9,4
Затруднились ответить	27,2	15,7	14,9

Внешнеполитические приоритеты Беларуси включают также союзнические отношения с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Арменией в рамках Евразийского Экономического союза (ЕАЭС). Главная цель проекта — экономическая интеграция, создание условий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Большинство населения Беларуси (67,3%) поддерживает вхождение страны в ЕАЭС. На момент проведения опроса (и начало действия договора — январь 2015) доля респондентов, затруднившихся однозначно выразить свое отношение к данному союзному образованию, составляла 22,3%. Их количество вдвое превышало тех, кто вхождение Беларуси в ЕАЭС не поддерживает (4,3%) и скорее не поддерживает (6,1%). Большинство белорусского населения считает, что происходящие интеграционные процессы позитивно влияют на социально-экономическую ситуацию в республике.

Базовая концепция интеграционной модели ЕАЭС основана в октябре 2011 г., приобрела юридическую форму в мае 2014 г. ЕАЭС — это дальнейшее развитие интеграционных отношений Беларуси и России с участием Казахстана, Киргизии, Армении, являющихся закономерным итогом многолетнего сотрудничества между нашими странами.

Благодарность

Работа выполнена в рамках проекта «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян» при поддержке БРФФИ (договор № Г15Р-032 от 04.05.2015 г.).

Информация об авторе

Балич Наталья Леонидовна, к. с. н., доцент, старший научный сотрудник отдела политической социологии Института социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, nlrminsk@mail.ru

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

А. М. Волошенюк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассуждая о том, что такое культура и каково место русской культуры сегодня в мировом сообществе, автор приходит к выводу, что она особенная, ориентированная на высокие духовно-нравственные идеалы — в отличие от экономико-потребительских идеалов массового человека. Если сохранить присущие ей ценности, русская культура спасет мировое сообщество, погрязшее в политических и экономических неурядицах.

Ключевые слова: глобальный мир, Россия, русская культура, массовая культура, постиндустриальное общество, общество потребления

Должна ли Россия войти в современный глобальный мир? Что касается политики и экономики, ответ, скорее всего, будет положительным. А вот когда мы говорим о культуре, данная проблема чрезвычайно дискуссионна. Важно вспомнить, каковы смыслы и ценности русской культуры, и определиться с тем, что мы подразумеваем под самим понятием «культура».

Как правило, культуру понимают как человеческую деятельность в самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений; совокупность устойчивых форм человеческой деятельности, без которых она не может воспроизводиться, а значит, существовать. В разнообразных интерпретациях культуры прослеживается общая мысль о том, что культура — это сфера, где воспроизводятся сами люди, формируются личности, образующие человеческое общество.

Что воспроизводится сегодня в культурной сфере и что должно воспроизводиться в дальнейшем? Как будет выглядеть глобальное, постиндустриальное общество, и какое место в нем будет занимать человек?

Что действительно можно отнести к принципам русской культуры, прослеживающимся на протяжении всех времен, так это желание русского человека быть, а не казаться. Но, к сожалению, настоящий русский человек постепенно превращается в массового человека. Существует колоссальная проблема отсутствия в сегодняшнем обществе высоких нравственных идеалов. Русский человек становится экономическим человеком, что предполагает некую эгоистичность. Идеология постмодерна крепко засела в умах людей, все равнозначно, налицо тотальное

непонимание категориальных пар: добра и зла, истины и заблуждения, красоты и безобразия. Общество — в состоянии полного гедонизма: высшим благом является удовольствие. Это может привести к фатальным неконтролируемым последствиям.

Культура все более отождествляется не с социализацией и социальной адаптацией, а с отдыхом и развлечением. Когда политика и экономика ставятся на первое место, а культуру воспринимают как второстепенную сферу, она начинает утрачивать свою главную функцию, заключающуюся в конструировании высокого образа человека. Стирается тонкая грань, которая есть между высокой и низкой (массовой) культурой. Выбор культурных образцов уже не связан с базовыми ценностями личности и общества, а становится индивидуальным, в зависимости от того, какой у человека вкус, — а вкусы при этом не подлежат никакой оценке.

В наши дни культура превратилась в сферу услуг (как и образование), что можно объяснить рыночным мировоззрением людей, т. е. люди представляют мир в качестве глобального рынка, где абсолютно все является товаром. Одномерное представление Маркузе о человеке как потребителе (см. работу «Одномерный человек») удачно вписывается в данный контекст — прагматистское представление о культуре и фактическое отрицание ее основного, духовного, смыслового, цельного начала.

Нужно ли русской культуре входить в глобальный мир? Многие воспринимают ее как товар, который всячески необходимо продвинуть на мировом культурном рынке. При таком подходе она просто исчезнет, погрязнув в «экономически-грязных» одеждах, утратив свою глубинную, метафизическую суть. Нужно осознать, что русская культура является особенной.

Основная цель культуры — в том, чтобы удовлетворить потребности людей, являясь своеобразным сподвижником духовного роста и личностного развития человека и общества в целом.

В современном обществе, когда происходят глобальные кризисы и все более осознается слабость нынешней модели развития человечества, стоит говорить не о том, как бы выгодно продать свою культуру на мировом рынке, а о том, как бы вывести все человечество из затруднительного положения. Именно русская культура на протяжении всей истории демонстрировала ориентацию на духовно-творческое начало в человеке, на моральные жизненные ценности, а не экономико-потребительские. Она может стать спасительной для всего мирового сообщества, погрязшего в экономических и политических неурядицах. Но только при условии, что мы сами не будем забывать об ее истинных жизненных ориентациях. Более того, несоблюдение ее канонов может привести к тому, что в обществе наступит полный коллапс.

Информация об авторе

Волошенюк Антон Максимович, студент-бакалавр 4 курса социологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, voloshenukanton@yandex.ru

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ К МИГРАНТАМ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

М. О. Вольская

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Аннотация. На сегодняшний день миграция является одной из важнейших проблем народонаселения, это не просто механическое передвижение людей, а сложный социальный процесс, влекущий за собой существенные изменения в общественной и экономической сферах жизни принимающей стороны.

Ключевые слова: мигранты, толерантность, доверие

В качестве информационной базы для выявления факторов повышения толерантности к мигрантам были взяты данные Европейского социального исследования [4], 5-я и 6-я волны, 2010 и 2012 гг. соответственно. Анализ был проведен по 26 странам.

В качестве потенциальных факторов было выделено 10 переменных, которым в дальнейшем анализе отводилась роль независимых переменных:

- способность к эмпатии, доверию;
- уровень счастья респондентов;
- уровень удовлетворенности жизнью;
- степень заинтересованности политикой;
- уровень религиозности;
- пол;
- возраст;
- уровень образования;
- материальное положение.

На основе использования метода однофакторного дисперсионного анализа было выявлено, что, действительно, все 10 переменных, рассматриваемые в качестве независимых статистически (на уровне $p \leq 0,05$) связаны с переменными, измеряющими толерантность к мигрантам. Проведенный предварительный анализ позволил нам сформулировать ряд проверяемых гипотез:

1. Чем выше уровень доверия к людям, тем более толерантно респонденты воспринимают иммигрантов. Обозначенная прямая зависимость не является чем-то неожиданным — по Штомпке «доверие есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий других» [5].
2. Люди, предпочитающие больше заботиться о других, нежели о себе, толерантнее относятся к иммигрантам. Очевидно, такие «сочув-

- ствующие», склонные ставить себя на место других, с легкостью могут понять жизненную ситуацию, заставившую других людей покинуть родную страну в поисках лучшей жизни.
3. Чем выше респондент оценивает свой уровень счастья, тем толерантнее он склонен относиться к иммигрантам.
 4. Чем выше удовлетворенность жизнью респондента, тем толерантнее он будет относиться к притоку иммигрантов. Так же как и в предыдущем случае предполагается, что довольные своей жизнью индивиды будут склонны помочь другим людям.
 5. Респонденты, более заинтересованные в политике, чем другие, склонны толерантнее относиться к иммигрантам. Это можно связать с двумя факторами. Первый — люди, следящие за политическими событиями склонны к большей рациональности своих оценок. Так, на все происходящие события у них есть свое мнение, а в связи с этим и сценарий поведения. Второй фактор может заключаться в том, что, как правило, люди заинтересованные политикой, имеют не самый низкий уровень жизни. На практике, люди без должного уровня благосостояния интересуются более насущными вопросами, на политику просто не остается времени.
 6. Респонденты с высоким уровнем религиозности относятся к иммигрантам нетерпимее, чем респонденты с низким уровнем религиозности. Парадоксально, но, похоже что пестуемая религиями добродетель в данном случае не работает — религиозные люди не доверяют мигрантам. Однако, это можно объяснить с точки зрения методики Шварца [3] (о которой пойдет речь позже) — религиозные люди склонны к стремлению к сохранению, а потому и не желают впускать к себе в страну чужаков.
 7. Мужчины склонны относиться к иммигрантам терпимее, чем женщины. Возможно, это связано с тем, что женщины более склонны ко всякого рода беспокойствам, а приток иммигрантов может, в свою очередь, восприниматься как опасность для нее и ее семьи.
 8. Люди младшего возраста склонны относиться к иммигрантам терпимее, чем люди старшего возраста. Как и в одном из выше приведенных случаев, для пожилых людей свойственно стремление к сохранению, традиционности. Для молодых — напротив, стремление к открытости изменениям.
 9. Люди с более высоким уровнем образования склонны относиться к иммигрантам терпимее, чем люди без высшего образования. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в процессе образования индивидами усваиваются некие образцы толерантного поведения, в соответствии с которыми они и будут действовать

в дальнейшем. А с другой стороны, люди с высшим образованием могут смотреть на происходящие события через призму своего культурного капитала.

10. Респонденты, довольные своим материальным положением склонны относиться к иммигрантам терпимее, чем нуждающиеся люди. Скорее всего, «обеспеченные» респонденты довольны экономической ситуацией в стране, им нечего бояться захвата иммигрантами рабочих мест или оттока капитала. Поэтому к феномену миграции они, в целом, относятся толерантно.

Проверка данных гипотез применительно к различным странам Европы позволила выявить общие особенные стороны толерантности к мигрантам. Согласно методике Ш. Шварца по измерению ценностей, было выявлено 2 противостоящих группы стран:

1. стремящиеся к сохранению (Болгария, Словакия и Украина);
2. стремящиеся к изменениям (Дания, Финляндия и Швеция).

Обратимся непосредственно к рассматриваемой методике. Ш. Шварц использовал 21 вопрос, впоследствии образовавший 10 ценностных индексов, которые в свою очередь складываются в 4 группы. Мы рассмотрим две из них.

1. Группа «Сохранение». Складывается из 3 ценностей: безопасность, конформность, традиция.
2. Группа «Открытость изменениям». Складывается так же из 3 ценностей: самостоятельность, стимуляция и гедонизм.

В первую группу попали страны с переходной экономикой, тогда как вторую группу составляют промышленно развитые или индустриальные страны[1].

Для стран с переходной экономикой нехарактерна положительная корреляция между степенью заинтересованности политикой и толерантностью к иммигрантам. И напротив, респонденты из промышленно развитых стран, склонные интересоваться политикой, относятся к иммигрантам более терпимо.

Значимые различия наблюдаются и по переменным, связанным с уровнем образования. В группе, которую составляют страны с переходной экономикой, по рассматриваемому фактору не наблюдается осознанной однородности ответов, тогда как в группе индустриальных стран снова прослеживается положительная корреляция — чем выше уровень образования респондента, тем толерантнее он склонен воспринимать иммигрантов.

Итогом проведенного анализа по России можно считать выявление некоторого нового, несвойственного для других стран признака. Можно сказать, что для россиян определяющими факторами в отношении к им-

мигрантам становятся несколько эфемерно-моральные признаки, такие как: доверие к людям, готовность заботиться об окружающих, уровень счастья и удовлетворенности жизнью.

Новым фактором в 2012 г. по сравнению с 2010-м становится усиление значимости фактора религиозности в вопросе отношения к иммигрантам. Остальные факторы, имеющее значение для россиян в 2010 г. сохраняют свою актуальность и в 2012-м: это доверие, готовность заботиться о других людях, субъективное чувство счастья, удовлетворенности жизнью и уровень материального достатка в семье.

Список литературы

1. *Классификация* по состоянию социально-экономического развития, принятая ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://banauka.ru/592.html>.
2. *Щербакова Е. М.* 2014. Международная миграция и миграционная политика; [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/mezhdunarodnaja_migracija_i_migracionnaja_politika_2014-07-03.htm.
3. *Schwartz S.* Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamayo, J. B. Porto (Eds.) Values and behavior in organizations. Petrópolis, Brazil : Vozes, 2005. P. 21—55.
4. *The ESS — European Social Survey* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ess-ru.ru>.
5. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М. : Логос. 445 с.

Информация об авторе

Вольская Мария Олеговна, студентка МГИМО (Университет) МИД России, Москва, Россия, maria.volskaya@mail.ru

ИЕРАРХИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ, ИЛИ ПРОЩАНИЕ С АБРАХАМОМ МАСЛОУ

В. А. Жебит

Академия имиджологии, Москва, Россия

Аннотация. Иерархия потребностей (по Маслоу), удовлетворение которых приближает человека к самореализации — высшему уровню иерархии, не учитывает потребность человека в духовной свободе как одну из базовых ценностей. *Теория нелинейной коммуникации* позволяет увидеть глубокую энергетическую основу любой иерархической зависимости. Основным критерий социального иерархизма — *энергоинформационный потенциал личности*.

Ключевые слова: иерархия потребностей, Маслоу, духовность, нелинейная коммуникация

Иерархия потребностей по Маслоу сегодня — основа теорий менеджмента, маркетинга, рекламы и проч. Согласно Маслоу, имеются базовые группы потребностей, названные им «потребностями дефицита». По мере удовлетворения этих потребностей человек перемещается все выше по уровням иерархии к высшему уровню — самореализации.

Ни у Ч. Дарвина, ни у А. Маслоу нет главы, в которой было бы что-либо сказано о духовной стороне способностей и потребностей человека, — о том, чему в наши дни уделяют столько внимания гуманитарные науки и многочисленный отряд добросовестных исследователей. Духовность — новый аспект человеческой личности, который не вписывается в жесткие материалистические рамки традиционной науки. Базовой ценностью человеческой личности в материальном мире является не только физическое или социальное *выживание*, но и *духовная свобода*.

Теория нелинейной коммуникации позволила получить новое представление о понятии «иерархия»: увидеть глубокую энергетическую основу любой иерархической зависимости. Основным критерием социального иерархизма является *энергоинформационный потенциал личности*, определяющий соответствие тому или иному уровню любой иерархии. *Энергоинформационный потенциал личности* определяет отношение этой личности к тем или иным потребностям. Это и является ключом к проблеме построения структур Иерархии потребностей и Иерархии ценностей. Иерархия — это система, подчиненная жесткому принципу энергетических коммуникативных соотношений: путь индивида вверх через уровни иерархии сопряжен с увеличением энергоинформацион-

ного потенциала его личности, что и является главным критерием его соответствия уровням иерархии.

Энергоинформационный потенциал личности управляет отношением этой личности к тем или иным потребностям. Иерархия потребностей видится как система, подчиненная жесткому принципу энергетических коммуникативных соотношений: путь индивида вверх через уровни иерархии сопряжен с увеличением энергоинформационного потенциала его личности, что и является главным критерием его соответствия уровням иерархии. Нормативно, рост энергоинформационного качества индивида обратно пропорционален количеству индивидов, соответствующих данному уровню. Иными словами, чем выше этаж, тем меньше мест.

В соответствии с Теорией нелинейной коммуникации, энергоинформационная Иерархия потребностей состоит из нескольких уровней (снизу вверх):

- Физическое выживание (1 уровень. Уровень полной несвободы)
- Удовлетворение насущных потребностей (2 уровень. Уровень несвободы)
- Удовлетворение стремления к излишествам (3 уровень. Уровень несвободы)
- Отказ от излишеств в пользу физического здоровья (4 уровень. Уровень устремления к свободе)
- Отказ от излишеств в пользу физического здоровья и духовных интересов (5 уровень. Уровень неполной свободы)
- Отказ от ценностей физического здоровья и насущных потребностей в пользу духовных ценностей (6 уровень. Уровень свободы)
- Полное отрицание материальных и физических интересов в пользу духовных ценностей (7 уровень. Уровень полной свободы).

Информация об авторе

Жебит Владимир Александрович, к. психол. н., член-корреспондент Академии имиджологии, Москва, Россия, zvladalex@gmail.com

ГУМАНИТАРНАЯ БЛИЗОСТЬ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО МИРА. ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ НА ОСНОВЕ ОПРОСНЫХ ДАННЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА «ИНТЕГРАЦИОННОГО БАРОМЕТРА ЕАБР»)

И. В. Задорин

ЦИРКОН, Евразийский монитор, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к измерению гуманитарной близости (притяжения) стран бывшего СССР. Гуманитарная близость любой пары стран друг к другу понимается как степень взаимной привлекательности этих стран для их граждан. Согласно используемой концепции, привлекательность (притягательность) какой-либо страны для граждан другой страны определяется через их практический интерес к этой стране в разных аспектах (от желания покупать товары этой страны и/или развивать культурный и научно-технический обмен до желания поехать в страну с туристическими и/или образовательными целями, с целью временной работы или обретения постоянного места жительства и т. п.). Такой интерес фиксируется в ходе массовых опросов, проводимых в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР» исследовательским партнерством «Евразийский монитор». На основе данных опросов населения 11 стран бывшего СССР, реализованных в 2012—2015 гг., автор доклада строит разные индексы попарной привлекательности (гуманитарного притяжения) этих стран, используя разные подходы к построению «матрицы расстояний». В докладе делается попытка сформулировать когнитивные достоинства и недостатки используемых подходов, а также методологические ограничения.

Ключевые слова: постсоветские страны, СССР, Евразийский монитор, гуманитарная близость

Информация об авторе

Задорин Игорь Вениаминович, к. с. н., генеральный директор ООО «Фирма «АДАПТ» (ЦИРКОН), председатель правления АНО «Социологическая мастерская Задорина», исполнительный директор международного исследовательского агентства «Евразийский монитор», с. н. с. Института социологии РАН, в. н. с. МГППУ, Москва, Россия, zadorin@zircon.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР: RALLY-AROUND-THE-FLAG В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. Д. Казун

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Аннотация. На примере ситуации экономических санкций мы рассмотрим конкретные технологии, которые позволили группам интересов добиться достаточно сильного эффекта «rally around the flag». Для этого мы проанализируем дискуссию о санкциях и продовольственном эмбарго в российской прессе с марта 2014 г. по декабрь 2014 г. Мы ограничиваем анализ этим периодом, поскольку интенсивность дискуссии по вопросу экономических санкций стремительно снижается в декабре 2014 г. и, далее, стабилизируется на сравнительно невысоком уровне.

Ключевые слова: санкции, СМИ, импортозамещение, Россия

Исследователи давно обнаружили, что во время серьезных международных кризисных ситуаций граждане объединяются вокруг лидера и демонстрируют высокий уровень его поддержки и одобрения. Этот эффект был назван «объединение вокруг флага» (rally around the flag) и предполагал, что консолидирующее событие должно касаться всех граждан страны [5]. Наличие данного эффекта было подтверждено множеством примеров. Так, по результатам опросов Гэллопа, после 11 сентября рейтинг Джорджа Буша буквально за неделю вырос на 35% [2]. Нападение на Перл Харбор повлекло за собой 12% рост популярности Рузвельта [2]. Фолклендская война сыграла немалую роль в переизбрании Маргерет Тэтчер на второй срок [8], а война в Персидском заливе «подарила» Джорджу Бушу-старшему рост рейтинга с 58 до 89% всего за два месяца [7]. Недавние работы, выполненные в русле данного подхода, с одной стороны подтвердили значимую роль СМИ в создании эффекта [6], с другой — продемонстрировали высокую вовлеченность представителей разных групп интересов в публичное обсуждение международных конфликтов, в том числе и экономических санкций [3].

На основании ряда факторов, мы можем предположить наличие эффекта «объединения вокруг флага» в современной России. Так, в 2014—2015 гг. наблюдалось значительное ухудшение отношений с западными странами, результатом которого явились, в том числе, экономические санкции. Вместе с тем, согласно опросам общественного мнения, россияне не испытывают беспокойства в связи с предпринятыми США и ЕС

ограничительными мерами, не видят негативных последствий от санкций ни для страны в целом, ни для себя лично*. Более того, различные исследовательские центры показывают неуклонный рост рейтингов президента страны В. В. Путина**. Таким образом, в текущей кризисной ситуации происходит объединение вокруг лидера, что и является эффектом «rally around the flag».

Впрочем, далеко не все участники публичной дискуссии об экономических санкциях и российском продовольственном эмбарго (которое фактически не отделяется в публичном пространстве от санкций США и ЕС) участвуют в конструировании данного эффекта. Напротив, некоторые группы интересов преподносят санкции как символ слабости и некомпетентности руководства страны. Впрочем, их голоса оказываются менее заметными в информационном пространстве, в том числе в силу ограниченной свободы российских СМИ.

Методология исследования

Внимание СМИ и населения переключается на «конкурирующие» вопросы [1]- курс рубля по отношению к евро и доллару, а также стоимость нефти. Санкции как таковые в этот момент уже теряют свою актуальность для публичного обсуждения. Мы анализируем дискуссию в наиболее влиятельных печатных СМИ. Исходя из этого **выборка изданий** для анализа основана на TPR рейтинге печатных изданий России. Для анализа были отобраны четырех российских печатных изданиях: «Российская газета» (945 статей), «Новая газета» (396 статей), «Аргументы и факты» (258 статей) и «Коммерсантъ» (1574 статьи). Поскольку данные газеты не только являются наиболее популярными, но и отражают разные политические позиции, можно утверждать, что настоящая выборка отвечает предъявляемому нами требованию разнообразия.

После завершения формирования выборки проведен поиск публикаций в указанных изданиях по запросу «санкции» посредством ресурса «Интегрум». Далее, из обнаруженных публикаций исключались статьи, не соответствующие теме настоящей работы. **Релевантными являются публикации**, содержащие мнение о потенциальных и/или реальных последствиях принятия экономических санкций (и введения российского продовольственного эмбарго — «антисанкций»). Из анализа исключены

* См. например, Исследование «Левада-центра» «Последствия санкций заметили не все». URL: <http://www.levada.ru/2015/07/29/posledstviya-sanktsij-zametili-ne-vse-2/> или Пресс-выпуск ВЦИОМ «Антироссийские санкции: причины и последствия» от 14.08.2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114934>.

** См. например, Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2958 «Рейтинг Путина — на новой рекордной высоте». URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438>.

статьи, упоминание санкций в которых не относится к ситуации применения экономических санкций в отношении России, а также тексты, с эпизодическим упоминанием санкций как одной из сложностей, стоящих на пути отечественной экономики.

Некоторые результаты исследования

Дискуссия в СМИ об экономических санкциях анализируется в докладе на двух уровнях. Прежде всего, мы обращаем внимание на дискуссию в прессе в целом, затем более детально рассматриваем публикации в изданиях, вошедших в нашу выборку.

Анализ интенсивности дискуссии позволяет сделать вывод о том, что наиболее заметным в информационном пространстве оказалось российское продовольственное эмбарго, а не санкции США и ЕС. Не менее информативным является и рассмотрение тем, сопутствующих дискуссии. К примеру, в марте 2014 г. более 50 % статей о санкциях содержали упоминание Крыма (как причины данной меры), тогда как к концу года доля таких статей не превышала 12%. Вместе с тем все чаще санкции начинают упоминаться в контексте колебаний курса рубля и изменений цен на нефти. Таким образом, дискуссия начинает в большей степени фокусироваться не на причинах введения санкций, а на их последствиях. Дискурс «за что?» сменяется дискурсом «что теперь будет?».

Разумеется, наиболее заинтересованы в формировании эффекта «rally around the flag» были представители власти. Поэтому техники конструирования данного эффекта широко применялись в изданиях, которые лояльны власти или принадлежат ей («АиФ» принадлежит мэрии Москвы, «Российская газета» — официальный печатный орган Правительства РФ). С одной стороны, представители власти использовали широкий спектр стратегий депроблематизации ситуации, некоторые из которых были направлены на опровержение значимости и масштабности проблемы санкций (несочувствующая контрриторика), другие — на доказательство несостоятельности предлагаемых путей ее решения (сочувствующая контрриторика) [4]. Мы делаем вывод о преобладании в дискуссии несочувствующей контрриторики, в рамках которой наиболее часто использовались стратегия «антитипизации», «контрриторика неискренности» и «стратегия опровергающих историй», в терминологии Ибарры и Китсьюза.

С другой стороны, представители власти в некоторых своих заявлениях признают, что санкции являются проблемой. При этом обращая внимание на то, что все негативные эффекты наложенных ограничений являются временными и могут стать стимулом для развития страны (импортозамещение и т. д.). Таким образом, подчеркивается необходимость сплотиться

для решения этой проблемы. В данном случае, риторика выстраивается в той же логике, что и в случае с Эритреей и санкциями, наложенными на эту страну ООН, когда проблематичность текущей ситуации служила оправданием для некоторых лишений и ограничений (как, например, повышение налогов) [3].

Список литературы

1. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2.
2. Baum M. A. The constituent foundations of the rally-round-the-flag phenomenon // International Studies Quarterly. 2002. Vol. 46, N2. P. 263—298.
3. Hirt N. The Eritrean diaspora and its impact on regime stability: Responses to UN sanctions // African Affairs. 2015. Vol. 114. P. 115—135.
4. Ibarra P. R., Kitsuse J. I. Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems. 2003. P. 17—50.
5. Mueller J. E. Presidential popularity from Truman to Johnson // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. N1. P. 18—34.
6. Nam T. Rallying around the flag or crying wolf? Contentions over the Cheonan incident // Asian Perspective. 2015. Vol. 39. N2. P. 221—151.
7. Norrander B., Wilcox C. Rallying around the flag and partisan change : The case of the Persian Gulf war // Political Research Quarterly. 1993. Vol. 46. № 4. P. 759—770.
8. Ogden C. Maggie: an intimate portrait of a woman in power. N. Y. : Simon and Schuster, 1990.

Информация об авторе

Казун Анастасия Дмитриевна, м. н. с. лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель и аспирант факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия, anastasiya.kazun@gmail.com

СТРУКТУРА РЕЛИГИОЗНОСТИ РОССИЯН И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ИХ ОТНОШЕНИЕМ К ДРУГИМ СТРАНАМ

Е. Н. Кофанова

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Одна из составляющих структуры религиозности россиян — это их самоотождествление с определенной конфессией, с верующими вне конфессии или атеистами. Исследование в рамках проекта РФ № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (всероссийская репрезентативная выборка, по 4 тыс. респондентов, 1-я волна — октябрь 2014 г., 2-я волна — март 2015 г., 3-я волна — октябрь 2015 г.) выявило устойчивость религиозно-мировоззренческих предпочтений россиян — в 2014 и 2015 гг. мы получили практически одинаковое (в пределах статистической погрешности) распределение респондентов по религиозно-мировоззренческим группам: большинство — 69% — православных, 5—6% мусульман, 2% представителей других религий, 6—7% внеконфессиональных верующих, 10—11% атеистов и 5—8% затрудняющихся с самоидентификацией по данному вопросу (группа, представляющая практический интерес для миссионеров разных направлений).

Ключевые слова: религиозность, Россия, верующие

В последние годы в научной литературе сложилось мнение о том, что когда россияне причисляют себя к той или иной конфессии, то это означает прежде всего то, что они идентифицируют себя с определенной цивилизацией и что это напрямую не связано с их религиозностью [1]. И действительно, мы находим подтверждение данного тезиса уже в том, что среди православных и мусульман верят в Бога не все, хотя и подавляющее большинство в 87—89%, а среди атеистов находятся и те (их 12%), кто в Бога верит [2].

Философский аспект религии, как правило, имеет для россиян больше значения, чем ее ритуальный аспект. Эта закономерность относится и к каждой из основных религиозно-мировоззренческих групп россиян: в этих группах доли тех, для кого вера важна, превышают доли тех, кто часто исполняет религиозные ритуалы.

Общие закономерности просматриваются и в отношении религиозно-мировоззренческих групп россиян к разным странам (табл. 1). В целом позитивные чувства вызывают такие бывшие республики СССР, как

Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Армения; а также Сербия; плюс страны Востока — Индия, Китай, Япония; ведущие страны Западной Европы — Франция, Великобритания, Германия. В негативном рейтинге однозначно лидируют США, скорее отрицательные эмоции вызывают во всех группах Украина, Ирак, Грузия. Неоднозначное отношение в группах к Польше и Сирии. Отметим, что то или иное отношение религиозно-мировоззренческих групп к другим странам может быть связано не только с философскими взглядами их представителей, но и с социально-демографическими особенностями групп.

Среди религиозно-мировоззренческих групп россиян в целом наиболее позитивно по отношению к другим странам настроены мусульмане и внеконфессиональные верующие, наиболее негативно — затруднившиеся с ответом по поводу своего мировоззрения. При этом выбор «симпатичных» и «антипатичных» стран в этих группах заметно различается.

Так, мусульмане более положительно на фоне других групп воспринимают не только «свои», исламские страны Сирию и Ирак, а также Индию и Японию, где мусульмане широко представлены, но и, например, католическую Польшу; в то же время наиболее негативно относятся к Украине. Подчеркнем, что мусульмане более оптимистично, по сравнению с другими группами, оценивают свой материальный статус (хотя, в действительности, их доходы — одни из низких) и, особенно, свои экономические перспективы в ближайшем будущем.

Группа внеконфессиональных верующих более других групп тяготеет к Западной Европе — к Франции, а также Великобритании и Германии; при этом ощущает антипатию к Ираку. Эта группа — одна из двух самых молодых по составу; характеризуется тем, что высоко ценит хорошее образование.

Группа затруднившихся с религиозно-мировоззренческой самоидентификацией ни одной из 18 перечисленных стран не симпатизирует больше других групп, при этом менее других симпатизирует странам, лидирующим в позитивном рейтинге, — Беларуси, Казахстану, Индии, Армении; а также хуже, по сравнению с другими группами, относится к Сербии и Израилу. Данная группа — вторая из двух относительно молодых групп, однако получение хорошего образования не является базовой ценностью группы.

Самая многочисленная, самая старшая по возрасту группа, с самым слабым здоровьем — православные — более других симпатизирует ближайшим союзникам России — Беларуси и Казахстану, а также Армении; резко негативно отзываясь о США.

Атеисты, средние по возрасту, с самым отменным здоровьем (наряду с группой затруднившихся с самоидентификацией), лучше других групп (за исключением внеконфессиональных верующих) относятся к Китаю и Сербии и одновременно испытывают наибольшую антипатию к Грузии.

Таблица 1. Какие чувства вызывает упоминание следующих стран у представителей религиозно-мировоззренческих групп, % (приведены балансы положительных и отрицательных оценок), октябрь 2014 г.

Страны	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты	Затруднившиеся с ответом
1. США	-54	-59	-54	-37	-51	-40
2. Польша	-6	-9	18	-6	-8	3
3. Англия	13	12	22	25	11	14
4. Франция	35	33	42	57	39	35
5. Германия	8	5	20	25	9	8
6. Япония	33	30	45	44	34	33
7. Израиль	28	30	27	25	25	13
8. Китай	50	51	50	54	55	51
9. Ирак	-20	-21	-2	-35	-20	-13
10. Индия	55	57	65	60	47	40
11. Беларусь	78	82	72	74	70	65
12. Казахстан	72	74	74	73	65	60
13. Сербия	44	44	44	49	48	33
14. Украина	-28	-31	-48	-9	-25	-11
15. Грузия	-10	-11	-5	-1	-17	-2
16. Армения	51	55	55	44	44	40
17. Кыргызстан	42	45	50	32	35	32
18. Сирия	1	0	19	2	2	-1

Лучше понять, к какой цивилизации по линии «Восток–Запад» тяготеют разные религиозно-мировоззренческие группы, поможет табл. 2. В ней приведены средние значения по 11-балльной шкале, где 1 — ближе к странам Запада: США, Франции, Германии; а 11 — ближе к странам Востока: Китаю, Японии, Индии. Данные таблицы рассчитаны по формуле: $x = (\sum ap \times n) / 100$, где x — среднее значение, n — балл, ap — процент выбравших тот или иной балл. Соответственно — средний балл равен 6. Если балл меньше этого значения, это означает тяготение скорее к Западу. Как видим, в религиозно-мировоззренческих группах средние значения находятся в интервале от 4,5 до 5,7, т.е. каждая группа тяготеет скорее к Западу. Прежде всего это можно сказать о внеконфессиональных верующих, в особенности по критериям культуры и национального

характера. На втором месте по «тяготению к Западу» по этим же двум критериям — мусульмане. «Экономическое чудо» Индии, Китая и Японии вызывает наибольший интерес у атеистов и православных. А восточные черты в характере россиян подмечают в первую очередь атеисты, православные и затруднившиеся с самоидентификацией.

Таблица 2. К каким группам стран Россия ближе, по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, средние значения (октябрь 2014 г.)

Близость к «Востоку — Западу» по разным критериям	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты	Затруднившиеся с ответом
По культуре	5,1	5,2	5,1	4,5	5,2	5,3
По экономике	5,6	5,6	5,4	5,4	5,7	5,4
По национальному характеру	5,4	5,5	5,3	5,1	5,5	5,5

Если в конце XX в. россияне по культуре отождествляли себя с Европой, по экономике с Азией, а по социально-психологическим особенностям и менталитету позиционировали себя на равном удалении от этих полюсов, то в настоящее время они образуют очень похожие друг на друга распределения». Современная Россия предстает как европейско-евразийская страна [2]. Причем подобный выбор делается в каждой из основных религиозно-мировоззренческих групп россиян.

Список литературы

1. Мчедлова М. М. Религия и политические императивы: социокультурные реалии современности : монография. М. : РУДН, 2011.
2. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь мир, 2015.
3. Российская повседневность в условиях кризиса. Аналитический доклад ИС РАН подготовлен в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации. Раздел 6. М. : ИС РАН, 2009 // Институт социологии РАН [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/doclad_povsednevnost.html (21.02.2016).

Информация об авторе

Кофанова Елена Николаевна — к. с. н., старший научный сотрудник ИС РАН, Москва, Россия, elena_kofanova@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ОПРОСА В ИССЛЕДОВАНИИ МНОГОСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТРУКТУР

А. Е. Кутейников, А. С. Бояшов

СПбГУ, Москва, Россия

Аннотация. Развитие организационных форм международного сотрудничества обуславливает, в частности, повышение научного интереса к социологическим аспектам многосторонних международных структур (ММС). Чаще всего их обозначают термином «международные организации», однако в действительности они представляют собой совокупность нескольких, существенно различающихся между собой классов структур, а международные организации являются лишь одним из них. Вместе с тем все ММС обладают так или иначе выраженными признаками, присущими любой организации.

Ключевые слова: опрос, методы, междисциплинарные исследования

В западной и, в меньшей степени, в отечественной науке за последние 30 лет проведено несколько серьезных междисциплинарных исследований на стыке социологии организаций и теории международных отношений. Весьма плодотворно социологический подход используется и для получения эмпирических данных [5, 6]. Социологи и международники достаточно хорошо изучили статику ММС, однако, как отметили М. Барнетт и М. Финнемор, исследователи не всегда принимают во внимание положение организационной науки о невозможности для тех, кто создает структуру, предусмотреть пути ее развития [4]. К этому следует добавить: не учтены и многие другие концепты социологии, позволяющие проследить динамику, поскольку ММС, несмотря на свою типологическую принадлежность к разряду организаций, кардинально отличаются от «более привычных», типичных организационных форм.

В докладе рассматриваются некоторые особенности использования метода опроса, использованного авторами доклада в исследованиях Организации Объединенных Наций и Европейского суда по правам человека в 2013—2015 гг. [1, 3].

По итогам исследований были получены результаты, позволяющие дать характеристику социальных особенностей представителей нескольких глобальных профессиональных групп, вовлеченных в функционирование ММС, а именно судей и сотрудников секретариата ЕСПЧ, международных гражданских служащих ООН, дипломатов.

Доклад подготовлен в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта № 13-07-00020.

Список литературы

1. Бояшов А. С., Кутейников А. Е. Роль Европейского Суда по правам человека в формировании и воспроизводстве глобальных социальных групп // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 3. С. 145—152.
2. Кутейников А. Е. Векторы изменений и современное состояние ООН. К 70-летию Объединенных Наций // Международные процессы. 2015. № 4. С. 20—44.
3. Кутейников А. Е. Международные межправительственные организации как особый класс организаций // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 79—87.
4. Barnett M., Finnemore M. Rules for the World. International Organizations in Global Politics. Ithaca ; L. : Cornell University Press, 2004.
5. Ness G., Brechen S. Bridging the Gap: International Organizations as Organizations // International Organization. Vol. 42. № 2. (Spring, 1988). P.245—273.
6. State, society, and the UN system : Changing perspectives on multi-lateralism. Tokio etc. : United Nations University Press, 1995.

Информация об авторах

Кутейников Александр Евгеньевич, к. полит. н., доцент факультета социологии СПбГУ, Москва, Россия, a.kuteynikov@spbu.ru

Бояшов Анатолий Сергеевич, аспирант факультета социологии СПбГУ, Москва, Россия, anatoliy.boiyashov@gmail.com

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ УНИВЕРСАЛИЗМА В СМЯГЧЕНИИ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Л. А. Мальсагова

МГИМО, Москва, Россия

Аннотация. Проблема социального неравенства и отношения людей к нему крайне актуальна в современном обществе. Это может быть неравенство по разным основаниям: например, по уровню доступа к разным ресурсам (деньги, власть и пр.), по разным возможностям для мужчин и для женщин, для мигрантов и коренных жителей и т. д. Чаще всего обращает на себя внимание вопрос неравенства доходов: в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рост экономической дифференциации назвали одним из самых тревожных трендов за последние 200 лет.

Ключевые слова: социальное неравенство, ценности, универсализм

В странах ОЭСР в 1980-х гг. доходы 10% богатейших людей превышали доходы 10% беднейших в 7 раз, а в начале 2010-х гг. — уже почти в 10 раз [4]. Если в обществе преобладают радикальные настроения относительно социального неравенства, если большая часть населения уверена, что неравенстве слишком поляризует общество, разделяет его, представляя одним все блага и ресурсы, а другим — ничего, то такое положение дел накаляет градус общественного недовольства. Именно поэтому тема исследования социального неравенства и отношения к нему среди населения крайне актуальна — и для представителей теоретической науки, и для общественных деятелей, политиков, экономистов, которые могут управлять социальными процессами, способствовать снижению социального неравенства внутри страны.

Данное исследование сфокусировано на восприятии социального неравенства в Швеции. В качестве эмпирического материала были взяты данные исследования European Social Survey (2010 г.), анализ проводился в программе обработки статистических данных SPSS. Исследование проводится с 2001 г., регулярно. Цель — исследование установок, взглядов, ценностей жителей европейских стран[1].

Почему именно Швеция была выбрана страной для анализа? Швеция отличается от других европейских стран высоким уровнем ценностей благожелательности и универсализма. Эти ценности отражают стремление человека к заботе о других людях, к тому, чтобы со всеми обращались одинаково, прислушивались к мнению каждого. При этом ценностный

индекс благожелательности и универсализма на протяжении двух волн исследования European Social Survey (2006, 2010 гг.) находится на максимальном уровне среди шведов. Особенно высокое влияние на формирование такого отношения к неравенству оказывает повышенное стремление шведов к равноправию людей (если все будут равны, у всех будет равный доступ к благам и ресурсам, то и социальное неравенство будет на минимуме).

Важно отметить, что в целом Швеция — одна из тех стран, в которой в которой уровень экономического неравенства — один из минимальных во всем мире (например, по коэффициенту Джини [3]). Швеция считается одним из самых социально благополучных государств. Так, доход 20 % богатейших людей Швеции превышает доход 20 % беднейших в 4 раза. Для сравнения: в Сингапуре эта разница составляет 9,7 раз, в США — 8,5. Меньше эта разница лишь в немногих странах (например, в Японии (3,4) и в других скандинавских странах, например, в Финляндии — 3,7 и в Норвегии — 3,9)[2].

Мы задались вопросом: способствует ли высокий уровень принятия ценностей универсализма и благожелательности повышенному уровню стремления к минимизации социального неравенства? И предположили, что именно ценность универсализма оказывает влияние на отношение шведов к социальному неравенству, потому что в ней заключено стремление к равноправию всех людей.

Ценность универсализма мы строили по методике израильского исследователя Ш. Шварца. Всего в анкете присутствуют 21 вопроса, которые затем можно объединить в 10 ценностных индекса (каждый индекс — с поправкой на среднее по всем 21 переменным — так называемая процедура центрирования) [5].

Раскроем содержание ценности универсализма, которая является центральной в нашей работе. Она включает три анкетных вопроса, отражающих ценностные ориентации индивида:

- Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни.
- Для него важно выслушивать мнение других, отличающихся от него людей. Даже когда он с ними не согласен, он все равно хочет понять их точку зрения.
- Он твердо верит, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде.

Мы исходили из общей гипотезы о том, что повышенный уровень принятия ценности универсализма среди шведов способствует негативному восприятию социального неравенства, стремлению к минимизации его

отрицательных последствий. Анализ проводился по изучению отношения шведов к социальному неравенству в трех аспектах: по их восприятию мигрантов (их положение в стране), восприятию расслоения населения по уровню доходов (а значит и по разному уровню доступа к ресурсам и благам), восприятию гендерной дифференциации на работе. Мы выбрали именно эти аспекты, т. к. предположили, что неравенство населения именно по этим основаниям наиболее ярко, проблематично и имеет наибольшие социальные последствия (экономическое неравенство, неравное положение мигрантов и коренных жителей, неравенство мужчин и женщин).

1. Мы зафиксировали, что высокий уровень принятия универсализма формирует у шведов положительное отношение ко всем людям, включая **приезжих**. Мы обнаружили: чем выше уровень универсализма (который отличает шведов от других европейских народов), тем больше респонденты склонны считать, что мигранты делают страну лучше. В целом можно говорить о том, что шведы крайне благожелательно настроены к приезжим: они в наибольшей степени, чем другие европейцы, склонны полагать, что с притоком людей из других стран их страна становится лучше как место для жизни.

Более детальный анализ позволил нам сделать вывод, что среди респондентов-шведов последовательно повышается уровень согласия с тем, что с притоком людей из других стран страна становится лучше по мере роста принятия ценности 1) равноправия всех людей и 2) выслушивания разных мнений и в меньшей степени, но тоже повышается с ростом принятия ценности 3) заботы об окружающей среде. Исследование показало, что статистически значимая положительная связь между принятием универсализма и согласием с тем, что мигранты делают жизнь в стране лучше, зафиксирована в 13 странах. Однако в Швеции она самая сильная, что, вероятно, связано с очень высоким принятием ценности равноправия людей среди шведов и их позитивным настроем относительно приезжих.

2. Высокий уровень универсализма обуславливает желание шведов, чтобы в регулировании неравенства по **доходам** участвовало государство (правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми). При этом необходимо отметить, что в сравнении с респондентами в других странах респонденты в Швеции не сильно склонны перекладывать на государство задачу уравнивания доходов населения.

Статистически значимая связь между универсализмом и желанием, чтобы в регулировании неравенства по доходам участвовало государство, была зафиксирована почти во всех исследуемых странах, т. е. она

носит универсальный характер. Однако в Швеции она самая сильная (наряду с другой скандинавской страной — Финляндия).

3. Также относительно неравенства по доходам мы проверяли и нашли эмпирическое подтверждение гипотезе о том, как влияет ценность универсализма на доверие судебной практике, которая следует букве закона, не предоставляя никому никаких привилегий, вне зависимости от статуса и материального положения человека. Мы увидели, что в Швеции здесь наблюдается связь еще и с ценностью благожелательность (которая входит в высоко значимую для шведов ценность «Выход за пределы своего «Я» наряду с универсализмом), а также с ценностью конформизма. Это тоже объяснимо: ведь в нее входит убежденность в том, что люди должны все всегда делать правильно, следовать правилам, к которым можно отнести и непредвзятость в судебной практике. Эта связь между универсализмом и доверием судебной практике, которая беспристрастно ведет дела, не носит универсальный характер: она наблюдается лишь в нескольких странах в исследовании. Причем 3 из них — скандинавские (Норвегия, Финляндия, Швеция), т. е. страны с наименьшим уровнем дифференциации населения по экономическому основанию.

4. Высокий уровень универсализма обуславливает равноправное отношение к мужчинам и женщинам в области работы (уверенность в том, что при приеме на работу, когда не хватает рабочих мест, у мужчин не должно быть преимуществ перед женщинами). Такая же значимая положительная связь зафиксирована в 16 странах.

Итак, статистический анализ данных исследования подтвердил, что высокий уровень принятия ценности универсализма формирует у шведов негативное отношение к социальному неравенству в целом, стремление к его минимизации. Особенно высокое влияние на формирование такого отношения к неравенству оказывает повышенное стремление шведов к равноправию людей (если все будут равны, у всех будет равный доступ к благам и ресурсам, то и социальное неравенство будет на минимуме). При этом мы уточнили достоверность полученных выводов через контрольную гипотезу. Мы предположили, что на отношение к социальному неравенству в Швеции оказывает большое влияние не столько ценность универсализма, сколько удовлетворенность респондента жизнью и своим материальным положением. Мы исходили из той возможности, что широкое принятие ценности универсализма происходит из общего высокого уровня достатка и уровня благополучия. Для проверки контрольной гипотезы мы провели корреляционный анализ и обнаружили, что ведущей в определении отношения к социальному неравенству получается именно ценность универсализма,

а не социального самочувствия человека и его субъективной оценкой материального положения.

Швеция — страна с одним из самых низких уровней социального неравенства и с одним из максимальных уровней принятия ценностей универсализма. Является ли широкое принятие ценностей универсализма основой для стремления к минимизации негативных проявлений социального неравенства? Для этого мы посмотрели связь между ценностями универсализма и отношением к социальному неравенству в России — стране с высоким уровнем дифференциации населения, социального неравенства, с низким уровнем принятия ценностей универсализма. Мы обнаружили, что выявленные связи между универсализмом и стремлением к смягчению негативных последствий в Швеции менее сильны или вовсе не значимы статистически в России. Так, между ценностями универсализма и позитивным настроем относительно приезжих в России мы обнаружили очень слабую связь, причем отрицательную. Вместе с тем в России меньше связь и между ценностями универсализма и желанием участия государства в регулировании разницы в доходах. А вот относительно гендерного равноправия на работе и ценностей универсализма в России мы вовсе не обнаружили статистически значимой связи.

Таким образом, можно делать вывод о том, что чем шире в обществе принимаются ценности универсализма (равноправия людей), тем больше распространены ориентации на смягчение отрицательных проявлений и последствий социального неравенства. Респонденты Швеции продемонстрировали массовое принятие ценностей универсализма и стремление к стиранию социального неравенства. А вот российские респонденты не отличаются широким принятием ценностей универсализма и желанием минимизации негативных последствий социального неравенства.

Список литературы

1. *Официальный сайт European Social Survey* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org>.
2. *Уилкинсон Р.* Как экономическое неравенство вредит обществу [Электронный ресурс]. URL: https://slon.ru/economics/kak_ekonomicheskoe_neravenstvo_vredit_obshestvu-693839.xhtml.
3. *The World Factbook* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html>.
4. *Keeley B.* Income Inequality: The Gap between Rich and Poor, OECD Insights. Paris: OECD Publishing, 2015.
5. *Schwartz S.H.* Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses [Электронный ресурс]. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_human_values_scale.pdf.

Информация об авторе

Мальсагова Лолита Аслановна, студентка факультета международной журналистики, отделение социологии массовых коммуникации МГИМО, Москва, Россия, lmalsagova@list.ru

ОБРАЗ РОССИИ В ГЛАЗАХ НАСЕЛЕНИЯ ДРУГИХ СТРАН: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОПРОСОВ)

М. Г. Мацкевич

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. За последние 70 лет образ России в глазах населения других стран претерпевал значительные и разнонаправленные изменения. На примере памяти о Второй мировой войне (ВМ2), представлении о том, какая страна внесла наибольший вклад в победу над гитлеровской Германией, можно проследить влияние отношений СССР/России и США, СССР/России и Западной Европы на отношение к нашей стране. Так, представление о решающем вкладе СССР в победу во ВМ2 во Франции снизилось более чем вдвое (с 57 % в 1945 г. до 23 % в 2015 г.), зеркально выросло представление о решающей роли США. Аналогичные изменения произошли в других странах Западной Европы и США. В то же время при более или менее стабильных взаимоотношениях, например, США и Японии, представления каждой страны о значении ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки мало изменились с течением времени.

Существенное влияние на восприятие России в глазах населения других стран оказали события последних двух лет. При этом необходимо отметить, что параллельно, и даже с некоторым опережением, в самой России наблюдался рост негативизма по отношению к другим странам (особенно, США и Западной Европы).

Ключевые слова: Россия, образ страны, США, Западная Европа

Многолетние исследования, проводимые в России различными исследовательскими компаниями, демонстрируют, как менялось отношение россиян к другим странам. Если построить график этих изменений, мы увидим как резкие взлеты, так и резкие падения, при многочисленных колебаниях. Это справедливо как в отношении к США, так и к разным странам Европы и постсоветского пространства. Почти все эти колебания легко привязать к тем или иным событиям в отношениях между Россией и соответствующими странами, а базовый уровень во многом определяется памятью об истории взаимоотношений. Резкие всплески негативного отношения россиян (и соответствующее падение позитивного), например, к США и Европейскому Союзу (а также к Грузии и Украине) приходятся на 2008 г. и 2014 г., т. е. на моменты вооруженных противо-

стояний и восприятия некоторых стран как поддерживающих сторону противника.

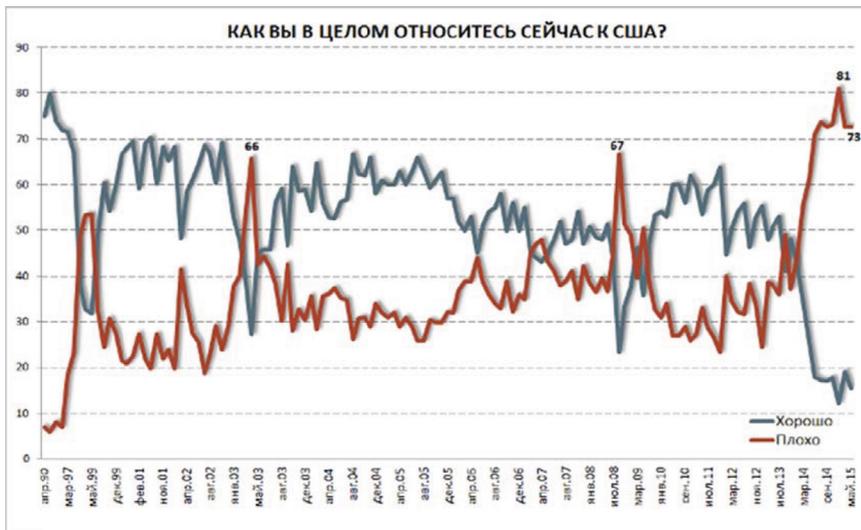

Рисунок 1. Динамика отношения жителей России к США (1990—2015 гг.)

Источник: Левада-центр; URL: <http://www.levada.ru/2015/12/02/strany-zapada-voispriyatie-sanktsii-gotovnost-k-sotrudnichestvu/> (дата обращения — 20.03.2016).

Если обратиться к данным кросснациональных исследований о том, как видят Россию граждане стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки, то просматриваются иные тенденции. В большинстве стран Западной Европы, США и Канады в 1990-е гг. видение России было в основном положительным, позитивные оценки преобладали над негативными. Затем, в 2000-х гг., позитивные оценки снижались — медленно, но общий тренд был направлен в сторону снижения позитива, при небольшом росте негатива. Можно видеть две точки резкого ухудшения отношения к России жителей большинства стран Европы и Америки — 2012 и 2014 гг. (табл. 1). По-видимому, здесь мы видим влияние тех же факторов, которые зафиксированы многими экспертами в России: мнение граждан о других странах, опыт житейского взаимодействия с жителями которых либо минимален, либо полностью отсутствует, практически полностью определяется освещением событий в СМИ.

Рисунок 2. Динамика отношения жителей России к Европейскому Союзу (2003—2015 гг.)

Источник: Левада-центр; URL: <http://www.levada.ru/2015/12/02/strany-zapada-vospriyatie-sanktsii-gotovnost-k-sotrudnichestvu/> (дата обращения — 20.03.2016)

Таблица 1. Динамика отношения к России в разных странах (% позитивных оценок), 2007—2015 гг.

Страны	2007	2009	2011	2012	2013	Весна 2014	2015
США	44	43	49	37	37	19	22
Канада	52	51	—	—	42	—	26
Великобритания	47	45	50	38	38	25	18
Франция	35	43	53	36	36	26	30
Германия	34	42	47	33	32	19	27
Италия	37	—	—	23	31	20	27
Испания	35	36	46	36	38	18	25
Греция	—	—	—	61	63	61	—
Польша	34	33	35	34	36	12	15
Чехия	41	—	—	37	41	—	—
Турция	17	13	18	16	19	16	15
Египет	46	48	35	31	30	24	—
Иордания	48	42	31	26	25	22	18
Ливан	48	57	53	48	46	45	44

Страны	2007	2009	2011	2012	2013	Весна 2014	2015
Палестинские территории	30	33	34	—	29	41	35
Тунис	—	—	—	40	35	35	—
Израиль	29	31	29	—	21	30	25
Австралия	—	—	—	—	42	—	24
Китай	54	46	47	48	49	66	51
Индонезия	36	32	35	—	43	38	28
Япония	22	23	28	22	27	23	21
Малайзия	46	—	—	—	47	34	30
Индия	—	—	—	—	45	39	43
Пакистан	18	10	15	20	19	11	12
Филиппины	—	—	—	—	35	46	44
Вьетнам	—	—	—	—	—	75	75
Южная Корея	54	50	—	—	53	43	46
Аргентина	19	23	—	—	26	19	27
Бразилия	—	—	33	27	34	24	26
Чили	47	—	—	—	39	34	31
Мексика	38	29	23	25	28	21	24
Венесуэла	—	—	—	—	40	36	31
Гана	55	—	—	—	49	42	56
Кения	57	35	34	—	47	49	35
Нигерия	—	—	—	—	38	41	39
Сенегал	—	—	—	—	42	39	32
Южная Африка	—	—	—	—	26	25	25
Уганда	32	—	—	—	28	34	37

Источник: Pew Research Center; URL: <http://www.pewresearch.org>.

По данным компании Pew Research Center, в настоящее время в большинстве стран, участвующих в исследовании, в отношении России негативные позиции преобладают над позитивными. В Западной и Центральной Европе исключением составляет Греция, в Азии — Вьетнам, Индия, где доля положительных оценок превышает долю отрицательных в несколько раз (75% к 10% во Вьетнаме и 43% к 17% — в Индии). Хотя и с меньшим перевесом, доминируют положительные оценки в Китае (51% к 37%), а в Южной Корее они сбалансированы (46% к 43%)* Преобладание позитивных оценок над негативными мы видим также

* URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world/> (дата обращения: 20.03.2016).

в некоторых странах Африки^{*}. Аналитики Pew Research Center отмечают, что Россию в мире видят даже в более мрачных тонах, чем США, — это справедливо для большинства стран в разных частях света^{**}.

Хотя образ той или иной страны, создаваемый СМИ, оказывает сильное влияние, не менее важным является исторический контекст — то, как изменялось отношение к данной стране в прошлом. Большинство исследователей исторической памяти согласны в том, что события и ценности сегодняшнего дня определяют видение прошлого в гораздо большей степени, чем факты и работы профессиональных историков. Это можно проследить и на том, как менялось представление о роли России в исторических событиях и оценки самих событий.

Так, например, согласно опросу, проведенному компанией ICM в 2015 г. во Франции, Германии и Великобритании, на вопрос о том, какая страна сыграла наибольшую роль в победе над Германией в 1945 г., более половины опрошенных во Франции и Германии назвали Соединенные Штаты, а в Великобритании выше всего поставили вклад своей страны. Роль СССР назвали решающей лишь от 8 % во Франции до 17 % в Германии^{***}. Данные Французского института общественного мнения (IFOP) позволяют более детально рассмотреть эту картину (рис. 3). Так, непосредственно в мае 1945 г. ведущая роль СССР отмечалась большей частью респондентов. Однако к 1994 г. доля придерживающихся этой позиции снизилась более чем вдвое — до 25 %. При этом выросло число тех, кто считает решающим вклад США (до 49 %). В последующие годы доля первых уменьшалась до 20—23 %, доля вторых росла до 54—58 %^{****}. Можно предположить, что к 1994 г. результаты противостояния в холодной войне отразились на восприятии прошлого, и место главного победителя во Второй мировой войне заняли Соединенные Штаты.

Вопросы об отношении к различным событиям и деятелям советского периода задавались в исследовании Евразийского мониторинга в 14 странах постсоветского пространства. Опрос проводился в 2009 г., спустя год после военного противостояния России и Грузии. Его последствия можно видеть в том, как изменились взгляды на советское прошлое жителей Грузии. Позиции изменились радикально, и Грузия по своим

^{*} URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world/> (дата обращения: 20.03.2016).

^{**} URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world/> (дата обращения: 20.03.2016).

^{***} URL: <https://www.les-crisis.fr/la-fabrique-du-cretin-defaite-nazis/> (дата обращения: 20.03.2016).

^{****} URL: http://www.ifop.com/?option=com_publication&type=poll&id=3025 (дата обращения: 20.03.2016).

оценкам, например, революции 1917 г. или победы СССР в Великой Отечественной войне оказалась предельно близка к Балтийским республикам, чего ранее не наблюдалось*.

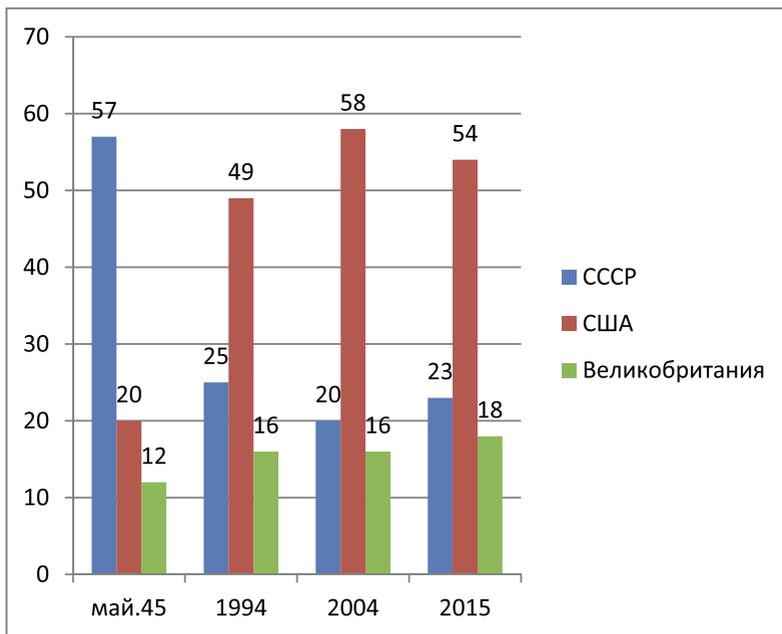

Рисунок 3. Отношение населения Франции к вопросу «Какая страна, по Вашему мнению, сыграла наибольшую роль в победе над Германией в 1945 г.?»

Источник: IFOP, опросы 1945–2015 гг.; URL: http://www.ifop.com/?option=com_publication&type=poll&id=3025 (дата обращения – 20.03.2016).

Может ли в будущем измениться то, как видят Россию? Ответ на этот вопрос можно предложить исходя из данных опросов населения США, Японии и Германии. Эти страны были противниками во Второй мировой войне, в глазах друг друга выглядели недружественными державами, а в отношении их граждан друг к другу отрицательные оценки абсолютно доминировали. Однако к 2015 г., по данным Pew Research Center, более двух третей жителей США считали, что Японии можно доверять, причем данная позиция доминировала во всех социальных группах**. В то же время 68% американцев,

* URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-155.html> (дата обращения 20.03.2016).

** URL: <http://www.pewglobal.org/2015/04/07/americans-japanese-mutual-respect-70-years-after-the-end-of-wwii/> (дата обращения: 20.03.2016).

по данным компании IPSOS, в 2005 г. считали, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки были неизбежными, для быстрого завершения войны (рис. 4), а 80 % полагали, что эти бомбардировки спасли жизни американцев, приблизив окончание войны*.

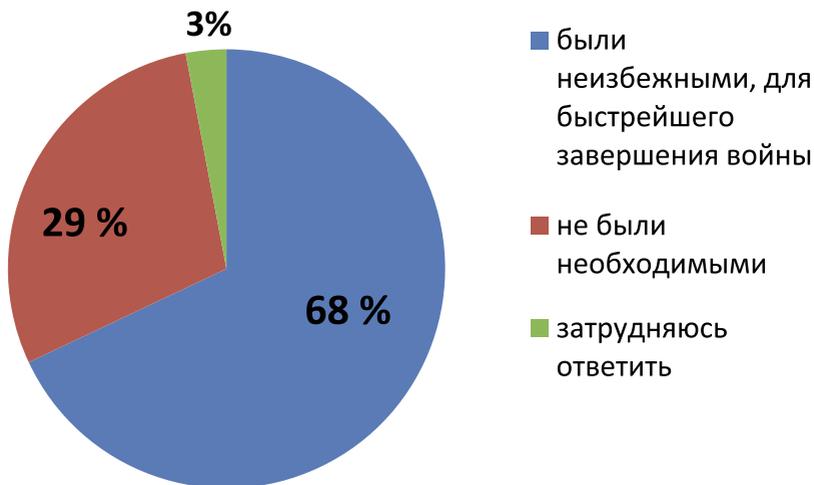

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Соединенные Штаты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки в 1945 г. Как Вы считаете, бомбардировки...».

Источник: IPSOS, опрос в США (N = 1000), 2005 г.**

Очевидно, что взгляды на эти бомбардировки в США и Японии не совпадают. И подтверждают это данные компании Pew Research Center, которая провела опрос в США и Японии. Так, в 2015 г. оправданными атомные бомбардировки японских городов считали 56% в США и только 14% в Японии. Неоправданными — соответственно 34 и 79%***. Хотя в настоящее время жители двух стран считают Японию и США дружественными государствами, но последствия прошлого противостояния продолжают сказываться. Косвенным свидетельством этого могут быть ответы на вопросы о личных характеристиках (табл. 2). Мы видим, что американцы приписывают японцам разнообразные положительные качества значительно чаще, чем японцы американцам.

* URL: http://surveys.ap.org/data/Ipsos/national/2005/2005—07—11%20AP%20_World%20War%20II_%20otopline%20results.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

** Там же.

*** URL: <http://www.pewglobal.org/2015/04/07/americans-japanese-mutual-respect-70-years-after-the-end-of-wwii/> (дата обращения: 20.03.2016).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопросы о личных характеристиках японцев и американцев, %**

Какие характеристики у вас ассоциируются с...	Американцы считают японцев, %	Японцы считают американцев, %
Трудолюбивые	94	25
Изобретательные	75	67
Честные	71	37
Нетерпимые	36	29
Агрессивные	31	50
Эгоистичные	19	47

Источник: Pew Research Center, 2015 г. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/04/07/americans-japanese-mutual-respect-70-years-after-the-end-of-wwii/> (дата обращения — 20.03.2016).

Во взаимоотношениях США с Германией наблюдается еще большее доверие и взаимно высокие оценки дружественности в обеих странах, хотя в США сохраняется память о Холокосте. Более того, ассоциации Второй мировой войны и Германии с Холокостом заметно сильнее в поколении младше 35 лет (т. е. социализировавшихся после холодной войны), чем в старших поколениях. В этом поколении соблюдение прав человека ценится особенно высоко, что может иллюстрировать концепцию Р. Инглхарта о росте значимости постматериалистических ценностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что преобладание негативного отношения к России над позитивным (наблюдаемое сегодня во многих странах по данным кросс-национальных исследований) может радикально измениться в будущем. Хотя память о событиях, происходивших в 2010-х гг., будет только одним из факторов, определяющих видение России, роль этого фактора может оказаться значительно меньшей, чем отношения, которые будут складываться впоследствии.

Информация об авторе

Мацкевич Мария Георгиевна, к. с. н., старший научный сотрудник Социологического института РАН, Санкт-Петербург, Россия, mmatskevich@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ БАРЕНЦ-РЕГИОНА ОБ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

И. А. Милюкова

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Республика Карелия, Россия*

Аннотация. В основу доклада положены результаты социологического опроса, проведенного в 2014 г. социологической лабораторией Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета среди учащейся и работающей молодежи в пяти российских городах Баренц-региона: в Архангельске, Мурманске, Петрозаводске (Республика Карелия), Сыктывкаре (Республика Коми) и Нарьян-Маре (Ненецкий автономный округ). В общей сложности было опрошено 3123 молодых человека в возрасте от 14 до 30 лет.

Инициатором и заказчиком данного проекта выступил Центр Европейского союза (ЕС) в Баренц-регионе России, созданный на основе Информационного центра ЕС ПетрГУв декабре 2011 г. Объектом исследования была определена молодежь, так как именно молодежные возрастные группы являются приоритетными целевыми аудиториями Центра ЕС в Баренц-регионе. Основной целью эмпирического исследования было выявление доминирующих представлений молодежи региона о ЕС и отношения к нему.

Ключевые слова: Баренц-регион, молодежь, Европейский Союз

В соответствии с поставленной целью были определены программные вопросы исследования:

1. Из каких источников молодежь получает информацию о ЕС?
2. Как можно оценить уровень знаний и информированности молодежи о составе и структуре ЕС, его целях и внутренней системе управления?
3. Каковы представления молодежи о возможных преимуществах вступления в ЕС и трудностях, с которыми сталкивается ЕС внутри объединения сегодня?
4. Как относится молодежь к гипотетически возможному вступлению России в ЕС?
5. Как оценивает молодежь нынешнее состояние отношений России и ЕС и как видит перспективы их сотрудничества?
6. Насколько среди молодежи распространены установки на получение образования и/или работы в странах ЕС? на переезд из России за рубеж на постоянное место жительства?

7. Каковы основные социальные факторы, влияющие на уровень информированности молодежи о ЕС и на отношение к нему?

Выборочная совокупность формировалась как двухступенчатая. На первом этапе отбора были определены основные группы молодежи по ведущему роду деятельности (старшеклассники, студенты и работающая молодежь), которые в выборке должны были быть представлены более ли менее равномерно, чтобы их можно было сравнивать. На втором этапе использовался метод целенаправленного отбора. Исследовательская группа посчитала данный метод наиболее адекватным целям исследования, т. к. оценивать уровень информированности и осведомленности целесообразнее всего у наиболее образованной части молодежи. Именно поэтому для опроса среди работающей молодежи отбирались те, кто имел уровень образования не ниже высшего или среднего профессионального, среди студентов — студенты старших курсов очной формы обучения, среди школьников — старшеклассники лицеев, гимназий и профильных классов общеобразовательных учреждений. При этом контролировалось также и пропорциональное представительство молодежи по признаку пола. В итоговой выборочной совокупности юноши составили 43%, девушки — 57%.

Как показали результаты опроса, большая часть опрошенной в ходе исследования молодежи (80,7%) в той или иной степени интересуется событиями, происходящими в стране и за рубежом, поэтому можно предположить, что по большинству вопросов, которые изучаются в исследовании и нашли отражение в анкете, общественное мнение у них сформировано. Более того, треть из опрошенных (35,2%) уже имеют опыт зарубежных поездок, в том числе и в страны ЕС (27,7%). Среди школьников, например, почти половина (42,1%) имеет опыт таких поездок. Следовательно, отношение к ЕС у опрошенных нами молодых людей могло формироваться не только на основании стереотипов и установок, транслируемых в общество через средства массовой коммуникации, но и на основании собственного опыта или опыта ближайшего социального окружения.

Основными источниками информации о ЕС являются СМИ (67,3%) и информационные ресурсы Интернета (33%), для школьников также важным источником оказываются социальные сети (31%) и общение с родными и друзьями (17%). Официальные сайты ЕС оказываются на самом последнем месте среди источников.

Для оценки уровня информированности молодежи о ЕС в анкету были включены конкретные вопросы в тестовом формате (по истории создания и целях ЕС, составу и структуре управления) и разработан сводный индекс информированности (от 0 до 1). В результате оказалось, что уровень

информированности молодежи о ЕС нельзя назвать высоким: среднее значение индекса по всему массиву составило всего $M = 0,38$ [1]. Лишь 4 % опрошенных дали правильные ответы на все пять тестовых вопроса. Достаточно сказать, что 14,5 % респондентов отнесли Россию к членам ЕС (!). Интерес молодых людей к новостной информации о событиях в мире и личный опыт поездок в страны ЕС однозначно повышает индекс информированности.

В целом, результаты анкетирования показывают, что большинство российской молодежи Баренц региона в мае 2014 г. оценивали отношения России и ЕС как вполне удовлетворительные: по пятибалльной шкале оценки средний балл составил 3,25. Лишь каждый шестой (16,4 %) оценил их как «напряженные и конфликтные», в то время как 39 % в той или иной степени отнесли их к «партнерским». Наиболее критичной оказалась студенческая молодежь, она дала наибольшее количество самых низких оценок.

Гипотеза о том, что на оценку отношений России и ЕС положительно влияет личный опыт поездок респондентов в страны ЕС не нашло, в анализе статистического подтверждения. Вероятно, вопрос об отношениях двух стран — это не столько вопрос межличностного и повседневного взаимодействия, сколько сферы государственно-политического взаимодействия, а потому и мнения здесь формируются под влиянием не столько личностных и микросоциальных факторов, сколько массово-политических стереотипов и доминирующих в обществе социальных установок. Сегодня отношение россиян к ЕС очень сильно политизируется. Украинский кризис привел к концу 2014 г. просто к взрывному росту среди россиян негативных оценок отношений между Россией и ЕС, впрочем, сейчас ситуация хоть и медленно, но все-таки постепенно начинает возвращаться к лучшему [2].

На момент опроса (весна 2014 г.) довольно немногие из опрошенных молодых людей (16 %) видели какие-либо реальные угрозы для России со стороны ЕС, хотя первые санкции Запада уже начинали вводиться в действие. Еще меньше (10,8 %) смогли назвать в анкетах конкретные возможные угрозы.

Проведенный контент-анализ полученных ответов показал, что на первое место среди угроз со стороны ЕС молодые люди поставили экономические и политические санкции из-за позиции России по Украине и возможные последствия этих санкций. Об этих угрозах упомянул практически каждый второй из тех, кто указал в анкете конкретные угрозы. Из возможных последствий чаще всего отмечалась экономическая нестабильность России и падение курса рубля, политическая изоляция страны и ограничения визового режима. На втором месте среди возможных угроз по частоте упоминания оказалось нарастание политического

и военного противостояния ЕС и России, вплоть до возможных локальных вооруженных конфликтов. Здесь необходимо отметить, что значительная часть респондентов в своих ответах указывали на США как главного «подстрекателя» и «виновника» ухудшения отношений ЕС с Россией.

А вот единодушие по поводу перспектив сотрудничества России на ближайшие 10—15 лет с ЕС среди опрошенных молодых людей не наблюдается. Немногим более трети (35,7 %) настроены весьма оптимистично и надеются, что сотрудничество в ближайшее время будет развиваться и возрастать, в то время как каждый четвертый (24,8 %) уверен, что оно будет только снижаться. Остальные надеются, что взаимоотношения ЕС и России останутся пока на прежнем уровне. Сравнение полученных данных по социально-территориальному признаку свидетельствует о том, что больше всего оптимистов учится и работает в Петрозаводске (41 %) и Сыктывкаре (40 %), а пессимистов (или правильнее сказать — «реалистов») — в Нарьян-Маре (30 %).

Впрочем, даже осторожные и критические оценки перспектив развития межгосударственных отношений между Россией и странами ЕС нисколько не мешают современным молодым людям строить свои личные планы на учебу и работу на Западе. Практически 2/3 опрошенных девушек (61,2 %) и каждый второй юноша (56,4 %) ответили в анкете, что их очень интересует информация о возможностях обучения и/или работы за рубежом. Не удивительно, что среди них явно доминируют учащаяся молодежь — школьники (63 %) и студенты (57,4 %). Среди стран, куда хотели бы поехать наши респонденты на учебу или стажировку, доминируют именно европейские страны, входящие в ЕС. Абсолютным лидером по частоте упоминаний является Германия: 24,2 % опрошенных молодых людей назвали ее в числе предпочитаемых для учебы стран. На втором месте с относительно небольшим отрывом — Великобритания (22,3 %). И на третьем месте по частоте упоминаний находятся страны Северной Европы (Норвегия — 10 %, Финляндия — 8,5 %) и Франция (6,7 %). Больше всего желающих поучиться за рубежом в Петрозаводске и Архангельске.

Таким образом, в целом, отношение большинства российской молодежи Баренц-региона к ЕС можно назвать вполне спокойным и доброжелательным. Более того, страны ЕС для многих молодых людей по-прежнему остаются наиболее привлекательными, как для культурно-исторического и рекреационного туризма, так и для обучения и получения образования.

Список литературы

1. Куликовская О. Ю., Милюкова И. А., Терентьев К. Ю. и др. Европейский Союз глазами российской молодежи Баренц региона: результаты социологического опроса. Петрозаводск : ПетрГУ, 2014.

2. *Мониторинг* отношения россиян к другим странам : пресс-выпуск — 27.07.2015 [Электронный ресурс] / Левада-центр. Москва, сор. 2003—2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/07/29/monitoring-otnosheniya-rossiyan-k-drugim-stranam-iyul> (дата обращения: 23.10.2015).

Информация об авторе

Милюкова Ирина Александровна, к. филос. н., доцент кафедры социологии и социальной работы Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, miljukova_irina@mail.ru

ОБРАЗ СТРАНЫ И ОБРАЗ НАРОДА: РОССИЯНЕ О БЕЛАРУСИ И БЕЛОРУСАХ

В. Н. Муха

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Анализ восприятия образа Беларуси и образа белорусского народа россиянами позволяет прогнозировать развитие международной отношений, направления межкультурной коммуникации. Положительный образ страны как средство познания «Другого» и одновременно инструмент осознания себя, формирования собственной идентичности выполняет конструктивную роль, формируя доверия, предоставляя дополнительные возможности для развития двусторонних отношений. Как показало проведенное исследование в представлениях россиян в целом, преобладают положительные характеристики белорусского народа и государства.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, образ страны

Образ страны и образ народа — важные элементы оформления и функционирования коллективной идентичности. Образ страны выступает и как основа для построения взаимоотношений с мировым сообществом, и как важнейший элемент механизма формирования гражданской идентичности. Образ страны — это знаковая модель, опосредующая представления о национально-государственной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения [1]. В свою очередь, образ народа строится в процессе формирования идентичности с выделением «образа Другого»: «созданные той или иной культурой образы на самом деле утверждают собственную идентичность, чаще всего в противоположении «себя» «другим» [2]. Идентичность этнической группы, таким образом, может быть представлена как стереотипизированная в дискурсе о Другом, конструируемая вокруг различия между доминантным и Другим [3]. При помощи межгрупповой дифференциации происходит поддержание позитивной групповой идентичности. В свою очередь, изучение этнических образов позволяет понять особенности этносоциальных процессов, происходящих в данный момент в обществе. Соответственно, при исследовании вопросов формирования идентичности российского государства и идентичности россиян невозможно обойти вниманием образ ближайших стран-соседей и их граждан.

В рамках реализации проекта «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в союзе Беларуси

и России» (РГНФ, проект № 12—23—01000 а(м)) был проведен анкетный опрос населения Краснодарского края (выборочная совокупность 1200 человек), в анкете присутствовал блок вопросов, направленный на выявление отношение населения к Беларуси в целом, процессам интеграции России и Беларуси, определения содержательных характеристик образа страны и образа народа.

По мнению опрошенных, оба народа больше всего объединяет следующее: историческое прошлое (56%), схожие традиции и ценности (41%), черты характера (менталитет) 31%. При этом 6% опрошенных заявили, что россияне и белорусы ничего не объединяет, при этом данную точку зрения выразили преимущественно респонденты в возрасте от 18 до 29 лет.

Россияне в своем большинстве (55%) полностью поддерживают курс на сближение между двумя странами, 29% поддерживают интеграцию частично и только 4% граждан выступают против подобного сближения. Несмотря на то, что отношение к сближению двух государств в целом по выборке положительное, мнения респондентов разных возрастных групп несколько отличается: более благосклонное отношение демонстрируют респонденты старше 55 лет, более сдержанное отношение к сближению у молодежи (респондентов до 30 лет). Основанием такого сближения россияне считают, прежде всего: совпадение экономических интересов (69%), совпадение политических интересов (57%), взаимная поддержка на международной арене (57%), близость языка и культуры (49%).

Дальнейшие вопросы были направлены на непосредственное изучение стереотипных образов страны и народа. Для определения образа народа респондентам предлагался перечень качеств, черт характера среди которых необходимо было выделить те, которые в наибольшей степени присущи белорусам. Было установлено, что россияне характеризуют своих соседей как сплоченных (21%), коллективистов (18%), зависимых (18%), трудолюбивых (17%), отзывчивых (18%). В целом, создается позитивный образ группы, что следует объяснить общностью исторического прошлого, близостью народов на ментальном уровне, а также тесными родственными и дружескими контактами.

Для выявления содержательного наполнения образа страны был использован метод свободных ассоциаций: респонденты должны были вписать в бланк анкеты пять основных ассоциаций, возникающих при упоминании о Беларуси. Полученный список ассоциаций был разбит на следующие категории:

1) Характеристики самой страны: в общем массиве данные ассоциации составили 59%. В данной категории можно выделить такие подкатегории как:

а) природно-географические характеристики (Беловежская пуца, леса, реки, поля, просторы (бескрайние просторы), береза (березовые леса, белые березы), богатые ресурсы, зубры и др.) — 11 %;

б) политико-правовые характеристики (президент, А. Лукашенко, бацька, авторитаризм, власть (власть Лукашенко), отсутствие свободы, закон, порядок и др.) — 25 %;

в) экономические характеристики (безработица, бедность, товары хорошего качества, белорусская косметика, картошка, экономический союз, недорогие товары и др.) — 23 %.

2) Описательные характеристики белорусского народа: бедные люди, глупые, ленивые, хитрые, трудяги, добрые (дружелюбные), бесправный народ (бесправные люди), душевные, доверчивые, гостеприимные — 20 %.

3) Исторические события (Великая Отечественная война, распад СССР, партизанское движение, Хатынь, создание СНГ и др.) — 9 %.

4) Культурные особенности, традиции (богатый язык, одни традиции, ценности, одна вера, ансамбль «Сябры», группа «Верасы», «Славянский базар» и др.) — 5 %

5) Собственное мнение респондентов в отношении Беларуси и ее граждан (сестра России, Родина (родная земля), братья славяне, единые народы, общие взгляды и интересы, гостеприимная страна, «надо брать пример» и т. д. — 2 %.

Таким образом, анализ ассоциаций позволяет сделать вывод, что образ Беларуси в представлениях россиян формируется из природно-географических, политико-правовых, экономических характеристик и описательных характеристик представителей белорусского народа.

В контексте данного исследования интересно сравнить настолько внешний и внутренний образ Беларуси отличаются друг от друга. Обратимся к результатам исследования, проведенного сектором социальной психологии Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г. (республиканская репрезентативная выборка 1147 человек, руководитель проекта Л. И. Науменко) [4]. С помощью открытого вопроса: «Когда я слышу слово «Беларусь», я представляю...» выявлялась когнитивная составляющая образа Беларуси. Так было выявлено, что основная часть ассоциаций, связанна с образами природы — 41,8 %. Распространена и ассоциация, связанная с местоимением «свой» (своя страна, своя родина, свой дом) — 26,9 %. Ассоциации связанные в целом с государством и его символами (государство, сильное государство, стабильное, независимое, государственные символы — флаг, герб) в сумме составляют 15,2 %, тогда как ассоциаций, связанных с народом (белорусский народ, наших людей, качества людей) немного — 3,9 %. В целом, можно отметить, что внутренний образ Беларуси однороден и непротиворечив, доминантой выступает

образ природы, и политико-правовые, экономические характеристики и др. не так ярко выражены, тогда как во внешнем образ именно такие ассоциации преобладают.

Список литературы

1. Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Политические исследования. 2008. № 5.
2. Земсков В. Б. Образ России «на перелом» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) [Электронный ресурс] // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&bin_rubrik_pl_articles=238 (дата обращения: 11.02.2016).
3. Щербакова Д. И. Этнические стереотипы в русско-чеченских отношениях. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
4. Сосновская Н. А. Представления об образе современной Беларуси в общественном сознании населения страны // Социологический альманах. 2013. № 4.

Информация об авторе

Муха Виктория Николаевна, к. с. н., доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия, mukha@bk.ru

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ. К ВОПРОСУ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. МОСКВЕ)

Н. В. Немирова

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Вопросы социальной адаптации и социальной интеграции беженцев, учитывая современные геополитические процессы, становятся важнейшей темой изучения в современной социологической науке. По данным представителя Управления ООН по координации гуманитарных вопросов Дж. Гинга, на декабрь 2015 г. насчитывается более 1 млн человек покинувших территорию Украины. Основной поток беженцев с территории Украины приняла на себя Российская Федерация. В связи с этим по заказу уполномоченного по правам человека г. Москвы зимой 2014/2015 г. было проведено социологическое исследование социальной нагрузки беженцами г. Москвы. Методом исследования было выбрано глубинное интервью. В опросе приняли участие две группы респондентов: беженцы с территории Украины (под беженцами в данном случае понимаются группы лиц с различным миграционным статусом, а также лица без официального миграционного статуса, покинувшие территорию Украины из-за политической ситуации или в результате военных действий), эксперты из разных областей деятельности, которые прямо или косвенно определяют жизнь беженцев и вынужденных переселенцев на территории г. Москвы. Ground theory — методологическая основа НИР.

Ключевые слова: Украина, Россия, беженцы, интеграция, адаптация

Социальную адаптацию беженцев и вынужденных переселенцев нельзя рассматривать как итог или результат. Представляется, что это незавершенный, дискретный по времени процесс включения человека в новые формы, условия, отношения жизнедеятельности, неперемный компонент жизни человека, так как его жизненная среда (физическая, психическая, социальная, информационная) не бывает полностью стабильной, она всегда меняется и комбинируется [2]. Степень социальной адаптации беженцев определяется характером их связей на личностном и групповом уровнях с социальными институтами и группами, органами власти и управления, а также соотношением социальных и экономических показателей уровня жизни беженцев и местного населения,

сближением (совпадением) образов «Мы» и «Они», характеризующим идентификацию приезжих, взаимным усвоением вынужденными переселенцами и местным населением элементов культуры, социальных норм и ценностей.

Одной из гипотез исследования была идея о социокультурной идентичности (традиции, язык, религия, историческая общность и пр.) беженцев с Украины с местным населением. И данный аспект адаптации был для нас первоначально, не столь значим, так как принимающие участие в опросе респонденты идентифицировали себя русскими, как по этническому, так и по социокультурным характеристикам. Действительно беженцы вне зависимости от того являются ли они этническими русскими или этническими украинцами и т. п., определяли себя русскими, при этом они не ставили себя в один ряд с гражданами РФ. Это связано с отсутствием равных прав и свобод. Отсутствие миграционного статуса, российского гражданства лишало их возможности трудоустройства, жилья, медицинских и образовательных услуг. Используя «драматургический подход» Э. Гофмана можно сказать, что респонденты играют роль «русского», доказывая себе и местному населению (зрителю) возможность успешного воспроизведения данной социальной роли в случае достижения желаемого социального статуса — гражданства РФ. Основным инструментом/механизмом исполнения драматической роли становится знание языка. Знание языка опосредует и другой важный механизм самоидентификации, это мышление. Умение думать, как русский. Язык становится мощным символом демонстрации успешного исполнения роли, и, по мнению респондентов должен стать основным помощником в механизме социальной интеграции.

Если физиогномически местное население не идентифицирует украинских беженцев ввиду их схожести с собой, как только в силу вступает язык — «русский с украинским акцентом», это сразу же приводит к разделению на «свой» — «чужой». Поведение начинает функционировать на основании социальных стереотипов, и представления об украинцах и хохлах, самобытно описанных в российском фольклоре. Вообще отношение российских граждан к беженцам с Украины «одновременно безжалостно и сострадательно». Если перефразировать Ф. М. Достоевского, можно сказать, что «порознь ангелы Божьи, а вместе народ безжалостный». Безусловно, нельзя недооценить, и не упомянуть о массовом волонтерском движении, которое охватило Россию в 2014 г. Но все же, если опустить деятельность НКО, то отношение местного населения к беженцам менялось в зависимости от интенсивности освещения войны на Донбассе российскими СМИ. Чем активнее освещались военные действия, тем больше лиц было вовлечено в процесс сострадания

и соучастия, выражения одобрения действий российских властей и НКО помогающим беженцам. Но такой позитивный настрой, и идентификация «свои», продолжается пока беженцы находятся в позиции жертвы, они обездолены и живут в худшем положении, чем местное население. Как только, беженцы начинают получать преференции от государства или расширение прав и свобод, местное население переводит их в положение «чужие».

Причина проявления негативных реакций местных жителей связана, по мнению, беженцев, во-первых, с осознанием возможности будущей конкуренции на рынке труда и борьбы за социально-экономические ресурсы. На момент проведения исследования, беженцы ставят себя ниже русскоязычных граждан РФ, но выше трудовых мигрантов (вне зависимости от наличия у них официального гражданства РФ), не знающих русского языка и непонимающих общих социокультурных основ российского общества. Но с появлением правовых основ нахождения на территории РФ и получением российского гражданства положение беженцев сразу же, станет таким как у местного населения. Во-вторых, определение особой категории граждан РФ «москвичи», которое принципиально в их представлении отличается от всех граждан РФ. Их отличительными чертами является закрытость, снобизм, недружелюбное, часто агрессивное отношение к приезжим.

Россия для беженцев, это сильная страна, которая должна взять на себя обязанности по разрешению политического и военного конфликта на Украине. Россия как страна способна обеспечить лучший уровень жизни и возможности дальнейшего личностного развития, роста и благополучия. Несмотря на постоянно описываемую русскую ментальность и «русскость», своей Родиной они считают Украину. При этом беженцы не идентифицируют себя с украинцами. Понятие украинец употребляется только с точки зрения этничности, а не гражданственности. С точки зрения гражданства или политических взглядов, понятие «украинец» носит негативный контекст и заменяется выражениями: «укр», «наец», «они» и пр. Отождествление со своими идет лишь через наименование населенного пункта, например, «дончане», «дыбальцевцы», «леманчане» и пр. Такой критерий самоопределения связан с низким доверием в период гражданской войны, дезинтеграцией или даже полным отсутствием значимых социальных ориентиров, аномии в украинском обществе.

Подводя итог можно отметить, что беженцы с Украины, в период ведения гражданской войны, находятся в сложной ситуации самоидентификации, механизмами для которой служат, язык, способ мышления (мировоззрение, ментальность), и воспоминания о доме. В сегодняшних

условиях они вынуждены быть «чужими среди своих, и чужими среди чужих».

Список литературы

1. В Совете Безопасности ООН: жители востока Украины платят непомерную плату за конфликт [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25090#.VtRoffmLTIU> (дата обращения: 28.02.1016).
2. Прокушева Н. В. Социальная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в современном российском обществе : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2007.

Информация об авторе

Немирова Наталья Викторовна, к. с. н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, nnemirova@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ОТНОШЕНИЯ К ДРУГОМУ НЕСОЮЗНОМУ ГОСУДАРСТВУ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. В. Рудковская

МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Аннотация. Цель проведенного исследования — раскрытие влияния ценностных сходств и различий народов Польши и России при формировании общественного мнения. В качестве объекта исследования выступают граждане Польши и России, предмет исследования — сформировавшееся общественное мнение населения по вопросам отношения к полякам и россиянам.

Ключевые слова: общественное мнение, Россия, Польша

В условиях напряженных международных отношений между Российской Федерацией и западными странами вопрос международного сотрудничества и мирного существования ставится под угрозу. Взаимные санкции, обвинения, информационная война, замораживание взаимодействия и сотрудничества по научным вопросам, — все это несет не только экономические, но и социальные последствия, в частности увеличение числа мигрантов, обострение националистических настроений.

Другая проблема — лавина информации, обрушившейся на мировую общественность. С помощью интернет-технологий ежедневно распространяется огромное количество новостей и точек зрения. Политики каждой страны заинтересованы в том, чтобы медиа отражали именно проправительственную точку зрения. А так как большинство жители России и Восточной Европы все еще не полностью информационно образованы и подкованы, они по привычке доверяют любимым СМИ, попадая под их влияние.

Вышеперечисленные проблемы изменили межличностное восприятие между представителями разных стран. Например, Республика Польша, которая еще 30 лет назад считалась союзным государством, воспринимается россиянами холодно. А инцидент со сбитым Турцией российским военным самолетом перечеркнул не только туристический бизнес, но и изменил отношения Россиян к турецким гражданам и стране в целом*.

* РИА Новости: ВЦИОМ: Отношение большинства Россиян к Турции ухудшилось 07/12/2015. URL: <http://ria.ru/society/20151207/1337397626.html>.

Названные проблемы свидетельствуют о необходимости проведения комплексного социологического исследования, которое позволило бы оценить перспективы дальнейшего изменения националистических настроений, сравнить отечественные и зарубежные практики формирования общественного мнения, выявить роль медиа в формировании общественного мнения по международным вопросам.

Исследование включает несколько блоков, его предпосылкой стал мой переезд на один семестр в Варшаву. Там я и решила проводить включенное наблюдение и контент-анализ газет. Я находилась в Польше с сентября 2014 г. по февраль 2015 г. Аналогичная процедура включенного наблюдения была проведена в России. Качественное исследование позволило выполнить следующие задачи:

- выявить при межличностной коммуникации отношение поляков к россиянами россиян к полякам;
- сопоставить отношение к российским гражданам в публичных местах (в присутствии общественности) и в частной обстановке;
- определить культурные различия и сходства между народами;
- определить роль влияния исторического контекста, межличностного общения и влияния СМИ на формирование общественного мнения у поляков касательно россиян.

Второй этап исследования заключался в проведении количественного анализа базы данных Европейского социального исследования — ESS-2006, 2008, 2010, 2012. Основная задача на данном этапе — выявить ценностные индексы Республики Польши и Российской Федерации и сравнить их между собой.

На финальной стадии исследования обобщены данные, полученные в ходе предыдущих этапов исследования. По результатам исследования были сопоставлены данные полученные с помощью включенных интервью и наблюдения с данными анкетного вопроса граждан. Ценностные сходства, подтвержденные сопоставлением результатов различных анализов, покажут более четко механизм формирования общественного мнения, определяют роль ценностно-культурных ориентаций в формировании общественного мнения поляков и россиян по отношению друг к другу и к культуре.

Структурный подход дает возможность взглянуть на проблему российско-польских отношений с разных точек зрения. Позволяет сравнить не только отношение народа, выраженное через общественное мнение, но и факторы, повлиявшие на формирование этого отношения. Изучение ценностно-культурных индексов важно как при урегулировании международных отношений, так и при выходе отношений на новый уровень, что неизбежно в современном многополярном мире.

На сегодняшний день польско-российские отношения переживают тяжелый период. Дипломатический диалог приостановлен, отменены перекрестные годы, заморожено большинство совместных научных исследований и творческих работ. Только за первую неделю 2016 г. обе страны продемонстрировали непоколебимость своих намерений продолжать противостояние, перекалывая друг на друга вину в прекращении польско-российского диалога. Ситуация взаимной угрозы, воспринимаемая обеими сторонами как реальная, реальна своими последствиями. Стороны широко используют привлечение союзников, укрепляют безопасность и национальное единство. Например, в вопросе украинского кризиса Польша активно поддерживает жителей западной части страны, в то время как Россия настроена положительно к восточной стороне. Польша просит военной помощи у НАТО [2], российская сторона увеличивает военные расходы [3], а медиа вовсю стараются навязать российскому лидеру образ диктатора, в то время как в России польских политиков стараются изобразить в виде западных марионеток или попросту клоунами.

Полученные результаты количественного исследования можно подтвердить контент-анализом медиа-сообщений, в которых будет высказываться негативное отношение к другим странам, т. н. несоюзным государствам, именно через противопоставление культурных ценностей. Например, в относительно небогатых европейских странах ценности гедонизма (жизни в свое удовольствие) и универсализма (толерантному отношению) все еще не в почете, поэтому образ недружественной страны будут нагнетать картинки с огромным количеством темнокожих в общественном транспорте, кадры проявления однополрой любви, нелогичного на их взгляд воспитания детей.

3. Согласно сегодняшней политической обстановке, Республика Польша не является для нас союзным государством и стратегическим партнером, поэтому СМИ никак не подпитывают лояльность граждан, а наоборот, стараются разжечь противостояние. Очевидно, что даже там, где ценностных и культурных разногласий нет, их создадут искусственно, что и демонстрирует настоящее исследование.
4. Таким образом, только проведение комплексного анализа, состоящего из изучения истории, примеров межличностных коммуникации, контент-анализа масс-медиа, работы социальных институтов и политического контекста позволит действительно выяснить оборотную сторону спирали молчания населения и обличить его истинные культурные ценности.

Список литературы

1. РИА Новости: ВЦИОМ: Отношение большинства Россиян к Турции ухудшилось [Электронный ресурс]. 07/12/2015. URL: <http://ria.ru/society/20151207/1337397626.html>.
2. *Russia Today* «Польша разыгрывает российскую карту перед Западом, чтобы бесплатно получать оружие» [Электронный ресурс]. 2/10/2014. URL: russian.rt.com/article/52596.
3. *Ведомости* «Новая гонка вооружения» [Электронный ресурс]. 5/02/2014. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/02/05/novaya-gonka-vooruzhenij>.
4. База данных Европейского социального исследования за 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org>.

Информация об авторе

Рудковская Анастасия Владиславовна, студентка IV курса факультета журналистики отделения социологии массовых коммуникаций МГИМО МИД РФ, Москва, Россия, miss.rudkovskaja94@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ)

М. Г. Русанова

Аннотация. Одной из актуальных задач в понимании современной роли удовлетворенности трудом может стать сравнение определяющих ее факторов у занятого населения России, страны, находящейся в процессе формирования рыночной экономики, с государствами, в которых данная система хозяйствования сложилась уже давно, например, Германией.

Изначально удовлетворенность трудом приравнивалась к сатисфакции, получаемой работниками от размера их заработка и условий труда. Однако последующее погружение в данную область обнаружило несовершенство и догматичность данного подхода. Разработанная А. Маслоу иерархия потребностей послужила для многих ученых инструментом определения того, как индивид относится труду и насколько им удовлетворен. Ф. Херцбергу удалось доказать правомерность факта, что высокая заработная плата и соответствие условий труда ожиданиям работников не являются единственными катализаторами повышения удовлетворенности трудом.

Ключевые слова: Россия, Германия, труд, удовлетворенность

Собственно, мотиваторами, по Херцбергу, являются факторы, включающие достижения работника, признание его труда, саму работу, ее надежность, а также успех и продвижение. Все остальные, к которым относятся условия труда, политика, проводимая компанией, отношения между коллегами, начальством и подчиненными, заработная плата, выполняют гигиеническую функцию, способствуя лишь снижению неудовлетворенности.

Мы придаем большое значение вкладу в разработку проблемы удовлетворенности трудом Э. Локка, который в результате проведенных исследований обнаружил существование тесной связи между отношением индивида к жизни в целом, его эмоциональным состоянием и удовлетворенностью трудом.

Весьма актуальные для разработки проблемы удовлетворенности трудом изменения в подходах к определению феномена удовлетворенности трудом обнаружил В. А. Ядов. В зависимости от того, какой парадигмы в отношении работника с рабочим местом, трудовым коллективом, организации в целом придерживается исследователь, им были выделены

такие функции удовлетворенности трудом, как быть связываемыми преимущественно с: а) функциональным содержанием труда, б) психологическим климатом, в) адаптацией работника к производственной ситуации.

Суммируя рассмотренные выше подходы к определению анализируемого понятия, мы выделяем ее следующие формы проявления:

- отношения индивида к труду;
- адаптации человека к социальной реальности и производственной ситуации;
- когнитивного опыта и эмоционального состояния индивида, связанного с выполняемой им трудовой деятельностью;
- результата трудовой деятельности;
- характеристики трудовой вовлеченности и т. д.

Межстрановой уровень проблемы удовлетворенности трудом указывает, прежде всего, на скудный уровень представленности в них России.

Мы соглашаемся с позицией Г. Монусовой, которая отмечает, что отношение к труду изучалось у нас в основном социальными психологами и социологами. При этом российские исследования, как академические, так и отраслевые, базировались на данных отдельных предприятий и фокусировались преимущественно на оценках рабочих. Публикаций, в которых анализируется формирование удовлетворенности трудом в России в сопоставлении с другими европейскими странами, практически нет.

Считаем примечательным анализ Г. Монусовой данных ЕСИ (European Social Survey) за 2006 г. Было установлено, что в 2006 г. удовлетворенность трудом в странах Западной Европы в среднем заметно выше (7,3 балла), чем в государствах Центральной и Восточной Европы (6,7 балла). Самый же низкий уровень удовлетворенности трудом был зафиксирован в России (6, 4 балла).

Среди факторов, формирующих различия в удовлетворенности трудом между странами, Г. Монусова выделяет уровень образования, состояние здоровья, отраслевую и профессиональную принадлежности, уровень дохода, опыт безработицы, автономию в организации работы, содержание труда. Исследователь также подчеркивает наличие уникальных страновых влияний, но призывает не преувеличивать их значение.

В предлагаемом нами подходе в качестве теоретической базы используется мотивационно–гигиеническая модель Херцберга, состоящая из двух групп факторов, формирующих удовлетворенность трудом. Мы предполагаем, что для России в большей степени будут характерны гигиенические факторы.

Для вторичного анализа отобраны респонденты, работавшие на оплачиваемой работе за последние 7 дней на момент проведения Европейского Социального Исследования (European Social Survey) за 2010 г. [1].

В процессе анализа мы выделили 3 группы показателей, влияющих на удовлетворенность трудом России и Германии. К первой группе относятся объективные показатели, ко второй — оценочные, а к третьей — поведенческие показатели удовлетворенности трудом.

Среди объективных показателей, способствующих удовлетворенности трудом россиян, были выявлены условия найма, уровень образования, количество работников в организации, возможность быть руководителем.

Выявлено, что к оценочным показателям, стимулирующим удовлетворенность трудом в России, относятся объем выполняемой работы и интенсивность труда, уровень заработка, возможность совмещения трудовой деятельности с семейными обязанностями.

Что касается показателей поведенческих, фактор обеспокоенности работниками обязанностями во внерабочее время является способствующим удовлетворенности трудом российских работников.

К объективным показателям, влияющим на удовлетворенность трудом представителей Германии, относятся количество подчиненных, доля женщин в рабочем коллективе, возраст выхода на пенсию и продолжительность рабочей недели.

Среди оценочных показателей выделяется возможность легко найти новое рабочее место в случае потери настоящего.

Фактор обеспокоенности рабочими обязанностями во внерабочее время является поведенческим показателем и отрицательно влияет на удовлетворенность трудом в Германии.

Кроме того, мы выделили ряд показателей, в равной мере влияющих на удовлетворенность трудом как в России, так и в Германии. Из них стаж работы, проведение регулярных встреч с руководством компании, перспектива изменения размера заработка, а также продолжительности рабочего дня или недели относятся к объективным.

Среди оценочных показателей были обнаружены наличие хороших возможностей для обучения, проявление самостоятельности в принятии решении по организации работы или функционированию предприятия, присутствие разнообразия в выполняемой работе, возможность получения помощи и поддержки со стороны коллег, степень опасности труда, стабильность работы и отсутствие угрозы увольнения, соответствие объема работы и вознаграждения, соотношение времени, уделяемого труду и досугу, готовность к безвозмездному труду, наличие хороших возможностей для продвижения.

К поведенческим показателям, влияющим на удовлетворенность обеих стран, относятся частота появления чувства усталости в конце рабочего дня, наличие семейных обязанностей, а также отсутствие возможности из-за работы посвятить достаточное количество времени семье.

Таким образом, учитывая показатели удовлетворенности трудом, различающиеся для России и Германии, мы приходим к подтверждению выдвинутой ранее гипотезе о том, что для России в большей степени характерны факторы гигиенические (по Херцбергу).

Список литературы

1. *Официальный сайт European Social Survey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/>.*
2. *Темницкий А. Л.* Расширение функций и контекста современных исследований удовлетворенности трудом // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 139—148.
3. *Монусова Г. А.* Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 74—83.
4. *Магун В. С., Монусова Г. А.* Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред. Е. Г. Ясин. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014.
5. *Ильясов Ф. Н.* Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением) / под ред. В. Г. Андреевкова. Ашхабад : Ылым (Наука), 1988. 100 с.
6. *Ильясов Ф. Н.* О целесообразности и содержании исследований удовлетворенности трудом // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 130—138.
7. *Человек и его работа в СССР и после : учебное пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2003.*
8. *Hersberg F., Mausner B., Snyderman B.* The motivation to work. New-York Wiley, 1963.
9. *Locke E. A.* The Nature and Causes of Job Satisfaction. Handbook of Industrial and Organizational Psychology / ed. M. D. Dunnette. Chicago, IL : Rand McNally, 1976. P. 1297—1349.

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ СОХРАНЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ИРЛАНДИИ О ЗНАЧИМОСТИ ЗАКОНА (В СРАВНЕНИИ С РОССИЕЙ)

А. С. Супик

МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва, Россия

Аннотация. Тема отношения людей к закону, его соблюдению и подчинению решениям судебной власти всегда актуальна и интересна для изучения, в том числе и в современном обществе. Особенный интерес в связи с этим вызывают страны с развитыми протестными движениями. Одной из них является Ирландия, которая с давних времен славится своей склонностью к проведению манифестаций по самым разным вопросам, будь то права человека и отстаивание социальной справедливости или же проблемы, связанные с экономическим положением. С 2008 г., когда разразился финансово-экономический кризис в Европе, затронувший также Ирландию, началось движение против политики строгой экономии, которое получило особую популярность среди молодежи и стало активно в 2009—2010 гг. Исследование сконцентрировано именно на этом периоде.

Ключевые слова: Ирландия, Россия, закон, ценности

В качестве материала для исследования были взяты данные European Social Survey за 2010 г., содержащие информацию об установках и ценностях людей, а также их мнения на политическую, экономическую и социальную тематику.

Несмотря на неблагоприятный фон с точки зрения экономики, в 2010 г. не отмечается резкий скачок протестных настроений в Ирландии. Однако при сравнении с другими европейскими странами Ирландия уступает немногим из них по показателю участия в разрешенных демонстрациях за последние 12 месяцев.

Для оценки представлений ирландцев о значимости закона использовались четыре утверждения, согласие или несогласие с которыми выражали граждане:

1. Наказания за нарушения закона нужно серьезно ужесточить.
2. Долг каждого — подчиняться окончательному решению суда.
3. Все законы нужно неукоснительно соблюдать.
4. Иногда поступить порядочно означает нарушить закон.

Стоит сказать, что по сравнению с другими европейскими странами жители Ирландии не отличаются ярким конформизмом по отношению к закону и в целом занимают серединную позицию, скорее поддержи-

вая соблюдение законов, а особенно — ужесточение наказаний за их нарушение.

Мы задались вопросом, влияют ли ценности сохранения на представления ирландцев о значимости закона. Ценности сохранения включают в себя ценность безопасности, конформности и традиции. Они высчитываются по методике исследователя Ш. Шварца с использованием 21 вопроса, из которых затем и складываются 10 ценностных индексов.

Индекс ценности безопасности высчитывается по двум анкетным вопросам:

- Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности.
- Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан.
- Индекс ценности конформности включает в себя так же два вопроса:
 - Он убежден, что люди должны делать то, что им говорят. Он считает, что люди должны всегда следовать правилам, даже если никто за этим не следит.
 - Для него важно всегда вести себя правильно. Он старается не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить.
- Индекс ценности традиции строится на основе вопросов:
 - Для него очень важно быть простым и скромным. Он старается не привлекать к себе внимание.
 - Он ценит традиции. Он старается следовать религиозным и семейным обычаям.

Мы выдвинули гипотезу, что ценности безопасности, конформности и традиции положительно влияют на представление жителей Ирландии о значимости закона. Соответственно, мы изучали то, как они воздействуют на готовность беспрекословно подчиняться закону и решению суда; мнение о мерах наказания за нарушение закона; представление о том, что можно нарушить закон ради того, чтобы поступить порядочно.

1) Мы выяснили, что под влиянием ценностей сохранения увеличивается степень уважения к закону. Наибольшее влияние имеет ценность конформности как стремление сдерживать действия и побуждения, которые могут навредить другим и не соответствуют социальным ожиданиям. Соответственно, чем большее значение имеет ценность конформности, тем выше готовность неукоснительно соблюдать законы, а также подчиняться окончательному решению суда. Такая же тенденция отмечается и касательно ценностей безопасности и традиции, но их влияние менее значительно.

2) Мнение о том, что наказания за нарушение закона стоит ужесточить, характерно в первую очередь для людей, которые особенно ценят безопасность и стабильность в обществе. Это мнение является весьма распространенным в Ирландии, поскольку его поддерживают 72 % опрошенных респондентов. Люди, считающие, что суды часто ошибаются, и виновные оказываются на свободе, а также те, кто положительно оценивают работу судов, ратуют за ужесточение мер наказания. Получается, что ужесточение мер требуют как те, кто одобряет нынешнюю систему и просто хочет видеть ее в улучшенном варианте, так и те, кто обвиняет суды в совершении ошибок. При сравнении роли ценности безопасности в формировании мнения о необходимости ужесточить меры за преступления мы выяснили, что Ирландия занимает позицию ближе к верху списка.

3) Почти половина опрошенных ирландцев (48 %) считает, что для того, чтобы поступить порядочно, порой нужно преступить закон. Этих людей можно назвать нонконформистами, и они готовы переступить через правила и законы для того, чтобы остаться порядочными, не переступив через собственные моральные принципы. Также и ценность безопасности, и ценность традиции для них менее важны, чем для людей, не готовых нарушить закон ради порядочного поступка. Нонконформистский образ мыслей характерен для юных умов, а также скорее для мужчин, нежели для женщин, и для людей, не состоящих в официальном браке. Также 59 % тех, кто участвовал в разрешенных демонстрациях за последние 12 месяцев, разделяют такой образ мыслей.

Таким образом, можно сказать, что наша гипотеза подтверждается. Чем выше уровень значимости ценностей сохранения, тем больше степень уважения к закону и готовность подчиняться ему, даже в ущерб собственным моральным принципам. Стоит сказать, что в Ирландии в 2010 г. уровень значимости ценностей сохранения был не самым высоким в Европе, эта страна занимает скорее серединную позицию. Касательно ценности безопасности это может объясняться, в том числе, достаточно низким уровнем преступности в стране.

Как и Ирландия, Россия также с давних времен известна своим бунтарским духом, хотя у русских людей нет привычки выступать с манифестациями по любому, даже незначительному поводу (в отличие от ирландцев, которые регулярно озвучивают свое негативное отношение к какому-либо принятому закону). Если Ирландии характерно большое количество незначительных протестов, которые считаются обычным делом, то в России недовольство скорее скапливается и затем взрывается мощной демонстрацией, каждая из которых откладывается в памяти людей. Возможно, из-за этого и число участников разрешенных демонстраций за последние 12 месяцев в России ниже, чем в Ирландии, таким обра-

зом, она оказывается примерно в середине списка стран. Тем не менее сравнить эти две страны по степени уважения к закону и влиянию на его формирования ценностей сохранения достаточно интересно.

В России исследуемые связи оказываются менее значимыми. В Ирландии больший процент опрошенных ратует за ужесточение мер наказания за нарушение законов, а также больше людей готовы беспрекословно подчиняться окончательному решению суда. В то же время в России больше людей, неукоснительно соблюдающих законы и, что интересно, больший процент (56 %) тех, кто готов нарушить закон ради того, чтобы поступить порядочно. Ценность безопасности для жителей России имеет большее значение, чем для жителей Ирландии. Возможно, высокий уровень ценности безопасности является одним из факторов, влияющих на менее охотное участие россиян в каких-либо демонстрациях, поскольку часто их участников ожидают санкции. По двум другим ценностям у двух стран очень схожие позиции. При этом в России связь между возрастом и степенью значимости изучаемых трех ценностей сильнее, чем в Ирландии, т. е. чем старше человек, тем у него сильнее проявляются ценности безопасности, конформности и традиции, а также возрастает уровень уважения к закону и готовности его беспрекословно соблюдать.

Список литературы

1. *Официальный сайт European Social Survey* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org>.
2. *The Journal.ie*. Five years older and deeper in debt... So why don't the Irish protest more? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thejournal.ie/protests-ireland-why-1102930-Sep2013>.

Информация об авторе

Супик Алла Сергеевна, студентка IV курса факультета международной журналистики отделения социологии массовых коммуникаций МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия, alla.supik@gmail.com

ОТНОШЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С БАЗОВЫМИ ЦЕННОСТЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ)

Э. З. Хакимзянова

МГИМО, Москва, Россия

Аннотация. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что связь между принятием ценностей универсализма и отношением к демократии не универсальна. Так, в Испании — стране с наибольшим уровнем принятия ценностей универсализма, они (ценности) определяют стремление испанцев к равноправию всех людей, к тому, чтобы разница в доходах нивелировалась государством, чтобы к представителям разных рас относились одинаково, чтобы партии, выступающие против демократии, были запрещены. В России же — другие тенденции. Схожая с Испанией связь зафиксирована лишь в отношении ценностей универсализма и желании, чтобы государство участвовало в снижении экономической дифференциации населения. А вот относительно мигрантов, связь с универсализмом в России не зафиксирована. Что касается запрета партий, выступающих против демократии, в России и вовсе обратная связь с ценностями универсализма: чем они больше принимаются, тем больше люди склонны полагать, что функционировать должны любые партии, в том числе и выступающие против демократии.

Ключевые слова: демократия, ценности, Испания, Россия

Проблематика становления демократии в стране, ее расширения и воплощения в реальность, очень часто попадают в поле зрения исследователей, политиков. Существуют индексы развития демократии, по которым можно соотносить страны — и смотреть, где демократия развития в большей мере, а где — в меньшей. Однако, конечно, здесь есть много нюансов и спорных моментов по тому, как «замерять» демократию. К примеру, можно обратиться к индексу демократии, который составляется Economist Intelligence Unit (журнал «The Economist» [2]). Так, по рейтингу за 2010 г., лидером по индексу демократии является Норвегия. Испания занимала 18-е место (из 167), попадая в группу стран с «полной демократией». В историческом развитии точкой перехода Испании от принципа божественного происхождения королевской власти к демократическим основам является либеральная конституция 1812 г., принятая в Кадисе после победы над Наполеоном [1]. Безусловно, этот переход не мог быть реализован в одночасье, он длился до середины 1980-х гг. За этот продолжительный период в Испании происходили перевороты, революции,

гражданские войны и даже была диктатура (франкистская). Считается, что именно сейчас в стране реализован и функционирует легитимный режим представительной демократии. В стране до сих пор существует монархия, но монарх играет в управлении страной меньшую роль, чем его предшественники, он лишь следует выбору народа.

В своей исследовательской работе мы задались вопросом отношения к демократии среди испанцев — во взаимосвязи с их базовыми ценностями. В нашей работе в качестве эмпирической базы мы опирались на исследование European Social Survey [3] (волна 2010 г.). Для анализа во взаимосвязи с базовыми ценностями мы опирались на методику Шварца [4].

Среди испанцев широко распространена ценность универсализма (понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы). Поэтому в данной работе мы и посмотрим, как она соотносится с восприятием демократии среди испанцев. Ценность универсализма, стремление к тому, чтобы все люди были равны, чтобы со всеми обращались одинаково — все это задает специфику отношения к демократии, потому что демократия — это именно такой политический режим, при котором все его участники равны. Соответственно и вопросы для анализа были отобраны исходя из того, что ключевой темой было мнение респондентов относительно равноправия всех, что является базой для демократии; а также непосредственно отношение к политическим партиям, которые выступают против демократии:

- Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми.
- Следует позволить людям другой расы или национальности, что и большинство населения страны, переезжать жить в нашу страну?
- Политические партии, которые выступают против демократии, должны быть запрещены.

Мы зафиксировали, чем выше ценность универсализма, тем выше согласие с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми. Данная связь доход–универсализм является универсальной. Испания здесь (по силе этой связи) занимает далеко не первое место. Этот вывод вывел нас на новую гипотезу. Поскольку, возможно, что за ценностью безопасности и поддержкой равенства стоят одни группы людей (менее обеспеченные и слабонересурсные), а за ценностью универсализма и поддержкой равенства — другие (более обеспеченные и сильно ресурсные). Мы проверили связи через разделение всех респондентов на менее обеспеченных и на более обеспеченных, т. е. в качестве ресурса выступали деньги. Мы зафиксировали подтверждение лишь тому, что среди более

обеспеченных есть связь между универсализмом и поддержкой равенства. Затем мы проверили через связь с субъективной оценкой своего материального положения. Мы увидели связь среди тех, кому хватает дохода, между универсализмом и поддержкой равенства, а среди тех, кому трудно жить на доход: между безопасностью и поддержкой равенства. Итак, далее мы вышли на выявление значимой связи (на уровне 0,01) о том, что среди более обеспеченных сильная связь между универсализмом и поддержкой равенства, а среди менее обеспеченных между безопасностью и поддержкой равенства. Среди менее обеспеченных есть связь и между универсализмом и поддержкой, но менее сильная и значима она уже на уровне 0,05, а не на уровне 0,01. Таким образом, в Испании за ценностью безопасности и поддержкой равенства стоят одни группы людей (менее обеспеченные), а за ценностью универсализма и поддержкой равенства — другие (более обеспеченные).

Мы выявили, что чем выше ценностный индекс универсализма среди испанцев, тем больше их согласие с тем, что следует позволить людям другой расы или национальности, что и большинство населения страны, переезжать жить в их страну. По результатам корреляционного анализа увидели наличие статистически значимой связи. Схожая связь наблюдается в 12 странах. В Испании она не самая сильная.

По третьей зависимой переменной мы также увидели наличие связи: чем выше ценностный индекс универсализма, тем больше согласие респондентов с тем, что следует запретить партии, которые выступают против демократии. Эта связь не является универсальной: она есть в 4 странах. В Испании — одна из самых сильных. Сильнее лишь в Германии.

Итак, в качестве обобщающего вывода по Испании можно говорить о том, что мы выявили значимые для Испании — и в целом универсальные — связи: чем выше значимость ценности универсализма, тем выше степень согласия испанцев, во-первых, с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми, во-вторых, с тем, что следует позволить людям другой расы или национальности, что и большинство населения страны, переезжать жить в их страну. Кроме того, мы обнаружили специфическую для Испании связь между тем, что чем выше ценностный индекс универсализма, тем больше согласие респондентов с тем, что следует запретить партии, которые выступают против демократии. Также дополнительно мы подтвердили гипотезу о том, что за ценностью безопасности и поддержкой равенства стоят одни группы людей (менее обеспеченные и слаборесурсные), а за ценностью универсализма и поддержкой равенства — другие (более обеспеченные и сильно ресурсные).

Сравнение с Россией — как страной с одним из минимальных уровней принятия ценностей универсализма — привело нас к следующим заключениям.

По индексу демократии по версии «The Economist» за 2010 г. Россия заняла 107-е место (группа стран с «гибридным», «переходным» режимом, между демократией и авторитаризмом). Относительно связи между ценностями универсализма и согласием с тем, что правительство должно уравнивать доходы людей — в России она более сильная, чем в Испании. Россияне, как выяснилось, в целом более склонны, чем испанцы, «перекладывать» на государство функцию уравнивания доходов населения. Вероятно, это может быть связано с тем, что в России более ощутимо расслоение населения по доходам, или же связано с менталитетом, с патерналистскими настроениями.

А вот связи между универсализмом и позитивным настроем относительно мигрантов в России, в отличие от Испании, не зафиксировано. В целом среди россиян в меньшей степени распространено позитивное отношение к приезду мигрантов, чем среди испанцев,

Что касается обнаруженной в Испании связи между ценностями универсализма и согласием с тем, что следует запретить партии, которые выступают против демократии (которая в принципе наблюдается всего в 4 странах), то в России мы увидели прямо противоположное: чем выше уровень универсализма, тем меньше согласие с этим. Вероятно, объяснение кроется в том, что ценность универсализма, подразумевающая равноправие, обуславливает стремление к принятию того факта, что существуют разные мнения, разные политические силы и движения, и нельзя принудительно, директивно, их запретить. Россияне в этом отношении оказались самыми «лояльными» среди всех опрошенных европейских народов: они в самой большой степени не согласны с тем, что следует запретить партии, которые выступают против демократии. А вот испанцы оказались одними из самых категоричных, уверенных, что следует запретить партии, которые выступают против демократии (примерно на одном уровне с киприотами).

Список литературы

1. *Современная Испания* : реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Западной Европы и Америки. М., 2003.
2. *Democracy index 2010* [Электронный ресурс]. URL: http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf (дата обращения: 20.02.2016).
3. *European Social Survey* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 20.02.2016).

4. *Schwartz S. H.* Universals in the structure and content of values : Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // M. P. Zanna (ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Orlando, FL : Academic. Vol. 25, 1992. P. 1—65.

Информация об авторе

Хакимзянова Элина Зуфаровна, студентка IV курса МГИМО, факультет международной журналистики, отделение социологии массовых коммуникаций, Москва, Россия, hakelina@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ: ОБРАЗ ЕС В РОССИИ СЕГОДНЯ

**Е. Б. Шестопап, В. А. Губченко, Ш. З. Джамалудинов,
К. Б. Джгамадзе, А. И. Рогозарь, И. А. Тумысов**

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Качественно-количественное исследование, проведенное кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ в сентябре-декабре 2015 г., сфокусировано на том, каким предстает Евросоюз в сознании российских граждан в момент обострения отношений нашей страны с этой организацией. Для этого ими была использована политико-психологическая методология, позволяющая выявить не только рациональный, но и неосознаваемый пласты образа ЕС. Авторы приводят данные, дающие ответы на вопросы: считают ли респонденты ЕС партнером, врагом или другом России? Насколько эта организация воспринимается ими как сильный и эффективный игрок на международной арене? Стоит ли нам строить отношения с Евросоюзом как с единой организацией, или нам выгоднее иметь дело с отдельными странами? Как россияне оценивают санкции, введенные Евросоюзом в отношении России?

Ключевые слова: международная политика, восприятие, ЕС, Россия

Характеристика исследования.

Методология, использованная нами в изучении образов ЕС, включала опрос рядовых граждан, особенностью которого были большое число открытых вопросов и метод проективного теста «Рисунок ЕС». Методы были направлены на то, чтобы выявить не только рациональные, но и бессознательные аспекты образов власти.

Выборка включала 264 российских респондента в Москве. Проективные тесты собраны у 243 человек. Выборка не была репрезентативна, но она была сбалансирована по полу возрасту и образованию.

Исследование **образа ЕС у российских граждан** показало, прежде всего, значимость **политического контекста** восприятия. Речь идет в первую очередь о событийном контексте, включающем решения ЕС о санкциях и других недружественных действиях в адрес РФ. Очевидно, что взрывной рост негативизма был вызван конкретными действиями ЕС в отношении России. Кроме того, следует упомянуть и важные события на Украине, на Ближнем Востоке, в Европе, которые создали фон восприятия.

Не менее значимым был и *внутриполитический* контекст восприятия. Консолидация общества вокруг президента Путина после присоединения Крыма, связанная с событиями на Украине, участием России в боевых действиях в Сирии, интенсивные переговоры по ряду важных внешнеполитических вопросов, неизбежно ставят внешнеполитическую повестку дня в центр грядущих предвыборных кампаний 2016 и 2018 гг.

В этой ситуации устойчивые традиции политической культуры (близость культурных традиций, уважение к европейскому наследию союзнические отношения в прошлом), которые еще год назад определяли позитивные чувства российских граждан к ЕС, оказались отодвинутыми ощущением ненадежности ЕС как партнера, даже его «предательством» под давлением США.

В образе ЕС имеется довольно высокая степень совпадения рациональных и неосознаваемых его компонентов. Однако есть и существенные расхождений. Так, привлекательность в образе выше на бессознательном уровне, а активность — напротив, на рациональном. Наиболее важным результатом стало то, что по параметру *силы* более половины опрошенных считают ЕС сильным союзом на рациональном уровне, тогда, как на бессознательном уровне образ воспринимается как сильный вдвое меньшим числом респондентов. При этом они отмечают, что ЕС постепенно ослабевает под воздействием США, и он все чаще воспринимается чаще, как «*декоративный союз*», который зависит от политических предпочтений заокеанского партнера. В образе присутствуют признаки старения (табл. 1).

Таблица 1. **Восприятие образа ЕС на рациональном и бессознательном уровнях**

Параметры	Рациональный уровень, %	Бессознательный уровень, %
<i>Когнитивные компоненты образа</i>		
Когнитивно простые	88,5	68,7
Когнитивно сложные	11,5	31,3
<i>Эмоциональные компоненты</i>		
Позитивные	35,1	39,5
негативные	18,7	21,8
нейтральные	46,2	38,7

Такое расхождение между рациональными мнениями и неосознаваемыми ощущениями респондентов в отношении ЕС связано как с противоречивостью его политики, так и, в не меньшей мере, — с несформированностью его образа в России. В таких случаях более значимо для прогноза

не столько то, что респонденты говорят в ответах на открытые вопросы анкеты, сколько их чувства на неосознаваемом уровне.

В целом, на рациональном уровне Евросоюз воспринимается, как скорее привлекательный и сильный, хотя и постепенно слабеющий политический объект, который ранее обладал большим политическим влиянием и был активным участником международных отношений. При этом, активность в образе ЕС чрезвычайно низка. На бессознательном уровне ЕС видится, прежде всего, как экономический союз, основанный на мощи финансовых институтов. В этом образе практически отсутствует военная мощь, промышленность и сельское хозяйство. Лишь 13% опрошенных находят в образе признаки агрессивности.

Рисуночный тест показал, что на бессознательном уровне опрошенные видят не столько Евросоюз, сколько отдельные европейские государства. Еврочиновники в их глазах выглядят безликими и малоразличимыми, в то время, как лидеры стран — узнаваемы и активны. В целом Европа воспринимается куда лучше, чем ЕС.

Большинство считают ЕС партнером. Однако в ЕС как партнере, многие респонденты разочарованы и называют его ненадежным и неверным. Примерно четверть видят в нем врага, и только незначительное число рассматривают его как друга. Естественно, на таком критичном восприятии сказывается влияние контекста. При этом опрошенные не видят альтернативы отношениям добрососедства и партнерства. Более того большинство из них себя ощущают частью Европы.

Исследование показало, что российские мужчины в большей степени, чем женщины склонны к негативным оценкам и даже жесткой критике. Женщины настроены нейтрально. Образы Евросоюза у представителей всех трех поколений схожи по большинству параметров. Тем не менее, российская молодежь проявляет более позитивное отношение к ЕС, чем граждане среднего и старшего возраста.

Наиболее любопытными оказались отличия между теми, кто имел личный опыт посещения ЕС и теми, кто основывает свое восприятие на информации СМИ. Вопреки нашим предположениям более позитивным оказалось отношение к ЕС у тех, кто там ни разу не бывал, т. е. их позитивные стереотипы оказались весьма устойчивыми. Однако высокая привлекательность образа ЕС не мешает им относиться к нему с настороженностью и недоверием, чаще видеть угрозу безопасности России с его стороны, чем остальные.

Коммуникативные факторы, как показало наше исследование, влияют на образ ЕС в сознании российских граждан. Однако, это влияние не является доминирующим в формировании образа ЕС и, как и иные факторы, дает гражданам достаточно амбивалентную картину. Усилия

нашей внутренней пропаганды оказались не слишком эффективными. Образ Евросоюза в массовом сознании намного более позитивен, чем в пропагандистских сообщениях.

Информация об авторах

Шестопал Елена Борисовна, д-р философ. н., профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, shestop0505@rambler.ru

Губченко Владимир Анатольевич, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, vladgubchen@gmail.com

Джамалудинов Шамиль Зубаирович, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, dzhamaludinov.s.z@gmail.com

Джгамадзе Кристина Бадровна, аспирантка кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, di-an-a@yandex.ru

Рогозарь Анна Ивановна, аспирантка кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, anna_rogozar@mail.ru

Тумысов Илья Александрович, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, tumysov@gmail.com

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УКРАИНЫ

Г. И. Щерба

Львовский национальный университет им. Ивана Франко, Львов, Украина

Аннотация. Региональное развитие в Украине во многом связано с интенсификацией трансграничного сотрудничества. Большинство областей страны граничат с другими государствами, в том числе странами ЕС. Европейская интеграция позволила бы не только улучшить ситуацию с внешне-экономическими связями, привлечь иностранные инвестиции, но и воспринять европейский опыт ведения бизнеса, этические принципы и стандарты построения гражданского общества.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, Украина, развитие регионов, глобализация

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF CROSS-BORDER REGIONAL COOPERATION OF UKRAINE

G. I. Shcherba

Ivan Franko National University of Lvov, Lvov, Ukraine

Abstract. The problems of regional development in Ukraine today is increasingly associated with the intensification of cross-border cooperation. The majority of Ukrainian regions bordering with the border regions of other countries, that making cross-border cooperation by effective lever for regional development of our state under globalization. This primarily refers to those administrative units, whose area is tangent to the outer border of Ukraine with the EU, since in terms of European integration thanks to cross-border cooperation in these regions are improving not only the indicators of foreign trade in goods and services, but there is growth not only in attracting of foreign investment, but in the adaptation of European experience in business, management technologies, business ethics, social culture and standards of the formation of civil society.

Key words: cross-border cooperation, Ukraine, regional development, globalization

For Ukraine the study of the problems of cross-border regions development, formed with the participation of border territories of the states that are

members of EU, in particular, with activation of foreign economic activity, is an important factor in the adaptation of best practices and modern mechanisms of international regional integration.

Enhancing of external economic relations of Ukrainian regions with the regions that are partners from the EU in the context of cross-border cooperation development has a significant positive impacts as for these regions such as for the whole Ukraine. However, intensification of foreign economic relations within the cross-border regions with new opportunities bring new risks for increasing the asymmetry of levels of socio-economic development of the adjacent territories of neighboring countries due to faster growth rates in states that are the new EU members of the European Union, compared with Ukraine.

In order to use the potential of the neighborhood within the cross-border regions, that formed at the border of Ukraine with the EU, and also for neutralization of the possible negative impact of the existing differences in living standards on both sides of the border, there is a need to identify the most effective means of solving the development problems of border and transport infrastructure; protection of common areas of borders; facilitation of border crossing procedures; protection from organized crime and combat with it; development of economic relations and increasing of competitiveness of the territory; environment and health security; development of cultural ties on both sides of the border.

Nowadays, cross-border cooperation between Ukraine and the European Union becomes relevant and important because it plays a significant role in solving the problems of border areas, contributes to the acceleration of economic productivity, social and cultural changes that are essential in establishing good relationships between countries.

A major role in the development of modern cross-border, Euro-regional cooperation should play regional governments, municipalities and administrative units of these countries.

The current development of European integration requires to find new priorities for the development of cross-border cooperation between Ukraine and its neighbors, especially when European Union went east. Moreover, geopolitical changes, particularly in Central and Eastern Europe following the EU enlargement to the east, also require the inter-regional relations formation.

The geopolitical status of cross-border cooperation between Ukraine and Central European countries rose to a higher level. Ukraine can address the problem of strengthening inter-regional relations more effectively not only with each of the Central European countries but also directly with Brussels and Strasbourg.

In its turn, Ukraine can coordinate and carry out joint actions with each state — western neighbor in the EU to obtain financial assistance in the implementation of joint cross-border projects. In spite of better funding from the EU, problems of cross-border cooperation remain the same. Only changes in public policy and management stereotypes of all partners can solve these problems.

Integration of neighbor countries to the EU, NATO and the Shengen area increases the differences between Ukraine and these countries. Indicators of economic and social development are becoming more and more different as well as the level of investment in the border infrastructure. The Ukrainian Law «On cross-border cooperation» [1] doesn't solve the problems associated with the creation of an effective system of cross-border cooperation in the new environment.

Growing disparities as well as the opportunities to raise funds for regional development stimulate the search for appropriate solutions. Therefore, the focus should be on the «concerted actions» of local communities on both sides of the border, working on common goals and interests, and based on the real possibilities of each party [2]. From this perspective, the top priorities should become:

- coordinated development of cross-border networks;
- cross-border tourism;
- scientific, educational and Cultural activities.

After exploring the theoretical principles, forms and legal regulation of cross-border cooperation between Ukraine and the EU, we can conclude that despite all the challenges and unsolved problems, the best source for the mechanisms of cross-border cooperation with EU are European regions [3, 4].

Implementation of the above will consider the trends of cross-border cooperation of Ukraine and EU. This will give the possibility to Ukraine actively participate in the cooperation. Otherwise, Ukraine as a member of cross-border cooperation will play a passive role and lose a significant share of the positive potential of this process.

Bibliography

1. *Supreme Council of Ukraine. Law of Ukraine «On cross-border cooperation»*. Adopted June 24, 1861-IV [Electronic resource]. 2004. URL: <http://www.rada.gov.ua>.
2. *Mikula N., Tolkovanov V. Cross-border cooperation (Manual)* [Electronic resource]. 2012. Retrieved from http://www.slg-coe.org.ua/wp-content/uploads/2012/10/Book_Trnskordonne_final_14-Aprill-11.pdf.
3. *Shcherba H. I. The role of European regions and cross-border cooperation in the functioning of social space in Europe* // Ukrainian Society. 2008. Vol. 3(26).

4. *Shcherba H. I.* Cross-border cooperation in the context of European integration course of Ukraine in term of crisis. In [Odesa National University Herald. Series: Sociology and Political Sciences] [Electronic resource]. Vol. 18.2(3) (pp. 53—60). 2013. URL: [http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vonu_sip_2013_18_2\(3\)_9.pdf](http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vonu_sip_2013_18_2(3)_9.pdf).

Information about the author

Shcherba Galina Ivanovna, Ph.D., Associate Professor of the Ivan Franko National University of Lvov, Lvov, Ukraine, gshcherba@ukr.net

Информация об авторе

Щерба Галина Ивановна, к. филос. н., доцент Львовского национального университета им. Ивана Франко, Львов, Украина, gshcherba@ukr.net

16. Вызов Big Data. Регистрация поведения vs опросные декларации

BIG DATA: НА БЕЗРЫБЬЕ И РАК — РЫБА

О. Б. Божков

Социологический институт РАН, Москва, Россия

Аннотация. Когда нет денег на нормальное исследование, каждый ищет, как только может. Один из вариантов — «даровые» данные, которые собираются в разных местах и с разными целями, т. е. Big Data. Их, действительно, очень много, и очень разных. Но, как говорилось в одном из анекдотов: «А толку?». Так что «вызова» эти «большие данные» собой не представляют.

Ключевые слова: Big Data, исследования, социология

Какое поведение регистрируется в «Больших данных»? Что из регистрируемого может представлять серьезный интерес для социолога? К сожалению, очень не многое. Пожалуй, наиболее полными (для социолога) данные ГИБДД — за ними стоят многообразные личные данные (если получить к ним доступ). Но это очень узкий тематический спектр. Определенный интерес для социолога могут представлять данные о различных платежах через пластиковые карты (опять-таки, если доступ к персональным данным). А все остальное — просто «слепые» данные или «информационный шум».

Вызывает сомнения возможность сплошного сканирования текстов социальных сетей, если не сговориться с держателями этих сетей. В «свободном» полете вы всегда попадаете в круги себе подобных. И почти никогда — в какие-либо другие круги.

Мода — хорошая вещь, ибо стимулирует поиск. Вопрос в том, увенчается ли поиск успехом? А вот это пока что весьма проблематично.

Информация об авторе

Божков Олег Борисович, старший научный сотрудник Социологического института РАН, руководитель научного центра «Биографический фонд», Москва, Россия, olegbozh@gmail.com

БЛОГИ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОЦЕНКАХ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУЖДЕНИЙ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ)

К. А. Гаврилов

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Выдвинута гипотеза, что на основе блогов можно реконструировать мнения блогеров по той или иной теме. В докладе возможность указанной реконструкции показана на примере суждений об ответственности и вине. Первая попытка была предпринята в исследовании по материалам сообщений в блогах, написанных в связи с терактом в аэропорту «Домодедово» в январе 2011 г. Тогда мы провели контент-анализ русскоязычных сообщений, опубликованных на платформе LiveJournal.com в связи с терактом. Ключевой вывод: непосредственно террористам чрезвычайно редко приписывается вина. Выдвинута гипотеза о том, что степень ответственности террористов была существенно недооценена на основе нереактивных (текстовых) данных. В докладе представлены результаты попыток проверить гипотезу в двух эмпирических исследованиях. В первом мы совместили формализованный анализ текстов с опросом авторов этих текстов, в качестве кейса выступили теракты, произошедшие в конце 2013 г. в Волгограде. Во втором доработана методика с учетом полученных ранее результатов. В качестве эмпирического кейса выступили события в Париже в январе 2015 г. — нападение на редакцию журнала CharlieHebdo.

Ключевые слова: блоги, анализ текстов

Одно из направлений исследования блогов предполагает обращение к ним не с задачей изучения специфики возникающей коммуникации, а с целью выявить порождаемые блогосферой мнения и оценки. Блоги здесь выступают как источник информации, например, для получения распределений политических мнений и оценок в интернете [1—3]. Такие исследования мало чем отличаются от исследований традиционных СМИ, выполняемых контент-анализом. Различия появляются в тот момент, когда блоги начинают восприниматься в качестве источника «обыденного» знания, а блогеры — как своего рода народные эксперты [4, 5]. Такие исследования основаны не только на достаточно тривиальном представлении, что содержание блогов отражает мнение блогеров, но и — имплицитно — на идее, что на основе блогов можно реконструировать мнения блогеров по той или иной теме.

В докладе будет рассмотрена возможность указанной реконструкции на примере суждений об ответственности и вине. Первая попытка была предпринята в исследовании по материалам сообщений в блогах, написанных в связи с терактом в аэропорту «Домодедово» в январе 2011 г. Тогда мы провели контент-анализ русскоязычных сообщений, опубликованных на платформе LiveJournal.com в связи с терактом. Ключевой вывод: непосредственно террористам чрезвычайно редко приписывается вина [6]. Выдвинута гипотеза о том, что степень ответственности террористов была существенно недооценена на основе нереактивных (текстовых) данных.

В докладе представлены результаты попыток проверить гипотезу в двух эмпирических исследованиях. В первом мы совместили формализованный анализ текстов с опросом авторов этих текстов, в качестве кейса выступили теракты, произошедшие в конце 2013 г. в Волгограде. Во втором была доработана методика с учетом полученных ранее результатов. В качестве эмпирического кейса выступили события в Париже в январе 2015 г. — нападение на редакцию журнала *Charlie Hebdo*.

1. Разведывательное исследование «Волгоград-2013» включало в себя, во-первых, написание студентами социологического факультета НИУ ВШЭ эссе по поводу терактов, произошедших в конце 2013 г. в Волгограде ($n = 26$). Эссе собирались в традиционном офлайн-формате. Анализ данных эссе проводился с помощью разработанной ранее методологии анализа блогов. Во-вторых, онлайн-опрос авторов эссе. Респондентам предлагалось ответить на вопросы относительно причастности различных акторов (упомянутых ранее в массиве эссе) к терактам в Волгограде, в частности, о причинном вкладе этих акторов и об их вине [7]. Ключевой результат — практически всем акторам, фигурировавшим в онлайн-опросе, приписывается высокая степень вины и высокий причинный вклад в то, что произошли теракты. Более того, даже тем акторам, которые не упоминались в эссе, приписывается сопоставимая с другими акторами ответственность и причинный вклад.

2. Исследование особенностей приписывания ответственности и вины в связи с событиями в Париже в январе 2015 г. («Париж-2015»). Схема основывалась на исследовании волгоградских терактов и включала:

- написание студентами социологического факультета НИУ ВШЭ эссе ($n = 80$);
- ответ этих же студентов на вопросы онлайн-опроса, касающиеся ответственности и вины различных акторов, выявленных в эссе ($n = 80$); анкета была модифицирована с целью исключения проблемы недостаточного разброса ответов, наблюдавшейся в «волгоградском» исследовании;

— контент-анализ русскоязычных сообщений, опубликованных на платформе LiveJournal.com. Всего была составлена выгрузка из 16884 сообщений, для разведывательного контент-анализа из этого массива случайным образом было отобрано 300 текстов.

Ключевые выводы. Феномен «невиновных террористов» в исследовании «Париж-2015» не обнаружен ни на одном этапе исследования. В студенческих эссе и онлайн-опросе ответственность была возложена на исламские террористические группировки и на самих террористов, в блогах — на террористов и работников издания/редакцию Charlie Hebdo в целом.

В то же время результаты нуждаются в уточнении. С одной стороны, была обнаружена высокая корреляция между опросными данными и результатами контента-анализа эссе, с другой — в онлайн-опросе большая ответственность (4 место из 10 предъявленных акторов) была возложена на власти Франции, тогда как ни в эссе, ни в блогах этот актор практически не упоминался. Иными словами, имеется веские основания с осторожностью относиться к мнениям, реконструированным из блогов.

В заключение обозначены перспективы работы над темой.

Список литературы

1. *Lawson-Borders G., Kirk R.* Blogs in campaign communication // *American Behavioral Scientist*. 2005. Vol. 49. N 4. P. 548—559.
2. *Zhou X.* The political blogosphere in China : A content analysis of the blogs regarding the dismissal of Shanghai leader Chen Liangyu // *New Media & Society*. 2009. Vol. 11. № 6. P. 1003—1022.
3. *Этлинг Б., Александян К., Келли Дж. и др.* Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете [Электронный ресурс]. 2010 URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf (дата обращения: 08.02.2015).
4. *Абрамов Р. Н.* Что такое ностальгия. Путешествие по российской блогосфере // 60-я параллель. Некоммерческое издание по культурной политике, 2009. С. 36—41.
5. *Papacharissi Z.* Audiences as Media Producers : Content Analysis of 260 Blogs // *Blogging, Citizenship, and the Future of Media*. N.Y. : Routledge, 2007. P. 21—38.
6. *Гаврилов К. А., Толмач А. Д.* Кто виноват: контент-анализ блогов о теракте в «Домодедово» // *Социологические исследования*. 2014. № 12. С. 81—88.
7. *Lagnado D. A., Channon S.* Judgements of cause and blame // *Cognition*. 2008. Vol. 108. P. 754—770.

Информация об авторе

Гаврилов Кирилл Андреевич, к. с. н, доцент кафедры анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, gavrilov@socio.msk.ru

GOOGLE BOOKS NGRAM КАК ИСТОЧНИК БОЛЬШИХ ДАННЫХ ДЛЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ТРЕНДОВ

А. Д. Кавеева

*Казанский федеральный университет, НИЛ «Большие данные и анализ текста»,
Казань, Россия*

Аннотация. Трендом в современной социологии стали исследования «больших данных», обращение к которым позволяет не только изучать поведение и мнения людей, не ограничиваясь опросными методами, но и значительно расширять временной срез исследуемых процессов. Несмотря на то, что наиболее популярным в социологических исследованиях источником больших данных выступают социальные сети и блоги, широкое поле для анализа могут предоставлять и другие ресурсы, такие как Google Books Ngram.

Ключевые слова: Google Books Ngram, большие данные, социологические исследования

Google Books Ngram — беспрецедентно большой диахронический корпус, содержащий 6% всех когда-либо опубликованных книг, позволяющий проследивать эволюцию как отдельных слов, так и стоящих за ними идей. Google Books Ngram (<https://books.google.com/ngrams/>) является уникальным собранием накопленного человечеством знаний и содержит более 500 млрд *n*-грамм из 8 млн книг, изданных с 1500 г. на 9 языках [1]. Важными особенностями проекта являются сервис по построению графиков частот использования слов и словосочетаний, а также доступность всего data set.

Исследования социальных процессов в различных странах за длительные промежутки времени (от 100 лет) с использованием этого корпуса стали новым направлением для междисциплинарного анализа на стыке компьютерных наук, социологии и лингвистики. В серии недавних работ с использованием корпуса были исследованы изменения ценностей, поведения, культуры под влиянием социетальных и экологических (environmental) изменений. Фокусом внимания стала смена сельского образа жизни на городской и соответствующие этому изменения социальной психологии. Исследования проводились на примере двух полярных стран — США [2, 4] и Китая [3], классических представителей западной и восточной цивилизаций. В этих работах выделен ряд слов, выражающих ключевые концепты американской и китайской культуры, собраны

статистические данные по важнейшим социально-демографическим параметрам (доля городского населения, ВВП и др.) и проведено сопоставление динамики частотности употребления этих слов с изменениями социально-демографических параметров за два века. Установлена четкая корреляция между этими группами параметров. В исследованиях было получено экспериментальное подтверждение теории социальных изменений и человеческого развития П. М. Гринфилда [5], согласно которой ценности, поведение, культура приспосабливаются к экологическим изменениям. Это наиболее четко прослеживается в США и в меньшей степени, но также характерно для Китая.

Аналогичное исследование для России весьма любопытно по нескольким причинам. Россия — самобытное евразийское сообщество и в каком-то смысле занимает промежуточное положение между западной и восточной цивилизацией и в культурном, и в экономическом плане. В России радикальные экономические и политические изменения произошли в результате политического переворота 1917 г., а городское население превысило сельское только в 1960 г. В Китае урбанизация примерно совпала с переходом на рыночные отношения — с 1978 г., а в США государственная идеология не менялась.

Мы сравниваем динамику ряда важных социально-демографических параметров с частотой использования ключевых слов для российского общества, характеризующих коллективизм и индивидуализм. Ключевые идеи русской языковой картины мира были взяты из авторитетных работ [6, 7], согласно которым для нее характерны следующие концепты: А. Патриархальные ценности сельского населения (привязанность, община, уважать). В. Неконтролируемость ситуации, неагентивность (покорный, смиренный, фатальный).

«Коллективистская» и «индивидуалистская» группы лексем представлены антонимами: «привязанность» — «самостоятельность», «покорный» — «строптивый», «жалость» — «равнодушие», «служить (кому-либо)» — «работать (для себя)» и другими. В качестве социодемографических параметров были взяты доля городского и сельского населения, рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни и ВВП с 1897 г. — первой Всеобщей переписи населения в России.

Полученные результаты демонстрируют, что частота использования слов, характерных для патриархального уклада («коллективистская» лексика) уменьшается, что коррелирует с сокращением доли сельского населения и, как можно ожидать, антикоррелирует с долей городского населения. Точно так же динамика частоты «коллективистских» слов коррелирует/антикоррелирует с ВВП (рис. 1), ожидаемой продолжительностью жизни и уровнем рождаемости (рис. 2). Первые два из этих пара-

метров растут, а последний падает, что иллюстрирует постепенный распад коллективистских ценностей у россиян. Таким образом, результаты для русских слов, связанных с патриархальным укладом, схожи с английским и китайским языками.

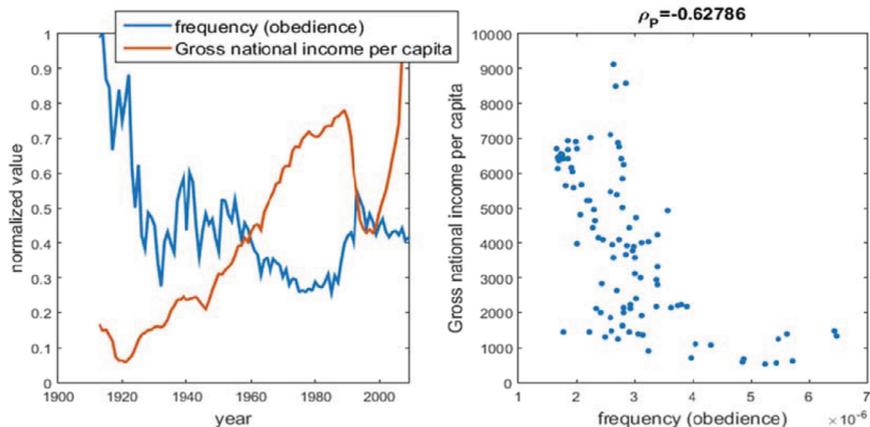

Рисунок 1. Корреляция между частотой слова «покорность» и ВВП на душу населения.

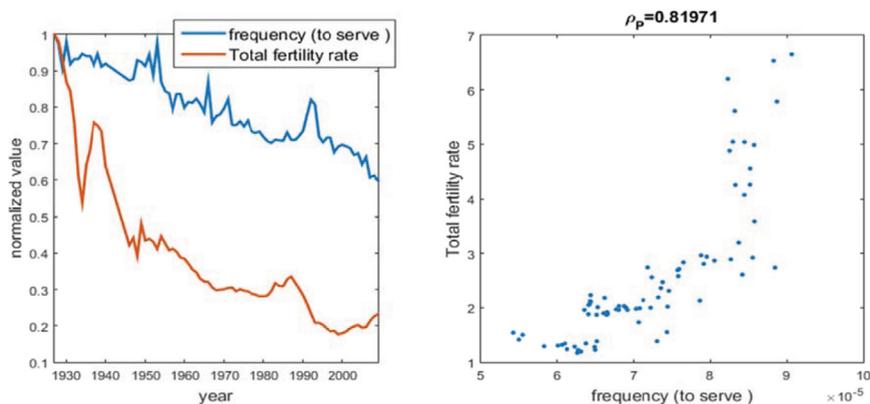

Рисунок 2. Корреляция между частотой слова «служить» и рождаемостью.

Однако наличие корреляции само по себе не означает наличие прямой причинно-следственной связи. В этом отношении положение дел в России отличается от США и Китая. Так, частота слова «служить», характерного для патриархальной России, резко падает в период переворота 1917 г.

и послереволюционных преобразований 1917—1921 гг., после чего его частота стабилизируется примерно на одном уровне и не отражает изменения в пропорции городского и сельского населения. Слово «самостоятельный», характерное для городской культуры, вопреки ожиданиям и предсказаниям теории Гринфилда, не показывает увеличения частоты с ростом городского населения. Резкое падение частоты этого слова наблюдается также в период 1917—1921 гг. (рис. 3). Можно предполагать, что это связано с идеологическими установками, навязываемыми обществу захватившими власть революционерами. Таким образом, здесь мы видим случай зависимости ценностей общества не только от экологических изменений, но и от государственной идеологии, причем книги выступают в данном случае в качестве средства ее распространения.

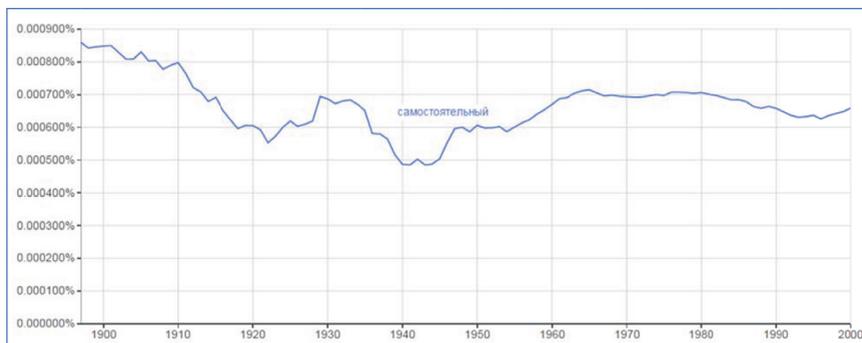

Рисунок 3. Динамика употребления слова «самостоятельный» с 1900 по 2000 г. в русском языке.

Хотя набор ключевых концептов для российского общества отличается от ведущих концептов в Китае и США, корреляции социально-демографических параметров и выраженных в лексике ценностей общества в целом схожи. Однако данное исследование приводит к новой гипотезе о том, что некоторые концепты могут быть связаны не только и не столько с социодемографическими показателями, а с государственной идеологией. Таким образом, следует интерпретировать результаты корреляции различных социально-демографических параметров и частоты слов, отражающих ценности общества, с осторожностью. Как показывает опыт исследований с использованием больших данных, они «могут быть особенно полезны для выявления статистических закономерностей в данных или построения корреляции между факторами» [8], однако для установления причинно-следственной связи необходимы особые модели и схемы исследования.

Методология исследований с использованием корпуса Google Books Ngram может быть применена к ряду стран, данные по которым присутствуют в этом корпусе. Во всех случаях требуется тщательный анализ не только лингвистического материала и социально-экономических показателей, но и динамики политической ситуации в стране. Значимость работы с данной базой состоит также и в возможностях кросс-культурных исследований. В этом контексте пример России расширяет масштабы кросс-культурного сравнения. Количественные кросс-культурные большие данные, тем не менее, могут потребовать дополнительных выборочных качественных исследований смыслов слов в разные временные отрезки. Ценность работы с данной базой состоит также в возможностях оценки масштабных временных изменений, что откроет возможности для будущего по мере накопления массива новых книг с течением времени.

Список литературы

1. *Michel J. et al.* Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books // Science. 14 January 2011. Vol. 331. N 6014. P. 176—182.
2. *Greenfield P. M.* The Changing Psychology of Culture from 1800 through 2000. Psychological Science, 2013.
3. *Zeng R., Greenfield P. M.* Cultural evolution over the last 40 years in China : Using the Google Ngram Viewer to study implications of social and political change for cultural values // International Journal of Psychology. 2015. Vol. 50, № 1. P. 47—55.
4. *Grossmann I.* Social Structure, Infectious Diseases, Disasters, Secularism, and Cultural Change in America. Psychological Science, February, 2015.
5. *Greenfield P. M.* Linking social change and developmental change : Shifting pathways of human development // Developmental Psychology. 2009. Vol. 45. P. 401—418.
6. *Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition : Universal in Culture-specific Configurations. N. Y. : OxfordUniversityPress. 1992. P. 111—152.
7. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
8. *Джапек Л., Крейтер Ф., Берг М. и др.* Отчет AAPOR о больших данных: 12 февраля 2015 / Американская ассоциация исследователей общественного мнения ; пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой, Е. Вьюговской. М., 2015.

Информация об авторе

Кавеева Аделя Динаровна, аспирантка, ассистент кафедры общей и этнической социологии, сотрудник НИЛ «Большие данные и анализ текста» Казанского федерального университета, Казань, Россия, adele.kaveeva@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОБРАЗА КРИЗИСА МЕТОДОМ АРІ-СОЦИОЛОГИИ

**О. Ю. Колесниченко, Г. Н. Смородин, Д. А. Яковлева, Л. С. Мазелис,
Ю. Ю. Колесниченко**

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва;

Академическое партнерство ЕМС в России и СНГ, Санкт-Петербург;

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток,
Россия*

Аннотация. Анализируя текстовые массивы Big Data из Интернета, мы не изучаем социум отдельно от информационной среды, а изучаем отражение в информационных системах разных сфер жизнедеятельности социума — общий фон обсуждения глобальной аудиторией процессов в привязке к конкретным странам. В связи с этим, выявленные закономерности имеют не прямое, а косвенное указание на тот или иной процесс, и влияние на результат могут оказывать разные факторы. Глобальная среда Интернета позволяет рассмотреть через разные ключевые словосочетания отражение социума как динамической, гибкой системы, выявить стрессовые и адаптационные изменения в пространстве (по странам) и времени (по годам).

Ключевые слова: Big Data, Интернет, Data Mining

В рамках Многоцентрового исследования Академического партнерства ЕМС в России «Третья волна», названного так в честь концептуальной работы современного американского философа Элвина Тоффлера [1], была собрана матрица из 20 ключевых словосочетаний (КС) в процессе Data Mining (изъятие данных) через API Google и Яндекс. КС подсчитывались в миллионах из открытых текстов, хранящихся в дата-центрах поисковых систем Google и Яндекс. КС подсчитывались в привязке к названию страны и г. публикации или упоминанию года в тексте. Данный этап исследования по текстовой аналитике Больших данных (Big Data) является уже вторым, с результатами первого этапа исследования «Третья волна» можно ознакомиться по ссылке [2].

В данной статье представлена лишь часть результатов.

Материал и методы. Текстовая аналитика BigData из открытых ресурсов Интернета, использование доступа через API к данным Google и Яндекс, что методически рассматривается как использование Google и Яндекс в качестве неклассических суперкомпьютеров в режиме «as-a-Service». Графическая обработка данных с использованием Microsoft Excel. Линейный корреляционный анализ по Пирсону. Матрица из 20 ключевых словосочета-

ний подсчитывалась в привязке к названиям 49 стран (полный список стран и словосочетаний см. [2]). Языки поиска — русский и английский.

Результаты и обсуждение. В своей статье «Эпоха адаптации» президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб [3] писал, что новая технологическая волна «захватывает страны как цунами», провоцируя высокую безработицу и социальное неравенство, формируя новую социальную динамику. С другой стороны, не ресурсы и промышленные мощности, а человеческий капитал является основным двигателем экономики XXI в. Клаус Шваб приводит термин «экосистема перемен», которая объединяет институты власти, общество и бизнес в единую систему и претерпевает адаптацию к изменениям. Для того, чтобы попытаться посмотреть общую панораму этой волны изменений, были проанализированы КС текстовых Больших данных из открытых ресурсов Интернета.

Рисунок 1. Группа стран социальной перегрузки или «Social Impact», данные по 2015 г.
 Процентное соотношение количества ключевых словосочетаний для каждой страны

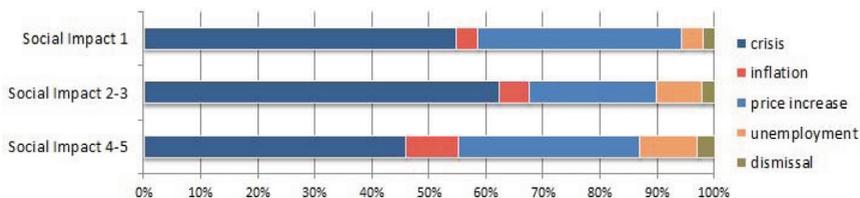

Рисунок 2. Группа стран «Social Impact», данные по 2015 г.

Процентное соотношение количества ключевых словосочетаний для каждой из подгрупп: Social Impact 1 — Singapore, New Zealand, Switzerland, Sweden, Egypt, Iraq, Iran, India; Social Impact 2—3 — Israel, Turkey, Syria, Hong Kong, Ireland; Social Impact 4—5 — Australia, Canada, USA, United Kingdom, Germany, Japan, Ukraine, Russia, China.

На рис. 1 представлены данные по 22 странам, которые были отобраны из всего списка 49 стран. Эта группа стран условно обозначена, как группа социальной перегрузки или «Social Impact», так как частота встречаемости КС социальной направленности (crisis/кризис; inflation/инфляция; price increase/рост цен; unemployment/безработица; dismissal/увольнения) для этих стран была заметно выше на фоне всего ряда стран. Для каждого из пяти КС визуально оценивался весь ряд стран, и выбиралось несколько стран с выпадающими, намного превышающими общий ряд, значениями.

Среди этой группы можно выделить три подгруппы в зависимости от превышения количества: одного КС из пяти — Social Impact 1; двух или трех КС из пяти — Social Impact 2—3; всех пяти или четырех КС — Social Impact 4—5. Данные представлены на рисунке 2. Отмечается различие в процентном распределении КС, по мере утяжеления социальной перегрузки (от Social Impact 1 к Social Impact 4—5) нарастает доля КС «inflation/инфляция», «unemployment/безработица» и «dismissal/увольнения». Это позволяет говорить о подгруппе Social Impact 4—5 не просто как о странах с более интенсивным информационным интернет-сопровождением социальных проблем, а как о странах, действительно переживающих негативное воздействие новой технологической волны на социальный сектор.

Далее страны из двух подгрупп Social Impact 2—3 и Social Impact 4—5 были проанализированы с точки зрения взаимозависимости между количеством КС «crisis/кризис» и количеством КС «dollar exchange rate/курс доллара» или «euro exchange rate/курс евро», привязанных в текстах к названиям этих стран и дате в течение 2015 г. Результаты представлены на рис. 3.

Выявленная сильная корреляционная связь между количеством КС «crisis/кризис» и «dollar exchange rate/курс доллара» ($r = 0,76$), при отсутствии сильной связи с КС «euro exchange rate/курс евро» (хотя уровень количества КС с евро выше в сравнении с долларом, что хорошо видно на графиках 3А и 3В), дает основание предположить, что социальная сторона экономики стран группы Social Impact зависима от доллара в такой же степени, как и внутри самих США.

Для сравнения была взята группа стран из рейтинга Bloomberg Innovation Index-2015 [4]. Рейтинг включает активность в области научных разработок и защиты патентов и ранжирует страны в зависимости от инновационной составляющей их экономик. BloombergInnovationIndex важен в аспекте указания на географическое распространение новой технологической вол-

ны. Из 14 стран верхней части рейтинга инновационных экономик мира Bloomberg Innovation Index обнаружено 9 стран, имеющих по результатам текстовой аналитики Big Data указание на социальную перегрузку (Germany, Sweden, Japan, Switzerland, Singapore, USA, Israel, Russia, Ireland).

Рисунок 3. Группа стран Big Data Social Impact

A — количество в млн КС «crisis» («кризис») и «dollar exchange rate» («курс доллара») за 2015 г., коэффициент корреляции по Пирсону $r = 0,76$;

B — количество в млн КС «crisis» («кризис») и «euro exchange rate» («курс евро») за 2015 год, коэффициент корреляции по Пирсону $r = 0,58$.

*Слово «доллар» входит в название национальных валют: австралийский доллар, доллар Гонконга, канадский доллар, доллар США, новый тайваньский доллар.

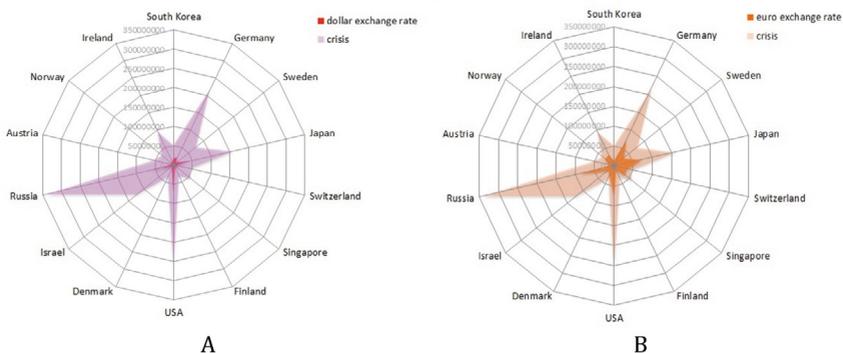

Рисунок 4. Группа стран из рейтинга Bloomberg Innovation Index (World's Most Innovative Economies).

A — количество в млн КС «crisis» («кризис») и «dollar exchange rate» («курс доллара») за 2015 г., коэффициент корреляции по Пирсону $r = 0,88$.

B — количество в млн КС «crisis» («кризис») и «euro exchange rate» («курс евро») за 2015 г., коэффициент корреляции по Пирсону $r = 0,90$.

*Слово «доллар» входит в название национальных валют: сингапурский доллар, доллар США.

Как видно по диаграммам на рис. 4, страны Bloomberg Innovation Index не столь однородны по частоте встречаемости КС «crisis/кризис» в сравнении со странами группы социальной перегрузки. Также страны Bloomberg Innovation Index не отличаются выраженным количеством КС «dollar exchange rate», а вот количество КС «euro exchange rate» значительно больше. В группе рейтинга Bloomberg Innovation Index обнаружены сильные корреляционные связи между количеством КС «crisis/кризис» и КС, связанными с обеими валютами (для доллара $r = 0,88$, для евро $r = 0,90$). В данном случае можно указать на более заметную роль евро в инновационной составляющей экономик стран.

Согласно докладу Всемирного экономического форума «Глобальные риски 2016» [5], существенными рисками наблюдаемого глобального технологического перехода являются нарастающие социальное неравенство и социальная нестабильность, включающие финансовый кризис и безработицу. Отражение этих тенденций и обнаружено в данном исследовании, посвященном текстовой аналитике Big Data. Также можно говорить о значимой роли доллара США в процессах стабильности или нестабильности социального сектора экономик выше перечисленных стран. В процессах формирования инновационной экономики роль доллара и евро фактически одинаково выражена, с небольшим перевесом в сторону евро-валюты. Таким образом, используя методы нового направления — API-социологии — можно разрабатывать инструменты для социологических измерений «экосистемы перемен», измерять и сравнивать по странам процессы адаптации, и лучше понимать глобальный образ мирового кризиса.

Список литературы

1. *Торфлер Э.* Третья волна / *Toffler A.* The Third Wave (1980) ; пер. с англ. М. : АСТ, 2004. 781 с.
2. *Security Analysis Bulletin.* EMC Academic Alliance Third Wave. 2015 [Electronic resource]. URL: www.securityanalysisbulletin.com/aa-emc-third-wave/10.
3. *Schwab K.* The Age of Adaptation. Project Syndicate. Feb 19, 2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/technological-economic-transformation-by-klaus-schwab-2015-02/russian>.
4. *These Are the World's Most Innovative Economies.* Bloomberg Business. January 20, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-19/these-are-the-world-s-most-innovative-economies>.
5. *The Global Risks Report-2016.* 11th Edition. World Economic Forum, Geneva [Electronic resource]. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>.

Информация об авторах

Колесниченко Ольга Юрьевна, PhD, соискатель факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Бюллетень «Анализ безопасности» (www.SecurityAnalysisBulletin.com), Москва, Россия, oykolesnichenko@list.ru.

Смородин Геннадий Николаевич, PhD, менеджер Академического партнерства EMC в России и СНГ, Санкт-Петербург, Россия, gennady.smorodin@emc.com

Яковлева Дарья Алексеевна, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, darya.yakovleva15@vvsu.ru

Мазелис Лев Соломонович, профессор, д-р экон. н., заведующий кафедрой математики и моделирования, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, lev.mazelis@vvsu.ru

Колесниченко Юрий Юрьевич, аспирант МГЮА, Бюллетень «Анализ безопасности», Москва, Россия, green-apple_2000@mtu-net.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ BIG DATA

А. В. Мальцева, О. В. Махныткина, Н. Е. Шилкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Алтайский край, Россия

Аннотация. Сайты социальных сетей являются неотъемлемой частью современного социального пространства. Распространение информационных технологий сопряжено с позитивными результатами этого процесса, когда активные пользователи получают широкий доступ к полезной информации, что усиливает их мобильность, повышает компетентность и конкурентоспособность в учебно-образовательной, профессионально-трудовой и других сферах. Однако возможны и негативные последствия, связанные с потенциальной возможностью подвергнуться манипуляциям, усвоить негативные поведенческие практики, наносящие вред социальной адаптации. Потребители сетевого контента непроизвольно усваивают различные ценностные и поведенческие установки и реализовывают их в учебной и трудовой деятельности, в повседневном взаимодействии. Масштабы нарастания контента в сети интернет, рост популярности социальных сетей, временные затраты пользователей на участие в интернет-коммуникациях — все это приводит к необходимости поиска новых подходов к сбору и анализу данных о поведенческих паттернах активных пользователей социальных сетей. Эффективные возможности для решения этой задачи раскрывает Big Data.

Ключевые слова: Big Data, социальные сети, социологическое исследование

Специфика структуры и контента сайтов социальных сетей подразумевает обмен данными различного типа: текстовые сообщения, изображения, звуковые файлы, видеофайлы, варианты рейтингования (оценки, «лайки») пользователей, формирование различных групп и подгрупп пользователей (открытых, закрытых). Однозначно, такое разнообразие при постоянно растущем числе пользователей и их активности предполагает очень накопление большого объема данных, т. е. объема, при котором «возникают затруднения при обработке этого объема средствами традиционных СУБД», как правило, 1 PB (1×10^{15} байт) [3].

Особенностью использования данных с сайтов социальных сетей для изучения поведенческих паттернов пользователей является учет высокой скорости обновления сведений. Так, в популярных социальных сетях и сервисах таких как Facebook, Vkontakte, Twitter, LinkedIn, Google+ в месяц наблюдается активность более чем 1,5 млрд пользователей.

Большие объемы данных, их разнообразие и скорость обновления сопровождаются большим объемом недостоверных данных («тролли», «фейки», «спам-боты» и др.). Возможность валидации данных предполагает не только техническую очистку от дубликатов, противоречий, шумов, но и работа с качеством на этапе получения информации — привлечение экспертов, использование фокус-групп, проверка из параллельных источников.

Описанные особенности предполагают работу в формате BigData, который предполагает наличие следующих характеристик: *Volume*— объем, *Variety*— разнообразие, *Velocity*— скорость, *Veracity*— достоверность и *Value*— ценность [4].

Формат Big Data предполагает использование мощного аналитического инструментария. Важным является адаптация возможностей работы с BigData к задачам, которые решает социология: анализ социальных феноменов и процессов, трансформация социальной структуры и пр. В этом смысле выводы, которые можно получить при анализе Big Data, могут являться как самостоятельными результатами, так и источником, дополняющим результаты использования других методов получения информации.

Рассмотрим этапы организации процесса анализа Big Data для решения задачи выявления поведенческих паттернов пользователей.

Основной сложностью анализа контента сайтов социальных сетей является неструктурированность информации. В связи с чем важным является этап составления словарей, содержащих слова маркеры, характеризующие негативный и позитивный стили мышления и поведения пользователей социальных сетей, которые можно получить в результате изучения мнения широкого круга экспертов (социологов, психологов, педагогов, представителей правоохранительных органов и пр.).

Следующим этапом является подбор программного обеспечения для решения исследовательской задачи. Обычно к таким программным средствам относятся: программы счетчики, которые позволяют автоматически фиксировать показатели посещаемости вебсайтов или осуществления каких-либо действий на нем; лог-анализаторы — внутренние локальные программы, устанавливаемые на компьютер владельца Интернет-ресурса, с помощью которых накапливается обширная информация о посетителях и их действиях на том или ином веб-сайте; блог-анализаторы — онлайн-сервисы анализа социальных сетей, которые следят за упоминанием определенных, ранее заданных ключевых слов в блогосфере [1]. Анализ существующих инструментов Big Data, показал, что наиболее распространенным является экосистема Hadoop, включающая распределенную файловую систему Hadoop (HDFS), отвечающую за хранение данных и модель распределенных вычислений MapReduce.

Среди платформ для хранения и обработки больших объемов данных можно выделить IBM Bluemix и SAP HANA.

Важным этапом является решение задачи консолидации данных. Следует помнить, что при неправильной организации данного этапа сбор и анализ данных может не завершиться никогда. Так исследование CIO Insight показало, что 55 % проектов на базе технологий Big Data никогда не завершаются, при этом основными причинами являются ошибки в определении масштаба работ (58 %), технические сложности (41 %) и отсутствие взаимодействия между отдельными структурами (39 %) [2].

Методы, которые можно использовать для анализа Big Data с одной стороны, зависят от задач исследования, а с другой — от самих данных, особенности которых были описаны выше. Диапазон методов, с помощью которых осуществляется обработка и анализ Big Data включает в себя предварительную визуализацию, вычисление стандартных описательных статистик и дальнейшее построение на этой основе исследовательских гипотез, которые проверяются более сложными методами [5].

Последний этап — концептуализация результатов анализа контента социальных сетей по выявлению фактов формирования и распространению различных по модальности поведенческих паттернов.

Адекватное применение серии инструментов Big Data расширяет как исследовательские возможности эмпирической социологии, так и ее вклад в анализ социальной реальности и перспектив социального развития. При всей увлекательности процесса работы с данными с сайтов социальных сетей, необходимо помнить, что данный процесс не должен быть самоцелью, а должен быть востребованным на практике.

Список литературы

1. *Корытникова Н. В.* OnlineBigData как источник аналитической информации в онлайн-исследованиях // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 14—24.
2. *Седова А. П., Крюкова А. А.* Применение технологии BigData в сфере образования // ScienceTime. 2015. № 11 (23) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-big-data-v-sfere-obrazovaniya>.
3. *Сухобоков А. А., Лахвич Д. С.* Влияние инструментария BigData на развитие научных дисциплин, связанных с моделированием // Наука и образование: Научное издание МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2015. № 3. С. 207—240.
4. *Demchenko Y.* Defining the Big Data Architecture Framework (BDAF). Outcome of the Brainstorming Session at the University of Amsterdam. SNE Group. University of Amsterdam, Amsterdam, 2013 [Electronic resource]. URL: http://bigdatawg.nist.gov/_uploadfiles/M0055_v1_7606723276.pdf.

5. *Gandomi A., Haider M.* Beyond the hype : Big data concepts, methods, and analytics // International Journal of Information Management. 2015. Vol. 35. P. 137—144.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 15-06-02113).

Информация об авторах

Мальцева Анна Васильевна, д. с. н., профессор кафедры общей социологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Алтайский край, Россия, annamaltseva@rambler.ru

Махныткина Олеся Владимировна, к. техн. н., доцент кафедры прикладной информатики в экономике, государственном и муниципальном управлении Алтайского государственного университета, Барнаул, Алтайский край, Россия, olesyamahnitkina@yandex.ru

Шилкина Наталья Егоровна, к. с. н., доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, Барнаул, Алтайский край, Россия, natali.shilkina@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ BIG DATA В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

О. С. Осипова

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Сегодня Big Data демонстрируют эффективность во многих областях, в том числе в управлении человеческими ресурсами. Многообразие внешних и внутренних источников данных создает возможности для всестороннего детального анализа деятельности предприятий/организаций, и количество этих данных в мире удваивается каждые два года. В управлении человеческими ресурсами происходит настоящая революция, связанная с появлением новых информационных технологий, больших источников данных, прежде всего основанных на так называемой объективной регистрации реального поведения людей.

Ключевые слова: Big Data, Data Mining, управление, человеческие ресурсы

Большие данные — это серия подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия. Специалисты по работе с большими данными занимаются ее обработкой и анализом для получения наглядных, воспринимаемых человеком результатов. Крупные консалтинговые компании активно инвестируют сегодня в развитие компетенций в методах и технологиях анализа больших данных (Big Data), построении корпоративных хранилищ данных (КХД) и области классического интеллектуального анализа информации (business intelligence). Меняется отношение к Big Data и со стороны специалистов в области изучения общества и отдельных организаций. Еще год назад почти 30% участников Грушинских чтений, отвечая на вопрос «Знаете ли Вы, что такое «Большие данные»?», честно признались «Скорее плохо представляю, что это такое». Но то, что каждый второй респондент выбрал вариант ответа «Достаточно хорошо представляю, что это такое» вселяло безусловный оптимизм.

Методология Data Mining — это мультидисциплинарная область, vznikшая и развивающаяся на базе таких наук, как прикладная статистика, распознавание образов, искусственный интеллект, теория баз данных и др. Термин Data Mining часто переводится как добыча данных, извлечение информации, раскопка данных, интеллектуальный анализ данных, средства поиска закономерностей, извлечение знаний, анализ шаблонов, раскопка знаний в базах данных. Понятие «обнаружение знаний

в базах данных» (Knowledge Discovery in Databases, KDD) можно считать синонимом Data Mining. Понятие Data Mining, появившееся в 1978 г., приобрело высокую популярность в современной трактовке примерно с первой половины 1990-х гг. До этого времени обработка и анализ данных осуществлялся в рамках прикладной статистики, при этом в основном решались задачи обработки небольших баз данных. Data Mining — это процесс поддержки принятия решений, основанный на поиске в данных скрытых закономерностей (шаблонов информации).

Анализ потока неструктурированных данных открывает огромные возможности для управления человеческими ресурсами как на уровне организации, так и на страновом уровне. Министерство труда Германии использует Big Data в работе, связанной с анализом поступающих заявок на выдачу пособий по безработице. Анализ информации позволил установить, что 20 % пособий выплачивалось незаслуженно. С помощью проведенного анализа Министерство труда Германии сократило расходы на 10 млрд евро.

Крупные предприятия (банки, телеком-операторы, ритейлеры) могут получить практически исчерпывающую информацию не только о своих клиентах, используя данные, хранящиеся в клиентских базах, но и о своих сотрудниках. Внешние источники, например, социальные сети и новостные потоки информации, предлагают огромные массивы структурированной и неструктурированной информации, грамотная и своевременная обработка которой в режиме реального времени может влиять на стратегию организации в целом, но и на сферу HR-технологий, применяемых в ней.

Наиболее перспективным направлением применения Big Data в HR-менеджменте является рекрутмент. 38 % руководителей бизнеса, опрошенных в ходе международного исследования, проведенного КПМГ в 2013 г., заявили, что ближайшим шагом интеграции Big Data в систему управления их компании станет сфера рекрутмента персонала.

Основным преимуществом Big Data в HR является упрощение и модернизация существующих подходов к поиску и приему на работу новых сотрудников. Современные решения анализируют большие массивы информации о сотрудниках, включая опыт работы, вовлеченность в общественную деятельность, социальные связи, различные навыки и личные интересы, что в свою очередь позволяет HR-менеджерам определить качества, которые определяют успешность сотрудника для конкретной компании. Данные характеристики служат основными параметрами для построения модели, которая в дальнейшем служит основой поиска наилучших кандидатов на вакансии, выбора для новых сотрудников должностей, на которых те смогут раскрыть свой потенциал.

Современные информационные технологии помогают ускорить адаптацию и интеграцию новых сотрудников, сделать более успешным их профессиональный рост. В HR Big Data могут также применяться для оценки настроений сотрудников транснациональных корпораций, замера изменений в восприятии бренда работодателя. Чем больше данных удается накопить, тем более точные результаты они дают.

Результаты *Data Mining* в HR-менеджменте в большой мере зависят от уровня подготовки *данных*, а не от «чудесных возможностей» некоего алгоритма или набора алгоритмов. При всех осознаваемых преимуществах, которые предоставляют обработка и анализ «больших данных», только 0,5% накопленной в мире цифровой информации подлежит исследованию. Для этого ИТ-индустрия предлагает программно-аппаратные решения, обладающие высокой производительностью, специализированное программное обеспечение для оптимизации хранения больших объемов информации, а также аналитические инструменты, которые позволяют с максимальной эффективностью использовать то, что уже накоплено. Особое внимание уделяется управлению качеством данных: точности, полноте и соответствию поставленным задачам.

Трудности в работе с большими данными. Одной из преград на пути использования Big Data в HR-менеджменте является то, что в сегментах корпоративного управления персоналом пока не так много аспектов, требующих реального применения технологий больших данных. Еще одним фактором, влияющим на распространение технологии Big Data в сфере HR является необходимость больших вычислительных мощностей для хранения, обработки и анализа большого количества данных. Многие компании на данный момент не готовы нести большие расходы на анализ больших данных, так как для большей части процессов достаточно инструментов традиционной аналитики. Однако Big Data могут оказаться полезными для анализа моделей поведения и типов связей в социальных сетях реальных или потенциальных сотрудников, в процессе найма персонала или регулярной проверке лояльности.

Информация об авторе

Осипова Ольга Степановна, д. с. н., доцент, профессор кафедры «Управление персоналом и психология» Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, olstepos@mail.ru

АНАЛИЗ ДАННЫХ О ПОВЕДЕНИИ КЛИЕНТОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Т. Б. Прохорова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается клиентский опыт и его влияние на лояльность клиента интернет-магазину. Приводится методика работы с данными об истории покупок клиентов интернет-магазина на примере выборки, предоставленной магазином «Все инструменты». Показаны значимые факторы в анализе поведения покупателей, особенности определения и построения признаков клиентов.

Ключевые слова: анализ поведения потребителей, CEM, customer experience, customer behavior analysis, data analysis

Введение

Лояльность клиентов играет решающую роль для большинства интернет-магазинов. Несмотря на популярность различных методов повышения лояльности, с точки зрения покупателя главным фактором, определяющим его лояльность остается его личный опыт взаимодействия с компанией [1]. Клиентский опыт [2] представляет собой сумму впечатлений клиента от контакта с компанией, которая предоставляет ему товары и услуги, на всем протяжении их взаимоотношений [3].

«Все инструменты» — интернет-магазин, занимающийся продажей инструмента, строительного оборудования, станков, силовой техники, техники для сада, клинингового и климатического оборудования, товаров для отдыха и т. д. Компания заинтересована в наращивании постоянной аудитории, увеличении лояльности своих клиентов. Оценка параметров, дающих максимальный отклик со стороны целевой аудитории компании (как основной или косвенной, так и потенциальной) — необходимая и важная задача [4]. Ее решение позволит лучше понять, чего хочет потребитель и в свою очередь может быть осуществлено наиболее эффективным способом посредством анализа данных. Далее показан пример анализа данных (истории покупок клиентов) для понимания поведения покупателей и выявления факторов, определяющих лояльность.

Анализ поведения покупателей

Рассмотрим историю покупок на примере небольшой выгрузки. Выборка содержит информацию об истории покупок 1673 клиентов (907 клиентов В 2С и 766 клиентов В 2В) интернет-магазина за период с

4 января 2013 г. по 31 декабря 2014 г. (726 дней). База данных содержит 50326 записей.

Каждая запись базы данных содержит идентификатор покупателя, и его принадлежность к сектору В2В или В2С, дату оформления заказа и его номер, полный перечень товаров из заказа с указанием их стоимости и привязки к категориям по иерархическому классификатору. При этом товарам, которые не попали в итоговой заказ или не были оплачены, соответствуют записи без суммы в последнем столбце.

Из-за объема данных и способа их представления (удобного для разработчиков и IT-специалистов), исследователю сложно работать напрямую с такими данными. Поэтому на первом этапе обработки данных формируется таблица, в которой для каждого покупателя вычисляются частота его покупок, доля успешно завершенных заказов, общее количество заказов за период, широта приобретаемых товаров, общая и средняя сумма заказов, средний объем заказа (по количеству позиций в заказе), средняя стоимость товара в корзине. Таким образом, вместо исходных более 50 тысяч записей, рассматривает таблица, где каждый клиент представлен одной строчкой, характеризующей его покупательское поведение.

Для построения классифицирующих моделей, прогнозирующих лояльность, необходимо определить показатель поведенческой лояльности на основе частот заказов. Для этого на основе проведенного анализа частот покупок и исходя из маркетинговых целей, принятых компанией, выбирается некоторое пороговое значение. После чего клиенты делятся на три сегмента: — Лояльные: регулярно посещающие магазин, Случайные покупатели: те, кто не является постоянным покупателем, разовые покупатели — про кого пока недостаточно данных для определения лояльности (были один раз, но еще не прошло достаточно времени с последнего визита).

Разделение клиентов на постоянных покупателей и случайных показано на рис. 1.

Рисунок 1. Постоянные и случайные покупатели

Приведем пример классифицирующей модели, которая в качестве параметра получает метку В2В или В2С, количество заказов, широту представленных категорий, долю успешно завершенных заказов, среднюю стоимость заказа, среднюю цену товара и количество дней с момента первого заказа, а на выходе должна отнести клиента к одному из трех классов лояльности.

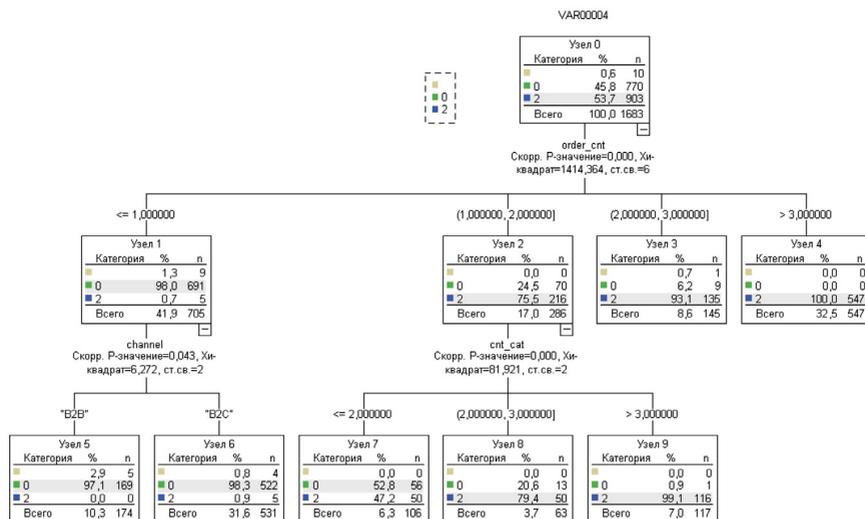

Рисунок 2. Дерево решений с тремя классами для задачи классификации клиентов по лояльности

В качестве алгоритма классификации использовалась стандартная реализация широко известного в машинном обучении метода построения дерева решений [5].

Построенное дерево решений использует в качестве основной разделяющей переменной — количество заказов, это довольно логичный результат и прозрачный фактор. При этом, среди тех, кто сделал лишь один заказ модель прогнозирует 98 % не вернувшихся клиентов, среди тех, кто сделал хотя бы 2 заказа таких клиентов остается лишь четверть. Начиная с 4-х заказов 100 % клиентов являются лояльными. В качестве дополнительных параметров модель использует также метку «В2В/В2С» и широту категорий, представленных в заказах товаров. Качество классификации и результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Классификация клиентов на лояльных и случайных с помощью дерева решений

Риск	
Оценка	Стд. Ошибка
,052	,005

Метод построения: CHAID
Зависимая переменная: VAR 00004

Классификация

Наблюдаемое	Предсказанное			Процент корректных прогнозов
	0	2		
	0	9	1	0,0%
0	0	747	23	97,0%
2	0	55	848	93,9%
Общий процент	0,0%	48,2%	51,8%	94,8%

Метод построения: CHAID
Зависимая переменная: VAR 00004

Вывод. Таблица подтверждает применимость метода для данной задачи, данные таблицы подтверждают приемлемость качества модели.

Так как влияние количества заказов на лояльность слишком очевидно (чем больше сделано заказов, тем больше лояльность), следующая, дискриминантная, модель была построена без использования данного параметра.

В табл. 2 приведена структурная матрица, отражающая корреляции между использованными переменными и полученной дискриминантной функцией.

Таблица 2. Структурная матрица корреляций для полученной дискриминантной функции

Структурная матрица	
	Функция
	1
day_cnt	,976
cnt_cat	,566
cnt_obj	,298
order_pos_proc	-,154
avg_object_cost	-,040
avg_order_cost	-,004
Объединенные внутригрупповые корреляции между дискриминантными переменными и нормированными каноническими дискриминантными функциями. Переменные упорядочены по абсолютной величине корреляций внутри функции.	

Вывод. Из табл. 2 видно, что наибольший вклад в классификацию вносит количество дней с первого заказа, затем следует широта охвата категорий и среднее количество позиций в заказе. Чем больше каждая из этих переменных, тем вероятнее то, что клиент лоялен компании.

Заключение

В работе приводится методика работы с данными об истории покупок клиентов интернет-магазина на примере выборки, предоставленной магазином «Все инструменты». Показаны значимые факторы в анализе поведения покупателей, особенности определения и построения признаков клиентов. Приведены результаты статистического анализа рассмотренных данных.

Список литературы

1. *Shaun Smith and Joe Wheeler. Managing the Customer Experience : Turning customers into advocates // Financial Times Press. 2002.*
2. *Schmitt B. H. Customer Experience Management : A Revolutionary Approach to Connecting with Your Customers. John Wiley & Sons, 2003.*
3. *Zomerdijk L. G., Voss C. A. Service Design for Experience-Centric Services // Journal of Service Research, 2010. 13 (1). P. 67—82.*
4. *Spiess J., T'Joens Y., Dragnea R., Spencer P., Philippart L. Using Big Data to Improve Customer Experience and Business Performance // Bell Labs Technical Journal. 2014. 18(4). P. 3—17.*
5. *Донской В. И. Алгоритмы обучения, основанные на построении решающих деревьев // Журнал выч. мат. и матем. физики. 1982, Т. 22. № 4. С. 963—974.*

Информация об авторе

Прохорова Татьяна Борисовна, ассистент факультета бизнеса и менеджмента НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, tbprokhorova@hse.ru

ЗАГАДКИ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ», ИЛИ FROM BIG DATA TO КУДА-ТО...

В. В. Сократилин

ЗАО «Решение: консалтинг, исследование рынка», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Обсуждение темы Big Data заполонило околонуучную литературу и литературу, связанную с обработкой данных. Дошла очередь и до использования этого термина в эмпирической социологии — социологических и маркетинговых исследований. Описание технологий, маркируемых этим термином, нередко представляется как новая парадигма в области обработки информации. Для исследовательских компаний слова Big Data довольно быстро становятся инструментом рекламной кампании. Этот доклад — попытка обратить внимание на то, что, с социологической точки зрения, феномен Big Data — всего лишь часть общего процесса изменения отношения человечества к информации.

Ключевые слова: Big Data, социологическое исследование, информация

Основными вызовами для эмпирической социологии являются: 1) противоречие между необходимостью использования современных возможностей обработки данных и очевидным отставанием теоретической социологии в моделировании изучаемых процессов; 2) замена научных методов обработки информации псевдонаучными манипуляциями и рекламными трюками.

Что называют «Большими данными» в околонуучных публикациях?

Изучение литературы, посвященной «Большим данным», показывает, что точное определение этому явлению дают только IT-специалисты. Именно они и характеризуют Big Data пресловутыми 3V — Volume, Variety, Velocity.

Работы, посвященные Big Data в экономике и социологии, обычно, дают неточные описания. Примеры можно найти в [1—4]. При этом всюду Big Data описывается как революционное явление. Но если это революционное явление в жизни человечества, то именно социология должна его понять, объяснить и, по возможности, использовать.

Для понимания феномена Big Data следует разобраться в трех вопросах:

1. Что случилось в жизни человеческого общества, что привело к появлению феномена Big Data?
2. Что за информация содержится в самих Big Data?
3. Почему наличие Big Data что-то меняет в процессах развития науки, в бизнесе и в жизни общества в целом?

Когда и как данные стали «большими»?

Постоянной проблемой обработки данных является их объем, превышающий существующие возможности обработки. Так было во все времена и на всех этапах развития методов и технологий обработки информации. В этом смысле данные всегда были Big [6].

Чтобы понять, в чем же состоит прорыв, который привел к возникновению феномена Big Data, нужно сравнить состояние технологий обработки информации в начале 1980-х гг. и сегодня. В начале 1980-х гг. большая часть информации сохранялась в неэлектронном виде.

Три важные особенности такого вида хранения информации:

- информация разного типа физически хранилась в разных местах;
- информация хранилась в различных форматах, поэтому для работы с ней часто приходилось преобразовывать исходную информацию в удобную для работы форму;
- хранению информации в электронном виде препятствовали дороговизна компьютеров и техническая сложность процедур хранения данных.

Три группы достижений в области IT-технологий резко изменили отношения человечества к информации: персональные компьютеры, Интернет и свободный доступ к огромным объемам памяти.

Эти технические достижения изменили представления человечества об информации. Люди осознали возможность легкого доступа к информации и возможность сохранять информацию любых объемов, причем практически на неограниченный срок. Именно эта революция в отношении человечества к информации и породила феномен Big Data.

Таким образом, Big Data — феномен, сопутствующий «информационной» революции, и явление, которое все специалисты, связанные с кибернетикой, предсказывали много лет назад.

Что за данные содержат «Большие данные» и для кого важны 3V?

Вся информация, которая накоплена до сих пор человечеством, рано или поздно найдет свое место в «электронных хранилищах». Еще большие объемы информации поступают в электронные хранилища в результате того, что компьютерные технологии проникли во все сферы жизни. Часть информации создается отдельными людьми в результате общения. Раньше эта информация не сохранялась вообще или сохранялась на носителях, доступных только авторам.

Таким образом, если под Big Data мы понимаем информацию, которая хранится в электронном виде, то в обозримом будущем Big Data будут содержать всю информацию, которой пользуется человечество.

С точки же зрения IT-специалистов, вызовы Big Data состоят в необходимости обеспечить возможность обработки информации, которая:

- так велика, что не уместается в одном компьютере (Volume);
- генерируется в реальном времени с большой скоростью (Velocity);
- сохраняется в разных форматах (Variety).

Непосредственного отношения к эмпирической социологии эти показатели не имеют.

Big Data и эмпирическая социология

С точки зрения эмпирической социологии, представляются наиболее важными следующие события последних лет в области информации:

- принципиальное изменение отношения человечества к информации, ее хранению и средствам коммуникации;
- упрощение доступа к информации, описывающей поведение и мнение людей, а также упрощение самой коммуникации с людьми;
- успехи IT-технологий в области хранения и обработки данных.

Сами по себе эти достижения ничего не меняют в методах социологических исследований, а предоставляют только возможности. Для того чтобы эти возможности реализовались, необходимы принципиальные прорывы в области моделирования социальных процессов и процессов поведения людей. Речь идет, прежде всего, о математическом моделировании.

Мифы «Больших данных»

Анализируя литературу, посвященную использованию «Больших данных» в маркетинговых и социальных исследованиях, можно выделить несколько уже сформировавшихся мифов;

1. О «новой парадигме в обработке социологической информации» [1].
2. О возможности обрабатывать «просто данные» [2, 3].
3. О «выявлении взаимосвязей с помощью поиска корреляций» [1, 2].
4. О возможности отказа от выборочного метода [2].

Все эти мифы, безобидные сами по себе, так как с научной точки зрения они не выдерживают никакой критики, вместе создают достаточно сильный ажиотаж вокруг понятия Big Data и становятся источником совершенно необоснованных надежд. Кроме того, эти мифы формируют совершенно неверное, если не сказать антинаучное, направление для развития технологий обработки социологической информации. Тем более что псевдонаучная риторика создает замечательный рекламный потенциал для продвижения этих мифов в коммерческих целях.

В настоящем докладе рассмотрены примеры, которые показывают несостоятельность этих мифов:

1. Пример об «обработке данных вообще» показывает, как изменение понимания исходного смысла одних и тех же данных принципиально меняет подход к их обработке [12].
2. Пример «о конверсии в магазине» показывает, что при любой попытке математической обработки данных всегда создается математическая модель реальности, даже если обработчики не отдадут себе в этом отчета [12].
3. Пример «о коэффициенте корреляции» показывает, что наличие или отсутствие корреляции само по себе не позволяет делать никаких выводов о связи между случайными величинами [6, 12].
4. Пример «о числе корреляций» показывает, что автоматизированный поиск корреляций приводит к тому, что на каждые N выявленных действительных взаимосвязей выявляется порядка N^2 «наведенных» (не существующих реально) связей [6, 12].
5. Пример о предсказании гриппа показывает, что прогнозы, основанные на экстраполяции в будущее найденных в Интернете взаимосвязей, неизбежно заканчиваются крахом даже для таких компаний, как Google [2, 7, 8, 12].
6. Пример о конце выборочного метода и наивной вере в « $N = \text{Все}$ » показывает, что представления об отказе от выборочного метода базируются на непонимании принципиальной «вероятностной» сущности многих социальных и экономических процессов [1, 10—12]. В связи с этим примером может быть рассмотрен вопрос о вероятностной парадигме, который рассматривается в [5].

Информационная революция в форме Big Data призывает эмпирическую социологию стать настоящей наукой, использующей настоящий язык науки — математику и современные научные методы моделирования.

Список литературы

1. *Джапек, Л., Кертнер, Ф., Берг, М. и др.* Отчет AAPOR о больших данных: 12 февраля 2015 [Электронный ресурс] / Американская ассоциация исследователей общественного мнения ; пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой, Е. Вьюговской ; Предисловие Д. Рогозина. М., 2015. Материалы V социологической Грушинской конференции, 2015. На сайте ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/AAPOR_big_data.pdf.
2. *Майер-Шенбергер В., Кукьер К.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
3. *Фрэнкс Б.* Укрощение больших данных. Как извлекать знания из массивов информации с помощью глубокой аналитики. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.

4. *McKinsey Global Institute. Report «Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity» May 2011 / by J. Manyika, M. Chui, B. Brown, J. Bughin, R. Dobbs, Ch. Roxburgh, A. Hung Byers. На сайте McKinsey Global Institute. URL: http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/big_data_the_next_frontier_for_innovation.*
5. *Налимов В. В. Облик Науки. СПб.— М. : Центр гуманитарных инициатив, Изд-во МБА, 2010.*
6. *Эльясберг П. Е. Измерительная информация: сколько ее нужно? Как ее обрабатывать? М. : Наука, 1983.*
7. *Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Глобальное предупреждение и ответные действия (GAR). Что такое пандемический вирус (H1N1) — 2009, 24 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/about_disease/ru.*
8. *Арнольд В. И. Теория катастроф. М. : Наука, 1990.*
9. *Физики продолжают шутить : сборник переводов. М. : Мир, 1968.*
10. *Малхотра Н. К. Маркетинговые исследования: Практическое руководство. М.—СПб.—Киев : Издательский дом «Вильямс», 2002.*
11. *Гихман И. И., Скороход А. В. Введение в теорию случайных процессов. М. : Наука, 1977.*
12. *Сократилин В. В. Загадки «Больших данных», или From Big Data to Куда-то... // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 1 (115).*

Информация об авторе

Сократилин Владимир Владимирович, исполнительный директор ЗАО «Решение: консалтинг, исследование рынка», Санкт-Петербург, Россия, sokrat@decision.ru

17. Профессиональный стандарт. Специалист в области социологических и маркетинговых исследований

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ СОЦИОЛОГА КАК ФОРМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ВИДОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГОВ И РИСКИ УНИВЕРСИТЕТОВ

М. В. Артамонова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. На протяжении 2015 г. рабочая группа в составе представителей индустрии социологических исследований, представителей вузов, методистов продолжала работу над проектом профессионального стандарта и пришла к согласию, что стандартизировать в области инвариантной профессиональной деятельности социологов необходимо то, что присуще как вид деятельности профессиональной социологии всем акторам индустрии, науки и образования, а именно — проведение социологических исследований. «Специалист по организации и проведению социологических исследований» — проект рамочного стандарта обобщающего релевантную деятельность для всех социологов. Это первая основная корневая конструкция, которая ведет к разветвлению, конкретизации и дальнейшей детализации отдельных видов деятельности социологов, в частности, такого объемного сегмента социологических исследований как маркетинг. Работа над проектом профстандарта показала преимущественную долю рынка индустрии компаний маркетинговых исследований, что не противоречит идее создания рамочной конструкции, но требует, по настоянию большинства игроков, дополнительных акцентов в профстандарте на маркетинговых исследованиях. Эти предпочтения подтверждаются и более ранними исследованиями, где одним из основных востребованных навыков работников индустрии, занимающих должностные позиции, требующие высшего профильного социологического образования, обозначена компетенция «уметь продавать» [5].

Ключевые слова: профессиональный стандарт, социология, университет

В социологической литературе представлены многочисленные типологии видов профессиональной деятельности социологов. Независимо от функциональных задач (академических, коммерческих, сервильных) [1], типов общественных ролей [2], принадлежности к профессиональным группам и сообществам, профессиональных позиций (наблюдатель-исследователь, прикладной социолог — поставщик информации, социаль-

ный технолог) [3], авторы сходятся во мнении, что для социологов-профессионалов общим является то, что, используя теоретические знания и владея методологией, социолог производит информацию об обществе в реальном режиме времени. Профессиональная деятельность связана с научным осмыслением общества. Понимание и передача знаний об изучаемых социологом социальных явлениях «происходит в рамках строго ограниченной системы координат, ... все операции производятся по определенным правилам доказательства» [4]. То есть главным и инвариантным является производство знаний об обществе (исследование) и распространение его (представление результатов исследования).

Утверждение основного стандарта деятельности является запускающим механизмом к разработке стандартов для интервьюеров, маркетологов, аналитиков рынка, социальных технологов, организационных социологов и др. Какие профессии являются перспективными для отрасли, может определить только профессиональное сообщество.

В последние десятилетия расширенные возможности общественной ломки и государственного переустройства стимулировали бурное развитие отрасли (до 480 компаний в 2013 г.) [6], породили огромную потребность в социологах, что привело в социологическую индустрию и науку много талантливых людей, не имеющих базового социологического образования, но обладающих научным потенциалом и/или большим опытом практической работы. Именно им сегодняшняя социология обязана теми позициями в обществе, которые она занимает. Профессиональный стандарт закрепляет право профессионалов, работающих в практической индустрии, официально принадлежать к профессиональной группе социологов. Общественные изменения требуют институциональных закреплений завоеванных позиций/территорий во избежание сужения и искажения значения целей и задач социологии в обществе и для общества. Тенденции к этим процессам уже заметны [7]. Стандарт деятельности социолога как профессии служит решению этой профессиональной этической задачи, закрепляет профессиональное поле, методы и нормы, которые в том числе позволяют отмежеваться от несоциологии, сохранить доверие общества к результатам общественных опросов.

Сегодня общество, государство, власть и... власть, государство, общество нуждаются в объективных оценках социальных явлений и процессов. Реалистические прогнозы и объяснения можно строить только на объективных данных. Объективность обеспечивается профессионализмом: профессиональным знанием социологических методов, профессионально полученными данными и профессиональной интерпретацией на основе социологического видения. «Сами по себе статистические данные социологии не делают. Они становятся социологией тогда, когда получают со-

циологическую интерпретацию и соотносятся со специальной системой координат социологической теории» [8]. Профессионализм базируется на профильном базовом образовании и практическом опыте работы.

Для того чтобы профессиональное сообщество существовало, оно должно воспроизводиться на институциональном уровне не только в индустриальной практике, но и через систему образования. Социологическое образование, институт высшей школы, выполняя задачу воспроизводства профессиональных кадров социологов, выступает как система поддержки и воспроизводства необходимого количества физических носителей общего контента социологического знания (существенно расширенного доступностью зарубежных источников за четверть века), профессионального языка, способов деятельности и восприятия мира через призму профессионального знания.

Профстандарт должен по определению не противоречить другим значимым документам в профессиональной деятельности, таким как, международные стандарты ИСО, внутренние регламенты компаний. Рекомендации и замечания экспертов проекта стандарта в значительной мере помогли соблюсти условие «непротиворечивости», но динамика изменений (новых вводных) создает угрозы непредвиденных рисков.

Аспект непротиворечивости касается и новых форматов образования. Обсуждение в профессиональной среде перспектив разработки образовательных стандартов IV поколения приводит к размышлению над тем, как будет выглядеть макет образовательного стандарта для направления «социология». Развитие университетов определяет совершенно новую роль работодателей — роль стейкхолдеров — руководителей образовательных программ. Университет становится точкой пересечения преподавания, исследований и производства (где преподавание — это инструментальная деятельность в процессе научного исследования для получения производственного продукта). Институционализация прикладной социологии посредством закрепления описания деятельности в нормативных документах позволит, опираясь на профессиональный стандарт, задавать новые форматы университетского образования ориентированные на перспективы индустрии.

Сегодня система образования функционирует, ориентируясь на существующую профессиональную структуру РФ (закрепленную в квалификационных справочниках профессий, должностей, видов экономической деятельности в РФ). Что означает, что образовательные программы по направлению социология останутся в государственных университетах только в том случае, если профессия социолог будет подтверждена наличием профессионального стандарта, наличием профессии «социолог» в государственных нормативных перечне и справочниках РФ.

В номинативном плане количество бюджетных мест в вузах и существование профильных образовательных программ по направлению социология возможны при условии подтвержденной Минтруд(ом) потребности в кадрах профессии «социолог». В содержательном плане: знание существует и развивается, если существуют его носители (в том числе и прежде всего, теоретической социологии).

Профессиональный стандарт — инструмент закрепления рабочих мест за социологами практиками индустрии социологических исследований, академических структур, преподавателями профильных образовательных программ. Но есть еще сегмент преподавателей гуманитарных кафедр для непрофильных образовательных программ, например, в технических вузах. При мизерности доли социологов данного сегмента в профессиональной структуре, необходимо отметить, что роль преподавания социологии для институционализации социологии, формирования адекватных представлений о социологии и деятельности социологов чрезвычайно важна.

Сопоставление базовых учебных планов за один учебный 2015/2016 год в двух разных по масштабам и направленности университетах показал, что в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» из 72-х непрофильных образовательных программ бакалавриата 34 включают в базовый учебный план дисциплину «социология». В Техническом университете гражданской авиации — 13 непрофильных образовательных программ бакалавриата, из них в 8 базовых планах включена дисциплина «социология». Таким образом, можно допустить, что сегодня базовый курс социологии изучают не менее «половины» студентов технических, экономических и др. непрофильных образовательных программ (вузов). Беглый анализ выявляет — ознакомительное социологическое образование имеет базу распространения элементарной социологической грамотности среди студентов — молодого населения, активность которого подтверждена желанием получить образование в вузе, обладать дипломом. Этот информационный канал в скором времени может исчезнуть.

В парадигме студентоцентрированного подхода и рационализации деятельности вуза-организации, студент — потребитель и заказчик образовательной услуги, покупает услугу — получение, например, инженерного образования — профессии для дальнейшей профессиональной деятельности. Вуз услугу продает (поставляет). Но продавец предлагает покупателю в качестве услуги не только инженерное образование, диплом-разрешение, допуск к профессиональной деятельности. Вуз предлагает интегрированный пакет услуг, который включает собственно образование по профессии, но также и общежитие, спортивные секции,

КВНЫ, интересную студенческую жизнь, транспортную доступность и... гуманитарные дисциплины как часть сопутствующих товаров и услуг*.

Рынок требует профилизации знаний и рационализации учебного процесса, что неизбежно приведет к сокращению (ликвидации) дисциплины социологии в непрофильных образовательных программах. Новые формы электронных курсов стимулируют процесс умирания гуманитарных кафедр в технических вузах.

Высшая школа в образовательных стандартах, содержании профильных образовательных программ, в преподавании курса социологии для технических специальностей опирается на отраслевой профессиональный стандарт как ориентир образовательной деятельности. Институциональное закрепление социологов в профессиональной квалификационной структуре РФ — неизбежная необходимость и требование времени.

Список литературы

1. *Публичная социология в России: материалы дискуссии* // *Общественная роль социологии* / под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой. М. : Вариант, 2008. С. 100.
2. *Веверка М.* Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого «Что делать?» // *Социс.* 2009. № 4. С. 9—13.
3. *Задорин И.* Три профессиональных позиции социолога и репутация профессии [Электронный ресурс] // *Выступление на круглом столе Российского форума 25 октября 2003 г.* URL: http://www.sociologos.ru/cennosti_i_standarty/tri_professionalnyh_pozicii (дата обращения: 12. 03. 2010).
4. *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / пер.с англ. ; под ред. Г. С. Батыгина. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 10.
5. *Артамонова М. В., Оберемко О. А.* Профессиональный стандарт социолога — основа оценки результатов подготовки выпускников вузов по направлению «социология» [Электронный ресурс]. С. 475. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/tezisy_grushin_2015.pdf.
6. *Проценко С. Н.* Тенденции развития и институционализации отрасли социологических и маркетинговых исследований в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociologos.ru/upload/File/Tendencii_razvitiya_otrasli_Otchet_final.pdf.

* Исследование отношения студентов технических вузов к преподаванию гуманитарных предметов показало: а) непонимание целей включения в образовательную программу гуманитарных предметов (в частности, социологии); в) отрицание / нежелание тратить время в ущерб учебным предметам, которые сами студенты считают профильными, полезными для профессиональной деятельности, с) методы преподавания: лекционно-семинарскую систему устаревшей. Исследование проводилось в 2014 г. Анализ 36 эссе студентов 2—3-х курсов в Техническом университете гражданской авиации (Москва) по теме статьи Е. Б. Балацкого «Новые тренды в развитии университетского сектора». URL: https://www.hse.ru/data/2015/09/17/1075031918/mr_15_4_4.pdf.

7. URL: <http://grey-dolphin.livejournal.com/657234.html>.

8. Проказина Н. В. Императивы профессиональной деятельности социолога: теоретические конструкции [Электронный ресурс]. С. 465. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/tezisy_grushin_2015.pdf.

9. URL: https://ioe.hse.ru/announcements/173728486.html?_r=151541454579112.53713&_t=2193030&_r=OK.

Информация об авторе

Артамонова Марина Васильевна, к. с. н., аналитик Центра развития социологического образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, martamonova@hse.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИОЛОГА

С. А. Ахметова, Ф. Ф. Ишкинеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Внимание социологического сообщества к этическим аспектам прикладных исследований отражено в Профессиональном кодексе социолога, однако в практической деятельности оно не так очевидно. Это происходит, разумеется, не потому, что социологи пренебрегают этикой, скорее потому, что этика в работе социолога непосредственно связана с профессионализмом.

В Профессиональном кодексе социолога изложены нормы, предписанные сообществом в процессе выполнения конкретной деятельности, в том числе этические нормы, выработанные в ходе социальной практики, принципы, которыми должны руководствоваться исследователи, чувствующие ответственность за результаты своих эмпирических исследований. В прикладной социологии особенно значимы три аспекта взаимодействия исследователя: с коллегами, с респондентами, с посредником (между исследователем и респондентами) в виде текста вопросника (анкеты или интервью).

Отношения социолога с коллегами и их идеями отличаются терпимостью и уважением. Некомпетентность, непрофессионализм однозначно ведут к нарушению этических норм, возникновению проблем во взаимодействии социолога с коллегами. Так, отсутствие социологической экспертизы приводит порой к погрешностям в исследовательской работе, в частности, игнорирование описания обоснованной процедуры конструирования выборки может породить у коллег сомнение в репрезентативности получаемого материала.

Непрофессионализм проявляется также в отождествлении методов сбора эмпирической информации, а именно анкетного опроса, с социологическим исследованием. Между тем в отечественной социологии уже с начала 1990-х гг. явственно определились исследовательские стратегии: количественная (статистическая) и качественная (гуманистическая), имеющие свою специфику, в том числе в выборе методов сбора эмпирической информации.

Ключевые слова: социология, этика, профессионализм, опросы

В статистической стратегии при создании формализованного вопросника необходимым этапом является пилотаж, функция которого — методическая: определение понимания смысла вопросов респондентами, выявление повторяющихся вариантов ответов для последующего конструирования закрытых вопросов, определение последовательности вопросов. Зачастую беглого взгляда на вопросник достаточно, чтобы понять, предшествовал ли массовому опросу пилотаж. Показателями его отсутствия, в частности, служат открытые вопросы в начале или в конце анкеты, вопросы, содержащие «ошибки внушения», вопросы без учета компетентности респондента и др.

В качественной стратегии исследования в неформализованном интервью, характерном для гуманистического подхода, респонденты более свободны в выражении своих мыслей и чувств, поэтому первые вопросы — открытые — правомерны, поскольку дают простор выражению мнений, респондент сам определяет фокус внимания, излагает мысли по тем проблемам, которые кажутся значимыми ему, а не интервьюеру.

Вопросник как посредник между исследователем и респондентом выполняет коммуникативную функцию. Качество формализованного вопросника, применяющегося, как правило, в процессе заочного общения исследователя и респондента, зависит от множества условий: осведомленности исследователя в изучаемой теме, его методической грамотности; умения корректно конструировать вопросы и возможные варианты ответов. Применение неформализованного интервью предполагает участие в нем самого исследователя-профессионала, поскольку использование «качественных» методов сбора информации, называемых «мягкими», по существу является тяжелой работой. Полнота и достоверность получаемой информации зависят также от личности респондента, его тезауруса, готовности принять участие в опросе, открытости общению. Качество информации зависит также от ситуации взаимодействия между партнерами по общению, от социально-психологической атмосферы, складывающейся в процессе проведения свободного интервью, от доверительности в общении, умения исследователя «разговорить» собеседника. «Высшим пилотажем» считается достижение такой ситуации, когда респондент (ведомый) превращается в информанта (ведущего), в рассказчика, первичного исследователя, повествующего о тех или иных ситуациях в своей жизни, не дожидаясь вопросов интервьюера.

Акцентуация на профессионально-этических принципах проявляется при проведении исследований казанскими социологами, тематика которых обширна. Это, в частности, прикладные исследования междисциплинарного характера, в том числе о социальном самочувствии населения Республики Татарстан [1].

При изучении межэтнических и межрелигиозных отношений в Республике Татарстан (2012—2013 гг.) [2] изменение социокультурной ситуации — неявные миграционные волны, экстремистские акты — вызвали правомерность применения наряду с массовым опросом дискурс-анализа, а также анализа татарских интернет-сообществ, что позволило выявить противоречивые явления и процессы в развитии регионального сообщества, сделать выводы о необходимости их постоянного отслеживания, адекватных действий со стороны компетентных органов, а также сделать акцент на принципах и нормах прикладного социологического исследования процессов секуляризации и религиозного возрождения. Поскольку в республике примерно половина населения — татароязычное, использован, помимо русского, вариант анкеты на татарском языке. Для получения информации о языковых практиках в анкете, помимо вопроса о языке как идентификаторе этничности, использован вопрос о языковых компетенциях (понимание языка, умение на нем разговаривать, умение читать и писать). Подобная детализация позволяет дифференцировать население по степени владения языком и в соответствии с этим разрабатывать рекомендации для выстраивания образовательной и языковой политики в республике. Проблемным остается вопрос взаимоотношений исследователей и респондентов: согласно кодексу, социолог должен соблюдать гарантии конфиденциальности, неразглашения получаемых сведений. Однако работа в поле, связанная с проведением исследований по месту жительства респондентов, предполагает выборочный контроль интервьюеров со стороны руководителя проекта, поэтому необходимы адреса и номера телефонов респондентов. Возникает противоречие между декларируемой гарантией конфиденциальности и реальной практикой сбора первичной информации в поле.

Анализ реализующихся практик прикладных исследований с позиции соблюдения профессионально-этических норм приводит к мысли о необходимости повышения исследовательской культуры как начинающих, так и имеющих опыт социологов.

Список литературы

1. *Полиэтнический регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы.* Казань : Изд-во Казан.ун-та, 2015.
2. *Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане.* Казань : Изд-во Казан.ун-та, 2013.

Информация об авторах

Ахметова Симбуль Абдулловна, к. философ. н., доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук

и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия, giasint7@mail.ru

Ишкинеева Фарида Фалесовна, к. с. н., заведующая лабораторией социологических исследований, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия, farida1967@mail.ru

НУЖНЫ ЛИ СОЦИОЛОГИ РЕГИОНУ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Г. А. Ковалева, Д. В. Спирина

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Аннотация. Подготовка социологов в Череповецком государственном университете началась в 2002 г. Кафедра социологии и социальных технологий первая в области стала реализовывать сложную и важную стратегическую задачу по обеспечению профессионалами не только города, но и Вологодской области. За 14 лет социологическое образование получили более 180 человек.

Первый выпуск специалистов состоялся в 2007 г. В 2015 г. диплом получили первые бакалавры, чуть раньше, в 2011 г. магистры по направлению «социология». С самого первого выпуска на кафедре осуществлялся мониторинг профессиональной карьеры бывших выпускников. География регионов «присутствия» самая широкая: от Калининграда, Москвы, Санкт-Петербурга до Анадыря и Владивостока. Связь поддерживается практически со всеми выпускниками. Секрет таких дружеских и заинтересованных отношений прост. Каждый год в профессиональный праздник — День социолога, 14 ноября кафедра гостеприимно распахивает двери для тех, кто вступил в самостоятельную профессиональную жизнь.

Ключевые слова: социология, обучение, регионы, Череповец

Первый вопрос, который обычно нас интересует: «Кто работает по специальности?». Самый успешный в этом смысле оказался именно первый выпуск, что, собственно, вполне понятно. Потребность в регионе в социологах была на тот момент высокой. Восемь из двадцати человек стали работать социологами в ведущих предприятиях и организациях города: АО «Северсталь», Благотворительный Фонд «Дорога к дому», МУ «Информационное мониторинговое агентство «Череповец», АО «ФосАгро Череповец» и др. В последующие годы еще 16 человек связали свою профессиональную деятельность с практикой социологических исследований (в том числе маркетинговых). В числе мест трудовой деятельности: Маркетинговая компания «ITM» Москва, Исследовательская компания SOMCON (Санкт-Петербург), ИСЭРТ РАН г. Вологда, ЦГИК «Развитие» г. Вологда, Фонд содействия изучению общественного мнения ВЦИОМ, Ромир Мониторинг Стандарт, Санкт-Петербург, исследовательский центр Гортис, Филиал фирмы Russian Research Ltd., ЗАО

«Росбезопасностьконсалтинг» г. Климов, г. Обнинск, ООО «Самсунг Рашн Сервис Кампани» и др.

Среди наших выпускников немало тех, кто связал свою жизнь (или планирует связать) с «большой» наукой. Продолжили обучение в аспирантурах Москвы, Санкт-Петербурга и Череповца 11 человек. Один из выпускников успешно защитил кандидатскую диссертацию, трое «на подходе».

На первый взгляд, востребованность наших выпускников можно поставить под сомнение, но именно университетское классическое образование социологического профиля позволяет утверждать, что знания и умения, которые приобрели ребята за время обучения в ВУЗе, сделали социологию не только понятной для работодателя, но и весьма уважаемой сферой профессиональной деятельности. В качестве весомого аргумента тот факт, что 19 выпускников работают в государственных структурах и учреждениях (только в структурных подразделениях мэрии Череповца 10 человек!) муниципального и федерального уровня. Большинство решений органы государственной власти принимают на основе изучения различных аспектов общественного мнения. Один из наших выпускников, ныне участковый полицейский, отметил, что «... именно социологическое образование помогает принимать взвешенные решения, находить успешные способы решения конфликтных ситуаций, грамотно действовать в критических ситуациях».

Не менее востребованными оказались наши бывшие студенты в банковской сфере (без получения дополнительного образования). Более двадцати человек успешно зарекомендовали себя в этой профессиональной области. Это не просто специалисты ведущих банков города: Банк ВТБ-24, Сбербанк России, «Номе кредит», «Райффайзенбанк», ПАО «Банк Санкт-Петербург». Среди них — руководители служб и структурных подразделений: маркетинга, отдела кадров, управлений по работе с клиентами и персоналом, отделов продажи продвижения банковских продуктов и пр.

Если составить своеобразный рейтинг трудоустройства наших выпускников, то на следующей позиции окажутся: работа в СМИ, PR-службах. Это вполне объяснимо, так как выбранная специализация при подготовке была «Социология коммуникаций». Среди организаций этого направления: МУ ИМА «Череповец», DPD в России, Журнал «ПРО недвижимость 35», Радио «Рекорд», «Европа+», Дорожное радио, ООО «Авиапредприятие «Северсталь», ООО «Инфодром Медиа СЗ», Санкт-Петербург, ООО «Все 35», СПб интернет-провайдер ООО «ЗЭТ-Телеком» (InterZet), Дрим Медиа, Рекламное агентство «Гранд Медиа Сервис», Редакция еженедельной газеты «Голос Череповца» и др.

Кроме этого, кафедра целенаправленно готовила специалистов в области управления. Именно поэтому одним из профилей подготовки по магистерской программе выбрана «Социология управления». Такая тактика позволила нашим выпускникам успешно конкурировать на рынке труда с теми, кто получил профильное образование по направлению «Менеджмент». Более глубокое понимание социальных аспектов управленческой деятельности позволило нашим выпускникам работать в различных управленческих структурах ведущих предприятий и организаций города и региона: ГУ «Центр занятости населения», Кадровое агентство (Санкт-Петербург), ГУ СПб РО ФСС РФ Санкт-Петербург, ООО «Малленом системс», ФМС России управление федеральной миграционной службы по Вологодской области, «Северсталь» кадровая служба, ЗАО «Череповецкий фанерно-мебельный комбинат», Инженерный Центр «Коммунальные системы», ООО «КМ/Ч-Череповец» автосалон и др. Полученные управленческие навыки позволили 8 выпускникам основать и развивать собственный бизнес.

Естественно, не все ребята почувствовали себя своими в профессии. Есть среди наших выпускников те, кто сделал кардинальный поворот, отказавшись от занятий социологией. Так, выпускница 2013 г. поступила в медицинский колледж на «сестринское дело», бухгалтером стала после окончания ИМИТ выпускница 2012 г., но из разговора с ними стало ясно, что девушки в глубине души надеются, что полученное образование поможет им в профессиональной карьере.

Последние данные 2015 г., к сожалению, обозначили несколько негативную тенденцию. Проблемы с трудоустройством испытали бакалавры. И дело, на наш взгляд, не в качестве их подготовки, а в сужении возможностей рынка трудовых ресурсов. Сокращение численности персонала, снижение заработной платы, жесткая конкуренция привели к тому, что увеличилось время поиска желаемого места работы. Однако из бесед с потенциальными и реальными работодателями становится ясно, что при прочих равных условиях и возможностях они отдадут предпочтение именно тем, кто получил социологическое образование, поскольку такой специалист может не только выявить и описать социальные проблемы, но и дать точный прогноз развития событий, подсказать оптимальный вариант решения.

Информация об авторах

Ковалева Галина Александровна, к. с. н., доцент кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, galoka1960@yandex.ru

Спирина Дарья Васильевна, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, spirinad@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГОВ

С. А. Константинов

*Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова,
Саратов, Россия*

Аннотация. Специфика социологии как науки заключается в том, что в ее предмет входит научный анализ различных феноменов общественной жизни. Социология начинается с осознания того, что сообщество взаимодействующих людей есть особая реальность. Можно сказать, что социология — это средство самопознания общества и человека. Специфика социологического подхода заключается в привлечении собственных эмпирических процедур (а не только теоретических спекуляций) для изучения общества. Однако эта наука близко соприкасаясь, отталкивается и противостоит, обыденному, повседневному сознанию людей, основанному на здравом смысле.

Ключевые слова: социология, социолог, профессия, профессиограмма, социолограмма

С конца XIX в. общественные науки, литература и прикладные виды деятельности (телевидение) все чаще обращаются к обыденному, социальному, к реальному («живому») сознанию людей. С конца девятнадцатого века развивается и социология — наука, специально занимающаяся реальностью, изучающая, прежде всего, реальные мнения, чувства, вербальное и поведенческое сознание людей. Зададимся вопросами: почему происходит такое подобие, такая схожесть в человеческой рефлексии? Почему становится интересным, возможным и важным узнавать, передавать и выражать реальные переживания, чувства людей? Представляется, что дело здесь в двух причинах: во-первых, в эволюции науки, литературы, искусств, в новом месте, которое занимают эти сферы деятельности человека в обществе; во-вторых, это связано с эволюцией развития самого общества, в формировании свободного гражданского общества, где множество людей получили возможность заниматься интеллектуальной и духовной деятельностью, в условиях насыщенности общественных связей.

На ранних этапах развития науки и искусств занимающиеся этими видами деятельности были немногочисленны, творцы и ученые ощущали свою избранность и поддерживали монополизм своей деятельности. К тому же в это время лишь немногие профессиональные темы были

затронуты исследователями, которые становились пионерами и первооткрывателями этих направлений деятельности. На первый план выходила личность самого деятеля (ученого, художника), через внутренний мир которого преломлялась окружающая его реальность со всем многообразием отношений, связей, структур. На современном этапе ученым и художникам стало не хватать собственных ощущений, мыслей, собственного сознания, и они вынуждены были привлекать сознание других людей для своей работы. Иными словами, от интровертной они стали переходить к экстравертной, более целенаправленной, публичной деятельности.

Социология содержит в себе возможность изучать тенденции настоящего. Эта наука по принципу обратной связи удовлетворяет потребности людей современного общества в немедленном понимании происходящих социальных явлений. Сложность общества и достаточная свобода выбора его членов актуализировала проблемы существования. Социальные науки, и социология в частности, являются средствами, позволяющими обществу выжить. Социальные технологии все чаще применяются на практике. Социологическая информация дополняет историческую информацию, и, чтобы не было вреда обществу (по мысли Ницше), необходимо быть способным воспринимать ее, т. е. учиться быть, в дополнение к историческому, и социологическим человеком. Для этого требуется создавать особые институты и практики.

В процессе деятельности у социолога вырабатывается особое социологическое мышление отличное от поэтического, писательского, философского, психологического, экономического и других, а также близкое, но отличающееся от обыденного. Его суть детерминирована особым подходом к рассмотрению социальной реальности. Социолог должен быть постоянно «включен в оценку социальных событий, но под социологическим углом зрения». Для этого он должен постоянно читать газеты, смотреть ТВ, слушать радио, узнавать самые свежие и важные новости, волнующие общественное мнение (реально или потенциально), т. е. быть в курсе различных социальных фактов. Можно сказать, что социолог должен быть любопытным ко многим проявлениям социальной реальности. Это формирует социолога как постоянного оценщика событий, что иногда приводит к появлению в его характере невыносимых негативных человеческих черт, таких как цинизм, негативизм, ипохондрия. Это является негативным проявлением социологического мышления или примером отчуждения профессией личности человека.

Журналист и социолог различаются методологически и технологически. Журналист пользуется общечеловеческими принципами, которые больше ориентированы на повседневное сознание. Социолог же использует науч-

ную методологию на всех этапах вывода социологического знания. Можно даже утверждать, что на стадиях своей деятельности социолог использует социологическую технологию (опросы, интервью, научное объяснение, научный аналитический отчет и представление собранных и проанализированных данных). А журналист использует журналистскую технологию (проведение интервью с информаторами, журналистское расследование, далее субъективный анализ собранной информации) и выход продукции через публикацию материалов, ориентированных на потребителей и оформленных в достаточно доступной форме. Социолог почти всегда пытается объективизировать собранную информацию и представить ее, по возможности, без субъективных интерпретаций. Еще одно различие: журналист — более индивидуалистическая профессия, так как он почти всегда работает по заданию редакции один, сам себе ставит и решает задачи. Социолог же, особенно прикладной, работает в команде. И та и другая деятельности необходимы и имеют спрос у общества. Заметим, что иногда в качестве журналистов работают (а чаще «подрабатывают») некоторые профессиональные ученые, например, экономисты, политологи, социологи, филологи, правоведаы, искусствоведаы.

Наблюдается следующая закономерность российского рынка труда: хорошо и высоко оплачивается не творческий труд, а труд, поставленный на поток, который уже является закостенелой технологией (например, посредничество при продаже товаров, а не их производство; маркетологи-прикладники, а не те, кто изобретает новые маркетинговые ходы).

Интерес и практика социологов «качнулись» в сторону использования качественных методов. Методологи науки и философы спорят об антропологии, где утверждают, что человек и общество настолько сложны, что переводить ткань социальных отношений в количественные показатели нельзя по причине искажения, потери сущности, смысла социальных отношений. Они критикуют позитивистские методы в социологии. Однако это значит, что существующие социологические, по меньшей мере, количественные методы всегда до этого приносили ошибочные и неадекватные результаты. Интересно сравнить упомянутую точку зрения со взглядами представителей естественных наук, а также экономистов и практиков, проводивших изучение социальных организаций. Не раз приходилось наблюдать различие во взглядах на методологию научного поиска у этих диаметрально противоположных профессиональных групп. Скорее всего, дело в сформированном научном сознании этих групп. Заметим, что для человека законы подражания и приспособления к принятым групповым нормам являются обязательным механизмом существования.

В количественных социологических методах применяется высоко формализованный инструментарий, в котором содержится большая пред-

варительная работа социолога. Используя его, ученый-социолог берет на себя огромную ответственность, учитывая все особенности социальных взаимодействий объекта изучения! Это с одной стороны. А с другой стороны, социолог надеется получить новое социальное знание, которое ему было недоступно в предварительном описании и изучении проблемы, т. е. через простое, неколичественное рассмотрение и описание объекта. Поэтому главное, чего хочет социолог от исследования — получить новое, никому неизвестное социальное качество и/или получить научно обоснованное, в количественной форме подтвержденное, известное ему предположение.

Предложим собственное восприятие российской социологии. Профессия социолога не так давно вошла в нашу жизнь. Широко она проявилась в конце 1980-х гг., когда появились демократические свободы в жизни советского тогда еще общества. Кафедры научного коммунизма в вузах стали переименовываться в кафедры социологии. Появился Всесоюзный центр изучения общественного мнения. Частью повседневной жизни граждан стали результаты социологических опросов по различным аспектам жизни. От того, кто является самым известным человеком страны, до того, какие товары предпочитает покупать население страны. С тех пор социология прошла период интенсивного развития.

Социолог широкого профиля должен уметь налаживать контакты с клиентами-респондентами, если он сам проводит анкетирование или интервьюирование, преподавать, представлять результаты своих исследований. Есть социологи, специализирующиеся только на преподавании социологических дисциплин. Однако основную часть профессиональных способностей социолога составляют исследовательские и аналитические; он должен уметь общаться с потенциальными заказчиками; уметь поставить исследовательскую проблему, знать технологию эмпирических исследований, уметь описывать эмпирические результаты. Среди социологов с универсальными навыками выделяются узкие специалисты по постановке проблемы, формулировке задач, гипотез. Одним из трудных моментов социологической технологии является составление выборки, в академических социологических кругах ею занимаются отдельные специалисты (среди них много математиков, специалистов по теории вероятности).

Немаловажно, что социологическому образованию в России начала XXI в. всего чуть более 20 лет. И многие специалисты-социологи — переквалифицировавшиеся обществоведы в прошлом (среди них много бывших преподавателей научного коммунизма, историков, естественников, математиков, философов, экономистов и даже физиков). В конце 1980-х гг. было три типа социологов. Первая группа — производственни-

ки (это те, кто работал в социологических и социально-психологических лабораториях крупных предприятий). К началу 1990-х гг. практически все лаборатории были закрыты. Другая группа — социологи, работавшие на Коммунистическую партию Советского Союза, трудившиеся инструкторами в высших партийных школах, преподавателями научного коммунизма в вузах. Они в настоящий момент или совсем переквалифицировались или превратились в вузовских социологов и политологов. Третья группа — практические социологи из вузовских социологических лабораторий. Часть из них занималась околосоциологической работой — составлением планов социально-экономического развития города, района, села. Другие являлись представителями программы Госкомвуза «Общественное мнение». Сейчас эта группа также сильно поредела. Часть ушла в вузовские преподаватели, часть переквалифицировалась. Остальные занимаются социологическими исследованиями по другим тематикам. Многие социологи занимаются в настоящее время маркетинговыми исследованиями. Другие — изучением электорального поведения граждан. Третьи ушли под «крышу» министерств и изучают различные сферы общества, такие как рынок труда, занятость, медицина, сельское хозяйство, социальная сфера, или работают в аналитических центрах государственных администраций различного уровня, от городских до областных. В последнее время прореживаются и подлежат сокращению вузовские социологи.

Социологам всегда есть, где подработать. Например, в качестве работчика в маркетинговых, предвыборных исследованиях и опросах общественного мнения (таких крупных социологических фирм, как ВЦИОМ, РОМИР, ФОМ). Небольшая часть, особенно, столичных социологов тесно работает с иностранными заказчиками. Они участвуют в больших и хорошо оплачиваемых, по российским меркам, исследованиях. Сейчас можно заработать на грантах различных отечественных и иностранных общественных научных организаций. Видна перспектива для вновь получающих профессию социолога работать в сфере маркетинговых исследований, изучения общественного мнения и управления персоналом. Однако эта профессия, на наш взгляд, не может принести большой доход, скорее, она для людей, любящих свое дело, для которых самая важная ценность — это познание социальных связей и отношений. Рынок труда профессий, близких к профессии социолога, включает, прежде всего, обществоведов (психологов, философов, экономистов, историков, статистиков, демографов, регионоведов), специалистов по маркетингу, рекламе, связям с общественностью, журналистов и других гуманитариев.

На социологическом рынке труда (или на рынке профессии социолога) появились новые поколения профессионалов, имеющих специальное со-

циологическое образование. Однако умения и навыки этих молодых людей сильно различаются, в зависимости от того, в каком учебном заведении они были получены. Охарактеризуем саратовский рынок. В Саратове социологов готовят в Социально-экономическом университете (специальность «экономическая социология»), Государственном университете (специальность «общая социология»), филиалах Московского гуманитарного института и Московского университета. Центрами социологической жизни являются Государственный университет и Технический университет, где находятся докторские диссертационные советы по социологии, в этих вузах проходят обучение множество аспирантов и соискателей.

Наблюдения за социально-профессиональным сознанием и деятельностью социологов позволили предложить программу эмпирического социологического изучения различных видов профессионального сознания и профессиональной деятельности.

О содержании профессии можно узнать в профессиограмме. Однако в современной переходной экономике появляются все новые формы и типы организаций, образуется совершенно уникальный российский рынок труда, появляются новые профессии, поэтому справочники профессиограмм отстают от процессов рынка труда. Представляется актуальным предложить новую форму и новое понятие — социолограмму профессий (фактически это модифицированная социологическая профессиограмма). Социолограмму профессии образует информация, полученная социологическими средствами, о самой профессии, организациях, где она применяется, и рынке профессии. В интервью при подготовке социолограмм обращаются напрямую к профессионалам, практикующим свою профессию в реальных условиях. Автор индивидуально и в составе группы с конца 1999 г. проводит полевые и теоретические работы по социолограммам профессий. Проведена огромная работа по изучению профессий (к настоящему моменту готово более 60), отработке инструментария, презентации инновационного подхода. Проводится интерпретация содержания социолограмм для изучения профессионального сознания, профессионального ориентирования, рынков образования, труда и, в целом, профессий и профессионалов.

Информация об авторе

Константинов Сергей Александрович, д. с. н., профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского социально-экономического института (филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова), Саратов, Россия, trux@yandex.ru

КУДА МОГУТ ЗАВЕСТИ ЭТИ ИГРЫ: МНЕНИЕ СКЕПТИКА О ПРОЕКТЕ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО «СОЦИОЛОГИИ». СПЕЦИАЛИСТ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

В. Я. Красниковский

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Мои впечатления, сложившиеся в результате изучения проекта документа «Профессиональный стандарт по «Социологии». Специалист по организации и проведению социологических исследований», сформировались в двух направлениях. Во-первых, это соображения общего характера, отражающие мое понимание того ситуационного контекста, в котором создается документ. Во-вторых, это замечания по поводу конкретных недочетов готовящегося документа, вытекающие в формулировки конкретных предложений, нацеленных на улучшение его общего качества и повышения степени соответствия тем задачам, которые этот документ призван решать после его официального утверждения. Все мысли и предложения, относящиеся к конкретике недочетов, я изложил письменно, и передам в рабочую группу. Здесь же речь пойдет именно о ситуационном контексте создания и возможных последствиях этого документа.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, социология,

Итак, по существу.

Соображения и замечания, связанные с общим ситуационным контекстом.

I. Прежде всего, полагаю необходимым определиться с пониманием тех целей, которые должны быть достигнуты в результате работы по формированию и утверждению профессионального стандарта. Т.е. для чего этот документ изготавливается его авторами и чему он будет служить в дальнейшем.

Можно предполагать, что, видимо, его сверхзадача в том, чтобы «легализовать» на уровне федерального нормативного акта (перечня профессий) профессию социолога, добавив ее в этот перечень.

Но какова организационно-отношенческая подоплека этого? Я вижу ее следующим образом. ВШЭ борется с МГУ на поле разрешительных прав (там, прежде всего, права присваивать различные грифы УМО, ряд других прав, и вот, теперь — маячащее «на горизонте» право лицензировать научную деятельность в области социологии). Подчеркиваю:

весьма вероятно, что, в перспективе, речь пойдет именно об «узурпации» возможности лицензировать научную деятельность в сфере научно-прикладных исследований в области социологии. ВЦИОМ же, имея более чем дружественные деловые связи с ВШЭ, пытается здесь просто «не упустить своего кусочка» на поприще распределения прав административного торга. Но здесь еще и напрямую задеваются интересы ряда других индивидуальных и ассоциированных членов нашего профессионального сообщества, включая другие ВУЗы, осуществляющие подготовку по социологическим специальностям. Подчеркну, что все сказанное выше в этом абзаце, начиная со слов «А подоплеку этого процесса...», — мое личное мнение, в котором я могу ошибаться.

II. Если речь идет о квалификационных требованиях, которые будут утверждаться в статусе нормативного документа федерального уровня, то почему эти работы не возглавляет Российская социологическая ассоциация как хоть какая-то формируемая на демократической основе «институция», обладающая хоть каким-то общим признанием в профессиональном цехе? Почему работы в этой, столь важной для судеб отечественной социологии, сфере возглавляют и проводят организации, хоть и не плохие, хоть и достойные — каждая по своему — уважения, но рядоположенные в области социологических исследований, в крайнем случае, достойные претендовать на неформальное звание «равные среди равных»?

III. На каком основании в предложенном перечне полностью разводится профессия социолог-исследователь и социолог-преподаватель? Ведь, работодателем для выпускников с дипломами социологов являются не только исследовательские организации прикладной направленности или организации, проводящие опросы, но и вузы.

Кстати, в вузах сейчас, наоборот, набирает силу вредная и необоснованная, на мой взгляд, тенденция усиления вовлеченности преподавателей в научную (и, особенно, в научно-прикладную) деятельность; т. е. ОНА ОБОСНОВАНА ТОЛЬКО АДМИНИСТРАТИВНОЙ необходимостью, но не факторами содержательного характера из сферы преподавания. Речь о том, что в XIV—XVI вв. нормой было совмещение в одном лице и функций университетского профессора-преподавателя, и функций ученого-исследователя (а поскольку наука существовала в основном при монастырях, еще и функций священнослужителя). Это было оправданно в Средневековье. Но с тех пор в социально-трудовой сфере набрал силу и утвердился объективный процесс разделения профессий, набрала силу дифференциация социально-трудовой сферы. И сейчас это совершенно разные профессии — социолог-преподаватель и социолог-исследователь. И тому мы в жизни имеем множество подтверждений: есть огромное

количество хороших ученых (именно — Ученых!), совершенно не способных преподавать на систематической основе, — и немало очень хороших преподавателей, в принципе не пригодных к научной деятельности. Но имеется и противоположная ситуация: кому-то из научных работников удастся успешно преподавать, как и кто-то из профессиональных преподавателей вполне успешен и в научных исследованиях. Здесь нет и не может быть некоего единого «стандарта». Не буду углубляться в эти дебри, подчеркну лишь, что ученый и преподаватель — это разные профессии, даже если они относятся к одной и той же научной дисциплине (например, социологии).

Кстати, в нашей стране наблюдается интересный парадокс: если от научных работников никто в приказном порядке не требует заниматься параллельно с научной деятельностью еще и преподаванием, то от вузовских преподавателей именно требуется вести еще и научную работу...

Но вернемся к рассматриваемому документу. Если он будет принят в таком тенденциозном виде, то речь в дальнейшем пойдет о том, что, чисто административно и нормативно, переход из социологов-исследователей в преподаватели социологии и «обратно» окажется либо сильно затруднен, либо попросту невозможен. А ведь этим, осложнив взаимные межпрофессиональные переходы (точнее переходы между социологическими специальностями внутри профессии), мы рискуем существенно кадрово обеднить именно ту часть социологии, которая связана именно с образованием, с подготовкой социологических кадров для работы в области прикладной социологии (т. к. перекроем приток практиков).

Заключение

Резюмируя общие впечатления от изучения документа, возникшие в контексте моего знания о том, что происходит в социологическом цехе, я отважусь оценить значение этого документа как прикрываемую «правильными словами» очередную попытку одной из группировок усилить свое влияние и свои возможности доступа к ресурсам, причем сделать это в ущерб ряду других индивидуальных и ассоциированных членов нашего профессионального сообщества. В том числе вузов, готовящих по социологическим специальностям, поскольку с просьбами о лицензировании им придется обращаться в ВШЭ или во ВЦИОМ, чему объективных причин лично я не вижу.

Информация об авторе

Красниковский Владимир Ярославович, к. э. н., доцент кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, krvl2007@yandex.ru

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ В СОЦИОЛОГИИ? РАЗМЫШЛЯЕМ СО СТУДЕНТАМИ-СОЦИОЛОГАМИ ПЕРВОГО КУРСА (АНАЛИЗ ЭССЕ СТУДЕНТОВ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ТЕМУ «МОЯ БУДУЩАЯ ПРОФЕССИЯ»)

С. Н. Макаров, Г. И. Кичев

Смоленский государственный университет, Центр социологических и маркетинговых исследований Kilometria Research, Смоленск, Россия

Аннотация. Социология становится динамичной, результаты нужны «еще вчера», а автоматизировать механизм биографического метода достаточно сложно, и поэтому погружение в массивы индивидуальных жизнеописаний требует от исследователя большого количества сил. В своем исследовании мы постарались выделить профессиональные траектории тех, кто занимается социологией только полгода, оценить их взгляды на свои перспективы и скорректировать наши собственные усилия в процессе воспитания и развития будущей смены.

Ключевые слова: профессия, студенты, социология

Возможность оценки будущих перспектив и построения жизненных траекторий — важная вещь, как с точки зрения исследователя, так и объекта исследования. Выбирая социологию в качестве сферы профессиональной деятельности логично возникает вопрос о преемственности, наличии связи между профессиональными поколениями. Одним из способов установления, разработки или коррекции профессиональных устремлений может стать применение исследователем биографического метода с его возможностью проективного целеполагания. Со времен У. Томаса и Ф. Знанецкого [1] биографический метод прошел большой путь — от научного взлета до практически полного забвения. Такое положение дел в какой-то степени связано с технологией применения метода и длительным (по современным меркам) анализом результатов.

Работа с материалами исследования — эссе первокурсников на тему «Моя будущая профессия» — позволила сформировать несколько индикаторов-тем. Иерархия индикаторов выглядит следующим образом:

1. Склонности, интересующие сферы — 61,11 %.
2. Предполагаемая профессиональная деятельность — 61,11 %.
3. Тревога неопределенности — 61,11 %.
4. Полезные вторичные навыки — 27,78 %.
5. Мотивация выбора специальности обучения — 27,78 %.
6. Образование после получения первого высшего — 22,22 %.

7. Социология глазами студента — 22,22 %.

8. Социология глазами общества — 11,11 %.

Детальный анализ полученных индикативных конструкций позволяет сделать следующие выводы.

Большинство респондентов (63,64 %) не отметили в своих эссе склонность к социологии или предыдущий интерес к этой науке. При этом социологи-первокурсники — люди творческие (П.: «Свою жизнь я хотел бы посвятить актерству», «Думаю, что с рисованием у меня есть больше шансов, я занимаюсь им с детства»), нередко видят себя в других профессиональных областях («С самого детства я задумывалась о таких профессиях как „юрист“, „психолог“, «Мой любимый предмет — история. Я хотела бы связать свою жизнь с ней. Заняться преподавательской деятельностью или археологическими исследованиями»). Только треть студентов (36,36 %) отметили интерес к наукам об обществе: «Еще с самого детства мечтала связать дальнейшую судьбу с моим любимым предметом — обществознанием», «Мне очень нравится изучать все аспекты и методы, поэтому, надеюсь, социолог — моя будущая профессия».

В рамках анализа второй темы-индикатора связать свою профессиональную жизнь с социологией планируют 18,18 % участников исследования (П.: «Моя будущая профессия — социолог. Мне бы хотелось связать свое будущее именно с этой профессией», «Надеюсь ... у меня получится устроиться в какой-нибудь центр социологических исследований, т. к. мне интересно проводить опросы, заключать на их основе выводы, прогнозировать дальнейшее развитие отдельных сфер и общества в целом»). Большинство участников исследования (54,55 %) делают выбор в пользу другой профессии (П.: «Думаю, что художник как профессия подходит мне больше всего», «На самом деле, я в будущем вижу себя директором магазина молодежной одежды»).

Важными представляются результаты третьей темы-индикатора. Основная масса студентов просто испытывает трудности с точным определением своего будущего (81,82 %), но некоторые (18,18 %) испытывают настоящую тревогу, перерастающую в нервное состояние страха. Связано это как с ощущением полной неопределенности своего будущего (П.: «Честно говоря, вопрос о моей будущей профессии заставляет меня нервничать»), так и с возможностью неправильного выбора специальности, ощущения совершения ошибки (П.: «Каждое утро я просыпаюсь со страхом, что я не на своем месте. Я совершенно не знаю, в каком направлении мне двигаться»).

Многие респонденты рассматривают обучение специальности «социолог» как способ приобретения полезных вторичных навыков. Так в 27,78 % эссе упоминается тема овладения полезными побочными ком-

петенциями (П.: «Мне хотелось бы работать с людьми, в чем профессия социолога мне очень поможет», «...думаю, что в дальнейшем это (социологическое образование) мне пригодится и принесет удовольствие», «Со временем профессия „социолог“ становится очень выгодной, не только с материальной, но и с психологической точки зрения. Социолога готовят для работы с людьми, а это очень полезно и познавательно»). Упоминание полезных побочных навыков занимает довольно весомое место в тематике эссе. Стоит отметить большую контекстуальную схожесть данных заявлений с механизмом рационализации своей будущей жизни.

Описание своей мотивации при выборе специальности обучения тоже занимает важное место в тематических блоках многих эссе (27,78%). Большая часть авторов (60%) отмечает вынужденный характер своего выбора (П.: «На юридическом бюджетных мест не было, поэтому я решил пойти туда, где бюджета больше всего. Сдав экзамены, я поступил на социальный факультет», «Я подала документы, потому что мне посоветовали»). Другие (40%) высказались о полной или частичной осознанности своего выбора (П.: «...Но я люблю людей, я хочу понять их и у меня есть стремление познать их», «Когда я перешла в 11 класс, то услышала о такой специальности, как социология, и мне захотелось узнать, что она из себя представляет»). Статистической зависимости между вынужденностью выбора и ощущением неопределенности не обнаружено.

В рамках анализа шестой индикативной конструкции следует отметить, что абсолютно все авторы, сообщившие о намерении получать следующее образование, изъявляли желание получить другую или смежную специальность (П.: «Возможно, после я получу второе образование», «Возможно, мне следует пойти в магистратуру по другой специальности, более близкой к моей мечте»), а не продолжать обучение в рамках социологии (магистратура, аспирантура и т.д.). В контексте поднятой темы понятным становится факт компенсации за счет получения другого образования — 66,67% возможной ошибки, связанной с получением специальности «социолог». Желание получения второго образования часто сопровождается описанием своих склонностей, не находящих отражения в получаемой специальности.

Распространенной является ситуация, при которой студенты-социологи рассуждают на тему своего видения социологии в целом. Это прослеживается в 22,22% работ. Можно выделить два явных аспекта представлений: социально-исследовательская деятельность и социально-практическая деятельность (П.: «Этот человек (социолог), благодаря навыкам общения, ответственности и способности принимать решения, может выявить проблемы современного общества и найти рациональный путь их решения», «...потом решать волнующие вопросы и делать все необходимое, чтобы обществу жилось лучше»).

Основа работы социолога в глазах первокурсников — эмпирическая исследовательская деятельность. Практический характер применения данных исследований в эссе упоминается, но реже.

Такая индикативная конструкция как «Социология глазами общества» поднимается авторами достаточно редко (11,11%). Здесь студенты единогласно отмечают непонимание обществом социологии, отсутствие четкой позиции в ее статусе и статусе специалистов-социологов (П.: «Люди иногда не видят перспектив этой профессии», «Социология — молодая профессия, и мало кто понимает в полной мере, чем она занимается»). Непонимание места социологии и социологов в существующей социальной системе является дополнительным социально фрустрирующим фактором.

Можно сделать вывод, что люди, выбравшие для себя профессию «социолог» находятся в начале очень важного для них этапа жизненного пути. То, насколько удачно сложится жизнь этих молодых людей в профессии, зависит от тех, кто будет работать в качестве преподавателей, и от того, насколько сами преподаватели понимают и любят социологию.

Список литературы

Thomas W. L., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N.Y.: Dover Publications, 1958.

Информация об авторах

Макаров Сергей Николаевич, к. с. н., доцент кафедры социологии и философии СмолГУ, Смоленск, Россия, snmak75@mail.ru

Кичев Георгий Игоревич, директор центра социологических и маркетинговых исследований Kilometria Research, Смоленск, Россия, smolkichev@mail.ru

СУЩЕЕ И ДОЛЖНОЕ В РЕКОМЕНДАЦИЯХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ И ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС

Н. А. Романович

*Институт общественного мнения «Квалитас», РАНХиГС при Президенте РФ,
Воронеж, Россия*

Аннотация. Возникшие в процессе разработки профессионального стандарта социолога споры о том, что он должен отражать — то положение дел, которое существует на рынке труда, или же то, которое было бы желательно, т. е. *сущее* или *должное*, — провоцируют размышления о взаимодействии рынка труда и системы образования. Само совещание работодателей и преподавателей предполагает выработку запроса на нужные качества будущих работников, адресованные сфере образования. Казалось бы, все логично. Все, кроме времени...

Ключевые слова: профессиональный стандарт, социология, этика, этический кодекс

Предполагается, что рынок труда должен формировать запрос на квалифицированных специалистов, а система образования — готовить подходящие кадры. Но, в таком случае, в саму систему воспроизводства кадрового потенциала закладывается фактор неминуемого отставания от рыночных потребностей. Может ли быть иначе? Ф. Э. Шереги пишет: «Система образования является базисным социальным институтом, определяющим уровень научно-технического прогресса. Чтобы стимулировать этот прогресс, данный институт должен не только соответствовать потребностям времени, но и обладать способностью к опережающему развитию» [1]. Сегодня у системы образования может быть только одна цель — догнать ускользающие запросы реального рынка труда. Нет даже речи об «опережающем развитии», есть задача лишь сократить по возможности отставание от потребностей рынка.

Если работодатели закладывают в будущий стандарт представление о *сущем*, т. е. о текущих потребностях рынка, о текущей ситуации на рынке, то тем самым усугубляют это отставание, делают его непреодолимым. Если же речь пойдет о *должном*, то в этом будет усматриваться хотя бы попытка сократить перманентное отставание от потребностей рынка.

О перманентном отставании системы образования свидетельствует целая армия квалифицированных специалистов, работающих не по специальности. Работа не по специальности — это, прежде всего, даром потраченные годы учебы. Сколько сегодня в Воронеже таких

специалистов, оказавшихся «не у дел»? Институт общественного мнения «Квалитас» провел социологическое исследование в Воронеже, посвященное трудоустройству горожан и текучести кадров на воронежских предприятиях (опрошено 608 человек 13—15 мая 2014 г. методом личного интервью по репрезентативной для городского населения выборке старше 18 лет, представительной по полу, возрасту и образованию). Опрос показал, что у **27%** горожан дома пылятся невостребованные дипломы, обладатели которых дружно забывают, чему их учили. Такое внушительное число свидетельствует о том, что работа не по специальности сегодня — не единичные случаи, а общая тенденция. Для взрослого населения миллионного города **27%** составляют около 200 000 человек — это те люди, специальность которых оказалась не востребованной рынком [2].

Впервые мы задали воронежцам этот вопрос в 2004 г., когда рынок пытался переварить специалистов, возвращенных еще советской системой, рассчитанной на плановое хозяйство[3]. Тогда в первую очередь пострадали обладатели «советского образования», которые из плановой экономики были выброшены в стихию рынка. Это люди старшего поколения. Среди тех, кому уже минуло 40 лет, количество работающих не по специальности достигало **40%**.

Было совершенно очевидно, что система советского образования «не вписалась» в новые рыночные условия. Но перестроилась ли сегодня система образования в соответствии с потребностями рынка? Если бы это произошло, то молодые люди трудились бы по своей специальности. Но на сегодняшний день среди населения самого трудоспособного возраста (от 30 до 50 лет) число специалистов, не вписавшихся в рыночные отношения, достигает **35%**. Каждый третий специалист не востребован! Бюджетные деньги на их обучение (если это был бюджет) потрачены впустую. Масштаб дисбаланса между ненужными «корочками» и потребностями рынка тянет на звание социально-экономической катастрофы.

Может быть, рыночная система отвергает высококвалифицированных специалистов, потому что ей больше нужны кадры с низкой квалификацией? Но это не так. Проблему качества образования и востребованности кадров очень глубоко анализируют В. Е. Гимпельсон и Р. И. Капелюшников [4]. Они обнаружили, что «существует устойчивая тенденция роста спроса на квалифицированный труд... что на российском рынке труда выше спрос на высшее образование по сравнению с начальным и средним профессиональным образованием». Это означает, что необходимых рынку специалистов с высшим образованием просто недостаточно.

Для того, чтобы образование смогло в какой-то мере сократить разрыв между потребностями рынка, ориентир разработчиков стандарта

должен быть направлен на *должное*, а не на *сущее*: на то, что должно быть, а не на то, что есть.

В стандарте есть упоминание о том, что социологи-исследователи должны быть честными, добросовестными, но этого явно не достаточно, это общие положения этики. Будущие социологи-исследователи должны знать о *должном* — о законах этики, применимых именно к этой профессии.

Они должны:

1. знать о том, какие именно этические проблемы возникают в профессиональной деятельности российских исследователей (социологов и маркетологов);
2. владеть инструментом решения этих проблем и уметь предупреждать профессиональные конфликты, возникающие в процессе работы и профессионального общения;
3. понимать, что социологические и маркетинговые исследования зависят от доверия со стороны общественности, а значит:
 - общественность должна быть уверена, что такие исследования проводятся честно, объективно, без нанесения ущерба опрашиваемым лицам;
 - опрашиваемые лица должны быть абсолютно уверены в том, что личная и/или конфиденциальная информация, полученная в процессе проведения социологического или маркетингового исследования, не будет использована для других целей, кроме тех, которые преследует исследование.

Необходимо разработать этический кодекс, который применим именно к этой профессии — социолога-исследователя, и адаптировать его для внедрения в образовательный процесс. Основные положения этого кодекса должны изучаться наряду с основами профессии, быть включены в образовательный стандарт.

В качестве примера, основными положениями этического кодекса профессии могут быть следующие пункты.

1. Социолог и объективность (беспристрастность, недопустимость искажения истины и изъятия каких-либо фактов исследования и т. п.).

2. Социолог как руководитель проекта (его обязанности по сохранности всей рабочей документации полевого этапа, позволяющей осуществить проверку его качества, методических и организационных особенностей и т. п.).

3. Социолог в профессиональных дискуссиях и полемике (отстаивать взгляды, невзирая на авторитеты, терпимость и уважение к коллегам, несовместимость критики с навешиванием ярлыков, оскорблениями, унижением достоинства).

4. Социолог и заказчики (отказ от деятельности, если она нарушает этические нормы; проплаченная информация принадлежит только заказчику, не может передаваться третьим лицам и проч.).

5. Социолог и респонденты (не допускать использование методов, техники, процедур, ущемляющих достоинство личности респондентов в процессе исследования; информировать о проведении видеозаписи и т. п.; выполнение обещаний, соответствие опроса заявленным целям, конфиденциальность и т. д.).

6. Отношения социолога с общественностью и деловыми кругами (никакая другая деятельность не может выдаваться за социологическое или маркетинговое исследование и проч.).

7. Публикации (исследователь воздерживается от поспешных публикаций, когда их выводы и рекомендации недостаточно проверены и обоснованы; не фальсифицирует результаты, оглашает результаты независимо от того, совпадают ли они с прогнозированными или противоречат им; также исследователь обязан указывать наименование генеральной совокупности, которая репрезентируется, размер выборки, время опроса и название организации, проводящей опрос и т. д.).

8. Публичные выступления (исследователь осознает потенциальную возможность неадекватной интерпретации его высказываний журналистами и принимает меры, чтобы эта интерпретация была адекватной и проч.).

9. Консультирование и экспертиза.

10. Ответственность за нарушение профессионального кодекса исследователя.

Многие правила предполагаемого этического кодекса очевидны для работодателей, которые сталкиваются с этими проблемами ежедневно. Но они совершенно не очевидны для выпускников вузов (неоднократно приходилось в этом убеждаться), их этому нужно учить еще на студенческой скамье. Изучение этических проблем, подводных камней профессии будет способствовать преодолению социальных конфликтов и повышению профессиональной ответственности исследователя-социолога и маркетолога.

Список литературы

1. *Шереги Ф. Э.* Социология образования: прикладные исследования. М. : Academia, 2001.
2. *Ежемесячный* Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2014—10 / под ред. Романович Н. А. Воронеж : Изд-во «ИОМ Квалитас».
3. *Ежемесячный* Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2004—05 / под ред. Романович Н. А. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас».

4. *Заработная плата в России. Эволюция и дифференциация* / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М., 2007.

Информация об авторе

Романович Нелли Александровна, д. с. н., генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас», профессор кафедры политического управления и политологии РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал), Воронеж, Россия, nelly@qualitas.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА «СПЕЦИАЛИСТ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

О. В. Рыбакова

*Центр социологических и маркетинговых исследований Фонд «Социум»,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Развитие отрасли социологических и маркетинговых исследований сопровождается актуализацией целого ряда вопросов, от решения которых зависит качество результатов нашей профессиональной деятельности, доверие к ним со стороны заказчиков, общественности. Одним из таких острых вопросов является разработка профессионального стандарта.

Ключевые слова: социология, маркетинг, профессиональный стандарт

Актуализация темы профессионального стандарта социологов имеет ряд предпосылок.

1. Становление в последние 20 лет отрасли социологических и маркетинговых исследований с развитой рыночной инфраструктурой.

Сегодня отрасль насчитывает более 500 компаний во всех регионах со стихийно сложившейся организационной структурой и корпоративной культурой, никак не отрефлексированных на уровне профессионального сообщества. Развитие индустрии исследований вывело проблему качества продукции из методологического поля в нормативно-правовое.

2. Еще один, менее многочисленный, но также активно развивающийся в отечественной экономике сегмент профессионального социологического сообщества — это специалисты отделов маркетинга предприятий, социологические службы в органах исполнительной власти.

3. Отсутствие у работодателей в этом сегменте представлений о должностной структуре, квалификационных требованиях профессии «социолог-исследователь» и совершенно невнятная позиция по поводу профессиональных норм и стандартов в самом профессиональном сообществе и по сей день приводят к тому, что социологи часто занимают несвойственной им деятельностью (рекламщики, курьеры, секретари, кадровики и т. д.), а эвристический потенциал профессии остается нераскрытым.

4. Отсутствие нормативной базы для профессии «социолог» на федеральном уровне.

Сегодня в законодательных документах Минтруда РФ, важных для разработки профстандарта, в «Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих «Постановление Минтруда РФ от 21.08.1998 № 37 (действующая редакция от 12.02.2014)» * предусмотрены устаревшие, не соответствующие современной стихийно сложившейся должностной структуре профессии, наименования должностей (позиций): для руководителей указано «Начальник лаборатории (бюро) социологии труда»; для специалистов — «Социолог».

4. Образовательный стандарт в настоящее время отстает от реальной исследовательской практики, и теоретически образованные выпускники зачастую не могут применить полученные знания на практике без дополнительной переподготовки.

5. Появление новых механизмов взаимодействия исследователей и заказчиков в государственном и коммерческом секторах экономики.

Появление конкурсных, тендерных механизмов взаимодействия заказчиков и исполнителей (ФЗ-94 и тендеры крупных компаний-заказчиков) обострили потребность в разработке объективно измеряемых показателей успешности компаний, квалификации сотрудников, т. е. в создании некоей нормативной основы определения конкурентных преимуществ исполнителей проектов.

6. Изменение законодательной базы, регулирующей процесс социологического/маркетингового исследования и регламентирующей правовые отношения между его участниками.

Сегодня вопрос создания профессионального стандарта в области социологических исследований уже имеет свою отечественную историю, которая началась в 2009—2010 гг.

2009—2013 гг. можно обозначить как период актуализации и проблематизации идеи.

В профессиональном сообществе осознание необходимости разработки стандартов нашло свое проявление в целой серии статей, круглых столов, меморандумов, форумов, датированных этим периодом. Плюсы и минусы разработки стандартов обсуждались на III Всероссийском социологическом конгрессе в 2009 г.

На факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета при участии Исследовательской группы ЦИРКОН в 2009 г. состоялся круглый стол по теме «Проблемы обеспечения качества и пер-

* URL: <http://www.consultant.ru/popular/spravochnik-dolzhnostej>.

спективы стандартизации в социологических исследованиях», который стал первым серьезным разговором в профессиональном сообществе о роли профессионального стандарта, поле его применения, направлениях разработки.

Следующим шагом в развитии темы стандартизации и переводе ее в практическую плоскость стала деятельность Ассоциации региональных исследовательских компаний «Группа 7/89», на съезде которой в 2010 г. был принят Уральский Меморандум «Обращение Ассоциации региональных социологических центров “Группа 7/89” к исследовательскому сообществу и органам власти»*. Его появление было продиктовано нарастающим недовольством исследовательских компаний и представителей государственных и муниципальных заказчиков практикой размещения и выполнения государственных заказов на социологические исследования.

Один из ключевых шагов по реализации Меморандума — проведение в 2011 г. в Екатеринбурге Форума исследовательских компаний России и стран СНГ, посвященного вопросам «Управления качеством социологических и маркетинговых исследований»**. Участники Форума пришли к заключению о том, что формирование правового поля вокруг исследовательской отрасли требует перевода дискуссии о качестве результатов социологического исследования из научно-методологического дискурса в нормативно-правовой. Тем самым была заявлена необходимость разработки индустриального стандарта для профессии «социолог».

Второй текущий период, началом которого можно считать 2013 г., можно условно обозначить как «время действий».

Во-первых, следует отметить «нормотворчество» самих исследовательских компаний, которые по мере роста численности сотрудников и опыта исследовательской деятельности активно разрабатывают собственные положения, стандарты, регламентирующие взаимодействие подразделений внутри компании и отношения с заказчиками, подрядчиками, информантами и т. д. В конечном счете, разрозненные усилия исследовательских компаний по «материализации» функционала стали поводом для формирования Ассоциацией региональных исследовательских компаний «Группа 7/89» в 2014 г. рабочей группы по разработке профессионального стандарта для отрасли социологических и маркетинговых исследований. В состав этой группы вошли руководители крупных региональных исследовательских компаний, многие из которых совмещают исследовательскую деятельность с преподаванием в профильных

* URL: <http://789.ru/docs/workdocs/21-Ural-Memorandum.html>.

** URL: http://www.sociologos.ru/novosti/otkrytyj_forum.

департаментах, факультетах социологии и острее. Более того, в 2014 г. Ассоциация объединила свои усилия с единомышленниками в лице специалистов из Центра развития социологического образования ВШЭ.

В 2014 г. было проведено экспертное исследование, цель которого состояла в изучении представлений профессионального сообщества о функциональных рамках и должностной структуре профессии «социолог-исследователь». Рабочей группой был проведен опрос руководителей, начальников отделов 87 исследовательских компаний по поводу профессиональных функций, выполняемых специалистами отрасли, и требований, которые предъявляют работодатели к своим сотрудникам. Проведенное исследование, а также анализ собранных нормативных документов российских исследовательских компаний, изучение профессиональных кодексов американских, европейских и отечественных профессиональных ассоциаций и компаний позволили осуществить выбор оптимального формата профессионального стандарта и уточнить сегмент в рамках профессии социолог, наиболее остро нуждающийся в нормативном оформлении функциональной структуры и квалификаций профессиональной деятельности.

Дальнейшее развитие тема получила в докладах круглого стола V Грушинской конференции, организованного совместно Высшей школой экономики и ВЦИОМ. Инициатива Ассоциации «Группа 7/89» вызвала ответное стремление сообщества активно участвовать в разработке документа, что привело к расширению рабочей группы за счет представителей крупных работодателей (ВЦИОМ, РГГУ, ВШЭ). Именно поддержка и объединение усилий сегодняшних разработчиков стандарта позволили перевести работу на новый качественный уровень, определить наиболее актуальное направление стандартизации профессии **«Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований»** и зарегистрировать соответствующую заявку в Министерстве труда.

Профессиональный стандарт «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований», который сегодня разработан и проходит экспертную оценку в профессиональном сообществе*, даст возможность решить множество задач, в том числе:

- будет способствовать укреплению положительной репутации и рыночных позиций исследовательских компаний путем повышения эффективности менеджмента затрат и рисков при организации и проведении социологических исследований;
- позволит привести профессиональные нормы и требования в деятельности специалистов по прикладным социологическим и мар-

* URL: <http://wciom.ru/index.php?id=640>.

кетинговым исследованиям в соответствии российскому законодательству в области информационных услуг, информационной безопасности;

- будет стимулировать соблюдение профессиональных этических норм во всех видах деятельности специалиста социолога;
- даст возможность привести в соответствие требованиям рынка труда в области исследовательской индустрии стандарты образования в этой сфере
- будет способствовать повышению престижа российского социологического сообщества, конкурентоспособности отечественных специалистов социологов.

Информация об авторе

Рыбакова Ольга Викторовна, к. ф. н., директор Центра социологических и маркетинговых исследований Фонд «Социум», Екатеринбург, Россия, office@fsocium.ru

18. Социология старения

КОГДА ВАМ ЗА 80: ВОЗМОЖНОСТИ, ПОТРЕБНОСТИ И САМОЧУВСТВИЕ

С. Ю. Алашеев

Федеральный институт развития образования (Приволжский филиал), Самара, Россия

Аннотация. Геронтологические исследования в большей своей части посвящены медицинским и психологическим аспектам пожилых людей. Экономистами данная социальная группа чаще всего рассматривается в качестве «иждивенческой нагрузки» на общество. Исследования по социальной политике сосредоточены на поддержке государством пенсионеров как представителей социально незащищенных слоев населения. И крайне редки исследования, дающие представление о различных аспектах повседневной жизни пенсионеров, в частности, представителей столь солидного возраста, да к тому же не обращающихся за помощью в органы социального обслуживания. Задача предпринятого исследования — получение информации о потребности пожилых людей в возрасте от 80 лет и старше, не являющихся сегодня получателями услуг со стороны государственных учреждений социальной защиты и поддержки населения, в предоставлении различных категорий социальных услуг на территории городского округа Самара. Такая информация необходима для разработки рекомендаций по повышению качества жизни пожилых людей.

Ключевые слова: геронтология, социология, повседневность

Отметим наиболее важные моменты анализа результатов опроса:

1. Если представить собирательный социально-демографический портрет этой возрастной когорты, то наиболее яркой чертой является феминизация ее состава. Доля женщин среди опрошенных пенсионеров — **75,7 %**.
2. Целевую группу характеризует достаточно низкий образовательный уровень, что обусловлено историческими особенностями развития России: на молодые годы опрошенных приходятся наиболее трудные военные и послевоенные годы. Каждый третий закончил лишь несколько классов школы, высшее профессиональное образование имеют только 12,7 % опрошенных, причем преимущественно мужчины (24,6 % против 8,9 % женщин).

3. Несмотря на преклонный возраст, десять человек (2,3 %) продолжают трудовую деятельность — в равной степени мужчины и женщины. Самому старшему работающему пенсионеру 88 лет.
4. В целом **76,5 %** пенсионеров этого возраста одиноки. Супружеская пара сохранилась (если была) только примерно у четверти опрошенных (**23,5 %**). Ярко проявляется гендерная специфика семейного профиля когорты. У подавляющего большинства женщин этой возрастной группы (**85,8 %**) нет супруга. В мужской группе одиноких насчитывается чуть менее половины, **52,4 %** мужчин проживают с супругой. Одиноким статус женщин объясним более ранней смертностью мужчин.
5. Только половина пенсионеров (**50,6 %**) самостоятельны в передвижении, самообслуживании и ведении хозяйства. Остальные имеют те или иные ограничения вплоть до полной иммобильности. Объем группы пенсионеров, не способных к самообслуживанию и нуждающихся по состоянию здоровья в постоянной сторонней помощи — **15 % (6,4 % — лежачие больные)**.
6. Отдельно от родственников в целом живут **41,4 %** пенсионеров (25 % — одинокие пенсионеры + 16,4 % — пожилые супружеские пары). В остальных случаях (58,6 %) — пенсионеры/пары живут с родственниками. Чаще в семьях родственников живут те, кто по состоянию здоровья нуждается в уходе.
7. Основные **показатели, характеризующие финансовые возможности когорты:**
 - Пенсия — фактически единственный источник доходов пожилых жителей Самары в возрасте 80 лет и старше. Средний размер пенсии респондентов — 14,5 тыс. руб. — обеспечивает 2,5 прожиточных минимума, определенных для пенсионеров Самарской области. Опрошенные пенсионеры занижают размер своих пенсионных выплат в среднем примерно на 2,3 тыс. руб.
 - Выделяются две примерно равные группы пенсионеров по доходам:
 - **49,5 %** с доходами ниже среднего (декларируемый размер пенсии 6—14 тыс. руб. в месяц, основная масса — 10 тыс. руб.);
 - **50,5 %** с доходами выше среднего (декларируемый размер пенсии 15—33 тыс. руб., основная масса — 15—17 тыс. руб.).
 - Почти каждому третьему представителю когорты пенсионные выплаты позволяют делать накопления в размере около 10 % пенсии ежемесячно (3 тыс. руб. — по медиане). Основная же доля средств тратится пенсионерами на повседневные нужды в режиме личного расходования средств или в виде вклада в семейный бюджет.

- Пенсионеры, проживающие в семьях, от 60 до 80 % своих пенсий вносят в семейный бюджет, они менее самостоятельны в расходовании собственных средств и принятии решений о направлении финансов, но это не мешает им делать сбережения (все те же 10 % от пенсии). Пенсионеры, проживающие отдельно, вполне самостоятельны в расходовании и распоряжении денежными средствами.
8. Анализ **включенности пенсионеров в социальные обмены с родственным окружением** не только характеризует «встроенность» этой возрастной когорты в социум, но и позволяет понять, является ли государственное пенсионное обеспечение единственным источником их существования, либо родственные связи и взаимопомощь также являются важной формой поддержания благосостояния пенсионеров. Опрос показал, что **70,3 %** пенсионеров не получают никаких денежных дотаций от родственного окружения, но сами помогают деньгами кому-либо из родственников в **40,8 %** случаев, т. е. в финансовом отношении пенсионеры чаще выступают донорами (дающими) денежных трансфертов. При натуральном взаимообмене (продуктами и вещами) и помощи по хозяйству или уходу пенсионеры чаще являются реципиентами (получателями) благ. Таким образом, пенсионные выплаты во многих случаях являются не только единственным источником обеспечения самих пенсионеров, но и участвуют в повышении благосостояния их родственного окружения.
9. Наиболее очевидны взаимные социальные трансферты пенсионеров со своими детьми, что свидетельствуют о включенности в межпоколенные связи. Во взаимоотношениях **с детьми** пенсионеры в большинстве своем являются получателями самой разной помощи, кроме финансовых взаимообменов, которые носят взаимный характер. Во взаимоотношениях с внуками пенсионеры чаще являются финансовыми донорами и чаще оказывают помощь по уходу за детьми. Представляется, что пенсионеры выступают более значимыми субъектами «черезпоколенческих» трансфертов.
10. В исследовании было уделено внимание изучению социального самочувствия пожилых людей, как одного из важных показателей развития общества, индицирующего включенность пенсионеров в общественную жизнь или процессы социального исключения. Социальное самочувствие в данном исследовании определяется как интегральная характеристика удовлетворенности разными аспектами жизни. Критичнее всего пенсионеры оценивают собственное здоровье, только **43,9 %** из них удовлетворены его состоянием. Материальное положение устраивает **55,1 %** опрошенных.

- Возможностями досуга и общения пенсионеры удовлетворены более всего — **77,5** и **80,9%** соответственно.
11. В целом самарские пенсионеры старшего возраста демонстрируют высокий уровень социального оптимизма — **68,1%** из них удовлетворены своей жизнью. Однако оценки дифференцируются в зависимости от состояния здоровья пенсионеров. Немощь и полная зависимость от других людей не способствует оптимизму, в группе лежачих больных — самый низкий уровень удовлетворенности жизнью (**37%**). Помимо состояния здоровья, социальное самочувствие сильнее всего детерминировано факторами материального плана: чем устойчивее финансовое положение, тем выше показатель удовлетворенности жизнью в целом.
 12. Анализ социально-демографических особенностей когорты, практик внутрисемейных трансфертов и распределения обязанностей в домохозяйствах показывает, что можно говорить о воспроизводстве укоренившихся традиций, когда пожилые люди находятся на попечении своих детей, внуков, зачастую проживая вместе с ними и получая необходимый уход. В целом **66,1%** опрошенных пенсионеров заявили, что **не нуждаются ни в каких видах помощи**, что указывает на то, что их потребности удовлетворены родственным окружением. Распространенность таких практик вполне объясняет отсутствие массового запроса на надомные услуги, предоставляемые Центрами социального обслуживания. В нашей выборке удалось выявить всего **4%** пенсионеров с реальной нуждаемостью в надомном обслуживании.
 13. Есть некоторые проблемы в плане информированности пожилых людей о возможностях и правах в сфере социального обслуживания. **12,4%** респондентов не знают о том, что пенсионеров обслуживают социальные работники. Представления о своих правах на социальное обслуживание у этой возрастной когорты не очень четкие. Создается впечатление, что подчас это проявление неких патерналистских стереотипов в отношении обязательств государства перед старшим поколением. **50,2%** респондентов считают, что имеют право на обслуживание, **24,3%** — что не имеют права, **25,5%** **не знают, имеют ли право**.
 14. Низкий уровень запроса на услуги соцработников создает иллюзию благополучного положения самарских пенсионеров в плане бытового обслуживания и ухода, однако это не совсем так. В целом **33,9%** респондентов нуждаются в какой-либо помощи, преимущественно в бытовых и социально-медицинских вопросах.

15. Представляется, что применяемый в настоящее время заявительный принцип обращения за надомными услугами при определенных обстоятельствах дает негативные социальные эффекты, фактически ограничивая их доступность. В силу недостаточной информированности, чему способствует и невысокий уровень образования, и сниженные в силу возраста когнитивные возможности, пенсионеры не всегда способны осознать свои социальные права. А ограничения мобильности осложняют процесс оформления заявок на получение помощи социальных работников. Наличие у пенсионеров родственников, к сожалению, не всегда гарантирует им должный уход. Наоборот, в некоторых случаях нежелание родственников привлекать соцработника становится барьером в получении нужной помощи, делая пенсионера заложником такой ситуации.
16. Уровень нуждаемости в каких-либо видах помощи существенно повышается при наличии у человека ограничений мобильности и способности к самообслуживанию. Среди отдельно проживающих пенсионеров с ограничениями по здоровью в помощи нуждается почти половина из них (47%). Но особое внимание обращает на себя то, что высокий уровень нуждаемости в помощи (44%) заявляют и те пенсионеры с ограниченными возможностями, которые живут с родственниками. Суммарный объем маломобильной группы пенсионеров оценивается в **22%** от всех опрошенных, что с учетом статистической погрешности может составлять **18—26%** от числа всех самарских пенсионеров в возрасте от 80 лет и старше. Почти $\frac{3}{4}$ состава группы — люди, нуждающиеся в постоянном постороннем уходе. Обслуживаются сиделками ничтожная часть (6%) из них.
17. Зафиксирована более высокая потребность пенсионеров с ограничениями в мобильности в социально-медицинской и в бытовой помощи. Особенно настораживает тот факт, что пенсионеры нуждаются в самых элементарных санитарно-гигиенических процедурах (купание, мытье головы и пр.). Причем совместное проживание с родственниками — вовсе не гарантия того, что пенсионеру будет обеспечен должный уход. Более того, из объяснений респондентов, нуждающихся в ежедневном постороннем обслуживании, следует, что в половине (!) случаев они не получают необходимого ухода потому, что их родственники не хотят привлекать платный персонал. В этих случаях разрешение проблемной ситуации очень осложнено, поскольку такие внутрисемейные истории носят латентный характер, и в условиях действия заявительного принципа могут не попадать в поле зрения социальных служб. Но фактически это приводит

к социальной эксклюзии пожилого человека, который остается без помощи и со стороны семьи, и со стороны социальных служб.

18. Помимо выявления потребностей в услугах надомного характера изучалось также мнение пенсионеров по поводу стационарного пребывания в платном пансионате-гостинице с комфортабельными условиями. Тестировался скорее концепт такого заведения, а не реальный образец. Пенсионеры единодушно (82%) высказали нежелание прибегать к таким услугам. Наиболее частое объяснение — отсутствие потребности, большинство пенсионеров вполне устраивают существующие условия жизни. Весомыми контраргументами являются сомнения в создании хороших и безопасных условий проживания в таких заведениях и вполне прагматичные предположения, что повышенный уровень комфорта не может стоить дешево. Скорее всего, в ближайшей перспективе услуги частных пансионатов будут адресованы очень ограниченной аудитории и сохранят эксклюзивный характер.

Информация об авторе

Алашеев Сергей Юрьевич, старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального института развития образования, Самара, Россия, alashchev_s@mail.ru

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ: СОХРАНИТЬ ИЛИ УВЕЛИЧИТЬ?

В. Ю. Герасимова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. В условиях новых кризисных явлений вопрос о необходимости сохранения возрастных пенсионных границ неизменными звучит все громче и острее. И если ранее данная реформа казалась скорее риторической темой к обсуждению, вопросом, который поднимался и откладывался каждый раз на неопределенный срок, то теперь ее необходимость и готовность к ее реализации со стороны властей кажется все реальнее. Реализация данной реформы несет под собой несколько сторон: демографическую, финансовую и социальную. Рассмотрим каждую из них.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, демография

Российская половозрастная пирамида свидетельствует о значительной и растущей доли пожилых лиц среди других возрастных категорий. Наряду с увеличением доли пожилых в возрасте 60 лет и старше, стремительно растет доля «старых» («oldest old») людей в возрасте от 80 лет и старше. Так, в 2015 г., согласно данным ООН, «старые люди» в России составляли 15,3% от пожилых людей старше 60 лет и 3,1% всего населения России [9] (рис. 1а). Согласно данным Росстата, в 2015 г. «старые люди» в России составляли 15,6% от пожилых людей старше 60 лет и 3,9% всего населения России, что даже несколько выше [8]. По прогнозам специалистов ООН к 2030 г. доля «старых» среди пожилых людей немного сократится до 13,6% и несколько увеличится до 3,3% во всем населении России (рис. 1б). Однако общая доля пожилых людей во всем населении вырастет от 20% в 2015 г. до 24% в 2030 г. Статистика Росстата и в данном случае несколько отличается: по среднему варианту прогноза, к 2030 г. доля «старых» среди пожилых людей достигнет 15,6% и увеличится до 3,9% во всем населении России, общая доля пожилых людей во всем населении вырастет до 25,0% в 2030 г. и сравняется с показателями Франции 2015 г.

Таким образом, по данным Росстат, 20% пожилых людей приходится на 60% трудоспособного населения, по данным на 2015 г. [8], или 1 пожилой человек на 3 трудоспособных, и в 2030 г. по среднему варианту прогноза 25% пожилого населения придется на 54% трудоспособного, или 1 пожилой человек на 2 трудоспособных. Эти данные свидетельствуют

не только о возрастающей проблеме старения населения, но и об увеличении демографической нагрузки на трудоспособное население. «При этом, по стандартам развитых стран, Россия остается относительно молодой страной» [1].

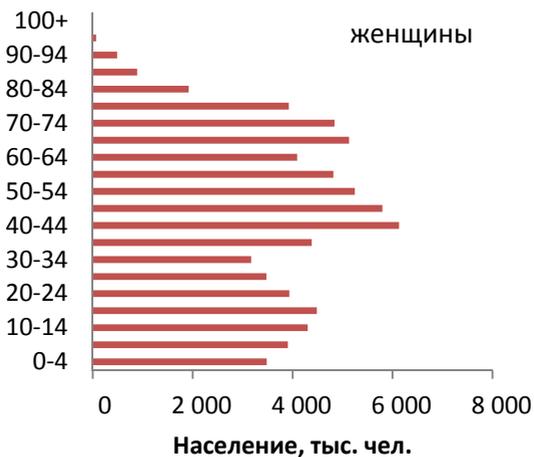
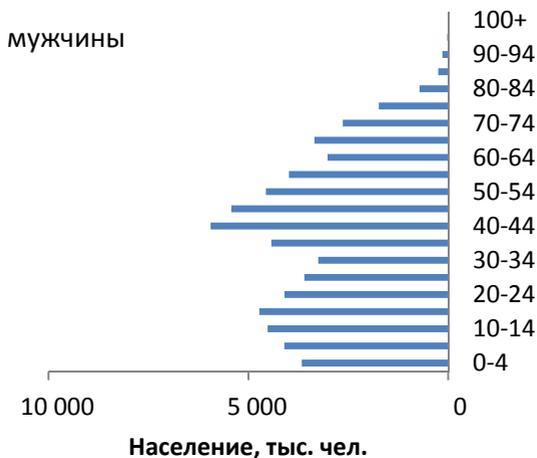

Рисунок 1а. Возрастная пирамида населения России, 2015 г., данные ООН, Департамент по делам экономики и социальных вопросов

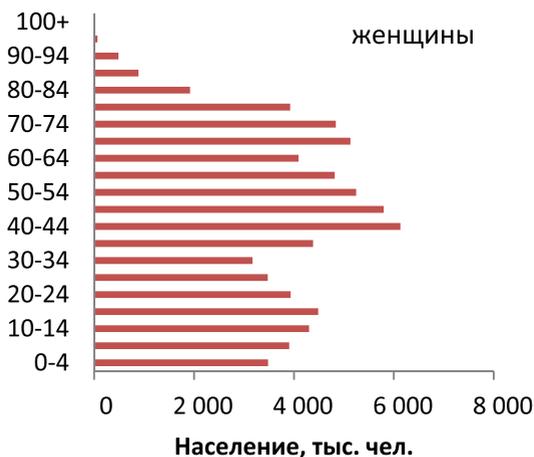
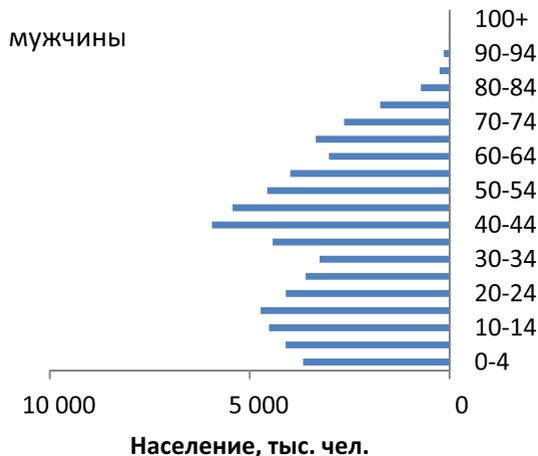

Рисунок 16. Возрастная пирамида населения России, 2030 г., средний прогноз, данные ООН, Департамент по делам экономики и социальных вопросов

Более того, нельзя не посмотреть на возможность повышения пенсионного возраста с точки зрения ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ). Согласно данным Росстат на 2015 г. (средний вариант прогноза), ОПЖ мужчин составляет 65,9 лет, а женщин — 77,2 года, и тенденция роста будет сохраняться. Т.е. к 2030 г. ОПЖ мужчин составит 70,5 года и 79,8 года для женщин соответственно. И хотя, исходя из ОПЖ,

повышение пенсионного возраста выглядит вполне целесообразным, обратимся к более полному и достоверному показателю — ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ). «С 1990 по 2013 г. продолжительность здоровой жизни (годы, которые человек проводит без болезней) в России выросла на 1,6 года. Она составила 58,9 года для мужчин и 66,6 года для женщин» [3]. Из этого следует, что мужчина в возрасте старше 60 лет уже не обладает необходимым уровнем здоровья для продолжения трудовой деятельности и встает вопрос, доживет ли он при продолжении трудовой деятельности до пенсии.

Существует еще один демографический показатель, который также необходимо учитывать при оценке продолжительности жизни: это не ОПЖ при рождении, о котором речь шла выше, а ОПЖ в возрасте 60 и 65 лет, т. е. число лет, которое проживут россияне, достигнув возраста 60 и 65 лет. Согласно данным Росстат и Eurostat, этот показатель в России едва ли не самый низкий по сравнению с 27 другими европейскими странами: для мужчин 60 лет — 14,4 года и 65 лет — 11,6 лет, для женщин 60 лет — 20,1 год и 65 лет — 16,4 года [2].

Таким образом, проводя оценку по основным демографическим показателям, их результаты выступают далеко не в пользу повышения пенсионного возраста. И если данный резерв к повышению и имеется, то только у женщин.

Обратимся к финансовым показателям, на которые ссылаются государственные структуры при рассмотрении необходимости повышения пенсионного возраста.

Согласно данным Росстат и Роструда, на долю пенсионных выплат в 2013 г. пришлось 9,2% ВВП [7] (или приблизительно 6,5 млрд руб.), на пенсионное обеспечение приходится от 2/3 до 3/4 расходов консолидированного бюджета страны в области социальной защиты и составила 73% от всех расходов на социальную защиту.

Таким образом, по мнению В. В. Потапенко, «повышение пенсионного возраста может преследовать две во многом противоположные цели: во-первых, сокращение расходов на выплату пенсий и, как следствие, дефицита бюджета Пенсионного фонда, во-вторых, повышение жизненного уровня пенсионеров при сохранении суммарной величины пенсионных расходов» [6]. Нельзя не согласиться с данным утверждением и позицией правительства РФ, но нельзя не учитывать и демографический и социальный факторы.

Так, по данным опроса «Левада-центра», несмотря на увеличение в два раза доли россиян, поддерживающих повышение пенсионного возраста и для женщин, и для мужчин за прошедшие 17 лет, большинство не одобряет такую инициативу — 81% и 79% соответственно [6]. Это выступает

отражением мнения социума, которым нельзя пренебрегать, особенно в условиях затяжного кризиса.

Подводя итог и оценивая все 3 рассмотренных фактора: демографический, финансовый и социальный, — лишь один из них может послужить основанием или, скорее даже, оправданием повышения пенсионного возраста: финансовый. Несмотря на проблему постарения населения, автор данной статьи полностью согласен с позицией А. Вишневского, согласно которой никаких серьезных демографических предпосылок для повышения пенсионного возраста нет. И уверенность сторонников данной реформы А. Кудрина и Е. Гурвича [4] в неизбежности данного пути, продиктована исключительно экономическими соображениями [5].

Список литературы

1. Варламова М., Синявская О. Портрет пожилого населения // ДемоскопWeekly. 2015. № 627—628.
2. Вишневский А. Г., Васин С. А., Рамонов А. В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88—109.
3. Волкова О. Продолжительность жизни в России оказалась на уровне Ирака и КНДР / Дата публикации 27.08.2015 г. // РосБизнесКонсалтинг. URL: <http://www.rbc.ru/economics/27/08/2015/55df0fea9a79473b8f372ad7>.
4. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52—79.
5. Малева Т., Синявская О. Повышение пенсионного возраста: proetcontra / Официальный сайт экспертных групп по обновлению «Стратегии-2020» в — 2011. URL: strategy2020.rian.ru/load/366064118.
6. Потапенко В. В. Возможности и последствия повышения пенсионного возраста в России. М. : Научные труды : Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. № 10. С. 420.
7. Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты. М. : НИУ ВШЭ, 2015.
8. Федеральная Служба Государственной статистики. Официальная статистика. Раздел «Демография» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
9. Population Division. World Population Prospects 2015 // Department of Economic and Social Affairs of United Nations [United Nations Official Website] [Electronic Resource]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery>

Информация об авторе

Герасимова Вероника Юрьевна, аспирант 4-го года обучения кафедры демографии факультета социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, nikusena@list.ru

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ ГРАЖДАН ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА (ПО ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЯ)

С. А. Григорьева

*Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина,
Саратов, Россия*

Аннотация. Последние 20 лет внимание правительственных органов в большинстве стран мира устремлено к проблеме старения. Данный процесс стал предметом оформления нормативов в национальных и международных законодательных актах. Внимание усиленно придается проблеме старения, а также статуса пожилых людей. Эта тема стала актуальной в научных исследованиях. Мы сфокусировали внимание на проблемах занятости и образования граждан пенсионного и предпенсионного возраста.

Ключевые слова: пенсионный возраст, политика, занятость, образование

Саратовская область [1] по основным демографическим тенденциям и возрастной структуре отражает все основные тенденции процессов старения и увеличения доли пожилых людей в общей численности населения [1, с. 26]. При общей численности населения региона в 2,58 млн человек доля пожилых людей составляет 22,9%, что превышает численность детей и подростков [4]. При существующих показателях рождаемости и смертности населения трудоспособного возраста доля пожилых имеет динамику к увеличению.

В данной ситуации сохранение трудовой и социальной активности пожилых граждан представляет существенный фактор обеспечения устойчивого развития экономики и ее обеспечение трудовыми ресурсами. Исходя из актуальности, целью статьи является выявление сложностей социальной политики в отношении людей предпенсионного возраста в трудоустройстве, выявление основных проблем и перспектив дальнейшего развития.

Эмпирическую базу составили данные, полученные нами в результате собственного исследования с использованием качественной методологии, проведенного нами в период с сентября по май 2015 г. Исследование проводилось с использованием метода полуструктурированного интервью, инструментарий исследования — гид интервью.

Вторичный анализ социологических исследований показал, что 50 % работающих респондентов желают продолжить трудиться и 30 % неработающих хотели вернуться к труду. Фактическое участие пожилых

в общественном производстве составляет 13,4 % из общей численности получателей пенсий, что составляет 4,5 % пожилых людей от числа всех занятых в экономике [5]. Как отмечает Ж. В. Петрова, если пожилой человек не поддерживает определенный уровень жизни, то он «пребывает в ситуации социальной депривации, оторванности, исключенности из общественной жизни» [2].

Реальные возможности трудоустроиться у пожилых людей крайне низки. Это связано с полом, возрастом, здоровьем, занимаемой должностью, отношением со стороны ближайшего окружения. Вторичный анализ социологических исследований показал, что у мужчин шансов на трудоустройство больше. Чаще всего продолжают работать те, кто получил высшее образование и имеет высокую квалификацию, кого можно отнести к подгруппе «молодых» пенсионеров (55—65 лет) [3]. Больше число работающих пожилых находится в отраслях, содержащих возможность независимой, творческой работы (здравоохранении, образовании, торговле, бытовом обслуживании, ремесленном производстве). Часты случаи нисходящей профессиональной мобильности. Результатом такой ситуации становится концентрация пожилых на малооплачиваемой, не престижной работе.

Анализ данных, полученных в результате исследования (качественное полуструктурированное интервью, 15 респондентов), позволяет прийти к следующим выводам. Значимой для уровня жизни пожилого человека является характеристика его возможности удовлетворить социальные, культурные, а главное, материальные потребности за счет приобретения услуг и благ. В условиях рыночных отношений приобретение благ и услуг в большей степени зависит от экономического положения пенсионеров, которое определяется уровнем их доходов и доступностью цен на потребительские товары и услуги. Немаловажным для качества жизни пожилого человека, т. е. пенсионера, является уровень пенсионных выплат, соотносимый с уровнем цен на потребительские товары и услуги.

Таким образом, у пожилых людей усилены ограничения доступа к занятости или трудоустройству, приносящим доход, и возможностям самореализоваться в труде, — которые являются необходимыми условиями для продолжения деятельной жизни и здорового старения. В исследуемый нами период те, у кого трудовой потенциал высокий и кто способен дальше продолжить продуктивно работать, испытывают мощный стресс. Выявлена взаимосвязь между политикой в области выхода на пенсию по старости и возникающими проблемами по преодолению безработицы, особенно у молодежи, которой необходимы благоприятные условия, чтобы пополнять рабочую силу. Одним из главных барьеров, которые препятствуют занятости пенсионеров, является состояние их здоровья.

Этот фактор регулирует занятость пенсионеров и является максимально важным. В этом случае необходимо предусмотреть гибкие формы занятости: на дому, частичная занятость, сезонная работа.

Данные полевого исследования показывают, что диапазон мотивов вовлеченности в образовательные практики чрезвычайно широк: от узко утилитарных целей до философско-мировоззренческих. Образовательные задачи людей третьего возраста тесно связаны с их конкретной биографической ситуацией. История жизни, знания и умения, не говоря уже об особенностях восприятия и ценностях, составляют основу индивидуальных требований к содержанию образования.

Для организаторов обучения и преподавателей информация о реальных мотивах, которые привели к ним пенсионеров, имеет большое значение, поскольку несоответствие предполагаемых результатов реальным приводит к снижению интереса и неудовлетворенности процессом обучения.

Образование взрослых в пенсионном возрасте не преследует цели получения новой профессии или лучшего трудоустройства. Школы «третьего возраста» открывают свои двери людям с активной жизненной позицией и предлагают возможность дальнейшего интеллектуального развития, общения с единомышленниками, самореализации, а возможно, и исполнения неосуществленных ранее мечтаний. Они созданы, в первую очередь, для вовлечения пенсионеров в общество с целью улучшения качества жизни людей путем создания условий для самореализации, продления социальной жизни, а также социально-психологической адаптации к новым жизненным условиям, создания благоприятной атмосферы для дружеского общения и взаимодействия слушателей, укрепления физического состояния, профилактики одиночества и разобщенности.

Список литературы

1. *Демографический* ежегодник Саратовской области. 2014 г.: Статистический сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2014. С. 25.
2. *Петрова Ж.* Пожилые люди как объект социальной политики государства// Социальная политика в пространстве постсоциализма: идеологии, акторы, культуры. По материалам Международной научно-практической конференции «Социальная политика в пространстве постсоциализма: идеологии, акторы, культуры» Саратов, СГТУ имени Гагарина Ю. А., 22—23 ноября 2013 г.
3. *Пожилые люди на рынке труда* : сб. материалов теоретической конференции кафедры политологии и управления ЧитГТУ. Чита : ЧГТУ, 2010. С. 97.
4. *Социальный паспорт* Саратовской области. 2010 г.

5. *Социальное партнерство: проблемы и гарантии трудовой деятельности пожилых людей* // Социальное партнерство: опыт, результаты, проблемы: Тезисы докладов материалов научно-практической конференции областного профсоюза работников образования Читинской области. Чита : ЧГТУ, 2010.С. 149.

Информация об авторе

Григорьева Светлана Анатольевна, аспирантка I курса Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, специалист по социальной работе ГАУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения г. Саратова», Саратов, Россия, grigoreyvasv@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: ЧТО СТОИТ УЧЕСТЬ В РОССИИ

Е. Е. Гришина

*Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ,
Москва, Россия*

Аннотация. Опыт повышения пенсионного возраста в зарубежных странах и исследование ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России и странах ОЭСР показывает, что компромиссным вариантом повышения пенсионного возраста в России может стать выравнивание пенсионных возрастов мужчин и женщин путем повышения пенсионного возраста женщин с 55 до 60 лет. При этом можно предположить, что ожидаемая продолжительность жизни на пенсии у женщин в России может стать ниже, чем среднее по странам ОЭСР.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, старение населения

Повышение пенсионного возраста стало актуальной проблемой для большинства стран мира в последние десятилетия в связи со старением населения и снижением доли трудоспособного населения. Между 1960 г. и началом XXI в. продолжительность жизни после выхода на пенсию для мужчин выросла с 13,4 лет до 17,3 лет, а для женщин — с 16,8 лет до 22,1 года. К 2050 г. ожидается, что средний возраст выхода на пенсию в странах ОЭСР составит 65 лет, а ожидаемая продолжительность жизни на пенсии — 20,3 года для мужчин и 24,6 лет для женщин [1].

Проблема старения населения является актуальной и в России. В соответствии с демографическим прогнозом Росстата доля лиц старше трудоспособного возраста увеличится с 2014 по 2050 г. с 24,0% до 32,7%, а доля лиц трудоспособного возраста сократится в этот период с 58,4% до 48,8%. Таким образом, с учетом существенной доли неформальной занятости, которая возрастает со временем, увеличение пенсионной нагрузки будет значительным.

Повышение пенсионного возраста используется в качестве одного из наиболее действенных инструментов, направленных на усиление долгосрочной финансовой устойчивости пенсионных систем. Положительными эффектами от повышения пенсионного возраста являются снижение дефицита пенсионной системы и повышение коэффициента замещения.

Для того чтобы понять насколько целесообразно применение такого инструмента для оздоровления пенсионной системы в России представ-

ляется важным рассмотреть зарубежный опыт повышения пенсионного возраста.

Имеющиеся данные о величине пенсионного возраста и ожидаемой продолжительности жизни на пенсии в зарубежных странах показывают, что в середине XX в. демографические факторы не оказывали значимого влияния на установленную величину пенсионного возраста. Так, например, в 1958 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин на пенсии варьировалась от 7,6 лет в Ирландии (возраст выхода на пенсию был установлен на уровне 70 лет) до 19,9 лет в Греции (возраст выхода на пенсию — 57 лет). Таким образом, граница пенсионного возраста в зарубежных странах определялась с учетом историко-культурных и экономических особенностей [2].

В период до 2000-х годов в отдельных странах ОЭСР происходило даже понижение возраста выхода на пенсию. Например, в Норвегии, Ирландии, Швеции, Люксембурге, Франции и в Канаде происходило снижение пенсионного возраста мужчин и женщин для получения полной пенсии, а в Италии — снижение пенсионного возраста мужчин.

В то же время происходящее старение населения в зарубежных странах, сопровождаемое увеличением ожидаемой продолжительности жизни в старших возрастах, стимулировало данные страны к реформированию систем пенсионного обеспечения, включая ужесточение правил назначения досрочных пенсий по старости и повышение общеустановленного пенсионного возраста.

С 2000 по 2014 гг. произошло повышение возраста выхода на полную пенсию для мужчин и женщин в таких странах, как Венгрия, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Португалия, Словакия, Франция, Чехия, а также повышение возраста выхода на полную пенсию для женщин в Австралии, Великобритании и Швейцарии. Во многих странах ОЭСР планируется постепенное повышение пенсионного возраста у мужчин и женщин до 67 лет к 2040 г.

Во многих странах — бывших республик СССР также произошло повышение пенсионного возраста мужчин и женщин, например, в Азербайджане, Армении, Казахстане, Киргизии, Латвии, Литве, Молдавии, Таджикистане и Эстонии и идет процесс ужесточения требований к досрочным пенсиям.

Следует отметить, что масштабы и скорость повышения общеустановленного возраста назначения пенсии зависят от политических и экономических факторов [2].

По сравнению со странами ОЭСР пенсионный возраст мужчин и женщин в России является низким. Аналогичный возраст выход на полную пенсию у мужчин в 2014 г. был лишь в Бельгии, Люксембурге и Турции.

При этом во всех странах ОЭСР у женщин возраст выход на полную пенсию 2014 г. был выше.

Данные Росстата свидетельствуют о том, что в 2014 г. ожидаемая продолжительность жизни на пенсии у мужчин в России составляла в 15,7 лет, а у женщин — 25,4 лет. В соответствии с данными ОЭСР, ВОЗ, Евростата по ожидаемой продолжительности жизни женщин на пенсии в 2013 г. Россия опережала большинство стран ОЭСР: ожидаемая продолжительность жизни женщин на пенсии выше только в Бельгии (25,8 лет), Турции (25,9 лет) Люксембурге (26,2 лет) и Франции (27,1 лет). В то же время ожидаемая продолжительность жизни мужчин на пенсии в России в 2013 г. была одной из самых низких среди стран ОЭСР (ниже только в Польше — 15,5 лет). Конечно, до 1990-х гг. во многих странах ОЭСР ожидаемая продолжительность жизни мужчин на пенсии была даже ниже значения ожидаемой продолжительности жизни мужчин на пенсии в России в 2013 г. Однако, как уже было отмечено ранее, до 1990-х гг. возраст выхода на полную пенсию в большинстве стран ОЭСР либо оставался неизменным, либо даже сокращался. На фоне неизменного пенсионного возраста и развитии медицины в зарубежных странах произошло повышение ожидаемой продолжительности жизни мужчин на пенсии. Таким образом, хотя повышение пенсионного возраста для мужчин в России может иметь экономическую целесообразность и может быть проведено с точки зрения имеющегося опыта установления границ пенсионного возраста для мужчин в странах ОЭСР, данные об ожидаемой продолжительности жизни мужчин в старших возрастах в России свидетельствуют о том, что существенный резерв для повышения пенсионного возраста для мужчин в России отсутствует.

Что же касается повышения пенсионного возраста для женщин, то исследование А. Вишневого и др. [3] показывает, что хотя, на первый взгляд, демографические основания для повышения пенсионного возраста женщин имеются, поскольку ожидаемая продолжительность жизни женщин на пенсии в России одна из самых высоких среди стран ОЭСР, в то же время здоровье женщин старше трудоспособного возраста существенно хуже, чем здоровье женщин в странах ОЭСР, и даже, чем здоровье мужчин в России.

Действительно, данные Выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, проведенного Росстатом в 2013 г., свидетельствуют о том, что среди женщин в возрасте старше 40 лет в России доля лиц, имеющих хронические заболевания, значимо выше, чем среди мужчин соответствующего возраста (на 7—12% в зависимости от возрастной группы). В частности, среди

женщин в возрасте старше 40 лет выше, чем среди мужчин аналогичного возраста, доля лиц, имеющих гипертоническую болезнь и/или ишемическую болезнь сердца, патологию щитовидной железы, холецистит, остеохондроз и артрит. Кроме того, среди женщин в возрасте старше 60 лет выше, чем среди мужчин аналогичного возраста доля тех, кто оценивает свое здоровье как плохое и очень плохое с учетом медицинского обследования своего здоровья (на 10%). Следовательно, можно предположить, что ожидаемая продолжительность здоровой жизни на пенсии у женщин в России невелика.

Таким образом, опыт повышения пенсионного возраста в зарубежных странах и исследование ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России и странах ОЭСР показывает, что компромиссным вариантом повышения пенсионного возраста в России может стать выравнивание пенсионных возрастов мужчин и женщин путем повышения пенсионного возраста женщин с 55 до 60 лет. При этом можно предположить, что ожидаемая продолжительность жизни на пенсии у женщин в России может стать ниже, чем среднем по странам ОЭСР.

В дальнейшем при росте ожидаемой продолжительности жизни возможно постепенное повышение пенсионного возраста мужчин и женщин до уровня нижней границы пенсионного возраста развитых европейских стран.

Снизить возможные негативные последствия повышения пенсионного возраста возможно за счет внедрения медленной схемы повышения пенсионного возраста, а также за счет предоставления возможности досрочного выхода на пенсию с существенным уменьшением размера пенсионных выплат. В то же время необходимо понимать, что предоставление досрочного выхода на пенсию с существенным уменьшением размера пенсионных выплат будет снижать экономический эффект от повышения пенсионного возраста и создаст риски повышения уровня бедности среди лиц старше трудоспособного возраста.

Список литературы

1. *OECD.Pensionable Age and Life Expectancy, 1950—2050*, in *Pensions at a Glance 2011 : Retirement-income Systems in OECD and G20 Countries*. OECD Publishing, 2011. URL: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2011-5-en.
2. *Малева Т. М., Синявская О. В.*, Повышение пенсионного возраста: proetcontra // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117—137.
3. *Вишневский А., Васин С., Рамонов А.* Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88—109.

Информация об авторе

Гришина Елена Евгеньевна, к. э. н., зав. лабораторией исследований рынка труда и пенсионных систем Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, egrishinawork@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗА СТАРОСТИ И ОЖИДАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОНЯТИЕМ «ПЕНСИЯ» (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В суждениях относительно проблемы возраста выхода россиян на пенсию (как со стороны государственных руководителей, так и со стороны экспертного сообщества) существует единство мнений относительно экономической целесообразности и фактической неизбежности его повышения. Проблема принятия такого решения в значительной степени связана с проблемой его восприятия представителями различных социальных групп. А это восприятие, в свою очередь, во многом зависит от сформировавшегося в общественном сознании образа старости и тех ожиданий, которые связываются с возрастным периодом после завершения трудовой деятельности.

У авторов есть возможность поделиться результатами эмпирических исследований, в которых затрагивались эти вопросы. Речь идет об исследовании клиентов пенсионных фондов (20 фокус-групп в городах Саратов, Чебоксары, Уфа, Пермь; июнь-июль 2014 г.) и исследовании по проекту «Старшее поколение: активное долголетие. Московская модель» (4 фокус-группы и 12 индивидуальных интервью с пожилыми людьми и 12 интервью с работниками социальных служб в Москве; июнь-июль 2015 г.).

Ключевые слова: старость, пенсионный фонд, восприятие старости

В результатах исследований отражены мнения разных возрастных групп [1]. В первом случае — представителей возрастного интервала 25—45 лет, во втором — людей пенсионного возраста (от 55 до 93 лет). Общим для всех возрастных групп является то, что восприятие образа старости, эмпирическим референтом которого был вопрос об ассоциациях с этим понятием, у большинства респондентов окрашен преимущественно в негативные тона. Со старостью чаще ассоциируются такие понятия, как «*немоть*», «*одиночество*», не востребованность («*брошенность*», «*никому не нужна*»), «*проблемы*», «*нищета*», «*растерянность*», «*усталость*».

Положительные ассоциации с периодом старости фиксировались крайне редко, у молодых респондентов, имеющих в поле своего зрения позитивные образцы собственных родителей. В целом можно отметить, что реальные примеры старения, наблюдаемые со стороны, позволяют

создать более оптимистичные образы старости, чем ориентация на стереотипы. Об этом говорит и анализ высказываний работников центров социальной поддержки, оказывающих социальные услуги пожилым москвичам.

Негативные ожидания, связанные со старостью, у молодых респондентов вызывают нежелание думать об этом, затрудняют выстраивание долгосрочных жизненных стратегий, в том числе и в профессиональной сфере. В этом же направлении действуют и отраженные в общественном мнении сведения о «социально-патологическом типе старения», характерном для современных демографических процессов в России [2]: многие молодые респонденты объясняют свое нежелание заботиться о материальном обеспечении в старости тем, что не рассчитывают дожить до нее (чаще такие аргументы приводят мужчины).

Для респондентов старшего возраста защитной реакцией является стремление как можно дольше не причислять себя к категории не только стариков, но и пожилых людей, предпочтение этим определениям эвфемизмов «зрелые», «опытные» люди, «старшее поколение».

Для молодой части респондентов также весьма характерно неверие в то, что они могут рассчитывать в будущем хоть на какое-то пенсионное обеспечение. Часто меняющаяся и иногда противоречивая информация о решениях по реформированию пенсионной системы воспринимаются значительной частью аудитории как сигнал о том, что все идет к тому, чтобы вообще отменить пенсии по старости.

И для пожилых людей, и для той части молодежи, которая имеет сколько-нибудь определенные представления о будущей старости, возможность продолжения работы в пенсионном возрасте является вполне допустимой, а для некоторых и желаемой перспективой. У молодых это связано с тем, что большинство из них не видит для себя реальных альтернатив обеспечения минимально приемлемого уровня жизни. Для пожилых людей материальные соображения тоже имеют ведущее значение, но к этому присоединяется социально-психологическая мотивация. Сопоставление высказываний работающих и неработающих респондентов говорит о том, что показатели социально-психологического самочувствия первых в целом существенно выше.

Эта тенденция, в принципе, могла бы стать хорошим фоном для формирования позитивных установок в отношении расширения границ пенсионного возраста. Однако серьезным барьером для формирования таких установок является в целом низкий уровень социального доверия, сужение горизонтов планирования, неверие в перспективы российской пенсионной системы. Абсолютное большинство опрошенных из всех возрастных категорий предпочитает получить хоть что-нибудь здесь и сей-

час, а не откладывать свои расчеты с таким партнером, как государство, на будущее.

Вытеснение мыслей о старости имеет важное негативное последствие в сфере самосохранительного поведения. Рассуждая о необходимости работать в старости, респонденты неоднократно спонтанно упоминали о здоровье, сохранение которого воспринимается как главное условие для продолжения трудовой деятельности. Однако эти упоминания звучали исключительно в контексте «везения» («если Бог даст»). Никаких признаков стремления каким-то образом увеличить вероятность «везения» (профилактика, здоровый образ жизни и т. п.) в высказываниях на эту тему обнаружить не удалось.

Список литературы

1. Римашевская Н. М. Доброхлеб В. Г. , Дудченко О. Н. Старшее поколение москвичей: качество жизни и условия для активного доголетия / под ред. Е. А. Савостиной ; АНО «Совет по вопросам управления и развития». М. : ООО «Деловые и юридические услуги „ЛексПраксис“», 2015.
2. Старшее поколение и будущее / под науч. ред. чл.-корр. РАН Н. М. Римашевской. М. : Экономическое образование, 2014.

Информация об авторах

Дудченко Ольга Николаевна, к. э. н., старший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, odoudchenko@gmail.com

Мытиль Анна Владимировна, старший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, awmytil@gmail.com

КЛУБЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

О. В. Иванова

Волгоградский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Волгоград, Россия

Аннотация. Одним из факторов развития общества является преемственность поколений. В настоящее время в результате трансформации института семьи изменились отношения между поколениями. В сознании молодежи, как в скрытой, так и в явной форме, пенсионеры относятся к бесполезной категории населения. Государство старается вытеснить пожилых людей из сфер доступа к престижным ценностям, власти и участию в общественной жизни. Но не стоит забывать, что, старея, люди сохраняют те же потребности и желания, что и в среднем возрасте, и всячески сопротивляются любым намерениям, имеющим целью исключить их из общества. Известно, что многие представители данной социальной группы обладают повышенной социальной активностью: они инициативны, хотят самостоятельно действовать и принимать решения, делиться своим жизненным опытом. Именно для таких людей и практикуется создание клубов пожилых людей, т. е. клубов по интересам.

В ноябре 2015 г. проведено исследование досуговой занятости пожилых людей на базе клуба «Родник» г. Волгограда. Для выявления основной деятельности, досуговых предпочтений пожилых людей, а также причин вхождения в клуб был использован метод глубинного интервью. Было опрошено 8 членов клуба разных возрастов и профессий. Надо отметить, что почти все опрошенные — это неработающие пенсионеры, в основном, проживающие одни.

Ключевые слова: старость, старение, досуг, пожилые люди

Анализ результатов интервью позволил сделать следующие выводы: половина опрошиваемых людей посещают клуб, потому что испытывают необходимость в общении и совместной деятельности с людьми своего же возраста. Так, основной причиной вступления в клуб у трети опрошенных была боязнь остаться один на один со своими проблемами и страхом одиночества: «Я осталась одна, и мне необходимо было общение. У меня ведь никого нет...один сын, но он уже взрослый — сам по себе...» (женщина, 73 года). Но большинство других участниц вступили в клуб для того, чтобы просто занять свое свободное время, отдохнуть от домашних забот и найти новый круг общения.

На вопрос: «Чувствуете ли вы себя пожилым человеком?» большинство ответило, что возраст в клубе не ощущается вообще: «Это наш дом, мы в нем молодеем», — говорят его участники. Для пенсионеров болезни и старость неразрывно связаны между собой. Среди опрошенных не нашлось тех, кто бы назвал свое здоровье хорошим или отличным. Участники клуба говорят, что раньше халатно относились к своему здоровью, но после посещения клуба стали принимать меры профилактики и приучать себя к занятиям спорта. «Родник» посещают люди, которых можно по праву считать долгожителями — женщина 92 года и мужчина 93-х лет.

Говоря о межличностных взаимоотношениях в клубе, можно отметить, что, несмотря на большое число членов клуба (около 200 человек), в нем нет места конфликтам, все участники активно взаимодействуют между собой и не ощущают себя изолированными. Некоторые в возрасте 85 лет даже официально зарегистрировались и продолжают посещать клуб. Как рассказывают опрашиваемые, пары не отпускают друг друга ходить по одному в клуб — боятся, что уведут. Посещают клуб и женатые пары.

Рассматривая занятость пожилых людей в клубе, надо отметить, что большую часть времени ее члены посвящают культурно-развлекательным мероприятиям и участвуют в оздоровительных соревнованиях. На базе клуба действует более пятнадцати видов кружков, ежегодно устраиваются соревнования между клубами пожилых людей. «Очень хотелось бы, чтобы о нас многие знали» (женщина, 56 лет).

Рассматривая финансовое обеспечение, следует отметить, что проблема материальной помощи является чуть ли не основной проблемой клуба. Многие опрошенные жалуются на то, что нет помещения и средств, где можно было бы заниматься спортом. «Здесь все связано материально, потому что все требует организации, но сейчас с этим сложно — город обнищал» (руководитель клуба).

Значительное место в исследовании занимает сфера интересов, увлечений и склонностей пожилых людей. Некоторые опрошенные ограничились просто наличием интереса к миру: «Я в своем возрасте еще всем интересуюсь» (женщина 64-х лет). Но больше всего участники клуба говорят о каких-то конкретных увлечениях или занятиях. Для одних, к примеру, это рукоделие, а для других игры в настольный теннис.

Если говорить об удовлетворенности от посещения клуба, то абсолютное большинство опрашиваемых очень довольны своей занятостью в нем. С каждым годом участники пробуют себя в новых кружках, принимают участие в грантах, общественных собраниях, митингах, выставках и праздниках. Сотрудничают с местными школами и библиотеками.

На вопрос: «Как клуб привлекает людей?» директор клуба (женщина 57 лет) с полной уверенностью говорит, что они привлекают людей сво-

ими делами. «На базе данного учреждения работают два журналиста, которые отслеживают работу клуба и представляют ее широким массам — в газетах. Также осуществляется связь с местным телеканалом». Многие члены клуба «Родник» узнали о его существовании от родственников, знакомых и самих посетителей клуба. Директор признается, что в привлечении посетителей как таковом клуб не нуждается: только в этом г. пришло более 60 человек.

Существенным недостатком является сравнительно небольшое помещение, которое не может вместить в себя всех посетителей: «...но люди все равно с удовольствием приходят к нам и остаются» — говорит руководитель клуба. При вступлении в клуб не существует ограничений: возрастных или физических.

Резюмируя результаты, можно сделать вывод, что клубы пожилых людей являются не только качественно организованным досугом пожилых людей, но и помогают конструировать новой статуса пожилого человека, снимая старые стереотипы старости, бытующие в массах. Пожилые люди представляют собой новую группу граждан, которые на равных правах способны активно заниматься общественной деятельностью и быть вовлеченными в жизнь всего города.

Информация об авторе

Иванова Ольга Владимировна, студентка III курса направления «Социология» Волгоградского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Волгоград, Россия, itv1415@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НОВОЙ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ

Н. И. Киселева

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Цивилизованность, авторитет государства и нации находится в прямой зависимости от положения, занимаемого пожилыми людьми в обществе. По отношению государства к пожилым его гражданам, их экономическим, социальным проблемам и медицинскому обеспечению можно судить об экономическом и нравственном развитии общества. Увеличение возраста выхода на пенсию влечет за собой не только сомнительные экономические выгоды, но и массу социальных и политических рисков. Поэтому изучение российских пенсионеров как особой социально-демографической группы в составе российского общества, их демографических, экономических, трудовых, социальных и политических характеристик, а также духовных и жизненных ценностей, требует новых методологических подходов.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсия, методология

Российское общество можно охарактеризовать как стареющее общество. По данным Госкомстата РФ [1], в 2015 г. численность пенсионеров составляет 43,8 млн человек, что составляет половину от трудоспособного населения и почти $\frac{1}{3}$ от всего населения страны. Главные причины лежат на поверхности: снижение численности населения вследствие высокой смертности и низкой рождаемости, а «запасы» для изменения в ближайшее поколение истощены, поэтому старение нации будет продолжаться.

Проводимые реформы пенсионной системы не привели положительным эффектам, коэффициент замещения ниже 40% [2], а доверие к социальным институтам снижается. Поэтому развитие пенсионной системы формирует экономическую и социальную и стабильность.

Приобретая статус пенсионера, положение человека в обществе меняется, подвергаются изменению его образ жизни, состояние здоровья, уровень защищенности и доходов. Рост численности пенсионеров свидетельствует о росте их значимости в социальной структуре общества, их установки, поведение, ценности оказывают непосредственное влияние на процессы, протекающие в обществе и на деятельность социальных институтов.

Особенностью современного российского социума пенсионеров является их неоднородный социально-демографический состав.

Российские пенсионеры различаются по демографическим (возраст, пол, образование и т. п.), социальным (социальный статус до выхода на пенсию, стаж работы и степень занятости после выхода на пенсию, причина и возраст выхода на пенсию, общий пенсионный стаж, доходность и т. п.), медицинским (состояние здоровья, степень самостоятельности в обслуживании) признакам. Как социально-демографическая группа пенсионеры имеют свои социально-психологические особенности: верность традициям, дисциплинированность, морально-нравственные качества, ценностные ориентации, социально-психологический настрой и другие. В совокупности эти признаки обуславливают специфику их положения и поведения в экономической, социальной и правовой сферах, а также в обществе в целом.

Официальный выход на пенсию качественно изменяет положение человека в обществе, его социальный статус, защищенность, уровень доходов, образ жизни и состояние здоровья. Резкое снижение уровня жизни, рост инфляции, коммерциализация медицинского обслуживания, усугубляют «непрестижное» положение пенсионеров. Вынужденные адаптироваться к новым экономическим условиям, очень многие пенсионеры, несмотря на возраст, стремятся вновь трудоустроиться на полную для них работу, чтобы улучшить свое материальное положение. Нестабильная социально-политическая и ухудшение экономической ситуации оказали практически решающее влияние на ценности и ценностные ориентации пожилых людей. В этих, чтобы обеспечить достойную жизнь пенсионеры, несмотря на возраст и здоровье, вынуждены адаптироваться к новым условиям, привыкнуть и встроиться в изменяющуюся среду, сформировать новые интересы, ожидания и социальную роль [3], рационально и эффективно использовать имеющиеся профессионально-квалификационные ресурсы, личностный потенциал для встраивания в сложившуюся хозяйственную ситуацию [4].

В процессе адаптации главную помощь должно оказывать государство, как один из главных институтов общества. Российское государство, реализуя политику в экономической, социальной и политической сфере, не до конца способно проанализировать и учесть все возможности пенсионеров при приспособлении к новым условиям. В итоге, процесс адаптации у пожилой части населения протекает весьма неординарно: данные мониторинга ВЦИОМ [5] свидетельствуют, что в изменяющихся экономических и политических условиях большинство пожилых россиян не смогли адаптироваться к сложившейся ситуации.

Увеличение доли пенсионеров в составе общества сопряжено не только с решением новых экономических и социальных проблем, определяющих качество и уровень жизни, но и с решением политических вопросов.

При этом выход на пенсию, оказывая существенное влияние на социальную активность пенсионеров, не делает их политически инертной частью общества. В структуре российского электората они составляют 27,6% [1] и от их участия в избирательных кампаниях во многом зависит исход выборов.

Очевидно, что увеличение возраста выхода на пенсию приведет к новым трансформациям для адаптации к изменению экономической и социальной среды, поменяются не только ценностные установки, нормы поведения, доверие к социальным институтам, но и социальная активность.

Проблемы:

1. Противоречие между новыми интересами пенсионеров более старших возрастов как крупномасштабной социально-демографической общности, обладающей новыми специфическими социальными возможностями и запросами, с одной стороны, и финансовой способностью государства обеспечить декларируемые достойные условия жизни большинству пенсионеров, учет специфических особенностей пожилой части населения, — с другой.

2. Выход на пенсию, пусть даже в более позднем возрасте, также приведет к снижению уровня и качества жизни пенсионеров, с одной стороны, но физиологические низкие адаптационные способности приведут к резкому сокращению численности населения страны.

3. Обостряются противоречия между установленной государством пенсией и правом пенсионеров не работать, с одной стороны, и их реальным вынужденным включением в трудовую сферу, стремлением к поиску работы и дополнительному заработку, — с другой. Иначе говоря, противоречие между конституционным правом пенсионеров «на заслуженный отдых», получением государственного обеспечения и вынужденной трудовой занятостью для содержания себя и своей семьи, зачастую «сверх» своих сил и вопреки своему здоровью.

4. Обостряется социальное противоречие между стремлением многих работодателей уволить профессионалов, достигших 60—65-летнего рубежа, с одной стороны, и острой потребностью этой категории в трудовом заработке и сохранении профессиональной занятости, — с другой.

5. Усугубится социальное противоречие и между свойственной только нынешнему поколению пенсионеров социальной терпимостью, с одной стороны, и их ценностными установками в избирательных кампаниях, — с другой.

Список литературы

1. *Демографический сборник России 2015* / Госкомстат РФ. М., 2015.
2. *Пенсионный фонд России*. URL: http://www.pfrf.ru/press_center.

3. *Социологический словарь* (в помощь изучающим курс «Экономическая социология»). Ч. 1 / отв. ред. Г. Силласте. М. : Финансовая академия при Правительстве РФ, 1999. С. 3.

4. *Силина Н. И.* Пенсионеры как социально-демографическая группа российского общества и их электоральное поведение : дисс. ... канд. соц. наук. М., 2003. С. 156.

5. *ВЦИОМ*. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya.

Информация об авторе

Киселева Наталья Ильинична, к. с. н., доцент кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве РФ, silinat@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: РЕАЛИИ И ПЛАНЫ

Е. В. Климова

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В последние годы увеличение пенсионного возраста является одним из самых обсуждаемых вопросов во всех слоях российского общества и неминуемо ожидаемых событий. Глава государства и российское правительство считают, что вопрос повышения пенсионного возраста в настоящее время является преждевременным, но не торопятся закрыть его окончательно.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, пенсия

Существующая сегодня концепция пенсионной системы предусматривает возраст выхода на пенсию в 55 лет для женщин и 60 лет мужчин, что на 10—15 лет ниже показателей многих стран с развитой рыночной экономикой. В денежном выражении размер пенсии по возрасту в целом по стране в 2015 г. составлял 12500 руб. По мнению аналитиков, коэффициент замещения пенсией утраченного заработка в России только к 2030 г. сможет достичь уровня рекомендуемого Международной организации труда в 40%.

Несомненно, основания для увеличения пенсионного возраста в России есть. Прежде всего это касается состояния демографических показателей: изменения возрастной структуры населения в сторону увеличения доли пожилых людей, снижения рождаемости и тенденций роста продолжительности жизни россиян.

Каждый четвертый житель нашей страны сегодня старше 60 лет, т. е. имеет полное право на получение пенсии. Кроме того, примерно 30% граждан, работа которых связана с вредными, опасными и тяжелыми условиями труда, выходят на пенсию досрочно, а около одного миллиона граждан трудоспособного возраста вообще не имеют работы.

По последним данным министерства здравоохранения, средняя продолжительность жизни в России увеличилась до 71,2 лет за счет изменения образа жизни, уменьшения курения и бытового пьянства, что могло бы служить основанием для увеличения пенсионного возраста. Однако уровень смертности пока остается очень высоким, что обуславливается не только старением населения, но и ростом смертности людей в возрасте от 30 до 45 лет в результате алкогольных и наркотических отравлений, суицидов, дорожных и бытовых травм, не выявленных заболеваний туберкулезом и ВИЧ.

Процесс старения населения России и незначительное пока увеличение продолжительности жизни со временем приведут к росту численности пенсионеров и сокращению количества людей трудоспособного возраста, что в результате скажется на увеличении нагрузки на лиц, отчисляющих страховые взносы в пенсионный фонд. Кроме того, это может привести к дестабилизации всей бюджетной и пенсионной системы.

Для определения отношения россиян к вопросу повышения пенсионного возраста в стране регулярно проводятся опросы общественного мнения специалистами «Левада-центра», фонда «Общественное мнение», ВЦИОМ*, результаты которых свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения нашей страны не поддерживает идею увеличения пенсионного возраста и планирует после выхода на пенсию продолжать работать. Это намерение они объясняют следующим причинами: недостаточным объемом пенсионных выплат, желанием оказать финансовую поддержку своим детям и внукам, стремлением сохранить свою активность и чувствовать свою востребованность, жаждой жизни и общения с коллегами.

Кроме того, желание как можно дольше сохранить свою работоспособность после достижения пенсионного возраста присуще многим представителям следующих профессий: политикам, преподавателям, актерам, дирижерам, художникам и др. Многие из них продолжают работать, опровергая социальные стереотипы о старости, получая огромное удовлетворение от своей деятельности и продолжая занимать активную жизненную позицию. Они заслужили право работать столько, насколько им хватит сил.

Таким образом, возможность изменения пенсионного возраста непосредственно связана с соотношением количества работающих и неработающих граждан. Для нормализации этого соотношения государству необходимы определенные усилия, направленные на:

- реализацию программ по обеспечению работой инвалидов. Например, в Санкт-Петербурге насчитывается 100 тысяч человек с инвалидностью трудоспособного возраста, 42 тысячи из которых имеют рекомендации к работе. Соискатели с ограниченными возможностями могут быть востребованы в самых разных сферах деятельности — от информационных технологий и маркетинга до банков, науки и транспорта;
- удержание пожилых людей в экономической деятельности и увеличения продолжительности их жизни (улучшение качества медицинского обслуживания, доступность лекарств);

* Пресс-выпуск № 2978 от 19.11.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115470>

- рост рождаемости, сокращение детской смертности, увеличение числа детских учреждений;
- трудоустройство безработных.

Государству необходимо также предусмотреть возможность увеличения размера пенсионных выплат до 2,5—3 прожиточных минимумов пенсионера в соответствии со Стратегией развития пенсионной системы до 2030 г. и не поддерживать идеи по ограничению доходов работающих пенсионеров.

К сожалению, в начале 2016 г. прожиточный минимум пенсионера был снижен на 200 руб. и составил 7781 руб., а пенсионные выплаты пока еще крайне малы. Начиная с этого года, перерасчет пенсий работающим пенсионерам будет производиться по новым нормам — в баллах. Стоимость одного пенсионного балла составляет 71,41 руб. При этом, независимо от размера заработной платы пенсионера и величины отчислений, производимых за него работодателем в пенсионный фонд, максимальная прибавка к пенсии не должна превышать трех баллов. В денежном выражении это составляет 214,23 руб. Средства, превышающие эту сумму, поступят в распоряжение солидарной пенсионной системы для обеспечения социальных выплат другим пенсионерам. Т.е. на практике все же происходит сокращение пенсионных выплат работающим пенсионерам, вносящим немалый вклад в пополнение бюджетных средств. К тому же индексация пенсий временно отменена.

Процесс изменения пенсионного возраста требует очень внимательного отношения со стороны общества и не имеет однозначных ответов на вопросы о механизме его реализации, о паритете пенсионного возраста для мужчин и женщин, о конкретной величине возраста выхода на пенсию, об отмене досрочного выхода на пенсию и др.

Окончательное решение этих вопросов возможно только после всестороннего рассмотрения, широкого обсуждения и учета общественного мнения.

Информация об авторе

Климова Елена Владимировна, д. т. н., профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, kev137@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ЧЕРЕПОВЦА

Г. А. Ковалева

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Аннотация. Прежде чем поднять возраст выхода на пенсию, следует учесть специфику регионов РФ. Одним из наиболее крупных субъектов РФ является Вологодская область, которая разделена на 26 муниципальных районов и 2 городских округа (Вологда и Череповец). Остановимся на мнении жителей Череповца. Город является индустриальным, основу экономического потенциала составляют предприятия черной металлургии и химического комплекса, ведущими из которых являются «Северсталь», «Северсталь-метиз», «Аммофос», «Череповецкий «Азот». В нем работают предприятия дерево- и металлообработки, пищевой и легкой промышленности, строительного комплекса.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, общественное мнение

Прежде чем приступить к любому реформированию, особенно социально-экономической сферы, необходима опора на общественное мнение. В современных условиях это важное условие успешной реализации управленческого решения, особенно государственного уровня. Проанализировав мнение россиян, относительно изменения пенсионного возраста, можно сделать вывод — население на данный момент не готово к этой мере. Согласно результатам социологического опроса, проведенного Фондом Общественного Мнения (ФОМ) в 43 субъектах РФ в конце марта 2013 г., из 1500 респондентов 84 % считают, что повышать пенсионный возраст не нужно, 6 % считают, что повысить можно, каждый десятый затруднился с ответом [3].

В Череповце насчитывается более 1500 малых и средних предприятий и очевидно, что большая часть населения задействована в их работе [2]. Согласно результатам опроса 2014 г. (выборка составила 680 чел.) подавляющее большинство (79 %) опрошенных считают, что пенсионный возраст повышать не стоит, 14 % являются сторонниками данной меры. Соотношение сторонников и противников изменения возраста выхода на пенсию по Череповцу немного отличается от российских данных в сторону увеличения числа тех, кто поддерживает эту меру (в среднем на 8 % по сравнению с показателями по стране). В вопросе повышения

пенсионного возраста интересной является следующее: среди тех, кто высказался «против», четверть — неработающее население. Очевидно, они не желают менять сложившуюся ситуацию. Среди сторонников, изменения пенсионного возраста, не работают только 2%. Обратил на себя внимание и следующий аспект: «против» изменения пенсионного возраста высказалось большинство, но в тоже время 44% опрошенных планируют работать, выйдя на пенсию, 8% уже работают, 24% отметили, что они не хотят продолжать трудовую деятельность.

В качестве основных причин, побуждающих продолжить трудовую деятельность, большинство респондентов указали: «пенсии недостаточно для поддержания нормального уровня жизни». Наряду с этим череповчане отметили, что «планируют помогать детям», «не хотят чувствовать себя пенсионерами», «привыкли работать, не представляют себя вне работы». Каждый третий отметил, что «мои навыки, знания необходимы на предприятии», а каждый десятый утверждает, что «не хочет сидеть дома», «планирует развиваться в интересующей деятельности». Среди факторов, влияющих на решение прекратить трудовую деятельность череповчане выделили следующие: «не позволяет здоровье» (64%), «надо помогать с внуками» (39%), «хочу уделять время себе, своим интересам» (25%). Примерно в равных долях были выбраны варианты «пенсия позволяет жить не работая» (10%), «имею свое подсобное хозяйство, помогают родные», «мои навыки маловостребованы», «много претендентов на мое место».

Можно выделить разное отношение к обозначенным проблемам представителей разных возрастных групп. Большая часть противников данной меры — те, кого принято называть людьми среднего возраста от 35 до 44 лет. Что касается мнения остальных респондентов, не желающих менять пенсионный возраст, то среди них 14% — лица в возрасте 55—64, 12% — 65 и старше, и 11% — молодежь от 18—24. Большинство из тех, кто собирается продолжить трудовую деятельность, выйдя на пенсию — это те, кто высказался «против» предложения менять возраст.

Прокомментируем аргументы, которыми череповчане объясняют свое отношение к изменению пенсионного возраста. В стране пока еще низкая продолжительность жизни, так считают 35% респондентов, комментируя: «высокая смертность», «многие умирают на работе», «народ не доживает», «люди и так мало живут», «что ваши статистики, придите на кладбище и посмотрите». Хотелось бы обратить внимание на такую особенность: большая часть населения недооценивает тот факт, что если продолжительность жизни мужчин в Вологодской области 62 года, а женщин 75 лет, то это не означает, что достигнув именно этого возраста все будут умирать. Показатель средний, это значит, что складывается он из того, что кто-то умер в детстве, кто-то в 15 лет, а кто-то — в 95.

Доказано, что ожидаемая продолжительность жизни мужчины, дожившего до 60 лет — 73 года, женщины — 78 лет [1].

Еще одним аргументом «против» выступает плохое здоровье населения, его отметили 15 %, сказав: «здоровье не позволяет», «народ и так весь больной», «к пенсионному возрасту здоровье не идеальное», «все болеют». В то же время треть сторонников повышения пенсионного возраста подчеркивают: «У людей есть силы работать дольше», «здоровье позволяет». Однако здоровье — индивидуальный показатель, и он не может быть стартовым для расчета периода выхода на пенсию. Возражая против повышения пенсионного возраста, всего лишь 6 % горожан говорят, что должно быть время заниматься собой и внуками». Комментарии выглядят следующим образом: «не успею пожить для себя», «до смерти что ли работать», «нужен заслуженный отдых», «пенсионер должен успеть реализовать себя в другой деятельности». Действительно, с этими аргументами трудно спорить, но, во-первых, трудовая деятельность оставляет свободное время на себя и родных, во-вторых, никто из представителей власти не говорит о том, что население должно работать, пока не закончатся последние силы и возможности. Наряду с указанным выше аргументом «против» есть не менее весомый «за»: «эта мера позволит решить проблемы одиночества и материальные трудности пожилых». Таким образом, получается, что последствия от повышения возраста, будет более значимыми.

Среди аргументов «против» есть и такие доводы, как: «нет необходимости», «возраст и так оптимальный», «мы привыкли к нынешнему возрасту» — так считают 11 % череповчан. Больше половины (59 %) респондентов считают, что следует сохранить нынешний возраст выхода на пенсию, аргументируя тем, что «он является привычным», «оптимальным по силам, здоровью», «достигнув его, сложно найти работу», «пенсионеров должно обеспечивать государство».

Каждый десятый житель старше 18 лет видит возможность изменить возраст выхода на пенсию в сторону увеличения на срок от 2—5 лет для мужчин, на 5—8 для женщин. Наиболее трудной для разрешения является экономическая составляющая, которую многие считают основной. Однако, как показывают результаты исследования, незначительная часть респондентов (5 %) отметили, что они «против», так как «низкая зарплата», «низкая пенсия», «материальное благосостояние позволяет жить не работая после достижения пенсионного возраста». В ответ на это сторонники повышения комментируют: «пенсионный возраст надо повышать, потому что необходимо кормить, обеспечивать семью» (7 %), а это возможно за счет более долгой трудовой деятельности.

Обратили внимание жители Череповца на проблемы с трудоустройством и занятостью. Часть из них говорит: «Многие работают после

достижения пенсионного возраста», «все пенсионеры работают», так считают 21 % сторонников. Да, действительно, интерес работодателей к найму лиц предпенсионного возраста падает. Но возникает вопрос: а не сохранение ли низкого пенсионного возраста — причина ущемления интересов работников предпенсионного возраста на получение рабочего места? Если за работником сохраняется право прекращения работы по достижении 55—60 лет, то позиция работодателя, предпочитающего молодого работника, который может работать на предприятии долгое время с высокой и возрастающей производительностью, вполне понятна. Именно сохранение низкого пенсионного возраста в реальности усугубляет положение работников пограничных возрастов на рынке труда, уменьшая их конкурентоспособность на общем фоне [4].

Есть ряд причин, которые можно условно назвать внешними. Они чаще всего связаны с общей ситуацией не только в городе, регионе, но и стране в целом. Примечательно, что в ответах, появляется такой фактор, как экология и ее состояние. Город является промышленным, в нем находятся крупные предприятия, заводы, большая часть населения трудится именно на них. Горожане говорят о тяжелых условиях труда. Возразить фактически нечего, и в процессе решения вопроса об изменении возраста государственная власть должна учитывать городскую специфику и разрабатывать более гибкие правила выхода на пенсию для отдельных категорий граждан.

Попытаемся разобраться со сложившимся разбросом мнений, и обратимся к анализу тех условий, при которых череповчане готовы поменять свое решение. Подавляющее большинство респондентов (70%), согласны выйти на пенсию позже, если им будут платить высокую зарплату. Свыше половины череповчан (55%) отмечают, что готовы стать пенсионерами позже, если поднимут размер пенсии. Он должен, по их мнению, увеличиться в 2 раза и варьироваться в размере от 20000 до 25000 рублей. 53% горожан указали, что вышли бы на пенсию позже установленного возраста при условии, что государство введет/сохранит льготы. Череповчане готовы выйти на пенсию позже, если будет позволять здоровье, так утверждает 33% респондентов. Участники опроса отметили, что на их решение повлияет наличие стабильной и интересной работы, оплачиваемого отпуска и сокращенного рабочего дня и соответствующих условий жизни. Около половины опрошенных (45%) отмечают, что следует менять ситуацию в сфере занятости, чтобы пожилые были востребованы. По мнению горожан, для того чтобы потенциал пожилых стал использоваться, следует развивать существующие и вводить новые программы содействия занятости, так думает каждый пятый респондент (21%); столько же считают, что стоит разрабатывать меры стимулирования для рабо-

тодателей. Больше трети респондентов отмечают, что требуется открытие бесплатных курсов, облегчить доступ к программам профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации. О необходимости формирования новых представлений общества о возможностях пожилых заявляют 18 % горожан.

63 % жителей отмечают, что перемены должны затронуть сферу медицинского обслуживания, в рамках которой необходимо работать над качеством и доступностью медицинских услуг и, как следствие, появилась возможность работать дольше. На данный момент, большая часть респондентов (82 %) считают, что данная сфера не способствует улучшению качества жизни, стабилизации состояния здоровья. Немаловажным является и такое направление, как изменение общественных стереотипов о возможностях пенсионного возраста, так считают 48 % респондентов. Таким образом, процесс повышения пенсионного возраста должен сопровождаться реформированием ряда общественных сфер, созданием соответствующих условий. Однако, этот процесс требует времени, и исходя из данных опроса видно, что для того, чтобы повысить пенсионный возраст государству потребуется: 7—9 лет, так считают 23 % респондентов, 1—3 года, такой точки зрения придерживаются 18 %, срок 5—7 лет отметили 16 % опрошенных.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее: на данный момент в вопросе с изменением пенсионного возраста много противоречий. Но, несмотря на то, что многие формально «против», пенсионный возраст в нашем городе можно повышать. Такой вывод связан, в первую очередь, с тем, что ответы респондентов сильно привязаны именно к современным условиям, а не к тем, которые будут созданы, прежде чем возраст выхода на пенсию поднимут.

Список литературы

1. *Макаренко Б.* Возраст старости — по выбору // Пенсионное обеспечение. 2010. № 9. 32 с.
2. *Информационный портал «Чер-инфо»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cherinfo.ru/14>.
3. *Официальный сайт ФОМ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fom.ru>.
4. *Синявская О.* Повышение пенсионного возраста [Электронный ресурс]; URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit06.php>.

Информация об авторе

Ковалева Галина Александровна, к. с. н., доцент, заместитель заведующего кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, galoka1960@yandex.ru

ДОЛГОЛЕТИЕ: ВЫГОДЫ И РИСКИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Л. Д. Козырева

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Долголетие является социально-биологическим феноменом. Индивидуальное долголетие, обусловленное в первую очередь биологическими факторами, представляет собой важнейшую составляющую индивидуального благосостояния. Общественное долголетие — одна из главных социальных ценностей — показатель высокого качества жизни и благосостояния.

Ключевые слова: долголетие, методология, исследование

Сегодня изучение феномена долголетия требует комплексного подхода, в рамках которого у социологии (как теоретической, так и прикладной) есть свое «поле» исследования. Так, нам представляется, что наряду со статистическим анализом демографических процессов было бы целесообразно воспользоваться опытом Нобелевского лауреата 2015 г. Агнуса Дитона, проводившего в целях изучения проблем здоровья и благосостояния «микрорепериси» домохозяйств, которые позволили ему отчасти преодолеть ограниченность усредненных показателей. Он же с соавторами изучал проблемы долголетия и благосостояния с помощью LSMS-обследования (Измерение уровня жизни, *Living Standards Measurement Survey*). В обследованиях применялись такие инструменты, как анкета для опроса в домохозяйствах; анкета для опроса сообщества; «ценовая анкета»; анкета опроса в образовательных и медицинских учреждениях [1].

Человечество стареет. По прогнозам ООН, в ближайшие 40—50 лет основной прирост населения будет обеспечиваться за счет пожилых людей. В экономически развитых странах доля пожилых уже превышает 15% [4].

Тот факт, что люди стали жить дольше, приводит к т. н. «рisku долгожительства». Еще в 2012 г., рассматривая вопросы глобальной финансовой стабильности, экономисты предупреждали: «Если средняя продолжительность жизни возрастет к 2050 г. на три года больше, чем ожидается в настоящее время, и без того огромные издержки, связанные со старением населения, повысятся на 50 процентов» [2]. При этом обращалось внимание не только на масштабность финансовых последствий старения населения, но и на то, что даже действенные меры по их минимизации дадут результат только через несколько десятилетий.

Другой вид риска долгожительства связан с возникновением и прогрессированием «болезней старости». В этом смысле надо говорить не просто о продлении жизни, а о формировании активного долголетия. Это возможно как в направлении формирования мотивации здорового образа жизни, пропаганды его ценности и значимости, так и доказательства необходимости индивидуальной (семейной) стратегии трат в «пользу здоровья». Приоритетами такой стратегии (особенно в ситуации ограниченности ресурсов различного рода) должно быть расходы на отдых, восстановление организма, на покупку медицинских средств и устройств, направленных на поддержание здоровья (аппараты для измерения давления и уровня сахара крови, тренажеры, профилактические лекарственные средства и т. д.).

Ядром культуры сохранения здоровья является самосохранительное поведение. Последнее включает в себя действия человека, опосредующие сохранение или отказ от сохранения своего здоровья, достижение или отказ от достижения определенной продолжительности жизни. В соответствии с установками на желаемую и ожидаемую продолжительность жизни различают следующие типы самосохранительного поведения: ориентированный на (1) идеальную, (2) желаемую и (3) ожидаемую величину [3].

В развитых странах население демонстрирует прочные установки на продолжительную активную деятельную жизнь. У россиян представления о желаемой длительности жизни довольно скромны. Средние оценки соответствуют уже достигнутым показателям продолжительности жизни в наиболее развитых странах мира. Мотивация длительной жизни ограничена: преобладают семейные (увидеть внуков, помогать детям, не оставлять одиноким супруга), а также личные ценности и интересы (пожить для себя, не работая). Социально значимые мотивы, в том числе связанные с престижем возраста, практически не работают [3, с. 128].

Таким образом, можно сделать вывод, что перед социологами сегодня стоят серьезные и сложные проблемы изучения феномена стареющего человечества как нового многогранного явления, имеющего глобальные социальные последствия.

Список литературы

1. Дитон Э., Заиди С. Принципы построения агрегированных показателей потребления в целях анализа благосостояния [Электронный ресурс]. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPA/Resources/429966-1092778639630/DeatonZaidi-Russian.pdf>.
2. Доклад по вопросам глобальной финансовой стабильности, апрель 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/gfsr/2012/01/pdf/pressr.pdf>.

3. *Иванова А. Е.* Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 120—129.
4. *Соснов А.* Приглядеться к долгожителям // Поиск. 2016. № 1. С. 22.

Информация об авторе

Козырева Лариса Дмитриевна, д. филос. н., профессор кафедры социологии и социальной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, ldkozyreva@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ МОНИТОРИНГА УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ МОСКВИЧЕЙ

М. В. Корнилова

*Институт социологии РАН, Институт дополнительного профессионального образования
работников социальной сферы, Москва, Россия*

Аннотация. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста г. Москвы проводится два раза в год в течение пяти лет специалистами Центра мониторинговых исследований Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы. Заказчик — Департамент труда и социальной защиты населения г. Москвы. Каждые полгода в исследовании принимали участие по 5 тыс. респондентов: граждане старше трудоспособного возраста, проживающие в Москве.

Ключевые слова: качество жизни, мониторинг, пожилые люди

За X этапов проведения исследования было собрано большое количество информации как о жизнедеятельности пожилых москвичей, так и об особенностях функционирования столичной системы социальной защиты населения.

В данной статье автор анализирует, как результаты мониторинга используются заказчиком с точки зрения внедрения новых технологий социального обслуживания, направленных на улучшение качества жизни граждан пожилого возраста в Москве.

Поскольку по результатам мониторинга спрогнозировано значительное увеличение потребности в надомном обслуживании граждан пожилого и старческого возраста, в столице запущен пилотный проект «Оптимизация системы надомного социального обслуживания населения города Москвы». Основная идея — перераспределение трудозатрат социальных работников с осуществления «функции ног» (поиску, покупке и доставке продуктов питания и товаров первой необходимости) на собственно социальную работу, на общение с получателем услуг. Технология «информационно-технологической системы заказа продуктов питания и товаров первой необходимости, оплаты услуг ЖКХ, заказа социального такси осуществляется посредством обеспечения социальных работников «планшетами». Таким образом, получатель услуг по-прежнему выбирает продукты, промтовары и другие услуги которые ему необходимы, а социальный работник уже посредством компьютера отправляет заказ

каждого клиента в единый пункт концентрации заказов, который в установленные сроки доставляется в пункт выдачи. Социальный работник забирает готовый и сформированный заказ и доставляет его клиенту. При этом стоимость продуктов, заказанных при помощи интернета в среднем значительно ниже, чем в магазине. Поэтому преимущества данного проекта заключаются не только в снижении трудозатрат социального работника на поиски необходимого товара, но и позволяет экономить деньги клиента.

В связи с ежегодным увеличением доли пожилых граждан в общей структуре населения Москвы, возрастает необходимость в поиске новых форм и видов социального обслуживания. Среди мнений респондентов доминирует предложение о развитии практик социального обслуживания, обеспечивающих максимально длительное пребывание пожилых граждан в привычной, благоприятной, домашней социальной среде. За это высказываются почти две трети респондентов, принимавших участие в мониторинге, а также почти 60% участников блиц-опроса, проведенного в 2015 г., по теме: «Актуальные проблемы граждан пожилого возраста». Поэтому в настоящее время очень активно внедряются *стационарозамещающие технологии* («патронажные отделения на дому», «санаторий на дому»), открываются отделения дневного пребывания со стационаром). Внедрение данных программ позволяет пожилому человеку не только чувствовать себя комфортно при получении медицинских и реабилитационных услуг в стенах родного дома, но и сэкономить весомую часть государственного бюджета на предоставление данного вида обслуживания в условиях стационара.

Реализуется и программа «Школа ухода» для обучения родственников, осуществляющих присмотр и уход за больными пожилыми членами семьи с привлечением специалистов и организаций медицинской направленности, производящих средства по уходу за больными. Правительство Москвы уделяет очень большое внимание именно привлечению ближайшего социального окружения для помощи пожилым людям, а также привлечению внимания общества к проблемам пожилых людей. Внедрение практики «Приемных семей» для одиноких лиц пожилого возраста позволяет одиноким старикам почувствовать заботу, тепло и домашний уют, ощутить себя нужными и полноправными членами общества.

Реализация данных программ позволяет престарелым людям, нуждающимся в помощи, получать поддержку не только от членов семьи, но и от государства, находясь при этом в привычной домашней среде.

Темпы роста пожилого населения столицы и увеличение доли одиноких пожилых москвичей актуализируют необходимость создания новых технологий «быстрого» реагирования и предоставления помощи,

направленной на поддержание здоровья и безопасности пожилых людей. Программа неотложной помощи «Тревожная кнопка» направлена на экстренное реагирование при резком изменении условий нормальной жизнедеятельности одинокого пожилого человека. Тревожная кнопка встроена на специальном устройстве по типу мобильного телефона или на браслете («Тревожный браслет»), который надевается на руку и работает по тому же принципу. Если у пожилого человека возникают проблемы со здоровьем, ему требуется медицинская помощь, а также при попадании в другие ситуации, угрожающие безопасности жизнедеятельности, достаточно нажать на кнопку и сигнал поступит на специальный диспетчерский пункт. В обязанности диспетчеров входят: вызов скорой помощи, спасателей, полиции, представителей социальных, коммунальных и других служб города, консультирование, оказание первичной социально-правовой помощи. По данным мониторинга, персональными устройствами «тревожная кнопка» и «тревожный браслет» удалось обеспечить всех желающих из числа одиноких инвалидов и участников Великой отечественной войны.

«Мобильная социальная служба» оказывает разовые услуги для тех, кто не состоит на надомном социальном обслуживании, и создана преимущественно для одиноких пожилых москвичей. По данным 2015 г., в столице действует 46 секторов мобильных социальных служб (в 2011 г. — 10 секторов), которые функционируют на базе отделений срочного социального обслуживания. Оказываемые услуги очень востребованы. В преклонном возрасте пожилым гражданам нужна не только финансовая помощь, но и помощь социального работника по дому, выполнению поручений, сопровождению, доставке продуктов и т. д. Существующий перечень услуг может расширяться при дальнейшем мониторинге потребностей населения столицы.

Очень востребована новая технология оказания адресной социальной помощи отдельным категориям пожилых москвичей в виде «Электронного социального сертификата» на продукты питания и товары длительного пользования. С 10 марта 2015 г. он обеспечен суммой в 1000 рублей. Целесообразность внедрения данного вида социальной помощи была оценена участниками на VII этапе проведения мониторинга. И более 70 % опрошенных пожилых москвичей высказались в пользу получения сертификата для самостоятельного выбора продуктов питания вместо стандартного продуктового набора. Кроме того, в ближайшее время планируется ввести электронный сертификат на получение вещевой помощи номиналом в 2000 рублей.

Преимущества данного вида социальной услуги по сравнению с имеющимися ранее стандартными продуктовыми наборами — очевидны.

Теперь пожилой человек сам и/или при помощи социального работника может выбрать любые продукты согласно его собственным предпочтениям и потребностям.

Данные, полученные в ходе проведения мониторинга уровня и качества жизни пожилых москвичей, представляют значительный объем информации, позволяющей Департаменту труда и социальной защиты населения г. Москвы использовать полученные результаты для принятия управленческих решений в социальной сфере. Это наглядно демонстрируется внедрением новых технологий социального обслуживания для разных категорий пожилого населения столицы.

Информация об авторе

Корнилова Марина Валерьевна, к. с. н., методист Центра мониторинговых исследований Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы, младший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, mmrr@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ГРАНИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА — ПРОБЛЕМА ИЛИ МЕРА РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ СТАРЕЮЩЕГО ОБЩЕСТВА?

С. Г. Максимова, М. М. Максимова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Представлены экспертные оценки, позволяющие сделать вывод о том, что повышение границ пенсионного возраста частично решает проблему пенсионного обеспечения в плане существенного снижения соответствующих затрат со стороны государства, однако порождает множество других проблем, связанных с дискриминацией пожилых граждан на рынке труда, безработицей, бедностью, социальной напряженностью, снижением производительности труда. Кроме того, в свете низких показателей здоровья и средней продолжительности жизни россиян планируемый шаг выглядит как нарушающий принципы социальной справедливости и этики.

Ключевые слова: пенсия, пенсионная реформа, геронтологическая политика, социальная справедливость

В России в последнее время активно поднимается вопрос, связанный с увеличением возраста выхода на пенсию.

Старение населения — глобальная тенденция, охватившая мир, спровоцировала дискуссию о реформировании традиционных систем социального обеспечения. Вместе с тем любые изменения в этой сфере должны учитывать, по меньшей мере, показатели уровня жизни, положение в сферах демографии, здравоохранения, пенсионной системы и рынка труда. Они также должны балансировать интересы пенсионеров, государственного и частных пенсионных фондов, работников, работодателей, профсоюзов, служб занятости и государства. В наиболее общем виде возраст выхода на пенсию или пенсионный возраст обозначает законодательно установленный возраст, начиная с которого человек имеет право оставить работу, получая гарантированный уровень материального обеспечения — пенсию. Наблюдающиеся сегодня проблемы, связанные с недостаточным финансовым обеспечением пенсионной системы вызывают появление новых законодательных инициатив по повышению границ пенсионного возраста россиян. Данные предложения базируются на предположении о том, что отодвигание пенсионных границ облегчит фи-

нансовое бремя государства и позволит гражданам наиболее полно реализовать свой трудовой потенциал. Однако до внедрения данной меры необходимо проведение тщательной экспертизы ее возможных следствий.

Объекты и методы. В целях разработки научных основ для решения упомянутых проблем проведен социологический опрос населения и экспертный опрос в современном регионе России (Алтайский край, выборка населения составила 600 чел., в возрасте 15—75 лет). Экспертный опрос проводился среди представителей органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности для оценки геронтологической политики и восприятия проблем старшего возраста ($n = 20$).

По результатам опроса выявлено, что 68 % респондентов Алтайского края высказались за то, что возраст выхода на пенсию не нужно менять, 27 % жителей говорят о необходимости уменьшения возраста выхода на пенсию, 3 % — о необходимости увеличения возраста выхода на пенсию. Отметим, что более категоричны в своих оценках лица молодого возраста, именно они поддерживают идею «уменьшения возраста выхода на пенсию» (38 %). Лица старшего возраста в большинстве своем поддерживают тезис «Не нужно ничего менять» (72 %). Небольшая доля молодежи высказалась за тезис об «увеличении пенсионного возраста» (8 %).

С целью выяснения того, в какой степени изменение границ пенсионного возраста поможет решить проблемы стареющего общества, экспертам был задан вопрос: «Как Вы думаете, изменение границ пенсионного возраста может смягчить проблемы стареющего общества, обеспечить всему населению продолжительную трудовую активность?».

Большинство опрошенных экспертов выразили мнение, что повышение пенсионного возраста не решит актуальных проблем, связанных со старением населения в России. Однако данная мера, несомненно, позволит государству снизить затраты на пенсионное обеспечение в силу того, что многие граждане в этом случае просто не доживут до пенсии: «*Понятно, что основная масса мужчин... до пенсии просто не доживет*» (ИВ_017, с. 13—14).

Многие участники опроса расценили данное решение, несмотря на его экономическую целесообразность, как аморальное и унижающее достоинство граждан: «*Закладывая вот такой новый завышенный порог выхода на пенсию, они предполагают, что мы просто снимаем остроту вопроса тем, что люди просто не доживут до пенсии, не придут, так сказать, стучаться в Пенсионный фонд, это нехорошая позиция*» (ОО_002, с. 15).

Эксперты, полагающие, что повышение пенсионного возраста не является эффективным способом решения, аргументировали свою позицию тем, что:

- сегодня в России не создаются специальные условия труда для пожилых людей, которым необходим более щадящий рабочий график, более комфортные условия работы;
- на рынке труда повсеместно наблюдается дискриминация по возрасту, и, тем самым, уровень жизни людей старших возрастов существенно понизится, в данной группе населения возрастет число бедных: *«А если увеличим пенсионный возраст, то где обеспечить работой, какой обеспечить работой людей?»* (МС_010, с. 3); *«Если сейчас уже не востребованы сорокапятiletние, а куда деваться пятидесятипятилетним»* (ОО_001, с. 4);
- востребованность пенсионеров на рынке труда ограничена, повышение пенсионного возраста приведет к проблемам трудоустройства молодежи: *«...проблемы есть дисбаланса спроса и предложения на рынке труда, это связано еще и с нашей образовательной системой»* (ИБ_003, с. 6—7);
- повышение пенсионного возраста актуализирует потребность в повышении квалификации пожилых людей, для чего не существует соответствующей инфраструктуры и что затруднено вследствие снижения способности к обучению в пожилом возрасте: *«И дальше, ведь у нас сейчас настолько развивается наука, техника, что человека надо переучивать»* (ОО_004, с. 7—8);
- следствием повышения пенсионного возраста станет снижение производительности труда вследствие объективных физиологических изменений, сопровождающих старение: *«...повышение пенсионного возраста вызовет и, соответственно, низкую производительность труда у людей»* (ЗВ_015, с. 6);
- для изменения границ пенсионного возраста необходимо повышение качества жизни населения, напрямую влияющего на показатели здоровья и сохранение трудовой активности: *«Я считаю, что нужно повышать качество жизни в целом населения, потом уже можно говорить о повышении трудовой активности»* (НП_020, с. 5);
- изменение границ пенсионного возраста повысит уровень социальной напряженности и конфликтности: *«в дальнейшем это приведет к нарастанию социальных конфликтов в обществе и конфликтов между населением и властью»* (ЗВ_008, с. 12);
- это повлечет за собой нарушение привычного социального порядка: *«Я думаю, что те границы, которые уже давным-давно сложились, они не требуют изменения»* (ОО_011, с. 8);

- рассматриваемая мера ущемит права граждан на заслуженный отдых, так как продолжительность жизни в этом случае фактически совпадет с моментом выхода на пенсию: *«с одной стороны, мне кажется, что это плохо, потому что это ущемит часть категорий, которые хотели бы выйти на пенсию»* (ИВ_009, с. 13—14);
- вызовет недоверие к пенсионной системе, приведет к негативизму граждан в отношении заботы о своем пенсионном обеспечении.

Некоторые эксперты расценили предлагаемое реформирование пенсионного законодательства как принуждение продолжать трудовую деятельность в пожилом возрасте, несмотря на физическое и психологическое состояние человека.

Кроме того, согласно мнению экспертов, современное российское законодательство не препятствует пенсионерам продолжать трудовую деятельность, и многие люди пенсионного возраста работают, если им позволяет здоровье, поскольку прожить на пенсию крайне сложно. В данном случае государству необходимо просто способствовать занятости пожилых.

В то же время, если границы пенсионного возраста будут изменены в сторону его увеличения, многие пожилые граждане, сегодня работающие и одновременно получающие пенсионные выплаты, лишатся последних, и, таким образом, их уровень жизни понизится: *«вот я ушла не в 55, а в 60, вот эти 5 лет, но они будут и пенсию получать, и зарплату»* (ОО_008, с. 11).

Лишь немногие эксперты признали, что повышение пенсионного возраста — необходимая мера, которая позволит «смягчить» проблему старения общества: *«Да, я считаю, что это было бы правильно. Реально, практически, когда человек работает гораздо дольше. Значит, надо это делать законно»* (МС_003, с. 6).

Однако ни один из экспертов не согласился считать повышение возраста выхода на пенсию мерой, которая в максимальной степени позволит решить проблемы увеличения численности пожилого населения, в большинстве ответов данного типа содержалось замечание, что это лишь частично повлияет на эффективность государственного регулирования в стареющем обществе.

Были высказаны и мнения о том, что повышение пенсионного возраста должно происходить не сегодня, а в будущем, после тщательного анализа возможных последствий данной меры.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 15-03-00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России» (2015—2017).

Информация об авторах

Максимова Светлана Геннадьевна, д. с. н., профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, svet-maximova@yandex.ru.

Максимова Маргарита Максимовна, студент Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, maxbmax@rambler.ru

МЕЖПОКОЛЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В СТАРЕЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. Миронова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. В чем специфика участия домохозяйств различного демографического типа в системе частных межпоколенных трансфертов, и какова роль трансфертов в повышении их благосостояния, — вот основные актуальные вопросы, которым посвящено данное исследование.

Ключевые слова: старость, межпоколенная солидарность, межпоколенные трансферты

Демографическое старение ставит новые вызовы перед российским обществом. В новых демографических условиях возникает необходимость переоценки стереотипов межпоколенной солидарности, которая подразумевает взаимовыгодные обмены между поколениями как на государственном, так и на родственном уровне. Перспективы межпоколенных обменов на государственном уровне, представленные в первую очередь пенсионной системой, получили широкий общественный резонанс. В настоящее время реализуется очередной этап пенсионной реформы (пенсионная реформа 2015 г.). Однако межпоколенные обмены, происходящие на уровне российской семьи, остаются мало исследованными, в то время как они являются важным источником и материальной поддержки, и поддержки в виде услуг для населения. Так, родители продолжают поддерживать своих детей не только в период взросления, но и когда те становятся самостоятельными и покидают родительский дом. В свою очередь дети помогают своим родителям в трудных ситуациях — например, заботятся о них во время болезни.

Исследование частных межпоколенных трансфертов становится особенно актуальным в нынешних условиях нарастающей экономической нестабильности. Согласно данным РМЭЗ-НИУ ВШЭ за 2013 г., получение помощи от родственников и друзей является второй по популярности формой адаптации домохозяйства к трудному материальному положению после различных форм экономии (экономии на покупках одежды и обуви, экономии на развлечениях, экономии на питании).

По мере общественного развития специфика частных межпоколенных обменов меняется. Это изменение обусловлено повышением общего уровня благосостояния населения, эволюцией различных социальных (например, уравнивание в правах мужчин и женщин) и экономических

(например, эволюция института собственности) институтов и др. В этой общей системе взаимосвязанных влияний демографические изменения занимают особое место. Историческая эволюция демографических параметров меняет структуру родственной группы* и порядки семейной жизни, открывая новые возможности и создавая новые проблемы.

Демографические детерминанты наряду с другими параметрами определяют состав родственной группы, внутри которой происходит обмен трансфертами. В частности, преобразование возрастной структуры населения находит свое отражение в трансформации состава родственной группы (семьи) — увеличивается число одновременно живущих в семье поколений, а число представителей одного поколения снижается. Из-за снижения рождаемости потенциал поддержки со стороны молодого поколения сокращается, тогда как число пожилых членов семьи, нуждающихся в поддержке, растет.

Члены родственной группы обособляются в разные домохозяйства или наоборот объединяются в одно домохозяйство, образуя группу родственных домохозяйств, между которыми происходит обмен частными межпоколенными трансфертами. Таким образом, картина распределения домохозяйств по демографическим типам отражает влияние демографических параметров макроуровня. В свою очередь демографический тип домохозяйства во многом определяет возможности оказания родственной помощи и потребности в ее получении.

Понимание картины частных межпоколенных обменов является важным при планировании социальной политики государства, вопрос оптимизации которой еще более актуализируется в условиях нарастающей экономической нестабильности. В рамках частных трансфертов перераспределяются существенные потоки благосостояния. Так, например, в США ежегодная доля трансфертов в виде передачи наследства составляет около 3% от ВВП, примерно 30 млн долларов в год дети получают от родителей в форме подарков [Villanueva, 2005]. При этом значимость неформальных родственных обменов в поддержании благосостояния домохозяйств, как правило, не вполне осознается и зачастую не учитывается при планировании социальной политики, в то время как частные трансферты часто восполняют провалы системы социальной поддержки населения.

Без знания масштабов и направлений потоков частных трансфертов с учетом демографического состава домохозяйств невозможно получить

* Под *родственной (семейной) группой* в данном исследовании мы будем понимать группу домохозяйств, члены которых находятся в родстве или свойстве и имеют общие материальные интересы, объединены морально-психологическими и эмоциональными отношениями, заинтересованы во взаимной помощи и общении.

полное представление о реальных потребностях и возможностях различных групп населения. Так, если государственные трансферты направлены на ту группу населения, которая является промежуточным звеном в системе частных обменов, то планируемый эффект от государственных мер поддержки не будет достигнут. Например, если государство повышает пенсии по старости, стремясь улучшить благосостояние домохозяйств пенсионеров, а полученные средства в рамках частных трансфертов перераспределяются в пользу домохозяйств молодых людей, то благосостояние домохозяйств пожилых не меняется.

Список литературы

Villanueva E. Inter vivos transfers and bequest in the three OECD countries // *Economic policy*. 2005. Vol. 20. № 43. P. 506—565.

Информация об авторе

Миронова Анна Алексеевна, аспирантка кафедры демографии НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра семейной политики и качества жизни НИУ ВШЭ, Москва, Россия, amironova@hse.ru

ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ: НЕОБХОДИМАЯ ИЛИ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ МЕРА?

Е. Н. Новоселова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В настоящее время проблема повышения пенсионного возраста и обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы в России крайне актуальна. Насколько справедливо и своевременно такое перекалывание части пенсионного бремени на самих пенсионеров, к каким социальным и экономическим последствиям это приведет? Большинство россиян (80 %) не поддерживают увеличение пенсионного возраста, 75 % против отмены выплат пенсий работающим пенсионерам [6], около 65 % уверены, что существующий в нашей стране в настоящее время возраст выхода на пенсию оптимальный [8]. С демографической, социальной и экономической точек зрения существуют аргументы и «за», и «против». Попробуем проанализировать эти аргументы по порядку.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, продолжительность жизни

Аргументы сторонников повышения пенсионного возраста

1. *Старение населения.* В XXI в. мир столкнулся с новыми глобальными переменами в области возрастной структуры населения, среди которых старение населения, безусловно, занимает одно из центральных мест. В России формирование демографически старого населения проходило постепенно, начиная с 1940-х гг. В категорию «старых» население России перешло в конце 1960-х гг., а в ближайшее время, по прогнозам специалистов, ситуация только ухудшится, старение населения ускорится, и к 2025 г. доля россиян старше 65 лет может достичь 18 %, т. е. старше 65 лет уже будет каждый пятый житель нашей страны [3]. В связи с этим, сегодня на повестке дня стоит принятие мер, непосредственно связанных со старением, а именно, увеличение занятости пожилых и повышение пенсионного возраста.

2. *Низкий возраст выхода на пенсию, особенно для женщин.* Действительно, если сравнивать нашу страну с другими странами, то в большинстве европейских стран пенсионный возраст заметно выше, и во многих из них планируется его дополнительное повышение. В России пенсионный возраст для женщин составляет 55 лет, для мужчин 60 лет, при этом довольно существенные группы работающих имеют право на досрочный выход на пенсию. По данным Минздравсоцразвития в 2010 г.

численность получателей досрочных пенсий достигла 34 % от числа получателей трудовой пенсии по старости [5].

3. *Пенсия не выполняет свою роль компенсации потери трудоспособности, т. к. значительное число людей пенсионного возраста продолжают работать.* Так, среди тех, кто вышел на пенсию, продолжают работать каждый третий мужчина и более половины женщин [2]. Речь идет примерно о 13—15 млн работающих пенсионеров.

4. *Повышение пенсионного возраста позволит значительно снизить расходы на пенсионное обеспечение, сбалансировать экономику РФ и поможет бюджету справиться с последствиями ожидающей страну демографической ситуации.*

Казалось бы, в свете вышеперечисленного очевидным выходом из ситуации стало бы повышение пенсионного возраста, однако в России все не столь однозначно. Рассмотрим, почему.

Аргументы противников повышения пенсионного возраста

1. *Крайне низкая продолжительность жизни, особенно, мужской части населения.* Несмотря на то, что в странах Западной Европы возраст выхода на пенсию выше, до этой самой пенсии доживает большее количество людей, чем в нашей стране, и «в 65 лет им предстоит почти такая же, а иногда и более долгая жизнь, чем в России в 60 или даже 55 лет» [1]. Разница между продолжительностью жизни мужчины и возрастом выхода на пенсию в России составляет 4,56 года, это один из самых низких показателей в мире.

Продолжительность жизни россиянина, по данным на 2013 г., составляет 70,8 года, таким образом, Россия занимает по разным оценкам 111—129-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни [4] наряду с КНДР, Бангладеш, Непалом, Монголией, Узбекистаном, Фиджи, Филиппинами. По этому показателю наша страна отстает не только от более развитых стран, но и от государств с похожим уровнем развития экономики.

2. *Низкая продолжительность здоровой жизни в России.* По данным мониторинга ВОЗ «Глобальное бремя болезней», продолжительность здоровой жизни в России составляет 58,9 года для мужчин и 66,6 года для женщин. Таким образом, наша страна оказалась по этому показателю на 107-м месте*. «Нынешние 58-летние российские мужчины физически — «ровесники» 70-летних японцев и 64-летних поляков, а 68-летние российские женщины — 75-летних японок и 70-летних полячек» [7]. При повышении пенсионного возраста просто увеличится количество людей, которые будут уходить на пенсию по инвалидности.

* URL: <http://www.rbc.ru/economics/27/08/2015/55df0fea9a79473b8f372ad7>.

3. *Экономике не нужны дополнительные трудовые ресурсы, а квалификация пожилых часто не отвечает требованиям работодателей, пенсионеры нередко являются носителями устаревших знаний и технологий.*

4. *Повышение пенсионного возраста не даст существенной экономии средств Пенсионного фонда.* При повышении возраста выхода на пенсию ПФР экономит около 10 %, при этом вырастут расходы на создание искусственных рабочих мест и пособия по безработице*.

Выводы. По всей видимости, повышение пенсионного возраста в той или иной форме все-таки неизбежно, однако необходимо иметь в виду экономические и социальные последствия повышения возраста выхода на пенсию. На сегодняшний день Россия «не может позволить себе быстрое и радикальное повышение пенсионного возраста» [9]. В странах Западной Европы, действительно, имеются основания для повышения пенсионного возраста, т. к. там люди не только живут дольше, но и находятся в такой физической и психологической форме, которая позволяет им работать, в России же имеет смысл сначала улучшить здоровье и продолжительность жизни граждан, а уже затем переходить к повышению возраста их выхода на пенсию.

Список литературы

1. *Васин С.* Справедливо ли поднимать пенсионный возраст? <http://demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema05.php>.
2. *Дать в рост.* Нужно ли повышать пенсионный возраст; <https://versia.ru/nuzhno-li-povyshat-v-rossii-pensionnyj-vozrast>.
3. *Доля россиян старше 65 лет к 2025 году достигнет 18%* // ПРАЙМ-ТАСС, 19.11.2007.
4. *Звездина Н. В., Иванова Л. В.* Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики. 2015. № 7.
5. *Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом влияния мирового финансового кризиса.* http://pensionreform.ru/files/607959/minzdrav_25-10-2010.pdf.
6. *Невинная И.* Большинству населения не нравятся пенсионные ограничения // Российская газета. 14.04.2015.
7. *Пенсионная реформа: Россия слишком молодая и слишком больная страна* // <http://demoscope.ru/weekly/2012/0529/gazeta032.php>.
8. *Пенсионный возраст и доходы на пенсии* // <http://fom.ru/Ekonomika/12339>.

* URL: <http://ru.idebate.org/debatatabase/debates/5870/62987#>.

9. *Синявская О.* Как повышать пенсионный возраст в России // Отечественные записки. 2005. № 3.

Информация об авторе

Новоселова Елена Николаевна, к. с. н., доцент, социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, alena_n@mail.ru

СУБКУЛЬТУРА СТАРОСТИ

Г. А. Парахонская

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Аннотация. В зарубежных и отечественных исследованиях старости большое внимание уделяется изучению трудовой и политической активности пожилых, состоянию здоровья, проблемам социальной работы с данной группой населения. За пределами научного анализа осталась проблема субкультуры старости и ее особенности.

Ключевые слова: старость, субкультура, пенсия

Старение населения — устойчивая тенденция изменения демографической структуры в последнее столетие. Оно обусловлено падением рождаемости и ростом продолжительности жизни. Эти процессы затронули и Россию. После значительного падения естественного прироста населения в последние годы XX в. сейчас наблюдается постепенный выход на показатели советского периода. Устойчивая тенденция роста продолжительности жизни, увеличение численности населения старших возрастов определяет актуальность изучения данной возрастной группы.

Разработку общих концептуальных и методологических принципов, в рамках которых идет изучение старости в западной и отечественной социологии, и эмпирические исследования необходимо проводить в органическом соединении. Эмпирические исследования позволят верифицировать теоретические гипотезы.

Возрастная субкультура — специфический набор признаков и ценностей, по которому представители данного возрастного слоя, группы осознают и утверждают себя в качестве «мы», отличного от всех возрастных общностей [1]. Структурными элементами субкультуры являются также поведенческий и коммуникативный компоненты, а также внешние маркеры, определяющие принадлежность группе.

Особенности коммуникации старшей возрастной группы определяются тем, к какой возрастной подгруппе относится индивид. С увеличением возраста замедляется темп речи, переключение в тематическом дискурсе, что связано с возрастными изменениями. Лингвистическая вариативность определяется социально-классовой принадлежностью, уровнем образования, прошлой профессиональной деятельностью, территориальными различиями.

Если в первые 5—10 лет после выхода на пенсию значительная доля пенсионеров продолжает трудовую деятельность, а формы проведения

досуга мало отличаются от таковых в допензионном возрасте, то впоследствии досуг ограничивается ближайшим кругом общения, просмотром телепередач, занятиями на приусадебном участке, чтением книг. В целом значительно снижается мобильность пожилых и активные формы проведения досуга. Это объясняется как состоянием здоровья, так и финансовыми ограничениями. Кроме сказанного российская культура характеризуется детоцентризмом, что проявляется в заботе старшего поколения о взрослых детях и внуках.

Внешние маркеры субкультуры в виде одежды, прически, аксессуаров обычно представляют реалии прошлых лет, а иногда эпох.

Исследования, проведенные в Твери и Тверской области, показывают, что людей пожилого возраста нельзя рассматривать как однородную группу, выделяемую на основе возрастного фактора. Существуют различные группы пожилых, имеющих общие проблемы и интересы. В последнее десятилетие XX в. начала консолидироваться общность «детей войны», существуют ветеранские организации. Осознание общего жизненного пути, одних и тех же переживаемых событий, сходных оценок прошлого позволяет рассматривать себя в качестве «мы» по отношению к другим возрастным группам, имеющим иной исторический опыт. Поэтому субкультуру старости необходимо рассматривать через субкультуру различных поколений в контексте исторической судьбы.

Кросскультурные исследования Ж. Скотта и Г. Шумана [2] показали, что убеждения, взгляды и опыт, сформировавшиеся в молодом возрасте, накладывают отпечаток на всю последующую жизнь человека. Образ жизни, особенности коммуникации, модели поведения, особенности проведения досуга, система ценностей и предпочтений в пенсионном возрасте во многом сходны у представителей когорт и поколений. Значимые ценности молодежной субкультуры середины 1960-х гг. в США нашли отражение в поведении и жизненных ценностях старшей возрастной группы в конце XX в., когда эта «молодежь» вышла из трудоспособного возраста. Отечественные исследования показывают, что люди, пережившие войну, блокаду, иначе относятся к материальным ценностям, быту, трудовой деятельности, общественно-политической активности.

Субкультура старости требует рассмотрения различных когорт в их взаимосвязи с историческими событиями и особенностями социализации каждой когорты.

Список литературы

1. Кон И. С. Ребенок и общество (Историко-этнографическая перспектива). М., 1988. С. 93.

2. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47—60.

Информация об авторе

Парахонская Галина Анатольевна, к. и. н., доцент кафедры социологии Тверского государственного университета, Тверь, Россия, parakhonskaya@gmail.com

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА», ИЛИ «THE YOUNG OLD» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ К ПРОДОЛЖЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Ю. М. Пасовец

Курский государственный университет, Курск, Россия

Аннотация. Для подавляющего большинства лиц пенсионного возраста субъективное ощущение своего физического здоровья и самочувствия оказывается достаточно благоприятным («хорошее», «скорее хорошее» и «ни хорошее, ни плохое»). Более половины лиц старше трудоспособного возраста не имеют хронических заболеваний и инвалидности и болеют нечасто. Это позволяет говорить о наличии у значительной части лиц пенсионного возраста достаточного физического потенциала для продолжения трудовой деятельности, что открывает для них возможности социальной и экономической адаптации.

Ключевые слова: старость, третий возраст, трудовая деятельность, пенсия

Последствия демографического старения населения, с которыми столкнулись многие страны мира, и Россия в том числе, связаны с появлением и обострением ряда социальных проблем. Увеличение доли лиц пожилого возраста приводит к необходимости поиска путей социальной инклюзии и поддержания социального благополучия людей, вышедших на пенсию и незанятых в общественном производстве и т. д. В то же время старение населения, изменяя возрастную структуру общества, увеличивает демографическую нагрузку на трудоспособное население, оказывает существенное воздействие на рынок труда и социальное обеспечение. Это делает необходимыми рассмотрение вопроса о реформировании пенсионной системы и решение проблемы определения возраста выхода на пенсию по старости (пенсионного возраста) и, соответственно, определения границ трудоспособного возраста. В этих условиях особую актуальность приобретает анализ ресурсного потенциала населения пенсионного возраста (пенсииеров по старости), который связан с выявлением и характеристикой их адаптационных ресурсов и возможностей продолжения продуктивной трудовой деятельности по достижении пожилого возраста.

В рамках разработанной нами концепции адаптационного потенциала населения в качестве основных ресурсов адаптации выделяются демо-

графический (или физический), личностно-культурный, образовательно-профессиональный, материальный и социальный ресурсы [3]. Полагаем, что ключевое значение для трудовой активности и ее результативности имеют демографический (физический) и образовательно-профессиональный ресурсы. В свою очередь, применительно к лицам пенсионного возраста среди структурных компонентов демографического ресурса наиболее значимым показателем является состояние здоровья (физического и психологического). Здоровье как адаптационный ресурс определяет физические возможности лиц пожилого возраста для продолжения трудовой деятельности на достаточном уровне продуктивности.

Следует отметить, что ряд зарубежных исследований подтверждает наличие у многих представителей старшего поколения в современных западных обществах высокой профессиональной и образовательной подготовки, благоприятного состояния здоровья по сравнению с предшествующими поколениями. Так, со ссылкой на зарубежные исследования В. Г. Доброхлеб приводит данные о том, что сейчас в странах Западной Европы наблюдается такой феномен, как «молодые старики». Суть его состоит в том, что людей, достигших возраста 65 лет (который до последнего времени официально считался границей между молодостью и старостью), ни внешне, ни по каким-либо иным критериям, в том числе по состоянию здоровья, нельзя отнести к числу стариков. В связи с этими обстоятельствами в 1974 г. американские геронтологи Б. Нейгартен и Э. Шанас предложили выделить среди пожилых людей две категории: «молодые старики» («the Young Old») и «старые старики» («the Old Old»). Английский демограф П. Ласлетт обосновал необходимость рассматривать структуру жизненного цикла современного человека как состоящую из четырех стадий. Две последние стадии, названные им «третьим возрастом» и «четвертым возрастом», соответствуют социальным категориям «the Young Old» и «the Old Old». С конца 1980-х гг. в исследованиях стали выделять группу «самых старых», включающую в себя лиц старше 80 лет; с 1990-х гг. — группу столетних долгожителей. Показательно, что традиционный образ «немогущего старика» стал ассоциироваться с категорией «старых стариков», большая часть которых испытывает серьезные проблемы со здоровьем, имеет хронические заболевания, в силу чего практически исключена из активной социальной жизни и нуждается в помощи со стороны окружающих. По П. Ласлетту, выделение «третьего возраста» означает появление новой стадии в жизненном цикле человека, в дополнение к традиционной классификации: «детство — взрослость — старость». При этом только стадия «четвертого возраста» отождествляется со старостью [2].

М. Денисенко указывает, что возрастной слой «молодых стариков» («the Young Old») в большинстве стран начал формироваться в 1940—1960-х

гг. При этом наличие в стране третьего возрастного слоя наблюдается в случае соблюдения двух демографических условий: 1) вероятность дожития мужчин от 25 до 70 лет превышает 0,5; 2) возрастная группа от 60 лет и старше составляет, как минимум, 25 % в общей численности населения от 25 лет и старше [1]. По данным ИСЭПН РАН, в 2000-х гг. в России вероятность дожития у мужчин от 25 до 70 лет составляла порядка 0,35, хотя возрастная когорта пожилых людей составляет значительную часть современного российского общества. В современной России до 18 % пожилых горожан обладают ресурсным потенциалом, что позволяет отнести их к «третьему возрасту». Учитывая наличие в российском обществе демографически значимого поколения пожилых людей, обладающего ресурсным потенциалом, В. Г. Доброхлеб приходит к выводу о наличии в нашей стране слоя населения «the Young Old», хотя и немногочисленного и находящегося в процессе формирования [2]. Данный вывод делает для этой социально-возрастной категории актуальной задачу адаптации к изменяющимся социальным условиям и реализации имеющегося ресурсного потенциала.

В современной России основную часть пенсионеров составляют пенсионеры по старости, т. е. лица старше трудоспособного возраста (мужчины в возрасте 60 лет и старше, женщины — 55 лет и старше). В 2014 г. в российском обществе доля пенсионеров по старости от общей численности пенсионеров составила 78,4 % [рассчитано по: 4, с. 145].

Вследствие ограниченности данных государственной статистики о демографических и образовательно-профессиональных характеристиках лиц пенсионного возраста обратимся к результатам социологического опроса населения одного из типичных регионов России — Курской области, проведенному нами в 2014 г. методом формализованного интервью по месту жительства по репрезентативной выборке. Количество опрошенных составило 500 человек, среди которых 139 человек старше трудоспособного (пенсионного) возраста (мужчины в возрасте 60 лет и старше, женщины — 55 лет и старше).

Оценивая субъективное ощущение своего физического здоровья, практически каждый десятый пенсионер (14,4 %) считает его хорошим («хорошее, скорее хорошее»). Более половины лиц старше трудоспособного возраста (56,1 % от их числа) оценивают свое физическое здоровье как удовлетворительное («ни хорошее, ни плохое»). Однако более четвертой части пенсионеров (29,5 %) определяют свое физическое здоровье как в той или иной степени плохое («плохое, скорее плохое»).

Говоря об объективном состоянии своего физического здоровья, частоте заболеваемости, десятая часть пенсионеров (11,5 %) утверждают, что у них нормальное здоровье, и они не жалуются на наличие болезней.

Большинство лиц старше трудоспособного возраста отмечают, что болеют временами (39,6%) или часто (20,1%). Только 17,3% опрошенных пенсионеров имеют хроническое заболевание и 11,5% являются инвалидами.

В целом более половины пенсионеров (61,2%) отметили, что не имеют каких-либо ограничений в работе по состоянию здоровья и медицинским показаниям.

Оценивая свое психологическое самочувствие и настроение, практически треть пожилых людей (30,9%) оценивают его как достаточно позитивное («хорошее, скорее хорошее») и более половины (56,1%) — как нейтральное («ни хорошее, ни плохое»). Около десятой части пенсионеров (12,9%) имеют негативное самочувствие и настроение («плохое, скорее плохое»).

Список литературы

1. Денисенко М. Тихая революция [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 3; URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revoluciya> (дата обращения: 20.02.2013).
2. Доброхлеб В. Г. Изменение демографической структуры населения и социальные стереотипы [Электронный ресурс]: материалы Интернет-конференции «Гендерные стереотипы в современной России» (ГУ Высшая школа экономики, 01 мая–07 июля 2006 г.). URL: <http://ecsosman.hse.ru/text/16209389.html> (дата обращения: 20.02.2013).
3. Пасовец Ю. М. Ресурсы адаптации социальных акторов и их типология // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 6. С. 141—149.
4. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014.

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна, к. с. н., доцент, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета, Курск, Россия, yulia_pasovets@mail.ru

ФИНИШНАЯ ПРЯМАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ: УРОВЕНЬ И СТИЛЬ ЖИЗНИ

Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая

Фонд «Общественное мнение», Москва, Россия

Аннотация. Судя по результатам опросов ФОМ, сегодня продолжают работать после достижения пенсионного возраста лишь менее пятой части (18%) жителей России. Высок уровень депривации «молодых» пенсионеров. Для большинства россиян уход на пенсию сопровождается ухудшением уровня жизни. Люди, включенные в реципрокные практики, чаще удовлетворены жизнью, чем не включенные. Результаты опросов свидетельствуют: чем выше Потенциал Гражданского Участия (ПГУ), тем выше удовлетворенность жизнью (ИКЖ). Увеличение возраста выхода на пенсию не только понизит уровень жизни россиян, завершивших свою трудовую биографию, но и нанесет заметный урон российскому добровольческому движению.

Ключевые слова: профессиональная биография, старость, пенсионная реформа

На вопрос наших коллег из «Левада-центра» — «Собираетесь ли Вы продолжать работать после того, как получите пенсию?» — каждый второй (47%) участник общенационального опроса в 2015 г. ответил утвердительно. Если в 2012 г., по данным того же «Левада-центра», 74% респондентов отрицательно отнеслись к тому, чтобы в целях решения проблемы пенсионных выплат повысить пенсионный возраст, то в 2015 г. такой ответ звучал еще более решительно: его дали уже 81% респондентов.

Пенсионная реформа: за и против

По данным наших опросов (опрошено 60500 респондентов в ноябре 2015 г.), сегодня работает* лишь менее трети (29%) мужчин в возрасте 60—63** лет и менее трети (30%) женщин в возрасте 55—63 лет. При этом средний доход работающих пенсионеров мужчин (15825 руб.) и, особенно, женщин (13682 руб.) ниже среднего дохода среди не достигших пенсионного возраста работников, занятых в народном хозяйстве.

Среди работающих мужчин-пенсионеров сегодня лишь без малого треть (29%) — в возрасте 60—63 лет. Больше половины (56%) из них

* Мы рассматриваем здесь и далее только пенсионеров по старости, а обо всех других категориях инвалидов — разговор особый и проблемы особые.

** 63 года — планируемый «новый» возраст выхода на пенсию и для мужчин, и для женщин.

имеют среднее специальное (35 %) или высшее (21 %) образование. А в возрасте 64 лет и старше продолжают работать лишь 10 %, из которых каждый четвертый (24 %) с высшим образованием.

Примерно в таких же пропорциях продолжают свою профессиональную деятельность и женщины: 30 % в возрасте 55—63 лет и 6 % в возрасте 64 лет и старше. Среди первой возрастной категории 66 % продолжающих работать женщин имеют высшее или среднее специальное образование. А среди старшей возрастной группы таковых чуть больше половины — 55 %.

Иными словами, среди россиян, продолжающих работать после достижения пенсионного возраста, как минимум каждый второй является не только опытным, но и высококвалифицированным работником. Не исключено, что в случае лишения их пенсионных выплат, многие «молодые пенсионеры» предпочтут оставить работу и иметь свободное (наконец-то!) время, перейдя на режим фриланса или режим временных подработок...

К тому же, судя по всему, особых излишков средств для комфортного существования у работающих пенсионеров (напомним, что представителей элитных групп, как правило, среди наших респондентов не встречается, и здесь речь о таковых не идет) не наблюдается. Об этом свидетельствуют и ответы пенсионеров на вопрос о наличии у них сбережений. Лишь чуть более трети (35 %) респондентов пенсионного возраста сказали о том, что у них есть сбережения. К тому же каждый десятый (10 %) респондент пенсионного возраста заявил, что его сбережения за последний год уменьшились.

Для большинства россиян уход на пенсию сопровождается ухудшением уровня жизни. Именно это обстоятельство может и должно стать барьером повышения пенсионного возраста. Помимо этого важным аргументом при обсуждении возрастного барьера перехода на пенсию является и тот факт, что, согласно статистическим данным, средний возраст смерти у мужчин в России находится как раз около возрастной границы в 60—63 года. Следовательно, увеличение пенсионного возраста для мужчин по сути будет означать ликвидацию такого понятия, как «жизнь на пенсии».

Судя по результатам наших опросов, сегодня продолжают работать после достижения пенсионного возраста (о пенсионерах по инвалидности или других льготных категорий здесь речи не идет) всего лишь менее пятой части (18 %) наших респондентов. Именно это обстоятельство и должно помочь избежать повышения пенсионного возраста. Действительно, хватит ли суммы пенсий 1/5 сегодняшних пенсионеров, которые продолжают работать, чтобы решить бюджетные проблемы?

Кроме того, состояние здоровья у россиян предпенсионного возраста на сегодня таково, что многие из них смогут, если будет принят закон о по-

вышении возраста выхода на пенсию, либо всеми правдами и неправдами оформить себе пенсию по инвалидности, либо (что существенно проще) перейти на «теневую» зарплату...

О конституционных правах.

Отвечая на вопрос, «Какие конституционные права являются для Вас наиболее важными, значимыми?», более половины мужчин в возрасте 60—63 лет и женщин в возрасте 55—63 лет ответили — «право на социальное обеспечение»:

52% — мужчины в возрасте 60—63 лет;

54% — мужчины в возрасте 64 лет и старше;

56% — женщины в возрасте 55—63 лет;

56% — женщины в возрасте 64 лет и старше.

Даже если предположить, что планируемая пенсионная реформа (увеличение пенсионного возраста) не затронет нынешних и завтрашних «молодых пенсионеров», то, судя по нашим данным, нет никаких оснований полагать, что более молодые возрастные когорты будут к ней лояльны.

«Право на социальное обеспечение» называют наиболее важным, значимым среди конституционных прав более трети (37%) мужчин в возрасте 40—49 лет, без малого половина (45%) в возрасте 50—60 лет, практически каждая вторая среди женщин в возрасте 40—49 лет (44%), и еще более уверенно заявляют об этом женщины в возрасте 50—55 лет (49%).

К тому же, в случае увеличения пенсионного возраста, нет никаких гарантий, что не возникнет еще большее количество проблем и в экономике, и в социальной сфере, чем существует сегодня. Это становится особенно понятным, если сопоставить ответы нынешних пенсионеров на два вопроса: *Что особенно необходимо человеку для благополучной жизни? Какие условия личного благополучия есть сейчас в Вашей жизни?*

Судя по всему, уровень депривации «молодых» пенсионеров является высоким. И еще одно замечание: все те жизненные сферы, в которых «молодые пенсионеры» оказались депривированы, могут предоставлять и предоставляют услуги и товары требуемого качества. Вот только ценовой барьер доступа к этим услугам для большинства из них уже и сегодня не преодолим.

Иными словами, для сегодняшних «молодых» пенсионеров не столько важна работа (за небольшим исключением), сколько материальный достаток. И, опять же, запрос на доступные медицинские услуги (заметим, доступные, т. е. «по карману») превышает запрос на собственное жилье, проблема с которым у каждого второго из «молодых» пенсионеров на финише их трудовой биографии, судя по всему, уже решена.

И что они скажут (или сделают), когда у них отберут пенсии и оставят только зарплату?

Возможны три варианта: уход в теневую зарплату тех, для кого пенсия важна и существенна; уход с работы на пенсию тех, кто готов пожертвовать зарплатой; и, ожидаемо, повторение массовых протестов остальных (не готовых принять сокращение своего дохода) — подобных тем, что в свое время сопровождали «монетизацию льгот».

На вопрос: *Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность принять участие в каких-либо акциях протеста?* — каждый четвертый из пенсионеров, которые могли бы оказаться депривированными, если бы ужесточение пенсионного законодательства произошло сегодня, ответил «допускаю» (24 % мужчин в возрасте 60—63 лет и 25 % женщин в возрасте 55—63 лет).

Кому-то на пенсии жить хорошо, а кому-то не очень

В ноябре 2015 г. наши респонденты отвечали на вопрос: *Какие три слова точнее всего отражают Ваше настроение в последнее время?*

По ответам на этот вопрос были сконструированы пять групп респондентов, каждая из которых декларировала определенные эмоциональные тональности своего настроения:

- радость (будем называть таких *радостными*) — 9 %;
- доброжелательность (назовем их *доброжелательными*) — 37 %;
- безразличие и апатия (назовем их *безразличными*) — 15 %;
- тревога и растерянность (назовем их *тревожными*) — 25 %;
- раздражение и злость (будем именовать их *раздраженными*) — 14 %.

У половины сегодняшних пенсионеров чаще обнаруживаются пессимистические, негативные настроения: к *тревожным*, *безразличным* и *раздраженным* относится каждый второй (54 %), а *радостные* и *доброжелательные* составляют 46 %.

Уровень жизни, быт и досуг россиян «серебряного» возраста

Среди респондентов пенсионного возраста сегодня работают (в том числе, неполный рабочий день и/или временно) лишь 18 %. Две трети из них (13 %) ушли бы с работы, если бы у них было достаточно денег. Практически все они работают по найму, большинство (14 %) оформлены официально и работают на полную ставку. Практически каждый второй из работающих (10 %) работает по той же специальности, что и до выхода на пенсию. Опять же каждый второй из работающих (9 %) опасается потерять работу.

Отметим, что 42 % *радостных* и 36 % *доброжелательных* заявили, что их жизнь не изменилась или изменилась к лучшему, когда они перестали работать, а остальные утверждают противоположное.

Только каждый десятый (11 %) пенсионер диагностирует свое здоровье как «хорошее». Больше всего «здоровых» среди радостных (20 %). Меньше всего — среди тревожных (5 %) и раздраженных (7 %).

Почти половина (45 %) пенсионеров оказывают материальную помощь своим близким. Ожидаемо, что чаще это делают *радостные* (56 %) и *доброжелательные* (50 %). Но и остальные пенсионеры оказывают материальную помощь своим родственникам: *тревожные* — 46 %, *безразличные* — 38 % и *апатичные* — 28 %. А это, в свою очередь, означает, что в случае увеличения пенсионного возраста, ухудшится материальное положение не только нынешних «молодых пенсионеров», но и их ближнего круга.

Круг общения пенсионеров достаточно обширен. Только у каждого десятого пенсионера (11 %) нет друзей и родственников, с которыми можно пообщаться, провести время. Чаще других об изоляции, покинутости, одиночестве заявляют *апатичные* (20 % — не однозначно, что здесь причина, а что следствие), а реже остальных — *радостные* (7 %).

Результаты наших опросов свидетельствуют, что пенсионеры после выхода на пенсию и некоторого периода адаптации включаются в новую жизнь, осваивают новые практики и посвящают себя недоступным в прошлой, допенсионной жизни увлекательным занятиям, которые раньше следовало бы назвать досуговыми, а теперь эти занятия стали основными.

И хотя среди основных практик пенсионеров доминирует телевизор (57 %), ему реальную конкуренцию составляют не только прогулки на природе (41 % лес, парк), дача-сад-огород (38 %), но и реципрокные, добровольческие практики (30 %), чтение (30 %), общение с друзьями (24 %), компьютер (21 %), театр и концерты (11 %) и т. п.

«Серебряные» добровольцы

Активность деятельных пенсионеров в местных сообществах, их участие в общественных слушаниях, управлении многоквартирными домами, благоустройстве близлежащих территорий хорошо известны. Но столь высокий ранг реципрокных практик гражданского участия среди респондентов серебряного возраста трудно было предположить.

В последние годы ФОМ в своих исследованиях использует тестовые вопросы о повседневных, преимущественно досуговых практиках, для того чтобы идентифицировать тот или иной стиль жизни респондентов. Помимо этого нами разработана методика оценивания готовности индивида к солидарным действиям, к включенности в реципрокное поведение, т. е. готовности к гражданскому участию*. По ответам респонден-

* URL: <http://soc.fom.ru/special/grazhdanskoe-uchastie-v-malyh-i-srednih-gorodah-rossii.html>

тов на тестовые вопросы вычисляется индекс *Потенциал Гражданского Участия* (ПГУ) для конкретного респондента, для социальной группы, производственного коллектива, местного сообщества, жителей населенного пункта, региона, страны.

Хорошо известно: «поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз еще вернется». Мы неоднократно фиксировали по результатам опросов и углубленных интервью, что люди, включенные в реципрокные практики, чаще удовлетворены жизнью, чем не включенные.

ФОМ оценивает удовлетворенность жизнью с помощью индекса ИКЖ, который вычисляется по ответам на тестовые вопросы респондента, членов социальной группы, производственного коллектива, местного сообщества, жителей населенного пункта, региона, страны. Наши результаты свидетельствуют: чем у пенсионеров выше значения ПГУ, тем выше значение ИКЖ.

Среди наших респондентов старше 55 лет и старше:

- 3% — участвовали в работе НКО, принимали участие в массовых мероприятиях, конструктивных правозащитных инициативах, в деятельности профсоюзов, были наблюдателями на выборах (назовем их волонтерами); у них индекс ИКЖ равен **73**;
- 14% — активисты по месту жительства, церковных приходов, родительских комитетов, объединений по интересам, инициатив по защите окружающей среды (активисты); индекс ИКЖ равен 64;
- 11% — оказывают помощь незнакомым людям, участвуют в благотворительности (альтруисты); индекс ИКЖ тоже равен **64**.

Оставшиеся пенсионеры (гражданские аутсайдеры) в реципрокных практиках не участвуют, а индекс ИКЖ у них значительно ниже и равен **55**.

Вывод однозначен: чем интенсивнее включенность представителей «серебряного» возраста в реципрокные практики гражданского участия, тем выше их удовлетворенность жизнью.

Но «серебряному волонтерству» есть пределы: включенность пенсионеров в практики гражданского участия заметно снижается с возрастом. Если среди респондентов в возрасте 55—63 лет в реципрокные практики включены 32% респондентов серебряного возраста, а в возрасте 64—71 года — 25%, то в возрасте 72—79 лет — 10%, а в возрасте 80 лет и старше — 5%.

Вывод достаточно пессимистичный: увеличение возраста выхода на пенсию не только понизит уровень жизни россиян, завершивших свою трудовую биографию, но и нанесет заметный урон российскому добровольческому движению.

Информация об авторах

Петренко Елена Серафимовна, управляющий директор ФОМ, Москва, Россия, petrenko@fom.ru

Галицкая Елена Геннадьевна, начальник отдела обработки и анализа данных ООО «инФОМ», Москва, Россия, galitskaya@fom.ru

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ И ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

А. К. Соловьев

Пенсионный фонд Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Проблема повышения пенсионного возраста далеко выходит за пределы дефицита пенсионного бюджета и его сбалансированности и в первую очередь требует институционального решения: страховая пенсионная система или бюджетная. Учитывая современные и грядущие демографические изменения в структуре населения, для принятия экономически обоснованного решения по пенсионному возрасту его необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи с наиболее важным регулятором сбалансированности страховой пенсионной системы — макроэкономической стратегией государства, поскольку именно пенсионные обязательства перед населением являются самыми длинными в стратегических программах развития любой страны. Поэтому пенсионные параметры (как по формированию пенсионных прав, так и по их реализации) должны выступать и применяться как главные факторы долгосрочного социально-экономического развития государства и базовые целевые макроэкономические параметры.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсия, федеральный бюджет

Современная пенсионная система России базируется на принципах обязательного пенсионного страхования, и ее основные направления определены в правительственной Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы.

Главными целевыми ориентирами стратегического развития пенсионной системы можно сформулировать как достижение достойного уровня жизни пенсионеров (к 2030 г. — 2,5—3,0 прожиточных минимумов пенсионера) и обеспечение финансовой устойчивости (актуарной сбалансированности) пенсионного бюджета на основе строго разграничения страховых и нестраховых функций ПФР.

Пенсионная система любой страны, как и России, является неотъемлемой и зависимой частью как макроэкономики (глобальной и национальной), так и социально-демографических факторов, опять же, глобальных и национальных.

Выделенные «внешние» факторы в определенные периоды времени начинают превалировать над «внутренними», что объективно приводит к конфликту интересов и требует поиска компромиссных решений.

Примером является современная ситуация, когда пенсионная реформа, намеченная на период до 2030 г., подвергнута как глобальным — демографическим, так и национальным — бюджетно-финансовым — рискам.

Сейчас остановимся только на одном, наиболее долгосрочном — глобальном **демографическом риске**, который уже давно оказывает воздействие на отечественную пенсионную систему и требует взвешенного и, главное, экономически обоснованного решения.

Современная пенсионная система России должна чутко реагировать на все вызовы — как среднесрочные, связанные с тенденциями экономики, так и долгосрочные, природа которых основана на изменении демографической ситуации.

По прогнозу Федеральной службы государственной статистики, в период 2015—2030 гг. будет наблюдаться неуклонный рост численности постоянного населения России, к 2030 г. она составит более 147,6 млн чел. При этом к 2030 г. на 1000 лиц трудоспособного возраста будет приходится 864 человека нетрудоспособных (дети и лица старше трудоспособного возраста), в то время как сейчас нагрузка составляет 722 чел.

На фоне роста численности населения страны, по нашим оценкам, численность получателей страховой пенсии в последующие 15 лет увеличится на 12% (с 39,7 млн чел. до 44,5 млн чел. к 2030 г.). При этом драйверами роста служат не только естественные тенденции демографического развития (демографические волны), но и прогнозируемый рост продолжительности жизни населения в общеустановленном пенсионном возрасте. Так, на сегодняшний день ожидаемая продолжительность жизни мужчин, достигших возраста 60 лет, составляет 16 лет, женщин в возрасте 55 лет — 25,3 года. К 2030 г. эти показатели составят — 17,9 лет и 27,2 года соответственно. Приведенные демографические параметры трансформируются в бюджете ПФР в денежный эквивалент неуклонно растущих финансовых расходов, что усиливает нагрузку на федеральный бюджет.

Принимая во внимание позитивные тенденции роста продолжительности жизни населения, некоторые экономисты предрекают необходимость незамедлительного повышения пенсионного возраста в целях сокращения объема трансфертов федерального бюджета бюджету ПФР. Напомню, что действующий порог общеустановленного пенсионного возраста: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин впервые был введен Постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 26.08.1929 г., когда ожидаемая продолжительность жизни мужчин в возрасте 60 лет составляла 14,5 лет, женщин, достигших возраста 55 лет — 20,7 лет. Рост показателя за прошедшие 86 лет существенно отстает от среднеевропейских показателей. За полувековой период в странах Европы ОПЖ увеличилась на 150%, в то время как в России — на 110%.

В этих условиях активно обсуждаются «меры», которые должны быть направлены на всех участников пенсионной системы (работодателей, государство — в лице госбюджета), а не только на пенсионеров — путем секвестирования законодательно обоснованных — заработанных — пенсионных обязательств перед застрахованными лицами. Такой комплекс мер далеко выходит за пределы самой пенсионной системы и требует не только ее адаптации к бюджетно-финансовым трудностям страховщика, но и всей макроэкономической системы государства.

Факт увеличения продолжительности жизни населения не должен рассматриваться как основание для линейного сокращения его пенсионных прав путем увеличения пенсионного возраста: с позиции страховых принципов — это экономически не обоснованно, а с позиции социальных гарантий государства — не справедливо. Вместо такого принудительного механизма необходимо — и это уже намечено в Стратегии пенсионного развития — экономическое стимулирование работников пожилого возраста к «добровольному откладыванию» назначения своей пенсии с последующей частичной компенсацией ее повышения на весь оставшийся период. Это экономический вклад — со стороны пенсионеров.

Последний по времени этап пенсионной реформы законодательства, реализация которого началась в 2013—15 гг., содержит нормы, позволяющие при обращении за страховой пенсией по старости в более позднем возрасте существенно увеличить размер пенсии. Например, увеличение ожидаемой продолжительности жизни лиц общеустановленного пенсионного возраста к 2030 г. в среднем на 2 года позволит застрахованному лицу, не обратившемуся за назначением пенсии в 55/60 лет, увеличить за 2 года размер страховой пенсии на 15%, фиксированной выплаты к страховой пенсии — на 12%. И это помимо увеличения количества индивидуальных пенсионных коэффициентов, которые человек получит за 2 года работы.

К 2024 г. нормативная продолжительность страхового стажа, необходимого для назначения страховой пенсии по старости, составит 15 лет. Средняя продолжительность стажа при назначении трудовой пенсии по старости в 2013 г. составила 31,6 года (33,9 лет — для мужчин; 30,1 — для женщин). При достижении прогнозируемого показателя ожидаемой продолжительности жизни величина должна быть пересмотрена, но при этом необходимо оценивать и реальные возможности рынка труда, в частности, количество рабочих мест, ротацию квалифицированных работников старших возрастов и молодых специалистов.

Прогнозируемая тенденция позволяет говорить о возможности в будущем увеличить продолжительность страхового стажа, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, что позволит застрахован-

ным лицам формировать большой объем пенсионных прав без повышения требований к общеустановленному пенсионному возрасту.

Со стороны государства и работодателей должны последовать не менее активные действия — по созданию условий для занятости людей пожилого возраста, которым здоровье позволяет трудиться. Одновременно с этим должны быть созданы дополнительные инфраструктурные элементы по обслуживанию пожилых трудящихся: расширение системы социального и медицинского обслуживания. Это *тактические задачи*.

Но главной *стратегической задачей*, которая позволит нивелировать угрозы негативных демографических последствий — это рост производительности труда в отраслях экономики, вывод ее из кризиса затянувшегося перехода к рынку. Второй стратегической задачей государства следует считать вывод населения из «демографической ямы» сокращения рождаемости и растущей смертности, которые также обусловлены кризисом рыночного перехода.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович, д. э. н., профессор, директор Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда РФ, Москва, Россия, arksolov@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ: ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

В. В. Тихомирова

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера,
Республика Коми, Сыктывкар, Россия*

Аннотация. Социальная поддержка граждан старшего поколения — одно из ключевых направлений повышения продолжительности жизни, а значит, и решения социально-демографических проблем в России. Среди основных факторов, обуславливающих активное долголетие граждан пожилого возраста — эффективная система их социального обслуживания и развитие сферы социальных услуг. Привлечение инвестиций, в том числе частных, в развитие социальных служб, модернизацию учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста является приоритетным направлением.

Ключевые слова: социальные инвестиции, пенсия, модернизация

Тенденция старения населения, характерная для страны в целом, становится актуальной и для северных округов. На фоне прироста населения моложе трудоспособного возраста и значительного увеличения доли лиц пенсионного возраста практически по всем регионам заметно *сократится население трудоспособного возраста*.

Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста будет наблюдаться в Чукотском АО (на 21,8%), Архангельской (на 15,8%) и Сахалинской (на 15,6%) областях, Республике Карелии (на 14,5%) и Республике Коми (на 14,1%). Лишь в Ямало-Ненецком АО число этой группы увеличится на 2,2% и составит 374,8 тыс. чел.

В целом по регионам Севера численность данной категории граждан к 2020 г. сократится на 9,3% и составит 4,5 млн чел.

К 2020 г. *прогнозируется высокий прирост численности населения пенсионного возраста* по всем северным территориям. Особенно значительные темпы роста численности населения старше трудоспособного возраста будут наблюдаться в Ямало-Ненецком (75,9%), Ханты-Мансийском (74,2%), Ненецком АО (47,5%) и Республике Саха (37,0%). В остальных регионах этот показатель будет колебаться от 12% (Сахалинская область) до 18,6% (Камчатский край). Исключение составит Чукотский АО, где, по прогнозу Росстата, число лиц пенсионного возраста сократится на 1,9% (табл. 1).

Это приведет к значительному увеличению инвестиционных расходов местных бюджетов на социальную поддержку пожилых людей: доведение уровня доходов неработающих пенсионеров до величины прожиточного минимума, выплату льгот и компенсаций, социальное обслуживание граждан пожилого возраста.

В результате в силу демографических процессов *среднегодовая численность населения регионов Севера* в период 2012—2020 гг., подпадающего под действие системы социальных гарантий, *будет объективно увеличиваться*. Это будет связано как с ростом числа лиц моложе трудоспособного возраста (в среднем на 1,0%), так и с общим постарением населения, увеличением численности лиц граждан пожилого возраста на 2,9%.

В силу демографических причин (естественной убыли) расходные обязательства бюджетной поддержки РФ будут неуклонно сокращаться, а субъектов РФ — значительно расти. Поэтому основное бремя социальной поддержки населения будут нести местные органы власти. Отсюда, наиболее острой проблемой, определяющей весь характер социально-экономических отношений между государством и обществом, является несбалансированность ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы РФ.

В Республике Коми с 1991 по 2014 гг. вследствие демографических процессов произошло увеличение абсолютной численности и доли лиц старше трудоспособного возраста с 132,8 до 172,0 тыс. чел. (с 10,7% до 19,7%) [1].

Таблица 1. Темпы прироста численности населения в возрастестарше трудоспособного к 2010 г., %

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	4,0	6,0	8,2	10,5	12,6	14,4	16,1	17,9	19,6
Регионы Севера	7,0	10,5	14,1	17,6	20,7	22,8	25,0	27,1	29,2
Республика Карелия	3,7	5,7	7,8	10,0	11,9	13,2	14,5	15,8	17,1
Республика Коми	4,9	7,2	9,6	12,0	13,9	15,1	16,2	17,4	18,5
Архангельская область	4,3	6,3	8,6	10,8	12,6	13,7	14,9	16,1	17,3
Ненецкий АО	11,9	16,9	22,0	27,1	32,2	36,0	39,8	43,6	47,5
Мурманская область	4,7	7,0	9,4	11,5	13,2	13,9	14,6	15,3	16,0
Ханты-Мансийский АО	15,9	23,8	32,4	41,0	48,9	55,2	61,6	67,9	74,2
Ямало-Ненецкий АО	16,6	25,2	34,2	43,4	51,9	57,9	63,9	69,9	75,9
Республика Саха	8,3	12,5	16,7	21,0	25,2	28,2	31,1	34,1	37,0

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Камчатский край	5,2	7,7	9,9	12,0	13,9	15,1	16,3	17,4	18,6
Магаданская область	6,2	9,2	11,7	13,6	15,0	15,6	16,1	16,7	17,2
Сахалинская область	4,9	6,7	8,8	10,2	11,2	11,4	11,6	11,8	12,0
Чукотский АО	3,8	5,7	7,5	7,5	5,7	3,8	1,9	0,0	-1,9

Так, за 2006—2013 гг. удельный вес числа жителей старше трудоспособного возраста вырос с 15 до 20 %, при падении как доли лиц трудоспособного возраста, так и общего числа жителей (рис. 1).

«Накопление» населения пожилого и старческого возраста будет увеличиваться и в перспективе. Согласно прогнозу Росстата, в период до 2020 г. в республике будет продолжаться увеличение численности населения моложе трудоспособного возраста до 19,3% (в 2015 г. — 19,1%) и увеличение численности населения старше трудоспособного возраста, доля которого составит 23,3% в структуре населения Республики Коми. Удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше увеличится до 12,2%. При ожидаемом снижении общей численности населения региона на 7,8% старение означает рост проблем трудоустройства экономики, нарастание проблем бюджетной обеспеченности и экономического благополучия граждан [2].

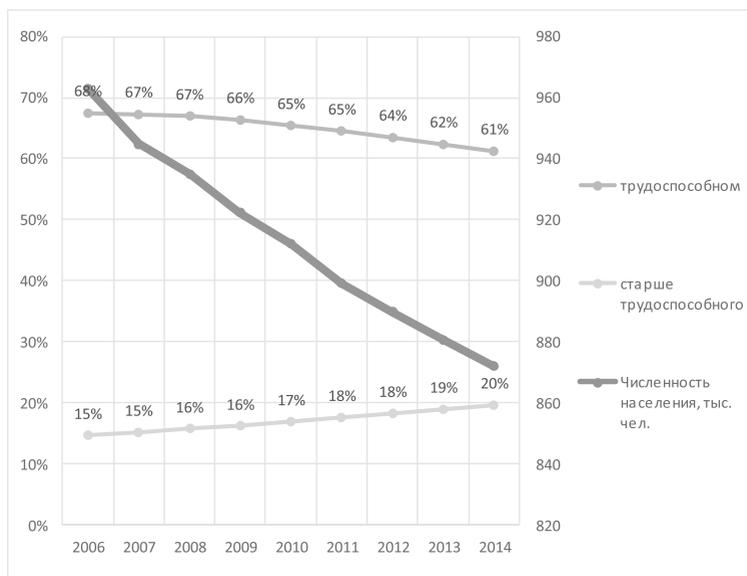

Рисунок 1. Возрастная структура численности населения Республики Коми, на 1 января, в %

Источник: Статистический ежегодник РК 2014. Раздел 4. С. 1.

Чтобы определить актуальность мер государственной социальной поддержки граждан пожилого возраста и инвалидов и выявить необходимость повышения их инвестиционной и инновационной привлекательности для государственного, негосударственного и частного секторов нами был проведен социологический опрос «Социальный эффект инвестиций в человеческий капитал». Мы исследовали *показатели уровня и качества жизни населения социально-демографической группы «старше трудоспособного возраста» Республики Коми.*

Эмпирическую базу исследования составляют материалы, полученные в ходе анкетного опроса населения Республики Коми, достигшего пенсионного возраста (женщины старше 50 лет, мужчины старше 55 лет) проведенного в 2014 г.

Целевая выборка составила 555 респондентов обратившихся в Центры по предоставлению государственных услуг в сфере социальной защиты населения и граждан, проживающих в домах-интернатах для престарелых и инвалидов.

В выборке доля городского населения составила 55,5%, доля сельского 44,5%. Из них 74 человека проживает в городских домах-интернатах для престарелых и инвалидов и 39 — в сельских.

По половому признаку было охвачено 430 женщин и 125 мужчин.

По социальному статусу, 67,2% — пенсионеры по старости, 24,7% — пенсионеры по инвалидности (97 городских и 40 сельских жителей и 55 из учреждений социальной защиты), 4 человека — общественники (1 сельский житель), 4 опекуна, 3 бизнесмена.

Большинство опрошенных граждан (86,3%) относится к льготной категории населения, имеющих особые заслуги перед государством. Ветераны труда составляют 52%, инвалиды — 24,7%, труженики тыла — 4%, участники Великой Отечественной войны и приравненные к ним — 1,8%, реабилитированные лица или пострадавшие от политических репрессий — 1,5%. На остальные 3,8% приходятся пострадавшие вследствие радиационных катастроф (3 человека), дети войны (2 человека), Почетный донор России (2 человека), один ветеран военной службы и одна многодетная мать.

Из всех исследуемых официально работают в настоящее время 200 человек (36%), в основном, это граждане в возрасте 50—65 лет. Не работают 61% (340 человек) и 3% работают неофициально. В сельских поселениях работающих пенсионеров наблюдается меньше (14%), чем городских (22%), это связано с тем, что на селе нет вакантных рабочих мест.

Обследование занятости граждан старше трудоспособного возраста показывает сокращение доли квалифицированного труда и рост доли рабочих механизированного труда.

Неквалифицированным трудом занято 18% работающих пенсионеров, 11% являются госслужащими, 7% приходится на ученых и педагогов.

Данную демографическую группу связывают со снижением эффективности функционирования человека как системы: для человека при решении задач необходимо усиление, дополнительное вливание сил, чтобы осуществить то, что раньше совершалось легко и быстро.

На воспроизводство трудового капитала определяющее влияние оказывают инновационные процессы. Улучшающие инновации требуют повышения квалификации персонала каждые 2—3 года, обновления знаний и сырья, технологии, новых требований к качеству продукции. Кардинальные инновации предполагают переквалификацию кадров [3].

Рассматривая вопросы инвестирования в человеческий капитал, экономисты особое внимание уделяют инвестициям в *капитал образования* как фактор роста капитализации человека. Образование и ментальность являются составляющими человеческого капитала.

Среди социальных институтов современного общества образование играет чрезвычайно важную роль, являясь одной из основных отраслей человеческой деятельности. По своей сути, образование представляет целенаправленную познавательную деятельность людей по получению знаний, умений и навыков, либо по их совершенствованию.

Образование как один из элементов человеческого капитала представляет собой фундаментальный фактор развития инновационной экономики [4]. Таким образом, образование, по сути, уже является инновацией.

Среди респондентов 20,2% являются специалистами высшего уровня квалификации (здесь доминируют представители городских поселений) и 52,4% специалистами среднего уровня квалификации (доминируют представители сельских поселений). Начальное образование имеют 7% опрошенных, общее образование — 12,8%.

Основным компонентом инноваций являются новые знания, которые воплощаются в человеческом капитале. Человеческий капитал является главным фактором инновационного развития.

На вопрос: «Какие дополнительные знания, навыки вы хотели бы еще получить, чему обучиться?» большинство респондентов ответили — компьютерной грамотности (13%), причем сельское население на 2,8% опережает городское. Каждый седьмой житель села, участвующий в исследовании, желает научиться пользоваться компьютером.

Далее, в нисходящем ряду, идет вождение автомобиля. Здесь опять лидируют сельские граждане. А вот стремление получить второе высшее образование присуще только горожанам. Из всех опрошенных только 3,8% ответили, что все знают, у них нет желания учиться, многие думают,

что уже опоздали. Так ответил каждый пятый житель города и каждый четвертый села.

Остальные оппоненты высказали большой диапазон знаний и умений, которые хотели бы получить: вязать крючком, делать поделки, кроить и шить, красиво танцевать, петь оперы, научиться природному земледелию, автослесарному делу, познать китайскую философию, основы православия, получить медицинские, юридические и психологические знания, выучить коми язык. Многие граждане отметили, что периодически проходят курсы повышения квалификации на своих рабочих местах.

В целом наблюдается устойчивая мотивация граждан старшего поколения к получению новых знаний, совершенствованию навыков и развитию своих способностей. На вопрос: «До какого возраста вы хотели бы работать?» граждане старшего поколения отвечали: «как можно дольше», «в зависимости от самочувствия», «пока позволяет здоровье», «работать буду пока не упаду», «пока хватит сил и будет достаточно ума». В среднем, женщины указывают на возраст 60 лет, мужчины — 70. Не выражают желаний работать престарелые и инвалиды интернатных учреждений.

Требуют дальнейшего развития концептуальные подходы к формированию государственной политики в области инвестиций в человеческий капитал, который является главным фактором формирования и развития инновационной экономики.

Список литературы

1. *Тихомирова В. В.* Методология и механизмы финансового обеспечения системы социальной поддержки населения регионов зоны Севера. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1 (25). С. 123.
2. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.
3. *Смирнов В. Т., Сошников И. В., Романчин В. И. и др.* Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование : монография. М. : Машиностроение-1 ; Орел : Орел ГТУ, 2005.
4. *Дорофеева Н. М.* Концепция человеческого капитала, как фактор инновационного развития и экономического роста // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 1(24).

Информация об авторе

Тихомирова Валентина Валентиновна, к. э. н., лаборатория финансово-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Республика Коми, Сыктывкар, Россия, vtikhomirova@mail.ru

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ПРОБЛЕМА ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Е. С. Тупик

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Аннотация. Тема возрастной структуры нашего общества имеет особое значение в настоящее время. Проблемы «демографической ямы», относительно высокой смертности трудоспособного и детского населения, уровня продолжительности жизни в нашей стране, а также повышения пенсионного возраста — все это звенья одной цепи. Определение перспектив изучения и решения проблем возрастной структуры российского общества сейчас имеет первостепенное значение, поскольку данный спектр проблем порождает не только экономически неблагоприятные последствия, но и является прямой угрозой существованию нашей страны. Однако нужно понимать, что при определении комплекса антикризисных мер возрастной и пенсионной политики необходим всесторонний исследовательский подход по изучению жизненных позиций, интересов, возможностей и уровня здоровья различных социальных групп нашего общества, в том числе и профессионально-статусных.

Ключевые слова: профессорско-преподавательский состав, пенсионный возраст, возрастная структура

Представляется возможным остановиться на особенностях возрастной структуры профессорско-преподавательского состава (ППС) высшей школы, в частности, на проблеме старения кадрового потенциала вуза и ее последствиях.

Анализ имеющегося исследовательского материала показывает низкую степень изученности демографических особенностей ППС современной высшей школы, его предпочтительской и мотивационной составляющих, в то время как целый ряд проблемных моментов связан именно с возрастной структурой ППС высшей школы.

В Тверском государственном университете (ТвГУ) в 2015 г. было проведено социологическое исследование по изучению профессорско-преподавательского состава ТвГУ, его отношения к профессиональной деятельности и общей оценки удовлетворенности трудом, с целью формирования эффективной трудовой мотивации и развития профессорско-преподавательского состава ТвГУ.

В данном исследовании опорой при анализе ряда вопросов являлась возрастная структура ППС. Также следует отметить, что в вузе имеется документация кадрового учета, которая показывает полную статистику по демографическим показателям своих сотрудников, однако лишь результаты исследования позволяют оценить возрастной параметр в совокупности с социально-профессиональными характеристиками ППС, показать уровень кадрового потенциала высшей школы, всесторонне отразить проблему старения кадров в высшей школе и др.

К сожалению, тенденция к старению преподавательских кадров имеет свои негативные последствия, проявляющиеся, например, в разрыве межпоколенных связей в вузе, что определяет трудности контактов между преподавателем и студентом; в наличии низкой степени активности внедрения инновационных способов и форм работы в вузе; в образовавшейся проблеме преемственности организационной культуры и опыта работы ППС в вузе между молодым контингентом преподавателей и старшими поколениями [1].

В рамках проведенного исследования ППС ТвГУ был разделен на четыре возрастные группы: преподавательская «молодежь» (до 35 лет), преподаватели среднего возраста (от 36 до 49 лет), преподаватели старшего возраста (от 50 до 59 лет) и преподаватели «преклонного» возраста (старше 60 лет).

В соответствии с полученными результатами исследования, представлен следующий возрастной расклад среди ППС ТвГУ. 30 % ППС — это преподавательский контингент старше 60 лет, находящийся в пенсионном возрасте. При этом следует учесть, что данный показатель полностью не отражает численную картину преподавательского контингента, находящегося в пенсионном возрасте, поскольку в него не включена категория женщин, выходящих на пенсию с 55 лет. В свою очередь, число ППС в возрасте старше 50 лет определяется 56,6 % от всего работающего ППС в ТвГУ. Такая ситуация, складывающаяся в возрастной структуре ППС, может быть определена как профессиональная стагнация, требующая прихода в вуз молодого контингента преподавателей.

С учетом наличия ученой степени определен следующий возрастной расклад ППС ТвГУ. Среди докторов наук лица пенсионного и старшего (предпенсионного) возраста составляли 84 %, среди кандидатов наук — 46 %. Поскольку наличие ученой степени сейчас во многом определяет уровень квалификации и потенциала преподавателя вуза, а также размер его материального вознаграждения и стимулирования, то такой резкий перевес в сторону старших поколений вуза свидетельствует о том, что основной высококвалифицированный контингент преподавателей высшей школы, мотивированный на работу в вузе, приходится на возрастную категорию преподавателей старшего и «преклонного» возрастов.

Наряду с этим в ТвГУ, как и в системе российского высшего образования в целом, имеет место действие механизмов, «отталкивающих» молодежь из профессии преподавателя. Результаты исследования показывают следующие негативные стороны, слабо мотивирующие молодежь на работу в вузе в качестве преподавателя: низкая степень эффективности организации исследовательской работы, сложности с определением перспектив будущего карьерного роста, отсутствие престижа в профессии преподавателя вуза, низкий уровень дохода (особенно на стадии работы без наличия ученой степени) и, как следствие, отсутствие возможности решить жилищные проблемы [2]. Такая ситуация резко усугубляет проблему старения среди ППС высшей школы. А значит, данная проблема системы высшего образования пока будет сохранять свою тенденцию.

Помимо снижения доли молодежи в структуре ППС можно выделить также и другие негативные черты, подпитывающие тенденцию старения преподавательских кадров в вузе. Это постепенный уход квалифицированных преподавателей трудоспособного возраста из вуза в другие отраслевые сферы экономики, в первую очередь, по причине низкой социальной и финансовой оценки их труда и постепенного ухудшения условий жизни [3]. Также, в связи с сокращением учебной нагрузки, происходит вынужденный переход преподавателя вуза к работе на неполную ставку, что противоречит интересам преподавателей не пенсионного возраста и дает дополнительные возможности для преподавателей, вышедших на пенсию.

Иначе говоря, в рамках сложившихся в высшей школе условий возникает ситуация, когда работа в вузе в качестве преподавателя является привлекательной, прежде всего, для лиц пенсионного возраста.

Какова же позиция и установка преподавателя, работающего в пенсионном возрасте в вузе?

Анализ результатов исследования показал, что ППС пенсионного возраста имеет сильнейшую мотивацию для продолжения работы в вузе после выхода на пенсию. При этом в качестве основных стимулов выделяются как материальные, так и нематериальные.

Так, после выхода на пенсию преподаватель вуза сохраняет потребность в социальной значимости и профессиональной востребованности. Работа в вузе реализует эту потребность, а также дает возможность продолжать заниматься любимым делом. На желание оставаться в профессии влияют и личностные факторы: состояние здоровья, позволяющее осуществлять профессиональную деятельность; решение семейных проблем, связанных с рождением и определением детей. Наряду с этим после выхода на пенсию у преподавателя вуза сохраняется необходимость улучшения своего благосостояния, а поскольку уровень пенсии

не позволяет покрывать все материальные затраты связанные с жизненными необходимостями и духовными интересами данной категории населения, то работа в вузе предоставляет оптимальную возможность подработки. В связи с этим руководство вуза должно серьезно задуматься о возрастной кадровой политике, ее проблемах и перспективах.

Таким образом, вопрос о повышении или понижении границ пенсионного возраста — сложный, требующий комплексного и ситуационного подхода при его решении. Необходима всесторонняя оценка жизненных позиций, показателей, потребностей и интересов различных групп населения. Принадлежность человека к профессии также не должна остаться без внимания. Так, для ряда профессий физического труда учет пенсионного возраста следует осуществлять при оценке физической усталости, подрыве здоровья и т. д. Для работников интеллектуального труда, в частности, для ППС вуза, работа в пенсионном возрасте дает возможность дальнейшей самореализации, общения по интересам в сложившемся коллективе, повышения своего благосостояния, сохранения социальной значимости и просто окрашивания атмосферы серых будней. Однако определение оптимальных границ пенсионного возраста и условий выхода на пенсию для людей той или иной профессии должно быть согласовано с каждой конкретной профессиональной отраслью, степенью ее готовности и необходимости включения в штат пенсионеров.

Список литературы

1. *Ромахина И. А.* Актуальные проблемы системы экономического стимулирования профессорско-преподавательского состава вузов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 12.
2. *Капранова В. А.* Университетское образование: проблемы кадрового обеспечения // Университетское образование: опыт, проблемы, перспективы развития. 2013. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/2910>.
3. *Кичкина Н. В.* Проблемы совершенствования системы мотивации и стимулирования профессорско-преподавательского состава вуза // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 1.

Информация об авторе

Тупик Елена Сергеевна, старший преподаватель кафедры социологии Тверского государственного университета, Тверь, Россия, lussam@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ И ПЛАНОВ НА БУДУЩЕЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НА СЕВЕРЕ

Л. Ю. Уразаева

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Аннотация. Север — особая территория России. Богатство природных ресурсов, наличие крупных корпораций, особые климатические условия, история освоения Севера, особенности формирования населения городов и поселков в период комсомольскихстроек, наличие большого числа мигрантов в настоящее время, достаточно молодой возраст выхода на пенсию, — все эти факторы своеобразно переплетаются и создают особый образ жителя Севера предпенсионного возраста и пенсионера-северянина, определяют его жизненные приоритеты и планы на будущее. Рассмотрим жизненные приоритеты и планы пожилых на примере округа ХМАО-Югра.

Ключевые слова: Север, пожилые люди, жизненные приоритеты

Северянин-пенсионер в ХМАО-ЮГРА — это достаточно уверенный в себе и завтрашнем дне гражданин России. Размер пенсии северянина превышает среднюю пенсию по России примерно на 40%; северяне раньше выходят на пенсию. Пенсия северян выше, если они проработали в крупной нефтегазовой корпорации. При выходе на пенсию корпорации выплачивают очень большое выходное пособие. На это пособие можно спокойно купить квартиру в областном центре России, что и делают молодые пенсионеры сразу после выхода на пенсию. В некоторые такие корпорации не устроиться «с улицы». Но есть и положительные примеры — демократично, по способностям отбирают персонал в Сургутнефтегаз.

Проживающие на Севере более 5 лет адаптированы к жестким климатическим условиям: низкому атмосферному давлению и заметным его скачкам, низкой влажности воздуха, воде, содержащей очень много железа, недостатку кислорода и короткому световому дню.

Пожилые северяне прежде всего ценят материальное благополучие. В основном, пожилые северяне вкладывают деньги в недвижимость, а также в ценные бумаги своих компаний (90%). Откровенно говоря, многие приезжали и приезжают на Север в надежде получать большие доходы. Пожилой северянин в 99,9% имеет собственное жилье, 50% из не местных пожилых северян имеют квартиру или дом на «большой земле». Пожилые северяне меньше пьют, на улицах редко можно встретить пьяных. Хотя все зависит от города или поселка. Северяне,

по натуре, достаточно бережливы и экономны, но стараются покупать все дорогое и хорошее, тем более что достаток позволяет им это делать. Например, среди опрошенных пожилых северян 15 % отметили, что имеют дома дорогие пылесосы (стоимостью около 200000 рублей, специальные устройства — санитарные насосы, предназначенные для подключения кухонной раковины, посудомоечной, стиральной машины и других источников загрязненных вод — из-за железистой воды нужны на Севере и др.).

Несмотря на то, что часть пожилых северян покидает Север, наблюдается небольшая, но стабильная миграция на Север жителей предпенсионного возраста и пенсионеров из центральных регионов России в надежде повысить размер своей пенсии, накопить денег на приобретение отдельного от детей жилья на своей малой родине и др.

Уровень безработицы в ХМАО-ЮГРА на конец года составлял менее 0,51 %. Как правило, после выхода на пенсию и женщины, и мужчины продолжают работать на старом месте (50 % и 80 % соответственно). Работа остается прежней или менее квалифицированной. По данным опросов сменивших место работы после выхода на пенсию — реально найти неквалифицированную, но доступную для выполнения работу в возрасте до 63 лет. Конкуренцию местным пенсионерам в поисках неквалифицированной работы составляют мигранты.

Последнее десятилетие сильно повлияло на структуру населения северных городов и поселков. Десять лет назад в некоторых населенных пунктах Севера людей старшего возраста можно было и не встретить на улицах. Прежде вновь состоявшиеся пенсионеры уезжали в родные края, предварительно построив или купив там недвижимость. По известной государственной программе пенсионеров переселяли в Подмоскovie, в центральные районы России.

В настоящее время пенсионеры стали меньше переселяться с Севера. Но многое зависит от населенного пункта. Сургут — старое поселение, в нем живет много местных жителей пожилого возраста, мысли о переселении им совершенно чужды. По данным опросов, местные (рожденные на Севере) пенсионеры Сургута старше 63 лет редко выезжают за пределы своего округа (не чаще одного раза в год), тем более, что все их родственники и друзья находятся на Севере. Нижневартовск — достаточно молодой город, ему нет еще и пятидесяти лет. Пожилое население города составляют, в основном, люди, приехавшие работать туда в разное время. Отношение пожилых к переезду во многом определяется и местом их происхождения. Часто переезжают к себе на малую родину выходцы из Башкортостана и Татарстана, Волгоградской области, Краснодарского края, Тюмени, Новосибирска, Омска.

Выходцы с Украины — участники комсомольскихстроек, большой волны миграции в связи с Чернобыльской ситуацией — при переезде предпочитают Москву и Санкт-Петербург, Белгород.

Пожилые северяне, приехавшие когда-то из Закавказья, Азербайджана, Молдовы, Белоруссии также с возрастом предпочитают вернуться на малую родину, если это им позволяет здоровье и выбор детей. Иногда северяне-пенсионеры покупают жилье впрок, например, у моря (для организации отдыха внуков) или в Москве, Санкт-Петербурге (для внуков — будущих или настоящих студентов).

На Севере очень много пожилых, состоящих в межнациональных браках. Как показывают данные опросов, при выборе места переезда или решении вопроса о возможности переезда, как правило, решение остается за женщинами (60%).

Переехавшие пенсионеры большую часть года проводят вне Севера, но формально из-за пенсионных доплат и отличного медицинского обслуживания остаются прописанными на Севере.

За последнее десятилетие переезжающих пенсионеров стало намного меньше, родственные связи ослабли, родные деревни опустели, не осталось родственников и друзей на малой родине.

При переезде многое, в конечном счете, определяется выбором детей. Если дети получают высшее образование в крупных городах, то в 70% они не возвращаются на Север. Родители продолжают работать до пенсии. А потом вслед за детьми переезжают в Санкт-Петербург, Тюмень, Уфу. Опросы и интервью показывают, что в качестве места обучения для детей родители-северяне чаще всего выбирают Санкт-Петербург или Тюмень. Выбор этих городов можно объяснить особенностями климата Санкт-Петербурга (малые амплитуды колебаний атмосферного давления), а также географической близостью Тюмени. Выходцы из Башкортостана, как правило, отправляют детей учиться в Уфу. Выходцы из Украины чаще остальных посылают детей учиться в Чехию.

На выбор пенсионерами места дальнейшего проживания влияет и состояние их здоровья. Пожилые люди плохо переносят жаркий климат после многих лет постоянного пребывания на Севере, поэтому выбирают либо Санкт-Петербург, либо Тюмень, если нет иных факторов, влияющих на выбор.

Непрямые родственные связи не оказывают большого влияния на выбор места переселения, так как ослабевают со временем. В основном, влияние на выбор пенсионеров тогда и сейчас оказывает выбор их взрослых детей и состояние здоровья.

Отношение к общению в последнее десятилетие также изменилось. Дружеские связи и отношения стали более стабильными, стало мень-

ше спонтанности в отношениях между людьми. Отношения возникают и определяются родственными связями, кругом знакомых по прежней работе, соседями по дому и по даче, по интересам, землячествами, интернет-сообществами.

Пенсионеры-северяне очень ценят медицинское обслуживание на Севере. В ХМАО-Югра пенсионеры при прохождении диспансеризации могут бесплатно пройти обследование на дорогостоящем оборудовании, при лечении в условиях стационара пациенты получают дорогостоящие и эффективные лекарства, бесплатный массаж и другие процедуры (на собственном опыте) — независимо от социального статуса, места прежней работы и так далее.

За последнее десятилетие появились пожилые не местные северяне, которые не собираются уезжать с Севера, несмотря на то, что перестали работать. В основном, это происходит из-за взрослых детей. Если взрослые дети остались на Севере, и есть внуки, то в 80% случаев пожилые остаются на Севере до конца жизни. Уезжают только, если их отъезд позволяет повысить качество жилищных условий детей, оставляют детям северные квартиры, а сами уезжают на «большую землю», купив там жилье по более низкой стоимости, чем на Севере.

Выводы. Пенсионеры-северянин — уверенный в себе и достаточно обеспеченный гражданин России. Пенсионеры-северяне, в основном, имеют собственное жилье, довольны и ценят медицинское обслуживание на Севере. Пенсионеры вкладывают деньги, прежде всего, в жилье, потом в ценные бумаги. Главный приоритет при принятии решений в жизни пенсионера — это интересы семьи и взрослых детей. За последнее десятилетие Север стал стареть. Тем не менее, значительная часть пенсионеров-северян покидает Север. Большое влияние на их решение оказывают такие факторы, как: выбор взрослыми детьми места проживания, наличие внуков, жилищные условия детей, климатические условия нового места проживания и состояние здоровья. Остальные факторы влияют не значимо.

Список литературы

1. Уразаева Л. Ю., Галимов И. А. Математическое исследование некоторых аспектов миграции населения. Вестник Нижневартковского государственного университета. 2014. № 3. С. 77—85.
2. Галимов И. А., Уразаева Л. Ю. Оценка взаимовлияния уровней безработицы различных возрастных групп с учетом старения населения. Интернет-журнал Науковедение. 2013. № 1(14). С. 62.
3. Галимов И. А., Уразаева Л. Ю. Моделирование процесса развития пенсионного фонда. Москва, 2011.

4. Уразаева Л. Ю., Голькина А. В. Прогнозирование структуры налоговых поступлений в бюджет с использованием модели структурных изменений-Современные информационные технологии. 2008. № 7. С. 15.
5. Jehoel-Gijsberg G., Vrooman C. Social exclusion of the elderly: a comparative study of EU member states // ENEPRI Research Report. 2008. No 57.
6. Walker A, Barnes M., Bloom A. New Horizons : The social exclusion of older people. 2010.
7. Lessof C. and Cox K. Policy Directions, prepared for the Office of the Deputy Prime Minister. 2006.

Информация об авторе

Уразаева Лилия Юсуповна, к. физ.-мат. н., доцент кафедры высшей математики и информатики Сургутского государственного педагогического университета, Сургут, Россия, delovoi2004@mail.ru

ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО КРИЗИСА — ВЗГЛЯД ГЕРОНТОЛОГА

А. В. Халявкин

*Институт биохимической физики РАН, Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН, Москва, Россия*

Аннотация. Очевидная необходимость постепенного повышения границ пенсионного возраста в России напрямую связана как с текущей экономической ситуацией, так и с наблюдаемыми негативными демографическими тенденциями. Демографическое постарение населения, присущее большинству развитых стран, приводит к увеличению нагрузки на трудоспособный сегмент общества и, кроме всего прочего, к дефициту Пенсионного фонда. Этому может противостоять рост производительности труда. Но не за счет интенсификации физических усилий, а путем механизации труда и лучшей его организации. С другой стороны, достижения и наблюдаемые тенденции в геронтологии — науке, изучающей причины и механизмы старения, — позволяют наметить и иные пути выхода из этого тупика.

Ключевые слова: геронтология, пенсионная реформа, кризис, пенсия

Известно, что для последних полутора веков характерен небывалый рост ожидаемой продолжительности жизни новорожденных и, в меньшей степени, лиц преклонного возраста. Это означает, что кривая дожития ректангуляризуется — становится более прямоугольной, стремясь приблизиться по форме к «магическому квадрату 100×100 », т. е. к недостижимому идеалу, когда 100 % новорожденных смогут дожить до т. н. видовой границы в 100 лет.

Современная медицина и другие достижения цивилизации продолжают вносить весомый вклад в увеличение средней продолжительности жизни населения. Тем самым они решают социально важную тактическую задачу геронтологии — приблизить средние сроки активной жизни к ее условному видовому пределу [1—4]. Интересно, что уже разработаны и продолжают разрабатываться средства и методы, позволяющие дольше сохранять адекватный уровень здоровья, работоспособности, физической и умственной активности. Это позволит возрастному контингенту выходить на пенсию позже, ближе к условным видовым срокам жизни, что снизит объем пенсионных трат.

В литературе есть обоснования потенциальной возможности преодоления видовой продолжительности жизни (а это уже стратегическая за-

дача фундаментальной геронтологии) путем существенного замедления старения [5—10] и даже его обратимости [11]. Вмешательством в регуляторные контуры лабораторных организмов уже достигнут 10-кратный рост их видовой продолжительности жизни [12]. И нет никаких фундаментальных причин полагать, что подобное, в принципе, невозможно для человека. Однако очевидно, что инфраструктура и механизмы функционирования современного общества совершенно не готовы к такой, потенциально достижимой, перспективе. Поэтому, еще до разработки надежных и безопасных методов управления старением человека, необходимо предусмотреть возможные нежелательные последствия от этого для общества в целом, наметить пути их преодоления и создать контуры общества будущего, в которое органично впишется долгоживущий Человек нестареющий (*Homo non-senescent*), не нуждающийся в пенсии по старости. Опираясь на вышесказанное, хочется надеяться на то, что креативные социологи будут не только отслеживать разнообразные параметры современного общественного организма и выявлять возникающие в нем тенденции, но и предугадывать спектр его вероятных будущих состояний и намечать оптимальные пути перехода от непростого настоящего к желаемому будущему, — безусловно, в тесном сотрудничестве с политологами, экономистами, психологами, юристами, демографами, футурологами и др.

Список литературы

1. Oeppen J., Vaupel J. W. Demography. Broken limits to life expectancy // Science. 2002. № 5570.
2. Дартау Л. Д. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 1. Объект, субъекты, обязанности и ответственность // Проблемы управления. 2015. № 2.
3. Дартау Л. Д. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 2. Организационно-правовая технология // Проблемы управления. 2015. № 3.
4. World Report on Ageing and Health. World Health Organization, 2015.
5. Халявкин А. В. Взаимодействие «организм-среда» и причины старения // Успехи геронтол. 1998. № 2.
6. Khaliavkin A. V. Influence of environment on the mortality pattern of potentially non-senescent organisms. General approach and comparison with real populations // Adv. Gerontol. 2001. № 7.
7. Khalyavkin A. V., Yashin A. I. Nonpathological senescence arises from unsuitable external influences // Ann. N. Y. Acad. Sci. 2007. № 1119.
8. Khalyavkin A. V. The updated view concerning the possibility of growing old without senescence // Rejuvenation Res. 2010. № 2—3.

9. Халявкин А. В. Феноптоз как генетически детерминированное старение, управляемое сигналами стрелы // Биохимия, 2013. № 9.
10. www.researchgate.net/profile/Alexander_Khalyavkin/publications.
11. Rando TA., Chang H. Y. Aging, rejuvenation, and epigenetic reprogramming: resetting the aging clock // Cell. 2012. № 1—2.
12. Ayyadevara S., Allen R., Thaden J. J., Shmookler-Reis R. J. Remarkable longevity and stress resistance of nematode PI3K-null mutants // Aging Cell. 2008. № 1.

Информация об авторе

Халявкин Александр Викторович, к. биол. н., старший научный сотрудник Института биохимической физики РАН и Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, ученый секретарь московского отделения Геронтологического общества при РАН, Москва, Россия, antisenesc@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ПЕНСИОНЕРОВ РОССИИ

Г. А. Цветкова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. Современная пенсионная реформа в России прошла несколько этапов, разработана и принята к реализации политика в сфере пенсионного страхования до 2030 г. Но, по сути, государство перекинуло пенсионные заботы на население, выход из кризиса системы пенсионного обеспечения чиновники видят в одном — повысить пенсионный возраст. Против этого выступает большинство россиян («Левада-центр», более 80 %), но полемика ведется все настойчивее. В дискуссиях принимают участие все возрастные группы. Но что думают сами пенсионеры? Каковы их материальные ресурсы, настроение и приоритеты? Как живут пенсионеры после выхода на пенсию?

Ключевые слова: пенсионеры, материальные ресурсы, пенсия

Важным этапом жизненного мира людей является их зрелый период жизни, который согласно положениям ООН, начинается с 60 лет и рассматривается как граница перехода в группу пожилых. За начало демографической старости общества принимается момент достижения совокупностью лиц «60 лет и старше» 12 % общей численности населения. Если основываться на этих нормах, то в России уровень соответствующей возрастной группы в 2014 г. достигал 23,5 %, т. е. был превышен практически в два раза (Москва — 25,1 %, Санкт-Петербург — 25,7 %). В 2015 г. численность пенсионеров составляла 43797 тыс. чел., из них 78,6 % — пенсионеры по старости. Они являлись одной из самых больших социальных групп. Год от года их становится все больше (за последние пять лет — увеличение на 3 млн 594 тыс. чел.). В настоящее время каждый четвертый россиянин — пенсионер.

Согласно данным всероссийского опроса «Жизнь на пенсии» (ЖП-2015), жизнь каждого второго пенсионера становится хуже. Это исследование проведено под руководством Ж. Т. Тощенко в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990—2010-е годы)». Наихудшее положение — у пенсионеров, проживающих на Дальнем Востоке (60 %), Северном Кавказе, в Сибири и на Урале (52—55 %), т. е. на значительной части субъектов России лица старшего возраста имеют материальные проблемы. 83 % россиян старше 60-ти лет живут в условиях постоянной экономии.

В целом результаты анализа и обобщения *основных источников доходов* современных пенсионеров позволяют выделить в них два блока: 1) собственные и 2) заимствованные (чужие). Собственные источники — получение пенсии (98%), заработной платы на основной работе (12%), процент доходов от банковских вкладов (1%). Что касается заимствованных доходов в виде материальной помощи, им помогают дети (19%), родственники и друзья (4%). Отсюда вывод: пенсионеры пытаются решать материальные проблемы самостоятельно. В структуре их доходов преимущественное положение занимают собственные доходы над чужими. При этом они используют разные способы пополнения материальной базы. Фактически — это «активная» форма бедности, предполагающая желание субъектов преодолеть состояние бедности, стремление к материальной самостоятельности.

Учитывая вышесказанное, в России уже традиционно образ пенсионера занимает приоритетное место среди различных образов нищих. Это касается всех пенсионеров: работающих и неработающих. Ибо основной источник их забот, предопределяющий материальные трудности, — низкий уровень пенсий (85%). Как следствие, их тревожит нестабильность (22%), бедность и нужда (12%), поэтому пенсионеры вынуждены работать. Но это не улучшает их положение, поскольку по-прежнему присутствует несогласованность политики занятости, направленной на работников старшего возраста. В итоге уровень заработной платы работающих пенсионеров в среднем на треть меньше, по сравнению с другими возрастными группами. В силу их низкой мобильности и меньшей востребованности на рынке труда происходит *концентрация пожилых работников на депрессивных предприятиях*. На селе работники старших возрастов в большей мере заняты на менее квалифицированных работах — это животноводы на немеханизированных и маломеханизированных фермах, разнорабочие и т.д.

По отношению к работающим пенсионерам работодатели часто проявляют безосновательный стереотип «менее эффективного работника». Даже заработная плата мужчин пенсионного и предпенсионного возраста уменьшилась на 6,6% (2011—2014 гг.). Исключение составляют лишь представители административно-управленческого персонала, руководители среднего и высшего звена, труд которых является по содержанию высококвалифицированным. Но, несмотря на дискриминацию, почти четверть опрошенных пенсионеров согласились бы работать, если бы им поступило такое предложение. Следует отметить, что большинство респондентов (74%) затруднились ответить: вероятно, это связано с состоянием их здоровья.

В этих условиях сознание пенсионеров трансформируется, результаты «ЖП-2015» отражают противоречивость их экономического и правового

сознания. Заявляя о злободневности проблем пенсионного обеспечения (85 %), в то же время свыше 60 % пенсионеров считают, что их права соблюдаются. Каждый второй опрошенный заявил, что страна развивается в правильном направлении. Хотя большинство пенсионеров недовольны уровнем пенсионного обеспечения, состоянием производственного сектора экономики и, соответственно, деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

Интересны результаты исследования о мотивах пенсионеров, которые стремятся работать. Оказывается, такие факторы, как независимость и одобрение окружающих, их мало интересуют. Хотя независимость в полной мере проявляется у пенсионеров и в факторе, отражающем особенности их проживания, которые условно можно представить в двух формах: 1) *автономное* — один /одна/ — 29,6%; с супругом(ой) — 42,7%; 2) *совместное* — с детьми (18,9%), с внуками — 2,8%, с братьями (сестрами) — 0,3%, с другими родственниками — 5,8%. Эти данные указывают на то, что свыше 70 % опрошенных живут независимо. При этом пенсионеры желают быть полезными и востребованными родственниками. Они испытывают потребность материально помочь детям и внукам, что вынуждает людей даже в пенсионном возрасте работать (22%). Стремятся трудиться и те, кто не имеет работы (24%), т. е. каждый четвертый опрошенный. Продолжает работать каждый пятый респондент.

Если в 1990-х гг. часто вся семья жила на «бабушкину пенсию», то в последующие годы произошли изменения. Исследование ВЦИОМ (2001 г.) показало, что пенсионер (как и ребенок) — это дополнительные проблемы для семьи. 32% семей, где есть пенсионеры, признавались, что их материальное положение сложное. Согласно статданным (с 2008 по 2010 гг.), семьи с пенсионерами были единственной социальной категорией, повысившей уровень личных доходов. Действительно, в результате мер по повышению пенсий ситуация улучшилась. Однако общую тенденцию это не изменило.

В настоящее время, согласно данным «ЖП-2015», количество членов семьи напрямую связано с уровнем душевого дохода. Среди богатых мало семей расширенного типа. Они предпочитают жить отдельно от своих родителей, взрослых детей и других родственников. Низкообеспеченные и среднеобеспеченные пенсионеры, наоборот, в основном живут со своими взрослыми детьми, имеющими свои семьи. Как результат, семьи с пенсионерами чувствуют себя и оценивают свое будущее намного хуже, чем семьи, в которых нет пенсионеров. Если обратиться к тем, кто материально помогает пенсионерам, то выделяются лишь три субъекта: дети (19%), родственники и друзья (4%). Оказавшись в затруднении, пенсионеры обращаются к ним: родным (84%) и друзьям (14%).

В условиях рынка материальное благополучие различных социальных групп зависит от их ценностных ориентаций. По мнению пенсионеров, *преимущественное значение имеют* здоровье (45 %), трудолюбие (31 %), образование (26 %), способности и талант (14 %), инициатива и находчивость (9 %). Хотя в современных условиях не менее важную роль, утверждают они, играют деньги (26 %), помощь близких (14 %), удача и случай (12 %), надежные друзья (11 %). Между уровнем образования и уровнем дохода обнаружена слабая корреляционная связь, но в реальной практике наличие высшего образования увеличивает жизненные шансы пенсионеров.

Несмотря на то, что средняя пенсия ежегодно увеличивается (2010 г. — 7476,3 руб., 2014 г. — 10786,0 руб., т. е. на 3309,7 руб.), реальное положение пенсионеров остается безрадостным. Результаты исследований последней четверти века выявляют следующие факты: 1) пенсионеры — одна из наиболее уязвимых групп; 2) вместе с ростом количества пенсионеров по возрасту наблюдается и тенденция, отражающая повышение числа работающих пенсионеров.

Какие пути выхода из современного кризиса системы пенсионного обеспечения видят и предлагают пенсионеры? Прежде всего, они заявляют о необходимости принятия официальных мер в двух направлениях: 1) обеспечить сбор пенсионных взносов со всех работающих граждан; 2) реформировать систему льготных пенсий. На наш взгляд, изменить ситуацию можно. Для этого нужно ужесточить борьбу с коррупцией и эффективно вкладывать пенсионные отчисления в реальный сектор экономики.

Информация об авторе

Цветкова Галина Александровна, д. с. н., профессор социологического факультета РГГУ, Москва, Россия, Qaltsvet@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РФ) *

Д. В. Чижов

Центр международного и межрегионального сотрудничества, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Аннотация. Проблема трудоустройства людей третьего возраста лежит не только в нежелании работодателей создавать рабочие места для них, но и в неготовности самих пенсионеров к активной занятости. Желание активной трудовой деятельности и переобучения в большей степени свойственно мужчинам, традиционно являющимся главами семей, берущим ответственность за материальное обеспечение себя и своих близких. Проблема трудоустройства более остро будет стоять перед женщинами предпенсионного возраста, чем перед мужчинами, что связано с более высоким уровнем использования интернет-технологий мужчинами, лучшим состоянием здоровья и большей готовностью к переквалификации и дополнительному обучению.

Ключевые слова: третий возраст, трудоустройство, пенсия

Российское общество подошло к периоду своего развития, когда увеличение доли людей третьего возраста ** в составе населения серьезно влияет на экономические, политические, социальные и духовно-нравственные изменения.

Преодоление этих проблем напрямую связано с необходимостью обеспечения активного долголетия, повышения качества жизни, создания условий включенности людей третьего возраста в социальные и экономические процессы, формирования в общественном сознании

* В настоящем материале используются данные комплексных социологических исследований в регионах ЦФО:

¹⁾ «Жизненные стратегии и социальные практики активного долголетия людей пожилого (третьего) возраста», проведенного в январе–марте 2015 г. на территории Московской и Ивановской областей (массовый формализованный опрос 1500 респондентов, 4 фокус-группы, 20 экспертных интервью);

²⁾ «Исследование инфраструктуры для реализации стратегий активного долголетия и возможности ее развития в Центральном федеральном округе РФ», проведенного в декабре 2015 г.— феврале 2016 г. (массовый формализованный опрос 2000 респондентов, 54 экспертных интервью).

** К «третьему возрасту» относятся люди пенсионного возраста без каких-либо серьезных физических или психических нарушений, трудоспособные, с достаточно активной жизненной позицией, которые хотят и могут работать наравне с лицами трудоспособного возраста и быть полноправными членами социума.

положительного образа старости, уважения к людям третьего возраста, использования их потенциала в экономике и обществе.

Сегодня старшее поколение России — люди третьего возраста — являются значительным ресурсом социально-экономического развития страны. Многие из них обладают высоким уровнем образования и квалификации, большим профессиональным и жизненным опытом, свободным временем для социально значимой деятельности. Задействование потенциала людей третьего возраста может составить определенную базу для дальнейшего развития, поскольку в социуме и экономике появятся дополнительные ресурсы, а у людей третьего возраста — возможность самореализации.

Ключевой задачей содействия активному долголетию граждан третьего возраста становится решение проблем занятости и социальной активности. Это важно и для повышения доходов людей пенсионного возраста, и для поддержания в них чувства востребованности, общественной значимости и полезности.

В этой связи на фоне демографического старения России возрастает актуальность исследования социальной и трудовой активности людей третьего возраста, изучение и популяризация жизненных стратегий и социальных практик активного долголетия. Особый интерес в этом плане представляют гендерные аспекты и поиск путей активизации социального поведения людей третьего возраста, включенных в социально-экономические процессы.

Целью указанных исследований, проведенных на территории регионов ЦФО в 2015—2016 гг., является определение путей улучшения социального самочувствия и активного долголетия людей третьего возраста.

Основные акценты в исследованиях сделаны на изучении вопросов трудовой и социальной активности людей третьего возраста, обладающих богатым опытом, знаниями и, наряду с этим, определенным социально-экономическим потенциалом и способностью влиять на общественное мнение.

В ходе указанных исследований были выявлены гендерные особенности и основные барьеры, препятствующие вовлечению пенсионеров в трудовую активность. Наиболее существенными в этой связи являются: проблемы со здоровьем, неготовность работодателей брать на работу пенсионеров и отсутствие адекватных вакансий.

Рисунок 1. Барьеры, препятствующие вовлечению людей пенсионного и предпенсионного возраста в трудовую активность (данные указанных исследований, база расчета: мужчины 55+, женщины 50+)

Лидером в рейтинге проблем, препятствующих работе на пенсии, выступают сложности со здоровьем. Проблемы здоровья в большей степени актуальны для женской аудитории — 43%, тогда как мужчины примерно на этом же уровне — 42% — отмечают проблему неготовности работодателей брать на работу пенсионеров. Проблема отсутствия адекватных вакансий практически одинаково актуальна для мужчин и женщин — 15 и 14% соответственно, а неспособность пенсионеров на компромиссы не является существенной проблемой для работы на пенсии.

Интересно эмоциональное состояние людей третьего возраста: оно находится на достаточно высоком уровне и незначительно различается по гендерному признаку.

Рисунок 2. Основные параметры эмоционального состояния людей пенсионного и предпенсионного возраста (данные указанных исследований, база расчета: мужчины 55+, женщины 50+)

Причем в меньшей степени мужчины испытывают материальные затруднения — не имеют материальных проблем 68 % мужчин и 62 % женщин.

Самооценка жизненной активности людей третьего возраста находится на уровне выше среднего, причем женщины являются более активными. И совсем не отмечается различий между мужчинами и женщинами в эмоциональном фоне — одинаково оптимистично смотрят на жизнь более половины старшего поколения.

Наряду с этим более здоровыми для трудовой активности на пенсии себя ощущают мужчины: 28 % мужчин против 13 % женщин полагают, что их здоровье позволяет им работать почти везде. Также 53 % женщин против 39 % мужчин пессимистично оценивают свое здоровье с точки зрения возможности работать.

С учетом проведенных исследований возможными вариантами решения проблемы занятости людей третьего возраста могут выступать:

- развитие гибких форм занятости и практик самозанятости (надомная работа, микропредпринимательство, работа с использованием интернета и др.);
- использование опыта и квалификации людей старшего возраста в сфере дополнительного образования детей и молодежи (работа в центрах технического творчества, учреждениях дополнительного образования и т. д.);
- переобучение и переквалификация людей третьего возраста на востребованные рынком труда специальности.

При этом, с точки зрения возможностей использования интернета для дополнительного заработка, большим потенциалом обладают мужчины. Они гораздо активнее используют интернет по сравнению с женщинами (49% и 32% соответственно), что существенно расширяет их возможности самозанятости и капитализации своих хобби.

Также мужчины декларируют большую готовность преподавать детям и вести курсы в Центрах технического образования и учреждениях дополнительного образования — 36 % мужчин точно готовы и возможно готовы к преподаванию, тогда как о такой готовности заявляют 30 % женщин. При этом 70 % женщин и 62 % мужчин совсем не готовы к такого рода трудовой деятельности.

Интерес к прохождению переобучения и получения новой квалификации также в большей степени проявляют мужчины — 27 % представителей сильного пола выражают готовность к дополнительному образованию, тогда как среди женщин желающих — 24 %.

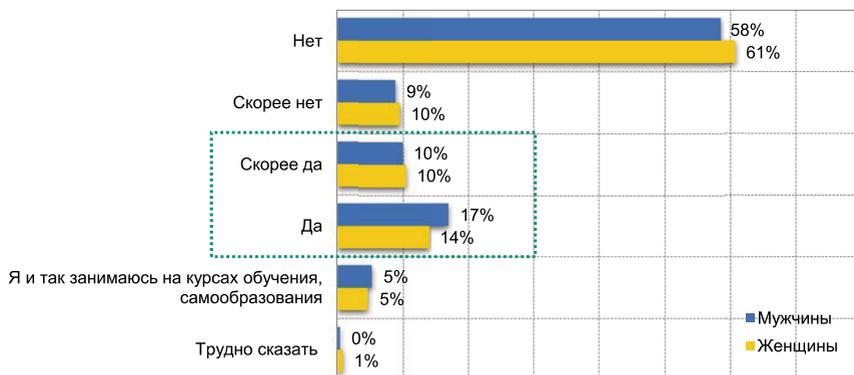

Рисунок 3. Готовность пенсионеров пройти курсы дополнительного образования, получить дополнительную квалификацию (данные указанных исследований, база расчета: мужчины 55+, женщины 50+)

Весьма незначительная часть старшего поколения уже проходит переобучение — всего 5% занимаются на курсах обучения и самообразованием. При этом существенное количество представителей старшего поколения (58% мужчин и 61% женщин) не настроены на переобучение и получение дополнительного образования.

Наряду с относительно невысокой готовностью к переобучению, пенсионеры также демонстрируют низкую степень готовности к посильной работе.

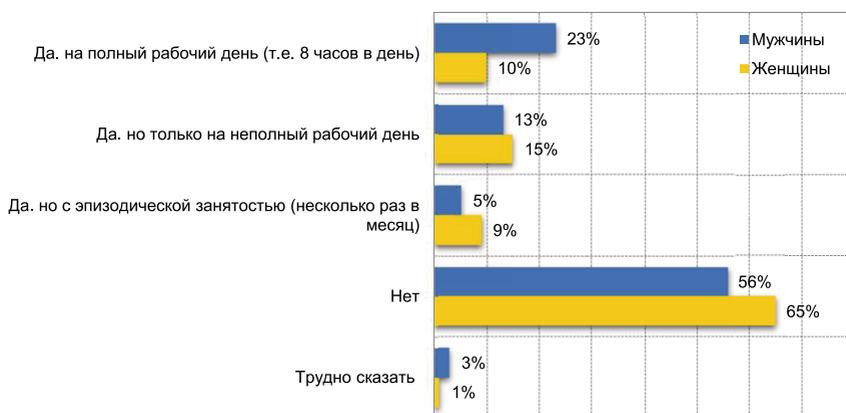

Рисунок 4. Готовность неработающих пенсионеров выйти на посильную работу (данные указанных исследований, база расчета: неработающие пенсионеры)

Не выражает желания работать большая часть старшего поколения — 56 % мужчин и 65 % женщин пенсионного возраста. Полный рабочий день готовы работать 23 % мужчин и 10 % женщин, неполный рабочий день — 13 % и 15 % соответственно. Эпизодически работать (несколько раз в месяц) готовы только 5 % мужчин и 9 % женщин.

Информация об авторе

Чижов Дмитрий Вячеславович, к. полит. н., директор по коммуникациям и проектной деятельности Центра международного и межрегионального сотрудничества, доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук, член РАПН, Москва, Россия, dima-chizhov@mail.ru

РОССИЯНЕ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. Н. Шестакова

Институт проблем региональной экономики РАН, Москва, Россия

Аннотация. Можно говорить о стремлении старших поколений сохранить активную жизненную позицию, включенность в общественную жизнь, экономическую/трудовую активность, используя для этого различные способы и пути, в том числе, информационно-коммуникативные технологии. И государство, и общество должны продолжать движение к ним навстречу.

Ключевые слова: информационное пространство, пенсионеры, информационно-коммуникационные технологии

В последние годы в нашей стране обострилась проблема сохранения активности населения старших возрастных групп. Причем эта тема обсуждается не только в отношении общесоциальной активности и на уровне отдельных исследователей и/или представителей общественности, но также — на уровне властных структур и распространяется на активность экономическую.

В число факторов, характеризующих экономическую активность населения, входит и установление государством порогового возраста выхода граждан на пенсию.

Действительно, как указывает ряд авторов [1], существующий на настоящий момент времени пенсионный возраст был назначен в начале 1930-х гг., в период преобладания в экономике технологий, базирующихся на тяжелом физическом труде и сообразном ему физическом износу человеческого организма, ограничивающего его способности к труду.

Между тем в последние десятилетия произошли очевидные «изменения самого характера занятости, сдвиг ее в сферу услуг, сокращение доли физического труда» [2]: в настоящее время до 60 % всех занятых трудятся в сфере обслуживания, в офисах [1]. Отчетливо выражено смещение в сторону интеллектуальных сфер деятельности наблюдается и в старших возрастах, что (наряду с недостатком в российской экономике рабочей силы) обуславливает позитивные перспективы вовлечения старших поколений в трудовую деятельность либо продолжение/сохранение таковой.

В то же время нельзя не признать, что сохранение экономической активности лиц старших возрастов невозможно решить одними благими

пожеланиями, декларативными и/или нормативно-правовыми методами: достижение этой цели предполагает заблаговременное и целенаправленное создание необходимых и достаточных условий.

Одним из этих условий, по нашему мнению, является вовлечение граждан старших возрастных групп в информационное пространство. И на этот вопрос уже начали обращать внимание некоторые исследователи.

Так, в профильном исследовании, проведенном Институтом развития информационного общества [3], указывается на существенные ограничения вовлечения работников в экономическую деятельность по признаку наличия/отсутствия/недостаточности навыков владения информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ).

Кроме того, авторы этого исследования делают важный в рассматриваемом аспекте вывод о том, что в ближайшие годы «базовые навыки использования компьютера и интернета должны стать массовой, в перспективе — всеобщей, ИКТ-компетенцией населения. Особое внимание следует уделять старшим возрастным группам, их подготовке к полноценному участию в обществе, основанному на использовании ИКТ» [3].

Изложенное определяет актуальность постановки, как минимум, двух вопросов: изучение существующего состояния вовлечения населения старших возрастов в информационную среду и анализ динамики этого процесса.

Определенное представление о происходящих в этом направлении изменениях можно получить из результатов Выборочных федеральных статистических наблюдений по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, проводимых Госкомстатом РФ и организованных в формате мониторинга (2013 и 2014 гг.) [4].

Вместе с тем, несмотря на принципиально общий подход к организации статистического наблюдения, результаты обследований 2013 и 2014 гг. имеют некоторые различия. Так, например, сведения относительно использования населением персональных компьютеров в различных возрастных группах можно почерпнуть только из материалов 2014 г. Выделим среднероссийские показатели и показатели, характеризующие интересующую нас возрастную группу (табл. 1).

Данные табл. 1 свидетельствуют об отсутствии принципиальных гендерных различий в освоении ИКТ в каждой из возрастных групп (при наличии понижительной тенденции с увеличением возраста) на фоне наличия вполне ожидаемых выраженных различий, в зависимости от типа поселения: сельские жители уступают горожанам в масштабах приобщения к компьютерным технологиям примерно в 1,5 раза.

Таблица 1. Использование персональных компьютеров населением старших возрастных групп по типам поселения, по Российской Федерации (октябрь—ноябрь 2014 г.)
(в % от численности населения соответствующей возрастной группы)

	Всего	В том числе в возрасте, лет		Из них:					
				мужчин — всего	в том числе в возрасте, лет		женщин — всего	в том числе в возрасте, лет	
		55—64	65—72		55—64	65—72		55—64	65—72
Население, использовавшее персональный компьютер	75,2	48,2	23,8	76,0	47,2	25,3	74,5	49,0	22,9
город	79,7	54,4	27,5	81,0	54,5	29,7	78,5	54,3	26,2
село	61,6	30,5	12,3	61,5	28,2	12,3	61,8	32,5	12,3
Население, никогда не пользовавшееся персональным компьютером	24,8	51,8	76,2	24,0	52,8	74,7	25,5	51,0	77,1
город	20,3	45,6	72,5	19,0	45,5	70,3	21,5	45,7	73,8
село	38,4	69,5	87,7	38,5	71,8	87,7	38,2	67,5	87,7

Составлено на основе[4].

Между тем информация относительно пользования сетью интернет, по данным обследований Госкомстата, позволяет выявить небольшие динамические характеристики (табл. 2). И эти динамические подвижки, хоть и не велики, но в целом за год в среднем по России они оказались положительны: число активных пользователей сети старших возрастов увеличилось в разных группах от +0,1% до +0,5%. Впрочем, произошли эти подвижки за счет жителей городов (обою пола), а также за счет небольшого роста среди пользователей сельских женщин: +0,4% в группе 55—59 лет и +0,3% в группе 60—72 лет.

Таблица 2. Распределение населения старших возрастных групп, являющегося активными пользователями сети Интернет, по типам поселения (октябрь 2013 г., октябрь-ноябрь 2014 г.), в %

	Население в возрасте 15—72 лет, всего	В том числе в возрасте, лет			
		55—59		60—72	
		2013	2014	2013	2014
Всего	100	5,5	5,8	4,2	4,3
мужчины	100	4,9	5,1	3,8	3,9
женщины	100	6,0	6,5	4,6	4,8
город	100	5,6	6,0	4,4	4,6
мужчины	100	5,0	5,3	3,9	4,2
женщины	100	6,1	6,6	4,8	5,0
село	100	5,0	5,0	3,4	3,3
мужчины	100	4,7	4,4	3,0	2,7
женщины	100	5,2	5,6	3,7	3,9

Составлено на основе[4].

В то же время очевидно, что по мере увеличения возраста у граждан чаще возникает потребность в получении разного рода услуг, в частности, в социальной сфере. И это диктует необходимость взаимодействия с органами власти и социальными службами. Динамика обращения граждан старших поколений к электронным государственным и муниципальным услугам содержится в табл. 3.

Таблица 3. Доля населения старших возрастных групп, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, по типам поселения (октябрь 2013 г., октябрь-ноябрь 2014 г.) (в % от общей численности населения, получившего государственные и муниципальные услуги, соответствующих половозрастных групп и типов поселения)

	2013			2014		
	всего	в том числе в возрасте, лет		всего	в том числе в возрасте, лет	
		55—59	60—72		55—59	60—72
Все	30,8	17,6	8,0	35,2	19,3	8,0
мужчины	33,0	21,1	8,8	37,1	21,6	9,1
женщины	29,2	15,5	7,5	34,0	18,1	7,3

	2013			2014		
	всего	в том числе в возрасте, лет		всего	в том числе в возрасте, лет	
		55—59	60—72		55—59	60—72
город	36,9	20,8	9,5	40,5	22,8	9,2
мужчины	40,0	25,8	10,7	42,9	26,2	10,6
женщины	34,7	18,1	8,9	38,9	20,9	8,5
село	11,4	8,0	2,9	15,6	8,3	3,1
мужчины	11,7	8,8	3,5	16,3	8,1	3,9
женщины	11,2	7,3	2,5	15,2	8,5	2,6

Составлено на основе [4].

Данные, приведенные в табл. 3, свидетельствуют об общей положительной динамике (в 2013—2014 гг.) обращения населения старших поколений к электронным услугам разного рода. Однако надо отметить, что выявленная тенденция относится преимущественно к лицам, входящим в категорию 55—59-летних (их активность превосходит показатели 60—72-летних в среднем в 2 раза); к мужчинам — в большей степени, нежели к женщинам; к жителям городов, нежели к селянам. В самом ущербном положении, согласно исследованию Госкомстата, в плане <доступа> и получения электронных услуг оказываются сельские женщины, особенно самых старших возрастов: только 2,5%—2,6% из них смогли получить в 2013—2014 гг. государственные и муниципальные услуги электронным образом.

Чаще всего, согласно данным обследования, пожилыми россиянами востребованы такие государственные и муниципальные услуги как (приведены в порядке убывания значимости):

- здравоохранение и медицина (в том числе, запись на прием к врачу) — 9,5% (в группе 55—59 лет) и 4,3% (в группе 60—72 года);
- жилищно-коммунальное хозяйство (получение жилищных документов, получение информации жилищного учета, предоставление показаний приборов учета) — соответственно 7,4 и 3,0%;
- налоги и сборы (подача налоговой декларации, подача документов на налоговые вычеты, оплата налогов) — 5,0 и 2,1%;
- гражданство, регистрация, визы (оформление документов для получения паспорта, заграничного паспорта, водительских прав, регистрация по месту жительства, оформление виз, приглашений) — 4,7 и 1,9%;

- социальное обеспечение (пенсионное обеспечение, пособия, социальная поддержка) — 3,2 и 1,7 %;
- транспорт и дорожное хозяйство (предоставление сведений об административных правонарушениях в области дорожного движения, государственная регистрация автотранспортных средств, государственный технический осмотр транспортных средств и др.) — 2,7 и 0,9 %.

Впрочем, небольшой интерес был проявлен пожилыми россиянами ко всем без исключения обозначенным в перечне 26 видам услуг.

Список литературы

1. *Удивляет*, что пенсия вообще выплачивается. Интервью с профессором кафедры теории и практики социальной работы, докт. социол. наук СПбГУ И. Григорьевой (09 Октября 2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/4455035/post339489702>.
2. Колосницына М. Г., Герасименко М. А. Экономическая активность в пожилом возрасте и политика государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 47—64.
3. *ИКТ-компетенции как фактор социально-экономического развития России* / под ред. Ю. Е. Хохлова, С. Б. Шапошника. М. : Институт развития информационного общества, 2012.
4. *Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий (2013 и 2014 гг.)* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html.

Информация об авторе

Шестакова Наталия Николаевна, к. техн. н., доцент, старший научный сотрудник лаборатории проблем развития социального и экологического пространства и воспроизводства трудовых ресурсов региона Института проблем региональной экономики РАН, Москва, Россия, nshestakova@gmail.com

19. Социология гражданского общества и некоммерческого сектора**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ
ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ «LIFE IN TRANSITION»****А. М. Алмакаева, Д. В. Сальникова**

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Представленный анализ результатов 2-го раунда исследования «Life in Transition» (LiTS), проведенного в 2010 г., свидетельствует о том, что в странах постсоветского пространства в меньшей степени мобилизуются ресурсы социального капитала по сравнению с развитыми европейскими странами, характеризующимися относительно высокими показателями генерализованного доверия, просоциальных установок и гражданской активности.

Ключевые слова: социальный капитал, кросс-культурный анализ, генерализованное доверие

Существует множество подходов к определению социального капитала [1], однако в данной работе мы придерживаемся точки зрения Р. Патнема, который концептуализирует его как «особенности социальной организации, такие как нормы, доверие и сети, способствующие более эффективному функционированию общества через консолидацию коллективных действий» [2, с. 22]. Патнем говорит о двух типах капитала — bridging и bonding. Первый объединяет людей, имеющих различное социальное положение и принадлежащих к различным социальным группам, а второй, наоборот, усиливает ингрупповые идентичности и ограничивает социальные взаимодействия кругом хорошо знакомых лиц. Настоящая работа посвящена анализу социального капитала первого типа на постсоветском пространстве.

В качестве источника данных выбран 2-й раунд исследования «Life in Transition» (далее — LiTS), проведенный в 2010 г. Он включает 35 стран, средний размер выборки составляет 1110 человек. По сравнению с такими кросс-культурными проектами, как World Values Survey* и European Social Survey**, LiTS имеет наибольший охват постсоветских государств. Следуя определению социального капитала, предложенному Патнемом,

* Официальный сайт <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

** Официальный сайт <http://www.europeansocialsurvey.org/>

мы используем следующие показатели: 1. генерализованное доверие; 2. просоциальные установки; 3. гражданская активность.

Генерализованное, или неспецифическое доверие, отражающее отношение к максимально широкому кругу людей, измеряются с помощью двух показателей: вопроса о доверии людям, которых респондент встречает впервые, и так называемого вопроса о «бумажнике». Он звучит следующим образом: «Представьте, что Вы потеряли бумажник, в котором указан Ваш адрес, и кто-то, проживающий по соседству, нашел его. Насколько вероятно, что бумажник вернут со всем его содержимым?». Для описания используется доля респондентов, указавших, что они частично или полностью доверяют незнакомым, и доля респондентов, указавших, что бумажник точно или скорее всего вернут владельцу.

Для измерения просоциальных установок используется блок вопросов, направленных на оценку таких действий, как:

1. Оплата наличными без выдачи чека с целью уклонения от налогов.
2. Продажа товаров с рук без упоминания их дефектов.
3. Требование завышенного страхового возмещения.
4. Просьба со стороны должностного лица об одолжении или подарке в обмен на свои услуги.
5. Покупка университетского диплома.
6. Невозврат денег, случайно выплаченных работодателем.

Все вопросы имеют четырехбалльную шкалу, однако в данном случае мы учитываем только людей, обозначивших эти поступки как «очень плохие», а не просто «плохие». Такой подход позволяет несколько компенсировать эффект социальной желательности, возникающий при ответе на вопросы о социально неодобряемом поведении.

В качестве характеристики гражданской активности рассматривается формальное членство в 6 типах некоммерческих организаций (спортивные и досуговые организации, культурные или образовательные организации, профессиональные ассоциации, гуманитарные и благотворительные организации, молодежные ассоциации, организации по защите окружающей среды), а также подписание петиций, относящиеся к прямым формам участия.

Все страны, участвовавшие во второй волне LiTS, были разделены на несколько групп:

1. Бывшие союзные республики СССР: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Эстония.
2. Посткоммунистические страны: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Косово, Македония, Монголия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия.

3. Средиземноморские страны: Италия и Турция.
4. Развитые европейские страны: Великобритания, Германия, Франция, Швеция.
5. Несмотря на то, что данная работа фокусируется на постсоветском пространстве, в анализ также включаются и европейские страны, которые характеризуются более высоким уровнем социального капитала [3] и будут служить основой для сравнения.

Результаты представлены в табл. 1—4. Самый высокий уровень доверия зафиксирован в развитых европейских странах, где доля доверяющих незнакомым достигает 35 %. В странах советского лагеря, бывших республиках СССР и средиземноморье этот уровень ниже и составляет 21 % (табл. 1). Удельный вес опрошенных, указавших на возможность возврата кошелька, во всех регионах выше, чем удельный вес доверяющих незнакомым. В средиземноморских странах и на постсоветском пространстве эта разница составляет около 10 %, в европейских государствах она достигает 21 %. Исключением из общего тренда является бывший Советский Союз, где эти показатели практически равны друг другу (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос о доверии незнакомым и о вероятности возврата бумажника (в % по каждой группе стран)

	Полное или частичное доверие	Высокая или скорее высокая вероятность
Страны бывшего СССР	20.5	23.7
Посткоммунистические страны	20.7	32.9
Средиземноморские страны	20.5	31.2
Развитые европейские страны	35.2	56.3

Обращаясь к установкам в отношении различных форм оппортунистического поведения, необходимо отметить, что наиболее негативно оценивается требование подарков со стороны должностного лица и покупка диплома о высшем образовании. Однако число респондентов, описавших такие действия как «очень плохие», довольно сильно варьируется по рассматриваемым группам. Меньше всего осуждают их в странах бывшего СССР (45 % и 55 %). Чуть выше это число в посткоммунистических государствах (53 % и 63 %) и средиземноморье (57 % и 60 %). В Европе доля людей, критически настроенных в отношении подобных действий, составляет уже 70 % и 79 % соответственно.

Та же тенденция характерна и в отношении продажи товаров с рук без упоминания дефектов и запроса повышенного страхового возмещения. Самыми критичными оказались европейские страны: 43 % и 45 % соответственно. Самыми лояльными, как и ожидалось, стали респонденты, проживающие на постсоветском пространстве.

В отличие от рассмотренных выше, вопросы об оплате наличными с целью уклонения от налогов и невозврате переплаты, начисленной работодателем, рисуют несколько иную картину. Такие поступки считаются более серьезным нарушением в Италии и Турции. Расхождения в оценках европейцев и жителей постсоветского пространства практически не выражены (табл. 2).

Таблица 2. Доля людей, оценивших действия как «очень плохие» (в % по каждой группе стран)

	Оплата наличными, чтобы избежать налогов	Продажа товаров без указания дефектов	Запрос повышенного страхового возмещения	Требование подарков в обмен на услуги	Покупка диплома об университетском образовании	Невозврат денег, случайно выплаченных работодателем
Страны бывшего СССР	21.0	32.5	25.5	44.4	54.9	29.4
Посткоммунистические страны	23.6	36.9	28.1	52.5	62.6	35.5
Средиземноморские страны	31.9	39.4	36.0	56.8	60.2	43.7
Развитые европейские страны	20.6	43.3	45.1	70.4	78.5	34.4

Доля людей, являющихся членами некоммерческих организаций, больше всего в странах Европы. При этом самыми распространенными можно считать спортивные и досуговые организации (32 %), гуманитарные и благотворительные фонды (21 %), а также культурные и образовательные организации (18 %). Значимых различий в уровне гражданской активности между тремя остальными группами стран не обнаружено, но при этом все они довольно сильно уступают европейскому региону (табл. 3).

Таблица 3. **Членство в гражданских ассоциациях**
(в % по каждой группе стран)

	Спортивные и досуговые организации	Культурные или образовательные организации	Организации по защите окружающей среды	Профессиональные ассоциации	Гуманитарные и благотворительные организации	Молодежные ассоциации
Страны бывшего СССР	4.2	3.3	1.7	3.2	2.4	2.7
Посткоммунистические страны	8.1	4.7	2.7	4.9	4.7	3.6
Средиземноморские страны	6.3	3.8	2.7	4.3	6.1	1.9
Развитые европейские страны	31.9	17.6	8.3	15.5	21.1	5.6

Наиболее высокий процент респондентов, имеющих опыт подписи петиций, — в развитых европейских странах (около 53%). Наиболее низкий — в республиках бывшего СССР. При этом разрыв между этими регионами огромен и достигает 48%. В странах советского лагеря и Средиземноморье ситуация несколько лучше — доля людей, подписавших петицию или петиции, составляет 17—19%. Однако постсоветские страны имеют большой потенциал для улучшения. Так, 41% участников опроса указали, что они оценивают практику подписи петиций как гипотетически возможное действие, в Италии и Турции таких людей оказалось на 12% меньше (табл. 4).

Таблица 4. **Практики подписи петиций** (в % по каждой группе стран)

	Подписывал петицию	Мог бы подписать петицию	Никогда не стал бы подписывать петицию
Страны бывшего СССР	4.5	23.1	72.4
Посткоммунистические страны	17.4	41.2	41.4
Средиземноморские страны	19.6	28.8	51.5
Развитые европейские страны	52.6	31.8	15.5

Таким образом, анализ показал, что в странах постсоветского пространства в меньшей степени мобилизуются ресурсы социального капитала по сравнению с развитыми европейскими странами, характеризующимися относительно высокими показателями генерализованного доверия, просоциальных установок и гражданской активности. Эти результаты анализа согласуются с выводами предшествующих исследований [4, 5, 6], где низкие показатели социального капитала объяснялись тем, что в условиях репрессивного политического режима властями предпринимались попытки разрушить межличностное доверие, которое, в свою очередь, могло послужить основой для формирования оппозиции. Кроме того, низкая гражданская активность может обуславливаться тем, что граждане посткоммунистических стран были склонны уравнивать некоммерческие организации и государство как таковое. Близкими к странам постсоветского пространства оказались средиземноморские Италия и Турция. В свою очередь, на постсоветском пространстве выделяются две группы стран со своим паттерном поведения: по сравнению со странами бывшего СССР, вторая группа посткоммунистических государств обладает более высоким потенциалом роста гражданской активности и менее лояльным отношением к различным проявлениям оппортунистического поведения.

Список литературы

1. *Portes A.* Social Capital : Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology.* 1998. Vol. 24. № 1. P. 1—24.
2. *Putnam R. D.* Bowling Alone : The Collapse and Revival of American Community. Simon and Schuster, 2001. 550 p.
3. *Delhey J., Newton K.* Predicting Cross-National Levels of Social Trust : Global Pattern or Nordic Exceptionalism? // *European Sociological Review.* 2005. Vol. 21. № 4. P. 311—327.
4. *Баумане-Виталиня И., Вилка И., Ковалевская В.* Положительные и отрицательные стороны социального капитала: примеры постсоветских стран. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/data/2014/10/16/1099368235/001%20Polozhiteljniye%20i%20otricateljniye%20storoni%20socialjnogo%20kapitala.pdf>.
5. *Boenisch P., Schneider L.* The social capital legacy of communism-results from the Berlin Wall experiment // *European Journal of Political Economy.* 2013. № 32. P. 391—411.
6. *Paldam M., Svendsen G.* Missing social capital and the transition in Eastern Europe // *Journal for Institutional Innovation, Development and Transition.* 2001. N 5. P. 21—33.

Благодарность

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-36-00372 «Формальный, неформальный и семейный социальный капитал: кросс-культурный анализ с использованием иерархического регрессионного моделирования».

Информация об авторах

Алмакаева Анна Михайловна, к. с. н., ст. преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации Департамента социологии Факультета социальных наук, с. н. с. Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия, aalmaakaeva@hse.ru

Сальникова Дарья Вячеславовна, преподаватель кафедры высшей математики, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия, dsalnikova@hse.ru

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Г. А. Бякирова

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Переход к рыночным отношениям и рыночным ценностям в обществе, распространение безработицы изменили содержание волонтерской деятельности и ее функции, по сравнению советским периодом. Мы рассматриваем подходы к исследованию волонтерства как формы трудовой занятости и развития индивидуальной активности и социальной ответственности молодежи, способствующей приобретению общественных и трудовых навыков, а также навыков оказания социальной поддержки нуждающимся.

Ключевые слова: молодежь, волонтерство, рыночная экономика

Волонтерство в масштабах отдельных стран и на международном уровне уже давно стало значимым феноменом. По данным исследований, 12% взрослого населения 37 стран заняты полный рабочий день как добровольцы. В нашей стране, по данным неправительственных источников, в добровольческой деятельности участвуют около 1,5—5% работоспособного населения страны.

Волонтерский труд является важным ресурсом для различных организаций. С одной стороны, он позволяет реализовывать общественно полезные инициативы, с другой — это часть экономики общественного сектора. «Волонтерят» люди самых разных возрастов, социальных групп и профессий, но особенно активными добровольцами выступает студенческая молодежь.

К настоящему времени понятие «волонтер» не несет четкой смысловой нагрузки и ассоциируется преимущественно с безвозмездной помощью нуждающимся. Однако в современных социальных и экономических условиях развития российского общества формами компенсации за затрачиваемые волонтерами на общественных началах усилия могут выступать нематериальные ресурсы: приобретение опыта коллективного труда, развития социальных связей, социализации и удовлетворенности собственным вкладом в общее дело.

Этот начальный социальный опыт и приобретаемые молодежью организаторские и коммуникативные навыки постепенно конвертируются в социальные и экономические активы, которые особенно необходимы молодежи для ее ускоренной социальной адаптации к противоречивым

общественным условиям. Это актуализирует исследование социальной роли волонтерства в жизни молодежи, развития ее новых трудовых навыков коллективистского труда во имя общей социально-гуманистической цели, а также как формы совмещения неоплачиваемого труда и продуктивной формы компенсации бесплатного труда в форме приобретения, развития нематериальных ресурсов, которые можно конвертировать в экономические активы в ближайшем будущем.

Предлагается выделить следующие подходы к исследованию волонтерства:

- 1) вида общественной практики;
- 2) социальной активности личности;
- 3) развития социальной ответственности;
- 4) вида трудовой занятости на основах гуманизма и альтруизма, т.е. безвозмездного труда во благо нуждающихся в поддержке.

В анализе подходов к определению волонтерства через профессиональную деятельность и деятельность, осуществляемую в свободное время, объединяющим началом выступает реализация трудовой функции. Волонтерство как форма трудовой занятости и развития индивидуальной активности и социальной ответственности молодежи способствует приобретению общественных и трудовых навыков, а также навыков оказания социальной поддержки нуждающимся.

Список литературы

1. *Институт волонтерства: теоретические и практические аспекты организации в Российской Федерации* : моногр. / Г. М. Романова и др. ; под общ. ред. М. А. Мазниченко. Сочи : РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2013. С. 23—99.
2. *Ромм Т. А.* Воспитание. Волонтерство. Молодежь. Новосибирск : Изд-во Сибирского отд-ния РАН, 2015.
3. *Бодренкова Г. П.* Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике : учеб.-метод. пособие. М. : АНО «СПО СОТИС», 2013.
4. *Трохина А. В.* Занятость волонтеров в России: формирование и регулирование : автореф. дисс. ... к. экон. наук. Москва, 2012.
5. *Формирование социальной компетенции подростков посредством волонтерской деятельности* : колл. монография / Е. В. Ковалева, И. М. Яковенко, У. П. Кретова, Н. В. Ильина ; под общ. ред. И. М. Яковенко ; КамГУ им. Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2014.

Информация об авторе

Бякирова Гельшат Азыгатовна, студент факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

О. В. Волченко, А. М. Алмакаева

НИУ «Высшая школа экономики», Москва–Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается динамика показателей гражданской активности и генерализованного доверия в Российской Федерации на протяжении последних 20 лет; определяется возможный потенциал для накопления социального капитала общества, т. е. норм, доверия и гражданской активности, способствующих консолидации общества и производству коллективных благ. В данной работе используются данные тех волн исследований World Values Survey и European Values Study, в которых Россия принимала участие с 1990 по 2011 гг.

Ключевые слова: социальный капитал, гражданская активность, генерализованное доверие

В последние десятилетия интерес к проблематике социального капитала неуклонно растет. Считается, что государства им «богатые» имеют больший потенциал для развития и более высокое качество жизни. Как отмечает А. Портес, социальный капитал превратился в своеобразную «панацею» от всех общественных недугов [1]. В то же время, в литературе наблюдается некоторая путаница, связанная с этим концептом. Для сохранения ясности следует отличать социальный капитал личности, понимаемый как совокупность связей и ресурсов, которыми индивид может распоряжаться для достижения своих целей (Бурдые), и социальный капитал общества, который выражается в нормах, доверии и гражданской активности, способствующих консолидации общества и производству коллективных благ (Патнем).

Многочисленные исследования демонстрируют, что Россия — страна, где доминирует первый тип социального капитала и слабо развит второй [2—4]. Действительно, Россия довольно сильно отстает практически по показателям гражданской активности и генерализованного доверия от скандинавских стран.

Цель данной работы — рассмотреть динамику данных показателей в Российской Федерации на протяжении последних 20 лет и определить возможный потенциал для накопления социального капитала второго типа. Для реализации этой цели использованы данные Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS) и Европейского исследования ценностей (European Values Study, EVS). Россия принимала участие в 3—6 волнах WVS (1990, 1995, 2006 и 2011 гг.) и 3—4 волнах

EVS (1999 и 2008 гг. соответственно). В 1990 г. Россия была представлена городом Тамбовом.

На рис. 1 показана динамика уровня генерализованного доверия. В рамках данного исследования оно измеряется при помощи вопроса: «В целом, большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными в отношениях с людьми?». Этот вопрос неоднократно вызывал сомнения относительно его способности измерять генерализованное, а не специфическое доверие (т. е. доверие более узкому кругу людей) [5, 6]. Однако, к сожалению, это единственный показатель, доступный с 1990 г. Более совершенный способ измерения генерализованного доверия — вопрос о доверии незнакомым людям — появился в WVS лишь в 5-й волне. Наиболее резкое падение уровня доверия произошло в период с 1990 по 1995 гг. (с 37 до 24 %), характеризовавшийся резкими социальными трансформациями. Затем уровень доверия восстанавливался достаточно медленно, достигнув пика в 2008 г. (30 % опрошенных ответили, что большинству людей можно доверять).

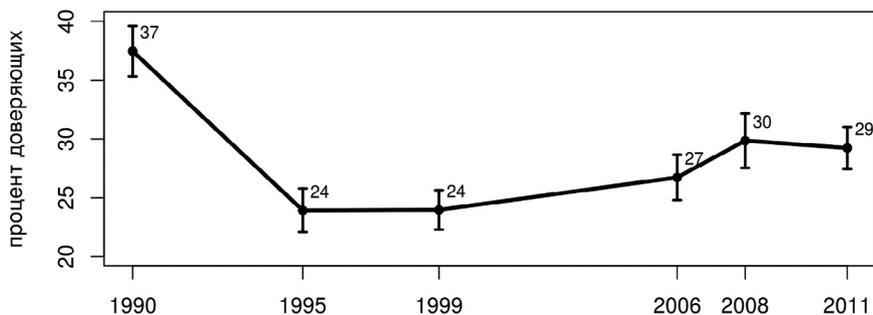

Рисунок 1. Динамика уровня доверия, %

Другим индикатором уровня социального капитала является распространенность в обществе т. н. просоциальных установок.

Их показателями в WVS и EVS выступают ответы на серию вопросов, измеряющих возможность оправдания следующих практик:

1. Использование служебного положения для получения взятки.
2. Неуплата налогов при возникновении такой возможности.
3. Проезд в общественном транспорте без оплаты.
4. Получение государственных пособий, на которые у человека нет права.

По сравнению с генерализованным доверием и гражданской активностью, эти показатели значительно реже попадают в поле зрения исследователей, хотя и служат важными характеристиками готовности

индивида придерживаться поведения, как минимум, не наносящего вред обществу. На рис. 2 отражен процент людей, ответивших, что соответствующие практики «никогда не могут быть оправданы». Данный график позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, на протяжении всего рассматриваемого периода наиболее серьезным проступком считалось использование служебного положения для получения взятки, наименее серьезным — проезд в общественном транспорте без оплаты. Во-вторых, для всех рассматриваемых показателей характерен нисходящий тренд — население России со временем становится лояльнее к нарушениям указанных норм. Так, в период с 1990 по 2011 гг. доля респондентов, не одобряющих взятки, получение государственных пособий и проезд в общественном транспорте сократилась более чем на 20% (с 85 до 63%, с 65 до 42%, с 52 до 30% соответственно). Менее резким является спад для такого правонарушения, как неуплата налогов — с 53 до 44%.

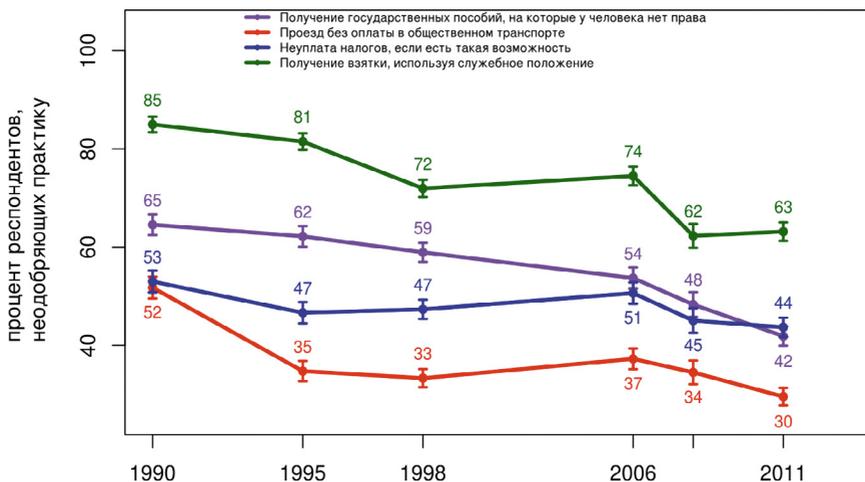

Рисунок 2. Динамика распространности просоциальных установок, %

В качестве индикаторов включенности респондента в гражданскую активность используется членство в некоммерческих организациях и участие в подписании петиций. Для обеспечения сравнимости между различными временными периодами используются членство в таких организациях, как:

- спортивные или досуговые организации;
- организации, связанные с культурой, образованием и искусством;
- экологические организации;
- профессиональные организации.

Из рис. 3 следует, что доля опрошенных, состоящих в указанных организациях, оставалась довольно стабильной (2—6%) на протяжении 20 лет. Единственное исключение составляет небольшой подъем, приходящийся на 2006 г. При этом наиболее популярными были спортивные и культурные организации, а наименее — экологические организации. На рис. 4 отражена доля людей, состоящих в какой-либо одной организации, и среднее число организаций, приходящихся на одного человека. Эти показатели также демонстрируют довольно стабильный тренд. В 1990 г. примерно 11% опрошенных состояли в какой-либо организации, на 10 человек приходился лишь 1 участник. В 2011 г. эти показатели практически не изменились.

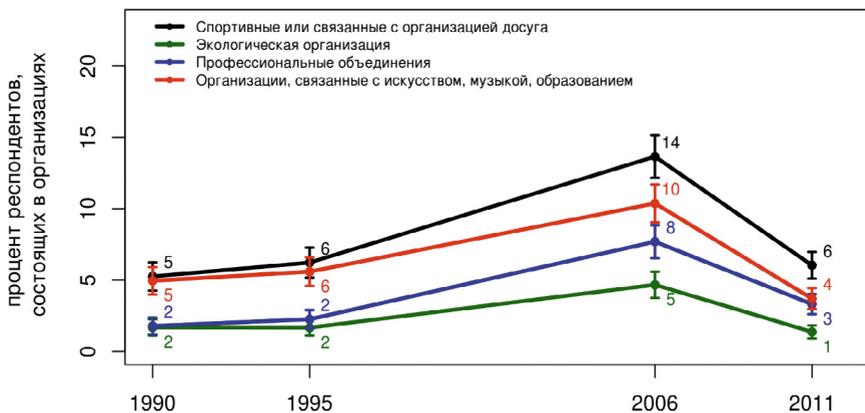

Рисунок 3. Членство в различных организациях, %

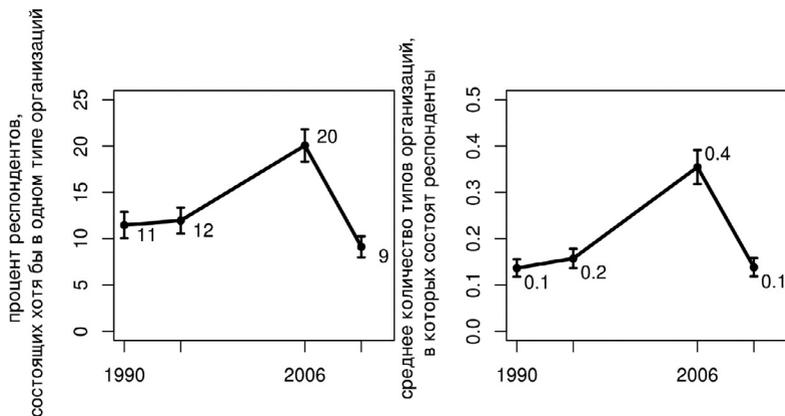

Рисунок 4. Общий уровень членства в организациях, %

Для оценки такого вида активности, как подписания петиций, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Участвовали ли Вы когда-нибудь в таком мероприятии, могли бы участвовать или ни при каких обстоятельствах не стали бы участвовать в нем?». На рис. 5 представлена динамика доли респондентов, ответивших «да» и «мог бы». По данным WVS и EVS, наблюдается уменьшение как процента людей, подписывавших петиции, так и тех, кто допускает для себя такую возможность в будущем. Если в 1990 г. 30% опрошенных подтвердили факт подписания каких-либо петиций, то в 1995 г. этот показатель упал до 11%. Удельный вес потенциально готовых к такого рода действиям снизился с 44% в 1990 г. до 24% в 2011 г.

Рисунок 5. Динамика доли респондентов, подписывавших петиции, и тех, кто мог бы подписать, %

Из всего описанного выше можно сделать ряд выводов. Во-первых, формальное членство в некоммерческих организациях остается на довольно низком уровне, но не демонстрирует негативной тенденции. Во-вторых, по сравнению с 1990 г. в 2011 г. уровень доверия, готовности к подписанию петиций и оправдания различных типов отклоняющегося поведения был ниже. В-третьих, установки по отношению к различным типам социально не одобряемого поведения становятся все более и более лояльными.

Список литературы

1. Portes A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. N 1. P. 1—24.
2. Соболева И. В. Деформации социального капитала и перспективы их преодоления // *Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие*. Научные и публицистические заметки обществоведов. Москва, 2010. P. 371—398.

3. *Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В. и др.* Доверие как элемент социального капитала современной России (компаративистский анализ) // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Vol. 19. № 2. P. 78—97.
4. *Рукавишников В. О.* Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. P. 17—25.
5. *Delhey J., Newton K., Welzel C.* How General Is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem // American Sociological Review. 2011. Vol. 76. N 5. P. 786—807.
6. *Sturgis P., Smith P.* Assessing the Validity of Generalized Trust Questions: What Kind of Trust are we Measuring? // International Journal of Public Opinion Research. 2010. Vol. 22. N 1. P. 74—92.

Благодарность

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-36-00372 «Формальный, неформальный и семейный социальный капитал: кросс-культурный анализ с использованием иерархического регрессионного моделирования».

Информация об авторах

Волченко Олеся Викторовна, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, аспирант Департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия, ovolchenko@hse.ru

Алмакаева Анна Михайловна, к. с. н., ст. преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации Департамента социологии Факультета социальных наук, с. н.с. Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия, aalmakaeva@hse.ru

ПОДОТЧЕТНОСТЬ КАК СОВРЕМЕННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Л. Т. Волчкова, Г. А. Меньшикова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Внедрение демократических принципов в систему государственного управления предполагает нацеленность власти на реализацию интересов населения. Это возможно при условии развитости института социального контроля, подотчетности власти. Исследователями выделяются 3 типа политической подотчетности: горизонтальная (межинституциональная), вертикальная (перед избирателями) и диагональная (между органами власти и управления). Для ее реализации необходимы определенные базовые условия. Для избирательной — хотя бы минимальная политическая конкуренция, включая наличие многопартийной системы и оппозиции в парламенте; для межинституциональной и диагональной — развитое поле оценочных посреднических независимых фирм, включая государственные и независимые, а также система аудита.

Ключевые слова: демократия, государственное управление, социальный контроль

Как известно, центральным проявлением прогресса в развитии национальной системы управления (государств) является глубина внедрения в них демократических принципов, что предполагает нацеленность власти на реализацию интересов населения. Противостояние демократии и абсолютизма власти — основной конфликт, в преодолении которого воплощается развитие системы государственного управления.

Учитывая существенные различия в обществах на разных этапах истории и в рамках различных культурных традиций, проявление демократических принципов осуществлялось по-разному, что предопределялось «вложенностью» системы в экономические, социальные и прочие факторы.

Так, на ранних этапах (древнегреческая и древнеримская демократия) она реализовывалась через право/обязанность прямого участия в принятии решения, присутствия на народных собраниях (вече) или органах народного управления (трибах в Древнем Риме). Высочайший уровень развития наук в Древней Греции предопределил понимание учеными (транслируемое ими как ценностные установки для населения) задач и возможностей, стоящих перед властью и органами управления.

Прямое участие населения в управлении страной не могло просуществовать долго как по техническим, так и по социальным причинам.

Невозможно найти помещение, которое вместило бы жителей даже небольших по размеру государств, а дифференциация населения по объему богатств, находившихся в их распоряжении, не могла не противостоять принципу равенства в управлении обществом. На смену первобытной демократии пришла монархия, что было вполне объяснимым, поскольку сдерживало борьбу потенциальных претендентов на власть, часто реализуемую в форме войн или вооруженных противостояний.

При этом проявления демократии сохранялись (могли сохраняться) на низовом уровне — при управлении общинами (в том числе церковными). Вече (на Руси) и народные собрания в Скандинавии как формы организации местного самоуправления просуществовали до 6—10 вв. Здесь не только принимали важнейшие решения, но также избирали главу и его ближайших помощников, что впоследствии для северных стран переросло в выборы Парламента. Сам факт открытых выборов князя (первого лица) способствовал социальной направленности его политической деятельности.

Восстановление демократии на макроуровне началось через формирование институтов сначала помощников Правителя, потом постоянных консультантов, а еще позднее Парламента. Роль Парламента, развитие практик выбора депутатов: сначала от сословий, потом по территориям, далее с помощью партийной системы описана в исторической (Э. Хобсбаум, Ф. Моро, Б. Беджгот, Л. Штейн, И. Бенгам и др.) и социологической (П. Бурдьё М. Дюверже, Г. М. Роберт, Р. К. Горгес и др.) литературе.

Уже в этих работах появляются идеи несовершенства Парламента как социального института, делаются попытки показать реальные практики и процедуры взаимодействия ветвей власти, властных структур и населения, ставится вопрос и описывается становление системы социального контроля Правительства. В них называются недостатки республиканской формы правления: формальный характер разделения властей, определенная неустойчивость системы вследствие ее зависимости от настроений избирателей, бюрократизация (интенции к закрытости) органов власти и др.

На передний план демократических преобразований выходит институт социального контроля или Accountability (подотчетности). Вообще, нельзя сказать, что английская и русская версии понимания слова совпадают. В термин Accountability вкладывается более широкое содержание, оно ближе к контролю, чем к просто отчетности, хотя включает и ее. Английский политолог Джон Кин интерпретирует демократию как «трудный и расширяющийся процесс распределения подотчетной власти между многочисленными публичными сферами, которые существуют внутри институционально различных областей гражданского обще-

ства и государства, а также области их взаимодействия» [1]. Именно в возможности публичного обсуждения власти (разными агентами системы) видится ученому базовый принцип современного проявления демократии.

В основе понимания подотчетности лежит агентская теория, устанавливающая прямую обязанность отчитываться за свои действия субъекту, которому другой субъект — собственник имущества (принципал) — его передал. Эта теория разрабатывается с 30-х гг. XX в. Г. Минза и А. Берли [2], но ее распространение на сферу государственных отношений началось в 1960-е гг. [3]. Другим теоретическим источником можно считать теорию клиентских отношений, в которой население выступает клиентом, а государство — патроном, ответственным за качество обслуживания и удовлетворенность клиента, приверженцами которой были Ш. Айзенштадт и Л. Ронигер [4].

Теории и практика (механизм) подотчетности достаточно хорошо исследованы в зарубежной, но не российской науке. Так, в ней выявлены два подхода к определению понятия: узкий и широкий (узкий — взаимоотношения между проверяемой и проверяющей системой; широкий — вся система социального управления, предполагающая учет и контроль, включая самооценку). Исследователями выделены две его формы: экономическая и политическая. Ученые обозначили 3 типа политической подотчетности: горизонтальная (межинституциональная), вертикальная (перед избирателями) и диагональная (между органами власти и управления).

Для реализации подотчетности необходимы определенные базовые условия. Для избирательной ответственности должна существовать хотя бы минимальная политическая конкуренция, включая наличие многопартийной системы и оппозиции в парламенте. Для межинституциональной и диагональной — развитое поле оценочных посреднических независимых фирм, включая государственные и независимые, а также институт проверок, система аудита, подтверждающие правильность (объективность) предоставленной информации.

Формами подотчетности в широком смысле могут быть: а) отчеты перед избирателями, б) регулятивные взаимодействия между сферами управления, включая гражданское общество, политическую систему (табл. 1).

Сравнение требований, зафиксированное в законах разных стран, отражено в докладах ОЭСР [5] и МБ [7]. Введение обязательного требования включения текстов отчетов в сайты органов власти и управления РФ станет подтверждением принципов демократии в стране. Доступность этих отчетов подтверждена примерами из табл. 1.

Таблица 1. Примеры форм правительственной отчетности

	Название документа	URL документа
Отчет правительства	Australian Government. Department of Prime Minister and Cabinet. Annual Report 2014—15 U. S. General Services Administration Summary of Performance and Financial Information Cabinet Office annual report and accounts 2014—15	https://www.dpmc.gov.au/sites/default/files/publications/DPMC_AR_2014—15_0.pdf www.gsa.gov/afr2014 www.gov.uk/government/publications
Отчет президента	Economic Reports of President B. Obama (2010—2015) Financial Report of British Monarchy	https://www.whitehouse.gov/administration/eop/cea/economic-report-of-the-President http://www.royal.gov.uk/TheRoyalHousehold/RoyalFinances/AnnualFinancialReports/Annualfinancialreports.aspx
Отчетность министерств	Annual report and accounts of UK statistics Authority (2014—2015) Australian Government Taxation Office Annual Report 2014—15 Annual report to Congress. Military and Security Developments involving the People's Republic of China	https://www.ato.gov.au/About-ATO/Access,—accountability-and-reporting/Reporting-to-parliament/Annual-report/ http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2015_China_Military_Power_Report.pdf
Отчетность чиновников	Социальная отчетность о проделанной работе и достигнутых результатах, сопровождаемая юридической (персональной) ответственностью как за итоги работы, так и за свою компетентность. Финансовая — предполагает обязательность и публичность налоговых деклараций чиновников («Нормы этического поведения госслужащих исполнительной власти», 1993, США)	

Список литературы

1. Кин Д. Демократия и гражданское общество. М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 24.
2. Means G., Berle A. The Modern Corporation and Private Property, 1932.

3. *Runes D. Despotism: a pictorial History of Tyranny.* 1962. P. 293.
4. *Eisenstadt S. N., Roniger L. Patron-Client Relations as a Model of Structural Social Exchange, Comparative Studies in Society and History.* 1980. Vol. 22. № 1.
5. *Asset Declaration for Public Officials. A Tool to Prevent Corruption.* OECD, 2011.
6. *Декларирование чиновниками сведений о доходах, имуществе и основных расходах: зарубежный опыт и российская практика [Электронный ресурс].* URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depgosregulirineconomy/doc201111209_018.
7. *Всемирный банк [Электронный ресурс].* URL: <http://star.worldbank.org/star/sites/star/files/Public%20Office%20Private%20Interests.pdf>.

Информация об авторе

Волчкова Людмила Тимофеевна д. с. н., профессор факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, Volchkova-ludm@yandex.ru

Меньшикова Галина Александровна, к. э. н., доцент факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, Menshikova.g.a@mail.ru

РОЛЬ СОЦИОЛОГА В «ВЫЗРЕВАНИИ» ГРАЖДАНИНА И ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В. В. Ганин

Академия народной дипломатии, Москва, Россия

Аннотация. Современная Россия провозглашена демократическим правовым государством, однако действительность не дает основания считать ее таковой в полной мере, прежде всего, по причине неразвитости гражданского общества. В исследованиях современных социологов вопросы функционирования гражданского общества стоят на одном из первых мест по значимости, и это существенно для активизации сотрудничества государства и общества, а также формирования политической культуры граждан.

Ключевые слова: гражданское общество, политическая культура, демократия, социология

Идея гражданского общества довольно широко распространена в современном мире. Во многих странах она используется даже в официальных доктринах и законодательных актах.

Термин «Гражданское общество» впервые появился в 1820 г. в работе Г. В. Гегеля «Философия права», сегодня он употребляется в нескольких значениях.

С точки зрения теории конституционного права — это совокупность не опосредованных государством отношений между людьми. Основными элементами такого общества являются: разнообразие и равенство форм собственности, свобода труда, идеологическое многообразие и свобода информации, незыблемость прав и свобод человека, развитое самоуправление, цивилизованная правовая власть.

С точки зрения теории управления — это разветвленная система независимых от государства общественных институтов, реализующих повседневные индивидуальные и коллективные потребности.

Гражданское общество является высшей формой самореализации индивидов. Оно вызревает по мере экономического, политического развития страны, роста благосостояния, культуры и самосознания народа. Обязательным условием возникновения гражданского общества является появление возможности у всех граждан экономической самостоятельности на базе частной собственности. Важнейшей предпосылкой формирования гражданского общества служит ликвидация сословных привилегий и возрастание значения личности, человека, который превращается из подданного в равноправного гражданина.

Гражданское общество и государство представляют собой социальные универсалии, идеальные типы, отражающие различные стороны и состояния жизни общества.

Гражданское общество предстает в виде социального, экономического, культурного пространства, в котором взаимодействуют свободные индивиды, реализующие частные интересы и делающие индивидуальный выбор. Напротив, государство — это пространство тотально регламентированных взаимоотношений политически организованных субъектов: государственных структур и примыкающих к ним политических партий, групп давления и т. д.

Там, где сформировалось сильное гражданское общество, роль государства сводится к минимуму. К сожалению, опыт показывает, что активность гражданского общества обнаруживается лишь тогда, когда власть пытается в чем-то ущемить права граждан.

Обратившись к истории человечества, мы видим, что власть всегда пыталась подавить человека, и процесс наступления власти на права людей никогда не останавливался. А так как в руках государства сосредоточена большая власть, то оно с помощью чиновников, армии, полиции, суда легко могла подавлять интересы социальных групп, классов и целого народа. Там, где структуры гражданского общества слабы или вовсе отсутствуют, власть доминирует; государство поглощает общество, происходит огосударствление его сфер, осуществляется тотальный контроль над личностью. Так было, например, в СССР, где государство подчинило себе общественную собственность и лишило гражданское общество его экономической основы. При этом следует отметить, что СССР брал на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности. Государство провозглашало принцип социального равенства, правда, в обмен на отказ от свободы волеизъявления, государство «предоставляло» гражданам права, при этом определяя объем последних и соответствующие обязанности. В СССР были бесплатными образование и медицина, всем гарантировалась работа и пенсии, предоставлялось бесплатное жилье. Такая политика государства породила у части общества пассивно-потребительские настроения.

Развал СССР поставил людей в положение необходимости личного принятия решений и личного выживания, когда государственные подпорки рухнули.

Современная Россия провозглашена (статья 1 Конституции РФ) демократическим правовым государством, т. е. государством с развитым гражданским обществом. Однако действительность не дает основания считать Россию в полной мере правовым государством, прежде всего по причине неразвитости гражданского общества.

Социальная пассивность, боязнь защищать даже самого себя, неверие в возможность влияния на власть, потребительские настроения — вот характерные черты значительной части населения страны. Сегодня лишь 12% россиян считают, что российское общество устроено более-менее справедливо; 79% россиян ни во что не верят; 80% считают, что люди слишком много говорят и мало работают; 60% поражены правовым нигилизмом [1,2].

Проведенные нами в Крыму социологические обследования показали, что народу не нужны ни крутые политические повороты с сенсационными разоблачениями, ни «борцы с привилегиями». В РФ должна быть сильная, компетентная, ответственная власть. И должно быть развитое гражданское общество, которое способно своевременно и грамотно оценивать действия власти, влиять на нее, а в случае необходимости и менять. Для этого нужен легитимный механизм. Но этого недостаточно. Необходимо повышать политическую культуру граждан.

Жизнь заставила капитализм во многом измениться, однако он остался капитализмом, его основное противоречие не утрачено. Это противоречие привело и к нынешнему кризису, в который оказалась втянутой и РФ. Для выхода из кризиса, для выживания и развития необходимо активизировать сотрудничество государства и гражданского общества.

Огромную роль в этих вопросах призваны сыграть социологи и, особенно, организованные сообщества социологов. В РФ в структуре Академии наук существуют Институт социально-политических исследований и Институт социологии, но для широкой аудитории больше известны такие организации, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «Левада-Центр» и Фонд «Общественное мнение». С 2010 г. в РФ под эгидой ВЦИОМ проходят Грушинские конференции — самые крупные ежегодные форумы социологов-прикладников. Проведенный нами анализ материалов конференций показывает, что от 44 до 91% всех докладов так или иначе связаны с проблематикой гражданского общества (табл. 1).

Таблица 1. Грушинские конференции

Конференция	Количество секций	Количество докладов	
		всего	в том числе по проблематике гражданского общества
I	6	92	65
II	4	76	69
III	12	186	161
IV	13	188	122
V	14	268	119

Это свидетельствует о том, что наши социологи в своих исследованиях ставят вопросы функционирования гражданского общества по значимости на одно из первых мест.

Исходя из принципа «кто осведомлен, тот вооружен» ВЦИОМ проводит исследования и публикует материалы по 9 обобщенным тематическим направлениям, в том числе по 7, непосредственно затрагивающим проблематику гражданского общества (табл. 2).

Таблица 2. *Исследования ВЦИОМ (по состоянию на 08.02.2016 г.)*

№ п/п	Тематика	Пресс-выпуски	Инфо-графика	Новости	Аналитика
1	Внутренняя политика	58	2	899	1157
2	Экономика	69	3	337	239
3	Религия, образ жизни, культура	107	29	139	189
4	СМИ	13	2	122	57
5	Регионы России	14	2	112	120
6	Внешняя политика: постсоветское пространство	7	1	87	101
7	Внешняя политика: дальнее зарубежье	28	4	182	101
8	Бизнес-рубрики	20	1	73	72
9	Социальные проблемы	88	22	409	465

Информационные материалы дают возможность оперативно отслеживать ситуацию с состоянием гражданского общества в стране, а аналитические — рассматривать закономерности и тенденции его развития. Все это в совокупности повышает уровень знаний граждан о социальной действительности и изменениях в ней, способствует «вызреванию» граждан, а, следовательно, их общественной активности, что и лежит в основе гражданского общества.

Список литературы

1. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3032. 05.02.2016.
2. ВЦИОМ. Данные всероссийского опроса населения [Электронный ресурс]. 14.04.2013. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=903&q_id=62817&date=14.04.2013

Информация об авторе

Ганин Владислав Валентинович, д. ист. н., профессор, Президент Академии народной дипломатии, Москва, Россия, diplomat_iod2011@mail.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ Г. ВОРОНЕЖА

А. Б. Довейко, Е. А. Дьяченко

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Аннотация. Проанализированы данные опросов, касавшихся участия российского населения в благотворительной деятельности. В целом такая деятельность оценивается позитивно, однако необходимо формирование социально ориентированного гражданского сознания как условия развития благотворительности. Благотворительным фондам рекомендуется проявлять больше активности и инициативы, налаживать партнерские отношения со СМИ.

Ключевые слова: благотворительная деятельность, гражданское сознание

Для развитых стран характерно широкое распространение благотворительных инициатив, которые уравнивают жесткие и даже в чем-то жестокие рыночные отношения. Если оглянуться на Запад, то там масштабы такой деятельности настолько широки, что принимают подобие «благотворительной индустрии» — целые сферы культуры, образования, социальные программы, фонды и т. п. существуют только или почти только на пожертвования граждан и корпораций.

В России это редкий вид деятельности, существующий на периферии общественного сознания. В мировом рейтинге благотворительности, составленном некоммерческой организацией «CAF Россия», по данным 2014 г., страна занимает лишь 126-е место из 153, на которые приходится 95% благотворительных пожертвований [1].

Согласно опросам ВЦИОМ, около 50% россиян никогда не участвовали в любой из форм благотворительной деятельности. Пользовались благотворительной помощью и вовсе немногие. Лишь 5% опрошенных россиян — более одного раза, 7% — единожды, а 85% не пользовались совсем [2].

Особенно актуальной эта проблема стала в наше время на фоне серьезного экономического кризиса, затронувшего ряд социальных программ, в том числе и благотворительность. В период экономического кризиса и политических изменений обостряются социальные проблемы, на «борьбу» или на помощь которым могут прийти благотворительные организации и благотворительность в целом.

Если в целом посмотреть на оценки благотворительной деятельности, то их можно разделить на два противоположных полюса: позитивные

и негативные. В своем исследовании мы акцентировали внимание на деятельности благотворительных организаций на трех уровнях: мировом, российском (федеральном) и региональном. Помимо выявления информированности об их деятельности, было важно выяснить и оценку этой деятельности в целом, поэтому мы попросили респондентов в целом оценить их деятельность. Для получения необходимых данных была использована шкала Лайкерта.

Что касается оценки деятельности благотворительных организаций населением, то можно сказать, что она достаточно высока среди тех, кто в курсе или хотя бы наслышан об их деятельности. Тем не менее, в каждом случае довольно высок процент тех, кто затруднился с оценкой: около трети от всех опрошенных, в оценках по каждому из трех предложенных видов благотворительных организаций. Среди тех, кто лучше оценили их, большинство — женщины, в то время как мужчины чаще затруднялись с оценкой.

Довольно важным является и категория доверия благотворительным организациям. Большинство скорее доверяют благотворительным организациям (38%), еще десятая часть (9,5%) полностью доверяют. Четверть (24%) в чем-то доверяют, в чем-то нет. Шестая часть затруднились ответить. 7% — скорее не доверяют и 2,5% полностью не доверяют благотворительным организациям.

Можно сказать, что с возрастом количество тех, кто более доверяет благотворительным организациям, растет. Если среди 15—24 летних больше всего тех, кто в чем-то доверяет, в чем-то нет, и их доля составляет 56%, то после 65 лет примерно столько же людей скорее доверяют благотворительным организациям. С ответом больше всего затруднялись респонденты от 25 до 55 лет, а легче всего сориентироваться было для молодежи. Если рассматривать данные в целом, то самые положительные оценки мы найдем в группе тех, кому от 35 до 44. Меньше всего доверительное отношение высказали 15—24-летние (26,5% положительных оценок в целом).

Больше всего доверяют благотворительным организациям малообеспеченные и среднеобеспеченные (52,7 и 52,9% соответственно). Больше всего респондентов, не доверяющих подобным организациям, среди обеспеченных (12,5% — не доверяют и 37,5% — доверяют). Можно отметить, что с ростом уровня образования растет и степень доверия благотворительным организациям. Респонденты с самым низким уровнем образования чаще всего либо затрудняются ответить, либо выбирают срединный вариант и говорят, что в чем-то доверяют, а в чем-то нет.

Помимо общей оценки благотворительной деятельности, было решено выяснить, почему некоторые люди считают, что благотворительная дея-

тельность приносит больше вреда, чем пользы? 15,5% считают, что это ослабляет инициативу у людей. На два процента больше (17,5%) полагают, что эта деятельность «замораживает», а не решает проблемы. Треть респондентов (34,5%) отметили увеличение количества «нахлебников», тех, кто хочет жить за счет других, в качестве причины отказа от занятий благотворительной деятельностью. 42% полагают, что за благотворительностью может скрываться «криминал». Благотворительные организации помогают только «своим», считают 7,5%.

Ситуация в Воронеже выглядит несколько лучше, чем в данных, приведенных ВЦИОМ. Больше половины опрошенных участвовали в благотворительной деятельности в течение последнего года. Среди всех тех, кто за последний год тем или иным образом участвовал в благотворительности 56% — это женщины.

Если рассматривать виды благотворительной деятельности в гендерном аспекте, то можно выделить «тройку» лидеров. Среди женщин, за последний год так или иначе принимавших участие в благотворительности, на первом месте стоит подача милостыни (62,5%), на втором — денежная помощь благотворительным организациям (59,4%) и на третьем — помощь церкви (45,3%). По ответам мужчин можно сказать, что они чаще всего передавали вещи, игрушки в детские дома, дома инвалидов (54,9%), подавали милостыню (52,9%) и переводили деньги различным фондам (41,2%).

62% опрошенных признают, что среди их друзей и знакомых есть люди, занимающиеся благотворительной деятельностью. При выявлении мотивации подобной деятельности 44% полагают, что одна из причин такой деятельности — желание быть полезным, помогать нуждающимся. Треть респондентов считают, что это правильная, необходимая деятельность. Пятая часть считают, что таким образом люди пытаются отплатить добром за добро. По мнению каждого десятого, люди занимаются благотворительностью ради собственного удовольствия, интересного времяпрепровождения. Благотворительностью подтверждают свой статус, положение в обществе (4%). В качестве причины 3% опрошенных приводят влияние общества, ожидания знакомых. 5% предполагают, что эта деятельность позволяет получить полезные навыки, новые знакомства. Таким образом, заметно, что на передний план выходят альтруистические позывы и представление благотворительности как полезной и необходимой деятельности.

Теперь же обратим внимание на причины, приводимые людьми разных возрастов. Пятая часть опрошенных считают, что у них, у их семьи много своих проблем (22%), не верят в то, что их помощь, действительно, дойдет до адресата, будет использоваться по назначению (21,5%). 14,5%

полагают, что благотворительность, меценатство — это удел богатых. Практически треть (28 %) верят в то, что государство должно помогать нуждающимся. 8 % опрошенных отметили вариант: «Каждый должен сам решать свои проблемы». Меньше всего людей выбрали вариант «Это выглядит, как «подачка» (1 %). При этом нельзя сказать, что на выбор ответа влияет возраст или пол респондента. Абсолютное большинство (91 %) никогда не получали благотворительной помощи, что практически идентично ситуации по стране в целом (93 %).

Несмотря на то, что благотворительная деятельность в целом оценивается позитивно, следует более «широко» распространять саму идею и ценность такой деятельности, необходимо формирование социально ориентированного гражданского сознания как условия развития благотворительности. Благотворительным фондам рекомендуется проявлять больше активности и инициативы, налаживать партнерские отношения со СМИ. Благотворительные организации должны уметь рассказывать о своей работе так, чтобы суть была доступна и понятна массовой аудитории.

Список литературы

1. *Доклад* о состоянии и развитии фондов в России [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://www.donorsforum.ru/materials/doklad-o-sostoyanii-i-razvitiifondov-v-rossii/>.
2. *Буксующая* благотворительность. Экзотика и причуда [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=4383/>.

Информация об авторах

Довейко Александр Борисович, к. с. н., доцент Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, alex07@vmail.ru

Дьяченко Е. А., Россия, lenadya4enko@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Т. В. Игнатова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Одной из актуальных проблем современного общества является низкая общественная активность молодежи, обусловленная политической апатией, общественной инфантильностью и мировоззренческим индифферентизмом. Данные исследований, проведенных кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС в феврале-марте 2015 г., свидетельствуют о том, что большинство молодежи Орловской области проявляет низкий интерес к участию в политической и общественной жизни в стране в целом, в регионе и муниципалитете.

Ключевые слова: молодежь, общественная активность, гражданское общество

Современный этап развития гражданского общества в России характеризуется наличием весьма широкого круга формальных возможностей для реализации человеком потенциала его гражданской активности, в том числе, общественного участия. Социально-политические трансформации последних десятилетий закрепили «право на жизнь» для самых разных институтов гражданского общества — разноплановых общественных объединений и организаций, партий в рамках практически любых (за исключением экстремистского толка) идеологических платформ, церкви, органов местного самоуправления и т. п. Другими словами, люди получили возможности для самореализации в самых разных сферах и областях жизни, для активной горизонтальной и вертикальной социальной мобильности. Однако востребованность у граждан имеющихся возможностей крайне низка, что подтверждается данными многих социологических исследований. В этом противоречии — между возможностями для самореализации и низким уровнем их востребованности — эксперты видят одно из главных противоречий современной общественной жизни в России. В связи с этим встают важные вопросы о том, преодолевает ли это противоречие новое поколение, формируется ли среди молодежи современное отношение к возможностям, предоставляемым им развивающимся гражданским обществом, становится ли общественное участие важной сферой жизнедеятельности, самореализации и социальной мобиль-

ности для молодежи или же она, как и старшее поколение, проходит мимо всех этих возможностей.

В исследовании «Социальная активность современной молодежи», проведенном исследовательской группой ЦИРКОН [1], анализ отношения молодежи к общественной работе и самооценки молодыми людьми своего личного опыта показали, что молодежь в своем большинстве слабо вовлечена в общественную жизнь. Это подтверждают и данные о конкретных формах участия молодых россиян в жизни общества. В четырех социологических опросах, проведенных разными центрами по сходному инструментарию, значительная часть молодых респондентов (46—62 %) заявляли, что за последний год не принимали участия в общественной и политической жизни страны. Полученные данные, с учетом всех различий, позволяют сделать общий вывод, что среди наиболее распространенных в России форм общественного участия нет ни одной, которая представляла бы интерес для значительной части молодежи, могла бы вобрать в себя и локализовать потенциал ее социальной активности. Что касается других форм участия в жизни общества, то среди российской молодежи наиболее распространены две: участие в выборах в органы власти различного уровня, представляющее собой форму политической активности, и коллективное благоустройство подъездов, домов и прилегающих территорий, характеризующее включенность в собственно общественную деятельность. Однако данные, характеризующие эти формы участия молодежи, требуют некоторых оговорок.

Данные разных исследовательских центров хорошо коррелируют между собой, за исключением одного вида активности — именно, участия в выборах, но это легко объяснимо. Высокий показатель участия в выборах (35—36 %), отмеченный исследованиями 2006 г., обусловлен тем, что незадолго до момента опросов в ряде регионов проходили выборы в законодательные органы власти. В обычное же время, в период выборного межсезонья установки молодежи на электоральную активность можно оценивать на уровне 13—14 % [2].

Среди других форм общественной активности, которая распространена не менее, чем для 5—7 % молодежи, оказалась благотворительная деятельность — сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелую ситуацию.

А по данным всероссийского опроса ЦИРКОН, показатель участия молодежи (в возрасте 16—24 лет) в благотворительности еще выше — 13 %.

Уровень участия молодежи в деятельности общественных организаций можно оценить в интервале 3—7 %. При невысоком значении данного показателя следует обратить внимание, что привлекательность общественных организаций для молодежи сегодня несколько выше, нежели

организаций политической направленности, в работе которых участвуют 2—3 % молодых людей.

Наконец, еще одна форма общественной деятельности, протестированная в ходе опросов — работа в органах МСУ, домкомах, кооперативах. В настоящее время доля молодых людей, принимающих в ней участие, составляет 1—2 %. Однако столь низкий показатель еще не говорит об отсутствии интереса у молодежи к жизни местного сообщества. Напротив, учитывая достаточно высокий уровень активности молодежи в коллективном благоустройстве территорий проживания, можно предположить, что такой интерес есть.

Данные исследований, проведенных кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС в феврале-марте 2015 г., позволяют сделать вывод о том, что большинство опрошенной молодежи Орловской области проявляет низкий интерес к участию в политической и общественной жизни в стране в целом, в регионе и муниципалитете (соответственно 69,1, 71,3 и 69,8 %) [2]. Статистически значимых гендерных различий по данному параметру не выявлено. Следует отметить, что уровень общественной и политической активности у орловской молодежи несколько выше по сравнению с данными, представленными в исследовании «Социальная активность современной молодежи», проведенном исследовательской группой ЦИРКОН. Увеличение уровня общественной и политической активности опрошенной молодежи, проживающей на Орловщине, можно связать с общей активностью российской молодежи в политической сфере нашего социума. Происходит изменение характера общественного и политического участия молодежи, которое связано с трансформацией системы ценностных представлений — переориентацией с традиционных, «просоциальных» на постмодернистские индивидуалистические ценности. Также необходимо отметить, что молодежь предпочитает неинституциональные формы проявления общественно-политической активности, такие как волонтерство, «Стопхам» и другие, организованные по инициативе самих молодых людей. Проявление гражданской активности показывает равнодушие молодых людей к проблемам в разных сферах российского общества.

В новой социально-политической, нравственной и информационной ситуации в России происходят динамичные и глубокие изменения социальных характеристик молодого поколения. При этом выявляются региональные, социально-экономические различия, половозрастные особенности разных слоев и групп молодежи. Познание и формирование новых форм проявления общественно-политической активности, социальных интересов, новых мотивов и устремлений молодежи являются необходимым условием становления гражданского общества в России.

Список литературы

1. *Аналитический обзор результатов проведенных социологических исследований «Социальная активность современной молодежи»* [Электронный ресурс] // Исследовательская группа ЦИРКОН, 2008. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a3/081117.pdf> (дата обращения: 12.05.2015).
2. *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты*. М. : Институт социологии РАН, 2007.
3. *Дорохова Ю. В., Игнатова Т. В., Проказина Н. В.* Молодежь Орловской области в 2015 г.. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень/ под общ. ред. П. А. Меркулова. Орел : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2015.

Информация об авторе

Игнатова Татьяна Васильевна, к. с. н., доцент кафедры социологии и психологии управления РАНХиГС при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, tign57@mail.ru

ИНДЕКСЫ, КРИТЕРИИ И ПОДХОДЫ АНАЛИЗА ГЕНЕЗИСА И СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. В. Ирхин

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. При анализе качества гражданского общества и его организаций в конкретных условиях региона целесообразен интегративный подход. Он предполагает комплексную оценку структурно-организационных, содержательных, культурологических, ценностно-этических, политико-правовых и иных аспектов гражданского общества. В соответствии с ним, целесообразно рассматривать ряд базовых параметров гражданского общества, таких как степень развития социальной, экономической, национальной и культурной среды, в которой оно существует и развивается; характер ценностей, лежащих в основе гражданской активности; характер и качество взаимодействия органов власти с организациями гражданского общества данного региона.

Ключевые слова: гражданское общество, критерии, подходы

В широком смысле гражданское общество включает в себя все, что непосредственно не охватывает государство и его структурные элементы, и потому представляет собой автономную по отношению к государству и непосредственно не зависимую от него сферу социальных отношений и институтов. Но следует учитывать, что политическая сфера связана с борьбой за власть и потому носит инклюзивный характер, подчиняющийся воле господствующей политической силы все и вся.

Существует подход, в силу которого гражданское общество характеризуют как систему внеполитических отношений между людьми. Такая точка зрения представляется неверной. Она «выводит» из рассматриваемого понятия общественно-политические организации, различные действия и функции гражданских ассоциаций по отношению к органам власти. Надуманная теоретическая конструкция «о гражданском обществе без взаимоотношений с государством и политикой», представляет собой такую же нелогичную модель, как например, семья из одного человека. Характерно, что классики гуманитарных наук Нового времени, рассматривая формирование гражданского общества, обращали особое внимание именно на его активный политический потенциал воздействия на государство. В этом смысле Дж. Локк ставил знак равенства между

гражданским, правовым и политическим обществом [1, с. 306]. Следуя этой традиции, авторы фундаментального исследования по данной проблематике профессора Колумбийского университета Дж. Л. Коэн и Э. Арато отмечают важность понимания гражданского общества в рамках обоснованной ими трехчастной модели (отделяющей гражданское общество как от государства, так и от экономических структур): государство — гражданское общество — бизнес [2, с. 16].

Опыт взаимоотношений государственных и гражданских институтов как в прошлом, так и в настоящем, показывает, что между ними постоянно возникает большее или меньшее напряжение. Власть, которая сознает значимость гражданского общества, должна быть готова не только к тому, что оно будет сотрудничать с нею, но и к тому, что оно будет оппозирующей силой, создающей порой критическую ситуацию для властных структур и бюрократии [3, с. 6].

В становлении и развитии современного российского гражданского общества можно выделить шесть основных, взаимосвязанных этапов:

- период конца 80-х гг. XX в. — бурный рост различных неформальных организаций;
- рубеж 90-х гг. XX в. — элементы партнерских взаимоотношений государства и гражданского общества;
- 1993—99 гг. — официальная поддержка становления гражданского общества, диалог власти и некоммерческих организаций на местном уровне, активизация международных фондов;
- 2000—2012 гг. — становление и развитие моделей партнерских, преимущественно патерналистских отношений между государством и обществом, проведение совместных гражданских форумов, создание Общественной палаты, финансирование организаций гражданского общества, формирование современных правовых основ взаимоотношений государства, гражданского общества и бизнеса;
- 2012—2014 гг. — генезис модели партнерских отношений, правовые ограничения для организаций гражданского общества, имеющих зарубежное финансирование и т. д.;
- с 2014 г. — модификация моделей партнерских отношений в условиях вначале рецессии, а затем экономического кризиса в России, целенаправленное усиление финансирования государством соответствующих организаций гражданского общества (от 2 млрд руб. в 2014 г. до 4 млрд руб. в 2015 г.); формирование сетевых структур гражданского общества.

В России действует более 240 тыс. НКО, которые объединяют несколько миллионов человек. Только штатных сотрудников и работающих по до-

говорам в этих организациях задействовано примерно миллион человек, а если еще учесть добровольцев, то получается значительная социальная сила. В авангард гражданского общества в России выдвигается *активная общественность*, которая представлена и индивидами — лидерами мнений, и общественными группами, и более формализованными общественными объединениями, которые помимо своих человеческих, профессиональных, конституциональных обязанностей берут на себя обязательства заботы об обществе и государстве [4, с. 19].

По мнению экспертов, наиболее развитой формой межсекторного взаимодействия оказалась форма взаимодействия, представленная моделью НКО–власть (46%), на втором месте — модель НКО–НКО (24%), на третьем — трехстороннее взаимодействие НКО–власть–бизнес (18%), и низшую степени развитости пока имеет модель НКО–бизнес (12%) [5, с. 119].

Следует заметить, что НПО (обычно, правозащитные), получающие гранты и иные формы финансирования из зарубежных источников, проводят по ряду направлений политику, которая может контрастировать с целями государства.

Существует ряд препятствий для вовлечения граждан в практики гражданского общества (добровольчество, благотворительность, участие в деятельности НКО). Среди них: недостаточный уровень соблюдения прав человека, обеспечения безопасности, низкие доходы у трети россиян. Тревожен низкий уровень доверия общества к политико-административным институтам.

При анализе качества гражданского общества и его организаций в конкретных условиях региона целесообразен интегративный подход. Он предполагает комплексную оценку структурно-организационных, содержательных, культурологических, ценностно-этических, политико-правовых и иных аспектов гражданского общества. В соответствии с ним, целесообразно рассматривать ряд следующих базовых параметров гражданского общества и характер их генезиса:

1) степень развития социальной, экономической, национальной и культурной среды, в которой существует и развивается гражданское общество;

2) уровень развитости структуры гражданских организаций и тип связи между ними;

3) характер ценностей, лежащих в основе гражданской активности;

4) воздействие гражданской активности на социально-политическую среду, власть;

5) характер и качество взаимодействия органов власти с организациями гражданского общества данного региона.

Уточнение критериев анализа состояния и проблем развития гражданского общества выступает как необходимый фактор государственного управления и проектирования публичной политики [6, с. 5].

Список литературы

1. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Кн. 2. Гл. VII. О политическом или гражданском обществе // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. М., 1988.
2. *Коэн Дж. Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь Мир, 2003.
3. *Формирование гражданского общества в России: стратегии и управление* / ред. Л. Е. Ильичева. М. : Аналитик, 2015.
4. *Государство и гражданское общество в России: новые практики взаимодействия* : колл. монография / под ред. А. С. Панкратов. Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2013.
5. *GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством* / под ред. Л. В. Сморгунов, Л. Н. Тимофеева. М. : РОССПЭН, 2012.
6. *Управление публичной политикой* / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Аспект Пресс, 2015.

Информация об авторе

Ирхин Юрий Васильевич, д. филос. н., профессор кафедры политического управления Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, irkhine@mail.ru

СМЫСЛЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

С. Г. Климова

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Почему нужно говорить о смыслах социального предпринимательства? Потому что: а) есть запрос на переопределение и «подгонку» наличных феноменов под институционализированные опытом и законодательством других стран практики, названные «социальным предпринимательством»; б) существует тренд на разгосударствление социальных услуг, поэтому нужно найти субъектов, которые занимаются чем-то похожим, описать их деятельность и приложить это описание к какому-то стандарту; в) есть потребность в нормативных актах, описывающих специфику социального предпринимательства по сравнению с обычным бизнесом или его благотворительными проектами.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные услуги

В работе слово «смыслы» используется как социологический термин — рефлексия практической деятельности, придание ей типических, а значит, имеющих свойства предсказуемости, повторения. Смыслы — это то, что «известно каждому, разделяющему с нами нашу систему релевантностей, способ жизни, воспринимаемый как естественный, хороший, правильный». Это рецепты «того, как обращаться с вещами и людьми в типизированной ситуации» [1, с. 16]. У Гарфинкеля концепт «смысл» соотносится с понятиями, описывающими обыденное знание: «компетентность», «фоновые ожидания», «массив знаний», «объяснения» и т. п. [2, с. 42]. В совокупности они означают процесс производства и поддержания согласованной социальности.

Социальное предпринимательство в нашей стране — сравнительно новое понятие, но не новый феномен. Оно похоже на практики «колхозов», «кооперативов», «некоммерческих организаций» и пр. Но есть отличия, которые зафиксированы родоначальниками феномена и его первыми аналитиками.

Г. Диз в контексте размышлений о социальном предпринимательстве обратил внимание на то, что термины «предпринимательство» и «бизнес» не тождественны, и различия между ними — в инновативности первого и в принципе распределения прибыли: она направляется на развитие предприятия и социальные проекты, а не составляет прибыль владельца [3, с. 2, 5].

Мы пытаемся описать смысл феномена «социальное предприятие» через анализ самопрезентаций самих социальных предпринимателей.

Способы порождения смыслов — их высказывания о целях деятельности, основанные отчасти на своем понимании социальности предпринимательского замысла, отчасти на типизациях других — «легитимных агентов номинации» [4, с. 72] — экспертов, «старых» членов сообщества. Постепенно это знание о «социальности» социального предприятия обрастает приметам, осваивается, становится обыденным знанием. На основе этих представлений формируется конструкция своей профессиональной идентичности, а на основании «взаимности перспектив» [1, с. 14—15] — корпоративная культура. Судя по тому, что рассказывали о себе, своей деятельности социальные предприниматели, эта роль для них включает:

- **Идентичность социального предпринимателя** (самоназвание, принятие статуса). Стимулом идентичности и, соответственно, принятия правил, заданных концептом, часто служит какая-то внешняя инициатива. Это либо проекты властей, ориентированные на развитие социальной сферы, задающие нормативные рамки и дающие какие-то льготы, либо концепт, заданный грантодателем. Человек начинает размышлять по поводу того, может ли он считать себя социальным предпринимателем, чтобы получить льготный кредит, чтобы развивать свою деятельность в определенном направлении. Тем самым возникает рефлексивное действие: конструируются практики, соответствующие внешним критериям и формулируются собственные критерии, дополняющие и развивающие те, что заданы извне.
- **Осознание и принятие собственной уникальности.** Уникальность часто лежит в основе предпринимательского замысла. Они не могут конкурировать с массовым стандартизированным и дешевым производством, поэтому часто ориентируются на принцип адресности и эксклюзивности, в т. ч. географической и социальной.
- **Организационное и предпринимательское новаторство.** Желание предоставлять уникальные услуги стимулирует использование инноваций как в производстве товаров и услуг, так и в их продвижении. Даже тогда, когда предпринимательский проект строится по образцу, его точное копирование часто невозможно. Поэтому образец корректируется, а значит, возникает необходимость в собственных стандартах и проектах.
- **Социальное новаторство.** Руководители логикой своего предпринимательского замысла побуждаются к изменению правил и практик, не только существующих в границах целей предприятия, но и тех, что определяют жизнь более широкого сообщества. Это позволяет считать социальное предпринимательство формой

гражданского участия. Социальное новаторство предполагает формирование особого стиля жизни среди людей, так или иначе включенных в сферу деятельности социального предприятия, и создание неких «идентификационных матриц», когда человек осознает себя членом некоего сообщества, включенным в пространство коммуникаций, обусловленных личной симпатией или общим интересом.

- **Создание сети, интеграция единомышленников.** Создание сетей вокруг социальных предприятий может рассматриваться как самостоятельный, если не важнейший результат их деятельности. Социальные сети — это самоорганизующиеся более или менее стабильные сообщества, возникающие вокруг какого-либо проекта: предпринимательского, социального или и того, и другого. Вокруг социального предприятия могут возникать сети, включающие только непосредственных участников производства, поставщиков и реализаторов товара или услуги, и потребителей. В отсутствие больших капиталовложений социальные предприниматели используют ресурсы взаимной поддержки, находят способы капитализации сети.
- **Наличие культурной концепции взаимодействия с персоналом.** Социальное предприятие называется социальным, в частности, потому, что его родовая черта — решение социальных проблем в той социальной среде, где оно создаётся. А это значит, что нужны особые представления о социальной среде и взаимодействии с ней. Предприятие будет работать с тем контингентом, который есть; функции будут подбираться под работников, а не наоборот.
- **Представления о перспективах развития.** Социальное предпринимательство становится сферой, где возникают соответствующие смыслу феномена жизненные траектории людей, включенных в деятельность предприятия и траектории развития предпринимательского замысла. Здесь возможны три варианта. 1 — бизнес развивается автономно, являясь донором для социальных проектов. 2 — бизнес становится основой и центром социального проекта, предметно связан с ним. 3 — бизнес и социальные проекты предметно не связаны, но дополняют друг друга, создавая эмерджентный эффект.

Выводы

Признаки, выявленные в ходе описаний собственной деятельности социальными предпринимателями, позволяют составить обобщенный образ явления для того, чтобы и люди, включенные в этот процесс, и те,

кто вне его, понимали, с каким феноменом они имеют дело, а значит, чего от него можно ждать, а чего ожидать не стоит. Уже сейчас очевидно, что, например, не стоит ожидать больших прибылей. Для этого существуют другие формы предпринимательства.

Можно ждать, что понятие «социальное предприятие» станет товарным знаком. Но это произойдет тогда, когда и в среде самих предпринимателей, и у потребителей сформируются критерии различения социальных предприятий и предприятий, работающих в социальной сфере.

Как показывает наш анализ, при идентификации предприятия как социального со всеми вытекающими из такой идентификации предпочтениями, необходимо учитывать наличие пяти признаков, которые должны существовать вместе: 1 — организационная автономия; 2 — инвестиция прибыли в поддержание и развитие предприятия, на социальные нужды; 3 — сеть социальных контактов вокруг бизнеса; 4 — наличие долговременных социальных проектов, ориентированных на работников и внешнее сообщество; 5 — новаторство в создании образцов и правил.

Список литературы

1. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* / сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
2. Гарфинкель Г. *Исследования по этнометодологии*. СПб. : Питер, 2007.
3. Dees J. G. The Meaning of “Social Entrepreneurship”. Original Draft: October 31, 1998. Reformatted and revised: May 30. 2001. URL: http://www.caseatduke.org/documents/dees_SE.pdf.
4. Бурдые П. *Социальное пространство и генезис «классов»* // Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Логос, 1993. С. 72.

Информация об авторе

Климова Светлана Гавриловна, к. филос. н., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, sgklimova@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Н. В. Корж

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Процесс социализации личности протекает под воздействием социума, в котором она живет, и «степень» гражданственности будет определяться тем, насколько удачно индивид вписался в социально-политические отношения данного общества. Проблема формирования гражданско-патриотических ценностей у современной молодежи — наиболее мобильной социальной группы и основного ресурса развития современного российского общества, — и противоречивые тенденции в ее развитии, вызванные изменениями социально-экономических условий, актуализируют всесторонние исследования молодежи как социально-демографической группы.

Ключевые слова: молодежь, гражданственность, консолидация

Быстрые темпы экономических перемен привели к изменениям во всех социальных институтах общества. Формирование гражданственности в современной ситуации является важнейшим условием обеспечения безопасности и стабильного развития российского социума. Проблема гражданственности личности, значимости ее гражданских прав и обязанностей является одной из приоритетных задач любого государства. Понятие «гражданственность» рассматривается с различных точек зрения. Для социологического подхода характерно рассматривать «гражданственность» как совокупность ценностных ориентаций, норм и ролей личности, складывающихся в процессе социализации и определяющих ее тип поведения в социально-политическом развитии общества [2, с. 307]. Как отмечают социологи, институт гражданственности имеет сложную структуру. К основным компонентам можно отнести: личность, проявляющую гражданственность; властные институты и социальное окружение [1, с. 143].

Происходящие в обществе изменения показывают, что большинство юношей и девушек активно вовлекаются в общественную жизнь, способны быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям по сравнению со старшим поколением.

Социологическое исследование в рамках гранта РГНФ по проблеме «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценност-

ных приоритетов в условиях современной России» ($n = 1350$) позволило определить гражданскую позицию современной молодежи по сравнению с другими возрастными группами (рис. 1).

Рисунок 1. Представления респондентов о «гражданственности» (в % от числа опрошенных, $n = 1350$)

В сознании личности формируется модель, включающая совокупность ролей, норм и ценностей о способе бытия гражданина. Результаты социологического опроса показали, что все возрастные группы выбрали формальные характеристики гражданина: проживать в России (свыше 55 лет — 40,4%; от 35 до 54 лет — 38,8%; от 18 до 34 лет — 27,2%), исполнять законы данной страны (свыше 55 лет — 36,6%; от 35 до 54 лет — 25,1%; от 18 до 34 лет — 25,6%). Для молодежи в качестве основного признака гражданина является «быть патриотом, любить свою Россию» (58,9%). Остальные возрастные группы данному признаку также отдают первое ранговое место. Таким образом, в процессе социализации формируется гражданская ответственность личности, которая выражается в стремлении оценивать свое поведение, соизмерять его с господствующими в обществе нормами и ценностями.

Очень важной на данном этапе является ценность патриотизма, любви к Родине. Патриотизм как ценностная ориентация является одним из сильных объединяющих средств национальной общности. Понятия «патриотизм» и «гражданственность» тесно связаны между собой, так как объединяют личность, общество и государство.

Важной характеристикой гражданской позиции является отношение к закону, готовность их соблюдать. Большинство молодых людей (54,8%) считают, что необходимо соблюдать законодательные акты, но при условии, что это делают все без исключения, в том числе и сами представители органов власти. Одинаковое количество респондентов придерживаются мнения, что законы нашей страны нужно исполнять независимо от того, устарели они или нет (21,8%); такая же часть молодых людей опирается на принцип справедливости, независимо, соответствует ли он закону (21,8%). Такие результаты свидетельствуют о том, что среди молодого поколения присутствует сомнение в том, что сами законодатели всегда стремятся соблюдать законы нашей страны.

Таким образом, дальнейшее развитие российского общества во многом зависит от гражданской позиции молодежи, ее социально-политической активности и ценностных ориентаций. В настоящее время для формирования гражданско-политической позиции предусмотрена работа различных программ и проектов, а также организация молодежных форумов. Формы гражданского поведения молодого поколения позволяют прогнозировать основные тенденции развития общества. Среди причин, которые определяют необходимость активизации воспитания гражданской позиции молодого поколения, можно выделить: усложняющиеся процессы преобразований, протекающие в обществе, процессы глобализации, а также усиление внимания к внутренним факторам развития личности, которая обладает гражданской культурой и гражданским сознанием. Формирование гражданственности должно происходить на основе учета особенностей менталитета, его ориентированности на социальную справедливость и солидарность, а также духовно-нравственные ценности. Все это может способствовать внутренней консолидации всего российского общества.

Список литературы

1. *Никовская Л. И.* К вопросу о гражданственности российского гражданского общества // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей. Институт Справедливый Мир, Рос. ассоц. полит. науки, Институт социологии РАН. М. : Ключ-С, 2015.
2. *Шульга М. М.* Гражданственность молодежи: позитивные практики и риски / М. М. Шульга, Д. О. Кузнецов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4.
3. *Кошарная Г. Б.* Гражданское общество как фактор реализации консолидационных процессов российского общества / Г. Б. Кошарная, Л. Т. Толубаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

Информация об авторе

Корж Наталья Владимировна, к. с. н., доцент кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, Natalya.korzha@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИЗМЕРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ НКО: ПОДХОДЫ К ИНДИКАТОРАМ И ПОКАЗАТЕЛЯМ

И. И. Краснопольская

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. В докладе представлены основные характеристики негосударственных некоммерческих организаций (НКО), которые соответствуют индикаторам и показателям «инновационных НКО». Критерии отражают основные характеристики социальных инноваций и связаны, во-первых, с характеристиками продуктов и услуг, предоставляемых НКО; во-вторых, с характеристиками участников деятельности НКО; в-третьих, с благополучателями социальных услуг и продуктов со стороны НКО. Выводы основаны на результатах всероссийского обследования НКО, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2015 г. ($n = 850$).

Ключевые слова: некоммерческие организации, социальные инновации, критерии, показатели

Третий сектор и НКО признаются исследователями наиболее благоприятной средой для разработки, развития и распространения социальных инноваций по сравнению с государственными учреждениями или коммерческими организациями. Социальные инновации понимаются как новые решения (продукты, услуги, модели, процессы и т. д.), которые удовлетворяют социальные потребности лучше, чем текущие варианты, способствуют развитию существующих межсекторных взаимодействий и более рациональному использованию ресурсов [4]. Такие инновации направлены на решение актуальных и легитимных социальных проблем в рамках конкретного сообщества.

Структурные характеристики НКО обуславливают их сравнительно большие возможности для производства и распространения социальных инноваций [8, 13, 14], которые, в свою очередь, положительно влияют на качество предоставляемых социальных услуг, охват и удовлетворенность благополучателей. Прежде всего, это такие характеристики НКО, как локальная территориальная и ценностная укорененность [3], возможности вовлекать в горизонтальные взаимодействия различных стейкхолдеров, диверсификация ресурсов и привлечение волонтеров [7, 10, 12]. Волонтеры служат дополнительным связующим звеном между НКО и сообществом, его ценностями, задачами и потребностями, яв-

ляются «мозговыми центрами», носителями знаний и компетенций [1]. За счет этой «связки» в местном сообществе фактически поддерживается и повышается валидность деятельности некоммерческих организаций.

Обозначенные характеристики НКО обуславливают возможности для инновационной деятельности организаций. Инновационность НКО обозначает готовность организации вводить в свою работу социальные инновации, новые методы разработки продуктов, предоставления услуг, а также реализовывать организационные изменения. Ряд исследователей подчеркивают значимость использования социальных инноваций в НКО как основного способа повышения качества предоставляемых услуг [2, 5, 6, 9]. Инновационность подразумевает как социальные инновации, так и организационные инновации самой НКО. В первом случае речь идет о характеристиках программной деятельности НКО, а во втором — о характеристиках самой организации, оказывающих влияние на готовность и способность НКО производить социальные инновации. Деятельность НКО может быть определена как инновационная, если ее проекты и организационные характеристики отвечают ряду критериев.

Индивидуальный уровень:

- вовлечение граждан и волонтеров в разработку социальных инноваций и повседневную деятельность НКО

Организационный уровень:

- диверсификация ресурсов
- межорганизационные взаимодействия
- новый продукт, решения, новые группы благополучателей
- организационные характеристики НКО (внутренняя организационная структура, организационная культура, лидерство и миссия)

Социальный уровень:

- актуальная, легитимная социальная потребность
- распространение и институционализация инновационных решений

В соответствии с указанными определением социальных инноваций и инновационности НКО, был разработан ряд критериев, характеризующих проекты некоммерческих организаций. По этим критериям можно условно определить инновационность НКО в плане ее программной (проектной) деятельности. Ниже представлено распределение обследованных НКО по выделенным критериям на основе оценок руководителей организаций (рис. 1).

В той или иной мере проекты большинства обследованных НКО отвечают обозначенным выше критериям инновационности. Однако проекты только части организаций соответствуют отличительным критериям инновационности — это новизна решения, его распространение и использование в других организациях. Проекты, которые не соответствуют этим критериям, безусловно, могут быть актуальными и значимыми для

сообщества, вовлекать различных стейкхолдеров, но они не будут считаться социальными инновациями. В докладе будут даны количественные оценки инновационных НКО, чья деятельность в наибольшей мере соответствует критериям инновационности.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали проекты Вашей организации?» (% опрошенных руководителей НКО, n = 850, 2015 г.)

В той или иной мере проекты большинства обследованных НКО отвечают обозначенным выше критериям инновационности. Однако проекты только части организаций соответствуют отличительным критериям инновационности — это новизна решения, его распространение и использование в других организациях. Проекты, которые не соответствуют этим критериям, безусловно, могут быть актуальными и значимыми для сообщества, вовлекать различных стейкхолдеров, но они не будут считаться социальными инновациями. В докладе будут даны количественные оценки инновационных НКО, чья деятельность в наибольшей мере соответствует критериям инновационности.

Изучение и выявление инновационных НКО в нашей стране имеет непосредственное практическое применение для различных заинтересованных групп. В первую очередь, эта информация полезна для более точечного выделения групп НКО для приоритетного оказания государственной поддержки. Действительно, на федеральном уровне признается вклад НКО в предоставление социальных услуг и декларируется потребность в такого рода участии; на федеральном, региональном и муниципальном уровнях проводятся масштабные программы по предоставлению поддержки социально ориентированным НКО. Более того, инновационные решения в социальной сфере зачастую внедряются именно НКО, а затем применяются в государственных и муниципальных учреждениях [15]. Также существует выраженный общественный запрос на повышение роли НКО в предоставлении услуг в социальной сфере как со стороны населения (86% опрошенных, НИУ ВШЭ, $n = 2000$, 2014), так и со стороны самих НКО.

Список литературы

1. *Brandzen T., Dekker P., Evers A.* (eds.) *Civiness in the Governance and Delivery of Social Services*. Baden-Baden : Nomos Publishers, 2010.
2. *Choi S.* *Learning orientation and market orientation as catalysts for innovation in nonprofit organizations* // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012.
3. *Colin L., Osborne S., Bond S.* *The “new public governance” and employability services in an era of crisis: challenges for third sector organizations in Scotland Public Administration*. Vol. 92. № 1. 2014. P. 192.
4. *European Commission.* *The Young Foundation, Social Innovation Overview (A deliverable of the project: “The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe” (TEPSIE), European Commission — 7th Framework Programme)*. Brussels, 2012.
5. *Jaskyte K.* *Transformational leadership, organizational culture, and innovativeness in nonprofit organizations* // *Nonprofit Management and Leadership*. 2004. № 15(2). P. 153—168.

6. *Jaskyte K., Dressler W. W.* Organizational culture and innovation in nonprofit human service organizations // *Administration in Social Work*. 2005. № 29(2). P. 23—41.
7. *Moore M., Harley J.* Innovations in Governance // *Public Management Review*, 2008 vol. 10. № 1, p. 18.
8. *Mort G. S., Weerawardena J., Carnegie K.* Social entrepreneurship : Towards conceptualization, *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. 2003. № 8(1). P. 76—88.
9. *Perri.* Innovation by nonprofit organizations : Policy and research issues // *Nonprofit Management and Leadership*. 1993. № 3(4). P. 397—414.
10. *Rogers E. M.* Diffusion of Innovations (5th ed.). New York : Free Press, 2003.
11. *Archibugi D., Iammarino S.* The Globalization of Technological Innovation: Definition and Evidence // *Review of International Political Economy*. 2002. Vol. 9. № 1. P. 98—122.
12. *Vedres B., Stark D.* Structural Folds: Generative Disruption in Overlapping Groups // *American Journal of Sociology*. 2010. Vol. 115. № 4. P. 1150—1190.
13. *Zimmer A., Stecker C.* Strategy Mix for Nonprofit Organisations : Vehicles for Social and Labour Market Integration. New York et. al : Kluwer/Plenum. 2004. P. 10.
14. *Краснопольская И., Мерсиянова И.* Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций в России // *Форсайт*. № 4. М., 2014.
15. *Роль некоммерческого сектора в экономическом развитии России.* Фонд «Институт экономики города». М., 2004.

Информация об авторе

Краснопольская Ирина Игоревна, Международная лаборатория исследований некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, н. с., MA in Sociology, Москва, Россия, ikrasnopolskaya@hse.ru

ПУБЛИЧНЫЕ СЛУШАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Н. Н. Ламскова

*НИУ «Самарский государственный аэрокосмический университет
им. академика С. П. Королева», Самара, Россия*

Аннотация. Публичные слушания информируют общественность о проводимой властями политике в области социальной сферы и конструируют способы обратной реакции на данную деятельность: общественность может поделиться своими тревогами и страхами, получить ответы на интересующие ее вопросы, услышать мнение специалистов (представителей соответствующих министерств и ведомств).

Ключевые слова: публичные слушания, социальная политика

Успехи социальных преобразований, переход к устойчивому развитию, демократизация и движение к гражданскому обществу в России во многом зависят от человеческого фактора, в том числе от того, как преобразования моделируются, осознаются и реализуются гражданами. В этих условиях роль гражданской инициативы и лидеров, возглавляющих эти инициативы, чрезвычайно велика. Совместные усилия членов местного сообщества позволяют создать потенциал для успешного решения существующих проблем, наращивания конкурентных преимуществ территории.

Формируются и получают развитие практики взаимодействия публичных социологов с властью и общественностью на поле социальной политики, значимую роль в динамике которых играют сегодня публичные слушания по бюджетам регионов страны. Однако эти практики, участие в них публичных социологов до сих пор фактически не стали предметом научного интереса.

Публичные слушания — очень действенный инструмент, с помощью которого органы власти могут получить обратную связь от граждан и представителей общественных организаций при принятии важных для муниципального образования решений в той или иной области. Иными словами, это одна из форм диалога органов местного самоуправления и представителей местного сообщества. Публичные слушания необходимы для того, чтобы проинформировать все заинтересованные стороны о намечаемых управленческих решениях, выявить весь спектр мнений по обсуждаемому вопросу, учесть точку зрения общественности при принятии решения, выявить возможные конфликтные ситуации и попытаться

предотвратить их. Кроме того, учитывая законодательно закрепленную открытость процедуры публичных слушаний, граждане имеют возможность в ходе проведения слушаний своевременно отстаивать и защищать предоставленные им права.

В ряде случаев граждане, общественные объединения способны предоставить такую информацию, которой органы местного самоуправления не располагают и не могут располагать, внести ценные идеи и предложения, которые можно с успехом реализовать на практике. Но все это может быть выявлено только в ходе диалога между органами местного самоуправления и общественностью, и диалог этот обеспечивается посредством проведения публичных слушаний.

Заметим, что в Самарской области интерес жителей к взаимодействию с органами власти по поводу бюджета области проявился еще в 90-е годы XX в., чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, в 1999 г. появился «Бюджет Самарской области. Пособие-путеводитель» [1] — серьезный шаг к развитию взаимодействия с населением. Во-вторых, регион стал участником проекта «Городские жители и власти — на пути к сотрудничеству: бюджет, который можно понять и на который можно влиять» Санкт-Петербургского центра «Стратегия». В рамках данного проекта представители НКО региона учились читать, понимать и оценивать бюджет города. В результате появилась группа общественных экспертов по бюджету и брошюра «Бюджет и бюджетный процесс Самары глазами независимых экспертов» [2].

Подчеркнем, что первые публичные слушания по проекту бюджета Самарской области на 2006 г. состоялись в 2005 г. Иными словами, за плечами общественной экспертизы Самарской области — десятилетняя история. Именно с 2005—2006 гг. и начал происходить, как постулирует один из генераторов идей на поле изучаемого процесса от общественности В. И. Пестрикова, реальный диалог общественности и власти, содержание которого зависело от степени компетентности представителей НКО, среди которых, однако, не всегда находились подготовленные общественные эксперты [3].

Тем не менее, точкой отсчета в формировании современной системы публичных слушаний можно считать заседание Общественного собрания Самарской области в апреле 2007 г., в результате которого было принято решение разработать проект положения о публичных слушаниях по бюджету Самарской области. Затем появляется «Порядок проведения публичных слушаний по проекту закона Самарской области об областном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период и по годовому отчету об исполнении областного бюджета за истекший финансовый год», позволяющий в определенной степени проследить процесс

развития коммуникации власти и общественности на поле публичных слушаний. В данном официальном тексте встречаем определения общественности и общественных экспертов.

К участию в публичных слушаниях, как правило, приглашаются представители общественности, общественные эксперты, представители местного самоуправления, эксперты по вопросам влияния власти на общество, СМИ, активные граждане города.

Основные принципы публичных/общественных слушаний:

- вынесение на обсуждение альтернативных мнений и проектов;
- привлечение квалифицированных экспертов;
- обеспечение независимого анализа проблем;
- концентрация на сопоставлении в первую очередь проверенных фактов;
- обсуждение проблем на ранней стадии их рассмотрения органами власти;
- обеспечение представительства на слушаниях и информирования об их итогах всех заинтересованных в их теме общественных групп;
- обеспечение присутствия на слушаниях и информирования об их итогах представителей органов власти, в компетенцию которых входит решение обсуждаемых проблем.

Органы власти получают в результате публичных/общественных слушаний:

- дополнительную информацию о фактах и мнениях по обсуждаемой проблеме;
- результаты независимого анализа проблемы и путей ее решения;
- новые предложения по решению проблемы (возможно, альтернативные известным);
- оценку актуальности проблемы для общественности и информацию о группах ее заинтересованных представителей.

Общественность, кроме этого, получает:

- возможность узнать и сопоставить различные (возможно, альтернативные) точки зрения на проблему и пути ее решения (возможно, понять позицию и органов власти);
- возможность повлиять на формирование широкого общественного мнения;
- возможность повлиять на решения и действия властей.

Таким образом, публичные слушания одновременно информируют общественность о проводимой властями политике в области социальной

сферы, и конструируют способы обратной реакции на данную деятельность. Общественные слушания выступают в этом случае как «уникальные дискурсивные поверхности», в рамках которых общественность может поделиться своими тревогами и страхами, получить ответы на интересующие их вопросы, услышать мнение специалистов (представителей соответствующих министерств и ведомств).

Список литературы

1. *Кондратенко Н. М.* Бюджет Самарской области (пособие-путеводитель). Самара, 1999.
2. *Бюджет и бюджетный процесс Самары глазами независимых экспертов.* Самара, 2000.
3. *Пестрикова В. И.* Региональные диалоги. Самарский опыт участия граждан в бюджетном процессе / СРОО ИЭКА «Поволжье». Самара : АРТЕЛЬ, 2011.

Информация об авторе

Ламскова Наталья Николаевна, аспирант НИУ «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва», Самара, Россия, verhovceva-natal@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СЕТЯХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

**В. К. Левашов, В. К. Сарьян, А. П. Назаренко, О. П. Новоженина,
И. Ж. Тощенко, И. С. Шушпанова, Е. В. Саломатина**

*Институт социально-политических исследований РАН,
ФГУП «Научно-исследовательский институт радио», ООО «Системные решения»,
Московский технический университет связи и информатики,
Москва, Россия*

Аннотация. Парадокс информационного общества: развитие ИКТ сопровождается ростом материальных, цифровых и социальных неравенств на планете и внутри развитых стран. Его можно разрешить, используя существующий в современных ИКТ нераскрытый потенциал системного государственного управления и администрирования, потратив скромные финансы и произведя простые технические изменения.

Ключевые слова: гражданское общество, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество

Годовые отчеты Международного Союза Электросвязи (МСЭ), членами которого являются 193 государства мира, крупнейшие сетевые операторы и компании-производители телекоммуникационного оборудования, из года в год фиксируют рост показателей развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех развитых и развивающихся странах мира. Около 40% мирового населения имеет подключение к интернету. В 1995 г. их было меньше, чем 1%. Число интернет-пользователей увеличилось в десять раз с 1999 по 2013 гг. Первый миллиард был достигнут в 2005 г., второй — в 2010 г., третий — в 2014 г. Развивая и внедряя все новые ИКТ, в основном за государственный счет, компании IT-индустрии весьма правдоподобно убеждают общественность, что очередной виток развития ИКТ ведет к повышению жизненного уровня граждан.

Действительно, внедрение ИКТ привело к фундаментальным изменениям в экономическом базисе и социально-политической надстройке общества. Происходит замена механических, электрических и электро-механических средств производства и коммуникации на электронные. Параллельно с этим внутри ИКТ происходят процессы массовизации, миниатюризации и акселерации компьютерной техники. Фундаментальные знания и НИОКР в сфере ИКТ стали важнейшим конкурентным преимуществом развитых стран. Коммуникация и логистика, опосредованная

ИКТ, становится решающим фактором экономического и социального развития личности и общества. Коренным образом меняется политическая коммуникация. Стало возможным включение в демократические процессы управления практически каждого члена общества.

К сожалению, глобальная социальная реальность оказывается не столь оптимистичной. Социологические и статистические измерения фиксируют постоянный рост макроэкономических и макросоциальных диспаритетов между странами и увеличение численности социально незащищенных слоёв населения на планете [1]. Развитые страны тратят огромные бюджетные ресурсы на пособия для поддержки социально незащищенных слоев граждан.

Необходимо упомянуть еще один жизненно важный аспект угрожающей социальной дифференциации. При возникновении чрезвычайных и катастрофических ситуаций природного, техногенного и социального характера (акты террора, войны, мятежи, революции) социально незащищенные слои населения оказываются в самом уязвимом положении. Отметим, что широко известна практика эффективного применения ИКТ в деле предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [2]. Но в случае с организацией террористических актов в разных странах мира они в первую очередь использовались для достижения целей устрашения и создания хаоса.

Парадокс информационного общества заключается в том, что развитие ИКТ сопровождается ростом материальных, цифровых и социальных неравенств на планете и внутри развитых стран.

Наличие этого парадокса видно, если сопоставить принятые показатели развития ИКТ с показателями развития информационного общества (ИО). Поиску таких связанных показателей было посвящено несколько лет исследований [3, 4]. Было предложено выбрать такие показатели развития ИО, которые коррелировали бы с социальными показателями развития, такими как уровень жизни, социальный капитал и т.д. В частности, в качестве одного из показателей развития ИКТ предлагалось учитывать количество граждан, пользующихся определенной инфокоммуникационной услугой, предлагаемой в текущий момент на рынке [3].

В связи со сложившимися условиями становятся актуальными, по крайней мере, две стратегические задачи в сфере пользования ИКТ. Во-первых, необходимо разработать типовые нормы законодательного обеспечения и реализации глобальных и локальных стандартов пользования ИКТ, позволяющих вести социологический мониторинг и управлять качеством и безопасностью жизни и здоровья, образованием, бытом всех слоев населения, каждой семьи и каждого гражданина. Во-вторых, предстоит провести системную работу по созданию и развитию инфра-

структуры ИКТ для самореализации и саморазвития общества и каждого гражданина.

Одним из нормативных инструментов движения к целям должны стать социотехнологические стандарты для управления гражданами безопасной жизнедеятельностью и устойчивым развитием общества с помощью ИКТ. Перечислим некоторые из них:

- стандарты ИКТ мониторинга и контроля социальной структуры общества, предусматривающие существенное сокращение дифференциации населения по материальному признаку;
- стандарты ИКТ управления ростом человеческого капитала, отражающие ответственность государства за сбережение населения;
- стандарты ИКТ управления уровнем жизни, стимулирующим повышение покупательной способности населения;
- стандарты ИКТ контроля качества трудовой жизни, включающие стандарты занятости и оплаты труда населения;
- стандарты ИКТ контроля защищенности семьи, материнства (отцовства), детства и отрочества;
- стандарты ИКТ предоставления услуг здравоохранения, включая и доступность для бедных и малообеспеченных слоев населения дорогостоящих медицинских услуг;
- стандарты ИКТ контроля системы образования, обеспечения условий для непрерывного образования взрослых;
- стандарты ИКТ обеспечения равных социальных и экономических возможностей для инвалидов и других категорий населения с ограничениями жизнедеятельности;
- стандарты ИКТ управления услугами учреждений культуры и спорта, увеличение их количества, спектра услуг и доступности для всех социальных и возрастных групп населения;
- экологические ИКТ стандарты, направленные на существенное улучшение окружающей среды;
- стандарты ИКТ управления рисками чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, существующий в современном обществе парадокс ИО — развитие ИКТ и рост материальных и духовных диспаритетов — можно решить, используя существующий в современных ИКТ нераскрытый потенциал системного государственного управления и администрирования, потратив скромные финансы и произведя простые технические изменения.

Конечно, на этом пути сделаны лишь первые шаги, и эта работа требует продолжения. Реализация модели ноосферной формы управления и мониторинга устойчивого развития информационного общества на основе ИКТ требует вызревания объективных и субъективных условий.

Правовое государство и гражданское общество приближается к этому режиму постепенно, по мере того как происходят качественные изменения в материальной и интеллектуальной сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. *Левашов В. К.* Социально-политические риски устойчивого развития // Вестник РАН. 2014. № 2. Т. 84. С. 143—152.
2. *Butenko V., Nazarenko A. P., Sarian V. K.* Personal safety in emergencies // ITU-News. 2012. № 3. P. 47—49.
3. *Бутенко В. В., Назаренко А. П., Сарьян В. К., Сущенко Н. А.* К вопросу определения социоэкономического полезного эффекта от внедрения новых инфокоммуникационных технологий // Труды НИИР № 2. 2012. С. 3—10.
4. *Sarian V.* Indicators of information society development in the APEC region, Workshop in APEC TEL. 52, 2015 Auckland, New Zealand.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14—03—00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

Информация об авторах

Левашов Виктор Константинович, д. с. н., руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, Москва, Россия, analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

Сарьян Вильям Карпович, д. т. н., профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения, научный консультант ФГУП НИИР, Москва, Россия, sarian@niir.ru

Назаренко Анатолий Петрович, к. т. н., директор НТЦ, заместитель генерального директора ФГУП НИИР, Москва, Россия, apn@niir.ru

Новоженина Ольга Петровна, старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, Москва, Россия, analytic@ispr.ras.ru

Тощенко Илья Жанович, MBA (Master of Business Administration), совмещенный с MBI (Master of Business Informatics) от Роттердамского университета им. Эразма, директор ООО «Системные решения», Москва, Россия, ilyatoschenko@mail.ru

Шушпанова Ирина Сергеевна, к. с. н., старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, Москва, Россия, analytic@ispr.ras.ru

Саломатина Елена Васильевна, аспирант Московского технического университета связи и информатики, Москва, Россия, salolew@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

С. Г. Максимова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования, осуществленного нами в 2014—2015 гг. с целью оценки состояния и перспектив развития сектора негосударственных некоммерческих организаций в шести приграничных регионах Российской Федерации: Алтайский край, Забайкальский край, Калининградская область, Кемеровская область, Оренбургская область, Республика Карелия. Анализ показал довольно низкую осведомленность граждан и противоречивость восприятия содержания понятия «гражданское общество». Чаще всего население отождествляет гражданское общество и правовое государство, декларирующее приоритет права, закона. Выявлена региональная специфика определения гражданского общества. Что касается деятельности организаций некоммерческого сектора, она остается для населения скрытой, неясной, что закономерно ввиду отсутствия у людей личного опыта взаимодействия с НКО и низкой информированности о работе этих организаций.

Ключевые слова: некоммерческие организации, гражданское общество, Россия, приграничные регионы

Уровень развития гражданского общества становится одним из решающих факторов политического, экономического, научно-технического развития страны в целом. Задача модернизации экономики и общества не может быть решена без вовлечения в этот процесс как можно большего числа творческих, свободных и активных граждан.

Очевидно, что формирование в нашей стране полноценного гражданского общества невозможно без наличия широкого спектра различных объединений, ассоциаций граждан, помогающих реализации гражданской активности, их эффективности. Гражданское общество, как правило, состоит из индивидов и их ассоциаций, обслуживающих различные страты, на которые делится гражданское общество. Кроме того, существование гражданского общества тесно соотносится с гражданской активностью, в основном реализуемой в общественных организациях. Причем основной акцент в данном направлении направлен на контроль деятельности государственных органов, т. е. на определенное давление на власть снизу, активности, которая, по существу, является главной функцией структур гражданского общества.

Если на уровне государства вопросы взаимодействия власти с институтами гражданского общества претерпели изменения, то на региональном и местном уровне остается немало вопросов, которые требуют отдельного рассмотрения. Приграничное положение территорий обостряет специфику социальных проблем сообщества, в итоге ярко высвечивая проблемы, попадающие в фокус деятельности некоммерческих организаций.

Рассматривая проблему социального капитала, необходимо отметить, что в настоящее время он часто интерпретируется как характеристика группы и общества в целом: характеристики социальной жизни — сети, нормы и доверие, которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей [1]; силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций [2]; культура доверия и терпимости, в которой появляются обширные сети добровольных ассоциаций [3].

Мы рассматриваем социальный капитал гражданского общества с позиций формирования определенных социальных норм и институтов, в частности выделяем: институциональный уровень анализа: социальные институты, неформальные горизонтальные связи, социальные нормы; социально-групповой и индивидуально-личностный уровни анализа: доверие, гражданскую идентичность, групповую идентичность и социальные сети (вовлеченность)[4].

В 2014—2015 гг. нами было осуществлено социологическое исследование с целью оценки состояния и перспектив развития сектора негосударственных некоммерческих организаций в шести приграничных регионах Российской Федерации: Алтайский край, Забайкальский край, Калининградская область, Кемеровская область, Оренбургская область, Республика Карелия (экспертный опрос 600 НКО, по 100 НКО в каждом регионе), также была проведена оценка состояния гражданского общества (анкетный опрос населения по 400 респондентов в каждом из субъектов, $N = 2400$).

Для изучения представлений населения приграничных регионов России о том, что такое гражданское общество и каковы его критерии, респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, и тем самым указать наиболее существенные признаки гражданского общества.

Результаты исследования продемонстрировали довольно низкую осведомленность граждан и противоречивость восприятия содержания понятия «гражданское общество». Чаще всего население отождествляет гражданское общество и правовое государство, декларирующего приоритет, верховенство права, закона: 39,85 % респондентов отметили, что гражданское общество — это «общество, где главенствует закон, и все

люди перед ним равны»; 19,33% определяют гражданское общество как сотрудничество, взаимодействие органов власти и общества — «самоуправляемое общество, свободное от диктата со стороны государства, но сотрудничающее с ним для выполнения функций защиты от внешней угрозы, поддержания правопорядка и т. п.». Лишь на третьем месте — определение, наиболее близко отражающее суть гражданского общества: «общество, в котором граждане имеют возможность создавать независимые от государства объединения для защиты собственных интересов» (16,72%).

Выявлена региональная специфика определения гражданского общества. Жители Забайкальского края (21,9%) и Оренбургской области (20,4%) наиболее часто трактуют гражданское общество, через «общество, в котором граждане имеют возможность создавать независимые от государства объединения для защиты собственных интересов».

Современное состояние гражданского общества в России характеризуется существенными диспропорциями как по отдельным секторам, так и в региональном сравнении. В исследовании оценивался уровень развития гражданского общества в России. Каждый десятый житель регионов уверен, что в России уже есть гражданское общество (10,7% респондентов). Треть респондентов (30,1%) считают, что о наличии гражданского общества в России говорить пока рано, но процесс его формирования уже идет. Особую тревогу вызывает тот факт, что почти 21,2% жителей приграничных регионов России считают, что в России гражданское общество начинало формироваться, но сейчас оно уничтожается.

Важной тенденцией в развитии гражданского общества стало то, что в его среде стали нарастать тенденции разъединения организованного, институционально оформленного и «обласканного» властью гражданского общества и неформального, связанного, прежде всего, с «низовой» гражданской инициативой (движения т. н. «одной проблемы»). Организованное гражданское общество все больше интегрировалось в политическую надстройку и поощрялось «сверху». Неформальное возникало «снизу» и жило по законам выражения наболевших проблем простых граждан.

Анализ распределения ответов респондентов на вопрос анкеты «Знаете ли Вы что-то о деятельности каких-либо некоммерческих организаций?» подтверждает факт отсутствия у большей части населения достоверных, полных, конкретных знаний о деятельности каких-либо некоммерческих организаций.

Согласно полученным оценкам, население в значительной степени «поляризовано» по признаку доверия или недоверия НКО. По мнению большинства респондентов, население «скорее не доверяет НКО» (37,7%). Утверждающих обратное в выборке оказалось гораздо меньше — 28,5%.

Вместе с тем, некоммерческий сектор не может эффективно развиваться в условиях выраженного недоверия со стороны граждан, ведь именно они должны выступать инициаторами создания некоммерческих объединений, принимать активное участие в их работе и в то же время являться получателями услуг НКО.

Очевидно, что отсутствие определенной позиции по этому вопросу негативно сказывается на готовности людей участвовать в работе НКО или же обращаться в данные организации для защиты своих прав и интересов, решения проблем. В целом эти данные говорят о том, что деятельность некоммерческого сектора остается для населения малопонятной, скрытой, неясной, что вполне закономерно в условиях отсутствия личного опыта взаимодействия с НКО и низкой информированности о работе данных организаций.

Таким образом, подрыв базового доверия к представителям различных социальных групп и слоев является причиной невозможности развития социального капитала, налаживания социальных связей, необходимых для эффективного функционирования гражданского общества. Главная ценность гражданского общества — это, прежде всего, сам человек. Именно от его активности и позиции зависит, какие неправительственные организации получают развитие, и как будет завтра выглядеть архитектура гражданского общества в регионах России.

Список литературы

1. *Putnam R. Social Capital Measurement and Consequences // Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 2. № 1. P. 41—51.*
2. *Turner J. The Formation of Social Capital // Social Capital : A Multifaceted Perspective / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington (DC) : The World Bank, 2000.*
3. *Inglehart R. Modernization and Post-Modernization : Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. New Jersey : Princeton University Press, 1997.*
4. *Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Суртаева О. В. Социальный капитал гражданского общества: состояние и перспективы развития сектора негосударственных некоммерческих организаций в приграничных территориях современной России // под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2014.*

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Гранта № Г-29-2/15 от «01» декабря 2015 г. «Доверие как социальный капитал развития граждан-

ского общества: региональное измерение». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Информация об авторе

Максимова Светлана Геннадьевна, д. с. н., профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, svet-maximova@yandex.ru.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

О. В. Малахова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Существуют авторитетные площадки международного сотрудничества в области изучения гражданского общества и исследовательские проекты, проводящие сравнительные характеристики динамики развития гражданского общества в различных странах мира и регионах, анализирующие активность и направления изменения деятельности его институтов. Российским специалистам необходимо включаться в реализуемые международные проекты, в проведение качественных региональных исследований в сфере гражданского общества. Это потребует значительного расширения профессиональной сети экспертов, социологического сопровождения проектов, глубинных исследований на основе обмена данными, координационных связей, а также значительных финансовых вложений для проведения всероссийских исследований и разработки адекватного инструментария.

Ключевые слова: гражданское общество, оценка развития, неправительственные организации

В настоящее время в России появляется значительное количество научных публикаций, посвященных анализу эмпирических исследований гражданского общества. Указанные исследования создают базу и расширяют возможности анализа институтов гражданского общества в динамике и статике, позволяют проследить процесс развития некоммерческого сектора, его активность в различных сферах общественной жизни, оценить степень влияния на процесс формирования и функционирования гражданского общества комплекса внешних и внутренних факторов. Изучение этих исследовательских проектов может стать основой для формирования методологии исследования российского гражданского общества.

Реализуемые зарубежными и отечественными специалистами исследования позволяют проводить сравнительные характеристики динамики развития гражданского общества в различных странах мира и регионах, анализировать активность и направления изменения в деятельности его институтов. Описывая существующие проекты оценки уровня развития гражданского общества необходимо отметить, что все они концентрируются на международном, страновом или региональном уровне.

Наиболее известными из используемых в научных источниках и публикациях по проблематике гражданского общества являются: т. н. «Индекс гражданского общества», который реализуется как проект всемирного (международного) альянса за гражданское участие — CIVICUS, проекты научного Центра при университете им. Джонса Хопкинса, анализирующие экономику некоммерческого сектора, а также Индекс устойчивости неправительственных организаций Центральной и Восточной Европы и Евразии.

Индекс устойчивости неправительственных организаций составляется при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) с 1997 г. в 29 странах Центральной и Восточной Европы. Основная задача проекта состоит в том, чтобы оценить результаты грантовых программ, финансируемых государством. Именно с этим фактом и связан основной недостаток в проводимых замерах — он «направлен на изучение крупных и авторитетных НПО, оставляя за рамками исследовательского фокуса и научного анализа деятельность неформальных групп и, как следствие, не давая достаточного представления об общих контурах гражданской активности» [3].

Проект научного Центра при университете им. Джонса Хопкинса основан на привлечении широкого круга статистических данных и направлен на выявление общих закономерностей и особенностей экономического развития некоммерческого сектора. Реализация проекта направлена на сбор достоверной эмпирической информации о секторе некоммерческих организаций в развитых и развивающихся странах с использованием общей концептуальной системы и методологии, что позволяет сконцентрировать исследовательский интерес исключительно на анализе расходов третьего сектора, его классификации по сферам экономической деятельности, вкладе в экономику страны и занятость.

Данные исследовательские проекты ориентированы на то, чтобы включить с орбиту исследования значительный массив количественных параметров оценки и максимально систематизировать информацию о субъектах и институтах гражданской активности в России. По мнению экспертов, использование данных исследований и включение российских специалистов в проекты позволило бы получить комплексное представление о российском гражданском обществе, проанализировать его активность, основные сферы проявления этой активности, сравнить специфику российского сектора неправительственных организаций с гражданской деятельностью в зарубежных странах, включить в исследовательскую деятельность научные коллективы.

Исследования «Альянса за гражданское участие» в рамках «Индекса гражданского общества» ориентированы на реализацию исследовательских целей в трех следующих направлениях: защита прав гражданского

общества, укрепление гражданского общества на основе передового опыта; повышение влияния гражданского общества. Альянс привлекает к взаимодействию и сотрудничеству наиболее значимые исследовательские центры для проведения опросов общественного и экспертного мнения, известных страновых экспертов, что дает возможность представлять достоверные сведения о гражданской активности более чем в шестидесяти странах.

Среди значительного количества гражданских проектов, Альянс реализует проект «Индекс гражданского общества» (ИГО), который представляет собой результат совместной оценки потребностей гражданского общества и деятельности его организаций, целью которого является «создание базы знаний и формирование импульса для укрепления инициативы гражданского общества» [2]. Полученные на основе применения уникальной методологии обработки данных результаты становятся основой для построения графической модели индекса гражданского общества — «алмаза» гражданского общества.

Данный проект довольно часто подвергается критике со стороны экспертного сообщества. В частности к наиболее слабым сторонам проекта относят громоздкость показателей, используемых для оценки гражданской активности (4 компонента, 20 характеристик и более чем 70 индикаторов), а также невозможностью полного учета специфики исследуемых стран с точки зрения процесса формирования гражданского общества, институционализации его субъектов. Но, несмотря на это, за время существования проекта удалось «внести вклад в мировое научное знание о современных глобальных тенденциях развития гражданского общества. ... CIVICUS несомненно является одной из лучших и наиболее авторитетных площадок международного сотрудничества в области изучения гражданского общества и содействия его развитию» [1].

Это свидетельствует о необходимости профессионального и постоянного включения российских специалистов в реализуемые международные проекты, а также проведение качественных региональных исследований в сфере гражданского общества. Все это потребует значительного расширения профессиональной сети экспертов, социологического сопровождения проектов, глубинных исследований на основе обмена данными, координационных связей, а также значительных финансовых вложений для проведения всероссийских исследований и разработки адекватного инструментария.

Список литературы

1. *Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческо-*

го сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества — CIVICUS» / Л. И. Якобсон, И. В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др. М. : НИУ ВШЭ, 2011.

2. *СИВИКУС*: Всемирный альянс за гражданское участие [Электронный ресурс]. URL: <http://civicus.org/index.php/en/what-we-do-126/2014-04-25-03-26-23/csi> (дата обращения: 08.10.2015 г.).

3. *Степанова А. А.* Индексные подходы к исследованию российского гражданского общества: особенности применения зарубежного опыта // Вестник ПАГС. 2009. № 3. С. 43—48.

Информация об авторе

Малахова Оксана Владимировна, к. полит. н., доцент, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление» Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия, o.v.malahova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ НА ГРАЖДАНСКУЮ ПОЗИЦИЮ (НА ПРИМЕРЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА «ОРТОДОКС МОНИТОР»)

К. В. Маркин

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. В современном мире, в том числе и в России, религия играет все более значительную роль в своем воздействии на общество и государство. Многие общественные организации по всему миру либо имеют религиозные основания, либо религиозность играет решающую роль в их действиях и идеалах. В настоящей работе рассматривается связь религиозности с рядом показателей, отражающих гражданскую позицию россиян.

Ключевые слова: религиозность, гражданская позиция, православные респонденты, кластерный анализ

Типология религиозности и индикаторы гражданской позиции

В нашей работе проводится построение типологии православных респондентов с помощью иерархического кластерного анализа (метод: average linkage within groups). Анализ проводится на массиве данных проекта «Ортодокс монитор» (2011 г.) [6]. Методология исследования разработана в рамках исследовательского семинара «Социология религии» ПСТГУ, опрос по всероссийской выборке проводил Институт Фонда «Общественное мнение», количество опрошенных составило 1500 респондентов. Для анализа были отобраны респонденты, идентифицирующие себя с православным вероисповеданием. Наряду с религиозностью в опрос были заложены инструменты, выявляющие гражданскую активность респондентов.

Операционализация религиозности основывается на многомерном подходе Ч. Глока [5], однако мы постарались максимально актуализировать вопросы для современного респондента, который позиционирует себя как православного. Также мы опирались на уже проделанную в этой области в России работу: методику изучения православной религиозности В. Ф. Чесноковой, ее развитие Ю. Ю. Синелиной [2] и её критику со стороны С. Д. Лебедева и В. В. Сухорукова [1].

В операционализации религиозности используются 4 индикатора: вера в Бога, частота посещения храма, частота посещения богослужений, частота исповеди и причастия. Указанные индикаторы были перекодированы в дихотомические переменные, в качестве меры близости использовался коэффициент простого соответствия (simple matching).

В результате проведенного анализа были получены следующие кластеры:

1. «Сомневающиеся без практики» (11 % от всех опрошенных, 158 респондентов);
2. «Верующие без практики» (20 %, 305 респ.);
3. «Посещающие храм раз в год» (7 %, 98 респ.);
4. «Сомневающиеся, посещающие службу раз в год» (4 %, 58 респ.);
5. «Верующие, посещающие службу раз в год» (20 %, 303 респ.);
6. «Причащающиеся раз в год» (7 %, 100 респ.);
7. «Посещающие службу каждый месяц, но не причащающиеся» (2 %, 29 респ.);
8. «Редко причащающиеся» (2 %, 28 респ.);
9. «Ядро общины» (2 %, 28 респ.).

Для сравнительного анализа были добавлены ещё 3 группы респондентов:

10. «Другое вероисповедание» (8 %, 123 респ.);
11. «Без вероисповедания» (13 %, 190 респ.);
12. «Затрудняюсь ответить» (6 %, 85 респ.).

В качестве индикаторов гражданской позиции мы использовали следующие вопросы:

1. «Независимо от того, считаете ли Вы себя религиозным человеком, принимали ли Вы участие в следующих видах деятельности, организованных церковью, храмом / мечетью, приходом или религиозной общиной, хотя бы один раз за последние 3 года?» (ответ «помощь нуждающимся»);
2. «Если бы была такая возможность, хотели бы Вы, чтобы Ваши дети (или внуки) жили в другой стране?»

Первый вопрос характеризует интенсивность участия респондента в деятельности, приносящей пользу обществу, организатором которой не было бы государство. Способность членов социума помогать друг другу без участия государства создает важный прецедент независимости (от государства). Развитая система взаимопомощи — важный индикатор гражданского общества.

Второй вопрос характеризует степень ответственности, испытываемой респондентом по отношению к ситуации в стране. Утвердительный ответ является положительным фактором для гражданской позиции респондента. Вопрос задается о детях, а не о самом респонденте.

Результаты

Из табл. 1 видно, что уровень религиозности практически линейно влияет на уровень участия. Так, только 5 % респондентов из группы с наименьшей религиозностью участвовали в подобных мероприятиях в последние три года. Группа респондентов, хотя бы раз в год посещающих

службу, уже показывает 15 % участия. Из тех, кто причащается хотя бы раз в год, 24 % респондентов помогли нуждающимся. Группа с наивысшей религиозностью обеспечивает 32 % участия, что является максимальным показателем среди всех групп. Респонденты, которые принадлежат другим вероисповеданиям, также показывают значительное участие (24 %). Как и ожидалось, респонденты без конфессиональной принадлежности практически не участвуют в организуемых Церковью социальных мероприятиях. По уровню участия они сравнимы с наименее религиозными православными.

Таблица 1. Участие в помощи нуждающимся (% по строке)

Типология религиозности	%	База (чел.)
Сомневающиеся без практики	5	158
Верующие без практики	11	305
Посещающие храм раз в год	8	98
Сомневающиеся, посещающие службу раз в год	8	53
Верующие, посещающие службу раз в год	15	303
Причащающиеся раз в год	24	100
Посещающие службу каждый месяц, но не причащающиеся	24	29
Редко причащающиеся	25	28
Ядро общины	32	28
Другое вероисповедание	24	123
Без вероисповедания	6	190
Затрудняюсь ответить	14	85

Из табл. 2 видно, что в группе с наименьшей религиозностью 27 % респондентов скорее не видят будущего для своих детей в России. 41 % из них считают, что их дети должны оставаться жить в нашей стране. Группа с наибольшей религиозностью показывает 7 % и 75 % соответственно. Группа респондентов «без вероисповедания» сопоставима с наименее религиозными православными, 28 % из них не видят будущего своих детей в России.

Таблица 2. Если бы была такая возможность, хотели бы Вы, чтобы Ваши дети (или внуки) жили в другой стране? (% по строке)

Типология религиозности	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	База (чел.)
Сомневающиеся без практики	27	41	32	158
Верующие без практики	19	50	31	305
Посещающие храм раз в год	21	61	17	98
Сомневающиеся, посещающие службу раз в год	19	60	21	53
Верующие, посещающие службу раз в год	22	61	17	303
Причащающиеся раз в год	17	63	20	100
Посещающие службу каждый месяц, но не причащающиеся	14	55	31	29
Редко причащающиеся	21	68	11	28
Ядро общины	7	75	18	28
Другое вероисповедание	28	55	18	123
Без вероисповедания	27	45	28	190
Затрудняюсь ответить	21	46	33	85

Заключение

Полученный нами результат показывает, что религиозность, подкрепленная наличием институциональных практик, положительным образом сказывается на участии респондентов в некоммерческих социальных мероприятиях. В отношении социальной ответственности разница между группами обнаруживается только при сравнении высокорелигиозных респондентов с малорелигиозными. В целом мы можем прийти к заключению, что, по данным опроса «Ортодокс Монитор», религиозность положительным образом влияет на индикаторы гражданской позиции.

Список литературы

1. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические Исследования. 2013. № 1. С. 118—126.
2. Синелина Ю. Ю. Измерение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. М. : Наука, 2006.

3. *Casanova J. Civil Society and Religion: Retrospective Reflections on Catholicism and Prospective Reflections on Islam // Soc. Res.* 2001. Т. 68. № 4. С. 1041—1080.
4. *Demerath N. J. I. Civil Society and Civil Religion as Mutually Dependent // Handbook of the Sociology of Religion.* Cambridge University Press, 2003.
5. *Glock C. Y. On the Study of Religious Commitment // Relig. Educ.* 1962. Т. 57. Sup. 4. С. 98—110.
6. *Orthodox Monitor* [Электронный ресурс]. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodoxmonitor> (дата обращения: 29.02.2016).

Информация об авторе

Кирилл Васильевич Маркин, научный сотрудник лаборатории «Социология религии» при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, Москва, Россия, markink20@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Мельников

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Политическая социализация необходима для полноценной интеграции современной российской молодежи в общественные структуры. Специальное исследование политической социализации и становления ценностных ориентаций молодежи имеет особое значение, так как именно молодежь — интеллектуальная и политическая элита будущего российского общества, определяющая его лицо. Анализ данных социологического исследования, проводившегося в феврале-марте 2015 г. показывает, что главный институт политической социализации молодежи Орловской области — семья.

Ключевые слова: молодежь, политическая социализация, гражданское общество

В современный период, отмеченный, с одной стороны, стремлением к радикальной трансформации отношений собственности, к коренным изменениям политической структуры, а с другой — тотальным кризисом во всех сферах общественной жизни, необходимо усиление внимания к проблемам молодежи, так как именно она занимает важнейшую позицию в общественном воспроизводстве.

Делегитимизация модуса социального будущего обусловила такие условия социализации современной молодежи, как кризис магистральных векторов и ценностей для развития социума, неоднозначность критериев социальной «зрелости», акцент общества на самоопределении и культуре индивидуальных достижений человека, усиление идеологии консьюмеризма и технократизма.

Исследование факторов политической социализации молодежи актуализируется ростом позитивных и негативных последствий, эффективностью инструментов самовыражения молодых людей; противоречиями, порожденными их стремлением к свободе и безопасности. Обретение молодежью новых уровней возможностей самореализации требует новых уровней организации развития механизмов социальной интеграции. Их неопределенность влечет хаотичность действий общества по регулированию политической социализации молодежи. Обретают значимость идеи социальной интеграции без каких-либо стратегических целей.

Растущее число технологий взаимодействий с обществом не снижает конфликтность политической социализации молодежи и сложности ее становления как граждан, обусловленных, в частности, дефицитом мотиваций, поднимающих человека над индивидуальным бытием, и соответствующего им социокультурного и политического опосредования. Их формирование требует участия институтов, управляющих саморегуляцией социума в целом, факторов, способных влиять на политическую социализацию в контексте общественных приоритетов и потребностей как проявлений отношений человека в политической сфере. Масштабы последствий «ошибок» политической социализации, рост различий ее траекторий и оценок, актуализируют в качестве движущих сил политической социализации молодежи национальные государства, имеющие прерогативы генерации ее общеобязательных норм как потенциала для организации, сохранения общества и человека. Урегулирование проблем современной политической социализации молодежи, сопряженных с проблемами достижения социального порядка в условиях неустойчивости его ценностей, требует государственного уровня решений и ресурсов, нацеленных на выработку и включение в социальный процесс систем обеспечения политической социализации молодежи, которые отвечали бы современной степени комплексности ее проблем.

Выработку новых механизмов политического регулирования социализации молодежи стимулирует рост множественности векторов динамики структур социального порядка, когда важным уровнем кооперации становятся способности, стилистика мышления человека о политике, позволяющие варьировать ценностные категории. В его регуляции иерархизированные структуры и институты политической социализации начинают соседствовать с разными формами солидарностей, влияющими на мыследеятельностную активность молодежи. Исследование потенциала молодежной политики обретает значимость в контексте нарастания меняющейся в своем «фокусе» внимания актуальности общегосударственных мер, нацеленных на формирование основ управления динамичным множеством путей и сегментов политической социализации, построение совместного будущего для всего разнообразия человека в обществе.

Анализ данных социологического исследования, которое проводилось в феврале-марте 2015 г. Орловским филиалом РАНХиГС кафедрой социологии и психологии управления (опрошено 404 молодых респондента, выборка репрезентативна по половозрастной структуре) показывает, что среди социальных институтов политической социализации подрастающего поколения, по самооценке опрошенной молодежи Орловской области, превалирует институт семьи. Так ответило 55,7 % молодых респондентов.

Роль политических партий и молодежных организаций и объединений молодежь оценивает очень низко, соответственно 4,0 % и 1,7 %.

Лишь каждый десятый респондент отмечает образовательные институты в качестве социализирующих и оказывающих влияние на формирование политических ценностей и предпочтений. (рис. 1)[2].

Рисунок 1. Институты политической социализации молодежи

Учитывая социально-возрастную специфику молодежи, лабильность сознания, неустойчивость политических ориентаций, молодых людей необходимо политически воспитывать, чтобы они осознали значимость собственного положения в обществе и свою политическую силу. При этом необходимо отметить, что «создание необходимых условий для реализации молодежного потенциала и активного вовлечения молодых людей в общественные процессы возможно лишь на основе глубокого изучения их социально-политических предпочтений, иерархии проблем, целей и устремлений» [1]. Таким образом, воплощение политического опыта предшествующих поколений, их политические представления, убеждения и нормы поведения как элементы политической культуры обеспечивают воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности. Ориентация молодого поколения на достижение общественно значимых задач должна одновременно сочетать принципы солидарности и критической оценки политической ситуации, преданности общественным идеалам и независимости суждений. Реализация данных позиций будет в итоге способствовать преодолению обособленности и крайней дифференциации молодежной группы.

В заключение отметим, что характер трансформационных практик во многом определяет процессы политического воспитания и социализации.

зации российской молодежи. Процессы развития политического сознания продолжают протекать под влиянием всей политической системы, включая институты и агентов политической социализации. В этом случае следует обратить внимание на функциональные характеристики процесса политической социализации в современных российских условиях: а) передача новым членам политического сообщества свойственной ему политической культуры, основных элементов политического поведения; б) преобразование некоторых элементов политического поведения как необходимое условие общественных изменений; в) создание новой политической культуры, связанной с возникновением новой политической системы, нового независимого общественного устройства. Таким образом, политическая социализация современной российской молодежи должна осуществляться с целью полноценной интеграции молодежи в общественные структуры.

Список литературы

1. Меркулов П. А., Малик Е. Н. Разработка государственной молодежной политики в России: история и современность. // Вестник Орловского государственного университета. (Серия: Новые гуманитарные исследования). 2015. № 2(43). С. 137—141.
2. Дорохова Ю. В., Игнатова Т. В., Проказина Н. В. Молодежь Орловской области в 2015 г.. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень/ под общ. ред. П. А. Меркулова. Орел : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2015.

Информация об авторе

Мельников Алексей Викторович, к. полит. н., доцент кафедры политологии и государственной политики РАНХиГС при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, melnikov@orel.fanepa.ru

ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ 10 ЛЕТ НАБЛЮДЕНИЙ

И. В. Мерсиянова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Доклад основан на данных мониторинга состояния гражданского общества, который ведется в НИУ «Высшая школа экономики» на базе Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора с 2006 г. Получаемые в рамках мониторинга данные являются не только необходимой эмпирической базой для подготовки научных публикаций и информационно-аналитических материалов, но и служат целям гражданского образования и просвещения.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческий сектор, индикаторы развития, мониторинг

Исследования в области гражданского общества и некоммерческого сектора в нашей стране активизировались с середины 2000-х гг. и проводятся к настоящему времени целым рядом организаций. С одной стороны, авторитетными научно-исследовательскими институтами (Институт социологии РАН, Институт социально-политических исследований РАН). С другой стороны, известными социологическими компаниями (Институт фонда «Общественное мнение», ВЦИОМ, «Левада-центр», ЦИРКОН), аналитическими центрами и НКО (российское представительство САФ, Центр ГРАНИ, СЦПОИ и др.). Однако, несмотря на значительный объем публикаций, в том числе поддержанных грантами по распоряжению Президента РФ, полученные результаты скорее мозаичны, как правило, не поддаются прямому сопоставлению между собой и далеко не полностью покрывают проблемное поле. При этом не исключается их научная ценность.

Исследования в рамках мониторинга состояния гражданского общества, который с 2006 г. ведется в НИУ «Высшая школа экономики» на базе Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, покрывают основные компоненты российского гражданского общества (институциональная структура и вовлеченность населения в практики гражданского общества). Высокое качество доступных эмпирических данных обеспечивает разработанный валидный и надежный инструментарий исследований, репрезентативные выборки. Результаты исследований являются востребованными со стороны многих заинтересованных лиц и организаций, включая федеральные органы власти и сообщество исследователей гражданского общества.

Данные мониторинга используются в преподавательской практике на кафедре экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях ФСН НИУ ВШЭ, а также при подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ как студентов данной кафедры, так и других кафедр и факультетов. Это способствует повышению качества выполняемых ими работ и реальному включению студентов в научно-исследовательскую деятельность. Также данные мониторинга способствуют повышению содержательного уровня материалов, используемых в программах дополнительного образования Центра.

Информация об авторе

Мерсиянова Ирина Владимировна, к. с. н., директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, Москва, Россия, imersianova@hse.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТА УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ С ДРУГИМИ ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. П. Микова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Взаимодействие участковых уполномоченных полиции с гражданами и их объединениями помогает наиболее качественно реализовывать правоохранительные задачи и функции, давать проблемной ситуации комплексную оценку. Граждане предоставляют органам правопорядка всю известную им информацию по конкретному делу, а сотрудники полиции заостряют внимание на причинах происходящего и предлагают возможные варианты решения. В действительности о подобном сотрудничестве говорить не приходится. Сам механизм взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества является мало востребованным. Однако без конструктивных взаимоотношений правоохранительных органов и гражданского населения невозможно развитие современного гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, полиция, участковый уполномоченный, народные дружины

Понятие «гражданское общество» занимает центральное место во многих социогуманитарных науках. Среди ученых постоянно ведутся дискуссии о сущности гражданского общества и о его взаимодействии с государством. Считается, что государство должно создавать благоприятные условия для деятельности гражданского общества, оказывать поддержку его институтам. В свою очередь, «гражданское общество должно выполнять функцию гражданского контроля по отношению к государству» [1, с. 66], здесь речь идет о защите граждан от незаконного вмешательства государственной власти в их деятельность. По мнению Е. А. Попова и С. Г. Максимовой, «гражданское общество — это выраженная в особых, допустимых с точки зрения права, формах позиция граждан по отношению к деятельности государства и его механизмам» [2, с. 18]. В таком обществе население вправе давать критическую оценку отдельным государственным структурам и государству в целом.

«Современные проблемы модернизации системы общественных отношений не могут быть решены без усиления внимания государства и институтов гражданского общества к соблюдению правопорядка, пресечения различных видов преступной деятельности и девиантного поведения

граждан» [3, с. 92]. Для обеспечения социальной стабильности общества необходимо организовать грамотное взаимодействие правоохранительных органов и институтов гражданского общества. Такое взаимодействие предполагает «системную оценку криминогенной ситуации, определение политических, экономических, организационных, психологических и правовых последствий, формирование комплексных мер по противодействию преступности; применение превентивных мер против лиц, групп, сообществ, зафиксированных как субъекты преступной деятельности или девиантного поведения; неукоснительное соблюдение прав граждан, ставших объектом преступной деятельности; разработка и создание системы неотвратимости наказания за свершенные преступления и т. п.» [3, с. 93].

Большая ответственность в этом вопросе ложится на участковых уполномоченных полиции. Именно участковый является первичным звеном в цепи взаимодействия граждан и правоохранительных органов, он отвечает за общественный порядок на подведомственной ему территории и владеет наиболее полной информацией о лицах, проживающих на данном участке.

Среди существующих форм взаимодействия института участковых и других институтов гражданского общества особо хочется выделить:

1. «оказание содействия и помощи институтам гражданского общества в осуществлении ими мероприятий по охране общественного порядка и проведении профилактической работы с правонарушителями и лицами, находящимися в социально-негативной среде;
2. информирование общественности о совершенных правонарушениях, получение от них информации, представляющей оперативный интерес для полиции;
3. поощрение членов общественных объединений правоохранительной направленности, внештатных сотрудников полиции и граждан, отличившихся в охране общественного порядка;
4. осуществление общественного контроля над соблюдением законодательства, профилактика негативных явлений (пьянства, наркомании и т. д.), проведение совместных рейдов, патрулирования, правовое воспитание и просвещение населения;
5. отчет участкового уполномоченного полиции перед населением о проделанной работе в целях информирования населения об оперативной обстановке и проделанной работе, а также получения информации об оценке населением деятельности участкового уполномоченного полиции и территориального органа МВД России» [4, с. 18].

Исходя из самой сущности института участковых уполномоченных полиции, участковые обязаны взаимодействовать с гражданами и их

объединениями, это помогает наиболее качественно реализовывать правоохранные задачи и функции. Благодаря совместной деятельности граждан, их объединений и правоохранительных органов, института участковых, в частности, проблемной ситуации можно дать комплексную оценку. Граждане предоставляют органам правопорядка всю известную им информацию по конкретному делу, а сотрудники полиции заостряют внимание на причинах происходящего и предлагают возможные варианты решения.

В действительности о подобном сотрудничестве говорить не приходится. Сам механизм взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества является мало востребованным. «Проводимая реформа полиции, призванная вовлечь институты гражданского общества в контроль над полицией, пока далека от завершения» [1, с. 67]. Многие сотрудники полиции недооценивают преимущества взаимодействия с другими институтами общества, а конкретно у участковых не хватает времени для подобного сотрудничества, так как зачастую они обслуживают сразу несколько административных участков и в пределах своих полномочий оказывают содействие другим органам правопорядка.

Тем не менее, важно отметить, что работа по установлению сотрудничества между этими институтами ведется. Об этом говорит и факт добровольного участия граждан в охране общественного порядка. Огромную значимость приобретают вопросы, связанные с организацией взаимодействия института участковых с добровольными народными дружинами и другими общественными объединениями. По данным на 2014 г., «при содействии общественных формирований (народных дружин, казачьих объединений, правозащитных организаций) было раскрыто около 9000 преступлений и выявлено порядка 220 000 административных правонарушений» [5].

Таким образом, социологи настаивают на том, что без конструктивных взаимоотношений правоохранительных органов и гражданского населения невозможно развитие современного гражданского общества. Население рассматривает полицию в качестве института, призванного защищать права и свободы граждан, а полиция для эффективного выполнения своих функций ждет от населения поддержки и сотрудничества. «В случае неустойчивых отношений между органами правопорядка и обществом становится невозможным обеспечение одного из важнейших принципов стабильности государства — безопасности населения» [5].

Список литературы

1. *Соболева М. М.* О взаимодействии полиции и институтов гражданского общества в сфере защиты прав и свобод человека в России /

М. М. Соболева // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 66—69.

2. Попов Е. А. Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы / Е. А. Попов, С. Г. Максимова // Политика и общество. 2012. № 7. С. 17—22.

3. Половинкин В. А. Взаимодействие институтов гражданского общества и полиции в решении общественно значимых задач / В. А. Половинкин // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И Герцена. 2014. № 166. С. 92—102.

4. Киричёк Е. А. Правовое регулирование, основные формы и перспективы взаимодействия участковых уполномоченных полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации / Е. А. Киричёк // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 16—20.

5. Хозикова Е. С. К вопросу о взаимодействии полиции с институтами гражданского общества в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Правозащитник. 2014. № 4. URL: <http://pravozashitnik.net/ru/2014/4/23> (дата обращения: 02.03.16).

Информация об авторе

Микова Мария Петровна, магистрант социологического факультета Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, mikova_93@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ РАЗВИТИЯ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА

Е. Новичихин, Д. Маткина

Маркетинговое агентство «Smartberry Research Solutions», Москва, Россия

Аннотация. Данное исследование направлено на изучение состояния некоммерческих организаций, неформальных сообществ и гражданских активистов, их связей внутри третьего сектора, взаимоотношения с другими секторами (государство, бизнес-структуры) и с местным населением. Исследование проводилось в Центральном федеральном округе, Северо-Западном, Дальневосточном, Уральском, Крымском, Северо-Кавказском и Южном федеральных округах (в рамках исследования охвачены и труднодостижимые регионы). Данный охват некоммерческого сектора позволяет рассмотреть потенциал и особенности каждого региона в отдельности.

Ключевые слова: третий сектор, неформальные сообщества, гражданские активисты, некоммерческие организации

Актуальность данного исследования обусловлена не только исследовательским вниманием к проблемам некоммерческих организаций и гражданских проектов: вклад государства в развитие третьего сектора за последние несколько лет, поддержка НКО бизнес-структурами и усилия самих участников некоммерческих проектов позволяют третьему сектору оставаться полноправным участником общественной и государственной жизни.

- В докладе будут представлены не только фактологические материалы, но и сравнительный анализ деятельности НКО в России (7 федеральных округов) по следующим параметрам:
- социальная база третьего сектора
- экономика третьего сектора
- сферы деятельности третьего сектора
- барьеры развития третьего сектора
- взаимоотношения НКО с государством, бизнесом, местными жителями
- потребность в ресурсах

Методология исследования:

Исследование включало в себя количественный и качественный этап. В каждом из федеральных округов оба этапа были запущены параллельно друг другу.

Количественный этап

Для проведения данного этапа был использован метод интервью (количественное он-лайн интервью по формализованной анкете). Выборка в каждом регионе составила 250 человек. Опрос был проведен среди руководителей некоммерческих организаций, руководителей профсоюзных организаций, руководителей проектов гражданских инициатив.

Качественный этап

Для проведения данного этапа был использован метод экспертного глубинного интервью. Исследователи общались с руководителями некоммерческих организаций, профсоюзных организаций и проектов гражданских инициатив. Количество опрошенных экспертов в федеральном округе зависело от количества регионов. В каждом регионе было проведено от 3 до 5 экспертных интервью. В целом по России было проведено 265 экспертных интервью с представителями НКО.

Этап	Метод	Выборка
Количественный	Количественное онлайн-интервью по формализованной анкете	250 единиц наблюдения (СО НКО, Профсоюзы, Гражданские активисты)
Качественный	Глубинное (экспертное интервью)	3—5 глубинных интервью в каждом регионе 7 федеральных округов

Исследование некоммерческих организаций, профсоюзных организаций и гражданских проектов раскрывает специфику регионов по следующим темам:

1) Социальная база третьего сектора — социальный состав вовлеченных в некоммерческую деятельность, мотивация руководителей НКО, штатные сотрудники и привлекаемые специалисты; мотивация и занятость волонтеров.

2) Экономика третьего сектора — уровень финансовой поддержки некоммерческих организаций, основные «инвесторы» и «помощники», степень финансового участия государственных и бизнес-структур в поддержке НКО; отношение руководителей НКО к грантам и субсидиям.

3) Сферы деятельности третьего сектора — описание профиля некоммерческих организаций (региональные различия); востребованность деятельности некоммерческих организаций.

4) Барьеры развития третьего сектора — оценка успешности развития и деятельности НКО руководителями организаций и проектов; основные препятствия в деятельности НКО для руководителей и волонтеров.

5) Взаимоотношения НКО с государством — оценка участия государственных органов власти в деятельности НКО, описание основных преимуществ и сложностей взаимодействия с государством; взаимоотношения НКО с бизнесом — оценка уровня заинтересованности и участия бизнес-структур в развитии третьего сектора; основные сложности во взаимодействии НКО с бизнесом; взаимоотношения НКО с местными жителями — оценка уровня вовлеченности населения в некоммерческую деятельность, поддержка со стороны населения; трудности взаимодействия с жителями.

6) Потребность в ресурсах — необходимые ресурсы для успешной деятельности НКО (чаще респонденты отмечают финансовые, кадровые, материально-технические; реже — образовательные и информационные).

Данные параметры позволяют увидеть весомые различия как между округами, так и между регионами внутри федеральных округов. Например, уровень государственной поддержки Дальневосточного ФО резко отличается от остальных округов — по мнению руководителей НКО, он достаточно низкий, а третий сектор ДФО воспринимается как «забытый». В Северо-Западном округе недостаточной является финансовая поддержка организаций, а точнее, практически ее отсутствие — многие руководители считают, что основные денежные потоки направлены на Москву. Москва также по многим показателям отличается от регионов ЦФО. Большие изменения претерпевает третий сектор Крымского федерального округа.

Информация об авторах

Новичихин Евгений, исследовательская компания МА «Smartberry Research Solutions», руководитель исследовательских проектов, Москва, Россия, novi@smartberry-research.ru

Маткина Дарья, исследовательская компания МА «Smartberry Research Solutions», менеджер качественных проектов, dm@smartberry-research.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВА В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. Переладова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Благодаря свойствам права, оказывается возможным ввести в социальную жизнь всеобщую, стабильную, строго определенную по содержанию, гарантированную государством систему типовых масштабов поведения, функционирующую постоянно, непрерывно во времени. И потому именно право в гражданском обществе является одним из главных инструментов, способных обеспечить организованность общественной жизни, нормальное функционирование всего общества и эффективность социального управления. Хотя в целом принципы существующей нормативной правовой базы соответствуют ценностным правовым приоритетам граждан, но их реализация в правовой реальности идет медленно, что не соответствует ожиданиям граждан.

Ключевые слова: гражданское общество, правовые ценности, правовое государство

В последние десятилетия в современном социогуманитарном знании увеличился интерес к аксиологической составляющей окружающей действительности, в том числе и права. Это объясняется тем, что ценности, несмотря на их несомненную значимость, сегодня подвергаются серьезной трансформации. Разрушение традиционной системы ценностей, заимствование несвойственных нашему обществу и формирование новых ценностей — все это не могло не отразиться на содержании правовых ценностей.

Ценности играют в жизни общества и человека важную роль, являются средством консолидации общества, всех его членов, важным фактором стабильности и позитивного развития, условием его жизнеспособности. Общепризнанные ценности, такие как свобода, равенство, справедливость и т. д., находящие выражение в праве, не теряют своих изначальных свойств, а становятся базовыми ориентирами развития правовой действительности.

Понятие ценности права призвано раскрыть положительную роль, сущность и значение права как для общества, так и для отдельной личности. Ценность права — это его способность служить целью и средством для удовлетворения социально справедливых потребностей и интересов граждан.

Социальная ценность права — это своего рода социально-правовая характеристика права, выражающаяся в его необходимости, полезности

и достижении лишь положительного результата. Кроме этого, указанная характеристика способствует выделению свойств права, возникающих в результате взаимодействия права с общественными потребностями и интересами.

Право — высокоэффективный и целесообразный социальный регулятор. В гражданском обществе нет другой системы социальных норм, которая смогла бы обеспечить целесообразное регулирование экономических, государственно-политических, организационных и ряда других отношений.

В самом широком толковании гражданское общество предстает как «правовое общество, ставящее своей первоочередной целью гуманизацию всех сторон государственного бытия» [1, с. 82].

Некоторые авторы, например, Е. А. Попов, С. Г. Максимова, рассматривали проблему развития гражданских инициатив на региональном уровне и пришли к выводу, что гражданское общество имеет выраженное ценностно-смысловое определение [2, с. 215].

Право, кроме того, способно дать простор для активности участников общественных отношений на основе строгого и жесткого порядка этих отношений. Оно может внести в жизнь людей такие высокозначимые блага, как безопасность человека, стабильность сложившихся отношений, гарантированность прав, свобод, торжество справедливости, истины в конфликтных ситуациях.

Положение о том, что право обладает собственной ценностью, имеет важное научное и практическое значение. В условиях социально-политического строя и утверждающегося гражданского общества социально-политические институты также, в свою очередь, «настраивались» на правовые начала, на олицетворяемую правом упорядоченную социальную свободу.

Помимо всего прочего господство в обществе правовых идеалов и ценностей заключается в том, что та или иная жизненная проблема, социальная ситуация получает решение при помощи правовых средств, причем таких, которые, действуя в сочетании, во взаимосвязанном комплексе, ориентированы на субъективные права. Это, в свою очередь, открывает простор для свободы и активности в поведении — главных показателей и проявлений прогресса в области общественных отношений [3, с. 43].

Развитие ценностей права выражается в правовом прогрессе, т. е. в прогрессе самого права. Решающим показателем прогресса в этом отношении является развитие гуманитарного содержания права, его многоступенчатое движение от права сильного к праву гражданского общества.

В нашей стране в настоящее время идет процесс становления гражданского общества, правового государства. Идет он непросто, проблемно, зачастую непоследовательно, во многом несистемно. Одна из причин

этого — отсутствие прочных и надежных правовых основ в формировании и функционировании институтов гражданского общества [4, с. 104]. Следовательно, право пока не может в полном объеме проявить свои ценностные свойства. Однако работа в этом направлении активно ведется. Гражданское общество должно быть способно своевременно и грамотно оценивать действия власти, влиять на нее, а в случае необходимости — отзываться и заменять, основой чего должен выступить легитимный и безотказно действующий правовой механизм, пресекающий беззаконие и коррупцию.

К сожалению, данные социологических исследований показывают, что в своей реальной социальной деятельности большинство граждан инертно, чувство общности у них снижено. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования (сентябрь 2009 г.), которое проводилось в рамках проекта РГНФ и Администрации Волгоградской области:

- 60,57 % респондентов занимают пассивную гражданскую позицию считая, что решением возникающих политических и правовых проблем должны заниматься прежде всего органы государственной власти;
- 32,85 % участников опроса уверены в полной бесполезности личного участия в общественной деятельности политической и правовой направленности;
- только 2,66 % информантов заявили, что являются членами общественной организации, которая действительно пытается решить существующие проблемы. В целом принципы существующей нормативной правовой базы соответствуют ценностным правовым приоритетам граждан. Но реализация данных принципов в правовой реальности идет медленно, что противоречит ожиданиям граждан и вызывает с их стороны неодобрение существующего положения. Только 13 % респондентов готовы обратиться в суд для решения своих проблем. Тем не менее, 48,73 % мужчин и 35,33 % женщин, участвовавших в опросе, убеждены, что необходимо всегда руководствоваться нормами права, даже если последние не всегда совершенны.

Благодаря высокой регулятивной способности права можно создать сильную, компетентную, ответственную власть, а вместе с ней заложить правовую основу для развитого гражданского общества.

Список литературы

1. Арн С. И. Социальная культура и гражданское общество // Граждане и гражданское общество. Граждане и государство : сб. аналит. обзоров: 2005—2009. Новосибирск, 2010.

2. Попов Е. А. Гражданское общество в современной России: региональное измерение / Е. А. Попов, С. Г. Максимова // Право и политика. 2012. № 7. С. 1214—1218.
3. Цыбулевская О. И. Достоинство личности и гражданское общество / О. И. Цыбулевская, О. В. Власова. М., 2010.
4. Малько А. В. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (Обзор материалов Всероссийского научно-практического «круглого стола») / А. В. Малько, К. А. Струсь // Государство и право. 2011. № 9. С. 103—112.
5. Галкин А. П. Политико-правовые ценности российских граждан: социологический анализ (на примере жителей Волгоградской области) / А. П. Галкин, В. Н. Гуляихин, Н. А. Тельнова // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 7—12. С. 84—90.

Информация об авторе

Переладова Алёна Андреевна, магистрант социологического факультета Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, alena548479@mail.ru

РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

И. Э. Петрова

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Результаты анкетного опроса, проведенного автором в Нижнем Новгороде с ноября 2013 по февраль 2014 гг. с целью выяснения отношения населения города к деятельности религиозных организаций и учреждений социального обслуживания в сфере оказания социальных услуг, позволяют говорить о неразвитом взаимодействии учреждений государственной социальной политики и религиозных организаций, об отсутствии практики аутсорсинга, малой степени представленности религиозных услуг в информационном поле. Между тем развитие такого сотрудничества представляло бы несомненный интерес не только для исследования практик оказания услуг в религиозных организациях, но и для развития публично-частного партнерства в рамках региональной и муниципальной социальной политики Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Ключевые слова: социальная работа, религиозный институт, социальные услуги

Утвержденный в феврале 2016 г. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению «Социальная работа» ориентирует образовательные организации на подготовку выпускников к представлению интересов и потребностей различных групп населения в государственных, общественных, религиозных организациях и структурах [1]. Разработка образовательного стандарта ННГУ по направлению «Социальная работа» опирается на проведенные социологические исследования, в том числе об информированности населения Нижнего Новгорода о социальных услугах религиозных организаций

Взаимодействие религиозного института и социальной работы в настоящее время в России трансформируется в два течения — социальную работу религиозных организаций и духовно-ориентированную социальную работу в светских учреждениях. Изучение этих явлений в российской научной мысли представлено еще недостаточно. Вместе с тем, именно в 2015 г. законодательство РФ открывает новые возможности для религиозных организаций в предоставлении социальных услуг населению [2].

Пока можно констатировать достаточный уровень доверия населения наиболее известным религиозным организациям России, в том числе в организации и предоставлении социальной помощи. Все же, проведенное исследование показывает незначительную информированность респондентов в Нижнем Новгороде относительно реальных и возможных социальных услуг религиозных организаций — централизованных и местных. Опрошенные в целом позитивно относятся к возможности получения помощи от одобряемых общественностью религиозных организаций, транслируют негатив в отношении услуг от неодобряемых и подтверждают несформированность взаимодействия религиозных организаций как между собой, так и с государственными и муниципальными органами в сфере оказания социальных услуг и Нижнем Новгороде, и в России в целом.

Изучение общественного мнения относительно социальной работы религиозных организаций в России представлено недостаточно, как правило, это касается деятельности РПЦ.

Команда исследователей из Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета еще в 2011 г. провела исследование запроса населения о социальных услугах РПЦ. Инструментарий исследования разработан в рамках исследовательского семинара «Социология религии» ПСТГУ. Всероссийский анкетный опрос был проведен Институтом Фонда «Общественное мнение» в период с 14 по 21 декабря 2011 г. Выборка репрезентирует городское и сельское население России в возрасте от 18 лет и старше [3, 4].

По данным проведенного обследования исследователи делают следующие выводы. Население России «в сильной степени заинтересовано» в том, чтобы Русская Православная Церковь принимала активное участие в социальной жизни страны, в том числе создавала собственные школы, больницы, молодежные лагеря, развивала тюремное служение, служение в армии и многое другое.

В период с ноября 2013 по февраль 2014 гг. при поддержке факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского автором проведено исследование в Нижнем Новгороде, направленное на выяснение отношения населения города к деятельности религиозных организаций и учреждений социального обслуживания в оказании социальных услуг. Инструментарий разработан автором под редакцией заведующей кафедрой общей социологии и социальной работы ННГУ д. и. н. проф. З. Х. Саралиевой.

Была отобрана 41 религиозная организация по представительству всего разнообразия зарегистрированных церковных организаций по направлениям вероучения. Реестр церковных организаций Главного управления Министерства юстиции РФ по Нижегородской области включает

в себя более 500 организаций, среди которых есть централизованные (региональные), представительства всероссийских, а также поместные (локальные) общины. В результате отбора в список попали 16 централизованных религиозных организаций, представляющие все существующие в нижегородской области конфессии, а также 25 поместных церковных организаций, названия которых хотя бы раз встречались на страницах нижегородских газет, в социальных сетях и источниках интернет в течение 2010—2013 гг. при упоминании социальной деятельности, а также из отмеченных нижегородскими экспертами в качестве активных общин.

Проведено анкетирование жителей в Нижнем Новгороде, квотная выборка (1992 респондента) репрезентирует население Нижнего Новгорода по полу и возрасту от 18 лет и старше. Ошибка выборки составляет 3%. Опрошено всего 2028 респондентов, в процессе отбора выбраковано 36 анкет.

Целью опроса было узнать мнение населения о социальной работе религиозных организаций. Опрашиваемым были предложены 39 вопросов, из них 30 закрытых и 9 открытых.

Апробация методического инструментария происходила в пилотажном исследовании в мае—июне 2013 г. В качестве трудностей реализации исходного замысла следует отметить малую заинтересованность религиозных организаций в сотрудничестве в проведении опроса их прихожан. Именно поэтому в статье представлена часть исследования, связанная с опросом респондентов не в стенах религиозных учреждений.

Подводя итоги опроса, можно сказать, что население в целом позитивно относится к идее представления социальных услуг религиозными организациями, высоко оценивает их возможное и реальное влияние на социальную ситуацию в стране.

Вместе с тем, информированность о существующих услугах достаточно мала, сведения поступают из разных источников, но наиболее упоминаемым остается личное свидетельство родных, друзей и знакомых. Именно поэтому опрошенные так стереотипно характеризуют направленность социальной работы религиозных организаций, не выделяя ее профессиональную составляющую и практически мало что могут сказать о конкретных мероприятиях или решаемых проблемах.

Очевидно традиционное проявление позитивного отношения к самым крупным централизованным религиозным организациям (РПЦ, Римско-Католическая Церковь, Лютеранская Церковь) и негативное к тем, которые снискали общественное осуждение в СМИ — Организация Свидетелей Иеговы и Общество сознания Кришны. Социальные услуги население готово принимать от «одобряемых» организаций. Мнение это вполне ожидаемо и вместе с тем вселяет некоторую уверенность, что

нуждающиеся смогут противостоять предложению социальных услуг от деструктивных культов.

Как правило, клиенты, довольные обслуживанием в светском социальном учреждении, не готовы искать помощи «на стороне». Очевидно, что респонденты, не знакомые с практикой оказания помощи в религиозных организациях, в ответах транслируют существующие стереотипы: помощь церкви должна быть «не по найму», без оплаты, от души, поэтому она лучше, чем государственная. Те из клиентов социальной защиты, кто получает услуги религиозных организаций, оценивают их положительно.

Ответы респондентов позволяют говорить о неразвитом взаимодействии учреждений государственной социальной политики (регионального и муниципального подчинения) и религиозных организаций, об отсутствии практики аутсорсинга, малой степени представленности религиозных услуг в информационном поле.

Вместе с тем, развитие такого сотрудничества представляло бы несомненный интерес не только для исследования практик оказания услуг в религиозных организациях, но и для развития публично-частного партнерства в рамках региональной и муниципальной социальной политики Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Список литературы

1. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению «Социальная работа»* [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/390302.pdf>.
2. *Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (28 декабря 2013 г.)* [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166044/
3. *Социальная деятельность Русской Православной Церкви : Запрос со стороны населения России. Исследовательский семинар «Социология религии».* Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Данные ФОМ. 21.12.2011.
4. *Орешина Д. А.* Социальная деятельность приходских общин и профессиональных организаций [Электронный ресурс] // Материалы семинара «Социология религии» ПСТГУ. Серия: Социальная деятельность религиозных организаций. 2014. URL: <http://socrel.pstgu.ru/> (дата обращения: 06.01.2015).

Информация об авторе

Петрова Ирина Эдуардовна, к. с. н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, irinapetrova@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

М. Б. Полтавская

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация. Различные аспекты становления, развития и функционирования некоммерческих организаций (НКО) привлекают сегодня исследователей в связи с процессом институционализации этого вида организаций в современном обществе. НКО как объект изучения в отечественной науке интересует экономистов (некоммерческий сектор экономики), юристов (законодательные вопросы функционирования), менеджеров (управленческий аспект), психологов (мотивационная структура активистов и лидеров НКО), социологов (институционализация НКО, практики и потенциал гражданского участия). Объектом исследования в данной работе являются социально-ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), а предметом выступают их характеристики, которые определяют место СО НКО в социальной структуре российского общества.

Ключевые слова: социальные услуги, некоммерческие организации, социологический мониторинг

Социальная структура современного российского общества характеризуется возникновением новых социальных общностей, усложнением их взаимосвязей и иерархией. Исследование СО НКО затруднено тем, что российское общество представляет собой сложную иерархизированную систему, состоящую из подсистем, элементов, находящихся в процессе непрерывного функционирования.

Социологический анализ позволяет описать положение СО НКО в системе социальных институтов и социальных организаций современного общества, их статус и функции. Социокультурный и исторический подход к изучению НКО предполагает, что конкретным историческим этапам развития российского общества соответствуют свои типы НКО. В социокультурном плане НКО выступает субъектом, формой реализации возможностей, которая формируется в конкретной социокультурной среде. В этом смысле НКО — порождение среды. Социокультурная среда оказывает влияние на режим функционирования НКО, на роль, которую выполняет НКО в обществе, на социальные функции и способность НКО к самоорганизации. НКО являются носителем характеристик того обще-

ства и тех социально-экономических, культурных и политических условий, в которых они функционируют.

Выделение среди НКО социально-ориентированных некоммерческих организаций имеет ряд причин. Социальные услуги, оказываемые многими СО НКО, относятся к социально значимым видам деятельности, результаты которой имеют стратегическое значение и влияют на развитие общества в социальном, культурном, нравственном, образовательном плане.

Потребность в создании СО НКО была связана с необходимостью проведения социальных преобразований и формированием конкурентного рынка социальных услуг. В результате в 2010 г. были внесены изменения и законодательно определены границы субсектора НКО, на который стали распространяться дополнительные меры поддержки [1, с. 153]. Понятие «социально ориентированные некоммерческие организации» введено Федеральным законом от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». Изначально поддерживались девять видов деятельности СО НКО, связанные с социальным обслуживанием и социальной поддержкой граждан, подготовкой населения к преодолению последствий стихийных бедствий и оказанием помощи пострадавшим, охраной окружающей среды и защитой животных, охраной территорий, имеющих историческое значение, оказанием юридической помощи гражданам и некоммерческим организациям, деятельностью по защите прав и свобод человека и гражданина, профилактикой социально опасных форм поведения граждан, благотворительной деятельностью и добровольчеством, деятельностью в области образования, просвещения, науки, культуры, пропаганды здорового образа жизни и другие виды.

В 2012 г. к ним были добавлены: «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению»; «развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов РФ»; в 2013 г. — деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания, в 2014 г. — проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений, участие в профилактике и (или) тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ; социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов; мероприятия по медицинской реабилитации и социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ; в 2015 г. — содействие повышению мобильности трудовых ресурсов; в марте 2016 г. — увековечение памя-

ти жертв политических репрессий. На данный момент законодательно на всероссийском уровне включено восемнадцать видов социально-ориентированной деятельности СО НКО.

Однако, выделив СО НКО и предоставив им право получать материальную помощь и бюджетную финансовую поддержку, установив для них льготное налогообложение, законодательство не формулирует их дефиницию, а лишь указывает конкретные виды деятельности, осуществление которых позволяет некоммерческим организациям иметь статус социально-ориентированных.

Некоторые исследователи считают, что социально значимую деятельность осуществляют не только некоммерческие, но и коммерческие организации, в том числе субъекты малого и среднего предпринимательства, поэтому предлагается распространить статус социально-ориентированных организаций и на коммерческие организации, в том числе на субъекты малого и среднего предпринимательства [2].

На данный момент отсутствует официально установленный в гражданском законодательстве статус социально-ориентированных некоммерческих организаций, также не установлен статус социального предпринимательства, имеется много разночтений с дефиницией «деятельность, приносящая доход», что затрудняет институционализацию СО НКО.

Характерной чертой современной ситуации в сфере НКО является отсутствие четкого разделения деятельности организаций по секторам (государственный сектор, коммерческий сектор и некоммерческий сектор (третий сектор)). Размывание границ между коммерческим и некоммерческим секторами (*blurring boundaries*) отмечают, например, Дж. Г. Диз и Б. Андерсон [3]. Исследователи вводят понятие «*sector-bending*», которое можно перевести как изгиб, искривление или гибкость сектора. Вопрос о границах сектора тесно связан с процессом трансформации гражданского сектора, что проявляется в попытках сочетать СО НКО коммерческую и некоммерческую деятельность, заниматься социальным предпринимательством.

Изучение деятельности СО НКО возможно в режиме постоянного социологического мониторинга, в этом значительную помощь оказывает Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Высшей школы экономики, с 2006 г. проводящий мониторинг состояния гражданского общества. Объектом такого мониторинга выступают структуры, процессы и явления гражданского общества.

Обязательным условием изучения современных российских СО НКО является учет региональной специфики, поскольку каждый регион представляет собой самостоятельную систему (подсистему) со своими особенностями.

Структуру сектора НКО можно представить через различные классификации некоммерческих организаций, например: по целям деятельности, по форме собственности, в зависимости от наличия или отсутствия членов, от круга лиц, получающих выг. от деятельности организации; по масштабам деятельности и т. д. Некоммерческие организации могут быть «истинными» (бескорыстными) и «неистинными» (стремящимися к выгоде). Под истинной (некорыстной) некоммерческой организацией понимается организация, действительная цель которой — разрешение противоречий и смягчение социальной напряженности (гармонизацию отношений) в области соблюдения/несоблюдения (нормализации) основных прав человека (прежде всего, в сферах власти, собственности и личности), которая не имеет извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяет полученную прибыль между участниками [4]. Однако, с нашей точки зрения, неправомерно называть «неистинно некоммерческой» организацию, которая преследует некоторые выгоды для себя (повышение престижа, привлечение избирателей или клиентов и т. д.).

Таким образом, эффективно функционирующий некоммерческий сектор, представленный СО НКО, является важным фактором формирования гражданского общества в нашей стране, фактором обеспечения социальной и политической стабильности, повышения уровня жизни населения и, в конечном счете, устойчивого развития страны и регионов.

Список литературы

1. Беневоленский В. Б., Шмулевич Е. О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 150—175.
2. Бурцева А. А. Социально-ориентированные некоммерческие организации — гражданско-правовое регулирование их статуса и деятельности: предложения по совершенствованию теории и законодательства // Черные дыры. 2012. N5.
3. Dees J. Gregory, Anderson Beth Battle. Sector-bending: blurring lines between nonprofit and for-profit // Society. May / June 2003. P. 16—27.
4. Попова Ю. С., Пряхин Г. Н. Современная классификация некоммерческих организаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 21 (350). Экономика. Вып. 47. С. 145—152.

Информация об авторе

Полтавская Мария Борисовна, к. с. н., доцент кафедры социологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, poltavskayamb@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СЛОЖНОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Е. А. Попов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Социология гражданского общества должна определиться со статусом изучаемого феномена: отвлеченная категория, идеал — или действительно существующий тип общественных отношений. Необходимо следовать, по крайней мере, двум основным направлениям изучения феномена: 1) прикладной способ осмысления гражданского общества; 2) междисциплинарный уровень обобщения полученных данных. Ценность данного методологического подхода, прежде всего, в том, что он позволяет высветить проблемные зоны в интерпретации феномена гражданского общества и, следовательно, указать возможные пути исследования для разных наук.

Ключевые слова: гражданское общество, социология, концептуализация

Как известно, понятие гражданского общества пользуется большой популярностью в науке. Претензии различных дисциплин социогуманитарного профиля на исследование феномена гражданского общества, его процессов практически не имеют границ. Этому есть, по крайней мере, одно объяснение: сочетание «гражданского» и «общественного» сулит исследователю бесконечный набор вариантов для рассмотрения данного объекта. С другой стороны, необходимо признать, что содержание данной категории также существенно варьируется в зависимости от разных интересов исследователей и от специфики той или иной научной области. Множественность трактовок гражданского общества неувидительна и закономерна: в современном научном дискурсе, пожалуй, не найдется ни одного понятия, которое бы вдруг обрело единственно верную (или универсальную) смысловую нагрузку. Каждый ученый считает своим долгом предложить для обсуждения свою трактовку гражданского общества, рассмотреть его с различных методологических ракурсов, дать оценку накопившимся проблемам. Следует отметить, что исследование гражданского общества представляет собой благодатную ниву для далеко идущих обобщений, нередко обеспечивающих узкую специализацию самого ученого, поставившего для себя задачу раскрыть глубину и постичь таинственность феномена. При этом философы, к примеру, могут обратить внимание на проблему типизации гражданского общества: является ли оно только идеальным типом, утопией или же реально су-

ществует в мире человека; правоведам важны тонкости нормативного регулирования в условиях гражданского общества; политологов, по-видимому, должна заинтересовать политизация процессов, способствующих развитию феномена или, напротив, его диверсификации, и т. д. Особое место в исследовании отводится и социологической науке, хотя перед ней стоит непростая задача.

Гражданское общество для социологии — объект исследования и привычный, и необходимый. Необходимость, по понятной причине, обусловлена спецификой отношений, складывающихся в гражданском обществе. Социологи не ведут спор за данный объект исследования с представителями других научных дисциплин, однако в рамках соответствующей отраслевой социологии существует ряд проблем, связанных прежде всего с концептуализацией знания. К слову сказать, современная социология неудержимо прирастает все новыми и новыми отраслями, но вопрос в том, какое место в системе социологической науки отводится именно социологии гражданского общества и насколько она продвинулась во всестороннем изучении своего основного объекта. Ответы на эти вопросы позволят приблизиться к утверждению самостоятельности и обоснованности выделения социологии гражданского общества наряду с другими отраслями науки.

Определенную сложность здесь представляет не то, что интерес к изучению гражданского общества не ослабевает со стороны современной науки, а характер или способ осмысления феномена. Сквозь призму социологической рефлексии очевидно, что гражданское общество является отражением всех противоречий, возникающих в социальной структуре, но, по-видимому, социология не берет на себя смелость усомниться в том, что этот тип общественных отношений действительно сегодня существует, развивается, оказывает влияние на социальные, политические и государственные институты. Иными словами, социология не склоняется к рассмотрению гражданского общества как идеала или же утопии. С другой стороны, важна и социальная рефлексия, не учитывать которую невозможно. И с этой точки зрения состояние гражданского общества предстает как недостижимый идеал, к которому стремиться нужно, но процесс этот вялотекущий, местами неубедительный, сталкивающийся подчас с непреодолимыми препятствиями, то затухающий, то снова обретающий актуальность, а следовательно, может изучаться науками долго, сосредоточенно, в ракурсе различных методологических установок и т. д. Все чаще звучит мысль о том, что гражданское общество, например, в России выступает «как определенная идея (можно — идеал), призыв на пути совершенствования общественных отношений» [1, с. 20]. Как видим, склонность к «идеализации» или, точнее — «онтологизация» как

способ рассмотрения феномена — вполне устоявшаяся в науке конструкция. Но дело в том, что в случае с социологией такой путь осмысления не является характерным для данной области науки. Это чревато для исследователя попаданием в ловушку, поскольку возникает «не замечаемый самим ученым уход из дисциплинарного поля социологии чаще всего в социальную философию» [2, с. 97]. Таким образом, чтобы преодолеть путь философствования и исследовать гражданское общество как объект социологической науки, социологу необходимо установить границы феномена, который он изучает.

Итак, социология гражданского общества — это отрасль социологии, которая должна прежде всего определиться со статусом изучаемого феномена. Обычно сложности концептуализации любой науки сопряжены с нечеткостью научного аппарата, невыверенностью ключевых категорий, слабостью методологического обеспечения и т. д., но в случае с данной отраслью социологии особое значение приобретает осознание центрального понятия — собственно гражданского общества. От этого зависит специфика дисциплины и ее развитие.

Для того чтобы социология гражданского общества стала полноправной частью «большой социологии», ей необходимо следовать, по крайней мере, двум основным направлениям изучения феномена: 1) прикладной способ осмысления гражданского общества; 2) междисциплинарный уровень обобщения полученных данных. Первое условие надо признать необходимым, поскольку, если теория гражданского общества вполне сложилась на концептуальном уровне, то прикладных исследований явно недостаточно, тем более тех, которые рассматривают региональные инициативы, связанные с функционированием гражданского общества. Социология, как никакая иная наука, обладает серьезным арсеналом различных методов исследования, а потому в этом исследовательском ракурсе могут состояться вполне интересные полученные при помощи прикладных способов обобщения. Но главная сложность здесь заключается, конечно же, в определении «точки отсчета» гражданского общества: станут ли социологи полагать, что они имеют дело с отвлеченной категорией, идеалом или придадут ей вполне осязаемое очертание и, таким образом, выявят критерии объекта изучения. На теоретическом уровне как раз важно зафиксировать возможные варианты осмысления феномена, чтобы затем подтвердить или опровергнуть обозначенные положения на практике.

Междисциплинарный аспект развития социологии гражданского общества, несомненно, составляет также необходимое звено в процессе концептуализации отраслевой социологической дисциплины. Ценность данного методологического подхода состоит прежде всего в том, что он

должен высветить проблемные зоны в интерпретации феномена гражданского общества и, следовательно, указать возможные пути исследования для разных наук. При этом нужно избежать фрагментации знаний, поскольку «социально-гуманитарные науки пересекаются и всегда могут взаимоинтерпретироваться, их развитие происходит во многом путем перекрестных заимствований. Парадокс заключается в том, что даже стремление к синтезу приводит к бесконечной фрагментации» [3, с. 16]. Социологии в изучении гражданского общества важно преодолеть эту тягу к захвату фрагментов, тогда спорные моменты ее концептуализации будут менее выраженными.

Список литературы

1. Орлова О. В. Понятие и предпосылки возникновения и развития гражданского общества в России // Государство и право. 2013. № 7.
2. Романовский Н. В. Еще раз о роли теоретической социологии // Социологические исследования. 2014. № 7.
3. Смирнов И. П. История мысли — история философии: проблема дифференциации // Философские науки. 2013. № 4.

Информация об авторе

Попов Евгений Александрович, д. ф. н., доцент, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, popov.eug@yandex.ru

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ»)

И. С. Тарбеева

*Уральский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Для изучения практики участия населения в принятии управленческих решений на местном уровне автором проведено исследование с использованием следующих методов: анкетный опрос, экспертное интервью, фокус-группа, анализ официальных документов, анализ официальных сайтов органов местного самоуправления Екатеринбурга, наблюдение, анализ статистических данных. Проведенное исследование показало, что в Екатеринбурге «есть контакт» между населением и органами местного самоуправления при решении вопросов местного значения. Однако участие граждан в местном самоуправлении не является регулярным, а скорее, происходит «от случая к случаю». Мы выявили отсутствие у населения Екатеринбурга интереса к участию в местном самоуправлении.

Ключевые слова: местное самоуправление, управленческие решения, участие населения

Сегодня в России идет активный процесс реформирования системы местного самоуправления. Органы государственной власти с помощью изменения действующего законодательства о местном самоуправлении стремятся усилить свою роль в формировании органов местного самоуправления и роль населения в процессе принятия управленческих решений на муниципальном уровне. Жители муниципалитетов могут взаимодействовать с местной властью и оказывать влияние на решения, которые принимают последние, по вопросам местного значения через формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, которые закреплены в 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (обращения граждан, публичные слушания, территориальное общественное самоуправление, собрания и конференции граждан, опрос граждан, правотворческая инициатива) [1]. Однако практика их применения показывает, что граждане не всегда в полной мере реализуют свое право на участие в процессе принятия управленческих решений на местном уровне. Во многих муни-

ципальных образованиях население пассивно, инертно [2, с. 76]. Около 50 % населения не представляет, что значит «внести свои предложения на рассмотрение администрации» [3].

К вопросам участия населения в процессе принятия управленческих решений на уровне муниципалитета обращались Н. Н. Седова [3], К. О. Магомедов [4], Н. Н. Кулешова, С. А. Трыканова [5], Э. Майкова, Е. Симонова [6] и др.

Проведенное исследование показало, что в Екатеринбурге «есть контакт» между населением и органами местного самоуправления при решении вопросов местного значения. Однако участие граждан в местном самоуправлении не является регулярным, а скорее происходит «от случая к случаю».

Эксперт 2: «Население, скорее, пассивно».

Эксперт 5: «Население однозначно пассивно»

Мы выявили, что у населения Екатеринбурга отсутствует интерес к участию в местном самоуправлении. Во время фокус-групп молодежь выделила в качестве основных причин неучастия населения в местном самоуправлении: занятость на работе и дома, отсутствие времени; отсутствие проблем, с которыми можно было обратиться в органы местного самоуправления; отсутствие интереса к решению общегородских проблем; низкий уровень информированности. Люди среднего возраста еще отметили организационные сложности при участии населения в местном самоуправлении.

Эксперт 1: «Население не интересуют проблемы общегородского характера».

Эксперт 5: «Органы местного самоуправления не заинтересованы в том, чтобы население принимало участие, но и население проявляет пассивность и равнодушие к вопросам местного значения».

Женщина, 22 года: «Из всего моего окружения на работе, учебе, в повседневной жизни никто не принимает участие в осуществлении местного самоуправления, потому что общегородские вопросы им не интересны, и мне в том числе».

Женщина, 21 год: «У меня нет на это времени»

Некоторые граждане за всю свою жизнь ни разу не принимали участие в местном самоуправлении (58 %), но уверены, что органы местной власти не окажут им помощь, содействие или не поддержат их инициативы. Также стоит отметить низкий уровень информированности населения о формах участия в осуществлении местного самоуправления. Население не знает о том, какие формы участия существуют, в чем их особенности, отличия, а главное, как они работают. Население, в основном, является оппонентами городских властей в вопросах участия в местном

самоуправлении, ссылаясь, что последние «ничего не делают» и «не формируют». В то же время жители города не интересуются местными проблемами, не читают местные источники информации и практически не посещают официальные информационные ресурсы. Официальные информационные ресурсы города в сети интернет 47,5 % респондентов посещают в случае необходимости, 29,1 % не посещает совсем.

Женщина, 21 год: «Если будет нужно, то я зайду на городские сайты».

Мужчина, 33 года: «С точки зрения пользования, там все очень неудобно».

Результаты проведенного исследования показали, что в такой форме, как опрос граждан, принимали участие 17,5 % респондентов, из них 45,8 % не смогли вспомнить тему опроса, 12,5 % утверждают, что опрос проводился с целью оценки населением деятельности органов местного самоуправления. Однако на фокус-группах мы выяснили, что под «участием в опросе» жители города понимают «ответить на вопрос, размещенный на главной странице сайта Администрации города». В Положении «О порядке проведения опроса граждан в муниципальном образовании «город Екатеринбург» вполне конкретно указана форма проведения опроса граждан: «Опрос проводится путем поименного голосования по месту жительства участников опроса в течение одного или нескольких дней (но не более 14 дней) путем сбора подписей в опросном листе» [4, ст. 6]. Таким образом, мы видим, что даже в случаях, когда население уверено в том, что принимает участие в местном самоуправлении, на практике это оказывается заблуждением.

Повышать интерес у населения к участию в местном самоуправлении нужно через социальное взаимодействие (проведение конкурсов, форумов, акций и т.д. по формам участия населения в осуществлении местного самоуправления) с органами местного самоуправления. Так, например, учитывая высокий уровень участия населения в различных конкурсах, можно провести конкурс среди видеороликов по теме «Участие населения в местном самоуправлении». Все желающие смогут представить конкурсной комиссии видеоматериалы, демонстрирующие алгоритм участия населения в местном самоуправлении через конкретную форму. Видеоролики должны быть ориентированы на простых жителей города, которые не имеют специфических знаний в области местного самоуправления. Лучшие видеоматериалы будут размещены в метро, на городских экранах, по телевизору и на официальных информационных интернет-ресурсах города.

Повышать уровень информированности населения о формах участия в местном самоуправлении нужно с помощью официальных информационных ресурсов города в сети интернет, где необходимо размещать всю актуальную информацию о возможностях жителей принять участие в принятии решений на муниципальном уровне.

Список литературы

1. *Об общих* принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Крамаренко С. В.* Развитие институтов непосредственной демократии в местном самоуправлении: теоретико-правовые и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс]. Воронеж, 2013. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/13-03-2014-1d.pdf> (дата обращения: 1.03.2016).
3. *Материалы по теме «Гражданская активность (инициатива) и общественный контроль на местном уровне»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/grazhdanskaya-aktivnost-initsiativa-i-obshchestvennyj-kontrol-na-mestnom-urovne> (дата обращения: 21.02.2015).
4. *Об утверждении* Положения «О порядке проведения опроса граждан в муниципальном образовании «город Екатеринбург» : Решение Екатеринбургской городской Думы от 14 февраля 2006 года № 10/19 (в ред. от 07 декабря 2010 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

Информация об авторе

Тарбеева Ирина Сергеевна, магистрант Уральского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия, planeta421993@mail.ru

ИНСТИТУТ ЛОББИЗМА В РОССИИ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Толмачёва

Московский экономический форум, Москва, Россия

Аннотация. В 2010 г. при поддержке компании «Кесарев Консалтинг», оказывающей профессиональные услуги в области взаимодействия с органами государственной власти, было проведено уникальное исследование рынка труда и услуг в сфере цивилизованного лоббизма в России. В основу анализа легли открытые данные сайтов по трудоустройству и профессиональных социальных сетей. Также были оценены примерные организационные структуры крупнейших компаний из рейтинга журналов «Финанс» и «Эксперт», а также штатный состав действующих отраслевых ассоциаций. Полученные цифры позволили примерно оценить масштабы рынка цивилизованного лоббизма в России в 2010 г., однако реальный рынок труда лоббистских услуг более значителен и частично находится в тени. Процессы взаимодействия с государственными органами требуют поиска различных методов оценки и дополнительных разносторонних исследований.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданский лоббизм, некоммерческие организации

Институт лоббизма в России развивается с начала рыночных реформ, и только сейчас приобретает конкретные очертания и характеристики. Основания и традиции лоббизма были заложены в Соединенных Штатах несколько столетий назад. С течением времени американский лоббизм оформился в закреплённые законом механизмы представления интересов граждан в органах государственной власти и стал институтом гражданского общества с множеством акторов и инструментов.

В России институт лоббизма представлен посредниками, осуществляющими связь между бизнесом и властью, между обществом и властью. Таковыми являются сотрудники соответствующих департаментов крупного и среднего бизнеса, руководители предпринимательских и отраслевых ассоциаций, независимые консультанты, а также представители некоммерческих и общественных организаций. В контексте традиции цивилизованный лоббизм рассматривается как процесс коммуникации, происходящий между представителями общества и представителями власти.

Лоббисты (или представители интересов) продвигают в органах власти интересы предпринимательства и общества. Соответственно, лоббизм разделяется на предпринимательский и общественный (гражданский). Предпринимательский лоббизм более изощрен, в отличие от гражданского лоббизма, так как предполагает, в первую очередь, экономическую выг.. Тогда как результатом эффективного гражданского лоббизма является общественная выгода. В качестве субъектов гражданского лоббизма обычно выступают некоммерческие организации, стремящиеся к созданию общественного блага. Таким образом, институт лоббизма в России постепенно становится полноправным участником гражданского общества.

Результат исследования рынка труда и услуг в сфере цивилизованного лоббизма в России в 2010 г., проведенного при поддержке компании «Кесарев Консалтинг», показал, что рынок труда и лоббистских услуг представляет собой вполне конкретные цифры. Согласно полученным данным, в 2010 г. были **заняты около пяти тысяч человек**, легально осуществляющих деятельность по связям с органами государственной власти в интересах основных крупных компаний и отраслевых ассоциаций. Оценочные затраты бизнеса на работу легальных лоббистов составляли не менее **363,4 млн долл. в год**. Стоит отметить, что это исследование уникально, и ранее никто не брался за подобные поиски, и что указанные цифры не включают в себя представительские расходы, расходы на экспертную деятельность и прочие, и позволяют примерно оценить масштабы рынка цивилизованного лоббизма в России в 2010 г. Учитывая, что реальный рынок труда лоббистских услуг более значителен и, по-прежнему, частично находится в тени, а процессы взаимодействия с государственными органами требуют поиска различных методов оценки и дополнительных разносторонних исследований.

В настоящее время институт лоббизма характеризуют следующие процессы и проблемы:

1. Постоянное вмешательство со стороны государства в процессы формирования института лоббизма. Иницирует законодательное регулирование лоббизма президент РФ, оформляя пожелания в содержании Национального плана противодействия коррупции. На сегодняшний день все попытки законодательно урегулировать лоббизм по разным причинам потерпели неудачу.
2. Функционируют в форме некоммерческих партнерств несколько конкурирующих ассоциаций специалистов по связям бизнеса и власти. Они не многочисленны, но активны.
3. Образованы при ведущих ВУЗах Москвы и Санкт-Петербурга факультеты и специализации, обучающие основам представления

интересов в органах государственной власти. Созданы студенческие и аспирантские профильные клубы. Ежегодно проходит GR-конгресс, на котором собирается свыше двухсот лоббистов. В рамках Московского экономического форума в течении четырех лет обсуждаются вопросы институционализации цивилизованного лоббизма.

4. Лоббистским сообществом инициирована и осуществляется разработка профессионального стандарта с подробным описанием субъектов и функций представителей интересов.
5. Рассматривается возможность создания саморегулируемой организации в форме добровольного реестра лоббистов, с возможностью формирования профессионального сообщества, соответствующего профессиональному стандарту и нормам цивилизованного лоббизма, отрицающего коррупцию.
6. В перспективе формирования института лоббизма в России видится включение общественных и некоммерческих организаций в область представления интересов, следуя опыту США, где гражданский лоббизм не уступает предпринимательскому, и является эффективным инструментом продвижения интересов общества в органах государственной власти.

Информация об авторе

Толмачёва Ирина Васильевна, политолог, координатор секции взаимодействия власти и общества Московского экономического форума, Москва, Россия, i.v.tolmacheva@gmail.com

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

И. С. Шушпанова

Институт социально-политической истории РАН, Москва, Россия

Аннотация. Новые реалии экономической, социальной, политической и духовной сфер жизнедеятельности гражданского общества в России создали объективные условия для трансформации взаимоотношений власти и граждан. На фоне экономической изоляции в глобальном мире, экономической и политической блокады и выбранного российским государством курса защиты своих национальных интересов обострились социально-политические риски устойчивого развития гражданского общества. Прежде всего, социально-политические риски развития гражданского общества связаны с уровнем тревожности граждан в отношении различных сторон своей жизнедеятельности, в том числе с представлениями своего положения в будущем. В тексте проводится анализ результатов исследований Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Ключевые слова: гражданское общество, социально-политические риски, уровень тревожности

Согласно результатам исследования, проведенного в декабре 2015 г., главной тревогой российского гражданского общества являлась дороговизна жизни. Граждане оценили гражданское общество в России как дорогое для жизни общество. Также доминирующими тревогами массового сознания являлись дороговизна жизни (58%), повышение цен на продукты питания (34%), произвол чиновников (33%) и повышение тарифов на услуги ЖКХ (31%). Далее структура тревожности сложилась следующим образом: безработица (28%), безопасность близких (26%), разделение общества на богатых и бедных (24%), терроризм (23%), экологическая обстановка (22%), падение нравов, культуры (19%), преступность (19%), страх перед будущим (19%), обострение межнациональных отношений (14%), высокая инфляция (14%), наркомания (13%), алкоголизм (13%), ухудшение положения пенсионеров в обществе (13%), закрытие, простой предприятий (13%), экономические санкции против России (10%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (8%), ухудшение отношений с США и Европой (8%), мировой экономический кризис (8%).

Российское гражданское общество тревожит высокий уровень неприязни. Исследуемые противоречия в российском обществе, согласно

оценкам россиян, находятся в дихотомических границах трех основных факторов: экономический (противоречия между «бедные — богатые» и «высшие классы — низшие классы»), профессионально-трудовой (противоречия между «начальники — подчиненные», «работодатели — работники»), социально-духовный (противоречия между «верующие — неверующие», верующими различных религий, людьми разных национальностей). В декабре 2015 г. большинство россиян считали, что в гражданском обществе значительны противоречия и неприязнь между бедными и богатыми (74 %) и между низшими и высшими классами (70 %). Отметим еще одну особенность. С конца 2013 г. постепенно снижалась неприязнь между народом и властью. В декабре 2015 г. 43 % россиян считали значимыми противоречия между народом и властью, в то время как в декабре 2013 г. данный индикатор был зафиксирован на отметке 62 %. По данному аспекту российской власти удалось снизить уровень социально-политических рисков. В целом, социально-политические риски устойчивого развития гражданского общества обострялись усиливающимися классовыми противоречиями, основанными на дифференциации населения по экономическому признаку, и повышением уровнем тревожности граждан в отношении своего материального и трудового положения.

Измеряя самооценку денежных доходов граждан, отметим, что в декабре 2015 г. россияне оценивали свои денежные доходы следующим образом: 27 % респондентов, по самооценке, живут в условиях нищеты и бедности, недоедая (4 %) или еле-еле сводя концы с концами, денег им хватает только на приобретение продуктов питания (23 %). У 56 % респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 14 % могут позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, 3 % не отказывают себе ни в чем. Только 14 % граждан по самооценке денежных доходов можно отнести к среднему по российским стандартам классу. Большинство российских граждан испытывали денежные затруднения. Самооценка россиян своего материального положения через 5 лет позволила сделать следующие выводы. В июне 2015 г. только 4 % россиян ожидали значительного улучшения материального положения своей семьи через 5 лет, 16 % ожидали улучшения своего материального положения. Только 18 % граждан предполагали, что все останется без изменений. Ухудшения и существенного ухудшения ждали соответственно 15 % и 5 % россиян. Отметим, что 42 % респондентов затруднились ответить, что фиксирует их состояние на уровне неопределенности. Таким образом, социально-политические риски устойчивого развития гражданского общества в сфере материального состояния граждан имеют предрасположенность к росту.

Следующий аспект социально-политических рисков устойчивого развития гражданского общества описывается характером взаимоотношений власти и граждан, отношением россиян к политической системе. По результатам декабрьского исследования структура доверия граждан государственным политическим институтам в порядке убывания выглядела следующим образом: Президент РФ (77 %), армия (67 %), Правительство РФ (48 %), Совет Безопасности (43 %), Администрация Президента РФ (41 %), Совет Федерации (34 %), руководители регионов (29 %), Государственная Дума (21 %), полиция, суд, прокуратура (16 %). Среди институтов гражданского общества наибольшим доверием у граждан пользовалась церковь (52 %). Далее следовали Общественная палата (21 %), общественные организации (19 %), профсоюзы (16 %), СМИ (15 %), партии и политические движения (12 %), банковские, предпринимательские круги (9 %). Институты гражданского общества пользовались меньшим уровнем доверия, чем структуры власти. Таким образом, в сложившихся социально-политических условиях консолидация внутри институтов гражданского общества и между ними не находит своего выражения.

В России не создана адекватная партийно-политическая система. Анализируя партийные предпочтения россиян, отметим, что 35 % россиян не поддерживают ни одну из существующих партий, а 11 % затруднились ответить. «Единую Россию» поддерживали 22 % граждан, «Общественный народный фронт» — 13 %, КПРФ и ЛДПР — соответственно 8 % и 6 %. Значения рейтинга всех остальных политических партий незначительны. На вопрос «Кто из перечисленных лидеров, по Вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?» были получены следующие распределения. В декабре 2015 г. 67 % граждан отметили В. В. Путина как главного политического лидера страны, способного вывести Россию из кризиса. Второе место получил С. К. Шойгу (23 %). Далее следовали С. В. Лавров (15 %), Д. А. Медведев (13 %), В. В. Жириновский (7 %), А. Г. Лукашенко (5 %), Г. А. Зюганов (7 %), С. С. Собянин (5 %), патриарх Кирилл (3 %), М. Б. Ходорковский (3 %), А. Л. Кудрин (2 %), С. В. Железняк (2 %), Г. А. Явлинский (2 %), С. М. Миронов (2 %). Не отдали предпочтения никому из политиков 18 % россиян.

В данном контексте анализа социально-политические риски устойчивого развития гражданского общества обостряются посредством закрепления в сознании россиян образа государства, в котором 39 % россиян считали, что государство защищает в первую очередь интересы богатых, а 37 % — государственной бюрократии. Только 26 % респондентов убеждены в защите государством интересов всех граждан России, 8 % — средних слоев. Затруднились ответить 17 % россиян.

Третьим аспектом, объединяющим социально-политические риски устойчивого развития российского общества, является система обеспечения государством норм жизни демократического общества, поддержания свобод и соблюдение прав граждан согласно декларируемым нормативно-правовым актам РФ. Результаты исследования, проведенного в декабре 2015 г., показали, что государство обеспечивало в различной степени следующие нормы жизни демократического общества: «свобода политического выбора» (64%), «свобода слова» (60%), «терпимость к чужому мнению» (51%), «социальные гарантии» (42%), «соблюдение прав человека» (40%), «личная безопасность» (28%), «равенство всех граждан перед законом» (20%). На вопрос о выполнении государством своих основных обязанностей перед обществом большинство респондентов считали, что государство лучше всего выполняло основные обязанности по «обороне страны» (82%), «обеспечению мира и поддержанию мирового порядка» (66%), «налогообложению и взиманию налогов» (61%), «сотрудничеству и укреплению связей с СНГ» (58%). Здесь социально-политические риски устойчивого развития гражданского общества связаны в основном с критически низким качеством выполнением российским государством своих обязанностей перед обществом по «регулированию производства и распределению товаров и услуг» (31%), «охране природы и использованию ресурсов» (28%), «интеграции в мировую экономику» (25%) и «обеспечению достойной жизни и всестороннего развития граждан» (17%).

Другая группа индикаторов, фиксирующих уровень социально-политической отчужденности гражданского общества и государства, отражает характер данных взаимоотношений. В декабре 2015 г., по мнению 67% опрошенных, «людям у власти нет никакого дела до простых людей», 41% респондентов считали, что «главное для центральной власти в Москве — это решить свои проблемы за счет областей и республик России». 74% респондентов сказали, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране» и 47% утверждали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». Рассматривая динамические показатели, отметим, что по-прежнему сохранялась большая дистанция между гражданским обществом и властью. Индикатор протестной активности в декабре 2015 г. показывал следующее распределение ответов респондентов. Если надо, возьмут оружие, пойдут на баррикады 10% граждан. Участвовать в забастовках и акциях протеста для защиты своих интересов будут 10% россиян, выйдут на митинг и демонстрацию — 13%. Более мягкие методы борьбы за свои интересы путем подписания обращения к властям выбрали 14% респондентов. Интересы 13% респондентов, по их мнению, достаточно защищены. Еще 20% россиян не выбрали ничего из перечисленных форм

защиты, 20% затруднились ответить. В динамике количество граждан, считавших, что их интересы достаточно защищены, сокращалось. Таким образом, существует возможность роста социально-политических рисков развития гражданского общества, связанных с защитой интересов граждан и нарастания любых видов протестной активности россиян.

Согласно результатам исследований Центра социально и социально-политических исследований ИСПИ РАН, средняя величина индекса гражданского потенциала общества за весь период наблюдений составляет 6,7%. Величина данного индекса измеряется с помощью семи социологических индикаторов:

- совокупность мнений граждан, которые считают, что государство проводит экономическую политику в интересах большинства граждан;
- совокупность мнений респондентов, о том, что государство выражает интересы большинства граждан в стране;
- приватизация проведена в интересах общества;
- самоидентификация среднего класса по семи характеристикам: образование, профессия, квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике;
- прямая самоидентификация среднего класса;
- самооценка денежных доходов населения;
- выполнение государством своих обязательств по охране прав и свобод граждан.

Российское гражданское общество имеет достаточно низкое значение потенциала. Тем не менее, дальнейшее развитие гражданского общества в России с повышательной тенденцией возможно с уменьшением социально-политических рисков, влияющих на консолидацию общества и государства, институтов гражданского общества между собой и других важных аспектов.

Благодарность

Исследования проведены при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг», проект № 15-03-18018 «Организация и проведение полевого этапа социологического исследования на тему: „Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг“».

Информация об авторе

Шушпанова Ирина Сергеевна, к. с. н., доцент, старший научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, Москва, Россия, i.s.shushpanova@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ФАКТОРОВ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ НА ОСНОВЕ СИТУАТИВНЫХ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК И СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ О РАЙОНЕ ПРОЖИВАНИЯ

И. В. Щербакова

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Представленные в докладе результаты дополняют методологические наработки исследования социально-географических факторов гражданского участия в малых городах, проведенного С. Климовой, А. Барсамовой и автором доклада в сотрудничестве с ФОМ [1]. Проведенное пилотное исследование демонстрирует зависимость макро- и микроуровней восприятия территории проживания и их связь с гражданским участием.

Ключевые слова: гражданское участие, территория проживания, уровни восприятия

Практическое значение измерения образа территории заключается:

1. В целях объяснения различных типов социального поведения и поиска соответствующей модели управления им. Социологические исследования способны раскрыть стимулы гражданского участия или же социальной апатии, многие из которых опосредованы сформированным восприятием окружающей обстановки.
2. В целях территориального маркетинга — выявление факторов, способствующих и сдерживающих развитие территории для извлечения прибыли. Здесь уместно, прежде всего, обращаться к статистике и экспертной информации. Во многих случаях решающую роль играет местное население — непосредственные производители и потребители материальных и духовных благ — поэтому здесь широко применяются массовые опросы и фокусированные исследования.

Эмпирический материал для сравнительного анализа представляют релевантные результаты 4 пилотных опросов по квотной выборке в районах Москвы (Беговой, Южное Бутово, Войковский, Лефортово) и социально-экономических показателей этих же муниципальных образований (2013 г.).

Связь гражданского участия и территории проживания. Четыре упомянутых исследования были направлены на выявление потребностей населения в развитии социально-ориентированной инфраструктуры

и проблем благоустройства конкретного района в представлениях его жителей. Заказчиками были запланированы мероприятия с участием местных жителей для обсуждения выявленных в ходе исследования проблем в рамках подготовки к публичным слушаниям в сфере градостроительства. По полученным данным, от 13 до 37 % респондентов в зависимости от района опроса проявили интерес к такой форме гражданского участия, оставив контактную информацию для согласования времени проведения мероприятия.

На статистически значимом уровне готовность опрошенных обсуждать проблемы благоустройства района со специалистами-проектировщиками коррелирует:

- положительно с проживанием в Войковском районе: коэффициент корреляции Пирсона $P = 0,210$ при уровне значимости 0,01.
- отрицательно с проживанием в Лефортово: коэффициент корреляции Пирсона $P = -0,120$ при уровне значимости 0,01.
- положительно с наличием у респондентов (вне зависимости от района проживания) опыта участия в других общественных мероприятиях (митингах, демонстрациях, публичных слушаниях, акциях протеста, в работе общественных объединений граждан): коэффициент корреляции Пирсона $P = 0,168$ при уровне значимости 0,01.

Опыт общественной деятельности и района проживания — это комплексные переменные. При этом связь района проживания с потенциальным гражданским участием проявляется сильнее, чем с опытом общественной деятельности. Учитывая это, а также ограниченность выборки по районам для статистического анализа, обратимся к составляющим переменной «район проживания» для выявления территориальных факторов потенциального гражданского участия.

Данные, полученные социологическими методами, в отношении района проживания позволяют выявить субъективные ситуативные оценки, а данные, собранные в соответствии со статистическими методиками, являются основанием для обобщенной характеристики территории по ряду показателей государственного учета.

Зависимость потенциального гражданского участия от микроуровня характеристики территории (уровень субъективных оценок).

Ответы респондентов на открытый вопрос о наиболее общих характеристиках района проживания в большинстве случаев содержат позитивные или нейтральные оценки района. Часто бывает сложно отделить их друг от друга в кратком ответе, в отличие от негативных. Сравнение характеристик, особенно негативных, позволяет зафиксировать проблемность ситуации.

В рассматриваемых случаях наличие статистической связи между районом проживания и его негативными характеристиками зафиксировано только для Бегового: коэффициент корреляции Пирсона $P=0,304$ при уровне значимости $0,01$.

Переход от преимущественно эмоционального к проблемно-ориентированному аспекту восприятия фиксирует рейтинг проблем, актуальных с точки зрения респондентов, не всегда отображенных в общедоступных статистических данных. Для каждого района картина индивидуальна.

На основании расчета коэффициента корреляции Пирсона (P), показывающего силу связи между переменными, мы выявили статистическую взаимосвязь между характеристиками района проживания и теми проблемами, которые респонденты считают наиболее актуальными. На эмоционально негативные оценки жителей всех районов больше всего влияет восприятие актуальными таких проблем, как экологические ($P=0,164$ при уровне значимости $0,01$) и напряженная криминальная обстановка ($P=0,145$ при уровне значимости $0,01$).

Для оценки влияния представлений респондентов о районе своего проживания на их готовность обсуждать с проектировщиками проблемы благоустройства мы использовали 2 группы переменных для регрессионного анализа (бинарная логистическая регрессия по методу прямой селекции): общие оценки района (позитивные-нейтральные и негативные) и оценки ряда проблем как наиболее актуальных (экологические, смежные с ними транспортные, преступность, наличие необходимого количества автопарков). Проведенный анализ выявил наиболее сильное влияние на потенциальное гражданское участие двух переменных: выделение криминальных проблем в районе как наиболее актуальных и требующих решения в первую очередь, а также общей негативной характеристики района.

Зависимость потенциального гражданского участия от микроуровня характеристики территории (уровень статистических данных). На основе данных Мосгорстата за 2013 г. о показателях муниципальных образований [2] можно заключить, что экономические и экологические последствия размещения столичных промышленных предприятий, а также реструктуризация экономики в мегаполисе вызвали процесс «переформатирования» городского пространства во многих московских районах. Ни один из рассматриваемых случаев не является исключением. Промышленность уступила лидирующие позиции по капитализации рынку недвижимости (жилой, офисной) с соответствующей инфраструктурой и его обслуживанием.

Для оценки влияния представлений респондентов о районе своего проживания на их готовность обсуждать с проектировщиками пробле-

мы благоустройства мы включили в регрессионный анализ 4 группы переменных: коэффициент естественного прироста (положительный–отрицательный), уровень преступности (низкий–средний–высокий), миграционный прирост (положительный–отрицательный), уровень средней начисленной номинальной заработной платы (низкий–средний–высокий). Проведенный анализ выявил наиболее сильное влияние на потенциальное гражданское участие двух переменных: положительный коэффициент естественного прироста и высокий уровень преступности (в среднем — более 100 преступлений на 10000 жителей)[3].

Насколько проектировщики подготовлены и полномочны решать вопросы благоустройства в таком ракурсе, т. е. не узко специализированно, а социально-системно — другая тема.

Основные выводы:

1. В соответствии с проведенным анализом на потенциальное гражданское участие (на примере готовности обсуждать проблемы благоустройства района проживания с проектировщиками) влияют 2 группы факторов: 1) имеющийся опыт общественной деятельности (требует дальнейшего исследования); 2) характеристики территории на микро- и макроуровне. На микроуровне, т. е. уровне субъективных ситуативных оценок выявлены как факторы: а) представление о криминальных проблемах в районе как наиболее актуальных и требующих решения в первую очередь, а также б) общая негативная характеристика района. На макроуровне, т. е. на уровне обобщенных статистических характеристик выявлены как факторы: а) положительный коэффициент естественного прироста и б) высокий уровень преступности.

2. Проведенное пилотное исследование позволяет предположить возрастающую значимость для управления гражданским участием не эмоциональных способов воздействия, а рационально-практических (решение конкретных проблем социально-экономического характера) при соответствующем информировании местных жителей. Последнее замечание важно, т. к. отсутствие информации способствует появлению страхов и фантазий. Острота восприятия и конкретизация проблемы (согласование путей решения проблемы, место и время легального участия), по крайней мере, стимулирует повышение потенциала гражданского участия. Его качество — другой вопрос.

Список литературы

1. *Климова С. Г., Щербакова И. В.* Опыт изучения территориального контекста гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 12—27.

2. Веб-сайт Мосгорстат [Электронный ресурс]. URL: <http://moscow.gks.ru/> (дата обращения: 09.11.2015).

3. Гвоздецкий Д. Криминальная Москва // Веб-сайт газеты «Московские новости» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/moscow/20131118/362650740.html> (дата обращения: 09.11.2015).

Информация об авторе

Щербакова Ирина Вячеславовна, к. с. н., научный сотрудник ИС РАН, Москва, Россия, irasher@yandex.ru

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В РОССИИ

Н. Н. Ягодка

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В современной России гражданское общество следует рассматривать не как противовес, а как фундамент государства и двигатель политической модернизации. Количество гражданских инициатив в России увеличивается, а участие в них граждан становится все более ответственным и осознанным. Гражданские инициативы способствуют улучшению системы социального, экономического и культурного обеспечения населения, а также повышению качества принимаемых чиновниками управленческих решений.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданские инициативы, модернизация

Современный политический процесс в России характеризуется разнообразием форм и типов взаимодействий между субъектами и объектами политики. Несмотря на то, что в современном политическом дискурсе присутствуют различные, а порой и полярные точки зрения относительно роли и места гражданского общества в системе общественных отношений, можно с определенной долей уверенности констатировать тот факт, что за последние пятнадцать лет российское гражданское общество значительно окрепло и постепенно становится важным актором в политическом процессе. Значительно активизировалось взаимодействие государственных и муниципальных органов власти с представителями некоммерческого сектора по решению ряда ключевых вопросов социально-политической повестки дня. Для всестороннего понимания происходящих процессов в российском политическом пространстве, в частности, процессов взаимодействия власти и гражданского общества, необходимо проведение комплексных социологических исследований с целью выявления основных аспектов формирования гражданских инициатив, анализа мотивов гражданского участия населения, инструментария воздействия на власть, определения места и роли гражданских инициатив в политическом процессе и выстраивании партнерских взаимоотношений между государством и «третьим сектором».

Гражданская инициатива, являясь базисной составляющей гражданского общества, представляется одной из наиболее перспективных форм

реализации гражданами своих прав и решения актуальных проблем на местном, региональном и федеральном уровнях. Под гражданской инициативой, прежде всего, понимается социально-политическая активность граждан, совершение гражданских поступков, участие населения в деятельности добровольных общественных организаций для отстаивания групповых интересов, достижения поставленных целей и, в конечном счете, создания общественного блага.

В. Н. Якимец, М. А. Молокова, Л. И. Никовская рассматривают гражданские инициативы как важный фактор политической модернизации России, сближения позиций гражданского общества и государства, а также как эффективный инструмент вовлечения широких общественных слоев в процессы выработки социально-политических решений, контроля за деятельностью органов государственной и муниципальной власти, борьбе с коррупцией [2, с. 6—12]. Разработка и принятие наиболее эффективных решений и стратегий общественного развития возможны только в постоянном диалоге и сотрудничестве государства и многочисленных институтов гражданского общества.

Для большей части граждан демократия, отвечающая интересам большинства, представляет собой, в первую очередь, работающий и эффективный механизм, ориентированный на реализацию не только политических, но и социальных прав граждан: от снижения уровня социального неравенства до увеличения количества возможностей политического участия широких слоев населения. Результатом диалога власти и участников многочисленных гражданских инициатив должны стать появление новых форм общественно-государственного партнерства и институционализация новых способов взаимодействия. Значительный потенциал совместной работы государства и общества заложен в социальной сфере: здравоохранении, образовании, пенсионных вопросах, работе с социально уязвимыми и незащищенными группами населения и т. д. Именно проблемы социальной сферы стоят острее всего для большинства жителей России, и именно в данной сфере решить имеющиеся проблемы без активного участия граждан представляется весьма затруднительным (рис. 1).

Проведенный Институтом социологии РАН опрос в марте 2014 г. показал, что в России сформировался слой активно настроенных граждан, готовых оказать или уже оказывающих поддержку различным общественным организациям, движениям и инициативам. Различную степень политической активности сегодня демонстрируют 57 % россиян, из которых 12 % практикуют непосредственные формы участия в гражданских инициативах, а 45 % проявляют интерес к общественно-политической жизни, но пока находятся преимущественно в формальной форме вовле-

ченности в общественно-политическую жизнь. Проведенное исследование выявило потенциал увеличения активного гражданского ядра с 12 % до 20 % за счет большего включения периферийного слоя населения. Перспективы данного роста во многом связаны с интенсификацией деятельности тех институтов, которые предоставляют возможность гражданам решать конкретные социальные и политические задачи на местах [1].

В каких сферах и областях жизни необходимо активное участие граждан?

К сферам и областям жизни, где без усилий самих граждан решить волнующие их проблемы затруднительно, респонденты отнесли практически всю социальную сферу (**здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения**).

Многие выделили сферы, выходящие за рамки частных интересов: **защита окружающей среды, права человека, благотворительность**.

Рисунок 1. Мнения россиян о том, в каких сферах и областях жизни необходимо активное участие граждан для решения важных для общества проблем, % [1]

Гражданские инициативы могут быть разделены: 1) по территориальному принципу (федеральные, региональные, локальные (муниципальные); 2) по количеству участников (большие — более 1000 участников, средние — от 100 до 1000 участников и малые — от 2 до 100 участников); 3) по продолжительности деятельности (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные); 4) по наличию официальной программы и плана действий (стратегические и ситуативные); 5) по степени взаимодействия с властными органами (сотрудничающие, игнорирующие и противостоящие); 6) по степени сотрудничества с традиционными институтами гражданского общества и различными НКО (интенсивное взаимодействие,

эпизодическое сотрудничество, отсутствие связей) и по ряду других признаков.

Выделяются следующие характерные особенности, присущие гражданским инициативам как форме коллективного действия:

- деятельность гражданских инициатив не всегда носит целенаправленный и последовательный характер (т. е. имеет пошаговый и детальный план действий и мероприятий). Зачастую гражданская инициатива возникает в наиболее проблемной зоне общественной жизни и требует оперативного реагирования, не оставляя времени ее инициаторам на разработку всестороннего плана действий и оценки потенциальных рисков;
- гражданские инициативы могут носить как рациональный, так и иррациональный характер. Под иррациональным характером следует понимать отсутствие в деятельности гражданских инициатив научного подхода, отказ или сознательное игнорирование юридических, политических, лоббистских и иных инструментов для достижения поставленных целей;
- активное использование интернет-пространства и средств онлайн коммуникации для мобилизации граждан и информирования населения о текущей деятельности и достигнутых результатах инициативы;
- неограниченная территория действия: начиная от проблем в собственном подъезде и дворе, заканчивая проблемами государственного масштаба;
- гражданские инициативы, как правило, носят открытый характер и их деятельность полностью «прозрачна» для общественности. Каждый желающий может стать участником той или иной инициативы, а также получить объективную информацию об общественной деятельности из общедоступных информационных каналов и источников.

Гражданскую инициативу, как форму коллективного действия, необходимо исследовать в динамике ее развития, принимая во внимания ее открытость и разнообразное количество субъектов, составляющих ее структуру. Каждая гражданская инициатива, наряду с живым организмом, имеет свой жизненный цикл. На каждом этапе достигается определенные цели и результаты, но при условии наличия необходимых для инициативы ресурсов (материальных и нематериальных). Целью гражданской инициативы может выступать как решение конкретной проблемы, так и изменения сложившихся условий и «правил игры». Однако, с точки зрения формирования социального капитала, важнейшей задачей гражданских инициатив является трансформация поведенческих и ценностных уста-

новок граждан, повышение гражданской культуры, получение нового социального опыта (опыта самоорганизации и совместного решения насущных проблем), повышение доверия, солидарности внутри общества, а также между представителями власти и рядовыми гражданами. Важную роль в анализе динамики развития гражданских инициатив и роста уровня гражданского участия населения играют социологические исследования, проводимые такими авторитетными организациями как ВЦИОМ, ФОМ, Институт социологии РАН, «Левада-центр» и др.

В современной России гражданское общество следует рассматривать не как противовес, а как фундамент государства и двигатель политической модернизации. Количество гражданских инициатив в России увеличивается, а участие в них граждан становится все более ответственным и осознанным. Участие людей в гражданских инициативах способствует их просвещению, повышению способности к самоорганизации, формирует навыки сотрудничества и социально ответственного поведения. Гражданские инициативы способствуют улучшению системы социального, экономического и культурного обеспечения населения, а также повышению качества принимаемых чиновниками управленческих решений.

Список литературы

1. *Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия.* Исследование Института Социологии Российской Академии Наук при поддержке Фонда ИСЭПИ [Электронный ресурс]. URL: http://politanalitika.ru/analitika/grazhdanskiy_aktivizm_novye_subekty_obshchestvenno_politicheskogo_deystviya/ (дата обращения: 22.02.2016).
2. *Никовская Л. И.* Гражданские инициативы и модернизация России : сб. ст. /Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, М. А. Молокова. М. : Ключ-С, 2011.

Информация об авторе

Ягодка Николай Николаевич, аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, yaгодkann89@mail.ru

22. Экстремальная социология: наука, искусство, табу

ПРОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТНОГО АНАЛИЗА ГУМАНИТАРНОЙ ПОТРЕБНОСТИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА НА 2016 Г.)

А. В. Луньков

Центр развития Донбасса, Донецк, Украина

Аннотация. Представлен анализ результатов пилотного социологического исследования, проведенного в 2015 г. с целью анализа потребностей населения Донецкого региона в гуманитарной помощи на 2016 г. Несмотря на то, что потребность в гуманитарной помощи сохраняется, ее структура изменилась; не теряют актуальности медикаменты и стройматериалы. Целесообразно не просто предоставлять исчерпываемый ресурс, а создавать возможность устранять первопричины гуманитарных потребностей (восстановление экономической активности, создание рабочих мест, запуск институтов гражданского общества, формирование «бизнес-инкубаторов»).

Ключевые слова: непризнанные государства, социально-ориентированные исследования, гуманитарная потребность

Неоспоримым фактом является то, что жители Донбасса на протяжении второго года ощущают на себе издержки существующей гуманитарной катастрофы. В связи с чем, огромное количество сил и средств, человеческих и материальных ресурсов направляются для решения обозначенной проблематики. Однако все эти действия, к сожалению, до сегодняшнего дня не смогли до конца снять напряженность и симптоматику, сопровождающие гуманитарные бедствия. В регион систематически направляются значительные объемы гуманитарной помощи как от Российской Федерации, так и от международного сообщества, которые активно поглощаются, но не могут покрыть всех потребностей, существующих в регионе. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием точной картины причин возникновения и детальной структуры гуманитарных нужд в регионе. Государственные органы и общественные организации предпринимают активные попытки оценки ситуации на местах, которые, по сложившейся практике, сводятся к сбору официальной статистики. Наша организация предприняла попытку подойти к этой проблематике

с иной стороны, в частности, предложив классификацию всех факторов и параметров гуманитарной ситуации и анализ корреляции между ними.

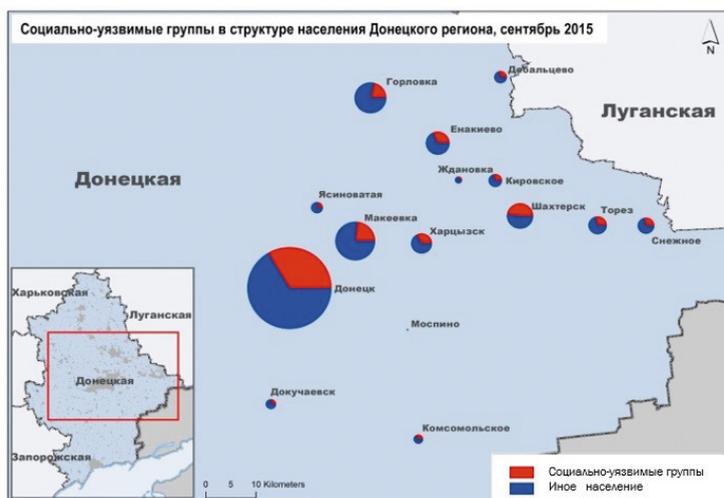

Рисунок 1. Социально-уязвимое население в Донецкой агломерации

С целью анализа потребностей населения Донецкого региона в гуманитарной помощи на 2016 г. было проведено пилотное социологическое исследование. В результате были получены следующие выводы.

Образ «обобщенного» респондента исследования представляет собой женщину в возрасте около 33-х лет, скорее всего, проживающую в Донецке, скорее всего, относящуюся к социально-незащищенным слоям населения. Ее семья состоит примерно из 3-х человек, в ее составе, скорее всего, находятся один пенсионер и один безработный, а малолетних детей, скорее всего, не имеется. При этом такая семья с высокой долей вероятности когда-либо получала гуманитарную помощь, и потребность в ее получении по-прежнему сохраняется.

С точки зрения данной социальной группы, в получении гуманитарной помощи в наибольшей степени нуждаются лица, чьи дома пострадали от артиллерийских обстрелов (так считают 65% опрошенных), дети-инвалиды (64%), матери-одиночки (63%), многодетные семьи и дети-сироты (по 61% соответственно). Меньше всего, с точки зрения опрошенных, в гуманитарной помощи нуждаются учащиеся школ (29%), лица без определенного места жительства (20%) и волонтеры (17%).

Также, с точки зрения данной социальной группы, среди разного типа гуманитарной помощи в наибольшей степени имеется потребность в про-

дуктах питания (81 %) и медикаментах (80 %). Помимо этого, имеется потребность в средствах гигиены (52 %), памперсах (44 %), бытовой химии (42 %). Меньше всего отмечается потребность в канцелярских принадлежностях (14 %) и постельных принадлежностях (10 %).

По мнению большинства (61 %) респондентов, наиболее активной структурой в сфере гуманитарной помощи является Гуманитарный штаб «Поможем» Р. Ахметова. С существенным отставанием от него, в восприятии опрошенных, следуют поставки гуманитарной помощи из России (23 %) и деятельность Международного комитета Красного Креста (11 %). Однако подобные результаты говорят, прежде всего, не о масштабах гуманитарной помощи, оказываемой профильными организациями. Они свидетельствуют о восприятии респондентами деятельности данных организаций и организации ими процессов связей с общественностью.

С другой стороны, по данным проведенного экспертного опроса, в наибольшей степени в получении гуманитарной помощи нуждаются безработные, лица, чьи дома пострадали от артиллерийских обстрелов, дети-инвалиды и дети-сироты. В наименьшей степени, по мнению экспертов, из данных категорий на текущий момент обеспечиваются безработные, матери-одиночки, лица без определенного места жительства, малообеспеченные.

С точки зрения экспертов, на Донбассе сохраняется высокая потребность в большинстве указанных выше типов гуманитарной помощи. При этом, по оценке экспертов, удовлетворение гуманитарных потребностей составляет 20—30 % по ключевым категориям (медикаменты, строительные материалы и смеси, памперсы, средства гигиены, горюче-смазочные материалы). Эксперты отметили, что существует потребность в гуманитарной помощи (прежде всего, в строительных материалах, помощи для новорожденных детей, продуктах питания и одежде) в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, больницах, интернатах и домах престарелых, находящихся в зоне обстрела (в г. Ясиноватая, Дебальцево, Докучаевск, пос. Широкино и Тельманово, пос. Александровка), а также в «красной зоне» (зоне обстрела) Донецка: Петровский, Киевский, Куйбышевский, Октябрьский районы, район Старомихайловки, район Марьинки.

Судя по полученным данным, уровень безработицы на обследуемой территории значительный, хотя, согласно официально позиционированной информации из центров занятости, уровень безработицы не является столь высоким. Это обусловлено низкой заинтересованностью физических лиц в регистрации факта своей безработицы, ввиду отсутствия определенных стимулов регистрации подобного статуса.

Помимо сформировавшегося уровня безработицы можно констатировать высокий уровень социальной незащищенности. В частности, несколько экспертов, находящиеся в разных населенных пунктах (Иловайск, Харцызск, Зугрес, пос. Петровское и др.), независимо друг от друга отметили, что многие работающие граждане имеют столь низкую заработную плату, что ее не хватает на приобретение необходимого для жизни. При этом никакой гуманитарной помощи они не получают. И этот аспект нуждается в дополнительном исследовании для понимания вклада фактора безработицы в гуманитарные проблемы региона. Т.е. в небольших населенных пунктах формально может существовать достаточная занятость населения, однако фактически, за счет небольшой заработной платы, данная категория лиц может находиться на грани выживания. Также эксперты, находящиеся в небольших городах, отмечали, что чем дальше располагается населенный пункт от Донецка, тем реже туда поступает гуманитарная помощь.

Рисунок 2. Население районов Донецка, ранжированное по потребности в получении гуманитарной помощи

Несмотря на то, что необходимость в гуманитарной помощи сохраняется, структура данной потребности изменилась. Актуальности не теряют медикаменты и стройматериалы. Представляется целесообразным

не просто предоставлять исчерпываемый ресурс, а создавать возможность устранять первопричины гуманитарных потребностей (восстановление экономической активности, создание рабочих мест, запуск институтов гражданского общества, формирование «бизнес-инкубаторов»).

Информация об авторе

Луньков Артем Вячеславович, начальник аналитического управления «Центра Развития Донбасса» (Donbass Development Center), Донецк, Украина, rikov@ddc.world

КОМУ НУЖНЫ ОПРОСЫ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА)

А. В. Луньков

Центр развития Донбасса, Донецк, Украина

Аннотация. В проведении опросов заинтересованы, во-первых, международные организации, работающие на территории региона (ООН и их структурные подразделения) для определения потребностей населения, выявлении объектов инфраструктуры, нуждающихся в восстановлении и т. п. Во-вторых, в этом заинтересованы также местные политические силы, которым требуется информация также, преимущественно, социально-гуманитарного характера. Однако в целом всеми заинтересованными сторонами предпринимаются не слишком эффективные методы оценки ситуации на местах, что обусловлено низким уровнем бюджетирования, отсутствием опыта и навыков в данной отрасли, а также особенностями военного положения, в рамках которого любой сбор данных и аналитика по полученным результатам — процесс не самый простой, но, безусловно, крайне значимый.

Ключевые слова: социологические опросы, базовые потребности, постмониторинг

Как проводить репрезентативные опросы и опросы выявленных болевых точек

Почти с самого начала военных действий не имеется достоверной информации о численности населения ДНР/ЛНР, его возрастном-половом составе, количестве занятых по отраслям и т. п. К тому же произошел тотальный отток трудоспособного населения и, как следствие, в целом снижение объемов интеллектуальной среды. Все это происходило вследствие отсутствия возможности адекватного выстраивания деятельности людей после военного конфликта. И на сегодняшний день в регионе сохраняется высокий уровень миграций как в сторону Украины, так и в сторону России (но уже можно говорить и об обратном процессе — возвращении населения). В связи с чем проведение корректного опроса о мнении всего населения по какой-то проблематике в текущих условиях одновременно и затруднительно, и необходимо (с целью выявления как общих идеологических настроений, так и базовых потребностей, индивидуальных особенностей «возвращенцев», для их последующего эффективного «вписания» в среду).

Единственно возможным выходом из сложившейся ситуации, могут быть репрезентативные опросы у отдельных категорий населения.

В частности, у социально-уязвимых групп населения (матерей-одиночек, инвалидов всех групп, внутренних переселенцев, учащихся школ и т. п.). Но, как обозначалось ранее, данные об их количестве и локализации имеются не в достаточном объеме и носят не всегда открытый характер.

Но мы, все же, проводим подобные опросы для формирования базового количественного понимания, также нами применяются исследования в форматах фокус-групп и экспертных интервью — для получения информации о качественном состоянии той или иной проблематики.

Иногда «болевы точки» конкретных групп населения мы выявляем путем проведения постмониторинга выдачи гуманитарной помощи или при проведении гуманитарных мероприятий. В частности, нами проводился постмониторинг (телефонные опросы, личное интервьюирование) раздачи кормов для сельскохозяйственных животных 1000 домохозяйств прифронтовой полосы. В результате удалось узнать материальное состояние и понять общую проблематику населения прифронтовой полосы. Аналогичные мероприятия проводятся нами по иной социальной тематике.

Помимо этого, в условиях данного региона доступными и наиболее безопасными способами сбора информации можно назвать опросы в социальных сетях, хотя они, конечно, имеют ряд ограничений. В первую очередь, ограничений в структуре, качестве, полноте и глубине результатов.

Могут ли люди свободно выражать свое мнение или есть ограничения

Свобода мнений и позиций — это фактор, который для региона, в котором мы работаем, никогда не являлся проблемным. Однако следует иметь в виду поправку на военное положение, и если анализ базируется на взаимодействии с должностными лицами (врачи, госслужащие и т. д.), не все вопросы будут сопровождаться ответами. Но если мы говорим о рядовых гражданах, то в большинстве своем они выражают свои взгляды достаточно свободно.

Каковы эвристические возможности (что узнали от людей нового)

Работа в столь обостренных условиях, «на грани», позволяет посмотреть на ситуацию совсем с другой, настоящей, стороны. В лабораторных условиях любая проблематика — это просто массив данных, без привязки к конъюнктуре. Нахождение в зоне военного конфликта позволяет куда лучше понять, например, мотивацию военных, общественные настроения людей в условиях полного краха государственности.

Безусловно, экстремальные условия также способствуют профессиональному развитию исследователя, ведь по факту необходимо создавать

все с «нуля», искать нестандартные методы. Собственно, именно это один из основных подходов работы нашей организации.

Каковы основные ограничения

Основным ограничением в данной отрасли, можем назвать обстоятельства военного времени и все вытекающие из этого последствия.

Отсутствие информации, закрытость источников ее поступления, деформированные цепочки и структуры аккумулирования данных.

Как изменилось общественное мнение (лояльность России, Украине)

Нами не проводилось полноценное исследование данной тематики. Однако эмпирические срезы информации, имеющиеся у нас, могут свидетельствовать о следующем: население в массе своей имеет более лояльное отношение к Российской Федерации, нежели к Украине. Естественно, это, в первую очередь, обусловлено систематическими поставками гуманитарного ресурса из Российской Федерации, с одной стороны. А также ожесточениями пропускного режима, введение способов фильтрации населения и обстрелов со стороны Украины.

Опыт внедрения, применения на практике результатов исследований

Результаты всех наших исследований (за полгода работы их было около 10) применяются в деятельности ряда международных, местных и российских структур. В частности, наш анализ гуманитарной потребности Донецкого региона на 2016 г. был заложен в базис формирования бюджетной политики ООН в Донецком регионе на 2016 г.

Помимо этого, проведенное нами исследование некоммерческого сектора региона было использовано в понимании активности местных организаций.

Также наше, находящееся в процессе реализации, исследование проблематики внутренне-перемещенных лиц будет использоваться заказчиком для более точечного подхода к этой сфере.

Кто проводит опросы в зоне АТО? Украина проводит?

Своеобразно восприятие «зоны АТО». Если мы говорим об украинском законодательстве, то в эту зону входят, как ни странно, далеко не только территории, не подконтрольные Украине, но и иные области. В ответе на заданный вопрос следует принимать во внимание обозначенную дифференциацию. На территориях, подконтрольных Украине, сегмент достаточно заполнен как местными исследователями, так и их междуна-

родными коллегами. Если же мы говорим о той части региона, в которой мы функционируем, то здесь представленность минимальна и вряд ли будет расширяться, ввиду существующих особенностей, о которых мы сообщали ранее.

Информация об авторе

Луньков Артем Вячеславович, начальник аналитического управления «Центра Развития Донбасса» (Donbass Development Center), Донецк, Украина, rikov@ddc.world

«ГРУППЫ РИСКА» КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ

Е. А. Михайлова

Всероссийский центр изучения общественного мнения,

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Аннотация. Проведение исследований, связанных с изучением «групп риска», является достаточно сложным с организационной точки зрения, требует тщательной подготовки, значительных временных ресурсов. В условиях коммерциализации рынка исследований такие проекты реализуются все реже и реже. В то же время решение актуальных социальных проблем невозможно без анализа мотивов, потребностей, ценностных ориентаций «групп риска». Понимание объемов этих групп, социально-демографических характеристик их представителей, выбираемых ими доминирующих моделей поведения — важные, однако недостаточные для выработки эффективных управленческих решений составляющие анализа. Требуют глубокого изучения мотивационные факторы выбора «альтернативных», девиантных жизненных стратегий, мобилизационные ресурсы этих групп, готовность к выбору экстремальных форм поведения.

Ключевые слова: экстремальная социология, группы риска, социологические исследования, методология

Понятие «экстремальная социология» до сегодняшнего дня неоднозначно трактуется социологами — актуальной является четкая операционализация и формирование особого методологического аппарата для данного направления исследований.

Работа с «группами риска» (лицами без определенного места жительства, жертвами торговли людьми, осуществляющими распространение наркотических/психотропных средств, представителями закрытых этнических групп) связана для исследователей с рисками, сопоставимыми с рисками проведения опросов в зонах военных конфликтов, и такого рода исследования, несомненно, следует относить к «экстремальным».

Опыт исследования таких групп как:

- женщины, оказавшиеся жертвами торговцев людьми (проект «Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в Российской Федерации» / Представительство Европейской Комиссии в России, Бюро международной организации по миграции в РФ, Международная организация труда),

- лица без определенного места жительства (в том числе — русские эмигранты, ночующие в приютах Парижа),
- наркозависимые (проект «Тестирование законодательных инициатив в области противодействия распространению и потреблению наркотических средств»)
- группы радикальных экстремистов (программа «Распространение лучших практик миротворчества и предотвращения конфликтов на Северном Кавказе»)
- незаконно находящиеся на территории Российской Федерации трудовые мигранты (проект «Мигранты в розничной торговле: эффект запретов»)
- цыгане (проект «Социально-экономические, этнокультурные и правовые проблемы цыган в России» / ФАДН)
- позволяет выделить следующие важные составляющие работы с «группами риска», которые необходимо учитывать при планировании такого рода исследований.

1. Организационный аспект

При разработке дизайна такого рода исследований следует, в первую очередь, учитывать степень структурированности группы. Условно «группы риска» можно разделить на слабоструктурированные, полуструктурированные, неструктурированные.

- *Для жестко стратифицированных, замкнутых групп ключевым фактором успеха при проведении исследовательских работ является установление доверительных отношений с лицами, стоящими во главе группы.* Несмотря на кажущуюся недостижимость данной цели, именно такой подход является оптимальным — обеспечивается не только доступ к респондентам, но и повышается уровень защищенности самих исследователей. Так, если планируется опрос русских эмигранток, работающих в квартале «Красных фонарей» в Амстердаме, оптимальная стратегия — обращение к руководству «профсоюза» и разъяснение исследовательской миссии, задач, которые ставят перед собой участники экспертной группы (никак не противоречащих и не ущемляющих интересы ни респондентов, ни связанных с ними других лиц). Возможен ли опрос членов радикальных группировок или сектантов? «Да», если цели и задачи вашего исследования не будут восприняты руководством этих групп как связанные с грубым вторжением «на их территорию» и потенциально влекущие за собой негативные последствия для устоявшейся внутри группы системы отношений.
- Группы лиц без определенного места жительства, страдающие наркотической зависимостью и т. п. в меньшей степени страти-

фицированы, характер социальных связей не столь устойчив — однако именно разобщенность и отсутствие явно выраженного (признаваемого) лидера существенно усложняет работу: как правило, каждый случай интервью носит событийный характер (работа по рекруту каждого из респондентов занимает достаточно много временных ресурсов, связана с рисками и предполагает высокий уровень профессионализма исследователя, пытающегося установить контакт).

2. Методологический аспект

- Несмотря на обширные исследовательские задачи и стремление получить исчерпывающую информацию при получении доступа к респондентам в «закрытых», «специфических» группах, важнейшим условием обеспечения высокого качества получаемой информации является *фокусирование на тех аспектах, о которых респонденты потенциально будут готовы говорить*. Бессмысленно спрашивать лиц без определенного места жительства об их историях жизни — достаточно велика вероятность получения массива «выдуманных» историй, из которого вычленив правдивую информацию будет достаточно проблематично.
 - В случае проведения количественных опросов адекватная интерпретация полученных данных возможна только в случае, если они дополняются качественными данными: представления о качестве жизни, нормативных моделях поведения в «группах риска» искажены, понять значение полученных данных можно только в случае очень четкой операционализации понятий через значения, приписываемые им анализируемыми группами.
 - При выборке методов сбора информации в «группах рисках» (даже при наличии возможности массового опроса, достаточного для статистического анализа количества респондентов), *предпочтение должно отдаваться качественным методам*. Скрытые мотивы, неожиданные решения, ценностные ориентации, мировоззрение представителей этих групп — уникальная информация, которая может быть получена только в ходе глубинных интервью.
 - Крайне важно, чтобы инструментарий исследования позволял фиксировать наблюдаемые характеристики при проведении исследований непосредственно на территории «постоянного обитания» групп. Одним из новых *способов фиксации характеристик социальных сред* в ближайшем будущем может стать мобильное кино.
- Изучение «групп риска» — сложная и очень важная исследовательская задача, без решения которой невозможно искоренение ряда актуальных

проблем современного общества. Актуальной является систематизация данных об опыте проведения таких исследований (для каждой из проблемных групп), оптимальных подходах к формированию инструментария, существующих ограничениях и т. п.

Информация об авторе

Михайлова Елена Александровна, к. с. н., директор специальных программ Управления стратегического планирования и исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (АО «ВЦИОМ»), доцент кафедры социологии и гуманитарной культуры Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ «МИФИ»), Москва, Россия, socio-expert@mail.ru, mikhaylova_e@wciom.com

ПЕРВОЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЫГАН В РОССИИ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Е. А. Михайлова

*Всероссийский центр изучения общественного мнения,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия*

Аннотация. Проанализирован опыт организации и проведения первого репрезентативного исследования цыган в России, реализованного ВЦИОМ по заказу ФАДН России. Уникальность исследования — в его обширности, охвате целевых аудиторий: ранее в Российской Федерации подобные замеры не проводились — все исследования, связанные с изучением жизни цыган, носили, как правило, локальный характер.

Ключевые слова: цыгане, комплексное исследование, всероссийский опрос

Первое комплексное исследование «Социально-экономические, этнокультурные и правовые проблемы цыган в России» было реализовано Всероссийским центром изучения общественного мнения (АО «ВЦИОМ») по заказу Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России) и включало в себя следующие методы сбора информации:

- первый репрезентативный всероссийский опрос цыганского населения в субъектах Российской Федерации (объем выборочной совокупности опроса — 1000 респондентов; география опроса охватывала 30 субъектов Российской Федерации; опрос проводился в 150 точках; целевая аудитория опроса — цыганское население Российской Федерации в возрасте от 16 лет и старше)
- всероссийский опрос населения Российской Федерации (выборка опроса репрезентирует взрослое население России; в опросе участвовали 1600 человек. Опросы проводятся в 46 субъектах страны, в 130 населенных пунктах, в 9 Федеральных округах, включая Крымский Федеральный округ)
- анализ информационного поля с использованием возможностей автоматической системы мониторинга и анализа СМИ «Медialogия»;
- кабинетное исследование (desk-research);
- фокус-групповые интервью с цыганами (количество фокус-групп — 2);
- диадические интервью в семьях цыган (количество интервью — 8);

— экспертные интервью с известными представителями цыганской общественности — лидерами общественного мнения (5 интервью).

Реализация данного исследования стала возможна лишь благодаря активной организационной поддержке со стороны главы Федеральной национально-культурной автономии цыган Н. Г. Деметер. Без наличия рекомендаций со стороны столь авторитетного лидера цыгане, являющиеся закрытыми и жестко структурированными этническими группами, вряд ли могли быть опрошены. Организационная схема опроса предполагала установление договоренностей руководителя ФНКА цыган с региональными представителями организации с последующим определением кураторов работ (из числа цыган), сопровождавших исследователей в каждом из регионов опроса. Можно с уверенностью констатировать, что проведение количественного опроса в таких масштабах по другой организационной схеме вряд ли было бы возможно (в тех регионах, где ФНКА цыган не имеет постоянных представителей, результативные интервью носили эпизодический характер, в ряде случаев интервьюеры в принципе не могли установить контакт с представителями этнических групп цыган).

Определенные проблемы связаны с особенностью проживания цыган — как правило, в большинстве регионов (за исключением крупных городов) поселения цыган представляют собой закрытые анклавные территории, проникновение на территорию которых практически невозможно — без сопровождающих достижение представителей данных целевых групп было бы крайне проблематично.

Определенные трудности были связаны и с устоявшимися в обществе негативными стереотипами, стигматизацией представителей цыганского народа — некоторые интервьюеры отказывались от участия в исследовании, опасаясь прямых контактов с цыганами. Лишь после проведения первых интервью становилось понятно, что страхи являются скорее преувеличенными, и риски погружения в среду цыган (с учетом выбранной организационной модели проведения опроса) сопоставимы с теми, которые возникают при проведении других исследований.

Большинство интервью с цыганами, реализованных в рамках проведения количественного опроса, проводились по предварительной договоренности и в сопровождении кураторов, которые разъясняли цели и задачи исследования представителям целевых групп. Цыгане не попадают обычно в выборки опросов, и сам формат и смысл проведения социологических исследований далеко не для всех из них изначально понятны. Так, в частности, у многих респондентов присутствовали ожидания, что интервьюеры сразу же приступят к решению существующих в их семьях проблем (будут содействовать в оформлении документов, помогут решить вопрос с получением средств на лечение ребенка, устроят в боль-

ницу на лечение инвалида, смогут добиться от региональных органов власти принятия решения об организации автобусного сообщения между поселением и школой, в которой обучаются дети и т. п.).

Одним из важных аспектов, которые не были учтены при разработке программы исследования (в том числе — при определении оптимального количества фокус-групп и диадических интервью, которые должны были быть проведены), является существенная разница между этническими группами цыган. Если при планировании опросов других социальных групп определяющим является территориальный фактор, то в данном случае основным фактором дифференциации выступала степень приверженности традиционным ценностям (в гораздо большей степени выраженная у котляров и владов, независимо от того, в каком субъекте Российской Федерации они постоянно проживают).

Что же касается методологических особенностей проведения опроса, то ответы цыган на вопросы анкеты количественного опроса можно охарактеризовать как искренние и откровенные (за исключением тех вопросов, которые касались экономической деятельности цыган и неформальных источников получения прибыли, что и прогнозировалось). В определенной степени этому способствовал принцип организации опроса, позволивший сформировать у респондентов доверительное отношение к интервьюерам.

Проведение интервью непосредственно в местах локального проживания цыган, сопровождавшееся сбором фотоматериалов, позволило фиксировать отдельные поведенческие аспекты, модели поведения. Несмотря на комбинирование в рамках исследования качественных и количественных методов сбора информации, многие полученные результаты сложно было бы интерпретировать, не погрузившись в среду. Высокий уровень закрытости цыганских этнических групп, наличие социальной дистанции способствуют формированию своих, внутригрупповых норм и оценочных шкал. В частности, полученные позитивные ответы на вопросы, касающиеся качества жизни или сравнения жизни цыганских семей с другими российскими семьями сложно было бы адекватно интерпретировать без учета того, какой смысл вкладывают в эти понятия сами представители данной этнической группы.

Информация об авторе

Михайлова Елена Александровна, к. с. н., директор специальных программ Управления стратегического планирования и исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (АО «ВЦИОМ»), доцент кафедры социологии и гуманитарной культуры Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ «МИФИ»), Москва, socio-expert@mail.ru, mikhaylova_e@wciom.com

НА ГРАНИЦАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНОМ В ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е. А. Островская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Экстремальная социология, располагающая разнообразием апробированных методов, техник и немалым багажом эмпирических исследований, способна дать ответы на многие вопросы, возникающие при изучении труднодоступных религиозных групп, и стать реальным подспорьем в исследованиях таких групп.

Ключевые слова: идентичность, полевые исследования, экстремальная социология

В отечественной и зарубежной социологии слабо артикулирована тема экстремального на поле эмпирических исследований, но в последние пару десятилетий она актуализировалась в связи с заказами на обследования труднодоступных групп (ВИЧ-инфицированных, наркозависимых), зондажа в горячих точках военных конфликтов и т. п. Мой многолетний опыт показывает, что методики, разработанные применительно к вышеобозначенным группам, способны открыть доступ и к абсолютно закрытым религиозным и этнорелигиозным группам. Расширение знаний о них раскрывает новые горизонты социокультурной и политической реальности, не очевидной на уровне массовых опросов.

Приведу пример: разбросанные по миру тибетские, уйгурские и курдские анклавные изучаются преимущественно усилиями этнологов, этнографов, востоковедов. Они вроде как не интересны социологам, для которых не ясна прагматика такого исследования. Еще менее очевидна она применительно к социологическому изучению буддистов-конвертитов, мусульман-конвертитов и религиозных евреев. Статистически малые религиозные сообщества, абсолютно закрытые для исследования, отвергнуты социологами как «ничтожный объект» в его локальном проявлении. Однако в ситуации международного аларма они оказываются весьма дееспособными и политически востребованными. Большинство таких «тихий» групп являются деятельными участниками транснациональных коммуникативных сетей, сконструированных, прежде всего, в перспективах глобального политического управления. И здесь возникает вопрос: как можно выйти на подобного рода измерения с уровня интервью? Как, вообще, возможно войти в эти группы? Как изучать поле, не утрачивая собственную идентичность, если сами методики

предполагают временное стирание индивидуальности, предпочтений и желаний?

Ответы на эти и многие другие вопросы не лежат в плоскости Кодекса социолога. Отечественные учебники по эмпирическим методам предписывают сразу же сообщить потенциальным респондентам, что ты — социолог и обозначить свою тему. По опыту скажу, что на этом этапе будущее исследование заканчивается. Если религиозная организация зарегистрирована и позиционирует свою открытость, социологу покажут и расскажут все то, о чем написано на ее сайте в интернете. Вариант представиться журналистом, пишущим о данной религии, группе, течениях, — еще хуже, хотя именно так западные пособия и статьи предлагают обходить сложности.

В ситуации первичного знакомства допустим только фиктивный контекст: хорошо продуманное обозначение темы, любопытной, но весьма размытой, самоидентификация по ложному сценарию. Можно предвидеть негодование профессионалов по поводу этики, ответственности и пр., но оно будет свидетельствовать лишь о том, что эти специалисты в таких ситуациях не бывали. Формулировка контекста и собственной презентации всегда рядом с реальными, но не совпадает полностью.

Здесь важно то обстоятельство, что вхождению обязательно должен предшествовать продолжительный период сбора информации о будущем объекте: история организации, доктринальная и мировоззренческая ориентация, места встреч, регулярность, возможность посещения. Отдельным блоком идет установление и выучивание тезауруса, принятых техник тела, форм самопрезентации, внутренних трендов самооформления, разговорный укус. Идеальный и частый путь здесь — найти своего информанта и «привратника». Кроме того, обязательно изучение сайтов и иных доступных источников информации.

Вхождение и пребывание в поле стирают идентичность исследователя. Более того, экстремальность пребывания в нем отчасти в том и состоит, что сделать это придется самостоятельно и заблаговременно. В противном случае нет ни малейшего шанса стать «своим». Чрезвычайно важно в этой связи освоить техники входа и выхода, дневниковых записей, мнемонических приемов. Я полагаю, что принципиально сохранить баланс и не впасть ни в одну из крайностей: надо избежать перспективы стать ролевиком/агентом или оказаться в «тюрьме веры».

Отдельная тема — техники проведения интервью в ситуации невключенного наблюдения, когда известно, что ты исследователь, а сведения о тебе представлены в интернете. В таком контексте наиболее продуктивным представляется биографический подход, исследование религиозности без единого вопроса о религии. Биографический метод

прекрасно komponуется с методами построения выборки в труднодоступных группах — методом снежного кома и референтной выборки. Однако и здесь масса подводных камней. Прежде всего — как установить контакт с первыми респондентами? Что делать в ситуации перманентного отказа? Имеет ли смысл сначала обратиться к руководству религиозной организации, ее лидерам и наставникам или лучше, на свой страх и риск, пойти через «низы»?

Полагаю, что экстремальная социология, располагающая разнообразием апробированных методов, техник и попросту уже немалым багажом эмпирических исследований способна дать ответы на перечисленные выше вопросы и стать реальным подспорьем в исследованиях труднодоступных религиозных групп.

Информация об авторе

Островская Елена Александровна, д. с. н., профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e.ostrovskaya@spbu.ru

ОПЫТ ОПРОСОВ КИЕВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА — МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

В. И. Паниотто

Киевский международный институт социологии, Киев, Украина

Аннотация. За последние два с половиной года Киевский международный институт социологии (КМИС) провел множество исследований, которые можно было бы отнести к жанру экстремальной социологии: это опросы на Майдане, экзит-полы в период военных действий на Донбассе, регулярные опросы в наиболее пострадавших городах Донбасса для фонда Рината Ахметова * и другие. Ниже — некоторые методологические выводы, к которым мы пришли.

Ключевые слова: зона конфликта, социологические опросы, экстремальная социология, методология

1. В условиях конфликта повышается важность этических вопросов, вопрос о возможности проводить исследования не может быть решен априорными табу, а требует рассмотрения конкретной ситуации и сопоставления пользы от исследования и рисков. Социологическая ассоциация Украины (САУ), к сожалению, не требует обязательной оценки инструмента для зон конфликта (как IRB в США), комиссия по этике САУ регулярно рассматривает эти вопросы, но лишь по требованию клиентов (как правило, американских). По-видимому, назрела необходимость ввести такую оценку в стандарт САУ для опросов в зонах конфликта, пока что мы принимаем такие решения самостоятельно внутри КМИСа.

2. Безопасность превыше всего (и для интервьюеров, и для респондентов). Этот принцип реализуется в методике исследований. Например, при проведении экзит-пола для участков, близких к линии фронта, были предусмотрены запасные участки-«двойники», в инструкции интервьюеру предписывалось немедленно покинуть участок при малейших признаках опасности и перейти на запасной участок или вообще не работать (без ущерба для оплаты). Для страховки мы проводили на Донбассе в день выборов параллельно с экзит-полем телефонный опрос, чтобы в случае необходимости заменить отсутствующие в экзит-поле данные результатами CATI.

* На их основе создана интерактивная гуманитарная карта <http://map.dopomozhemo.tv/> для координации оказания помощи.

3. Представление данных общественности требует повышенного внимания. В опросах на Донбассе часто приходилось заменять F2F интервью телефонными опросами; повышается важность описания ограничений полученных данных. Иногда в презентациях вначале идет описание ограничений, а далее используются фразы типа «30 % жителей Донбасса», как бы подразумевая, что имеются в виду результаты с указанными ограничениями. Это приводит к неверной интерпретации данных журналистами, они вырывают фрагменты текста без описания ограничений. Необходимо следить, чтобы описание ограничений не «отрывалось» от результатов и контролировать корректность формулировок в публикациях.

4. В опросах в зонах риска возрастают систематические ошибки, поэтому важно не ограничиваться стохастическими ошибками, а использовать также оценки систематических погрешностей, в частности, Интегральный подход к оценке ошибки (см. например: *H. F. Weisberg. The Total Survey Error Approach, 2005*).

5. *Secret ballot*. Эксперименты в опросах на Донбассе показывают, что ответы на чувствительные вопросы при использовании методики *secret ballot* («урны для голосования») могут отличаться на 4—5 процентных пунктов. В экзит-полах мы всегда используем имитацию голосования, а в других опросах — лишь при наличии в анкете «чувствительных вопросов» (которые стараемся минимизировать, иногда отказываясь от проектов). Например, мы отказались проводить опрос для выявления готовности населения к партизанской войне на не контролируемых правительством Украины территориях.

6. Использование *mix-mode survey* может оказаться хорошим способом решения проблем. Например, наша бригада интервьюеров в Донецке испытывает сложности при выезде из города из-за блокпостов. Поэтому в Донецке можно проводить F2F интервью, в других населенных пунктах — CATI (данные опросов, проведенных до начала конфликта, позволяют оценить эффект метода).

Сочетание количественных и качественных методов позволяет компенсировать недостатки количественных опросов. Например, для выяснения проблем городов, наиболее страдающих от военных действий, и составления гуманитарной карты кроме F2F интервью использовались:

- анализ публикаций в прессе и в Интернет-изданиях;
- анализ сообщений в социальных сетях;
- опросы информаторов, имеющих много контактов (таксисты, врачи и т. п.);
- опросы экспертов (в частности, чиновников, отвечающих за те или иные структуры жизнеобеспечения).

7. Получение в количественных опросах информации не только о респонденте, но и о социальной сети опрашиваемых (например, для оценки уровня миграции; или оценки численности жертв — например, scale up метод).

Остановлюсь подробнее на миграции из Донбасса, так как из более, чем 6 млн населения, уехало около 2 млн поэтому оценка миграции важна при формировании выборок не только для Донбасса, но и для Украины в целом. Обычные опросы не позволяют оценить число уехавших — ведь если выехала вся семья, то она не попадет в выборку. Кроме того, наши выборки не очень большие, и оценка миграции была бы возможна только для региона в целом. **Идея заключается в том, чтобы искать тех, кто выехал, через их контакты в их межличностных сетях:** мы осуществляем обычную стохастическую выборку (отбор городов с помощью PPS, потом отбор избирательных участков и т. д.) и просим респондента выбрать 5 семей, которые наиболее близки ему, и рассказать, кто из них уехал, а кто остался. Это позволяет, во-первых, получить информацию о семьях, которые полностью выехали; во-вторых, увеличить эффективный объем выборки (в частности, в последней волне мы опросили 2100 респондентов и получили информацию о более чем 23 000 жителей городов, попавших в выборку). В приложении — фрагмент анкеты.

Приложение 1. Фрагмент анкеты

БЛОК ТОЛЬКО ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Д13. А сейчас несколько необычных вопросов. Вспомните, пожалуйста, январь 2014 года. Например, как Вы праздновали Новый Год и Рождество в 2014 г. (1 января, 7 января 2014 года). Теперь вспомните, пожалуйста, 5 Ваших самых близких знакомых, которые постоянно проживают в НАЗВАТЬ НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ или жили здесь в январе 2014 года. Это должны быть люди из разных семей. Мы не будем спрашивать Вас, кто они и кем они Вам приходятся. **ДОЖДАТЬСЯ, ПОКА СОСТАВЯТ СПИСОК.**

Теперь по каждому из этих людей у нас 6 вопросов:

1. Этот человек продолжает жить в этом городе/селе? 1. Да. 2. Нет.
2. Сколько всего человек было в семье в январе 2014 года, т. е. сколько человек проживали одним домохозяйством с этим человеком?
3. Сколько человек из этой семьи выехали из населенного пункта и больше не возвращались (сейчас здесь не проживают)?
4. Эти люди уехали в пределах Украины или за границу?
5. А сколько человек из этой семьи выезжали из населенного пункта, но вернулись и сейчас снова проживают здесь?
6. Эти люди переезжали в пределах Украины или за границу?

№	Проживает или переехал	Кол-во членов семьи	Сколько уехало навсегда	Куда переехали	Сколько уехали и вернулись	Куда переезжали
1	да..1 нет..2	—	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО
2	да..1 нет..2	—	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО
3	да..1 нет..2	—	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО
4	да..1 нет..2	—	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО
5	да..1 нет..2	—	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО	—	1 Украина 2 заграница 3 Крым 4 ТО

БОЛЬШОЕ СПАСИБО ЗА ИНТЕРВЬЮ!

Информация об авторе

Паниотто Владимир Ильич, д. филос. н., ген. директор Киевского международного института социологии, Киев, Украина, paniotto@kmis.kiev.ua

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ АБХАЗИИ

И. Ф. Текушев

Информационно-аналитическое агентство Medium-Orient, Прага, Чешская республика

Аннотация. Социологические исследования в горячих точках или пост-конфликтных регионах требуют от исследователя знания обычаев и традиций народов, населяющих данный регион. Если полевые работы проводятся в зоне конфликта, необходимо детально изучить суть конфликта, его историю, динамику. Полезным представляется сочетание качественного и количественного методов. Во избежание использования результатов опроса различными политическими или иными группами в своих целях, необходимо осуществлять мониторинг публикаций на основе проведенного исследования.

Ключевые слова: Абхазия, полевые исследования, зона конфликта, методы исследования

Общественный запрос

Более 10 лет практически никто не занимался изучением общественного мнения жителей поствоенной Абхазии. Республика была не интересна международным организациям и СМИ по причине изоляции и неопределенности ее политического статуса. Региональные элиты также не проявляли интерес к изучению общественного мнения, довольствуясь обратной связью, которую обеспечивали им так называемые народные сходы. Сегментарные же опросы беженцев, отдельных категорий населения, проводимые различными гуманитарными организациями и НПО, носили единовременный характер.

После признания независимости Абхазии Россией и рядом других стран в 2008 г., республика стала все чаще попадать в поле зрения различных международных агентств, СМИ, российского бизнеса. Факт признания ее независимости значительно повысил интерес к изучению общественного мнения в республике со стороны международных организаций, СМИ.

Динамика развития абхазского государственного проекта поставила и перед абхазскими элитами новые задачи, актуализировав вопрос «нациестроительства». Изменились общественные запросы, появилась острая необходимость в модернизации общества.

После первой революции в Абхазии, которая едва не закончилась трагедией для абхазского общества, у региональных элит появилось понима-

ние необходимости осуществления мониторинга общественного мнения по актуальным для общества вопросам. Сегодня в Абхазии работают несколько социологических служб, осуществляющих мониторинг общественного мнения по заказу как международных организаций, так и местных государственных структур. Среди них — Институт социального маркетинга (Москва), «Левада-Центр» (Москва), Ассоциация женщин Абхазии (The Association of Women of Abkhazia — Сухум), Информационно-аналитический центр Medium-Orient (Прага), Центр Социологических исследований (ЦСИ) при президенте Абхазии, Абхазский институт Гуманитарных исследований (Сухум), Центр гуманитарных программ (Сухум).

Агентство Medium-Orient проводит опросы в Абхазии с 2006 г. В разное время нами изучались электоральное поведение, медиа-предпочтения, социальное самочувствие жителей республики.

Общественно-политический аспект

В ходе проведения опроса в Абхазии мы столкнулись с тремя проблемами: статистические данные, легализация полевых работ, особенности восприятия опроса местным населением.

Демография

К переписи населения много вопросов, есть искажения по численности населения, этническому составу. Сегодня мы уже знаем, в каком регионе Абхазии какой этнический состав, какие села опустели, а какие нет.

Существует также сезонная трудовая миграция, влияющая на гендерную картину в отдельных районах. Например, в том же Гудаутском районе, где высокий процент безработицы.

Сейчас мы можем фиксировать искажения в ходе опроса через программу мониторинга, который в режиме реального времени посылает данные с электронных анкет-планшетов на базу. Благодаря использованию электронных анкет, которые позволяют видеть общую картину полевых работ в режиме реального времени, мы можем по ходу работ проводить и коррекцию данных.

Полевые работы

Так как наше агентство является и информационным ресурсом, расположенным за границей, нам приходится согласовывать полевые работы с местными властями. Отсутствие законодательной базы в отношении проведения опросов запутывает ситуацию с получением разрешения, которое позволило бы нам в том же Гальском районе проводить опрос беспрепятственно. Никто не может дать ответ о том, где и какое разрешение нужно получить, чтобы на законных основаниях проводить поле-

вые работы. Последний раз мы получали там аккредитацию в качестве средства массовой информации.

Особенности национальной опроса

Несмотря на то, что вооруженный межэтнический конфликт в Абхазии имел место более 20 лет назад, постконфликтный фактор продолжает оказывать влияние на все сферы жизнедеятельности абхазского общества. Война, длительная политическая изоляция Абхазии, наступившая после окончания вооруженного конфликта с Грузией в 1993 г., наложили отпечаток на восприятие обществом социологических опросов.

В постконфликтном регионе очень важно, чтобы исследователь, адресуя свои вопросы, никак не ассоциировался со стороной конфликта. В Абхазии мы сталкиваемся с гипертрофированным восприятием всего, что связано с Грузией. В 2009 г., в ходе пилотных интервью, в вопросе о том, «с кем в первую очередь необходимо развивать отношения Абхазии», мы столкнулись с тем, что наличие Грузии среди вариантов ответов оказывало негативное воздействие на восприятие интервьюируемого, искажало его отношение к вопроснику.

Уже в ходе второго опроса мы эту ситуацию переиграли, создав две электронные анкеты — одну для абхазов, другую для остальных национальных меньшинств. В 2014 г. в ходе изучения медиа-предпочтений жителей Абхазии мы подготовили два опросника, охватывающих одну тему. В абхазском опроснике мы предусмотрели все СМИ, вещающие в регионе, кроме грузинских, а в грузинском отразили все абхазские СМИ, плюс грузинские медиа, которые вещают на Гальский район.

Взаимодействие с прессой

Как справедливо заметил известный социолог Сергей Хайкин, одна из миссий, стоящих перед нами, это обеспечение обратной связи. Здесь медиатором выступают региональные СМИ или СМИ, которые находятся за границей, чья целевая аудитория и является этим регионом. Отдельно стоит выделить роль социальных сетей. С одной стороны, социологи должны с ними взаимодействовать, чтобы донести до властей данные опроса, с другой — нужно учитывать, что опрос могут интерпретировать по-своему различные политические группы.

Да, с одной стороны результаты исследования должны жить после полевых работ, они должны быть публичными. Но с другой стороны, очень важно при написании анализа учитывать местную специфику, факторы, упомянутые выше.

Следует максимально учесть специфические для региона конфликтные узлы, чтобы избежать искажения опроса различными политическими

группами в собственных целях. Мы рискуем навредить людям, попавшим в опрос, с одной стороны, а с другой — ставим свою будущую работу в регионе под удар.

Так, например, в ходе нашего очередного опроса в Абхазии в 2014 г. мы опубликовали данные об отношении разных этнических групп к проблеме соблюдения прав национальных меньшинств в Абхазии. Среди этнических абхазов процент тех, кто считает, что права нацменьшинств в Абхазии полностью соблюдаются, составил 40,8%, что почти на 11% выше, чем в целом по республике (31,7%). Среди представителей русской, армянской и грузинской диаспор процент полностью удовлетворенных соблюдением прав нацменьшинств оказался существенно ниже, чем среди абхазов. Если среди русских 34,3% считает, что права нацменьшинств полностью соблюдаются, то среди армян этот показатель составил 22,5%, а среди представителей грузинского меньшинства — только 7,1%, что является дополнительным подтверждением проблемного положения грузинского меньшинства в Абхазии.

Казалось бы, безобидные данные. Но нет. Они вызвали настоящий скандал в абхазских форумах в Фейсбуке. Масла в огонь подлила статья в журнале «Эхо Кавказа» абхазского журналиста Виталия Шария «Лебедь сильнее рака и щуки». Под статьей появились призывы к этническим чисткам в Абхазии. Мне пришлось писать письмо в редакцию «Эхо Кавказа» и требовать удалить комментарии.

Сбор данных и контроль качества

Использование современных технологий значительно повышает скорость полевых работ. Мы сегодня проводим опрос при помощи электронных анкет, подсоединенных к базе данных через интернет. Полученные данные систематизируются самой базой. Это позволяет избежать утраты данных, если вдруг кто-то решит изъять у нас анкеты. А такое бывает. Электронные анкеты также позволяют в режиме реального времени следить за качеством исполнения работ, слушать записи интервью через интернет, прослеживать маршрут.

Сочетание качественного и количественного методов

Для полноты картины очень полезно сочетать качественный и количественный метод. Так, например, в ходе изучения общественного мнения в Абхазии в 2012 г. выяснилось, что 33,9% абхазских грузин из числа стран, с кем Абхазии в первую очередь стоит развивать отношения, на первое место поставили Россию. Кроме того, анонимный опрос значительно повышает возможность дополнительно опрашивать респондентов, записывать их комментарии.

Выводы

Социологические исследования в горячих точках или постконфликтных регионах требуют от исследователя более глубоких знаний о регионе, в котором он планирует проводить полевые работы. Помимо классического набора инструментов, он должен знать обычаи и традиции народов, населяющих данный регион. Если полевые работы проводятся в зоне конфликта, необходимо детально изучить суть конфликта, его историю, динамику. Следует также учесть все риски, связанные с демографией, которая в постконфликтных регионах часто имеет иную картину, нежели та, что вы находите в официальных источниках. При этом, весьма полезным представляется сочетание качественного и количественного методов. Современные технологии также значительно облегчают контроль за качеством полевых работ. Во избежание использования результатов опроса различными политическими или иными группами в своих целях, необходимо осуществлять мониторинг публикаций на основе проведенного исследования.

Список литературы

1. *Экстремальная социология: исследования с риском для исследователя*. Материалы науч.-практ. семинара 17—18 сентября 2005 г., город Надым [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociologos.ru/upload/File/Jekstrelnaja_sociologija_Sbornik_statej_Nadym_2005.pdf.
2. *Телевидение, социальные сети, общение с друзьями и родственниками — в лидерах рейтинга медиа-предпочтений жителей Абхазии* [Электронный ресурс]. URL: <http://caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=21420>.
3. *Abkhazia: Between the Past and the Future*, Prague, Medium Orient 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.caucasustimes.com/abkhazia.pdf>.

Информация об авторе

Текушев Ислам Феликсович, директор информационно-аналитического агентства Medium-Orient, Прага, Чешская республика, tekushev@caucasustimes.com

23. Социология в регионе

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ РЕГИОНОВ

М. М. Балябина

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

Аннотация. Необходимо воспитывать способность формулировать свои, независимые от официальной государственной позиции, взгляды на происходящие процессы в обществе. В учреждениях среднего и высшего образования требуется поддерживать ценности гражданской социально-политической культуры при получении профессиональных знаний в той или иной сфере деятельности.

Ключевые слова: права человека, гражданское просвещение, гражданское самосознание

Построение правового государства и гражданского общества во многом зависит от уровня организации системы образования и просвещения в области прав и свобод человека, форм и методов их защиты. Образование и просвещение в области прав человека представляет собой важное условие создания эффективной системы предупреждения правонарушений, формирования культуры прав человека. Ее суть в утверждении человеческого достоинства и ценности человеческой личности, в умении защищать свои права и законные интересы, в повышении профессионализма государственных служащих, работников местного самоуправления, всех тех, кто по роду работы связан с проблемами человека.

Ситуация в сфере просвещения и образования в этой области в России остается достаточно сложной. Для большинства российских граждан характерны правовой нигилизм, незнание законов и методов защиты своих прав. Эти черты присущи также и должностным лицам, что является одной из причин нарушений прав человека в экономической, социальной, политической, культурной и иных сферах. Незнание своих прав и неисполнение обязанностей является препятствием на пути проведения демократических преобразований.

В связи с этим, мы считаем, что преподаватели школы или среднего специального учебного заведения должны способствовать сформировать хотя бы общее представление о сущности, способах и формах проявления

гражданских ценностей в российском обществе. Это осуществляется с целью развития культуры участия граждан в политических отношениях на федеральном и региональном уровнях власти, а также развития непосредственного самоуправления на отдельных территориях. Гражданское общественное самосознание во многом основано на изучении традиций становления российской государственности с рассмотрением и переосмыслением западноевропейского опыта функционирования независимых общественных объединений. В этой связи в развитии социального просвещения происходит изучение роли государственных и социальных институтов по отношению к жизнедеятельности отдельного человека.

Специальные знания и навыки, полученные на протяжении обучения, дают возможность человеку овладевать способностями, востребованными в гражданском обществе. Целью просвещения выступает обеспечение с помощью различных методик обучения социализации и становления личности человека. По мнению В. В. Краевского «в контексте социальной практики социализация выступает как процесс вхождения индивида в социальную среду, приобщения его к системе социальных связей» [2]. Человек познает существующие в социуме нормы поведения и взаимодействия с другими людьми, позволяющие ему стать полноправным участником общественных отношений. Государству как сложной социально-политической системе требуются не только специалисты определенного направления деятельности, но и граждане, которым не безразлично дальнейшее будущее, как своей семьи, так и всей страны. На данный момент, проблема социальной активности, в том числе участие в выборах остается актуальной, так как согласно данным опроса в Единый день голосования 13 сентября 2015, не ходили голосовать 49% респондентов, в чьих регионах были выборы. По сравнению с опросом Единого дня голосования 8 сентября 2015 г. не ходили голосовать 44% опрошенных, в чьем населенном пункте были выборы. Свое бездействие респонденты объясняют тем, что «все и так решено», работой, отъездом, отсутствием желания и др. [5]. В связи с этим, можно отметить, что региональные и местные выборы 2015 г. не стали событием первостепенной важности для российских избирателей, что напрямую свидетельствует о низком гражданском общественном самосознании.

Мы считаем, что необходимо воспитывать способность формулировать свои, независимые от официальной государственной позиции, взгляды на происходящие процессы в обществе с учетом исторического опыта и осознания философских основ жизни социума. В учреждениях среднего и высшего образования требуется поддерживать ценности гражданской социально-политической культуры при получении профессиональных знаний в той или иной сфере деятельности. Прагматическая цель полу-

чить определенную специальность, которая поможет в будущем получить средства к существованию должна быть развернута в стремление стать просвещенным человеком в соответствии с потребностями и вызовами современности. Основы такого развития закладывают философия и гуманитарные дисциплины, формирующие личность человека как «мыслящего и ответственного творца собственной жизни, гражданина своей страны» [3]. Преподавание курса прав человека в средних школах и высших учебных заведениях не предусмотрено образовательными стандартами. Оно ведется лишь в отдельных образовательных учреждениях благодаря педагогам-энтузиастам и финансовой поддержке международных и зарубежных организаций.

Приоритетным направлением процесса создания целостной системы правового образования и просвещения в области прав человека, которая охватывала бы все слои населения, является федеральная целевая программа. Федеральная целевая программа по правовому просвещению и образованию в области прав и свобод человека, форм и методов их защиты не является задачей лишь узких специалистов. Программа преследует цель — формирование гражданского общества, демократической правовой культуры.

С ее введением, предполагается, что специалист-профессионал, обладающий современными знаниями, способен к продуктивной деятельности и восприятию новых идей и методов работы. С точки зрения А. Л. Никифорова, «все компоненты высокого уровня и применимого на практике знания, облагороженного гуманистическими целями, должны складываться внутри академической системы» [1], т. е. прежде всего, в системе высшего образования. Но следует отметить, что в обществе востребованы специалисты со средним образованием в качестве успешных работников различных сфер гуманитарной деятельности, производства, экономики и обслуживания. Потребуется всестороннее просвещение и достоверное информирование учащихся о реальных масштабах существующих социальных проблем и путях их решения в масштабах территории всего государства, но и региона или конкретного поселения. Таким образом, происходит подготовка людей, способных самостоятельно принимать ответственные решения и прогнозировать их возможные последствия на уровне безопасности личности, общества и государства. Осуществляется создание национальных кадров, «необходимых для разработки и реализации государственной политики, направленной на социальный прогресс в развитии общества» [4]. Формируется готовность человека к выполнению социальных функций в их взаимосвязи. Но это возможно при наличии необходимых для профессионального самоопределения человека, осуществления своих прав и законных интересов,

конструктивного использования свободного времени, а также формирования компетенций в разных сферах жизнедеятельности. Помимо этого, страна, претендующая на участие в решении глобальных вопросов социального прогресса и развития цивилизации, обязана иметь людей, качество образования которых соответствует характеристикам этого феномена во всем их многообразии, что позволяет государству обеспечивать национальную безопасность при высоком уровне жизни и благополучии всех своих граждан.

Список литературы

1. *Ерохин А. К.* Знание и академическое образование // *Философские исследования*. 2008. № 3. С. 123—132.
2. *Краевский В. В.* Науки об образовании и наука об образовании (методологические проблемы современной педагогики) // *Вопросы философии*. 2009. № 3. С. 77—82.
3. *Никифоров А. Л.* Философия в системе высшего образования // *Вопросы философии*. 2007. № 6. С. 17—23.
4. *Семенов А. Л.* Об итогах работы по проекту «Информационно-методическое сопровождение и методическая поддержка реализации комплексных проектов модернизации образования с использованием профессионально-кадрового потенциала системы образования города Москвы»: проблемный анализ [Электронный ресурс].
5. *ВЦИОМ* [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru>.

Информация об авторе

Балябина Мария Михайловна, магистрант по направлению «Политология», кафедра политологии и социологии исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, mari_balyabina@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОГО РЕГИОНА)

Г. А. Геранина

*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия*

Аннотация. Представлен анализ исследования, проведенного в 2010—2011 гг. во Владимирской области с целью изучения связи между религиозностью, интересом к религиозному (религиоведческому) образованию и установками на толерантность учащейся молодежи. Результаты опроса в школах Владимирского региона и во Владимирском государственном университете позволили определить особенности религиозности учащейся молодежи региона, выявить связь между ее религиозностью и толерантностью/интолерантностью, определить связь между религиозным компонентом в образовании и отношением молодежи к «другим».

Ключевые слова: образование, религиозный компонент, религиозность, толерантность, Владимирский регион

С первого сентября 2012 г. в 4 классах всех школ России был введен в качестве обязательного к изучению учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ).

Надо отметить, что до 2012 г. во Владимирском регионе уже имелся опыт преподавания религиозного компонента в общеобразовательных учреждениях и в высшей школе. Например, курс «Основы православной культуры» был введен ранее примерно в 20 % всех школ области как факультативный. Широкой популярностью пользовалась дисциплина «Православная культура земли Владимирской». По данным региональной газеты «Владимирские Ведомости», «в течение нескольких лет в школах области (всего в 138-ми) преподавался курс „Православная культура земли Владимирской“, и, как отмечают представители Епархии, он весьма востребован как у родителей, так и у педагогов» [1]. Этому способствовали и действия руководства Владимирской области. Так 10 апреля 2007 г. вышло постановление губернатора Владимирской области под № 252 «Об организации преподавания религиоведческих курсов в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях Владимирской области» [2].

К моменту внедрения нового предмета «ОРКСЭ» был накоплен немалый опыт, в том числе и социологический.

В 2010—2011 гг. мы провели исследование во Владимирской области и изучили связь между религиозностью, интересом к религиозному (религиоведческому) образованию и установками на толерантность учащейся молодежи. В исследовании приняли участие учащиеся школ (14—16 лет) и студенты Владимирского государственного университета (17—19 лет). Опрос был проведен в школах Владимирского региона, учащиеся которых религиозный компонент изучают в курсах «Обществознания», «Истории», «Литературы» и т. п., но отсутствуют специализированные курсы «Основы православной культуры», «История мировых религий» и т. п. Во Владимирском государственном университете студенты большей части направлений и специальностей изучают на первом курсе дисциплину «Религиоведение».

Были обозначены следующие основные задачи:

- 1) определить особенности религиозности учащейся молодежи региона;
- 2) выявить связь между религиозностью учащейся молодежи и ее отношением к «другим» (толерантность/интолерантность);
- 3) определить связь между религиозным компонентом в образовании и отношением молодежи к «другим».

Квотная выборка осуществлялась по половозрастным критериям. Анкетировано было 400 человек (57,2% девушек и 42,8% юношей) и равное количество учащихся школ и студентов ВУЗа.

Обыденные представления молодежи о своей религиозной идентичности мы дифференцировали на основе мировоззренческой типологии, нормативно делящей все население на «неверующих (атеистов)», «верующих» и «колеблющихся» (сомневающихся, т. е. «скорее верующих, чем неверующих» и «скорее неверующих, чем верующих»). Результаты анкетирования учащихся и студентов показали, что 47,7% идентифицируют себя с верующими, 5,8% — с неверующими (атеистами), 9,3% ответили, что они, скорее, неверующие, чем верующие, и 37,2% причислили себя к скорее верующим, чем неверующим. Таким образом, результаты исследования показали, что большая часть респондентов (84,9%) идентифицируют себя с более или менее верующими и только 15,1% — с неверующими.

Мы предполагали, что религиозность у молодежи с возрастом меняется по мере освоения большого объема научных знаний, характерной особенностью которых является их рациональная природа, призванная формировать рациональное мироотношение, т. е. учащиеся школ более религиозны, нежели студенты университета. Исследование показало, что студенты больше считают себя верующими (52,6%) по сравнению с учащимися школ (45,8%), хотя процент «колеблющихся» (не совсем

определившихся) больше среди школьников. Возможно, это связано с тем, что студенты относятся к более социализированной группе общества, чем школьники, а принадлежность к верующим в постсоветской России становится важным социальным показателем.

Более существенные различия в религиозной идентичности молодежи прослеживаются в зависимости от пола респондентов. Исследование показало, что девушки чаще идентифицируют себя с верующими (57,4 %) по сравнению с юношами (45,6 %). К неверующим причислили себя 3,1 % девушек и 12,2 % юношей.

Различия в исследуемых молодежных группах сохраняются и по признаку конфессиональной принадлежности. Так, доля «православных» составляет 66,3 % студентов и 56,7 % учащихся школ, а доля «христиан» — 20,7 % студентов и 31,2 % учащихся. Приверженцы других религий и конфессий не превышают 1 % анкетированных, за исключением мусульман и протестантов (по 3,3 %). Таким образом, подтвердилась гипотеза о преобладании православия среди возможных форм религиозно-конфессиональной идентичности; при этом мы полагаем, что большая идентификация с православием среди студентов происходит как в силу исторических особенностей региона, так и за счет того, что данная категория молодежи овладела религиозноведческими знаниями, позволяющими различать категории «христианство» и «православие» как родовое и видовое понятия, в отличие от школьников, обладающих обыденно-бытовым уровнем представлений, где данные категории слабо дифференцированы, нередко смешиваются как синонимы или вообще противопоставляются как нечто «свое» (православие) и «чужое» (христианство).

Интерес к религиозному компоненту в образовании, которое дается в процессе преподавания школьникам курсов «Обществознания», «История» и т. п., а студентам — дисциплины «Религиоведение» на первом курсе (в календарных и учебных планах ВлГУ на большинстве направлений и специальностей имеется данная дисциплина), тоже был исследован.

Преобладание верующих и православных среди студентов, по сравнению со школьниками, позволило предположить, что мировоззренческо-религиозная идентичность влияет на предпочтение содержания и форм получения знаний о религиях, т. е. верующие стремятся узнать о своей религии больше и в форме обязательной дисциплины. На вопрос: «Есть ли необходимость получать знания о религии в школе и университете?» мы получили следующие результаты. Ответ «Да, но только о «своей» религии» дали 7,3 % школьников и 13,4 % студентов, причем в качестве «обязательной дисциплины» их хотели получать только 12,8 % учащихся школ и 26,9 % студентов, тогда как 23,5 % школьников и 27,2 % студентов предпочитали

факультативную форму, а 23,6% школьников и 6,2% студентов вообще не хотели получать такие знания. По гендерному признаку, более чем в два раза юношей, чем девушек, ответили, что нет необходимости получать знания о религии в школе (университете): 33,5% юношей и 17,1% девушек. Ответ «Да, в качестве обязательной дисциплины» дали 15,9% девушек и 4,8% юношей.

Анализ регионального материала позволил выявить некоторые связи между религиозной идентичностью, образовательным статусом, гендерными особенностями и толерантностью молодежи, которая в большинстве идентифицирует себя с православием, при этом гендерные различия так же значимы, как и учебно-статусные. Изучение религии в школе и ВУЗе коррелирует не столько с противопоставлением «своего» и «другого», сколько с преобладанием интереса к «другому» (магии, древним формам религиозности), в отличие от весьма меньшего интереса к, казалось бы, «своему» (православию и христианству). Религиоведческое образование отличается своей целенаправленностью и структурированностью, играя важную роль в формировании толерантного отношения молодежи к «другому», по сравнению со стихийной социализацией, характеризующейся усилением этнонациональных характеристик («русскости») и возможностью конфликтного сценария в отношении к иным религиозным и национальным идентичностям.

Были проведены и другие подобные социологические исследования, которые позволили учесть социологический опыт на практике, а именно в преподавании нового школьного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) и в вузовском курсе «Религиоведения».

Список литературы

1. *Борисова Е. Школьников приобщают к основам православия // Владимирские Ведомости. № 25 (4380) от 14 февраля 2012. С. 4.*
2. *Администрация Владимирской области. Постановление губернатора от 10 апреля 2007 г. № 252 «Об организации преподавания религиоведческих курсов в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях Владимирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://obrazovanie.vladinfo.ru> (дата обращения: 27.09.2007).*

Информация об авторе

Геранина Галина Александровна, к. филос. н., доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, geranina@list.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)

Н. П. Гончарова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Массовая миграция из менее развитых в социально-экономическом отношении государств мира в более развитые и благополучные, безусловно, является одной из самых актуальных социальных проблем современности. Соответственно, актуализируется и необходимость социологического исследования феномена трудовой миграции во всей ее многоаспектности, в том числе и особенностей экономического поведения мигрантов.

Ключевые слова: трудовые мигранты, экономическое поведение, приграничный регион, Алтайский край

Последние два десятилетия центром притяжения для мигрантов из возникших на постсоветском пространстве суверенных государств и ряда стран «дальнего зарубежья» является и Российская Федерация, для которой трудовая миграция представляет один из возможных путей выхода из сложившейся ситуации в сфере социально-демографического и экономического развития [1]. Сегодня мигранты, включая трудовых мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, составляют заметный и крайне активный компонент отечественного рынка труда. Современные мигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья заняты как в сфере предпринимательской деятельности, так и в сфере наемного труда в государственных и коммерческих учреждениях, при этом социальное положение мигрантов варьирует в зависимости от их гражданства, уровня образования и квалификации и ряда других факторов. Поэтому стратегии их экономического поведения существенно различаются в пространственной и временной перспективе [1].

Несмотря на общие для нашей страны тенденции занятости мигрантов в определенных отраслях экономики, существует специфика экономического поведения мигрантов в отдельных регионах страны.

Алтайский край в силу своего геополитического положения является территорией более активных миграционных процессов, его пограничное положение является притягательным для жителей соседних и близлежащих стран с более низким уровнем жизни как для переезда на постоянное местожительство, так и в целях трудовой миграции [2]. Аграрная

специализация экономики Алтайского края определяет собственную специфику экономического поведения проживающих на его территории мигрантов.

Информационная база нашего исследования сформирована на данных экспертного опроса 63 руководителей органов местного самоуправления, проведенного в 39 сельских районах в 2014 г., экспертного опроса 20 руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, общественных организаций, ученых и представителей работодателей Алтайского края в 2012—2013 гг. Кроме того, использованы материалы интервью с мигрантами, занятыми в разных отраслях экономики края, в т. ч. в теневом секторе.

Масштабы и распространенность трудовой миграции, этнический состав мигрантов

Распространенность трудовой миграции в сельских районах Алтайского края довольно высока. В 32 из 39 районов, где проводился опрос экспертов, трудятся мигранты из других стран и регионов страны. Значительную часть составляют временные и сезонные мигранты из Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, Азербайджана и Армении; в последние годы существенно увеличилась трудовая миграция из Кореи и Китая [3].

По результатам исследований в Алтайском крае можно выделить, по крайней мере, четыре формы экономического поведения мигрантов. Эти формы поведения различаются степенью открытости мигрантов для местного сообщества, сроками их проживания, характером отраслевой занятости (растениеводство, животноводство), статусом занятости (собственный бизнес, наемный работник), размером группы мигрантов, формой расселения и др.

1. Наемный труд (трудовое поведение). Распространенной практикой в сельской местности является наем мигрантов на сельхозпредприятия и к фермерам, в строительные организации, значительно реже — в организации торговли, общественного питания и других отраслей экономики. В городах, напротив, — наем мигрантов в строительные организации, организации торговли, общественного питания, ЖКХ. В большинстве районов мигранты выполняют работы по выращиванию бахчевых и зерновых культур, овощей, картофеля; в отдельных районах они заняты животноводством.

2. Предпринимательство (предпринимательское поведение). Развиваются практики наемного труда местных жителей в хозяйствах мигрантов (на посевных работах, прополке, сборе урожая), принадлежащих им организациях строительства, торговли и общепита, хотя та-

кие практики являются менее распространенными. Таким примером являются взаимоотношения с местными жителями двух семей оседлых мигрантов из Узбекистана, проживающих в 30 км от Славгорода, и организовавших семейный бизнес (овощеводство и выращивание бахчевых). Для выполнения трудоемких работ на своих полях (посев, прополка, уборка урожая) семьи мигрантов нанимают по 5—7 рабочих—местных жителей. Еще одним примером является деятельность индивидуального предпринимателя в Третьяковском районе, являющегося сегодня одним из самых успешных, у которого работают в основном местные сельские жители, хотя встречаются сезонные и маятниковые мигранты.

3. Экономический обмен (обменное поведение). Пространство трудового взаимодействия активно дополняется практиками повседневных неформальных взаимоотношений в сфере торговли продуктами питания и предметами быта. Местные жители покупают у мигрантов бахчевые, фрукты и овощи, как выращиваемые ими в сельской местности края, так и привозные. В районах, где мигранты выращивают скот, они продают местным жителям мясо. А местные жители традиционно продают мигрантам не только молочные и другие продукты питания, но и непродовольственные товары первой необходимости. Трудовые, хозяйственные и культурно-бытовые взаимоотношения мигрантов и местных жителей в сельской местности Алтайского края, особенно в случае открытого типа, формируют устойчивые практики обмена различными благами и ценностями, основанные на этнокультурных различиях.

4. Неправовое трудовое поведение. Особенностью нетрудового экономического поведения мигрантов можно считать значительную вовлеченность их части в сферу теневой экономики.

Подводя итог, можно сказать, что экономическое поведение мигрантов на территории Алтайского края характеризуется в общем схожими с общероссийской ситуацией формами, но в то же время обладает и собственной спецификой, обусловленной географическим положением региона, климатическими и природными факторами, аграрной специализацией экономики, близостью государств — потенциальных источников миграционных потоков. Разнообразие форм экономического поведения мигрантов в крае определяется также социальной неоднородностью мигрантской среды, разными традициями экономической культуры и целями пребывания на территории региона конкретных этносоциальных групп мигрантов.

Список литературы

1. Жапуева Л. А. Экономическое поведение мигрантов в современной России (на материалах Южного федерального округа)

2. *Сергиенко А. М., Гончарова Н. П.* Трудовые мигранты в сельском хозяйстве: практики взаимодействия с местными сельскими жителями приграничного аграрного региона // Известия Алтайского государственного университета. 3—1(87). 2015. С. 190—194.

3. *Сергиенко А. М.* Трудовые иммигранты в сельском сообществе: этнокультурный спектр взаимоотношений // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул : «Концепт», 2015. С. 152—159.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Информация об авторе

Гончарова Наталья Петровна, к. с. н., доцент, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, g-natalia@mail.ru

ВАРИАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫМ В ГОРОДЕ ОМСКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

О. А. Городецкая

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Аннотация. В обществе существует проблема неадекватного отношения к людям, живущим с ВИЧ, что препятствует эффективной борьбе с заболеванием и ведет к дискриминации и стигматизации ВИЧ-инфицированных. Цель проведенного в Омске исследования — анализ вариативности и противоречивости повседневного отношения к людям, живущим с ВИЧ (ЛЖВ), и основных различающих факторов.

Ключевые слова: ВИЧ-инфицированные, дискриминация, стигматизация, вариативность отношения

ВИЧ как социальная и исследовательская проблема на Западе возникла середине восьмидесятых годов. Дискуссии велись вокруг формирования социальных представлений о болезни, общественного мнения и реакций на ВИЧ в зависимости от принадлежности к различным социальным группам, организации борьбы с болезнью и профилактики, а также жизни с ВИЧ.

В России исследования в этой области по-прежнему проводятся в основном медицинскими организациями, цель которых профилактика и борьба со ВИЧ-инфекцией. Социологические исследования по данной проблематике немногочисленны, а между тем, в условиях постоянно растущего числа инфицированных ВИЧ, вопрос отношения к этой группе остается в состоянии культурного запаздывания. Позиция общества должна, с одной стороны, способствовать борьбе с эпидемией, а, с другой, препятствовать дискриминации и стигматизации уязвимых и вовлеченных в эпидемический процесс групп.

Как следствие, проблема исследования была сформулирована следующим образом: неадекватное отношение к людям, живущим с ВИЧ, в условиях эпидемии ВИЧ препятствует эффективной борьбе с заболеванием и ведет к дискриминации и стигматизации ВИЧ-инфицированных.

Целью настоящего исследования был анализ вариативности и противоречивости повседневного отношения к людям, живущим с ВИЧ (ЛЖВ), и основных различающих факторов.

Теоретические основания исследования лежат, с одной стороны, в поле когнитивной социологии, где, в частности, рассматривается по-

нятие модели или когнитивной схемы — структуры данных, которая хранит и организует предшествующий опыт и управляет дальнейшим восприятием. С другой стороны, исследование базируется на методологии драматургического подхода И. Гофмана, где повседневное взаимодействие представлено как совокупность надындивидуальных социальных порядков и ритуалов, а человеческая субъективность принимает устойчивые типичные формы.

Исследование было проведено в городе Омске в качественной стратегии методом глубинного фокусированного интервью. В процессе были проверены следующие исследовательские гипотезы.

1. Противоречивость отношения и существование различных уровней повседневного отношения к ВИЧ-инфицированным.

2. Наличие основополагающих факторов различия в отношении к ВИЧ-инфицированным: наличие реального взаимодействия с ЛЖВ, первичная установка по отношению к ВИЧ-инфицированным, информированность по вопросам ВИЧ и принадлежность к уязвимым группам (потребители инъекционных наркотиков, мужчины, практикующие секс с мужчинами, работники коммерческого секса).

3. Избирательность сознания при формировании образа человека, живущего с ВИЧ; актуализация стратегий ухода и дистанцирования от темы ВИЧ.

4. Устойчивость первичных схем отношений к ВИЧ-инфицированным; неприятие информации, не соответствующей существующей схеме.

В результате анализа транскриптов интервью были сделаны следующие общие выводы:

1. На эмоциональном уровне отношение к людям, живущим с ВИЧ, носит нейтральный или позитивный оттенок. Нейтральное отношение, как правило, обусловлено отсутствием непосредственного опыта общения с ВИЧ-инфицированными, неактуальностью данной проблемы для респондентов в данный момент. Позитивное отношение в ЛЖВ как группе строится на основе существующих межличностных отношений с ЛЖВ. Среди основных чувств и эмоций по отношению к ЛЖВ можно выделить сопереживание, уважение и жалость. Присутствует также страх, который носит иррациональный характер.

2. На когнитивном уровне отношение определяется существующими мифологемами и стереотипами. Можно выделить несколько основных мифологем: «свой — чужой», «взаимная угроза», «ЛЖВ — иные», «расплата за вину».

3. К основным факторам, которые определяют различие в отношении к ЛЖВ, можно отнести наличие реального взаимодействия с ЛЖВ, которое, с одной стороны, актуализирует проблему ВИЧ, «приближает

ее к индивиду», а с другой — переводит ее в разряд повседневности. Вторым фактором, формирующим отношение к ЛЖВ, является первичная установка к ВИЧ-инфицированным. Первичная установка определяется формой и качеством первичной информации о проблеме ВИЧ.

4. Можно выделить несколько первичных установок, условно названных «ЛЖВ — тоже люди», «ВИЧ — это болезнь, а ЛЖВ — это больные люди» и «ЛЖВ — это изгой».

5. Отношение к ЛЖВ на разных уровнях может быть различным, а зачастую, противоречивым. Так, демонстрируя внешнюю лояльность к ЛЖВ, респондент в то же время может испытывать иррациональный страх. Говоря о готовности к взаимодействию с ЛЖВ (оказанию помощи и пр.), индивиды могут поддаваться различным мифологемам и актуализировать в своем поведении стратегии ухода от возможного общения.

Информация об авторе

Городецкая Ольга Александровна, преподаватель кафедры социологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, olagor@gmail.com

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т. А. Гужавина

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Можно утверждать, что в Вологодской области формирование социологии как науки прошло основные этапы институциализации, и в регионе сложились структуры, характеризующие социологию как научный институт. В российских регионах проводится значительное количество уникальных исследований, многие из них — по уникальным методикам. Существует проблема несопоставимости результатов этих исследований, использования валидных методик в региональных исследованиях. На сегодняшний день в социологии преобладают либо общероссийские исследования, либо независимые региональные. Исследований межрегионального характера очень мало. Для их проведения нужны координирующие центры.

Ключевые слова: социология, институциализация, валидные методики, межрегиональные исследования

Становление и развитие российской социологии — многосторонний процесс, одной из составляющих которого является формирование региональных социологических сообществ. Можно утверждать, что отечественная социология перешла на новый этап своего развития — становление таких сообществ происходит. Региональная социология стала предметом изучения историков социологии, что является несомненным признаком ее институциализации [1].

Становление социологии в Вологодской области во многом шло по тому же пути, который прошла российская социология с момента своего возрождения в 60-е годы прошлого столетия. Точкой отсчета истории вологодской социологической науки можно считать создание в 1971 г. социологической службы на Череповецком металлургическом комбинате, ныне ПАО «Северсталь». Социологов интересовали такие проблемы, как роль мастера в воспитании членов коллектива, проблемы адаптации молодых специалистов, бригадные формы организации труда и т. д. [2].

Важным признаком становления социологии является создание исследовательских центров. Для области таким центром стал Институт социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ РАН). С 1995 г. организация проводит опросы населения в мониторинговом режиме. Накоплены значительные по своему объему базы данных, которые

позволяют ученым института изучать различные аспекты социальной и экономической жизни региона, выявлять имеющиеся в них тенденции, готовить информацию для региональных и местных органов власти. Многие управленческие решения были приняты на основании полученных данных. Сегодня в области социологическими исследованиями кроме ИСЭРТ РАН занимаются Агентство мониторинга и социологических исследований (г. Вологда), Информационно-мониторинговое агентство (г. Череповец), университетские кафедры.

Развитие социологии в регионе невозможно было бы без подготовки специалистов. 1 сентября 2002 г. первые студенты-социологи сели за парты в аудиториях Череповецкого государственного университета. Сегодня около 200 выпускников, специалистов, бакалавров, магистров, работают в разных сферах и в разных уголках страны. Выпускники кафедры работают на крупных предприятиях, в благотворительных фондах, исследовательских центрах, СМИ, органах МСУ, учатся в аспирантуре. 14 лет существования кафедры социологии интегрировали ее в жизнь города, что выразилось в участии в масштабных научно-исследовательских проектах по заказам органов городского самоуправления, предприятий и организаций региона.

Частью процесса институционализации социологии в целом и в регионе в частности является создание каналов для коммуникации. Достигается это через издание научных публикаций и проведение научных конференций. Публикации представляют собой эффективный способ оповещения о проделанной работе, о полученных результатах. Это канал, обеспечивающий коммуникацию в научной среде, способствующий созданию формальных и неформальных связей. Кроме того это один из механизмов формирования регионального научного сообщества социологов. Социологи активно публикуются в журналах научного профиля, издаваемых в регионе. Прежде всего, в журналах, учредителем которых стал ИСЭРТ РАН. Все журналы входят в российский индекс цитирования, часть из них в списке ВАК. Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в список «Web of Science». В 2015 г. был зарегистрирован новый журнал социологического профиля «Социальное пространство» [3], главным редактором которого стала д. э. н. А. А. Шабунова. Главное, к чему стремится его редколлегия, это следование двум важнейшим критериям: 1) относительная простота и доступность материалов для неподготовленного читателя; 2) возможность прочитать журнал в любом уголке страны. Успешно функционируют и научные издания вологодских ВУЗов, также являясь площадкой для научных дискуссий социологов.

Публикуются наши ученые и в журналах других регионов, в ведущих социологических журналах: «СОЦИС», «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», «Регион: экономика и со-

циология» и др. Такие публикации являются показателем общественного признания труда ученых.

Если журнальные публикации дают возможность проинформировать научную общественность в оперативном формате, то публикация монографических изданий позволяет представить исследования фундаментального характера. При поддержке ИСЭРТ РАН в 2014—2015 гг. были изданы коллективные монографии «Региональное гражданское общество: динамика развития», «Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений)», «Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора», «Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии», «Пожилые люди в современном российском обществе» и др.

Еще одной формой публикаций являются учебники. Формат учебника позволяет систематизировать знание, дать его в более структурированной форме. Учеными ИСЭРТ РАН и преподавателями вологодских ВУЗов подготовлены и изданы учебники по политической социологии, по экономической социологии, политологии. Их авторы: Д. В. Афанасьев, Т. А. Гужавина, К. А. Гулин, А. А. Мехова, Т. В. Ускова и др.

Научные и научно-практические конференции стали устойчивой практикой взаимодействия ученых, преподавателей вузов и колледжей, представителей власти и бизнеса, общественных и политических организаций. За два последних года на базе ИСЭРТ РАН прошли такие конференции как Всероссийская научно-практическая конференция «Общество и социология в современной России», посвященная XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, VII Всероссийская научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». В ЧГУ более 10 лет проходит всероссийская научно-практическая конференция «Череповецкие научные чтения».

В нашей стране сложилось своего рода разделение труда: ВУЗы готовят специалистов, науку развивают академические учреждения. Чрезмерный практицизм в подготовке кадров с одной стороны, и некоторая обособленность академической науки с другой, не позволяют в полной мере соединить пространство исследований и распространения знаний. Но есть и положительный опыт преодоления этой разделительной черты. В структуре ИСЭРТ РАН действует Научно-образовательный центр (НОЦ). В рамках НОЦ организовано взаимодействие со школами, ВУЗами, действует аспирантура. Новшеством стала экономическая Интернет-школа, работающая на основе дистанционного образовательного процесса.

Сегодня можно утверждать, что в Вологодской области формирование социологии как науки прошло основные этапы институционализации, и в ре-

гионе сложились структуры, характеризующие социологию как научный институт. В какой-то мере резюмирующим доказательством этого служит участие вологодских социологов в VI Грушинской конференции в формате самостоятельной секции «Социология в регионе: на полку или в жизнь».

Создание полноценных условий для развития социологической науки не означает отсутствия проблем. И региональные социологи должны решать их сообща. В настоящее время в российских регионах проводится значительное количество уникальных исследований. Многие из них по уникальным методикам. Получаются интересные и содержательные результаты. Но существует проблема несопоставимости результатов этих исследований. При изучении одного и того же явления возможно использование различных методических и методологических подходов, что не позволяет сравнить результаты, выявить общие тенденции, увидеть специфику региона. В развитии социологии насущной стала проблема использования валидных методик в региональных исследованиях. На сегодняшний день в социологии преобладают либо общероссийские исследования, либо независимые региональные. Исследований межрегионального характера очень мало. В качестве примера можно назвать исследование «Социокультурный портрет регионов России», проводимое под руководством чл. — кор. РАН Н. И. Лапина. Для проведения подобных исследований нужны координирующие центры. Вполне возможно, что такую инициативу и ответственность могут взять на себя учреждения Российской академии наук.

Список литературы

1. Докторов Б. З., Хайрулина Н. Г. Прошлое, настоящее и будущее тюменской социологии: интервью с социологами разных поколений / под ред. Б. З. Докторова, Н. Г. Хайрулиной. Тюмень : ТюмГНГУ, 2015.
2. Опыт работы социологической службы Череповецкого металлургического комбината им. 50-летия СССР по изучению и формированию трудового коллектива / отв. ред. Н. В. Андреевкова // Институт социологии АН СССР, 1989.
3. Социальное пространство [Электронный ресурс]. URL: <http://sa.vscs.ac.ru>.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-03-00188 «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса».

Информация об авторе

Гужавина Татьяна Анатольевна, к. филос. н., ведущий научный сотрудник ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, tanja_gta@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕННЫХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ НА КРУПНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ Г. ПЕНЗА

А. Ш. Дубина

*Пензенский казачий институт технологий — филиал МГУТУ имени К. Г. Разумовского
(Первого казачьего университета), Пенза, Россия*

Аннотация. Проблемы удовлетворенности трудом вызывают все больший интерес российских ученых, однако социологический анализ удовлетворенности трудом промышленных рабочих имеет лишь общероссийские показатели. Ощущается недостаток научных работ по данной теме в российских регионах. Автором в 2011—2013 гг. были проведены качественные и количественные социологические исследования на крупных промышленных предприятиях г. Пензы. Ниже представлены основные выводы и рекомендации по результатам исследований.

Ключевые слова: промышленные рабочие, удовлетворенность трудом, социологические исследования, внедрение рекомендаций

Проблемы удовлетворенности трудом вызвали повышенный интерес со стороны российских ученых сравнительно недавно. Так, еще в 1970—1980-х гг. в социально-психологической науке эта тема изучалась на общетеоретическом уровне и в рамках первичных трудовых коллективов. Важными теоретическими предпосылками исследования удовлетворенности трудом явились работы: Ф. Н. Ильясова, Т. А. Китвеля, Е. С. Кузьмина, Г. А. Моченова, Н. Ф. Наумова, Б. Д. Парыгина и др. Несмотря на незначительный временной период исследований, социологами получены важные результаты, которые раскрывают особенности удовлетворенности трудом, структуру, иерархию трудовых мотивов рабочих не только предприятий промышленных отраслей, но также сельского хозяйства, деревообрабатывающего производства и др. Так, исследования удовлетворенности трудом промышленных рабочих агропромышленного комплекса представлены в работах В. И. Климычева, А. П. Смирновой, работников легкой промышленности — Д. А. Наумова, медицинских работников — И. А. Давыдовой, С. А. Игумнова, в сфере образования — Т. А. Ивановой и А. Я. Левина и др [3].

Особое значение для теоретического осмысления проблемы удовлетворенности трудом имеет анализ рабочего класса, промышленных рабочих как социально-профессиональной группы, динамики изменения

численности, структуры рабочих промышленных предприятий, который представлен в трудах С. П. Постникова, М. А. Фельдмана, М. Н. Макаровой, А. Л. Темницкого, В. В. Трушкова, А. Г. Коровкина, В. И. Максимова, И. М. Козиной, В. А. Ядова и др. Динамика мотивов трудовой деятельности рабочих промышленности комплексно проанализирована в работах А. Л. Темницкого, В. С. Магуна, В. Д. Патрушева, Г. П. Бессокирной.

Анализ научных работ по теме исследования свидетельствует о том, что большинство исследований, посвященных проблеме отношения к труду, удовлетворенности трудом, имеют или философскую (А. Э. Левин, А. К. Мещеркин, К. Р. Хаава), или психологическую (Е. Ю. Пряжникова, Н. Н. Радул, А. Л. Свенцицкий, П. М. Якобсон), или экономическую (Р. Фриман и др.) направленность.

Вместе с тем социологический анализ удовлетворенности трудом промышленных рабочих имеет лишь общероссийские показатели, и ощущается недостаток научных работ по данной теме в российских регионах.

Автором были проведены качественные и количественные социологические исследования в 2011—2013 гг. на крупных промышленных предприятиях г. Пензы «Удовлетворенность трудом промышленных рабочих в изменяющихся социально-экономических условиях» (2011 г., выборка многоступенчатая — на первом этапе — гнездовая выборка, на втором — случайная выборка; $n = 496$, ОАО «Маяк», ОАО «Пензтяжпромарматура», ОАО «Пензмаш», ООО «Заря»); опрос рабочих крупных промышленных предприятий г. Пензы «Динамика удовлетворенности своим трудом рабочих крупных промышленных предприятий» (2012 г., выборка случайная, $n = 720$, ОАО «Маяк», ОАО «Пензмаш», ООО «Заря»), а также глубинные интервью с рабочими крупных промышленных предприятий г. Пензы «Социально-экономическое положение рабочих крупных промышленных предприятий в современном обществе» (2013 г., $n = 8$, ОАО «Маяк», ОАО «Пензтяжпромарматура», ОАО «Пензмаш», ООО «Заря») [2].

Основные положения и выводы социологического исследования были нацелены на оптимизацию деятельности государственных и муниципальных органов власти при формировании и реализации государственных программ и проектов, направленных на стимулирование развития промышленности, повышение престижа рабочих профессий, улучшение качества жизни промышленных рабочих. Также полученные результаты открывают перспективы дальнейшего совершенствования социального, экономического и правового положения промышленных рабочих, как на федеральном, так и на региональном, местном уровнях. На основе материалов исследования были предложены рекомендации к внедрению в практическую деятельность промышленных предприятий в процессе

совершенствования работы по повышению степени удовлетворенности своим трудом рабочих предприятий различных форм собственности.

На основании материалов авторских социологических исследований предложены основные направления повышения удовлетворенности трудом рабочих промышленных предприятий. При этом успешность высказанных рекомендаций имеет прямую корреляцию с укреплением общих социально-экономических показателей РФ, так как невозможно улучшение социального самочувствия промышленных рабочих без повышения и улучшения качества жизни, способное влиять на конкретную трудовую ситуацию [1].

На государственном и региональном уровне (макро- и мезоуровни) необходимо дальнейшее развитие и поддержка проектов государственных и региональных программ, посвященных развитию промышленности и повышение ее конкурентоспособности. В качестве приоритетных направлений предлагается выдвинуть: создание необходимых условий для ускоренной модернизации производственных мощностей; повышение энергоэффективности промышленного комплекса; поддержка и продвижение региональной продукции на внутреннем и внешних рынках. Инструменты институциональной политики региона должны быть направлены на совершенствование условий хозяйствования промышленных предприятий. Они представляют собой дифференцированные по регионам параметры и условия общегосударственной налоговой, кредитной, инвестиционной и социальной политики. Таким образом, повышая экономическое благосостояние предприятия, можно качественно улучшить социально-экономическое положение промышленных рабочих, обеспечив их достойной заработной платой и комфортными условиями труда. Основные концептуальные положения повышения удовлетворенности трудом промышленных рабочих на уровне предприятий следующие: создание комфортных условий труда, своевременная оплата труда, предоставление льгот и гарантий, создание условий для повышения квалификации и возможности карьерного роста, а также обеспечение положительного психологического климата путем проведения совместных мероприятий и адресного внимания к успехам как отдельных рабочих, так и всего коллектива в целом. Особое внимание следует уделить работе профсоюзных организаций, играющих большую роль в поддержке и защите прав промышленных рабочих, имеющих большое значение для их правового просвещения, определяющих организацию трудовой и социальной взаимопомощи, досуга, нормы и правила поведения в трудовом коллективе, формирующих корпоративную культуру. Целесообразным является создание службы социологического мониторинга трудовых проблем рабочих.

Следует отметить, что в настоящее время ситуация на предприятиях, к сожалению, мало изменилась. Реализация предложенных рекомендаций осуществляется медленнее желаемого темпа. Очевидно, что состояние современного рынка труда в России в 2014—2015 гг. крайне подвержено влиянию политических событий и экономических явлений. Имеют значение происходящие как внутри страны, так и за ее пределами, события. Влияние экономики и политики Несомненное воздействие на общую ситуацию оказали: события в Украине; санкции Запада; присоединение Крыма; рост цен; сохраняющаяся инфляция; низкий уровень жизни большинства населения; стагнация экономики; остающиеся стабильно высокими уровни безработицы населения, коррупции и взяточничества властей. По сведениям, предоставленным проектом «Фонд Общественное мнение», осенью 2014 г. четверть россиян была убеждена в том, что экономическая ситуация в стране в целом, и на рынке труда в России в частности, в 2014 г. стала хуже. Меньше четверти верят, что изменения в лучшую сторону есть, а большая часть опрошенных не видит никаких перемен [5].

Список литературы

1. Дубина (Мисюрин) А. Ш. Промышленные работники в период социально-экономических трудностей / А. Ш. Дубина (Мисюрин) // Глобальная социальная турбулентность и Россия : сб. тез. Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения — 2011» / под ред. В. И. Добренькова. М. : Университетская книга, 2011. С. 401—402.
2. Дубина А. Ш. Динамика удовлетворенности трудом работников крупных промышленных предприятий / А. Ш. Дубина // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. М. : НИЦ «Академика», 2014. № 3 (44). С. 92—100.
3. Максимов Б. И. Рабочий класс, социология и статистика / Б. И. Максимов // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 39—49.
4. Дубина А. Ш. Социальный эффект государственной поддержки промышленных предприятий (на примере крупных промышленных предприятий г. Пензы) [Электронный ресурс] / А. Ш. Дубина // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». Материалы конференции. М. : ВЦИОМ, 2014. С. 376—377. URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/gr2014/tezisy/Konferencia_Gryshin_wciom-2014_sbornik_tezisov1.pdf.
5. Трушков В. В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики / В. В. Трушков // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 49—50.

Информация об авторе

Дубина Альбина Шагидулловна, старший преподаватель кафедры «Управление инновациями» Пензенского казачьего института технологий — филиала МГУТУ имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), Пенза, Россия, misurin@bk.ru

ПРИМЕНЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ ДЛЯ СТРАТИФИКАЦИОННОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЦФО

О. С. Жучкина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Проводится анализ влияния факторов пола, возраста, уровня образования и самооценки социального престижа на классовую самоидентификацию населения Центрального федерального округа (ЦФО). Обнаружено, что для населения ЦФО характерна такая же завышенная самоидентификационная оценка, как и для всего населения России. Подтверждается наличие психологического компенсаторного механизма в классовой самоидентификации, субъективность выделения среднего класса по критерию самоидентификации.

Ключевые слова: социальный статус, стратификационная самоидентификация, субъективные критерии

Для замера субъективных оценок социального статуса использовалась порядковая вертикальная 7-балльная шкала, на которой респондентам предлагалось указать свое положение: 1) самый высший; 2) значительно выше среднего; 3) несколько выше среднего; 4) средний; 5) несколько ниже среднего; 6) значительно ниже среднего; 7) самый низший. При анализе эмпирической базы было выполнено перекодирование переменной с целью обратить шкалу: 1) самый низший, а 7) самый высший [1].

На рис. 1 представлена социальная структура населения центральной России, сформированная на основе классовой самоидентификации.

Усреднив данные, представленные на рис. 1, получим удельный вес среднего класса в центральной России (исключая г. Москву и Московскую область), определенный по критерию самоидентификации, в 48,1%. При этом не учтены 4,0% респондентов (от общего количества ответивших результативно), которые затруднились идентифицироваться по предложенной шкале. Таким образом, для населения ЦФО характерна такая же завышенная самоидентификационная оценка, как и для всего населения России [2].

Фактор пола в классовой самоидентификации играет определенную роль: среди относящих себя к социальным классам выше среднего несколько больше мужчин, средний класс и более низкие классы представлены чаще женщинами, что соответствует статистическим демогра-

фическим данным [3]. Фактор возраста также оказывает небольшое влияние на самоидентификацию трудоспособного населения старше 18 лет: теснота связи между переменными возраста и классовой самоидентификации определена параметрическим коэффициентом Пирсона 0,177 (при двухсторонней значимости на уровне 0,01), т. е. связь между возрастом и самоидентификацией слабая.

Уровень образования оказывает большее влияние на классовую самоидентификацию, чем пол или возраст. Так, 45,5% относящих себя к среднему классу имеют высшее профессиональное образование. Вместе с тем, имеющие более низкие уровни образования также склонны относить себя к среднему классу (табл. 1).

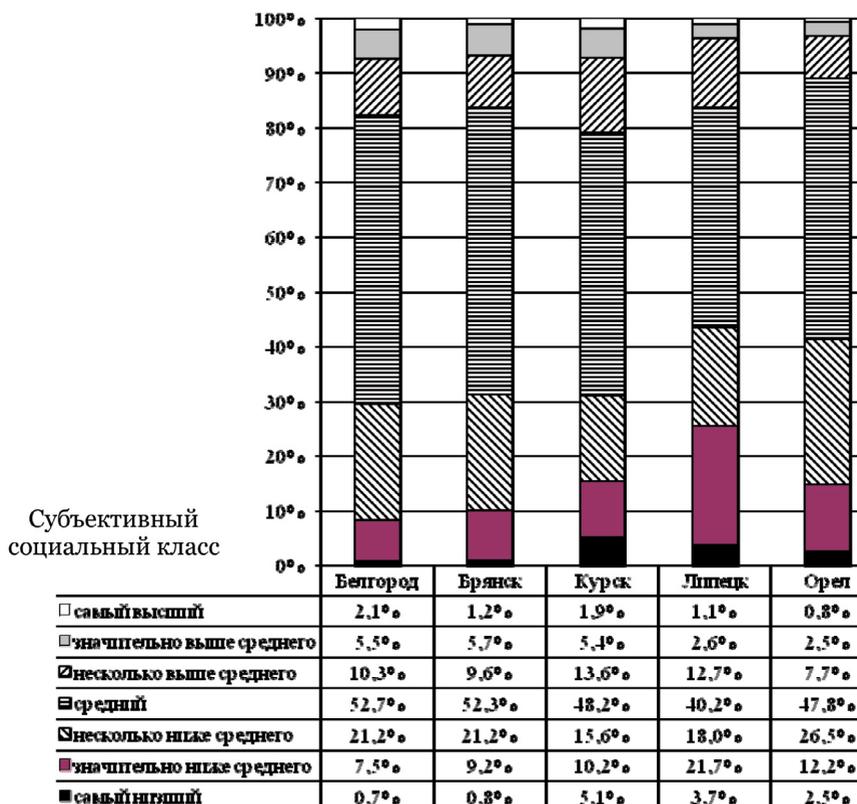

Рисунок 1. Классовая самоидентификация населения центральной России

Таблица 1. Влияние уровня образования на классовую самоидентификацию

Образование	Субъективный социальный класс, % по уровню образования							Среднее значение по 7-балльной шкале (1 — самый низший, 7 — самый высший) / дисперсия
	Самый низший	Значительно ниже среднего	Несколько ниже среднего	Средний	Несколько выше среднего	Значительно выше среднего	Самый высший	
Неполное общее (8 или 9 классов школы)	6,8	11,9	32,2	37,3	5,1	5,1	1,6	2,44 / 1,527
Полное общее (10 или 11 классов школы)	3,6	10,9	19,9	51,6	10,9	1,8	1,3	2,66 / 1,152
Начальное профессиональное (училище)	6,0	11,9	22,0	55,9	3,4	0,8	0,0	2,42 / 0,963
Среднее профессиональное (техникум, колледж)	3,3	11,6	27,9	46,0	6,3	4,2	0,7	2,56 / 1,141
Неоконченное высшее профессиональное	2,4	10,7	20,6	53,1	9,8	2,4	1,0	2,69 / 1,043
Высшее профессиональное	1,2	10,7	20,7	48,0	12,6	5,1	1,7	2,82 / 1,189
<i>Примечание.</i> За 100,0 % взята сумма удельных весов субъективных средних классов по каждому уровню образования (сумма по строке).								

Как видно из данных, представленных в табл. 1, среднее значение показателя классовой самоидентификации изменяется нелинейно при повышении уровня образования и не имеет устойчивой тенденции. При анализе взаимосвязи переменных, измеряемых по порядковой шкале (социальный класс и уровень образования), корректно использовать непараметрический коэффициент корреляции, такой как коэффициент Спирмена. Корреляционный анализ показывает некоторое повышение субъективно определяемого социального класса при повышении уровня образования: непараметрический коэффициент Спирмена при парной

корреляции составляет 0,103 (при двухсторонней значимости на уровне 0,01). Вместе с тем, наибольший удельный вес субъективного среднего класса наблюдается вовсе не среди респондентов с высшим профессиональным образованием, но с начальным.

Анализ средних значений показателя субъективной классовой идентификации свидетельствует об их широком разбросе практически независимо от уровня образования. Наибольшая дисперсия наблюдается среди респондентов с неполным общим образованием. Несмотря на то, что свыше трети из них относят себя к среднему классу, большинство идентифицируются ниже среднего. Имеет место и асимметрия разброса индивидуальных показателей самоидентификации относительно среднего значения в 3,5 балла.

Показатель асимметрии для респондентов с самым низким уровнем образования носит парадоксальный характер, свидетельствуя о некотором смещении в сторону выше среднего класса (0,283). Тем самым подтверждается наличие психологического компенсаторного механизма в классовой самоидентификации, но, главное, подтверждается субъективность выделения среднего класса по критерию самоидентификации.

Наибольшая асимметрия (-0,863) при наименьшей дисперсии показателей классовой самоидентификации выявлена в оценках респондентов с начальным профессиональным образованием, что свидетельствует о концентрации самооценок вокруг среднего значения и об относительном единстве этих самооценок. Само среднее значение их самооценок является минимальным, и это притом, что удельный вес субъективного среднего класса среди них является максимальным.

Классовая самоидентификация достаточно тесно связана с самооценкой престижности социально-профессионального статуса (табл. 2).

Представленные в табл. 2 средние значения по шкале субъективной классовой идентификации показывают, что с ростом уровня классовой самоидентификации растет и уровень профессиональной престижности. Однако дисперсия показывает несопоставимые разбросы самооценок классовой идентификации на различных уровнях шкалы профессиональной престижности, что свидетельствует о неустойчивости соответствия уровней шкал (при условии их стандартизации, естественно).

Кроме того, тест нормальности распределения Колмогорова-Смирнова показывает повышенное стандартное отклонение для переменной профессиональной престижности, а графическое отображение распределения этой переменной отображает существенное отклонение от нормального. Это следует иметь в виду при интерпретации коэффициента корреляции, применение которого не вполне корректно, раз анализируемые переменные подчиняются разным законам распределения.

Таблица 2. Влияние самооценки профессионального престижа на классовую самоидентификацию

Шкала профессиональной престижности	Субъективный социальный класс, % по уровню шкалы профессиональной престижности							Среднее значение по 7-балльной шкале (1 — самый низший, 7 — самый высший) / дисперсия
	Самый низший	Значительно ниже среднего	Несколько ниже среднего	Средний	Несколько выше среднего	Значительно выше среднего	Самый высший	
1 — низший уровень престижности	4,0	22,0	26,9	40,6	4,3	2,2	0,0	2,26 / 1,092
2	2,3	16,2	32,0	44,0	5,3	0,0	0,4	2,35 / 0,841
3 — средний уровень престижности	0,4	7,9	26,9	55,0	7,4	2,2	0,2	2,69 / 0,706
4	0,3	4,6	13,1	54,6	18,3	6,9	2,3	3,16 / 0,985
5 — высший уровень престижности	1,5	3,5	8,0	43,8	19,4	19,4	4,5	3,52 / 1,461
Примечание: за 100,0% взята сумма удельных весов субъективных средних классов по каждому уровню шкалы профессиональной престижности (сумма по строке).								

Тем не менее, положительная связь средней тесноты между переменными очевидна. Во многих случаях уровень самооценки социального статуса совпадает с уровнем самооценки престижности профессии и должности, о чем свидетельствует непараметрический коэффициент корреляции Спирмена, равный 0,391 (двухсторонняя значимость на уровне 0,01), т. е. чем выше престиж профессиональной деятельности, тем выше самооценка социального статуса.

Анализ влияния самооценки профессионального престижа на классовую самоидентификацию выявляет ту же тенденцию, что и анализ влияния уровня образования — срединные социальные слои по шкалам уровня образования (начальное профессиональное) и самооценки профессиональной престижности (3 уровень) больше остальных склонны завышать самооценку классовой идентификации.

Список литературы

1. *Алексеенок А. А.* Идентификационные критерии среднего класса в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. Краснодар. 2014. № 4. С. 61—63.
2. *Алексеенок А. А.* Специфика самоидентификации среднего класса центральной России // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 2 (121). Выпуск 19. Белгород, 2012. С. 32—39.
3. *Социально-экономические и социально-политические процессы в Орловской области: оценка состояния и перспективы развития: монография / под общ. ред. канд. социол. наук, доц. Н. В. Проказиной.* Орел : РАНХиГС, 2012.

Информация об авторе

Жучкина Ольга Сергеевна, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, zhuchkinaolya@mail.ru

МОНИТОРИНГ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРАБОТКИ И ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

О. Н. Калачикова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Мониторинг репродуктивного потенциала населения Вологодской области начат в 2005 г. при поддержке Департамента здравоохранения региона как исследование репродуктивного здоровья населения. Позже в поле интересов исследователей вошло демографическое поведение населения, позволившее глубже понять причины статистически фиксируемых тенденций демографического развития. Исследуется репродуктивное поведение населения, выявляется потребность в детях, репродуктивные установки, мотивы, результаты решений и действий; устанавливаются взаимосвязи репродуктивного поведения с социально-экономическими характеристиками населения.

Ключевые слова: репродуктивный потенциал, Вологодский регион, демографическая политика

Актуализировавшаяся в условиях депопуляции тема демографического развития требует не только пристального внимания и деятельности органов власти (особенно региональных [2]), но и тщательного научного изучения. В силу того, что основным фактором рождаемости является, наряду с демографической структурой, репродуктивное поведение, вопрос требует междисциплинарного подхода и привлечения социологических методов и концепций. Он является, таким образом, конгломератом теории и практики научного исследования и государственного управления, с одной стороны, а с другой — пересечением целого ряда наук: демографии, социологии, медицины, психологии, экономики [1, 4].

Примером такого регионального исследования является мониторинг репродуктивного потенциала населения Вологодской области, начатый, в силу высокой заинтересованности специалистов департамента здравоохранения региона, при поддержке последнего в 2005 г. как исследование репродуктивного здоровья, а затем и демографического поведения населения. Социологические исследования осуществлены на базе Института социально-экономического развития территорий РАН. Сбор эмпирических данных производится методом поквартирного опроса. Объем выборки — 1500 респондентов в репродуктивном возрасте. Выборка

целенаправленная, квотная. Величина случайной ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4—5%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

Разработанный инструментарий позволяет исследовать репродуктивное поведение населения, выявляя потребность в детях, репродуктивные установки, мотивы, результаты решений и действий, его факторы, а также установить взаимосвязи репродуктивного поведения с социально-экономическими характеристиками населения, выявить его факторы и условия формирования [3]. Общая характеристика проведенных исследований представлена в табл. 1.

Таблица 1. Характеристика социологического исследования репродуктивного поведения населения Вологодской области

Параметр	Год обследования							
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2014
Характеристики респондентов (население в репродуктивном возрасте)	Мужчины и женщины	Женщины	Мужчины и женщины/ брачующиеся пары	Мужчины и женщины	Женщины	Студенческая молодежь	Мужчины и женщины	
Объем выборки, чел.	1586	3137	1461/ 324	1536	3200	494	1371	1500
Метод	Раздаточное анкетирование		Раздаточное анкетирование/ стандартизованное интервью	Раздаточное анкетирование		Групповое анкетирование	Раздаточное анкетирование	

При анализе изменений репродуктивного поведения и региональной демографической политики выявлено два периода: 2005—2011 гг. и 2011—2014 гг. В первом отмечен положительный эффект использования информационных (пропагандистских) мер. Снижение абортивной активности в Вологодской области, особенно заметное с 2005 г., когда темпы снижения приблизились к среднероссийским — 10% в год (13% для Российской Федерации в целом) обусловлено, с одной стороны, реализацией рождений в связи с улучшением оценок внешних условий среды под воздействием материального стимулирования рождаемости. С другой — масштабной работой в рамках региональных целевых программ по повышению эффективности и качества медицинских услуг в сфере материнства и детства, повышению медико-гигиенической грамотности

населения в вопросах репродукции, необходимость в котором была выявлена проведенными исследованиями.

В регионе было внедрено обязательное до- и постабортное консультирование женщин, лекционная работа в образовательных учреждениях в целях профилактики abortивного поведения у молодых девушек, проводилась антиabortная кампания с использованием социальной рекламы, привлечением средств массовой информации, общественных организаций.

В 2014 г. впервые зафиксирована тенденция снижения повторных прерываний беременности, что свидетельствует об успешности использования просветительских методов работы.

Основой изменений abortивного поведения (и не менее значимым результатом деятельности) стало изменение репродуктивных, в частности, abortивных установок: категорически неприемлемым считали abort в 2005 г. 11 % жителей области, в 2011 г. их доля увеличилась в 3 раза — до 36 %; увеличилось планируемое число детей с 1,77 до 1,86 в 2005 и 2011 гг. соответственно (табл. 2).

Таблица 2. Изменение параметров abortивного поведения в результате реализации целевых программ

Критерий	2005 г.	Действующие программы	2007 г.	Действующие программы	2011 г.	Действующие программы	2014 г.
Доля женщин с abortом в анамнезе, %	32	1. Проект «Мать и дитя» 2. Программа «Безопасное материнство» 3. Программа «Здоровый ребенок»	32	1. Цикл социальной рекламы «Демография — судьба народа» 2. Проект «Ты не одна» 3. Межведомственная программа «Охрана репродуктивного здоровья населения г. Вологды и Вологодской области» 4. Проект «Мать и дитя» 5. Программа «Безопасное материнство» 6. Программа «Здоровый ребенок»	20	Программа модернизации здравоохранения	35
Доля жителей, считающих abort недопустимым, %	11		11		36		34
Информированность о последствиях abortа, балл	3,3		3,6		3,6		3,8
Среднее планируемое число детей	1,73		1,77		1,86		1,81

Источник: Данные опроса изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области, официальный сайт департамента здравоохранения Вологодской области.

Наметившееся в период с 2011 по 2014 гг. ухудшение рассмотренных показателей отчасти обусловлено снижением финансирования, прекращением пролонгации ряда целевых программ и отменой информационного воздействия на репродуктивные установки населения. Однако тот факт, что целью новой Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 г. является создание условий для сохранения демографического потенциала и накопления человеческого капитала за счет конкурентоспособности области и формирования пространства развития, — свидетельствует о том, что демографическая политика останется в числе стратегических приоритетов региона, а ее научное обоснование — главным залогом эффективности реализуемых мер.

Список литературы

1. *Бодрова В. В.* Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 96—102.
2. *Доброхлеб В. Г., Шабунова А. А., Калачикова О. Н.* Региональные возможности регулирования репродуктивного поведения населения // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 108—119.
3. *Калачикова О. Н.* Методологические аспекты исследования репродуктивного поведения [Электронный ресурс] // Социологические методы в современной исследовательской практике : сб. ст. М. : НИУ ВШЭ, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 416—419.
4. *Жук Е. И.* Репродуктивные установки москвичей молодого и среднего возраста // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 156—174.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-03120, «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

Информация об авторе

Калачикова Ольга Николаевна, к. э. н., зав. лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, onk82@yandex.ru

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

Ю. И. Караваева, В. Н. Асташов

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

Аннотация. Анализ демографических изменений и семейно-брачного поведения населения крайне важен при создании региональных программ семейной политики, выработке эффективных мер по укреплению семьи и повышению рождаемости. Существующие практики сбора статистических данных о социальных процессах в регионе позволяют формировать определенную информационную базу, служащую основой для принятия управленческих решений, разработки демографических прогнозов, выбора путей и методов реализации семейной политики.

Ключевые слова: семья, демографическая ситуация, региональная статистика

Семья всегда привлекала особое внимание социологов и политиков тем, что является одним из главных социальных институтов, семью/фамилию можно рассматривать как общество в миниатюре. Социологи, используя данные органов государственной статистики и результаты собственных исследований, могут и должны выступать в качестве экспертной группы в системе управления реализацией программ социальной защиты и поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Задача формирования семейной политики и необходимость ее научного обеспечения определяются многими важными ролями, в которых выступает семья как социальная группа. Семья играет фундаментальную роль в воспроизводстве населения в количественном и качественном отношении; семьи и связанная с ними структура домохозяйств, совместно расходуя ресурсы, определяют состав потребительских корзин, потребности в жилье и трудоустройстве, осуществляют функции социальной защиты (поддерживая безработных членов семьи, пожилых и инвалидов), оказывают заметное влияние на формирование политических взглядов членов семьи. В функционировании семьи как социального института определяются три важные роли населения как производителя, потребителя и избирателя, что обуславливает важность координирования различных направлений семейной политики и обеспечения развития общества в целом.

Разработка семейной политики тесно связана с анализом демографической ситуации. Семья как важнейший многофункциональный компонент социальной структуры общества является постоянным объектом

статистико-демографической аналитики. Текущие показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости, миграции населения, а также единовременные обследования и, в первую очередь, сплошные переписи населения дают разнообразную информацию о состоянии и тенденциях развития семьи, ее перспективах. Однако эти сведения достаточно быстро устаревают. Происходящие изменения в экономической, политической и социальной сферах общества оказывают весьма существенное влияние на динамику демографических процессов.

Демографическая ситуация Вологодской области характеризуется сокращением численности населения, уменьшением численности женщин детородного возраста и ростом доли лиц старших возрастов. Однако с 2009 г. в области отмечены и некоторые позитивные перемены — увеличилась рождаемость, снизилась общая смертность, уменьшилась естественная убыль населения. Максимальное число смертей по Вологодской области было зафиксировано в 2010 г. — 20226, в 2015 г. эта цифра сократилась — 17659. Максимальное число рождений по Вологодской области было зафиксировано в 2012 г. — 16869, что значительно больше показателей 2010 г. — 15255. Но тенденция дальнейших изменений числа родившихся негативная: в 2015 г. зарегистрировано 16525 (что меньше показателей 2012 г. на 344). Численность населения Вологодской области сократилась за период с 2000 по 2015 гг. на 108,6 тыс. человек и составила на 1 января 2015 г. 1191 тыс. человек. Область в среднем теряет ежегодно 7,2 тыс. человек [1]. Волнообразное движение, которое мы наблюдаем, так называемое демографическое эхо. В детородный возраст вступило многочисленное поколение середины 80-х годов — создаются семьи, рождаются дети, отчасти это связано и с демографической политикой последних лет. Только одновременно с этим очень остро ощущается такое же эхо в отрицательном ключе: в 90-е годы в России открылась демографическая яма. Отражение этой тенденции фиксирует статистика по Вологодской области.

Наиболее значительным показателем, характеризующим уровень рождаемости в регионе, является суммарный коэффициент рождаемости, который показывает количество детей, рожденных женщиной за период ее репродуктивного возраста (18—45 лет). Этот показатель характеризует не только уровень рождаемости, но и воспроизводство населения. Его величина, равная примерно 2,1—2,2, отделяет простое воспроизводство (на том же уровне от поколения к поколению) от сниженного (последующее поколение по численности меньше предыдущего). По сути, речь идет о рождении у женщины второго и последующих детей.

На территории Вологодской области вместе с реализуемой с 2007 г. федеральной программой «материнский капитал» выплачивается ре-

гиональный материнский капитал: семьи, в которых после 01.01.2011 г. родился третий ребенок, получают 100 000 рублей. А если в семье одновременно рождаются трое или больше детей, то материнский капитал, выделяемый из бюджета региона, увеличивается до 500 000 рублей. На примере регионального центра Вологодской области города Вологды прослеживается стабильность рождения детей в семьях, где рождается второй и более ребенок. Зарегистрировано первенцев — 3056 новорожденных, в семьях, где ребенок рожден вторым — 2397 регистраций, третьим — 602, четвертым — 105. Возрастной показатель матерей в 2015 г. соответствует предыдущему г.. Самый репродуктивный возраст матерей остается 21—30 лет. Снижается количество несовершеннолетних матерей, обратившихся за регистрацией рождения ребенка в отдел ЗАГС по городу Вологде и Вологодскому району. Показатель 2015 г. 30 человек, из них 14-летних матерей — 1, 15-летних — 4, 16-летних — 9, 17-летних — 16.

В подростковом возрасте (14—19 лет) большинство рождений происходит в браке, и у многих вступающих в брак в подростковом возрасте почти сразу же рождаются дети. Отмечая это, необходимо учитывать, что часть браков, заключенных в подростковом возрасте (особенно до 18 лет), являются форсированными, и в этом случае сам брак является следствием беременности. Возрастные показатели вступающих в брак определяют ту же тенденцию, что и ранее: большинство мужчин и женщин вступают в брак в возрасте 25—34 лет, показатель этого года — 1788 мужчин, 1589 женщин (по г. Вологде). Снижение регистраций заключения брака по Вологодской области (с 11252 браков в 2011 г., до 8973 браков в 2015 г.) объясняется тем, что в настоящий период в брак вступает самое малочисленное поколение 90-х годов.

Наибольшее количество расторжений брака за период 2010—2015 гг. зарегистрировано в 2014 г., когда было составлено 5610 актовых записей. В городе Вологде за 3 года с 2010 по 2012 гг. наблюдалась общая тенденция к увеличению числа граждан, обратившихся с вопросом о регистрации расторжения брака. Так, в 2012 г. было составлено 1502 актовых записи о расторжении брака: из них по решению суда — 1134, по взаимному согласию — 337 записей, по заявлению одного из супругов составлено 31 актовая запись [2]. В 2015 г. по Вологодской области по данному виду регистраций отмечено значительное сокращение (на 1230 единиц) и зафиксировано самое низкое значение — 4380 актовых записей. Браки и разводы оказывают самое непосредственное влияние на воспроизводство населения, поэтому так актуально отслеживать их динамику.

Существующие практики сбора статистических данных о социальных процессах в регионе позволяют формировать определенную информа-

ционную базу, служащую основой для принятия управленческих решений, для разработки демографических прогнозов, выбора путей и методов реализации семейной политики. Достаточно ли такой информационной базы? Нет, ее необходимо дополнять данными, полученными в ходе социологических опросов населения. Использование арсенала современных социологических технологий позволит создавать более точную картину социально-демографической ситуации в регионе, выявлять мотивы и установки семейно-брачного поведения людей, что, безусловно, расширит возможности для разработки органами региональной власти социальных программ, адекватных развивающейся демографической ситуации.

Список литературы

1. *Демографический* прогноз численности постоянного населения, застрахованных лиц и получателей трудовых пенсий в Вологодской области на период до 2050 года (инерционный сценарий) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pfrf.ru/files/branches/vologda/document/info_otdeleniya/doklad_dlya_sayta_ot_02_2015.pdf.
2. *Костюсов С. Е.* Публичный доклад о результатах деятельности Управления записи актов гражданского состояния Вологодской области за 2015 год [Электронный ресурс] // Проект «Команда Губернатора: Ваша оценка!». URL: <http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka3/kostousov.pdf>.

Информация об авторах

Асташов Владимир Николаевич, к. филос. наук, заведующий кафедрой социологии Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, astashov-vn@rambler.ru

Караваева Юлия Игоревна, к. с. н., доцент кафедры социологии Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, ju@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева

*Астраханский государственный архитектурно-строительный университет,
Астрахань, Россия*

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования, проведенного в Астраханской области в марте-мае 2015 г. Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета с целью изучения особенностей современного студенчества — поколения «непохожих» — в масштабе конкретного региона.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, Астраханская область

Кому нужны в современной России социологические исследования, и вообще, нужны ли? Социологические исследования проводятся научными центрами, а также лабораториями, которые занимаются подобными исследованиями и в ВУЗах страны. Преподавательская деятельность в ВУЗе, таким образом, может дополняться аналитикой социальных явлений и процессов на основе эмпирических данных. Зачастую объектом социологических исследований выступают студенты ВУЗов [1—4].

Современное студенчество относится к социально-демографической группе молодежи, которую исследователи называют «цифровым поколением», так как это поколение «не представляет свою жизнь без компьютера, мобильного телефона, Интернета [5, с. 358], посттелевизионным поколением, у которого признание «я смотрю телевизор» оценивается как «черная метка» на репутации» [6, с. 5]. По мнению Л. Паутовой, это поколение «путинцев», «непохожих», «которые прошли социализацию в период стабильного состояния общества и не испытали давления советского прошлого» и поэтому отличаются от предыдущих поколений [7, с. 103]. Именно это поколение будет определять ближайшее будущее нашей страны, и его «непохожесть» заставляет социологов обращать на него пристальное внимание. Какие они? В чем сходство, каковы особенности в сравнении с российским обществом в целом, с другими поколениями?

Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета при непосредственном участии авторов в марте-мае 2015 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования. В опросе были использованы некоторые вопросы Типовой методики Всероссийской

программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием программы Vortex 8. Опрошены жители районных центров Астраханской области ($N = 6221$), из них был выбран подмассив молодежи ($N = 2249$), что позволило провести сравнительный анализ.

Так, например, молодые астраханцы в меньшей степени, чем все жители области, чувствуют себя незащищенными от экологической угрозы (36,9% против 45,4%), произвола чиновников (35,9% против 41%), преступности (34,7% против 41,3%), бедности (32,7% против 41,4%), произвола правоохранительных органов (31% против 34%). Но именно эти опасности и молодежь, и всем населением региона воспринимаются как наиболее острые. А вот далее, что не очень ожидаемо от молодежи, следует незащищенность от одиночества и заброшенности (25,4% против 29,1%).

Уже каждый четвертый представитель молодежи, как и жители всей области в целом, чувствует себя незащищенным от преследований за политические убеждения (24,3% и 24,8% соответственно), каждый шестой — от ущемления из-за национальности (16,2% и 16,0% соответственно) и религиозных убеждений (16,2% и 15,7% соответственно). Каждый шестой молодой астраханец и каждый пятый житель региона ощущают незащищенность от притеснений из-за возраста (15,8% против 20,8%).

Если в случае с социальными опасностями молодежь чувствует себя чуть менее незащищенной, чем жители региона в целом (коэффициент незащищенности 27% против 29,1%), то соблюдение прав и свобод более важно именно для молодежи (66,2% против 64,6%). Важность соблюдения свободы слова и права безопасности и защиты личности молодое население Астраханской области ставит на первое и второе места (72,5%), тогда как у жителей региона в целом важность соблюдения свободы слова занимает 4-е место (69,6%). На 3—4-м местах находятся право на образование и обучение и равенство перед законом (70,6% и 70,3% соответственно). Далее, с минимальным отрывом следуют важность соблюдения равенства перед законом, права на труд и тайны личной переписки, телефонных разговоров (68,4%, 68% и 67,1% соответственно), права народа на его собственный язык и культуру (66%), религиозные свободы (62,8%). Не так ярко выражена для молодых астраханцев степень значимости права на эмиграцию и свободу объединений, групп и союзов (54,3% и 53,5% соответственно). Хотя количество выбравших важность соблюдения этих прав — более половины. Причем соблюдение права на свободу объединений, групп и союзов гораздо более важно именно для молодежи, чем для среднестатистического астраханца (53,5% против 48,6%).

Таким образом, результаты исследования позволяют выявить особенности поколения «непохожих» в масштабе конкретного региона. Также нуждается в пристальном внимании исследование того, останутся ли эти особенности специфическими характеристиками именно этого поколения или они «пройдут» по мере его взросления. Эти исследования будут результативными, если будут проводиться системно и комплексно — в мониторинговом режиме, по единым методикам.

Список литературы

1. Каргаполова Е. В., Хамзяева О. С. Семья в системе ценностных ориентаций студентов // Система ценностей современного общества. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 25 декабря 2009 г. : в 2-х ч. Ч. 2 / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск, 2010. С. 195—198.
2. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области: опыт социологического, психологического и политического анализа / А. Ю. Арясова, Е. В. Каргаполова, Л. А. Лебединцева, С. Б. Медведев, С. Н. Рымарович, О. С. Хамзяева ; отв. ред. А. Ю. Арясова. Астрахань : АИСИ, 2011.
3. Каргаполова Е. В., Миронова Ю. Г., Хамзяева О. С. Великая Отечественная война в социальной памяти молодежи Астрахани и Волгограда (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой победы) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Межвузовский сборник научных статей. № 2 (155). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. Вып. 20. С. 98—101. (Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания).
4. Каргаполова Е. В., Хамзяева О. С. Социальная адаптация молодежи в условиях трансформации современного общества (по материалам конкретного социологического исследования) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Межвузовский сборник научных статей. № 7 (167). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. Вып. 21. С. 32—35. (Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания).
5. Бойко Н. Л. Молодежь эпохи Интернет на пороге взрослой жизни: социологический анализ // Социологический альманах. Вып. 5. Минск, 2014. С. 348—366.
6. Сергеева О. В. Домашний телевизор. Экранная культура в пространстве повседневности. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2009.
7. Лиходей О. А. Жизненные ценности «поколения непохожих» // Научные труды кафедры культурологии и глобалистики (к 20-летию кафедры). СПб. : Бал. гос. техн. ун-т, 2009. С. 102—111.

Информация об авторах

Каргаполова Екатерина Владимировна, д. с. н., профессор кафедры «Философия, социология и лингвистика» Астраханского государственного архитектурно-строительного университета, Астрахань, Россия, K474671@list.ru

Хамзяева Ольга Сергеевна, заведующая лабораторией социально-психологических исследований кафедры «Философия, социология и лингвистика» Астраханского государственного архитектурно-строительного университета, Астрахань, Россия, hamzyaeva77@mail.ru

НАРКОСИТУАЦИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ К ПРОБЛЕМЕ НАРКОТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Е. В. Карпенко, Н. В. Бороненкова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия*

Аннотация. Проблема наркомании является актуальной во всем мире, в том числе и в России. К сожалению, не стала исключением и наша малая родина — Брянщина. Распространение наркомании представляет наибольшую опасность для детей и подростков. Особую актуальность приобретает разработка комплексной региональной системы сбора и анализа данных о наркоситуации, научно обоснованная подготовка информационной почвы для эффективного прогнозирования и принятия адекватных управленческих решений по противодействию незаконному потреблению и обороту наркотиков.

Ключевые слова: наркоситуация, наркотизация общества, противодействие обороту наркотиков

Как утверждают специалисты, в настоящее время во многих странах, включая Россию, проблема наркомании и токсикомании является приоритетной. По данным центральной прессы и компетентных органов, с каждым годом число наркозависимых увеличивается, в первую очередь, число наркозависимых детей и молодых людей. Этот процесс не поддается статистике. Его особенность в том, что наркотические средства употребляют дети и подростки, принадлежащие, как правило, к привилегированным группам общества, а не только к социально-экономическим низам, к так называемым группам риска, куда входят неполные семьи, семьи алкоголиков, наркоманов. Наркотики стали бедой для многих семей, они искалечили судьбы и унесли жизни многих юношей и девушек, которые только начинали жить.

О значительных масштабах наркотизации российского общества свидетельствуют статистические данные и экспертные оценки. Количество официально зарегистрированных потребителей наркотиков по состоянию на 1 января 2015 г. наркологической службой зарегистрировано 225 419 человек, употребляющих наркотики с вредными последствиями, и 321 796 больных наркоманией — всего 547 215 человек.

В практическом, прикладном плане социологическое изучение наркоситуации актуально для текущего и стратегического планирования

действий органов власти на национальном, региональном и муниципальном уровнях.

Для получения достоверных сведений об уровне и структуре наркопотребления, масштабах распространения незаконного потребления наркотиков и влияющих на них факторов в Брянской области аппаратом антинаркотической комиссии была организована работа по проведению социологического исследования «Отношение населения Брянской области к проблемам наркотизации общества».

Объектом социологического исследования являлось общественное мнение населения Брянской области, а предмет исследования — отношение населения Брянской области к проблемам наркотизации общества. В рамках главной цели проведения исследования — выявления уровня наркотизации общества и отношения населения к проблемам наркомании — предполагается решение следующих задач:

- выявление проблемы наркомании в списке социальных проблем отдельно взятого населенного пункта;
- анализ ценностных установок на употребление наркотиков;
- выявление отношения различных групп населения и социальных институтов к проблеме наркомании, особенно — к проблеме потребления наркотиков;
- анализ уровня распространения наркомании в Брянской области, в т. ч. динамика числа лиц, употребляющих наркотики;
- выявление степени наркотизации различных возрастных групп населения, особенно — уровня распространения наркомании среди молодежи;
- определение наиболее распространенных наркотиков;
- выявление степени доступности наркотиков;
- определение наиболее популярных мест и способов распространения наркотиков;
- определение причин распространения наркомании;
- определение мотивов потребления наркотиков среди различных групп населения;
- выявление основных механизмов приобщения к наркотикам;
- анализ социокультурных факторов, способствующих и препятствующих возникновению и развитию наркотической зависимости;
- выявление наиболее действенных мер по борьбе с наркоманией.

В исследовании была использована многоступенчатая типологическая выборка с применением квотных значений на последней стадии отбора респондентов. Объем выборки — 2211 человек.

Согласно опросам общественного мнения в г. Брянске и Брянской области, проблема наркомании осознана обществом и входит в число самых

актуальных. Оценка распространенности проблемы в населенном пункте сегодня в подавляющем большинстве случаев характеризуется как «распространена, но не больше, чем везде» (51,29%). Следует отметить, что в городах области проблема наркомании распространена больше, чем в селах.

Участники опроса видят, прежде всего, социально-психологические причины распространения наркомании: моральную деградацию общества, вседозволенность (41,03%) и неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (32,7%).

Наиболее острыми социальными проблемами для жителей Брянской области в 2015 г. являлись такие проблемы, как качество дорог (19,90%), алкоголизм (15,38%), безработица (16,53%), качество медицинского обслуживания (47,8%), состояние жилищно-коммунальной сферы (13,12%) и проблема нехватки жилья (12,56%).

Большинство респондентов ориентированы на традиционные ценности, где наибольшую значимость имеют: здоровье (16,63%), материально обеспеченная жизнь (11,18%), интересная работа (10,17%).

На вопрос о достаточности в городе/селе, где они проживают, количества мест для интересного времяпрепровождения, «скорее да» ответили 33,68%, а «скорее нет» — 42,12%. Причем чаще всего люди предлагают дополнительно создавать зеленые территории — парки (21,48%), строить бассейны (20,23%) и спортивные клубы (17,62%).

По мнению большинства опрошенных (35,78%), основным мотивом употребления наркотиков является мотив «из интереса, любопытства», а также «за компанию» (11,93%) и «для снятия напряжения» (10,9%). Первый опыт употребления наркотических веществ у 44,29% респондентов состоялся в возрасте от 16 до 18 лет, у 27,14% — в возрасте 19—25 лет. Впервые респонденты приобщились к ним в гостях у своих друзей, знакомых (27,54%), а также на природе (23,19%). Большинство опрошенных не знают, где приобрести сегодня наркотики (43,42% ответили «не знаю», 32,86% — «сравнительно легко»). Легче всего приобрести их у друзей и знакомых (67,92%) и «у розничного продавца» (18,87%). Среди причин, удерживающих людей от употребления наркотических средств, превалирует «осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков» (32,69%) и «ранняя смерть» (17,37%).

В качестве наиболее эффективных мер противодействия наркотизации в 2016 г. население предлагает силовые методы борьбы с данной проблемой, а именно ужесточение мер наказания за наркопреступления (54,7%), принудительное лечение наркоманов (49,8%) и расширение работы с молодежью, помощь в социализации (33,29%).

В результате проведенного социологического исследования, цель которого заключалась в выявлении уровня наркотизации общества

и отношения населения к проблеме наркомании, была предпринята попытка раскрыть основные, ключевые моменты, которые позволили бы в дальнейшем предпринять ряд мер, направленных на корректировку ситуации в регионе. Полученные данные отразили как общие координаты наркотизма в Брянской области, так и специфику наркоситуации в отдельных районах. В качестве основной рекомендации хотелось бы заметить, что работу по предупреждению и преодолению наркомании целесообразно проводить в комплексе, на основе сочетания мер социально-экономического и административного, лечебно-профилактического и образовательно-воспитательного характера, активного вовлечения в воспитательный процесс родителей, рациональной организации свободного времени молодежи.

Информация об авторах

Карпенко Екатерина Викторовна, к. с. н., доцент кафедры общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин РАНХиГС при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия, ekakarpenko@yandex.ru

Бороненкова Наталья Владимировна, студентка 3 курса направления подготовки «Менеджмент» РАНХиГС при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия, nataliboronenkova@gmail.com

ПРОТИВОСТОЯНИЕ АТОМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ДИПЛОМНЫХ ПРОЕКТАХ ВЫПУСКНИКОВ КАФЕДРЫ СОЦИОЛОГИИ ВОЛОГДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

И. Ю. Королёв

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

Аннотация. С 2006 по 2015 гг. выпускниками кафедры социально-гуманитарных наук ВоГТУ (сейчас это кафедра социологии ВоГУ) специальности «Менеджмент организации» со специализацией «Социальные технологии» были разработаны и успешно защищены 300 дипломных проектов. Собранные результаты и накопленный опыт методического обеспечения небольших исследовательских проектов настоятельно требует критического осмысления, что будет способствовать формированию единой картины региональных исследований. В 7 % дипломных работ (21 из 300) затрагивается проблематика атомизации общества — социального разобщения из-за слабости социальных, культурных, экономических, организационных интеграторов. В процессе изучения актуальных проблем населения региона описываются явления десолидаризации, фиксируется распад горизонтальных связей между людьми, предоставляются свидетельства о появлении отстраненных индивидов, которые уходят из активной общественной жизни, а их отношения с социумом сведены до дипломатического минимума.

Ключевые слова: атомизация общества, факторный анализ, компаративный анализ, диагностика, мониторинг, ресоциализация

Выпускников, обеспокоенных развитием феномена атомизации вологодского общества, отличает относительная фундаментальность теоретико-методической подготовки. Они осознают процессуальную природу общества, его системность и структурированность. Факторный и компаративный анализ, понимание значения диагностики и мониторинга — вот некоторые методические инструменты, которые они задействуют в своих изысканиях. Объектами их внимания выступают такие страты как: несовершеннолетние правонарушители; лица, освободившиеся из мест лишения свободы; бывшие несовершеннолетние узники нацистских мест принудительного содержания; дети-сироты; дети-инвалиды; безработные женщины; трудовые мигранты. Для противодействия разобщенности людей начинающими социальными инженерами в русле антикризисной социализации разрабатывались программы противодействия контрсо-

циализации, продумывались меры ресоциализации, активно использовались такие технологии как социальная адаптация, реабилитация, защита и помощь определенным слоям населения, совершенствовалась система профилактики раннего социального сиротства.

В дипломных проектах, ориентированных на противостояние атомизации общества, скрупулезно прописываются меры поэтапного организационного воздействия по нейтрализации дезинтеграционных тенденций. Внимание, прежде всего, уделяется подготовке документов, имеющих важные последствия, формированию новых социальных институтов, разработке механизмов решения насущных социетальных проблем.

Выпускников волнуют проблемы обездоленных слоев населения. Для решения их злободневных задач и предпринимаются попытки разрабатывать специальные и прикладные социальные технологии, которые имеют общую, хотя и не артикулированную цель: минимизировать эксклюзию некоторых депривированных слоев современного российского общества. Создаваемые проекты охватывают самые разные области — быт, образование, работу, досуг. И в каждой сфере они представляют поиск такого переустройства реальности, которое бы отвечало задаче инклюзии социально слабых слоев в активную жизнедеятельность социума. Для противодействия атомизации современного общества создаются схемы организации совместной деятельности, указываются целевые группы, изыскиваются ресурсы, осуществляется рациональная легитимация процедур и операций, а подчас и планируется PR-сопровождение мероприятий.

Социальные технологии противодействия атомизации общества могут быть типологизированы. С точки зрения способа формирования, выпускники предлагают рационально создаваемые и сознательно внедряемые социальные технологии — региональные, городские, муниципальные. С позиции права, в дипломах речь идет исключительно о законных и легальных мероприятиях. С точки зрения их признания, из дипломов можно узнать только о легитимных практиках. В общественной жизни технологии противоборства атомизации общества пронизывают социальную, экономическую, духовно-информационную сферы.

Как следует из содержания выпускных квалификационных работ, преодоление атомизации общества происходит через развитие, прежде всего, неформальных, добровольческих движений, в которые люди соединяются между собой на основе нравственных ценностей. Также в дипломах зафиксировано усиление процессов, связанных с частной инициативой. В обществе, таким образом, идет спонтанный процесс формирования внутренних связей, нарастает стремление восстановить социальные отношения. Противостояние атомизации общества в дипломных проектах носит упреждающий характер. Успешно защищенные идеи

и предложения, адресованные государственным и муниципальным социальным службам, бизнес-сообществу, создают импульс для оживления социального контроля над субкультурами обособленных и обездоленных групп маргиналов.

Информация об авторе

Королёв Игорь Юрьевич, к. филос. н., доцент кафедры социологии Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, kiyu57@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА БИБЛИОТЕЧНЫХ УСЛУГ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2014—2015 ГГ.)

Ю. Ф. Косинцева

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. Приоритетным направлением развития социальной сферы сегодня является повышение качества жизни населения, расширение социального пространства и возможностей развития человека. В контексте Стратегии национальной безопасности России, новых подходов к оценке организации деятельности и определению качества работы учреждений культуры, в краевой универсальной научной публичной библиотеке было организовано систематическое изучение мнения пользователей библиотеки о качестве обслуживания в форме мониторинга. Мониторинг мнения читателей позволяет оценить динамику изменения качества библиотечной услуги, выявить проблемные зоны в организации деятельности библиотечных подразделений и отдельные аспекты работы коллектива.

Ключевые слова: библиотечные услуги, качество услуг, интегральный индекс, мониторинг

Основной идеей исследования является предположение о том, что качество работы библиотеки детерминировано тем, насколько удовлетворены читательские интересы пользователей. Исследование проводится поэтапно (раз в квартал), затем осуществляется среднегодовой анализ динамики полученных оценок, что связано с сезонными колебаниями посещаемости библиотек разными категориями читателей. Методически качество работы библиотеки оценивалось исходя из определения частных коэффициентов удовлетворенности читателей конкретной услугой J_i или характеристикой (например, фондами библиотеки) и вычисления интегрального коэффициента удовлетворенности.

$$J_{\text{качество библ. услуги, интеграл}} = \sum J_i / N,$$

где N — количество оцениваемых услуг/характеристик.

Частные уровни удовлетворенности и интегральный уровень удовлетворенности могут меняться от 0 — «вообще не доволен/не удовлетворен» до 1 — «весьма доволен/удовлетворен» и показывают те или иные изменения качества по отдельным направлениям.

$$J_{\text{качество библи. услуги, интегрально}} = (J_{\text{скорость обслуживания}} + J_{\text{фонд}} + J_{\text{использования эл. ресурсов}} + J_{\text{результативности визита}} + J_{\text{условиями работы}} + J_{\text{мероприятием}} + J_{\text{отношение персонала к читателю}} + J_{\text{организация информирования об услугах}}) / N.$$

Использование интегрального индекса позволяет гибко реагировать на текущие изменения в социально-культурном пространстве (ситуации в библиотеке, регионе, отрасли), включая административные решения. Выборочная совокупность рассчитывалась исходя из статистических показателей посещаемости библиотеки в предыдущий период. Всего в исследовании принимало участие в 2014 г.— 329 чел., а в 2015 г.— 410 чел. (читателей краевой библиотеки им. М. Ю. Лермонтова). В среднегодовой выборке представлены все возрастные группы, но более активна возрастная когорта читателей 20—30 лет. 64,6 % читателей — женщины.

Библиотека, являясь публичной, оказывает услуги всем группам населения. Большинство имеет постоянную работу, учится и совмещает эти занятия; число этих читателей растет. Респонденты 2015 г. работают в основном (по рангу): в образовании и науке, культуре и искусстве, сфере услуг. К 2015 г. несколько увеличилось число читателей, работающих в промышленности, здравоохранении и медицине, в области информационных технологий, среди которых подавляющее большинство — специалисты и служащие с высшим и неполным высшим образованием. Анализ ответов о цели посещения библиотеки выявил изменение приоритетов пользователей: читателю нужна конкретная книга, статья, информация, менее актуален подбор литературы по конкретной теме, сократилось и число тех, кого интересовал интернет. Увеличилось число тех, кто приходит в библиотеку для общения (на 2%). В поисках нужного документа (книги, статьи, записи и пр.) респонденты используют в 2015 г. (по рангу) карточный каталог и электронный каталог, поровну библиографический указатель и интернет. Возросла и популярность сайта библиотеки, электронного каталога, но электронные базы данных мало востребованы. Сохранили значение традиционные поисковые системы: соотношение среднегодовых частот использования традиционных и электронных систем составляет 1,62: 1. Актуализирована и консультативная помощь специалистов библиотеки. Среднегодовая удовлетворенность быстротой обслуживания возросла до 0,9120 ($J_{\text{ср. скорость обслуж.}} = 0,8459$ в 2014 г.). Большинство респондентов в целом устраивает фонд библиотеки. Среднегодовая удовлетворенность фондом возросла до $J_{\text{ср. фонд}} = 0,8039$ (0,7523 в 2014 г.). Увеличилось число тех, кто уверенно ответил, что смог получить в библиотеке нужную информацию, соответственно, среднегодовая удовлетворенность составила $J_{\text{ср. результ. визита}} = 0,7995$ (0,7251 в 2014 г.).

Анализ динамики оценок условий работы в библиотеке выявил тенденцию к снижению удовлетворенности. Общее снижение (без учета отказов) составило 6,84 %, $J_{\text{ср. условиями работы}} = 0,8396$ (0,8550 в 2014 г.). При этом оценка отношения к читателю со стороны работников библиотеки традиционно достаточно высока $J_{\text{ср. отнош. к читателю}} = 0,8400$ (0,8233 в 2014 г.). Большинство респондентов удовлетворены организацией информирования об услугах, которые оказываются в библиотеке. Но в целом степень удовлетворенности респондентов информированием об услугах упала и составляет $J_{\text{ср. орг. информирования об услугах}} = 0,8159$ (0,8350 в 2014 г.).

Одной из задач исследования являлось установление важнейших интересов пользователей, поскольку именно удовлетворенность читателя определяет сегодня результативность деятельности коллективов библиотек [3]. Основными приоритетами остались (по рангу) художественная литература, общественные и гуманитарные науки, искусство и культура, снизился интерес к юридическим и естественным наукам.

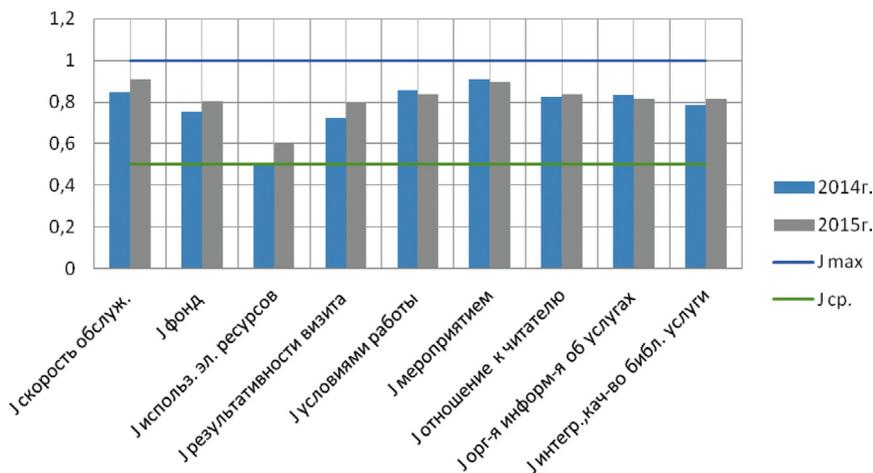

Рисунок 1. Динамика изменения частных индикаторов качества библиотечной услуги, в среднем за год

Все рассчитанные по ежеквартальным опросам частные индикаторы удовлетворенности читателей библиотечной услугой 2015 г. выше среднего значения (0,5), что свидетельствует о хорошем качестве библиотечного обслуживания в подразделениях библиотеки (рис. 1). В целом среднегодовой интегральный индекс удовлетворенности качеством библиотечной услуги вырос до 0,8137 ($J_{\text{интегр. кач-во библ. услуги}} = 0,7870$ в 2014 г.). Последнее свидетельствует об эффективности управленческих решений, реали-

зованных в организации, определяет приоритеты дальнейшей работы. Однако динамика частных индексов удовлетворенности показывает наличие резервов в работе. В частности, речь идет о повышении требовательности читателей к условиям работы, проводимым мероприятиям или в организации информирования пользователей.

Проведение многолетних исследований в региональном библиотечном комплексе позволяет заключить, что открытость в организации исследования, поддержка активного диалога с заказчиком, уверенность последнего в достоверности получаемых результатов и аналитических заключений, обеспечивают не только условия проведения качественного (хорошего) исследования, но и эффективность использования полученного знания в социальной практике.

Список литературы

1. *Косинцева Ю. Ф.* Библиотека и читатель: особенности формирования информационного пространства (по материалам социологических исследований) // *Инновационная компетентность как результат профессионального развития : материалы Северо-Кавказского библиотеч. Форума (Ставрополь-Кисловодск, 26—27 сент. 2013 г.) / Мин-во культуры Ставропольского края, ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова» ; сост. Г. М. Павлова ; отв за вып. З. Ф. Долина. Ставрополь, 2013. 144 с.*
2. *Косинцева Ю. Ф., Страчкова Ф. Н.* Сравнительный анализ изменения образа и качества жизни работников культуры в условиях трансформации системы социального управления // *Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные технологии социальной сферы: история и современность» / ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». 25 декабря 2012 г. Ставрополь, 2012.*
3. *Приказ Минкультуры России от 05.10.2015 № 2515 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями культуры» (рег. 23.10.2015 № 39444).*

Информация об авторе

Косинцева Юлия Феоктистовна, к. т. н., доцент, доцент кафедры социальных технологий Института образования и социальных наук Северо-Кавказского Федерального университета, Ставрополь, Россия, ju.f.kosintseva@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ИНВАЛИДОВ В СОЦИАЛЬНУЮ СРЕДУ (НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)

М. С. Кривонос

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия*

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования, проведенного в Брянской области в 2015 г. с целью изучения проблем преодоления социальной изоляции инвалидов, их включенности в жизнь общества, а также изучения оценки инвалидами отношения населения к их проблемам и состояния доступности объектов и услуг в приоритетных для инвалидов сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: инвалиды, интеграция в общество, отношение населения, доступность приоритетных объектов

По данным Росстата, в 2015 г. общая численность инвалидов всех групп в Российской Федерации составляла 12 924 000 чел. (примерно 8,8% от всего населения страны), в том числе 604 850 детей-инвалидов [1]. Однако встречать людей с ограниченными возможностями на улицах наших городов приходится нечасто. Отсутствие пандусов, подъемных механизмов и звуковых сигналов светофоров — это ничтожная часть перечня препятствий, которые встают на их пути изо дня в день. В связи с этим проблема социальной интеграции инвалидов в России стоит очень остро.

С 2011 по 2015 гг. в нашей стране довольно широко реализовывалась программа «Доступная среда», целью которой являлось формирование к 2016 г. условий для беспрепятственного доступа к наиболее значимым для инвалидов объектам и услугам в сферах здравоохранения, культуры, транспорта, информации и связи, образования, социальной защиты, спорта и физической культуры, жилого фонда [2]. Однако поставленные цели не были полностью достигнуты и распоряжением Правительства РФ от 27 октября 2014 г. № 2136-р реализацию программы продлили до 2020 г. [3] На софинансирование региональных программ «Доступная среда» было запланировано выделить из федерального бюджета около 20 млрд рублей [4]. Работу продолжают по трем ключевым направлениям: 1) обеспечение условий доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения; 2) совершенствование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов; 3) совершенствование государственной системы медико-социальной экспертизы.

В Брянской области в 2015 г. было проведено социологическое исследование преодоления социальной изоляции инвалидов и их включенности в жизнь общества, оценки инвалидами отношения граждан РФ к проблемам инвалидов, оценки инвалидами состояния доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности (в рамках реализации мероприятий подпрограммы «Доступная среда» государственной программы «Социальная и демографическая политика Брянской области» (2014—2020 гг.)). В результате опроса выяснилось, что 92,10 % инвалидов не работают и не учатся, при этом 33,73 % опрошенных связали низкий процент трудоустроенности с необходимостью оборудования специализированных рабочих мест, а 15,43 % — с отсутствием доступной среды для свободного передвижения.

Труд инвалидов не пользуется спросом у отечественных работодателей. В чем же причина? Дело в том, что для такого сотрудника необходимо оборудовать специально оформленное рабочее место, и стоимость его может достигать до 600 тыс. рублей [5]. Это рабочее место должно соответствовать особым санитарным правилам, находиться не в цокольном или подвальном этаже, иметь хорошую вентиляцию, быть просторным. Такие условия работы инвалидам могут обеспечить только крупные предприятия, которые согласно российскому трудовому законодательству обязаны выделять рабочие места для трудоустройства инвалидов. Так, в ст. 21 ФЗ от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» указано, что работодателям, численность работников которых превышает 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу инвалидов в размере от 2 до 4 % среднесписочной численности работников [6]. Однако в жизни инвалидам в большинстве случаев отказывают.

Доступность для инвалидов социальных объектов и услуг в нашей стране пока остается на уровне, который значительно ниже ожиданий самих инвалидов. В частности, проведенное в Брянской области исследование показало, что 48,65 % инвалидов считают, что оснащение этих объектов спецустройствами для доступа к ним людей с ограниченными возможностями осуществляется медленно и лишь ограниченным набором приспособлений. По заявлению Министерства труда и социальной защиты РФ, полную и точную статистику доступности общественных учреждений для инвалидов в российских городах получить довольно сложно [7]. Объяснили это тем, что доступность может определяться по-разному для разных категорий инвалидов.

По результатам опроса в Брянской области, необходимость обеспечения жилого помещения специальными поручнями отметили 26,49 % инвалидов, пандусом при входе в дом — 16,11 %, средствами для пе-

ремещения, передвижения — 12,89 %, расширением дверных проемов — 11,34 %, специальной сантехникой — 11,10 %, вспомогательными средствами для ухода за больными — 9,55 %, подъемником для посадки в ванну — 7,64 % и вспомогательными средствами для приема пищи — 4,18 %.

В заключение хотелось бы отметить следующее. «Главная проблема обеспечения доступности для инвалидов инфраструктуры, услуг и всех сторон общественной жизни — не в несовершенстве законодательства, недостатке средств или специалистов. Она состоит в отношении большинства людей к инвалидам как к другим, не таким как все. И это создает барьер, который не преодолеть никакими перилами и пандусами», — считает директор департамента по делам инвалидов Министерства труда и социальной защиты РФ Г. Лекарев [8]. По последним данным социологических исследований, представленных министерством, лишь 33 % опрошенных инвалидов высказались положительно об отношении окружающих к их проблемам. По результатам исследования в Брянской области, 43,94 % опрошенных инвалидов связали низкий процент их трудоустроенности с отношением к ним общества, 36,68 % признались, что к ним относятся с безразличием, 70,95 % отметили, что общественные организации и индивидуальные предприниматели не оказывают им никакой помощи, а 69,94 % сказали, что им изредка и очень редко в общественных местах помогают незнакомые люди.

Список литературы

1. *Положение инвалидов в России*. Досье [Электронный ресурс] // Министерство социальной защиты населения Хабаровского края. URL: <http://mszn27.ru/node/17637> (дата обращения: 11.03.2016).
2. *Постановление Правительства Российской Федерации от 17 марта 2011 г. № 175 г. «О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» на 2011—2015 годы»* [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://rg.ru/2011/03/28/dostupnaya-sreda-site-dok.html> (дата обращения: 11.03.2016).
3. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 октября 2014 г. N 2136-р* [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://rg.ru/2014/10/29/gosprg-site-dok.html> (дата обращения: 11.03.2016).
4. *На софинансирование региональных программ «Доступная среда» на 2016—2020 годы планируется направить около 20 млрд руб.* [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://www.garant.ru/news/646287/#ixzz42cWGCjM> (дата обращения: 11.03.2016).
5. *К 2015 г. число инвалидов в России превысит 15 миллионов человек* [Электронный ресурс] // Версия. 2016. № 9. URL: <https://versia>.

ru/k-2015-godu-chislo-invalidov-v-rossii-prevysit-15-millionov-chelovek (дата обращения: 11.03.2016).

6. *Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»* [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8559/ (дата обращения: 11.03.2016).

7. *Недоступная среда* [Электронный ресурс] // Инвалидность и социальная защита. URL: <http://progavrichenko.ru/invalidnost/nedostupnaya-sreda-3.html> (дата обращения: 11.03.2016).

Информация об авторе

Кривонос Марина Сергеевна, студентка 3 курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия, kriwonosmarina@yandex.ru

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

С. В. Крошили

*Государственный социально-гуманитарный университет,
Коломна, Московская обл., Россия*

Аннотация. Лонгитюдное исследование «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе (на примере юго-востока Московской области)», которое проводится Государственным социально-гуманитарным университетом совместно с Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН на протяжении последних 5 лет, позволяет получать новые знания, которые используются в региональном управлении. В рамках исследования анализировалось отношение различных возрастных когорт молодежи, а также лиц от 22 лет и старше, к влиянию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на формирование человеческого потенциала и на возможности развития информационного общества в стране и регионе.

Ключевые слова: молодежь, человеческий потенциал, лонгитюдное исследование

Процессы информатизации российского общества имеют множество проблем. Возникают новые направления, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий, которые требуют иных подходов в анализе и изучении [1]. Быстрая смена технологических поколений и сокращение инновационного цикла накладывают особую ответственность за развитие отечественной экономики. Современные процессы, связанные с использованием в повседневной и применении в трудовой деятельности информационных технологий, качественно меняют требования к уровню образования и квалификации каждого индивида общества [2]. Однако возможности, открывающиеся с использованием ИКТ, позволяют выполнять задачи эффективнее. Помимо позитивных есть и негативные последствия их воздействия на молодежь: возникают различные зависимости, проблемы со здоровьем [3] и «гуслизация» сознания молодежи [4].

В рамках лонгитюдного исследования «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе (на примере юго-востока Московской области)», которое проводится Государственным социально-гуманитарным университетом совместно

с Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН на протяжении последних 5 лет, анализируется отношение различных возрастных когорт молодежи (школа, СПО, ВПО), а также более «возрастные» категории от 22 и старше (для возможности сравнения), к вопросу положительного и отрицательного влияния ИКТ на формирование человеческого потенциала и выявление возможности развития экономики знаний (информационного общества) в стране и регионе.

Анкетирование проводится с 2011 г. по настоящее время. Численность выборки составила от 1500 до 3000 человек — каждый год. Соотношение опрошенных: 25 % — учащиеся школ; 55 % — студенты СПО и ВПО; 20 % — более старшие возрастные группы; 45 % — мужского пола и 55 % — женского. Наряду с возрастом и уровнем образования при исследовании соблюдалась пропорция относительно населения юго-востока МО по количеству населения в городе, полу и возрасту, что позволяло обеспечить необходимую репрезентативность. В каждом случае квоты рассчитывались на основе данных Росстата РФ по каждому городу. Были выбраны 6 городов: Коломна, Луховицы, Воскресенск, Егорьевск, Зарайск, Озеры.

В результате исследования получены новые знания по следующим вопросам:

1. *Особенности использования сотовой связи и коммуникаций на ее основе.* Основной вывод: почти половина опрошенных (47 %) слишком увлечены общением посредством сотового телефона, так как используют его около 3 часов и больше в день. Использование сотового телефона в течение длительного времени оказывает воздействие не только на психическое, но и на физическое здоровье (миопия, неврозы и т. п.). При этом почти 40 % опрошенных много отвлекаются на него во время занятий, что приводит к ухудшению усвоения материала, падению успеваемости и увеличению нагрузок.

2. *Изучение влияния интернет-технологий.* Возможность пользоваться интернетом дома есть практически у каждого (97,7 %). Только 2 % ходят к друзьям или в интернет-кафе для того, чтобы воспользоваться данными технологиями. 0,3 % не пользуется интернетом вообще. Практически все опрошенные используют интернет для общения с друзьями (92,3 %) и поиска нужной информации (88,7 %). Выполняют задания с помощью глобальной сети 80,3 %. Многие скачивают музыку (68 %) и фильмы (57 %). 26,3 % играют в сетевые игры. Следовательно, в основном опрошенные используют интернет для общения и поиска необходимой информации. Все популярнее становятся социальные сети, которые постепенно вытесняют даже электронную почту. Самой посещаемой у опрошенных является сеть «ВКонтакте» (89,3 %), «Одноклассники» указаны третью опрошенных (29,0 %). Популярный на западе Facebook среди нашей молодежи прак-

тически не востребован (около 6%). Вообще не общаются в социальных сетях только 1,0% опрошенных.

3. *Отношение к компьютерным играм.* Почти треть опрошенных (27,3%) играют в компьютерные игры, установленные на компьютере. 19,3% — играют в онлайн-игры (по сети). В целом около 70% опрошенных играют в компьютерные игры. 29,7% — вообще не играют в игры. У 10,4% опрошенных есть некая зависимость от компьютерных игр. Это достаточно негативная тенденция, которая может сказаться на психическом здоровье.

4. *Отношение молодежи к чтению.* Почти треть (28,7%) читает учебную литературу, около четверти приключенческую (25,7%) и классическую (24,7%). Больше всего читают журналы, ориентированные на молодежь (38,0%), и статьи в интернете (59,7%). Вообще не читают 6,3%.

5. *Возможности и предпочтения молодежи при общении.* 82,3% для общения с друзьями предпочитают мобильный телефон. Половина (52,7%) отправляют SMS или MMS. Все больше используют SKYPE и подобные программы для видео-общения (35,7%); ICQ (быстрые сообщения) — 26,7%. Электронная почта отходит на второй план, сейчас ее использует лишь 14,3% опрошенной молодежи. Пишут письма по обыкновенной почте только 3%.

6. *Особенность потребления услуг, связанных с ИКТ, и процессы информатизации общества.* Качество и количество компьютерной техники в доме постоянно растет. Количество компьютеров приближается к количеству телевизоров в доме. Практически все опрошенные уверены, что владение компьютером необходимо в современном обществе и лишь 1,7% так не считают. Около 90% опрошенных при необходимости определения нового понятия или неизвестного термина набирают его в поисковой строке (Yandex, Google и т. п.). Современная молодежь в подавляющем большинстве не мыслит себя вне интернет-пространства, социальных сетей и без современных средств коммуникации и компьютерной техники. Больше трети опрошенных (35,9%) не представляют свою жизнь без Интернета; 52,4% — могут без него обходиться и их жизнь изменится незначительно; однако при этом многие отмечали, что им будет скучно и что они смогут это компенсировать средствами коммуникации через свой сотовый телефон. Лишь 11,7% могут в настоящее время спокойно обойтись без интернета.

Процессы информатизации общества сложны и многогранны. Они связаны не только с глобальными изменениями в сфере ИТ, которые происходят во всем мире, но и с особенностями восприятия и использования «новинок», а также потребления данных услуг населением, особенно молодежью, которая является основным потребителем всех ноу-хау и тех-

нологий. Именно на молодое поколение ориентированы современные средства коммуникации и технологии, которые с ними связаны. С одной стороны, это дает возможность получать больше информации и знаний, с другой — меняет процесс мышления: происходит «гуглизация» сознания. Все это требует дальнейшего изучения и новых подходов в проведении социологических исследований.

Список литературы

1. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование человеческого капитала или перспективы построения информационного общества в Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 41(134). С. 22—30.
2. *Крошилин С. В.* Влияние информационных технологий на качество образования // Народонаселение. 2012. № 2(56). С. 104—109.
3. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Негативные аспекты информатизации общества // Экономический журнал. 2013. № 4 (32). С. 108—126.
4. *Крошилин С. В., Медведева Е. И.* Распространение интернет-технологий в России и «гуглизация» сознания молодежи // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 3 (240). С. 9—20.

Информация об авторе

Крошилин Сергей Викторович, к. т. н., доцент кафедры Экономики и менеджмента, Государственного социально-гуманитарного университета, Коломна, Московская обл., Россия, krosh_sergey@mail.ru

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПРОФЕССИИ СОЦИОЛОГА В РЕГИОНЕ

Г. В. Леонидова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Современные условия развития общества (нестабильность экономической и политической ситуации) требуют адекватной оценки существующих проблем и путей их решения. В регионах страны сегодня наблюдается спрос на социологов-профессионалов. Судя по рейтингам профессиональной востребованности, в десятку наиболее востребованных профессий входят те, для которых необходим диплом социолога.

Ключевые слова: профессиональная востребованность, социолог, регионы

Исследователи рассматривают социологию как учение об обществе, о жизни во всех ее проявлениях. Например, один из виднейших представителей социологов-классиков П. А. Сорокин считал: «Социология представляет науку, которая изучает жизнь и деятельность людей, живущих в обществе себе подобных, и результаты такой совместной деятельности» [6, с. 39].

Субъективный фактор общественного развития, как отмечает Ж. Т. Тощенко, «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [8].

Результаты исследований общественного мнения, социальных настроений являются стратегическим ресурсом не только для органов власти, но и для гражданского общества. Например, одна из проблем, связанная с эффективностью реализации реформ в России, могла бы быть успешно решена, если бы своевременно было организовано диалоговое пространство между управленцами и всеми заинтересованными сторонами [9].

Согласно исследованиям ВЦИОМ, потребность в проведении опросов общественного мнения сегодня ощущается значительно сильнее (их необходимость в 2015 г. отметили 84% россиян*; в 2013 г.— 69%) [1]. Польза соцопросов, по оценкам респондентов, заключается в том, что они, с одной стороны, позволяют соотнести свое мнение по опреде-

* Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ 7—8 ноября 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%.

ленным вопросам с мнением всего общества (37%), с другой стороны, дают информацию для властных структур о проблемах народа (34%). При этом 71% россиян проведенным социопросам доверяет.

Активное развитие социологии в России приходится на 1988 г. Тогда в постановлении ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» впервые была признана необходимость высшего социологического образования в стране [4].

Профессия социолога не нова для россиян. О ее существовании знают, судя по данным опроса ФОМ, 27% населения, еще 40% — что-то слышали*. Информационная база портала «Российское образование» содержит данные о 113 государственных ВУЗах России, имеющих аккредитацию на подготовку социологов. Предложение социологического образования сосредоточено в Центральном федеральном округе России. В Москве социологических факультетов и кафедр в разы больше, чем в развитых в социологическом отношении округах — Приволжском, Сибирском и Северо-Западном. Тем не менее, высшее образование по этой специальности сегодня можно получить практически во всех уголках России [3].

В настоящее время в Вологодской области функционируют две выпускающие кафедры социологии в Череповецком и Вологодском государственных университетах. Ведется подготовка студентов по направлению бакалавриата очной формы обучения по специальности 39.03.01 «Социология». В Череповецком государственном университете подготовка специалистов по этому направлению началась раньше, в 2002 г.; в настоящее время подготовлено практически 200 человек, при этом среди учащихся первого выпуска практически половина трудоустроена по специальности. О будущем этой профессии красноречиво свидетельствуют рейтинги профессиональной востребованности, в десятку наиболее востребованных профессий входят те, для которых необходим диплом социолога. Интерес к познанию общества и закономерностям его развития становится элементом общей культуры человека, поскольку без этого знания невозможно оценить перспективы развития личности [7].

Вместе с тем, в ряде случаев трудоустройство осуществляется не напрямую по полученной специальности, а по смежным направлениям, среди которых маркетинговые исследования, работа в СМИ и PR-службах.

Несмотря на возникающие проблемы по трудоустройству выпускников социологического профиля подготовки, в область исследовательских

* Опрос населения проведен фондом «Общественное мнение» в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 26—27 апреля 2008 г., 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

интересов самих социологов попадают вопросы, связанные с профессиональным призванием, овладением профессией, установками людей по отношению к выполняемому труду, восприятием престижа профессий. Исследования по данным направлениям позволяют сделать выводы о состоянии современного общества, демонстрируют динамику ценностей и смену установок людей по отношению к выполняемому ими труду [10].

В 2015 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН был проведен опрос студентов, обучающихся в ВУЗах и средних профессиональных образовательных организациях Вологодской области (500 чел.). Выборка была сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся и разной успеваемости для исключения смещенности данных.

Большинство опрошенных студентов, будущих социологов, признались в том, что выбранная ими профессия соответствует их способностям и склонностям (так считают 72 % респондентов) и их призванию (41 %). При этом 46 % опрошенных намереваются по окончании обучения искать работу по специальности. Сомневающимся тоже много: 18 % выбрали ответ «нет и скорее нет», еще 36 % затруднились с конкретизацией ответа (табл. 1). Необходимо отметить, что в целом по опросу доля студентов, оценивающих свой профессиональный выбор как соответствующий призванию, выше (64 %). Также больше тех, кто собирается по окончании вуза работать по специальности — 64 %.

Отчасти такая ситуация связана с конъюнктурными особенностями рынка труда, в частности с отсутствием необходимого количества рабочих мест. Так, например, в банке вакансий организаций Вологодской области профессия «социолог» отсутствует. Контент-анализ объявлений на сайте «Работа в России» показал, что за период январь-март 2016 г. было размещено только 8 вакансий социолога, причем большинство из них в г. Москве.

Таблица 1. Мнение студентов о выбранной ими профессии социолога, в % от числа опрошенных студентов Череповецкого государственного университета, обучающихся по образовательной программе 39.03.01 «Социология»

Вариант ответа	Студенты-социологи (N = 22 чел.)	В целом по опросу
Вы выбрали будущую профессию потому, что она соответствует Вашим способностям и склонностям?		
Да и скорее да	72,7	73,6
Нет и скорее нет	13,6	18,7
Затрудняюсь ответить	13,6	7,7

Вариант ответа	Студенты-социологи (N = 22 чел.)	В целом по опросу
Соответствует ли выбранная Вами профессия Вашему призванию?		
Да и скорее да	40,9	63,9
Нет и скорее нет	9,1	19,7
Затрудняюсь ответить	50,0	16,4
Как Вы думаете, после завершения обучения Вы будете работать по полученной специальности?		
Да и скорее да	45,5	63,6
Нет и скорее нет	18,2	19,5
Затрудняюсь ответить	36,4	16,9
<i>Источник: данные пилотного опроса студентов (500 чел.) высших и средних профессиональных образовательных организаций Вологодской области (октябрь 2015 г.), направленного на определение уровня развития компетенций и влияния его на инновационную активность молодежи.</i>		

О распространенности профессии социолога в обществе говорят данные исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» [5]. Данные, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что наибольшая представленность лиц этой профессии наблюдается в крупных городах.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, среди Ваших родных или знакомых есть социологи или социологов нет?», в % от всех опрошенных

Вариант ответа	Население в целом	Тип населенного пункта				
		Москва	Мега- полис	Большой город	Малый город	Село
Доли групп	100	8	13	17	37	25
Я сам(а) социолог	0	0	0	1	1	0
Есть	7	12	14	8	6	4
Нет	57	72	70	59	54	50
Затрудняюсь ответить	22	0	0	5	1	2
<i>Источник: данные опроса ФОМ населения в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 26—27 апреля 2008 г.: 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.</i>						

Нужно сказать, что и в регионах страны сегодня наблюдается спрос на социологов-профессионалов. Не последнюю роль в этом спросе иг-

рает то, что в 2014 г. показатель «оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» включен в Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации*. Сегодня от решения проблем социологии во многом зависит качество взаимосвязи между государством и обществом на всех уровнях власти, понимание органами управления реальных проблем, беспокоящих население [2]. Можно надеяться, что сегодняшние студенты сделают в преддверии окончания вуза свой правильный профессиональный выбор и внесут свой вклад в дальнейшее развитие социологии в регионах.

Список литературы

1. *День социолога, или зачем нужны опросы?* [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115461>.
2. Морев М. В. Актуальность социологического знания на современном этапе развития российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4. С. 179—185.
3. Окольская Л. А. Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр // Вестник Института социологии. № 1. 2010. С. 297—327.
4. Осипов Г. В. Возрождение российской социологии (60—90-е годы XX века): страницы истории [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/042/784/1219/003.OSSIPOV.pdf>.
5. *Профессия: социолог* [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d081925>.
6. Сорокин П. А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 39.
7. *Социология: что за профессия и где можно работать?* [Электронный ресурс] URL: <http://fb.ru/article/162890/sotsiologiya-cto-za-professiya-i-gde-mojno-rabotat>.
8. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен социологической теории и практики // Социс. 1998. № 1. С. 21—35.
9. Шилова В. А. О природе коммуникативных процессов [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Buklet_final_2015_06_23_A5.pdf.
10. Юрченко О. В. О социологии профессий и профессиональных групп [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Buklet_final_2015_06_23_A5.pdf.

* Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70254132/#block_45.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-02-00482 «Социокультурные детерминанты модернизационного развития России: методы измерения и анализ причинных зависимостей».

Информация об авторе

Леонидова Галина Валентиновна, к. э. н., зав. лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, galinaleonidova@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТИВНОЙ МЕТОДИКИ «СКАЗКА» В ИССЛЕДОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ К РЕКЛАМЕ ПО ФИНАНСОВОЙ ТЕМАТИКЕ

А. В. Марченко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. На примере исследовательского проекта, проведенного кафедрой Маркетинга и рекламы РГГУ в ноябре 2015 г. для изучения отношения москвичей к рекламе по финансовой проблематике, рассматриваются возможности использования проективной методики «Сказка» как инструмента маркетинговых исследований. Многолетняя практика использования этой методики показывает, что она дает хороший материал для понимания глубинных процессов восприятия целевыми группами исследуемой темы и для креативной работы с результатами исследования.

Ключевые слова: проективные методики, «Сказка», социальная реклама, маркетинговые исследования, финансовая грамотность

Описание проективной методики «Сказка»

Участникам фокус-группы раздают по листу бумаги формата А4 и карандаш или ручку (при проведении рисуночных тестов карандаши применяются для того, чтобы зафиксировать силу нажатия, что при использовании данной методики не учитывается). Каждого участника просят, молча и не подглядывая к соседям, сочинить и записать короткую сказку про объект исследования. Обычно требуется конкретизация «сказочного» объекта: в нем должны найти отражение и самый крупный, и самый мелкий элементы, значимые для описания объекта исследования. Таким объектом часто бывает изучаемый регион, или город, или более мелкая территориальная единица, а также исследуемая организация или ее подразделение. В данном случае, объектом «сказок» был вымышленный населенный пункт с улицами «Финансовой безграмотности» и «Финансовой грамотности».

При этом в сказке должны фигурировать персонажи, значимые для проведения данного исследования. Например, если исследование посвящено какому-то бренду, то этот бренд должен быть включен в сюжет сказки, а если исследуется предвыборная ситуация, то она должна быть отражена в сюжете. В нашем случае, таким персонажем был кто-то, кто ищет путь к финансовой грамотности.

Участников просят также сделать рисунок, иллюстрирующий их сказку, и дать сказке название. Их просят соблюдать тишину и ничего друг с дру-

гом не обсуждать. Им дается 10—15 минут (в зависимости от сложности исследуемого объекта) и сообщается, что по окончании этого задания каждого из них попросят рассказать свою сказку.

Важно не давать излишних инструкций, чтобы минимизировать внешнее влияние на творческий процесс. Время выполнения задания можно немного увеличить, если многие участники не завершили работу.

После завершения работы (всеми или явным большинством) желающих просят первыми рассказать свои сказки. При этом модератор уточняет детали рисунка. Далее свои сказки рассказывают все участники. После этого модератор обсуждает наиболее информативные или непонятные сюжеты и эпизоды с их авторами, часто задавая вопрос «почему?». Остальные участники тоже могут высказываться. Если исследователь при проведении фокус-группы ощущает недостаток информативности сказок в смысле их сюжетного развития, он может попросить участников дополнить свои сказки «чудесным превращением», приводящим к наиболее желанному финалу. Потом модератор собирает листочки и переходит к другим вопросам, при обсуждении которых может проводить какие-то аналогии со сказками.

Интерпретация результатов, полученных с помощью данной проективной методики, как правило, осуществляется с участием других исследователей, имеющих психологическую или социологическую подготовку. Сказочная форма представления информации, лаконичность задания, направленного на описание объекта исследования, сочетание повествовательного и изобразительного описания в условиях лимитированного времени позволяют выявить самые сильные ассоциативные связи между образом исследуемого объекта и теми психологическими стереотипами, которые определяют отношение к нему респондентов. А сам жанр сказочного повествования провоцирует их на раскрытие динамики взаимодействия с объектом, что может дать ключ к разработке стратегических маркетинговых идей и предоставить интересные находки для разработки рекламных материалов.

Для более полной интерпретации результатов, полученных с помощью проективной методики «Сказка», исследователю полезно познакомиться с доступными ему материалами по интерпретации сказок и различных рисуночных тестов. Хотя содержание этих материалов главным образом служит целям психологической диагностики личности, знакомство с ними поможет исследователю почерпнуть что-то и для своих целей.

Минимальный уровень формализации данной методики открывает максимально широкие возможности для интерпретации ее результатов, в значительной степени, зависящей от интуиции и опыта исследователей, что таит в себе угрозу субъективного понимания. Вместе с тем, 20-лет-

няя практика использования этой методики (в компании «Никколо М») показывает, что именно эта методика дает хороший материал не только для понимания глубинных процессов восприятия целевыми группами исследуемой темы, но и обильный материал для креативной работы с результатами исследования. Кроме того, минимизировать риск ошибочных выводов помогает то, что данная методика — лишь небольшая часть целого исследования, дополняющая и углубляющая информацию, полученную другими методами.

Применение проективной методики «Сказка» в исследовании отношения москвичей к рекламе по финансовой тематике

В рамках исследовательского проекта, проведенного кафедрой Маркетинга и рекламы РГГУ в ноябре 2015 г., посвященного изучению отношения москвичей к рекламе по финансовой проблематике, наряду с количественными опросами и экспертными интервью было проведено 3 фокус-группы смешанного состава по полу и разделенные по возрасту: 1) 18—25 лет, 2) 26—45 лет, 3) 46—65 лет.

В начале фокус-группы, после вводной части, была использована разработанная автором, описанная выше, проективная методика «Сказка». Несколько желающих в каждой группе озвучили и кратко прокомментировали свои сказки и рисунки.

Использование на фокус-группах проективной методики «Сказка» позволило сделать следующие выводы.

1. Были выявлены **2 основных вида личной мотивации** в отношении к финансовым вопросам — **достижение цели и безопасность**. Из 28 участников фокус-групп каждый из этих видов мотивации проявили по 10 человек. При этом почти все 18—25-летние ориентируются на достижение цели, а ведущим мотивом большинства 46—65-летних является безопасность. Немногие остальные по отношению к финансовым вопросам продемонстрировали позицию отстраненных наблюдателей или какое-либо реагирование на случайное стечение обстоятельств.

2. Сказка большинства участников имеет счастливый конец (таковы сказки почти всех молодых респондентов), примерно треть участников описала неопределенный финал — туманную перспективу, и лишь у двоих сказки заканчиваются печально, — что свидетельствует о преобладании оптимистичного восприятия своих возможностей в решении финансовых вопросов, особенно свойственного молодым.

3. Тот факт, что злые силы описывались в сказках более абстрактно, чем добрые (которые чаще ассоциировались с узнаваемыми субъектами), может говорить об относительно слабой продуманности угроз, встречающихся при решении финансовых проблем.

4. При этом образы банков в сказках разных возрастных групп чаще оказывались отрицательными, что говорит о преобладании негативного имиджа банков в сознании респондентов. Этот вывод подтверждается относительно высокими показателями недоверия к банковской рекламе по кредитованию, выявленными в ходе количественных опросов (65 % опрошенных склонны не доверять такого рода уличной рекламе и 46 % — банковским буклетам по кредитованию).

5. При этом, ассоциации, связанные с рекламой как таковой, не выявили какой-то однозначной направленности, т. е. реклама в восприятии участников фокус-групп может играть как положительную, так и отрицательную роль в решении финансовых вопросов.

Сочетание данных выводов с результатами обсуждения на фокус-группах и в экспертных интервью, а также с выводами, сделанными по результатам количественных опросов, позволило выработать ряд рекомендаций по разработке социальной рекламы, направленной на повышение финансовой грамотности населения. Описание этих рекомендаций выходит за рамки тезисов, задача которых ограничивалась представлением возможностей использования проективной методики «Сказка» как инструмента маркетинговых исследований.

Информация об авторе

Марченко Алексей Владиславович, к. филос. н., доцент кафедры Маркетинга и рекламы РГГУ, Москва, Россия, marchenkoaw@ya.ru

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Е. И. Медведева

*Государственный социально-гуманитарный университет,
Коломна, Московская обл., Россия*

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования, проводимого в рамках совместного научно-исследовательского проекта ИСЭПН РАН и ГСГУ с 2010 г. Результаты мониторинга состояния здоровья детей и молодежи использовались и используются в региональном управлении администрациями городов Московской области. В ходе исследования изучается отношение различных когорт учащейся молодежи к вопросу здоровья и здорового образа жизни, а также выявляется взаимное влияние процесса обучения на здоровье.

Ключевые слова: молодежь, здоровье, мониторинг, лонгитюдное исследование

Исследования российских ученых [1, 2] показывают, что в настоящее время наблюдается снижение потенциала здоровья детей. Общество все глубже втягивается в социальную «воронку» нездоровья. Чтобы преодолеть данную тенденцию, необходима смена не одного поколения. В противном случае этот процесс может стать необратимым. Именно поэтому необходимо проводить мониторинги и исследования состояния здоровья подрастающего поколения [2, 3].

Исследование в рамках совместного научно-исследовательского проекта ИСЭПН РАН и ГСГУ, проводимое с 2010 г., позволяет получать новые данные и проводить мониторинг состояния здоровья детей и молодежи. Цель исследования состоит в изучении отношения различных когорт учащейся молодежи (школьников и студентов) к вопросу здоровья и здорового образа жизни, а также выявление взаимного влияния процесса обучения на здоровье. Анкетирование проводилось ежегодно с 2010 г., опрашивалось от 800 до 1200 человек. Возраст респондентов от 15 до 23 лет. Гендерная структура опрошенных была практически пропорциональной в каждом г. Наряду с возрастом соблюдалась пропорция относительно всего населения юго-востока Московской области по количеству населения в городе (по полу и возрасту), что позволяло обеспечить необходимую репрезентативность. В каждом случае квоты рассчитывались на основе данных Росстата РФ по 7 городам юго-востока МО: Коломна, Луховицы, Егорьевск, Зарайск, Воскресенск, Озеры, Серебряные пруды.

Все результаты исследования можно разделить на следующие блоки:

1. *Самооценка здоровья.* Практически треть всех опрошенных за рассматриваемый период считают, что здоровье — это «всегда хорошее настроение и самочувствие». В 2010 и 2012 гг. четверть была уверена, что это «отсутствие хронических заболеваний» (24%). Больше всего такой же ответ выбрали респонденты в 2014 г. — 62%, а в меньшей степени указали на «здоровый образ жизни» (13%). Результаты самооценки здоровья школьников: в среднем за три рассматриваемых периода 37,6% школьников оценили свое здоровье, как «нормальное», 45,6% — как «хорошее». В 2014 г. на «отлично» оценили свое здоровье всего 11% школьников, это на 4% и 3% меньше, чем в предыдущие периоды соответственно. Есть негативная тенденция в 2014 г. и с «плохой» оценкой собственного здоровья — 5%, в 2012 г. — 3%, в 2010 г. — 4%.

2. *Выявление различных факторов влияющих на здоровье — положительных и отрицательных.* К отрицательным факторам относится наличие вредных привычек. Около 60% учащихся считают возможным умеренное употребление спиртных напитков во время праздников, 8% — вообще не считают алкогольными напитками пиво, энергетические напитки и считают допустимым их употребление каждодневно, без всякого повода. Только 33% ответили, что это недопустимо и сами их не употребляют. В 2014 г. подобный ответ дали 39%, т. е. имеется положительная тенденция. Относительно курения видна аналогичная тенденция: в 2014 г. 83% считали это недопустимой вредной привычкой и сами не курили. В 2012 г. таких было 75%, а в 2010 г. — 79%. Считают курение вредной привычкой, но при этом сами курят — 16%. Почти 1,5% — вообще не считают курение вредной привычкой и курят. Ситуация с употреблением наркотиков следующая: в 2010 и 2012 гг. около 3% опрошенных учащихся пробовали наркотики (1 или несколько раз). Большинство 97% понимают недопустимость употребления наркотиков, большинство респондентов придерживаются такого мнения во все рассматриваемые периоды. Интересно отметить, что около 70% отмечают фактор «нездоровый образ жизни (вредные привычки)». Чаще остальных указывали фактор «нездоровый образ жизни» — около 37%. Следует отметить, что четверть опрошенных указали на фактор «условия обучения» как негативно влияющий на их здоровье.

3. *Мониторинг заболеваний.* За время обучения в школе только 40% не приобрели никаких заболеваний. У трети школьников — сколиоз; у четверти — миопия; пятая часть страдает нервно-психическими заболеваниями (головные боли, утомляемость, раздражительность). Третья часть опрошенных (31,3%) пропускают занятия, почти столько же (34,3%) указали на то, что им тяжело усвоить весь материал, пятой части труд-

но заниматься более 4 часов в день. Чаще всего учащиеся страдают от следующих недугов: ОРЗ и ОРВИ (55,6 %), насморк (43 %) и грипп (28,6 %). Следует отметить «всплеск» гриппа в 2014 г., несмотря на то, что с точки зрения эпидемиологической составляющей 2010 и 2012 гг. официально были сложнее, чем 2014 г. Реже указывали ангину, бронхит и расстройство кишечника.

4. *Отношение учащихся к здоровому образу жизни.* Абсолютное большинство опрошенных связывают его с отсутствием вредных привычек: не употребляют наркотики, не курят, не употребляют алкоголь — указали практически каждый второй. Также многие ассоциируют его с активным отдыхом на природе — на это указали почти 60 %, занятие спортом — около 50 % и ходят в тренажерный зал (фитнес-клуб) — почти каждый пятый. При этом лишь каждый десятый школьник делает утреннюю гимнастику. В 2014 г. таких стало больше — 17 %. Постоянно занимаются спортом 23 %, причем в 2014 г. таких стало меньше (16 %). В 2014 г. почти половина опрошенных указала, что совсем не занимается спортом, что практически на 20 % больше, чем в предыдущие периоды. 56 % пытаются соблюдать правильный режим дня, 17 % делают это постоянно (в 2014 г. — 27 %), а 27 % его не придерживаются вообще (в 2014 г. — 17 %).

5. *Утомляемость.* Практически треть школьников почти всегда сильно устают (в 2014 г. — 26 %). Больше половины опрошенных устают очень сильно (в 2014 г. — 45 %). Почти никогда не устают 8 % (2010 г.), 11 % (2012 г.) школьников. В 2014 г. таких стало почти в 3 раза больше — 29 %. Выходные дни используют для активного отдыха в среднем 76 % учащихся. Причем больше половины (в 2014 г.) делают это регулярно (в предыдущие годы — только треть), а 42 % — иногда.

6. *Рациональность питания.* Свое питание не считают рациональным практически каждый пятый, причем в 2014 г. — лишь 9 % опрошенных. Отчасти рациональным согласны признать его 45 %, в 2014 г. — каждый пятый 22 %; полностью рациональным — каждый пятый в 2010 и 2012 гг., и в 3 раза больше (65 %) — в 2014 г.

В целом по исследованию можно сделать вывод, что ситуация по здоровью, здоровому образу жизни улучшилась: дети стали меньше болеть, лучше относиться к своему здоровью, в большей степени соблюдать режим дня и чаще отдыхать, в положительную сторону изменилось отношение к занятиям физической культурой, но в то же время в меньшей степени стали заниматься спортом (причина — отсутствие времени ввиду чрезмерной перегруженности домашними заданиями). Есть положительная динамика и относительно вредных привычек: большее число опрошенных стали отрицательно относиться к курению, употреблению алкоголя и наркотиков.

Список литературы

1. *Шабунова А. А.* Глава 1. Сущность и тенденции депопуляции в России: мнения, суждения, дискуссии; Глава 3. Здоровье детей — ключевое звено демографического развития // Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы / В. А. Ильин, А. А. Шабунова, А. А. Колинько, К. А. Гулин, М. А. Копейкина, Е. Л. Вологодина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005.
2. *Медведева Е. И.* Обучение и здоровье молодежи. Здоровье населения: проблемы и пути решения : материалы 2 Международного научно-практического семинара. Минск, 19—21 мая 2011 г. / ред. кол. Н. М. Римашевская, НАН Беларуси ; Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск : Право и экономика, 2011. С. 281—292.
3. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Отношение молодежи к информационно-коммуникационным технологиям, своему здоровью и здоровому образу жизни (по результатам опроса студентов г. Люблина и г. Коломна) // Народонаселение. М. : ИСЭПН РАН. 2012. № 4(58) (октябрь—декабрь). С. 108—117.

Информация об авторе

Медведева Елена Ильинична, д. э. н., профессор кафедры Экономики и менеджмента Государственного социально-гуманитарного университета, Коломна, Московская обл., Россия, E_Lenam@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ

А. А. Мехова

Череповецкий государственный университет, Череповец, Вологодская обл., Россия

Аннотация. Прикладные социологические исследования стали весьма популярны во всех сферах нашей жизни. Потребность в актуальной социальной информации и прогнозах, необходимость получения обратной связи по своим решениям и проектам заставляет обращаться к социологии и бизнесмена, и управленца, и политика. По нынешним временам, презентовать любой проект без опоры на результаты опросов просто не комильфо. И надо радоваться такой популярности социологии, однако всякое явление имеет оборотную сторону: мода на исследования, подчас, подменяет подлинную в них заинтересованность. Исследование проводится ради исследования. Заказчик не получил того, чего ждал, не знает, как распорядиться полученным материалом. Исследователь не видит оценки и применения результатов исследования. Как сделать так, чтобы оба были довольны? Как сделать, чтобы результаты исследования не лежали на полке, а стали реальным фактором социальных изменений? Некоторых проблем практического и научного значения прикладных социологических исследований, их организации, возможных путей их разрешения я бы и хотела коснуться в своих тезисах, основанных на многолетнем опыте проведения прикладных исследований и социологического сопровождения различных проектов.

Ключевые слова: прикладные исследования, проекты, социологическое сопровождение

Кафедра социологии и социальных технологий ЧГУ 15 лет проводит социологическое сопровождение проектов различной направленности: социальной, политической, исследования по заказу бизнеса и др. Нам повезло, мы сотрудничаем с организациями, разбирающимися, понимающими значение и глубоко заинтересованными в социологических исследованиях. Это определяет высокую планку требований к нашей работе. Что мы вкладываем в термин «сопровождение»? В первую очередь, глубокое понимание целей и задач, проблем проекта, осмысление места и возможностей социологических исследований в его реализации, тщательную проработку программы, валидных методов, индикаторных моделей. Исследование служит проекту, а не проект служит площадкой для исследования. Это важно. Тем не менее, главная роль при формировании абриса исследования принадлежит социологу. Алгоритм под-

готовительного этапа имеет своего рода поступательно-возвратный характер: сначала мы подробно расспрашиваем и слушаем заказчика, выявляем его представления о проблемах, ожиданиях от исследования. Затем переводим полученную информацию на социологический научный язык, формируем предложения по программе исследования. Обсуждаем с заказчиком, вновь переводя теперь уже научные понятия на понятный ему язык, подробно объясняя, что стоит за каждым термином, что из его ожиданий и в какой форме будет в отчете. Заказчик должен представлять возможности и ограничения исследования еще до заключения договора. Очевидно, что язык отчета должен сочетать в себе научность выводов и понятность, простоту их изложения.

Принципами клиентоориентированности, общего с заказчиком научного, но понятного языка, отслеживания динамики изменений мы и руководствуемся в наших исследованиях. Несколько примеров-иллюстраций. Сотрудничество с ПАО «ОМЗ» началось в 2011 г., когда мы предложили апробировать в компании разработанную нами модель исследования организационного климата и социальных настроений на предприятии. В ходе переговоров модель была адаптирована и доработана. В исследовании приняли участие 12 предприятий ОМЗ в различных регионах страны — от Санкт-Петербурга до Ижевска. Отчет по первому исследованию и наши рекомендации мы презентовали в головном офисе компании в Москве, результаты были обсуждены на каждом предприятии. Был сформирован план мероприятий по совершенствованию оргклимата. Через год возникла потребность отследить произошедшие изменения. В итоге, вот уже пять лет мы проводим социологический мониторинг на предприятиях ОМЗ, результаты обсуждаются ежегодно на собрании акционеров. В инструментарии есть постоянная (мониторинговая) и вариативная (для конкретизации или расширения проблемного поля) части. Немного другая специфика у социологического сопровождения проектов «ФосАгро-класс» и «Дети России образованны и здоровы» (ДРОЗД), которые в рамках социальной ответственности финансируются ФОСАГРО. Начиналось все просто: координатор проекта в Череповце обратилась к нам на кафедру и попросила в рамках студенческой практики на предприятии провести анкетирование участников проекта «ФосАгро-класс», чтобы получить обратную связь на уровне «знают/не знают»; «нравится/не нравится». Это был студенческий безвозмездный проект. Проба профессионального пера. После проработки индикаторной модели в студенческом научном кружке и обсуждения предложений с заказчиком, в инструмент были включены аспекты влияния проекта на репутацию предприятия, предложены гипотезы некоторых взаимосвязей, четко выделены целевые аудитории и их специфика. Исследование приобрело

глубину. Через два года заказчик предложил включить в исследование и программу «Дети России образованны и здоровы», уже на хоздоговорной основе. Социологическое сопровождение проектов «ФосАгро-класс» и ДРОЗД в 2015 г. осуществлялось в пяти городах присутствия ФОСАГРО — Кировск, Апатиты, Балаково, Волхов и Череповец.

Наиболее комплексный и систематизированный характер имел наш опыт сотрудничества с проектом «Здоровый город» мэрии г. Череповца. Каждое направление проекта, каждый новый этап имел свою специфику. В рамках социологического сопровождения «Здорового города» мы были участниками крупных международных исследований (например, международный проект «Мы выбираем жизнь — молодежь против ВИЧ/СПИДа», декабрь 2008 г.), проводили исследования по своим методикам («Оценка влияния факторов риска на здоровье населения Череповца»; «Рекреационные зоны Череповца в общественном мнении горожан»; «Дети и компьютер» и др.). Социологи-исследователи входили в рабочую группу проекта, мы были участниками разработки планов и отчетов проекта, научно-практических конференций и семинаров. Результатом этой работы стала серия изданий «Профиль здоровья города Череповца» [1]. Профиль здоровья — это своеобразный публичный отчет, основанный на результатах исследования. Это важно, ведь для ученого жизнь исследования продолжается в научных публикациях. Но, зачастую, результаты хоздоговорных исследований всецело принадлежат заказчику и не могут быть опубликованы автором. Это снижает мотивацию к глубокой теоретической проработке результатов.

На мой взгляд, одна из острых проблем современной социологии — очевидное дистанцирование теории и практики, точнее, прагматики. Отчеты по некоторым прикладным исследованиям выглядят как одна большая матрица количественных данных, таблица распределений ответов. Может, не напрямую, но это связано с тем, что среди современных социологов стало слишком много полстеров. В понимании этого термина я следую нашим социологическим авторитетам. В. Ядов назвал полстеров «четвертым сегментом». Под первым он полагал макротеории, под вторым — теории среднего уровня, третьим считал — специальные проблемы, «четвертый сегмент, который в массе нашего населения полагается главным, олицетворением социологии — это те, кто опрашивает, звонит по телефону и спрашивает...» [2]. Мне бы не хотелось, чтобы социология в массе нашего населения была представлена полстерами. Как говорит Б. Докторов, «полстер может быть социологом, и социолог может быть полстером, но полстер и социолог — это разные профессии ... Для полстера главная цель — технологии, а для социолога мнения людей — это информация, необходимая ему при изучении общества, развития

социальных процессов... » [2]. Любое исследование — это систематизация данных, поиск связей и причин, их объяснение. Социологические данные могут стать действительно научными только после теоретического осмысления и интерпретации социолога-профессионала. В конечном счете, залогом научной и практической значимости прикладного исследования, продления его жизни является профессионализм социолога-исследователя.

Список литературы

1. *Профиль* здоровья города Череповца. Выпуск 4 : Научно-популярный обзор. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2010.
2. *Профиль* здоровья детства г. Череповца : Научно-популярный обзор. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2012.
3. Ядов В. Современное состояние мировой социологии. Публичная лекция [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/10/26/sociolog/> (29.02.2016).
4. Докторов Б. *Соломенные* выборы в Эймсе [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/special/kto-stanet-prezidentom-ssha/10186/> (28.02.2016).

Информация об авторе

Мехова Альбина Анатольевна, к. филос. н., заведующий кафедрой социологии и социальных технологий ЧГУ, Череповец, Вологодская обл., Россия, albina_mehova@mail.ru

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

М. В. Морев

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Многолетний опыт региональных социологических исследований, проводимых ИСЭРТ РАН, показывает, что система обратной связи между обществом и государством, формой которой является мониторинг общественного мнения, дает широкий срез информации о социальном самочувствии и экономическом положении, политических настроениях населения, позволяет более адекватно оценивать эффективность государственной экономической и социальной политики, полнее учитывать права и интересы различных групп населения при разработке и реализации социально-значимых управленческих решений.

Ключевые слова: общественное мнение, мониторинг, государственное управление

Вектор развития современного общества диктует необходимость больше обращать внимание на мнение населения при осуществлении государственного управления.

По мере активизации глобализационных процессов и усиления зависимости России от состояния дел на мировой арене возрастает роль социологической науки как инструмента прогнозирования социально-экономических изменений и их отражения на широких слоях населения. Как отмечает Г. В. Осипов, «наступивший век по прогнозам и выводам футурологии должен стать веком торжества научного мировоззрения... XXI веку во всемирном научном сообществе пророчат определяющий титул «века социальных наук» [1]. При этом, как отмечает главный редактор журнала «Социологические исследования» Ж. Т. Тощенко, современную социологию интересуют «состояние и проблемы общественного и группового сознания, готовность действия (или деятельности) по реализации того, что созрело в душах и сердцах людей» [2].

Роль нематериальных факторов приобретает все большее и большее значение во всем мире. Уровень и качество жизни — это проблемы, которые существуют в России с незапамятных времен. Однако этнокультурные факторы, идеология, информационная политика — это факторы последних лет. Выступления Президента в Мюнхене в 2007 г.,

его валдайская речь 2013 г., на которой впервые прозвучала идея «русского мира» и «духовных скреп» общества, последствия «крымской весны», гибридная (а по сути — информационная) война — все это веяния нового времени, и все это обращено в первую очередь кобщественному сознанию.

Законодательное закрепление того, что оценка населения становится одним из ключевых критериев эффективности деятельности органов власти на региональном уровне, подтверждает, что социология сегодня приобретает совершенно уникальное значение — как главного связующего звена между государством и обществом.

Институт социально-экономического развития территорий РАН является одной из тех научных организаций, которые имеют практический опыт социологических измерений общественного мнения на региональном уровне, причем именно в мониторинговом режиме, важность которого подчеркивала Т. И. Заславская. У истоков мониторинга стоят ведущие российские ученые (Г. В. Осипов, Д. С. Львов, Н. М. Римашевская и др.).

Социологические исследования ИСЭРТ РАН не ограничиваются проблематикой политических и социально-экономических отношений, но также раскрывают проблематику здоровья населения, территориальных особенностей условий жизни, возможностей и механизмов реализации трудового потенциала, перспектив развития гражданского общества, психологического самочувствия населения и многие другие.

Первые измерения общественного мнения были проведены ИСЭРТ РАН в 1993 г. на территории городов Вологды и Череповца, а также трех муниципальных районов области (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского). С 1995 г. каждые два месяца проводится опрос 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Общий объем выборки в год составляет, таким образом, 9 тыс. человек.

В качестве основного метода мониторинга мы выбрали метод анкетирования по месту жительства, позволяющий получать достоверные результаты исследования, прежде всего, за счет создания удобных условий для анкетеров и респондентов, осуществляющих непосредственное взаимодействие. Немаловажным фактором при выборе метода стал значительный объем выборочной совокупности исследования (в год опрашивается около 9 тысяч жителей региона), частота проведения

опросов (6 раз в год), а также широкий спектр тематических блоков (анкета включает в себя более 100 вопросов, объединенных более чем в 10 тем*).

Важно подчеркнуть, что срез социологической информации, получаемый в результате исследования, анализируется в разрезе 14 социально-демографических категорий населения.

По решению Бюро секции экономики ООН РАН, начиная с 2005 г. ИСЭРТ РАН распространяет накопленный опыт социологических исследований на территорию Северо-Западного федерального округа. В ходе мониторинга опрашивается более 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областях, Республике Карелии, Республике Коми, г. Санкт-Петербурге). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов.

В своих исследованиях мы используем десятки показателей, отражающих тенденции общественного мнения, социальное восприятие и социальное самочувствие. Ключевыми индикаторами являются:

- оценка деятельности органов власти (особое внимание уделяется оценке деятельности Президента);
- индекс потребительских настроений (в расчет индекса заложены вопросы о будущем — своем личном, страны и региона. Именно этот «психологический» аспект делает ИПН уникальным показателем, который востребован во всем мире. Его ценность во многом состоит в прогностических возможностях);
- социальное настроение (показатель, о котором Ж. Т. Тощенко сказал, что это «ключевой элемент общественного сознания, объективно выступающий определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности, степени устойчивости...» [3]).

Одной из форм представления данных исследований является *Информационно-аналитический бюллетень «Эффективность государственного управления в оценках населения»*, который ИСЭРТ РАН выпускает с 2013 г. после каждой новой волны опроса. Основная часть бюллетеня состоит из таблиц и графиков с динамикой данных. Однако начинается он с развернутой аналитической статьи, в которой мы подробно рассматриваем тенденции общественного мнения в соответствии с тем, что произо-

* При проведении каждой новой «волны» опроса, структура анкеты несколько меняется за счет того, что мы стараемся держать руку «на пульсе» событий, происходящих в жизни страны и региона. Поэтому точные цифры о количестве вопросов и тем привести достаточно сложно.

шло за эти два месяца. Мы рассылаем этот бюллетень по библиотекам, в Общественную Палату РФ, в Правительство области, академикам РАН, в Государственную Думу и т. д. И примерно каждые полгода проводим мини-опрос получателей — нужны ли им эти материалы, как они их используют, что мы могли бы изменить для повышения качества.

Кроме того, раз в год выпускается бюллетень по районам Вологодской области, в котором отражены тенденции общественного мнения по ключевым вопросам в разрезе муниципальных образований.

Сегодня многолетний опыт проведения мониторинга позволяет оценить стабильность политической и экономической ситуации в стране, уровень поддержки населением действующих органов власти и их решений, понять характер настроений, существующих в обществе. Эта информация востребована в органах власти (о чем свидетельствует наше тесное взаимодействие на протяжении многих лет); результаты исследований ИСЭРТ РАН регулярно становятся предметом обсуждения на заседаниях Общественной Палаты Вологодской области (мы регулярно подготавливаем раздаточные материалы для работы Гражданского Форума и других мероприятий Общественной Палаты). В ноябре 2014 г. ИСЭРТ РАН стал организатором общероссийской конференции «Общество и социология в современной России», которая была посвящена юбилейной, 20-й годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, в которой участвовали Г. В. Осипов, М. К. Горшков, Ж. Т. Тощенко, В. В. Федоров, В. В. Локосов и многие другие.

Пожалуй, главная цель нашей работы — это максимальное сближение социологического знания и деятельности органов управления. Мы хотим, чтобы социологическое знание участвовало на всех этапах разработки и принятия управленческих решений. Как отметил в одном из своих выступлений директор Института социологии РАН М. К. Горшков, «мы привыкли к такой довольно мягкой формуле «социологическое сопровождение»... но я думаю, что этого недостаточно, надо более глубоко и серьезно смотреть на пути этого взаимодействия. Речь идет не о сопровождении, а о реальном, содержательном включении. И не тогда, когда надо разбираться с ошибками управленческих решений, а желательно на более ранних стадиях, когда это решение только вызревает... Речь идет о «социологическом соучастии», по крайней мере, мы на этом термине в последнее время настаиваем, и я думаю, что в дальнейшем его надо будет даже усилить» [4].

Список литературы

1. Осипов Г. В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 г. М. : ИСПИ РАН, 2013.

2. *Тощенко Ж. Т.* Время Акме — социологическим исследованиям 40 лет // Социологические исследования. 2014. № 7(363). С. 3—7.
3. *Тощенко Ж. Т.* Социальное настроение — феномен социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21—34.
4. *Горшков М. К.* Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика / М. К. Горшков: публичная лекция (г. Вологда, 20 июня 2014 г.).

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-22-01013 «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси».

Информация об авторе

Морев Михаил Владимирович, к. э. н., заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, 379post@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА СЕВЕРЕ

А. Б. Неустроева

*Центр социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия);
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

Аннотация. Представлены результаты социологического исследования, проведенного с целью изучения социальных рисков семей с детьми-инвалидами, проживающих в Республике Саха (Якутия). Основным методом сбора социологической информации были интервью родителей и опекунов детей с инвалидностью по формализованной анкете, включавшей 5 блоков вопросов: проблемы семей, доступность внешней среды, отношение к мерам социальной поддержки, образование, занятость, уровень жизни.

Ключевые слова: дети, инвалиды, социальные риски, северные регионы

Функционирование семей с детьми-инвалидами всегда значительно затруднено и обусловлено болезнью ребенка. Наряду с типичными функциями, семьи с детьми-инвалидами выполняют ряд таких дополнительных функций, как восстановление и включение ребенка в социальную среду; исправление, ослабление или сглаживание недостатков развития ребенка; приспособление к негативным условиям жизнедеятельности [1]. Основным социальным риском семей с детьми-инвалидами заключается в первую очередь в риске бедности, снижении уровня и качества жизни семьи из-за необходимости постоянного ухода за ребенком одним из родителей. Другим важным социальным риском инвалидности выступает риск социальной эксклюзии, когда семья с ребенком-инвалидом из-за недостатка средств, снижения возможностей, ограничения доступа к медицинской и социальной помощи, оказывается в социальной изоляции [2]. Особенно остро проблема медицинской, образовательной, социальной и физической изоляции стоит перед инвалидами, проживающими в северных и арктических регионах России.

В Республике Саха (Якутия) факторами повышенного риска возникновения детской инвалидности являются климатические условия, удаленность проживания от центра, плохо развитая дорожная инфраструктура, неблагоустроенность и непригодность большинства сельских территорий, снижение численности врачей и среднего медицинского персонала, сокращение больничных и амбулаторно-поликлинических учреждений, недоступность медицинской, образовательной, социальной

и психологической помощи. В 2014 г. в Республике Саха (Якутия) количество детей-инвалидов составило 6227 человек или 241,1 ребенок с инвалидностью на 10000 детей [3]. Основными заболеваниями, обусловившими возникновение инвалидности у детей, являются, во-первых, болезни нервной системы (28,2%); во-вторых, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (24,9%); в-третьих, психические расстройства и расстройства поведения (16,1%) [3].

С целью изучения социальных рисков семей с детьми-инвалидами, проживающих в Республике Саха (Якутия), было проведено социологическое исследование, в котором участвовало 300 семей из 9 районов и городов Якутии (г. Якутск, Абыйский, Вилуйский, Мирнинский, Нерюнгринский, Сунтарский, Усть-Алданский, Усть-Янский, Хангаласский). Основным методом сбора социологической информации стало интервью родителей и опекунов детей с инвалидностью по формализованной анкете, которая включала 5 блоков вопросов: проблемы семей, доступность внешней среды, отношение к мерам социальной поддержки, образование, занятость, уровень жизни. Сбор информации проводился в местах скопления респондентов: реабилитационных центрах, больницах, поликлиниках, санаториях.

Основной уход за ребенком-инвалидом осуществляют родители, при этом основная нагрузка ложилась на плечи матерей, отцы брали на себя функцию обеспечения семьи. Часть обязанностей по уходу за ребенком брали на себя близкие родственники, так 10,3% семей с детьми-инвалидами указали, что им большую помощь оказывают бабушки и дедушки, в 3,7% семей в основном уходе участвовали старшие дети, братья и сестры, тети и дяди.

Большинство родителей детей-инвалидов, проживающих в Республике Саха (Якутия), отметили, что одной из основных проблем для них является проблема невозможности реализации индивидуальных программ реабилитации своего ребенка-инвалида из-за нехватки реабилитационных учреждений, инновационных технологий и методик ведения реабилитационного процесса, а также квалифицированных специалистов в месте их постоянного проживания. Опрос показал, что 57,7% детей нуждались в постоянной комплексной реабилитации, только 13% детей не нуждались в постоянной реабилитации, 29,4% родителей затруднились ответить на вопрос. Для того чтобы получить комплексную реабилитацию, семьям приходилось один раз в год приезжать в районный центр, г. Якутск или другие регионы России, что часто требовало больших финансовых затрат.

Одно из основных направлений социальной политики в области социальной поддержки инвалидов связано с созданием доступной среды, т. е. среды, оборудованной с учетом особых потребностей, возникающих у инвалидов и других маломобильных групп населения [4]. Анализ реальной доступности зданий и сооружений для семей с детьми-инвалидами

в Республике Саха (Якутия) показал, что наиболее доступными были образовательные учреждения, магазины, торговые центры, больницы, аптеки. Условно-доступными для семей были объекты и здания органов местной и государственной власти, помещения ЖКХ, учреждения культуры, здания органов социальной защиты, спортивные сооружения. Наиболее тяжелая ситуация с доступностью для граждан с инвалидностью в республике сложилась в транспортной инфраструктуре. Менее всего для семей с нетипичными детьми были доступны пешеходные тротуары и переходы через дороги, объекты транспорта, транспорт общего пользования и места и зоны отдыха.

Большинство сел в Республике Саха (Якутия) характеризуются низкой коммунально-бытовой обустроенностью. Полностью оборудованными жилыми помещениями для доступа к ним граждан с инвалидностью являлись только специализированные учреждения сферы социального обслуживания, а отдельные частные дома и квартиры, в которых проживали инвалиды, фактически не были обустроены. Из 300 опрошенных семей с детьми-инвалидами 106 (35,3%) семей проживали в неблагоустроенных частных домах. Анализ отдельно по всем видам жилищно-коммунальных удобств выявил, что по всем удобствам коэффициенты оборудованности домов, в которых проживали семьи с детьми-инвалидами, были отрицательными. Среди перечисленных удобств чаще всего дома или квартиры семей с детьми-инвалидами имели перила и приспособленный санузел. Только 20,6% респондентов отметили наличие в доме, где они проживают, пандуса в подъезде, внутри здания. Пандусы с поручнями при входе имели 25,4% жилых помещений. Наиболее показательным является оборудованность домов и квартир семей с детьми-инвалидами приспособленным благоустроенным санитарным узлом внутри помещения. Только в Якутске 85,1% жилых домов и квартир семей с детьми-инвалидами имели благоустроенный и приспособленный санузел в теплом помещении. В районах республики обустроенность частных и многоквартирных домов инвалидов благоустроенными туалетами и ванными комнатами не достигала даже 10%.

Как правило, детям с инвалидностью независимо от возраста требуется постоянное внимание и забота, лечение и медицинский уход, что сильно влияет на трудовую активность родителей. Интервью с родителями показало, что более 70,8% родителей и опекунов детей-инвалидов были вынуждены уйти с работы, либо сменили профессию, форму занятости или режим своей работы. Больше половины опрошенных родителей детей-инвалидов были вынуждены выйти из сферы занятости.

Процесс обучения детей-инвалидов имеет свои специфические особенности, дети-инвалиды требуют к себе особого внимания, применения

специальных методов обучения, привлечения грамотных специалистов и технического оборудования помещений. Зачастую дети-инвалиды выпадают из системы дошкольного и школьного образования, интервью показало, что 60,5 % детей-инвалидов ходили в детский сад, 43,4 % — в обычную школу, 23,2 % — в специальное (коррекционное) учреждение, 17,7 % — не посещали общеобразовательные учреждения, 10,2 % — обучались на дому с прикреплением к конкретному общеобразовательному учреждению, 4,9 % — посещали школу с углубленным изучением отдельных предметов. В основном родители были удовлетворены тем, как протекает процесс обучения их детей (66 %). Чаще всего родители указывали на такие проблемы в сфере образования, как: отсутствие индивидуальных планов, занятий, отсутствие дифференцированного подхода к ученикам с ограниченными возможностями; неудобное расписание уроков (зачастую приходится учиться после обеда, что тяжело для детей-инвалидов); некачественное обучение на дому, которое не позволяет успешно сдавать экзамены; нет специальных групп по физической подготовке, отсутствие ЛФК; неудобное расположение школы, нет доступа в дошкольные учреждения; ощущение психологического дискомфорта, плохое отношение со стороны учителей и учащихся.

Список литературы

1. Бубеева Б. Н. Семьи с детьми-инвалидами как объект социальной политики (на примере Республики Бурятия) : автореф. дисс. ... к. социол. н. : 22.00.04 / Бубеева Б. Н. Улан-Удэ, 2011. С. 25.
2. Мохов Д. Б. Социальная эксклюзия пенсионеров как объект социального управления: по материалам г. Новосибирска : автореф. дисс. ... к. социол. н. : 22.00.08 / Мохов Д. Б. Новосибирск, 2006. С. 25.
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <http://sakha.gks.ru> (дата обращения: 23.03.2016).
4. Неустроева А. Б. Доступность социальной и транспортной инфраструктур для маломобильных групп населения в Республике Саха (Якутия) // Стратегии развития социально-экономической сферы Республики Саха (Якутия) : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. С. 75—97.

Информация об авторе

Неустроева Аиза Борисовна, к. с. н., ведущий научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия), доцент кафедры североведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, aizok@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ МОСКОВСКОГО ИППОДРОМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАЕЗДНИКОВ

А. С. Ноженко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. В последние годы не раз поднимался вопрос о сносе Центрального Московского ипподрома, построенного в 1834 г., до сих пор считающегося самым большим рысистым ипподромом в Европе. Однако, в случае его сноса, можно потерять не только часть культуры и истории России, но и целую социально-профессиональную группу — наездников. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с существованием ЦМИ.

Ключевые слова: московский ипподром, наездники, социально-профессиональная группа, памятник культурного наследия

В Москве находится три тысячи памятников архитектурного, исторического и мемориального значения. Большая их часть расположена в центре. В последнее время в Москве учащаются случаи сноса и разрушения памятников и объектов культурного наследия без каких-либо аргументированных оснований и весомых причин: разрушено, запущено, доведено до аварийного состояния, «реконструировано», попросту — снесено, по разным оценкам, до 400 архитектурных памятников [4]. С таким положением вещей горожане обычно мириться не собираются, т. к. в памятниках они видят особые ценности и традиции, историю поколений — то бесценное, что нельзя терять. Дабы избежать таких катастроф москвичи пишут письма президенту с просьбой остановить произвол. Например, в 2011 г. Д. А. Медведеву было направлено обращение об уничтожении исторического облика Москвы [4].

Интересен также другой момент. Отношение к памятникам зависит от людей, находящихся у власти. Если их не устраивает то, что культурные объекты несут народу (какую-то определенную идеологию, ценности, нравы, традиции и т. д.), то их подвергают сносу. В газете «Комсомольская правда» в январе 2015 г. была статья о том, что ненависть нынешней власти к советскому прошлому уже никого не удивляет, однако, чем яростней политики сражаются с памятниками, тем больше они похожи на тех же ненавидимых ими советских вождей. Всего через несколько месяцев после прихода к власти большевики издали декрет о памятниках республики, в котором подлежали немедленному сносу «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг» [3].

В реестре Департамента культурного наследия города Москвы [1] представлено достаточно много памятников культурной значимости, но есть один, который, обладая богатой историей и находясь прямо в центре столицы, постоянно подвергается критике и возможному сносу, — это Центральный Московский ипподром (ЦМИ). Площадь его составляет порядка 40 гектаров внутри оживленного мегаполиса. Представить сложно, что рядом с третьим транспортным кольцом среди каменных джунглей расположился зеленый оазис со своей жизнью, правилами и привычками. Здесь, со времен его постройки в 1834 г. и по сей день, наездники испытывают рысаков призовых пород. Здесь круглогодично разыгрывают важнейшие призы и устраивают различные мероприятия, на которые съезжаются люди со всего мира. Здесь течет жизнь. Проходя мимо центрального здания и заглядывая на беговые дорожки, где работают наездники на лошадях, прохожие восторгаются и восхищаются. И переполненные необычными чувствами радости уходят.

Однако, в связи со сложной ситуацией на ипподроме в недавнем прошлом — процесс приватизации, временное закрытие тотализатора в 2008 г., отсутствие финансирования и фактически лошадей, — ему грозила смерть, и он медленно вымирал. Вопрос о его сносе поднимали не один раз. Ипподром нерентабелен — территорию он занимает огромную, а дохода не приносит. Государству проще все снести и застроить прибыльными бизнес-центрами или жилыми помещениями. Однако не стоит забывать о статусе культурно-исторической принадлежности ЦМИ. В Федеральном законе № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. четко говорится о том, что объекты культурного наследия должны находиться под охраной государства — это одна из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации и органов местного самоуправления, — реставрироваться и ни в коем случае не сноситься (если не будет серьезных инженерно-технических причин) [2]. В отличие от стран Европы и США, да и от ипподромов в других городах в России, Московский — уникален в силу того, что находится не просто в городе, а в самом его центре и что испытания на нем проводятся круглогодично, и люди живут там постоянно. И сложилось все это 180 лет назад.

Еще одним значимым фактом жизни ипподрома является коммерческое использование его территории. Каждый год в день праздника, посвященного дню Защитника Отечества, на ЦМИ устраивают гонки и ралли. На несколько дней ипподром становится недоступен для наездников и всех работников, а дорожки используются не по назначению. После таких мероприятий остается много технического мусора (обломки автомобилей, шины и колеса, гвозди и т. д.), который небезопасен для лошадей.

На восстановление порядка требуется немало времени, причем наводят его сотрудники ипподрома, а не организаторы гонок. К коммерческому использованию культурного объекта также относится и проведение различных праздничных мероприятий «застольнического» типа, когда группа людей или, чаще всего, крупная организация или фирма заказывают зал в приипподромном ресторане, чтобы что-то отметить, обсудить и т. д. К этому они требуют и проведение заездов, чтобы во время трапезы или беседы наслаждаться спортивной борьбой и захватывающим зрелищем. Все это явно не вписывается в рабочий режим животных. Конечно, это оплачивается, но чтобы устроить такие вечерние бега, наездникам и владельцам надо подстроиться и пересмотреть вид и время привычных тренировок, что тоже сказывается на здоровье и состоянии лошадей. Интересно, что в данной ситуации давно действует принцип «любой каприз за Ваши деньги», и оспорить его нельзя — участие в заездах на добровольно-принудительной основе, т. е. в приказном порядке. Но, несмотря на все недостатки, у коммерческого использования ЦМИ есть и положительные стороны — получение больших внешних доходов и привлечение внимания как к самому зданию ипподрома, так и к бегам. И пока есть ко всему этому интерес, жизнь ипподрома как памятника, как объекта культурного наследия в целом продолжается.

Московский ипподром — возможно, не самый грандиозный объект культурного наследия нашего города, но построен он был давно, еще при императоре Николае I и до сих пор считается самым большим и самым первым рысистым ипподромом в Европе. Если его полностью снести, то можно потерять не только часть культуры и истории России, но и целую социально-профессиональную группу — наездников. Нигде, кроме ипподрома, они работать не смогут, в этом специфика их профессии. Но не только в самой профессии дело. В исследовании, проведенном в 2014 г. [6], респонденты в интервью говорили о том, что ипподром — не только место работы, но и *«большая общность, семья, здесь все должны друг с другом общаться...»*, а также причисляли себя к ней [этой семье]: *«Ты — часть большой рысистой семьи»*. На Московском ипподроме складывались целые семейные династии наездников (да и до сих пор складываются), люди постоянно жили там и жили своей профессией, своим образом жизни. Таким необычным и не для всех привычным, но их это всегда устраивало, и другой жизни они не искали. Именно поэтому вопросы о сносе здания ипподрома и всей его территории сказываются не только на обычных москвичах, которые утратят очередной памятник, но и на этих самых наездниках, которые утратят нечто большее, чем просто объект культурного наследия из реестра — они утратят себя как социально-профессиональную группу.

В том же исследовании [6] респонденты достаточно резко отзывались о закрытии ЦМИ, аргументируя это высокой культурно-исторической значимостью и своим личным отношением: *«Как приятно, что в центре расположился живой природный поселок ... Ипподром и бега — моя жизнь, я многое видел здесь, многое переживал и вот так вот в один момент все прикрыть — по отношению к нам, ну, просто нечестно», «Ничего хорошего в этом точно нет. Наш ипподром — не столько спортивное сооружение, сколько история. Как можно в один момент взять и принять решение о закрытии того, что создавалось на протяжении столетий?», «Закроем ипподром — ну, давайте тогда вообще все закроем... кусочек двухвековой истории в центре Москвы не надо трогать ... это место никому не мешает»* [6]. Из таких высказываний видно, что по большому счету закрытие ипподрома для многих окажется большой утратой и не столько в силу того, что наездники потеряют свою работу, хотя и это отразится на спросе их в качестве работников, сколько из-за уничтожения исторического и культурного памятника, небольшого заповедника в центре шумной столицы.

В журнале «Итоги» было отмечено, что, по заверению Комитета по культурному наследию Москвы, ипподром находится на особом контроле и все действия, связанные с памятником, должны быть согласованы с этим комитетом [5]. Никто не сможет просто так принять решение и снести весь комплекс. К тому же проведение каких-либо работ невозможно без историко-культурного обследования, которое делают специалисты, и только потом на его базе разрабатывается проект реставрации и приспособления. Сегодня с учетом всех обременений, которые по закону распространяются на объекты культурного наследия, детище советских архитекторов можно разве что отреставрировать. Но очевидно и то, что главное здание ипподрома с его трибунами неразделимо с тем действием, которое здесь происходит больше 170 лет: главный корпус с трибунами будет функционировать, пока на дорожках ипподрома идет жизнь [5]. А идти она будет, если ипподрому ничто не будет угрожать, в том числе и идеи сноса. Получается замкнутый круг, и потому наша задача и состоит в том, чтобы поддерживать Московский ипподром, а не жаловаться на то, что он занимает слишком много места в центре города, наслаждаться его предназначением и беречь, чтобы достойно, в целостности и сохранности передать будущему поколению. Передать и часть истории, и саму профессию.

Самое важное — помнить, что памятники важны для всех поколений, вовсе не потому, что их строили века назад великие скульптуры и архитекторы и они пронесены через время, а потому что они несут в себе опыт, ценности и традиции всего человечества, всей цивилизации. И при этом абсолютно не важно, кто какой национальности и с какого материка — язык искусства и истории всегда будет одним для всех.

Список литературы

1. *Департамент* культурного наследия города Москвы: реестр культурного наследия (Центральный Московский ипподром, кон. XIX в. — сер. XX в., архитекторы И. Т. Барютин, С. Ф. Кулагин, И. В. Жолтовский, скульпторы С. М. Волнухин, К. А. Клодт) [Электронный ресурс]. URL: <http://dkn.mos.ru/contacts/register-of-objects-of-cultural-heritage/?SEARCH=%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%BC>.
2. *Федеральный закон* № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», от 25 июня 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170121/.
3. *Котляренко О.* Почему каждая новая власть сносит старые памятники? [Электронный ресурс] // Комсомольская Правда, 2015. URL: <http://kp.ua/politics/486180-pochemu-kazhdaia-novaia-vlast-snosyt-starye-pamiatnyku>.
4. *Обращение* граждан Москвы к Президенту Д. А. Медведеву: заявление о преступлении «Уничтожение исторического облика Москвы, снос памятников и объектов культурного наследия» от 6 февраля 2011 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.prosto-rossiane.ru/main/our_news?id=672.
5. *Серков Д.* Добегались [Электронный ресурс] // Итоги. 2009. № 9. URL: <http://www.itogi.ru/obsch/2009/9/137766.html>.
6. *Особенности* профессиональной социализации сотрудников Московского ипподрома (на примере наездников). Авторское исследование, 2014 г.

Информация об авторе

Ноженко Анастасия Сергеевна, студентка 4 курса социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия, Soloha_net@mail.ru

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Ю. М. Пасовец

Курский государственный университет, Курск, Россия

Аннотация. Представлен анализ результатов социологического исследования, проведенного с целью выяснения специфики адаптационных ресурсов участников проекта подготовки кадрового резерва «Губернаторская тысяча», созданного в Курской области, к осуществлению новых задач и учета этих данных при реализации кадровой политики в регионе, а также стратегии и программ регионального развития. Эмпирическая база исследования — результаты анкетного опроса, проведенного в марте 2015 г. среди участников школы кадрового резерва по направлению «Наука, образование и культура», обучающихся на базе Курского государственного университета (N=168 человек).

Ключевые слова: адаптационный потенциал населения, управленческие кадры, кадровая политика

В настоящее время в России на федеральном и региональном уровнях государственного управления ведется активная работа по разработке и внедрению программ формирования резерва управленческих кадров (кадрового резерва). Основная цель таких программ состоит в выявлении наиболее квалифицированных и перспективных специалистов, содействии их дальнейшему развитию и привлечению в кадровый резерв для занятия вакантных должностей государственной и муниципальной службы. Принципы определения и отбора кандидатов обуславливаются их способностью и готовностью по своему ресурсному потенциалу стать ядром системы государственного и муниципального управления и движущей силой реализации стратегии развития России в целом, ее регионов и отдельных муниципальных образований [1, 2, 5].

В этом контексте повышается значимость опыта органов исполнительной власти Курской области по формированию резерва управленческих кадров, связанного с разработкой концепции проекта «Губернаторская тысяча» и школы кадрового резерва «Управленец XXI века» и их практической реализацией.

В Курской области создан и реализуется проект подготовки кадрового резерва «Губернаторская тысяча», который является основой поиска, отбора и подготовки высококвалифицированных и перспективных специа-

листов для включения в состав резерва управленческих кадров региона. В 2015 г. для организации обучения финалистов проекта «Губернаторская тысяча» проводится школа кадрового резерва «Управленец XXI века», которая выступает одной из форм взаимодействия исполнительной власти, образовательных учреждений высшего образования и специалистов, занятых в различных отраслях экономики и претендующих на включение в кадровый резерв сферы управления. Занятия в школе «Управленец XXI века» осуществляются на площадках семи курских вузов по направлениям: предпринимательство и экономика; наука, образование и культура; строительство и производство; инновации и технологии; здоровье и спорт; сельское хозяйство и экология; государственное и муниципальное управление; финансы и инвестиции.

С целью выяснения специфики адаптационных ресурсов участников проекта к осуществлению новых задач и учета этих данных при реализации кадровой политики в регионе, а также стратегии и программ регионального развития нами проведено социологическое исследование, теоретико-методологической основой которого выступила разработанная нами концепция адаптационного потенциала населения, эмпирической базой — результаты анкетного опроса, проведенного нами в марте 2015 г. среди участников школы кадрового резерва по направлению «Наука, образование и культура», обучающихся на базе Курского государственного университета ($N = 168$ человек).

Ключевой теоретико-методологической позицией исследования выступает идея о том, что для кандидатов в резерв управленческих кадров изменяются условия жизнедеятельности, связанные с необходимостью освоения ими новых профессиональных функций и их качественного исполнения, что становится источником их социальной и профессиональной адаптации к этим условиям.

В нашем представлении специфика кадрового потенциала в целом такова, что любое изменение в содержании вида экономической деятельности, в том числе вызванное процессами социальной трансформации, становится для экономически активного населения источником адаптации к изменившимся условиям труда и занятости. В этом плане ресурсы этой категории населения, которые актуализируются в целях адаптации к рынку труда и изменениям содержания трудовой деятельности, приобретают характер адаптационного потенциала [3, с. 72—73]. Полагаем, что в структуре адаптационного потенциала населения следует выделять ряд значимых ресурсов: личностно-культурный, образовательно-профессиональный, материальный, социальный, демографический [4, с. 133]. При этом ключевое значение для экономически активного населения имеют:

- демографический ресурс (связанный с физическими возможностями индивидов: пол, возраст, уровень трудоспособности, состояние здоровья, место проживания и др.);
- образовательно-профессиональный ресурс (уровень образования и профессиональной квалификации, владение значимыми общекультурными и профессиональными компетенциями, социально-профессиональный статус, стаж работы);
- личностно-культурный ресурс (ценностные ориентации, установки, значимые качества личности, интересы и др.) [3, с. 73].

В результате социологического измерения адаптационного потенциала участников проекта были осуществлены оценка и характеристика ряда значимых для сферы государственного и муниципального управления компонентов демографического, образовательно-профессионального, личностно-культурного и социального ресурсов адаптации.

Результаты исследования показывают, что в целом участники проекта по направлению «Наука, образование и культура» обладают достаточно высокими показателями по каждой из составляющих адаптационного потенциала, необходимых для создания резерва квалифицированных управленцев по данному направлению в Курской области. Они представляют разные районы и административно-территориальные единицы Курской области; находятся в активном трудоспособном возрасте; имеют высшее профессиональное образование (90,5 %) и высокий уровень профессиональной квалификации (60,1 %); имеют достаточно длительный стаж работы (у 72,0 % из них он составляет от 6 до 20 лет); многие из них уже имеют опыт управленческой деятельности в должности руководителя организации (14,2 %) или подразделения, отдела (32,8 %) и др.

Оценивая возможности своего участия в тех или иных формах социальных изменений, основная часть участников проекта (70,8 %) заявляют, что они готовы постоянно повышать уровень своих знаний, умений, личностно и профессионально развиваться. Многие участники проекта выражают стремление усердно и ответственно работать (50,0 %) и готовность осваивать и использовать современные инновационные и информационные технологии в своей работе (50,6 %). Четвертая часть участников проекта (25,6 %) отмечает у себя готовность к включению в процессы создания чего-то нового (нового продукта, нового оборудования и т. д.).

Полученные результаты легли в основу разработки образовательной программы школы кадрового резерва «Управленец XXI века» по направлению «Наука, образование и культура» на базе Курского государственного университета и организации образовательного процесса, содержание которых позволило учесть как специализацию и профессиональную дея-

тельность участников проекта, так и определить необходимые направления развития их ресурсного потенциала.

Таким образом, разработанные в научном проекте концепция адаптационного потенциала населения и система его эмпирических показателей и индикаторов были применены для решения конкретных задач кадровой политики в регионе: оценки адаптационных ресурсов специалистов при формировании кадрового резерва в регионе, разработки образовательной программы дополнительного профессионального образования специалистов для эффективной подготовки резерва управленческих кадров.

Список литературы

1. *Богатырев Е. Д.* Совершенствование работы с кадровым резервом федерального государственного органа // *Управленческие науки*. 2012. № 1. С. 13—21.
2. *Ильин В. А., Шабунова А. А.* Социологическое измерение эффективности государственного управления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. № 2(32). С. 18—35.
3. *Пасовец Ю. М.* Кадровый потенциал региона: от построения теоретической модели к эмпирическому исследованию в сфере управления: монография. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2015.
4. *Пасовец Ю. М.* Ресурсы адаптации социальных акторов и их типология // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2013. № 6. С. 125—134.
5. *Шабунова А. А., Леонидова Г. В., Чекмарева Е. А.* Проблемы качества кадров местного самоуправления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2010. № 1(9). С. 81—91.

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна, к. с. н., доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета, Курск, Россия, yulia_pasovets@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ УЧАСТИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Д. В. Прохоров

Аннотация. Для организации текущей жизнедеятельности и развития территории (и региона, и отдельных муниципальных образований) местные сообщества представляют весьма серьезный ресурс и могут рассматриваться как основные субъекты организации социокультурной сферы территории. Необходим подробный анализ устройства этой сферы, выявление организованных объединений формирующих ее людей, определение условий и механизмов их возникновения, оформления, жизнедеятельности, взаимодействия и исчезновения.

Ключевые слова: местные сообщества, территориальное управление,

Согласно социокультурному подходу, регион является, прежде всего, территориальным сообществом, сложившимся исторически и образованным в результате деятельности социальных акторов — жителей данного региона [1].

Из признания приоритета социокультурных изменений в процессе территориального развития следует, что важнейшим фактором развития является влияние ценностей населения, организованного в различные сообщества, на изменение актуализированных социокультурных норм.

Согласно подходу, принятому в исследовании глобальной модернизации как процесса, разделенного на три основные стадии (первичную, вторичную и интегрированную, представляющую скоординированное развитие первых двух), решающим фактором этого процесса является преодоление и изменение традиционных ценностей, препятствующих социально-экономическому развитию, — на смену им должны прийти ценности, мотивирующие социальных акторов на расширение инновационной деятельности [2]. Следовательно, процесс модернизации в социокультурном плане напрямую относится к жизни отдельных людей — от того, насколько каждый человек ценностно (и уже на основе ценностной трансформации — деятельностно) будет включен в модернизацию, зависит изменение качества жизни населения в целом.

Население российского региона распределено по муниципальным образованиям, входящим в состав того или иного субъекта РФ. Соответственно, структуру ценностей необходимо исследовать не только в региональном [3], но и в муниципальном плане, так как именно на этом уровне базовые ценности, такие как жизнь, семья, порядок,

независимость, благополучие, работа и другие, наиболее отчетливо проявляют себя в деятельности, связанной с развитием территории своего проживания.

Очевидно, что территориальное сообщество, как и вообще общество, как целое неоднородно, в том числе, и в ценностном отношении. Требуется осуществить декомпозицию этого целого, представляя его в виде совокупности однородных элементов. В качестве таких элементов можно рассматривать естественные социальные организации, сложившиеся, прежде всего, по самоопределению их членов, — местные сообщества.

Под местными сообществами понимаются такие объединения, которые связаны с данной территорией общностью интересов людей, живущих на расстояниях, в пределах которых возможно связанное с этими интересами повседневное достаточно комфортное общение друг с другом [4, с. 123].

От простого механического объединения жителей микрорайона, квартала, улицы или отдельного дома такие сообщества отличаются более высокой степенью интенсивности коммуникации и деятельности — ведь связаны они не «объективностью» совместного проживания, а осознанным субъективным выбором ценностно значимых факторов. Это могут быть общие увлечения (например, спортом), общие корни (например, культурно-национальные), общее вероисповедание или общее дело (профессия или хобби). Участники таких сообществ — по интересам — как правило, не рассматривают территориальный критерий в числе основных для идентификации своего объединения (можно сказать, что сообщества «по интересам» транстерриториальны, особенно в современном мире с существующим уровнем развития коммуникаций). В то же время их участники живут и действуют на данной территории, что ведет к появлению тех или иных деятельностных устремлений, связанных именно с данной территорией. А свои интенции они более способны реализовать практически, чем отдельные индивиды [5, с. 238].

Таким образом, для организации текущей жизнедеятельности и для дальнейшего развития территории (и региона, и отдельных муниципальных образований) указанные местные сообщества представляют собой весьма серьезный ресурс. Именно они — эти сообщества — своей субъективно значимой деятельностью формируют социокультурную сферу определенной территории. Важно, что реакция членов этих сообществ на решения органов управления является наиболее выраженным индикатором отношения населения к тому, насколько верно власти понимают общественно значимые цели развития территории через реализуемые проекты и программы. Участники сообществ, способны осуществлять

большой фронт работ в рамках принятых проектов и программ территориального развития, в том числе, безвозмездно, если их интересы совпадают с целями, декларируемыми в этих проектах и программах.

Исследование взаимодействия органов местного самоуправления (ОМС) с местными сообществами позволяет выделить его основные проблемы. Во-первых, нравственный аспект: местные сообщества, аккумулирующие и выражающие весь спектр интересов людей, должны в обязательном порядке фигурировать в числе основных акторов целеполагания деятельности по управлению территорией и деятельности по оценке полученных результатов. Во-вторых, концептуальный аспект: без анализа структуры, эволюции, взаимодействия местных сообществ невозможно ни понять современное социокультурное состояние территории, ни спроектировать ее развитие. В прагматическом плане: органы ОМС, политические функционеры, менеджеры коммерческих и некоммерческих организаций несут обязательства перед сообществами, представляющими интересы местного населения. Без поиска механизмов привлечения местных сообществ и стимулирования их активности невозможна реализация стратегий муниципального развития. Следовательно, основную проблему можно проявить в несоответствии (а точнее, в степени соответствия) между содержанием деятельности по управлению территорией и жизни местных сообществ [6, с. 73].

Основным «разрывом» между территориальным управлением в его нынешнем состоянии и жизнью местных сообществ следует назвать явное несоответствие между спонтанной естественностью жизненных процессов, протекающих в местных сообществах, и содержанием рационализированной, технологизированной, ориентированной на искусственно упорядоченное, процедурное функционирование бюрократической деятельности. В итоге организация деятельности в сфере государственного и муниципального управления не может адекватно отражать специфику жизни местных сообществ. В методологическом плане именно это противоречие представляет собой проблему совместного участия ОМС и местных сообществ в управлении процессами стратегического социокультурного развития территории.

Для того чтобы преодолеть выявленный разрыв необходимо вопрос об участии местных сообществ в территориальном управлении рассмотреть двусторонне. Во-первых, необходимо исследовать структуры жизнедеятельности самих местных сообществ и присущие их жизнедеятельности организационные формы. Во-вторых, требуется найти управленческие технологии, в более общем случае — методы управления [7, 8], адекватные задаче включения местных сообществ в территориальное управление.

Список литературы

1. *Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте* : монография / сост., отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М. : Academia, 2009.
2. *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010)* : пер. с англ. / под ред. Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.
3. *Самарская область. Социокультурный портрет* : монография / А. М. Исупов, И. В. Карпов, С. А. Мартышкин, Д. В. Прохоров, В. М. Цлаф, Д. М. Шабунин. Под ред. С. А. Мартышкина, Д. М. Шабунина. Самара : Издательство «Глагол», 2012.
4. *Прохоров Д. В.* Понятие местного сообщества как предмет проблематизации процесса организации местного самоуправления в современной России // Математика, экономика и управление. 2015. № 1. С. 120—124.
5. *Прохоров Д. В.* К вопросу о роли местных сообществ в стратегическом развитии муниципального образования // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 2. С. 235—241.
6. *Цлаф В. М.* Профессионализм управленца: мышление и творчество vs технологии // Экономинфо. 2007. № 8. С. 72—75.
7. *Цлаф В. М.* Технологии в управленческой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. № 3. С. 55—62.
8. *Цлаф В. М.* Знание и мышление в менеджменте // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». Самара, 2002. С. 195—201.

Благодарность

Выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ, грант «Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона», проект № 15—13—63004 а(р).

Информация об авторе

Прохоров Денис Викторович, к. с. н., доцент кафедры государственного и муниципального управления СГАУ, Россия, devipr@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. О. Смолева

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Одним из негативных явлений современного общества является ухудшение психического здоровья, связанное с усложнением условий жизни. Являясь важным элементом воспроизводства образовательного и трудового потенциала общества, общественное психическое здоровье играет важную роль в структуре всего человеческого потенциала. Несмотря на положительную динамику последнего десятилетия, психическое здоровье российского общества нельзя назвать крепким или устойчивым. В качестве интегрального показателя состояния психического здоровья населения нами был выбран уровень смертности от самоубийств. Репрезентативность суицидального поведения как индикатора психологического состояния общества обусловлена, с одной стороны, тем, что попытка суицида вызывается не одним, а целым комплексом факторов. С другой стороны, суицид в большинстве случаев совершается психически здоровыми людьми, т. е. данный индикатор показывает ухудшение психологического климата в обществе в целом и не относится только к категории лиц, страдающих психопатологией.

Ключевые слова: человеческий потенциал, психическое здоровье, уровень, смертности, самоубийства

В динамике самоубийств на территории Российской Федерации можно выделить 2 периода (рис. 1):

1. С 1990 по 2000 гг. уровень смертности испытывал значительные колебания. В 1999 г. по отношению к 1990 г. рост уровня смертности от самоубийств составил 146 %. Это явилось следствием распада Советского Союза и экономических кризисов 1991 и 1998 гг.

2. За 2000—2015 гг. уровень суицидов в стране уменьшился в 2,3 раза, в Вологодской области — в 3 раза. Развитию позитивных тенденций способствовала стабилизация политической и социально-экономической ситуации после 2000 г., однако в 2009 г. отмечался небольшой всплеск суицидальной активности и после 2009 г. темпы снижения смертности от суицидов незначительно замедлились, что было связано с негативными последствиями мирового финансового кризиса. В 2015 г. впервые общероссийский и региональный показатели уровня смертности от самоубийств опустились ниже предельно критического уровня.

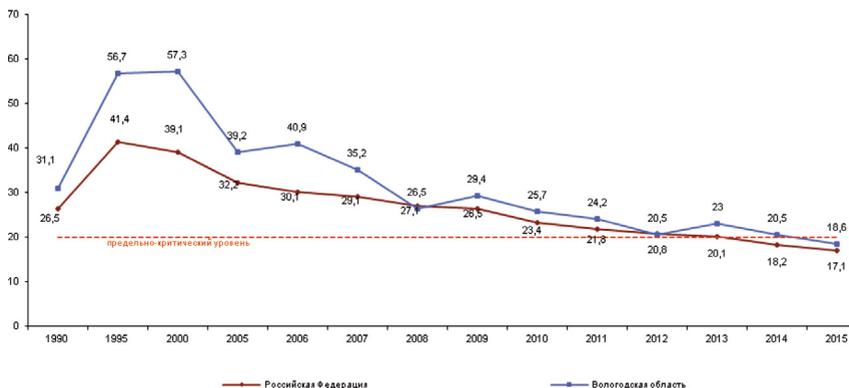

Рисунок 1. Уровень смертности от самоубийств в России и Вологодской области (на 100 тыс. нас.)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru)

В 2014 г. уровень самоубийств среди жителей Вологодской области уменьшился во всех возрастных группах, кроме группы от 10 до 19 лет. Следует отметить, что в наиболее молодых возрастных категориях (10—19 и 20—39 лет) наблюдается наименее стабильная динамика смертности от суицидов, что можно объяснить повышенной лабильностью психики представителей данных категорий.

Мужчины традиционно чаще совершают самоубийства по сравнению с женщинами. На территории региона суицидальная активность мужской части населения на протяжении рассматриваемого периода значительно превышала предельно-критический уровень, установленный ВОЗ (рис. 2).

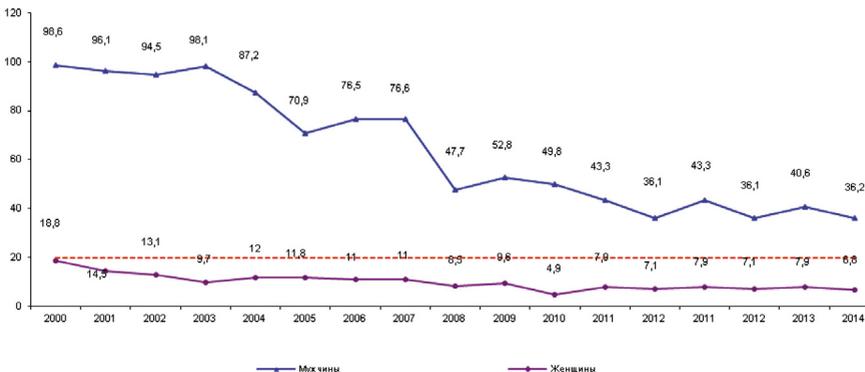

Рисунок 2. Уровень завершенных самоубийств среди мужчин и женщин Вологодской области (умерших на 100 тыс. населения)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru)

Среди жителей сельской местности самоубийства совершаются значительно чаще, чем среди горожан (рис. 3). Причина этого состоит в более тяжелых социально-экономических условиях.

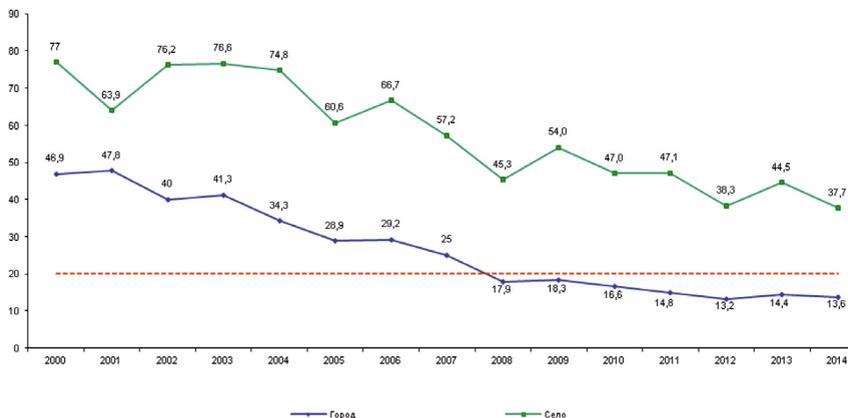

Рисунок 3. Смертность сельского и городского населения Вологодской области от самоубийств (умерших на 100 тыс. населения)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru)

Реальные масштабы круга проблем, связанного с суицидальным поведением населения, также значительно шире, чем данные регистрируемые официальной статистикой. Согласно подходу, предложенному специалистами ЮНИСЕФ, определить реальный уровень суицидов можно путем их сравнительного анализа с теми случаями смертности, которые имеют сходный механизм реализации [1]. Для выявления латентного уровня самоубийств нами были проанализированы следующие причины смертности: случайное удушение; прочие случайные отравления; падение, прыжок или столкновение с высоты с неопределенными намерениями; несчастный случай, вызванный огнестрельным оружием.

При исследовании латентного уровня самоубийств на территории Вологодской области мы выделили 2008—2009 гг. (период наибольшего негативного влияния мирового финансового кризиса), когда в регионе отмечался рост смертности по отобранным причинам, после 2011 г. смертность идет на спад.

Можно утверждать, что уровень латентной суицидальной смертности снижается значительно меньшими темпами, чем официально зарегистрированной. За период с 2006 по 2014 гг. латентная смертность

от суицидов снизилась в 1,7 раза (только за период с 2013 по 2014 гг. показатель снизился на 28 %), уровень официально зарегистрированных самоубийств — в 2 раза (рис. 4).

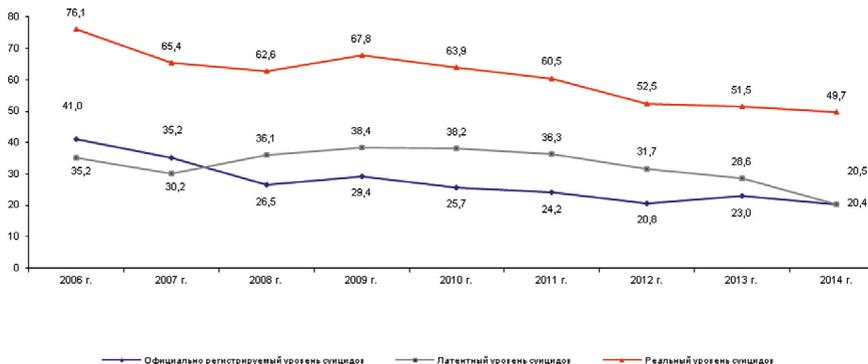

Рисунок 4. Официально регистрируемый, латентный и реальный уровень суицидальной смертности в Вологодской области (на 100 тыс. нас.)

Источник: Рассчитано авторами по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области

Не менее важный вывод состоит в следующем: если в 2006 г. уровень официально регистрируемой смертности от самоубийств превышал число латентных случаев (на 14 %), то в 2014 г. наблюдается противоположная ситуация — уровень официально регистрируемой смертности от самоубийств ниже числа латентных случаев приблизительно в 1,5 раза. А в 2011—2012 гг. соотношение латентных и официальных суицидов составило примерно 3 к 1. За период 2006—2014 гг. число латентных самоубийств по отношению к официально регистрируемым увеличилось с 86 до 144 %. Это говорит о том, что, несмотря на устойчивую положительную тенденцию сокращения официально зарегистрированных случаев суицида, остается высокой степень вероятности их недоучета официальной статистикой.

За период с 2006 по 2014 гг. количество латентных самоубийств уменьшилось среди мужчин и увеличилось среди женщин. Индекс сверхсуицидальности мужчин составляет 2,8 раза, что в целом не расходится с общемировыми. В распределении по городским и сельским территориям динамика латентного уровня самоубийств в целом совпадает с теми тенденциями, которые зафиксированы в официальной статистике.

Таким образом, результаты исследований, проводимых ИСЭРТ РАН, свидетельствуют о том, что динамика самоубийств отражает тенденции

общественного развития, причем связь психологического состояния общества и суицидальных тенденций прослеживается как на официально регистрируемом, так и на латентном уровне. Важно отметить, что в группу риска входят мужчины, жители сельской местности, наименее обеспеченные слои населения, вдовы и разведенные[2]*.

Список литературы

1. *Иванова А. Е.* Смертность российских подростков от самоубийств / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда и др. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011.
2. *Сорокин П. А.* Самоубийство как общественное явление [Электронный ресурс] / П. А. Сорокин // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/stati/stati03.html>.

Информация об авторе

Смолева Елена Олеговна, научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, riolenas@rambler.ru

* П. Сорокин в статье «Самоубийство, как общественное явление» утверждал, что «женщины дают меньший процент самоубийств, чем мужчины. Это объясняется тем, что женщина в силу исторических условий отстала от мужчины, более привязана к семье, менее индивидуализирована, и ее жизнь более устойчива, чем жизнь мужчины». Также П. Сорокин отмечал важную роль семьи как фактора, сдерживающего суицидальные тенденции.

ОЦЕНКА СИЛЬНЫХ И СЛАБЫХ СТОРОН ВОЛОНТЕРСКОГО СЕКТОРА Г. ОРЛА

В. И. Уварова, М. А. Федосеева

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия

Аннотация. В рамках настоящих тезисов предпринята попытка охарактеризовать добровольческий сектор Орловского региона с позиции его сильных и слабых сторон. Эмпирический материал получен в ходе экспертного опроса руководителей волонтерских организаций и координаторов работы с волонтерами, а также глубинных интервью с представителями различных организаций и объединений, занимающихся добровольческой деятельностью, проведенных в рамках реализации проекта «Разработка эмпирической модели волонтерской деятельности как формы самоорганизации молодежи» в 2015 г.

Ключевые слова: волонтерское движение, экспертный опрос, молодежь

О значимости волонтерской деятельности сегодня говорится на самых разных уровнях от сугубо обывательского до самого высокого международного. Так во Всемирной декларации добровольчества, принятой на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий в Амстердаме, подчеркивается, что добровольчество — фундамент гражданского общества, оно привносит в жизнь потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости [1].

Роль волонтерского движения признана и в России, тем более этот вид помогающего поведения не является для нашего народа чем-то принципиально новым, а лишь приобретает сегодня несколько иное звучание, «развивается, обогащается новыми идеями, замыслами, проектами» [2].

К сильным сторонам волонтерского движения в Орловском регионе можно отнести следующие:

1. В регионе имеется значительный ресурс молодежного добровольчества, позволяющий проводить волонтерские мероприятия различного уровня (вузовские, городские, региональные и др.).
2. Представлены различные формы волонтерских объединений: неформальные (в дружеском кругу, в рамках инициативных групп) и формальные (студенческое объединение, движение, отряд, общественная организация), что позволяет молодым людям выбирать наиболее подходящую для них.
3. Волонтерские объединения региона постепенно превращаются в силу, способную расширить зону неравнодушия в обществе.

4. Волонтерский сектор региона создает дополнительный импульс социализационных процессов, что выражается в освоении важных навыков, умений, компетенций, приобретении новых социальных связей, изменении мировоззрения людей, занимающихся данной социально-полезной деятельностью.
5. Волонтерские объединения в регионе можно разделить на многопрофильные и специализирующиеся на одном или нескольких направлениях. Это дает возможность добровольцам сосредоточить свои усилия на том направлении, которое им близко. С каждым годом расширяется спектр форм волонтерской деятельности. Если раньше добровольческий труд был ориентирован в основном на оказание помощи нуждающимся, то сегодня он становится востребованным и при организации мероприятий (акций), таких как «Зимние Олимпийские игры» в Сочи, «Дельфийские игры», «Бессмертный полк» и пр.
6. Наряду с традиционными формами оказания помощи нуждающимся (сбор средств, раздача подарков, помощь по хозяйству, концерты и пр.) активно развивается практически ориентированное, обучающее направление, целью которого является помощь в адаптации, социализации, вступлении в продуктивные, эмоционально наполненные отношения (мастер-классы, кружки и пр.).
7. Все чаще в работе волонтерского сектора используются элементы проектной деятельности, что позволяет рационализировать весь ход проекта и контроль получаемых результатов.
8. Добровольческое движение начинает успешно использовать возможности грантовой поддержки проектов, играющих важную роль в развитии общества, города или учебного заведения.
9. На уровне волонтерских объединений присутствует понимание того, что от подготовки волонтеров зависит успешность волонтерской акции, в связи с чем одним из направлений работы любого объединения является психологическое и профессиональное обучение, имеющее место не только в регионе, но и за его пределами.
10. Большинство волонтерских объединений имеет сложившееся ядро добровольцев, которые в ряде случаев берут на себя функции инициаторов и координаторов проектов. Общественная волонтерская организация объединяет, как правило, людей, имеющих определенный жизненный опыт или прошедших через различные трудности, что обеспечивает ей качественную и стабильную работу.
11. Волонтерский сектор поддерживает контакты с властными структурами, социальными службами, некоммерческим сектором, что позволяет проводить целенаправленную работу с учетом потреб-

ностей региона, перенимать опыт других организаций и переносить их успешные практики на Орловскую землю.

12. Каждое волонтерское объединение имеет информационные ресурсы, ориентированные на особенности своей целевой аудитории.
13. Для поощрения участия молодежи в безвозмездном труде и признания социальной значимости волонтерских организаций используются различные формы стимулирования (устная благодарность, сувениры, благодарственные письма и грамоты, повышенные стипендии студентам).
14. Волонтерские организации стараются привлекать к участию в акциях благотворителей, тем самым повышая социальную ответственность бизнеса. Признательность меценатам и спонсорам демонстрируется вручением им благодарственных писем.
15. С целью сплочения коллектива и предотвращения морального выгорания используются различные формы совместного времяпрепровождения: совместное отмечание праздников, выезды за город, игры, тренинги.
16. Отдельные волонтерские объединения возглавляют опытные в сфере добровольчества руководители, имеющие в своем багаже успешно реализованные социально-ориентированные и общественно-значимые проекты.
17. Усилиями волонтеров формируется база данных молодых людей, готовых в случае необходимости стать донорами.

К слабым сторонам волонтерского движения в Орловском регионе можно отнести:

1. Загруженность волонтеров на основном месте работы, учебы.
2. Малочисленность постоянных, активных участников волонтерского движения.
3. Волонтерская деятельность, как и любой другой вид деятельности, нуждается в определенных ресурсах и средствах поддержки, которых недостаточно.
4. Текучесть кадров, в значительной степени связанная с прохождением волонтерами определенных этапов жизненного цикла.
5. Возможность морального выгорания добровольцев.
6. Для студенческой молодежи волонтерская деятельность носит в значительной степени сезонный характер.
7. Незрелость сети волонтерских общественных организаций в регионе.
8. Дефицит площадок, которые волонтерские объединения могли бы использовать для обмена опытом, объединения ресурсов, разработки совместных проектов.

9. Разобщенность добровольческого сообщества в регионе, преодолению которого могло бы послужить создание регионального объединения волонтеров, консолидирующего силы добровольцев и координирующего их действия при проведении акций. Кроме того оно позволило бы обеспечивать добровольцев актуальной и достоверной информацией, находить требуемое оборудование и человеческие ресурсы, повышать квалификацию добровольцев, а также активно общаться друг с другом, находить единомышленников.
10. Несформированность культуры добровольчества в регионе, вследствие чего недостаточно востребован опыт волонтерской деятельности при приеме молодых людей на работу.

Таковы сильные и слабые стороны волонтерского сектора на Орловщине, учет которых позволит скорректировать вектор развития добровольчества в регионе.

Список литературы

1. *Всеобщая декларация добровольчества* [Электронный ресурс]. URL: [http://www.kdobru.ru/materials/Всеобщая Декларация Добровольчества.pdf](http://www.kdobru.ru/materials/Всеобщая_Декларация_Добровольчества.pdf).
2. *Путин направил приветствие участникам форума добровольцев в Сочи* [Электронный ресурс]. URL: <http://kuban24.tv/item/putin-napravil-privetstvie-uchastnikam-foruma-dobrovoltsev-v-sochi-113142>.

Благодарность

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ и Орловской области в рамках научного проекта № 14-13-57003.

Информация об авторах

Уварова Вера Иосифовна, к. филос. н., доцент, научный руководитель НОЦ «Теоретическая и прикладная социология» Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева», Орел, Россия, social_centra@mail.ru

Федосеева Маргарита Александровна, к. э. н., ведущий научный сотрудник НОЦ «Теоретическая и прикладная социология Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева», Орел, Россия, [fedoseevama@mail.ru](mailto:fedosееvama@mail.ru)

РУКОВОДИТЕЛИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. В. Ускова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Социологические методы находят все большее применение в решении экономических проблем — в частности, связанных с подготовкой управленческих решений. ИСЭРТ РАН достаточно широко использует эти методы в своих исследованиях. В рамках настоящих тезисов представлены результаты одного из исследований, направленного на выявление проблем и перспектив реформирования местного самоуправления.

Ключевые слова: местное управление, реформирование, муниципалитеты

Как известно, Российская Федерация выбрала в начале 1990-х годов демократические принципы организации общества и государства и закрепила местное самоуправление в качестве одной из фундаментальных основ ее конституционного строя. Важной вехой в развитии местного самоуправления явилось принятие Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Становление этого института власти происходит с большими трудностями, сопровождается рядом острейших проблем: несовершенство нормативно-правовой базы (так, с момента принятия № 131-ФЗ в него были внесены изменения более чем 60 федеральными законами; общее количество вопросов местного значения у каждого из типов муниципальных образований за прошедший период увеличилось почти в 2 раза, при этом существенного перераспределения финансовых средств между бюджетами различных уровней не произошло); отсутствие достоверной информации о социально-экономическом развитии территорий, особенно сельских поселений (муниципальная статистика находится на стадии формирования). В этой связи принципиально важное значение для органов власти имеют социологические исследования, в частности, опросы глав муниципальных образований.

Одним из первых регионов, где с января 2006 г. 131-ФЗ вступил в полную силу, стала Вологодская область. С 2007 г. Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) на основе анкетного опроса* организован регулярный мониторинг

* На вопросы анкеты (30—40 вопросов) ежегодно отвечают 190—210 глав муниципальных образований из 282—372, что позволяет обеспечить ошибку выборки 4—5%.

глав муниципальных образований Вологодской области. Он позволяет выявлять изменения, произошедшие на муниципальном уровне, определять направления совершенствования региональной социально-экономической политики в отношении локальных территорий.

Результаты проводимых опросов свидетельствуют о том, что доля глав, положительно оценивающих результаты проводимых изменений в системе местного самоуправления, снижается: с 57 % в 2006 г. до 47 % в 2014 г. в районах; с 78 % до 69 % — в городских поселениях и с 64 % до 37 % — в сельских поселениях (табл. 1). Это можно объяснить, прежде всего, тем, что в 2006—2007 гг. у глав муниципалитетов имелись значительные позитивные ожидания от проводимой реформы, подкрепленные дополнительными и повышенными мерами государственной поддержки. Спустя 5—7 лет после начала реформы эти ожидания не подтвердились, цель формирования самодостаточного, независимого и самостоятельно-го уровня власти не была достигнута.

Таблица 1. Оценка главами муниципальных образований Вологодской области реформы местного самоуправления (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	Муниципальные районы		Городские поселения		Сельские поселения	
	2006 г.	2014 г.	2006 г.	2014 г.	2006 г.	2014 г.
Положительно	57,1	46,7	77,8	69,2	63,5	37,4
Ситуация не изменилась	42,9	33,3	0,0	15,4	21,2	31,3
Отрицательно	0,0	20,0	22,2	15,4	15,3	31,3

Основной идеей, заложенной в 131-ФЗ, являлось повышение самостоятельности муниципальных образований в принятии управленческих решений по организации всей жизнедеятельности на данной территории. Однако в действительности складывается обратная ситуация: возможности по решению имеющихся проблем и управлению развитием муниципального образования сокращаются. В своих ответах по итогам 2014 г. на это указали 10,5 % глав муниципальных районов, 38 % глав сельских и 50 % (что в 3—4 раза выше, чем в 2006 г.) — глав городских поселений. Главной причиной подобной оценки стала финансовая зависимость от региональной власти.

Обеспечение муниципальных образований финансовыми ресурсами в объеме, достаточном для решения местных вопросов, — одна из приоритетных целей реформирования местного самоуправления. Однако существенного продвижения в решении этой проблемы достичь

не удалось. Обеспеченность собственными доходами большинство глав муниципалитетов расценивают как низкую и крайне низкую. В 2014 г. так считали 73,4 % глав районных муниципальных образований, 90 % глав городских и 89 % сельских поселений. Даже с учетом финансовой помощи ресурсная обеспеченность местного самоуправления остается по-прежнему недостаточной: так считают 63 % глав городских поселений, 74 % глав сельских поселений и 37 % глав муниципальных районов.

Эти данные подтверждаются и результатами мониторинга, организованного Министерством финансов РФ. На протяжении всего периода реформирования местные бюджеты характеризовались дотационностью, отсутствием собственных налоговых источников и зависимостью от региональных и федеральных властей. Уровень налоговых поступлений в бюджеты муниципальных образований на протяжении всего рассматриваемого периода составлял только 27—31 % от общего объема доходов местных бюджетов. Львиную долю в местных бюджетах составляют субвенции на реализацию переданных полномочий и государственные субсидии на софинансирование отдельных расходов.

В целом, по мнению руководителей муниципальных образований, в числе наиболее острых проблем местного самоуправления следующие:

- несовершенство законодательства в сфере местного самоуправления;
- недостаточность финансовых ресурсов (как собственных доходных источников, так и финансовой поддержки со стороны государства);
- недостаточно эффективное взаимодействие с органами государственной власти (бюрократические проволочки, отсутствие согласованности программных документов, направленных на развитие территории, противоречивость системы разграничения полномочий и др.);
- пассивность населения и отсутствие механизмов формирования баланса интересов бизнеса, власти и населения в формировании стратегии развития территории;
- недостаточная имущественная и материально-техническая база муниципальных образований и ее несоответствующее качество;
- неуплотненность органов местного самоуправления квалифицированными кадрами;
- низкий уровень информационного обеспечения органов местного самоуправления и др.

Результаты исследований позволяют утверждать, что развитие локальных территорий во многом зависит от региональной социально-экономической политики. Неудивительно, что результатом ее реализации является преобладание в ответах глав муниципалитетов мнения о том,

что развитие муниципальных образований во многом зависит от действий федеральных (на это указали в своих ответах 89 % глав районов, 85 % — глав городских и 82 % — сельских поселений) и региональных органов власти (78 %, 77 % и 50 % соответственно). Лишь около половины опрошенных руководителей признали, что они имеют незначительные возможности влиять на развитие соответствующей территории (табл. 2).

Высокая зависимость органов местного самоуправления от региональных властей требует организации эффективного взаимодействия. Вместе с тем, эффективному взаимодействию препятствуют ряд факторов, в числе которых наиболее значимые: финансовая зависимость самоуправления от органов государственной, прежде всего региональной, власти; отсутствие дифференциальной региональной политики по отношению к территориям с разным уровнем социально-экономического развития; противоречивость системы разграничения полномочий.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего муниципального образования?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2006 г.	2014 г.	2006 г.	2014 г.	2006 г.	2014 г.
От органов государственной власти региона	62,5	77,8	58,3	76,9	44,9	49,6
От федеральных органов власти	50,0	88,9	58,3	84,6	42,1	82,2
От самих жителей	25,0	38,9	50,0	53,8	54,2	47,4
От органов местного самоуправления	50,0	44,4	16,7	61,5	16,8	49,6
От главы муниципального образования	12,5	50,0	0,0	69,2	8,4	59,3
От частного бизнеса	12,5	33,3	16,7	46,2	12,1	22,2

Проводимые опросы выявили достаточно общее мнение глав муниципальных образований относительно направлений реформирования местного самоуправления. Наиболее важные их них:

- корректировка федерального законодательства в направлении повышения роли и самостоятельности муниципалитетов (на это указали 58—76 % всех опрошенных глав муниципалитетов);
- повышение нормативов отчислений от налогов, передача отдельных объектов госсобственности в муниципальную собственность

- в качестве важнейшей предпосылки расширения собственной экономической базы муниципалитета (71—92 %);
- реформирование межбюджетных отношений с учетом специфики муниципалитетов (50—69 %);
- разработка региональных программ развития территории с учетом интересов муниципалитетов (47—62 %) и др.

Что касается более полного использования потенциала института местного самоуправления, то, по нашему мнению, в качестве приоритетных направлений следует рассматривать обеспечение соответствия между размером расходных обязательств муниципальных образований и объемом источников доходов, закрепляемых за местными бюджетами; закрепление за местными бюджетами тех налоговых доходов, на развитие которых органы местного самоуправления могут влиять. Это могут быть отчисления от налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, налогов на прибыль организаций, на доходы физических лиц, транспортного. Кроме того, следует увеличивать объемы безвозмездной финансовой помощи муниципалитетам. Важным направлением работы является укрепление экономических основ местного самоуправления.

Таким образом, судьба местного самоуправления в России во многом будет зависеть и от повышения эффективности взаимодействия органов региональной и местной власти, выстраивания эффективных взаимоотношений между муниципальными районами и входящими в их состав поселениями; поддержки со стороны органов местного самоуправления территориального общественного самоуправления; стимулирования межмуниципального сотрудничества; развития партнерства власти, бизнеса и населения; поддержки инициатив населения и др. В условиях практически полного отсутствия статистической информации о процессах, происходящих в муниципалитетах, значение социологических опросов в принятии решений по корректировке региональной социально-экономической политики будет только возрастать.

Информация об авторе

Ускова Тамара Витальевна, д. э. н., доцент, заместитель директора по научной работе, зав. отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, tvu@vscc.ac.ru

МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ К МИГРАНТАМ

М. И. Черепанова, Д. А. Неваева, С. А. Сарыглар

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. В статье представлены фрагменты результатов социологического исследования по теме «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации», связанные с проблемой миграции. Исследование проводилось научным коллективом социологического факультета Алтайского государственного университета в Алтайском, Забайкальском краях, Кемеровской, Омской, Оренбургской, Амурской, Еврейской автономной областях, Республике Алтай. В каждом из восьми регионов выборка составила в среднем около 500 человек. Общая численность — 3960 членов домохозяйств.

Ключевые слова: мигранты, толерантность, приграничные территории, миграционная политика, национальная политика

Этнонациональная обстановка в современном российском обществе тесно взаимосвязана с миграционной политикой и ее эффективностью. Один из важных вопросов сегодня — социальное управление этим процессом, которое должно опираться на научно-обоснованные результаты социологических исследований, выявленные тренды.

В целях определения социальных детерминант, оказывающих наибольшее и решающее влияние на формирование толерантного отношения к мигрантам в общей выборке по всем регионам, был проведен регрессионный анализ статистических данных, характеризующих особенности социально-экономической жизни населения, особенности формирования социальных установок в межэтнической сфере [1].

В качестве зависимой переменной был определен показатель — уровень толерантности к мигрантам, включающий **позитивный полюс** (желание легализовать и ассимилировать мигрантов) и **отрицательный полюс** (установка на выдворение мигрантов за пределы России).

В качестве независимых переменных, установлены следующие факторы: особенности этнического самосознания; проявления повседневных социальных практик населения в межэтнических отношениях; оценка эффективности этнокультурной политики; социально-экономические; социально-демографические показатели межэтнической конфликтности.

Таблица 1. Модель бинарной логистической регрессии факторов толерантности населения приграничных территорий РФ к мигрантам других этносов

Переменная	Регрессионный анализ		
	R	B	p
Особенности этнического самосознания			
Высокая степень отождествления себя со своей этнической группой	0,054	0,130	0,088
Позитивные эмоции (гордость за свою этническую принадлежность)	0,054	0,152	0,045
Соблюдение нравственных правил религии в повседневной жизни	0,054	0,243	0,000
Социально-экономические факторы			
Чувство уверенности и стабильности в экономическом и моральном плане	0,054	0,227	0,025
Повседневные социальные практики населения в межэтнических отношениях			
Высокий рейтинг фактора в регионе «Люди стараются помогать друг другу»	0,054	0,658	0,001
Высокий уровень фактора в регионе «Дружба между представителями разных национальностей»	0,182	0,136	0,000
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	0,182	0,073	0,079
Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности	0,182	0,054	0,107
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	0,182	0,054	0,078
Уважительное отношение к представителям другой национальности	0,182	0,058	0,109
Осуждение проявления национализма	0,182	0,036	0,195

Переменная	Регрессионный анализ		
	R	B	p
Эффективность этнокультурной политики			
Исполнительная власть эффективно реализует контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики	0,182	0,110	0,003
Исполнительная власть эффективно реализует развитие культуры и традиций представителей разных национальностей	0,182	0,079	0,108
Сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе	0,182	0,071	0,128
Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей, независимо от национальности и вероисповедания	0,182	0,066	0,040
Примечание. R (R-квадрат Кокса и Снелла) — коэффициент разницы в распространенности; B — коэффициент взаимовлияния переменных; p — уровень значимости.			

Согласно данным, представленным в модели, толерантное отношение к мигрантам в российском обществе в регионах может быть обусловлено особенностями этнического самосознания, а именно, высокой степенью отождествления себя со своей этнической группой, наличием позитивного эмоционального компонента, осознанием сопричастности своему народу, вызывающим чувство гордости [2].

Однако наиболее сильным и статистически выраженным в контексте формирования народного единства является такой фактор, как соблюдение нравственных правил религии в повседневной жизни, которые, независимо от конфессиональной принадлежности, этнической выраженности, содержат общечеловеческие позитивные ценности, направленные на помощь ближнему, толерантное отношение, согласие и дружелюбие к другим иноэтничным гражданам.

Социально-экономическое благополучие, ощущение уверенности, стабильности в материальном и моральном плане создает оптимальные социальные условия, является социальным фоном, благоприятным для реализации межэтнического согласия. Очевидна обратная законо-

мерность, заключающаяся в обострении межнациональных отношений, негативного отношения к мигрантам с ростом социально-экономической нестабильности, распространении бедности, нищеты, увеличении материальной дифференциации.

Наибольшая роль в стимулировании межэтнического согласия принадлежит обыденным социальным практикам населения, реализующаяся в формировании позитивных установок в отношении иноэтнического населения. Выявлено наибольшее количество факторов интеграции, принадлежащих именно к данному классу явлений.

Высокий рейтинг и значимость фактора «люди стараются помогать друг другу» способствует формированию позитивного межэтнического коммуникативного пространства. Дружба между представителями разных национальностей, уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей являются индикаторами позитивных социальных установок населения, направленных на преодоление межэтнических разногласий.

Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности, справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей формируют благоприятные социальные условия для развития межэтнического единства. Осуждение проявления национализма, экстремизма имеет регулирующую функцию, формирует тенденцию усиления позитивных взаимодействий между людьми разных национальностей.

Выраженную значимость для роста межэтнического сотрудничества имеет эффективная региональная и общероссийская этнокультурная политика. Согласно данным, представленным в модели, наиболее значимыми являются следующие базовые направления реализации национальной политики: контроль исполнительной власти за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики; реализация исполнительными органами власти процессов развития культуры и традиций представителей разных национальностей; бескомпромиссность, реальное отстаивание интересов всех жителей, независимо от национальности и вероисповедания. Рост эффективности данных направлений политического управления, высокая оценка значимости таких мероприятий населением регионов будут способствовать усилению межэтнической интеграции и препятствовать тенденциям роста национализма, ксенофобии, экстремизма и других негативных явлений в области межэтнических коммуникаций. Безусловно, максимальная роль в формировании народного единства, по мнению населения всех исследуемых регионов, принадлежит наличию сформированной эффективной системы управления реализацией государственной национальной политики в регионах.

Таковы базовые условия формирования и оптимизации межэтнической интеграции, как основы эффективной миграционной политики в приграничных территориях Российской Федерации.

Список литературы

1. *Черепанова М. И.* Особенности этно-национальной ситуации в республике Алтай // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе : сб. ст. Уфа : АЭТЕРНА, 2015. С. 241—243.
2. *Черепанова М. И.* Забайкальский край: оценка конфликтогенного межэтнического потенциала // Наука и современность: сборник статей. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 271—274.

Благодарность

Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации». (2014—2015)

Информация об авторе

Черепанова Мария Ивановна, к. пед. н., доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, cher_67@mail.ru

Неваева Динара Алиевна, аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, dinaranevaeva@mail.ru

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна, магистрант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, syldysma93@mail.ru

«НОВОЕ ОСВОЕНИЕ» СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

В. В. Чернов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. Сегодня наша страна оказалась перед необходимостью модернизационного прорыва. Социально активная часть населения осознает, что так, как мы жили последние двадцать лет, жить далее нельзя. Пребывание в состоянии системного кризиса может привести к исчезновению России как целостного государства. Спасти нас по-настоящему может реализация масштабного проекта. Такой проект должен отвечать статусу «общенационального» и, действительно, мог бы вывести Россию из продолжающегося затяжного кризиса, вернул бы ей статус Великой державы, — например, проект освоения Сибири и Дальнего Востока. Но возникает вполне закономерный вопрос: есть ли потенциал для реализации подобных проектов? Готово ли население Сибири и Дальнего Востока включиться в реализацию стратегии «нового освоения» восточных территорий страны? Обладает ли население необходимой мотивацией к реализации подобной стратегии? Чтобы дать ответы на эти и другие вопросы, осенью 2015 г. в Сибирском федеральном округе (СФО) было проведено социологическое исследование — экспертный опрос по вышеназванной проблематике.

Ключевые слова: модернизация, экспертный опрос, Сибирь, Дальний Восток, освоение территорий

В экспертном опросе, проведенном в СФО, использована региональная репрезентативная выборка, отражающая распределение пропорций между профессиональными и общественными экспертами — представителями от законодательной и исполнительной власти регионального уровня, сотрудниками образовательных организаций высшего профессионального образования и научных учреждений, представителей политических партий, а также общественных экспертов федерального и регионального значения. Объем выборочной совокупности экспертов составил 83 человека. В соответствии с критериями отбора участники экспертного опроса распределились в следующей пропорции:

- от органов законодательной и исполнительной власти — 24,2 %;
- от высших учебных заведений и научных учреждений — 16,8 %;
- от руководителей предприятий и бизнес-общества — 12,9 %;
- от политических партий и общественных организаций — 46,1 %.

Эксперты пропорционально представлены из всех регионов Сибирского федерального округа, 86,7 % экспертов имеют высшее образование, 4,0 % — неполное высшее, 5,0 % — среднетехническое. Из числа экспертов 11,3 % имеют ученую степень кандидата наук, 5,0 % — ученую степень доктора наук. Все эксперты проживают в Сибирском федеральном округе и указали на достаточно высокую степень знакомства с исследуемой проблемой.

Большая часть респондентов (85,7 %) считает, что современная Россия нуждается в общенациональном масштабном проекте, который мог бы стать основанием для преодоления кризисных явлений в нашей стране. Одним из таких проектов мог бы стать проект «нового освоения» Сибири и Дальнего Востока. Притом что ряд российских ученых «рисуют» довольно скептические сценарии будущего Сибири и Дальнего Востока — от демографического опустынивания до покупки этого региона США [1], — роль Сибири очень значима для России: по мнению большинства экспертов (77,5 %), Сибирь является тем регионом, от которого Россия не может отказаться, сдать в аренду или продать. В то же время эксперты отмечают, что за последние три года не произошло существенных изменений (55 %) в государственной политике в отношении развития Сибири, заявленной в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года». Наоборот, ряд экспертов считают, что ситуация ухудшилась (23,8 %).

Опрошенные придают большое значение проекту «нового освоения» Сибири и Дальнего Востока, который мог бы повлиять не только на экономическую сферу жизни российского общества, но и на другие жизненно важные сферы (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Если бы был разработан общенациональный проект «нового освоения» Сибири и Дальнего Востока, мог бы он стать консолидирующим фактором для народов России и способствовать развитию страны в целом?»

Варианты ответа	Частота	Доля ответов, %
Да, мог бы	48	60,0 %
Скорее мог бы, чем не мог	17	21,3 %
Скорее не мог бы, чем мог	5	6,3 %
Нет, не мог	8	10,0 %
Затрудняюсь ответить	2	2,5 %
Итого	80	100,0 %

Эксперты выделили ряд приоритетных направлений по реализации проекта «нового освоения» Сибири и Дальнего Востока (табл. 2).

*Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Если России нужен крупномасштабный общенациональный проект освоения
и развития Сибири и Дальнего Востока, по каким приоритетным направлениям он
должен реализовываться?»*

Варианты ответа	Частота	Доля ответов, %
Создание новых научно-производственных комплексов (точек роста)	50	64,1%
Строительство многофункционального транспортного коридора и инфраструктуры вдоль 60-й параллели	19	24,4%
Строительство предприятий глубокой переработки природных ресурсов	60	76,9%
Переселение жителей западной и центральной России в Сибирь и на ДВ с созданием условий их занятости и соцобеспечения	26	33,3%
Создание мировых туристических и курортных зон	11	14,1%
Другое	5	6,4%
Всего	171	219,2%

В рамках ответа «Другое» экспертами предлагается набор мер, совпадающих по содержанию с четвертым ответом табл. 2. По данному вопросу эксперты могли выбрать до трех предложенных ответов включительно, поэтому итоговая доля процента составляет более 100 %.

Рассматривая условия, при которых граждане России и соотечественники, проживающие за рубежом, могут поехать на постоянное место жительства в регионы Сибири и Дальнего Востока, эксперты выделили среди них наиболее приоритетные: высокая заработная плата (67,5%), государственная поддержка при открытии собственного дела (42,5%), участие в крупном общенациональном проекте (31,3%), социальные льготы и гарантии (38,8%). Эксперты могли выбрать до трех ответов по предложенному вопросу, касающемуся условий переселения в Сибирь и на Дальний Восток. Из ответов экспертов следует, что участие в госу-

дарственном общенациональном проекте, реализуемом на просторах Сибири и Дальнего Востока, является значимым условием для переселения в этот регион.

Жанр тезисов не позволяет полноценно представить данные экспертного сообщества по проведенному исследованию. Основным вывод, который следует из проведенного социологического исследования, говорит об одном: Россия нуждается в крупномасштабном национальном проекте, в модернизации. Таким проектом могло бы стать «новое освоение» Сибири и Дальнего Востока, за этим регионом — будущее.

Список литературы

3. *Ламин В. А.* Ретроспективный взгляд на историю Сибири / В. А. Ламин // Наука в России. 2002. № 4. С. 81—85.

Информация об авторе

Чернов Виталий Вениаминович, к. с. н., доцент кафедры социологии организаций и социальных технологий РГГУ, Москва, Россия, colonel60@bk.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

А. А. Шабунова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия

Аннотация. Разработанное и проведенное в Вологодской области мониторинговое исследование здоровья детей позволило выделить общие структурные блоки и их взаимосвязи, которые могут быть использованы на других территориях страны с учетом региональных особенностей. Предлагаемая система осуществления мониторинга служит методологической основой исследования прямого и косвенного взаимного влияния социально-экономического развития территории на здоровье детей и потенциала здоровья детской популяции — на экономическое развитие территории в ближайшей и отдаленной перспективе.

Ключевые слова: здоровье населения, мониторинг, детское здоровье, человеческий потенциал, развитие территории, лонгитюдное исследование

Сохранение и укрепление здоровья населения как национального богатства и фактора, определяющего состояние человеческого потенциала, является важнейшей задачей общества. Успех реализации инновационного перехода зависит от доли молодых когорт в структуре рабочей силы, способных особенно эффективно осваивать технологии. Между тем «поле» детства, его человеческий и социальный потенциал сжимается, как «шагреновая кожа». За последние 15 лет численность детей в возрасте 0—17 лет уменьшилась почти на 12 млн, или примерно на треть, тем самым «урезая» масштабы молодежи (18—30 лет) на следующем возрастном этапе. Нынешние дети определяют будущее российского общества.

В 80-х гг. XX в. в отечественной науке появилась идея о необходимости всестороннего изучения детского здоровья и развития, подобного английскому опыту, впервые она была высказана Н. Римашевской. Прообразом стало исследование здоровья и развития детей, начатое в Великобритании в 1958 г. Национальным учреждением детства (NCB), а с 1985 г. — Центром многолетних исследований (CLS). В 2008 г. это исследование отметило свой юбилей — 50 лет и выпустило юбилейную монографию «Now we are 50» [1].

«Центральная идея исследования состоит в том, чтобы в формате лонгитюда, в режиме реального времени изучить процесс формирования качественного потенциала человека, начиная с рождения» [2].

Для решения этой задачи в Вологодской области был выбран метод лонгитюдного (многолетнего) мониторинга когорт, который позволяет отразить все нюансы изменений детского здоровья в различные периоды жизни. Выборку составили все семьи, в которых родились дети в мае 1995 г., в городах Вологде, Череповце и районных центрах — городах Великом Устюге, Кириллове и поселке городского типа Вожега (позже к ним присоединились семьи когорт 1998, 2001, 2004 и 2014 г. р.). Информация снималась четыре раза в год в течение первого года жизни (новорожденные дети, дети в возрасте 1 месяца, 6 месяцев и одного года), далее ежегодно. Наблюдение позволило получать в режиме реального времени объективную и достоверную информацию о здоровье и развитии детей и факторах, их определяющих.

Большую заинтересованность в этом проекте с первых этапов его осуществления проявили Департамент здравоохранения Вологодской области, Правительство Вологодской области. Тесное сотрудничество ученых и управленцев в данном проекте обогатило исследование и повлияло на принятие управленческих решений.

Мониторинг позволил увидеть тенденции изменения здоровья новорожденных детей за период с 1995 по 2014 гг. (рис. 1). Так, за 1995—2004 гг. произошло сокращение на 7 п. п. доли новорожденных детей с 1 группой здоровья. При этом доля новорожденных, имеющих хронические заболевания (3, 4 группы), была наиболее значительной среди детей 1998 г. р. Это объясняется тем, что период их вынашивания и рождения в 1998 г. совпал с экономическим спадом, кризисом в экономике и социальной сфере, в том числе и здравоохранении, что отразилось на здоровье детей [4].

Новый этап исследования в 2014 г. показал, что почти 15% новорожденных имели хорошее здоровье (отнесены к 1 группе здоровья), что на 5—10 п. п. выше, чем в предыдущие годы исследования. При этом сократился и удельный вес детей, имеющих функциональные и некоторые морфологические отклонения (группа 2Б, на 6 п. п. по сравнению с 2004 г.). Данные процессы связаны, с одной стороны, с улучшением социально-экономического положения населения, с другой стороны, с мероприятиями демографической политики, проводимыми в стране и регионе

Анализ данных мониторинга свидетельствует о снижении потенциала здоровья детей, полученного при рождении, причем ухудшение здоровья происходит поэтапно, ступенчато. Установлены основные критические периоды детства: первый год жизни, 6—7 лет, что связано с наиболее

ответственными моментами социальной адаптации. К 12 годам, в силу физиологических особенностей, укрепляется иммунная система детей, сокращается удельный вес часто болеющих простудными заболеваниями. Однако увеличивается заболеваемость опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, снижается острота зрения, т. е. растет число хронических патологий.

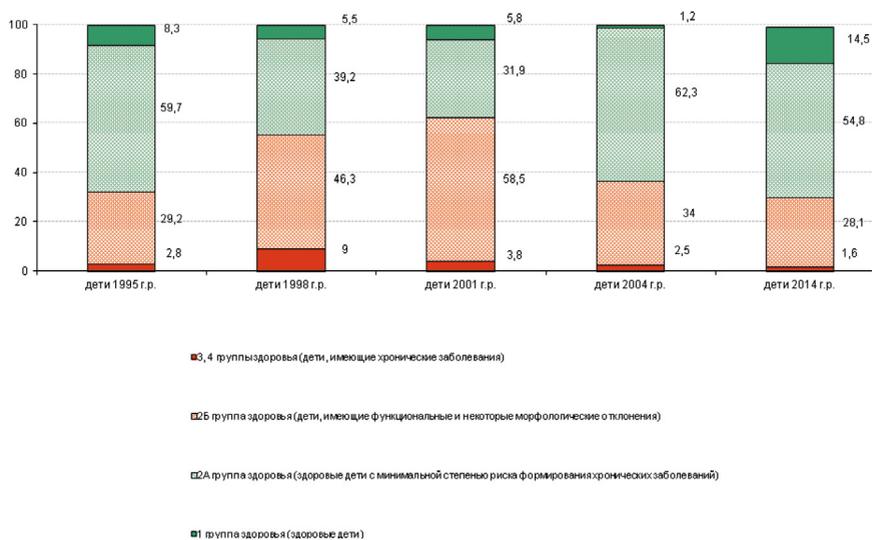

Рисунок 1. Здоровье новорожденных детей

Ярко заметны территориальные различия: здоровье детей в городах Череповце и Вологде, по оценкам врачей, хуже, чем в районах. Удельный вес детей с хроническими заболеваниями в городах больше в 2—4 раза, чем в районах. Но это может быть обусловлено не только лучшим здоровьем детей в сельской местности, но и меньшей выявляемостью заболеваний, чем в крупных городах. В сельской местности имеет место недоукомплектованность педиатрическими кадрами. Это приводит к более низкому качеству медицинских осмотров: отсутствие полного состава врачей-специалистов влечет за собой позднюю и неполную выявляемость хронических заболеваний у детей.

Проведенный анализ позволил выявить факторы, оказывающие статистически существенное влияние на здоровье детей. Установлено, что в различные возрастные периоды их воздействие не одинаково. В раннем детстве наиболее значительное влияние на здоровье детей оказывают медико-биологические факторы и образ жизни матери.

При формировании здоровья детей в дошкольном и школьном возрасте значимыми становятся несколько иные факторы. Увеличивается удельный вес рисков среды обитания, образа и уровня жизни семьи, снижается воздействие медико-биологических факторов.

Распространенность факторов риска в популяции довольно высока. Лишь 6 % семей благополучны в этом отношении, в остальных эти факторы присутствуют в различных сочетаниях.

Более чем в трети семей отмечаются 2 каких-либо фактора риска, примерно в 20 % семей — сочетаются три. Наибольшая доля здоровых детей выявлена в семьях, где негативные воздействия отсутствуют или минимальны (около 30 %). Наиболее велика доля детей, имеющих хронические заболевания, в семьях, сочетающих четыре (25 %) и пять (33 %) факторов риска. При этом факторы риска сконцентрированы в семьях с низкими доходами.

Полученные данные свидетельствуют о формировании определенной закономерности: широкая распространенность факторов риска в популяции ведет к ухудшению здоровья детей, а это, в свою очередь, определяет низкий уровень здоровья молодежи и, в конечном счете, отражается на здоровье взрослых. Плохое здоровье родителей становится причиной нездоровья детей. Формируется так называемая «социальная воронка», куда все активнее втягиваются молодые когорты: проблемы здоровья перемещаются из групп населения старшего возраста в группы детей и молодежи [3].

Вышеизложенное не дает основания для предположения о возможности существенного улучшения здоровья детей в России в ближайшей перспективе и диктует необходимость самых активных действий по сохранению и укреплению здоровья детей и подростков, которое является основой формирования репродуктивного и трудового потенциала и, в целом, человеческого капитала, — как со стороны государства, так и на уровне каждой семьи.

В Российской Федерации в последнее десятилетие предпринимаются определенные усилия, направленные на поддержание и укрепление здоровья населения, в том числе и детского (Национальный проект «Здоровье»; региональные целевые программы; Программа модернизации здравоохранения). Тем не менее, анализ причин снижения здоровья детей и основных факторов риска показал, что существующие меры не являются достаточными. Необходимы продолжение и совершенствование имеющихся мероприятий и разработка новых.

Отдельные меры, принимаемые в рамках государственных программ и проектов, не системны и не дают должного результата. Для сохранения и улучшения здоровья россиян необходима разработка Национальной

стратегии сохранения здоровья населения, предполагающей системный проблемно-ориентированный подход к решению данной задачи.

Не менее важным результатом мониторинга детского здоровья стало дальнейшее развитие научного направления. В 2004 г. по инициативе и при поддержке Департамента здравоохранения Вологодской области, было начато исследование *репродуктивного здоровья населения*, в 2005 г. — изучение репродуктивного поведения.

В период 2010—2015 гг. под руководством д. э. н. А. А. Шабуновой создана научная школа «Проблемы социально-демографического развития территорий», развитие которой способствовало усилению исследований общественного здоровья и демографической направленности проблематики.

Список литературы

1. *Now we are 50 / Key findings from the Elliott and Romesh Vaitilingam*. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cls.ioe.ac.uk/studies.asp?section=0001000200030003>
2. *Римашевская Н. М.* Российский генофонд: качество будущих поколений // *Народонаселение*. 2000. № 4. С. 100.
3. *Римашевская Н. М.* Социально-экономические и демографические проблемы современной России // *Вестник Российской академии наук*. 2004. Т. 74. № 3. С. 209—218.
4. *Шабунова А. А.* Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга [Текст] : монография / А. А. Шабунова, М. В. Морев, Н. А. Кондакова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03120, «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

Информация об авторе

Шабунова Александра Анатольевна, д. э. н., врио директора ИСЭРТ РАН, Вологда, Россия, aas@vscc.ac.ru

ДИНАМИКА ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА «ТАГАНРОГ»)

И. М. Шнейдерман, Н. Н. Ноздрина, В. И. Гришанов, А. К. Гузанова

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия

Аннотация. Одной из важнейших сфер долгосрочного стратегического планирования социально-экономического развития является жилищная политика, во многом определяющая успешность развития экономики и общества. Панельные социологические исследования позволяют проследить изменения, происходящие на протяжении ряда лет с одним и тем же социумом на одной и той же территории. Для проведения эффективной жилищной политики необходимо обеспечить руководителей разного уровня власти качественной информацией о реальной жилищной ситуации, в которой находятся домохозяйства различного типа, о потребностях и предпочтениях населения в этой сфере, а также о возможных путях улучшения жилищных условий. Бесценный материал для исследователей и лиц, принимающих решения, представляет Таганрогский проект — квазилонгитюдное исследование условий, уровня и качества жизни населения (домохозяйств) г. Таганрога.

Ключевые слова: жилищные условия, жилищная политика, панельные исследования, Таганрог

Начало Таганрогского проекта лежит в далеких 1960-х годах, его вдохновителем был Б. А. Грушин, который в те годы сделал упор на исследование деятельности средств массовой информации и участие населения в информационном процессе [1]. С первого же этапа в проекте «Таганрог» приняла активное участие Н. М. Римашевская. Насчитывается пять временных точек наблюдения — Таганрог-I (1967—1968 гг.), Таганрог-II (1978—1979), Таганрог-III (1988—1989), Таганрог-III 1/2 (1993—1994), Таганрог-IV (1998—2000 гг.) [2]. Здесь представлены результаты последнего по времени VI этапа проекта (2014—2015 гг.) — в части, касающейся жилищных условий домохозяйств [3].

Согласно опросу, проведенному в 2014 г., в Таганроге в отдельных квартирах проживают 76,9% домохозяйств, в коммунальных квартирах — 6,4%, отдельных домах (или части дома) — 16,2%, общежитиях — лишь 0,6%. Если эти данные сопоставить с данными первого обследования жителей Таганрога в 1967—1968 гг., то жилищные условия разительно различаются. В отдельных квартирах тогда проживало лишь 19,2%, в коммунальных квартирах и общежитиях — 33% и 10,1%, соответственно.

Доля домохозяйств, имеющих индивидуальные дома, заметно снизилась с 29,7 % до 12,6 %. Все это говорит о существенном изменении структуры городской застройки. Обследование 1998 г. уже зафиксировало изменения в сторону заметного увеличения доли отдельных квартир до 61 %, снизилась доля семей, проживающих в индивидуальных домах (20,8 %), а также в общежитиях (5,4 %).

Тяжелая жилищная ситуация заметно определяется социально-демографическими факторами — составом домохозяйства. Самые плохие жилищные условия имеют сложные семьи (супружеские пары с детьми и родителями). Каждая четвертая такая семья имеет 11 кв. м общей площади жилья на человека, еще 66,8 % — от 11 до 20 кв.м. Немного лучше ситуация у обычных супружеских пар с детьми (16,4 % и 63,8 % соответственно) и неполных семей с детьми и родителями (11,4 % и 65,6 %). Для всех этих типов домохозяйств совсем не характерно просторное проживание. Неполные семьи без родственников в 49 % случаев имеют от 20 до 30 кв. м на человека, среди них встречаются и жильцы просторных квартир (12 %) — более 30 кв. м/чел. Супружеские пары без детей в 54,3 % случаев имеют от 20 до 30 кв. м/чел. и 23,3 % — более 30 кв. м. Наконец, одинокие, в основном (76,3 %), являются владельцами жилплощади более 30 квадратных метров.

Особого внимания заслуживает анализ зависимости жилищных условий от доходов домохозяйств. По данным обследования 2014 г., с ростом доходов домохозяйств обеспеченность жильем становится лучше. Разница между семьями с низкими и высокими среднедушевыми доходами (менее 6000 руб. и более 21000 руб. соответственно) составляет порядка двух раз (15,6 против 31,3 кв. м. на человека).

Половина семей, проживших в своем жилье менее 20 лет, сами решили жилищный вопрос — они либо купили, либо построили жилье; 9,6 % домохозяйств переехали в результате обмена. Бесплатно от предприятия, фирмы или организации получили жилье всего только 6,2 % и еще 3 % получили его от государства или муниципалитета. Важное значение имеет получение жилья в наследство: на это указали 21,2 % опрошенных домохозяйств. На момент опроса снимали жилье 9 % домохозяйств.

Городской жилищный фонд становится все более однородным по степени благоустройства и наличию городских коммунальных удобств. Об этом говорит анализ исследований, проведенных в разные годы в Таганроге. Особенно заметно улучшение по индивидуальному жилому фонду города. Так, если в 1968 г. такое жилье относилось к категории «жилья с ограниченными удобствами (как правило, в таких домах было только электрическое освещение и водопровод; отопление было печным, канализация отсутствовала), то в 1998 г. эта часть жилищного фонда уже

была на 70 %, а в 2014 г. — на 90 % сопоставима с многоквартирными домами по уровню благоустройства: в таких домах сегодня имеются: водопровод, канализация, водонагреватели, ванны, магистральное газоснабжение.

Планы по улучшению жилищных условий имеются у трети опрошенных домохозяйств. Они планируют следующие способы улучшения жилищной ситуации: продать свое жилье и купить вместо него новое — 52,1 %, купить другое жилье, сохранив за собой старое — 24,2 %, сделать пристройку, реконструкцию дома — 22,3 %, снять жилье — 0,5 %, получить квартиру бесплатно по очереди, сносу, выселению — всего 0,9 %.

С точки зрения разработки жилищной стратегии, интерес представляет распределение ответов на вопрос: «Если бы Вы имели все возможности для улучшения жилищных условий, то какой тип жилья Вы бы предпочли?». Жилищные предпочтения горожан сфокусированы на жилье непосредственно в самом Таганроге, причем наиболее предпочтительным представляется отдельный семейный дом (коттедж), либо жилище типа «таунхаус». Такой вариант выбрали более 40 % опрошенных, около трети респондентов (28,7 %) предпочли бы квартиру в многоквартирном доме, чуть более десяти процентов (13,9 %) — выбрали бы загородный вариант проживания, в том числе 11,9 % — дом (коттедж) или таунхаус вблизи города и 2 % — дом или коттедж в удаленной от города сельской местности. Отметим, что данная структура предпочтений респондентов входит в определенное противоречие с изменившейся городской застройкой. Анализ предпочтительных типов жилья по домохозяйствам с разным материальным положением показал, что бедные семьи чаще других выбирают квартиры в многоквартирных домах (таких в группе с самыми низкими среднедушевыми доходами 35,4 %); 4,2 % бедных семей также согласны на дом в удаленной сельской местности (в 2 раза больше, чем в среднем по выборке). Среди материально обеспеченных домохозяйств (со среднедушевыми доходами свыше 21000 рублей) квартиры выбрали всего 24,2 %, тогда как число сторонников домов и таунхаусов составило 51,5 %. При этом 28,8 % таких домохозяйств хотели бы жить в городе, а 22,7 % думают, что им подошел бы пригород (в 2 раза больше, чем в среднем по выборке). Никто из относительно богатых не согласился бы жить в сельской местности.

Исследования уровня и качества жизни населения Таганрога, проведенные в разные годы в рамках реализации проекта, показывают: постепенно увеличивалась жилищная обеспеченность домохозяйств, сокращалась доля коммунальных квартир и неблагоустроенного жилья, серьезно менялось соотношение различных форм собственности на жилье, росла имущественная обеспеченность населения. Собранные в Таганроге эм-

пирические данные представляют собой достаточный материал для более глубокого изучения жилищных условий домохозяйств, заинтересованных в решении своего жилищного вопроса — молодых семей, семей с детьми, а также тех, кто проживает в тесном и неблагоустроенном жилье. Вместе с тем, уже сегодня можно сказать о необходимости строительства социального жилья, а также о больших перспективах индивидуального жилищного строительства.

Список литературы

1. *Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования* / под ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М., 1980.
2. *Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог»* / под ред. Римашевской Н. М. М.: Изд-во ИСЭПН РАН, 2001.
3. *Журнал «Народонаселение»*. 2016. № 2.

Информация об авторах

Шнейдерман Инна Михайловна, к. э. н., завлабораторией социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения ИСЭПН РАН, Москва, Россия, schneiderman@isesp-ras.ru

Ноздрина Надежда Николаевна, к. э. н., ведущий научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения ИСЭПН РАН, Москва, Россия, nnozdz@yandex.ru

Гришанов Владимир Ильич, к. э. н., старший научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения ИСЭПН РАН, Москва, Россия, v_grishanov@mail.ru

Гузанова Алла Константиновна, старший научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения ИСЭПН РАН, Москва, Россия, alla.guzanova@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА К АНГЛИЙСКИМ ЗАИМСТВОВАНИЯМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛИПЕЦКА)

А. С. Шурупова, О. С. Шурупова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Липецкий филиал, Липецк, Россия,*

Аннотация. В последние десятилетия тема проникновения иностранных слов в русский язык становится весьма актуальной. В процессе глобализации использование иностранных слов в разговорной речи становится не только совершенно привычным, но и повсеместным. Хорошо ли то, что английский стал столь влиятельным и распространенным, что житель русского провинциального городка, проезжая по родным улицам, видит вывески на английском и ощущает «присутствие Америки» в своей жизни? Результаты исследования, проведенного в Липецке, свидетельствуют о том, что, несмотря на интенсивность процесса заимствования англицизмов, происходящего в современном русском языке, население относится к подобной лексике сдержанно, далеко не всегда владеет ею, а нередко избегает ее использования.

Ключевые слова: заимствованная лексика, англицизмы, отношение населения

Целью исследования являлось выявление уровня знания англицизмов и отношения к заимствованиям «рядового носителя языка» — человека, который не обладает специальными познаниями о лингвистических явлениях и процессах. Для этого нами было опрошено методом случайной выборки 207 жителей Липецка, среди которых оказались 77 школьников, 74 студента, 8 пенсионеров, 16 служащих со средне-специальным и 32 — с высшим образованием.

Анкетирование должно было помочь нам [1, с. 72]:

- установить, какая группа населения владеет заимствованной лексикой на наиболее высоком уровне (анкета содержала задания, связанные с толкованием слов разной тематики, установлением сочетаемости заимствованных слов, включением их в собственные предложения);
- выявить, какие тематические группы заимствований значимы для людей разного возраста и социального положения;
- установить гендерные различия в восприятии и использовании заимствованных слов;

- выяснить, какие ассоциации (положительные или негативные) вызывают популярные заимствования у носителей языка;
- выявить, каковы источники пополнения словарного запаса носителей русского языка заимствованиями;
- установить степень понимания массовым зрителем и читателем оборотов с заимствованными словами, подобранными нами из современных текстов;
- осмыслить отношение разных групп населения к заимствованиям и их употреблению в собственной речи.

Как показал анализ анкет, разные носители русского языка демонстрируют сходное отношение к заимствованиям. Большинство слов из предложенного списка респонденты вообще никогда не употребляют. Реже всего подобная лексика появляется в речи людей преклонного возраста. Школьники пользуются заимствованиями в два раза чаще, чем пенсионеры (рис. 1). В студенческие годы человек узнает больше новых слов, но использует их избирательнее, осторожнее. Люди с высшим образованием прибегают к заимствованной лексике чаще, чем те, у кого образование среднее или средне-специальное, однако реже школьников и студентов.

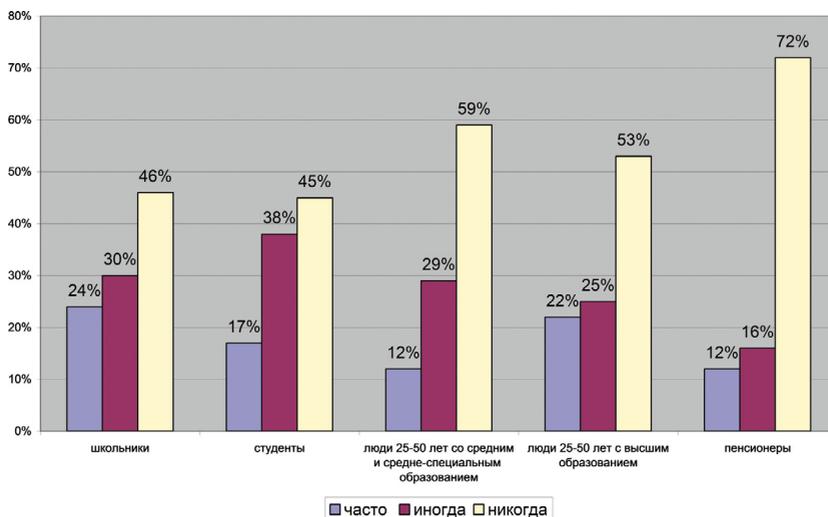

Рисунок 1. Использование заимствований жителями г. Липецка, %

Респондентам было предложено дать толкование 38 заимствованных слов, которые достаточно часто используются в современном общении и относятся к разным сферам жизни: политической (2 слова), экономи-

ческой и коммерческой (11 слов), строительной (2 слова), спортивной (2 слова), массовой культуры и шоу-бизнеса (4 слова), моды (2 слова), компьютерной (5 слов), бытовой (10 слов). Как оказалось, лучше всего школьники знакомы с заимствованиями в компьютерной сфере (рис. 2). Наименее известными оказались англицизмы, связанные с политикой. Наиболее распространенным и понятным англицизмом оказалось существительное «лузер» (ему ненамного уступают «секьюрити», «мессидж», «фастфуд», «бир» и «коп»), наименее ясными — «ритейлер», «кейтеринг», «моббер» и «имплементировать».

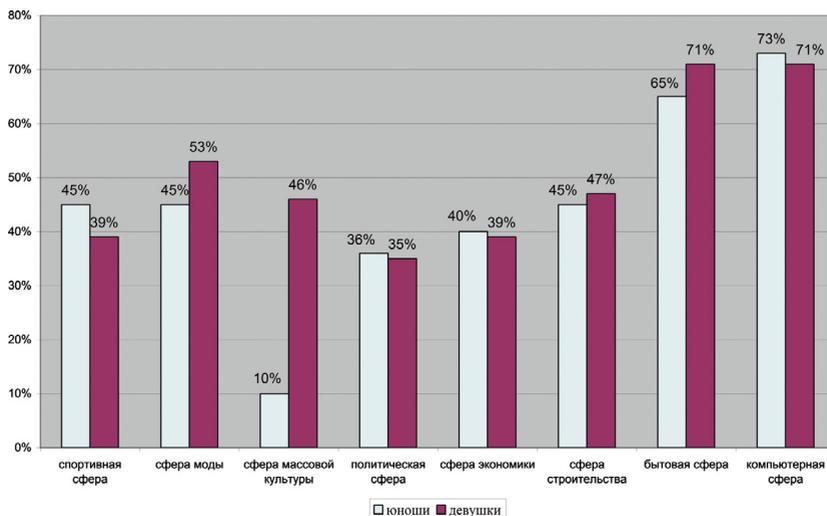

Рисунок 2. Знание учащимися заимствованных слов разных тематических групп, %

Большинство студентов признали, что иногда пользуются заимствованиями. 30% пользуются подобными словами часто. Однако среди студентов нашлись и те, кого заимствования раздражают (5%). 5% студентов, выбрав вариант «другое», формулировали собственные ответы, которые в целом выражали, что иногда без заимствований трудно обойтись, и отношение к заимствованным словам бывает разным в каждом конкретном случае.

Среди респондентов с высшим образованием заимствования используют чуть больше 20% (рис. 3).

Однако качественный анализ выполненных респондентами лингвистических заданий показал, что большинство людей, утверждающих, что пользуются заимствованной лексикой часто, скорее всего, почти не прибегают к заимствованиям. Среди наиболее известных и при-

вычных слов лидируют «сайт», «монитор», «чат», среди малознакомых оказались «спичрайтер», «прайвизи», «айсинг». Утверждения респондентов, что подобную лексику они употребляют часто, не подтверждаются результатами их работы с конкретными словами. Не зная то или иное слово, люди стремятся объяснить его исходя из звучания или пытаются перевести на русский отдельные морфемы, что далеко не всегда обеспечивает правильное понимание. Как и исследование Е. В. Какориной [2, с. 473], в ходе которого испытуемым было предложено дать толкование слов, привести их синонимы и составить с заимствованиями словосочетания или предложения, наш опрос показал, что, когда неизвестно точное значение того или иного термина, происходят «отсылки к сфере функционирования слова», «указания на тематическую сферу, к которой принадлежит слово».

К сожалению, почти не удалось отметить образность развернутых рассуждений о смысле слова, о которой говорит Е. В. Какорина. Если заимствование казалось непонятным, чаще всего респонденты ставили рядом с ним прочерк, не пытаясь дать никаких объяснений.

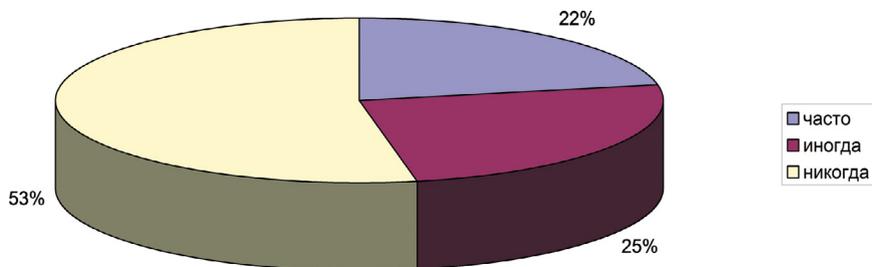

Рисунок 3. Использование заимствований носителями языка с высшим образованием, %

Респонденты не смогли объяснить значение нескольких фраз, взятых из рекламы, новостных передач, речей политиков и т. д. Большинство из них вызывали у пытавшихся их истолковать людей недоумение, иронию и даже возмущение. Например, словосочетание «алармистские выражения» многим показалось непонятным. А между тем, оно взято из новостной программы. В целом, можно говорить о неполной освоенности представителями практически всех групп населения употребительных заимствований из английского языка.

Ассоциации, которые вызывают у респондентов англицизмы, во многом сходны. Большинство англицизмов оценивается неоднозначно, наиболее часто негативную реакцию вызывают слова «брутальный», «гламур», «секондхэнд», «спонсор».

Анализ анкет позволяет сделать вывод, что, кроме пенсионеров, все группы респондентов считают источниками пополнения лексикона заимствованными словами интернет, телевидение и живое общение.

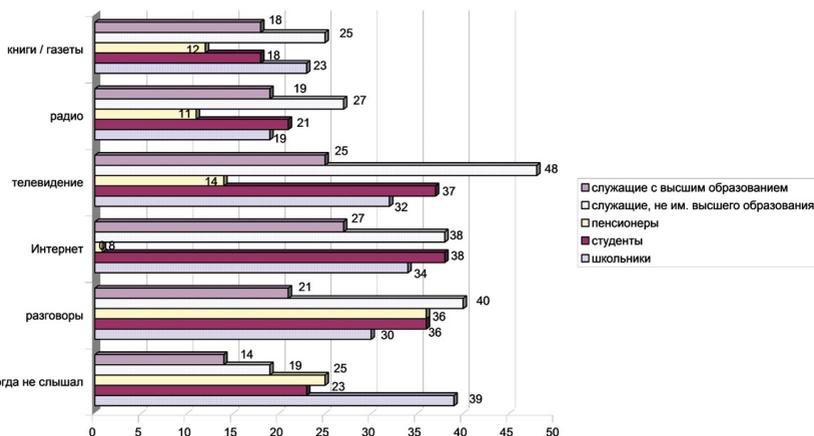

Рисунок 4. Источники пополнения заимствованиями словарного запаса респондентов, %

Гендерные различия в большинстве случаев не слишком существенны. И мужчинам и женщинам лучше всего знакомы слова, относящиеся к компьютерной сфере.

Таким образом, практически все респонденты ощущают, что сегодня русский язык активно пополняется заимствованиями из английского; у некоторых людей, особенно среднего и преклонного возраста, это вызывает раздражение. Тем не менее, большинство носителей языка понимают причины происходящего и подчеркивают, что использовать заимствования надо с осторожностью, лишь в тех случаях, когда им нет достойной русской замены. Несмотря на интенсивность процесса заимствования англицизмов, происходящего в современном русском языке, современный человек относится к подобной лексике достаточно сдержанно далеко не всегда владеет ею, а нередко избегает ее использования.

Список литературы

1. Ходжагельдыев Б. Д., Шурупова О. С. На каком языке мы говорим? (Современный русский язык в эпоху английских заимствований): монография. Липецк : ООО «Веста», 2015.
2. Какорина Е. В. Иноязычное слово в речевом узусе разных социальных групп // Современный русский язык : Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянской культуры, 2003.

Информация об авторе

Шурупова Анна Сергеевна, к. э. н., доцент, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Липецк, Россия, shurupova2011@mail.ru

Шурупова Ольга Сергеевна, к. филолог. н., научный сотрудник кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала РАНХиГС, при Президенте РФ, Липецк, Россия, confur@inbox.ru

24. Социальные группы, слои, статусы

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ «ЛЕГКИХ» НАРКОТИКОВ: МНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ VS ЭКСПЕРТНОЕ

С. Б. Абрамова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Наркологи в России используют общее понятие «наркотик», тогда как в социуме присутствует разделение на «легкие» и «тяжелые» наркотики, что искажает понимание последствий употребления наркотических средств и позволяет некоторым общественным организациям добиваться легализации «легких» наркотиков. В ходе исследования, проведенного в Екатеринбурге для выявления мнения жителей города относительно возможности такой легализации, опрошены представители разных социальных групп, а также проведены интервью с экспертами, деятельность которых происходит в разных общественных сферах. Высказывания экспертов усиливают мнение большинства жителей города, заключающееся в том, что легализация легких наркотиков в России недопустима.

Ключевые слова: легкие наркотики, легализация, наркотизация, общественное мнение

Проблема наркомании для современных обществ является одной из наиболее характерных — и, неизбежно, одной из самых острых. Опрос, проведенный всероссийским Фондом «Общественное мнение» летом 2010 г., показал, что даже в период кризиса обеспокоенность россиян наркотизацией занимает пятое место среди других острых социальных проблем России. Свердловская область по числу наркоманов, стоящих на учете, занимает второе место в России, а на 1 января 2010 г. вышла на 1 место по абсолютному числу выявленных случаев ВИЧ-инфекции.

Неофициально термин «легкие наркотики» объединяет препараты конопли (марихуаны и гашиша), а также некоторые другие средства (экстази, галлюциногенные грибы и др.). Оговоримся, что по последствиям употребления «легкими» эти наркотические средства назвать можно весьма условно. При регулярном употреблении все эти вещества приводят к зависимости. С точки зрения законов, российских и международных, наркотики не разделяются на «легкие» и «тяжелые». В России наркологи используют общее понятие «наркотик», независимо от того, героин это или марихуана.

Тем не менее, в социуме это разделение активно присутствует, что искажает понимание последствий употребления наркотических средств. В ходе исследования, проведенного в г. Екатеринбурге, было установлено, что респонденты знакомы с понятием «легкие» наркотики. Подавляющая часть опрошенных отнесла к ним марихуану (анашу и «травку»), половина респондентов к «нетяжелым» наркотическим средствам причислили гашиш (план) и обезболивающие, снотворные и успокоительные средства. Кроме того, среди «легких» наркотиков упоминались экстази, «фен», ЛСД (по 20 % ответивших). При этом только треть опрошенных считают человека, употребляющего «легкие» наркотики, наркоманом, и то при условии, что он употребляет их каждый день. По мнению жителей города, одним из существенных отличий «легкого» наркотика от «тяжелого» является то, что от него можно быстро отказаться.

Опираясь на существование такого мнения в обществе, некоторые общественные организации пытаются легализовать марихуану в России, ссылаясь на опыт «более развитых» стран со сложившимся гражданским обществом. Действительно, ряд государств легализовали потребление «легких» наркотиков. Однако при этом власти продолжают считать «легкие наркотики» мифом наркобизнеса.

Как сторонники, так и противники идеи легализации выдвигают в поддержку своего мнения исторические, социальные, экономические и гуманистические доводы. Анализируя высказывания представителей различных политических структур, общественных и научных организаций, можно выделить ряд аргументов в пользу легализации наркотиков: запрет на их употребление нарушает основное право человека — на самоопределение; человек имеет право на получение информации любого рода, и необходимо вывести наркотики из «темной зоны», когда замалчивание информации не позволяет знать и адекватно оценивать угрозы для жизни и здоровья; любой запрет, ограничивающий свободу выбора человека без явной необходимости, вызывает стремление его нарушить; легально приобретенный опыт на «легких наркотиках» погасит желание пробовать более серьезные вещества и др.

Однако, по мнению других специалистов и практиков в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, аргументация сторонников легализации представляется ошибочной. Необходимо учитывать не только прямой эффект от явления, но и заключающийся в нем потенциальный риск, социальную цену его последствий. Около 40 % наркоманов начинали именно с потребления конопли.

В рамках развития гражданского общества необходимо учитывать мнение жителей региона. По результатам исследования екатеринбуржцев видно, что 80 % опрошенных горожан считают невозможной лега-

лизацию «легких» наркотиков в России. Даже наиболее «продвинутые» в данном вопросе студенты-медики против столь радикальных реформ. Такие результаты полностью соотносятся с выводами общероссийского опроса, проведенного в 2004 г. ВЦИОМ, где выяснялось отношение россиян к мнению, что «легкие» наркотики не представляют опасности для здоровья людей, а значит, их можно свободно продавать и употреблять, подобно табаку и алкоголю.

В случае гипотетического принятия закона о легализации «легких» наркотиков две трети участников предположило, что необходимо установить строгие правила, регламентирующие места их реализации и употребления. Таким образом, необходимость присутствия государства как контролирующего органа в отношении такого явления, как наркотики, признается большинством горожан.

Как мотивируют участники исследования свое отношение к идее легализации наркотиков? По мнению тех, кто выступает против принятия данного закона:

1. в России нельзя принимать закон, разрешающий употреблять «легкие» наркотики в силу менталитета россиян;
2. изменится отношение к наркотикам и наркоманам среди людей, станет более равнодушным; трудно будет объяснить детям, почему это «плохо и нельзя»;
3. наше общество еще не получило установку на здоровый образ жизни, у многих появится возможность, а главное желание, безнаказанно и законно попробовать наркотики;
4. весь опыт потребления таких средств, как алкоголь и табак, показывает, что рост доступности ведет к росту потребления;
5. есть риск того, что, начав с «легких» наркотиков, можно с высокой вероятностью перейти на «тяжелые» (так как народ не знает меры, нет силы воли);
6. наркоманам все равно будут нужны деньги на приобретение ставших легальными наркотиков, и поэтому преступность увеличится.

Наряду с выявлением мнения жителей города, представляющих различные социальные группы, в ходе проекта было проведено 20 интервью с экспертами, деятельность которых происходит в разных общественных сферах. В группу экспертов вошли: работники высшего образования, здравоохранения; представители ГУВД, общественных и партийных организаций; социальные работники; священнослужитель.

Мнение экспертов во многом подтверждает и усиливает позицию граждан. Все эксперты считают, что правительство уделяет недостаточное внимание мерам борьбы с наркоманией, и обществу следует любыми способами принимать определенные меры. Но в России невозможно

и нецелесообразно легализовать любые наркотики, и опыт некоторых стран (в частности, Голландии) не приемлем для жителей РФ. В качестве примера приводится негативный опыт борьбы с пьянством путем «сухого закона»; высказывается мнение, что «нельзя легализовать по причине особенности менталитета русского народа», «легализация наркотиков создаст количество проблем, которое во много раз перевесит существующие» и др.

В связи с этим, эксперты предлагают различные пути, которые в какой-то степени способны уменьшить ущерб в физическом и социальном плане от злоупотребления наркотиками. Если политика государства направлена, прежде всего, на законодательное регулирование в отношении использования, оборота и контроля наркотических средств, то предложения населения и экспертов можно отнести к профилактике как главному принципу борьбы с наркоманией. Назовем в обобщенном виде некоторые из предложенных путей:

1. в программе по профилактике злоупотребления наркотиками должна участвовать как можно большая часть населения или, по крайней мере, наиболее влиятельные группы населения;
2. не следует ограничиваться борьбой с каким-то узким кругом наркотиков, стоит охватить широкий спектр;
3. программы должны быть ориентированы на молодежь как основную группу риска, но не забывать такие категории, как «дети улицы», беженцы, субкультуры;
4. необходимо создавать и развивать здоровые и привлекательные альтернативные пути и занятия для населения;
5. необходимо учитывать и уважать здоровые традиции, ценности российской культуры и местного населения;
6. следует привлекать для пропаганды здорового образа жизни, повышения культурного уровня средства массовой информации — героев телепередач, выдающихся деятелей, поп-звезд и др., которые, в том числе, могут формировать убеждение, что человек не является беспомощной жертвой наркотика или наркодилера.

Информация об авторе

Абрамова Софья Борисовна, к. с. н., доцент кафедры теории и истории социологии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, sofia_abramova@mail.ru

ДОСУГОВО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЦФО)

А. А. Алексеенок

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Досугово-рекреационный критерий определяет доступность современных форм проведения свободного времени, развлечений, отдыха и, будучи интегральным, отражает удовлетворенность жизнью, качество жизни. Использование имеющихся культурных и социальных ресурсов, включая современные возможности отдыха в период отпуска и формы проведения свободного времени, а также расширение социальных сетей приобретают в современной России социально дифференцирующее значение. Средний класс, идентифицируемый по досугово-рекреационному критерию, связан не только с социально-демографическими характеристиками, такими как возраст, пол, семейное положение, но и с классовой принадлежностью. Поэтому данный критерий является стратификационным и позволяет точнее определить границы среднего класса.

Ключевые слова: средний класс, досугово-рекреационный критерий, качество жизни

По данным авторского исследования*, население Центрального федерального округа в среднем 6,2% своих доходов расходует на досуг, при этом частные оценки сосредоточены вокруг среднего значения (стандартное отклонение 6,8135) по сравнению с оценками затрат на питание (стандартное отклонение 15,5057). Независимо от уровня доходов, на досуг респонденты тратят больше, чем откладывают в сбережения. Высокодоходные группы респондентов (среднедушевой месячный доход выше 16500 руб.) расходуют на досуг свыше 9,0% своих доходов при сопоставимой сосредоточенности частных оценок (стандартное отклонение 8,3929) и больше, чем на предметы хозяйственно-бытового назначения

* «Средний класс в современном российском обществе». Исследование проводилось в январе-феврале 2012 г. Общий объем выборки — 3598 человек. В выборку включено население Белгородской, Брянской, Курской, Липецкой, Орловской областей (при доверительной вероятности, равной 0,94, и предельной ошибке выборки, равной 2,3%). Метод исследования — массовый опрос по месту жительства. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре населения ЦФО, по структуре занятости в отраслях экономики, а также по типу поселений (областные центры, малые города, сельские населенные пункты).

или на погашение кредитов. Таким образом, результаты авторского исследования также подтверждают важность досугово-рекреационного критерия среднего класса [1].

При эмпирической операционализации досугово-рекреационного критерия автор исходила из следующих предпосылок. Во-первых, средний класс более восприимчив к новым видам досугово-рекреационной деятельности, ставшим доступными благодаря включенности России в глобальное общество потребления и развития сферы проведения свободного времени, развлечений и отдыха.

Речь идет, прежде всего, о росте потребности в развлечениях, проявляющейся в увеличении количества театров, привнесении технологий виртуальной реальности в киноиндустрию, открытие клубов с возможностями концертов, развитие международных курортов, а также в некотором возрождении потребности в здоровом образе жизни, проявляющемся в увеличении количества спортивных баз и тренажерных залов.

Следует отметить, что спортивный образ жизни является не столько модной тенденцией, привнесенной из западных обществ, сколько реальной необходимостью поддержания физического тонуса для обеспечения должного уровня работоспособности в конкурентной деловой среде. Во-вторых, представители среднего класса чаще остальных слоев населения способны выбирать внедомашние коммерциализированные формы досугово-рекреационной деятельности.

Именно направленность поведения в свободное время во внедомашнюю жизнь определяет принадлежность к досугово-рекреационному среднему классу [2].

В табл. 1 представлены значения подкритериев для определения принадлежности респондентов к среднему классу по досугово-рекреационному критерию, примененные в авторском исследовании, а также результаты измерения досугово-рекреационного среднего класса [3].

Таблица 1. Эмпирическое измерение досугово-рекреационного критерия среднего класса

Наименование подкритерия	Эмпирическая операционализация	Удельный вес, %	
Частота посещения ресторанов, клубов	несколько раз в неделю	3,9	39,4
	несколько раз в месяц	13,0	
	несколько раз в год	22,5	
	не чаще раза в год	18,2	
	Никогда	42,4	

Наименование подкритерия	Эмпирическая операционализация	Удельный вес, %	
Частота посещения кафе, кофеен	несколько раз в неделю	6,7	55,8
	несколько раз в месяц	23,8	
	несколько раз в год	25,3	
	не чаще раза в год	14,3	
	Никогда	29,9	
Частота посещения театров, кинотеатров, концертов	несколько раз в неделю	2,3	51,8
	несколько раз в месяц	18,2	
	несколько раз в год	31,3	
	не чаще раза в год	20,3	
	Никогда	27,9	
Частота посещения тренажерных залов, фитнес-центров, бассейнов	несколько раз в неделю	8,4	26,7
	несколько раз в месяц	8,4	
	несколько раз в год	9,9	
	не чаще раза в год	10,3	
	Никогда	63,0	
Частота посещения баз отдыха выходного дня	несколько раз в неделю	1,6	30,6
	несколько раз в месяц	2,9	
	несколько раз в год	9,3	
	не чаще раза в год	16,8	
	Никогда	69,4	
Место проведения отпуска	Дома	35,2	
	на даче, в деревне	26,0	
	на курортах России или Украины «дикарем»	13,2	40,7
	на курортах России или Украины в санатории, пансионате, на базе отдыха и т. д.	12,1	
	в странах дальнего зарубежья	6,4	
	отпуск отсутствует	7,1	
	Другое	1,9	
	<i>Примечания.</i>		
1. Шрифтом выделены значения принадлежности к среднему классу.			
2. За 100% взята сумма удельных весов по каждому подкритерию.			
3. При ответе на вопрос о месте проведения отпуска респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа.			

Поскольку автор предполагает высокую внедомашнюю активность досугово-рекреационного среднего класса, постольку из возможных мест проведения отпуска (т. е. отдыха, длительность которого измеря-

ется неделями) его представителями исключены места постоянного пребывания, а также дачи и деревни. При этом под вариантом «другое» респонденты указывали некурортные города России, туристические походы, рыбалку и т. п.

По подкритерию отпуска к досугово-рекреационному среднему классу могут быть отнесены максимум 40,7 % респондентов. Соответствие данному подкритерию принято обязательным, поэтому он является исходным при окончательном определении границ среднего класса по подкритерию досуга. Следовательно, удельный вес респондентов, достаточно часто посещающих места проведения досуга (чтобы быть отнесенными к досугово-рекреационному среднему классу), среди проводящих отпуск вне дома, дачи или деревни снизится в среднем почти в 2 раза.

Так, рестораны и клубы посещают несколько раз в год или чаще 39,4 % респондентов, но 22,0 % проводящих отпуск вне дома, дачи или деревни; кафе и кофейни — 55,8 % респондентов, но 27,9 % потенциальных представителей досугово-рекреационного среднего класса; театры, кинотеатры, концерты — 51,8 % респондентов, но лишь 26,2 % сторонников проведения отпуска вне дома, дачи или деревни; тренажерные залы, фитнес-центры, бассейны — 26,7 % респондентов, но 14,8 % отнесенных к досугово-рекреационному среднему классу по подкритерию отпуска; базы отдыха выходного дня посещают не реже одного раза в год — 30,6 % респондентов, но только 15,8 % могут быть отнесены к среднему классу.

Как видно из данных, представленных в табл. 1, наиболее часто выбираемыми формами досугово-рекреационной деятельности являются посещения кафе и кофеен, а также театров, кинотеатров и концертов, очевидно, в силу их стоимостной доступности. Рестораны, клубы выбирает более узкая группа респондентов. Самым редким видом внедомашней активности является посещение спортивных объектов, а также баз отдыха выходного дня вследствие их специфики (наличие компании, автомобиля и т. д.) и стоимости (необходимость аренды спортивного инвентаря, оплаты инструкторов и др.).

Список литературы

1. *Социально-экономические критерии среднего класса в Орловской области и субъектах ЦФО // Социально-экономические и социально-политические процессы в Орловской области: оценка состояния и перспективы развития: монография / под общ. ред. канд. социол. наук, доц. Н. В. Проказиной. Орел : РАНХиГС, 2012.*
2. *Горшков М. К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 35—44.*

3. *Алексеенок А. А.* Социальные границы и характеристики среднего класса по досугово-рекреационному критерию // *Фундаментальные исследования* // № 6. 2012. С. 620—625.

Информация об авторе

Алексеенок Анна Алексеевна, к. с. н., доцент кафедры социологии и психологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орловский филиал), Орел, Россия, alexaconst@rambler.ru

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В КРИЗИС: ПРОТИВ СУБКУЛЬТУР ИЛИ С ИХ ПОМОЩЬЮ? (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР)

А. А. Барсамова

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В кризисные времена особенно остро встает подростковый вопрос — родители бросают все силы на решение экономических проблем, и дети становятся предоставленными сами себе. В отсутствие единой налаженной системы организации молодежи, в кризис появляется еще больше самоорганизующихся молодежных субкультур. Является ли это деструктивным явлением, которое нужно предотвратить, или конструктивной формой социализации, которую можно использовать? В рамках данного исследования автор приходит к выводу, что опыт пребывания в субкультуре повышает уровень рефлексивности и осознанности молодых людей, поскольку дает им четкую мировоззренческую структуру и понятные направления для ее осмысления, поэтому использование формы субкультурной идентичности для осуществления молодежной политики в кризис будет эффективным методом.

Ключевые слова: молодежь, социализация, субкультуры, идентификационный потенциал, молодежная политика

В рамках исследования идентификационного потенциала молодежных музыкальных субкультур в 2005—2008 гг. (1) было доказано, что каждая субкультура формирует свой собственный фрейм (перспективу восприятия, создающую формальные определения ситуации и знание, как действовать), носителями и трансформаторами которого являются ее члены. Исследование позволило не только зафиксировать наличие субкультурного фрейма и проанализировать его функции, но и описать процесс рефрейминга (интериоризации субкультурных норм и ценностей), активную субкультурную фазу (2—3 года) и последующий отход от субкультуры, который наступает вслед за обретением необходимой идентификации. Исследование завершилось на этапе, когда юноши и девушки, получив необходимую идентификацию и ценностный балласт, постепенно отходили от субкультуры, и рано или поздно наступал момент, когда они говорили себе: да, я вырос, и у меня теперь другая, взрослая жизнь.

Оставался открытым вопрос: как нетрадиционные способы социализации влияют на будущую жизнь подростков.

Предметом настоящего исследования и стало то, как складывается семейная жизнь людей в возрасте от 25 до 30 лет, которые 6—7 лет назад были активными членами музыкальных субкультур, по сравнению с их ровесниками, не ассоциировавшими себя в юности ни с какой субкультурой.

В рамках исследования проводился контент-анализ страниц и наблюдение активности в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook) более 200 человек и, после формирования гипотез, было проведено 20 глубинных интервью.

При анализе семейного статуса имевших и не имевших субкультурный опыт молодых людей в возрасте от 25 до 30 лет выяснилось, что среди имевших субкультурный опыт состоят в официальном браке или помолвлены 70 %, а среди не имевших такого опыта — только 30 %. Большинство не имевших такого опыта либо находились в длительных отношениях и не были помолвлены, либо не имели пары. При этом от пола молодых людей эта закономерность не зависела.

Причины этого лежат в том, что молодые люди, имеющие субкультурный опыт, имеют существенно больший опыт рефлексирования на тему взаимоотношений и опыт собственно взаимоотношений. Причем под взаимоотношениями мы понимаем здесь не факт или количество интимных связей, а именно опыт взаимодействия и попыток формирования отношений. В то время как многие не имевшие ни традиционной, ни субкультурной идентификации молодые люди на старте имели слабое представление о том, какими должны быть взаимоотношения, и часто полагали, что интимная составляющая играет ключевую роль, субкультурная молодежь имела то преимущество, что в рамках их субкультуры заведомо существовали общие ценности и представления, что давало и стандарты для подражания, и темы для разговоров.

Любая музыкальная субкультура так или иначе интерпретирует понятия любви и романтических взаимоотношений и, будучи молодежной, естественно ставит эту тематику на особое место в ценностной структуре субкультуры. Очень часто подростки не знают, как выразить свои эмоции, как признаться в симпатии и как вообще отрефлексировать свои эмоции и чувства по поводу взаимоотношений полов. Огромное количество провокационной и «взрослой» информации в открытом доступе (журналы, газеты, интернет) делает это еще более сложным — будучи еще, по сути, детьми, подростки чувствуют несоответствие между своими ощущениями и тем сексуально ориентированным подходом к любви, который предлагает им большинство источников. Более того, некоторым начинает казаться стыдным и неприличным собственная симпатия к другой девушке или юноше, поскольку имеющиеся у них «шаблоны» для выражения этих

эмоций выглядят стыдными и неприличными. Юноши и девушки также ощущают несоответствие между своими возможностями — физическими, материальными, временными — и тем, как подают взаимоотношения в большинстве источников. Некоторые замыкаются в себе и стараются отодвинуть все это подальше от себя, чтобы не чувствовать себя неуверенно; некоторые, наоборот, принимают этот циничный фрейм и пытаются ему соответствовать.

Музыкальные же субкультурные штампы дают возможность отрефлексировать все это в более понятном и привлекательном для подростков русле. Музыкальные тексты, наличие определенных общих идеалов романтизирует восприятие отношений, позволяет осмыслить их в идеалистическом ключе — то, чего не позволяют подросткам сделать доступные СМИ.

В каждой субкультуре образ правильной любви и взаимоотношений свой, но везде он идеализирован и романтизирован, и дает огромный простор для «чистой» интерпретации своих ощущений и переживаний, без ощущения своего несоответствия и стыда. Во всех музыкальных субкультурах любовь интерпретируется как чувство, а не как физиологическая потребность, и во всех музыкальных субкультурах априори воспевается одна-единственная любовь на всю жизнь — неважно, счастливая или драматическая. Это именно то, чего не хватает подросткам в современном российском обществе без четких и единых ценностей — идеалов. Однако в каждой из субкультур есть свои нюансы, которые не могут не определять поведение и мироосмысление ее членов.

Таким образом, будучи членами субкультуры, все эти молодые люди получают значительно больше опыта анализа себя, своих ощущений и поведения, чем большинство их сверстников, не имевших такого опыта. Этот опыт во многом схож с эффектом психотерапии.

Человек соотносит свои действия с идеалами и моделями, которые понимает и уважает, он учится понимать себя и свои чувства и, в конце концов, может почувствовать, что он перерос те идеалы, от которых отталкивался изначально. Именно это и происходит, когда человек чувствует, что он уже не может полностью идентифицировать себя с субкультурой и отдаляется все дальше. Субкультурные идеалы начинают казаться ему узкими и однобокими, причем во всех сферах. Это и есть взросление — человек получил необходимую для понимания себя и развития идентификацию и ориентиры, оттолкнулся от них и смог повзрослеть, т. е. сформировать свою точку зрения или допустить существование нескольких.

С точки зрения сферы взаимоотношений, это выражается в том, что к моменту выхода из субкультуры (19—20 лет) молодые люди имеют более четкое представление о том, что они из себя представляют как личности и кого хотят видеть рядом с собой.

Несмотря на содержательные различия, можно выделить общие черты в том, что каждый субкультурный фрейм дает своим членам для восприятия и реализации себя в сфере взаимоотношений:

1. Ощущение собственной значимости («Я член субкультуры, я Кто-то»).
2. Идеальный образ второй половины.
3. Модели для самоанализа и рефлексии.
4. Конкретные способы выражения своих эмоций и переживаний.
5. Темы для общения и общую систему жизненных ценностей.
6. Систему восприятия «свой–чужой», что является первичной основой сближения между подростками.
7. Среду для досуга — концерты, общеизвестные места сбора членов субкультуры.

Ключевой момент: все эти ценности и установки — абсолютно общеподобаваемые в данной среде, а данная среда является в субкультурный период для молодых людей основным «обществом». Такая же единая и непротиворечивая модель восприятия окружающего мира бывает и у подростков в семьях, где есть четкие ценности и ориентиры (например, консервативных или религиозных), но там конфликт между этими едиными семейными ценностями и тем, что происходит в окружающем молодежном мире, часто слишком силен, чтобы молодые люди могли безоговорочно принимать первые. Субкультуры же сами по себе являются частью молодежного мира, поэтому молодым людям бывает очень легко принять субкультурный фрейм восприятия.

В итоге, к 19 годам большинства членов субкультуры тема любви и взаимоотношений осмыслена у них в большей степени, чем для несубкультурных юношей и девушек. Молодые люди, имевшие опыт субкультурной идентичности, оказываются с более взрослой и зрелой, отрефлексированной позицией, по сравнению со своими сверстниками, и больше готовы к ответственности и определенности в личной жизни, поэтому с большей легкостью вступают в брак.

Список литературы

Барсамова А. А. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М. : Логос, 2010.

Информация об авторе

Барсамова Анна Алексеевна, младший научный сотрудник отдела теоретического анализа социальных трансформаций Института социологии РАН, Москва, Россия, net-pr@yandex.ru

СРАВНЕНИЕ УРОВНЯ И СТРУКТУРЫ ИНФАНТИЛИЗМА РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Е. А. Бейлина, Д. С. Кантер, Н. С. Лялина

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. В современном мире все чаще можно наблюдать, как молодые люди, которые, по меркам прошлых поколений, уже должны были начать взрослую самостоятельную жизнь, массово откладывают момент принятия на себя социальных обязанностей, ролевых наборов, соответствующих процессу взросления в сложившейся нормативной системе. Это явление, *инфантилизм*, мешает молодым людям перейти на стадию взрослой жизни, полную ответственности и обязательств. Поскольку социокультурные нормы, преобладающие в российском обществе, могут отличаться от тех, что свойственны другим странам, нам представлялось интересным сравнить уровень и структуру инфантилизма российских и иностранных студентов. Для реализации этой идеи мы выбрали студентов НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: студенты, социальный инфантилизм, психологический инфантилизм

В трудах психологов молодежный инфантилизм — это, в первую очередь, форма адаптации к действительности, «в результате *незрелой эмоционально-волевой сферы*, проявляющаяся в неприятии молодыми людьми новых обязанностей и обязательств, связанных с процессом взросления, пассивном отношении к любым кризисным ситуациям, возложении на другого человека ответственности за принятие решений» [3, с. 22—26]. В социальных науках взрослость определяется исключительно *социально-демографическими параметрами*: окончание обучения, вступление в брак, рождение детей, переезд из дома родителей в собственное жилье, обретение финансовой самостоятельности. Термин «социальный инфантилизм» встречается в социологии крайне редко, и чаще всего откладывание выполнения вышеперечисленных жизненных задач молодыми людьми рассматривалось исследователями как *отложенное взросление* [1, 2].

В данном исследовании инфантилизм рассматривается как сложное структурное явление, комплекс социально-психологических характеристик, которые влияют на поведение индивида в повседневной жизни.

Целью теоретического этапа исследования стала выработка методики измерения инфантилизма.

Целью эмпирического этапа исследования была попытка измерить и сравнить уровень и структуру инфантилизма у российских и иностранных студентов НИУ ВШЭ. Именно на этой части работы сделан основной акцент в настоящих тезисах.

Всего было опрошено 367 человек: 111 человек из Москвы, 111 человек из регионов РФ, 91 человек из стран ближнего зарубежья, 54 человека из стран дальнего зарубежья.

Для измерения уровня инфантилизма нами разработана специальная методика, состоящая из 2 шкал: социальный инфантилизм и психологический инфантилизм, каждый из которых, в свою очередь, состоит из ряда поведенческих и психологических признаков студентов (табл. 1).

Таблица 1. **Психологический и социальный инфантилизм**

Психологический компонент инфантилизма	Социальный компонент инфантилизма
Бескомпромиссность	Откладывание приятия новых обязанностей и обязательств
Неприятие мнения других	Материальная зависимость от родителей (самооценка студентом)
Поведенческая стратегия избегания в критических ситуациях	Психологическая зависимость от родителей (самооценка студентом)
Внешний локус контроля	

Судя по полученным данным, средние значения уровня социального и психологического инфантилизма не различаются среди студентов НИУ ВШЭ из Москвы, регионов России, ближнего зарубежья и дальнего зарубежья (на основе сравнения средних значений уровня инфантилизма и построения доверительных интервалов).

Для выявления структуры *социального инфантилизма* был проведен факторный анализ*, с помощью которого мы получили следующие факторы: психологическая зависимость от родителей (информативность — 26 %); материальная зависимость от родителей (19 %); неготовность иметь детей (9 %); неготовность к переезду от родителей (8 %).

В результате проведения однофакторного дисперсионного анализа было выявлено, что у студентов из дальнего зарубежья фактор «Финансовая зависимость от родителей» выражен значительно слабее, чем у студентов из ближнего зарубежья и России, а фактор «Неготовность

* Было применено ортогональное вращение Quartimax, процент объясненной дисперсии составил 62,57 %.

к переезду от родителей» выражен значительно ярче у студентов из Москвы, чем у студентов из регионов России.

На базе показателей выраженности факторов *социального инфантилизма* был проведен кластерный анализ. Нами были дифференцированы и описаны три типа с различной степенью проявления социального инфантилизма:

1. «Зрелый тип» имеет склонность к наименьшей выраженности показателей инфантилизма.

2. «Зрелые на словах» больше других склонны к стремлению к самостоятельности, одновременно имея наиболее значительные показатели выраженности таких факторов, как эмоциональная и материальная зависимость от родителей.

3. «Питеры Пэны», напротив, не проявляют выраженной готовности к ведению самостоятельной жизни, будучи при этом гораздо менее зависимыми от родителей по обоим критериям.

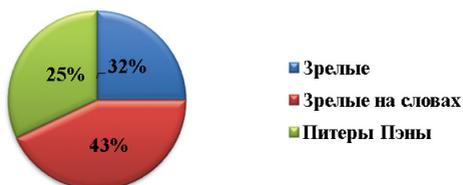

Рисунок 1. Типы социального инфантилизма

Критерий с χ^2 показал, что существуют различия типов социального инфантилизма в зависимости от того, приехал ли студент из страны ближнего или дальнего зарубежья, региона РФ или он вырос в Москве. Среди типа социального инфантилизма «Питеры Пэны» мы наблюдаем «перебор» студентов из дальнего зарубежья и наоборот «недостаток» студентов из ближнего зарубежья, в то время как с типом социального инфантилизма «Зрелые на словах» наблюдается обратная ситуация: «недостаток» студентов из дальнего зарубежья и «перебор» из ближнего (табл. 2).

Таблица 2. Таблица стандартизированных остатков

		Тип респондента			
		Москва	Ближнее зарубежье	Дальнее зарубежье	Регионы РФ
Социальный инфантилизм: типы	Зрелые	,0	–,8	,9	,0
	Зрелые на словах	–,3	1,7	–2,1	,2
	Питеры Пэны	,3	–1,3	1,6	–,2

При выявлении структуры *психологического инфантилизма* нами были получены 9 факторов: избегание проблем, внешний локус контроля по отношению к успеху, совещательность (стремление к принятию решений, основанных на совете с кем-нибудь другим), самонадеянность (стремление полагаться только на свои силы и на свое мнение), автократизм (стремление не считаться с мнением других), неверие в силу компромисса, внешний локус контроля по отношению к семье, внутренний локус контроля в семье, внутренний локус контроля в учебе*.

У студентов из Москвы фактор «Избегание» выражен значимо сильнее, чем у студентов из ближнего и дальнего зарубежья. У студентов из дальнего зарубежья фактор «Совещательность» выражен значимо слабее, а фактор «Внутренний локус контроля в учебе» — значимо сильнее, чем у других студентов. Кроме того, фактор «Совещательность» значимо сильнее выражен у студентов из ближнего зарубежья, чем у студентов из Москвы.

Таким образом, в ходе исследования было обнаружено, что средние значения уровня социального и психологического инфантилизма не различаются среди студентов НИУ ВШЭ из Москвы, регионов России, ближнего зарубежья и дальнего зарубежья, однако существуют различия в структуре и типах социального и психологического инфантилизма этих студентов.

Список литературы

1. *Arnett, J. J.* Conceptions of the transition to adulthood : Perspectives from adolescence to midlife. *Journal of Adult Development*. 2001. N 8. P. 133—143.
2. *Buchmann M.* The Script of Life in Modern Society : Entry into Adulthood in a Changing World. Chicago : Univ. Chicago Press. 1989.
3. *Карпенко О.* Понятие «инфантилизм молодежи» [Электронный ресурс] // Работа с молодежью: история, ценности, ориентиры. Самара : Центр содействия трудоустройству и подготовки волонтеров СГУ, 2003. С. 22—26. URL: <http://job.samsu.ru/docs/moloWork.pdf> (дата обращения: 11.11.2014).

Информация об авторах

Бейлина Елена Анатольевна, студентка департамента социологии факультета социальных наук, стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия, ebeylina@hse.ru

Кантер Дарья Сергеевна, студентка департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия, dariakanter@gmail.com

Лялина Надежда Сергеевна, студентка департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия, lyalinanadya@mail.ru

* Применялся метод ортогонального вращения Varimax, процент объясненной дисперсии составил 60,8%.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ

Е. О. Беликова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация. В современном обществе проблемы религиозного и национального взаимодействия приобретают особое значение. Их изучение актуализирует поиск методологических подходов для получения достоверной информации о состоянии межкультурного, межнационального и межрелигиозного взаимодействия как в Российской Федерации в целом, так и в ее регионах. Одним из методов, позволяющих обратиться к чужой субъективности, дающих исследователю уникальную интерпретацию событий и фактов, ситуаций и опыта, является биографический метод (лейтмотивное интервью). Ниже представлен анализ результатов качественного исследования, начатого в 2013 г. с целью изучения проблем религиозной и национальной толерантности в смешанных семьях, проживающих на территории Волгоградской области.

Ключевые слова: смешанные семьи, самоидентификация, качественные стратегии, биографический метод, лейтмотивное интервью

Лейтмотивное интервью представляет собой опрос респондентов, как правило, из одной сферы деятельности или связанные одним аспектом жизнедеятельности. В. Фукс-Хайнриц называет ряд преимуществ лейтмотивного вида биографического интервью: возможность сравнивать «места многих интервью друг с другом, поскольку они вызваны одинаковыми вопросами из лейтмотива», и быстрее производить оценивание, «поскольку вопросы лейтмотива содержат какой-то минимум важных тем, от которых исследователю нельзя отказаться» [1, с. 147]. Биографический метод используется в исследованиях групп, которые либо по роду занятий, особенностей образа жизни, либо по причинам социокультурной чужеродности оказываются закрытыми для исследователя — например, религиозных и этнических групп [2, с. 286]. Лейтмотивное интервью подходит для изучения отношений между супругами на разных стадиях их совместной жизни, при переходе к каждому следующему периоду жизненной истории. Мы будем иметь в фокусе этот аспект и задавать дополнительные вопросы, касающиеся изменений в отношениях между супругами [4, с. 106].

Волгоградская область — регион пограничный и поликультурный — может служить некоей моделью для изучения межрелигиозного и межнационального соседства различных групп. Так, в 2013 г. началось каче-

ственное исследование, цель которого заключается в изучении проблем религиозной и национальной толерантности в смешанных семьях, проживающих на территории Волгоградской области. В качестве респондентов выбирались члены семей, в которых супруги относятся к различным религиозным и национальным группам, самоидентифицирующие себя в настоящий момент с этой группой, прожившие вместе не менее 5 лет. К настоящему моменту опрошено 10 семей (20 человек).

Использование лейтмотивного интервью при изучении закрытых групп имеет преимущества, однако вызывает и целый ряд трудностей. Они связаны, в первую очередь, с поиском и обретением респондентов, с подбором места и способом проведения такого интервью, со стадиями самого процесса интервьюирования [3, с. 112]. По процедуре интервью, первая стадия — поиск респондентов, отвечающих критериям выборки. На этом этапе уже возникают серьезные трудности. В большинстве случаев поиск респондентов осуществлялся среди знакомых, знакомых знакомых, получая рекомендации и приобретая известность в данном поле. Приход в поле незнакомого человека и его намерения узнать проблему изнутри семьи ставят перед исследователем вторую проблему: отказ от участия в исследовании.

Следующая трудность для исследователя связана с использованием в работе вопросов гайда. Респонденты часто с настороженностью относились к теме исследования, редко выступали в роли «рассказчиков» или старались перейти к приятным совместно прожитым воспоминаниям, не касающимся темы исследования. Также мы сталкивались с лаконичными ответами или с отказами отвечать на вопросы; были случаи отказа респондентов продолжать рассказ.

Одним из путей выхода из затруднительных положений может являться длительность исследования, выработка особых подходов при работе с респондентами и детальная подготовка к проведению интервью. Кроме того, исследователь, выходящий в поле, должен быть готов к появлению различных проблем и не рассчитывать на быстрое получение результата.

Список литературы

1. *Фукс-Хайнриц В.* Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика. М. : Институт социологии РАН, 1994.
2. *Козырева Л.Д.* Методологические основы биографического метода [Электронный ресурс] // Материалы V социологической Грушинской конференции «Больша социология: расширение пространства данных» 12—13 марта 2015 г. Москва. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/tezisy_grushin_2015.pdf.

3. *Островская Е. А.* Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 110—118.

4. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманитарическую социологию : учеб. пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН. М. : Добросвет, 1998.

Информация об авторе

Беликова Екатерина Олеговна, к. с. н., доцент кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, katena.belikova.81@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

А. Н. Гальцова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Ключевые слова: средний класс, коллективное сознание, индивидуальное сознание, конкуренция, рыночная экономика

Процессы формирования коллективного сознания в среднем классе идут успешно, но пока далеки от своего завершения. Проиллюстрируем это утверждение данными о степени толерантности к конкурентной рыночной экономике современного типа и об особенностях индивидуального сознания индивидов из среднего класса и других групп населения (табл. 1) [1].

*Таблица 1. **Согласие с альтернативными ценностными суждениями в различных слоях населения, %***

Суждение	Ядро среднего класса	Ближняя периферия	Дальняя периферия	Остальное население
Конкуренция вредна, она усиливает в человеке его дурные стороны	11	25	28	33
Конкуренция — это хорошо. Она заставляет людей напряженно трудиться, побуждает выдвигать новые идеи	89	75	72	67
Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	19	36	37	43
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни	81	64	63	57
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	27	46	51	57
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все	73	54	49	43

Суждение	Ядро среднего класса	Ближняя периферия	Дальняя периферия	Остальное население
От меня мало что зависит — важно, какая экономическая ситуация будет в стране	40	49	61	58
Мое материальное положение зависит прежде всего от меня	60	51	39	42

Как видно из полученных данных, толерантность к рыночным условиям среди представителей среднего класса выше, чем среди других групп населения. Так, большая доля представителей среднего класса соглашается с тем, что конкуренция — это благо, что равенство возможностей важнее равенства доходов. Однако качественных различий здесь не наблюдается — более половины как среднего класса, так и населения страны в целом выбирают суждения, свидетельствующие о принятии новых рыночных условий. Тем не менее, количественные различия между средним классом и другими слоями населения являются достаточно яркими. Особенно выделяется ядро среднего класса.

Можно выделить группу, представители которой в обоих парах суждений, оценивающих толерантность к рыночной экономике (отношение к конкуренции и выбор равенства доходов или равенства возможностей) выбрали варианты, свидетельствующие об их толерантности к рыночным условиям. В среднем классе таких оказывается 73 % в его ядре и 50 % — в ближней периферии, при том, что в дальней периферии таковых уже менее половины (48 %), а в остальном населении доля выбравших такие варианты ответов составляет 42 %. Эти различия носят уже качественный характер.

В обоих вопросах этого блока выбрали варианты суждений, свидетельствующие о ценности индивидуализма и о внутреннем локус-контроле, 50 % ядра среднего класса, 34 % его ближней периферии и 22 % остальных групп населения. Отметим, что последовательных сторонников таких ценностей даже в среднем классе оказывается только половина, что свидетельствует о незавершенности процесса трансформации сознания этого социального субъекта.

Кроме того, представители среднего класса чаще, чем другие, соглашались с тем, что выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все [2]. Среди них реже распространен внешний локус-контроль — приписывание определяющей роли в их жизни внешним обстоятельствам, — отражающий традиционалистское мышление. Таким образом, на уровне ценностного сознания представители среднего

класса отличаются более продуктивными и более эффективными в условиях современных обществ и рыночной экономики установками. Причем вновь наиболее эффективные экономические установки демонстрирует ядро среднего класса.

Таким образом, с одной стороны, российский средний класс справляется с функцией носителя ценностей и установок, характерных для национальной культуры в целом, что позволяет ему успешно выполнять интегрирующую и стабилизирующую роль [3]. С другой, анализ типов жизненных установок и ориентаций среднего класса демонстрирует настроенность его представителей на более продуктивные в современных условиях ценности, принятие ими «правил» и институтов рыночной экономики.

Список литературы

1. *Горшков М. К.* Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 35—44.
2. *Социально-экономические критерии среднего класса в Орловской области и субъектах ЦФО* // Социально-экономические и социально-политические процессы в Орловской области: оценка состояния и перспективы развития : монография / под общ. ред. канд. социол. наук, доц. Н. В. Проказиной. Орел : РАНХиГС, 2012.
3. *Алексеенок А. А.* Специфика идентификации структуры среднего класса в современном российском обществе // Фундаментальные исследования. № 6 (часть 1). М., 2014. С. 180—185.

Информация об авторе

Гальцова Анна Николаевна, аспирант кафедры социологии и психологии управления РАНХиГС при Президенте РФ (Орловский филиал), Орел, Россия, ann373@list.ru

ГОСУДАРСТВО И ИНВАЛИДЫ: ДИЛЕММЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Т. И. Горина, В. Б. Кефели

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Переход к рыночной экономике в нашей стране проявил множество проблем, связанных с трудоустройством инвалидов. В результате несовершенной социальной политики сложилось противоречие между дефицитом трудовых человеческих ресурсов и низким уровнем занятости трудоспособных инвалидов. В сложившихся условиях они оказались в ситуации полной безнадежности. Отсутствие поддержки общества, предвзятость общественного мнения по отношению к ним, слабые побудительные мотивы к достижению лучшей жизни самих инвалидов порождают разрыв между целями государственной политики по интеграции инвалидов в общество и реальной картиной вовлеченности инвалидов в различные сферы его жизнедеятельности. Это подтверждают результаты исследования, проведенного Службой занятости населения Нижнего Новгорода при участии ИС РАН с целью изучения основных проблем трудоустройства инвалидов на рынке труда Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: инвалиды, гражданские права, трудоустройство, социальная политика, сегрегация

Российское общество, пережив последствия распада СССР, испытывает потребность в обновлении социальной политики, предоставляющей возможность всем членам общества жить и трудиться в демократической стране. Согласно статистическим данным*, количество людей, которым присвоена инвалидность, в России составляет свыше 13 млн чел. Трудоспособных из них более 2,5 млн человек, что составляет 17% от общего числа инвалидов. Однако постоянную работу из числа инвалидов трудоспособного возраста имеют лишь 40% (817,2 тыс. чел.). К сожалению, потенциал этой социальной группы, которая могла бы стать серьезным источником пополнения рабочей силы в период социально-экономического кризиса в нашей стране, до сих пор остается нереализованным.

Возможность для человека с инвалидностью реализовать себя на рынке труда, прежде всего, основана на признании его достоинств и равных прав, как для всех остальных членов общества.

* Социальное положение и уровень жизни населения. М.: Росстат, 2014. С. 56.

Государство в настоящее время предпринимает целенаправленные меры по интеграции инвалидов на рынке труда. Это установление в организациях квоты для приема на работу инвалидов, резервирование для них рабочих мест по профессиям, стимулирование создания различными учреждениями дополнительных рабочих мест, создание инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации, организация обучения инвалидов новым профессиям и т. д.

Однако, ориентируя инвалидов на активную жизненную позицию в отношении занятости, само государство еще не смогло преодолеть противоречий в отношениях между законодательством и рынком труда.

В ходе исследования, выполненного Службой занятости населения Нижнего Новгорода (СЗН) при участии ИС РАН с целью изучения основных проблем трудоустройства инвалидов на рынке труда Нижнего Новгорода, было проведено анкетирование 507 инвалидов, обратившихся в СЗН и зарегистрированных в качестве безработных, 10 неформализованных интервью с обратившимися в СЗН инвалидами и 2 интервью с сотрудниками СЗН, непосредственно занимающимися трудоустройством инвалидов. Обращение их в Службу занятости и постановка их на учет как безработных, позволяет сделать вывод о том, что другие способы поиска ими работы оказались недостаточно эффективными. Большинство опрошенных более 8 месяцев самостоятельно занимаются поиском работы, и это еще не предел.

Многие годы инвалидная политика в нашей стране была направлена в сторону оказания разных услуг и денежных компенсаций людям с ограниченными возможностями здоровья. Вопросы же адаптации и интеграции инвалидов в общество не затрагивались. И только в сентябре 2008 г. государство, подписав Конвенцию ООН о правах инвалидов, признало инвалидность как следствие социальной несправедливости и дало обязательство изменять условия жизни инвалидов.

Однако, в процессе рыночной трансформации, российская социальная политика в отношении занятости инвалидов несправедливо была пересмотрена не в интересах инвалидов: отменены налоговые льготы на нормы квотирования рабочих мест; не создавались рабочие места с необходимыми условиями труда, работодателями нарушались права инвалидов в сфере занятости; государство значительно сократило поддержку предприятий инвалидов и т. д. В итоге, существующие сегодня серьезные препятствия реализации инвалидами права на труд обострили проблему социального неравенства.

О реализации гражданских прав инвалидов в жизни социального государства можно говорить только при полном участии их в политической, экономической, культурной и социальной жизни общества. Но это невозможно без помощи государства.

Вопросы социальной справедливости являются сегодня насущными в обсуждении проблем развития нашего общества. Инвалиды, имея трудовые льготы в сфере занятости, мало интересуют работодателей, в результате чего образуется социальная дистанция между ними и полноценными работниками.

К сожалению, в российском законодательстве отсутствует понимание того, что инвалидность является не индивидуальным свойством человека, а результатом социальных обстоятельств. Отсюда и возникают противоречия между интересами государства, инвалидов и требованиями рынка труда. Разрешение этих противоречий предполагает изменения социальной политики в отношении российских инвалидов на основе справедливого и всестороннего учета их интересов. Иначе патерналистски ориентированная политика в отношении инвалидов объективно стимулирует рост сегрегации и маргинализации инвалидов, резко ослабляющий возможности их интеграции в общество. Слабая включенность этой социальной группы в общественные процессы сближает их с группами социального исключения.

Будучи специфическим сегментом в структуре наемной рабочей силы, инвалиды не привлекательны для работодателей. Трудоустройство инвалидов осложняется и тем, что они нуждаются в специальных условиях труда. Вот почему они вынуждены выбирать между двумя крайностями: либо легкий неквалифицированный физический труд, либо работу, требующую интеллектуальных усилий. Поэтому этот сегмент резко дифференцирован и представляет 2 полярные подгруппы: неквалифицированных работников с низким уровнем образования и квалифицированных работников с высшим и среднетехническим образованием.

Как показала практика, эффективное участие инвалидов в профессиональной жизни наравне с другими членами общества остается труднодостижимым. Важной составляющей социальной политики государства является интеграция инвалидов в общество. Однако инвалидам несправедливо и без учета их мнения предлагается низкоквалифицированный и малооплачиваемый труд, нисколько не улучшающий качество их жизни, а при устройстве на работу совсем не учитываются их интересы.

Как показало исследование, только 12 % опрошенных инвалидов рассчитывают в своей борьбе с невзгодами исключительно на свои силы. 45 % опрошенных считают, что только собственных усилий, чтобы добиться успеха в их положении, мало, нужна еще и внешняя помощь, выражающаяся, по крайней мере, в благоприятном стечении обстоятельств. И еще 32 % опрошенных совсем не рассчитывают на свои силы, надеясь только на благоприятное стечение обстоятельств.

Таким образом, среди инвалидов преобладают патерналистские настроения, которые коррелируют с патерналистской социальной по-

литикой государства. Такое созвучие интересов облегчает государству проведение его социальной политики в отношении социально слабых групп, но усложняет решение задач включения инвалидов в систему справедливых социально-трудовых отношений.

Чаще всего, инвалиды прибегают в поисках работы к помощи друзей и родственников (72 %). Реже они покупают и просматривают газеты и журналы, имеющие рекламные объявления (56 %). И уж совсем редко они заходят на сайты предприятий (14 %). Остальные способы поиска работы они практически не используют. Можно заключить, что ресурсной базой поиска ими работы является социальный капитал.

Рассуждая о мерах, которые могли бы помочь инвалидам трудоустроиться, сотрудница СЗН отметила, что «было бы справедливо государству создавать небольшие предприятия для инвалидов, где они могли бы в основном заниматься легкой работой, например сборкой. Чтобы человек мог в любое время поработать в разные смены по 4 часа в день. Вернуть льготы предприятиям, принимающим на работу инвалидов. Кроме того, необходимо проектирование и приспособление рабочих мест».

Ежегодно в службы занятости в целях поиска работы обращаются 10—12 тыс. чел. Из них 60 % относятся к группе немотивированных на трудоустройство и рассчитывающих в дальнейшем только на получение пособия по безработице. 20 % пассивных граждан, ориентированных на постоянную помощь в поиске работы специалистов службы занятости, и только 2 % являются активными людьми, имеющими высокую мотивацию к трудоустройству.

И все же результаты исследования опровергают распространенное представление об иждивенческой позиции инвалидов. Фактически инвалиды, претендующие на рабочие места в силу своего особого положения в сфере трудовых отношений и наличия ряда физических барьеров, препятствующих развитию их конкурентоспособности, оказываются экономически непривлекательными для работодателей. Это является препятствием, не позволяющим инвалидам в полной мере реализовывать свое право на труд, на профессиональную деятельность в условиях, когда рынок труда является открытым и доступным для каждого члена общества. Поэтому основной задачей государства на сегодняшний день является задача исключения дискриминации по признаку инвалидности, обеспечение инвалидам справедливых и равных прав на рынке труда, создание условий для повышения конкурентоспособности, чтобы они могли работать и зарабатывать на жизнь своим трудом.

Проведенный опрос дал возможность оценить уровень социального самочувствия инвалидов. Как показали результаты интервью, большинство опрошенных оценивают негативно не только свое настоящее,

но и негативно смотрят в будущее, считая, что в их жизни нет перспектив в лучшую сторону:

Андрей (33 года, высшее образование) испытывает на себе негативное отношение общества, в котором он крайне нуждается: «Мы живем в таком обществе, в котором каждого человека, если он слаб, задавят. Тогда к чему стремиться? И как мы дальше собираемся жить. Если сейчас поколение воспитывается с точки зрения того, что надо урвать и ограбить. У нас в обществе интересен только тот, кто преуспел. И преуспел, неважно как: обманул, ограбил, убил — что угодно. Главное — есть деньги. К чему мы тогда стремимся и к чему тогда все идет?». Андрей (49 лет, высшее образование): «Нет никакой уверенности найти работу, какую хочется, т. к. инвалидность является большим препятствием». У Анны (22 года, среднее образование) также нет никакой уверенности в будущем: «Меня никуда не берут на работу, все занято... Как свободно, то сразу занято». Такое восприятие жизни дает ощущение полной незащитности и ненужности в обществе. Обсуждая вопрос о факторах, мешающих инвалидам трудоустроиться, сотрудница СЗН объяснила, что это связано еще и со слабым рынком труда, с малым количеством предприятий, куда принимают на работу инвалидов, с их низкой квалификацией и низкой трудовой мотивацией.

Большую роль в трудовой занятости инвалидов играют трудовые рекомендации (ИПР), которые им выдаются в службах медико-социальной экспертизы. Казалось бы, ИПР открывает для инвалидов возможности получения ими соответствующей работы, однако эта программа не всегда подходит инвалидам. Из-за недостаточного взаимодействия медицинских служб со службами занятости в трудовых рекомендациях содержатся, скорее, общие указания предположительной трудовой возможности каждого обратившегося в СЗН.

Это подтверждают и сотрудники СЗН: «С одной стороны, безработные инвалиды не востребованы, с другой — у них очень низкая мотивация, чтобы броситься в бой, пройти повторно комиссию ВТЭК и убедить расширить их трудовые рекомендации, разрешить им переобучение. Мы всегда можем пойти навстречу».

К сожалению, кажущиеся позитивные изменения в государственной социальной политике не привели к улучшению уровня жизни инвалидов, большая часть которых нуждается в самом необходимом. Сегодня все еще существуют серьезные препятствия для реализации инвалидами права на труд и благосостояние из-за недостаточно справедливых механизмов реализации государственной социальной политики, что совершенно неприемлемо в современных условиях кризиса и дефицита рабочей силы на рынке труда.

Информация об авторах

Горина Татьяна Ивановна, научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения ИС РАН, Москва, Россия, golenko@isras.ru

Кефели Валентина Борисовна, научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения ИС РАН, Москва, Россия, vkefeli@isras.ru

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

И. В. Демидова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Целью написания статьи является выявление особенностей процесса интеграции и социокультурной адаптации мигрантов в принимающей стране. Обоснована необходимость выверенной государственной политики в этом вопросе с целью предотвращения снижения уровня толерантности в среде мигрантов и принимающего их общества. Для преодоления демографического спада и обеспечения экономического роста государству и обществу необходимо разработать новые стратегии интеграции.

Ключевые слова: мигранты, стратегии, интеграция, адаптация, демографический спад

MIGRANTS` INTEGRATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Demidova Irina Viktorovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the paper is to investigate the categories of migrants, their problems in adaptation, the factors that influence this process, and possible ways of coping with xenophobia and negative economic outcomes of migration and resettlement. General models of the government migration policy and acculturation strategies provide a basis for the analysis of those problems. New state strategies have to be developed considering that Russia is facing the prospect of aging and rapid population decline.

Key words: migrants, strategies, integration, adaptation, categories, population decline

Introduction

It is estimated that 250 million people currently live outside their country of origin, many having moved for a variety of reasons in which the search for protection and the search for opportunity are inextricably entwined [3]. For Russia this is a topical issue because it has involved the country in three aspects: as a host, transit and departure country. Mass influx of migrants into the cultural and political environment cause concern among local residents and contribute to the growth of extremist nationalist views, including on

religious grounds. Proper measures need to be taken quickly in cases like these to minimise the damage.

Categories of migrants

There is no universally accepted definition for the word *migrant* as the term *migrant* is commonly understood to cover all cases where individuals decide to migrate for reasons of personal convenience and without intervention of an external compelling factor. The word is applied to people moving to another country or region to better their material or social conditions and improve the prospect for themselves or their family. There are several distinct categories of migrants:

- **documented migrant** (a person who entered a country lawfully and remains in the country in accordance with his or her admission criteria);
- **economic migrant** (a person leaving his or her habitual place of residence to settle outside his or her country of origin in order to improve his or her quality of life for the purpose of employment, asylum seeking, etc.);
- **irregular (undocumented, clan destine) migrant** (a person who, owing to unauthorized entry, breach of a condition of entry, or the expiry of his or her visa, lacks legal status in a transit or host country. The term may also cover those migrants who have entered a transit or host country lawfully but have stayed for a longer period than authorised or subsequently taken up unauthorized employment);
- **skilled migrant** (a migrant worker who is usually granted preferential treatment regarding admission to a host country because of his or her skills or acquired professional experience);
- **temporary (contract) migrant worker** (a skilled, semi-skilled or untrained workers who remain in the destination country for definite periods as determined in a work contract with an individual worker or a service contract concluded with an enterprise) [5, p. 58—59].

Push and pull factors for migration

Migration is often analysed in terms of *the push-pull model*, which looks at the *push factors*, which drive people to leave their country (such as economic, social, or political problems) and the *pull factors* attracting them to the country of destination.

Push factors are the reasons why people leave an area (lack of services or safety, war, poverty, crop failure, flooding, drought, high crime, etc.).

Pull factors are the reasons why people move to a particular area (good climate, political and economic stability, higher employment, better services, less crime, lower natural risk from hazards, more fertile land, etc.) [5, p. 59—60].

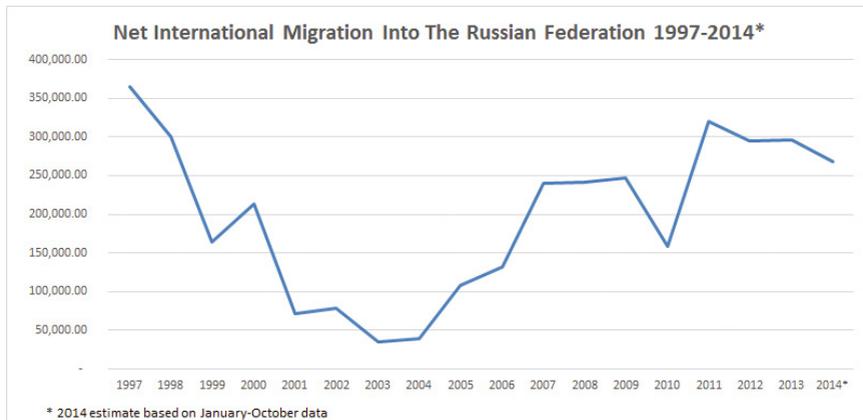
Economic benefits of migration

The global economy is approaching a demographic shock: the working-age populations of many developed economies are going to decline. As a result, numerous organisations will be unable to find enough employees in their home markets to sustain profitability and growth. For instance, the United States will need to add 26 million workers by 2030 to sustain the average economic growth of the two past decades (1988—2008) unless a technological breakthrough replaces manpower, while Western Europe would need to add 46 million employees. In Germany in 2030, there will be 50 people aged 65 and over for every 100 working age. Today, that ratio is 34 % [2].

In the first quarter of 2015, the natural decline of Russia's population (the difference between the number of deaths and births) reached 34,584 people, 13 percent more than in the first three months of 2014. There simply are not enough Russians to do the mostly menial jobs that migrants do. Supporters of the mass migration say that migrants are a welcome boost for Russia's flagging labor force. The Russian Federation faces a labour gap and ageing workforce: statistics says that from 1993 to 2010 Russia's population decreased from 148, 6 to 141, 9 million. An increasing labour force and birth rate act as a counter-balance. If the existing trends do not change, Russia's population will be from 100 to 107 million by 2050. It is going to be a catastrophic disaster for such a big country, on the territory of which there are 40% of the world's natural resources. To maintain GDP growth of 4% to 6% a year we need to have workforce of 80—90 million people. Influx of migrants could help the country mitigate the effects of their shrinking, aging population. Russia's population consists of 24% pensioners and objectively we cannot give up inviting immigrants [4, p. 78—79].

Considering Russia's birth and death rates we will have to continue to attract guest workers from the CIS countries — failing to do so would make a sharp contraction in the workforce inevitable. For most of the past decade Russia has actually been one of the largest net importers of labour in the entire world. Through their sheer numbers and, more importantly, through their ability to help offset the damage of the 1990's „demographic hole,“ immigrants have become enormously important to Russia's economics, politics, and society and integrating them has been an enormous challenge.

Mark Adomanis describes the dynamics of labour migration into Russia (1997—2014). He states that until recently migrant workers were moving to the Russian Federation in growing numbers: in 2013 the level of net migrants was one of the highest since 1990-s. However, in 2014 migration started to taper off — „the net level of migrants is on pace to shrink by 10%“ [1].

From a broad perspective, due to the ruble collapse, fewer people from the CIS-countries are choosing to move here. This trend is going to have an inevitable ripple effect on economic and demographic prospects.

Adaptation of migrants to the host`s country culture

Adaptation is a process of change and adjustment to new environmental conditions. Adaptation of migrants can be defined as the process of fitting in to the society of settlement and functioning successfully in a new environment. Three distinct aspects of intercultural adaptation have been identified:

1. Sociocultural adaptation, which is based on the culture learning approach and reflects the ability to engage in constructive interaction with a different culture. Sociocultural problems are caused by initial, external events, such as immigration and a different cultural environment.
2. Psychological adjustment, which facilitates the individual's sense of wellbeing, positive appraisal of situations and general satisfaction with life. Psychological adaptation has been considered an important issue for immigrants' health, as previous research has consistently demonstrated that immigrants suffer from higher levels of emotional distress and poorer mental health than the host populations. Poor adaptation patterns among immigrants relate to increased levels of depression, anxiety, low self-esteem, and other psychological problems.
3. Practical, everyday adjustment, which involves the most important tasks immigrants have to face such as experiencing a language barrier, financial hardship, inability to confirm their qualifications and get an adequate job.

All these factors may result in unemployment or engagement in low-skilled and low-paid jobs which put them in the low-income strata of the society.

A new environment and language difficulties often cause significant isolation from the society, which manifests itself through a lack of understanding of cultural traditions and social norms, no contact with the host population and, as a result, a very secluded life. Although there is no agreement on how to define and measure adaptation while moving from one culture to another, it has been suggested that most migrants go through initial culture shock, which has significant consequences for their wellbeing. The extent and outcomes of this culture shock and following adaptation may depend on many factors, from cultural distance to migration motivation and expectations [3].

Acculturation is based on the extent to which the culture of origin is being maintained or preferred, and the extent to which the new host culture is adopted. On the basis of the interaction between these two dimensions, 4 different acculturation strategies can be employed:

1. Integration. It means preserving the heritage together with acquiring some characteristics of the host culture. The strategy of integration predicts more positive outcomes in psychological and sociocultural adaptation.

2. Assimilation. It is the strategy that relinquishes the ethnic heritage and substitutes it with the new, acquired cultural identity.

3. Separation involves maintaining the culture of origin and rejection of the culture of settlement.

4. Marginalization refers to a rejection of the both the culture of settlement and the culture of origin.

Marginalization and separation are often associated with poor adaptation, which can lead to serious psychological disturbances, including clinical depression, anxiety, and other mental disorders.

Several specific measures aimed at solving the problems migrants face may be proposed:

- Developing a programme for establishing in migrant workers' native countries integrated migration centres for systematic recruitment of workforce (especially skilled workers) for employment abroad.
- Creating integrated migration centres in order to structure and systematise the influx of migrants on the basis of methodical selection and employment, probably following the suit of campuses in which workers may have assistance during the period of adaptation to the new environment.
- Analysing the targets and outcomes of adaptation.
- Implementing the model of acculturation considering different aspects that play a role in the acculturation process. These aspects may include some personal factors (reasons for migration, language fluency, acculturation strategies, and cultural identity) and situational factors (length of contact, cultural distance, social support).

Coping Strategies for anti-migration appeal

Economists promise the potential economic benefits of migration while many local residents are concerned about their ability to cope with newcomers and the strain they place on public services. Migration is thought to cause a decline in the average level of wages and an increase in product and housing costs, erode national borders and cultural identity and violate the established civilisations balance in the region and the world at large. Economic difficulties enhance the growth of nationalist and xenophobic attitudes among local residents towards immigrants. Migrant workers are often exposed to discrimination, trafficking, labour right abuses, unfair treatment, poverty, lack of access to justice, racial profiling, etc. Both external and internal migration fed into a vast network of corruption (migrants bribed policemen to prevent getting fined or arrested for registration violation; businesses bribed the authorities to prevent getting raided, etc.). If the state wants the labour migrants to come here, it needs to decide what measures that promote labour migration can be taken, how to attract people with the necessary skills and how to guarantee their adaptation. A system for analysing labour market needs must be created to assess which skills are missing from the labour market and how many people with such skills are required.

Several different although linked policy developments are needed in special areas:

- low cost housing with hygienic facilities;
- educational institutions for migrants and their families;
- medical facilities;
- sanitation;
- support to civil society organizations;
- limiting wage competition, forcing the employer to pay retroactively the prevailing collective bargaining or minimum wage for the work performed by the migrant,
- setting serious penalties, including imprisonment for illegal employment;
- increasing adaptation financing. (Semina, 2016)

Conclusion

There will often be substantial cultural differences between migrants' home countries and their destination country — differences which go well beyond differences in languages. Cultural adaptation and integration is not a one-way-street: the host country population will also have to adapt and be open to new cultures. To minimise friction and conflict and to foster mutual understanding and integration, it is important to educate both migrants and the host country population about their different cultures and values.

Adaptation and integration take time and may even be fully achieved only in the second or third generation, it should be seen as a long-term process that needs to be encouraged and supported continuously.

Considering substantial levels of migration, the state has to implement reforms national wisely and in suitable proportions as levers for improving the outlook of its economic development. The goal is to have enough people with the skills and knowledge required for economic development in our state. If Russia wants to be successful in the international competition for attracting people who have the capacity to generate income, it has to guarantee for such people a suitable working and living environment.

Список литературы

1. *Adomanis M.* Immigration into Russia is on Pace to fall by 10% // Forbes. URL: <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2015/01/02/immigration-into-russia-is-on-pace-to-fall-by-10/#799b652a393c>.
2. *Annan K.* 4 steps to managing migration with compassion // World Economic Forum. 15.06.2015. URL: <http://www.weforum.org/agenda/2015/06/4-steps-to-managing-migration-with-compassion>.
3. *Davis N.* Global agenda council on migration. 2016 // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/communities/global-agenda-council-on-migration>.
4. *Демидова И. В.* Migration. Is it a threat or an opportunity? // Материалы международной научно-практической конференции «Общество и этнополитика»: в 3 ч. Ч. 1. Новосибирск, 2015. С. 77—82.
5. *Демидова И. В.* «Миграция зло или благо?» // Сборник тезисов докладов и статей международной научно-практической конференции российских и зарубежных университетов в РЭУ им. Г. В. Плеханова при участии представителей государственных и муниципальных органов власти «Государственное регулирование миграционных процессов и межнациональная политика как факторы обеспечения стабильности в современном мире: российский и зарубежный опыт». ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». 2015. С. 58—62.
6. *Семина В. В.* International Organization for Migration as a Participant of Migrants' Integration [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. 2016. № 2. URL: <http://politika.snauka.ru/2016/02/3730> (дата обращения: 5.03.2016).

Информация об авторе

Демидова Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, kravdem@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ РОЛИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОСУГОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

А. В. Дорошенко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. Досуг является неотъемлемой частью жизни человека. Актуальность социологического исследования досуга обусловливается изменениями его содержания и структуры под воздействием социокультурных трансформаций, происходящих во всем мире (смена ценностей, развитие социальной инфраструктуры, появление новых информационных технологий). Интернет, являясь средством досуговой деятельности в виртуальной реальности, может также оказывать влияние на досуговые предпочтения в реальной жизни. Поэтому необходимо выявить степень его влияния на досуговые предпочтения населения.

Ключевые слова: досуговые предпочтения, интернет-ресурсы

Проникновение интернета в среду молодых россиян (16—29 лет) достигло предельных значений еще в предыдущие годы и, по данным GfK, составляет сейчас 97 %. Это актуализирует изучение влияния интернет-ресурсов именно на молодое поколение [1]. С этой целью необходимо осуществить анализ свободного времени молодого человека и рассмотреть систему видов деятельности в свободное время, классифицируя их на досуговые и просветительские виды деятельности.

Досуг:

- просто отдых;
- прогулки с друзьями, родными;
- посещение гостей;
- просмотр телевизора;
- прослушивание музыки;
- посещение кинотеатров;
- походы в кафе, рестораны;
- посещение клубов;
- посещение развлекательных заведений (боулинг, бильярд и т. д.)

Просветительские:

- самообразование;
- занятие хобби;
- чтение;
- посещение курсов, секций, тренировок;
- посещение театров, музеев, выставок и т. д.

На досуговые предпочтения молодежи влияют также следующие факторы:

- направленность интересов;
- ценностные ориентации;
- круг общения;
- уровень развития потребностей;
- занятость;
- семейный статус;
- состояние инфраструктуры досуга;
- финансовые возможности;
- жилищные и бытовые условия;
- занятость дополнительным заработком, дополнительным образованием.

Следует выделить следующие виды досуга, опираясь на влияние интернета на сферу досуга: виртуальный досуг и реальный досуг.

К виртуальным видам досуга относятся: посещение социальных сетей и форумов по интересам; интернет-игры; мультимедийные культурно-досуговые формы досуга (онлайн-просмотр фильмов, прослушивание музыки и т. д.)

К реальным видам досугам — выбор формы досуга, а именно посещение кинотеатров, театров, музеев, кафе, ресторанов, клубов и т. п.; поиск новой формы проведения досуга и оставление комментариев после посещения культурно-развлекательных мероприятий.

Приведенные выше критерии досуговой деятельности могут быть использованы при исследовании влияния интернет-ресурсов на досуговые предпочтения молодежи. Совершенно уместным будет рассматривать интернет-среду в качестве продолжения социальной реальности и как новое информационно-коммуникативное пространство, влияющее на мировоззрение, выбор политических взглядов, стереотипы мышления, ценностные ориентиры, формирующие вкусы и предпочтения населения.

Список литературы

Интернет в России и в мире [Электронный ресурс]. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151.

Информация об авторе

Дорошенко Анна Викторовна, студентка направления подготовки «Социология» Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, dorosheko.anna1994@yandex.ru

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. К. Иванов

Государственный университет управления, Москва, Россия

Аннотация. Интеллигенты определяются исключительно по культурной самоидентификации. В рамках настоящих тезисов предпринята попытка определить, какую роль может играть современная российская интеллигенция в гражданском обществе, исходя из того, что ее групповая идентичность имеет культурное содержание.

Ключевые слова: гражданское общество, интеллигенция, ценностные ориентации, идентичность

В настоящее время в российском обществе актуализируется потребность в активной и сознательной интеллигентской позиции (в классическом понимании этого слова), в том, чтобы каждый представитель интеллигенции был носителем активной личной позиции, особенно, в возвращении целостности идентичности, представлений о мире и себе, которая была нарушена у многих групп людей, в том числе, у интеллигенции в последние годы. Сегодня общество «запрашивает» у представителей интеллигенции активности и целостности мировоззрения, которые воспринимаются им как условия поступательного развития общества и научного прогресса. Поэтому важным становится вопрос об идентичности, ценностных ориентациях, мотивационных установках интеллигенции.

На протяжении многих десятилетий в качестве самых стойких характеристик русской интеллигенции выступают культурные идентичности. «Внутри интеллигенции большая дифференциация по роду, характеру, массовости деятельности. А уж если взять такую ее часть, как гуманитарная, то дифференциация будет еще более основательна. По характеру труда, по социальной роли и отношениям с непосредственным окружением учитель и научный работник, журналист и писатель, актер и деятель массовой культуры различаются гораздо больше, чем представители инженерно-технической интеллигенции. И эти различия сильнее отражаются в их сознании, чем принадлежность к многочисленному слою людей сложного умственного труда» [1]. Однако главное, что обеспечивает внутреннюю идентичность, — то обстоятельство, что интеллигенция, прежде всего гуманитарная, — созидатель и хранитель высших духовных ценностей общества.

Социокультурная идентичность интеллигенции, выстроенная из таких «эфемерных» и внерациональных элементов, как ценности, эмоцио-

нальные переживания, смыслы и символы, жизненные ориентации, ментальные стереотипы и прочее, — в горниле экономических реформ оказалась достаточно тугоплавким материалом, способным упорно сопротивляться попыткам внедрения новых механизмов распределенного неравенства в обществе.

Именно поэтому, при нарастающем снижении объективных статусных позиций интеллигенции, которое, по идее, должно сопровождаться соответствующими субъективно-рефлексивными процессами, разрушением групповых солидарностей, отказом от так называемой «исторической миссии» интеллигенции, — ее представители, тем не менее, продолжают претендовать на то, чтобы быть экспертами принимаемых общенациональных решений, служить источником, социальным носителем и транслятором эталонных ценностных ориентиров, социальных норм и стандартов, вырабатывать нормативные стилевые характеристики гражданской жизни и прочее.

При этом, когда мы говорим о «внутреннем ядре идентичности» интеллигенции, мы ведем речь именно о культурной, а не национальной идентичности, так как среди российских интеллигентов были люди разных национальностей. Общим для них всегда являлась идентификация себя с русской культурой, с тем социальным кругом, который и получил название «интеллигенция». Причем, как и любая культура, имеющая значительные открытия и крупных ученых (а это в полной мере относится к отечественной интеллигенции), российская культура несет на себе отпечаток мировой науки, культуры, прежде всего, европейской. Однако тот вклад в развитие общечеловеческой культуры, который связан с именами нашей интеллигенции, определяется не только их чуткостью к мировым проблемам, не только тем, что ими решались вопросы, которые волновали все человечество. Сама возможность внести что-то новое в науку была связана и с тем влиянием общественных, политических, психологических особенностей, которые и придавали российской интеллигенции ее своеобразие.

Социально-политическая и экономическая ситуация в XVIII в. привела к появлению интеллигенции, направленность общества на реформы — к особому интеллигентскому «целеобразованию», к оформлению ролевой структуры этой группы, определившей частично и содержание ее социально-политической идентичности. Особенности положения этой группы в общественной структуре российского общества, сложности во взаимоотношениях с другими большими группами (аристократией, чиновничеством, крестьянами) привели к обособлению, акцентуации оппозиционности и доминированию нравственных, духовных, а не материальных ценностей.

Эти черты, а также профессиональная, познавательная мотивация, составили в свою очередь, содержание уже личностной идентичности интеллигентов, которая стала ведущей при идентификации людей, стремящихся попасть в эту группу. При этом большинство параметров именно личностной идентичности оказались наиболее устойчивыми, став чертами социальной идентичности этой группы людей. Именно эти качества, характеризуемые в дальнейшем как «интеллигентность», соединили содержание обеих частей структуры идентичности и определили в новых социальных условиях — и в начале XX в., и в советское и постсоветское время, критерии, по которым происходит идентификация этой группы.

Таким образом, интеллигенты определяются исключительно по культурной самоидентификации, и их характерные черты могут рассматриваться по аналогии с религиозными меньшинствами. Подобие видится, прежде всего, в особенностях узнавания «своих» (неконтактная общность) и стремлении к нормативному поведению, активном сопротивлении в отношении чуждых культурных образцов. В большой социальной группе — классе, социальном слое — тоже нет непосредственного контакта, но она выделяется своим местом в социальной структуре общества по объективным функциональным характеристикам. В неконтактной группе есть лишь одно интегрирующее ее основание — некая общая ценностная позиция, возможно, и общая картина мира.

Какую роль может играть современная российская интеллигенция в гражданском обществе, исходя из того, что ее групповая идентичность имеет культурное содержание?

Капитал — это накопленный труд, который дает агентам и группам агентов возможность присваивать общественную энергию. Капитал имеет три формы: экономическую, культурную и общественную. Культурный капитал накапливается посредством работы агента над собой. Он улучшает этого агента с точки зрения некой общественно установленной ценности. Поэтому культурный капитал является воплощенным. Общественный капитал включает общественные связи, взаимный обмен и взаимную помощь. Благодаря этому капиталу, индивид может приобрести определенный статус, формально или неформально признанный. Статус позволяет перераспределять и использовать ресурсы. Формы капитала и их смешение представляет основу характерной для определенного общества структуры общественных отношений, т. е. того фундамента, на котором построены институты [2].

Нормы и ценности, носителем и транслятором которых является интеллигенция, самоценны в политическом отношении. Именно традиции, нормы и ценности определяют во многом духовный мир личности, ее ориентацию (в том числе, в политической системе), ее политическую

культуру. Кроме того, трудно подвергнуть сомнению тот факт, что всякое регулирование поведения людей обязательно предполагает наличие системы ценностей, выражающих представление общества (социальной группы, класса) об общественно полезном поведении людей. Ж. Пиаже справедливо отмечал, что средства, которыми располагает общество (в данном случае, интеллигенция), социализируя своих членов, сводятся к нормам, знаниям и ценностям [3].

Нормы и ценности являются результатом культурного творчества интеллигенции и вместе с тем способом организации культурной деятельности всего общества. Культура порождает нормы и развивается далее в определенных нормативных границах, пока в процессе человеческой деятельности, новых связей и отношений не сформируются новые нормы и ценности, отвечающие достигнутому уровню потребностей и интересов общества.

Список литературы

1. *Тощенко Ж. Т.* Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции // Материалы круглого стола «Гуманитарная интеллигенция: иллюзии и реальность». М. : РГГУ, 2007.
2. *Цыганков Д. Б.* Введение в социологию Пьера Бурдьё // Журн. социол. и социал. антропологии. СПб., 1998. Т. 1. № 3.
3. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М. : Прогресс, 1969.

Информация об авторе

Иванов Владимир Константинович, к. полит. н., доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления, Москва, Россия, 310187@list.ru.

МОТИВАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Ю. В. Каира

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Как показывает международный опыт, мотивации государственных и муниципальных служащих отличаются от мотиваций тех, кто работает в коммерческом секторе. Одним из основных отличий является преобладание у гражданских служащих ориентации на достижение «некорыстных» целей, к которым относятся, среди прочего, цели надличностного характера (т. е. «служение государству или обществу» и т. п.). Одним из направлений проведенного исследования было изучение мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: государственные служащие, муниципальные служащие, мотивация, цели работы

В проведенном исследовании особое внимание было уделено следующим элементам:

- ценностные ориентации,
- оценка престижности работы, службы,
- оценка возможностей карьерного роста.

Составить примерное представление о наборе мотиваций гражданских служащих позволяет вопрос: «Каковы основные цели Вашей работы?»* (рис. 1).

Наиболее распространенной целью работы на государственной службе является «зарабатывание на жизнь» — этот ответ встречался у 42 % респондентов. Нематериальные цели встречались у 64 % опрошенных [1].

Среди «корыстных» (но не материальных) целей работы респондентам были предложены следующие варианты — установление полезных контактов и связей (13 % респондентов), наработка опыта и повышение квалификации (отмечено в 72 % случаев). Анализ показал, что преследование подобных целей в большей степени характерно для молодежи, которая заинтересована в заложении фундамента своего будущего. Ответ «зарабатываю себе на жизнь» только в 14 % случаев принадлежит молодежи, в основном, этот ответ был выбран лицами старше 40 лет (66 %).

* Данный вопрос предполагал возможность выбора трех ответов, поэтому данные даны в процентах к числу опрошенных.

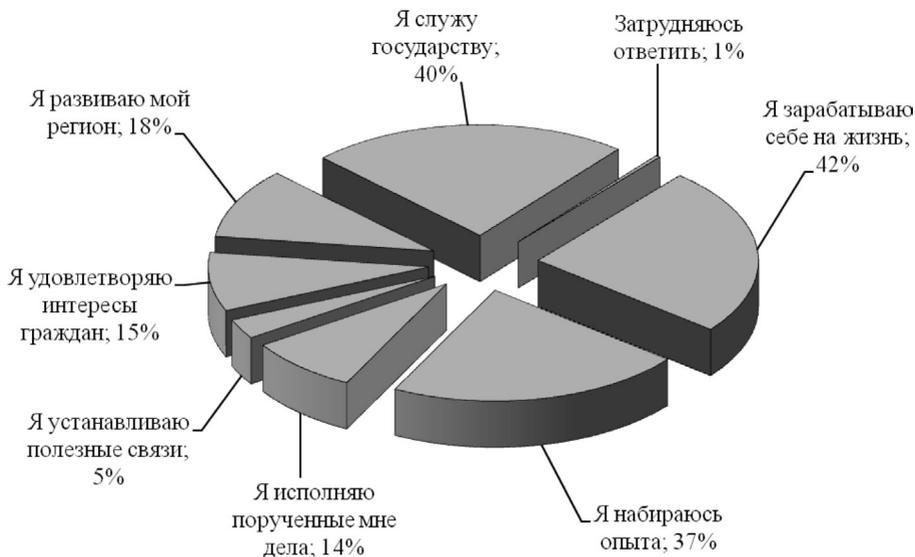

Рисунок 1. Цели работы государственных и муниципальных служащих

То, что при очевидно более «материалистической» ориентации молодежь реже дает ответ «я зарабатываю себе на жизнь», связано также с тем, что она в большей степени сравнивает свои заработки с заработками (и расходами) своих сверстников в коммерческом секторе, и свои заработки не считает достаточными для жизни. На начальном этапе своей профессиональной карьеры они рассматривают государственную и муниципальную службу как трамплин, позволяющий приобрести нужные связи, опыт и квалификацию. Фактор наработки полезных связей отметили как значимый 23% молодых специалистов, получение ценного опыта и повышение квалификации был выбран 95% молодежи (тогда как для служащих от 30 до 40 лет эти цифры равны 13% и 86%, и для респондентов старше 40 лет — 9% и 59% соответственно). Молодые государственные и муниципальные служащие в меньшей степени думают и о служении гражданам, региону и стране (из 73% респондентов, выбравших надличностные цели, молодежь представляет весьма незначительную часть — всего 14%).

Все вышеизложенное подтверждает достаточно распространенное мнение о незаинтересованности молодежи в продолжительном пребывании на государственной и муниципальной службе.

Возрастные различия в ответах о целях работы частично объясняют распределение ответов в зависимости от должностей (табл. 1) [2].

Таблица 1. **Распределение ответов о целях работы по должностям**

Основные цели работы	Руководитель государственного органа	Руководитель самостоятельного структурного подразделения	Начальник отдела	Старшая должность	Младшая должность
Зарабатываю на жизнь	25	35	52	51	65
Набраться опыта и повысить квалификацию	16	22	21	38	59
Исполнить порученные дела	7	12	14	13	17
Установить полезные связи	2	2	3	6	7
Удовлетворение интересов граждан	27	14	17	13	13
Стабильное развитие города, республики	52	22	15	15	13
Служение государству	34	60	55	38	26
Затрудняюсь ответить	2	1		1	
Всего:	67	130	220	358	313

Данные, представленные в табл. 1, позволяют заметить, что в основной массе государственные и муниципальные служащие выбирают надличностные цели («стабильное развитие города, республики, региона»; «служение государству»; «удовлетворение интересов граждан»). Прослеживается зависимость характера цели работы от должности. Если для руководителя характерны бескорыстные задачи «развития города, республики...», «служение государству» и «удовлетворение интересов граждан», то с понижением должностного уровня увеличивается доля выбора таких элементов работы, как оплата труда и получение ценного опыта. Причем выбор ответа «получить ценный опыт» напрямую связан со стажем работы респондента (если среди молодых специалистов, чей стаж менее 10 лет, этот ответ встречается у 67 %, то среди лиц старше 40 лет он встречается в 7 раз реже).

В качестве второго ответа, при выборе первым «я зарабатываю себе на жизнь», респонденты выбирали между целями, связанными с удовле-

творением личных интересов (установление полезных контактов, повышение квалификации и приобретение ценного опыта), надличностными целями и простым исполнением порученных дел. Отражение распределения второго варианта ответа в зависимости от должностного уровня.

Таблица 2. Распределение групп вторых ответов о целях работы по должностям (при выборе первого ответа «я зарабатываю себе на жизнь»)

	Руководитель государственного органа	Руководитель самостоятельного структурного подразделения	Начальник отдела	Старшая должность	Младшая должность
Личные цели		2	3	2	8
Надличностные цели	3	6	18	17	8
Исполняю порученные дела		1	1	1	1
Всего (в чел):	16	38	100	90	83

Таким образом, мы выявили, что, хотя меньше половины государственных и муниципальных служащих имеют материальную заинтересованность в своей службе, им все же свойственны другие «корыстные» цели. И часто упоминаемое мнение о том, что на государственной службе работают только энтузиасты своего дела и патриоты, для которых материальные блага не важны, не нашло подтверждения.

Можно с достаточно высокой точностью проранжировать федеральные и региональные органы исполнительной власти, территориальные органы федеральных министерств и органы местного самоуправления с точки зрения материального обеспечения служащих. Для большей наглядности выделим три группы респондентов — «оптимисты», «неопределившиеся» и «пессимисты».

На низшем месте стоят органы местного самоуправления и органы исполнительной власти субъектов Федерации — доля оптимистов равна 41 %, а доля пессимистов — 38 %. Далее следуют федеральные министерства, где доля оптимистов выросла до 51 %, а доля пессимистов сократилась до 34 %. И верхнюю позицию занимают территориальные органы федеральных министерств с 57 % и 24 % соответственно [3]. Одну из возможных интерпретаций этих данных можно дать через уровень

квалификации государственных и муниципальных служащих. В территориальных органах федеральных министерств уровень квалификации служащих достаточно высок, а уровень оплаты труда ниже, чем в органах исполнительной власти субъектов Федерации — отсюда следует вывод респондента о том, что его коллеги могут найти более высокооплачиваемую работу. Для муниципальных служащих и государственных служащих исполнительных органов власти субъектов Федерации труднее найти работу с лучшими условиями в силу ограниченных возможностей регионального рынка труда (о чем неоднократно упоминалось в ходе интервью).

Список литературы

1. *Турчинов А. И.* Государственная служба России: состояние и проблемы развития // Социально-профессиональное развитие государственной службы : Материалы 13-й общерос. науч.-практ. конф. с международным участием. М. : РАНХиГС. 2014. С. 125—132.
2. *Магомедов К. О.* Профессиональное состояние кадров государственных гражданских служащих, проблемы профессионального развития и кадровые процессы в органах государственной власти и управления РФ // Отчет мониторингового социологического исследования. М. : РАНХиГС. 2013.
3. *Проказина Н. В.* Особенности социологической культуры государственных гражданских служащих // Образование и общество. 2012. № 1. С. 75—80.

Информация об авторе

Каира Юрий Владимирович, к. с. н., доцент кафедры «Прикладная информатика и математика» РАНХиГС при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, kaira_r@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РЕСУРСА И ДОСУГОВОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ

А. В. Каравай

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Затяжной экономический кризис, в котором оказалась сейчас Россия, резко актуализировал проблему адаптационных возможностей населения в целом и отдельных социальных групп в частности. Особый интерес в этой связи представляет положение такой относительно низкоресурсной, но очень многочисленной и значимой для экономики и социальной стабильности в стране профессиональной группы, как рабочие.

Ключевые слова: рабочие, досуговая активность, социальный ресурс

Последние исследования показывают, что рабочие в нашей стране пострадали от экономического кризиса сильнее, чем представители многих других профессиональных групп россиян [5]. В условиях падения доходов «запас прочности» человека во многом начинает зависеть от немонетарных видов ресурсов, находящихся в его распоряжении, в частности его социального ресурса, или, как традиционно принято его называть среди исследователей [1, 3 и др.], «социального капитала», «связанного с обладанием устойчивой сетью ... отношений взаимного знакомства и признания» [1, с. 66]. Социальный ресурс, в отличие от экономического, характеризуется тем, что инвестиции в него осуществляются преимущественно в виде затрат времени, свободного от основной трудовой деятельности. Этот вывод лег в основу модели инвестиций в социальный капитал Е. Глейзера [6], из которой следует связь наличия, объема и характера социального капитала, которым располагают индивиды (в нашем случае это российские рабочие) с особенностями их досуга и временного горизонта. Эти характеристики рабочих* мы покажем на фоне группы, которая качественно отличается от них как в плане общей ресурсообеспеченности, так и обеспеченности социальным капиталом — группы руководителей и профессионалов.

* Включая рядовых работников торговли и бытового обслуживания. Многочисленные исследования этой группы привели к доминированию в западной социологической литературе убеждения, что ее представителей характеризуют те же поведенческие паттерны и особенности мировоззрения, что и «традиционных» рабочих, и сформировали практику включения их в состав рабочих. Этого подхода придерживаемся и мы.

Эмпирической базой анализа выступили исследования Института социологии РАН разных лет, репрезентирующие население страны в возрасте от 18 лет и старше по региону проживания, а внутри регионов — по полу, возрасту и типу поселения*. Возможности ресурса социальных сетей индивидов оценивались нами на основе их субъективных оценок тех форм помощи, которые гипотетически может предоставить им их окружение. Типология досуговой активности была взята из работ Н. М. Давыдовой [2] и Н. Н. Седовой [4], предложивших деление досуговой активности на три типа: простой (просмотр телевизора, домашние дела, просто ничегонеделание), традиционный (основанный на добавлении к этим занятиям любых увлечений, требующих дополнительных усилий, включая чтение периодики и книг, прогулки, активный отдых на природе, общение с друзьями) и активный досуг, который включает в себя множество спортивных, культурных и образовательных вариантов времяпрепровождения.

При анализе наличия социального ресурса у представителей отдельных профессиональных групп выяснилось, что осенью 2015 г. его вообще не было у 25% рабочих и 16% профессионалов и руководителей. Однако *основные различия между представителями рассматриваемых профессиональных групп заключаются не в наличии или отсутствии у них социального капитала, а в его качестве*. Как показано в табл. 1, руководителям и профессионалам доступен гораздо более широкий спектр возможностей помощи со стороны их социальных сетей, нежели рабочим.

Таблица 1. Возможности социальных сетей представителей некоторых профессиональных групп, ИС РАН, 2015 г., % от ответивших (ранжировано по рабочим)

Могут обратиться к своему окружению, чтобы:	Рабочие	Руководители и профессионалы	Работающие в целом
Найти приработок	46	28	37
Взять в долг до 100 тыс. рублей	41	43	42
Найти хорошего врача	17	37	26
Устроиться на хорошую работу	13	20	17

* В их числе: 1) «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (третья волна) (октябрь 2015 г., $n = 4000$); 2) «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (февраль 2014 г., $n = 1600$); 3) «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» (апрель 2013 г., $n = 1600$); 4) «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., $n = 2106$), и «Малообеспеченные в современной России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» (март 2008 г., $n = 1750$).

Могут обратиться к своему окружению, чтобы:	Рабочие	Руководители и профессионалы	Работающие в целом
Устроить ребенка в хорошую школу*	6	22	13
Решить жилищную проблему	5	8	7
Получить доступ к должностным лицам	5	10	7
Взять в долг более 100 тыс. рублей	4	11	7
Поступить в хороший вуз*	4	9	7
Продвинуться по карьерной лестнице	4	8	6

* Процент от тех, кто имел несовершеннолетних детей.

С помощью факторного анализа (метод Варимакс с двойным вращением) нам удалось выявить несколько разновидностей социального ресурса: полное отсутствие помощи со стороны сетей, простейшие их возможности (мелкие займы и приработки), удовлетворение социальных потребностей (доступ к хорошим врачам и учителям), связи (решение карьерных, жилищных проблем, поступление в вузы), а также дефицитные связи (доступ к должностным лицам и крупные займы). После этого методом «нарастающего итога» мы построили индекс потенциала социального капитала индивида, где каждая последующая его разновидность включала в себя и все предыдущие возможности. В результате оказалось, что потенциал социальных сетей большинства рабочих, у которых он есть, ограничен лишь возможностями восполнения средств на текущее потребление. Помощь же, которая в перспективе открывает больше возможностей как перед ними самими, так и перед их детьми, создавая для них дополнительные жизненные шансы, доступна сравнительно немногим рабочим (рис. 1). При этом анализ возрастных и доходных групп показал, что *низкий потенциал ресурса сетей большинства рабочих зависит не столько от их возраста или материального положения, сколько определяется именно их профессиональным статусом.*

Рисунок 1. Разновидности ресурса сетей представителей некоторых профессиональных групп россиян, ИС РАН, 2015 г., % от имевших ресурс сетей

Анализ предпочтений рабочих в отношении форм использования своего свободного времени показал, что *установки на использование свободного времени для наращивания своего социального ресурса выражены у них слабо, особенно по сравнению с руководителями и профессионалами*. Досуг большинства рабочих ограничен домашними формами времяпрепровождения или простыми развлечениями, не подразумевающими какое-либо саморазвитие. При этом, если для руководителей и профессионалов основными барьерами к увеличению разнообразия своего досуга являются их финансовые возможности или ограничения, связанные с типом поселения, то выбор рабочих в пользу простых форм досуга зависит только от возраста. Более того, проследив изменения в досуговых предпочтениях рабочих за последние 12—13 лет, мы можем сказать, что они, как и другие россияне, являются участниками процесса общего «оскудения» их досуга. Однако, если руководители и профессионалы отказываются от активного времяпрепровождения в пользу традиционного его типа, то среди рабочих существует тревожная тенденция ухода в наиболее простые формы домашнего досуга.

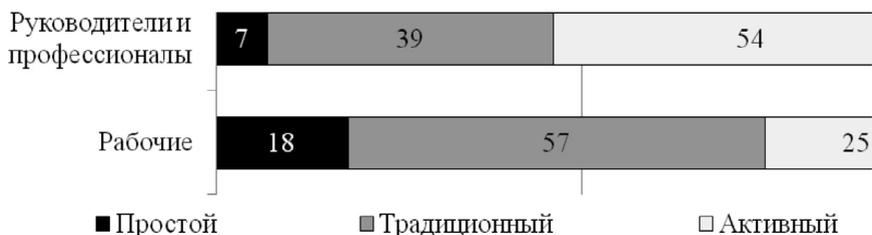

Рисунок 2. Типы досуговой активности представителей некоторых профессиональных групп россиян, ИС РАН, 2014 г., % от ответивших

Анализ горизонта планирования рабочих показал, что они предпочитают жить «здесь и сейчас». Согласно данным ИС РАН за 2014 г., без малого 60 % рабочих вообще не планируют свою жизнь даже на год вперед (при 39 % среди руководителей и профессионалов). Эта их особенность прослеживается во всех группах рабочих, выделенных по материальному, возрастному или поселенческому признаку — практически везде не менее половины их представителей не демонстрируют склонности к планированию своей жизни даже на столь короткий период. Слабая готовность к стратегическому планированию связана с общей низкой ресурсообеспеченностью рабочих и их отношением к себе, своей жизни в целом и своим ресурсам в частности. Однако, хотя стратегическое планирование практикует меньшая часть этой профессиональной группы, отсутствие у них соответствующих устано-

вок и навыков — не их вина: оно прямо обусловлено особенностями их жизни и профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74.
2. Давыдова Н. М. Досуговые предпочтения населения в пореформенной России. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004.
3. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20—32.
4. Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56—69.
5. Тихонова Н. Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16—27.
6. Glaeser E. The formation of social capital // Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 2. № 1.

Информация об авторе

Каравай Анастасия Вадимовна, научный сотрудник РАНХиГС, младший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, karavayav@yandex.ru

ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: КОМФОРТ НЕ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ?

Т. Ю. Карпенко

Брянский государственный инженерно-технологический университет, Брянск, Россия

Аннотация. Обеспечение индивидуальной мобильности инвалидов с максимально возможной степенью их самостоятельности предусматривает, прежде всего, необходимое обустройство объектов социальной инфраструктуры. Инфраструктура городов, поселков, сельских поселений, как в целом по Российской Федерации, так и в Брянской области в частности, до недавнего времени недостаточно учитывала интересы, потребности и запросы лиц с ограниченными физическими возможностями. Ввиду подобного рода неучета, в существующей к настоящему моменту инфраструктуре далеко не всегда имеются необходимые условия и возможности для беспрепятственного передвижения и обслуживания инвалидов. Проведенный в 2015 г. в Брянской области опрос инвалидов и людей, не имеющих группы инвалидности, позволил выяснить, как инвалиды оценивают состояние доступности приоритетных объектов и услуг, а также выявить сферы жизнедеятельности, в которых присутствуют проблемы, связанные с доступностью объектов и услуг.

Ключевые слова: инвалиды, социальная инфраструктура, индивидуальная мобильность, доступная среда, социальная интеграция

Политика формирования доступной среды ориентирована в первую очередь на создание таких возможностей, которые обеспечивают беспрепятственную мобильность инвалидов. Данная политика требует более пристального внимания к изучению и анализу имеющихся недостатков и недоработок в рамках специализированного обустройства объектов социальной инфраструктуры, облегчающего инвалидам социальную интеграцию.

Кроме того, само по себе отсутствие необходимых условий доступа для инвалидов к объектам социальной инфраструктуры является значимым барьером в их социализации и адаптации, провоцирует сужение их жизненного пространства, искусственно создает разобщенность между инвалидами и не инвалидами.

В Брянской области в 2015 г. был проведен (при личном участии автора) опрос инвалидов и людей, не имеющих группы инвалидности ($n = 1735$ и $n = 510$ соответственно, выборка многоступенчатая стратифицированная, территориальная, случайная) с целью оценки инвалидами

состояния доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности, выявления сфер жизнедеятельности, в которых, по мнению инвалидов, присутствуют проблемы, связанные с доступностью объектов и услуг.

Ниже представлен анализ объектов социальной инфраструктуры нуждающихся в первоочередном оснащении приспособлениями для обеспечения доступа к ним инвалидов (табл. 1).

Таблица 1. Объекты, нуждающиеся в первоочередном оснащении приспособлениями для обеспечения доступа инвалидов

Респонденты	Инвалиды	Здоровые
образовательные учреждения (школы, училища, ВУЗы)	8,3%	13,2%
пункты бытовых услуг и общепита (ателье, ремонт обуви, столовые и др.)	3,7%	3,7%
помещения учреждений жилищно-коммунального хозяйства	3,8%	2,7%
жилые помещения (квартиры, жилые дома)	9,3%	10,8%
больницы и поликлиники	14,5%	15,2%
здания органов власти и социальной защиты	4,3%	4,4%
магазины	13,6%	10,9%
аптеки	14,7%	11,1%
учреждения культуры (кинотеатры, библиотеки, музеи и др.)	4,7%	4,1%
спортивные сооружения	2,6%	3,4%
пешеходные тротуары и переходы через дорогу	6,1%	6,3%
здания вокзалов	2,3%	2,1%
общественный транспорт	8,4%	8,3%
зоны отдыха	3,6%	4,0%

Схожесть в оценках значимости объектов, нуждающихся в первоочередном оснащении приспособлениями для обеспечения доступа инвалидов, у людей с ограниченными возможностями и у неинвалидов, свидетельствует о наличии сензитивности к пониманию проблем инвалидов у неинвалидов.

В результате исследования обнаружено, что существуют также некоторые различия у инвалидов — в зависимости от их возраста, характера и группы инвалидности — в значимости приоритетных объектов, нуждаю-

щихся в первоочередном оснащении приспособлениями для обеспечения доступа инвалидов. Инвалиды до 18 лет в первой позиции указывали «образовательные учреждения (школы, училища, ВУЗы)», а пенсионеры, т. е. инвалиды после 60 лет — «больницы», «поликлиники» и «аптеки»; они же максимально значимы и для колясочников и слабослышащих. А вот для инвалидов по зрению таковыми объектами были отмечены в первую очередь «магазины». Инвалиды первой группы наиболее значимыми для себя отмечали «аптеки». Гендерные различия по данным параметрам не проявлялись.

Таблица 2. Оценка оснащения объектов социального и иного назначения спецустройствами для доступа к ним инвалидов (пандусы при входах в здания, приспособленные перила, разъемы в дорожных бордюрах, звуковые устройства и т. п.)

Респонденты	Инвалиды	Здоровые
Осуществляется быстро и разнообразными видами приспособлений	3,3%	7,3%
Осуществляется медленно и лишь ограниченным набором приспособлений	46,3%	48,3%
Практически не осуществляется	50,4%	44,4%

Как видно из результатов, указанных в табл. 2, в Брянске и области имеются ощутимые проблемы с оснащением спецустройствами для доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры. В ответах, характеризующих параметры осуществления/неосуществления необходимыми спецустройствами, респонденты обеих групп — как инвалиды, так и неинвалиды — демонстрируют поляризацию оценочных суждений 50/50. Одна половина респондентов считает, что такая работа ведется, другая, напротив, что практически не осуществляется. Кроме того, среди тех, кто наблюдает наличие таковой деятельности со стороны властей, в подавляющем большинстве считают, что работы по оснащению спецустройствами (пандусами, перилами, разъемами в дорожных бордюрах, звуковыми устройствами и пр.) осуществляются медленно и лишь ограниченным набором приспособлений. И лишь весьма незначительная часть респондентов считает, что данные работы осуществляются быстро и разнообразными видами приспособлений.

Схожая ситуация выявлена в оценках оснащения новых и строящихся зданий приспособлениями для доступа к ним инвалидов. Как и по предшествующим показателям, обнаружено, что примерно половина респондентов считают, что в строящихся зданиях такая работа осуществляется, а другая половина — что не осуществляется. Хотя оценки по данным

параметрам у инвалидов и респондентов из контрольной группы (не инвалидов) в целом достаточно схожи, однако инвалиды выражают более пессимистичные мнения. Среди тех инвалидов, которые все же считают, что новые и строящиеся здания оснащаются приспособлениями для доступа к ним инвалидов, в подавляющем большинстве отмечают, что данное оснащение, хотя и ведется, но все же далеко не в полном объеме.

Таким образом, одновременно с наличием достаточно развитого законодательства, декларирующего права инвалида на социальную интеграцию и реабилитацию, в секторе объектов социальной инфраструктуры в Брянске и области не всегда и не везде существуют опредмеченные в необходимых специализированных приспособлениях потенциальные возможности для полной реализации этих прав. Обнаружено, что в данной сфере еще существуют значительные проблемные поля, нуждающиеся в доработке и принятии дополнительных мер.

Для более детального выделения проблемных зон, связанных с обустройством объектов социальной инфраструктуры, был проведен опрос инвалидов с просьбой высказать соответствующие предложения.

В качестве предложений по первостепенному обустройству объектов социальной инфраструктуры инвалиды озвучивали весьма широкий спектр пожеланий и просьб, ответы их отличались смысловой насыщенностью, эмоциональным зарядом и семантическим разнообразием.

Ниже в анализе ответов по всем блокам пожеланий они указаны по мере убывания частоты проявления семантических дефиниций. Следует отметить, что они не всегда жестко соотносились с показателями по шкале опроса, представленной в таблице «Объекты, нуждающиеся в первоочередном оснащении приспособлениями для обеспечения доступа инвалидов».

Предваряя данный анализ, необходимо отметить, что в наиболее сложном положении относительно мобильности в среде инфраструктуры находятся инвалиды, передвигающиеся на коляске, а также с нарушениями опорно-двигательного аппарата, к имеющим сложности с передвижением и обслуживанию в социальной инфраструктуре следует также отнести всех пожилых инвалидов (старше 60 лет), в независимости от формы дефекта.

Оборудование и установка приспособлений — пандусы (наиболее часто выраженное пожелание), специальные перила и поручни, звуковые светофоры, широкие дверные проемы.

Для иллюстрации, по содержательной наполненности просьб и пожеланий показательны (независимо от «адекватности») следующие ответы и высказывания:

Пандусы, лифты, дверные проемы, перила: «нужны пандусы»; «с пандусами вообще проблемы»; «нужно монтировать пандусы»; «подъемные

устройства у лестниц на лифтовых площадках»; «нужно чтобы делали спуски из подъезда для колясок»; «необходимо монтировать пандусы и прочие приспособления для инвалидов колясок», «необходимо обустроить дома для передвижения на коляске»; «нужны пандусы на входе в дом»; «необходимо не монтировать, а изначально строить качественно и с условиями необходимыми для инвалидов»; «перед входом в подъезд и в самом подъезде нужно сделать перила»; «ремонт сделать в подъезде»; «новые дома оснащают всем необходимым сейчас, а вот старые так и остаются без специальных приспособлений для инвалидов»; «необходимы пандусы, поручни, грузовые лифты (во многих домах их нет)»; «нужны более широкие дверные проемы»; «часто открыта одна дверка из двух, не протиснуться в коляске»; «нужно расширение дверных проемов»; «лестницы нужно расширить»; «поручни делать ниже»; «лифты шире»; «в многоквартирных домах иногда отсутствует лифт, или же не работает»; «нужен лифт в поликлинике»; «тротуары без ям сделать»; «сделать подъемные средства в больницах, аптеках, магазинах»; «нужны лифты»; «специальные лестницы, оснащение специальными дверьми для инвалидов»; «пандусы и другие средства — только для галочки, заехать по ним нельзя» и т. д.

Установлено, что уровень форсированности обеспечения доступа к объектам социальной инфраструктуры в Брянске и области сами инвалиды оценивают двойственно и неоднозначно. Хотя работа по обустройству ведется, проблемы с оснащением специальными устройствами для доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры имеются.

В ответах, характеризующих параметры осуществления/неосуществления деятельности по обеспечению доступа инвалидов к инфраструктуре, респонденты обеих групп — как инвалиды, так и неинвалиды — демонстрируют поляризацию оценочных суждений. Одна половина (49,6 %) считает, что такая работа ведется, другая — напротив, что практически не осуществляется (50,4 %). Кроме того, среди тех, кто наблюдает наличие таковой деятельности со стороны властей, подавляющее большинство убеждены, что работы по оснащению спецустройствами (пандусами, перилами, разъемами в дорожных бордюрах, звуковыми устройствами и пр.) осуществляются медленно (46,3 %) и лишь ограниченным набором приспособлений. И только незначительная часть респондентов (3,3 %) считает, что данные работы осуществляются быстро и разнообразными видами приспособлений. При этом представленное процентное соотношение в ответах, даваемых инвалидами, тесно соотносится с такими же ответами у здоровых людей.

Схожая ситуация выявлена в оценках оснащения новых и строящихся зданий приспособлениями для доступа к ним инвалидов. Примерно половина респондентов считают, что в строящихся зданиях такая работа

осуществляется (45,8% инвалидов и 59,8% неинвалидов), а другая половина (53,1% инвалидов и 40,2% неинвалидов), напротив, считает, что не осуществляется. Оценки по данным параметрам у инвалидов и респондентов из контрольной группы (неинвалидов) в целом достаточно схожи, однако инвалиды выражают более пессимистичные мнения. Среди тех инвалидов, которые все же считают, что новые и строящиеся здания оснащаются приспособлениями для доступа к ним инвалидов, большинство отмечает, что данное оснащение, хотя и ведется, но все же далеко не в полном объеме (39,9%).

Таким образом, доля инвалидов, положительно оценивающих уровень доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности, в общей численности инвалидов составляет примерно 47—48%. При этом данную доступность большинство (44%) оценивают как относительную и не вполне достаточную. Доля тех, кто считает уровень доступности достаточно сформированным, невысока и колеблется в пределах 4%.

Выявлен ряд объектов, где существуют барьеры, обуславливающие проблемы в доступе инвалидов к инфраструктуре. Данные объекты нуждаются в первоочередном оснащении необходимыми специальными приспособлениями: больницы и поликлиники, аптеки, магазины, торговые дома, жилые помещения, образовательные учреждения (школы, училища, ВУЗы); общественный транспорт и остановки общественного транспорта, пешеходные тротуары и переходы через дорогу.

В качестве первоочередных мер, необходимых для создания доступной среды, инвалиды называли монтаж и оборудование следующих приспособлений: установка пандусов (наиболее часто выраженное пожелание), грузовых лифтов (содержание их в исправном состоянии), широких дверных проемов (часто двойная дверка закрыта и проехать нет возможности), специальных перил и поручней, звуковых светофоров (не везде имеются и исправны). При этом отмечалось, что пандусы и другие средства зачастую имеются в наличии только «для галочки», инвалиды жалуются, что заехать по ним нельзя, подчеркивалось, что необходимо как демонтировать, так и изначально строить качественно в соответствии с Госстандартом — пандусы необходимой ширины и с оптимальным углом подъема, лифты и лестницы — необходимо делать шире, ступеньки должны быть более удобными, оснащенными перилами и менее скользкими и т. д.

В качестве предложений по первостепенному обустройству социальной инфраструктуры инвалиды называли не только приспособления и объекты, но и необходимость специальных мероприятий по организации досуга (это, прежде всего, спортивные объекты и мероприятия), а также адресно направленные специализированные меры по организации

трудоустройства инвалидов. Пожилые инвалиды и лица с глубокой степенью дефекта сетовали на недостаточное внимание к себе со стороны общества в целом и властей в частности.

Следует отметить, что в наиболее сложном положении относительно мобильности и адаптации в среде социальной инфраструктуры находятся инвалиды, передвигающиеся на коляске, а также инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата; к имеющим подобного рода сложности следует также отнести всех пожилых инвалидов, в независимости от формы их дефекта.

Общий эмоциональный фон инвалидов, оценивающих ситуацию уровня доступности инфраструктуры и вносящих предложения по ее обустройству, — негативно-сетующий, а их субъективная оценка положения дел по вопросу — «недостаточно удовлетворительное».

Информация об авторе

Карпенко Татьяна Юрьевна, Брянский государственный инженерно-технологический университет, Брянск, Россия, tania.karpenko@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ БЕДНЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАТИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Д. Н. Кузнецов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Несбалансированность социальной структуры общества со слабо сформированным средним уровнем и ярко выраженными полюсами благосостояния — ключевой фактор, препятствующий поступательному укреплению российской государственности. Основные социальные группы все значительнее расходятся по ценностным ориентациям, уровню благосостояния, стилю жизни, социально одобряемым образцам и нормам поведения. Этот дисбаланс разрушает социальное согласие по поводу базовых ценностей и принципов общественной жизни, являющееся необходимым условием формирования и развития демократических институтов государства и гражданского общества. Положение бедных слоев населения в структуре современного российского общества — один из предметов исследования ученых Института социологии РАН — рассматривается в настоящих тезисах.

Ключевые слова: бедность, социальная справедливость, структура общества

Бедность сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Проявляясь различным образом, это сложное системное явление пронизывает все стороны человеческой жизни и деятельности. Экономика и социальное устройство, мораль и нравственность, культура и искусство этносов и народов мира на разных континентах, в различные исторические периоды несли и несут косвенные и очевидные свидетельства его проникающего влияния. Режимы, стратегии развития, практическая политика современных государств также опосредуются латентным или открытым влиянием фактора бедности. В современном мире бедность — это вызов устойчивому развитию, угроза социальной безопасности и источник страданий и лишений многих миллионов людей.

Оформление бедности как объекта изучения происходило параллельно возникновению и институциональному оформлению социальных наук. Ключевыми аспектами, актуализирующими изучение бедности, являются: многофакторность этого явления, проецирующегося во все сферы жизни общества, постоянная трансформация его социально-экономического и со-

циокультурного основания в различные исторические периоды и изменчивость в границах конкретных социально-экономических систем. Понимание закономерностей развертывания бедности в исторической перспективе необходимо для разработки долгосрочной эффективной стратегии снижения бедности в интересах устойчивого общественного развития [1].

Реализуемые при изучении бедности подходы в значительной степени определяются доминирующими в обществе парадигмами о социально справедливом мироустройстве и порядке распределения ресурсов. Продвижение социумов к демократии, расширение причастности граждан к конструированию общественного устройства вызывает к жизни все более персонифицированные социальные технологии, основанные на вовлечении и личном участии. Во избежание отрыва политической конструкции общества от социальной необходимо, чтобы уровень партнерства государства, сообщества и граждан, характерный для процесса политического строительства, достигался и в процессе социального развития, в отношениях государства и наиболее зависимой от него части общества — бедных и малоимущих.

Хотелось бы рассмотреть положение бедных слоев населения в структуре современного российского общества по результатам исследования ученых Института социологии РАН под руководством М. К. Горшкова [2].

В рамках выявленной — на основе описанного выше подхода — модели социальной структуры выделяются две первые нижние страты, 16 % россиян. Это именно та доля населения, которая по своему реальному уровню жизни находится за чертой бедности (первая страта) и у черты бедности (вторая страта).

Третья и четвертая страты представляют малообеспеченное население, в составе которого также выделяются две подгруппы.

Третья страта — это подгруппа малообеспеченных, носящая промежуточный характер между относительно благополучными и бедными слоями населения и объединяющая россиян, балансирующих на грани бедности (16 %). Данную группу для краткости можно еще называть нуждающимися.

В четвертую страту входит та часть россиян, которая живет, можно сказать, на классическом для России уровне малообеспеченности и объединяет более четверти населения страны (27 %). Уровень жизни, характерный для этой страты, является и «срединным» для конкретного региона проживания, и модальным, т. е. наиболее типичным. Поэтому данную часть населения можно именовать как собственно малообеспеченные.

Страты с пятой по восьмую, включающие в себя не менее трети населения страны, представляют средние слои российского общества. Заметно различаясь между собой, они могут рассматриваться как относительно благополучные на общероссийском фоне.

Таковыми являются и представители девятой и десятой страт, относимые, по оценкам общественного мнения, к категории богатых, однако принадлежащие, по меркам ведущих западных стран, скорее к верхним слоям среднего класса (6—8%). Представители пятой—десятой страт составляют в совокупности благополучное население страны.

Модель социальной структуры представлена на рисунке 3.3.7 [3].

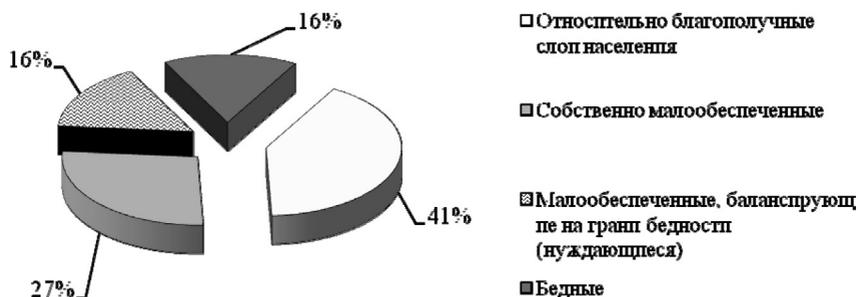

Рисунок 1. Численный состав различных социальных слоев в российском обществе

Как видно из рис. 1, в России 59% населения характеризуются тремя основными параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности», тогда как 41% населения представляют относительно благополучные социальные слои.

Список литературы

1. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования 2014. № 1. С. 7—9.
2. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2011.
3. Богатые и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Изд-во «Весь мир», 2014.

Информация об авторе

Кузнецов Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры социологии и психологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орловский филиал), Орел, Россия, dn-kuznetsov@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ В РОССИИ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

И. К. Масалков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Одной из задач клинической социологии на современном этапе может стать выделение совокупности событий, оставивших след в индивидуальной и семейной памяти, имеющих социогенетическое значение. Вытеснение нелицеприятных фактов из сознательной памяти в бессознательное приводит к индивидуальной и социальной невротизации. С позиций сегодняшней социологии нам нужна история становления, прогностическая история, а не только описательная. Клиническая социология должна предоставить государству ориентиры, чтобы оно смогло действовать в унисон с этим процессом и тем самым обеспечивать стабильность общества, здоровье нации, перспективу развития.

Ключевые слова: социальная терапия, социальная травма, социокультурный невроз, клиническая социология

В российской социологии происходят масштабные изменения. Одновременно с наблюдаемым плюрализмом теоретических и методологических подходов углубляется предметная дифференциация проводимых в стране исследований. Обнаружились два полюса: один из них можно назвать идейно консервативным, а другой — все более критическим, «алармистским» и даже протестным. Особенно отрадным является тот факт, что неравнодушные, протестный потенциал начали проявлять молодые ученые и студенты-социологи. Сегодня все чаще можно услышать их голоса, которые протестуют против социального неравенства и несправедливости на всех уровнях и во всех сферах [1].

В последние годы внимание социологов-клиницистов, вслед за психоаналитиками, стали привлекать разработки теории социальной травмы. В дословном переводе с греческого *травма* — рана, повреждение, результат насилия. Теория травмы играла заметную роль на ранней стадии развития психоанализа.

Начало изучению имеющих место в социуме травм было положено Э. Дюркгеймом. Он не использовал термин *травма*, а описывал явление как «социальную аномию». В социологии на сегодняшний день наиболее высоким уровнем обобщения обладает предложенная польским социологом П. Штомпкой концепция социокультурной травмы. Перенесенный в область социологии, термин *травма* означает некоторое деструктивное воздействие на социальное тело, или «шок», «потрясение». П. Штомпка

дает следующее определение: «Травма — «социальный факт» в классическом, дюркгеймовском смысле термина: она распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт. Приобретая характер факта, внешнего по отношению к каждому из них, она воспринимается как нечто, принуждающее и налагающее обязательства на их действия. Травма — коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические» [2].

С точки зрения П. Штомпки, травма не может быть нарушением на групповом и индивидуальном уровнях. Это привлекательная концепция, но у нее есть ряд уязвимых моментов. Трудно представить себе «кошмары, преследующие массовое сознание», если в жизни каждого отдельно взятого представителя депортированного или подвергшегося геноциду этноса данные кошмары не фиксируются в той или иной форме.

Гораздо привлекательнее точка зрения французского социолога-клинициста В. де Гольжака, основанная на изучении проявлений невроза как травмы, в частности, и на индивидуальном уровне. Здесь мы имеем дело с иной симптоматикой, которая заключается [3]:

- в проявлении сильного чувства неполноценности;
- в реактивации чувства виновности;
- в крайне болезненном проживании Эдипова комплекса, в котором сексуальные и социальные составляющие являются объектом взаимного подкрепления;
- в развитии фантазматической деятельности по образцу создания семейного мифа, представляющей собой защитный механизм перед лицом социальной неполноценности;
- в механизме раздвоения личности, связанном с чувством внутренней разделенности;
- в самоизоляции и замыкании на себя.

Концепция «социокультурного невроза», которая выстраивает анализ травмы, начиная от уровня индивида и кончая обществом в целом, может объединить различающиеся исследовательские подходы П. Штомпки и В. де Гольжака на единой теоретической платформе, взаимно их проверяя и обогащая.

Консультирование в ситуации развода, являющегося серьезной травмой, — один из примеров клинической социотерапевтической работы на индивидуальном уровне. Его типичным признаком является разрыв многих социальных связей и, прежде всего, в форме родственных и дружеских отношений. Это означает, что бывшие супруги, в большинстве, быстро утрачивают привычный круг общения с присущим ему эмоциональным фоном позитивной подпитки.

Другим примером социальной терапии на индивидуальном уровне является психосоциогенетический подход к индивидуальной биографической интервенции. Достоянием мировой социологической мысли уже стали работы по проблематике трансгенерационной передачи, т. е. передачи моделей поведения между поколениями внутри отдельного семейного рода. Центральным моментом для ее понимания явилась индивидуальная работа с генеалогией, семейной историей и памятью. Память представляет собой неосознаваемые процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его возвращение в сферу сознания и повторное использование в деятельности. Современные психоаналитические методы и концепции, приходящие в социологию из психотерапии, позволяют не только усовершенствовать технику исследования и интерпретации биографий как жизненных траекторий, но и вносить определенную коррекцию.

Одной из задач клинической социологии на современном этапе может стать выделение совокупности событий, оставивших след в индивидуальной и семейной памяти, которые определяют жизнеустройство индивидов, семей и общества в настоящем и будущем, т. е. имеют социогенетическое значение [4]. Примером такой важной задачи может быть исследование возможных исторических последствий событий, происходивших в прошлом: войны в Афганистане или Чечне, перестройки. Такой подход к социо-историческому исследованию особенно необходим для современной России, переживающей момент выбора дальнейшего пути развития. С позиций сегодняшней социологии нам нужна история становления, прогностическая история, а не только описательная.

Семейная память как сложное динамическое проявление общественной психики имеет два уровня: сознательная память — то, на что мы отвечаем, когда нас спрашивают, и бессознательная — то, что мы не знаем, но оно действует неосознанно на нас, и через нас на окружающих. Запрет на определенные темы, вытеснение нелицеприятных фактов из сознательной памяти в бессознательное, в коллективное бессознательное имеют самые печальные последствия — индивидуальную и социальную невротизацию, что обещает вспышки в любой момент, когда человек или общество попадает в кризисную ситуацию. В период кризисов система утрачивает сознательную память о начальных событиях и обращается к иррациональному.

Работа с семейной памятью — серьезный прорыв к освоению и формированию исторической памяти. Клиническая социология должна предоставить ориентиры, чтобы государство смогло действовать в унисон с этим процессом и тем самым обеспечивать стабильность общества, здоровье нации, перспективу развития.

Список литературы

1. *Ильин В. И.* Социальное неравенство / Центр социологического образования института Социологии РАН. М. : Изд-во «Институт Социологии РАН», 2000.
2. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001. № 1.
3. *Гольжак де В.* История в наследство : Семейный роман и социальная траектория / перев. с франц. И. К. Масалкова. М. : Изд-во Института Психотерапии, 2003.
4. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // СОЦИС № 2, 2001.

Информация об авторе

Масалков Игорь Константинович, кандидат философских наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, msi@socio.msu.ru

«ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ МИЛЛИАРД ...»: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В. А. Михайлов

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Аннотация. Студентам некоторых факультетов Тверского государственного университета было предложено поучаствовать в социологическом исследовании на тему «Если бы у меня был миллиард, то ...». Использовался метод неоконченного предложения. Предлагалось набросать на бумаге те мысли, ассоциации, намерения, которые появляются при гипотетическом одномоментном превращении конкретного студента в миллиардера-натурщика. Ниже приводятся некоторые итоги исследования.

Ключевые слова: студенты, метод неоконченного предложения, внутренние установки

Четко обозначились **две основные категории** студентов. Одни, даже если они завтра поутру встали бы с постели неслыханными богачами, все равно продолжили бы заниматься своим нынешним делом, другие — бросили бы учебу и занялись совсем другими делами: «В первое время я просто обеспечила бы себе и близким комфортное проживание. Но занималась бы я тем же, чем занимаюсь и сейчас, потому что призвание к определенной профессии или занятию творчеством вовсе не зависят от материального положения («Миллиардерша»); «Я чувствую, что пошла не по той дороге, которую мне хотелось бы пройти в жизни, поэтому этот миллиард очень мне пригодился бы для кардинальных изменений в моей жизни (Екатерина)».

Первейшей проблемой для всех стал бы вопрос о том, **на что и как его потратить?** Ответы получены весьма многочисленные, развернутые, но, в целом, довольно однотипные: «Жила бы без забот, ездила бы везде, у меня было бы свое дело, я была бы очень успешной, купила бы себе ночной клуб, ресторан, всегда бы развлекалась (Юлия)», «Купила бы маме шубу, квартиру. Выкупила бы деревню брошенную где-нибудь между Тверью и Москвой, сделала бы ее местом отдыха в стиле русской старины. Пусть там отдыхают небогатые люди (К-Д) », «Открыла бы культурное заведение для молодежи в своем районе — хочется видеть адекватных, приличных людей, которые могут организовать свою жизнь, свое свободное время (Аня)», «Отправился бы в кругосветное путешествие, исследовал бы роскошные места и дикие глубинки, участвовал бы в различных фондах по всему миру. Научился бы играть на фортепиано, кататься на сноуборде (Вася)».

Выявился **типичный набор** мероприятий в связи с внезапным появлением миллиарда: свое дело, обустройство семьи и близких, путешествия, благотворительность, занятия по душе, здоровье, альтернативное или дополнительное образование и т. д. При этом высвечивается некоторая *иерархия* в действиях «миллиардеров»: на первом месте личные потребности и интересы («Обеспечил бы себя всем необходимым», Николай), затем следуют (по частоте упоминания): семья («Вложу деньги в огромный аквапарк с дельфинами и разными рыбками, будем с мужем ездить на рыбалку и жить в свое удовольствие», Саша), родственники и знакомые; часто упоминаются разные категории нуждающихся: «Я бы построила во всех городах России приюты для бездомных животных» (Ирина).

Что очень прискорбно, практически никто из студентов — никак и ни в какой форме! — **не связал предстоящие траты свалившегося на голову миллиарда с получаемой в вузе специальностью**. Редко встречаются мысленные действия «Приобрел бы большую библиотеку (Максим) ». Подспудно и у очень многих пробивается следующая мысль: постоянные и многочисленные материальные заботы заставляют заниматься не очень интересными вещами, а если бы был миллиард, тогда бы можно было бы заняться воистину творческими занятиями и, наконец, реализовать себя. Самое главное — лишь 1—2% не изменили бы себе при появлении шального миллиарда: для них большие деньги ничего не изменили бы в них и в их нынешней жизни, просто открыли бы некоторые новые возможности и существенно расширили жизненные горизонты.

В целом, бросается в глаза осознанная или бессознательная уверенность, что именно **с опорой на миллиард все встанет на место в этой жизни**. Если собрать в одно место все встретившиеся в ответах похожие друг на друга высказывания, то получится очень-очень длинный ряд оправдательных причитаний: был бы миллиард, то — выучил бы ..., создал бы ..., написал бы ..., поехал бы и т. д. «Если бы у меня был миллиард, я посвятила бы свою жизнь тому, что мне интересно (Анна) ». Миллиард (а у кого-то и какой-то жалкий миллион) выступает как основание успешного продвижения в жизни, решающая предпосылка реализации затаенных желаний, можно сказать, единственный способ кардинальных перемен в текущей жизни. При этом преобладают пассивные формы осуществления мечтаний и надежд: был бы миллиард, то — не работал бы..., отдыхал бы ..., путешествовал бы и др.

Итак, несмотря на свой совсем еще юный возраст (юноши и девушки 18—23 лет), многие — в своих невольных полстраничных откровениях — признались, что живут они совсем не так, как хотелось бы, что не имеют сил и воли изменить свою жизнь, что в принципе они уже и смирились с наметившейся сероватой жизненной перспективой.

Правда, есть одно оптимистичное соображение: такая — слишком уж мрачная картина — не очень соответствует действительности, ибо деньги — не самая правильная линза для определения рангов и личной значимости тех или иных внутренних установок, а призванный в личную жизнь ниоткуда миллиард, по самой своей природе, высвечивает не самые светлые стороны человека. К тому же в студенческих посланиях присутствует множество замечательных пассажей: «Первым делом поделился бы с родственниками, друзьями (Максим) », «Я бы построил Дворец спорта (Сергей) » и т. п. Надо думать, если бы вопрос был поставлен иначе (например: «Какая часть шального богатства была бы Вами истрачена, в знак благодарности судьбе, на благотворительность?»), то и выводы были бы **совсем другие**. Как написала Саша, «В первую очередь, если бы эти деньги попали мне в руки, я бы построила новый приют для бездомных детей... Во вторую очередь я организовала бы приют для собак. Сердце сжимается, когда проходишь по улице и видишь худую собаку, которая не ела несколько дней (Саша) », «Я бы поддержала легкую промышленность, инвестировала бы в какой-нибудь заводик по изготовлению строительных материалов, ведь дороги у нас не ахти, и живут многие люди в конурах (Афродита) », «Мне и так неплохо живется, поэтому я все пустила на благотворительность (девушка без имени) ».

Информация об авторе

Михайлов Валерий Алексеевич, д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой социологии Тверского государственного университета, Тверь, Россия, Mikhaylov.VA@tversu.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ

С. В. Михайлов

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

Аннотация. Студентам некоторых факультетов Тверского государственного университета было предложено поучаствовать в небольшом социологическом исследовании на тему «Виртуальная реальность — что это такое?». Предлагалось набросать на бумаге те мысли, соображения, догадки, которые появляются в попытках быстро отреагировать на предъявляемые вопросы. Вот некоторые итоги.

Ключевые слова: студенты, интернет, виртуальная реальность

«Виртуальная реальность — это...»: интернет-пространство; искусственная реальность; ненастоящий, нереальный мир, где реальность предстает в опосредованном виде, через информационно-технические средства; компьютерный мир, который зачастую заменяет реальность; пространство, где можно отвлечься от реальности; новая, другая жизнь, отличная от реальной; особый мир общения и проведения времени; трата времени; одиночество; ВКонтакте; игры; социальные сети и т. д.

Видно, что студенты трактуют виртуальную реальность не как одну из характеристик Сети сетей, а как сам интернет. Наверное, главной чертой виртуальной реальности надо назвать ее построения альтернативных миров, что и подчеркивается в одном из этимологических значений термина «виртуальный» (альтернативный, пробуждающий мысль). Как афористично заметил М. Хайм, настоящее киберпространство призвано будить воображение, а не повторять (дублировать) мир.

По мнению студентов, интернет открывает следующие **возможности:** доступ к любой информации; общение, связь людей на глобальных расстояниях; виртуальная мобильность; можно деньги зарабатывать; возможность работать людям с ограниченными возможностями; развлечение; кино; музыка и т. д. Рефреном звучит мысль о безграничности предоставляемых Интернетом возможностях (всеобъемлющая и всепоглощающая глобальность). Как выразилась одна из студенток, любые информационные технологии максимизируют активность и мобильность человека и минимизируют временные затраты на поиск информации

Особо следует отметить, что некоторые студенты подчеркнули новые возможности для саморазвития. Здесь, действительно, зафиксировано

революционное изменение в существе информационно-коммуникативных процессов: центральное место в цепочке взаимодействия теперь занимает не источник информации, а потребитель. Для виртуальной реальности обязательно присутствие «наблюдателя» (пользователя), т. е. из объективного бытия этой реальности не может быть элиминирован субъективный момент: все события виртуальной реальности принципиально со-бытийны, в первую очередь — бытию сознания.

Опасности виртуальной реальности, с точки зрения опрошенных: *искаженная информация; вирусы; интернет-мошенничество; излишняя трата времени; интернет-зависимость; опасные знакомства; утечка личных данных; неадекватные интернет-пользователи; порнография; интернет — это куча мусора; одиночество; в интернет-пространстве можно потеряться; хаос; опасность шизофрении от переизбытка информации; безнадзорность и безответственность производителей и потребителей информации; обезличка личности; интернет в большинстве случаев — не общение, а симуляция общения; новые виды заболеваний; «зависание» и т. д.*

Со стороны студентов были попытки объяснить природу данных опасностей: виртуальная реальность — от неспособности общаться в реальной жизни и т. д. Вообще, в своих посильных описаниях всех этих возможностей и опасностей виртуальной реальности студенты волея-неволей пробовали своим языком обозначить социальные последствия разворачивания Глобальной сети и продолжающейся виртуализации социума (Е-экономика, Е-государство; Е-деньги; Е-общение и все прочие виртуальные составляющие современного социума).

Функции интернет-пространства: *интернет — это справочник, где можно отыскать любую информацию; это громадная библиотека, где можно найти и скачать практически любую книгу или нужную статью; это новая СМИ-площадка, где можно найти гораздо более оперативной информации, чем раньше; это своеобразная коллективная память, являющаяся проявлением становления нового субъекта социального действия и др.* Сделан общий вывод: будущее интернета — безоблачно: он будет постоянно прогрессировать, повсеместно распространяться, проникнет во все сферы общественной и личной жизни, никогда не умрет, и вообще — без интернета жизни не будет. Большинство указали на быстрый доступ к нужной информации; бесперебойный обмен учебными материалами; дистанционное обучение; широкие возможности самообразования и др. Таким образом, студенты косвенно отметили: современное образование становится частью активного, а не пассивного поведения человека, что и декларируется во многих национальных стратегиях развития системы образования.

Информация об авторе

Михайлов Сергей Валерьевич, к. филос. н., доцент кафедры социологии Тверского государственного университета, Тверь, Россия, *Mikhailov.VA@tversu.ru*

МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОГО СЕЛА

М. Н. Муханова

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Сельское хозяйство всегда было и будет первичным звеном в выполнении продовольственной программы России. Особенно, в условиях рисков, вызванных экономическими санкциями ЕС, США, и глобальных экологических катастроф. Успешное развитие сельского хозяйства во многом зависит от качества человеческого капитала. А оно определяется ролью сельской молодежи, ее инновационным потенциалом. Представленный ниже анализ положения сельской молодежи основан на материалах Росстата и на панельных данных РМЭЗ НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994—2014 гг.

Ключевые слова: сельская молодежь, мониторинг, социально-структурные процессы, миграция, безработица

Результаты мониторинга РМЭЗ НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994—2014 гг., где используются репрезентативные результаты индивидуальных интервью сельской молодежи с 15 до 30 лет в 38 регионах России*, показывают динамический ряд показателей, характеризующих изменения в структуре сельской молодежи.

В России сегодня в большинстве сельских поселений отсутствуют необходимые организационные и материально-технические ресурсы для обеспечения повседневной жизни селян. Низкий уровень комфортности проживания в сельской местности влияет на миграционные настроения сельского населения, особенно молодежи. Соответственно, сокращается источник расширенного воспроизводства трудоресурсного потенциала аграрной отрасли.

За последние 12 лет число занятых в сельском хозяйстве сократилось более чем на 2,5 млн человек. Миграционный отток из сельской местности только за 2011 г. стал самым большим за последнее десятилетие. Причиной тому была миграция молодежи в возрасте 14—29 лет, доля которой за 2011 г. составила 58,3% (411 тыс. человек) против 48%

* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (рук. Козырева П. М., Косолапов М. С.). URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

в 2009 г. [1, с. 22—23]. Основная причина миграции молодежи обусловлена поиском работы не только в своих областных городах, а в основном в мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге. Там больше шансов преуспеть в жизни.

За период с 1990 по 2002 гг. интенсивность миграции из сельской местности оставалась низкой, несмотря на то, что большинство выпускников сельских школ уезжали в города и не возвращались в села. Их замещали русскоязычные мигранты из стран СНГ. Это хорошо отражено в табл. 1. Причем впоследствии многие молодые мигранты и их дети уезжали в города.

Таблица 1. **Возрастная структура сельской молодежи (1989—2014 гг., %)**

Годы наблюдения	0—14 лет	15—19 лет	20—24 лет	25—29 лет
1989	25,0	5,7	6,0	8,0
2002	19,5	8,1	6,7	6,3
2008	17,0	7,4	8,1	7,0
2010	17,4	5,9	8,0	7,5
2012	17,8	5,5	7,3	7,7
2014	18,5	5,1	5,5	7,6

Источник: рассчитано по данным Росстата 1989, 2002, 2008, 2010, 2012, 2014 гг.[2].

Данные табл. 1 показывают, что в конце советского периода (1989 г.) доля детей в возрасте до 14 лет была самой высокой (25%). Интерес к этой группе проявляется как к совокупности, формирующей сельскую молодежную когорту. В последующие годы из-за спада рождаемости и миграции численность этой возрастной группы снизилась до 18,5% в 2014 г. В отдельные годы наблюдался рост численности в возрастной когорте 20—24 года. Этот прирост происходил в основном за счет прибывших русскоязычных мигрантов из ближнего зарубежья. Тем не менее, в 2014 г. в численности они существенно сократились: более чем на 108 тыс. чел.

Как отмечалось выше, основной причиной высокого уровня миграции сельской молодежи является безработица. По данным переписи населения 2010 г., уровень безработицы выше среди сельской молодежи по сравнению со старшими возрастными стратами и городской молодежью. В возрастных группах от 20 до 24 лет и от 25 до 29 лет уровень безработицы среди сельского населения в 1,4 раза выше, чем среди городского, что и обуславливает их сокращение. Более половины

(почти 60 %) безработных сельского населения составляет молодежь в возрасте 15—29 лет [2]. Эта ситуация практически не изменилась и в 2014—2015 гг.

Если посмотреть структуру безработных по образованию, то большинство из них имеют общее среднее образование, без какой-либо профессиональной подготовки.

По данным РМЭЗ, в структуре сельской молодежи по уровню образования на протяжении рассматриваемого периода с 1994—2014 гг. преобладают лица с законченным средним образованием. Правда, их численность в 2014 г. снизилась до 36,7 % (в 1994 г. эта доля составляла более 50 %). Численность молодежи с высшим образованием увеличилась на 60 %. Такой рост обусловлен, прежде всего, институциональными изменениями в сфере высшего образования в постсоветский период.

Однако среди сельской молодежи только каждый пятый имеет высшее образование. В возрастной группе 15—22 года число тех, кто имеет незаконченное среднее образование и образование, полученное после окончания профессионального училища, различных профессиональных курсов, увеличилось с 23 % в 1994 г. до 53,7 % в 2014 г. В возрастной группе 23—30 лет они увеличились в 3 раза с 6,5 % до 21,0 %. Более трети молодых селян имеют незаконченное среднее образование. Налицо снижение их образовательного уровня, в советский период таковых было 15 %.

Несмотря на рост образовательных показателей, следует отметить, что в сфере АПК высшее профессиональное образование имеют только 16,2 % работников, а около 40 % вовсе не имеют профессионального образования. Из 24 тыс. руководителей сельскохозяйственных организаций лишь 68 % имеют высшее образование, 24 % — средне-профессиональное образование. При этом только каждый пятый из них имеет экономическое или управленческое образование [1, с. 21, 31].

По данным РМЭЗ НИУ-ВШЭ, в 2014 г. в структуре занятости модальной группой являются работающие на предприятии, в организации, колхозе, совхозе, кооперативе. Таких 52 % в возрастной категории от 23 до 30 лет. Большинство из них работают в торговле (22 %), в образовании и здравоохранении (14,8 %), сельском хозяйстве (13,3 %), строительстве (12 %), пищевой промышленности (7 %), легкой промышленности (8 %), транспорте и связи — 5 %. Несмотря на то, что за два десятилетия численность предприятий социальной сферы на селе сократилась, молодежь работает в школах, медпунктах, предприятиях торговли, бытового обслуживания, досуга, почты, а также в сельском совете. Привлекательность труда работающих в бюджетных организациях состоит в том, что им гарантируется относительно стабильная занятость и денежная оплата труда, которая может быть минимальной.

По данным РМЭЗ НИУ-ВШЭ, в структуре занятости сельской молодежи велика доля безработных, находящихся в поиске работы (18,4%), из них, тех, кто не ищет работу и не пытается куда-либо устроиться, — 5,2%. Возможно, кто-то из них находится на подхвате, т.е. люди свободного труда, выполняют работу фрилансера. Другие ведут асоциальный образ жизни (тунеядцы, алкоголики и пр.). В два раза сократилась доля молодых селян, работающих на предприятии, в организации, колхозе и совхозе в возрастной категории от 15 до 22 лет. По данным Росстата, около 33% занятых в неформальном секторе на селе составляет молодежь, для которой работа в нем является основной, и она подвергается различным рискам, вытекающим из нестабильной трудовой жизни. Причины этого — низкооплачиваемый труд, не защищенный законодательством, отсутствие прав в сфере труда и социальной защиты.

В 2014 г. по сравнению с 1994 г. доля работающей сельской молодежи увеличилась в профессиональных группах, где требуется соответствующий образовательный уровень. Если проследить внутригрупповое изменение состава профессионалов с высшим образованием, то можно заметить, что среди молодых отсутствуют такие сельскохозяйственные специалисты, как: агрономы, ветеринары, зоотехники. Особенно заметный рост среди занятых (почти в 3 раза) произошел в торговле и сфере обслуживания (с 5,6% до 15,4%), а также увеличилась численность молодых профессионалов со средним специальным образованием (17,5%). В этой же возрастной категории сократилась доля разнорабочих (неквалифицированные рабочие), видимо, из-за банкротства сельхозпредприятий, с 22% в 1994 г. до 13,0% в 2014 г. Также снизилась доля промышленных рабочих, ремесленников возрастной категории от 15 до 22 лет. Среди работающих молодых селян отсутствуют квалифицированные сельскохозяйственные рабочие.

Анализ данных показывает, что уровень адаптации молодых селян к изменившимся условиям труда и жизни проявляется в динамике занятости и трансформации социально-профессиональной структуры сельского населения. В социальной структуре на селе практически отсутствуют молодые специалисты-профессионалы, традиционно обслуживающие различные отрасли сельского хозяйства. Среди сельской молодежи велика доля безработных и занятых в неформальном секторе, чрезмерное преобладание неквалифицированных рабочих при отсутствии квалифицированных кадров. Среди сельских бедных широко представлена работающая молодежь.

Список литературы

1. Состояние социально-трудовой сферы села и предложение по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2011 г.

науч. изд. / отв. за доклад Торопов Д. И. М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2012. Вып. 13.

2. *Население. Труд и занятость. 2010—2014 гг.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 20.03.2016).

Информация об авторе

Муханова Мария Николаевна, к. с. н., старший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, mukhanova_m@rambler.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

М. Н. Панова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Речь является важнейшей характеристикой социального статуса государственного служащего. Исследование социальной индикации речи относится к актуальным проблемам социолингвистики. Предметом нашего исследования является речевое поведение государственных служащих в профессиональной сфере. В то время как публичные выступления с участием высокопоставленных представителей органов государственного управления можно ежедневно наблюдать в телерепортажах о деловых встречах, совещаниях, заседаниях, «за кадром» остается деятельность тысяч чиновников, занимающихся непубличной, «неброской» ежедневной управленческой деятельностью. Без анализа служебной речи в ситуациях непубличного общения в малой социальной группе представление о речевом поведении госслужащих было бы неполным. Поэтому нами был проведен эксперимент по изучению языкового существования госслужащих в ситуациях повседневного общения.

Ключевые слова: государственные служащие, социальный статус, речевое поведение, метод включенного наблюдения, языковая картина мира

Исследователи пишут о «парадоксе наблюдателя»: с одной стороны, при записи естественного, интимного общения без предупреждения участников интеракции — «скрытой камерой», возникают этические моменты; с другой стороны, абсолютно непринужденного общения не существует вообще, так как говорящий все равно учитывает социальный контроль со стороны собеседников [1, с. 278—285]. Одним из наиболее эффективных способов преодоления «парадокса наблюдателя» является метод непосредственного, или включенного, наблюдения. Этот метод особенно подходит для проведения анализа дискурса, т. е. исследования «живого» речевого поведения в реальном времени — online.

Главным участником эксперимента был специалист одного из управлений министерства, государственный служащий, который записывал свою речь в различных ситуациях профессионального общения на протяжении двух рабочих дней на аудиокассеты (общая продолжительность звучания — 9 часов). Его рабочая деятельность в основном проходила в отделе, где работали еще два сотрудника, включая заместителя на-

чальника отдела. Кроме того, он регулярно общался с начальником своего управления, а также с персоналом группы почты, реже — с сотрудниками других отделов и управлений (департаментов). Таким образом, участник эксперимента общался с коллегами, которые различались служебным статусом.

Эксперимент показал, что профессиональный язык госслужащих — это особая социальная разновидность языка, включающая единицы разных уровней языковой системы и функциональных разновидностей речи. В состав устной профессиональной речи работников системы государственного управления входят специальные термины, элементы разговорной речи и профессионального, административно-политического жаргона.

Соблюдение статусной дистанции достигается в результате использования особого языка. Профессия работников органов государственного управления предполагает владение определенными терминосистемами. Это финансово-экономическая, политическая, юридическая, организационно-управленческая и др. терминология (*система внутреннего аудита эффективности расходов бюджета, оценка коррупциогенности государственных функций, система мониторинга эффективности мер государственного надзора, пилотное внедрение стандартов государственных услуг, механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов и т. п.*). По мнению В. И. Карасика, «большая часть терминов (впрочем, не только терминов) остается за рамками языковой компетенции среднего носителя языка», именно такие слова и являются индексами принадлежности говорящего к определенному кругу [2, с. 62].

Кроме особой терминологии, тезаурус чиновника включает в себя единицы особого профессионального жаргона — языковые маркеры профессиональной принадлежности госслужащего, «приметы» административно-политического дискурса, объединяющие «своих» и являющиеся их своеобразным профессиональным кодом, — *исполнить должность, обсчитать бюджет; озвучить решение; задействовать сотрудника; расписать по отделам; конкретика в документе; подвижки в экономике; оборонка, нефтянка, сопроводилровка, незавершенка* и т. д. Многие из этих «опознавательных знаков» носят стилистически сниженный характер.

Речь является важнейшей характеристикой социального статуса государственного служащего. Исследование социальной индикации речи относится к актуальным проблемам социолингвистики. Предметом нашего исследования является речевое поведение государственных служащих в профессиональной сфере. В то время как публичные выступления с участием высокопоставленных представителей органов государственного управления можно ежедневно наблюдать в телерепортажах о деловых

встречах, совещаниях, заседаниях, «за кадром» остается деятельность тысяч чиновников, занимающихся непубличной, «неброской» ежедневной управленческой деятельностью. Без анализа служебной речи в ситуациях непубличного общения в малой социальной группе представление о речевом поведении госслужащих было бы неполным. Поэтому нами был проведен эксперимент по изучению языкового существования госслужащих в ситуациях повседневного общения.

Тематический анализ лексики, используемой в служебном общении, позволяет выделить в ней следующие основные группы:

1. Обозначение субъектов деятельности — по должности, статусу, сфере деятельности:

а) наименования работников (групп работников) сферы государственного управления: *аппаратчик, управленец, кадровик, энергонадзорвец, трудовик, силовик, налоговый*;

б) наименования работников отраслей промышленности: *газовик (по аналогии с употребляемым в литературном языке «нефтяник»), угольщик*;

в) наименования лиц, связанные со сферой социальной политики: *бюджетник, льготник*.

2. Обозначение видов управленческой деятельности:

а) организационно-распорядительная деятельность: *реорганизации, дезорганизации, конкретика, погасить (зарплаты), исполнить (бюджет), заострить, заволоклить, увязать (вопрос), проталкивать, пробивать, продавливать (решение), определиться, высказаться, согласовать, состыковать и т. д.*;

б) нормативно-правовая деятельность: *проголосовать (кого-л.), внести (кого-л.), озвучить, прописать (в законе), снять, раскрутить, замотать (вопрос) и т. д.*;

в) повседневная служебная, «рутинная» деятельность: *рассылать (рассылка), проработать (проработка), выправить, отследить (документ), нагрузить, загрузить, задействовать, проговорить (вопрос), занять, расписать (по отделам), прозвонить, обсчитать, порешать, поучаствовать и т. д.*

3. Номинации видов деловых бумаг и документов: *список рассылки, контролька, сопроводилка, платежка*.

4. Оценка деятельности, ее планов и результатов:

а) положительная: *задел, задумка, наработки, подвижки, задел, прозрачность*;

б) отрицательная: *недострой, незавершенка, пробуксовка, непрозрачность*.

5. Наименование социально-хозяйственных сфер: *оборонка, социалка, нефтянка, коммуналка* [4, с. 36—37].

Но в целом, как и всякий другой, административный дискурс «реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона»... Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир» [5, с. 41].

Профессиональную речь государственных служащих следует рассматривать как сформированную в их языковом сознании систему представлений, из которых складывается профессиональная языковая картина мира. Особенности профессиональной лексики, свободное владение соответствующим вокабуляром, способ его использования в речи служат важным моментом в определении профессионального статуса человека.

Специфика административного дискурса заключается в иерархическом характере статусно неравноправного служебного общения и выражается в определенном соотношении языковых и неязыковых средств. Важнейшей особенностью профессионального общения в сфере государственного управления, одним из главных принципов организации государственной службы является принцип субординации. Ядром административного дискурса является, по нашему мнению, общение руководителя и подчиненного, в котором вербально выражены отношения статусного неравенства. В нем ярче всего проявляются особенности профессионального общения на государственной службе, а именно его иерархический характер. Статусно-ролевая природа служебной коммуникации выражается в выборе определенных коммуникативных регистров, речевых стратегий и тактик, а также интонационного оформления речи. Результаты проведенного акустического и аудиторского анализа свидетельствуют о смысловозначительной роли интонации в выражении значения служебной субординации [3, с. 112—120].

Таким образом, речь является важнейшей характеристикой социального статуса государственного служащего, представляющего собой продукт социальной и профессиональной среды, формирующей его: стиля государственного управления в целом, специфики т. н. малой социальной группы, особенностей профессиональной деятельности чиновника.

Список литературы

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : учебник для вузов. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002.
3. Панова М. Н. Интонация как индикатор социального статуса / Актуальные проблемы фонетики : Материалы круглого стола, посвященного 45-летию РУДН. М. : Изд-во РУДН, 2006.

4. *Панова М. Н.* Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования : монография. М. : Изд-во РУДН, 2004.
5. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова ; РАН ; Ин-т языкознания ; Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1995.

Информация об авторе

Панова Марина Николаевна, д. филол. н., профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности ИБДА РАНХиГС, Москва, Россия, pmnaka@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

К. Г. Сохадзе

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Общественные объединения как особый вид социальной организации — по сути, институты социализации, оказывающие влияние на формирование личности своих участников, и наиболее ярко это влияние сказывается на молодых людях. В деятельности всех видов общественных объединений (по данным Министерства юстиции на 2013 г., в России их зарегистрировано 104 949) активное участие принимает молодежь. Чтобы составить «портрет» и выяснить мотивы молодого участника общественного объединения, автором было проведено исследование, результаты которого анализируются ниже.

Ключевые слова: молодежь, общественные объединения, социализация

Как показывают результаты исследования «Левада-центра», в 2014 г. добровольчеству, волонтерству, работе в общественных организациях и инициативах более-менее регулярно посвящали свое свободное время порядка 2 % россиян. О работе некоммерческих организаций в целом «имеют ясное представление» всего 16 %; одобряет ее каждый второй. Наиболее распространенными мотивами участия в общественных инициативах являются: защита своих интересов (36 %), желание помочь людям (35 %), а также положительные эмоции от такой работы (25 %). Во многих случаях мотивом совершения доброго поступка является внутренняя потребность, которая не требует ни общественного одобрения, ни установления связей с тем, кому оказывается помощь. Жители крупных городов, которые не принимают участия в деятельности общественных организаций (порядка четырех пятых выборки), объясняют это тем, что им «не интересно» (45 %), «нет на это времени» (43 %). О недоверии некоммерческим организациям и активистам как причине своего неучастия говорят лишь 16 %. Большинство жителей крупных городов обнаруживают полную незаинтересованность в общественной работе и сотрудничестве с другими людьми.

Для того чтобы составить «портрет» и выяснить мотивы молодого участника общественного объединения, причины выбора конкретного объединения, его планы на будущее и т. д., нами было реализовано разведывательное исследование — опрос молодых представителей общественных

объединений постсоветского пространства. Исследование было проведено в ходе Второго образовательного семинара для молодых парламентариев и молодежных лидеров государств-участников СНГ в Страсбурге в октябре 2012 г. Это мероприятие было выбрано потому, что на него были приглашены самые активные представители своих стран — всего 30 молодых людей. Среди них было проведено анкетирование: собраны данные о 22 представителях общественных объединений, работающих на территории стран-участниц СНГ. Для более точной интерпретации полученных данных методом лейтмотивного интервью было опрошено 10 представителей общественных объединений (по одному представителю от Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдавии, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины).

Результаты опроса показали, что молодежь задействована в основном в работе общественных объединений, занимающихся научно-просветительскими, культурно-массовыми, благотворительными, спортивными мероприятиями, гражданско-патриотическим воспитанием, экологическими проектами, волонтерской деятельностью, неформальным образованием, помощью при трудоустройстве, повышением квалификации и лидерского потенциала. Направления деятельности общественных объединений полностью соответствуют задачам, стоящим перед государственными структурами, реализующими молодежную политику. Мотивы участия в деятельности общественных объединений довольно разнообразны, но имеют и общие черты: молодежь хочет выразить себя, получить новый опыт, изменить мир, защищать и отстаивать права молодежи, продвигать молодежную политику, участвовать в социально-политической жизни страны, изменять общественное мнение по конкретным вопросам, помогать людям, расширяя свои компетенции, получая новый опыт и навыки.

Собранный теоретический материал и эмпирические данные показали, что рассматриваемая тема нуждается в более глубоком изучении, поэтому нами было проведено еще одно анкетирование с использованием ранее апробированной и доработанной анкеты среди социально активной молодежи России — участников неполитических общественных объединений («Российский Союз Молодежи», «Национальный совет молодежных и детских объединений России», «Детские и молодежные социальные инициативы», «Всероссийский студенческий союз» и др.): были собраны данные о 65 представителях общественных объединений.

Как показали результаты авторского исследования, «среднестатистический» участник/сотрудник молодежного общественного объединения на территории России — мужчина в возрасте 25 лет, с высшим образованием, не женатый, задействованный в работе общественных организаций в среднем около семи лет. Его общественное объединение в основ-

ном существует за счет государственного финансирования и имеет статус регионального, реже — федерального/республиканского. Направления деятельности общественного объединения могут быть весьма вариативны — культурно-массовые, научно-просветительские и спортивные мероприятия, благотворительность, гражданско-патриотическое воспитание, неформальное образование и молодежная политика, причем с высокой вероятностью общественное объединение будет широкопрофильным, сочетая сразу несколько направлений деятельности. Соответственно, и функциональные обязанности молодых общественников довольно разнообразны, независимо от занимаемой должности.

Деятельность в общественном объединении, скорее всего, не приносит молодому человеку значительного дохода — альтернативным источником заработка служит, чаще всего, работа в государственных структурах. Тем не менее, молодой человек позитивно оценивает статус своего общественного объединения, считая, что его деятельность значима и «видима» гражданам, и что оно играет важную роль в общественной жизни страны. Деятельность общественных объединений в целом по стране он тоже оценивает позитивно, отмечая их продуктивную работу, активность общества и поддержку государства.

В работе в общественном объединении его привлекают, прежде всего, возможности получения опыта, расширения социальных контактов, помощи людям, саморазвития и самореализации, карьерного роста, участия в интересных и социально значимых проектах, удовлетворения потребности в поиске единомышленников, интересного времяпрепровождения; снижает его мотивацию плохая информированность общества о потенциале и работе общественных объединений, а также нестабильные и невысокие доходы в случае выбора подобной занятости в качестве единственной и основной. Через 10—15 лет он видит себя активным членом или даже руководителем своего общественного объединения.

Список литературы

1. *Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем*. Сводный аналитический отчет. М., 2014.
2. *Проект «Общественная поддержка НКО в российских регионах: проблемы и перспективы»*. М., 2008.
3. *Федеральная служба государственной статистики* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/lssWWW.exe/Stg/d1/02-10.htm.

Информация об авторе

Сохадзе Кетеван Георгиевна, аспирант кафедры социологии РУДН, Москва, Россия, Ketisokhadze@gmail.com

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ

Н. П. Старых

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Миграция является одним из важнейших типов территориального поведения человека. В настоящее время она приобретает новые черты, сохраняя при этом свое исходное значение — поиск более благоприятных для жизни географических условий (природно-климатических, экономических, политических, социокультурных). При изучении миграционных процессов необходимо акцентировать внимание на готовности эмигрировать из страны, а также на отношении россиян к мигрантам.

Ключевые слова: мигранты, миграционные процессы, отношение россиян

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [1], потенциальные эмигранты — это, прежде всего, молодежь (25 %), активные пользователи сети Интернет (19 %). 39 % тех, кто хотел бы уехать за границу, не думали о том, когда именно они эмигрируют. Прежде всего, это 25—34-летние и 45—59-летние респонденты. Представление о сроках своей эмиграции имеют 44 % опрошенных (среди молодежи — 59 %): 11 % планируют уехать в течение ближайшего года-двух, 13 % — в течение трех-пяти лет, 11 % откладывают переезд на шесть-девять лет, а 8 % — и вовсе не планируют эмигрировать ранее, чем через десять лет.

Основная причина, по которой респонденты желают уехать в другую страну, по-прежнему связана со стремлением улучшить условия жизни (58%; 2012 г. — 46%). Вторым по значимости аргументом является представление, что за границей больше перспектив и возможностей реализовать себя, но об этом говорят реже (21%; 2012 г. — 14%), как и о том, что там больше порядка (с 18 до 7 %).

Динамика отрицательного отношения россиян к процессам миграции подтверждается результатами Аналитического Центра Юрия Левады (рис. 1) [2].

Представленные результаты свидетельствуют о том, что только 11 % опрошенных считают, что не следует вводить ограничения. По мнению россиян, необходимы ограничения проживания в отношении Кавказских республик, китайцев, республик Средней Азии, цыган и вьетнамцев.

Также, россияне выступают за ограничение приезда в свой регион и жителей других регионов России: скорее «за» — 35 %, определенно «за» —

28%, причем за год количество респондентов, выступающих за введение ограничений, увеличилось на 2% и 4% соответственно (рис. 2).

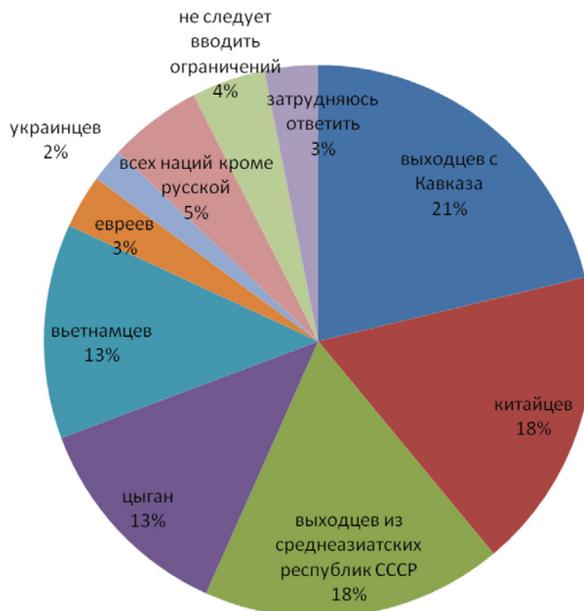

Рисунок 1. Следует ли ограничить проживание на территории России, % [3]

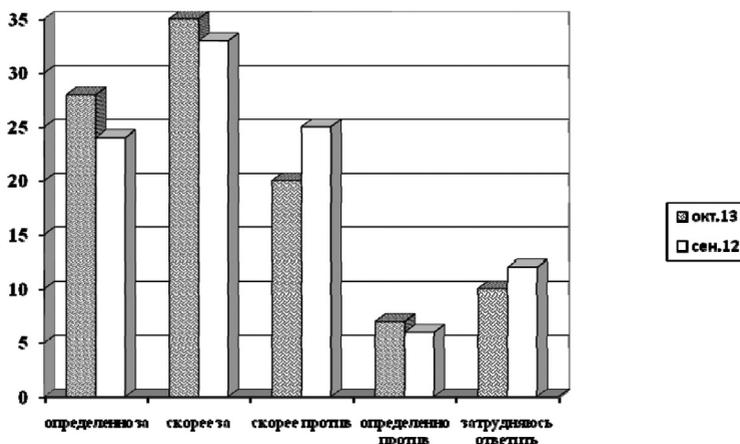

Рисунок 2. За или против ограничений приезда в регион на постоянное место жительства и на заработки жителей других регионов России, % [3]

Желание поддержать ввод ограничения на проживание на территории России объясняется также и негативным отношением к мигрантам (табл. 1).

Таблица 1. *Качества, чаще всего присущие мигрантам [4]*

Варианты ответов	Процент наблюдений
незнание русского языка, трудности в коммуникации	53
низкая квалификация при выполнении своей работы	42
неопрятный, отталкивающий внешний вид	35
навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев	28
высокая работоспособность, ответственность при низких зарплатах	27
невежливость, неделикатность	19
общительность	5
вежливость, деликатность	4
аккуратность	4
отзывчивость, желание помочь	4
другое	3
не знаю /не хочу отвечать	10

Как показало социологическое исследование, 54% опрошенных орловчан отрицательно относятся к тому, что в Россию на работу приезжает много молодых людей из соседних стран, 25,8% относятся к этому положительно, 20,2% затруднились ответить.

Наиболее резкие оценки дают молодые люди в возрастном интервале 18—21 год: 57,2% относятся отрицательно, 23,8% положительно, 19% затруднились ответить.

Распределение мнений в оценке процессов притока в Россию трудовых мигрантов из соседних стран в зависимости от статуса опрошенных показало, что менее всего положительно оценивают процессы трудовой миграции орловские безработные — 19,4%. Это понятно, т.к. приезжие — прямые конкуренты безработных на рынке труда.

Мужчины оценивают процессы трудовой миграции в современной России значительно более критично, нежели женщины: отрицательно к данным процессам относятся 62,7% и 46,1% соответственно. Что вполне объяснимо: подавляющее большинство трудовых мигрантов из соседних стран — мужчины.

Больше людей, недовольных процессами миграции, проживает в городе Орле, нежели в райцентрах и на селе. По всей видимости, это связано с тем, что основные миграционные потоки проходят через российские

города, где приезжие могут найти работу. Райцентры же и деревни российской глубинки, которые испытывают сильный дефицит рабочих мест, не вызывают интереса у трудовых мигрантов [5].

Итак, в Орловской области сохраняется общероссийская тенденции негативного восприятия миграции в целом, так как 49,4 % считают, что она способствует росту социальной напряженности и только 28,9 % считают, что она обеспечивает рост трудоспособного населения, 21,7 % затруднились ответить на вопрос. Положительным остается тот факт, что большинство жителей (51,9 %) все-таки относятся к мигрантам без опаски и настороженности [6].

Таким образом, проблема миграции — одна из важнейших в современных условиях российской действительности. Анализируя данные российских и региональных исследований, можно сделать следующие выводы, характеризующие отношение россиян к миграционным процессам: в настоящее время потенциальные эмигранты — это, прежде всего, молодежь, активные пользователи сети Интернет; основная причина, по которой респонденты желают уехать в другую страну, по-прежнему связана со стремлением улучшить условия жизни; большинство россиян считают, что необходимо вводить ограничения на проживание на территории России, прежде всего, в отношении представителей Кавказских республик, китайцев, республик Средней Азии, цыган и вьетнамцев; желание поддержать ввод ограничения на проживание на территории России связано с негативным отношением к мигрантам из-за незнания русского языка, трудности в коммуникации, низкой квалификации при выполнении своей работы, неопрятного, отталкивающего внешнего вида, навязывания, демонстрации своей культуры и обычаев.

Список литературы

1. «Эмигрировать из России? Больше не хотим!» Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 10—11 марта 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=112633> (дата обращения: 27.09.2015).
2. *Россияне о миграции и межнациональной напряженности*. Опрос проведен 25—28 октября 2013 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4 %.

3. Аналитический Центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti> (дата обращения: 30.11.2014).

4. Аналитический Центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam> (дата обращения: 30.11.2014).

5. Меркулов П. А., Елисеев А. Л., Меркулова К. Г., Мельников А. В., Суворова В. А., Червинская А. П. Положение молодежи в Орловской области: 2013 год : монография / рук. авт. кол. П. А. Меркулов. Орел : Издательство «3-е ИЮЛЯ», 2014.

6. Социологический опрос (анкетирование) домохозяйств, проведенный в апреле 2015 г. среди жителей города Орла. Общий объем выборки — 400 анкет, заполненные опрошенными представителями семей. Объем выборки определялся с доверительной вероятностью 0,95 и предельной ошибкой, равной 5%. Вид выборки — многоступенчатая.

Информация об авторе

Старых Наталья Петровна, к. с. н., доцент кафедры «Социология и психология управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, npstaryh@mail.ru

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ ДЕТСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Г. М. Цинченко

*Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия,*

Аннотация. Исследование параметров благополучия детей, проведенное ЮНИСЕФ и Независимым институтом социальной политики, делает шаг вперед на пути оценки и сравнения степени благополучия детей в разных странах. Социальное благополучие детей — интегральный показатель, связанный с параметрами субъективного самочувствия детей и степенью удовлетворенности жизнью. Для улучшения понимания, мониторинга и политической эффективности решения проблем детского благополучия, необходимо учитывать многие индикаторы.

Ключевые слова: дети, оценка благополучия, индикаторы оценки

Индикаторы оценки детского благополучия позволяют анализировать ситуацию в конкретных странах и сравнивать положение детей. Индикаторы используются и как способ привлечения внимания политиков и общества к проблемам детства, требующим вмешательства [1].

Анализируя благополучие детей в рамках концепции социальной исключенности, ЮНИСЕФ и Независимый институт социальной политики в своих исследованиях оценивали возможности и ограничения в доступе детей к основным социальным благам, ресурсам и правам [2]. К благополучию детей относятся экономическая ситуация, в которой живут дети, отношения между ребенком и сверстниками, права и возможности для развития, участие детей в жизни общества по вопросам, влияющим на состояние их благополучия. В отчете был проведен сравнительный анализ детского благополучия в 29 развитых странах [3] по пяти параметрам: материальное благополучие, здоровье и безопасность, образование, поведение и риски, условия жизни и среда. Анализ проводился по 26 сравнимым индикаторам. Лидер по всем параметрам детского благополучия — Нидерланды. В этой стране 95 % опрошенных детей поставили высокие показатели оценки своего благополучия по шкале удовлетворенности жизнью. На втором месте после Нидерландов — скандинавские страны, а завершают рейтинг — Латвия, Литва и Румыния, которые являются самыми бедными из выборки, но к ним присоединилась и одна из самых богатых стран — США [4]. Исследование не выявило однозначной статистической зависимости между уровнем детского благополучия и ВВП.

Вопросы здоровья и безопасности, являются главными оценками детского благополучия: уровень услуг здравоохранения и безопасности, достигнутый в той или иной стране, служит показателем общего уровня ответственности в обществе перед своими детьми. Первые пять мест получили скандинавские страны и Нидерланды. Чешская Республика обошла Германию, Японию, Великобританию, Канаду и США. В Испании, Греции, Италии, Ирландии и Норвегии самые низкие уровни детской смертности от жестокого обращения и насилия. Бедность, стресс, алкоголизм и наркомания родителей — те факторы риска, которые постоянно ассоциируются с жестоким обращением детей и безнадзорностью.

Обязательным индикатором оценки общего уровня благополучия детей является изучение образовательных систем, от эффективности которых во многом зависит будущее благополучие. На первом и втором местах оказались образовательные системы Бельгии и Канады, а Великобритания, Франция и Австрия оказались в нижней части рейтинга. Одна из самых бедных стран из 24-х в списке — Польша — показала третий результат. Исследования в области образования констатировали, что обеспечивать каждого ребенка наилучшими стартовыми позициями, нужно в первые месяцы и годы жизни, когда закладываются основы познания.

Четвертый индикатор детского благополучия связан со взаимоотношениями в семье и с друзьями. Статистические данные подтвердили, что воспитание в неполных семьях или проживание с отчимом или мачехой неизбежно ассоциируется с угрозой благополучию детей. Почти 80 % детей живут в полных семьях, но показатель колеблется: в Греции и Италии 90 % детей и более живут в полных семьях, в Великобритании — менее 70 %, в США — 60 %.

Для здоровья и развития подростков важны хорошие взаимоотношения со сверстниками. Процент детей в возрасте 11—15 лет, которые находят своих сверстников «добрыми и готовыми помочь», наиболее высок в Швейцарии, Португалии, Австрии, Словении, Хорватии, Мальте. Наименьшие показатели этого индекса во Франции, США, Чешской республике и Великобритании, Латвии, Эстонии, Литве и России.

Поведенческие факторы риска — показатель благосостояния детей, который трудно измерить и изучить. По многим причинам дети и подростки употребляют наркотики, ведут нездоровый образ жизни. Беременность в подростковом возрасте — также многоаспектная проблема.

Поведенческие показатели и индикаторы факторов риска: факторы риска, связанные со здоровьем; поведенческие факторы риска; поведенческий опыт, связанный с насилием. К факторам риска, связанным со здоровьем, например, особенности питания в детстве и подростковом

возрасте, являются индикаторами благополучия ребенка в настоящее время и в будущем. В Польше и Нидерландах доля подростков с избыточным весом самая низкая. Самые высокие уровни ожирения среди подростков наблюдаются в европейских странах: в Испании, Греции, Италии и Португалии, а также в США, Канаде и Великобритании. Эти страны могут ожидать проблем в будущем.

Второй компонент — распространенность высокорискованного поведения детей, включая курение, употребление наркотиков и алкоголя, рискованное сексуальное поведение. Распространенность курения среди подростков, являющаяся основной причиной преждевременных заболеваний и смерти, в целом составляет более 10%. В большинстве стран подростков, которые находились в состоянии опьянения от двух раз или более, оказалось менее 15%. Но в Нидерландах эта цифра повысилась до более 25%, а в Великобритании — почти до 30%. Доля подростков, употребляющих коноплю, колеблется от менее 5% в Греции и Швеции до 30% в Канаде, Испании, Швейцарии, США и Великобритании. Регулярное употребление конопли сопровождается депрессией, плохим физическим здоровьем, проблемами в школе и другими формами рискованного поведения.

Доля уже вступивших в половую жизнь подростков колеблется от 15% до 28%, а в Великобритании — почти 40%. Матери-подростки, как правило, выросли в бедности и неблагоприятных условиях.

Поведенческий опыт, связанный с насилием, включает в себя агрессию и насилие во всех их проявлениях. Распространенность запугивания и издевательств среди детей колеблется в широких пределах: от около 15% детей в Швеции и Чешской Республике до более 40% таких детей в Швейцарии, Австрии и Португалии. Дети, являющиеся свидетелями насилия по отношению к другим, с большой долей вероятности сами станут жертвами насилия. Незащищенность детей перед угрозой насилия в семье приносит душевные страдания и долговременный ущерб развитию и благополучию миллионов детей.

Субъективное благополучие подростков — важный фактор детского благополучия. Мнение и голоса детей о благополучии выражаются в различных формах: в обследовании мнений детей об уровне благосостояния их семей; степени их подверженности риску запугивания и издевательств со стороны сверстников; частота общения со своими родителями. Данные показали, что субъективная оценка детьми уровня своего благополучия значительно выше в Нидерландах, Испании и Греции и значительно ниже в Польше и Великобритании.

Проведенное исследование параметров благополучия детей делает шаг вперед на пути оценки и сравнения степени благополучия детей

в разных странах. Социальное благополучие детей — интегральный показатель, связанный с параметрами субъективного самочувствия детей и степенью удовлетворенности жизнью. В целях улучшения понимания, мониторинга и политической эффективности решения проблем детского благополучия, необходимо учитывать многие индикаторы. Очевидно, что происхождение многих губительных социальных проблем коренится в меняющейся экологии детства.

Список литературы

1. ЮНИСЕФ. Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах. // Доклад исследовательского центра «Инноченти». Выпуск 7. Флоренция : Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти», 2007.
2. Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М. : ЮНИСЕФ-НИСП, 2011.
3. *Child Well-being in Rich Countries : A comparative overview*// Innocenti Report Card 11, UNICEF Office of Research. Florence, 2013.
4. *Дети в трудной жизненной ситуации: профилактика неблагополучия*. М. : Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2013.

Информация об авторе

Цинченко Галина Михайловна, к. с. н., доцент кафедры социологии и социальной работы Факультета социальных технологий Северо-Западного института управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, galina_ts55@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНОЙ И ДЕСТРУКТИВНОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Я. А. Цуканов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Смена позиций общественных объединений с набора членов организации на охват большей группы молодежи (catch-all) ставит трудности в точном и долгосрочном прогнозировании конструктивной и деструктивной протестной активности молодежи. Измерение значений социальной напряженности и протестной активности в связке может дать более точный результат, где прогноз уровня социальной напряженности будет предупреждать о высоком уровне протестного потенциала.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, протестная активность, социальная напряженность, социальное прогнозирование, система селекции

Молодежь как социальная группа появилась в начале XX-го в. и за это время успела сменить несколько моделей отношения к политической сфере общественной жизни: от полной вовлеченности в политику до полной политической апатии. На сегодняшний момент политическая апатия российской молодежи постепенно меняет вектор своего направления в сторону политической активности. Отсутствие внятной государственной молодежной политики и ограниченное предоставление государством каналов для саморазвития и самореализации молодежи приводят к появлению новых молодежных организаций, которые обещают восполнить данный пробел для невостребованной молодежи, в т. ч. и организации экстремистского толка.

Известный футуролог, прогнозист, социолог И. В. Бестужев-Лада в интервью В. В. Познеру прогнозирует (прогноз в интервале 15—30 лет) появление государственной системы селекции элементов общественной системы, где заведомо криминогенные и/или антисоциальные элементы общественной системы, в виде отдельных людей, будут изолированы от общества еще до совершения преступного деяния и/или проявления антисоциального поведения [1]. Подобная формулировка данного прогноза не обещает отправления заведомо деструктивно-общественных элементов только в тюремные исправительные учреждения, но и позволяет предположить существование иных социальных институтов, спо-

собных взять на себя нагрузку по трансформации или передислокации деструктивной энергии отсеянных элементов в область общественных интересов. Подобную роль могут принять отдельные государственные силовые структуры, развитые гражданские институты по ресоциализации индивида и иные институты, предоставляющие подобным элементам чувство сопричастности и реализованности в обмен на полное или частичное подчинение государственно-общественным интересам. Именно своевременное создание и развитие конструктивных концептов подобных «диалоговых» (или субъект-субъектных) социальных институтов может позволить избежать радикальных методов борьбы с криминогенными и/или антиобщественными элементами социальной системы и/или с заведомо криминогенными и/или антиобщественными элементами социальной системы в будущем. При условии определения предрасположенности к деструктивно-общественному поведению на первичном этапе социализации работа «диалоговых» социальных институтов будет вынуждена ориентироваться на молодежную социальную группу. Однако появление в будущем системы селекции, вне зависимости от выбора политического вектора работы механизма по постобработке деструктивно-общественных элементов, будет возможно только, на наш взгляд (опираясь на опыт российской истории), в крайне нестабильных общественно-политических и социально-экономических условиях. Расфокусировка взгляда с данного прогноза не умаляет актуальность темы создания и развития концептов «диалоговых» социальных институтов для молодежи, чьи действия и/или декларируемые помыслы находятся в деструктивно-общественном русле.

Определение уровня протестной активности молодежи и его прогнозирование может осуществляться посредством вычисления уровня социальной напряженности. Г. В. Баранова в своих работах представила модель развития и проявления социальной напряженности, где установлено соответствие между стадиями развития социальной напряженности (качественной характеристикой), ее уровнями (количественной характеристикой) и формами проявления [2]. С ростом уровня социальная напряженность переходит из одной стадии развития в другую, меняя при этом формы проявления, которые выражаются в протестной активности.

Социальная напряженность выступает разрывом между ожидаемым и реальным удовлетворением потребностей социальных групп, развивающимся от латентной стадии до открытого социального конфликта, который может быть представлен в виде деструктивной или конструктивной формы протестной активности [2].

Протестная активность, в свою очередь, рассматривается как форма проявления, качественное своеобразие социальной напряженности, поведенческая установка на протестные действия, направленные

на нейтрализацию источников неудовлетворенности, вплоть до открытых социальных и насильственных конфликтов [3].

Выделены 4 стадии развития социальной напряженности [2]:

а) латентная стадия. Протестная активность носит конструктивный и «скрытый» характер;

б) начальная (диффузная) стадия;

в) стадия явной социальной напряженности;

г) стадия социального конфликта. Адресат требований — федеральные власти; характер подобных форм протестной активности на данной стадии приводит к трансформации общественной системы.

Минусом данного подхода является то, что «формы протестной активности» жестко привязаны к стадиям и уровням социальной напряженности. Согласно предложенной модели, низкий уровень социальной напряженности будет сопровождаться низким уровнем протестной активности; в прогнозе не учитываются возможности появления «вспышек» деструктивной протестной активности, где уровень социальной напряженности и уровень протестной активности могут различаться в краткосрочном прогнозе до одного года. Решить подобную проблему, на наш взгляд, можно с помощью построения оперативных прогнозов до одного месяца, что в стабильной общественной системе может являться нецелесообразным трудоемким занятием.

Выборочный анализ протестной активности молодежи на постсоветском пространстве (Украина, Молдова и т. д.) и в Российской Федерации приводит к следующей гипотезе: уровень конструктивной и деструктивной протестной активности молодежи зависит от активности коллективных акторов, которые организуют и координируют протестные акции в виде молодежных общественных объединений.

На примере Орловской области, к конструктивным формам протестной активности молодежи (наиболее часто наблюдаемым) можно отнести участие молодежи в санкционированных митингах и пикетах оппозиционных парламентских партий. Такое участие, как правило, не носит ни жестких реальных требований по отношению к властным структурам, ни реальной заинтересованности в решении поставленных проблем. Подобные жестко запланированные мероприятия проводятся, чаще всего, с целью заявления партии о своем существовании и проводимой деятельности. Немалая часть молодых людей не являются членами партии, в т. ч. по причине своего несовершеннолетия.

Следует учесть, что на сегодняшний момент произошло замещение систематической коммуникации, которая происходила в ходе регулярных встреч в молодежном общественном объединении на редкие массовые протестные мероприятия [4]. Членство в подобных объединениях стало

не востребуемым как самими объединениями, так и большинством молодежи. Объединения стараются охватить большую группу молодежи (как партии кэч-олл) и сформировать определенное отношение к событиям на основе общности интересов. Подобным образом организуются флешмобы (политмобы) из людей, прежде ни разу не видевших друг друга.

Подобная смена позиций общественных объединений с набора членов организации на catch-all ставит трудности в точном и долгосрочном прогнозировании конструктивной и деструктивной протестной активности молодежи. Экстраполяция известных значений (число участников протестных акций, продолжительности и т. д.) не всегда дает точный прогноз протестной активности и может вовсе не отображать надвигающуюся в скором времени «угрозу». Измерение же значений социальной напряженности и протестной активности в связке может дать более точный результат, где прогноз уровня социальной напряженности будет предупреждать о высоком уровне протестного потенциала.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И. В. Интервью В. В. Познеру [Электрон. ресурс] / Youtube ; Познер ; Игорь Бестужев-Лада (21.11.2010). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=hNrXDIqc3eU>, свободный (дата обращения: 30.11.15).
2. Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности / Г. В. Баранова, В. А. Фролов // Социс. Москва. 2012. № 3. С. 50—65.
3. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России / Г. В. Баранова // Социс. Москва. 2012. № 10. С. 143—152.
4. Горюнов П. Ю. Теория потоковых структур как теоретическая база изучения радикализма в молодежной среде // Десятые Ковалевские чтения: материалы научно-практической конференции 13—15 ноября 2015 г. СПб. : Скифия-принт, 2015. С. 100—102.

Информация об авторе

Цуканов Ярослав Александрович, аспирант кафедры социологии и психологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы» при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, viva-la-science@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ: ОТНОШЕНЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ К ИНВАЛИДАМ

С. А. Шачнев

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия*

Аннотация. Судя по результатам исследования социальной изоляции инвалидов и их включенности в жизнь общества, проведенного Брянским филиалом РАНХиГС в 2014 и 2015 гг., на межличностном уровне отношение неинвалидов к инвалидам приемлемое и лишённое дискриминации. В то же время отсутствие четко сформированного образа инвалида в массовом сознании сами инвалиды оценивают как индифферентно-невнимательное к себе отношение со стороны обезличенного общества.

Ключевые слова: инвалиды, отношенческие барьеры, массовое сознание

От того, каким образом люди относятся к субъектам с ограниченными физическими возможностями, судят об общем уровне «цивизованности» конкретного человека и в целом общества.

Кризис потери здоровья с последующими социальной депривацией, неустроенностью на рынке труда, невозможностью на практике осуществить свои планы нередко провоцируют у инвалидов депрессию, пессимизм, порой озлобленность. Инвалид в подобном состоянии может проецировать накопившийся и неотредактированный негатив на окружение, что в свою очередь способно провоцировать конфликтность в его социальных отношениях. В процессе опроса инвалидов, особенно пожилого возраста, и людей с серьезными физическими дефектами, действительно, порой имелись подобные сложности. Такие инвалиды зачастую с трудом шли на контакт, а некоторые находились в крайне негативном эмоциональном состоянии, злобно сетовали на все и вся: на судьбу, правительство, весь мир. Однако подобное поведение у инвалидов проявлялось не столь часто и, скорее, касается единичных случаев. Тем не менее, ярлык инвалидности, как маркер, особым образом дорисовывает групповой портрет людей с ограниченными возможностями.

В общественном мнении имеется с одной стороны некоторая диффузность и неопределенность образа инвалида, с другой — напротив, его стереотипизация. Стереотипы отражают в себе самые разнообразные клише: «инвалид — значит, ущербный или недееспособный», «чей-то хлебник», «человек, которого нельзя, рискованно, проблемно брать на работу», «отмеченный неудачей» и др. Нередко со стороны т. н. здоровых

людей по отношению к инвалидам звучали мнения об их специфических экстрасенсорных способностях, тонкой интуиции и ясновидении. Часть респондентов из числа здоровых людей выражали мнение, что инвалид фактически ничем не отличается от здорового человека, отличие только в том, что инвалид ограничен в своей мобильности.

Таким образом, в общественном сознании существует амбивалентный образ инвалида, который нельзя назвать четко сформированным.

Брянским филиалом РАНХиГС в 2014 и 2015 гг. было проведено социологическое исследование социальной изоляции инвалидов и их включенности в жизнь общества в рамках реализации мероприятий подпрограммы «Доступная среда» (2014—2020 годы) государственной программы «Социальная и демографическая политика», результаты которого и представлены ниже.

Необходимо отметить, что непосредственные отношения между инвалидами и неинвалидами можно определить как двойственные.

Действительно, следует различать отношение конкретных людей к инвалидам и отношение со стороны безличного общества (общественного сознания). Это две совершенно разные области социальной коммуникации.

На деперсонализированном (внеличностном) уровне, со стороны абстрактного обезличенного общества, отношение к инвалидам как группе имеет определенную деформацию. Этот уровень представлен недостаточно сформированными, нечетким и размытым образом инвалида, с одной стороны, и его порой негативными стереотипами, с другой.

Обезличенность и размытость образа обусловлена недостаточной популяризацией проблем инвалидов как социальной группы среди населения Брянской области, а стереотипы, как известно, мало отражают истинную суть любой социальной ситуации и явления.

Сами инвалиды, описывая данную сторону отношения к себе, сетовали как раз не на невнимательность к себе со стороны конкретных людей: родственников, соседей, попутчиков в общественном транспорте, прохожих на улице и др., а на невнимательность именно со стороны общества.

Это наглядно проявлялось в высказываниях и просьбах инвалидов. Семантический анализ поясняющих ответов выявил, что дефиниция «внимание» находится на втором месте после употребления дефиниции «инвалид», а дефиниция «общество» вошла в перечень наиболее часто употребляемых слов. Приведем конкретные иллюстрирующие примеры: «побольше внимания со стороны общества»; «общество относится с безразличием к инвалидам»; «инвалидам нужна огромная поддержка от общества и государства, побольше сочувствия к больным инвалидам»; «мало внимания со стороны служб социальной защиты к проблемам ин-

валидов»; «государство безразлично к инвалидам»; «больше внимания уделять инвалидам»; «инвалидов не замечают в обществе» и пр.

Со стороны персонализированных и сформированных контактов отношение неинвалидов к инвалидам следует определить как приемлемое и лишенное дискриминации. При непосредственном изучении отношений неинвалидов к инвалидам выявлено (табл. 1), что на межличностном уровне отношение к инвалидам со стороны здоровых людей, действительно, никак нельзя назвать деструктивным или негативным.

Таблица 1. **Отношение неинвалидов к инвалидам**

Респонденты	Мнение инвалидов	Мнение здоровых
Безразлично	33,1%	21,7%
С сочувствием	42,9%	46,9%
Считают, что инвалид — полноправный участник общественной жизни и в сочувствии и помощи не нуждается	19,1%	18,5%

В таблице представлены ответы инвалидов на вопрос, как к ним относятся другие люди, не имеющие опыта инвалидности. В целом отношение самими инвалидами оценивается как позитивное и, в меньшей степени, безразличное. Кроме того примерно 1/5 часть как инвалидов, так и неинвалидов считают, что «человек с особыми нуждами» — полноправный участник общественной жизни и в сочувствии и помощи не нуждается. Данное, в целом позитивное, отношение отражает готовность людей (неинвалидов) к пониманию проблем инвалидов и участию в их жизни.

Конкретизируя и поясняя свою позицию, инвалиды давали ответы, в которых наиболее часто встречались семантические дефиниции «хорошо», «нормально» и «по-разному». Ответы можно проиллюстрировать в следующих примерах: «относятся хорошо»; «хорошо относятся»; «нормально»; «по-разному»: «Я не считаю себя инвалидом и вполне все самостоятельно могу делать, поэтому нормально на меня смотрят»; «нормально, как на обычного человека»; «старюсь не показывать что я инвалид»; «как к полноценному участнику общественной жизни»; «инвалидность по слуху не заметна для людей»; «все зависит от человека — кто с сочувствием относится, а кому безразлично»; «люди относятся по-разному, если инвалидность заметна»; «кто-как» и др. В общем объеме пояснений семантический анализ фактически не выявил статистически значимых показателей, отражающих устойчивые общественные позиции, что к инвалидам относятся «с презрением»; «с пренебрежением»; «плохо» и т. д. Такого рода высказывания были крайне редки и скорее подпадали под исключение.

В целом можно констатировать, что сами инвалиды оценивают отношение к себе со стороны здоровых людей как хорошее и нормальное, а долевое соотношение инвалидов, положительно оценивающих отношение населения к своим проблемам, в общем количестве опрошенных соответствует примерно 62 %.

Существуют различия в отношении по параметрам группы к группе и личности к личности. Следует различать отношение конкретных людей к инвалидам и отношение со стороны безличного общества (общественного сознания). Это две совершенно разные области социальной коммуникации. Определенно то, что общество не достаточно хорошо информировано о проблематике инвалидов. Можно констатировать, что со стороны обезличенного общественного сознания в социальной перцепции существует амбивалентный образ инвалида, который нельзя назвать четко сформированным. Отсутствие «необходимого образа» в массовом сознании сами инвалиды оценивают как индифферентно-невнимательное к себе отношение со стороны обезличенного общества. Общество попросту «не замечает в себе» инвалидов как весомую социальную группу.

Отсутствие адекватного позитивного образа инвалида в массовом общественном сознании является одним из критериев интолерантности и представляется мощным отношенческим барьером между инвалидами и неинвалидами. Безусловно, данная проблема подлежит к устранению одной из первых.

В целом можно констатировать, что сами инвалиды оценивают отношение к себе со стороны здоровых людей как хорошее и нормальное, а долевое соотношение инвалидов, положительно оценивающих отношение населения к проблемам инвалидов, в общем количестве опрошенных инвалидов соответствует примерно 62 %.

Позитивное и сочувственно понимающее отношение к инвалидам со стороны неинвалидов свидетельствует о готовности конкретных людей к интеграции инвалидов в общество.

Информация об авторе

Шачнев Сергей Алексеевич, канд. культурологии, доцент кафедры правовых и социально-гуманитарных дисциплин РАНХиГС при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия, seralesha@mail.ru

25. Образование, интеллектуальная собственность, вербальные и невербальные средства коммуникации

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ: К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЯХ

М. И. Бубнова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация. Несмотря на то, что в настоящее время правовая охрана предоставляется большому перечню объектов интеллектуальной деятельности, в нашей стране нет единого центра и четкой разработанной концепции развития интеллектуальной собственности. В рамках настоящих тезисов рассматриваются проблемы, связанные с защитой интеллектуальной собственности, которые требуют безотлагательного решения, а именно, совершенствования законодательства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, патент, интеллектуальный капитал, наемный труд

«Интеллектуальная собственность» — это творения человеческого разума, результат свободной творческой деятельности, потенциально предполагающий доход от этой деятельности и, в независимости от эффективности, сложности и последующего предназначения, требует правовой защиты — авторского права на данную интеллектуальную собственность.

Любой продукт собственного творчества, будь то музыкальное произведение, философская идея, изобретение технического устройства или результат социологического исследования, предполагающее научные рекомендации для последующих социальных преобразований и т. п., требует обладания творческого созидания (оригинального, возможно, даже гениального), а значит, уже в этом виде выступает духовной ценностью.

Возникшая идея формирует конституируемый проект, который должен еще быть признан или не признан общественностью как необходимое условие дальнейшего творчески-созидательного процесса. Чтобы быть достоянием интеллектуальной среды, идея должна найти формы общепризнанной материализации (в виде статьи, книги, картины, нот, сценария и т. д.). В этом случае идея-проект может продуцировать альтернативную, конкурирующую идею, а может быть просто присвоена и реализовываться под другим именем [2].

Для того чтобы идея «превратилась» в интеллектуальную собственность, необходимо создать объекты, которые можно было бы защитить от несанкционированного присвоения, а именно, придать официальный статус, т. е. обрести государственную гарантию на его принадлежность — запатентовать.

Процедура патентования предусматривает публикацию формулы, выражающей сущность защищаемого объекта, т. е. использованной идеи. А это значит, что при оформлении патента сама по себе идея становится доступной для любого заинтересованного лица. Не случайно в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. в аналогичном значении употреблялся термин «результаты интеллектуального творчества».

Понятие «интеллектуальная собственность» было впервые введено в международные правовые документы в 1967 г. Стокгольмской конвенцией, учредившей ВОИС — Всемирную организацию интеллектуальной собственности. В соответствии со ст. 2 этой Конвенции, понятие интеллектуальной собственности включает в себя все права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. Но до сих пор идеи, в отличие от объектов, защищенных правом интеллектуальной собственности, приобретают не на рынке, а исключительно в обход рынка, т. е. их воруют.

Таким образом, основу интеллектуальной собственности составляют авторское и патентное право, однако они не исчерпывают это понятие, поскольку сюда же относится право на промышленные образцы, товарные знаки, фирменные наименования, ноу-хау, знаки обслуживания.

Интеллектуальная собственность, являясь продуктом творческой деятельности, использования знаний и опыта, относится к нематериальным активам человека. С одной стороны, создаваемая интеллектуальная собственность становится товаром на рынке интеллектуальной продукции и может приобретаться в собственность организацией или другим человеком, а с другой — это интеллектуальный инструментарий, который непосредственно участвует в создании, производстве и реализации инновационной продукции, овеществляется в этой продукции, во многом определяя ее потребительскую цену и стоимость.

Интеллектуальная собственность стала сферой важнейшего социального противоречия современного общества — конфликта между относительно небольшим слоем собственников физического (и финансового) капитала и миллионами собственников — носителей интеллектуального капитала. Весь прибавочный продукт производится за счет интеллектуального капитала, а претензии собственников физического капитала на доход обусловлены лишь принципом коммерческой эквивалентности. Субъект системы наемного труда становится собственником интеллектуального

капитала, а основной конфликт информационного общества между наемным трудом и капиталом переходит в совершенно новое измерение.

Частная собственность превращается в чисто юридическую номинальную функцию, не опирающуюся на реально происходящие процессы. Главная тенденция информационного общества — возможность каждого работника владеть средствами информации (компьютер и вся периферия). Именно в этом технологический прогресс наиболее стремителен, и от доступности информационных продуктов должна бы зависеть конкурентоспособность всех других отраслей хозяйства. Происходит становление качественно нового вида личной собственности (знания, личные средства производства), которая приходит в противоречие с частной собственностью, а социальная структура общества, соответственно, поляризуется по линии: «личная собственность» — «частная собственность».

Отмеченные самые существенные противоречия, а их гораздо больше, продуцируют необходимость постоянной защиты интеллектуальной собственности от агрессивных намерений субъектов, злоупотребляющих этим тонким и беззащитным свойством человеческого разума.

С 1993 г. в России действует Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах». Принятие Закона позволило по-новому взглянуть на проблемы авторского права и смежных прав в Российской Федерации. Творческие люди, лучшие представители российской интеллигенции, наконец, получили возможность создать свою организацию, которая защищала бы интересы автора, работала для него. Так было создано Российское авторское общество, получившее признание у авторов и официальную поддержку государства. Был подписан Указ Президента Российской Федерации, в котором Президент брал покровительство над созданным авторским обществом и рекомендовал всем государственным и местным органам власти оказывать всяческое содействие в реализации его задач.

Теперь правовая охрана предоставляется большему перечню объектов интеллектуальной деятельности, чем это предусматривалось законодательством ранее.

Гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (правообладатель), вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Казалось бы, все очень просто: зарегистрировать свой интеллектуальный труд — это способ подтвердить свои права на изобретение или исследование.

Оказывается, эта процедура требует не меньших и творческих усилий и рутинных знаний, приобретение которых, возможно, одна из самых труднопреодолимых проблем, суть ее порой сводится к формированию элементарной правовой культуры — знанию законов.

Для регистрации собственного открытия, изобретения или сочинения, необходимо не только отлично разбираться в принципах классификации, но и досконально знать соответствующую область законодательства, правила патентования изобретения, не нарушает ли регистрация еще чьих-то прав и т. д.

В то же время следует постоянно отслеживать юридическую защиту своего текста, идеи, изобретения или устройства, чтобы заинтересованные лица не могли его присвоить и аннулировать патент и впоследствии путем подачи обжалования — наказать автора.

Появляется большое число категорий лиц, которые, не будучи способными на изобретения, «поднаторели» в стратегии «присвоения прав на интеллектуальную собственность». Как еще можно объяснить тот факт, что, обратившись к фрагменту собственных прежних исследований, при проверке на плагиат — появляется ссылка студенческий реферат или диплом. Наиболее парадоксально это проявляется в том случае, когда такие рекомендации предлагаются именитым ученым, докторам соответствующих наук.

Эта проблема связана и с Законом об авторском праве и интеллектуальной собственности, сформулированном в международной организации ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности), когда приходится иметь дело не с национальным, а с глобальным законодательством.

Но больше всего усложняет ситуацию отсутствие на сегодняшний день государственных гарантий в стратегии развития интеллектуальной собственности.

Хотя, казалось бы, в вопросе интеллектуальной собственности Россия с 1990-х гг. преуспевает, но откуда-то появилось бесконечное множество различных коммерческих и некоммерческих структур, называющих себя организациями по коллективному управлению авторскими правами. В настоящее время нет единого центра и нет четкой разработанной концепции развития интеллектуальной собственности.

Перечисленные явления, связанные с защитой интеллектуальной собственности, требуют безотлагательного решения, а именно, совершенствования законодательства и, прежде всего, приведения его к имеющимся международным аналогам.

Список литературы

1. Бубнова М. И. Демографические процессы: миграция в аспекте социальной экологии // Ученые труды факультета государственного управления. Вып. 8. М. : Московский университет, 2012. С. 47—56. (Серия «Сборник статей»).
2. Бубнова М. И. Социальный капитал в процессе общественного разделения труда (к вопросу о социальной несправедливости) // Сборник тезисов VIII Международной науч. конф. «Сорокинские чтения» «Социальное неравенство как глобальная проблема современности». М. : МАКС Пресс, 2013. С. 37—40.

Информация об авторе

Бубнова Мария Ивановна, к. с. н., доцент кафедры социологии управления ФГУ МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, maribub@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ АНАЛИЗА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

И. А. Васильев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. Проведению комплексного исследования вопросов повышения научно-прикладного потенциала научно-исследовательской деятельности вузовских работников предшествовала выработка ряда рабочих гипотез. Одна из них состояла в том, что научно-исследовательские работы, выполняемые коллективами учебных и научных структурных подразделений вуза, должны носить ярко выраженный прагматико-ориентированный характер и быть направлены на совершенствование образовательного процесса. Исследование проводилось в одном из московских вузов гуманитарно-педагогического профиля в 2015 г.

Ключевые слова: вузы, научно-исследовательская деятельность, трансляция результатов

Новый подход к стратегии развития образования, отвечающий перспективам постиндустриальной цивилизации, определяется перемещением источников и движущих сил социально-экономического прогресса из материальной в интеллектуальную сферу. В условиях экономики, основанной на знаниях, наука превращается в крупную и самостоятельную отрасль экономики и в качестве инновационной составляющей начинает пронизывать всю профессиональную деятельность каждого специалиста.

Анализ документальной информации показал, что за период 2012—2014 гг. педагогическими и научными сотрудниками московского вуза гуманитарно-педагогического профиля было выполнено двести научно-исследовательских работ. Из них 34 % НИР было выполнено научными сотрудниками НИИ образования вуза, правда, в ряде случаев с привлечением преподавателей кафедр, соответствующих тематике исследования.

Можно предположить, что при определении исполнителей по выполнению государственных заданий сыграли определенную роль как объективные (наличие/недостаточное наличие специалистов по разрабатываемой тематике), поскольку эти задания обеспечивались бюджетным финансированием, так и субъективные (неформальные связи руководителей тем и личностные предпочтения административных работников, распределяющих госзадания) факторы.

Анализ социально-профессионального состава участников выполнения НИР, свидетельствует о крайне недостаточном привлечении к участию в данном виде научной деятельности аспирантов и студентов вуза.

В ходе контент-анализа тематики рефератов, основных позиций выполненных НИР, были выделены (с определенной степенью допустимости) уровни (сферы, направления) образовательной деятельности, в которые транслировались и/или могли бы транслироваться результаты (положения) конкретных научно-исследовательских работ. Спектр этих сфер выглядел таким образом: единое образовательное пространство (ЕОП); дошкольное образование (ДО); начальное общее образование (НОО); среднее общее образование (СОО); среднее профессиональное образование (СПО); высшее образование (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации) (ВО); дополнительное образование (для детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование) (ДОП); научно-теоретические и прикладные проблемы (НТИПП); организационно-управленческие вопросы образования (ОУВО); другие сферы (ДС).

Из двухсот научно-исследовательских работ, проведенных в вузе за период 2012—2014 гг., лишь в трети из них было дано четкое указание на то, что они «*были применены, нашли применение, апробированы*» на тех или иных уровнях образовательного пространства.

Динамику трансляции результатов НИР по позиции «*были применены, нашли применение, апробированы*», отражают данные рис. 1.

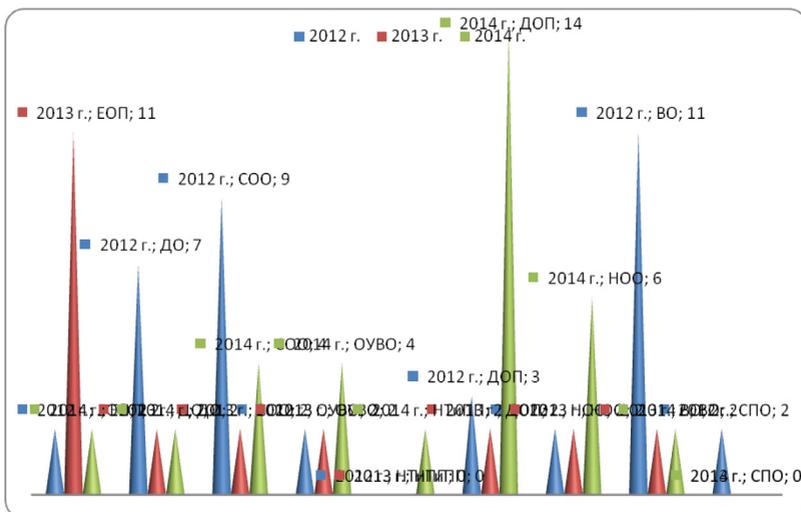

Рисунок 1. Динамика трансляции результатов НИР по позиции «были применены, нашли применение, апробированы»

Динамика трансляции результатов НИР по позиции «*были применены, нашли применение, апробированы*» указывает на то, что в относительно большей степени (по сравнению с другими сферами и уровнями образования) положения, сформулированные разработчиками НИР в отчетах, были ориентированы и востребованы на уровне дополнительного образования (2014 г.), единого образовательного пространства (2013 г.), высшего (2012 г.) и среднего общего образования (2012 г.).

В плане повышения потенциала трансляции НИР в образовательную деятельность учебных заведений различного уровня можно было бы рекомендовать рассмотреть вопрос о пересмотре идеологии (политики) распределения гос. заданий и формирования портфеля востребуемых образовательным сообществом научно-исследовательских работ вуза и результатов этой деятельности. Модернизированная идеология (политика) могла бы опираться, в том числе, и на базу данных, полученных в процессе проведения маркетинговых исследований, направленных на изучение запросов образовательных структур различного уровня и статуса, а также основных акторов образовательных отношений в конкретной тематике и конкретных результатах интеллектуальной деятельности представителей преподавательского и научно-исследовательского контингента вуза.

В ходе проведения настоящего исследования был осуществлен контент-анализ диссертационных исследований, защищенных в диссертационных советах, функционировавших в вузе в период с 01.01.2012 г. по 31.12.2014 г. За анализируемый период, по данным Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ [<http://www.vak.ed.gov.ru>], в диссертационных советах (д/с) вуза была защищена 181 диссертационная работа. Из них 88% составили диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и 12% — доктора наук.

Динамика защит диссертационных исследований по годам представлена на рис. 2.

Из представленных данных следует, что доля защищенных в 2014 г. диссертаций снизилась на 41% по отношению к 2012 г. Наши данные отчасти подтверждают прогноз Г. В. Осипова и В. И. Савинкова по поводу того, что «выпуск из аспирантуры будет сокращаться с 2010 по 2021 год» [1, с. 79, 87—89].

В процессе исследования был проведен контент-анализ названий диссертационных работ, обобщенных сведений, сформулированных их авторами в описании объекта, предмета и целей диссертационного исследования. Этот анализ показал, что приоритетными уровнями (сферами) образования, куда *могли бы транслироваться* и транслируются результаты диссертационных исследований, выступают начальное, среднее общее, дополнительное, высшее и дошкольное образование. Наиболее активно

теоретико-прикладные положения, разработанные в диссертационных исследованиях, *транслируются* (используются) на уровнях начального и среднего общего образования.

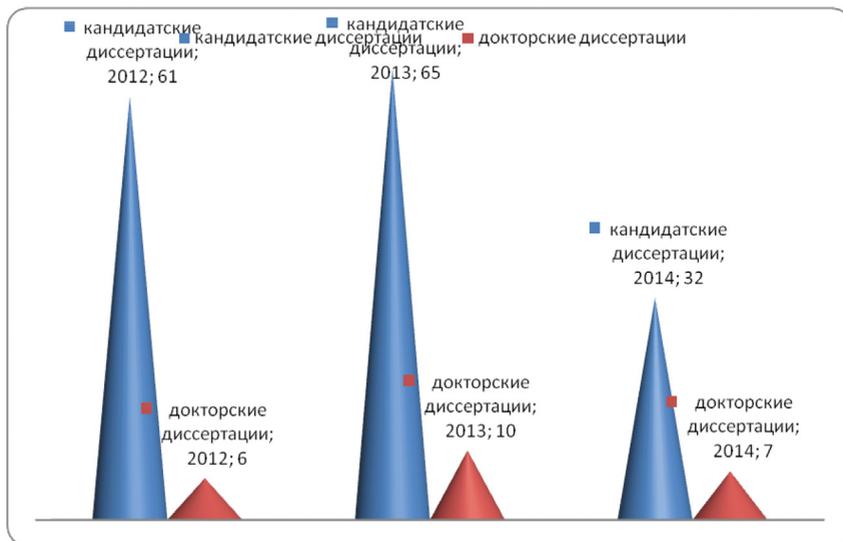

Рисунок 2. Динамика защит диссертационных работ (абсолютные величины)

В контексте развития вузовской науки особо актуальна проблема места и роли молодых исследователей. Как отмечают исследователи, после окончания вуза из общего числа выпускников идут работать в научную сферу не более 0,5% молодых специалистов [1, с. 10]. Нами были проведены полевое (2013 г.) и панельное (2014 г.) исследования, направленные на диагностику проблем научно-исследовательской деятельности (НИД) студентов в вузе. В них в общей сложности приняли участие 793 молодых респондента. Среди *трудностей в проведении НИД*, информанты отметили «нехватку практических навыков по проведению самостоятельных исследований», «недостаток личных средств на приобретение научной литературы», «отсутствие необходимой литературы в библиотеке института/университета», «недостаточную материально-техническую базу лабораторий», «недостаток внимания, которое уделяют преподаватели студентам, проявляющим интерес к НИД». Экспресс-интервью, проведенные с молодыми участниками научной выставки «Дни науки-2015», разработчиками проектов и научными руководителями позволили определить ряд проблемных зон в развитии студенческой научно-исследовательской деятельности (СНИД) в вузах. Информанты

считают, что потенциал студенческой науки можно повысить, в первую очередь, за счет совершенствования содержания и организации СНИД. Они обращали внимание на необходимость проведения большего числа научных конференций по НИД; поднимали вопрос о расширении спектра актуальных тем и программ НИД, об обмене опытом между акторами проектов городского и межрегионального уровня.

Проведенный анализ позволил сформулировать следующий вывод: образование и наука должны иметь практико-ориентированный характер. Практическая же деятельность должна опираться на научно-обоснованные разработки, выводы и рекомендации. Наша позиция во многом совпадает с мнением Г. Грефа, который заявил на Гайдаровском форуме: «Не верю в науку, не связанную с практикой, в образование, не связанное с практикой, в бизнес, не связанный с наукой и образованием» [2].

Список литературы

1. *Осипов Г. В., Савинков В. И.* Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: Статистический и социологический анализ. М. : ЦСПИМ, 2015.
2. <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/15/624167-gref-rossiya>.

Информация об авторе

Васильев Игорь Аркадьевич, к. филос. н., доцент, руководитель отдела интеграции образования и науки, научный сотрудник лаборатории мониторинга результатов научно-исследовательских работ и проектов Московского городского педагогического университета, Москва, Россия, via0707@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СРЕДСТВО ОМБУДСМЕНОВ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

С. Л. Давтян

*Агентство по развитию региональных социально-правовых коммуникаций «Диалог»,
Саратов, Россия*

Аннотация. Информационная открытость института омбудсмена является одним из факторов, способствующих доступу граждан к нему как дополнительному механизму защиты своих прав и институту гражданского общества. Одним из показателей информационной деятельности омбудсменов в постсоветских республиках по созданию эффективной коммуникационной системы с русскоязычным населением своих стран является наличие на сайтах омбудсменов статичной и динамичной (оперативной) информации на русском языке. Ниже представлен анализ содержания информационных сайтов омбудсменов стран ближнего зарубежья — бывших республик СССР — с точки зрения доступности информации для русскоязычных граждан этих стран.

Ключевые слова: постсоветские страны, омбудсмены, информационная открытость, русский язык

В тринадцати из пятнадцати бывших республик СССР*, а сейчас независимых государствах, функционирует институт омбудсмена — государственный институт защиты прав человека. Его задача — обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами и должностными лицами.

Анализ показывает, что на официальных информационных сайтах омбудсменов в двенадцати из пятнадцати республиках бывшего СССР имеется информация на двух языках: государственном (титულном) и английском**. Информация на русском языке имеется на официальных сайтах омбудсменов восьми стран, не считая России: Украины, Молдовы, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Латвии и Эстонии. Отсутствует русскоязычная информация на сайтах омбудсменов всех трех Закавказских республик: Азербайджана, Армении, Грузии. Из пост-

* Союз Советских Социалистических республик. Существовал с 1922 г. по 1991 г. В 1990 г. еще три республики — Латвия, Литва и Эстония — вышли из состава СССР.

** За исключением России, Беларуси, Туркменистана. На сайте омбудсмена (Уполномоченного по правам человека) Российской Федерации вся информация представлена только на государственном, русском, языке, а в Беларуси и Туркменистане институт омбудсмена отсутствует.

советских стран Прибалтики соответствующая информация отсутствует на официальном сайте омбудсмана (Контролеров Сейма) Литвы, где число граждан, активно использующих русский язык, меньше, чем в соседней Латвии и Эстонии.

Наличие русскоязычного сегмента на сайтах омбудсменов трех стран: Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана обусловлено двумя факторами. Во-первых, русский язык в этих странах установлен в качестве официального, что предполагает наличие на официальных сайтах государственных органов информации на русском языке. Во-вторых, в них все еще проживает большое количество граждан, для которых русский язык является родным. Этим же фактором обусловлено наличие русскоязычного сегмента на сайтах омбудсменов Украины, Молдовы, Латвии и Эстонии. Логически в русскоязычном сегменте нуждаются также жители других постсоветских республик.

Русскоязычная информация на сайтах омбудсменов делится на две группы: статичная информация и динамичная (оперативная) информация. К первой группе относится информация об институте омбудсмана, справки, контактная информация и т. д.

Под динамичной (оперативной) информацией понимаются информационные сообщения, новости о мероприятиях, связанных с деятельностью омбудсмана и аналитические материалы по вопросам защиты прав человека.

Статистическая информация имеется на официальных сайтах омбудсменов всех восьми стран (Украина, Молдова, Латвия, Эстония, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан)*.

Сайты всех омбудсменов с русскоязычным сегментом отличаются по содержанию и объему. Так, сайт омбудсмана (Акыкатчы) Кыргызстана в части статистической информации содержит восемь рубрик, из которых реальная информация имеется лишь в трех.

Практически отсутствует русскоязычная динамичная информация на сайте омбудсмана (Правозащитника) Латвийской Республики. С 2012 по 2015 гг. опубликовано всего два информационных сообщения, на английском — 6. В то время как за тот же период на латвийском языке было опубликовано не менее 250 информационных сообщений.

Из восьми омбудсменов только у троих официальный сайт содержит динамичную информацию об их деятельности на русском языке в том же объеме, в котором она имеется на государственном (национальном) языке. На сайте омбудсмана Кыргызстана, например, за два последних

* По состоянию на февраль 2016 г., сайт омбудсмана Узбекистана закрыт в связи с проведением профилактических работ, а сайт омбудсмана Таджикистана заблокирован провайдером в связи с неуплатой за услуги.

года на русском языке было опубликовано даже на 30 информационных материалов больше, чем на государственном (390 и 360 соответственно).

С этой точки зрения, наиболее информативным является сайт омбудсмена (Уполномоченного Верховной Рады по правам человека) Украины. Так, с февраля 2014 г. по настоящее время (февраль, 2014 г.) на указанном сайте содержалось 1224 информационных сообщения о повседневных мероприятиях украинского омбудсмена и его секретариата (аппарата) на украинском языке, 720 — на русском языке, 336 — на английском языке.

Малоинформативным по части динамичной информации является сайт омбудсмена (Уполномоченного по правам человека) в Казахстане. Вместе с тем, объем динамичной информации на русском языке на указанном сайте значительно превышает объем информации на государственном казахском языке. Так, количество размещенных на сайте материалов за почти 10 лет составляет 371 информационное сообщение (первая информация на русском языке опубликована в декабре 2006 г., последняя — в феврале 2016 г. (на момент написания данной статьи)). Общее количество аналогичных информационных сообщений на государственном языке — 251 сообщение, которые были размещены с марта 2012 г. по февраль 2016 г. Что же касается информации на английском языке, то ее практически нет. Она представлена лишь в виде небольшого числа сообщений, содержащих статистическую информацию. Первое сообщение данного вида датировано маем 2011 г., последнее — маем 2012 г. Общее количество — 6 информационных сообщений.

На сайте омбудсмена (Народных адвокатов) Молдовы предпочтение отдается информации на государственном языке. Так, если с декабря 2012 г. по настоящее время (февраль, 2016 г.) на этом ресурсе было размещено 720 материалов о деятельности адвокатов на молдавском языке, то на русском — 150 (первый материал на русском языке опубликован в марте 2013 г.). На английском языке количество материалов за такой же период на 20 больше, чем на русском (170).

На сайте омбудсмена (Канцлера юстиции) Эстонии с января 2005 г. по февраль 2016 г. было опубликовано 400 динамичных информационных сообщений, в то время как на русском языке с сентября 2011 г. (до указанной даты информация в русском сегменте отсутствовала) до апреля 2016 г. было опубликовано лишь 45, т. е. в 10 раз меньше. Такой же объем информации представлен в англоязычном сегменте сайта.

Информационные сайты омбудсменов республик Закавказья (Азербайджана, Армении, Грузии) ориентированы на читателя, знающего государственные и английский языки. При этом у граждан этих стран достаточно тесные отношения с Россией, где проживает большое коли-

чество представителей азербайджанского, армянского и грузинского населения.

Распространение омбудсменами информации о своей деятельности лишь на доступном большинству граждан языке этих стран говорит о проблемах доступа меньшинства ко всем средствам защиты своих прав наравне с гражданами, которые владеют государственными языками своих стран.

Что же касается наличия на сайтах омбудсменов постсоветских стран информации на английском языке, то она адресована, скорее, международным институтам, с целью демонстрации приверженности этих стран к ценностям демократии и соблюдению прав человека.

Добавим также, что на сайте омбудсмена России (Уполномоченного по правам человека) информация имеется лишь на русском языке, что также вряд ли приемлемо, учитывая, что языком межнационального общения для многих иностранцев, граждан стран дальнего зарубежья, проживающих или пребывающих временно в России и нуждающихся в защите своих прав, является английский язык.

Информация об авторе

Давтян Сейран Ладикович, к. филос. н., президент Агентства по развитию региональных социально-правовых коммуникаций «Диалог», Саратов, Россия, davtyansl@mail.ru

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

А. И. Павлова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия,*

Аннотация. В современном мире интернет стал неотъемлемым атрибутом общества. Практически везде нас окружает интернет: на работе, на учебе, дома. Вряд ли найдется человек, не слышавший хоть раз в жизни о всемирной паутине. Благодаря ей, мы имеем возможность получать новостную информацию, смотреть различные аудио- и видеоресурсы, общаться в социальных сетях. Доступ в сеть дает возможность виртуального контакта с миром из любой точки земного шара. Активными пользователями интернета, по данным многих исследований, является молодежь, которая использует его как развлекательный и образовательный ресурс. В рамках настоящих тезисов исследуется вопрос: какова роль интернета в современном образовании.

Ключевые слова: молодежь, интернет, информационные технологии, образование

Интернет — нечто столь огромное, могущественное и бессмысленное, что для некоторых он стал идеальным заменителем жизни.
Эндрю Браун

Благодаря интернету и информационным технологиям, в образовательном пространстве появились новые средства и способы обучения. Прежде всего это касается дистанционного образования, которое, имея ряд преимуществ по сравнению с другими формами обучения, приобретает сегодня все большую популярность. Интернет позволяет студентам, находящимся в разных городах, участвовать в интернет-конференциях [1, С. 7—8]. Кроме того, большая часть студентов читают электронные учебники, пренебрегая походами в библиотеку.

С одной стороны, интернет в сфере образования играет положительную роль: происходит обучение с использованием новых технологий, возможность получать образование удаленно от места учебы и в любое время, и многое другое. А с другой — отсутствие личного контакта между преподавателем и обучающимся; не все, желающие получить образование, владеют навыками пользования компьютером и т. д. [2].

Но, несмотря на отдельные отрицательные стороны использования интернета в образовательной среде, люди активно им пользу-

ются. Об этом свидетельствуют результаты исследования Фонда «Общественное мнение», посвященное теме «Интернет и образование» [3]. По данным исследования, большинство опрошенных используют интернет в общении с друзьями, родственниками и знакомыми (73%). Но с целью образования или обучения интернет применяют лишь 24% пользователей. Стоит отметить, что зачастую интернетом пользуется молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (89% от группы), но также среди респондентов, пользующихся услугами интернета, велика доля лиц в возрасте 35—45 лет — 69% от группы.

Среди респондентов в возрасте от 18 до 30 лет интернет-ресурсы используют для личного развития и самообразования 64%, а для получения основного образования и дополнительного образования — 26% и 13% (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Доводилось ли вам использовать интернет в перечисленных целях? И если да, то для чего именно?»

Вариант ответа	% респондентов
Для получения основного образования (школа, техникум, вуз и т. п.)	26
Для получения дополнительного образования (курсы повышения квалификации и т. д.)	13
Для самообразования, личного развития	64
Не доводилось ни для чего из перечисленного	26
Затрудняюсь ответить	2

Как уже отмечалось ранее, небольшое количество респондентов пользуются интернетом для получения образования. Респонденты, использующие интернет в образовательной сфере, предпочитают читать или скачивать учебную литературу, статьи (45%). Кроме того, они используют интернет-телефонию для общения, связанного с работой или учебой, а также смотрят видео-уроки/лекции/фильмы (табл. 3).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного вам доводилось делать в интернете?»

Вариант ответа	Интернет-пользователи в целом	18—30 лет	31—45 лет	46—60 лет	Старше 60 лет
Читать (скачивать) учебники, статьи, книги	45	55	43	34	31

Вариант ответа	Интернет- пользователи в целом	18— 30 лет	31— 45 лет	46— 60 лет	Старше 60 лет
Использовать интернет-телефонию (Skype, Googlevoice и т. д.) для общения, связанного с работой или обучением	39	47	34	35	29
Смотреть видео-уроки / лекции / обучающие фильмы	37	44	35	32	19
Задавать, обсуждать вопросы, связанные с работой или обучением, в социальных сетях, на форумах	26	31	27	19	12
Выполнять задания, проходить тестирования, связанные с работой или обучением	18	22	19	9	0
Участвовать в конкурсах / соревнованиях, связанных с работой или обучением	9	12	9	4	6
Участвовать в видео-конференциях, вебинарах	8	10	7	8	0
Другое	5	4	4	6	8
Ничего из перечисленного	27	21	31	28	35

По данным исследования, значительное количество респондентов не пользовались образовательными, обучающими сайтами, а именно 66% [3]. Предположительно, этот факт может говорить о неинформированности пользователей о наличии такого рода сайтов.

Кроме того, учитывая доступность интернет-ресурсов, большинство опрошенных (рис. 1) планируют получать образование очно (40%), а дистанционно — лишь 20%. Это подтверждает тот факт, что респонденты, отдающие свое предпочтение очной форме обучения, считают ее более качественной (18%). Что касается дистанционного образования — то 8% респондентов, назвавших данную форму наиболее приоритетной для себя, считают ее преимуществом экономию времени.

Таким образом, интернет играет огромную роль в современном образовании. С его помощью каждый студент или ученик может найти любую интересующую его информацию, читать учебную литературу, быть в курсе всех событий и многое другое. Кроме того, бурное развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий открывает новые возможности и перспективы для саморазвития и обучения населения. К тому же, благодаря интернет-технологиям, люди могут получать образование при помощи дистанционного обучения, что в современном обществе является «прорывом» в сфере образования.

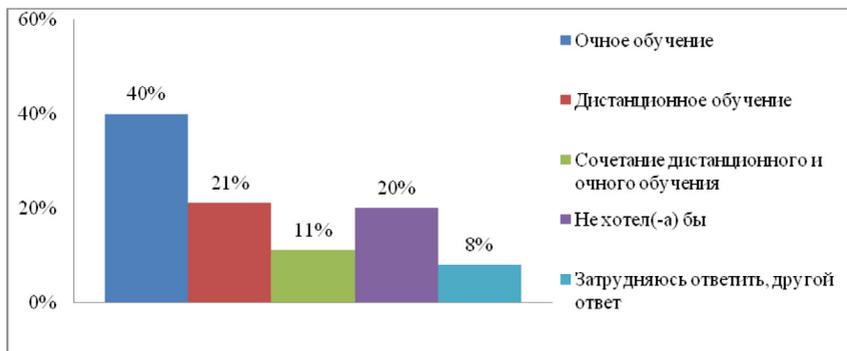

Рисунок 1. Диаграмма распределения ответов на вопрос: «Если бы вы планировали получить высшее образование, то вы предпочли бы очное обучение, с посещением лекций и семинаров, или дистанционное обучение при помощи интернета?»

Список литературы

1. Павлова А. И. Трансформация современного образования /А. И. Павлова // Новая наука: проблемы и перспективы : Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (04 марта 2016 г., г. Стерлитамак) : в 2 ч. Ч. 1. Стерлитамак: РИЦ АМИ. 2016. С. 5—8.
2. Романова И. С. Особенности Интернет-образования студентов [Электронный ресурс] / И. С. Романова // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-obrazovaniya-studentov> (дата обращения: 18.03.2016).
3. Исследование ФОМ на тему «Интернет и образование» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12256> (дата обращения: 19.03.2016).

Информация об авторе

Павлова Анастасия, студентка 3 курса направления подготовки «Социология» РАНХиГС при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, anastasiia.pavlova20@yandex.ru

БУЛЛИНГ КАК ФОРМА НАСИЛИЯ (ЭБЬЮЗИНГ) В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СТРАН ЗАПАДА

П. В. Пучков

*Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II,
Москва, Россия*

Аннотация. За последнее время в социологической литературе по проблеме распространенности насилия (эбьюзинг) в общеобразовательных учреждениях в научных работах авторов ряда стран (Великобритании, Канады, США и Японии) наблюдается научный интерес к вопросам, связанным с таким социальным явлением, как «буллинг», исследования которого начались впервые в странах скандинавского региона. Анализ проблем, касающихся этого вида эбьюзинга, поможет рассмотреть это асоциальное явление и в условиях отечественных практик.

Ключевые слова: буллинг, насилие, образовательные учреждения, страны Запада

Примечательно, что слово «bully» было впервые применено в 1530 г. и первоначально применялось для обоих полов, что переводилось как «любимый», «дорогой». Однако данная лексема произошла из голландского языка *voel*, что означает «влюбленный» или «близкий друг». Примерно в семнадцатом веке, этот термин стал означать «фартовый парень», «молодец», «задира», «забияка», немного позже — «обидчик слабых».

Самое понятие «буллинг» определяется многими учеными как: а) повторяющееся враждебное поведение, имеющее целью причинить ущерб кому-то физически или психологически более слабому; б) повторяющееся эмоциональное, вербальное и (или) физическое агрессивное преследование в форме травли, задирания по отношению к одному или части школьников, находящихся в уязвимом положении; в) негативное действие, направленное от одного или части школьников на протяжении длительного времени; длительная, умышленная физическая или психическая травля со стороны одного по отношению к другому, неспособному защитить себя в данной ситуации; длительный процесс сознательного жестокого отношения, физического и (или) психического, со стороны одного или группы детей к другому ребенку (другим детям); сознательное, продолжительное насилие, не носящее характера самозащиты и исходящее от одного или нескольких человек; умышленное, не носящее характера самозащиты и не санкционированное нормативно-правовыми актами государства длительное повторяющееся

физическое или психологическое насилие со стороны индивида или группы, которые имеют определенные преимущества (физические, психологические, административные и т. д.) относительно индивида, и которое происходит преимущественно в организованных коллективах с определенной личной целью (например, желание заслужить авторитет у некоторых лиц).

Так, исследователями было выявлено, что существовали заметные различия в дефинициях рассматриваемого понятия в трактовках социологов этих стран, и они пришли к выводу, что, когда один пытается перевести «буллинг» с английского языка на другие языки, нет ни одного слова, которое бы охватывало точное, всеобъемлющее значение.

Ряд западных ученых указали, что насилие в рассматриваемой форме происходило, по крайней мере, один раз в неделю в равной степени в отношении как мальчиков, так и девочек.

Английские ученые Д. Томпсон, Р. Уитни, и П. Смит констатировали тот факт, что в большей степени действиям буллинга подвергаются лица с ограниченными возможностями, а также лица, принадлежащие к другой сексуальной ориентации и не относящиеся к белой расе.

Учащиеся, имеющие ограниченные возможности, действительно, часто подвергаются существенным рискам буллинга и являются постоянно его жертвами.

В американских школах, как показывают социологические исследования, констатируется, что каждый день более чем 160,000 американских школьников пропускают школу из-за боязни посещать учебное заведение вследствие различного рода запугиваний.

Также было выявлено, что действия буллинга происходят, чаще всего, на территории школы, а не, как часто полагают, вне ее стен. Однако британские ученые пришли к выводу, что большинство фактов буллинга происходит на детской площадке, особенно среди школьников начальных и средних школ, редко в классах и коридорах. Ряд социологов подчеркивают, что случаи буллинга имели место в помещениях туалетных комнат. Было также отмечено, что редко действия буллинга совершались над жертвами по дороге в школу или обратно.

В 2007 г. в пятерку наихудших штатов в Америке по данному виду насилия вошли Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Калифорния, Вашингтон.

Исследователями было также обнаружено, что роли, закрепленные в действиях буллинга, остаются достаточно стабильными на протяжении всего обучения в школе. Например, даже после перехода в следующий класс, жертвы травли продолжают быть жертвами этого вида насилия.

Информация об авторе

Пучков Павел Васильевич, д. с. н., профессор кафедры общественных дисциплин и профессиональной коммуникации Юридического института Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II, Москва, Россия, pavelpushkov@yandex.ru

ЗНАЧИМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

А. С. Самойлова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. Данное исследование показывает, как образ преподавателя высшей школы формируется в общественном сознании. В процессе исследования выделены основные критерии формирования образа преподавателя; определены показатели, из которых состоит каждый из критериев.

Ключевые слова: образ преподавателя, обучаемый, учебно-воспитательное воздействие

Существенные преобразования, произошедшие в культурной, социально-экономической и политической жизни нашей страны, предопределили появление новых ценностей в образовании. Требования, которые предъявляются к личности преподавателя, к его профессиональной деятельности возрастают. Не только от профессиональных знаний и навыков зависит успешность преподавательской деятельности в вузе. Во многом она определяется адекватным отражением со стороны участников педагогического процесса.

Большое значение при исследовании взаимодействия преподавателя и студента в сфере высшего образования играет объективная обоснованность ожиданий субъектов, которые выступают в качестве участников взаимодействия. Педагогическое взаимодействие зависит от того, как представляют друг друга, что думают друг о друге и чего ждут друг от друга его субъекты. Различия во взаимных ожиданиях преподавателей и студентов охватывают широкий круг проблем — от ценностных ориентаций до качества получаемых знаний и эффективности их усвоения. Внешний вид преподавателя, стиль изложения материала, особенности речи определяют отношение студентов к изучаемой дисциплине, к образованию в целом, к выбранной профессии.

Проблемой образа преподавателя высшей школы занимались и занимаются выдающиеся педагоги и психологи такие, как Б. Г. Ананьев, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, В. А. Садовничий, В. А. Сластенин и др. Они подчеркивают важную роль, которую выполняет образ преподавателя в учебно-воспитательном воздействии на обучаемого.

Именно формирование образа преподавателя является предметом нашего исследования. В процессе исследования были выделены следующие критерии:

- организационный;
- психолого-педагогический;
- профессиональный.

Рассмотрим каждый из критериев и выясним, из каких показателей состоит каждый из них.

Первый критерий — организационный. Наша задача — выявить степень активности, пунктуальности, трудолюбия преподавателя, исполнительности. Эти качества являются для студентов подсознательным примером подражания. Еще преподаватель должен уметь вовлекать, организовывать, увлекать студентов в процесс образования. Например, использовать раздаточный иллюстрированный материал по определенной дисциплине или использовать мультимедийные презентации и диафильмы.

Психолого-педагогический критерий. Здесь мы должны изучить такие качества, как корректность, тактичность, коммуникабельность, нравственность преподавателя. Преподаватель не должен выливать свое недовольство на обучаемого в какой-либо форме. Особый микроклимат в группе, обстановку доверия и уверенности студентов в собственных силах и достижимости поставленных целей создает доброжелательность, тактичность преподавателя, поощрение, одобрение [1].

И последний критерий, который мы выделим в нашем исследовании — это профессиональный. Будут выявлены такие качества, как честность, порядочность, уважительное отношение коллег-преподавателей друг к другу, ответственность. Немаловажным показателем является творчество преподавателя, ведь это высокая ступень его профессиональной деятельности, которая направлена на поиск наиболее совершенных методов, приемов и средств учебно-образовательного процесса [2].

Список литературы

1. *Петровская Л. А.* Компетентность в общении. М. : Педагогика, 1989.
2. *Вербицкий А.* Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. М., 2006. № 11. С. 39—46.

Информация об авторе

Самойлова Анастасия, студентка направления подготовки «Социология» Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, nas.samojlova2012@yandex.ru

ОТБОР УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В. П. Серикова

Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия

Аннотация. Решить проблему повышения качества образования, соизмеримого с прошлым отечественным опытом, без активизации деятельности государственных и общественных организаций — затруднительно. Необходима подготовка управленческих кадров в системе образования, действенная работа с кадровым резервом под непосредственным административным и общественным контролем на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях, с целью отобрать в систему управления образованием наиболее способный персонал.

Ключевые слова: управленческие кадры, система образования, качество образования, кадровый резерв

Анализ современных структур органов управления образованием позволил установить, что институциональное обеспечение мотивации, отбора кадров в образовательную сферу не в полной мере отвечает современным требованиям. Устранить этот недостаток, как показывает советский опыт, можно через активизацию деятельности государственных и общественных объединений, коммерческих организаций. Так, например, косвенно проблему стимулирования обучения населения в СССР в послевоенные годы осуществляли практически все государственные структуры и институты гражданского общества. После декабря 1991 года (распад СССР) этой проблемой занимались лишь структуры, имеющие непосредственную функцию в системе государственного управления и институты гражданского общества, работающие в сфере образования.

В сложившихся условиях решить проблему повышения качества образования, соизмеримого с прошлым отечественным опытом, без активизации деятельности государственных и общественных организаций становится затруднительно. Учитывая значимость института образования в государственной системе, следует создать в Правительстве РФ Межведомственную комиссию по проблемам отбора, стимулирования и направления лучших кадров в образовательную сферу. Собственно, Минобрнауки РФ в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФОГС) по подготовке бакалавров и магистров уже разработал нормативы по привлечению в вузы кадров, работающих по специальности, которые готовит образовательная организация.

Разумеется, этот опыт необходимо перенести и в структуры управления образованием.

Прогнозы, основанные на политических, экономических, демографических, конфессиональных и иных показателях, для нашей страны, как представляется, неутешительные. В этой связи она обязательно встанет на путь мобилизационной экономики, и поэтому должна изыскивать внутренние резервы, в том числе, образовательные. Разумеется, уже сейчас формы, методы, средства мотивации должны быть в большей степени связаны с принуждением управленческих кадров искать пути улучшения образовательной подготовки населения. По мнению экспертов (N=20) — это возврат к традиционной советской системе образования, т. к. результаты реализации западного опыта оказались для страны провальными. Достаточно сказать, что такой безграмотной, в основной своей части, молодежи в России даже в XX в. не было никогда.

Результаты содержательного анализа научных исследований, экспертного опроса, наблюдения практики показывают, что в настоящее время принятый к исполнению западный вариант командного метода формирования структур управления образованием без разработки специализированных технологий его реализации, имеющий, безусловно, много позитивного, не приносит ожидаемого успеха. Исследование показало, что на многих административных должностях оказались люди, не имеющие практики реального управления образованием.

Кроме того, создается автономная «вертикаль власти», где верхний эшелон — это чиновник из высших структур государственной власти. В результате, в этих организациях основная цель не качество обучения, а, как и в любом другом предпринимательском деле, объективно, — доход.

Несвободен от критики в отношении профессиональной подготовленности и кадровый состав системы управления непосредственно Минобрнауки РФ. Например, в его штате есть должностные лица (по советской квалификации — номенклатурные), которые не имеют ни ученых степеней, ни опыта работы в системе образования на нижестоящих должностях.

Сегодня сведена к минимуму деятельность руководства Минобрнауки РФ по формированию и подготовке кадрового резерва, для чего необходимо создание в системе управления этого института специализированной структуры (центра) подготовки кадрового резерва (ЦПКР). Его цель — отбирать, рекомендовать и продвигать на управленческие должности в системе управления образованием наиболее достойных кандидатов.

В мотивировании кадров нельзя допускать и другую крайность — передачу права полностью распоряжаться «мотивационными фондами» для стимулирования управленцев непосредственным руководителям.

Сегодня этот принцип уже реализуется в нарушение логики управления, и, соответственно, постоянно проявляются последствия этой системной ошибки: всплеск коррупции, воровства бюджетных средств, интриги в коллективах структур управления, недоверие, конфликты и многое другое.

В российских (советских) традициях подготовки кадров для системы образования, действенная (эффективная) работа с кадровым резервом должна проводиться организованно, систематически, качественно, под непосредственным всесторонним вертикальным и горизонтальным, постоянным и внезапным, административным и общественным контролем на тактическом (до года), оперативном (2—3 года) и стратегическом (3—5 лет) уровнях. Цель уровневой подготовки — отобрать в систему управления образованием наиболее способный персонал.

В настоящее время знания, технологии обновляются на 50 % каждые 5 лет. В этой связи общественное сознание без сопротивления приняло к реализации идею «образование через всю жизнь». Поэтому совершенно обыденным явлением должна стать регулярная дополнительная подготовка всего управленческого состава. Она должна быть непрерывной или периодической (каждые 2 года).

Исследование выявило, что отношение экспертов к существующей практике курсов повышения квалификации отрицательное. Они считают, что успешное повышение квалификации должно быть связано с карьерным ростом, с изменениями условий и оплаты труда. Сегодня этого нет.

Результаты исследования традиций в образовании являются основой успешной деятельности. Они, по существу, регулируют все компоненты системы, придавая ей целостность и автономность. Главная задача традиций — обеспечение стабильности и устойчивости института образования. В этой связи всем субъектам процесса внедрения и развития отечественных традиций в систему образования следует предписать в своей повседневной деятельности организовывать и проводить работу по формированию у кадров, работающих в образовании, готовности использовать в научной и прикладной деятельности лучшие образцы российского педагогического опыта и, тем самым, оградить образовательные и национальные интересы России от разрушительных воздействий западного опыта, внедряемого в страну геополитическими противниками.

Одна из главных идей, предложенных экспертами: необходима работа по популяризации российских традиций в системе управления образованием, по пропаганде их преимуществ.

Анализ нормативной правовой базы, регламентирующей отбор, подготовку управленческих кадров в системе образования, показал, что в ней, в большей степени, формально заявлены традиционные советские пока-

затели*: аттестация кадров, которая реально не проводится; повышение квалификации (удостоверения часто продаются); публикации в журналах (они, как правило, платные, а значит, показатель не разумный); опыт работы на предыдущих должностях практически не учитывается и т. п. В этих условиях, с целью мотивации кадров на исполнение правовых требований, законодателю необходимо уточнить уровень ответственности для должностных лиц, допускающих халатность или не исполняющих требования нормативных правовых документов.

Список литературы

1. *Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих*. М. : Экономика, 1989. С. 35.
2. *О государственной гражданской службе Российской Федерации* : федер. закон : от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. Вып. 31. Ст. 3215.

Информация об авторе

Серикова Вероника Петровна, специалист по организации исследований ВЦИОМ, аспирант СГА, Москва, Россия, weronika-serikova@yandex.ru

* В сегодняшней нормативно-правовой базе нет норм права, запрещающих близким родственникам работать в одной организации. В советское время они были. Указания же, рекомендации не являются основанием запрета.

СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНТ VS НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВУЗЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. Тимохович, С. С. Филенко

Государственный университет управления, Москва, Россия

Аннотация. В современном обществе процесс подготовки бакалавра в высшем учебном заведении представляет собой не усвоение уже готовых знаний, а развитие способностей к исследовательской деятельности, к овладению такими методами познания, которые дают возможность самостоятельно получать и добывать знания, а также возможность правильно их использовать на основе уже созданных способов и средств научной деятельности. При этом далеко не во всех вузах студенты активно вовлекаются в научно-исследовательскую деятельность. Ниже представлены результаты исследования, проведенного с целью изучения вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность вуза (на примере Государственного университета управления). По результатам исследования разработаны рекомендации.

Ключевые слова: высшее образование, студенты, научно-исследовательская деятельность

Одной из главенствующих на сегодняшний день тенденций модернизации и развития высшего образования в России является переход всех высших учебных заведений от учебно-образовательного к научно-образовательному процессу. Данный переход позволяет более грамотно организовывать научно-исследовательскую работу студентов в разных формах ее проявления: научно-практические конференции, участие в грантах — конкурсах научно-исследовательских работ студентов, студенческие научные общества, исследовательские проекты и многое другое.

В процессе реформирования высшего образования в России также меняется базовая парадигма основной цели образования: если раньше готовили «специалиста-исполнителя», то сейчас целью высшего образования в России является «профессионал-исследователь». Соответственно, стать таким профессионалом без опыта и навыков самостоятельной научно-исследовательской деятельности невозможно.

В государственных организациях существуют требования к уровню подготовки, предъявляемые к выпускникам вузов, которые гласят, что после окончания обучения выпускники должны быть способными к самостоятельному поиску структурированной и достоверной информа-

ции, к системному действию в профессиональной ситуации, к анализу и проектированию своей деятельности; обладать стремлением к самосовершенствованию (самосознанию, самоконтролю, саморегуляции, саморазвитию); стремиться к творческой самореализации.

Развить способности и приобрести опыт осуществления научно-исследовательской деятельности студентам предлагается во время обучения в вузе, в частности, во время обучения по программам бакалавриата, поскольку следующая образовательная ступень — магистратура — требует от обучающегося уже сформированных навыков осуществления научной деятельности.

С целью изучения вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность было проведено эмпирическое исследование, объектом которого выступали студенты вуза (на примере Государственного университета управления).

Предметом исследования выступала вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность в вузе.

Для достижения цели исследования решались следующие задачи: изучить формы и виды научно-исследовательской деятельности студентов в вузе; провести опрос студентов ГУУ для выявления степени вовлеченности в научную деятельность вуза; сформулировать выводы и рекомендации по результатам исследования.

В качестве гипотезы исследования рассмотрено предположение о том, что большинство студентов слабо вовлечено в научно-исследовательскую деятельность.

В ходе проведения исследования использованы теоретические методы, а также эмпирический метод (опрос в форме онлайн-анкетирования), метод обработки первичной информации — пакет SPSS Statistics.

Остановимся на теоретических основах изучения научно-исследовательской деятельности студентов в вузе.

Научно-исследовательская деятельность — интеллектуальная творческая деятельность, целью которой является получение новых знаний, умений и навыков. Научно-исследовательская деятельность является одним из путей повышения качества обучения и воспитания бакалавров, специалистов и магистров. Студенты, которые участвуют в научно-исследовательской деятельности — это студенты, выполняющие элементы самостоятельной научной работы в области общественных, гуманитарных, естественных и технических наук.

Выделяют три основные формы научно-исследовательской деятельности студентов в вузе.

Первая форма реализуется в рамках учебного процесса в вузе — т. е. научно-исследовательская деятельность, проходящая непосредственно

в высшем учебном заведении в процессе освоения студентами учебных дисциплин.

Виды научной деятельности студентов, включенной в учебный процесс, предусматривают: курсовые работы с элементами научных исследований; дипломные проекты с элементами научных исследований; нетиповые задания научно-исследовательского характера в период учебной и производственной практики; проведение исследований в рамках освоения отдельных учебных дисциплин.

Вторая форма реализуется вне учебного процесса в вузе — т. е. научно-исследовательская деятельность, проходящая в вузе, но не затрагивающая непосредственно учебный процесс.

Виды научно-исследовательской деятельности студентов, не включенной в учебный процесс, но происходящей непосредственно в вузе, предусматривают участие в грантах, конкурсах научно-исследовательских работ студентов; участие студентов в научных конференциях, форумах, круглых столах; подготовка тезисов и статей по результатам проведенных исследований.

Третья форма реализуется вне учебного процесса, вне высшего учебного заведения, где обучается студент.

Осенью 2015 г. в Государственном университете управления авторами статьи было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность в вузе. Было опрошено 184 студента (44 юноши, 140 девушек).

Основные выводы исследования:

1. Большинство респондентов не осведомлены о возможностях вовлечения в научно-исследовательскую деятельность в вузе, а также за пределами вуза. Данные студенты — потенциальные участники научно-исследовательской деятельности внутри и вне вуза.

2. Большинство респондентов предпочитают получать информацию о научных мероприятиях через социальные сети, e-mail рассылки или объявления преподавателей. В ходе исследования было выявлено, что наиболее предпочтительным каналом связи со студентами является интернет-пространство.

3. Первокурсники имеют слабую мотивацию к научной деятельности. В ходе исследования было выявлено, что студенты-первокурсники не понимают, что представляет собой научная деятельность в вузе и зачем им участвовать в научно-исследовательской деятельности внутри вуза.

По результатам исследования разработаны следующие рекомендации:

1. Наладить каналы информирования студентов о возможностях вовлечения в научно-исследовательскую деятельность в вузе и за пределами вуза, учитывая при этом наиболее предпочтительные каналы

информирования для студентов (социальные сети, e-mail рассылка или объявления преподавателей); все современные студенты активно вовлечены в интернет-пространство.

2. Организовать персонафицированную коммуникацию для оповещения студентов о научных мероприятиях.

3. Рекомендовать СНО (студенческому научному обществу ГУУ) проводить лекции-тренинги для первокурсников по повышению информированности и мотивации к научной деятельности. Это необходимо, во-первых, для оповещения и знакомства студентов с научно-исследовательской деятельностью вуза, во-вторых, для формирования мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности.

4. Синхронизировать работу СНО и студенческих советов институтов для лучшей адаптации и интеграции студентов в образовательное пространство вуза. Данная мера необходима для того, чтобы студенты, приходящие в студенческий совет, также получали комплексную информацию о возможности участия в научно-исследовательской деятельности внутри вуза.

Информация об авторах

Тимохович Александра Николаевна, к. психол. н., доцент кафедры социологии и психологии Государственного университета управления, Москва, Россия, timokhovitch@newmail.ru

Филенко Степан, студент 3 курса направления подготовки «Социология», SEO-специалист кафедры социологии и психологии управления Государственного университета управления, Москва, Россия, stephanfilenko@gmail.com

26. Доверие, согласие, управление, власть

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРЕЙМИНГ-ЭФФЕКТА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ

И. П. Гегедивш

*Тюменский государственный нефтегазовый университет — Тобольский филиал,
Тобольск, Россия*

Аннотация. Для эффективного функционирования многие субъекты власти прибегают к применению фрейминг-эффекта, т. е. используют определенный контекст и изображения с целью манипулирования суждениями и мнениями людей, — поскольку именно он позволяет создать в обществе условия формирования доверия к власти. Большинство СМИ применяют фрейминг-эффект, делая более эмоциональной информацию, относящуюся к конкретным политикам. В нашем исследовании с помощью метода качественного анализа интернет-источников проанализированы более тысячи российских источников с упоминанием Президента РФ В. В. Путина. Результаты исследования подтверждают предположение о том, что использование фрейминг-эффекта положительной окраски приводит к повышению уровня доверия общества к субъектам власти.

Ключевые слова: общественное мнение, информационные стратегии, ноо-политика, фрейминг-эффект, власть, доверие, СМИ, интернет-контент

Современное общество переживает сегодня серьезный идеологический кризис, повлекший за собой изменения в духовно-нравственном осмыслении человеком окружающей его действительности. Увеличение террористических группировок, кризис европейской толерантности, усилившиеся националистические движения свидетельствуют о регрессе гуманности, ожесточении и нетерпимости людей, вакууме духовности и дезинтеграции внутреннего мира членов современного общества. Не последнюю роль в данном процессе играют средства массовой информации, которые стали играть важнейшую воспитательную и идеологическую роль, оказывать сильное влияние на общественное мнение.

Развитие глобального информационного пространства привело к тому, что появился новый информационный сектор, за который идет серьезная борьба с целью удержания в нем превосходства. По утверждению Н. Н. Журавлевой, приоритеты ноополитики и становление многополярного мира актуализируют проблемы формирования адекватной информационной среды политических коммуникаций [1]. Ноополитика уже многие

годы остается важной информационной стратегией, позволяющей манипулировать международными процессами с помощью средств массовой информации, которые формируют у общественности положительное или отрицательное отношение к политике государства или блока государств, с целью создания у них положительного или отрицательного имиджа. Российский дипломат А. В. Яковенко так прокомментировал роль СМИ в современном мире: «Информационное поле продолжает оставаться сферой, потенциально несущей в себе угрозы поддержанию мира и безопасности. Имели место примеры использования сфабрикованной информации для создания предпосылок к принятию военно-политических решений, за которыми следуют военные акции, а также „гуманитарные интервенции“. Нередко используются информационные „вбросы“ для подрыва имиджа отдельных государств, в том числе в целях недобросовестной экономической конкуренции» [2].

Политическое влияние СМИ в большинстве стран демократического типа основывается на убеждении людей с помощью логически построенной информации и аргументации, что говорит о преобладании в современном информационном обществе рациональной модели массовых коммуникаций, рассчитанной на определенный тип менталитета и культуры людей. Для большей убедительности СМИ используют эмоционально окрашенное слово и зрительный образ, затмевающий иногда рациональные аргументы и доводы. Для этих целей СМИ часто используют фрейминг-эффект.

Фрейминг как междисциплинарный метод исследования широко применяется с 70-х гг. XX в. В понимании первопроходца данного метода И. Гофмана, *фреймы* в социальной жизни — это устойчивые схемы понимания социальной реальности индивидуумом. На данный момент, рамочный анализ представляет собой широкое поле для исследования представлений о социальной реальности и презентации событий социальной жизни [3].

Фрейминг-эффект представляет собой использование слов, определенного контекста и изображений с целью манипулирования суждениями и мнениями людей. Информация может быть преподнесена обществу так, чтобы подчеркнуть позитивное либо негативное содержание. Тип обрамления, используемый для представления информации, оказывает значительное воздействие на решения и суждения людей и, следовательно, является мощным фактором влияния на поведение людей. Чаще всего фрейминг-эффект используют новостные СМИ, политические деятели, рекламщики.

Фрейминг-эффект активно используется в политических технологиях, создавая в обществе определенные образцы и нормы политической

жизни. Для эффективного функционирования многие субъекты власти прибегают к использованию фрейминг-эффекта, так как именно он позволяет создать в обществе условия формирования доверия к власти. Анализируя феномен доверия к власти, Н. Луман отмечал, что доверие становится необходимым условием общественного развития в силу нарастания неуверенности людей в будущем, связанного с увеличением сложности и непрозрачности современных обществ [4].

Для иллюстрации данного тезиса был использован метод качественного анализа интернет-источников, или т. н. метод интернет-контента. Были проанализированы более тысячи российских источников с упоминанием Президента РФ В. В. Путина. Большинство источников, где присутствует информация о деятельности Путина, дают ему положительную характеристику, напоминая о его непростом детстве в послевоенные годы, об успехах России в Крыму, о военной модернизации и жестком ответе Европе и США на введенные санкции. Все это вызывает у электората доверие к президенту. Об этом свидетельствуют и данные ВЦИОМ (табл. 1) [5].

Таблица 1. Динамика доверия населения к Президенту РФ В. В. Путину

Доверие	29.01. 2006	06.01. 2008	11.11. 2012	09.03. 2014	17.05. 2015	12.07. 2015	13.03. 2016
В. В. Путин	44,0	61,9	50,9	59,2	67,9	71,0	58,9

Многие СМИ использовали такой фрейм, как эмоциональность изложения информации, приводя подробности личной жизни Путина. Некоторые использовали эмоционально окрашенные высказывания самого Путина. Например: «Мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды, избирая на пост президента Российской Федерации. Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи, и делал это с полной отдачей сил», — сказал Путин в феврале 2008 г. на «большой» пресс-конференции в Кремле [6]. В статье «Запад опустил на колени перед Путиным» содержится высказывание лауреата Пулитцеровской премии Ч. Краутхаммера, который сделал вывод, что обитатель Овального кабинета «брedit», а Европа «смертельно боится Путина», который «владеет положением» [7].

В целом исследование показало, что большинство СМИ применяют фрейм-эффект в отношении представления информации, делая ее более эмоциональной. Данная методика активно применяется в отношении конкретных политиков. Использование фрейм-эффекта положительной окраски приводит к повышению уровня доверия общества к субъектам власти.

Список литературы

1. Никонов С. Б. Ноополитика как инструмент продвижения экономических интересов государств [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/106-noopolitika-kak-instrument-prodvizheniya-ekonomicheskikh-interesov-gosudastv.html> (дата обращения: 18.03.2016).
2. Никонов С. Б. Телевизионные сюжеты «Euronews» как элемент ноополитики [Электронный ресурс] // *Гуманитарные науки*. 2011. № 1. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/ru> (дата обращения: 16.03.2016)
3. Челик В. Ю., Фомич М. О. Рамочный анализ новостного контента на примере сообщений СМИ о падении боинга МН17 в Восточной Украине // V социологическая Грушинская конференция «БОЛЬШАЯ СОЦИОЛОГИЯ: расширение пространства данных» [Электронный ресурс]. М., 2015. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/tezisy_grushin_2015.pdf (дата обращения: 16.03.2016).
4. Мартынов Б. В. Доверие к власти как условие социальной толерантности российского общества [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/78/396/42566.php> (дата обращения: 05.03.2016).
5. URL: http://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата обращения: 15.03.2016).
6. РИА новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20080507/106744531.html#ixzz43TcRRoyJ> (дата обращения: 17.03.2016).
7. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/8859> (дата обращения: 17.03.2016).

Информация об авторе

Гегедивш Ирина Петровна, преподаватель отделения СПО филиала ТюмГНГУ в г. Тобольске, соискатель кафедры маркетинга и муниципального управления ТюмГНГУ, Тобольск, Россия, albumine1@rambler.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ КАК ИНДИКАТОР УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Л. Н. Госсельбах

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия*

Аннотация. Введение показателя степени доверия населения как главного критерия оценки деятельности органов внутренних дел (с 2012 г.) позволяет обеспечить постоянный контакт между правоохранительными органами и гражданским обществом по вопросам качества и действенности предоставляемых правоохранительных услуг. В то же время данный показатель является индикатором управленческой культуры сотрудников органов внутренних дел, которая формирует эффективность их управленческой деятельности.

Ключевые слова: общественное доверие, правоохранительные органы, оценка деятельности, управленческая культура

Эффективная работа органов внутренних дел — базовое условие социального доверия. Основным критерием доверия является удовлетворенность общества не столько содержанием и объемом компетенции, сколько качеством и результатом правоохранительной деятельности.

К качественным характеристикам профессор С. В. Егорышев относит «уровень удовлетворенности населения работой органов внутренних дел в целом, отдельных подразделений и сотрудников, меру доверия к ним, степень готовности граждан оказывать поддержку и содействие им в работе и некоторые другие» [1].

Формированию отношений сотрудничества должностных лиц органов внутренних дел с населением способствуют: открытость, доступность, оперативность при выполнении возложенных обязанностей.

В соответствии с принципом публичности, установленным статьей 8 Федерального закона от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции», деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-розыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций [2].

Реализации принципа открытости способствует общественный контроль над деятельностью органов внутренних дел и их должностными лицами, а также принимаемыми ими решениями, объемом и качеством выполняемых задач.

Общественное мнение представляет собой совокупность суждений и оценок различных слоев населения о событиях и явлениях социальной действительности. Личная безопасность граждан, их правовая защищенность, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности — все эти задачи, стоящие перед органами внутренних дел, безусловно, являются общественно значимыми.

С 2012 г. в качестве основного критерия оценки деятельности органов внутренних дел выступает степень доверия населения. Введение данного показателя позволило обеспечить постоянный контакт между органами внутренних дел и гражданским обществом по вопросам качества и ответственности предоставляемых правоохранительных услуг.

Безусловно, различным является доверие к институту органов внутренних дел и к отдельному территориальному органу МВД России на региональном уровне, конкретному структурному подразделению, руководителям и т. д.

Для эффективного процесса управления в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности в регионе важным является доверие не столько к институту органов внутренних дел, сколько к конкретному территориальному органу МВД России на региональном уровне, его структурным подразделениям в лице их руководителей, компетентных в решении конкретной правоохранительной проблемы (так как доверие, в отличие от уверенности, больше ориентировано на личность) [3].

По результатам опросов населения Орловской области в 2009—2015 гг., проведенных уполномоченными сотрудниками УМВД России по Орловской области*, деятельность органов внутренних дел большинством респондентов оценивалась «скорее положительно».

Уровень положительных оценок существенно упал в 2011 г. (с 73,3 % в 2010 г. до 57,7 % в 2011 г.), что обусловлено, по-видимому, произошедшим реформированием системы МВД России и предшествовавшими негативными оценками ее деятельности как со стороны общества, так и руководителей государства, что послужило толчком для проведения радикальных изменений в ведомстве.

* Данные опроса общественного мнения за 2009—2015 гг. предоставлены отделением информации и общественных связей УМВД России по Орловской области.

Начиная с 2012 г., показатель оценки существенно не изменялся и варьировался в диапазоне от 41 % до 45,6 %, что позволяет характеризовать ситуацию в правоохранительной сфере области как стабильную (рис. 1).

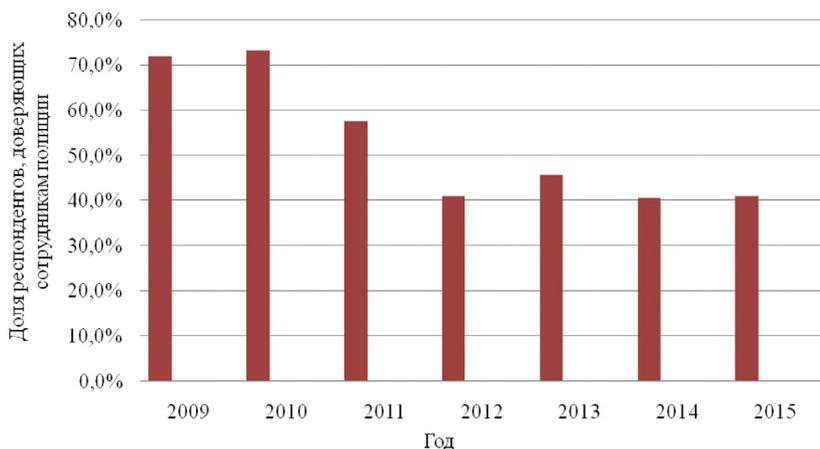

Рисунок 1. Степень доверия сотрудникам органов внутренних дел

По результатам изучения общественного мнения среди жителей Орловской области в 2012 г. на вопрос: «Доверяете ли Вы сотрудникам полиции?» ответили «Да, доверяю» 69 % респондентов, в 2013 г. данный процент возрос до 74,4 %, в 2014 г. — 82,8 %, в 2015 г. — 85,5 %.

Рост доверия населения к органам внутренних дел области показывает, что органы внутренних дел региона соответствуют своему назначению, действуют лучше, эффективнее, обладают необходимым потенциалом для реализации возложенных задач и функций.

Для определения качества работы органов внутренних дел значимым является ощущение личной безопасности граждан и степени их уверенности в защите от преступных посягательств.

По результатам ежегодных опросов жителей Орловской области, эти показатели распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Показатели доверия сотрудникам органов внутренних дел

	2012	2013	2014	2015
Ощущение личной безопасности	31,8%	35,2%	37%	44%
Степень уверенности в защите	32,3%	37,6%	51,8%	50,4%

За период с 2012 по 2015 гг. показатель ощущения личной безопасности граждан Орловской области вырос на 12,2%. Доля лиц, чувствующих свою защищенность от преступных посягательств, выросла на 18,1% — с 32,3% в 2012 г. до 50,4% в 2015 г.

В рамках проведенного в феврале 2016 г. исследования мнений жителей г. Орла большинство респондентов указали, что их личная безопасность за последние 5 лет не изменилась, что является показателем стабильности в системе регионального правопорядка. 12% опрошенных считают, что их уровень безопасности увеличился, но 8,8% опрошенных полагают себя менее защищенными. В целом большинство считает, что они защищены на довольно высоком уровне.

О возросшем уровне защищенности говорят 25,4% опрошенных, и лишь 19,7% говорят об обратном (табл. 2).

Таблица 2. **Динамика чувства безопасности у населения**

Варианты ответа	% опрошенных
Ощущение не изменилось	47,3
Чувствую себя более защищенным(-ой)	12,0
Чувствую себя скорее более защищенным(-ой)	13,4
Чувствую себя, скорее, менее защищенным(-ой)	10,9
Чувствую себя менее защищенным(-ой)	8,8
Затрудняюсь ответить	7,6
Всего	100,0

Формирование доверия и высокой оценки деятельности органов внутренних дел напрямую связано с осознанием всеми членами общества того, что профессиональная полиция каждому гарантирует защиту личной безопасности, прав и свобод. Это достижимо путем добросовестного выполнения возложенных на сотрудников органов внутренних дел задач и функций, неукоснительного соблюдения законности и служебной дисциплины.

Немаловажную роль в формировании этих качественных характеристик играет управленческая культура, представляющая совокупность

профессионально значимых личностных качеств, стереотипов, установок, ценностей; знаний, навыков, компетенций; отношений; юридических, моральных и организационных форм поведения, формирующих содержание и эффективность управленческой деятельности [4].

Основой доверия должно стать грамотное, оперативное, профессиональное и добросовестное выполнение задач, сформированных потребностями граждан, складывающейся общественно-политической и криминальной обстановкой.

От деятельности полиции напрямую зависит общественная и личная безопасность граждан. Действия сотрудников органов внутренних дел должны быть доступны, открыты, понятны и контролируемы обществом.

Список литературы

1. *Егорышев С. В.* Социальный аудит органов внутренних дел: понятие и возможности [Электронный ресурс] // Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. URL: <http://www.eurasniipp.ru>.
2. *Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, N 7, ст. 900.*
3. *Алексеева А. Ю.* Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения [Электронный ресурс] // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 85—98. URL: <http://www.twirpx.com/file/1219189/> (дата обращения: 16.03.2016).
4. *Проказина Н. В.* Развитие социологической культуры государственных гражданских служащих региона : автореф. дис. ... доктора социологических наук : 22.00.08 / Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 2013. С. 17.

Информация об авторе

Госсельбах Л. Н., аспирант кафедры «Социология и психология управления» РАНХиГС при Президенте РФ — Орловский филиал, Орел, Россия, Lng57.ru@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ В ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЯХ ОПОЗИЦИИ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В 2016 Г. И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ А. НАВАЛЬНОГО НА ВЫБОРАХ МЭРА ГОРОДА МОСКВЫ В 2013 Г. И ВЫБОРОВ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2015 Г.)

М. С. Железова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. На современном этапе развития российского государства идет становление качественно новой по содержанию, роли, целям и задачам политической системы общества, основанной на принципах многопартийности и политического плюрализма. Вновь воссозданная многопартийность, свобода вероисповедания, слова и печати открывают широкие возможности для самореализации различных коллективных интересов, как в обыденной жизни, так и политической сфере. В этих условиях все большее значение приобретает теоретическое и практическое исследование проблемы проведения избирательных кампаний, методов воздействия и влияния на общественное мнение в Российской Федерации.

Ключевые слова: избирательные кампании, общественное мнение, методы воздействия, организационно-технологические приемы, непарламентская оппозиция

Во многом именно организационно-технологические приемы определяют успех избирательной кампании того или иного кандидата или политической партии, особенно это касается оппозиции.

Для успешной предвыборной кампании требуется грамотная агитационная работа, необходим и сбор денежных средств на проведение избирательной кампании.

Практика показывает, что все же при минимальных затратах возможно организовать успешную предвыборную кампанию. Во-первых, это использование людей, которые готовы работать за идею. Например, волонтеры, которые раздавали листовки и газеты в местах скопления людей в поддержку Алексея Навального. Во-вторых, активный вброс необходимой информации в интернет-сети и печатные СМИ, что возможно делать практически даром. Алексей Навальный активно пользовался

данным ресурсом. Для информирования граждан о его деятельности и с целью его поддержки было создано несколько порталов — [Navalny.ru.](http://navalny.ru/); [Cube.navalny.ru.](http://Cube.navalny.ru/); [Moskva.navalny.ru.](http://Moskva.navalny.ru/); [V.navalny.ru.](http://V.navalny.ru/) и другие. В-третьих, существование и нечестных методов привлечения внимания к той или иной кандидатуре — через «черный PR» оппонента, «осветляя» тем самым свою кандидатуру. Однако, прибегая к данным методам, кандидаты стараются делать это грамотно, не нарушая закон, используя подлинную информацию. Но встречаются и неквалифицированные политтехнологи, которые допускают много ошибок в ходе предвыборной кампании, лишаящих заведомо их кандидата победы. В-четвертых, участие в дебатах и теледебатах приносит колоссальную известность и популярность положительно отличившимся кандидатам, сюда же можно отнести и систематическую рекламу на телевидении в период предвыборной кампании. Также размещение информации о кандидате на билбордах города, если это позволяют финансовые ресурсы. Нельзя забывать о митингах и демонстрациях, которые помогают политтехнологам создать желаемый образ, положительный имидж кандидата в умах избирателей. А. Навальный в своей предвыборной кампании уделил этому особенное внимание. Было проведено три митинга в Сокольниках, на проспекте Сахарова и на Болотной площади, а также велась активная работа с волонтерами для налаживания горизонтальных связей и мобилизации единомышленников.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты исследования, проведенного в Москве и посвященного предстоящим, на тот момент, выборам мэра столицы. Согласно этому исследованию, С. Собянин должен был получить порядка 54 % голосов, а А. Навальный всего лишь 9%. По итогам выборов, нынешний мэр города Москвы смог собрать в свою поддержку 51,37 % голосов избирателей. В то время как А. Навальному, во многом благодаря грамотной агитации, удалось собрать за короткий промежуток 27,24 % голосов, что лишний раз подтверждает значимость использования организационно-технологических приемов.

Во время выборов 2013 г. на пост мэра города Москвы предвыборную агитацию А. Навального уверенно можно назвать самой эффективной — об этом говорят данные опросов, которые показали, что около 43 % москвичей видели агитационные материалы Навального в том или ином виде, будь то кубы, газеты или агитмобили*.

На региональных выборах в сентябре 2015 г. А. Навальный с партией ПАРНАС продолжил свой курс. Они провели серьезнейшую предвыбор-

* URL: <http://navalny.ru/index136256.html> (дата обращения: 12.03.2014).

ную кампанию в Костромской области, где были задействованы всевозможные механизмы и ресурсы для прохождения 5 % барьера. Многие называют эти выборы последней репетицией перед схваткой на выборах в Государственную Думу седьмого созыва, результаты которых оказались плачевными, несмотря на все старания и надежды оппозиционных сил.

Говоря сегодня о потенциале непарламентской российской оппозиции, следует заметить, что помимо нескольких десятков тысяч человек, которые регулярно выходят на улицы столицы в поддержку оппозиционных сил и являются ее ядром, есть еще и ее периферия, которая значительно шире. Подтверждением тому служат данные о выборах мэра города Москвы в 2013 г., полученные путем несложных математических вычислений, согласно которым более 600 тысяч москвичей проголосовало за действительно оппозиционных кандидатов, таких как А. Навальный и С. Митрохин.

Однако сегодня оппозиционная среда стала значительно уже, чем 3 года назад. И произошло это отчасти из-за присоединения Крыма к России, что объединило вокруг В. Путина тех, кто раньше его не поддерживал. Ситуация осложняется и введенными против России санкциями.

Тем не менее, если оппозиция объединится и выдвинет из своих рядов активных, инициативных и ярких лидеров, которые будут способны учесть все плюсы и минусы предыдущих кампаний и смогут грамотно воспользоваться организационно-технологическим ресурсом, то у нее есть все шансы продвинуть своих представителей в Государственную Думу на выборах 2016 г.

Список литературы

1. URL: http://www.moscow_city.vybory.izbirkom.ru.
2. URL: <http://navalny.ru/Ю>.

Информация об авторе

Железова Марина, магистрантка 1 курса кафедры политологии и политического управления Института общественных наук (ФГУ) РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, mzhelezova@icloud.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАКТИКИ РАБОТЫ С КАДРАМИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Т. Е. Зерчанинова

Уральский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Одной из важнейших задач государственной политики в отношении кадрового состава органов государственной власти является «формирование кадрового состава государственной гражданской службы из высококвалифицированных специалистов, способствующих повышению эффективности деятельности органов государственной власти» [1]. Руководители и сотрудники кадровых служб органов власти не всегда могут объективно оценить потенциал и способность государственных служащих достигать поставленные перед ними цели. Именно в этом случае требуется независимое исследование и оценка действующей системы работы с кадрами в органах государственной власти.

Ключевые слова: государственная власть, кадровый аудит, гражданские служащие

Основной целью данного исследования являются диагностика и оценка кадровых процессов в органах государственной власти Свердловской области. Для достижения поставленной цели летом 2014 г. под руководством автора был проведен анкетный опрос государственных гражданских служащих Свердловской области. Объем выборки составил 368 человек. Рассмотрим некоторые результаты (данные представлены в процентах от общего числа опрошенных).

Большинство служащих (72,3%) считают, что их профессиональный потенциал используется в полной мере (табл. 1):

Таблица 1. Как Вы считаете, в полной ли мере используется Ваш профессиональный потенциал (профессиональные знания, навыки, деловые качества и т. п.) на рабочем месте?

№	Варианты ответов	%
1.	Да, в полной мере	72,3
2.	Используется частично	23,1
3.	Практически не используется	0,3
4.	Нет ответа	4,3
	Итого	100,0

Отвечая на вопрос об эффективности работы большинства государственных служащих, респонденты дают положительную оценку. По их мнению, большинство государственных служащих в их органе власти работает эффективно (табл. 2):

Таблица 2. Как Вы считаете, эффективно ли работает большинство государственных служащих в Вашем органе власти?

№	Варианты ответов	%
1.	Очень эффективно	19,6
2.	Скорее эффективно	68,5
3.	Скорее не эффективно	6,5
4.	Не эффективно	0,5
5.	Нет ответа	4,9
	Итого	100,0

Одним из содержательных элементов кадрового аудита является оценка кадровой работы в органах государственной власти по направлениям. Опрос госслужащих позволил нам получить информацию о состоянии кадровой работы. Исследование показало, что большинство служащих проходили повышение квалификации (79,9%), аттестацию (75,3%), сдавали квалификационный экзамен (61,7%). Около половины служащих проходили конкурс при приеме на госслужбу (54,1%) и конкурс при включении в кадровый резерв (53%).

В результате проведенного исследования был сделан вывод о достаточно высоком кадровом потенциале государственных служащих Свердловской области. В то же время государственным служащим приходится сталкиваться с различными проблемами, характерными для их работы. Наиболее часто респонденты упоминают следующие проблемы:

- слишком большой объем работы — 34,5%;
- срочные поручения, постоянная смена деятельности, невозможность сосредоточиться — 34,5%;
- не устраивает размер заработной платы — 32,1%.

Чтобы сделать работу госслужащих более результативной, по их мнению, необходимо в первую очередь справедливо распределить объемы работы (39,7%) и повысить заработную плату (38,3%).

Для решения отдельных проблем в организации кадровой работы, на наш взгляд, необходимо:

1. В процессе отбора кандидатов на должности государственной гражданской службы руководствоваться принципами компетентностного подхода, заложенными в российском законодательстве

- о государственной гражданской службе [2], расширить практику использования испытательного срока при замещении должностей государственной гражданской службы.
2. Разработать и нормативно закрепить процедуры, критерии, показатели и формы оценки результативности деятельности государственных гражданских служащих в соответствии с основными направлениями совершенствования системы государственного управления, предложенными Президентом РФ [3].
 3. Для решения проблемы низкого уровня подготовки молодых специалистов, которые недавно закончили вуз и не имеют практического опыта, создать институт наставничества, ввести стимулирующие выплаты для лиц, являющихся наставниками, разработать механизм отбора, подготовки и мотивации наставников.
 4. Направление на повышение квалификации и переподготовку увязывать с результативностью деятельности государственного служащего и анализом его потенциала.
 5. Проводить опросы государственных служащих для изучения потребности в совершенствовании знаний, навыков и умений, а также выявлять субъективные потребности в получении государственными служащими дополнительного профессионального образования.

Список литературы

1. *Об областной государственной программе «Реформирование и развитие государственной гражданской службы Свердловской области (2010—2013 годы)»* : Постановление Правительства Свердловской области от 19 октября 2009 г. № 1452-ПП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *О государственной гражданской службе Российской Федерации* : Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления* : Указ Президента Российской Федерации № 601 от 7 мая 2012 г. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, к. с. н., доцент, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления Уральского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия, tatiana_z@uapa.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НЕДОСТАТКА ДОВЕРИЯ К ОФИЦИАЛЬНЫМ СТАТИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Г. Ю. Карпенко

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия*

Аннотация. Сегодня много говорится о недоверии в российском обществе к науке, к социологии, к данным социологических исследований. Проблема недостатка доверия характерна для всех областей человеческой деятельности. И статистика — не исключение. Проанализируем основные причины недоверия статистическим данным.

Ключевые слова: статистика, доверие, методология, интересы пользователей

Статистика — всего лишь один из методов описания, хотя и уникальный, поскольку она описывает мир при помощи чисел. Как следствие, статистика может предоставить уникальные сведения относительно мира вокруг нас.

Данные статистики активно используются социологами. Используются не только традиционные демографические показатели, но и другие, которые служат косвенными индикаторами социальных процессов. Например, сокращение отчислений предприятиями малого и среднего бизнеса дает пищу для исследований этого процесса. Социологи должны объяснить, что происходит, что заставляет предпринимателей сворачивать бизнес, а главное, что надо, чтобы этого больше происходило. Таким образом, статистические данные очевидно обладают высоким прогностическим и эвристическим потенциалом.

Можно предположить, что объективными причинами недостатка доверия к официальной статистике являются следующие:

1. разное восприятие пользователей;
2. разнонаправленные интересы пользователей;
3. отношения партнеров;
4. многослойность методологии;
5. общий недостаток доверия к государственным институтам.

Разное восприятие пользователей обусловлено тем, что статистическая информация может конфликтовать с опытом пользователя, статистическое среднее может часто отклоняться от индивидуального опыта. Следовательно, насколько личности имеют разные перспективы и физически не идентичны, настолько качество статистических данных

может быть оценено по-разному. Разница в перспективе зависит от пола, возраста, национальности, религии и т. д., а также от персональных характеристик.

Разнонаправленные интересы пользователей. Пользователи статистической информации принадлежат к разным слоям общества и, таким образом, являются носителями разных политических, экономических и других интересов. Следовательно, их ожидания по отношению к статистике различны: статистика воспринимается как хорошая новость для одного пользователя, может быть плохой новостью для другого пользователя и неуместной для третьего пользователя.

Отношение трех групп партнеров к официальной статистике: респонденты, пользователи статистической информации и налогоплательщики. У них может быть разнополярное отношение к статистике. Респондент склонен думать, что предоставление информации является дополнительной рабочей нагрузкой. Пользователь статистической информации склонен требовать больше статистики и более детальную статистику. Налогоплательщики убеждены в том, что другие расходы являются более срочными и важными, чем расходы на статистику. Парадокс заключается в том, что любая личность одновременно может действовать как респондент, как пользователь статистической информации и как налогоплательщик. Следовательно, отношение к статистике на момент коммуникации зависит от того, в какой из трех ролей выступает личность.

Многослойность методологии связана с тем, что статистика очень часто использовалась для введения в заблуждение людей и существуют примеры не научных и ошибочных статистических методологий, которые преднамеренно использовались для приспособления к специфическим политическим, экономическим или другим интересам. Для преодоления этого международное сообщество согласилось по стандартам и методологиям, начиная с формирования Статистической Комиссии ООН в 1947 г. Статистика высокого качества с полноценными данными, которая обеспечивает полезность показателя, требует долгосрочной работы, что делает его менее актуальным в сравнении с показателем, произведенным на основе довольно неполноценных, но оперативно собранных данных.

Во всей истории цивилизации, к сожалению, доминирует низкая доза доверия общества к государственным институтам. Следовательно, национальные статистические службы по всему миру в большей или меньшей степени страдают от недостатка доверия общества. Это также относится к статистике в рамках стран-членов Европейского Союза и Организации по Экономическому Сотрудничеству и Развитию: несмотря на то, что они были основаны согласно принципам, нацеленным на служение обществу в целом, тем не менее, эти национальные статистические службы

рассматриваются как монополии без альтернативы или конкурирующей информации для общества с целью сравнения.

Список литературы

1. Кодекс норм европейской статистики (принят 24 февраля 2005 г. на заседании Статистического программного комитета).
2. URL: <http://www.unesco.org>.

Информация об авторе:

Карпенко Г. Ю., РАНХиГС при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия, kev@br.ranepa.ru

ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОМЕНТАЛЬНЫХ ГРУПП: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Е. В. Карпенко

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия*

Аннотация. В последние десятилетия мы наблюдаем постоянно растущий интерес и поиск, в дополнение к уже освоенным формам, новых эффективных способов коммуникативных взаимодействий как со стороны государства и управленческих структур, так и со стороны населения. Дальнейшему развитию и совершенствованию процессов по достижению взаимопонимания между всеми акторами коммуникативных процессов во взаимообращенной и постоянно взаимодействующей системе «органы власти — управленческие структуры — население» могут способствовать семиосоциопсихологические методы и подходы, основная специфика которых связана с поиском причин так называемых «коммуникативных сбоев» и выдачей рекомендаций по их устранению при аналогичных вариантах общения и взаимодействия. Речь идет не столько о формальных и содержательных характеристиках коммуникации, сколько о социоментальных особенностях ее восприятия и, соответственно, создания и транслирования, с целью установления диалога, или «смыслового контакта» между общающимися сторонами. Для исследователя здесь открывается обширнейшее поле научного поиска, результатом которого оказывается возможность применить полученные выводы в реальной управленческой практике и тем самым способствовать оптимизации социального прогресса.

Ключевые слова: социоментальные группы, коммуникативные процессы, государственное управление, социальный диалог, коммуникативные навыки, молодежь

В рамках семиосоциопсихологии различают следующие варианты ментального освоения воспринятых текстов: адекватное восприятие (высокий уровень коммуникативных навыков); частично адекватное (средний уровень коммуникативных навыков) и неадекватное (низкий уровень коммуникативных навыков). Разный уровень коммуникативных навыков наших современников — это эмпирически доказанная реальность, проявляющаяся при восприятии произведений и материалов в самых разных жанрах и вариантах (способах) знакового исполнения, что отно-

сится и к особенностям восприятия текстов, циркулирующих в системе «органы власти — управленческие структуры — население».

По данным семиосоциопсихологических исследований, только представители группы с высоким уровнем развития коммуникативных навыков при восприятии целостных, завершенных коммуникативных актов «видят» (адекватно понимают) интенциональность коммуникатора, т. е. смысловые доминанты воспринятых материалов. При этом речь идет не об обязательном согласии с коммуникатором, а только о понимании: прежде, чем согласиться или одобрить, надо понять, с чем соглашаешься и что одобряешь. Таким образом, полноценный социальный диалог возможен только с той группой акторов, которая, в силу своих ментальных особенностей, обладает высоким уровнем коммуникативных навыков. Приведем полученные в одном из исследований с использованием семиосоциопсихологических методов и подходов данные о параметрах этой социоментальной группы при восприятии материалов СМК и художественных произведений.

Адекватно, т. е. *так, как и есть на самом деле*, понимают и интерпретируют общественно-политические материалы СМК всего 13—14 % опрошенных; информационные материалы — от 9 до 18 % (разброс в цифрах связан с разными формами и способами организации и подачи материала).

При восприятии произведений художественных жанров показатели адекватных интерпретаций несколько выше. По данным исследований 2008—2010 гг. (при личном участии автора), адекватное восприятие художественных произведений с возрастом совершенствуется: в 5—6 лет этот показатель составляет 12%; в 7—10 лет — 15%; в 11—14 лет — 20%; в 15—17 лет — 23%; в 18—25 лет — 25%; в 26—35 лет — 29%; в 36—40 лет — 30%; в 41—59 лет — 30%, в 60 лет и выше — 38 % [1].

Чтобы представлять, к чему может привести игнорирование вопросов понимания в государственном управлении, следует уточнить, на какие цели направлен социальный диалог. Во-первых, на социализацию механизмов принятия решений с учетом различных точек зрения социальных партнеров, а также противодействие сведению к минимуму важных социальных интересов, общественного обсуждения. Во-вторых, на соблюдение баланса социальных интересов, чтобы гарантировать, что принятые управленческие решения не служат только узким группам социума, но и направлены на менее организованные социальные группы (налогоплательщики, потребители социальных услуг, как например, пациенты, ученики) и людей с низким материальным статусом. В-третьих, на более качественную подготовку решений в области социально-экономической политики через получение более широких и многомерных

знаний о проблемах, которые являются предметом предложенных властью решений, а также ведение постоянной дискуссии с обществом, для объяснения сущности предлагаемых решений. В-четвертых, на подготовку социальных партнеров и общества для эффективной реализации программ государственной политики, предлагаемых властью, а также для участия в продвижении и реализации этих программ. В-пятых, социальный диалог — это дополнение традиционных форм контроля государственного управления (парламент, специализированные органы управления, средства массовой информации). Результатом социального диалога должны быть, с одной стороны, социальный мир, с другой стороны, устойчивое и сбалансированное развитие страны и общества.

Традиционно считается, что описанные отношения формируются на паритетной основе равенства прав, совместного владения информацией, когда рядовые граждане вместе с властью являются субъектами политического процесса, а их предложения имеют такой же вес, как и предложения власти. Тем не менее, не следует игнорировать тот факт, что все эти действительно необходимые факторы и условия «работают», прежде всего, для тех акторов коммуникативных взаимодействий, которые обладают высоким уровнем коммуникативных навыков.

С учетом вышесказанного можно предполагать, что адресант, не обладающий достаточным уровнем коммуникативных навыков для того, чтобы адекватно понимать текст, в свою очередь, не сможет создать и собственный текст (информационный посыл), адекватный ситуации и обладающий нужной степенью информативности. Таким образом, в ситуации, когда коммуниканты обладают разными уровнями понимания, или принадлежат к группе с частично адекватным или неадекватным уровнем восприятия, об эффективных коммуникативных взаимодействиях остается только мечтать. В связи с вышесказанным особо актуальной оказывается задача массового социоментального развития, методологические и методические подходы к ее реализации также разрабатываются в рамках семиосоциопсихологии.

Показательно, что, судя по данным исследований, представители группы с высоким уровнем коммуникативных навыков проявляют большую, нежели представители других социоментальных групп, заинтересованность в актуальных проблемах, стоящих перед страной, причем не только могут их назвать, но и имеют собственную точку зрения о степени их актуальности и приоритетности. Так, при изучении «картин мира» студентов Москвы и Подмоскovie (2012 г.) одной из изучаемых характеристик были их социальные представления об актуальных проблемах страны (предлагалось назвать не менее пяти наиболее значимых проблем и ранжировать их).

Знание социально значимых проблем, заинтересованность в их скорейшем решении оказались наиболее выраженными у представителей группы *адекватного восприятия*. Первую строку с таким заданием-просьбой заполнили 100 % представителей группы адекватного восприятия, 94 % группы частично адекватного восприятия и 87 % — представителей группы неадекватного восприятия. Вторую строку заполнили 95 % представителей группы адекватного восприятия, 89 % группы частично адекватного восприятия и 75 % группы неадекватного восприятия. Третью строку — 93 % представителей группы адекватного восприятия, 70 % группы частично адекватного восприятия и 60 % группы неадекватного восприятия. Четвертую — 51 % представителей группы адекватного восприятия, 39 % группы частично адекватного восприятия и 31 % группы неадекватного восприятия. Пятую — 21 % представителей группы адекватного восприятия, 20 % группы частично адекватного восприятия и всего 12 % группы неадекватного восприятия [1].

Очевидно, что важной проблемой современной России является недостаточная развитость коммуникативных навыков современной молодежи, поскольку социокультурная среда не ориентирована на развитие коммуникативных навыков. Для оптимизации указанных процессов необходимы инициированные либо поддержанные властью мероприятия по развитию коммуникативных навыков граждан, и не только детей и молодежи, но и взрослых людей, что позволит создать эффективное диалогическое коммуникативное пространство взаимодействия власти и общества.

Список литературы

Адамьянц Т. З. Инновационные методы и подходы в социальном прогнозировании и социальном проектировании [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-metody-i-podhody-v-sotsialnom-prognozirovanii-i-sotsialnom-proektirovanii> (дата обращения: 29.02.2016).

Информация об авторе

Карпенко Екатерина Викторовна, к. с. н., доцент кафедры общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин РАНХиГС при Президенте РФ — Брянский филиал, Брянск, Россия, ekakarpenko@yandex.ru, kev@br.ranepa.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ

В. О. Киселев, К. А. Платонов

*Институт социологии РАН, Москва; Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Экологические программы представляют собой репрезентацию установок и взглядов их лидеров на сложную тему, которой, возможно, не всегда в должной степени уделяет внимание действующая федеральная и региональная власть. В отношении к экологии раскрываются глубинные ориентации на ценности социального и правового государства, информационного равенства, совершенствования гражданской и правовой культуры населения. Экологические программы могут выступать действенным инструментом для формирования институционального политического доверия в условиях достаточно развитой экологической культуры электората.

Ключевые слова: политические партии, институциональное доверие, экологические программы

Доверие является одним из базовых факторов для нормального функционирования многих общественных институтов. Симптомы его возможного снижения проявляются во множестве сфер и нередко оказывают решающее значение в системе влияний на ход событий. На арене политической борьбы доверие оказывается существенным стратегическим и тактическим ресурсом, способным формировать различные представления о той или иной фигуре, группе лиц или организации. Конкретные институциональные формы, к примеру, партии, транслируют интегральные позиции по большинству острых проблем.

Важнейшими свойствами доверия, рассматриваемого в данной системе отношений, являются его инструментальный характер и конструируемость. Под первым понимается отсутствие представления о доверии как о чем-то самоценном: оно практически всегда связано с конкретными целями, для достижения которых поставлены строгие требования, а в ряде случаев и сроки. Инструментальный характер предполагает возможность формирования доверия посредством конкретного комплекса мероприятий, связанных с PR и политтехнологиями. Уровень доверия к любой политической партии достаточно динамичен и подлежит постоянному мониторингу, однако основным критерием достижения достаточного уровня подобных показателей является, прежде всего, результат на выборах.

Конструируемость предполагает символический характер доверия, которое можно создавать посредством различных рычагов давления и вложения ресурсов в определенные мероприятия. Реальная политическая активность партий сама по себе совершенно неочевидна для большинства потенциальных избирателей. Уровень доверия часто коррелирует с качеством взаимодействия с прессой и освещения событий, в которых задействована партия, кроме того, спецификой подхода к организации предвыборной кампании.

Среди основных способов повышения институционального доверия к партиям различные политологи приводят порой диаметрально противоположные способы. Среди рычагов подобного плана наиболее очевидны прозрачность финансирования, повышение объективности результатов выборов, развитие профессиональных компетенций членов партий и многое другое. Очевидна тенденция пониженного доверия к политическим партиям как институту политической власти в целом практически с самого начала их существования в современной России.

В 1990-х экологическая тематика на арене политической борьбы стала исключительно популярной, породив сразу несколько разнонаправленных движений, а затем и партий. Сегодня сила этих партий иссякает, однако, проблематика остается востребованной, поэтому на данный момент раздел об окружающей среде и ее защите присутствует в уставах и программах многих партий.

Экологическая тематика может занимать различную удельную долю в общем массиве программных тезисов каждой конкретной партии. Помимо прагматической цели эксплуатации экологической тематики, могут проследиваться и принципиально иные цели, например, отстаивание интересов определенной социальной группы, косвенно тяготеющей к экозащитным тенденциям, что нередко связано с местной конъюнктурой.

Эксперт в сфере социальной экологии О. Н. Яницкий отмечает, что в настоящий момент экологическое движение в России ослабло относительно 1980—90-х гг., потеряло способность к воспроизводству тематической повестки дня и несколько выпало из сетевых междисциплинарных международных ассоциаций, сформированных вокруг наиболее важных экологических проблем [3, с. 11—33].

Экологические программы партий соответственно традиционно формируются как ответ на реальные острые проблемы. Менее эффективно формировать их на основе проблем искусственно конструируемых, поскольку критика противников в этом случае будет сопряжена с определенными репутационными рисками. Стилистика программы предполагает универсализацию и когнитивную простоту.

Разнообразие природного и антропогенного ландшафта и неравномерность возникающих локальных кризисов в реалиях современной России

усложняют возможность создания целостного с идеологической точки зрения манифеста. Поэтому проблемы, затрагиваемые в программах, носят обобщенный характер, для России наиболее важные из них хорошо известны: загрязнение воды, воздуха и почвы, размещение и утилизация ТБО в городах, экологически обусловленная заболеваемость и др. [2].

В 2011 г. сотрудники WWF-России провели содержательный анализ экологических программ партий [4]. Специалисты фонда обеспокоены отсутствием упоминаний об экологии в программе партии «Единая Россия». Всего 2 раза появляется экологическая проблематика у КПРФ. Совершенно противоположная ситуация у партий ЛДПР и «Справедливая Россия»: в их программных текстах экологическая проблематика поднимается по 9 раз, немного отстает «Яблоко» — 6 раз. Базовые задачи у каждой партии индивидуальные. У ЛДПР это, прежде всего, «зеленая» индустриализация и поддержка энергосберегающих технологий, у СР — совершенствование законодательных норм и экологического контроля, у «Яблока» — развитие экологической экспертизы и создание экономических стимулов «зеленой» экономики. Преимущества «Справедливой России» и ЛДПР здесь проявляются в конкретных кейсах: Химкинского леса, Краснодарского края в период Олимпиады, Байкальского ЦБК. «Яблоко» поддерживает идею экономичности использования ресурсов, дополняя ее квотами на вредные производства, а также делает акцент на экологизации повестки.

Е. В. Матвеева отмечает существенные изменения в структуре ценностных ориентаций партий в 2000-х гг., когда относительно 1980—90-х гг. интерес к экологической политике постепенно угасает [1]. И здесь автор (что пересекается с выводами WWF), заявляет о том, что самая подробная экологическая программа представлена у партии «Справедливая Россия», что во многом связано с наличием в ней значительного числа бывших членов «Партии зеленых». Только у этой партии данный элемент программы имеет в строгом смысле комплексный последовательный характер, включает в себя перечень конкретных мер по развитию законодательства и системы государственного управления в сфере защиты природы, обоснование необходимости присоединения к ряду международных конвенций, положения об основных ступенях мониторинга экологических рисков.

С возвращением интереса к экологическим проблемам акцент на этой тематике среди прочих может стать конкурентным преимуществом программы. Каждая партия находит свой уникальный подход к аргументации в пользу решения экологических проблем, ориентируясь на электоральную базу и комплекс идейно-политических ценностей. Партия как институт консолидации электората выступает одним из гарантов экологической

безопасности и устойчивого развития. Программы выступают манифестами декларируемых гарантий партий как организаций совместной деятельности и коллективных форм удовлетворения потребностей посредством функционального взаимодействия и продвижения властных интересов.

Список литературы

1. *Матвеева Е. В.* Проблема глобального изменения климата и ее отражение в программах российских политических партий // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. Том 4.
2. *Яблоков А. В.* «Зеленое» движение и экологические проблемы России // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 2.
3. *Яницкий О. Н.* Профессиональные экологические ассоциации: что они производят? // Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера : коллективная монография / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : ИС РАН; РОС, 2014.
4. *WWF.* Экология в предвыборных программах партий — краткий анализ WWF [Электронный ресурс]. 29 ноября 2011. URL: <http://www.wwf.ru/resources/news/article/8969>.

Информация об авторах

Киселев Вадим Олегович, менеджер Управления социально-политических исследований ВЦИОМ, аспирант Института социологии РАН, Москва, Россия, kiselev@wciom.com

Платонов Константин Аркадьевич, ведущий специалист отдела организации дистанционного обучения НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет управления и экономики», аспирант Факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, pltnv@list.ru

ДОВЕРИЕ ГРАЖДАН КАК ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Е. А. Литвинцева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Судя по данным экспертного опроса, проведенного сотрудниками научной лаборатории ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ в июне–августе 2015 г., общий уровень доверия населения к государственным служащим в России недостаточно высок, что говорит о проблемности ситуации в области государственного управления и необходимости установления действенного и эффективного взаимодействия между государственными служащими и гражданами. Уровень общественного доверия определяется не только эффективностью и качеством работы государственных служащих, но и тем личностными качествами государственных служащих, тем, насколько служебное поведение гражданских служащих отвечает требованию принципам гуманизма, законности, общественного служения.

Ключевые слова: общественное согласие, доверие, государственные служащие

В социологической науке интерес к доверию как особой форме отношений между индивидами и социальными группами во многом был связан с отходом от институционально-структуралистской методологии и перенесением познавательной установки на особые социальные объекты — культуру, ментальность, ценности. С середины XX в. в социологической науке обостряется интерес к этическим критериям деятельности, происходит поиск определенных нравственных ценностей, норм, правил поведения, которыми руководствуются люди в своих социальных взаимодействиях.

Особенность современной социологии заключается, в частности, в том, что изучая причины и последствия социальных взаимодействий, она акцентирует внимание на усложнении социальной среды и рисковенности современной социальной реальности. В период крупных социальных реформ, глобальных изменений в образе жизни современного человека, нарастании кризиса в общественном развитии обостряется внимание социологического знания к тем аспектам социальных взаимодействий, которые связаны с культурой, нравственностью, моралью, доверием. Как отмечал Н. Луман, «...образец дискурса современного

общества, его «незавершенный проект», по определению Ю. Хабермаса, использует гуманистические рамки. При более близком рассмотрении проект «современного общества» обнаруживает парадоксальное лицо: свобода и равенство, самореализация и солидарность» [1].

Социология превращается в средство самопознания общества и человека, исследуя социальные проблемы ключевого значения. Отсюда возникает важность изучения таких «субъективных» познавательных средств, как понимание, эмпатия, здравый смысл. Социальная реальность отличается «большей степенью свободы, неопределенности и изменчивости, чем реальность; это всегда область человеческого выбора между различными альтернативами развития» [2]. В данном контексте доверие выступает как особая форма проявления социальной реальности и человеческого существования, как результат совместного сосуществования индивидов и социальных групп, как основа общественного согласия.

Общественное доверие является ключевой характеристикой российского социума, которая проявляется как на межличностном уровне, так и на уровне социальном, включая доверие к общественным институтам и государству в целом. Повышение уровня общественного доверия к деятельности государственных гражданских служащих является одной из приоритетных задач модернизации государственного управления в России. Доверие к гражданским служащим представляет собой совокупный показатель их моральных и профессиональных качеств, подкрепленных верой граждан в профессионализм, добросовестность, искренность, честность, компетентность [3]. Общий уровень доверия граждан определяется именно тем, в какой мере государственные органы и государственные служащие соответствуют общественным ожиданиям и надеждам, несут ли они гражданскую ответственность перед каждым человеком и обществом в целом.

Как показывают данные экспертного опроса*, общий уровень доверия населения к государственным служащим недостаточно высок: только 6,21% экспертов отмечают уровень доверия как «высокий», 9,6% — как «скорее высокий». Больше половины экспертов (55,9%) в вариантах ответа на вопрос «Как Вы оцениваете уровень доверия населения к государственным гражданским служащим?» выбрало позицию «средний уровень», а каждый пятый (22,6%) отметил, что уровень доверия является «скорее низким».

* Экспертный опрос был проведен сотрудниками научной лаборатории ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ в июне—августе 2015 г. Всего опрошено 177 представителей органов государственной власти и управления, местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций государственного и негосударственного секторов экономики, науки, культуры, образования, общественных организаций.

Данная экспертная оценка уровня доверия населения не может нестораживать. Эксперты из числа работников предприятий и организаций государственного и негосударственного сектора экономики, науки, культуры, образования, общественных организаций, а также представителей органов государственной власти и управления дают довольно низкую оценку общественного доверия. Это говорит об общей проблемности ситуации в области государственного управления и необходимости установления действенного и эффективного взаимодействия между государственными служащими и гражданами.

Категория «доверия» включает в себя ценностные доминанты деятельности государственных служащих, в нем закреплены важнейшие требования и общественные ожидания к личности государственного служащего и его профессиональным качествам. Анализ ответов на вопрос «С чем Вы связываете доверие к государственным служащим?» дает возможность сформулировать социальные установки и общественные ожидания граждан в отношении деятельности государственных служащих. Для опрошенных экспертов определяющими для оценки доверия являются, прежде всего, «бескорыстие и неподкупность государственных служащих» (20,34 % экспертов отметили данный вариант), «вера в порядочность государственных служащих, в их нравственность и высокие моральные качества» (17,51 %).

Меры гражданского контроля эффективны, прежде всего, для противодействия коррупционным нарушениям. Размывание нравственных принципов, подмена государственного интереса личным либо групповым интересом, несовершенство правовой основы регулирования антикоррупционного поведения гражданских служащих являются питательной средой для развития девиаций служебного поведения. Социальные последствия подобных девиаций представляют опасность не только для института государственной службы, они разрушают нравственные ориентиры, влияют на моральный облик государственного служащего, когда работа в государственных органах рассматривается как разновидность бизнеса, и отражаются на уровне общественного доверия в целом.

Как показывают данные экспертного опроса, граждане, в целом, «открыто осуждают» государственных служащих, замеченных в коррупционных связях либо берущих взятки. Такое мнение высказывают свыше половины экспертов — 50,28 %, а 36,72 % респондентов относятся к данным негативным явлениям «с молчаливой неприязнью». Т.е. абсолютное большинство экспертов — 87,0 % — осуждают все виды коррупционных нарушений. «Безразлично» относятся только 7,91 % экспертов. Это очень тревожные показатели, так как они показывают ситуацию «изнутри». Следует также заметить, что среди экспертов были представители го-

сударственных органов, в том числе работники правоохранительных органов. Столь высокие оценки уровня коррупции со стороны самих государственных служащих являются весьма показательными.

Важно подчеркнуть, что, являясь инструментом реализации политики государства и его обязательств перед обществом, и, таким образом, выполняя миссию общественного служения, государственные служащие должны отвечать требованиям и социальным ожиданиям граждан. Уровень общественного доверия определяется не только эффективностью и качеством работы государственных служащих, но и тем личностными качествами государственных служащих, тем, насколько служебное поведение гражданских служащих отвечает требованию принципам гуманизма, законности, общественного служения.

Список литературы

1. *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: основные направления исследования. М. : РУСАКИ, 1999. С. 131.
2. *Гофман А. Б.* Семь лекций по истории социологии. М. : Изд-во «Книжный дом «Университет», 1999. С. 11.
3. *Литвинцева Е. А.* Институциональные основания государственной гражданской службы // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2.

Информация об авторе

Литвинцева Елена Ананьевна, д. с. н., доцент, директор Научно-исследовательского центра государственной службы и управления Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, ea-litvintseva@migsu.ru

ПРИНЦИП «ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ» В ТЕЛЕФОННОМ ИНТЕРВЬЮ

А. Ю. Мягков

Ивановский государственный энергетический университет, Иваново, Россия

Аннотация. Любое опросное исследование должно базироваться на трех основных принципах, включающих право респондентов (информантов, испытуемых) на частную жизнь, конфиденциальность и информированное согласие. Принцип «информированного согласия» устанавливает определенные обязательства социологов (юридические и этические) по отношению к респондентам. Он исходит из того, что потенциальные участники предпринимаемого опроса должны быть хорошо осведомлены о его предмете и цели проведения.

Ключевые слова: телефонное интервью, информированное согласие, информанты, конфиденциальность

«Информированное согласие» необходимо для того, чтобы каждый опрашиваемый смог оценить возможные риски и неприятные последствия своего участия в исследовании. «Предполагается, — пишут по этому поводу С. Садмен и Н. Брэдберн, — что если человека просят рассказать что-нибудь о себе, он способен адекватно ответить только тогда, когда осознает, к чему это может привести. <...> Понятие риска становится решающим при обсуждении процедур, направленных на установление „информированного согласия“» [1, с. 22].

Исследователю важно получить у респондентов согласие (устное или письменное) на проведение интервью, а также проинформировать их об условиях соблюдения конфиденциальности и обстоятельствах, при которых ее, возможно, придется нарушить.

Согласие опрашиваемых, таким образом, всегда должно быть информированным. Это означает, как минимум, что будущие респонденты должны быть осведомлены о следующих характеристиках предстоящего интервью [2, р. 60; 4]:

- о его цели и основных процедурах;
- о причинах выбора именно данного человека для участия в опросе;
- о длительности интервью;
- о характере личной информации, которую нужно будет сообщить респонденту в ходе опроса;
- о способах фиксации, хранения и использования сообщаемых сведений;

- о возможных рисках и, в частности, о чувствах смущения или психологического дискомфорта, которые могут возникнуть в связи с особой деликатностью некоторых вопросов и тем;
- о потенциальных выгодах от участия в опросе;
- об источниках финансирования исследования;
- об отсутствии каких-либо санкций за отказ от опроса;
- о методах обеспечения анонимности респондентов;
- о границах конфиденциальности и др.

Если интервью будет записываться на магнитофон, то следует объяснить опрашиваемым, зачем это необходимо [8, р. 38—39]. Кроме того, важно проинформировать респондентов о том, что их участие в опросе — добровольное, и они могут в любой момент прервать интервью или отказаться отвечать на вопросы, кажущиеся им слишком личными или бесцеремонными.

Принцип «информированного согласия» предполагает также, что интервьюер должен обязательно представиться, назвать исследовательскую организацию, проводящую опрос, спонсоров исследования или источники его финансирования, объяснить респонденту, каким образом он был отобран, и ответить на все возникшие у него вопросы относительно будущего интервью [2, р. 60].

В западной, и в частности, американской исследовательской практике от социологов обычно требуется получение *письменного согласия* респондентов на участие в исследовании [3, 9]. Однако это требование, вполне реализуемое в прямых (очных) формах опросов, становится крайне проблематичным в интервью, проводимых по телефону [10, р. 311]. Как справедливо отмечают исследователи, уже тот факт, что респондент не прервал коммуникацию, а довел интервью до конца, несомненно, свидетельствует о его добровольном согласии участвовать в исследовании [2, р. 61]. Требование подписать бланк не только приводит к утрате раппорта, но и вызывает подозрение относительно исследования в целом. Люди, особенно в сенситивных опросах, вообще, крайне редко ставят подписи под какими-либо формами, полагая, что подписывая документ, они тем самым официально заверяют достоверность своих ответов [2, р. 61].

Э. Сингер в предпринятом ею специальном эксперименте (1978) убедительно показала, что предоставление респондентам развернутой информации о предстоящем исследовании почти не повлияло ни на общий уровень отвечаемости, ни на число пропусков в ответах на конкретные вопросы исследователей. Однако просьба о письменном согласии участвовать в телефонном интервью снизила общее число полученных ответов на 7 % [5]. По ее же более поздним данным (2003), 13 % из числа

согласившихся на участие в опросе отказались подтвердить свое согласие документально [6, р. 280; 7, р. 2]. Требование подписи, по мнению Э. Сингер, отнюдь не защищает права респондентов; напротив, оно разрушает их желание участвовать в интервью [6, р. 282]. Поэтому, как справедливо замечают С. Садмен и Н. Брэдберн, в большинстве социологических опросов «проблема заключается не в информированном согласии, а в „неинформированном отказе“» [1, с. 24].

«Информированное согласие» — не только обязательный этический принцип любого опросного исследования, но и важное психологическое средство повышения субъективной анонимности респондентов. Его соблюдение призвано:

- обеспечить уважительное отношение к респонденту и его праву осуществлять свободный выбор и контролировать исследовательские процедуры;
- минимизировать возможность морального и психологического ущерба, который может быть причинен в результате недобросовестно проведенного исследования;
- создать условия, способствующие повышению ответственности полевого персонала и исследователей за моральное благополучие участников опроса.

Принцип «информированного согласия» следует воспринимать как обязательную и необходимую норму предварительного общения социолога с респондентом.

Список литературы

1. Садмен С. Как правильно задавать вопросы : Введение в проектирование опросного инструмента / С. Садмен, Н. Брэдберн ; пер. с англ. А. А. Виночкиной ; науч. ред. перевода Д. М. Рогозин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
2. De Vaus D. A. Surveys in Social Research. 5-th ed. Canberra : Allen&Unwin, 2002.
3. Example Informed Consent Document for Conducting Interviews. P. 1—3. URL: <http://Example-Informed-Consent-Document-Conducting%20Interviews.pdf>.
4. Informed Consent Form. URL: http://firststepp.me/wp-content/uploads/2015/02/Adult_Informed_Consent_Form-Walter-Stepp-9-8-2014.pdf.
5. Singer E. «Informed consent» : Consequences for response rate and response quality in social surveys // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. № 1. P. 144—162.
6. Singer E. Exploring the meaning of consent: Participation in research and beliefs about risks and benefits // Journal of Official Statistics. 2003. Vol. 19. № 3. P. 273—285.

7. *Singer E.* Risk, benefit, and informed consent in survey research // *Survey Research*. 2004. Vol. 35. № 2—3. P. 1—6.
8. *Smith E.* Telephone interviewing in healthcare research : A summary of the evidence // *Nurse Researcher*. 2005. Vol. 12. № 3. P. 32—41.
9. *Standard adult consent form with recording.* URL: http://Adult-Consent-with-Recording-_3_2014_afd.doc.
10. *Weisberg H. F.* *The Total Survey Error Approach : A Guide to the New Science of Survey Research.* Chicago : Univ. of Chicago press, 2005.

Информация об авторе

Мягков Александр Юрьевич, д. с. н., профессор кафедры «Связи с общественностью и массовые коммуникации» Ивановского государственного энергетического университета, Иваново, Россия, myagkov@rambler.ru

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ

С. С. Новикова

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Аннотация. Изменение социальной реальности обуславливает переход к новой системе социального управления, предполагающей принятие решений на основе научного анализа и верифицированных данных, а также необходимость использования современных методов научного изучения социума и включения научного знания в систему управления общества. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что эта задача пока не решена.

Ключевые слова: социальное управление, социальная политика, система управления, научное знание

В настоящее время наряду с ростом значимости технологий т. н. «шестого уклада» возрастает роль новых социальных технологий — организационных, коммуникативных, управленческих и других. На первое место в развитии экономики и общества выходит человеческий потенциал, человеческое развитие, научные знания, и главным объектом управления становится **социальная сфера**. Парадигмальная доминанта научного познания социума переходит от естественно-исторического подхода к социально-историческому и далее — к социокультурному.

Изменение социальной реальности обуславливает потребность в **новой системе социального управления**, предполагающей принятие социально значимых решений на основе комплексного научного анализа и верифицированных, зачастую математически обоснованных измерений и расчетов. «В этом случае, — как пишет академик Г. В. Осипов, — важную роль должна сыграть социология. К великому сожалению, российская социология сегодня все еще занимает неподобающее ей место в системе научных знаний об обществе. Произошло умаление места и роли социологии усилиями государственных институтов. Этим в значительной степени объясняется глубина кризиса, постигшего нашу страну. Если научное знание не вовлечено в систему властных отношений, то властные структуры управляют обществом на основе социальной мифологии» [1, с. 569].

Новая система социального управления предполагает эволюционное смещение приоритетов с материально-технической сферы в сторону человеческого развития, связанного со сферами образования здравоохранения, культуры и социальной поддержки.

В обществе знания человек рассматривается не как преимущественно социальное существо («совокупность всех общественных отношений»), а как феномен, который проявляется во взаимодействии органически-телесного и духовно-нравственного измерений, и эта связь всегда социально опосредована (обусловлена).

Этот подход предполагает перераспределение полномочий между различными уровнями государственной власти и местного самоуправления, между государством и гражданским обществом.

В современной России происходят коренные изменения в социальной политике, касающиеся основ образа жизни и уклада хозяйствования основных социальных групп. На смену государственному социальному обеспечению и системе государственного здравоохранения в начале XXI в. пришел новый способ формирования выплат. «В стране на протяжении последних двадцати пяти лет происходило создание страховых пенсионных институтов, обязательного и добровольного медицинского страхования, однако формирование их страховых механизмов все еще не завершено и находится на стадии становления» [2, с. 30].

Что касается масштабных социальных расходов государства, то, вопреки навязываемым мифам, они не тормозят экономический рост, а обеспечивают его. Разумеется, социальные расходы государства становятся экономическими инвестициями при надлежащей организации работы социальной сферы и строгой персональной ответственности за целевым использованием бюджетных средств.

Неразвитость гражданских форм выражения общественных интересов и дефицит демократических институтов пока не позволили выдвинуть на политическую повестку дня альтернативные проекты новой социальной политики, отвечающие вызовам социальной ситуации. Основу экономического механизма успешных социальных государств составляют массовый платежеспособный спрос, на создание которого направлена политика доходов, и динамично развивающийся производительный сектор экономики с опорой на науку и образование. Это достигается переносом налогового бремени с предприятий на индивидов и домохозяйства (и, прежде всего, на высокодоходные группы населения) посредством взимания по прогрессивной шкале налогов на доходы, имущество, наследование и дарение, а также взимания налога на роскошь. В России фактическая налоговая нагрузка двух беднейших доходных групп населения вдвое выше, чем двух наиболее богатых групп [3, с. 45—46].

Требуемый переход к новой системе социального управления объективно обуславливает необходимость использования современных методов научного изучения социума и включения научного знания в систему

управления общества. Однако, многочисленные примеры и научные исследования говорят о том, что эта задача пока не решена.

Список литературы

1. *Осипов Г. В.* Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М. : НОРМА, 2007.
2. *Роик В. Д.* Пенсионное страхование в XXI веке // Народонаселение. 2015. № 2. С. 28—38.
3. *Шевяков А. Ю.* Мифы и реалии социальной политики. М., 2011.

Информация об авторе:

Новикова Светлана Сергеевна, д. с. н., профессор кафедры социологии РГСУ, Москва, Россия, s_novikova60@mail.ru

ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. Г. Передня

Академия управления МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Как известно, функцией отдельного социального феномена является его вклад в совокупную социальную жизнь. Представим интерпретацию управленческой культуры через ее функциональное описание, которое будет носить онтологический характер. Рассмотрим проявление вонне свойства нашего объекта исследования в системе отношений какой-либо социальной организации или профессиональной группы.

Ключевые слова: управленческая культура, социальное взаимодействие, культура управления, организационная система

С одной стороны, управление — рациональный способ достижения как можно большего положительного эффекта при минимальной затрате ресурсов, усилий и времени. С другой, управление представляет собой искусство направлять усилия людей к нужной не им, а организации, цели таким образом, чтобы они не почувствовали никакого принуждения [2]. Применительно к управленческой культуре мы будем понимать управление как форму социального взаимодействия.

В основу понимания культуры вообще и управленческой культуры в частности могут закладываться разные научные подходы. Применительно к нашей теме следует обратить внимание на такой аспект понимания культуры, который предложил Э.С. Маркарян. Он выделяет в обществе две стороны: социальную и культурную [3]. Соотношение между обществом и культурой выступает как соотношение не целого и части, а целого и его качества [5].

Управленческая культура может рассматриваться как мера гуманизации организации. При таком подходе акцент делается на сфере воспитания индивидов, наличии четких ценностных ориентиров. В современном обществе наблюдается разброс ценностей, целей, мировоззрений, жизненных смыслов у индивидов, которые принадлежат к разным поколениям, национальностям, местам проживания, семейным статусам и т. п. Представляется правомерным полагать, что имеют место существенные ценностные расхождения между членами организации. В связи с этим сформулируем понятие «управленческая культура» исходя из дезаксиологического подхода. В этом случае управленческая культура — это способ управленческой деятельности, определяющий социальные отношения в рамках управленческого процесса, детерми-

нированный на индивидуальными (организационными, групповыми) факторами.

В этом случае при понимании культуры во всех ее проявлениях считается неправомерно наделять ее лишь положительными свойствами. Она может проявляться в положительном ключе, но может быть средством поддержания невежества, дезинформации, предубеждений, фанатизма [1]. Управленческая культура при этом рассматривается как сложное, противоречивое явление, исследуя которое необходимо выделять присущие ей свойства, функции, а не ценностные установки или ориентиры.

Нельзя смешивать понятия «управленческая культура» и «культура управления». Культура управления — существующий на индивидуальном когнитивном уровне этикет, основанный на управленческих знаниях, навыках, умениях руководителя (управленца), потенциально способный осуществиться в управленческой деятельности.

Управленческая культура в организации — это преобладающий способ управленческой деятельности внутри организационной системы, состоящий в преобразовании и подчинении объектов управления целям субъектов управления, детерминированный общекультурными факторами и факторами организационной среды. Реальный процесс управления, осуществляемый изо дня в день в какой-либо организации с помощью набора актуальных для текущего момента способов взаимодействий, и будет управленческой культурой. Какова функциональность именно таких способов взаимодействий, в этом и состоит основной интерес.

Теперь, когда обеспечена терминологическая ясность, уместно описать наблюдаемые объективные следствия, вызванные существованием управленческой культуры. Эти следствия в социологии принято называть функциями [4]. Посмотреть на управленческую культуру с точки зрения ее функций — это значит рассмотреть ее с точки зрения того, какой вклад она вносит в сохранение структурной преемственности той или иной организации. Перечислим основные функции управленческой культуры и кратко охарактеризуем:

1. Компенсаторная функция. Позволяет ликвидировать пробелы, несоответствия, противоречия управления, зафиксированного на формальном уровне. Как бы в организации все четко не было регламентировано, сложность социальной среды, ее динамичность приводят к рассогласованиям между нормативно оформленным порядком управления и реальными надобностями по организации социальных взаимодействий. В результате все части системы работают совместно с достаточной гармоничностью, внутренней согласованностью.
2. Креативная функция. Она близка к компенсаторной, как бы истекает из нее. Еще нет каких-либо управленческих приемов,

техник, методов, они еще не изложены в инструкциях и приказах, не до конца осмыслены представителями ученого сообщества, но они используются в ходе управленческой деятельности как приспособительная реакция на особенности социальной среды. Сюда же можно отнести все преобразования, новшества, нетрадиционные подходы к управлению, например, учитывающие поколенческую, гендерную, этническую и др. специфику персонала. Креативная функция также связана с инициативным началом управленческой деятельности.

3. Функция облегчения социализации. Применительно к нашему предмету исследования речь идет о вторичной социализации членов организации. Участники управленческого процесса, оказываясь в окружении той или иной управленческой культуры, имеют возможность легче адаптироваться к новой должности в новом трудовом коллективе. Легче самоидентифицироваться в своих статусных позициях, освоить организационную структуру предприятия, привыкнуть к специфике отношений субординации, режима, условиям выполнения обязанностей и пр. В отсутствие управленческой культуры процесс социализации протекал бы гораздо сложнее.
4. Защитная функция. Эта функция позволяет накапливать положительный опыт управления, создавать определенную инертность отношений в отдельных подразделениях организации и во всей организационной системе в целом. Такая инертность, в случае резких трансформаций, вызванных внешними факторами, позволяет сохранять управляемость, устойчивость, способность работать по предназначению.
5. Нормативная функция проявляется в том, что именно культура ответственна за создание норм, стандартов, правил поведения людей, участников управленческого процесса. Нормы могут иметь разные формы: обычаи, традиции, приказы, постановления, законы, этикет, манеры, нравы; их используют, ими руководствуются как начальники, так и подчиненные. В итоге уменьшается управленческая неопределенность т.к. культура делает действия участников управленческого процесса предсказуемыми на практическом, неформальном уровне.
6. Коммуникативная функция — передача информации от тех, кто вовлечен в управленческий процесс, тем, кто находится вне его. Наблюдая, как происходит взаимодействие внутри организации, индивиды, находящиеся за пределами организации, получают сообщения, на основании которых делают выводы о характере отношений в этой организации, ее состоянии и т. д.

7. Сигнификативная функция. Это функция определения значений и ценностей в исследуемой области управления. Благодаря управленческой культуре, члены организации различают степень важности предметов, действий, результатов. Получают возможность, не всегда осознанно, ранжировать явления, события, расставлять приоритеты. В результате все, что происходит, например, на предприятии, становится для работников осмысленным, интегрированным в их картину мира.
8. Релаксационная функция, когда выполняется задача релаксации, т. е. расслабления людей, как в физическом, так и психическом смыслах. Для этого используются разные средства: ритуалы, увеселения, церемонии, праздники, туризм (выезды на природу) и др. Например, распространенная традиция отмечать («проставляться») случай повышения по должности или присвоения очередного звания (специального, воинского, ученого и др.). Ожидания коллектива, неформальные традиции, ритуалы, в большинстве случаев, вынуждают руководителей идти на это. При этом они как бы становятся управляемыми, вынуждены подчиняться коллективной воле.
9. Стратификационная функция. Ее действие проявляется в разделении членов коллектива на тех, кто усвоил нормы и правила управленческой деятельности, и тех, кто их пока еще не усвоил, не разделяет их. Речь идет о регулирующей отношении деятельности, которая воспринимается коллективом как адекватная, удовлетворяющая всех, привычная. Про такого сотрудника говорят, что он опытный руководитель, и пока у кого-либо опыта будет недостаточно, его нахождение на руководящей работе будет не в полной мере легитимно. Эта функция проявляется еще в том, что коллектив дифференцируется на управленцев (руководителей) и остальных. Обнаруживается феномен «мы» и «они», формируются условия для статусно-ролевой идентификации, символическое оформление социальных положений начальников и подчиненных.

В целом управленческая культура функциональна, т. е. играет прагматическую роль по отношению к целому. Функции управленческой культуры в организационной системе обеспечивают предсказуемость, единообразие, стабильность результатов действий по исполнению предназначения системы в реальных, а не идеализированных условиях жизнедеятельности.

Список литературы

1. Веселова Н. Г. Социальное управление и элементы его культуры. М., 2002.

2. *Кравченко А. И., Тюрина И. О.* Социология управления: фундаментальный курс. М., 2006.
3. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
4. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
5. *Передня Д. Г.* Социология духовной жизни. М., 2008.

Информация об авторе:

Передня Дмитрий Григорьевич, доцент, к. с. н., доцент кафедры теории и социологии управления органами внутренних дел Академии управления МВД России, Москва, Россия, 2975829@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

И. А. Поплавская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Специфика социального портрета работающих и не работающих женщин, во многом, складывается из комплекса факторов, относящихся к системе социогендерных отношений. В рамках настоящих тезисов проанализированы результаты мониторинга общественного мнения, проведенного Социологической группой ИГСУ РАНХиГС для выяснения направлений и содержания происходящих изменений в обществе. В том числе, выявлено, как социальная трансформация российского общества отразилась на положении женщин и на их социально-политической активности.

Ключевые слова: женщины, социально-политическая активность, государственное управление, социогендерные отношения

Результаты исследований, которые проводились Социологической группой ИГСУ РАНХиГС (руководитель Магомедов К. О.) по сопоставимой методике в 2007, 2009, 2012 и 2015 гг. в 18 субъектах РФ (опрошено по 1220 респондентов), позволяют сравнить отношение женщин к различным социальным практикам и выявить произошедшие ценностно-мотивационные изменения.

Как показали результаты начала исследования, ориентации на социально-политическую активность занимали не самое последнее место в ценностном сознании женщин. Что лежало в основе ориентаций женщин на участие в общественно-политической деятельности?

В 2007 г. респондентки отмечали следующее: стремление влиять на положение дел в коллективе — 19,6%; желание повысить свой авторитет — 19,3%; стремление продвинуться по службе, повысить зарплату — 15,4%; стремление получить дополнительные льготы, жилье — 11,9%; стремление получить новые знания, развить свои способности — 4,5%.

Результаты исследования 2009—2012 гг. уже показывают сдвиг в ориентациях женщин на социально-политическую активность. Увеличилась доля женщин, не занимающихся никакими социальными практиками — 67,1% опрошенных. В то же время увеличилась доля тех, кто пытается через социально-политическую активность реализовать себя, кто желает попробовать свои возможности, участвуя в различных выборных кампаниях. Подобное вовлечение в организационную жизнь способствовало

формированию у женщин, от природы активных и инициативных, личной ориентации на любую социальную деятельность.

В настоящее время, как показывают опросы в рамках того же исследования, женщины, как и мужчины, понимают под социально-политической деятельностью ту деятельность, которая предполагает достижение определенной власти. Власть связана с престижем, реализацией определенных потребностей в повышении статуса, обеспечении карьеры. Вместе с тем, в 2012 г. женщины более остро воспринимают проблему сочетания социальной активности и семейных обязанностей. Для них прошло то время, когда можно подменять профессиональные обязанности общественными: только 9,2% опрошенных считают, что семья оставляет достаточно времени для общественной работы; у 7,7% семья понимает их стремление проявить себя в социально-политической сфере; 9,5% признают, что для них на первом плане оказывается социально-политическая активность. Таким образом, при общем снижении соответствующих ориентаций появилась группа женщин, для которых эта сфера деятельности стала весьма значимой: для меньшинства общественные занятия стали сферой добровольного выбора и самоценной профессией. Подобное основание для женской общественно-политической активности отличает Россию от западных стран, где соответствующий опыт формируется в рамках феминистского движения, под эгидой достижения женского равноправия. За последние годы женское движение в нашей стране постепенно приобретает аналогичную значимость. Более половины опрошенных (51%) считают женское движение необходимым, около 10% — ненужным, почти 40% затрудняются определить свое отношение к нему. В данном случае позиция во многом зависит от социального положения женщин (табл. 1).

Таблица 1. *Отношение женщин к женскому движению, в зависимости от статуса, %*

Статус	Женское движение необходимо	Женское движение не нужно	Затрудняюсь ответить
Предприниматели	23,0	30,7	46,1
Сфера услуг	33,3	16,6	50,0
Наемные рабочие	35,7	28,5	35,7
Пенсионерки	42,8	0,0	57,1
Студентки	45,4	4,5	50,0
Домохозяйки	50,0	9,0	40,9
Безработные	53,8	0,0	46,1
Служащие госпредприятий	55,0	8,0	36,8

Статус	Женское движение необходимо	Женское движение не нужно	Затрудняюсь ответить
Рабочие госпредприятий	57,8	7,0	35,0
Источник: [1].			

На женское движение ориентированы женщины, преимущественно социально организованные и испытывающие наибольшие материальные трудности (невыплата зарплаты, сокращение рабочих мест, проблемы трудоустройства и т. д.).

Можно предположить, что основной социальной базой развития женского движения становятся менее социально защищенные и материально обеспеченные слои женского социума с достаточно высоким уровнем образования. Следует отметить, что поддерживая женское движение, респондентки не очень понимают его специфику.

В результате социально-экономических и политических трансформаций, происходящих в российском обществе, изменился социально-психологический настрой в женском социуме. Данные исследования свидетельствуют о преобладании чувств, характеризующих отрицательное эмоциональное состояние (59,8%). Положительные чувства (надежду, оптимизм, веру в будущее и т. д.) отметили 39,2%.

Что же вызывает беспокойство женщин? Прежде всего — будущее свое и своих детей (81,9%), затем — будущее страны (71,1%), своего города и области (57,3%). При таком сложном социально-психологическом состоянии значительный удельный вес занимают женщины, не задумывающиеся о будущем своего города и области (32,8%) и страны (20,9%).

Представляется, что заботы о хлебе насущном, о том, как выжить, продержаться, сегодня вытесняют все остальное, в том числе и желание активно участвовать в общественной и политической деятельности.

Результаты исследования демонстрируют, что социальная и политическая деятельность для большинства женщин не являются теми сферами, где они стремятся проявить себя. Они рассматривают ее, с одной стороны, как работу малозначимую, но отнимающую их вне рабочее время, с другой — как дискриминационную сферу. Результаты исследований 2007 г. показали, что ориентации женщин на общественную и политическую деятельность зависели от свободного времени (44,4%), от занятости семейными, домашними делами (16,7%). Кроме того, женщины были разочарованы в общественной работе (14,5%), отмечали отсутствие интересной деятельности (12,9%) и ее малую эффективность (8,8%).

Из ответов респондентов в 2012 г. можно составить представления о причинах, мешающих формированию ценностных ориентаций на дан-

ный вид деятельности: недоверие к женщинам со стороны государства и общества (18,9%), отсутствие продуманной государственной политики (18,7%), мнение женщин о том, что политика — дело мужчин (17,8), отсутствие свободного времени (16,8%), отсутствие желания (13,2%), ущемление прав женщины в обществе (7,1%), затруднились ответить (7,1%).

У части женщин сегодня формируются убеждения, что общественная работа, управление разными сферами экономики, социальной жизнью могут привести к каким-либо положительным изменениям. Другая часть женщин сохраняет традиционное представление о том, что включение женщины в общественную работу не принесет изменений и «фактически оно не нужно». По результатам опроса видно, что большинство признает важность выдвижения женщин на руководящие посты в традиционных, феминистских сферах: женских комитетах, комиссиях — 77,1%, в сфере образования — 76,3%, в сфере культуры — 74,4%.

Уменьшается доля респондентов, поддерживающих выдвижение женщин на руководящие посты в других сферах: в профсоюзах — 65,5%, в местной администрации — 62,6%, в сфере предпринимательства — 54,1%, в правительстве — 53,4%, в дипломатической сфере — 44,2%, в руководстве предприятиями, организациями — 41,9%.

Еще у меньшей части наблюдается ориентация на возможное женское лидерство в партиях, общественных движениях, неформальных объединениях — 40,5%.

Список литературы

Турчинов А. И., Кононенко Т. А., Магомедов К. О. «Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях: социологический анализ»: монография. М.: МАКС-ПРЕСС, 2013.

Информация об авторе:

Поплавская Ирина Анатольевна, к. с. н., доцент, социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, tabirina@live.ru

РОЛЬ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СМИ В ИССЛЕДОВАНИИ КАДРОВОЙ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

И. Н. Рыбакова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Контент-анализ средств массовой информации может выступить, по мнению автора, стержневым методом исследования коррупционных явлений. СМИ привлекают внимание к данной проблематике достаточно активно, представляя доуказательства и повышая осведомленность деятелей системы государственного управления и активных граждан по вопросам, связанным с коррупцией в системе государственного управления.

Ключевые слова: СМИ, контент-анализ, кадровая коррупция, государственное управление

Значение средств массовой информации в жизни современного общества трудно переоценить, именно они являются инструментами, формирующими социальное пространство в современном мире, именно в них зеркально отражается вся динамика событий и явлений, окружающих нас, именно они зачастую становятся площадкой для коммуникации, взаимодействия государства и бизнеса, институтов гражданского общества. С началом кардинальной трансформации российского общества СМИ становятся важным актором в процессе реформирования государственного управления в России.

Одним из основных методов исследования содержания коммуникации является контент-анализ — особый исследовательский «инструмент, использующий различные формализованные процедуры, с тем чтобы выйти на закономерности, основные тенденции организации информационного потока, выяснить намерения коммуникатора при тиражировании этого потока и спрогнозировать возможные реакции аудитории на эту информацию» [1, с. 6].

В современном обществе едва ли найдется сфера, не затронутая, социальноопасным, деструктивным явлением — коррупцией. Отметим, что, проблема эта не нова. Одно из первых упоминаний о коррупции среди чиновников, как указывают отдельные исследователи, можно встретить в архивах Древнего Вавилона (вторая половина XXIV в. до н. э.), а позднее (XIX в. до н. э.), и в знаменитых Законах вавилонского царя Хаммурапи

[2, с. 19—20]. Казалось бы, странно, что человечество безуспешно борется с коррупцией на протяжении гигантского отрезка времени, однако и по сей день эта проблема не решена. Коррупция по-прежнему остается одной из основных проблем во многих государствах мира, ослабляя систему демократических институтов.

В настоящее время многие эксперты, занимающиеся вопросами коррупции, приходят к выводу о том, что конечной целью борьбы с коррупцией может стать лишь эффективно налаженная система противодействия коррупции и не более. Анализируя коррупционные явления, остановимся на таком важном аспекте, как кадровая коррупция. Под кадровой коррупцией понимается подкуп (получение, обещание, предложение, дача или вымогательство взятки), любое другое незаконное использование должностными лицами, уполномоченными рекомендовать, представлять, назначать, перемещать и увольнять с должностей государственной и муниципальной службы, а также государственных должностей, данных полномочий, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот и/или преимуществ, в том числе не имущественного характера) как для себя, так и для любых других лиц вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанным лицам вне зависимости от совершения данных деяний лично или через посредников [3, с. 50].

Какие же последствия приносит нам это явление? У власти оказываются некомпетентные недобросовестные чиновники, которые не в состоянии эффективно трудиться на благо государства и общества, в результате чего уровень доверия и авторитета государственной власти неукоснительно снижается.

Необходимость противодействия коррупции в России обусловлена также отнесением ее к разряду национальных угроз согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.05.2009 № 537. Одной из важнейших причин внимания к проблеме коррупции является то, что она существенно снижает *эффективность государственного управления*, приносит большие потери бюджетам всех уровней, снижает темпы экономического развития нашей страны и возможности роста благосостояния большинства российских граждан, содействует росту уровня преступности.

Быстро меняющиеся социально-экономические условия современного мира ставят перед органами государственной власти новые цели и задачи, несопоставимые по своим масштабам и сложности с задачами государства в XX в. Для того чтобы дать достойный ответ на этот «вызов», субъекты государственного управления вынуждены не только пересма-

тривать привычные, традиционные методы управления, но и постоянно повышать эффективность своей деятельности.

Российское общество ожидает от государственной службы эффективного и ответственного, открытого, прозрачного управления, направленного на удовлетворение потребностей каждого гражданина в отдельности.

Достижение названных целей во многом зависит от существующего состояния государственного аппарата, его компетентности и готовности к решению текущих и стратегических задач. Открытость деятельности гражданских служащих, должный уровень антикоррупционной культуры необходимы для оценки уровня зрелости системы государственного управления и диагностики деятельности органов государственной власти.

Стержневым методом анализа, исследования коррупционных явлений с целью корректировки системы противодействия коррупции может выступить, по мнению автора, контент-анализ средств массовой информации. В настоящее время многие эксперты, занимающиеся вопросами коррупции, приходят к выводу, что постоянный мониторинг коррупционных явлений в системе государственного управления позволит более эффективно корректировать *систему противодействия коррупции в России*.

Понимание пагубности проблемы коррупции в системе государственного управления заметно возросло благодаря СМИ, которые привлекают внимание к данной проблематике достаточно активно. Однако, не смотря на растущее число доказательств и повышение осведомленности деятелей системы государственного управления и активных граждан по вопросам, связанным с коррупцией в системе государственного управления, многое остается неизученным и спорным.

Список литературы

1. *Контент-анализ* СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 6.
2. *Основы* противодействия коррупции. М. : Спарк, 2000. С. 19—20.
3. *Государственная* политика противодействия коррупции и теневой экономике в России / Сулакшин С. С., Максимов С. В., Ахметзянова И. Р. и др : монография : в 2 т. Т. 1. М. : Научный эксперт, 2008. С. 50.

Информация об авторе

Рыбакова Ирина Николаевна, к. с. н., доцент РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, in.rybakova@migsu.ru

27. Коллективное сознание и идеология, образ государства

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

О. А. Воронкова

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Кризис социальной системы возникает в результате нарушения баланса соотношений внутрисистемных компонентов и вносит дезорганизацию в массовое восприятие социальных процессов и явлений. В результате разрушения целостности восприятия социальный субъект теряет способность ориентироваться в символическом пространстве, т. е. в социальных, политических и идеологических категориях, объясняющих процессы и явления. Разрушение целостности приводит к расщеплению личностного и общественного сознания, потере идентичности, кризису доверия организующим общество структурам. Исследования состояния массового сознания имеют, как минимум, два целевых уровня. На теоретическом уровне целью является мониторинг мнений, ведущий к пониманию общественных настроений и убеждений, а на конкретном практическом — оценка готовности или неготовности общества к принятию и поддержке инициатив власти, ее программ и стратегий по выходу из кризиса.

Ключевые слова: массовое сознание, мониторинг мнений, социологический опрос

Социологический вопрос как инструмент получения среза общественного мнения должен строиться под решение сложносоставной задачи. Вкупе с другими вопросами исследования он должен способствовать получению объективной картины состояния общественного сознания. Социологический вопрос должен выявить: а) есть ли в обществе знание, осведомленность о явлении, событии; б) отрефлексировано ли событие в обществе, сформировалось ли мнение, сложилось ли понимание сути события; в) если да, то каковы мнения и понимания, в чем и насколько они совпадают или отличаются от официально предоставляемых интерпретаций. Необходимо составить спектр как можно большего числа мнений, вариаций отношений к данному явлению социальной реальности.

Однако, если рефлексии нет, а знание, понимание и убеждение не сложились, социологический вопрос либо будет проигнорирован, либо внесет свой вклад в формирование интереса и отношения к со-

бытию. Социологический вопрос, во-первых, информирует о событии, и, во-вторых, провоцирует выбор способа восприятия, задавая возможные альтернативы. Социологический вопрос — это всегда начало диалога с респондентом, в процессе которого мнение респондента может либо возникнуть, либо измениться, либо укрепиться. В процессе этого диалога происходит взаимодействие нескольких уровней знания — обыденного, идеологического, научно-объективного. Формулировка вопроса способствует тому, какого уровня будет результат опроса на выходе — внесут ли обыденные мнения вклад в копилку научной информации о состоянии общественного сознания, или они вольются в доминирующий политический тренд. В последнем случае качество результата социологического исследования будет сомнительным, так как останется невыясненным, что на самом деле происходит в общественном сознании, насколько поддержка доминирующего тренда является результатом искренней убежденности, а не попыткой уйти в социальную тень с «фигой в кармане».

В ситуации идеологического кризиса, т. е. состоянии категориальной неопределенности, социальной неуверенности в правильности проводимого политического курса, формулировка вопроса должна быть особенно аккуратной. Некорректная формулировка может еще больше запутать респондента: поставить его в ситуацию отсутствия выбора, недоумения (в случае противоречивости категориальных составляющих вопроса). Кроме того, форма вопроса в попытке использовать его в целях, далеких от научного исследования, может направить мысли респондента по пути, противоположному его собственному способу мышления. Другими словами, социологический вопрос из средства исследования может стать инструментом манипуляции массовым сознанием.

Начиная с 1990-х гг. идеологическая ситуация в России претерпела ряд качественных изменений. Резкая смена политического курса со строительства коммунизма на внедрение западноевропейской модели демократии внесла полную сумятицу в общественное сознание, которое и поныне не пришло в состояние определенности и равновесия. Тема формирования и изменения массового сознания является ключевой для социологического исследования, так как от состояния массового сознания зависят перспективы развития. Как измерить это состояние, определить факторы формирования и уловить тонкие, подчас скрытые, тенденции его изменения — вопрос нетривиальный. Много ли дают теоретическим исследованиям опросы общественного мнения? Очень много. Они дают срезы общественных настроений, реакций на значимые события, динамику отношений к тем или иным явлениям жизни. Социологический вопрос должен быть, с одной стороны, свободен от сложных теоретических формулировок и понятен респонденту, но с другой стороны, его категори-

альная нагрузка не должна быть снижена до уровня той неопределенности и непонимания ситуации, которая доминирует сейчас на обыденном уровне. Например, вопросы типа: «Как вы считаете, что сейчас важнее для России: порядок или демократия?» [1, 2], отражая реальный конфуз понятий на обыденном уровне, добавляют мало понимания к тому, как в общественном сознании отражаются непростые трансформационные процессы. Не добавляет ясности и расшифровка альтернатив, предлагаемых на выбор. Респондент должен быть либо за «демократию, даже если последовательное соблюдение демократических принципов предоставляет определенную свободу разрушительным силам», либо за «порядок, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод». Вопрос явно отражает реалии 1990-х, когда хаос и неразбериха вдруг отождествились с демократией только потому, что идеологически был провозглашен курс на демократию в противовес советскому авторитаризму.

Общество, накопившее прочный опыт выживания в авторитарных условиях, но не имеющее никаких навыков самореализации в другом идеологическом контексте, не справилось с обрушившейся на него свободой. Резкое освобождение от постоянного давления идеологических догматов совпало со свободой от каких-либо норм регуляции поведения и отсутствием законодательной базы, адекватной изменившейся ситуации. К реальной демократии, принципы которой предполагают существование нормативных правил и четких законодательных рамок для социального взаимодействия, ситуация 1990-х не имела никакого отношения. В отсутствие таких правил о демократии вообще нет смысла говорить. Постановка вопроса, в котором соблюдение демократических принципов соседствует с предоставлением свободы разрушительным силам, заранее предопределяет результат. В социологическом опросе 2000 г. «порядок» выбрали 89% респондентов. Причем в группах старшего поколения, малообразованных и многодетных поддержка «порядка» в противовес «демократии» достигала 94—100% [1]. И вопрос, и результат, очевидно, не рассчитаны на получение объективного научного знания о состоянии общественного сознания.

При попытке дальнейшего выяснения, что думают респонденты о соотношении понятий «демократии» и «порядка», оказывается, что от 32% до 42% респондентов (с 2001 до 2015 гг.) не считают эти категории альтернативами выбора. Для значимого числа граждан «одно невозможно без другого». Только от 7% до 12% согласны, что «может быть демократия без порядка» и «порядок без демократии». Достаточно большое число, около 20% респондентов, находятся в состоянии неопределенности, «затрудняются ответить» [2]. Социологический вопрос поставил таких граж-

дан в состоянии еще большего понятийного конфуза. Пренебрежение знанием, мнением, компетентностью респондента либо использование его незнания в целях, не совпадающих с научными, вызывает ответное пренебрежение к социологическим опросам и недоверие социологическим службам, что не способствует привлечению общества к решению проблемы преодоления кризиса.

Список литературы

1. ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=503&q_id=36690&date=15.08.2000 (дата обращения: 12.03.2016).
2. *Общественное мнение-2015*. М. : Левада-центр, 2016.

Информация об авторе

Воронкова Ольга Алексеевна, к. полит. н., старший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия, olden@liant.ru

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ СОБСТВЕННЫМИ ГРАЖДАНАМИ КАК ФАКТОР МИРОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГОСУДАРСТВА

М. Г. Галаева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. По данным многолетних исследований Института социологии РАН, одним из ключевых факторов прогрессивного развития страны, сохранения государственной целостности и консолидации общества большинство россиян считают необходимость формирования национальной стратегии страны. Геополитическая ситуация, сложившаяся сегодня в мире, требует создания стратегии развития России не только в материальной сфере, но и в сфере духовной. Для поддержания статуса сильной державы, успешного развития России следует проводить целенаправленную эффективную политику в сфере культурных, духовных отношений, создать некую духовную геостратегию как внутри страны, так и за ее пределами для формирования и поддержания позитивного имиджа нашей страны.

Ключевые слова: национальная стратегия, имидж страны

На данный момент в России должны быть найдены решения следующих проблем:

1. Разработка и окончательное оформление общенациональной идеи. Сегодня в России существуют серьезные проблемы с пониманием формирования общей национальной идеи, ее содержания, а также способов реализации. Современному социуму нужна какая-то идея, так как общество не может жить без четко сформулированной цели, без определения пути своего развития. Отсутствие общей национальной идеи либо, наоборот, их многообразие порождают нестабильность в обществе, хаос мыслей, идей, взглядов, что ведет к хаосу во всей социальной жизни в целом. Нельзя допустить того, чтобы общество объединял лишь духовный нигилизм и общественные проблемы вместо общей идеи и общих ценностей. Мы предлагаем следующее определение общенациональной идеи России: это уникальный, специфический мировоззренческий феномен, который характеризуется наличием ценностных ориентиров, объединяющих различные народы (народности) на основе русского суперэтноса в рамках государства-нации — России. Для того чтобы общенациональная идея стала объединяющим началом российского общества, она должна стать общероссийской, объединяющей большинство народов страны.

2. Пропаганда российских ценностей в мировом пространстве.

На международной арене необходимо позиционировать себя как сильного геополитического конкурента. В современном мире иметь сильную армию, развитую экономику, великую историю и культуру — почти беспроблемно, но мало. Наиболее важным становится убедить в этом другие народы. В нашей стране ценности создавать не нужно, они уже давно созданы, но их необходимо проецировать на мировое пространство. Сегодня пропаганду российских ценностей ведет лишь небольшая доля населения, можно даже сказать единицы. Хорошим примером служит живой журнал в интернете «Сделано у нас. У нас есть чем гордиться», создателем которого является Роман Ковригин. На данном сайте публикуются только позитивные новости о России. В настоящий момент сайт нацелен только на российских пользователей (для поднятия чувства патриотизма российских граждан это также является важным), но в силах государства вывести данный и подобные ему проекты на международный уровень. Мы должны заявить о себе как о сильном геополитическом государстве. По крайней мере, положительным является уже то, что работа по расширению российского влияния ведется, хоть и медленно, но верно.

3. Развитие массовой и элитарной культуры. Массовую культуру нужно развивать путем культивирования собственного эксклюзивного стиля, не смотря на уже имеющиеся форматы поп-культуры. Сделать акцент необходимо также на народных песнях, романах, фольклорной музыке, которые мы не отнесем ни к массовой, ни к элитарной культуре. О российской истории и культуре народы других стран должны узнавать не из иностранных фильмов и иностранных книг, написанных о нас, а из отечественных. Что касается элитарной культуры, то она, безусловно, должна стать «визитной карточкой» России — ежегодно необходимо совершенствовать российские культурно-образовательные программы по обмену студентов.

4. Дальнейшее развитие сотрудничества в культурной сфере. Желательно еще больше расширять сотрудничество со странами СНГ посредством создания новых институтов взаимодействия в сфере гуманитарных отношений, требуется разработать более эффективные методы позиционирования российского образования. Также нужно развивать взаимодействие с международными организациями в сфере сохранения культурного наследия, такими как ЮНЕСКО, Форум славянских культур и др.

5. Духовно-нравственное оздоровление населения. Не стоит забывать, что сила государства во многом определяется моральным здоровьем его нации. Имидж страны сегодня зависит не только от экономической и военной сферы, но и от прогрессивно развивающегося национального

духовного пространства, духа населения. Необходимо полномасштабное государственное финансирование и реализация программ по массовому привлечению граждан к здоровому образу жизни, постоянная антипропаганда алкоголя, наркотиков и табачных изделий. Причем информация, транслируемая через СМИ, должна отражать реальную картину процессов, происходящих в человеческом организме после употребления вышеупомянутых веществ. Спортсмен должен стать эталоном, мотивацией для обычного гражданина. Также важно пробудить историческую память населения, в связи с сегодняшними событиями следует обратить внимание именно на правдивую историю нашей страны, предотвращать внешние попытки исказить нашу историю, таких как отрицание роли Советского Союза и победы его великого народа во Второй мировой войне, восхваление нацизма и т. д. Знание истории своей страны, осознание связи между поколениями составляют колоссальное духовное наследие, которого так опасаются наши геополитические конкуренты. Российская нация должна сохранить свой дух и действительно стать единым этнокультурным образований, в противном случае российскую нацию ждет духовная деградация.

6. Укрепление роли русского языка как средства межнационального общения не только российского, но и постсоветского пространства, а также популяризация изучения русского языка в зонах геополитических конкурентов России. Как было заявлено ученым Г. Карасиным: «русский язык — не только язык нашей общей истории и культуры, это объединяющее начало для многомиллионного русского мира» [1]. Это вовсе не означает, что наша страна должна стремиться к духовному угнетению других народов, наоборот, мы должны проводить деятельность, которая будет направлена на достижение такого состояния, при котором русская культура будет сохраняться и распространяться, но при этом не будет являться препятствием для развития национальных культур других народов.

7. Расширение и финансирование российских центров науки и культуры за рубежом. В настоящее время в модернизации нуждается до 80% центров за рубежом. Не стоит забывать, что состояние самих зданий является лицом нашего государства и имеет значение для престижа России в целом. Они должны быть центрами притяжения как соотечественников, так и тех, кто просто интересуется Россией, центрами влияния России на общественное мнение, использующими инструменты «мягкой силы».

Таким образом, восприятие России и отношение к ней собственных граждан формируют мировую репутацию страны. Именно решение внутренних социально-экономических и культурных проблем станут толчком в мировом развитии. Как говорится: «Хочешь изменить мир — начни с себя».

Список литературы

Карасин Г. Споры и диаспоры. Уроки Всемирного конгресса соотечественников // Российская газета. Федеральный выпуск № 5956 (283), 2012.

Информация об авторе

Галаева Маргарита Германовна, магистр кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, margarita.galaeva@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ

Н. Ю. Галкина

Data Research, Москва, Россия

Аннотация. Россияне испытывают гордость за свою страну, питают уважение к стране и к своему народу. В первую очередь это чувство подкрепляется уверенностью в достижениях страны, ощущением громадности и богатства территории, а также гордостью за людей, за свой народ.

Ключевые слова: россияне, гордость, самоидентификация

Международный статус страны основывается, по мнению респондентов*, в первую очередь на уважении других стран к России (42%). Оценивая свою страну взглядом «извне», граждане страны ощущают гордость за военные успехи, военную мощь, «восстановление авторитета». Данные опроса подтверждают: 19% полагают, что Россию боятся. Еще более четверти опрошенных полагают, что страна вызывает смешанные чувства у других народов, и «с ней вынуждены считаться по разным причинам» (28%). Только 5% опрошенных полагают, что страна не пользуется уважением, и 3% — что она безразлична другим странам.

В упрощенной географической риторике к условному европейскому пути развития Россию относит 30% респондентов, 4% видят в ней азиатское государство. Однако большинство (61%) полагает, что Россия — это «особое, не похожее на других» государство. Содержание этой непохожести состоит, скорее, в агломерации европейских и азиатских черт, чем в привнесении каких-то неповторимых сущностей. Тем не менее этот идейный конструкт имеет место и может быть использован, развит, насыщен уникальным контентом при построении внутренней идеологической политики.

Национальная самоидентификация людей (себя и своего окружения; по крайней мере, в крупных городах) подтверждает, что население считает себя единым российским этносом, россиянами, русскими (как в узконациональном смысле, так и в смысле включения других национальностей под «зонтичный бренд русского»). Наблюдается некое (небольшое) недовольство или неудовлетворенность тем, что «русскому» в узконациональном смысле уделяется гораздо меньше внимания, нежели другим на-

* Данные за ноябрь 2015 г. Население в возрасте 18—60 лет. Выборка всероссийская, репрезентативная (по признакам: округ, область, город — село, пол/возраст), порядка 1900. 24 фокус-группы (6 городов-миллионников).

циональностям (в медийном пространстве и в государственной политике). Предполагается, что интересы коренной национальности должны стоять на первом месте. При этом, однако, у людей нет ощущения конфликтности разных наций: обязательно с оттенком гордости подчеркивается мультинациональный состав ближайшего (соседского) окружения.

Самоидентификация людей со своей историей и народом проявляется, в том числе, и через характер отмечаемых общенациональных праздников. Для большинства праздники — это, разумеется, возможность отдохнуть (53%), провести время с семьей, друзьями (55%) или уделить время домашним делам и подсобному хозяйству (28%). Но для каждого пятого (21%) это возможность посетить массовые праздничные мероприятия. И столько же людей (21%) готовы в праздники вспомнить о важных событиях из прошлого России, гордиться ими. На деле, общенациональные праздники не отражаются сейчас в сознании россиян как памятные даты, как то, что объединяет народ со своей историей.

Информация об авторе

Галкина Наталия Юрьевна, генеральный директор DataResearch, Москва, Россия, n.galkina@dataresearch.ru

ОБРАЗ РОССИИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Иващенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Включенность Российской Федерации в мировой политический процесс, дипломатические отношения и международные связи в качестве преемницы Советского Союза и Российской Империи позволяет выстраивать образ России как очень опытного участника мирового взаимодействия, а наиболее частым аргументом в речах политических лидеров является апелляция к примерам «новой истории». Подобный опыт сохраняется в риторике, адресованной оппонентам. Противоположным полюсом, по отношению к которому Россия выражает наиболее отличные позиции, все еще остается Запад. Несмотря на то, что Россия признается частью Европы, разделяет общие ценности и культуру, она является частью азиатского сообщества в плане экономического и политического взаимодействия. Но это не раскалывает созданный образ на две части, скорее, можно говорить о дуалистичной модели проводимой политики, ориентированной на оба полушария. Инструменты «мягкой силы» не обеспечивают необходимую информационную поддержку, уступая более крупным общемировым СМИ. Но их эффективность является стратегически важной, особенно в условиях глобальной конкуренции за влияние, и опыт последних лет показал, насколько образ, созданный страной или создаваемый извне, важен для разрешения международных конфликтов.

Ключевые слова: Россия, имидж страны, внешняя политика, официальный дискурс

Анализ внешнеполитического сегмента официального дискурса страны [1] позволяет не только оценивать имидж государства, но и конструировать отдельно образ страны, транслируемый мировому сообществу. Такой подход позволяет не только исследовать основные политические тренды во внешней политике Российской Федерации, но и прогнозировать политику на внешнем и внутреннем уровне.

Международный политический дискурс имеет ряд особенностей [3], отличающихся на форме и каналах коммуникации, формировании повестки дня, отличной от внутринациональной. Официальный политический дискурс имеет концептуальную и идеологическую целостность, давая

возможность вычленять и конструировать его из общего политического дискурса страны.

Исследование осуществлялось на основе созданного корпуса текстов, состоящего из различных источников, всего 973 материала, включающего выступления первых лиц государства на разных международных площадках, документы, относящиеся к внешнеполитической тематике, и материалы новостных сводок телеканала RT (Russia Today) [4]. Отбор материала проходил по теме, месту актуализации, времени (2008—2014 гг.), политическому автору, жанру, принадлежности к официальному политическому дискурсу (ОПД) Российской Федерации (РФ).

Методами исследования выступали: традиционный анализ текста[2], контент-анализ, интен-анализ, сравнительный анализ.

При сравнении отобранных текстов стало возможным определить их общую направленность в рамках отношений «субъект–объект». Благодаря этому, можно получить количественную оценку, на основе которой составить мнение о характере риторики для каждого конкретного актора международных отношений, и далее распределить интенции на группы (табл. 1), по характеру произносимой речи, и представить общую направленность речи. В качестве интенций для анализа текста были использованы следующие категории.

**Таблица 1. Основные интенции ОПД
(на основе корпуса текстов ОПД, всего 56 материалов)**

Интенции		
Позитивные	Нейтральные	Негативные
Предложение Позитивное партнерство Поддержка	Сообщение Информация Констатация Утверждение Личностное ориентирование Доказательство	Предупреждение Конфронтация Обвинение Угроза Опровержение Разоблачение

В качестве акторов международной политики в данном исследовании выступали отдельные страны и союзы стран, организации, альянсы и содружества, такие как ЕС, НАТО, БРИКС, ШОС, СНГ, ЕврАзЭС, ТС и др., с одной стороны, и Россия как действующий субъект, от лица которого произносится текст — с другой.

Под образом России понимается система смыслов, формулируемая политической элитой, определяющая основные характеристики страны,

через которые проходит аргументация ее внешней политики, объяснение занимаемых позиций по различным общемировым и национальным вопросам.

В сообщениях, где позиция России выражалась не персонализированно, большинство случаев обобщений относились к уровню страны, реже использовалось олицетворение «Москва» или «Кремль» (табл. 2). Это подчеркивает стремление выразить единую позицию страны во внешней политике, а также является распространенным приемом замещения дефиниции «Правительство Российской Федерации» на «Россия».

Таблица 2. Количество деперсонализированных замещений (на основе контент-анализа 933 материалов телеканала RT)

Объект	Количество упоминаний
Россия	113
Москва	13
Кремль	7
Всего:	133

Сравнение документов и выступлений политиков с контентом телеканала RT позволяет анализировать политический дискурс РФ, так как его содержание полностью совпадает с официальной парадигмой. RT является частью официального дискурса и транслятором дискурса России на международную арену, используется в качестве инструмента «мягкой силы».

Оценка интенциональности политического дискурса показала количественное преобладание утвердительных и обвинительных интенций в текстах, а также направленность на позитивное партнерство в отношении всех участников международной коммуникации. Интенции диалоговых коммуникаций преобладают над интенциями массовых коммуникаций.

Смена президента не привела к изменению парадигмы внешней политики и официального политического дискурса в целом. Это характеризует сам дискурс как единый и универсальный комплекс представлений, который не претерпевает кардинальных изменений, придерживается сформулированных в официальных документах векторов развития.

США являются одной из наиболее актуализированных тем за весь период исследования, в контексте которой государство выстраивает свою идентичность

Подчеркивается готовность поддержки и сотрудничества в выработке общего вектора развития по отношению к очевидным союзникам,

странам-членам СНГ, ШОС, БРИКС, ЕврАзЭС. В отношении этих стран Россия выступает как надежный союзник и равный партнер, защищающий принципы международного права, открытый для взаимодействия в самых разных сферах.

Внутри самого дискурса не прослеживаются принципиальные противоречия как на национальном, так и на мировом уровне. При сохранении единой позиции появляются различия в аргументации, иногда взаимоисключающие, как это было в дискуссии о принятии «Акта Магнитского» — «Закона Димы Яковлева».

Относительно наиболее актуальных, острых тем мировой политики, Россия выступает в качестве активного переговорщика, занимая позицию невмешательства и всяческого содействия в разрешении конфликтов, предоставляя площадки для дискуссий или указывая на возможные мирные пути выходов из сложных ситуаций.

Россия не отказывается от статуса великой державы, принимающей участие и играющей решающую роль в наиболее острых вопросах, крупных событиях новейшей мировой истории. Россия позиционирует себя как самостоятельного актора, являющегося центром принятия внешнеполитических решений, лишенным давления извне, что характеризует страну не только как независимую, но и как достаточно устойчивую и сильную, обладающую ресурсами для принятия собственных решений.

Список литературы

1. *Негров Е. О.* Историческое развитие политического дискурса в России // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. СПб., 2008. Т. 4. № 3. С. 106—114.
2. *Попова О. В.* Политический анализ и прогнозирование. СПб. : СПбГУ, 2009.
3. *Шапочкин Д. В.* Многозначность дискурса и неоднородность его видов в условиях современности // Культурологические и типологические аспекты языковых единиц. Тюмень : Издательский центр «Академия», 2003. С. 98—102.
4. Сайт телеканала Russia Today на русском языке. URL: <http://russian.rt.com>.

Информация об авторе

Иващенко Вероника Вячеславовна, магистр кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, ivavero93@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ БЛОКИРОВКИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И. В. Лескова

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Аннотация. Состояние общественного сознания в России на сегодняшний день не может работать на «преодоление кризиса» или явно мешать этому, поскольку попросту блокирует как продуктивные, так и деструктивные формы гражданской активности.

Ключевые слова: общественное сознание, протестная активность, Россия

В рассуждениях о том, какую роль может сыграть общественное сознание в деле преодоления кризисных явлений в российской экономике и в российском обществе, мы акцентируем внимание на вопросах, сопряженных с существованием в среде россиян протестного потенциала и возможности его реализации. Действительно, общественное сознание и его носители, российские граждане — противники или союзники власти в преодолении кризиса?

Отвечая на этот вопрос, мы не будем рассматривать ставшие уже традиционными сюжеты, связанные с соотношением в обществе «довольных» и «недовольных», чем-либо глобальным или ситуативным. Однако попробуем сконцентрироваться на проблеме факторов, способных блокировать протестные действия даже при достаточно высоком уровне недовольства в обществе.

Действительно, ведь, если в общественном сознании существуют механизмы, блокирующие или рост недовольства выше каких-то критических значений, или его (недовольства) связь с реальными протестными действиями, то тогда общественное сознание — союзник власти уже потому, что само по себе способно выступать фактором политического сохранения правящего режима. Если же такие механизмы блокировки слабы или не действуют, то тогда общественное сознание — не станет фактором, облегчающим решение властью задач выхода из кризиса. Последнее представляется важным в силу отчетливо проявляющейся в последние 25 лет тенденции — стремлении власти перекалывать экономические трудности страны (часто, спровоцированные действиями или бездействием самой власти) на плечи рядовых граждан. В таком случае говорить об общественном сознании как о союзнике власти мож-

но, в основном, при условии его не столько лояльности по отношению к власти, сколько при условии его неспособности выступить фактором активизации протестного потенциала общества.

Сегодня в кругах специалистов уже стало общеизвестным и не оспаривается, что связь между общим уровнем недовольства в обществе и возможностью возникновения реальных протестных действий массового характера неоднозначна и подвержена сложному влиянию обширного множества факторов, носящего комплексный характер.

Так, все мы знаем, что:

- социальное недовольство и массовые акции протеста находятся в более сложной взаимозависимости, чем это принято считать на «обывательском» уровне;
- не существует каких-то пороговых состояний или значений социального недовольства, при достижении которых массовые выступления автоматически становятся неизбежными;
- самые обездоленные слои населения далеко не всегда являются наиболее опасными, радикально настроенными, агрессивными и, соответственно, обладающими наибольшим в обществе мобилизационным потенциалом в плане протестных действий;
- масштабные акции протеста не всегда носят разрушительно-деструктивный характер и т. д.

Процесс формирования потенциала, способного трансформироваться в «революционные» события, сложен, является многофакторным и не носит стопроцентно-стихийного характера. Более того, как показали события последних десятилетий, массовое недовольство можно использовать в политических целях как спусковой механизм массовых протестных действий только при наличии в обществе харизматичных лидеров, поддерживаемых немалой частью населения. Так, в конце 1980-х гг., не более 20% населения Советского Союза были недовольны «глобальным» состоянием условий труда, жизни и отдыха в стране (чему свидетельство — результаты исторического общенародного референдума тех лет с его социологически-удивительным вопросом об отношении граждан к «обновленному» Советскому Союзу), но, несмотря на это, в стране начались радикальные перемены, приведшие в итоге к распаду СССР, краху всевластия КПСС и смене магистральной траектории общественного развития. А вот противоположный пример. По данным Ю. А. Левады, в 90-х годах прошлого века политикой ельцинского руководства были недовольны более 70% населения, и лидер КПРФ Г. А. Зюганов значительно опередил своего тогдашнего конкурента по предвыборной гонке Б. Н. Ельцина в первом туре голосования. Однако, несмотря на это, политический реванш коммунистов в России тогда не состоялся.

Еще один из бытовых парадоксов, вызывающих недоумение обывателей, — при росте числа недовольных условиями своей личной жизни не увеличивается доля лиц, созревших для непосредственного участия в акциях протеста.

Попытки объяснения этого, чаще всего, апеллируют к российским культурным традициям, «евроазиатскому» менталитету, и — содержательно — сводятся к разговорам про то, что в нашем обществе нет подкрепленной опытом исторической традиции отстаивания человеком своих прав. Т.е. распространено мнение, что способные привести к реальным протестным действиям массового характера протестные установки в нашей культуре блокируются идеалами соборности, коллективизма. А это значит, что на борьбу российское население могут поднять только те силы, которые обладают высоким нравственным авторитетом. Не беремся судить, но таких сил в России сейчас нет. Более того, они и не могут появиться в условиях неснижения в обществе уровня аномии, вот уже четверть века носящей, можно сказать, тотальный характер. Речь идет о том, что наряду с блокирующими факторами культурного характера (о которых говорилось выше) отсутствие такого глобального социального ориентира в обществе, как общепринятая и разделяемая большинством общества система ценностей (предлагаемая властью обществу и оправдывающая ее — власти — действия), просто не позволит накопившемуся к настоящему времени недовольству граждан тем, что происходит в обществе и государстве, преобразоваться из формы протестного потенциала в форму активных массовых действий протестного характера.

При этом, объясняя отечественную специфику в рассматриваемой сфере жизнедеятельности общества и государства, нередко пытаются проводить разного рода сопоставления с «западно-европейскими» обществами и их традициями индивидуализма, сформированными на фундаменте «протестантской этики».

Безусловно, в условиях кризиса, недовольство нарастает. Безработица, вынужденная миграция, превышение полномочий в отношении граждан и представителей бизнеса, неуверенность в завтрашнем дне, все большая недоступность медицинских, образовательных и других услуг, рост цен и платы за жилье и услуги ЖКХ и прочее, — являются опасными по своим последствиям направлениями концентрации негативной и небезопасной для самосохранения правящего режима социальной энергии. Поэтому изучать их необходимо, но изучать профессионально и ответственно представлять результаты такого изучения.

Многое из области экономических закономерностей реализуется на народнохозяйственном уровне не «автоматически», а в силу своего отражения в индивидуальном и массовом сознании субъектов хозяйствен-

ной деятельности. То же можно утверждать и о связи ряда политических процессов с сознанием субъектов массового политического поведения. Однако главным, на наш взгляд, оказывается не вопрос о том, «как общественное сознание нашей страны осмысливает кризис», а о том, в каких пределах и направлениях способно влиять общественное сознание на поведение людей и их групп в каждой из сфер жизнедеятельности общества — хозяйственно-экономической, общественно-политической и прочих. В связи с этим, полагаем, что то состояние общественного сознания и те условия его функционирования в нашей культурной ситуации, которые имеются сейчас, в целом помогают власти в ее деятельности, поскольку попросту блокируют трансформацию протестного потенциала в реальные протестные действия массового характера.

Информация об авторе

Лескова Ирина Валерьевна, д. с. н., профессор кафедры социологии Российского государственного социального университета, Москва, Россия, leskova.i@yandex.ru

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ: НОРМЫ И ПРИНЦИПЫ

С. С. Седельников

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Коллективное сознание позволяет личности воспринимать и реализовывать общественные требования, принимать решения, вырабатывать для себя правила жизни, оценивать происходящее. Оно, а не только индивидуальное сознание, правомочно в решении вопросов морали. Мораль считается одним из самых доступных способов осмысления людьми сложных процессов социального бытия. Ее коренной проблемой является регулирование взаимоотношений и интересов личности и общества.

Ключевые слова: коллективное сознание, мораль, нормы, принципы

В морали идеальное и реальное совпадают, образуют неразрывное целое, она выступает как практическое, деятельное сознание. Моральное сознание выражает не общий, а более глубокий и перспективный интерес в выработке свободной индивидуальности, самостоятельной и ответственной личности. Вместе с тем нельзя не заметить, что в возрастной когорте от 15 до 29 лет в подавляющем большинстве европейских стран ориентация молодежи на социальную справедливость намного выше, чем у нас, и эти различия статистически значимы. Общее число анкет в 28 странах — 54 988, в том числе в России — 2512. По показателю необоснованной амбициозности (56%), не связанной с какими-либо личными достижениями, российская молодежь занимает 5-е место из 28 стран. Данный показатель намного (на 18—19%) превышает средневропейский уровень. По сравнению с другими европейскими странами, для нашей молодежи характерна довольно низкая степень толерантности: 22-е место из 28. Гедонизм (стремление к удовольствию и наслаждению) присущ более, чем половине молодых россиян (54%). По доле молодых людей, ориентированных на самостоятельность, личную свободу и независимость (62%), наша страна занимает лишь 26-е место из 28. Однако подростки и молодые люди в нашей стране менее альтруистичны и соответственно более эгоистичны не только по сравнению со своими родителями, дедушками и бабушками, но и по сравнению со своими сверстниками в большинстве европейских стран. По творческим и инновационным ценностным ориентациям российская молодежь на европейском фоне ближе к минимуму, чем к максимуму [2: 157—158].

В науке имеют место теории, объясняющие источники и движущие силы развития общества, которые в качестве критериев, выделяют

иные факторы, например: уровень цивилизации, социокультурные факторы, использование энергетических источников и т. п. Но для большинства данных теорий общим остается понимание солидарности общества. Данная проблема рассматривалась Э. Дюркгеймом. Он выделял два типа социальной солидарности — механическую и органическую. Механическая солидарность типична для традиционного, архаического общества и основывается на неразвитости и сходстве составляющих общество людей. Индивид в таком обществе не принадлежит сам себе, а коллективное сознание почти целиком покрывает индивидуальные особенности, то есть отсутствует собственное «Я» — «Я это только Мы». Социальное принуждение выражалось здесь в строгих репрессивных законах, карающих за малейшее отклонение от норм коллективного поведения. Если механическая солидарность предполагает поглощение индивида коллективом, то органическая солидарность, напротив, предполагает развитие личности. Переход от механической солидарности к органической Э. Дюркгейм считает не только историческим законом, но и главным показателем прогресса.

Общество — это совокупность взаимодействий и поступков составляющих его людей. Сущность «индивидуального Я» — совсем не то же, что сущность «социального Я». Причем, если «индивидуальное Я» достаточно монохромно и устойчиво, то «социальное Я» почти всегда переменчиво и неустойчиво. Не ответив на вопросы: почему и как меняется «социальное Я» в результате различных социальных взаимодействий, невозможно прогнозировать развитие и изменение социальной реальности. Качественные изменения характеристики личности определяются сферой иррационального в человеке, который запускает механизм «социального Я».

Обстоятельства и социальные факты определяют реальность существования конкретного индивидуума. Изначальным творцом социальных норм, прописных истин явился определенный индивид. К нему присоединялись другие индивидуумы, которые думали то же самое и, таким образом, усиливали клише. Через свое мышление и действия они занимались социальной деятельностью. Любой поступок опосредован впитанными социальными фактами, которые человек получает в пользование. Размышляя о замысле новой книги или прогуливаясь с собакой, индивид, впитавший социальные нормы, правила, установления, обычаи, традиции и пр., занимается социальной деятельностью всегда — осознает он это или нет. Даниэль Дефо, задумывая «Приключения Робинзона Крузо», занимался социальной деятельностью. И очень хорошо занимался, если после него в течение более, чем двухсот лет, многие индивидуумы мечтают стать робинзонами, создают клубы и т. д.

Особый интерес вызывает макросоциологическая интерпретация Э. Дюркгеймом ранее не проявленных сторон взаимосвязи личности и социума. Еще в 1911 г. на Международном философском конгрессе в Болонье в докладе «Ценностные и реальные суждения» он высказал, по крайней мере, два крайне перспективных предположения. Во-первых, общество толкает или обязывает индивида возвыситься над самим собой; оно же обеспечивает ему средства для этого. Это силы коллективные, естественные, и, хотя они являются целиком нравственными, они близки тем, которые действуют в остальной части вселенной. Элементы, из которых они созданы, заимствованы у реальности, но скомбинированы по-новому. Будучи предоставлен самому себе, индивид никогда не мог бы извлечь из себя материалы, необходимые для подобной конструкции.

Во-вторых, идеал воспринимается как безличный, парящий над отдельными волями, которые он приводит в движение. Если бы он был продуктом индивидуального разума, то откуда бы могла у него появиться эта безличность? Может быть, из безличного характера человеческого разума? Не потому ли разумы сливаются до такой степени, что они происходят из одного и того же источника, из общего разума? [1: 300—301]. Определение предметно-проблемного поля такого рода принципиальных вопросов должно проводиться, с нашей точки зрения, в контексте современного состояния знания не только большинства гуманитарных, но и естественных наук. Историческое становление личности можно рассматривать и как становление ее нравственного сознания — специфического и свойственного только человеку способа понимания им своего места в мире, в обществе, его отношений с другими людьми.

В контексте нашего разговора это может стать темой обсуждения возможности и необходимости образования для всех слоев общества, механизмов его реализации, ответа на актуальный вопрос: нужно ли высшее образование всем.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : «Реабилитация», 2006.
2. Синельников А. Б. Ценностные ориентации российской и европейской молодежи. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1.

Информация об авторе

Седельников Сергей Сергеевич, к. с. н., доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, sergej-sedelnikov@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА: ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Л. В. Степнова, И. С. Степнов, С. И. Степнова

Московский технологический университет;

Московский финансово-экономический институт, Москва, Россия

Аннотация. Задача преодоления кризиса с помощью общественного сознания, преодоления кризиса индивидуального сознания — актуальнее с каждым годом. Под сознанием понимается диалектическое единство процессов отражения и конструирования социальной жизни, совокупность ценностей, идей, знаний, теорий, чувств, настроений, традиций, знаков, идеологии и психологии. Полная или частичная неспособность сознания обеспечивать свои основные функции — сохранение и развитие — проявляется в нарастании психической нестабильности, неврозов, суицидов, курения, пьянства, наркомании, дебилизации, интеллектуальной деградации, демографических проблем, техногенных катастроф и т. д.

Ключевые слова: общественное сознание, кризис, социальная реклама

Кризис с позиции **морали** — доминирование партикулярных норм и принципов (личная выгода, власть) над универсальными (общее благо), с позиции **религии** — фанатизм, **философии** — догматизация определенных теорий, учений, технизация образования, **истории** — разрыв преемственности опыта, фальсификация истории по политическим соображениям, **права** — рост правового нигилизма, ослабление институтов гражданского общества, **политики** — девальвация ценностей справедливости, патриотизма, гражданского долга, уважения человеческого достоинства, усиление авторитарных и ксенофобных тенденций, **медицины** — снижение уровня физического и духовного здоровья, **эстетики** — господство массовой примитивной культуры, дегуманизация искусства, **науки** — смена ориентации научной деятельности с поиска истины на самоутверждение, признание допустимости плагиата, фальсификации данных, обслуживание властной идеологии, **социума** — атомизация, разрушение семейных и др. ценностей, дегуманизация, **экономики** — утверждение приоритета материальной выгоды над общим благом, игнорирование моральных и правовых норм ради сиюминутной прибыли, **экологии** — пренебрежение охраной окружающей среды, экологически приемлемым хозяйствованием, **педагогике** — снижение качества

образования, формализация, несбалансированность гуманитарного и технического образования и т. д. [1].

Главными причинами кризиса представляются утрата целостности человеческой природы — духовного и материального, взаимосвязи и баланса между этими двумя составляющими, потеря исторической памяти, нравственных ориентиров, социокультурной идентичности, разрыв единого духовного пространства, связей человека, общества и природы.

Историческое сознание как связь прошлого, настоящего и будущего, система знаний, памяти и прогнозирования, выполняющее функции передачи опыта, интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов, **в совокупности с философским** — мощный фактор преодоления кризиса.

В качестве важного инструмента формирования этих видов сознания (а также политического, правового, экологического, медицинского, педагогического, экономического, управленческого, художественного и т. д.) выступает **социальная реклама** — процесс взаимодействия с целевой аудиторией субъектов рекламной сферы: рекламодателей, производителей и распространителей рекламы (государственных, общественных структур и социально ориентированного бизнеса). **Потенциал** социальной рекламы велик — предупреждение и разрешение социальных проблем, развитие, распространение здорового образа жизни, самосохранительного здоровьесберегающего поведения, бережного отношения к ресурсам, в т. ч. природным, чувства любви к Отечеству, гражданской ответственности и т. д. Практикой многих стран (например, Германии, США, Великобритании) доказана **важность** разработки **государственной политики в социорекламной сфере**, предупреждение коммерциализации социальной рекламы, в т. ч. через совершенствование законодательства, обеспечение ее качества путем стандартизации, аудита и сертификации [2].

Процесс социорекламного взаимодействия включает институциональную, культурную, технологическую, коммуникативную компоненты.

Особо **возрастает значимость социологии рекламы**. В **методологическом контексте** представляются важными следующие основы исследования процесса влияния социальной рекламы на целевую аудиторию, в т. ч. формирование исторического и философского сознания.

1. Базовые **методологические принципы**: «фиксация ... оптимального сочетания различных сторон сознания и поведения целевой аудитории, условий внешней среды и социорекламной практики», многоуровневый анализ, формализация данных; **и количественная, и качественная методология**, описание явлений в области социорекламного взаимодействия с объяснением обобщенных данных и внимание к тому, как они понимаются, интерпретируются различными субъектами [2: 14].

2. Ориентир социолога — **возможность использовать результаты** исследования **для** повышения качества и эффективности социальной рекламы, достижения понимания между индивидуумами, психологического, социального благополучия, **эколого-социо-экономического прогресса**.

3. **Главные цели** исследования — результаты влияния социальной рекламы на сознание людей и социальных групп и сознания на поведение.

4. В числе **основных задач**:

- оценка степени **содействия** социальной рекламы **в снятии наиболее актуальных проблем** (утрата безопасности, варваризация, ритуализация, практика нездорового образа жизни, массовые и опасные заболевания...);
- **отслеживание динамики** отношений в социорекламной сфере, в т. ч. **по уровням исторического сознания** (обычаи, традиции, исторические памятники, литература, искусство, знания и представления о пройденном историческом пути, цели движения); **по рациональным, эмоциональным и волевым составляющим**, проявляющимся в оценочных суждениях, побуждениях, стремлениях и поведении; **по формам и факторам общественного сознания** — морали, религии, политики, праву, философии, искусству; **особое внимание** — **динамике при формировании ценностей** доверия, открытого диалога, солидарности, консолидации, интеграции личного и общего блага, патриотизма, глобальной ответственности, сочетания эффективной рыночной системы с принципами социальной справедливости и защищенности, экономического партнерства, единства человека, общества и природы, баланса между техническими и гуманитарными подходами к решению локальных и глобальных задач, интеграции и гармонизации всех форм общественного сознания на основе морали;
- **исследование динамики по устойчивым группам**, например, риска, с «индексами критичности по состоянию здоровья»;
- **учет** возраста, пола, морально-нравственных ценностей, уровня образования, материального положения, способности запоминать социальную рекламу, поведенческой практики и реакции респондентов, а также национально-культурной и конкретно-исторической специфики;
- использование при оценке социорекламного влияния **модели поведения целевой аудитории** — совокупности идеальных уровней поведенческой составляющей, групп факторов ее детерминации в форме уравнений регрессии, с учетом тесноты корреляции и формы зависимости;

— подбор наиболее соответствующих образу, способу и стилю жизни методов коммуникации [3].

5. Оценка социорекламного взаимодействия, главным образом, **по критериям** качества, востребованности, доверия, массовости, эмоциональной реакции, агитационной силы, распространенности.

Список литературы

1. *Арутюнян К. С.* Трансформация общественного сознания в условиях социального кризиса : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2013.
2. *Калмыков С. Б.* Социальная реклама в современном российском обществе: методология социологического анализа и принципы эффективного воздействия : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2015.
3. *Леопла А. В.* Структура исторического сознания в условиях социокультурного кризиса : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004.

Информация об авторах

Степнова Лариса Васильевна, к. ист. н., доцент, доцент кафедры истории, социологии и права Московского технологического университета, Москва, Россия, s-lv@list.ru

Степнов Игорь Сергеевич, к. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии Московского технологического университета, Москва, Россия, s-lv@list.ru

Степнова Светлана Игоревна, к. э. н., старший преподаватель кафедры финансово-экономических дисциплин Московского финансово-экономического института, Москва, Россия, si-stepnova@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УКРАИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСОНАЛИИ

Д. А. Филимонов

Государственный университет управления, Москва, Россия

Аннотация. Спектр персоналий, выбираемый для построения украинской идентичности, обладает очевидной полнотой. Он охватывает все исторические периоды от Киевской Руси до наших дней, наиболее значимые для решения поставленной задачи или уже задолго до ее постановки вошедшие в историческую память. Позитивные модели поведения исторических персоналий связаны с противостоянием России. Набор персоналий берется таким образом, чтобы подтвердить заложенную Грушевским идею о вечном украино-российском противостоянии, и сформировать украинскую историческую память и идентичность как антироссийскую. Эта задача была актуальна как для австрийцев и немцев в конце XVIII — начале XX вв., так и для недругов России сегодня. Следовательно, нам следует осознать это как постоянный вызов, в отношении которого должна вестись систематическая работа на высоком качественном уровне.

Ключевые слова: Украина, политическая идентичность, общественное сознание

Формирование идентичности в каждый конкретный исторический момент определяется сформированной к этому моменту исторической памятью людей. Под исторической памятью следует понимать не столько реально произошедшие события и их значимость, сколько те события и их интерпретации, которые определяются как значимые общественным сознанием в данный момент. Ключевую роль в исторической памяти играют два основных компонента: актуализации, восприятия и трактовки исторических событий и исторических персоналий. При этом значимость персоналий, возможно, даже выше, поскольку именно они выступают в качестве эталонов патриотического (или иного одобряемого) поведения, на которые следует равняться в современных условиях. События же при этом выступают в качестве обстоятельств места и времени [1].

Обратимся к конкретике Украины. В существующих границах в ее составе выделяют достаточно обширную мозаику исторических регионов: Новороссия, Слобожанщина (Слободская Украина), Левобережная Украина, Правобережная Украина, Волынь, Буковина, Закарпатье и Галиция (Галичина). Данная мозаичность обусловлена различием в исторических судьбах этих регионов и, соответственно, различием их

исторического и политического сознания. Не вдаваясь в анализ каждого из регионов, следует сосредоточить внимание на одном из них, сыгравшем ключевую роль в формировании идентичности современной Украины, — Галиции.

В составе Киевской Руси Галиция была окраинным княжеством (Червенские земли). В XIII в. княжество возглавлялось одним из наиболее ярких политических деятелей того времени князем-королем Даниилом Галицким, сумевшим организовать успешное сопротивление ордынцам и проявившим себя блистательным европейским дипломатом. Однако в послеордынский период Галиция довольно быстро потеряла самостоятельность и была захвачена Польшей. В составе Польши Галиция пробыла до конца XVIII века. После разделов Польши Галиция стала частью Австрии. Именно присоединение Галиции к Австрии явилось отправным событием формирования украинской идентичности в нынешнем виде. Получив территорию, населенную этническими украинцами (западноруссами) под свой суверенитет, австрийское правительство и его германские союзники, получили возможность создания на идейном уровне антироссийской Руси. Этот процесс продолжался весь период пребывания Галиции в Австрии, затем Австро-Венгрии до ее распада в 1918 г. Этот процесс видели в России, однако возможности воздействия на него были ограничены. Именно персоналии из Галиции либо выращенные в галицийской традиции стали определять политическое видение украинцев.

Теоретическая основа антироссийской украинской идентичности в начале XX в. была заложена Михаилом Грушевским. Грушевский — один из лидеров украинского национального движения, наиболее известен как автор «Истории Украины-Руси». Согласно концепции Грушевского, Русь рассматривалась как форма украинской государственности. Грушевский провозглашал этногенетическое различие украинского и русского народов и принципиальное расхождение векторов их развития и постулировал государственную преемственность украинцев как гегемона в отношении Киевской Руси. Политика собирания русских земель, предпринятая Великим княжеством Московским, рассматривалась как негативное явление. Эти положения становятся ключевой отправной точкой дальнейших политико-философских построений, подбора персоналий и событий, формирующих идентичность, и их интерпретации.

Какие же персоналии из истории оказались наиболее востребованы для построения исторической памяти, лежащей в основе украинской идентичности? Невозможно обойти тему казачества. Образ казака для украинцев — олицетворение собственного народа. Но казачество близко и русским. Следовательно, должны быть выбраны в качестве образцов

те казаки, которые в своей деятельности занимали антироссийские позиции постоянно или на протяжении длительных промежутков времени.

Наиболее выигрышна здесь фигура Петра Кононовича Конашевича-Сагайдачного — кошевого атамана Запорожской Сечи, воевавшего на стороне Речи Посполитой. Организатор успешных походов запорожских казаков против Крымского ханства, Османской империи и Русского царства. В 1618 г. участвовал в польской интервенции в Московское царство. Фигура казачьего атамана, воевавшего с Москвой, стала наиболее востребованной. Ему установлены памятники в Киеве и Севастополе (после воссоединения города с Россией демонтирован), назван флагманский корабль военно-морских сил Украины, улицы в ряде городов и сел. Очевидно, что в глазах россиян это фигура с негативной репутацией.

Кроме того, невозможно обойти вниманием фигуру Богдана Хмельницкого (1595—1657). Человек слишком яркий и известный, причем известен с негативной для идеологов украинства стороны. Однако здесь эти идеологи смещают оценки: борьба гетмана на несколько фронтов, возможность тактических союзов, девальвирующая историческую значимость Переяславской Рады. Кроме того, московскую сторону традиционно обвиняют в нарушении условий договоров.

Яркой эпохой, давшей следующих героев, стали Первая мировая и последовавшая за ней Гражданская война. Помимо уже упомянутого Михаила Грушевского мы здесь видим целый спектр фигур: Симон Петлюра, Владимир Винниченко, Николай Михновский и ряд других. Среди этого ряда наиболее заметен и востребован Симон Васильевич Петлюра в роли борца с советской властью, навязанной из Москвы. В условиях отождествления общей с Россией истории с советским и царским прошлым (с их точки зрения, разумеется, мрачным, тоталитарным, нецивилизованным, лишенным гуманистических начал) такая фигура очень значима.

Примерно в том же качестве привлечены фигуры более поздней эпохи: Великой Отечественной войны. Эти фигуры ныне известны даже людям далеким от политики: Степан Бандера, Роман Шухевич, Евгений Коновалец, Андрей Мельник. Личности этих фашистских пособников вызывают резкое отторжение всех, кто чтит память погибших в великой войне. Но для современных идеологов украинства именно это отторжение и высокий уровень его эмоциональности представляют особую ценность: возведение их в ранг героев наиболее радикально решает задачу духовного и идентичностного отторжения украинцев от россиян.

Список литературы

Филимонов Д. А. Украина XX—XXI вв.: персоналии и идентичности // Университетские субботы в ГУУ : цикл лекций / Минобрнауки РФ,

Департамент образования города Москвы, Государственный университет управления. М. : Издательский дом ГУУ, 2015. С. 284—302.

Информация об авторе

Филимонов Дмитрий Александрович, к. с. н., доцент кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления, Москва, Россия, fda70@yandex.ru

28. Экономические аспекты социологии, социальное самочувствие и качество жизни

ПЕНСИЯ-2050 (НА МАТЕРИАЛАХ ПРОБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ)

А. А. Злотников

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь

Аннотация. Изменения пенсионной системы в Республике Беларусь затронут, прежде всего, интересы будущих поколений. По самым пессимистичным оценкам, наибольшие сложности ожидаются к 2050 г., поэтому мы решили изучить мнения молодых людей относительно возможного реформирования пенсионной системы. Анализ данных опроса, проведенного среди студентов государственного университета в Гомеле, показал, что в молодежной среде поддержка возможного повышения пенсионного возраста в Беларуси пока незначительна. На патернализм со стороны государства рассчитывает почти каждый третий.

Ключевые слова: Республика Беларусь, пенсионная реформа, пенсия

Одна из острейших и актуальнейших проблем в современной Беларуси касается возможного реформирования пенсионной системы, в том числе, в части повышения пенсионного возраста. Такой же низкий возраст выхода на пенсию (55 и 60 лет для женщин и мужчин соответственно) установлен только в Украине, Узбекистане и России. Еще в начале 2015 г. в Беларуси насчитывалось 2 млн 565 тыс. человек, получающих пенсию. Это на 30 тыс. больше, чем в начале 2014 г. В конце года их число составило 2 млн 592 тыс. человек. В целом за период с 2009 г. число пенсионеров выросло почти на 140 тыс. человек. В стране функционирует распределительная пенсионная система, когда выплаты пенсионерам складываются из отчислений занятых в экономике работников. Накопительная система, при которой работники в процессе трудовой деятельности формируют сбережения под свою будущую старость, в Беларуси не получила развития. В республике сегодня отсутствует система обязательного пенсионного страхования на основе открытия индивидуальных счетов. Размер пенсии по возрасту не должен опускаться ниже 40 % от средней зарплаты по стране, т. е. не меньше 2,8 млн рублей (примерно 140\$). Сумма незначительная, вместе с тем даже она может привести к дефициту пенсионного фонда.

Для уменьшения давления на пенсионную систему в стране уже начаты некоторые мероприятия. Так, на 5 лет, с 10 до 15, увеличили минимальный

рабочий стаж для начисления пенсии. И на 5 лет позже стали назначать социальную пенсию тем, у кого отсутствует нужный рабочий стаж. Однако средняя продолжительность жизни растет, а количество занятых в экономике белорусов снижается по демографическим причинам. Существуют прогнозы, что если не повысить пенсионный возраст, к 2020 г. дефицит пенсионного фонда составит около 2 % ВВП, а к 2050 г. — уже около 9%. Увеличение количества пенсионеров может привести не только к финансовым проблемам, но и вызвать значительное сокращение трудоспособной части населения. По оценкам Научно-исследовательского экономического института (НИЭИ) Минэкономики, из-за старения населения страна потеряет около 600 тысяч человек к 2030 г.

В случае же увеличения пенсионного возраста, количество занятых в экономике вырастет, что, в свою очередь, положительно повлияет на ВВП. Существует мнение, что для обеспечения устойчивости Фонда социальной защиты населения, из средств которого выплачиваются пенсии, необходимо уже к 2020 г. сравнять пенсионный возраст женщин (сейчас 55 лет) с пенсионным возрастом мужчин (60 лет). Кроме этого, такая мера поспособствует устранению гендерного дисбаланса. Однако пенсионная реформа должна заключаться не только в повышении пенсионного возраста, но и в реформировании рынка труда, чтобы даже люди пожилого возраста могли достойно встретить старость. Речь должна идти о реализации программ повышения квалификации и переквалификации работников, чтобы люди даже предпенсионного и пенсионного возрастов смогли реализовать свой потенциал. Реформа пенсионной системы является крайне тяжелой, поскольку затрагивает уязвимые слои населения. Опыт многих стран подтверждает, что существуют разные модификации пенсионной системы. В ближайшее время, по мнению белорусских руководителей, изменений пенсионного возраста не планируется. Вместе с тем есть долгосрочная перспектива.

Реализация/нереализация изменений пенсионной системы затронет, прежде всего, интересы будущих поколений — тех, кому сегодня только около 20 лет. А поскольку, по самым пессимистичным оценкам, наибольшие сложности ожидаются к 2050 г., мы решили провести пробный проект по изучению мнения молодых людей относительно возможного реформирования пенсионной системы. Опрос носит разведывательный характер и не претендует на репрезентативность (всего было опрошено 200 молодых человек, являющихся студентами ГГУ им. Ф. Скорины). Однако полученные даже в ходе такой работы данные представляют, на наш взгляд, определенный интерес и заслуживают внимания. Так, 41 % респондентов сегодня считает, что наша страна может обеспечить нормальное функционирование пенсионной системы без повышения

пенсионного возраста, противоположного мнения придерживаются 32 % опрошенных (27 % затруднились ответить/не ответили). Вместе с тем, подавляющее большинство (94 % респондентов) считают, что сегодня у населения Беларуси отрицательное отношение к повышению пенсионного возраста. Распределение ответов на вопрос анкеты: «А как Вы лично считаете: надо ли повышать пенсионный возраст в нашей стране?» свидетельствует, что даже в молодежной среде отсутствует осознание необходимости повышения пенсионного возраста. Считают, что обязательно надо повышать пенсионный возраст, только 12 %, скорее всего, надо — 14 %, скорее всего, нет — 28 % и категорически нет — 46 %. В качестве основных причин противники чаще всего указывают, что продолжительность жизни не позволяет повышать пенсионный возраст (55 % респондентов), что в таких мерах нет социальной справедливости (21 %). Кроме того, есть мнение, что повышение пенсионного возраста не позволит высвободить («уступить») рабочие места для молодежи — 11 %, также на некоторых респондентов влияет мнение их родителей, бабушек/дедушек-пенсionеров («я разделяю мнение и отношение своих родителей»). Интересно отметить, что среди тех, кто выступает за уравнивание пенсионного возраста мужчин и женщин, почти 100 % сторонников — мужчины, и наоборот, противники — женщины. Огромное значение, на наш взгляд, имеет тот факт, что, рассуждая о будущем, на патернализм со стороны государства рассчитывает почти каждый третий респондент, чуть больше половины говорят о том, что в будущем надо надеяться только на свои сбережения, и почти каждый десятый рассчитывает, прежде всего, на помощь гипотетических детей и родственников.

Полученные данные свидетельствуют в первую очередь о том, что в молодежной среде поддержка возможного повышения пенсионного возраста в Республике Беларусь пока незначительна. И, очевидно, успешность этих мер в будущем во многом будет зависеть от уровня осознания факта их необходимости.

Информация об авторе

Злотников Андрей Анатольевич, к. с. н., доцент, доцент кафедры политологии и социологии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь, azoloto@tut.by

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС «НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» — КАЧЕСТВЕННО НОВАЯ ОСНОВА ЕВРАЗИИ

А. Р. Конырбай

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В данной работе новые транспортно-логистические инфраструктуры рассматриваются как объект междисциплинарных исследований. Роль торговых путей объясняется пространственной конкуренцией за наиболее выгодное размещение транспортных узлов и сопутствующих видов экономической деятельности на территории стран-участников. Сделан вывод, что в условиях глобализации и создания единых экономических и транспортных пространств конкуренция стран и маршрутов отходит на второй план. В долгосрочном периоде выигрывает тот, кто работает оптимальные логистические продукты.

Ключевые слова: глобализация, логистика, Евразия

Кто командует хартлэндом,
тот командует Мировым островом.
Кто командует Мировым островом,
тот командует миром.
Хэлфорд Маккиндер

Работоспособное население. В «Евразии» проживает почти 75 % мирового населения. 90 % населения КНР проживает на западе и лишь 10 % населения — на востоке страны. Вдоль Шелкового Пути живут около 49 млн работающих людей. Ганьсу обладает самым большим количеством рабочей силы с 13,9 млн людей, следующим идет Узбекистан с 10,2 млн людей.

Уровень образования. Образование — это критическое определяющее производительности населения и возможностей для инноваций. Население, проживающее вдоль Шелкового Пути, обладает высоким уровнем базового образования, и в некоторых китайских провинциях вдоль Шелкового Пути доля людей, закончивших высшее образование по научным и техническим отраслям, превышает средние показатели по государствам.

Уровень грамотности в регионе составляет 99 % в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, тогда как уровень грамотности в Китае составляет около 90,9 %. Довольно высокий уровень гра-

мотности в регионе был достигнут благодаря большой работе в школах начального и среднего звена, как часть наследия Советского Союза.

Показатели здоровья. Общее состояние здоровья населения является другим важным определяющим его производительности. Продолжительность жизни вдоль Шелкового Пути варьируется от 59 лет до 72 лет у мужчин и от 68 до 75 лет у женщин. Китайские мужчины и женщины имеют большую продолжительность жизни, чем у людей Центральной Азии. Статистика показывает, что дети в Китае умирают меньше в возрасте до 5 лет, по сравнению с детьми в Центральной Азии, согласно показателям детской смертности. У Центрально-Азиатских стран на 10 000 людей — от 20 до 40 врачей. Среднее число врачей на 10 000 людей в Европейском регионе — 32 человека. Расходы на здоровье вдоль Шелкового Пути сравнительно низки по сравнению с Европой и Центральной Азией.

Дороги и автотрассы. Одной из ключевых дорожных сетей вдоль Шелкового Пути и по всей Азии является Азиатская автодорога — проект, запущенный ЮНЕСКО по Азии и Тихоокеанскому региону с 1959 г. Азиатская автодорога — это региональная сеть главных международных дорог, пересекающих весь континент. Азиатская автодорога сфокусирована на минимизации использования и усовершенствования существующих дорог в 32 странах-членах и строительстве новых дорог, где нужно завершить соединение с сетью. Имеется большое количество точек пересечений границ Шелкового Пути с Азиатской автодорогой. Если взять Казахстан как пример, его Азиатская автодорожная сеть имеет много граничных пересечений с Российской Федерацией и множественные соединения с Китаем и Узбекистаном. С потенциалом Центральной Азии, при ее рассмотрении как сухопутного моста и транспортного коридора между процветающим восточным побережьем Китая и Европой, большинство успеха региона будет зависеть от сухопутной транспортной инфраструктуры вдоль региона как в плане общей длины так и в плане качества. Центрально-Азиатские страны транспортируют очень маленькую долю груза автомобильным транспортом по сравнению с железнодорожным; из 20 % импорта поставляемого в Центральную Азию автомобильным транспортом, только 4 % экспорта вывозится из Центральной Азии через автодороги.

Китайские провинции вдоль Шелкового Пути прогрессируют в строительстве дорог, за последнее десятилетие присоединив сельские местности к путям сообщения. Статистика увеличения общей длины дорог в Синьцзяне особенно впечатляет: с 34 585 км в 2000 г. до 80 000 км в 2004 г. По данным Азиатского Банка Развития, из 80 000 км дорог в Синьцзяне только 428 км являются автотрассами.

Железные дороги. Железнодорожная сеть в Центрально-Азиатских странах идентична с автодорожной сетью, она была спланирована по руководству Москвы. Другой отличительной особенностью является то, что железные дороги в Центральной Азии остро нуждаются в ремонте и усовершенствовании, которые отложены надолго из-за нехватки финансов. Железные дороги поставлены в приоритет по инфраструктурному строительству по причине того, что они вносят большой вклад в экономическое развитие региона.

Железнодорожный транспорт Казахстана. Общая протяженность ж/д 15 тыс. км, 6 тыс. из которых двухпутные и около 5 тыс. электрифицированные. Развивается терминальная сеть, которая состоит более чем из 40 терминалов внутри Казахстана. Вагонный парк составляет более 120 тыс. грузовых вагонов, из которых 53% относятся к национальной железной дороге и 47% — к частным операторам. Внедрение скоростного пассажирского движения на железной дороге, еще одно преимущество в развитии городов Казахстана. Протяженность международной автомагистрали «Западная Европа — Западный Китай» — 2747 км по территории Казахстана. Она способствует сокращению времени перевозки грузов автотранспортом из Юго-Восточной Азии в Европу и наоборот. Ставка НДС в Казахстане является самой низкой на пространстве Таможенного союза — 12%. В Беларуси — 20%, в России — 18%. Что позволяет импортерам «очистить» товары в Казахстане, для дальнейшей дистрибуции и «распыления» по Таможенному союзу. 90% населения КНР проживает на западе и лишь 10% населения — на востоке страны. Большую роль в развитии Евразийского макрорегиона играют международные автомобильные коридоры. Их протяженность в Казахстане составляет 8041 км. Сеть автомобильных дорог общего пользования включает более 96 тыс. км. Через Казахстан проходят 5 международных автомобильных маршрутов общей протяженностью 23 тыс. км.

В настоящее время в Республике Казахстан зарегистрировано более 4 млн 66 тыс. автотранспортных средств. Международные перевозки грузов осуществляют около 3 тыс. компаний с парком более 13 тыс. автотранспортных средств. Для работы казахстанских автоперевозчиков на международном рынке создана правовая база на основе 59 международных договоров, из которых 40 — двусторонние и 19 — многосторонние. Основные грузоперевозки в экспортном сообщении в Россию — 52%, страны Европы — 14%, Китай — 12%, страны Центральной Азии — 10% и Иран — 4%.

Грузопоток между Казахстаном и европейскими государствами составил 541 тыс. тонн, где доля казахстанских перевозчиков составляет 19,6%, или 106,1 тыс. тонн. Доля российских перевозчиков составляет

14% (75,9 тыс. тонн), белорусских — 9,5% (51,4 тыс. тонн) от общего объема перевозок между Европой и Казахстаном перевозчиками третьих стран, остальными — 56,9% (308 тыс. тонн).

На внутриобластных и городских маршрутах задействовано 16,5 тыс. автобусов. В международном сообщении осуществляются перевозки по 137 регулярным маршрутам, на которых задействован 61 перевозчик с казахстанской стороны с общим парком 368 автобусов. В междугородном межобластном сообщении осуществляются перевозки по 254 регулярным маршрутам, на которых задействовано 86 перевозчиков и 1660 автобусов.

Аэропорты. У больших Центрально-Азиатских стран вдоль Шелкового Пути есть несколько аэропортов. Казахстан владеет 20 (12 международными) аэропортами, у Узбекистана — 24 (5 международных) аэропорта, которые обеспечивают хорошее покрытие стран воздушными маршрутами. У Кыргызстана 5 аэропортов (2 международных аэропорта), у Таджикистана 3 международных аэропорта, это создает большую зависимость от сухопутного транспорта. Основные аэропорты Западного Китая включают в себя аэропорты в Сиане (Шаньси), Ланджоу (Ганьсу), Урумчи (Синьцзяне). Аэропорт Сианьянь в Шаньси — самый большой воздушный хаб в северо-западном Китае. Сиань — это важный внутренний воздушный хаб, соединяющий несколько городов из западных и центральных регионов, откуда осуществляются прямые рейсы в Сеул, Южную Корею, Бангкок, Тайланд, Гонконг и Токио, Китай, Японию и Сингапур.

Транспорт и логистика. Перевозка грузов морем между Восточной Азией и Европой остается самым дешевым и предпочтительным методом, но сухопутная транспортная инфраструктура в Центральной Азии развивается, она может обеспечить жизнеспособную и альтернативную перевозку грузов и пассажиров по Евразийскому континенту.

Информация об авторе

Конырбай Адилет Рашидулы, магистрант факультета востоковедения, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, koniraby93@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В ЭКОНОМИКЕ

Е. В. Романова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Несмотря на наличие мощных интернет-ресурсов, где представлены экономические вербальные модели, к настоящему времени не разработаны формализованные методологии анализа вербальных моделей в экономике. Создание такой методологии является актуальной задачей, поскольку современное научное сообщество старыми методами (экспертный анализ) ее решает все менее эффективно.

Ключевые слова: вербальные модели, анализ, экономика

Даже поверхностное рассмотрение процесса создания и оценивания научных текстов по экономике показывает, что до настоящего времени научным сообществом не предпринимались попытки комплексного, на строгой научной основе, анализа таких текстов как вербальной модели предметной области.

Сам термин «вербальная модель» применительно к научным текстам по экономике требует некоторого пояснения. Прежде всего, условимся, что под вербальной моделью мы будем понимать некоторый научный текст, написанный на естественном языке или его научном диалекте, отражающий реально существующие отношения между объектами предметной области в сфере экономики. Необходимо четко отделять научные тексты от ненаучных, чем, вообще говоря, научное сообщество и занимается в основном. Под ненаучными будем понимать тексты, которые отражают отношения объектов реального мира, не существующие, но порожденные в сознании автора, не нашедшие подтверждения в реальных экономических процессах. Мы понимаем всю сложность такой посылки, поскольку с позиций официальной науки иногда отвергались как ложные новые научные достижения. В то же время перед научным сообществом остро встал вопрос о борьбе с лженаукой, которая порождает громадное количество ложных вербальных моделей. Эти модели, наряду с фантастикой, беллетристикой, имеют право на существование. Для решения же задач по анализу вербальных моделей нам приходится заранее ограничить поле своей деятельности лишь детерминированной частью потока научной информации, на котором можно провести апробацию методов анализа таких моделей и разработать соответствующую методологию.

Предпринимаемые нами попытки показывают, что сложности возникают уже на этапе создания гносеологической карты науки экономики.

Естественно, при общей тенденции переноса активности по созданию таких моделей в интернет-пространство им также присущи все недостатки научных источников в интернет.

Интересны исследователям когнитивные свойства вербальных моделей и возможности реализации формальных подходов к определению когнитивных свойств вербальных моделей. Здесь следует отметить, что экономической науке существенную помощь может оказать такой инструментарий информатики как наукометрия и информетрия, широкое использование библиометрических процедур, методов анализа научного цитирования, создание тезаурусов, антологий.

Автор работы [1, с. 50] много лет отстаивает идею эффективности использования для целей анализа в экономике тезаурусного метода, включающего в себя методологию формирования тезаурусной модели предметной области в экономике, методологию оценки когнитивных свойств тезаурусной модели предметной области в экономике, особенности оценивания детерминированной части тезаурусной модели предметной области в экономике, особенности оценивания стохастической части тезаурусной модели предметной области в экономике, оценивание когнитивных свойств тезаурусной модели на основе стохастической части тезауруса.

Методология создания информационной инфраструктуры, необходимой для анализа вербальных моделей в экономике

Важным полученным выводом было постулирование необходимости изменения концептуального подхода к созданию информационного ресурса, необходимого для анализа вербальных моделей в экономике. Современная информационная инфраструктура страны потенциально готова к созданию, анализу и оценке информационного ресурса экономической науки. Отечественной аналитикой фактически определены основные направления развития информационного ресурса для целей анализа вербальных моделей в экономике, методологические принципы организации информационно-аналитических систем для оценки вербальных моделей в экономике.

Рассматривая когнитивные свойства некоторой вербальной модели (научного текста), мы предполагаем сравнение этого текста с другими, близкими по тематической направленности текстами, и исходим из принципа: у этого больше когнитивных свойств, у этого меньше. Следовательно, для анализа вербальной модели необходимо располагать некоторой авторитетной коллекцией текстов данной тематической направленности. Причем, как минимум, данная коллекция должна быть

статистически достоверна, а лучше всего, и современные информационные технологии это позволяют, охватывать почти все текстовые источники по данной тематике.

Вопросами формирования наиболее полных коллекций текстов занимается корпусная лингвистика. Для анализа вербальных научных моделей необходим массив текстов не в архиве или библиотеке, а в машиночитаемом виде. Для экономической науки вопрос, где находится ее корпус русскоязычных текстов, остается открытым. Это означает, что необходимо определить критерии формирования корпуса текстов по экономике, выявить источники, на основе которых можно формировать корпус текстов по экономике, определить с учетом развития экономической науки в стране, каков предполагаемый объем такого корпуса, его тематическую направленность. Безусловно, в процессе сбора текстов необходимо обеспечить полноценный охват всех разделов экономики, разметить тексты определенным образом, снабдить их специализированной информационно-поисковой системой.

Задача создания корпуса текстов по экономике облегчается наличием множества таких текстов в интернет. Необходимо также тщательно проработать вопрос об авторском праве. Известны уже случаи подачи судебных исков к составителям базы данных системы антиплагиата, авторы текстов резонно задают вопрос: на каком основании их работы включила в свою базу данных некоторая организация и использует ее в коммерческих целях?

Какие же массивы текстов накопила корпусная лингвистика в русскоязычном секторе интернет, и что может представить интерес для экономической науки? Прежде всего, необходимо упомянуть о проекте «Национальный корпус русского языка» РАН (<http://ruscorpora.ru>). В данном корпусе представлено более 150 млн слов. Этот ресурс создан для лингвистов, экономическая наука его не использует. Лингвисты декларируют, что они заинтересованы в полноценном представительстве всех отраслей человеческой деятельности в этом ресурсе, в том числе экономики. Однако экономика представлена как малая часть в разделе нехудожественных текстов (бизнес, коммерция, экономика, финансы), всего около 3 млн словоформ. Лингвисты, таким образом, пребывают в уверенности, что современный русский язык формируется большей частью вне сферы материального производства, вне сферы распределения и потребления материальных благ, а в основном, в сфере производства художественных, ненаучных текстов. В качестве характеристик текста составители корпуса используют: авторство текста, название, время создания, объем, сферу функционирования, тип и тематику текста. В целом сказанное означает, что тексты национального корпуса русского языка

для анализа когнитивных свойств вербальных моделей в экономике не могут быть использованы.

Список литературы

1. *Романова Е. В.* Формирование информационно-лингвистического обеспечения систем электронной коммерции : дисс. ... канд. экон. наук. М., 2006. 300 с. Машинопись.
2. *Российский индекс научного цитирования* [Электронный ресурс] // 2007. URL: http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp (дата обращения: 20.03.2012).

Информация об авторе

Романова Елена Витальевна, к. э. н., доцент, доцент кафедры прикладных информационных технологий ИОН РАНХиГС, Москва, Россия, romanova_yelena@inbox.ru

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЯН

В. А. Сушко

Московский государственный университет им. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В современном российском обществе существует множество неразрешенных социальных проблем: бедность, низкая рождаемость, высокая смертность, коррупция, безработица, алкоголизм, наркомания, преступность, проституция, нарушения прав человека, миграционная проблема, детская беспризорность, сложное положение пенсионеров и инвалидов, социальное неравенство, экстремистские движения, терроризм, неблагоприятная экологическая ситуация. Наряду с данными проблемами, одной из наиболее важных, на наш взгляд, социальных проблем является низкое социальное самочувствие населения. Феномен социального самочувствия уникален и актуален тем, что он одновременно и автономен, и аккумулирует в себе все вышеназванные социальные проблемы. Забота о социальном самочувствии в нашей стране не проводится, исследования по данной проблеме либо не ведутся, либо носят лишь фрагментарный мониторинговый характер.

Ключевые слова: россияне, социальное самочувствие, самоидентификация

Социальное самочувствие находится в прямой зависимости от пола, возраста, места жительства, вероисповедания, профессиональной принадлежности, полученного образования, однако все данные характеристики, по нашему мнению, оказывают влияние на индивида через призму именно его самоидентификации.

Данная проблема также особенно важна для нашего общества из-за того, что в условиях социальных трансформаций российского общества актуализируется проблема социального самоопределения личности. Глобальные перемены в жизни российского общества создали уникальные механизмы формирования новых идентификаций в обществе, возросла потребность в отнесении себя к чему-либо, что и привело к идентификационному синдрому, благодаря которому возросла способность формирования новых механизмов социогрупповых идентификаций, а именно активизировался процесс социальной идентификации личности.

Специфика социологического подхода к изучаемой проблеме состоит в том, что она отличается своей социальностью, детерминированностью социальных процессов и взаимосвязей в механизме самоидентификации и его влиянии на социальное самочувствие.

Актуальным для российского общества является исследование самоидентификационных механизмов среди индивидов в возрасте от 22 до 55—60 лет. Начальный интервал вызван тем, что именно к этому возрасту подавляющее большинство индивидов располагает полным набором социальных статусов и ролей, обладает материальной и социальной самостоятельностью, отличается интегрированностью в общество, и проблема самоидентификации выходит на первый план. Вторая возрастная граница установлена исходя из того, что индивиды старше 55 лет становятся более консервативными и однородными в своей самоидентификационной оценке.

Социологическое исследование является тем инструментом, которое на теоретическом и эмпирическом уровнях помогает познать данную социальную реальность. Разработка методической концепции социологического исследования обусловлена рядом характерных особенностей, которые присущи современному уровню изучения и исследования проблемы в системе социологического научного знания: во-первых, фрагментарным характером теоретико-методологического осмысления феномена самоидентификации как фактора формирования социального самочувствия; во-вторых, новизной данной социальной проблемы в исследовательской деятельности российских и зарубежных социологов; в-третьих, размытостью сущностного содержания явления социального самочувствия.

Методическая концепция исследования проблемы влияния самоидентификации на социальное самочувствие населения обосновывает необходимость вычленения в комплексе исследовательских методов конкретных технических разновидностей этих методов, которые позволят обеспечить решение поставленных задач на каждом этапе проводимого социологического исследования.

Анализ основывается на эмпирических данных, полученных в результате проведения анкетного опроса*, в ходе которого были опрошены 500 человек в возрасте от 25 до 55 лет, являющихся гражданами России и проживающих в Москве на момент проведения опроса.

Говоря о степени удовлетворенности индивидов жизнью в различных сферах, были рассмотрены такие основополагающие для каждого человека сферы, как материальное положение, профессиональная сфера, семейная сфера, отношения с друзьями, полученное образование и условия жизни.

* Исследование «Самоидентификация как фактор формирования социального самочувствия» проводилось студентами отделения социологии Французского университетского колледжа МГУ им. М. В. Ломоносова в 2015 г. под руководством автора, выборка составила 500 человек.

Анализировалась самооценка внутреннего состояния, которая состоит из таких составляющих, как самооценка своего здоровья, самооценка своего преобладающего настроения, самооценка своего места в жизни, уверенность в завтрашнем дне и вера в будущее.

Затем был проанализирован показатель «оценка внешних условий», который состоит из оценки современной социально-экономической ситуации в стране, оценки общего вектора развития страны, наиболее беспокоящих проблем, наличия желания вернуться в советское прошлое или жить в другой стране.

Вопрос об оценке современного социально-экономического положения России и вектора развития нашей страны задавался респондентам не для выявления знаний и способностей анализировать информацию, а, скорее, для выявления личной установки, основанной на ощущениях правильности или неправильности направления развития страны. Советское прошлое ушло безвозвратно, но оно все еще сохраняется в памяти большей части людей. Именно эти люди помнят ту реальность, те жизненные условия и одновременно являются очевидцами нынешнего настоящего. Они способны, сопоставив, вспомнив свои ощущения «советской» жизни, оценить состояние настоящего через прошлое.

Желание жить в другой стране — еще один знаковой показатель социального самочувствия. Поскольку граждане современной России имеют возможность выезжать и путешествовать за рубежом, они видят условия жизни людей в других странах и, сравнивая, условия жизни в нашей стране и в других странах, способны рефлексивно подойти к оценке российской действительности.

Особый интерес представляет наличие острого противопоставления себя другим группам, т. е. полное неприятие других групп, которое выражается респондентом через вариант ответа «не могу принять».

Роль самоидентификации как фактора формирования социального самочувствия — проблемы нашего исследования — раскрывается через степень влияния самоидентификации на социальное самочувствие.

По нашей гипотезе, отрицательное влияние самоидентификации на формирование социального самочувствия оказывают такие самоидентификационные факторы, как причисление себя к семье, группе друзей, сверстников, группам социальной взаимопомощи, группе по территориально-поселенческим принадлежностям; наличие острого противопоставления себя другим группам; наличие множества негативных идентификаций; наличие диффузной или эмоциональной идентичности. Данные факторы способствуют формированию кризисного (отчаявшегося, агрессивного) или переходного (беспокойного) типа социального самочувствия.

И напротив, положительное влияние самоидентификации на формирование социального самочувствия оказывают такие самоидентификационные факторы, как причисление себя к группе по этническому, национальному, профессиональному, имущественному, религиозному и ценностному признакам, к группе по интересам; отсутствие острого противопоставления себя другим группам; наличие множества позитивных идентификаций; наличие конструированной или аскриптивной идентичности.

Результаты проведенного социологического исследования позволяют оценить социальное самочувствие взрослого населения современного российского общества, охарактеризовать преобладающие самоидентификации у взрослого населения Москвы, а также выявить зависимость социального самочувствия от различного типа самоидентификаций. Социальное самочувствие взрослого населения характеризуется высокой удовлетворенностью всеми сферами жизни, средним уровнем самооценки своего внутреннего состояния, низким уровнем оценки внешних условий. В целом оно соответствует переходному (беспокойному) типу социального самочувствия.

Для феномена самоидентификации свойственны в большей степени:

- во-первых, причисление себя индивидами к своему ближайшему окружению, профессиональной группе и группе по ценностному признаку;
- во-вторых, выделение таких оппозиционных групп в Москве, как бедные и богатые, русские и люди других национальностей, при этом подавляющее большинство опрошенных респондентов ассоциирует себя с бедными и русскими соответственно;
- в-третьих, отсутствие острого противопоставления себя другим группам, при этом максимальное недоверие выражается в сфере близкородственного общения.

Таким образом, исследование проблемы влияния самоидентификации на социальное самочувствие взрослого населения в современном российском обществе требует более детального изучения, в частности, проведения качественных исследований по данной проблеме, что позволит глубже понять мотивы и причины определенных суждений и мнений респондентов.

Информация об авторе:

Сушко Валентина Афанасьевна, к. с. н., доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, valentina.sushko@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Е. В. Фарбер

*Первый московский государственный медицинский университет им. Сеченова,
Москва, Россия*

Аннотация. В научном мире нет единого принятого понятия качества жизни. Большинство исследований качества жизни в России отдают предпочтение его экономическим показателям. Легальное определение качества жизни пытались давать ООН, ВОЗ, но данные определения остаются набором определенных индикаторов и коэффициентов в большем или меньшем количестве. В некотором смысле в этом нет необходимости, поскольку перечень показателей на сегодняшний день остается открытым и до сих пор видоизменяется.

Ключевые слова: качество жизни, методология, Индекс человеческого развития

На современном этапе развития Российской Федерации категория «качество жизни» не достигла законодательного уровня и рассматривается пока только на подзаконном.

Впервые о повышении уровня жизни и качества жизни российских граждан было заявлено в указе Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п. 51, 52, 53), где акцент традиционно сделан на экономические задачи [1], что, в свою очередь, отразило направленность большинства исследований качества жизни в России, проводимые экономическими науками, которые отдавали и отдают предпочтение экономическим показателям качества жизни.

Качество жизни является самостоятельным обширным исследовательским направлением, хотя и появилось как лозунг, не имея под собой научного обоснования. На западе увлеченность качеством жизни началась в 1960-е гг. В эти годы в методологии качества жизни были разработаны основные исследовательские направления в рамках объективистского подхода. Объясняется это научно-техническим прогрессом и достижением в этот период в ряде западных стран достаточно высокого уровня жизни.

Однако исследователи качества жизни стали осознавать, что изобилие товаров не всегда определяет качество жизни человека. Поэтому в рамках того же объективистского подхода постепенно происходило

смещение поля зрения с чисто экономических на социальные объекты исследований: с высокой добычи нефти, уровня экспорта, ВВП и т. п. на такие объекты, как уровень рождаемости, заболеваемости, смертности, продолжительность жизни.

Но только в 2008 г. на высшем политическом уровне был сделан определенный прорыв, когда Комиссия по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (комиссия Стиглица-Сена-Фитусси) предложила использовать показатель «качество жизни» как критерий экономического развития общества вместо ВВП. В определении «качества жизни» Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса появились продолжительность жизни, уровень грамотности, образованность и т. п.

Необходимо отметить, что социологические показатели, такие как смертность населения, доля умерших в трудоспособном возрасте, доля впервые выявленных случаев онкологических заболеваний на ранних стадиях и т. п. присутствуют в российском нормативно-правовом регулировании в сфере здравоохранения, например, при определении критериев доступности и качества медицинской помощи [2].

Однако и экономические показатели, и социальные являются объективными составляющими качества жизни. Несмотря на то, что в научном мире закрепилось непреложное теоретическое положение о том, что качество жизни — это единство объективных и субъективных компонентов, на практике это не находит своего применения. Взять, например, Индекс человеческого развития, по которому выстраиваются рейтинги стран [3]. По статистическим данным Индекс учитывает долголетие, образованность, покупательную способность и т. п., т. е. исключительно объективные данные [4], и на него никак не влияет субъективный компонент, к которому относят самочувствие граждан, их удовлетворенность различными факторами, оценка ими безопасности в разных сферах своей жизни и т. д.

Некоторым образом схожая ситуация — в исследованиях качества жизни в медицине. Большинство медицинских исследований, направленных на определение качества жизни пациентов основывает свои данные на опросниках. В этой сфере существуют общие опросники (применимые для всей популяции) и нозоспецифические (предназначенные для оценки качества жизни при определенном заболевании) [5]. Исследователи качества жизни в медицине критикуют биомедицинский подход в лечении пациента и предлагают различное количество параметров для наиболее полного и точного исследования всех аспектов жизнедеятельности пациента. Однако по результатам таких опросников получается, что обрабатываются данные, содержащие субъективную оценку пациента или группы

пациентов, т. е. исключительно субъективный компонент качества жизни. Объективная составляющая в данном подходе отсутствует.

Из всего изложенного можно сделать ряд следующих выводов:

1. На практике во многих исследованиях и статистических измерениях отсутствует единство объективных и субъективных показателей.
2. В научном мире нет единого принятого понятия качества жизни. Легальное определение качества жизни пытались давать ООН, ВОЗ, но данные определения остаются набором определенных индикаторов и коэффициентов в большем или меньшем количестве. В некотором смысле в этом нет необходимости, поскольку перечень показателей на сегодняшний день остается открытым и до сих пор видоизменяется.
3. В СМИ, в том числе в сети интернет, понятие «качество жизни» в большей мере используется в политическом и идеологическом контекстах, нежели в научном, что показал контент-анализ СМИ и интернет-источников, проведенный А. М. Алмакаевой [6].
4. Когда политический аспект превалирует, то для широкого круга лиц понятие «качество жизни» представляется некоей новой версией светлого будущего. Какие за этой идеей права, обязанности, ограничения у государства и отдельного гражданина — при такой трактовке, непонятно и необъяснимо.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=191669> (дата обращения: 22.02.2016).
2. Постановление Правительства РФ от 19.12.2015 № 1382 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2016 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=191018> (дата обращения: 22.02.2016).
3. Программа развития ООН: Индекс человеческого развития // [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843> (дата обращения: 27.02.2016).
4. Список стран по индексу человеческого развития [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/СПИСОК_СТРАН_ПО_ИНДЕКСУ_ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО_РАЗВИТИЯ (дата обращения: 29.02.2016).
5. Шишкова Ю. А., Суркова Е. А., Мотовилин О. Г., Майоров А. Ю. Качество жизни при сахарном диабете: определение понятия, современные подходы к оценке, инструменты для исследования // Сахарный диабет. 2011. № 3.

6. Алмакаева А. М. Категория «качество жизни» в научном и общественном дискурсе: опыт Веб-страниц Интернета // Социология: методология, методы, математические модели. 2006.

Информация об авторе

Фарбер Елена Владиславовна, ассистент кафедры медицинского права Первого МГМУ им. Сеченова, Москва, Россия, flame-738@mail.ru

29. Инструменты и рецепты социологических исследований

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. В. Барановский, П. П. Шевель

*Научно-исследовательский центр Вооруженных сил Российской Федерации, Москва,
Россия*

Аннотация. В 2014 г. крупными исследовательскими организациями, такими как Всероссийский центр изучения общественного мнения, Фонд общественного мнения, «Левада-центр» и Научно-исследовательский центр (социологический) Вооруженных Сил РФ проведены опросы общественного мнения на предмет изучения отношения граждан России к Вооруженным Силам. На примере этих опросов наглядно видно, каким образом различия в методологических подходах не только не позволяют качественно провести сравнительный анализ данных, но и существенно влияют на результаты исследований. Для наглядности были проанализированы два показателя, измеряемые в исследованиях всех вышеназванных организаций.

Ключевые слова: социологические исследования, сравнительный анализ

Самым объективным доказательством доверия населения к армии выступает готовность и желание того, чтобы близкий родственник проходил службу в Вооруженных Силах. Этот показатель измеряется всеми интересующими нас организациями. Наиболее схожи формулировки вопросов, задаваемых ВЦИОМ и НИЦ (с) ВС РФ. Социологи ФОМ и «Левада-центра» конкретизировали вопрос, предложив респондентам поразмышлять лишь о военной службе по призыву (табл. 1).

Интересно, что при конструировании шкал все исследовательские организации пренебрегли средним значением, в результате чего не получилось в полной мере соблюсти процедуру операционализации и построения порядковой шкалы. Размерность шкал также отлична и варьируется от трех- до пятичленной. При этом специалисты ФОМ добавили вариант ответа, при котором у опрошенного может не быть родственника, подлежащего призыву на военную службу («у меня нет таких родственников»), а также, как и социологи НИЦ (с) ВС РФ, добавили вариант ответа «мне все равно». Однако данный подход при построении полностью упорядоченной шкалы представляется недостаточно верным, так как нарушает

размерность шкалы, не позволяет всесторонне раскрыть изучаемый признак и затрудняет (более того, делает невозможным) использование полученных данных для сравнительного анализа с целью выявления динамики показателя доверия к армии.

Таблица 1. Сравнение результатов измерения доверия населения к Вооруженным Силам РФ

	Исследовательская организация			
	ВЦИОМ	ФОМ	Левада-Центр	НИЦ (с) ВС РФ
Показатель	Доверие армии (2014)			
Вопрос	Хотели бы вы, чтобы ваш сын, брат, муж или другой близкий родственник служил сейчас в армии?	Есть ли у вас сын или родственник допризывного возраста? Если да, то вы бы хотели или не хотели, чтобы он пошел служить в армию?	Если бы кто-то из членов вашей семьи подлежал призыву в армию, вы бы предпочли, чтобы он прошел службу в армии — или стали бы искать способ избежать службы в армии?	Хотели бы Вы, чтобы Ваш сын, брат, муж или другой близкий родственник служил сейчас в российской армии или не хотели?
Варианты ответов	1. Скорее да, хотел(а) бы 2. Скорее нет, не хотел(а) бы 3. Затрудняюсь ответить	1. У меня нет таких родственников 2. Хотел(–а) бы 3. Не хотел(–а) бы 4. Мне все равно 5. Затрудняюсь ответить	1. Предпочли бы, чтобы он прошел службу в армии 2. Стали бы искать способ избежать службы в армии 3. Затруднились ответить	1. Скорее да 2. Скорее нет 3. Мне все равно 4. Затрудняюсь ответить
Результат (в %)	1—53 2—41 3—7	1—65 2—20 3—8 4—2 5—4	1—48 2—33 3—19	1—71 2—17 3—3 4—9
Тип шкалы	Порядковая	Частично упорядоченная	Частично упорядоченная	Частично упорядоченная
Размерность шкалы	3	5	3	4
Выборочная совокупность (чел.)	1600	1500	1600	2547

	Исследовательская организация			
	ВЦИОМ	ФОМ	Левада-Центр	НИЦ (с) ВС РФ
Описание выборки	Всероссийская репрезентативная выборка, квотная. Квоты: пол, возраст, образование. 130 населенных пунктов в 46 регионах.	Репрезентативная всероссийская выборка населения. Возраст 18 лет и старше. 100 населенных пунктов в 43 регионах.	Репрезентативная всероссийская выборка городского и сельского населения. Возраст 18 лет и старше. 137 населенных пунктов в 48 регионах.	Всеармейская случайная квотная выборка. В 64 точках опроса.
Статистическая погрешность	3,5%	3,6%	3,4/4,1%	5%
Метод	Массовый опрос	Интервью в режиме face-to-face по месту жительства респондентов	Личное интервью на дому	Массовый опрос (анкета)

Разнятся также методы проведения исследования. Если ВЦИОМ и НИЦ (с) ВС РФ используют для получения данных массовый опрос, то ФОМ и «Левада-центр» интервьюируют своих респондентов. Таким образом, разница в результатах составляет в среднем около 5%, что составляет весьма значительную часть опрошенных.

Анализ изучения мнения респондентов о боеспособности армии показал, что снова при построении шкал социологами не учитывается среднее значение, различаются методы и размерность измерительных шкал. В результате чего данные опросов ВЦИОМ и «Левада-центра» различаются на 26%(!): по результатам ВЦИОМ, считают, что российская армия способна защитить Россию в случае реальной угрозы, 86% респондентов, а по результатам «Левада-центра» — лишь 60%. Также необходимо заметить, что чем больше методологически схож социологический инструментарий, тем более схожи и результаты исследований. В интересах доказательства данного тезиса следует обратить внимание на результаты ВЦИОМ и НИЦ (с) ВС РФ, приведенные в табл. 2.

Таблица 2. Сравнение результатов измерения боеспособности Вооруженных Сил РФ

	Исследовательская организация			
	ВЦИОМ	ФОМ	Левада-Центр	НИЦ (с) ВС РФ
Показатель	Боеспособность армии (2014)			
Вопрос	Как Вы думаете, способна ли наша армия сейчас защитить Россию в случае реальной военной угрозы со стороны других стран?	На Ваш взгляд, сегодня Вооруженные Силы Российской Федерации способны или не способны обеспечить безопасность страны?	Как Вы думаете, способна ли наша армия сейчас защитить Россию в случае реальной военной угрозы со стороны других стран?	Способна ли наша армия защитить Россию в случае реальной военной угрозы со стороны других стран?
Варианты ответов	1. Определенно да 2. Скорее да 3. Скорее нет 4. Определенно нет 5. Затрудняюсь ответить	1. Способны 2. Не способны 3. Затрудняюсь ответить	1. Да 2. Нет 3. Затрудняюсь ответить	1. Определенно да 2. Скорее да 3. Скорее нет 4. Определенно нет 5. Затрудняюсь ответить
Результат (в %)	1—32 2—54 3—7 4—1 5—5	1—74 2—7 3—20	1—60 2—24 3—16	1—37 2—48 3—7 4—1 5—7
Тип шкалы	Порядковая	Порядковая	Порядковая	Порядковая
Размерность шкалы	5	3	3	5
Выборочная совокупность (чел.)	1600	1500	1600	2547

	Исследовательская организация			
	ВЦИОМ	ФОМ	Левада-Центр	НИЦ (с) ВС РФ
Описание выборки	Всероссийская репрезентативная выборка, квотная. Квоты: пол, возраст, образование. 130 населенных пунктов в 46 регионах.	Репрезентативная всероссийская выборка населения. Возраст 18 лет и старше. 100 населенных пунктов в 43 регионах.	Репрезентативная всероссийская выборка городского и сельского населения. Возраст 18 лет и старше. 137 населенных пунктов в 48 регионах.	Всеармейская случайная квотная выборка. В 64 точках опроса.
Статистическая погрешность	3,5%	3,6%	3,4/4,1%	5%
Метод	Массовый опрос	Интервью в режиме face-to-face по месту жительства респондентов	Личное интервью на дому	Массовый опрос (анкета)

Таким образом, в интересах возможности более эффективного проведения вторичного анализа результатов социологических исследований, считаем целесообразным осуществить некоторую стандартизацию в подходах к формулированию вопросов и ответов социологического инструментария. Здесь мы ни в коем случае не требуем от исследовательских организаций шаблонного подхода к построению вопросов исследования. Однако видится логичным и целесообразным при изучении одинаковых показателей использовать схожие подходы к формулировке ответов.

Например, на вопрос о доверии к Вооруженным Силам трехчленная шкала может выглядеть следующим образом: *минимальное значение, среднее значение, максимальное значение*. Вопросная форма пятичленной шкалы может выглядеть следующим образом: «Как Вы считаете, способна ли наша армия сейчас защитить Россию в случае реальной военной угрозы со стороны других стран?»

- 1 — определенно да
- 2 — скорее да, чем нет
- 3 — и да, и нет
- 4 — скорее нет, чем да
- 5 — определенно нет.

При этом можно использовать и другие варианты ответов «способна», «скорее способна», «и да, и нет», «скорее не способна» и «не способна».

Или в любой другой формулировке, при условии обязательного сохранения среднего варианта ответа и не злоупотреблении вариантом ответа «затрудняюсь ответить», который, во-первых, нарушает разрядность порядковой шкалы и позволяет респонденту лишний раз уйти от ответа на вопрос.

В заключение хотелось бы обратить внимание на необходимость создания, наполнения и развития в сети интернет базы данных типовых вопросов, используемых в ходе социологических исследований, для того чтобы у любого ученого (студента, молодого специалиста и т. п.) была возможность при разработке социологического инструментария использовать апробированные « типовые формулировки » вопросов и ответов с дальнейшей возможностью проведения сравнительного анализа полученных результатов с данными ведущих исследовательских организаций. Все это повысило бы профессиональный уровень подготовки студентов-социологов и молодых специалистов и способствовало развитию социологического знания.

Информация об авторах

Барановский Максим Витальевич, к. с. н., старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Вооруженных Сил РФ, Москва, Россия, m.baranovskj@gmail.com

Шевель Петр Петрович, к. с. н., старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Вооруженных Сил РФ, Москва, Россия, shevelpetr@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

П. Е. Голосов, В. И. Горелов, О. Л. Карелова, А. И. Федосеев

*Российская академия государственной службы и народного хозяйства
при Президенте РФ; Московский государственный лингвистический университет;
Московский гуманитарный университет, Москва, Россия*

Аннотация. Предлагается методика построения многокритериальной оценки для сложных социально-экономических систем, опирающаяся на системный подход при конструировании весов влияния факторов через построение когнитивной модели описания состояния объекта.

Ключевые слова: когнитивные модели, интегральные показатели

Проблема оценки состояния любого объекта разбивается на ряд больших проблем [1]:

- проблему классификации, т. е. оптимального выбора системы исходных показателей, которая всесторонне должна описывать изучаемый объект;
- проблему весовых коэффициентов показателей, показывающих их значимость (важность) для исследования состояния рассматриваемого объекта;
- проблему унификации оценок, возникающую из-за несопоставимости показателей для описания какого-либо признака на различных объектах;
- отсутствие в последние годы значимого интереса математиков к решению практических задач в этой области, что ведет к разработке оценок специалистами прикладных наук, которые стараются при помощи им известного аппарата отобразить наиболее типичные или значимые стороны исследуемых объектов.

В результате появляются оценки, такие как Индекс развития человеческого потенциала, различные методики расчета социально-экономического состояния, экологические и экономические оценки и т.д., характеризующие с какой-то стороны исследуемый объект. Все эти оценки характеризуют исследуемый объект субъективно, поскольку, с одной стороны, опираются на экспертные веса значимости показателей, а с другой — не исследуют все грани состояния объекта. Из-за разброса оценок, разнообразия показателей, часто качественных, характеризующих разные грани исследуемого объекта, потребителю оценок сложно существенно опираться на них при принятии решений, поскольку они

не создают полной картины состояния объекта и взаимного влияния выбранных независимых показателей друг на друга.

Здесь следует отметить, что при малом числе исследуемых граней объекта и малой цене ошибки, экспертные методы формирования оценки (например, МАИ) хорошо помогают при принятии решений, а в сложных, больших системах резко возрастающая цена ошибки, заставляет лицо, принимающее решение, с большой опаской относиться к различным экспертным оценкам.

Пусть состояние системы в текущий момент времени описывается вектором значений факторов, приведенных к 1: $x(0) = (1, \dots, 1)$. Специфика социально-экономических систем позволяет применять правило импульсного процесса. Импульсное воздействие на систему заключается в скачкообразном изменении факторов. Будем задавать это воздействие вектором начального импульса $p(0) = (p_1(0), \dots, p_n(0))$, измеренном в долях текущих значений факторов. После k шагов прохождения импульса по системе накопленные значения вершин определяются формулой

$$x(k) = x(0) + p(0)(E + A + A^2 + \dots + A^{k-1}). \quad (1)$$

Реакцию системы на возмущение *в текущий момент времени* определим как предел, к которому стремятся накопленные изменения факторов при неограниченном увеличении числа шагов:

$$F = \lim_{k \rightarrow \infty} x(k) - E(0), \quad (2)$$

где F — вектор реакции,

k — шаг прохождения сигнала-воздействия через систему,

$x(k)$ — значение вектора факторов на соответствующем шаге,

A — матрица смежности системы,

$p(0)$ — вектор возмущений.

В силу свойств организации и адаптивности системы, этот предел должен существовать. Заметим, что если реакция системы бесконечна, то нарушается признак организации системы, так как система оказывается неустойчивой и не сохраняется при ограниченном возмущении. Таким образом, реакция системы на ограниченное возмущение должна быть ограниченной.

Пусть найдены реакции когнитивной системы на изменение ее отдельных вершин по формулам (1) и (2). Результат воздействия единичным импульсом на вершину с номером i орграфа выражается вектором состояния (реакции) $F_i = \{x_{ij}\}_{j=1, \dots, n}$. В силу линейности когнитивной модели, результат воздействия на систему распределенным импульсом $p = (p_1, \dots, p_n)$ будет выражаться вектором состояния $\{p_j x_{ij}\}_{i=1, \dots, n}$. Таким образом, мы получаем набор векторов альтернатив, которые необходимо

оценить по степени соответствия конечного состояния системы целям управления.

Оценивание поведения системы и вариантов действий представляет собой задачу многокритериальной оценки, проблему в которой создает так называемая противоречивость отдельных показателей (т. е. улучшение одних показателей при ухудшении других).

Известны несколько методов многокритериальной оценки и выбора альтернатив, основанные на некоторой свертке вектора значений параметров системы. При применении этих методов для оценки альтернатив из конечного множества возникает несколько функций выбора, часто противоречивых между собой.

Выход из создавшегося положения видится в строгом аксиоматическом подходе к определению функции выбора, заключающийся в априорном задании условий, которым должно удовлетворять правило выбора альтернатив.

Прежде всего, отметим два условия, которым должны удовлетворять факторы когнитивной системы для построения оценки.

Условие 1.

Для каждого фактора задано отношение предпочтения в виде строгого неравенства; множество факторов, для которых предпочтительно большее (меньшее) значение, будем обозначать I_1 (I_2).

Условие 2.

Факторы являются независимыми. Поясним, что имеется в виду:

- Первое условие — *линейная независимость факторов*. Конечно, все факторы влияют друг на друга, прямо или косвенно, точнее — каждый фактор влияет на систему в целом. Исходя из этого соображения, собственно, и строится когнитивная система. Однако *ни один из факторов не может быть представлен в виде комбинации других факторов*.
- На практике, вычисляя коэффициенты линейной регрессии, для определения весовых коэффициентов связей системы, мы обнаруживаем статистические линейные зависимости между значениями факторов *в среднем* для различных состояний моделируемой системы. Но значение какого-либо фактора для конкретного состояния (например, для конкретной территории) не может быть вычислено на основании сведений о значениях другого фактора. Таким образом, ни один из выбранных факторов не может быть выброшен из общей оценки состояния системы без ущерба объективности этой оценки.
- Второе условие независимости — *независимость отношения предпочтения для каждого фактора от значений остальных факторов*. Так, например, при построении оценки города мы не можем выбрать

в качестве фактора общую площадь городской территории, занятой парками, так как информация о значении этого параметра бессмысленна без информации о площади, которую занимает весь город.

Проведя аналогию между задачами группового и многокритериального выбора, мы получили возможность применить для обоснования функции полезности известные аксиомы Эрроу. Введение в структуру аксиом количественной информации о сравнении альтернатив, названной нами силой сравнения, позволяет избежать результата аксиомы 2 Эрроу о невозможности построения конструктивной оценки [2]. Подробное изложение этих результатов можно найти в [3,4].

Для оценки альтернативных вариантов реакции когнитивной системы мы предлагаем метод, полученный обобщением метода парных сравнений альтернатив путем внесения количественной информации, и названный поэтому методом парных сравнений с весами. Оценка альтернатив F_i при этом производится по формулам:

$$w(F_i) = \sum_{j=1}^n y_{ij},$$
$$\text{где } y_{ij} = \frac{\pm x_{ij}}{\Delta_j}, \quad \Delta_j = \max_{i=1..n} \{x_{ij}\} - \min_{i=1..n} \{x_{ij}\}.$$

Такая оценка является содержательной и определяет правило ранжирования альтернатив, удовлетворяющее модифицированной системе аксиом Эрроу.

Список литературы

1. *Тикунов В. С.* Классификации в географии. М. ; Смоленск : Из-во СГУ, 1997. 363 с.
2. *Робертс Ф. С.* Дискретные математические модели с приложением к социальным, биологическим и экономическим задачам. М. : Наука, 1986 г.
3. *Евстигнеев Д. В., Ледащев Т. Н.* Аксиоматическое построение взвешенной многокритериальной оценки и анализ альтернатив развития когнитивной системы. Журнал «Исследовано в России» [Электронный ресурс]. 2003. 135/ 030811. С. 1584—1591. URL: <http://zhurnal/ape/relarn/ru/articles/2003/134.pdf>.
4. *Горелов В. И.* Управление развитием регионов. М. : Из-во «Эконинформ», 2007. 163 с.

Информация об авторах

Голосов Павел Евгеньевич, к. т. н., зав. кафедрой прикладных информационных технологий ИОН РАНХиГС, Москва, Россия, pgolosov@gmail.com;

Горелов Владимир Иванович, д. т. н., профессор кафедры прикладных информационных технологий ИОН РАНХиГС, Москва, Россия, vigorelov@mail.ru;

Карелова Оксана Леонидовна, д. физ.-мат. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга МГЛУ, Москва, Россия, okarelova@yandex.ru

Федосеев Артем Игоревич, к. э. н., зав. кафедрой прикладной информатики МосГУ, Москва, Россия, artvihr@outlook.com

ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Ф. Ф. Ишкинеева, С. А. Ахметова

Казанский федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Аннотация. Исследовательский проект в Казанском университете инициирован онкологами, воодушевленными возможностью раннего выявления у женщин рисков развития рака молочной железы и рака яичников. Было установлено, что женщины с мутациями генов BRCA-1 и BRCA-2 имеют высокий риск развития рака груди (в 70% случаев) и рака яичников (в 80% случаев), особенно в молодом возрасте. Поэтому для предупреждения онкологических заболеваний целесообразно определение характера генов BRCA в геноме человека. При обнаружении таких мутаций эффективным способом предупреждения развития онкологического заболевания считается профилактическая операция — упреждающее удаление органа, являющегося потенциальным источником угрозы. В связи с этим актуализировалась необходимость изучения мнений женщин о возможности профилактики и лечения онкологических заболеваний.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование, онкология, социология

Основные задачи проекта касались выявления 1) степени осведомленности российских женщин о рисках, связанных с генетикой; 2) наличия/отсутствия у женщин мотивации к проведению генодиагностики; 3) возможные действия женщин на основе полученных знаний о результатах обследования.

Предлагаются статистическая и гуманистическая стратегии исследования. Выявление отношения населения к проведению генодиагностики и к профилактическим операциям позволит определить, какой может быть экономический и социальный эффект при осведомленности женщин о своей генетике, какой может быть доля предотвращенных случаев рака. Массовое обеспечение женщин подобной диагностикой могло бы позволить не только повысить раннюю выявляемость онкологических заболеваний и снизить смертность, но и сэкономить государственные средства на лечение двух типов рака — груди и яичников, которое предполагает значительные материальные затраты, особенно на поздних стадиях. Это важная информация для онкологов, считающих целесообразной быструю диагностику, т. е. генотипирование во время визита к врачу, возможно, за очень незначительную плату.

Определение степени заинтересованности женщин в ранней диагностике и финансовых средств, которые они готовы за нее заплатить, могли бы стать основой для принятия программ по объему государственного субсидирования и принятию решения о массовой генодиагностике.

Принятие государственных программ и их финансирование без подготовительной работы и определения готовности населения малоэффективны и нерациональны. Опыт массовой диспансеризации не утешителен: поликлиники рисуют липовые отчеты о численности населения, ее прошедшего. Население слабо реагирует на призывы о бесплатном прохождении медосмотров и медисследований. Применительно к данному проекту необходимо учитывать сложность психоэмоционального состояния женщин, поскольку у оперативного решения вопроса есть свои существенные эмоциональные и физические издержки.

Уже на этапе пилота выявились следующие особенности: общая слабая осведомленность респонденток о сути проблемы, отсутствие сформированного мнения по данной теме, неготовность отвечать на открытые вопросы, неприятие радикального варианта решения проблемы. Как и европейцы, россияне более склонны к стратегии мониторинга. В России вариант решения проблемы, выбранный Анджелиной Джולי, решившейся на операцию по удалению молочной железы и яичников, воспринимается как PR-ход, как аномалия. По результатам пилотных исследований в США и Японии было выявлено более позитивное отношение населения к профилактическим операциям. Можно предположить, что россиянки будут готовы к прохождению платных BRCA-тестов, выявляющих наличие или отсутствие риска развития рака, и стоимость подобного анализа может не играть особой роли. Что касается операции — здесь у большинства женщин, скорее всего, будет ее неприятие независимо от платежеспособности.

Это пока первые результаты, более развернутые выводы будут возможны на основе широкомасштабных социологических исследований с использованием различных методик и исследовательского инструментария.

Однако ясно, что только на базе междисциплинарного подхода, объединения усилий специалистов различного профиля существует шанс выявить всю совокупность причин, определяющих факторы риска развития онкологических заболеваний, получить достоверную информацию о происходящих процессах, установках и ориентациях населения, найти оптимальные способы «оздоровления» региона.

Информация об авторах

Ишкинеева Фарида Фалесовна, к. с. н., заведующая лабораторией социологических исследований, доцент кафедры общей и этнической

социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, Казань, Республика Татарстан, Россия, farida1967@mail.ru

Ахметова Светлана Анатольевна, к. филос. н., доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, Казань, Республика Татарстан, Россия, giacint7@mail.ru

АКТИВНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЦЕССА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

А. Б. Мосягин

*Российская академия государственной службы и народного хозяйства
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Многообразие целей и задач, решаемых исполнителями при определении качества обработки данных, большое число исполнителей, их возможности и способности, требования и условия, предъявляемые руководством — все это требует от руководителя проекта владения большим количеством информации, необходимой для принятия эффективных управленческих решений. Но возможности руководителя проекта ограничены, и он не всегда может сам непосредственно получить всю эту информацию. Поэтому возникает необходимость получения нужной информации от остальных участников проекта, вышестоящего руководства и т. д. В управлении социально-экономическими системами обработки данных, в том числе и при определении качества обработки данных, важную роль играют механизмы экспертизы, т. е. механизмы получения и обработки информации от экспертов — специалистов в конкретных областях.

Ключевые слова: качество обработки данных, экспертиза, неманипулируемый механизм, равновесие Нэша

На сегодняшний день известны десятки механизмов проведения опросов экспертов и обработки их мнений, поэтому в нашем случае интересен лишь один из аспектов процедур экспертного оценивания, а именно — возможность искажения информации исполнителями. Например, руководитель социального проекта хочет получить информацию о способностях и возможностях участников проекта, самим исполнителям их возможности известны, и они могут выступать в роли экспертов. Так как принимаемое руководителем решение затрагивает исполнителей, то, скорее всего, каждый исполнитель сообщит такую информацию, которая приведет к принятию наиболее выгодного для него решения. Т. е. эксперты могут искажать информацию (манипулировать данными) в соответствии с собственными интересами. Такое их поведение является активным, поэтому при проведении активной экспертизы руководителю желательно построить такой механизм (процедуру), при котором все эксперты говорили бы правду (неманипулируемый механизм).

Пусть имеются n экспертов, оценивающих какую-либо функцию управления по скалярной шкале, каждый эксперт сообщает оценку

$$d \leq \sigma_i \leq D, \quad i = \overline{1, n},$$

где d — минимальная, а D — максимальная оценки.

Итоговая оценка $x = \pi(\sigma)$, на основании которой принимается решение, является функцией оценок, сообщенных экспертами

$$\sigma = (\sigma_1, \sigma_2, \dots, \sigma_n).$$

Обозначим r_i — субъективное мнение i -го эксперта, т. е. его истинное представление об оцениваемой функции управления. Предположим, что процедура формирования итоговой оценки является строго возрастающей функцией

$$\sigma_p \pi(a_1, a_2, \dots, a_n) = a, \quad \forall a \in [d, D].$$

Обычно предполагается, что каждый эксперт сообщает свое истинное мнение r_i . При этом если каждый из экспертов немного ошибается (несознательно и в зависимости от своей квалификации), то средняя

оценка $\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n r_i$ — итоговое мнение достаточно объективно и точно оценивает функцию управления. Если эксперты заинтересованы в результатах экспертизы при реорганизации, то они не всегда будут сообщать свое истинное мнение, т. е. механизм $x = \pi(\sigma)$ будет подвержен манипулированию ($\sigma_i \neq r_i$).

Интересы эксперта выражаются в том, чтобы результат экспертизы был максимально близок к его объективному мнению, т. е. примем в качестве целевой функции i -го эксперта:

$$f_i(x, r_i) = |x - r_i|, \quad i = \overline{1, n}. \quad (1)$$

При этом эксперт будет сообщать оценку σ_p , доставляющую минимум

$$|x(\sigma_1, \dots, \sigma_p, \dots, \sigma_n) - r_i|. \quad (2)$$

Пусть все r_i различны и упорядочены в порядке возрастания, т. е. $r_1 < r_2 < \dots < r_n$ и x — равновесие Нэша ($x = \pi(\sigma^*)$). Когда принцип рационального поведения участников экспертизы заключается в использовании ситуаций равновесия Нэша. Они характеризуются тем, что отклонение от данной ситуации равновесия одним экспертом не может увеличить его выигрыша, и, таким образом рациональной стратегией каждого эксперта должна быть реализация равновесия. Можно сказать, что ситуация называется равновесной по Нэшу, если она устойчива относительно индивидуального отклонения экспертов.

Тогда если $\chi^* > r$, то $\sigma_i^* = d$; если $\chi^* < r$, то $\sigma_i^* = D$; если же $d < \sigma_i^* < D$, то $\chi^* = r_i$. При этом, если $\chi^* = r_q$, то $\sigma_j^* = d \forall j < q$, $\sigma_j^* = D \forall j > q$, а сама величина σ_q^* определяется из условия

$$\pi \left(\underbrace{d_1, d_2, \dots, d_i}_{q-1}, \sigma_q^*, \underbrace{D_1, D_2, \dots, D_i}_{n-q} \right) = r_q. \quad (3)$$

Таким образом, для определения ситуации равновесия достаточно найти номер q . Для этого найдем $(n-1)$ число:

$$w_i = \pi \left(\underbrace{d_1, d_2, \dots, d_i}_{q-1}, \sigma_q^*, \underbrace{D_1, D_2, \dots, D_i}_{n-q} \right), \quad i = \overline{1, n-1}. \quad (4)$$

При этом $w_0 = D > w_1 > w_2 > \dots > w_n = d$ и если $w_i \leq r_i \leq w_{i-1}$, то $\chi^* = r_i$, т. е. i -й эксперт является диктатором на отрезке $[w_i, w_{i-1}]$. Легко показать, что существует единственный эксперт q , для которого выполнено:

$$w_{q-1} \geq r_{q-1}, w_q \leq r_q. \quad (5)$$

Определив таким образом q , можно найти итоговую оценку в равновесии $\chi^* = \min(w_{q-1}, r_q)$. Руководитель проекта определении качества обработки данных может, используя следующий эквивалентный прямой механизм, найти равновесие S^* с помощью следующего алгоритма:

1. Определить $\{w_i\}, i = \overline{1, n}$.
2. Определить q из условия (5).
3. Определить σ_q^* из условия (3).
4. Принять $\sigma_j^* = d \forall j < q, \sigma_j^* = D \forall j > q$.

Фактически показано, что для любого механизма экспертизы $x = \pi(\sigma)$ можно построить эквивалентный прямой механизм, в котором сообщение достоверной информации является равновесием Нэша. Таким образом, использование эквивалентных прямых механизмов позволяет организовывать процедуры экспертного оценивания, выявляющие истинные предпочтения экспертов, что в конечном итоге повысит качество процессов обработки данных.

Список литературы

1. *Encyclopedia of Data Warehousing and Mining*. Idea Group Inc., 2006.
2. *Vercellis C. Business Intelligence : Data Mining and Optimization for Decision Making*. Wiley Publishing, Inc., 2009.

3. Вендров А. М. CASE-технологии. Современные методы и средства проектирования информационных систем. М. : Финансы и статистика, 1998.
4. Периодические издания по Data Mining. Data Mining and Knowledge Discovery [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowldiscovery.com/>.

Информация об авторе

Мосягин Александр Борисович, к. т. н., доцент, доцент кафедры Прикладных информационных технологий Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, albor99@mail.ru

СИСТЕМА SPSS ДЛЯ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ ОБСЛЕДОВАНИЙ

Б. М. Пранов

*Российская академия государственной службы и народного хозяйства
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Аннотация. Если раньше программа SPSS широко использовалась в таких «классических» областях науки и бизнеса, как биология, социология, психология, управление качеством производства, общие маркетинговые исследования и экономическое прогнозирование, то сейчас новую версию можно с успехом применять в таких актуальных специализированных областях, как маркетинг, основанный на использовании баз данных, Data Mining, Data Warehousing и другие. Особенного внимания заслуживает тот факт, что изменения, внесенные в модуль SPSS Regression Models, позволяют использовать SPSS при решении задач управления лояльностью клиентов (CRM). Отметим, что данная тема представляет собой один из наиболее популярных разделов современного практического маркетинга.

Ключевые слова: IBM, SPSS, прогнозирование, маркетинг

Упоминания заслуживает тот факт, что большинство наиболее популярных статистических методов прогнозирования, включенных в модуль SPSS Regression Models, позволяют работать с большим объемом недоступной информации. В математике в таком случае говорят о повышении робастности метода, т. е. его устойчивости по отношению к неопределенностям и существенным отклонениям от диапазона параметров, для которого разрабатывался метод. Такое повышение робастности весьма желательно в маркетинговых исследованиях и в социологии, где всегда присутствует большой объем отсутствующих или недостоверных данных. Небесполезно данное улучшение и в области управления качеством, где всегда существует компромисс между подробностью информации о производственном процессе и его усложнением.

Особенно повышение быстродействия чувствительно в случае, когда речь идет о методах кластерного анализа, широко используемого в маркетинге, социологии, психологии и медицине, которые иногда требовали многочасовых расчетов даже на мощных компьютерах, для чего в предыдущих версиях SPSS был предусмотрен пакетный режим выполнения задач.

Случаи мошенничества, злоупотреблений и нецелевого расходования средств ежегодно обходятся органам государственного управления

и государственным программам в миллиарды рублей. Выявлять и предотвращать эти негативные явления очень и очень непросто и требует привлечения и без того ограниченных ресурсов органов государственного управления. Многие органы государственного управления сталкиваются в своей работе с такими препятствиями, как:

- Ограниченность финансовых и людских ресурсов
- Огромное количество обращений, транзакций и прочей информации, потенциально доступной для анализа
- Примитивные методы, упускающие новые тенденции и необычные явления
- Отсутствие экспертизы и подготовки в сфере анализа данных.

Мощные аналитические и прогностические технологии SPSS самостоятельно проведут расследование. Наше программное обеспечение не только выявит случаи мошенничества, злоупотреблений и нецелевого расходования средств, но и поможет предотвращать их в будущем. Аналитика SPSS проникает глубоко в скрытые структуры данных для обнаружения взаимосвязей и создания моделей для различных типов случаев мошенничества, злоупотреблений и нецелевого расходования средств. Затем при помощи построенных моделей анализируются поступающие данные. Программное обеспечение будет оповещать вас, когда поступающие данные будут соответствовать моделям мошенничества, злоупотреблений или нецелевого расходования средств, что позволит в реальном времени проверять подозрительные обращения, транзакции и запросы. А встраивая полученные модели в информационную систему, вы сможете предотвращать будущие случаи мошенничества, злоупотреблений или нецелевого расходования средств.

Проведение опросов и обследований. Надежная информация — это ключевой элемент в процессе принятия верных решений. Это особенно актуально для органов государственного управления, ведь качество обслуживания населения и избирателей во многом зависит от понимания и удовлетворения их потребностей. Опросы и обследования, таким образом, совершенно необходимы в государственном управлении, так как они позволяют получать ценную информацию непосредственно от населения. Результаты опросов и обследований используются для принятия обоснованных решений практически в любой сфере государственного управления. Оценка удовлетворенности населения или работников, выявление предпочтений избирателей, создание и функционирование системы показателей работы учреждения — опросы и обследования позволяют получать точные, достоверные данные, обеспечивающие эффективную поддержку работы органов государственного управления.

SPSS помогает ведущим организациям во всем мире превращать данные в капитал при помощи масштабируемых, рентабельных аналитических технологий. Руководители, задумывающиеся о перспективе своих организаций, обращаются к SPSS для анализа своих данных и получают доступ к широкому диапазону лучших аналитических возможностей SPSS, обеспечивающих создание действенных аналитических решений. Затем, используя средства внедрения, они заставляют прогностическую аналитику работать на улучшение качества принимаемых решений, развитие основанных на прогнозах стратегий взаимодействия с клиентами и совершенствование взаимоотношений с клиентами. Прогнозирование помогает компаниям максимизировать отдачу от клиентов, привлекать новых выгодных клиентов, совершенствовать взаимоотношения с клиентами и сохранять клиентов, приносящих прибыль, как можно дольше.

IBM предложила два готовых конфигурируемых решения — для отрасли страхования (IBM SPSS Decision Management for Claims) и для маркетинговых служб компаний из любых отраслей (IBM SPSS Decision Management for Customer Interactions). Первое решение позволяет выявлять мошеннические запросы на страховые выплаты, ежегодно приносящие огромные убытки. Напомним, что, по данным организации Insurance Information Institute, мошеннические действия являются причиной 10% убытков и расходов на урегулирование убытков в сфере страхования собственности/страхования от несчастных случаев, что составляет около 30 млрд долл. в год. Второе решение поддерживает управление взаимодействиями с клиентами или потенциальными клиентами, обращающимися в компании через контакт-центры, интернет, точки продаж или электронную почту. Конфигурируемый Web-интерфейс позволяет бизнес-пользователям буквально тремя щелчками мышью создать прогнозную модель и провести анализ на базе сценариев what if («что, если») для сравнения и проверки результатов, прежде чем реализовать эту модель в действующей системе. Бизнес-пользователи получают полный контроль над процессом анализа, что позволяет им принимать точные решения в реальном времени, с учетом меняющихся стратегий, моделей поведения клиентов или рыночных условий. Любая организация может конфигурировать и настраивать это ПО для решения специфических проблем бизнеса, характерных для конкретной отрасли, будь то управление рисками в сфере финансовых услуг, прогнозирование отказов конструктивных элементов в сфере производства или борьба с преступностью в государственном секторе.

Список литературы

1. *Многомерный* статистический анализ в экономических задачах. Компьютерное моделирование в SPSS. М. : Вузовский учебник, 2009.
2. *SPSS для социологов* : учебное пособие. М. : ИСЭПН РАН, 2005.

Информация об авторе

Пранов Борис Михайлович, д. т. н., профессор кафедры прикладных информационных технологий Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, boris.pranov@gmail.com

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. В. Проказина

*Российская академия государственной службы и народного хозяйства
при Президенте РФ, Орел, Россия*

Аннотация. Реализация общественной роли социологии с целью обеспечения доступности ее информации широким слоям населения — основная задача публичной социологии. В центре публичной социологии лежит демонстрация ее значимости и полезности для большинства, создание условий для активного использования полученной информации во всех сферах жизнедеятельности общества. Серьезные дискуссии развернулись относительно термина «публичная социология».

Ключевые слова: публичная социология, исследования,

Существуют разные варианты толкования термина «публичная социология». Обратимся к теоретическому подходу А. Алексеева, позволяющему сформулировать основные характеристики «публичной социологии» [Алексеев, 2008]:

1. Публичная социология в смысле *общественная*. Такой подход указывает на то, что не всякое социологическое знание является общественным — в плане направленности на служение обществу в целом, а не какой-либо его части.

2. Публичная социология как *актуальная* социология, которая сосредоточена на решении таких научных проблем, которые вырастают из ... или стимулируются необходимостью решения актуальных общественных проблем и, так или иначе, способствуют преодолению (разрешению) возникающих в обществе диспропорций, конфликтов, противоречий.

3. Публичная социология как *демократическая* социология, рассчитанная на публичное, общедоступное восприятие. Таким образом, речь идет о том, чтобы довести результаты до публики.

4. Публичная социология как *диалогическая* социология. Речь идет о двух типах взаимодействия. Первый — между исследователем и объектом изучения, который в случае социологии сам по себе есть субъект, выделенный на определенном уровне общности, или же некоторая реальная или номинальная группа людей. Второй тип взаимодействия — между исследователем и обществом как потребителем социологической информации.

5. Публичная социология как *гражданственная* социология — в смысле активной жизненной и научной позиции исследователя, непосредствен-

ного вмешательства в общественную жизнь, исследования методов деятельного участия, включенности в общественные движения, обращенности лицом к гражданскому обществу, защиты трудовых и социальных прав.

6. Публичная социология как *открытая* социология. Речь идет о ее «открытости» для людей как информантов исследователя, как его партнеров в изыскании и как потребителей социологической информации. Предполагается, что социология должна быть открыта для человека, публики и в защиту человека и человеческих общностей от государственного или рыночного диктата. Предполагается и открытость по отношению к другим областям знания, для междисциплинарных подходов.

А. Алексеев особенно подчеркивает, что усилия по достижению открытости социологии во всем многообразии значений этого слова являются залогом полноценного развития социологии в целом, а не только какого-то отдельно взятого «публичного» сектора. Данная позиция пересекается с тезисом М. Буравого о том, что в идеале расцвет каждого типа социологии является условием для процветания всех остальных, но они также могут с легкостью принимать патологические формы или стать жертвами изоляции и подчинения [Буравой, 2008].

Таким образом, следует подчеркнуть, что публичная социология — это реализация общественной роли социологической науки, доступность ее информации широким слоям населения, демонстрация ее значимости и полезности для большинства, использование результатов в процессе управления на всех уровнях организации общества.

Таким образом, А. Алексеев выделяет две характеристики публичной социологии: гражданственную ориентацию и нравственную мотивацию социальных исследователей.

Сегодня социолог — это профессионал, обладающий полученным и накопленным знанием. Актуальным является вопрос о том, каковы механизмы демонстрации этого знания представителям различных социальных групп?

Обращаясь к исследованиям М. Веверки, можно выделить два подхода.

Первый подход предполагает, что социолог вместе с публичной группой вмешивается в то, что изучается. Таким образом осуществляются непосредственные взаимодействия между социологами и представителями целевых социальных групп. В итоге происходят изменения в ценностных взглядах социолога, в его мировоззренческой позиции, установках и представлениях. Это своеобразное «исследование — действие».

Второй подход называют «социологической интервенцией» (А. Турен). Его особенность состоит в создании определенной связи социолога

и изучаемого объекта, в которой каждый играет свою роль. Так, исследователь-социолог предьявляет аргумент, который партнер по взаимодействию принимает или отвергает. В результате, чем больше партнеры работают с аргументами социологии, интересующими их, тем более делают их своими. Следовательно, социологи совместно с изучаемыми группами вступают в определенные отношения производства знания и анализа. Во-первых, социолог должен приводить в движение механизмы, которые позволяют говорить, как, в каких условиях данный конкретный анализ приемлем с точки зрения общества или данной группы публики, в какой мере он значим, полезен, важен и практически применим. Во-вторых, для социологов-профессионалов общим является то, что они производят знание и распространяют его.

Таким образом, ключевыми для социологов являются, с одной стороны, способы и технологии получения и расширения знаний и научных представлений, компетенций, а с другой — объем, сущность, содержание и полнота используемых знаний.

Одним из условий развития органической публичной социологии является наличие заинтересованных групп общественности.

Целевые группы органической публичной социологии активны и заинтересованы во взаимодействии с социологами. Таким образом, существует диалог между органическим публичным социологом и обществом, процесс взаимного обучения.

Такой подход оправдан тем, что эффективность взаимодействия социологии и общества связана с рядом детерминирующих конкретное положение дел факторов [Горшков, 2011].

М. К. Горшков, рассуждая о публичной социологии, утверждает, что это социология, доступная через масс-медиа широкой общественности, различным слоям населения, и определяет признаки публичной социологии:

- результаты становятся достоянием массового сознания через газеты, радио, телевидение, интернет, благодаря чему данные исследования сообщаются, интерпретируются и предлагаются аудитории для осмысления;
- к примерам публичной социологии можно отнести участие специалистов-социологов в подготовке и принятии решений федерального, регионального и местного уровней, касающихся социально-политической и духовно-культурной жизни общества;
- социология приобретает облик публичности в том случае, когда она занимается социологическим просвещением, к которому относятся чтение лекционных курсов, публичные лекции для широкой аудитории, выступления на научных конференциях, в публичных дискуссиях, периодических изданиях и т. п.;

- публичность социологии проявляется тогда, когда социологами становятся сами представители общественной или политической власти, когда социологи входят в ее структуры в качестве советников, консультантов по подготовке и выработке решений, исходящих от этих организаций;
- публичность заключается в наступательной, активной позиции социологов, способствующих наращиванию созидательной силы социологического знания [Тощенко, 2009].

Таким образом, публичная профессиональная социология, являясь инструментом популяризации результатов исследований, с одной стороны, обеспечивает уход от мифологии и манипулирования массовым сознанием, а с другой, обуславливает доведение объективных актуальных и достоверных данных до различных социальных групп.

Список литература

1. Алексеев А. Публичная социология как стиль // *Общественная роль социологии / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики)*. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.
2. Буравой М. За публичную социологию // *Общественная роль социологии / под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой*. М., 2008.
3. Горшков М. К. *Российское общество как оно есть*. М., 2011.
4. Веверка М. Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого «Что делать?» // *Социологические исследования*. 2009. № 4.
5. Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессиональная публичная социология? // *Социологические исследования*. 2009. № 4.

Информация об авторе

Проказина Наталья Васильевна, д. с. н., доцент, заведующая кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия, nvprokazina@mail.ru

ФЕНОМЕН «ЛЮБОВЬ» В ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ *

А. Л. Сазонова, А. А. Сазонов

*Гуманитарный институт московского государственного университета путей сообщения;
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия*

Аннотация. Способность любить — это не только индивидуально-личностное свойство человека, а обязательный компонент совокупности социально значимых качеств, свойств индивида, способствующих гармоничной включенности личности в систему социальных отношений, с одной стороны, и осуществлению активной социальной деятельности по удовлетворению своих (не только в утилитарном смысле) потребностей, с другой. Отношения, основанные на любви (или каким-либо образом детерминированные любовью), суть универсальный тип взаимодействия, заполняющий значительную часть нашей жизни с детства до старости. Любовь является важной составляющей внутреннего мира личности, особым типом социальных взаимоотношений.

Ключевые слова: любовь, ценность, социологические исследования

Являясь одним из ключевых самовыражений жизни, любовь открывает человеку его сущность, отличную от других. Каждый человек любит по-своему, и, возможно, именно способность к любви делает человека человеком. Любовь является также важным компонентом смысла жизни (поиски смысла жизни — очень характерная черта менталитета русского человека), ибо занимает особое место в ряду главнейших свойств (смыслов) бытия людей, таких как самая жизнь человека, познание, труд, творчество, общение, свобода и ответственность, — выполняя роль системно-образующего компонента, своеобразного общего знаменателя, дающего, по утверждению Эриха Фромма, — «единственный разумный

* В статье использовались материалы социологических исследований с участием авторов: «Ежегодный мониторинг социальной сферы России» Инициативный проект РГСУ 2002—2009 гг.; «Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве (1982—2008)» Инициативный проект РГСУ 2008 г.; «Положение молодежи современного московского мегаполиса: потенциал и риски стабильного развития города», заказчик — Департамент семейной и молодежной политики Москвы 2010 г.; «Разработка предложений по вовлечению молодежи в спортивно-массовые мероприятия. Спортивное волонтерство и другие виды деятельности как сдерживающий фактор роста количества молодых людей с девиантным поведением», заказчик — Фонд нравственности и сохранения культурного наследия 2011 г.; «Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития», заказчик — Департамент культуры Правительства Москвы 2013 г.; «Молодежь Южной Осетии и России в контексте трансформационных и интеграционных процессов» (Грант РГНФ — Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Южная Осетия № 14-23-13005) 2014 г.

и удовлетворительный ответ на вопрос о смысле человеческого существования» [10].

Любовь многолика. Оставляя за скобками все многообразие ее проявлений (любовь к детям, к искусству, к Родине...), мы остановимся на такой ее ипостаси как «любовь между мужчиной и женщиной».

Любовь между мужчиной и женщиной занимает значительное место в жизнедеятельности россиян. О чем свидетельствуют, например, данные опросов ФОМ и «Левада-Центра» в преддверии Дня Святого Валентина (февраль 2000, 2013 и 2016 гг.).

Большинство россиян (76 %) признается, что для них важно ощущать себя любимыми [12]; более 80 % довелось в жизни испытать настоящую любовь; почти $\frac{3}{4}$ имеют любимых женщин/мужчин [13].

Давая определение любви, наши соотечественники характеризовали ее как «великое, высокое, самое главное чувство»; «важнейший элемент жизни, определяющий ее суть»; нечто «возвышенное, светлое, прекрасное, невыразимое словами», без чего «..нет счастья», и даже «если нет любви, нет и жизни». Для многих любовь — это прежде всего понимание, доверие и уважение, постоянство в отношениях, верность и преданность, бескорыстие и самопожертвование. И, конечно, любовь — это семья, дети, теплые отношения между близкими родственниками, сексуальная гармония [3, 14].

Исследования российских социологов-семьеведов и «молодежников», начиная с 1960-х гг. (в т. ч. наши собственные или с нашим участием), фиксировали прямую детерминацию любовью стабильности брака, брачно-семейных ориентаций, мотивацию вступления в брак и выбора супруга (см. работы А. Г. Харчева, С. И. Голода, И. С. Кона, В. П. Лисовского). Подавляющее большинство граждан видят в любви фактор супружеского счастья и условие удовлетворенности супружеством. Но это лишь один аспект бытия феномена «любовь». Любовь присутствует во всех сферах жизнедеятельности общества, оказывая влияние на их функционирование и развитие, в свою очередь, испытывая влияние культуры, религии, исторических традиций, экономических условий, ценностей общества, СМИ, являясь, по сути, социальным концептом или социальным конструктом — порождением конкретной культуры или общества.

Пока еще немногочисленные исследования феномена любви фиксируют прямую зависимость роста аномии, бездуховности и снижения стремления к творчеству, созидательному труду и соответствующие им девиантные последствия от неразвитости способности человека любить, которую Фромм называл способностью зрелой, творческой личности; утрата или неразвитость ее ведет к деградации личности. Таким образом, значимость социологического осмысления сущности любви очевидна.

Занимаясь (на протяжении более 15 лет) проблематикой трансформации ценностных систем в постсоветский период, мы можем констатировать следующее.

Любовь — безусловная ценность (феномен сознания), причем находящаяся на высоких и очень высоких ступенях ценностной иерархии сознания большинства (60—75%) россиян.

Ценностное отношение к любви достаточно сильно детерминировано такими факторами как пол, возраст, уровень жизни, религиозность (традиционные для России конфессии).

Ценностное отношение к любви является достаточно сильной детерминантой личностных систем деятельности и поведения.

Среди людей (независимо от пола, возраста, региона проживания, других параметров), отнесших любовь между мужчиной и женщиной к высшим ценностям, наблюдаются в среднем в 1,5—3,5 раза более высокие показатели оценки в группе гуманистических и гражданских ценностей как «высших» и, также, более высокие показатели в группе ценностей как «совсем не значимых». Т.е. группы, относящие «любовь» к наиболее значимым ценностям, демонстрируют более высокий уровень социально значимых и нравственных качеств, характеризующих личность, чем группы мало или совсем не ценящих ее. Причем уровень устойчивый, т.е. по всей совокупности позитивных показателей. В описываемой группе меньше людей, находящихся на полюсах социально-статусной стратификации (бедные — богатые), больше работающих, высокообразованных, религиозных. Они более трудолюбивы, толерантны, бескорыстны, патриотичны, отзывчивы, сострадательны. В их окружении меньше циников, рвачей, эгоистов, прожигателей жизни, наркоманов и пьяниц. Представители этой группы больше верят в то, что для достижения успеха, благополучия в сегодняшней России по-прежнему важны честность и принципиальность, способности и талант, образование и трудолюбие, отзывчивость к людям, и меньше — в важность связей с нужными людьми, умения приспособиться, способности преступить законы и мораль, эгоизма, а также во власть денег (что полностью подтверждено компаративным анализом данных, полученных в ходе ряда исследований последних лет).

Список литературы

1. *Возьмитель А. А., Осадчая Г. И., Красниковский В. Я. и др.* Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений / под общей редакцией А. А. Возьмителя и Г. И. Осадчей. М., 2009.
2. *Казакова Н. Д.* Свобода и любовь как атрибуты бытия личности. Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 102—110.

3. Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А. и др. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / под ред. А. А. Сазонова. М., 2013.
4. Кравченко С. А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». М., 2015.
5. Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 3—1 (23). С. 162—170.
6. Сазонова А. Л. Любовь и развитие личности. Социальная политика и социология. 2010. № 12 (66). С. 206—212.
7. Сазонова А. Л. Вопросы методологии и методики в исследовании социального феномена «любовь» в современном обществе. Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 174—182.
8. Сазонов А. А. Методологические и методические вопросы построения социологической теории ценностей. Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 140—145.
9. Табатадзе И. А. «Духовная» составляющая в системе показателей категории «качество жизни» / Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 2009. № 4.
10. Фромм Э. Искусство любить. М. : «АСТ», 2014.
11. Фромм Э. Иметь или быть. М. : «Прогресс», 1990.
12. Псковская лента новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://plnpskov.ru>.
13. О любви и Дне всех влюбленных [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10813>.
14. «Как Вы думаете, что такое любовь?» [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/val_/of010506.

Информация об авторах

Сазонова Анна Львовна, к. с. н., доцент кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление» Гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), Москва, Россия, an-netic@yandex.ru

Сазонов Александр Александрович, к. с. н., доцент кафедры социологии социальной работы Российского государственного социального университета, Москва, Россия

«УСТАЛОСТЬ ОТ КУСТАРЩИНЫ» (АНАЛИЗ ПРАКТИК ПОЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ)

И. Е. Штейнберг

Научно-образовательный центр Института социологии РАН, Москва–Саратов, Россия

Аннотация. На основании данных записей групповых занятий, работы «длинных столов», отзывов участников школ социальных исследований, а также полевых дневников наблюдений автора, проанализированы основные причины непрофессионализма при проведении полевых исследований с применением качественных методов. Рассматриваются пути преодоления «методической кустарщины» в исследованиях; определены изменения, которые возможно осуществить силами социологического сообщества.

Ключевые слова: качественные методы, социологические исследования, некомпетентность

Эмпирической базой исследования являются: архив видео- и аудиозаписей групповых занятий с участниками курсов повышения квалификации в Научно-образовательном центре ИС РАН за 2010—2015 гг., дебаты и отзывы о мастер-классах по качественным методам участников четырех (2011—2015 гг.) Байкальских школ социальных исследований (Иркутск), записи работы «длинных столов» слушателей курса «Практикум полевого исследователя» в МШСЭН («Шанинка») в 2012—2014 гг., полевые дневники наблюдений автора. Участники этих школ и курсов — преподаватели вузов и социологи-исследователи практически из всех регионов РФ и двух республик СНГ. Общее число участников школ и курсов, включенных в анализ исследования — 184 чел. Методы исследования — ОГД (открытая групповая дискуссия), метод «длинного стола» и полевой эксперимент.

Под «кустарщиной» в толковых словарях русского языка понимается «неумелая и неорганизованная деятельность, без необходимых профессиональных навыков, технических средств, т. е. «на коленке», без необходимого опыта» [1]. Применительно к социологическим исследованиям «кустарщиной» можно назвать такие методические подходы в исследовательской практике социологов, которые не выходят за пределы представлений, названных Сержем Московичи «обывательской социологией» и «доморощенной антропологией» [2].

Результаты нашего исследования показали, что причины воспроизводства и распространения «методической кустарщины» в отечественных

качественных исследованиях имеют системный характер и практически аналогичны причинам распространения этого феномена в других сферах деятельности, как в смежных дисциплинах, так и в сферах, очень далеких от них. Например, это кустарные практики в строительстве и ремонте жилья, бытовой техники, индустрии оздоровительного досуга, туризма и проч.

Из имеющихся первичных данных исследования удалось выделить 6 основных причин «кустарщины» (названия причин взяты из кодировочной таблицы):

- **«Нормативные образцы»**. Отсутствие или непринятие социологами эталонного (нормативного) образца исследования.
- **«Цена вопроса»**. Заказчик руководствуется преимущественно «ценой вопроса», выбирает более дешевый вариант, в ущерб качеству.
- **«Дешевые понты»**. Проявление субкультуры «дешевых понтов» (потребности заказчика удовлетворяются имитацией известных брендов продуктов и услуг или технологий их производства). В академических исследованиях аналогом является деятельность «фабрик» по производству «липовых диссертаций» («справок, что не дурак») для удовлетворения спроса состоятельных заказчиков на социальный статус и ренту со звания и должности.
- **«Договорняки»** (цели и задачи исследования носят квазинаучный или квазиприкладной характер, не связанный с достоверностью информации, установлением взаимосвязей между факторами, т. е. с поиском истины и пониманием реального положения дел).
- **«Давай не поженимся»**. Дефицит образовательных технологий по трансферту знаний о методе в практические навыки и умения ими пользоваться для решения конкретных исследовательских задач. Катастрофический разрыв между возможностями современных информационных технологий по доступу к социологическим знаниям и образовательными технологиями для их усвоения, переработки и использования специалистами. Большинство университетских курсов направлены на то, чтобы только «познакомить» студентов с методами исследования, когда требуется «поженить» на них будущего специалиста. Примером может служить утопичный ФГОС ОВ по направлению подготовки 39.04.01 Социология (уровень магистратуры) [3].
- **«Производство алмазной пыли»**. Проблемы кадрового потенциала для воспроизводства исследователей в связи с истончением слоя крепких средних профессионалов. Выход социологии из линейки социальных «лифтов к успеху» для нового поколения исследователей. Проблемы дефицита неспецифических навыков

у студентов-социологов (понятийного и критико-аналитического мышления, рефлексии).

В анамнезе «усталости от кустарщины» в качественных исследованиях лежит история «большого методологического скачка» в 1990-х, когда в «качественном поле» тон стали задавать так называемые «переводчики». Не пройдя этап адаптации «перевода» к нашей исследовательской культуре и практикам через традиционную последовательность «проектная мастерская — школа-студия — университетский курс», сравнительно новые для нашей социологии парадигмы качественного подхода и его методы сразу начали преподаваться в университете теми, кто не имел необходимого личного опыта их применения. Это привело к известному «культу карго» («самолетопоклонников»), когда внешние атрибуты метода присутствуют, а ожидаемого результата нет. Например, фокус-группы стали использовать не для изучения механизмов формирования и функционирования общественного мнения, а как дополнение и даже альтернатива массовым опросам. Неформализованные интервью из исследовательской процедуры превратились в поле для «интеллектуальных маневров дилетантов» и «свободного творчества» в интерпретации и анализе первичных данных. Тогда и окрепла не утихающая по сей день дискуссия о научности качественных методов в сравнении с количественными.

Каковы на данный момент пути преодоления «методической кустарщины» в исследованиях силами нашего социологического сообщества?

Рассмотрим только те из вышеперечисленных причин, где изменения ситуации в большей степени зависят от усилий самого профессионального цеха:

- По части создания «нормативных образцов»: сегодня инструментами выступают социологический аудит, попытки создания профессионального стандарта и, конечно, усилия редакций социологических журналов, которые отбирают для публикации работы, отвечающие требованиям к штатному социологическому исследованию. Кроме этого, безусловно, важное значение для создания нормативных образцов имеют сайты, форумы, интернет-издания и блоги специалистов, где дискутируются эти вопросы.
- «Договорняки» и «культ карго» лечить сложнее, но и здесь есть продвижение в виде независимого «аудита» липовых диссертаций («Диссернет» и др.) и активных дискуссий по поводу «методической чистоты» исследований коллег, правда, в основном «фабричных». В перспективе, видимо, следует ожидать создание программного продукта на платформе концепта «гамбургского счета».
- Дефицит образовательных технологий по переводу теории в практику требует систематического обобщения опыта имеющихся у нас

«мастерских», «школ» и «курсов», где есть положительный результат в виде профессионального подхода к делу их выпускников, который соответствует выполнению «обязательной программы».

Вопреки сложившемуся мнению о проблеме оценки компетентности специалиста в качественных исследованиях, оценить ее уровень профессиональному социологу так же вполне по силам, как и профессионалу в других сферах деятельности. Даже до начала полевой работы, еще не видя готового продукта в формате текста, можно выявить «кустаря-одиночку». Например, по ответам на вопросы о том, каков порядок создания программы качественного исследования, как выйти на ключевой исследовательский вопрос и сделать его социологически проблематизированным, как избежать «ложного снежного кома» в выборке, какова будет схема анализа первичных данных, как он собирается выдвигать и проверять гипотезы, какую теоретическую рамку предполагает использовать для интерпретации данных в решении задач по данной теме, какова будет внутренняя структура интервью, как и для чего вести полевой дневник, когда есть диктофон, насколько свободно «свободное интервью», как собирается входить «в поле» и т. д. и т. п. Здесь так много тонкостей, что кустарный подход к делу при отсутствии «школы» и исследовательского опыта проявляется довольно быстро.

Список литературы

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М. : Оникс [и др.], 2009; Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М. : Альта-Принт [и др.], 2008.
2. *European Journal of Social Psychology. Special Issue.* 1989. Vol. 19. № 5. P. 425.
3. Приказ Минобрнауки России от 30.03.2015 N 326 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 39.04.01 Социология (уровень магистратуры)» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.04.2015 № 36889).

Информация об авторе

Штейнберг Илья Ефимович, к. филос. н., MA sociology (UK), автор и ведущий курса «Школа-студия полевого исследователя-качественника» Научно-образовательного центра Института социологии РАН, Москва–Саратов, Россия, steinberg@mail.ru

СРАВНЕНИЕ ДЕТЕРМИНАНТ ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА, ВЫЯВЛЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЛОГЛИНЕЙНОГО АНАЛИЗА, ДЕРЕВЬЕВ КЛАССИФИКАЦИИ И ЛОГИСТИЧЕСКОЙ РЕГРЕССИИ

П. А. Попова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Предложены альтернативы применению логистической регрессии для решения задачи поиска детерминант протестного потенциала (или любого другого объекта) — логлинейный анализ и деревья классификации. Методы, «работающие» с многомерными связями и взаимодействиями и не требующие преобразовывать категориальные предикторы в дихотомические переменные, дают более насыщенные предикторами модели с более высокой прогностической способностью. Два существенных преимущества логлинейного анализа и CHAID перед логистической регрессией: они объясняют и предсказывают попадание в ту или иную группу протестного потенциала с помощью взаимодействия предикторов. В этих двух методах мы имеем больше оснований доверять объяснению некоторых уровней протестного потенциала, ориентируясь на качество модели. Логистическая регрессия дает нам объяснение только двух уровней потенциала, причем качество этого объяснения остается под вопросом, тогда как альтернативные ей методы дают более согласованные между собой результаты, нежели каждый из них и логистическая регрессия.

Ключевые слова: детерминанты, протестный потенциал, регрессионная модель, логлинейный анализ, деревья классификации

Один из основных классов задач в социологии — это поиск связей между признаками. При этом, как отмечает Ю. Толстова, анализ связей ценен для социолога не сам по себе. Социолог посредством него пытается предположить наличие причинно-следственных связей, которые невозможно выявить вопросами «в лоб». Обычно причинно-следственные связи изучаются с помощью эксперимента, поскольку он позволяет контролировать все переменные, в том числе внешние. Поэтому при поиске взаимосвязи исследователи пытаются определить отношения причинности, но с поправкой на то, что невозможно точно установить, что является причиной, а что — следствием [1]. Так, одним из популярных направлений анализа того или иного объекта выступает поиск его детерминант.

Проблема исследования

Наиболее распространенным методом поиска детерминант является регрессионное моделирование. Используя логистическую регрессию, которая предсказывает вероятности появления Y при определенных независимых признаках (предикторах), исследователь может столкнуться с проблемами включения категориальных предикторов в модель. Социологические исследования в большинстве своем построены как раз на номинальных и порядковых шкалах, так как очень малое количество данных может быть получено с помощью интервальных переменных (в основном, возраст и доход). В качестве примера и базы для изучения в данном исследовании был выбран протестный потенциал, изучение которого предполагает вопросы о заинтересованности политикой, политических предпочтениях, одобрении властей и доверии к ним; о пользовании интернетом и социальными сетями, об активности чтения и просмотра различных средств массовой информации; о голосовании на прошлых выборах или планах на следующее голосование; об удовлетворенности жизнью в целом, экономическом и социальном положении и т. д.

Так как регрессия работает с интервальными предикторами, включение категориальных предикторов требует определенных преобразований. Часто исследователи прибегают к созданию фиктивных переменных, что сопряжено с рядом «подводных камней» [2], о которых социолог может не подозревать, но которые влияют на качество итоговой модели. Действительно, нельзя помещать категориальные предикторы в регрессию без специальной подготовки, в противном случае параметры регрессии будут не интерпретируемы [3].

Критика применения фиктивных переменных

Процедура подготовки данных к построению регрессионной модели в большинстве случаев состоит в разложении категориальных предикторов на ряд дихотомических (называемых «фиктивными» — *dummys*, число которых на единицу меньше числа категорий исходной переменной). Такой механизм обоснован тем, что дихотомические переменные можно считать частным случаем интервальных, а математические статистики для дихотомической шкалы оказываются достаточно легко интерпретируемыми [1]. Однако в последнее время появляются методологические аргументы против этой процедуры:

- создание фиктивных переменных приводит к занижению величины парной связи и уменьшению статистической мощности выборки для выявления истинного эффекта независимой переменной;
- дихотомизация приводит к неверной оценке значимости регрессионных коэффициентов в логистической регрессии (на основе

статистики Вальда [4]), что впоследствии приводит к неправильно-му выбору итогового уравнения и неверным результатам [5]. Дело в том, что когда регрессионный коэффициент велик, стандартная ошибка становится необоснованно большой, следовательно, статистика Вальда может быть недооценена. Поэтому увеличивается вероятность совершить ошибку второго рода, т. е. отказаться от предиктора, который в реальности вносит большой вклад в объяснение зависимой переменной.

Получается, что искусственное преобразование переменных, изменяющее структуру связи, и невозможность быть уверенным в оценке статистической значимости приводят к риску неправильно подобрать модель и соответствующее ей регрессионное уравнение.

Ошибки в отборе переменных в модель

Еще одна причина неадекватности применения логистической регрессии для поиска детерминант кроется в механизме выбора модели исследователями. Главной целью регрессионного анализа является прогноз, который невозможен без изучения полной системы признаков, которые связаны с изучаемым явлением. На практике же для оценки качества полученной модели исследователь обычно обращает внимание на статистическую значимость коэффициентов и изменяет уравнение регрессии, если какой-то из коэффициентов не значим в генеральной совокупности. Но при таком подходе упускается важный аспект моделирования — изменение многомерной связи между переменными, которое мы, вслед за Ю. Толстой и А. Ротмистровым, будем называть взаимодействием предикторов. Другими словами, если исследователь меняет состав независимых переменных, он некоторым образом переформатирует их связку, из-за чего может измениться качество модели, изменится характер зависимости между другими независимыми и зависимой переменной, также незначимые ранее коэффициенты могут стать значимыми, и наоборот [2]. Очевидно, что, с одной стороны, мы не можем спорить с важностью оценки статистической значимости коэффициентов, но, с другой стороны, мы имеем дело со сложной многомерной связью, в которую можно вмешиваться лишь осмысленно.

Альтернативные методы поиска детерминант

По этим причинам мы предлагаем две альтернативы применению логистической регрессии для решения поставленной задачи поиска детерминант протестного потенциала (или любого другого объекта) — логлинейный анализ и деревья классификации. Данные методы являются

одними из наиболее подходящих для применения, изучения и сравнения с регрессионным моделированием, поскольку:

- работают как с количественными, так и с категориальными шкалами, причем не требуют преобразования категориальных шкал в фиктивные переменные;
- позволяют как искать многомерные связи и взаимодействия, так и определять детерминанты явлений.

Результаты анализа данных и их сравнение

Для анализа использовалась база данных «Электоральная панель 2011—2012», собранная ВЦИОМ. В качестве зависимой переменной был выбран протестный потенциал, измеряемый в 8 волне исследования, а в качестве независимых — набор из 7 категориальных переменных, так или иначе отражающих депривационный подход к изучению протеста. Для проведения логистической регрессии все категориальные предикторы были преобразованы в наборы фиктивных переменных.

Детерминанты протестного потенциала, выявленные каждым из трех методов, сведены в табл. 1.

Таблица 1. *Детерминанты протестного потенциала, выявленные...*

... логистической регрессией	... логлинейным анализом	... CHAID
Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	Уверенность в завтрашнем дне	Уверенность в завтрашнем дне
Отнесение себя к верхнему среднему и высшему классу	Удовлетворенность жизнью	Степень лестницы материального достатка
	Степень лестницы социального положения	Принадлежность к социальной группе
	Степень лестницы материального достатка	Степень лестницы положения в обществе

Общим эмпирическим выводом служит следующее:

1) Степень протестного потенциала, согласно всем трем методам, не связана с субъективной оценкой материального положения и однозначно связана с чувством уверенности человека в завтрашнем дне.

2) Предиктор «Уверенность человека в завтрашнем дне» в логлинейный анализ и в CHAID включен целиком и «работает» в этих методах целиком. В логистическую регрессию же мы включаем набор фиктивных

переменных, полученных из данного предиктора, и значимой оказывается только одна из них и только в объяснении наименьшего протестного потенциала.

Что касается методологии, то, как и ожидалось, методы, «работающие» с многомерными связями и взаимодействиями и не требующие преобразовывать категориальные предикторы в дихотомические переменные, дали более насыщенные предикторами модели с более высокой прогностической способностью. Из нашего исследования стали очевидны 2 существенных преимущества логлинейного анализа и CHAID перед логистической регрессией: они объясняют и предсказывают попадание в ту или иную группу протестного потенциала с помощью взаимодействия предикторов. Более того, в этих двух методах мы имеем больше оснований доверять объяснению некоторых уровней протестного потенциала, ориентируясь на качество модели. Логистическая регрессия дает нам объяснение только двух уровней потенциала, причем качество этого объяснения остается под вопросом. Также нельзя не отметить, что альтернативные логистической регрессии методы дают более согласованные между собой результаты, нежели каждый из них и логистическая регрессия.

Список литературы

1. Толстова Ю. Н. Анализ социологических данных. М. : Научный мир, 2000.
2. Ротмистров А. Н., Толстова Ю. Н. Проблемы построения нелинейных регрессионных моделей в социологии: номинальные шкалы, синергетические эффекты, поиск эффективной системы предикторов // Математическое моделирование социальных процессов. № 16. 2014. С. 159—178.
3. Starkweather J. D. Categorical Variables in Regression : Implementation and Interpretation [online]. 2010. URL: http://www.unt.edu/rss/class/Jon/Benchmarks/CategoricalRegression_JDS_June2010.pdf (date of access 19.08.2015).
4. Menard S. *Applied logistic regression analysis* // Sage university paper series on quantitative applications in the social sciences, 07—106. Thousand Oaks, CA : Sage, 1995.
5. Vargha A., Rudas T., Delaney D., Maxwell S. Dichotomization, Partial Correlation, and Conditional Independence // Journal of Educational and Behavioral Statistics. Vol. 21. No. 3 Autumn. 1996. P. 264—282.

**VI-я международная социологическая
Грушинская конференция**

**«Жизнь исследования
после исследования:
как сделать результаты
понятными и полезными»**

16—17 марта 2016 г.

Материалы конференции

Редактор А. Кулешова;
Корректор Н. Шурман;
Дизайн и верстка А. О. Соляев.

105064 Москва, Болотная набережная, дом 7, стр. 1.
Тел.: +7 495 748-08-07 nnsedova@wciom.com www.wciom.ru

При перепечатке материалов ссылка обязательна